В. А. ЖУКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ

ПЕРВЫЙ ПОЛУТОМ

ПРОЗА
1810—1840-х годов

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ

ПЕРВЫЙ ПОЛУТОМ

ПРОЗА
1810—1840-х годов

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ

ПЕРВЫЙ ПОЛУТОМ

ПРОЗА
1810–1840-х годов

Издательский Дом ЯСК
Москва 2016

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 16-04-16040

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Э. М. Жилякова, В. С. Киселёв, О. Б. Лебедева, Н. Е. Никонова, И. А. Поплавская, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 11 (первый полутом): Проза 1810—1840-х годов / Ред. А. С. Янушкевич. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 1048 с.

ISBN 978-5-9908826-5-2

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

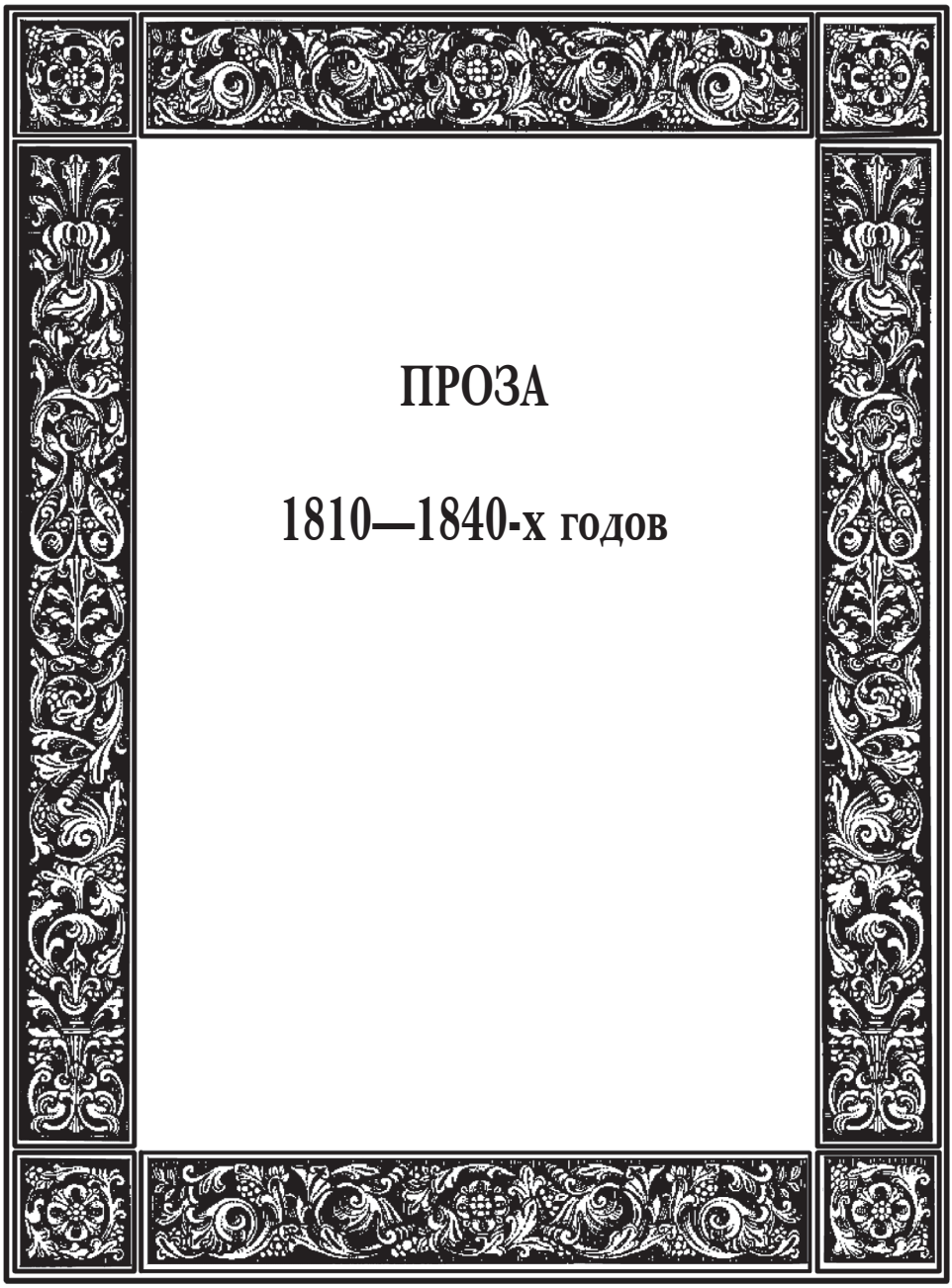
В 11 томе (первый полутом) собрана проза Жуковского 1810—1840-х гг., включающая переводные и оригинальные произведения «промежуточных» жанров, от юмористической периодики и арзамасских протоколов 1811—1817 гг. до поздних публицистических сочинений 1845—1848 гг.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

На фронтисписе:
портрет В. А. Жуковского кисти К. Брюллова (1838)

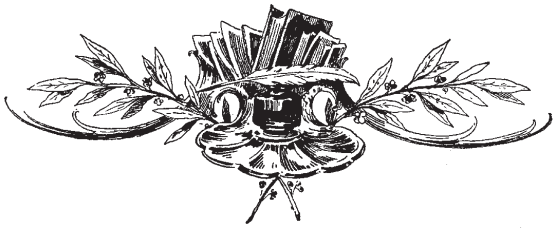
© А. С. Янушкевич. Редакция тома 11, 2016
© Издательский Дом ЯСК, оригинал-макет, 2016

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.



ПРОЗА

1810—1840-х годов



<ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА>

I

МУРАТОВСКАЯ ВОШЬ[1]

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
(Посвящается чувствительным душам)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ[2]

4-е Августа

В шесть часов пополудни прибыли передовые экипажи Муратовской императрицы[3]; рыдван с императором, мамушкою, с императорскою племянницею и с ассиситентами, запряженный шестью лошадями; линия с императорским архитектором[4], императорскою невестою, подвижным придворным алфавитом, Андреем, то есть Андрюшкою, пирогами, арбузом, дынею и Егором. Кибитка на двух клячах и одном Якове с полновесною бричкою и десятью дробными императорскими кружевницами; императорская телега на кобыле.

5-е Августа

День прибытия императорской фамилии в село Муратово.

7-е Августа

Софья благополучно открыла свои физические эксперименты, столь важные для распространения наук, в особенности касающихся до испытания природы.

8-е Августа

На горизонте нашем явилась комета, безхвостая и темная, светившая с 8-го числа по 21-е. Имя ей, по свидетельству славного Гершеля[5], Иван Гринев[6]. Эта комета светила, светила, да и провалилась.

20-е Августа

Высокоторжественный день рождения цесаревны Александрины[7]. Этот день, в который за пятнадцать лет перед сим природа украсилась одним из прелестнейших произведений, которое надлежит описать с величайшею подробностью, и мы как историки, желающие жить в потомстве, не пощадим своей силы. И так начнем, благословясь во имя трех Граций[8], прелестной Гебы[9], веселой Флоры[10], смехов, игр и царицы прелестной Венеры Анадиомены[11].

Утро было пасмурное; облака обещали дождь и не обманули, ибо шел дождь — но шел он не долго, а чтобы только доказать смертным, что небо, желая сойти на землю для того, чтобы видеть на ней своими глазами творение его достойное, рассудило обратиться в дождь и вымочить всю Муратовскую империю.

Муратовская комета ходила на пруд ловить рыбу и ничего не поймала, отчего и произошли на ней некоторые темные пятна, замеченные в телескоп Муратовскими астрономами.

В вечеру сего дня, т. е. в двадцатое число Августа была иллюминация; комета прохаживалась по зале и по хорам и светила безденежно; денежные свечки сияли, как рублевые; огненные фонтаны сбирались бить высоко да раздумали; ракеты ползли окарячь; а учредитель фейерверка плюнул да прочь пошел.

На следующий день был дан, в императорском дворце, для всех чинов Муратовских бал.

На цветущем лугу, при веянии Зефира, несколько уже устаревшего, — в виду колоссальных качель и миниатюрной кухни поставлены были столы — один стол для кавалеров, другой для дам — съехались гости и сели за столы дубовые; заметнейший между ними был широкий *Медовые уста*; кузнец нос серпом, утиные глаза; и заслуженная статс-дама Антипьевна. Надобно заметить, что перед обедом императрица допустила всех к ручке и принимала обычные дани цыплятами, пирогами, поросятами, гусями и индейками. Угощал посетителей Григорий Дементьевич[12] в синем сюртуке с большими пуговицами, которые сияли на нем, как звезды на сапфире небесном.

После обеда было представление разных квилибрических равновесных квилибрий; между тем прочим один безымянный посетитель представлял падение Фаэтона[13], а на пороге глиняную кошку, которая кивает головою[14]. За сим следовал великолепный балет, сражение Горациев и Куриациев[15]. Главными действующими лицами были Рязанец и Муратовский староста. Первый представлял Горация, последний Куриация; Антиповна была Камилла[16]; Дементьевич дирижировал оркестром.

Потом все посетители пошли к императорским качелям. Качались, болтали, прыгали и пели следующую похвальную песнь Императрице и ее придворному штату:

Слава Матушке Афанасьевне, слава вечная пирогам ея!
Слава Марье Андреевне в фартуке, слава!
Слава Александре Андреевне и с кудряшками, слава! и пр.

II

<ПРОГРАММА, ПИСАННАЯ РУКОЮ В. А. ЖУКОВСКОГО[1]>

Сего 1811-го года, в рассуждении 31-го числа августа, хвостообразного распространения некоторых светил и еще некоторого интересного рождения, прибывшие сюда недавно: японский иностранец, курьозник первого градуса и дистиллатор магических появлений Пильферер Магнус; профессор физических треволнений Франц Мамзелиус и демонический гадатель или лучше сказать исправник двойственного протяжения Барнабас Пафнутьевич имеют честь объявить с надлежащим упоением, что они намерены, не в пример другим и без малейшего отношения к безыменным качествам атмосферического отрицания, угостить различными кукольными, карточными, политическими, чудными и даже неизгладимыми курьезностями лицезрение черньскиих обоюдных посетителей[2]. Сии расторопности должны представлены быть в следующем порядке:

1-я штука: *турок*, не говоря о прочем.
2-я штука: *мешкообразные карманности* или с позволения сказать записные книжки, произведут всеобщее удивление.
3-я штука: представится не замок Армидин[3], не побиение вифлеемских младенцев[4], не суд Соломонов[5], не конь Буцефал и Александр Великий[6], но *яишница в шапке*, к утешению сердца и к убеждению рассудка.
4-я штука: *кучка проса* отправится путешествовать по обещанию в оставление грехов и в обиду другим.
5-я штука: *мельница*, сетующая о мельнике, или Утешение кающегося.
6-я штука: *червонцы самоходы*, или Удивление без пошлины.
7-я штука: *стакан* не болван, и вода не беда, или пей не робей себя не облей.
8-я штука: *карта* в ложке, а сердце в лукошке.
9-я штука: *храм любви* или как хочешь назови.
10-я штука: *червонцы*, обращенные в жидкое золото, которое само собою выходит из рудника.

Начало для Симметрии откроется в ту минуту, когда новоприбывшая небесная фокусница Комета Ивановна Долгохвостова начнет показывать луне и звездам свои различные капризы и проформы.

Цена за вход. С дам: по одной улыбке с половиною и по одному нежному взгляду исподлобья.

А с мужчин по свежему коренному зубу.

III

МУРАТОВСКИЙ СМОРЧОК

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО, ЛИТЕРАТУРНОГО, ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ИСТОРИЧЕСКОГО И ГЕОГРАФИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ И ПР.

№ 1. Сент<ября> 19[1]

О цели сего издания
и
его употреблении

I

Цель или содержание Муратовского сморчка

1. ***Политика.*** Под сей статьей будут содержаться все происшествия политические, касающиеся до двух враждующих народов, известных в Муратове и населяющих обширные страны по ту сторону и по сию сторону печки с очагом, одни под именем *Пупистов*, другие под именем *Печенегов*. Военные и мирные трактаты; реляции о сражениях, речи генералов, декларации и прокламации входят естественно в состав этой важной статьи.

2. ***География.*** Отрывки — о положении, границах и климате Муратовской империи; нравы различных народов, ее населяющих, и прочее и прочее.

3. ***История.*** Отрывки из древней и новой истории Муратова и его правительства.

4. ***Экономия.*** Известия о подвигах Григория Дементьевича и Акулины Ивановны.

5. ***Словесность.*** Стихотворения и прозаические отрывки.

6. ***Известия.*** Некрология; дневные происшествия; новые изобретения; театр; новые книги; анекдоты; открытия; острые слова и пр.

7. ***Бюллетени.*** Об успехах Комиссии о построении Муратовского дома[2].

…==========…

II

Употребление сих листов — самое скромное; об нем говорить почитаем за излишнее, предполагая в наших читателях довольно догадки и знания обычаев.

…==========…

19 сентября

…==========…

ПОЛИТИКА
Известия и замечания

…==========…

Главная квартира Генералиссимуса Печенегов *Александра Муратовского*[3], великого Герцога Трех граций, Барона любезности, Гроссмейстера ордена красоты, находится по сие время на том же месте, т. е. под правыми хорами у третьего столба.

Маршал его *Василий Высокий*[4], кавалер ордена трех печенок[5], кардинал и настоятель аббатства старых париков — недавно присоединился к нему с своим корпусом, который речью при нем может одерживать те блистательные победы, которыми доселе славился.

Неприятель стоит в окопах. Предводитель его *Мария*[6], королева и самодержавный обладатель всех прелестей, наследник и великий князь малой, средней и большой любви и достойностей (земли малонаселенной, но весьма важной), маркиз добродетели и кавалер рыжей коровы с [длинными?] корнями.

Первый по нем и славный своею тактикою, но весьма неудачный практикою, фельдцейгмейстер, *Альфабет Косматый*[7], генерал умный и деятельный, но вечно побеждаемый в сражениях с *Александром Муратовским* — находился при армии, но он по сие время не излечился еще от ран. В одном сражении разорвало над головою его огромный сальник и так несчастливо, что все пришлось в лицо: и теперь на лице его маска из бараньего желудка.

СМЕСЬ
Дневные происшествия

…==========…

Атмосфера нынешний день была вообще чиста. Впрочем наблюдатели заметили некоторые необыкновенные явления. На полосе, занимаемой кочующим народом: *Пузыпями*, *Пупызями* и *Пузотами* или по уверению известного географа Птоломея[8] *Пужотами*, слышался, без всякого изменения в атмосфере, гром иногда быстрый, иногда раскатистый, иногда соединенный с некоторым шипением. Некоторые наблюдатели натуры чувствовали после него серный запах, в котором ощутительно было нечто похожее на обыкновенную огородную <нрзб.>.

…==========…

Григорий Дементьевич ходил целый день в тулупе и башмаках.

Козловский поп[9] впервые от роду пил воду; и астроном его прихода, Широкой, предсказывает наверное светопреставление по первой зиме.

…==========…

Ода[10]

Тебя хочу я днесь прославить
Глупцам, насмешникам назло
И выше матери поставить,
Муратово село.
Аркадии ты нам милее!
В тебе и тихо, и светло;
В тебе веселье веселее,
Муратово село.
В тебе есть мельник, дом высокой,
И пруд блестящий как стекло,
И полуостров преширокой,
Муратово село.
В тебе Жуковский баснь склоняет,
Хоть неискусен он зело,
Тобой Дементьич управляет,
Муратово село!

АРЗАМАССКИЕ ПРОТОКОЛЫ И РЕЧИ

1.

ПРОТОКОЛ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ЗАСЕДАНИЯ 14 ОКТЯБРЯ 1815 г.

В лето первое от Липецкого потопа[1], в месяц первый от Видения, по обыкновенному летосчислению 1815 года, месяца Паздерника[2] в 14 день, было первое совещание арзамасцев, и возобновление Арзамаса совершено следующим образом:

Один из членов читал собравшимся братиям речь[3], в которой доказывал им необходимость с о е д и н и т ь с я, дабы в том горестном странствии между халдеями[4] Беседы и Академии, на которое осудило их небо, сохранить во всей чистоте любовь к незабвенному Арзамасу. Члены внимали красноречивому другу своему с растроганным сердцем; слезы воспоминания блистали в глазах их, и каждый в душе своей говорил вместе с Давидом[5]: «О Арзамас! если забуду тебя, да будет забвенна десница моя! и пр.». Но все зарыдали, когда увидели драгоценную красную шапку[6], некогда украшавшую главы их под светлым арзамасским небом, уединенно лежащую на столе и ожидающую в смирении, какая счастливая голова в нее водрузится. Между тем оратор читал неутомимо, а сыны Арзамаса внимали умиленно. Он умолк, и молчание долго царствовало между собеседниками — молчание красноречивое! Все были воображением в Арзамасе, перед тем ветхим столом, на котором так часто появлялся вкусный потрох[7], в виду той перегородки, которой незабвенная дыра познакомила их с миром духовным[8]. Наконец все единогласно воскликнули: «Да воскреснет Арзамас и да расточатся враги его!»

Засим начиналось совершение таинства обновления: шесть присутствовавших братий торжественно отреклись от имен своих, дабы означить тем преобразование свое из в е т х и х арзамасцев, осквернённых сообществом с халдеями Беседы и Академии, в н о в ы х[9], очистившихся чрез потоп Липецкий. И все приняли на себя имена мученических баллад, означая тем свою готовность: 1-е, потерпеть всякое страдание за честь Арзамаса, и 2-е, быть пугалами для всех противников его по образу и по подобию тех бесов и мертвецов, которые так ужасны в балладах.

Да останутся имена ветхих арзамасцев в забвении, имена же арзамасцев преображенных суть следующие: Их Превосходительства[10]

1. Чу!
2. Старушка.
3. Кассандра.
4. Громобой.
5. Эолова Арфа.
6. Светлана.

Засим последовало избрание председателя и секретаря, и по жеребью досталось быть:

Президентом: Его Превосходительству члену *Старушке*.

Секретарем: Его Превосходительству *Светлане*.

Потом единогласно избраны в ново-арзамасцы четыре отсутствующих ветхих арзамасца[11], коих имена внесутся в общий список только тогда, когда они пройдут через которую-нибудь из мученических баллад и от нее заимствуют те таинственные каракульки или буквы, из коих каждое имя должно быть составлено.

Сделаны некоторые предварительные постановления:

1. Общество принимает на себя имя *Нового Арзамаса*.

2. Находя невозможным перенести отечественный Арзамас с тех благословенных берегов, на которых утвердила его рука судьбы с помощью нескольких плотников, каменщиков и печников, положено признавать Арзамасом всякое место, на коем будет находиться несколько членов налицо, и сие место, какое бы оно ни было — чертог, хижина, колесница, салазки,— должно именоваться во все продолжение заседания *Новым Арзамасом*.

3. Принимается в члены только тот, кто оказал какую-нибудь услугу Новому Арзамасу, и он не иначе избирается, как всеми членами единогласно.

4. Девизом Общества по предложению его превосходительства Старушки избран стих одного покойного арзамасца: Les sots sont ici-bas pour nos menus plaisirs*[12].

5. Все халдеи Беседы и Академии навсегда исключены из Ново-Арзамаса. Если же по какой-нибудь особенной причине и захотят члены усыновить халдея, то он непременно должен себя очистить по особенно учрежденной форме.

6. День возобновления Арзамаса положено праздновать ежегодно.

7. Общество должно иметь каждую неделю *одно* заседание[13].

8. В конце каждого заседания избирается президент, который и назначает день заседания следующего и место, где оно быть имеет.

---

* Глупцы живут на земле для наших маленьких радостей (*франц.*).

9. По примеру всех других обществ каждому нововступающему члену *Нового Арзамаса* надлежало бы читать похвальную речь своему покойному предшественнику. Но все члены *Нового Арзамаса* бессмертны. Итак, за неимением собственных готовых покойников, *ново-арзамасцы* (в доказательство благородного своего беспристрастия и еще более в доказательство, что ненависть их не простирается за пределы гроба) положили брать напрокат покойников между халдеями Беседы и Академии, дабы им воздавать по делам их, не дожидаясь потомства. Вследствие сего постановления каждый нововходящий читает панегирик одному из халдеев; а очередной председатель ответствует ему, хваля того же покойника и примешивая искусно к сим похвалам лестные приветствия новому своему другу.

10. Каждый член при вступлении своем произносит и подписывает присягу в верности. Формулу сей присяги поручено сочинить и представить на рассмотрение Общества его превосходительству *Старушке*.

11. Проект законов Общества поручено сочинить секретарю *Светлане* и также представить Обществу на рассмотрение.

Оратором избран его превосходительство *Чу*!.., а очередным председателем его превосходительство *Кассандра*. По окончании заседания члены приступили к трапезе и, кушая раковый суп, нежно вздыхали о потрохе арзамасском.

Президент *Старушка*.
Кассандра.
Эолова Арфа.
Упившийся вина духовного *Громобой*.
Недугующий *Чу*!!!
Секретарь *Светлана*.

2.

ДОСТОПОЧТЕННОМУ НОВО-АРЗАМАССКОМУ ОБЩЕСТВУ БЕЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ ОТ СЕКРЕТАРЯ ОНОГО ОБЩЕСТВА СВЕТЛАНЫ

ДОНЕСЕНИЕ

Со времени возобновления Арзамаса по сие число был я одержим неким неизъяснимым недугом, который недуг и воспрепятствовал мне приступить к начертанию проекта законов[1], по данному мне препоручению от членов Нового Арзамаса, почему и прошу почтеннейших собратий моих не посетовать на меня

за неисполнение священной обязанности, ими на меня возложенной. Будут вам законы, и прекрасные законы, да не теперь.

Лето 1-е от Липецкого потопа,
от Видения месяц 1-й,
по возобновлении Арзамаса день 9-й[2].

3.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 22 ОКТЯБРЯ 1815 г.

Месяца Паздерника в 22 день по обыкновенному летосчислению 1815-го года, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц первый, в доме его превосходительства члена Кассандры, был первый ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали
Их Превосходительства:
Старушка.
Эолова Арфа.
Кассандра.
Светлана.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною, то есть секретарем Светланою, читан был протокол того знаменитого заседания, в котором совершено было священное обновление Арзамаса. Их превосходительства присутствовавшие члены подписали сей протокол с некоторым трогательным жеманством; каждый смотрел на предлежащую ему бумагу глазами любовника; казалось, что он подписывал контракт с судьбою, которая в Новом Арзамасе предлагала ему все лучшие блага житейские: дружбу верных товарищей на всю жизнь, жареного гуся один раз в неделю, твердость духа в изгнании, красный колпак, сладкую вражду Беседы и прочее; но присутствовавшие члены, подписывая священный протокол, вздыхали об отсутствующих двух братиях, из коих — один, его превосходительство Чу!, вместо того, чтобы по доставшемуся ему жеребью читать очередную речь, в память покойнику, заимообразно взятому из Беседы, кряхтел уединенно в конурке своей от некоего простудного недуга, не был никем внимаем, не внимал никому и лишен был гуся, — а другой, его превосходительство Громобой, был постыдно пьян, лежа у себя дома ногами горé, а головою низу, спал нещадно и не помышлял о Новом Арзамасе.

2-е. По прочтении и подписании протокола его превосходительство член Старушка предложил Обществу проект печати[1], который и был одобрен.

3-е. Положено, чтобы для следующего заседания (несмотря на то, что его превосход.<ительством> членом *Чу*! не отпет еще избранный им покойник) назначен был очередной оратор, — почему их превосход.<ительством> присутствующие члены и приступили к избранию. Один из них его превосход. член Кассандра, покопав указательным перстом в красном колпаке, в коем таились священные ярлыки с именами, извлек очередного оратора, отсутствующего пьяного его превосходительство Громобоя, очередного ж президента, его превосходительство трезвого секретаря Светлану. Вследствие сего положено, чтобы в следующем заседании:

Прочтена была сперва очередная похвальная отходная его превосходит.<ельством> членом Чу!

Потом ответ на сию похвальную отходную его превосход.<ительством> членом Кассандрою в качестве президента. Засим члену Кассандре принять на время должность секретаря, а члену Светлане вступить в должность президента.

Его превосход.<ительство> члену Громобою читать собственную похвальную отходную.

Наконец члену Светлане в качестве президента ответствовать члену Громобою различными сладкими ласками.

NB. При сем случае присутствовавшие члены заметили, что для избежания всякой смутности, дабы секретарю не доставалось быть в то же время президентом, положено или иметь секретаря бессменного, или очередного секретаря не баллотировать в президенты. Рассуждение о сем предмете отложено до следующего заседания.

4-е. Прочтено письмо от его превосходительства Старушки, в коем он представляет членам, что читанная им формула присяги, сочинения его превосходительства члена Чу!, кажется ему совершенно удовлетворительною и что он предлагает ее Обществу на утверждение; вследствие сего:

5-е. Прочтена означенная формула присяги и всеми единогласно одобрена.

6-е. Прочтено представление от его превосходительства меня, то есть секретаря Светланы[2], который извещает почтенных друзей своих, что по причине какого-то недуга он не успел сочинить проекта законов и обещает написать на досуге хорошенькие законцы.

7-е. Его превосходительство я, то есть секретарь Светлана, от имени одержимого недугом отсутствующего его превосходительства Чу! предложил Обществу принять в число Ново-Арзамасских Безвестных Людей нового члена[3], которого имя напишется тогда, когда он получит имя. Причины, заставившие его превосходительство предложить сего члена, суть следующие:

а) Предлагаемый есть истинный уроженец Арзамаса: он содрогается при имени Беседы и ездит зажмурившись мимо Академии. б) Он оказал великие услуги Арзамасу без всяких своекорыстных видов:

1-е. Партизанил и партизанит добровольно между свирепыми и прокаженными халдеями, нападая на все их магазины, отбивая у них все их припасы и затрудняя для них всякий подвоз ума и вкуса.

2-е. Презирая опасность, наблюдает он за ними зорким оком шпиона: ни один взор, ни одна ужимка халдея не скрываются от его деятельной проницательности. Является ли халдей с грузным толстопузием деревенского старосты[4], убирается ли халдей тремя хохлами[5] — он узнает его и прилипает к нему, как мокрый лист, оторвавшийся от влажного веника в жаркой торговой бане. Под темным сводом императорской Библиотеки, на шумном толкучем рынке Английского клуба, в тесном закреслии театра, на гладких гранитных плитах набережной — везде преследует он слухом и зрением врагов Арзамаса. Он все: старик везде и нигде[6], странствующий жид, богиня Немезида — он достоин вступить в Общество под именем *Ивикова Журавля* или по крайней мере *Двух огромных рук*.

Их превосходительства присутствующие члены единогласно приняли сего почтенного человека в свое общество (говорю единогласно, потому что мнения оскотинившегося его превосходительства Громобоя — положено не спрашивать). Определено: чтобы в проекте законов как можно точнее изложена была должность нововступившего. Предварительно же назначен он бессменным внешним проказником с титулом Conservateur impartial*[7].

8-е. Непозволительная отлучка его превосходительства члена Громобоя, пьянственная его непристойность и невнимательность его к Новому Арзамасу, не извещенному им предварительно о причине его неприбытия к должности, побудили присутствовавших господ членов следующее постановление, которое и внесено будет в кодекс законов Нового Арзамаса:

а) За *одно* неявление к должности его превосходительству члену ослушнику делается жестокий выговор и на хребте его творится беззаконие.

б) За *два* неявления его превосходительство член ослушник изгоняется из Нового Арзамаса и не иначе может в него быть опять принят, как с следующим обрядом:

1-е. Он узнает стороною о назначенном дне, часе и месте заседания.

2-е. Является туда незваный без ведома членов и ожидает их прибытия в какой-нибудь отдаленной комнате так, чтобы они не могли подозревать его присутствия.

---

* Беспристрастный консерватор (*франц.*).

3-е. Собравшемуся Арзамасу, входит он в палату заседания с смирением раскаяния, на четвереньках, показывая тем, что он своим нерадением к должности совершенно оскотинился.

4-е. Тихо, без всякого шума, подымается он на задние ноги и таким образом мало-помалу доходит до человеческого образа; садится поодаль от других, на самый край стула, и не позволяет себе глядеть ни на которого из присутствующих.

5-е. По свистку президента начинает говорить самому себе надгробную речь (признав себя предварительно покойником из Беседы и на всякий случай заняв у одного из них для сохранения нужной благопристойности имя); он говорит негромко, дрожащим голосом робости и раскаяния; потом сам себе ответствует, хвалит самого себя с заметною недоверчивостию к похвалам своим; сам себе кланяется и сам за себя краснеет.

6-е. Члены между тем все сидят к нему задом, показывают величественную гордость оскорбленных сердец, холодное невнимание, часто кашляют и сморкаются, дабы заглушить голос оратора.

7-е. Во все время заседания виновный сидит в белом колпаке, молча, с потупленным взором; кашляет тихо в кулак, сморкается, спрятав голову под стол.

8-е. За ужином лишается он своего участка гуся.

9-е. По окончании ужина президент благословляет его лапкою гуся, нарочно очищенною для сего, и дарит его сею лапкою.

10-е. Тут член возрожденный начинает свободно глядеть, говорить, кашлять и сморкаться.

11-е. Поднявши голову, с гордостию гуся проходит он три раза взад и вперед по горнице, а члены между тем восклицают торжественно: экой гусь!

12-е. Заседание закончено ужином, и гусь отечественный утешил жадную утробу *Нового Арзамаса*.

Президент *Кассандра*.
Член *Старушка*.
Член *Эолова Арфа*.
Секретарь *Светлана*.
Член *Чу*… отсутствовал, но согласен.
Член *Громобой*, пьянствую, но согласен.

4.

ДОСТОПОЧТЕННОМУ НОВО-АРЗАМАССКОМУ ОБЩЕСТВУ БЕЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ ОТ СЕКРЕТАРЯ ОНОГО ОБЩЕСТВА СВЕТЛАНЫ

ДОНЕСЕНИЕ

Избрание в президенты, возлагающее на меня обязанность быть восприемником очередного оратора и присоединить к его красноречивым излияниям собственные мои посильные лепетания, воспрепятствовало мне удосужиться для написания постановлений нашего Нового Арзамаса. Представляя сии причины на благорассмотрение моих почтенных сочленов, прошу их не приписывать своего беззакония моей лени или чему-либо иному. При первом удобном случае представлю им важные законы.

Светлана

Лето 1-е от Липецкого потопа, от Видения месяц 1-й, по возобновлении Арзамаса день 17, месяца Паздерника день 29[1].

5.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 29 ОКТЯБРЯ 1815 г.

Месяца Паздерника в 29 день, по обыкновенному летосчислению 1815 года, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц первый, в доме его превосходительства члена Старушки был второй ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали
Их Превосходительства:
Старушка.
Эолова Арфа.
Кассандра.
Светлана.
Громобой.
Чу!

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Прочтен его превосходительством мною весьма замысловатый протокол и подписан всеми членами.

2-е. Введен во святилище Арзамаса новый член его превосходительство Ивиков Журавль. Члены были довольны его привлекательною наружностью. Вид его скромен; поступь тихая и благопристойная; сей Журавль, конечно, будет с политическою исправностью таскать из болота халдейского всех тех лягушек, которых кваканье будет надоедать Арзамасу. Он с величавою скромностью сел на указанное ему место; и члены во все продолжение заседания — взглядами и словами старались изобразить то нежное чувство, которым сердца их были исполнены к новому своему другу.

3-е. Его превосходительство член Чу произнес присягу под осенением красного колпака; потом похоронную похвалу некоему милому певцу Беседы[1]; на что почтенный член Кассандра, занимавший место президента, ответствовал ему с свойственным ему остроумием.

4-е. Отрезвившийся его превосходительство член Громобой присягал в свою очередь и очистил себя от скверны беседной мастерским надгробным самохвальством, и его превосходительство я, в качестве президента, расхвалил его не на живот, а на смерть.

5-е. Читано было донесение почтенного Ивикова Журавля, и члены, внимая ему, ликовали и топорщились от умиления.

6-е. По жеребью досталось на следующее заседание быть президентом члену Чу, а очередным панегиристом беседной стервы его превосходительству Эоловой Арфе. Но его превосходительство начал было ужасно кобениться — по причине известной его толщины, ему трудненько было согласиться на принятие звания, на него возлагаемого — члены позволили ему отложить на несколько заседаний произнесение речи, а быть оратором следующего собрания взялся его превосходительство я.

7-е. Читано было несколько эпиграмматических излияний отсутствующего члена Асмодея[2], и члены, восхищенные ими, восклицали: экой черт!

8-е. Засим последовал ужин. Но увы! за ужином не было гуся, и желудки их превосходительств были наполнены тоскою по отчизне.

Ивиков Журавль.
Эолова Арфа.
Кассандра.
Чу!!!
Старушка.
Громобой.
Секретарь *Светлана.*

6.

ОТВЕТ СВЕТЛАНЫ НА РЕЧЬ ГРОМОБОЯ

Приятно для странника, скитающегося посреди песчаной Ливийской степи, журчание источника, возвещающего благость прохладной сени; приятен голос человеческий для пешеходца, заблудившегося ночью посреди болот и не знающего, близко ли, далеко ли жилище гостеприимное; весело извозчику, застигнутому зимнею вьюгою, услышать лаяние собаки или крик петуха, прилетающие в слух его из ближнего селения; отрадно в дождливую осеннюю ночь егерю, до костей промокшему, увидеть приветственное сияние огней обительных — но стократ приятнее, утешительнее, веселее, отраднее услышать звуки возлюбленного Арзамаса из той гортани, из которой доныне исходило одно хрипение Беседы; стократ утешительнее видеть красный колпак возрождения, сияющий на той главе, которая доныне была посрамлена маковым венком Беседной пакости; стократ отраднее видеть блистание арзамасской утехи в тех взорах, которые доныне были отуманены сонливостью сотрудничества! Брат усопший, брат воскресший[1], приветствую тебя! Приветствую именем моих товарищей, которые, смею сказать, менее тебя рукоплесканий достойны! Уклонясь от превратностей Беседы, они безопасно совершают течение свое в чистой непорочности Арзамаса; ты же, увязший в беседной куче, ты, барахтавшись долго посреди ее помарания, ты кажешься мне Курцием[2], бросившимся для того в сию зловонную бездну, чтобы спасти самого себя от заразы,— и ты спасен! Смертью получил бессмертие, пакостями — невинность, грязью и смрадом — чистоту и благовоние.

Друзья, последуем за ним по дороге испытания беседного — посмотрите на сию новую чистую душу; на сего непорочного отрока, стоящего на распутии, — две пред ним дороги; одна ведет к беседному растлению, другая к арзамасскому величию. Грозная невидимая судьба стоит позади сего юноши, беспечного в своей невинности и смиренно предающего себя власти вождя невидимого! С грозным словом *Благотворю гонением* ужасное божество толкает его на стезю Беседы. И начинается страшное испытание.

О какая перемена! Он был прекрасен, как белый гусь, воспитанный на лугах арзамасских; тело его было нежно; взор светел; власы развевались прекрасными черными кудрями по челу высокому; уста улыбались — вдруг тело его покрывается проказою Разрядов и волдыри коловратности славянской хребет его посыпают. Желти-на сотрудничества разливается по ланитам его. Но кто изочтет сии наросты, возникшие как сморчки дубравные на беззаконном хребту его?.. Поименуем некоторые: сей тяжкий, дрожащий ноздреватый нарост именуется *Атреем*[3]; сей скромный волдырь, приседящий оному цар-

ственному наросту, есть *розовый Черт*[4]; сия семья прыщей называется *толпою уединенных Бардов*[5] — но язык наш мог бы утомиться, когда бы захотели пересчитать все посрамительные волдыри, некогда пестрившие бренную скинию покойника. Лучше обратить свое внимание на самого его. О, как он ни поган по наружности, но душа его чиста и неприкосновенна. Друзья! Пакость Беседы принадлежит ей самой, и тот, кто ей причастен, виновен только тогда, когда, отвращаясь внутренно от сей пакости, все предает ей для некиих посторонних видов и намерений. Брат наш усопший был не таков. Рука судьбы посадила его в Беседу, а заблуждение украсило пред ним ее уродство! Сие волшебное заблуждение сделало для него привлекательною и ту поносную проказу и те отвратительные волдыри, коими опестрилась его красота, прежде столь обольстительная и чистая. Гадкий для взоров необольщенных, он казался самому себе столь же образцовым, как и «Образцовые сочинения», издаваемые любителями словесности по подписке, которая принимается у титулярного советника Василия Тимофеевича Кашкина[6]. Скажу боле: он сам с некоторым непорочным жеманством образовал сии наросты, волдыри и волдырьки, коими после украшал тело сие! Кто мог смотреть без горестной меланхолии на сего прекрасного юношу, который, округлив безобразный вышеописанный ноздреватый нарост, наименованный Атреем, сам своею рукою наклеил его на привлекательное чело свое и, вообразив, что это какая-нибудь драгоценная перла, пошел с ним в люди и чистосердечно принимал смех их за приветственное изъявление похвалы и удовольствия! О! Не будем обвинять непорочного! Повторяю: вся вина его в заблуждении! Святая искренность сопутствовала ему всюду! Он был в Беседе! Он верил окружавшим его! Увы! Окрест его были обманщики или безумцы! Одни выдавали пакости за совершенства! А для других все уродливое преобращалось в прекрасное! Один предосидел по горло в снежном сугробе и восклицал: я в шубе![7] Другой, опрокинув лукошко и загнав в него несколько тощих мышей, говорил: *Это храм славы*! *Это русские ирои*![8] Третий… Но для чего напоминать о прошедшем!

Настала минута оправдания! В неком таинственном *сне* представилось покойнику все то окаянство, в котором он был погребен заживо! И некая германская *Луиза*[9] подала ему пук очарованных гексаметров — сим опахалом смахнул он с себя комарей Беседы! Могущественное действие непорочности! В сию минуту налетел на него дух Арзамаса! — Наросты и волдыри с шумом с него посыпались, как листья, убитые мразом, с гордого дуба, и вмиг помост беседного капища покрылся его шелухою, а сам он отлетел. Напрасно дед седой[10] махал ему костяною десницею; напрасно Липецкий потопитель[11] подымал полушубу и предлагал ему на выбор: забиться ли под нее или смиренно воссесть под гостеприимным навесом его пуза — тщетные усилия! Очи его просветлели. Отлетел он при таком взывании. Беседе осталась одна шелуха преображения, ко-

торую заботливая рука седого деда, вооружившаяся помелом наследственным, подмела, дабы кто-нибудь из сотрудников грядущего времени мог получить ее в дар богатый.

И не стало его для Беседы! Уснул в пакости! Пробудился в велелепии.

Друзья! Помните ли предание древнего времени о Фениксе бессмертном? В нашем брате возобновилось чудо перерождения сей баснословной птицы! В едином токмо не сходствует он с нею — Феникс умирал Фениксом и воскресал Фениксом! Брат наш умер сердитою совою Беседы и воскрес горделивым гусем Арзамаса!

И се он, сия усопшая сова, сей гусь преображения! Брат наш! Приветствуем тебя на праге нового Арзамаса! Теки в путь свой как солнце от востока! Ты нам дороже по тем опасностям, кои тебя осаждали! Ты выдержал карантин Беседы, и грозная зараза тебя не постигла. Воссядь с нами, возлюбленный брат наш.

7.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 11 НОЯБРЯ 1815 г.

Месяца Листопада в первый надесять день, по обыкновенному летосчислению 1815 года, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц вторый, в доме его превосходительства члена Старушки был третий ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали
Их Превосходительства:
Чу.
Старушка.
Эолова Арфа.
Кассандра.
Громобой.
Ивиков Журавль.
Светлана.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною прочитан был протокол прошедшего заседания, краткий, но отличающийся тем необыкновенным остроумием, которым одарила меня благосклонная судьба, и члены, глядя на меня с умилением, радовались, что я им товарищ; а я не гордился нимало; напротив, с свойственною мне скромностию принимал их похвалы за одни выражения дружбы и удостоивал друзей моих снисходительной и весьма лестной для них улыбки.

2-е. Его превосходительство я же, како новопринимаемый член, предшествующей красной шапке, был введен с церемониею в храмину заседания. Уже громозвучный Чу сидел на президентском месте: Беседа покоилась в карманном гробе, взятом заимообразно из-под домашней чернильницы; прочие члены сидели в немом ожидании. Меня ввели, и все лица просияли! Как важный гусь, подступил я к месту президентскому; красная шапка надо мною растопорщилась; и голосом приятным, которого звуки сладостно ковыряли сердца друзей моих, произнес я роковую клятву — произнес, потом сел или паче вдвинул в гостеприимные объятия стула ту часть моего тела, которая особенно нужна для сидения и которая в виде головы торчит на плечах халдеев беседных. Потом отверзлись уста мои, и начал я хвалить одного беседного покойника, одного графа, одного скотолюба, Димитрия, но не Донского, а Кубрского[1], сего лирического затейника, сего вольного каменщика бессмыслицы, привилегированного фабриканта галиматьи и заслуженного парикмахера фурий. Члены отдали справедливость моему красноречию смехом и шумными плесками. А почтенный президент Чу весьма удачно похвалил мои различные достоинства в краткой речи[2], в которой не позабыл упомянуть и о моем друге месяце[3], за что я ему вечно останусь благодарен.

3-е. Читано было краткое донесение соглядатая его превосходительства Ивикова Журавля. Его превосходительство начинает порядочно промышлять своим длинным носом в болотах халдейских. Он почти склевал одного воинствующего лягушонка[4], который своим кваканьем вздумал было оскорбить арзамасские уши: сей лягушонок уже копышется в клещах его неизбежного носа; и скоро, ввергнутый в кастрюлю примирения, будет стоять на столе арзамасского пиршества; скоро перестанет он быть жеманным волокитою, а сделается самым скромным уездным проказником.

4-е. Рассуждаемо было о том, как поступать арзамасцам с халдеями.

Положено предварительно:

1-е. Заключить перемирие, а смотря по обстоятельствам и мир, с водяными скоморохами Липецкого закоулка.

2-е. Оставить себе свободу делать набеги на халдейскую синагогу; вести войну партизанов, без всякого плана, а положив себе за правило бить халдеев при всяком удобном случае и чем ни попало.

3-е. Определить занятия Арзамаса, дабы, по отпении известного числа покойников, не сидеть самим во время собрания покойниками, а заниматься различными приятностями, читать друг другу стишки, царапать друг друга критическими колкостями и прочее.

5-е. Все это было заключено ужином. Гуся опять не было, и каждый член, погруженный в меланхолию, шептал про себя:

Где гусь? — *Он там*! — *Где там*? — *Не знаю*![5]

6-е. Очередным оратором избран его превосходительство Ивиков Журавль, а президентом его превосход<ительство> Старушка.

Ивиков Журавль.
Старушка.
Громобой.
Кассандра.
Председатель Чу!!!!
Эолова Арфа.
Светлана.

8.

РЕЧЬ СВЕТЛАНЫ

Если бы в сию торжественную минуту, слушатели, в которую под благословенною хоругвию дружества, ополченные духом и телом, красным колпаком и гусиным пером против сопостатов беседных, веселились мы о преславном возрождении Арзамаса, возможно было нам радостию восхищенным вознестись до высоты небесной, чтобы, перешед мысленно через Обухов мост и миновав желтый дом сумасшествия[1], заглянуть в знаменитую Беседу безумства и ниспуститься под темные своды сей пирамиды, сооруженной не веками, не тысячами израильтян невольных, но четырьмя Разрядами свободных полоумников халдейских, — какое чудное, поразительное, скажу просто, — бесовское зрелище бы нам открылось. Уже вы слышали, арзамасцы, в прошедший раз от почтенного Чу о дивном самоотвержении беседных героев ничтожества. Что же скажу вам после сего знаменитого оратора! Красноречие мое бессильно, и на что красноречие? Последуйте за мною воображением в сию храмину, сооруженную мертвыми, обитаемую мертвецами. При входе в нее не поражает ли вас ужасом то молчание, которое в ней царствует, молчание страшное, ни разу еще не нарушенное веселым звуком здравого смысла! Сырость, покрывающая сии стены, не напоминает <ли> о той нравственной сырости, которая покрывает плеснею запустевшие головы Беседы! Вы чувствуете запах тления, и воображению вашему не представляется ли невольно истлевшее поколение чтений в Беседе и жалкий скелет «Рассуждения о старом и новом слоге»[2], и горестный пепел двух статей, переведенных из господина Лагарпа[3]. Но вот они, сии покойники! О сколь различные образы дала им смерть произвольная. Один лежит, в виде огромного великана[4], одеянного чудесною кирейкою, сшитою из снежного меха; тело его плотно составлено из тука освистанных комедий; вместо головы мешок, туго набитый свищами, в коих под видом червяков таятся планы

водевилей и опер! Другой предстоит величественным мухомором[5], осеняющим наподобие некоего храма славы мириады сморчков и опенков; третий во образе славной жены Яги Бабы[6], одеянный в фижмы, возлежит на груде чепцов, сарафанов, кокошников, древних салопов с капюшонами; четвертый как бы старинная фляга без пробки[7], некогда заключавшая в себе уксус, настоенный острогоном, как то свидетельствует ярлык, до половины ободранный губительным Кроном; пятый, огромный волот[8], разверзая страшную пасть, высовывает из нее комарий язык; в закостенелой шуйце лира, десница, некогда по ней ударявшая, без пальцев, глава его лежит на огромной подушке, набитой презренными им глаголами, и между ими ошибкою закопался и здравый смысл; он мертв, но живот его страшно надут еще теми речениями, которые давно уже он из себя извергнул, но которых хвосты еще тянутся из утробы его.

Но кто сей, сохранивший природный свой образ, сей не имеющий нужды ни в каком заимствованном уродстве? Это он трудолюбивый батрак смерти, неутомимый поденщик ничтожества! Каждый день, сограждане, изобретает он себе новый род кончины. Сочетаются ли два нежных любовника законным браком в храме Божием, и он спешит сочетаться с смертию в готической эпиталаме; разрушается ли трон Наполеонов на берегах Сены, и он разрушается в торжественной оде на скромном стуле своем перед запачканным налоем. Река Кубра катится ли по песку, и он ложится там, где ее песок. Он один! а все книжные лавки наполнены разновидными гробами его! И недавно, арзамасцы, я сам купил один такой гроб за восемь рублей шесть гривен и получил сорок копеек сдачи медью. Ежеминутно таскают его на сие кладбище беседных покойников, но только успеют по нем совершить тризну, как он опять подымается, опять бежит на ловлю смерти, и смотришь, опять волокут его в могилу, опять отпевают, и тщетны сии отпевания… не скоро угомонится кащей бессмертный[9].

Но вот он, скончавшийся недавно в торжественном гимне, переведенном каким-то камчадалом на язык немецкий. Друзья и сродники сошлись на поминки, и важный оратор готовится говорить перед ним похвальное слово. Друзья мои, что лепетание мое перед сим красноречивым говоруном Беседы? Послушаем и умилимся.

Водрузив перед самым гробом развесистую рябину, важный осел, *зацепивший за ветку ее длинными ушами*[10]*, висит, и сидит, и крепко лапами за дерево хватает* и перед ним безмолвное собрание всех скотов, в первый раз исторгшихся на волю из нераскупленного издания избранных притчей. Все безмолвны, оратор начинает:

«Что делаем, скоты? Кого погребаем?»[11]

О друзья мои, более сего оратор сказать не мог. Сильное слово его как молния поразило всех предстоящих. Все всколебалось — он сам от жестокой скорби прянул с рябины, *ослицею нашел раз и не разгрыз ореха!* Каждый из окружав-

ших гроб сделался сам оратором. Как сумасшедшая, летучая мышь захлопала крылами и закричала: душа его была красива!

Увы, его епанча не была накинута на оба плеча! для меня же при жизни его везде были окошки;

и воздух и земля все было мне погост.

А я разве менее несчастна, стенала горестная, недавно овдовевшая свинья! Пока он жил, я сиживала на гнезде.

Друг мой свинья, воскликнула *сука — добрый человек*, я разделяю твою горесть… но посмотри на этого *зайца — комолую птицу*, как он страдает; с горя повесил он к себе на грудь звонок и *лупит им в набат*, а меланхолическая *Туфля* внимает ему с умилением, забыв своего Эмпедокла. — Увы, вздыхало уединенное лукошко, когда он видел свет, и я видело в себе орехи. Ах! что я говорю, уже почтенный друг мой начинал меня учить логике и морали… но он скончался, оставив мне одно золотое правило

Кому противно что,
Тому конечно, то
Не надо ни на что,—

и с тех пор мне стали не надобны орехи!

Между тем все теснились к гробу — Лягушка, влюбленная в широкие бычачьи бока, с унылым кваканьем приползла к нему, дулась, лезла вон из кожи и, наконец *треснув, породила смех*; Разборчивая Невеста, взглянув на него с отчаянием, воскликнула: *у него не тут, где должно, нос*; в отдалении стояли *Туча*, *Горы* и *Куча* и перешептывались *с Кривою Лисицею*, Борей, заливаясь слезами, обнимался с табашником! Лещ, *истинной родитель*, лежал в обмороке, и его оттирала *Хвастливая Лягушка*; *Две отчаянные сумы* надувались от вздохов, безутешная *Подагра* мучилась спазмами, и *Паук* обмахивал ее паутиною; *Болван*, помешавшись от горя, молился *Богомольцам*, которые, ухвативши за хвост *Собаку без ушей*, говорили кобенясь:

…ты в случаях таких
Останешься как конь век права без улик.

Между тем Голубь-путешественник сидел в угрюмом молчании, *стиснув зубы*, на плеши у одного из двух лызгачей, который, смотря на гребенку, восклицал в сумасшествии: какой интересный цыпленок! Но всех несчастнее и горестнее были мыши. Они лишились своего благотворителя! Столпившись, стояли они неподвижно и без внимания, в окаменелой печали смотрели на солнце и молнию, которые неподалеку от них лежали в конвульсиях…

О друзья мои, хотя я и не принадлежу к героям избранных притчей, но в эту минуту я почти сам сделался притчею и вместе с другими приступил к священному гробу покойного! Сердце мое сжалось, когда я увидел его неподвижного в сем гробе, и уста мои сами собою заговорили, и я умолк[12].

9.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 18 НОЯБРЯ 1815 г.

Месяца Листопада в осьмыйнадесять день, по обыкновенному летосчислению 1815 года, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц вторый, в доме его превосходительства Кассандры был четвертый ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали
Их Превосходительства:
Чу.
Старушка.
Эолова Арфа.
Ивиков Журавль.
Громобой.
Светлана
и еще один волонтерный любитель арзамасских веселостей, его превосходительство гвардии прапорщик господин Писемский, родной племянник его превосходительства Кассандры, следовательно, родной племянник и всего Арзамаса[1].

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною прочтен был протокол прошедшего заседания, очень умный, по обыкновению, и члены восхищались по обыкновению.

2-е. Его превосходительство Громобой явился уже по прочтении протокола. Все члены, вообразившие, что он опять оскотинился, весьма обрадовались, увидя его вступающего в храмину заседания, во всей чистоте арзамасского гуся; обрадовались тем более, что это позднее появление почтенного Громобоя доставило им удовольствие слышать во второй раз чтение моего прекрасного протокола. И я читал его с особенным удовольствием: ибо моему воображению представлялся уже его превосходительство, грядущий на четвереньках, смиренно читающий самому себе отходную и гордо внимаемый одними безмолвствующими задницами их превосходительств прочих собратий моих, обратившихся к нему гордо хребтами. Сия ужасная мечта как вран Промифеев клевала

утробу моего воображения: но при виде вступавшего в Общество наше члена Громобоя жестокий вран сей обратился в дружественного гуся, и воображение отдохнуло.

3-е. Его превосходительство Ивиков Журавль введен был торжественно в храмину; прочитал клятвенное обещание; сел; потом, окунув затейливый нос свой в беседную лужу, вытащил оттуда очень порядочного покойника и принялся долбить его себе в честь, а нам в утешение, а его превосходительство Кассандра ответствовал нововступившему другу своему разными сладкостями и очень удачно сравнил его с тем интересным Журкою, которого так превосходно описывает его сиятельство граф Бюффон[2].

4-е. По жеребью выбран оратором следующего заседания его превосходительство Старушка, а его превосходительству Чу досталось быть очередным президентом. При сем выборе случилось нечто весьма неприятное: его превосходительство Эолова Арфа издал некоторые непристойные звуки отрицания и начал весьма поносным образом корячиться против законного избрания в ораторы. Члены с сердечным прискорбием заметили сию неблагодарность его превосходительства, уже уволенного один раз от чтения, но уволенного с условием исполнить без всяких отговорок священную свою обязанность. И положено, в случае решительного его возмущения, поступить с ним следующим образом:

1-е. Признать его покойником.

2-е. Переименовать его из Эоловой Арфы Убийцею, или Лешим, или Плешивым месяцем[3].

3-е. Вместо очередной речи велеть ему вытвердить наизусть Похвалу женам[4], которую прочитать вслух за ужином, без ошибки, несмотря на то, что члены не будут его слушать.

4-е. За ужином не есть ничего, а довольствоваться одною ободранною гускою гуся, которая будет лежать пред ним на первой странице «Рассуждения о старом и новом слоге» как эмблема того утраченного величия, которое он уничтожил своим упрямством; и наконец 5-е. Он лишится титула Превосходительства, и получает прозвание Ободранной Гуски, которое и сохраняет до тех пор, пока не отпоет надлежащим образом узаконенного покойника и тем самым не воскресит себя.

5-е. Было рассуждаемо о том, какое бы иметь постоянное занятие Новому Арзамасу. Его превосходительство Кассандра предложил было заниматься критическим разбором лучших вновь выходящих книг русских и иностранных — но кажется, что сие предложение не разлакомило членов и не произвело в умах их никакой нравственной похоти. Положено предварительно, чтобы члены предлагали на рассмотрение Арзамаса всякое литературное прозябение своей пошвы: Арзамасу же обработывать сию пошву, взрывая ее критическим плу-

гом, составляя питательные снопы из того, что произрастет на ней доброго, недоброе же бросать свиниям и хрюкам беседным, да попрут его стопою или да всковыряют его рылом.

6-е. Первый опыт сего литературного удобрения сделан был над двумя приятными произрастениями, заимствованными из теплицы его превосходительства *Чу*.

Из оных *первое*: Повесть о том, как некоторая собака, по имени Баркуф, царствовала в некотором государстве с великою мудростию и как все подданные были ею довольны. Сочинитель сам изволил читать сию повесть, и члены, слушая его, говорили друг другу на ухо: *он съел собаку*.

Второе: Перевод некоторых затейливых *Парамифий*, сочиненных одним германским арзамасцем[5]. Члены выслушали два или три отрывка сего богоугодного перевода; почти все в нем принято было с одобрением, кроме одной почтенной Немезиды, которая с сим прозванием казалась их превосходительствам не богинею мщения, а почтенною ректоршею Дерптского университета или почтенною купчихою в богатом кокошнике. Чтение прочих Парамифий отложено до следующего заседания.

7-е. Ужин, заключивший сие заседание, был освящен присутствием гуся. Члены приняли с восхищением своего жареного соотечественника; но, увы, сие восхищение смешано было с горестным предчувствием: священный гусь стоял на столе, обращенный тучною своею гускою к тучному его превосходительству Эоловой Арфе, и члены невольно мыслили про себя: *не миновать ему ободранной гуски*.

Президент *Кассандра*.
Громобой.
Ивиков Журавлъ.
Чу!!!
Будущая ободранная гуска,
что ныне *Эолова Арфа*.
Старушка.
Светлана.

10.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 25 НОЯБРЯ 1815 г.

Месяца Листопада в двадесять пятый день, по обыкновенному летосчислению 1815 г., от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц вторый, в доме его превосходительства Старушки был пятый ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали
Их Превосходительства:
Чу.
Старушка.
Эолова Арфа.
Кассандра.
Ивиков Журавль.
Громобой.
Светлана.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною прочтен был протокол прошедшего заседания, и члены заметили весьма справедливо, что я час от часу становлюсь совершеннее, с чем я и согласился.

2-е. Его превосходительством мною и другим арзамасцем, которого признательно написать я забыл, введен был очередной отпеватель его превосходительство Старушка и представлен президенту члену Чу. С надлежащею благопристойностию его превосходительство прочитал присягу; во время сего чтения члены с сокрушением заметили, что его превосходительство я несколько проказничал, почему и поручено мне сделать на этот счет некоторые укоризненные замечания, дабы вперед я не мог позволять себе таких непотребных вольностей, вводящих в искушение прочих членов, особенно Эолову Арфу, которая и без того уже часто бывает бунтующею балалайкою и звуками своими производит в заседаниях треск и разрушение.

3-е. Его превосходительство Старушка прочитал весьма колкую панихиду некоторой заморской покойнице[1], а его превосходительство Чу, бывший президентом сего заседания, ответствовал ему очень замысловато, что и не удивительно, ибо известно, какой он умник и затейник.

4-е. Члены хотели продолжать критический разбор известных Парамифий, начатый в прошедшем заседании, но член Кассандра, временный хранитель сих приятных произведений ума человеческого, благоволил бесстыдно забыть их дома, — и их превосходительства с прискорбием принуждены были повесить

носы. По сему случаю определено было сделать хорошенький выговор его превосходительству Кассандре, что, однако, оказалось ненужным, ибо совесть отмстила жестоко его превосходительству за оскорбление Арзамаса: замечено, что он был во все заседание мрачен, ездил на стуле и с ужасом посматривал в темный угол, где мечталась ему почтенная Немезида в огромном чепчике с большими лопастями и над нею невидимая рука чертила пламенные слова: *помни ободранную гуску*!

5-е. Сделан был весьма назидательный выговор его превосходительству Ивикову Журавлю, который давно уже не исполняет своих важных обязанностей соглядатая и содержит свой журавлиный нос в некоем поносном бездействии. Члены напомнили е. п., что он не должен употреблять свой нос всуе, а на пользу и славу Арзамаса. И надобно признаться, что его превосходительство принял этот упрек не с тою покорностию, какая свойственна арзамасцу; он горделиво надул свой зоб и более похож был на оскорбленную индюшку Беседы, нежели на миловидного журавля — мстителя за арзамасских Ивиков. Тут увидели, как он отличен был от его пр<евосходительства> Кассандры: он был так же хладен, как один из столпов, составляющих ограду Беседы, а за ужином ел более *Эоловой Арфы*. Члены надеются, что он исправится; что он отучит себя от непристойной привычки надувать зоб — в противном случае вместо *Ивикова Журавля* он будет наречен: *Индюшка-сотрудница*.

6-е. Члены избрали в арзамасцы двух знаменитых друзей своих:

1-й. Его превосходительство: *Очарованный Челнок*[2]. С флагом Арзамаса проплыл он по земле и воде все климаты Европы и Америки; на скалах Ниагары, по милости его, эхо научилось повторять имя Арзамаса; он познакомил с таинствами арзамасскими испанскую инквизицию; провозгласил Арзамас под аркадами Пале-Рояля; и в древнем Албионе, видя сражения смелых петухов, с согласия рукоплескающих зрителей, поднес петуху-победителю благородное титло *арзамасского гуся*.

2-й. Его превосходительство: *Резвый Кот*[3]. Долго скитался он в краях отдаленных и принужден был сообщаться с друзьями своими одним письменным мурлыканьем, которое часто пропадало на почте. Наконец мурлычет он непосредственно в слух милых своих собеседников; с растроганным сердцем говорят они ему: *кись*, *кись*; смело садится он на уготовленное ему место; и может быть твердо уверен, что верные друзья никогда ему *брысь* не скажут, ибо они знают, что он хоть и кот, но совсем *не блудлив как кот и не труслив как заяц.*

7-е. Очередным оратором избран его превосходительство член Кассандра, а президентом — его превосходительство Громобой.

8-е. Сели ужинать, но гуся не было в сонме съестных утешений арзамасской трапезы, и горестное бурчание пробежало по оскорбленным кишкам собеседников.

По случаю болезни его превосходительства очередного оратора Громобоя ординарный Арзамас был отложен, а был, месяца Студеня в девятый день, экстраординарный Арзамас, в коем между прочими приятностями был избран в арзамасцы его превосходительство *Дымная Печурка*[4]; а на место болезненного президента *Громобоя* избран здоровый его превосходительство *Чу*.

Президент *Чу*!!!
Кассандра.
Очарованный Челнок.
Светлана.
Резвый Кот.
Эолова Арфа.
Ивиков Журавль.
Недугующий Громобой.
Старушка.

11.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 16 ДЕКАБРЯ 1815 г.

Месяца Студеня в шестойнадесятый день, по обыкновенному летосчислению 1815 года, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц третий, в доме его превосходительства Кассандры был шестый ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали
Их Превосходительства:
Чу.
Старушка (присутствовала на бале).
Эолова Арфа.
Кассандра.
Ивиков Журавль.
Резвый Кот.
Очарованный Челнок.
Светлана.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною прочтен превосходный протокол.

2-е. Введен торжественно по обычному уставу его превосходительство Кассандра в храмину заседания и представлен пред знаменитого президента Чу. Прочитав священное клятвенное обещание и не подписав его, ибо оно еще мною не переписано, его превосходительство приступил к очередному отпеванию некоего мертвого проказника Беседы, причем досталось и многим живым. Президент Чу вторил ему с обыкновенным своим красноречием. Потом оба, к сожалению друзей своих, замолчали, но не усыпились и нас не усыпили.

3-е. Читан был некий Гимн[1], как будто бы воспетый господу богу, разрушившему козни злочреватого Галла, который с двадесятью народами, разъяренный, богомерзкий, косящийся на злато, сребро и утварь церковную, отступник веры и злочестивый изблеватель хулений и непристойностей, притек, приспел, нахлынул на Москву и окутал ее пожарами! В сем гимне изображаются торжественные деяния русских, их славные подвиги на поле брани и ниспадение Галльской звезды с фирмамента и живо представляется, как добрые россияне после всех своих торжеств восскакали в радости и песнопении. Их превосходительства члены делали во время чтения различные придирки. А Эолова Арфа несколько раз принималась шептаться с Резвым Котом, который, волею, а вдвое того неволею, ответствовал на ее секретные запросы таинственным мурлыканием на ухо.

4-е. Во второй раз читаны были Парамифии, переведенные из господина Гердера. Почтенная пасторша Немезида утверждена в своем звании.

5-е. Избран в очередные ораторы его превосходительство Резвый Кот, а на его погребальное мяуканье поручено его превосходительству Ивикову Журавлю выдолбить своим носом хорошенький ответ.

6-е. Обыкновенное заключение Арзамаса — ужин и гусь с прежирною гускою, в коей, казалось, заключены были все надежды Эоловой Арфы, так была она пухла и раздута!

Президент *Чу*!!!
Эолова Арфа.
Ивиков Журавль.
Очарованный Челнок.
Кассандра.
Резвый Кот.
Старушка отсутствующая.
Светлана.

12.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 24 ДЕКАБРЯ 1815 г.

Месяца Студеня в двадесять четвертый день, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц третий, в доме его превосходительства Старушки был шестой, то есть седьмой, ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали
Их Превосходительства:
Светлана.
Чу.
Ивиков Журавль.
Очарованный Челнок.
Эолова Арфа.
Старушка.
Кассандра.
Резвый Кот.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Прочитан был его превосходительством мною, как водится, протокол прошлого заседания, и члены, как водится, рукоплескали и похваливали.

2-е. Его превосходительство Резвый Кот, как нововступающий член, был представлен господину президенту и произнес перед ним с надлежащею благопристойностию клятвенное обещание; потом промурлыкал он погребальную приветственную панихиду[1], по несчастию весьма краткую, и члены поблагодарили за нее его превосходительство Кассандру, ибо если бы сей его превосходительство не побывал в ресторации, именуемой город Лондон[2], и не отрыл в ней под № 8 члена Резвого Кота и не предрек ему вовремя той ужасной участи, которая постигла бы его, когда бы он не смурлыкал в собрании узаконенной речи, то мы бы не имели сей речи (весьма остроумной при всей своей краткости) и вместо благородного Резвого Кота видели бы в друге своем некоего кающегося в пакостях своих котенка, подобного тому злохитрому Ваське-коту[3], который описан в прекрасной басне господина титулярного советника Ивана Андреевича Крылова; мы видели бы его вступающего на четвереньках в ту храмину, по которой мы ходим так величественно на двух ногах; почтенная Немезида надела бы на него свой капор, и за столом издевалась бы над ним неумолимая ободранная гуска.

3-е. Его превосходительство Ивиков Журавль ответствовал разными приятностями на речь любезного Резвого Кота.

4-е. Заседание было заключено ужином, за которым множество анекдотических россказней подсластили материальную приятность сочных произведений кухни.

Эолова Арфа.
Кассандра.
Резвый Кот.
Светлана.
Ивиков Журавль.
Громобой.
Чу.
Старушка.

13.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 24 ФЕВРАЛЯ 1816 г.

Месяца Лютого в 24 день, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц четвертый, в доме его превосходительства Кассандры был осьмой ординарный Арзамас.

Присутствовали
Их Превосходительства:
Светлана.
Чу.
Ивиков Журавль.
Эолова Арфа.
Старушка.
Кассандра.
Резвый Кот.
Асмодей.

В сем заседании происходило следующее:

<1-е.> Член Асмодей[1], столь долго отлученный от Арзамаса, предстал не с хвостом, когтями и рогами соименного ему подземного беседчика, но с кипою эпиграмматических козней, коими он искушал и искушает терпение халдеев.

Его подвергнули испытаниям[2], установленным законами Арзамаса.

1-е. Под грудой шуб расхищенных должен был он отречься от всякого поползновения на соитие с Беседою.

2-е. Полузамерзлый, исторгся он из-под сего сугроба, вооружился стрелою Арзамаса и поразил ею огнедышащего лицедея беседы.

3-е. Облобызал сову — сотрудницу славы и лиру — певицу мщения.

4-е. Попрыскал преображенный лик свой освященною водою потопа, и наконец,

5-е. Воссевши на седалище очищения, произнес присягу и, нарекшись торжественно Асмодеем, грозными рогами витийства забодал некоего ядовитого москвича[3], злокозненного историографа клеветы и клеветника на историографов! Сего исколонного красноречивыми рогами Асмодеевыми лукавца принял в лоно свое его превосходительство Старушка и, помявши его порядком, предал тому, кто сидел впереди[4], а сей жует его и поныне и будет жевать до скончания веков.

<2-е.> Прочтен был его превосходительством мною очень дурной протокол.

<3-е.> Положено было посвятить следующее заседание на принятие его превосходительства Вот, знаменитого Буяна посреди халдеев, героического баснописца и знаменитого стихотворного посланника.

<4-е.> Члены кушали, помнится, гуся.

Президент *Старушка*.
Ивиков Журавль.
Эолова Арфа.
Кассандра.
Асмодей.
Резвый Кот.
Светлана.
Громобой.
Чу.

14.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ МАРТА 1816 г.

Месяца (по свидетельству его превосходительства Кассандры) Вресеня, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц шестый был в доме его превосходительства Старушки девятый ординарный Новый Арзамас, в коем происходило следующее в присутствии

Их Превосходительств:

Светланы.

Кассандры.

Чу.
Эоловой Арфы.
Асмодея.
Ивикова Журавля.
Громобоя.
Резвого Кота.

1-е. Собравшемуся Арзамасу в нижней храмине, пришел радостный вестник и повестил друзей о прибытии в верхнюю храмину их нового друга его превосходительства И Вота, бывшего Василия Львовича, по старинным преданиям Пушкина, а по новейшим Плевякина, понеже он довольно слюняв, чтобы одним плевком затопить всех халдеев.

2-е. Друзья его превосходительства обрадовались и обнялись в восторге и воскликнули: «Он там! Он скоро будет и тут!»[1]

3-е. Друзья его превосходительства пошли снизу наверх, дабы узнать, что творит его превосходительство, и нашли, что он изволил творить беззаконие, что комический клещун господин Гавиньи[2] впился в него своим театральным исчадием и что его превосходительство потел от слушания, но сносил терпеливо испытания и даже улыбался, — это показалось их превосходительствам *зарею надежды*, и сия заря не обманула их, и они не имели причины сказать с чижом Ивана Ивановича Дмитриева: «Впредь утро похвалю, как вечер уж наступит»[3], — ибо точно Василий Львович, как увидим после, дотерпел все испытания, как бы некий риноцерос[4], отражающий стрелы слабого охотника.

4-е. Наставшему часу сурьезных испытаний его превосходительство облекли в страннический хитон, дали ему костылек постоянства в правую руку, препоясали вервием союза, коего узел сходился на самом пупе в знак сосредоточения любви в едином фокусе, надели на главу его шляпу верности в знак того, что он повергает себя покрову нелицеприятного доброхотства и заносит ногу в вертеп догматических усыплений, дабы раздавить там всех натопорщенных каракатиц Беседы, — и его превосходительство с гордостию гуся потек в путь испытания. И славно совершилось испытание, но скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, и я молчу, ибо писать более некогда. Не могу только не сказать одного: речь, произнесенная почтенным новым другом, его превосходительством Вот, есть, конечно, прекрасное извержение умственных способностей! Поистине можно его назвать похоронным профессором и заслуженным гробокопателем беседных буянов. Напрасно некий лирический князь мечтал сиять в веках[5] своих стихотворными отпрысками, — наш грозный Вот обрезал своим ужасным косарем сии отпрыски и гаркнул на сего покойника богатырским голосом остроумной насмешки! И князь навек закопался в поношении. Такая панихида привлекла все сердца их превосходительств к почтенному

Воту, и они готовы наименовать его Богдыханом Арзамаса и первостатейным Гусаком дружбы.

Старушка.
Светлана.
Громобой.
Вот.
Эолова Арфа.
Ивиков Журавль.
Кассандра.
Резвый Кот.

15.

РЕЧЬ СВЕТЛАНЫ ЧЛЕНУ ВОТ, ЛЕЖАЩЕМУ ПОД ШУБАМИ

Какое зрелище пред очами моими? Кто сей, обремененный толикими шубами страдалец? Не узнаю его! Сердце мое говорит мне, что это почтенный друг мой Василий Львович Пушкин, тот Василий Львович, который снизшел с своею Музою, чистою девою Парнаса, в обитель нечистых барышень поношения и вывел ее из сего вертепа не посрамленною, хотя и близок был сундук[1], хотя и совершил он на сем сундуке беззаконие; тот Василий Львович, который видел в Париже не одни переулки[2], но господина Фонтана[3] и господина Делиля[4]; тот Василий Львович, который могуществом гения обратил дородного Крылова в легкокрылую малиновку…[5] Все это говорит мне мое сердце! Но что же говорят мне мои очи? Увы! я вижу перед собою одну груду шуб! Под сею грудою существо друга моего, орошенное хладным потом! И другу моему не жарко! И не будет жарко, хотя бы груда сия возвысилась до Олимпа и давила его как Этна Энцелада! Так точно! Сей Василий Львович есть Энцелад[6]; он славно вооружился против Зевеса Шутовского и пустил в него утесистый стих[7], раздавивший ему чрево! Но что же! Сей издыхающий Зевес наслал на него, смиренно пешествующего к Арзамасу, метель расхищенных шуб[8]. И не спасла его священная Муза, девственная матерь Буянова! Се лежит он под страшным сугробом шуб прохладительных! Очи его постигла курячья слепота Беседы! Тело его покрыто проказою сотрудничества[9], и в членах его пакость «Академических Известий», издаваемых господином Шишковым! О, друг наш! Скажу тебе просто, твоим же непорочным стихом: терпение, любезный![10] Сие испытание, конечно, есть мзда справедливая за неки тайные грехи твои! Когда бы ты имел совершенную чи-

стоту арзамасского гуся, тогда бы прямо и беспрепятственно вступил в святилище Арзамаса! Но ты еще скверен, еще короста Беседы, покрывающая тебя, не совсем облупилась. Под сими шубами испытания она отделится от твоего состава! Потерпи, потерпи, Василий Львович!.. Прикасаюсь рукою дружбы к мученической главе твоей! Повязка проказница, спади с просвещенных очей его! Да погибнет ветхий Василий Львович! Да воскреснет друг наш возрожденный *Вот*! Рассыпьтесь, шубы! Восстань, друг наш! Гряди к Арзамасу! Путь твой труден! Ожидает тебя испытание! Чудище обло, озорно, тризевно и лаяй[11] ожидает тебя за сими дверями! Но ты низложи сего Пифона[12]; облобызай Сову правды; прикоснись к лире мщения; умойся водою потопа — и будешь достоин вкусить за трапезою от арзамасского гуся, и он войдет во святилище желудка твоего без перхоты и изыдет из оного без натуги.

16.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 15 МАРТА 1816 г.

Месяца Березозола[1] в пятыйнадесять день, от Липецкого потопа в лето первое, от Видения в месяц шестый, был в доме его превосходительства Кассандры десятый ординарный Новый Арзамас.

Присутствовали
Их Превосходительства:
Светлана.
Кассандра.
Ивиков Журавль.
Старушка.
Пожаловали при конце присутствия
Их Превосходительства:
Вот.
Потом немного погодя
Плешивый Месяц, что прежде именовался
Эолова Арфа,
наконец, Громобой.
По окончании присутствия и ужина прибыл
Его Превосходительство Асмодей.
Совсем не присутствовал
Резвый Кот.

В сем заседании происходило следующее:

1-е. Его превосходительством мною прочтен был превосходный протокол, доказывающий, что я неистощим в остроумных излияниях всякой всячины и замысловатых выдумках. В самом деле непостижимы чудеса Создателя! Какой гений присутствовал при моем рождении! Вот уже одиннадцатый протокол, а я все более и более совершенствуюсь. Что ж буду я, когда еще более понабью руку свою! Какой протокол жизни своей сочиню для самого себя, отходя в вечность! И какие протоколы буду читать бессмертным арзамасцам, то есть вообще всем праведникам, носясь вкупе с ними между звездами, прекрасными чадами творения! Дивлюсь самому себе! Не могу не похвалить себя, но скромность заставляет меня смиренно потупить очи и краснеть, внимая похвалы заслуженные.

2-е. Четыре наличных члена оглянулись вокруг себя и увидели в священной храмине заседания пустоту и нечто похожее на пакость беседного одиночества. Вотще возглашали они, где ты, Вот, и где ты, Резвый Кот? Ни Вот, ни Кот не откликались. Где Громобой? Где Эолова Арфа? Где Асмодей? Увы! Не было ни единого из их превосходительств! *Ни вздоха, ни привета*! — как говорит Алексей Федорович Мерзляков в заключение одного перевода своего[2] из известной Виргилевой поэмы, называемой «Энеидою». Негодование наполнило сердца наличных их превосходительств. Особенно вознегодовали они на ветреного Вота, который, не успев прикоснуться орудием сидения к седалищу Арзамаса, уже приподнял его с бесчинием и помышляет об отходе; и негодование внушило наличным их превосходительствам следующую поучительную проповедь, которою и определили они угостить его превосходительство отсутствующего бесчинника, при первом удобном случае:

«Усмотря из непристойных поступков новопринятого члена его превосходительства Вот, что он, едва вступив в Арзамас, уже корячится назад и, не давши нам видеть порядочно своей головы, уже выказывает нам с некою неблагопристойною небрежностию свою задницу, так что мы не знаем еще наверное, что у него голова и что задница, заметив, что он, не согрев еще своего места в Арзамасе, уже не является к своему месту, рассудили мы, что он будет не член Арзамаса, а нечто похожее на беседное самодвигалище, ленивый угодник бездействия, зевающий шершень, мохнатый и одержимый подагрою шмель в благословенном улье деятельных пчел. — *Приказали*: Признать сего возрожденного арзамасского гуся мертвою совою Беседы, отнять у него титло *Вот* и сделать его Плевалкиным под титлом, запретить ему ездить по улице в колеснице, или на коне, или в санях, а смиренно верхом на палке или в салазках, везомых тою моською, которая лаяла на слона[3], и держать сего слона на коленях, и баюкать его с материнскою нежностию, в стихах своих должен он призывать не музу, а Варюшку; спать на сундуке; водиться с одним сизым котом;

есть с ним из двух медных тазов; безденежно, всякий день, отходя ко сну, ставить клистир или мыльце своей малиновке; пить пунш[4] из Липецких Вод, подливать в него вместо французской водки свои французские романсы; вместо лимона выжимать из головы своей мысли и подсыпать толченых характеров вместо сахару…»

На сем месте угасло грозное негодование наличных членов, ибо его превосходительство Вот сам сделался наличным и вслед за ним, издавая некоторые искусственные звуки, притекла Эолова Арфа, нареченный оратор заседания. Члены-мстители устыдились своей поспешности, они простерли в знак примирения руки к добросовестному Воту, который, выслушав их несправедливые на него хуления, с свойственным ему снисхождением простил им их несправедливость, которая едва-едва не сделалась справедливостию. Но дабы воздержать будущих арзамасцев от подобной постыдной поспешности, положено внести в протокол сей гнусный проект хулы и брани, а его превосходительство Вот произвести в старосты Арзамаса, с приобщением к его титулу двух односложных слов я и вас, так что он вперед будет именоваться *Староста Вот я Вас*! И горе Беседе! Привилегии старосты Арзамаса суть следующие:

I-е. Голос его в различных прениях Арзамаса имеет силу трубы и приятность флейты: он убеждает, решит, трогает, наказует, осмеивает, пленяет и прочее, и прочее.

II-е. Он первый подписывает протокол и всегда с приличною размашкою.

III-е. Вытребовать у него список известной его проказы с веселою музою, именуемой *Опасный Сосед*, переписать ее чистым почерком, переплести в бархат и признать ее арзамасскою кормчею книгою.

IV-е. За ужинами арзамасскими жарить для него особенного гуся, оставляя ему на произвол или скушать его всего, или, скушав несколько ломтей, остаток взять с собою на дом. NB. От всех сих гусей отрезываются гуски и остаются при бумагах собрания. Наконец

V-е. Место его в заседаниях должно быть подле президента, а вне заседания в сердцах у друзей его.

По сему случаю приказано, чтобы секретарь Арзамаса его превосходительство я приготовил приличный диплом.

3-е. По установленному обряду новопринимаемый член его превосходительство Эолова Арфа вступил в храмину заседания: надлежало ему прочитать присягу, но почтенная Немезида, предвидя, что его превосходительство не преминет напроказничать, отняла на сей случай у его превосходительства секретаря память, и он позабыл принести присяжный лист, так что Эолова Арфа не произнесла своего клятвенного обещания. Надлежало ей читать очередную речь свою, и проказа ее ознаменовалась во всей своей непристойности. Речи не было. А грозный Кассандра, предузнав, что речи и не будет, соблаговолил от-

делать его превосходительство своею карающею речью на обе корки. Эолова Арфа внимала бесстыдно; в дерзком его животе заметно было какое-то оскорбительное сотрясение, обыкновенный предвестник смеха; и самые ланиты его казались двумя раздутыми животами или огромными перинами, пересланными тучною ленью для грузного бесстыдства. Кассандра умолк, и строгие взоры наличных членов устремились на виновную Арфу. И вследствии 4-й статьи протокола под № 5 произнесен приговор преступнику.

4-е. Опоздавшему его превосходительству Громобою положено для поощрения напомнить о той беде, которая едва не обрушилась на главу его при случае первого его бесчинства; а на членов Резвого Кота и Асмодея положено беду сию без всяких околичностей обрушить. О сем гласит 8-я статья протокола под № 2.

5-е. Сие заседание заключено было вкусным ужином, за которым вместо гуся была его почтенная родственница остроносая стерлядь, заимствованная из обыкновенного садка и чародейством поваренного искусства получившая право гражданства в желудках их превосходительств. Глава ее и хвост и еще несколько других отрывков закопались в обширном пузе Эоловой Арфы.

17.

РЕЧЬ, ЧИТАННАЯ ПРИ ВРУЧЕНИИ ДИПЛОМА ГОСПОДИНУ ИСТОРИОГРАФУ В КОНЦЕ МАРТА 1816 г.

Неизъяснимо счастлив я в сию достопамятную минуту! Что делает рука моя? Что делает рука моя? Держит диплом. Какой диплом? Прекрасно написанный, потому что писал его я. Что содержит в себе этот диплом? Он содержит в себе как бы вексель на дружбу. К кому дружба? К лучшему из людей. А что это за лучший из людей? Его Высокородие Николай Михайлович Карамзин, славный отец наших предков, ибо он вместе с юною красавицею, Музою истории, произвел их на свет таковыми точно, каковыми они есть, и сдунул с лица земли тех самозванцев и самохвалов, которые в арлекинских платьях таскались по миру под их священным названием. Кто дает этот диплом? — Арзамасцы, верные его обожатели, арзамасцы, которые, положив руку на сердце, признают его лучшим из людей, признают и здесь, все вместе в священном присутствии Арзамаса, под благодатным веянием отечественного гуся, и каждый порознь в уединении, при сладостном об нем воспоминании, признают и признавать всегда будут, ибо такое признание есть для них счастие. Примите ж, счастливый любовник славы, сей бумажный и бренный символ того, что вечно и нетленно, что писано не на бумаге, а в сердце, не орешковыми черни-

лами скоротечности, а неизгладимым, нравственным ультрамарином вечного, сладостного, драгоценного чувства. Примите его, и да послужит он для вас доказательством, что галиматья не всегда рождается от безумия и не всегда глаголет бессмыслицу.

18.

ОТ АРЗАМАССКОГО ОБЩЕСТВА БЕЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ ПОЧЕТНОМУ И ИЗВЕСТНОМУ ИСТОРИОГРАФУ ВСЕЯ РОССИИ ГОСПОДИНУ КАВАЛЕРУ АННЫ И СЛАВЫ КАРАМЗИНУ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ПОКЛОН И ДРУЖЕСКОЕ РУКОПОЖАТИЕ

Известно нам, что Ваше Высокородие занимаетесь описанием славных похождений русского народа и даете, по милости своей, жизнь русской славе, которая до сих пор беспробудно покоилась сном Беседы в гробах, сооруженных ей различными халдеями, как-то: господином Леклерком[1], господином Левеком[2] и некоторыми ожесточенными сынами или пасынками России.

Известно нам, что Ваше Высокородие с величием арзамасского гуся прохаживаетесь по шелковым лугам русского слова и не удостаиваете взгляда ни беседных трясин галиматьи, ни академических закоулков бессмыслицы.

Известно нам, что сердце Вашего Высокородия, сие сокровище не беседное, своею чистотою подобится белому, едва оперившемуся гусенку, начинающему расправлять свои крылья и весело полоскаться в чистых водах отчизны, и что Ваш характер так же светел, как небо, сияющее над сим гусенком в красоте весенней.

Известно нам, что мы все нижеподписавшиеся любим Ваше Высокородие любовию нелицемерною, каждый особенно и все совокупно, любим за свое отечество, которому Вы честь и слава.

Почему и приносим Вашему Высокородию сей крест, сию ленту и сию носильную звезду, которая да сияет у Вас на груди во знамение любви нашей, а Вы, Ваше Высокородие, пребывайте для нас всегда необходимою звездою славы, дружбы и всего, что есть арзамасского, то есть лучшего на свете!

Светлана.
Эолова Арфа.
<Асмодей>[3]
<Печать с изображением гуся>.

19.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 24 ДЕКАБРЯ 1816 г.

От Липецкого потопа в лето второе, от Видения в лето второе и в месяц вторый или, может быть, и в третий, по обыкновенному летосчислению месяца Студеного в 24 день, в доме его превосходительства Кассандры был шестойнадесять ординарный Арзамас.

Присутствовали
Их Превосходительства:
Старушка.
Пустынник.
Эолова Арфа.
Резвый Кот.
Кассандра.
Светлана.

Прибавил бы я и Варвик, но этот Варвик не исполнил обета и еще не утопил ни одного *беседного Эдвина*[1] и не вступил еще как повелитель в святилище Арзамаса[2]. В сем заседании находились и два почтенных рожденных арзамасца, известный историограф господин Николай Карамзин и еще некоторый весьма любезный Салтыков[3], об которых нельзя не сказать с умилением: то-то гуси!

В сем заседании происходило:

1-е. Прочитан временным секретарем Кассандрою очень изрядный протокол, и бессменный секретарь Светлана был им отменно доволен, а их превосходительства члены подписали сей протокол с приличною размашкою, послужившею несомнительным доказательством, что искусство писать им не совсем не известно.

2-е. Временный секретарь сдал бумаги собрания бессменному, который с благородною скромностию прямого достоинства отблагодарил его за удачное исполнение той трудной должности, которую он, Светлана, прежде него исполнял с таким блистательным успехом; сие лестное одобрение Светланы так растрогало Кассандру, что он едва усидел на стуле, а прочие члены, восхищенны скромностию и беспристрастием несравненного друга своего, стали делать разные дурачества.

3-е. Секретарь Светлана представил членам донесение о своих поступках[4]; и члены уверились, что он приобрел новые великие совершенства, документами сих новоприобретенных совершенств служат:

1-е. Очаровательный овсяный кисель[5], который члены единодушно провозгласили райским кремом.

2-е. Гекзаметрическая сказочка[6] о том, как черт, играя в карты, выигрывает душу; их пр.<евосходительство>, выслушав эту сказочку, сказали в один голос: мы никогда не будем играть в карты! Это непохвально!

Наконец, 3-е. Повесть о том, как некоторый Вадим[7] влюбился во сне и женился наяву с помощью серебряного звонка, легкого челнока и седого старика. Всем неженатым членам, по выслушании этой повести, смертно захотелось жениться.

4-е. Члены, осыпав различными заслуженными похвалами своего друга Светлану, простерлись к ужину, а расставаясь, они говорили друг другу: В следующее заседание услышим мы чтение превосходного протокола, о наш друг Светлана с нами, но, увы, не сбылось их ожидание. Светлана стала чухна чухною[8], и протокол ее никуда не годится, и она покорнейше просит своих друзей извинить ее по причине того искреннего высокопочитания, с которым она честь имеет быть их покорною ко услугам и прочее.

Светлана.
Ивиков Журавль.
Пустынник.
Кассандра.
Старушка.
Эолова Арфа.
Резвый Кот.
Варвик.

20.

РЕЧЬ В. А. ЖУКОВСКОГО ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ К ОБЯЗАННОСТЯМ СЕКРЕТАРЯ АРЗАМАСА

С горем пополам принимаю обратно от вашего превосходительства священное звание секретаря Арзамаса. Вы были его украшением, и я чувствую в смирении духа всю негодность мою в сравнении с вами, превосходительный друг Кассандра. Если почтенные арзамасцы удостоивали благосклонного одобрения ту посильную бестолковщину, которою угощал я их от полноты моего сердца, то я отношу это не столько к моим достоинствам и природным совершенствам, сколько к их добродетели. Они видели, что я лез вон из кожи, и были тронуты неутомимостию, дерзну сказать, геройством моей натуги. Благодарю небо! Оно опять привело меня в Арзамас. Я жил на берегах Эмбаха, в стенах

города Юрьева, но душа моя была с вами. Гусынями перелетали мои мысли к незабвенным друзьям моим! И когда я скакал сюда по почте, то в честь Арзамаса всегда приказывал на станциях закладывать лошадей в кибитку мою гусем! Чухонцы дивились моей причуде, комиссары величали меня скотиною, прохожие указывали на меня пальцами, но я был спокоен: я говорил себе с гордостию: «еду гусем, еду гусем ко друзьям моим», и несправедливость человеческих суждений меня не оскорбляла! Я здесь! Душа моя спокойна; но, признаться, в отдалении и в той совершенной неизвестности о Арзамасе, в какой в.<аши> п.<ревосходительства> по милости своей оставляли меня, приходило мне часто плохо! Доходили до меня разные слухи, одни ужасные, другие утешительные, и боги снабжали меня разными видениями в моей пустыне. К слухам печальным принадлежит известие о неописанном канальстве члена Вот я Васа, о той стихотворной дряни[1], которою угостил он Арзамас, о его превращении в ватрушку, известное русское печенье с творогом и яйцами, о его стихотворной вылазке на Арзамас и, наконец, о удачном переводе ватрушки на *Вот я Вас опятя*. Я порадовался сей многозначащей прибавке слова «опять» к титулу Вот я Васа! Почтенный друг наш Василий Львович Вот я Вас опять весьма заносчив! Дай его превосходительству волю — он так соблаговолит напакостить, что Арзамас в десять заседаний не поправит одной его проказы. Почему и думаю, что слово «опять», возвратив ему прежнее достоинство, будет в то же время для него и важным, красноречивым memento mori*; утешаясь настоящим своим величием, он будет говорить самому себе, не забывайся, Василий Львович Вот я Вас опять! Если ты опять Староста, то можешь быть легко опять и ватрушкой, и еще чем-нибудь хуже: блином, котелкою, кавардаком или калужским тестом! Сохрани его сила небесная от такой передряги! Он же есть один <из> самых ревностнейших арзамасцев и вечно в драке с халдеями, которым не один горб на выю от него достался.

Другое известие, долетевшее до меня, и горестное и радостное: кто-то невидимый сказал мне, что земля лишилась своего небесного гостя![2] Что гений Державина улетел в ту сторону, из которой был он к нам прислан с восхитительными вестями о прекрасном, о великом, о небесном! Носясь над землею, он говорил нам: «Прекрасное — не мечта. Оно существует и вечно!» — говорил языком убедительным, и сердца наши ему верили! И сей величественный прорицатель исчез, а нам остался один неумолкающий его голос! Наследство священное! Связь неразрывная между теми, для кого добро всего святее в жизни, и тем, которого нет уже в их круге.

Но где же Беседа?.. И что Беседе попритчилось? Недолго Беседа куролесила! Я зрел Беседу, возносящую в гордости рога свои! Я зрел Беседу, нато-

* помни о смерти (*лат.*).

порщившуюся наподобие левиафану; я зрел Беседу высокую, как известная Сухарева башня; не успел я зевнуть, и Беседы не стало, опустела храмина ее, как пустые головы действительных ее членов. Стулья, к которым они прикасались благороднейшею частию своего состава, лежат на полу ногами горé и спрашивают у мышей, мимо их пробегающих, куда девались проказники, столь легковесно нагружавшие их во дни смешения языков! Нет ответа! И красное сукно, облачавшее стол беседный, служит одеялом одинокому сторожу, и сон его никогда не бывал столь сладок, и члены рассеялись! Седой Дед хочет укрыться под личиною двенадцатилетнего отрока в библиографии господина Сопикова[3]; некоторые, для пользы наук, нанялись бы уродами в императорской кунсткамере; один Гашпар неугомоним: он врет из Флоренции[4], како врал в Петрограде.

Наконец третие известие, до меня дошедшее, было радостное: число арзамасцев увеличилось! Вы запаслись порядочным Пустынничком![5] И я говорю: Слава богу!

Теперь остается мне снова представить вашим превосходительствам отчет в собственных своих поступках! Я странствовал по земле чухонской и сделал в путешествии своем важное открытие. Чухны одной породы с членами Беседы. Они также нечисты, как слог их; язык чухонский был для меня столь же непонятен, как и язык наших болтливых покойников. Не должно ли заключить из сего, что (может быть, еще до времен Рюрика) существовала в той стране Беседа! Почем знать? — Чудское озеро не находилось ли на том самом месте, на коем некогда была воздвигнута ее храмина, потом провалившаяся и образовавшая воды пространного Пейпуса[6]. Здешняя Беседа провалилась — остались одни Воды Липецкие. Кого не поразит такое чудесное однообразие в изменениях вещей сего мира.

Далее имею честь донести вашим превосходительствам, что я не исполнил вашего священного препоручения написать законы арзамасские! И причина тому самая простая: почитаю беззаконие более для нас выгодным. Легко случиться может, что, написав законы, мы будем поступать в противность тому, что напишем! Это почти и неизбежно! Не лучше ли подчинить себя беззаконию и поступать в противность сему беззаконию. Это вернее! Впрочем, ваша воля! Написать недолго. Стоит вам только приказать, и я удружу вашим превосходительствам таким законцами, что вы не опомнитесь!

Наконец скажу вам слова два о некоторых моих набегах на Парнас с помощию гусиного пера, моего неизменного союзника. Во-первых, я почти разбудил известную вашим превосходительствам дюжину красавиц, проданных родителем их коварному искусителю человечества и Беседы. Но со мною, может быть, случилось то же, что с следующим журавлем! Жил-был журавль! Зашел журавль в болото и увязил он хвост! Неприятно было журавлю сидеть хвостом

в болоте! Он понатужился, вытащил хвост, но клюнул неосторожно в болото носом и увязил нос! Неприятно было журавлю иметь нос в болоте! Он понатужился; вырвал нос да увязил хвост! Журавль и по сию пору в болоте, работает над хвостом и носом — оставим его! Я хотел только доложить в. п., что я, вытащив хвост, может быть, сподобился увязить нос, то есть, разбудив двенадцать дев, может быть, усыпил почтенных любителей чтения и Глазунова[7]. Во-вторых, несравненные друзья моего сердца, несмотря на потоп Липецкий, я имел счастие разрешиться еще раз от бремени чертом, и одно мое в этом случае утешение есть то, что мой новорожденный черт немец![8] Наконец, решусь ли сгрузить с языка моего роковое слово; Муза моя состряпала из гекзаметров овсяный кисель[9]. О друзья мои, отважусь дать ли вам киселя! Осмелюсь ли сказать вам вместе с доброю бабушкою, которая потчует им своих внучков:

Кушайте, светы мои, на здоровье! Господь вас помилуй![10]

21.

В ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ НОВОГО АРЗАМАСА ОТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА ВСЕПОКОРНЕЙШЕЕ ЗАВЫВАНИЕ

С горестным самоотвержением и сердобольным колыханием чувствительного негодования вступаю мысленно в храмину арзамасской Беседы — в первый раз от роду и не спросонья, не в исступлении лихорадочном, не в пьянственном окаянстве, не в горестном, геморроидальном отяготении главы, но с хладным, твердым, ясным убеждением разума соединяю я сии два враждебные слова: А р з а м а с и Б е с е д а — вступаю и, мысленно протиснув округлость моего седалищного члена к поверхности седалищной мебели, начинаю говорить что следует:

Все ли вы в добром здоровье, друзья мои? С т а р у ш к а сударыня, не стаскалась ли ты с черным конем или с тем, кто сидел впереди? Р е з в о й К о т, не сделалась ли у тебя вместо бархатной лапки триповая? Ч у, не потерял ли ты чутья? П у с т ы н н и к, не сделался ли ты Пустарнаком? Г р о м о б о й, не убило ли тебя громом? К а с с а н д р а, не засиделась ли ты слишком долго на благовонном вместилище ежедневных извержений твоего духа и твоей материи? Ж у р к а, не залез ли ты носом в горло к какому-нибудь беседному волку и не отгрыз ли этот волк у тебя твоего члена, столь нужного для разных твоих прихотей? В а р в и к, не сделался ли ты Варварою, Варравою или варваром? А р ф а, не сделалась ли ты Марфою, не вышла ли замуж за седого отрока и не пометала

ли каких-нибудь беседных уродцев? Словом, не провалились ли вы к чёрту, почтенные друзья моего сердца?

Что подало повод к такой нежной заботливости о здоровьях ваших превосходительств? — спросите вы. — А вот что, голубчики!

Научившись издавна читать и писать, прочитал я между прочим и письмецо, полученное мною из известного вашим превосходительствам города Оренбурга, находящегося на границе степей Киргизкайсацких, как то и на карте означено; в этом письме нашел я, так сказать, изложение некоторого печального положения, в коем закопался один из молодых Фебовых пенсионеров. При этом письме доставлена была ко мне и некоторая стихотворная девственница[1], Наталья по имени, если не родная и не двоюродная, то уж, конечно, внучатная сестра почтенной и милой боярской дочери Натальи Николаевны Карамзиной[2], за которою мы все смолоду волочились, которая нам никому не досталась, которая всё не стареется и никогда не состареется, и никогда, как известная невеста Ивана Андреевича Крылова[3], не выйдет за каляку по первому изданию и не поставит лыка в строку по второму изданию.

Я имел честь уведомить Арзамас о вышеозначенном печальном положении, я переслал в Арзамас и Наталью во всей чистоте ее и целости; и были сделаны мною Арзамасу некоторые посильные предложения насчет сих различностей; и дошел до меня слух, что Арзамас на что-то в отношении к оным решился; и не дошло до меня слуха, что из сего будущего чего-то вышло настоящее. А между тем в Оренбурге на Урале под солдатскою сумою не так-то любо, как в Петрограде на Неве на балах, свадьбах, погребениях и прочих радостях. Сия-то медлительность и сие забвение Арзамаса понудили меня спросить у членов: Все ли вы в добром здоровье, голубчики? И не стал ли Арзамас Беседою, мои сахары?

Удостойте меня ответом, беззаконные друзья моего сердца! Перестаньте беседничать, мои ангелы, скоро Светлое воскресение! Это праздник не беседный, нам надобны для него не красные яйца, а бело-красные! Соберитесь, друзья, в арзамасскую камеру! Поставьте лубок милосердия, расстелите ковер сострадания, катайте яйца благости, не забудьте и моего яичка в кон поставить. Потом соберите яички в лукошко утешения и перешлите их (если угодно через меня) в Оренбург по почте отрады, а я вам говорю: Христос воскресе! — и лобзаю вас в очи, уста и затылки.

Светлана

22.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ 13 АВГУСТА 1817 г.

Месяца Зарева был в обиталище Рейна[1] двадесять вторый Арзамас, присутствовали Их Высокопревосходительства:

Светлана.
Рейн.
Кассандра.
Пустынник.
Эолова Арфа.
Варвик.
Две Огромные Руки.
Почетный гусь Михаил.

Не присутствовали по причине недуга Ивиков Журавль и без всякой причины Резвый Кот. В сем достопамятном заседании происходило, смею сказать, следующее:

1-е. Прочтен был его превосходительством мною весьма краткой и сим единственно превосходный протокол, который все члены и подписали довольно четко и правильно.

2-е. Выбран был незаконным или, лучше сказать, дозаконным образом член Статный Лебедь[2], служащий в свите вселюбезнейшего нашего монарха, царствующего над полвселенною от Бельта до Каспия, от Петропавловской крепости до Вислы, что в Польше, где находится Варшава, в которой будет находиться и Асмодей с 200 жалованья серебром и с чином коллежского асессора.

3-е. Подписаны законы Арзамаса так размашисто, как и все протоколы.

4-е. В исполнение одной из многих статей сих подписанных законов избраны представителями Арзамаса их высокопревосходительства:

Светлана, яко тайник или секретарь.
Ахилл.
Асмодей.
Кассандра.
Чу.
Старушка.
Варвик.

В замену отсутствующих их высокопревосходительств Пустынник, Резвый Кот, Эолова Арфа и Статный Лебедь, почему Эолова Арфа и пожалована Эоловым Арфаксадом[3].

5-е. Читаны три программы[4], две — членом Рейном, одна — членом Варвиком, по поводу коей произошел страшный арзамасской язычный бой, и совершилось вторичное по сотворении мира смешение языков.

6-е. Чтоб не забыть сказать, избран временным тайником Кассандра, после чего забыт председатель, но не забыт ужин, ибо трубный глас Эоловой Арфы громозвучно возвестил оный, и труба-возвестительница обратилась в смиренную кишку-вместительницу.

Черный Вран.
Ахилл.
Громобой.
Ивиков Журавль.
Светлана.
Резвый Кот.
Почетный гусь Михаил.
Кассандра.
Пустынник.
Эолова Арфа.
Варвик.

23.

ПРОЩАЛЬНАЯ РЕЧЬ В. А. ЖУКОВСКОГО НА ЗАСЕДАНИИ 18 СЕНТЯБРЯ 1817 г.

Высокопреосвященнейшие товарищи души моей! Неисповедимая судьба, властительница вселенной, бездонная хлябь или пучина, заглатывающая в себя все, что есть, было и будет, та судьба, которая со всеми что-нибудь делает и только с одним Седым дедом не знает что делать, та судьба, которая сохранила нашего почтенного старосту во время говения на Страстной неделе невредимым, дабы, несмотря на жестокие вериги поста и грозно свистящие плети покаяния, он мог добуянить с опасным соседом и потом смиренно получить разрешение в грехах своих от приходского священника, эта именно судьба влечет меня от вас, влечет сперва в известный город Юрьев к милым моим чухнам, сосквернымъ Беседе, потом в не менее известный вам город Москву, сию первопрестольную великаншу славы российской, сожженную не Антоновым огнем смертного недуга, но Наполеоновым огнем величия бессмертного. Еду от вас, и жаль мне вас, да и как не жалеть, ибо все вы очень умные и добрые люди. Было мне с вами весело; беззаботно изъяснял я на бумаге и на словах то, что чувствовало к вам мое сердце, хотя, признательно сказать, и нередко в пестро-

видном слоге моем ощутительна была как будто бессмыслица. Не взыщите, мои голубчики.

Отъезжая, смотрю на Арзамас с неким усладительным колыханием восторга. Уже огласился он громогласными ораторскими затеями Ахилла и Черного врана[1]; если я, смещенная Светлана, если его высокопреосвященство Резвый Кот на время удалимся от священной обители Арзамаса, то наши седалища займут со славою сии два неутомимые наездника словесности, сии два забубенные карателя Беседы. Едет к вам и Старушка из Саратова[2], черный конь под ней храпит и скачет, а Беседа громко сопит и плачет. Наконец, приятно для меня и то, что будущее Арзамаса покрылось новыми лучами вожделенных событий: считаю за нужное уведомить вас, хотя это вам и весьма известно, что наш Почетный Гусь Николай, с трогательным доброжелательством к Арзамасу, внес весьма недавно в сумму членов его маленького, им самим сочиненного арзамасца, также Николая[3], который и принят с рукоплесканием. Минута, в которую узнали мы об этом новом Николае, была для нас приятная, без всякой примеси беседного; в двух словах сказали мы все, что мог бы только сказать красноречивейший оратор Массильон[4]: «Будь Николай второй то же, что Николай первый!» Так, друзья, да увидим его в Арзамасе сидящего рядом с отцом; обоих счастливых, ничего милого не потерявших, одного спокойно наслаждающегося славою чистою, славою благословенного и благословляемого его отечеством, а другого созревшего в глазах отца для приобретения такой же славы — верного товарища арзамасцам. И надолго! надолго!

Доложу вам также, что и у Кассандры скоро будут крестины: Андрей Кассандрович уже в пеленках выставляет гузно (?), как скоро скажешь во услышание его: Беседа. Недавно он написал на одной из своих простынь притчу во вкусе Хвостова, и таких притчей выдает он в сутки по дюжине; не заключите из сего, чтобы в нем созревал другой беседный Притченник: нет! друзья. Хотя он и работает как граф Д. И. не головою, но сия не голова у него находится совсем в извращенном положении. В то время когда не голова Его сиятельства графа Д. И. высится и надменно открывает сгиб свой земле и небу, смиренная не голова Андрея Кассандровича[5] прячется под пеленку, и притчи сами собою из нее вытекают, и никого не просят на них подписываться. Доказательство, что этот Андрей будет во всем противуположностию Беседы и ее неблаговонного представителя.

При всех этих радостях приятно мне с вами расстаться, друзья мои. Итак, позвольте сказать вам мое нежное прости. А вы, почтенный Кассандра, примите от меня сии переплетенные излияния Арзамаса, да внесутся пером вашим в них многозначащие каракульки арзамасской деятельности. Да найду я вас всех при возвращении моем благоденствующих и преуспевающих, да скажу вам, прижавши вас к груди в час свидания: «Все ли вы в добром здоровье?» и да ответствуете вы мне: «Слава, сударь, Богу!»

О НОВОЙ КНИГЕ
[Паррота: Entretiens sur la Physique]

Профессор Дерптского университета, г. Паррот, поручил мне приятную обязанность распространить между русскими и в особенности между московскими читателями известие о сочиненной им книге «Entretiens sur la Physique» — Разговоры о физике. Лучшим для сего средством почитаю напечатать уведомление о ней в вашем журнале: он у всех в руках, и публика имеет доверенность к его издателю[1]. Выписываю то, что говорит сам автор в своем объявлении, напечатанном особенно на французском языке:

> Наука есть принадлежность человека; но не один ученый должен пользоваться плодами ее: все классы человеческого общества, по мере своих потребностей, имеют на них право; в особенности физик, которого наука должна возбуждать внимание всеобщее, обязан знакомить светского человека с ее успехами, обязан истребить ложное мнение, утверждающее, что знания физические неприступны по причине глубоких умствований и трудных исчислений, с ними неразлучных. Правда, что истина физическая должна предварительно пройти сквозь сумрак гипотез и сомнений, сквозь длинный ряд опытов, сквозь лабиринт исчислений; но из сей лаборатории ума человеческого она должна наконец появляться, облеченная в простоту, ясность, величие, привлекательные для рассудка, легко поражающие воображение.
>
> Такова цель сочинителя книги «Разговоры о физике». Он выбрал форму разговора, дабы избежать сухости и однообразия в слоге, дабы владеть вниманием, не утомляя его, дабы иметь способ украшать цветами предмет свой, столь богатый и разнообразный, что вся трудность состоит только в выборе лучшего и нужнейшего.
>
> Книга сия не есть систематический трактат о физике, в коем обыкновенно представляется каждая теорема отдельно, но ясное и точное изображение физических и химических законов природы и главнейшего их применения.
>
> Она будет состоять из двух частей. В первой — изъяснение известных законов природы, рассматриваемых в общих свойствах материи, в феноменах движения жидких и твердых тел, в феноменах теплоты, света, состава и раздробления тел, электрической силы, магнита. Во второй — применение сих законов ко главным явлениям природы. В сей последней части заключается: 1-е, физика земли, которая рассматривает нашу планету сначала в отношении к ее форме, величине и к действиям тяжести; потом в отношении к ее поверхности, составленной из гор, пещер, вулканов, рек, озер и морей; наконец к бесчисленным и важным явлениям нашей атмосферы; 2-е, главные системы геологии, которая изображает великими чертами историю изменений земного шара и старается разрешить, каким образом сии изменения произвели напоследок видимую нами ее поверхность; наконец 3-е, астрономия. Под

именем ее физика перелетает от скромной обители человека к небу, рассматривает бесчисленные звезды его, изъясняет чудесные движения нашей земли и планет, ей сопутствующих в постоянном ее течении вокруг нашего солнца.

Картина природы, объемлющая бесконечно-великое и бесконечно-малое, являющая чудесную связь между явлениями и неизменными законами, коим они все вообще покорствуют, изображающая перед глазами человека все его величие, но в то же время и ограниченность его сил и слабость его зрения — такая картина необходимо оживляет в нас чувство Божества, открывающегося человеку в таком величии, чувство высокое, источник чистейших, блаженнейших наслаждений.

Прибавлю несколько слов: когда я находился в Дерпте, то почтенный автор, удостоивающий меня дружбы своей, сам читал мне первый том своей книги. Цель ее: сделать физику приятною, для н е з н а ю щ и х предложить ее истины простым, привлекательным, для всякого равно понятным языком — имею некоторое право сказать, что автор совершенно достиг этой цели. Будучи совершенно н е з н а ю щ и м в его науке, я слушал его с наслаждением. Он умел оживить приятностию слога сухость своей материи — и первая часть особенно представляла ему почти непобедимые трудности: надлежало говорить о главных, общих свойствах тел, о тяжести, равновесии, делимости, плотности и проч. — предметы отвлеченные, привлекательные для немногих — все сии трудности побеждены с ч а с т л и в о. Особенный характер слога его есть ясность. С благоразумною умеренностию выбрал он занимательнейшие между бесчисленным множеством предметов своей науки, и выбрал так, что читатель его получает полное понятие о том, что узнать ему необходимо: он следует без труда за мыслями автора или, лучше сказать, невольно вмешивается в рассуждения разговаривающих лиц; ум его не без действия, но сие действие не тягостное: он остается доволен и собою, и своим наставником, — и в награду за легкий труд получает полные и ясные понятия, знакомится с окружающими его тайнами природы, находит и жизнь и чудеса там, где прежде для незнания его было все мертво и обыкновенно. Могут подумать, что автор, выбрав форму разговора, идет по следам Фонтенеля[2], но между ними великая разница, сколько могу судить по одному беглому чтению. Фонтенель хотел доказать, что о б о в с е м можно говорить языком острым и шутливым; его «Разговоры о множестве миров» — блестящая игрушка. Наш автор не имеет этой хвастливости: он более думает о науке своей, нежели о самом себе; не хочет ослеплять остротою ума и красками слога, но употребляет их как средство н е о б х о д и м о е, дабы овладеть вниманием. В «Разговорах» Фонтенелевых дивятся Фонтенелю; «Разговоры о физике» заставят полюбить физику.

Все шесть томов этого прекрасного сочинения готовы. Почтенный сочинитель, чтобы иметь средство напечатать книгу свою, ибо ее напечатание должно

стоить больших издержек, считает за нужное открыть на нее подписку. Должно надеяться, что русская публика для собственного удовольствия поддержит его полезное предприятие. Подписка для московских читателей и для иногородних открывается в московском почтамте, в газетной экспедиции. Подписавшиеся платят за шесть томов на простой хорошей бумаге 40 руб., а на писчей 50 рублей; при подписке получают они билет, по которому и будет выдана им книга, как скоро о выходе ее напечатается в «Московских Ведомостях».

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО САКСОНСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ (В 1821)

Пильниц. Ломен. Ottowalde-Grund. Время было несколько туманно, когда мы (я и мой товарищ О…в)[1] оставили Дрезден; но в Пильнице встретили мы ясную погоду, и во весь этот день солнце (несмотря на несколько дождевых эпизодов) было к нам довольно благосклонно. О Пильнице не могу сказать вам ничего: окрестности его приятны, но сам дворец и сад мало достойны примечания. Напившись кофе в трактире, мы поехали далее, в городок Ломен, где оставили свою коляску, и отсюда началось наше пешеходство; коляску же отправили мы дожидаться нас в деревню *Ратевальде*. В Ломене есть старинный замок: с высокой его террасы взглянули мы на речку Везеницу, которая течет живописными берегами, — вид прекрасный! Перед глазами часть городка и мельница, которой колеса приводятся в движение быстрым водопадом. Из Ломена пошли мы полем и скоро по крутой тропинке спустились в Ottowalde-Grund (Grund, я думаю, можно перевести словом: дебрь); это не долина[2], а узкий, глубокий и длинный проезд между утесами — дорога, которую в старые времена проложила себе вода, проточившая камни. Внезапная противоположность той глубины, в которой мы очутились, с тою веселою равниною, которую мы покинули, была весьма разительна: вдруг все дико, мрачно и сурово; идешь узкою тропинкою между огромных камней, покрытых старым мохом и в ужасном беспорядке набросанных на дно долины; по обеим сторонам стены утесов, покрытых елями и соснами; над головою узкая полоса голубого неба; кое-где на вершинах свет солнца; внизу же свежесть и сумрак, и нельзя описать того разнообразия, в каком представляются здесь утесы: то вдруг огромная отделившаяся колонна, на которой вместо капители мох и сосны; то вдруг целая стена, треснувши, наклонилась и грозится тебя задавить; то вдруг странные фигуры камней поражают глаза и воображение, и эти странные фигуры подали повод ко многим народным басням. Наш болтливый проводник (которого на все путешествие взяли мы в Ломене) рассказывал нам биографии некоторых утесов: так, например, в Ottowalde-Grund есть глубокая низкая пещера, которая называется Teufelshöhle: в ней жарит свою дичь и, вероятно, угощает ею дьявола, так называемый *дикий охотник* (der wilde Jäger), здесь известный под именем *безго-*

лового Дидриха; он, часто по ночам с ужасным криком, вихрем и градом бегает по утесам и забавляется охотою; есть место, которое называется *Steinernes Haus*: на дне долины лежит обрушившийся камень, имеющий фигуру дома. Долина, почти везде весьма узкая, вдруг так стесняется, что едва можно пройти двум человекам, и несколько камней, сорвавшись с высоты, увязли в ущелье и образовали кровлю: это место называется *Ottowalde-Thor*. Сквозь эти ворота входишь в Raingrund, потом в die Hölle, потом узкою дорожкою начинаешь подыматься вверх: вокруг тебя всё дико по-прежнему; кажется, что находишься в таком месте, где никогда не была нога человеческая: всё в разрушении, всё мрачно и сурово; но, взобравшись на высоту, видишь себя вдруг на лугу: кругом кустарник и веселая густая роща; тропинка вьется чрез рощу, и тут кое-где сквозь деревья начинают проскакивать виды на голубую даль с светлым небом, и начинаешь подозревать, что величественное зрелище близко… Чтобы вполне насладиться неожиданностью, я не дал воли своему нетерпению; как ни манили меня выглядывавшие из-за деревьев утесы, я шел, уставив глаза на свою тропинку и на вялые листья, которыми она была покрыта: наконец вдруг исчезли деревья, и мы очутились на Bastey.

Die Bastey. Как жаль, что надобно употреблять слова, буквы, перо и чернила, чтобы описывать прекрасное! Природа, чтоб пленять и удивлять своими картинами, употребляет утесы, зелень деревьев и лугов, шум водопадов и ключей, сияние неба, бурю и тишину; а бедный человек, чтоб выразить впечатление, производимое ею, должен заменить ее разнообразные предметы однообразными чернильными каракульками, между которыми часто бывает гораздо труднее добраться до смысла, нежели между утесами и пропастями до прекрасного вида. Что мне сказать вам о несравненном виде с Bastey! Как изобразить чувство нечаянности, великолепие, неизмеримость дали, множество гор, которые вдруг открылись глазам, как голубые окаменевшие волны моря, свет солнца и небо с бесчисленными облаками, которые наводили огромные подвижные тени на горы, поля, воды, деревни и замки, пестревшие перед глазами с удивительною прелестью. Каждый из этих предметов можно назвать *особенным* словом; но то впечатление, которое все они *вместе* на душе производят, — для него нет выражения; тут молчит язык человека, и ясно чувствуешь, что прелесть природы — в ее невыразимости![3] Надобно, однако, посвятить несколько чернильных каракулек описанию Bastey. Это утес во сто саженей перпендикулярной вышины, выдавшийся из ряду других утесов над самою Эльбою, которая у подошвы его извилась дугою; вправо и влево такие же крутые, но не столь высокие утесы; перед глазами все горы Саксонской Швейцарии или, лучше сказать, огромные камни, со всех сторон обтесанные и неприступные: высокий Lilienstein с кудрявою вершиною, Königstein с своими башнями, Pfaffenstein, Papststein и множество других, влево der grosse Winterberg, на горизонте die Erzgebirge, правее Пирна, вдали

Дрезден; деревни по берегам Эльбы кажутся карточными домиками, а лодки, плывущие на парусах по реке, светлыми, тихоползущими мошками.

На утесах, торчащих влево от Bastey, стоял в старину, как уверяет предание, разбойничий замок; еще видны скважины, означающие место бывшего моста; некоторые щели утесов и теперь закладены камнями, а на некоторых скалах, по которым нынче трудно и ползти, остались еще колеи от колес; этот замок, конечно, был в старину неприступен; но после он был разрушен пушками с противоположных утесов, которые и поныне называются шанцами и на которые мы взбирались. С них представляется глазам совсем другая картина: точно стоишь на крутой скале, торчащей из моря; только вместо волн окружают тебя вершины елей и сосен, и между ними, как острова, белеют и чернеют другие утесы, страшно разорванные и разбросанные: случай оживил для нас эту картину, пленительную мертвым своим ужасом, и воображению довольно живо представилось старое время, когда на этих крутизнах гнездились разбойники, *тираны окрестностей* (как говорит Делиль)[4]. В то самое время, как мы от Bastey спустились по крутизне на дно пропасти, на высоте затрубили в рог; эхо проснулось, раздалось по скалам, и всё опять замолчало; опять тот же звук, тот же отзыв и то же молчание; вслед за рогом заиграла арфа и запел голос. Как ни глубока была пропасть, но звуки струн доходили до слуха; кто играл, было невидимо, но окружающая дичь казалась оживленною: мы долго стояли, слушали, наконец пошли; скоро звуки замолкли, и всё опять одичало. Надобно знать, что около Bastey есть несколько дощатых хижин; там можно всегда найти обед и там же всегда встретишь арфистов: их-то песня нам слышалась.

Дорога от Bastey в Шандау. С высоты Bastey спустились мы в Ratewalde-Grund и ущельями, подобными первым, пошли к деревне Ратевальде, где нас дожидалась наша коляска. Тропинка вилась между такими же камнями, как и первые, но окружающие виды были еще живописнее, а утесы огромнее и величественнее: одна громада этих утесов называется, не знаю почему, die grosse Gans, другая die kleine Gans; один утес, das Lamm, в самом деле похож на ягненка, лежащего на крутой скале; о другом утесе, называемом die Mönchssteine, рассказывает предание, что он есть памятник Божия гнева, наказавшего преступную любовь: он есть не иное что, как монах и монахиня, окаменевшие в минуту встречи на месте назначенного свидания. (То же самое рассказывают об одном утесе близ Эйзенаха.) На одной высокой скале видишь группу мелких камней; их называют Affensteine, ибо они должны изображать обезьян в разных положениях. Долиною Grünbachthal, по берегу ручья, от которого она получила имя, начали мы снова взбираться на высоту: воды этого ручья в своем течении образуют два водопада, которые в начале весны или после проливных дождей должны быть весьма живописны; но мы видели один только мелкий, быстрый ручей, который приятно шумел и пробирался между камней. Первое падение

называется Amselloch, потому что камень, с которого он падает, образует пещеру, довольно глубокую; видишь серебряную струю, перерезывающую надвое темный вход пещеры; а вошедши под навес, видишь ту же струю, которая кажется прозрачным кристальным столбом; сквозь брызги видна вся бегущая вниз долина, и в самом конце задвигают ее, дымящеюся от паров громадою, огромные скалы Affensteine. Довольно устав от своего путешествия, пришли мы наконец в деревню Ратевальде, сели в коляску и поехали в Шандау через Ziegenrück, с которого имели прелестный вид на окрестность при заходящем солнце. Шандау известен своими минеральными водами и ваннами; мы остановились за городом, в трактире, где находятся и ванны. Его положение живописно; но нам уже было не до живописных положений; усталость и ее родной брат, голод, нас мучили; от голода избавились мы вкусным ужином, а усталость прогнал услужливый сон[5].

Kuhstall. Мы не дали себе воли нежиться, встали рано и, позавтракав, пустились в путь. Несколько времени — пока было можно и, чтобы не тратить напрасно сил, — ехали мы берегом источника Кирнича в коляске; наконец дорога наша оборотилась в тропинку; мы пошли пешком и начали взбираться по крутизне к Kuhstall. Достигнув с трудом до высоты, пришли мы дорожкою, обсаженною стриженными елями, ко входу пещеры или, лучше сказать, к огромным воротам, сделанным самою природою посреди утесов; эти ворота называются Kuhstall, потому что в 30-тилетнюю войну[6] жители окружных мест прятали под их сводом от хищничества шведов свою скотину; и они так огромны, что под ними могло скрываться довольно большое стадо. В наши времена этот приют несчастья сделался одним предметом беззаботного любопытства, и память минувших ужасов только оживляет то удовольствие, которое производит чудесный вид пещеры и пропастей, ее окружающих. Свод ее и стены кажутся мозаикою: так испещрены они именами путешественников, которые везде хотят оставить вечный след своего минутного пребывания. И нам захотелось отведать вечности: О…в взгромоздился на лестницу и, пока я занимался временным, то есть утолял свой голод жареным картофелем, начертил для будущих времен свое и мое имя на таком месте, далее которого ничья смелая рука не достанет. В пещере есть все для этого нужное; кисти и чернила. В стенах ее в одном месте выдолблена кухня, в другом погреб: во всё лето живут здесь люди, которые угощают путешественников обедом и кофе; нашлись также и арфисты. На утесах, образующих Kuhstall, много предметов, достойных любопытства; некоторые напоминают ужасную 30-тилетнюю войну; например, одна маленькая пещера называется Wochenbett; в ней, по преданию, скрывалась от шведов беременная женщина, родила своего младенца и провела первые дни родов в безопасности; один нависший над пропастью камень, с которого страшно смотреть в глубину, называется die Kanzel: с него проповедывал какой-то священник, сброшенный

после в пропасть, и место, с которого его столкнули, наименовано Pfaffensprung. Здесь в старину скрывались и разбойники; их замок, стоявший на вершине, над самым Kuhstall, назывался Wildenstein; взобраться к нему можно только сквозь темную, узкую трещину, в самой средине утеса находящуюся, куда едва может протесниться один человек; мы кое-как пролезли и с высоты, где нет уже и признаков замка, любовались ужасом окрестностей. Все это место окружено лабиринтом пещер, в которых было легко и скрываться и защищаться, и в одной из них, называемой Schneiderloch (по имени разбойника Шнейдера, который долгое время в ней прятался), один человек мог оборониться от целой армии: к ней надобно карабкаться по узким камням, висящим над бездною, согнувшись в дугу, потому что и над головою висят такие же камни; в самой же пещере нельзя стоять: так она низка, но вид из нее удивительный: все вокруг тебя, перед тобою, над тобою и под тобою в развалинах: здесь царство разрушения, одно только эхо здесь существует — минутный, быстро исчезающий житель, только разительнее напоминающий о ничтожестве. Наш проводник начал кричать, и эхо по нескольку раз повторяло его крики, и молчание, которое всякий раз сменяло голос, было еще разительнее после мгновенного звука. Осмотрев все эти предметы (их можно теперь видеть без всякой опасности, ибо везде для проходящих поделаны перилы), мы опять сошли в Kuhstall и, провожаемые арфою, начали спускаться в глубину долины, через которую надобно было пройти, дабы потом подняться на Klein-Winterberg. На дне долины мы остановились и увидели над головою Kuhstall, который снизу показался нам едва заметною трещиною; мы увидели несколько мужчин и дам, пришедших по следам нашим в пещеру, и в трубу могли различить, что они вальсировали под арфу, которой звуки нам явственно слышались; из пропасти закричали мы им *браво!* и полезли на Klein-Winterberg.

Klein-Winterberg. Фортуна, до сих пор к нам благосклонная, покинула нас у подошвы этой горы: небо задернулось облаками, и начался дождь, сначала мелкий, потом довольно сильный; мы промокли до костей. Одно утешение нам осталось: проводник уверял нас, что на высоте горы найдем мы защиту. Хотя мы и шли всё лесом, но это нисколько не спасало от дождя, напротив — его удваивало; ветер шатал деревья, и капли, сыпавшиеся с листьев, составляли крупный древесный дождь, который нимало не уступал небесному. Но вот мы на вершине, и дождик перестал. Спешу к обещанному убежищу, что же? Это не иное что, как каменная беседка, со всех сторон открытая, в которой бушевал сильный, холодный ветер. На первую минуту чувство обманутой надежды было весьма неприятно: но часто живейшие удовольствия находишь там, где их не ожидаешь. Новое чудесное зрелище поразило нас: облака разорвались огромными массами и страшно летали *над* нашими головами; голубое небо выглядывало и исчезало; на всех пунктах горизонта являлись тучи, одни уходя-

щие, другие идущие; в некоторых местах они были совершенно черные, и под ними чернели далекие горы, которые врезывались в них своими вершинами; в других местах тучи сливались дождем с горизонтом, и казалось, что там был промежуток пустоты: как будто что-то разрушилось и один только столб пыли остался. Ближние предметы были еще чудеснее! Лесистые горы, долины, деревья, утесы — всё смешалось в один хаос; дождик перестал, и со всех сторон начали подыматься пары: там вилась ужасная белая змея в клубящемся облаке дыма; там множество легких облаков летали, как стая привидений; там вершина горы была перерезана туманною полосою; там целая гора синела на воздухе, и под нею волновались облака; там, вдоль глубокой долины, тянулась и подымалась длинная полоса паров, похожая на дым от обширного пожара в лесу или на необъятную, разбросанную седую гриву какого-нибудь чудовища, которую раздувал сильный ветер, — словом, зрелище было неописанное; я забыл холод и мокроту и не мог наглядеться на этот величественный хаос. А арфа как тут! Вошедши в беседку, мы и не приметили, что в углу ее притаился старый богемец с маленькою дочерью; увидев путешественников, он принялся исполнять свою должность, заиграл и запел, а малютка начала ему вторить! И что же они запели? *Прощание Бонапарте с Францией*[7] (я списал эту песню; она, кажется, стала народною: я слышал ее и на Bastey и после на Schlossberg, подле Теплица). Признаюсь, такая неожиданная гармония посреди туманного волнения между утесов поразила меня. Пение было неискусное, но в соединении дрожащего голоса старика с звонким и еще не созревшим голосом младенца было что-то трогательное; а содержание песни разительно согласовалось с тем местом, на котором она нам слышалась: вокруг нас все было пустынно и дико; утесы стояли неподвижно, и между ними легким дымом, ничтожными призраками летали остатки минувшей бури: поневоле виделось тут бурное, разлетевшееся величие Наполеона! И что-то было прискорбно поражающее в этом имени, недавно грозном, которое (без всякого о нем понятия) старик и младенец повторяли в глухой дичи, чтоб получить несколько крейцеров от проходящего. На наше счастие вблизи беседки, построенной для удовольствия путешественников, нашлась лачужка, в которой развели мы огонь, обсушились и даже напились кофе. Пока мы грелись и морщились от дыму, наш проводник рассказывал нам сказки. Через полчаса мы опять отправились в путь; но на вершине большого Winterberg, с которого в ясную погоду можно видеть, как в панораме, все горы Саксонии и часть гор Богемских, не видали мы ничего: опять начался мелкий дождь, и все слилось в однообразный непроницаемый туман.

Prebisch-Thor. Вздохнув о потере удовольствия и не надеясь переждать ненастье, которое, казалось, совсем овладело небом, пошли мы далее; но дождик вдруг перестал, мы ободрились и наконец, миновав утесы, называемые die Schäfersteine, и переступив за границу Богемии, очутились на высоте утеса, на-

зываемого Prebisch-Thor. С этой крутизны имели мы почти такой же вид, как и с Klein-Winterberg; но впечатление, которое он сделал над нами, было точно похоже на радость: прояснившееся небо прояснило и душу. Воспоминание о Prebisch-Thor есть самое приятное из всех, оставшихся мне от Саксонской Швейцарии. Prebisch-Thor есть такая же сквозная пещера, как и Kuhstall, только несравненно уже и выше; сперва всходишь на верх того камня, который образует ее свод, потом уже спускаешься под самый свод; но как описать это чудесное место! Вообразите узкую скалу, длиною в десять или пятнадцать сажен, а шириною не более четырех аршин, положенную на два других стоячих утеса; на этой узкой каменной полосе стоит, будучи окружен спереди, справа и слева пропастями во сто сажен глубиною, из которых, как страшилища, высовываются другие голые утесы; за ними зеленеются с трех сторон долины; позади них подымаются лесистые невысокие горы, между которыми также видишь дно извивающихся долин, а за этими близкими и зеленеющими горами стоят, как привидения, далекие, синие, и над всем этим неописанным разнообразием гор и долин вообразите тот же чудесный туман[8], волнующийся, летающий, но гораздо более прозрачный, так что по временам можно было различить всё, что таилось под его воздушными волнами; но иногда вдруг он совершенно сгущался, и в эти минуты казалось, что стоишь на краю света, что земля кончилась и что за шаг от тебя уже нет ничего, кроме бездны неба. Рядом с Prebisch-Thor находится другая скала, отделенная от первой пропастью, гораздо выше, уже и круче: она называется Prebisch-Wand. Мы лазили на нее, чтоб взглянуть на Prebisch-Thor; с боку — вид несравненный: не понимаешь, для кого созданы природою в пустыне эти таинственные ворота и куда ведут они; кругом них бездны, сквозь их отверстие виден один волнующийся туман и что-то, как будто из другого света, мелькает сквозь этот полупрозрачный сумрак, и на высоте утеса, образующего их свод, на голом граните, растет одинокая ель; корни ее совсем обнажены; не знаешь, откуда берут они свою пищу; но она зелена, свежа, и бури ее не трогают! У самого Prebisch-Wand стоит, как будто ее сторож, ужасная, уединенная скала Prebisch-Kegel: это гранитный столб, со всех сторон неприступный; никто, кроме разве орла, не бывал на его вершине, и эта неприкосновенность придавала ему какое-то величие.

Возвращение в Шандау. Солнце выглянуло из туч, когда мы от Prebisch-Thor спустились во глубину долины по лесистой горе, называемой die heiligen Hallen, и которая, как необъятный разрушенный амфитеатр, с бесчисленными ступенями подымалась позади нас; утесы образовали стены, своды, ложи и галереи: надобно было идти по крутому их скату почти целую версту, чтобы добраться до дна долины. Все потемнело, когда мы спустились в Bielgrund и по берегу быстрого ручья пошли в Hirnischkietschen — пограничное местечко, где находится австрийская таможня. Здесь кончается Саксония и начинается

Богемия. В Hirnischkietschen дожидалась нас лодка, и мы поехали Эльбою на Шандау. Несмотря на вечернюю сырость, наше плавание было приятно; между утесами, которые, как стена, подымаются на правом берегу реки, один достоин примечания по своей фигуре; его называют die Königsnase. В самом деле видишь профиль огромной головы, смотрящей на воды из-за скалы, и эта голова с движением лодки беспрестанно переменяет и физиономию, и положение; наконец она ложится и пропадает; несколько елей, выросших на высоте, кажутся букетом, пришпиленным ко груди каменного великана. Была почти ночь, когда мы возвратились в Шандау.

Lilienstein. Brand. Hohestein. Не стану подробно описывать вам остального нашего путешествия: ничто не будет ново в описании, хотя виденные нами предметы имеют, каждый, много особенного. Мы взбирались в жар, по песку на крутой Lilienstein, с которого видишь вблизи Königsstein и необъятную гористую окрестность; на краю горизонта можно различить, как светлую точку, Ноллендорфскую часовню. У подошвы Лилиенштейна, в 1813 году, расположились укрепленным лагерем остатки французской армии, почти уничтоженной в России — и теперь еще видны батареи. Это, как заметил мой товарищ, было предсказанием того, что случилось после: Наполеонова армия нашла защиту под камнем Лилии, в виду роковой Ноллендорфской часовни. С Лилиенштейна, через поля и свежую долину Tiefegrund, достигли мы около вечера до утеса, называемого der Brand: он очень сходен с Bastey, и вид с него, если не обширнее, то привлекательнее: перед самыми глазами, в глубине, зеленая долина, вдоль которой, по излучинам ручья, вьется дорога; к ней примыкает другая долина, также свежая и зеленая; за ними густая темная роща, за которою в двух местах блистает Эльба и синеют те же горы, которые видны с Bastey; вечернее солнце удивительно украшало и разнообразило эту картину. Прежде, нежели оно закатилось, успели мы прийти в городок Hohestein и осмотреть находящийся в нем старинный замок: можно сказать, что он висит над пропастью и что скала, его держащая, всякую минуту готова с ним обрушиться. Часть этой пропасти, в которую со страхом глядишь с террасы замка, обращенной ныне в цветник, называется Bärengarten. В ней когда-то, за высокими стенами живали медведи, которых ловили в окружных лесах; из окон замка можно было любоваться их дикою домашнею жизнью. В замке показывают остатки старинных тюрем. Одна из них, темная и низкая, называлась die Marterkammer и была определена для пытки: нынче хранится в ней один картофель; в другой, полуразвалившейся, содержался преступник Клеттенберг (за делание фальшивой монеты); этот несчастный вздумал было спастись, и из соломы, служившей ему постелью, свил веревку, спустился по ней из окна, но веревка была слишком коротка; он прянул и переломил ногу; его поймали и казнили; а предательницу-веревку и теперь показывают путешественникам. В Hohestein кончилось наше странствие.

Здесь дожидалась нас коляска наша, приехавшая сюда из Шандау. Было гораздо за полночь, когда мы возвратились в Дрезден.

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ О САКСОНИИ

В Виттенберге[1], который пленяет воображение своею древностью, видел я обе старинные церкви и заглянул в келью Лютера: видел имя нашего Петра, написанное его рукою[2], и, следуя дурному примеру всех путешественников, отрезал себе кусок от Лютерова стола, которого скоро не узнает дух Лютера, если он только посещает иногда место своего прежнего пребывания, не узнает: так изрезали его благоговейные ножи путешественников! Жаль, что в этой келье стоят старинные портреты, которых в ней не было во время Лютера: это мешает воображению. Из Виттенберга поехал я через Преч, где осматривал, пока переменяли мне лошадей, старинный замок. В Торгау, где также есть старинный, весьма живописный замок, я лазил на высокую башню и любовался окрестностями. На другой день поутру приехал в Мейссен[3]; фарфоровой фабрики видеть было нельзя, потому что был праздник Вознесения; я пошел в Domkirche и всходил на высокую ее башню. Вид с нее удивительно обширный, и сама церковь достойна примечания: величественная, готическая архитектура; здесь есть две картины: «Распятие» Луки Кранаха[4] и «Поклонение Волхвов Христу»[5], как уверяют, Альбрехта Дюрера. Последняя, кто бы ни был живописец, понравилась мне гораздо более первой: необыкновенная сила и выразительность в лицах. Она писана на дереве и створчатая, как обыкновенно запрестольные образа в лютеранских церквах; на дверцах, которые служат и крышкою для картины, изображены четыре апостола. Смотря на эти изображения, ясно почувствуешь, чем отличается немецкая школа[6] от прочих: простая, величественная, но не идеальная природа. Она менее действует на воображение, но, кажется, более удовлетворяет чувству. Вся дорога от Мейссена до Дрездена есть веселый сад на высокой полугоре: с правой стороны Эльба; с левой — то высокий утесистый берег, то отлогий зеленый холм, то виноградники, и беспрестанно встречаются чистые, веселые сельские домы; дорога прекрасная: лучшей не может быть и в саду; по сторонам прекрасные тротуары из песчаного камня; их не трудно и делать и содержать: материал, т. е. утесы из песчаного камня, находятся у самой дороги. Вообще характер здешней природы и ее жителей есть какая-то спокойная веселость: у каждой опрятной хижины есть небольшой сад, обнесенный прекрасною каменною стеною; польза служит вместе и украшением: почти все домы на полдень обсажены виноградом; на

окнах, между зеленью виноградных листьев, мелькают цветы. Особенно пленило меня положение так называемого Wakkerbait Ruhe: на высоте холма стоит здание, похожее на часовню; там, если не ошибаюсь, похоронен Wakkerbait[7], который основал в этом месте училище. У подошвы холма, служащего могилою основателю, стоит веселый, довольно обширный дом, известный под именем Langes-Institut; простая архитектура дома, чистый, вымощенный камнем двор, два высоких тополя вместо ворот, к которым от большой дороги идет густая аллея, рощи из яворов и каштанов по обеим сторонам дома, с дорожками и сиделками, и окружающая всё ясная, плодотворная природа невольно представляют здесь воображению первые, счастливые времена молодости. Если бы я не спешил в Дрезден, то навестил бы этих детей, которые начинают свою жизнь беспечно в прелестном приюте, между гробом их благотворителя, но этот гроб назван die Ruhe и большою дорогою, по которой столько путешественников, им незнакомых, мимо их проходит и исчезает. Вечер был прелестный, и мне хотелось застать еще последний блеск солнца на Дрезденском мосту[8]. За четверть мили от Дрездена вышел я из своего смиренного Stuhl-Wagen*, дал ему ехать в Дрезден, а сам пошел пешком. Время было удивительно ясно: вечер свежий и благовонный (до сих пор я еще не видал ни одного жаркого дня), и я думаю, что это лучший при заходящем солнце: оно садилось позади меня, так, что весь яркий свет лучей падал в город, который светился между зеленью каштанов, кленов и тополей; вблизи, между темнозелеными деревьями, на берегу Эльбы, мелькала мельница; за нею зеленел широкий луг; далее виден был прекрасный Дрезденский мост; над ним темные липы Брюлева сада, и величественно из-за вершин древесных выходил купол церкви Богоматери и великолепная Католическая церковь, с своею высокою башнею. Я остановился на мосту и долго любовался и прелестью берегов Эльбы, которые с обеих сторон поднимались зеленым амфитеатром, и городом, и множеством народа, который толпился по мосту; я не хотел уйти в свой трактир, не проводив на покой своего милого солнца (которое так было ко мне милостиво в Сан-Суси и Потсдаме); долго бродил по террасе Брюлевой[9]; пестрая толпа сверкала на солнце под зеленью лип, и все было чрезвычайно живо; небо ясно угасало, и на светлом, безоблачном западе прекрасно отделялся высокий крест, стоящий на мосту: этот вид давал картине что-то необыкновенно величественное. Жаль только, что Эльба своею мутностию несколько ее портит. Я еще не видал Эльбы ни разу в настоящей красоте; вода ее во все это время была желтокрасная: это от дождей, которые падают в Богемских горах, мутят бегущие в нее ручьи, из которых много заносит в нее киновари и красит ее красною краскою. Она текла тихо, но цвет ее говорил о буре.

* Экипаж (*нем.*).

10(22) июня, Прага

Дрезден. Плауен. Тарант

В Дрездене нашел я некоторых из наших русских, между прочим и князя Гагарина[10]; но он на другой день уехал в Карлсбад. Более всего рад я был найти О***[11]. — Путешествие учит пользоваться настоящею минутою, и так как погода, которая до сего времени была весьма непостоянна, показалась мне установившеюся, то мы решились вместе на другой день идти в Плауен, а оттуда в Тарант. Рано поутру мы отправились пешком через Рекниц, чтобы взглянуть на памятник Моро[12]. Он очень прост: гранитный пьедестал, на котором лежит бронзовый шлем. Вид от него в ясную погоду, когда отдаление не покрыто парами, должен быть прекрасный: мы им не могли любоваться. Дрезден не хотел нам показаться; он окутался в густой дым и едва был виден, и все окрестности были также туманны. Наше удовольствие было половинное; зато в Плауене было оно полное. Мой путеводитель О*** (который NB сделался великим ботаником и умеет назвать по-латыни каждую травку дрезденских полей и долин) нарочно повел меня полями, чтобы вдруг удивить взглядом на прелестный Плауен. В самом деле неожиданно мы очутились на краю гранитного утеса, вышиною в 70 сажен, с которого представился весь Плауен, освещенный солнцем; надобно было ползти, чтоб взглянуть с крутизны вниз: глубокая, зеленая долина вьется между высокими утесами, которые не имеют однако ничего дикого, хотя подымаются с обеих сторон ужасною гранитною стеною; они покрыты веселыми деревьями: буками, кленами, липами и кое-где темными елями; быстрая Вессерица; которая в это время была уже довольно мелка, шумит, вьется, плещет по камням и вертит колеса многих мельниц, которые оживляют долину. Маленькою тропинкою спустились мы с высоты в глубину; у прекрасного каменного моста Вессерицы ждала нас коляска, и мы отправились в Тарант. Дорога идет берегом быстрой Вессерицы, мимо деревень, сельских домов и мельниц: все долины, которые беспрестанно переменяют образ, то расширяются, то вдруг стесняются; одна и та же картина представляется в тысяче прекрасных оттенков. Но всего живописнее положение Гаранта: небольшой, веселый городок, в глубине пышной долины.

Заказав в трактире обед, пошли мы бродить; день был жаркий, обещал грозу (но он не сдержал обещания), и солнце, щадя нас, беспрестанно пряталось за облака и наводило свет и тень на окружавшие нас утесы. Из трактира, который стоит в самой глубине долины, окруженный тополями, полезли мы на вершину горы, по тропинке, весьма крутой, но хорошо отделанной для гуляющих, к так называемому Храму Солнца; этот храм достоин своего имени только по прелестному виду, которым наслаждаешься с его порога, а не по своей архитектуре: он из коры, покрыт соломою, и на скамейке, которая внутри его ма-

нит к себе усталого, нельзя сесть: так она пыльна и нечиста. С этого места самый обширный вид на Тарант; но самый живописный из окон развалившегося замка: под стенами развалин большой пруд; влево церковь; за прудом весь городок с кудрявыми утесами, его окружающими, и все чрезвычайно оживлено; природа не хотела здесь быть ужасною и самые дикие утесы свои скрыла она под веселою зеленью разнообразных дерев. Впечатление, которое здесь она производит, есть какое-то веселое, спокойное довольство; радуешься настоящею минутою, не мечтая о далеком: веселая, живая, разнообразная существенность, не смешанная ни с чем идеальным! Заслужив свой аппетит, мы весьма вкусно обедали в трактире, и между тем, как мы ели свежих форелей, несколько менестрелей играли на арфах и пели: «Freut euch des Lebens!»[13, *] и «Komm am Rhein, da wachsen unsere Reben»[14, **] и «Польский» Огинского[15]. Виртуозы были не первого класса, но признаюсь, я слушал с большим удовольствием; все эти мелодии были знакомцы старого времени. Мы возвратились довольно рано в Дрезден, и не желая потерять последних, ясных минут прекрасного дня, отправились пешком в Linkische Bad. Здесь по вечерам собираются жители Дрездена. Множество столов расставлено под липами для тех, которые хотят пить кофе, пиво, курить табак или просто сидеть в своем кругу и смотреть на пеструю толпу, волнующуюся под деревьями. За вход платят несколько грошей в пользу музыкантов, которые здесь играют три раза в неделю, по воскресеньям, средам и пятницам: в эти дни здесь можно увидеть весь Дрезден. Но я не видал всего Дрездена, хотя и была пятница; накануне, т. е. в четверг, был праздник Вознесения, и жители Дрездена, весьма точные люди, заплатив в четверг те гроши, которые надобно было заплатить в пятницу, не захотели нарушить своего правила, и оркестр играл в пустыне.

Я не буду описывать всего, что со мною было в Дрездене; буду говорить о главном. Но для вас, друзья мои[16], должен я сказать несколько слов о прелестном вечере, который провел на берегу Эльбы, сидя на террасе Финдлерова сада. Сначала мое расположение было довольно дурное, можно сказать худшее, потому что оно было холодное, и в голове и в сердце было пусто. День был непостоянный, дождик сменял ясность, наконец, ясность победила ненастье. На террасе сидело множество людей; у каждого стола семейство; все было весело, но для меня эти веселые лица были чужие: хотя я и был их товарищем, но все чувствовал одиночество. Не скажу, чтоб было грустно; грусть есть чувство живое; было пусто: это хуже! Природа, окружавшая меня, была прелестна, но главная прелесть окружающего есть наша душа, есть то чувство, которое она приносит к святилищу природы. И в моей душе не было сначала ничего, чем бы поделиться

* «Радуйтесь жизни!» (*нем.*).

** «Приходите к Рейну; здесь растут наши виноградные лозы!» (*нем.*).

с призывающею природою. Настоящее казалось бедным, а будущее ничего не обещало в жизни. Все главное известно; ничего таинственного, неизвестного не могло соединиться с тем, что видели глаза, следственно, и главной прелести недоставало видимому! Но добрый гений, *воспоминание*[17], прилетел ко мне на помощь. Как иногда вся душа переменяется от одной, едва заметной мелочи, от луча солнечного, освещающего отдаление, от голубого неба, проглянувшего сквозь облако, от светлой струи на воде! Смотрел на окрестности: они были очаровательны. Дрезден, за которым садилось солнце, темно отделился от дождливого горизонта, и за ним, как за тонкою дымкою, светилось невидимое солнце; отдаление покрыто было светом и тенью, и в этой картине что-то было знакомое, и в самом деле знакомое! Это был точно Белевский вид[18] с пригорка, против моего большого дома (разумеется, с большим разнообразием). Эльба, которая здесь немного шире нашей Оки, так же точно извивалась под горою; в правой стороне город; вдали на горе Рекниц, похожий на Темрянь; за рекою обширный луг с дорогами. Одна из них, Пильницкая, по берегу Эльбы, как Московская по берегу Оки, другая на Рекниц, как Тульская; даже влеве под горою дом, точно напоминавший Дураковскую церковь; самое отдаление, несмотря на то, что синелись на нем живописные горы Саксонской Швейцарии, имело что-то похожее на рощи, окружающие Жебынскую пустынь; одним словом, с помощию воображения можно было довольно живо видеть вместо Дрездена милую свою родину…

И много милых теней встало…[19]

Я должен еще дать отчет в остальной дрезденской жизни моей. Я познакомился в Дрездене с некоторыми интересными людьми, но буду говорить только о двух: о живописце Фридрихе[20] и Штернбальде Тике[21]. Фридриха нашел я точно таким, каким воображение представляло мне его, и мы с ним в самую первую минуту весьма коротко познакомились. В нем нет, да я и не думал найти в нем, ничего идеального. Кто знает его туманные картины, в которых изображается природа с одной мрачной ее стороны, и кто по этим картинам вздумает искать в нем задумчивого меланхолика, с бледным лицом, с глазами, наполненными поэтическою мечтательностию, тот ошибется: лицо Фридриха не поразит никого, кто с ним встретится в толпе; это сухощавый, среднего роста человек, белокурый, с белыми бровями, нависшими на глаза; отличительная черта его физиогномии есть простодушие: таков он и характером; простодушие чувствительно во всех его словах; он говорит без красноречия, но с живостью непритворного чувства, особливо когда коснется до любимого его предмета, до природы, с которою он как семьянин; но об ней говорит точно так, как ее изображает, без мечтательности, но с оригинальностью. В его картинах нет ничего мечтательного; напротив, они привлекательны своею верностью: каждая возбуждает в душе воспоминание! Если находишь в них более того, что видят глаза, то лишь от того, что жи-

вописец смотрел на природу не как артист, который ищет в ней только образца для кисти, а как человек, который в природе видит беспрестанно символ человеческой жизни. Красоты природы пленяют нас не тем, что они дают нашим чувствам, но тем невидимым, что возбуждают в душе и что ей темно напоминает о жизни и о том, что далее жизни. Фридрих пренебрегает правила искусства; он пишет свои картины не для глаз знатока в живописи, а для души, знакомой так же, как и он, с его образцом, с природою; критики могут быть им недовольны, но чувство, лучший из критиков, простое, непредубежденное чувство всегда с его стороны. Он так же точно судит и о чужих картинах[22]: я несколько раз был с ним вместе в галерее; смотря на многие картины, он не мог назвать мне живописцев; и вообще все то, что можно найти в учебных книгах о живописи, что можно затвердить наизусть, ему весьма мало знакомо; зато во многих картинах находил он такие красоты или недостатки, которые только одной душе, вытвердившей наизусть природу, могут быть приметны, и все его замечания были разительно справедливы и в то же время оригинальны; но оригинальное и справедливое одно и то же. Я нашел у него несколько начатых картин: одна из них может служить дополнением той, которая уже мне была известна — лунная ночь, небо было бурно, но буря миновалась и все облака сбежались на отдаленный горизонт, оставя полнеба уже совершенно чистым; луна стоит над самыми тучами, и их края освещены ее блеском; море тихо: низкий берег, усыпанный камнями, на берегу якорь; вдали, на самом краю моря, виден парус плывущего к берегу корабля; его ждут! Две молодые женщины сидят на камнях и смотрят на парус с покорною надеждою; двое мужчин, более нетерпеливых в своей надежде, перепрыгнули через несколько камней, стоят посреди воды и смотрят туда же: перед ними еще несколько камней, но до них уже допрыгнуть невозможно! Эта картина только начата[23], но рисунок прелестный: все просто и выразительно! Слишком будет много описывать все картины, которые я у него видел; все вообще, более или менее нравятся по тому чувству, которым они оживлены. Фридриху теперь задана задача: кто-то хочет иметь две картины; на одной должна быть изображена природа Италии во всей ее роскошной и величественной прелести; на другой — природа Севера, во всей красоте ее ужасов, и последнюю взялся написать Фридрих. Он еще сам не знает, что напишет. Он ждет минуты вдохновения, и это вдохновение (как он мне сам рассказывал) часто приходит к нему во сне[24]. Иногда, говорит он, думаю, и ничто не приходит в голову; но случается заснуть, и вдруг как будто кто-то разбудит: вскочу, отворю глаза, и что душе надобно, стоит перед глазами как привидение — тогда скорей за карандаш и рисуй: все главное сделано! Фридрих так мне понравился и так показался мне сродни, что я предложил было ему ехать со мною: моих денег было бы довольно для этого; но он отказался, и еще более понравился мне своим отказом. «Вы хотите иметь меня с собою, — отвечал он, — но тот я, который вам нравится, с

вами не будет. Мне надобно быть совершенно одному и знать, что я один, чтобы видеть и чувствовать природу вполне! Ничто не должно быть между ею и мною; я должен отдаться тому, что меня окружает, должен слиться с моими облаками и утесами, чтобы быть тем, что я есмь! Будь со мною *самый* ближайший друг мой: он меня уничтожит! И бывши с вами, я не буду годиться ни для себя, ни для вас. Мне случилось однажды жить целую неделю в Оттовальде-Грунд между утесами и елями, и во все это время не встретил я ни одного живого человека. Правда, такой методы я не предложу никому, и по себе знаю, что это уже слишком: невольно мрачность может зайти в душу. Но это же должно доказать вам, что мое товарищество не может быть никому приятно».

После Фридриха надобно описать Тика. Я хотел сначала посмотреть на него один раз, как на достойного примечания человека, но моя дикость меня останавливала; однако я сладил с нею и пошел к нему. Не скажу, чтобы в первую минуту он сделал на меня какое-нибудь особенное впечатление. Он имеет прекрасную наружность; ему около пятидесяти лет, и в молодости он верно был красавец; теперь он человек весьма посредственного роста, довольно толстый; в лице нет ничего разительного, но во всех чертах приятное согласие; в глазах нет ни быстроты, ни проницательности, ни блеска, но они выразительны: есть что-то согласное с тою мечтательностию, которую находим в его сочинениях, особливо в «*Sternbalds Wanderungen*»; виден человек, который мыслит, но которого мысли принадлежат более его воображению, нежели существенности. Вот поэтическая сторона Тика; а прозаическая та, что он страдает беспрестанно ревматизмом, ходит согнувшись и едва может передвигать ноги. В первое мое свидание с ним мы немного поспорили: он обожатель Шекспира, и может быть никто из англичан не понимает Шекспирова духа так, как он. Я признался ему в грехе своем, сказал, что chef d'œuvre Шекспира «*Гамлет*» кажется мне чудовищем[25] и что я не понимаю его смысла. На это сказал он мне много прекрасного, но, признаться, не убедил меня. Те, которые находят так много в «*Гамлете*», доказывают тем более собственное богатство мыслей и воображения, нежели превосходство «*Гамлета*». Я не могу поверить, чтобы Шекспир, сочиняя свою трагедию, думал все то, что Тик и Шлегель[26] думали, читая ее: они видят в ней и в ее разительных странностях всю жизнь человеческую с ее непонятными загадками. Но в том-то и привилегия истинного гения, сказал мне Тик, что, не мысля и не назначая себе дороги, по одному естественному стремлению вдруг доходит он до того, что другие открывают глубоким размышлением, идя по его следам; чувство, которому он повинуется, есть темное, но верное; он вдруг взлетает на высоту и, стоя на этой высоте, служит для других светлым маяком, которым они руководствуются на неверной своей дороге. Это прекрасно и справедливо! Тик переводит Шекспира[27], т. е. одни только те пиесы, которые не переведены еще Шлегелем. Сверх того, он намерен еще выдать критический и

философский разбор его трагедий и комедий, но, вероятно, выдаст не скоро, потому что чрезвычайно ленив, и мне было приятно найти в нем это похвальное сходство со мною.

Тик, немецкий П<лещеев>; он с большим совершенством читает драматические стихотворения, а особливо комедии. Я просил его, чтобы он прочитал мне «*Гамлета*» и чтобы после чтения сообщил мне подробно свои мысли об этом *чудесном уроде*. Он дал мне слово, и я, кончив свое путешествие по Саксонской Швейцарии, явился к нему. В первое мое посещение нашел я его одного, с какою-то пожилою женщиною, которую принял за его жену, потому что она хозяйничала и меня угощала. Но это была не жена его, а какая-то графиня Финкенштейн[28], которая живет с его семейством. Жена же его и дочери путешествовали по Саксонской Швейцарии. Во второй раз нашел я их всех в сборе: жена его, кажется, женщина простого и здравого ума, обе дочери милы, особливо старшая, которая, не будучи красавицею, имеет много приятного: милое, доброе дитя, с образованностию и женскою скромностию. Это семейство мне понравилось[29]. Они все приняли меня с сердечным доброжелательством, и во все минуты, которые после я провел с ними вместе, был я у них как дома, как с давнишними знакомцами. И в Тике нашел я то, чего единственно желаю найти в людях, известных мне по своему гению: любезное, искреннее добродушие. Он не мог читать мне «*Гамлета*»; пьеса слишком длинна, а он был болен. Он прочитал «*Макбета*»: большое искусство! Особенно понравились мне места ужасные: сцена ведьм, монолог Макбета перед убийством, ужасное описание убийства, сцена, в которой является жена Макбетова сонная! Он, так же как и П<лещеев>[30], читает, не называя говорящих лиц: и по голосу, и по выражению, и по лицу его можно легко узнавать всех; только в выражении чувства он уступает нашему и вообще лицом своим не так владеет, как наш смуглый декламатор[31]. Он еще мне читал Шекспирову комедию «*Was Ihr wollt*»[32], и в комическом он еще лучше, нежели в трагическом. Но П<лещеев> кажется мне забавнее, может быть и потому, что комическое французов мне больше знакомо, нежели Шекспирово. Французы прекрасно изображают странное, смешат противоположностями, остротою или забавностию выражений; Шекспир смешит резким изображением характеров, но в шутках его нет тонкости, по большей части одна игра слов; они часто грубы и часто оскорбляют вкус; сверх того Тик, как мне кажется, дошел до смешного искусством: его характер более важный, нежели веселый, а наш П<лещеев> забавен и весел характером; зато в каждой комедии он как дома, и разные рожи, которые он во время чтения натягивает на смуглый свой лик, ничего ему не стоят. Мне жаль было прощаться с Тиком: вероятно, это навсегда! Может быть, еще раз увижу его на возвратном пути, проезжая через Дрезден. Он обрадовался, когда я сказал, что вы любите его «Штернбальда» и что у вас выписано несколько мест из этой книги <…>.

В Дрездене осмотрел я почти все, что достойно примечания: *Оружейную*, в которой видел множество старинных оружий рыцарских и где можно видеть в лицах всю историю огнестрельных орудий, начиная от первого Шварцова опыта[33] до последних новейших; *Собрание древностей*, о котором не могу сказать ничего: я успел только на него взглянуть; такой же беглый взгляд бросил я и на *Менгсовы слепки*[34]: собрание удивительно полное! Я ничего не мог рассмотреть с подробностию, но в душе осталось какое-то благоговение к древности, которая в таком совершенстве изображала красоту человека, красоту идеальную, но чудесно верную природе, которую никто так не знал, как древние. Die grüne Gewölbe[35] я не видал и не слишком об этом жалею: видеть драгоценные камни, всё то же, что знать об них по слуху; но жалею очень, что дурное время не позволило мне насладиться прелестными окрестностями Дрездена; ясными были в мое пребывание только те дни, которые так удачно выбрал я для путешествия по Саксонской Швейцарии и в Тарант, остальные же дни мрачные и дождливые. Но я воспользовался ими для обозрения картинной галереи[36], в которой был раз шесть: слишком мало, чтобы познакомиться с нею как должно, и признаюсь: в душе, вместо полного удовольствия, осталось только сожаление, что так скоро надобно было покинуть ее. Я подходил к этой галерее с волнением ожидания; мне весело было перед нею остановиться и сказать себе, что между мною и лучшим созданием Рафаэлева гения[37] одна только стена, что расстояние и препятствия исчезли и что я чрез минуту увижу то, об чем так часто говорило одно воображение. Но при входе в эту галерею первое чувство, какое замечаешь в себе, есть неудовольствие неисполненного ожидания. Ожидаешь войти в святилище искусства, в котором его уважают, и входишь в огромный сарай, довольно темный, которого стены загромождены нечистыми картинами в худых рамах. Прямо из сеней очутишься в галерее; на окнах близ картин лежит множество шляп; беспрестанно звон колокольчика, висящего на двери, нарушает твое внимание; множество станков для тех, которые копируют картины, стоит в окнах, заслоняет свет и самые картины, и число их так велико в одном месте, что внимание приходит невольно в замешательство; одним словом, здесь все сделано, чтобы помешать искусству произвесть на душу свое действие. Между тем скажу несколько слов о других картинах.

Галерея состоит из двух огромных зал: одна, внутренняя, в которой итальянская школа; другая, гораздо пространнее первой, наружная: в ней фламандская и немецкая школы. Можно сказать, что половина картин не существует для зрителя: они или висят так высоко, что зрение до них достать не может, или висят в простенках между окон, в темноте, и глаза, ослепленные светом из окон, видят одну только темную холстину, с неясными фигурами, в запачканных золотых рамах. В те шесть раз, которые был я в галерее, не мог я порядочно познакомиться с ее сокровищами, тем более что смотрел на картины не как знаток в живописи,

а наугад, повинуясь собственному своему чувству. Вот некоторые итальянской школы, на которые смотрел я с большим примечанием: «*Освобождение св. Петра из темницы*» Эспаньолета[38]: величественные фигуры и разительное действие света! «*Две головы Спасителя в терновом венце*» Гвидо Рени[39]: они почти одинакие, но выражение разное — на одной страдание с покорностию и смирением; на другой то же страдание, но с живостью любви, которая выражается в глазах, поднятых к небу; и та и другая равно прекрасны! «*Иродиада с головою св. Иоанна*» Леонарда Винчи[40]: прекрасное женское лицо, на котором выражается суровость души, не растроганной, но невольно смущенной образом мертвой головы Иоанна. «*Св. Цецилия*» Карла Дольчи[41]: идеал женской, скромной, милой прелести. «*Скорбящая Богоматерь*» Солимена[42]: трогательная, глубокая горесть. Славная Тицианова «*Венера*»[43]: признаюсь в своем преступлении — эта *Венера*, при всем совершенстве живописи, показалась мне холодна как лед, и едва ли та, которая находится в Потсдамской галерее[44], не лучше ее. «*Спаситель с чашею*» Карла Дольчи: эта картина почитается превосходною; она несколько раз была гравирована. В самом деле, она производит разительное действие, но это действие более от живости ярких красок: оно механическое, а не нравственное. Стоя перед нею, по предубеждению, я хотел себя уверить, что в лице Спасителя, благословляющего таинственную чашу, точно есть то, чему в нем быть должно в эту минуту, но темное чувство мне противоречило; наконец, Фридрих решил сомнение одним словом: «это лицо не Спасителя, приносящего себя на жертву, а холодного лицемера, хотящего дать лицу своему чувство, которого нет у него в сердце». И это совершенно справедливо! Здесь одно искусство без души[45]. Я заметил другую картину, в которой нет ни рисунка, ни колорита, но которая полна выражения: это Христос, несущий крест вместе с разбойниками, окруженный толпою зрителей и стражей, и в толпе Богоматерь. Разбойников гонят и один отбивается с отчаянием; Спаситель утомлен; Богоматерь обессилена горестью, ее несут почти на руках, и вот самая трогательная черта: подле Богоматери стоит женщина, с младенцем на руках, но эта женщина, будучи матерью сама, чувствует страдание другой матери и целует тайком ее руку, чтобы облегчить для себя чувство сострадания. Это картина Гранди[46].

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЬМА О ШВЕЙЦАРИИ

…Я приехал ночью в Мерсбург, маленький городок на берег*у* Констанцского озера. На другой день, переждав жаркое время, в три часа пополудни, *пошел я* на берег; свой Stuhlwagen отправил на перевозном судне прямо в Констанц,

а сам в маленькой лодке поплыл на остров Мейнау, находящийся в северном заливе озера. Время было ясно-тихое, но зной еще не миновался; скоро повеял попутный ветер; гребцы подняли парус и положили весла. Лодка плыла без движения, и я, сидя под тенью паруса, видел перед собою великолепное зрелище: у меня перед глазами была, как будто в сокращении, вся Швейцария; я видел вдруг три кантона ее: Тургау, Аппенцель и С. Галлен; на берегах, которые отовсюду полугорою сходили к равнине озера, было рассыпано бесчисленное множество сел, зáмков, домов, рощ, пажитей и садов; берега кантона Тургау, прелестные своим изобилием, были плоски; над Аппенцелем и С. Галленом подымались Альпы; но прелестнейшую картину представляло самое озеро; нельзя изобразить словами тех бесчисленных оттенков, в которых является его поверхность, изменяющаяся при всяком колыхании, при всяком ветерке, при всяком налетающем на солнце облаке; когда озеро спокойно, видишь жидкую тихотрепещущую бирюзу, кое-где фиолетовые полосы, а на самом отдалении яркий, светло-зеленый отлив; когда воды наморщатся, то глубина этих морщин кажется изумрудно-зеленою, а по ребрам их голубая пена с яркими искрами и звездами; когда же облако закроет солнце, то воды, смотря по цвету облака, или бледнеют, или синеют, или кажутся дымными. Плаванье мое продолжалось час с четвертью. Мейнау есть маленький островок, покрытый виноградниками, огородами и рощами; некогда принадлежал он Мальтийскому ордену, а теперь в зáмке командора живет старая вдова с прекрасною дочерью, и эта пустынная красавица показывала мне пустынные горницы зáмка; в нем одни голые стены, но вид с балкона несравненный: я просидел на нем около часа; жар между тем миновался; я взял проводника и пошел пешком в Констанц: Мейнау соединен с берегом узким мостиком, сделанным для одних пешеходов. Дорога от него до Констанца довольно приятная: идешь по большей части лесом, который часто раскрывается, и тогда по сторонам представлялись глазам моим поля и пажити, освещенные заходящим солнцем. Констанц — город некрасивый и неоживленный. Я осмотрел в нем некоторые здания, достойные примечания: дряхлая деревянная палата, в которой были заседания Констанцского собора[1], обеславившего себя убийством Гусса[2], есть не иное что, как сарай в 80 шагов длины и в 40 ширины; он служит теперь магазином для складки товаров во время ярмарки. В одном углу этой палаты, на небольшом возвышении, стоят два стула, на которых во время собраний сидели император и папа, оба весьма скромные, но императорский выше папского, и *рядом* с ними (в доказательство, сколь правосудно время) лежит кузов той повозки, в которой несчастный Гусс отвезен был на место казни: посетитель смотрит на него с большим чувством и уважением, нежели на истлевший скелет императоского трона.

Доминиканский монастырь, в котором был взят и заключен в темницу Гусс, огромное готическое здание, есть не иное что, как огромная развалина;

кельи монахов обращены в ситцевую фабрику; более всего сохранилась Гуссова тюрьма: маленький чулан со сводом, в три шага длины и ширины; но церковь вся в разрушении; кое-где на стенах видны остатки живописи; кровля упала; три ряда высоких столбов ничего не поддерживают; но одно разрушенное окно служит рамою прекрасного ландшафта, в нем расцвела молодая береза; легкий ветер, едва нарушая тишину развалин, колебал ее ветвями, и сквозь их подвижную решетку видно было озеро и отдаленные светлые берега его. Вечер этого дня провел я на колокольне кафедральной церкви и видел удивительную картину заходящего солнца.

…Из Констанца через Фрауенсфельд и Винтертур поехал я Цирих, где пробыл несколько дней. Отсюда по-настоящему начинается мое швейцарское путешествие. Доктор Эбель[3] с которым я познакомился, оракул всех посещающих Швейцарию, дал мне несколько нужных советов, и я, нанявши проводника и оставив весь свой багаж в Цирихе, пустился в путь 3-го августа н. с. рано поутру. Завернув на высоту Альбиса (с которой обширный вид на Цирихское и Цугское озеро), доехал я с фурманом[4] до Цуга; здесь сел в лодку и прелестным озером Цугским переплыл в Арт, откуда, вооружившись длинною альпийскою палкою, полез по крутому всходу на высоту Риги. Это путешествие продолжалось более трех часов, весьма утомительных. На высоте я застал захождение солнца, и хотя облака покрывали небо, но зрелище, которое видел я, было великолепное. Я ночевал в трактире на Rigi-Staffel и на другой день всходил на самую вершину горы (Rigi-Culm), чтоб видеть первую минуту солнечного восхождения. Обе картины были так пленительны, что, покидая вершину Риги, я обещался опять навестить ее на возвратном пути своем. Я спустился вниз тою же дорогою, по которой взошел, потом поворотил вправо и мимо ужасных развалин горы, задавившей, двенадцать лет тому назад прелестную деревню Goldau[5], пошел к деревеньке Ловерц, полуразрушенной тем же падением, переплыл маленькое Ловерцское озеро, посреди которого уединенно цветет зеленый островок Schwanau, и к вечеру очутился в Швице, в очаровательной долине, полной жизни, изобилия и отовсюду окруженной великолепными горами. Следующий день был один из самых утомительных дней моего пешеходства. Я встал вместе с солнцем, но утро было душное. Дурными, вымощенными крупным камнем дорожками пошел я чрез Steinen (место рождения Штауффахера[6]; там, где стоял его дом, построена теперь часовня) к Моргартену, где была одержана первая победа свободы швейцарской. И на этом месте также стоит часовня. Отсюда чрез Sattel, Rothenthurm в Einsiedeln. Зной был несносный; дорога по камням убийственная для ног: пришед в Эйнзидельн, я почти ничего не мог порядочно осмотреть от расслабления; отдыхать же было некогда; надобно было засветло воротиться в Швиц, ибо возвратный путь шел чрез крутую гору Haggen. При-

знаюсь, Эйнзидельн не имел для меня ничего привлекательного: положение монастыря неживописное; я видел богатую церковь, толпу богомольцев и процессию монахов — но усталость и боль в ногах мешали моему вниманию. Но конец этого дня вознаградил за неприятное начало его: возвратный путь чрез зеленую долину Alpthal, всход на Haggen и потом спуск по крутизне при блеске начинающейся грозы в долину Швица — останутся навсегда в моей памяти. Гроза только украсила для меня ночную картину гор, которые чудесно являлись и исчезали при быстром блистании молний: она началась во всей своей силе, не прежде как по возвращении моем в трактир. Я думал, что на другой день ноги откажутся мне служить, но проснулся свеж и здоров и, напившись кофе, пошел в Бруннен; там сел в лодку и поплыл к Grütli, восхищаясь диким величием гор, окружающих озеро *четырех кантонов*, самое живописное из всех озер швейцарских. Grütli есть маленькая, покрытая зеленым дерном площадка, до которой в десять минут можно достигнуть. На ней нет памятника; но свобода Швейцарии еще существует![7] Это место удивительно трогает своею тихою прелестью посреди грозного величия окружающих его утесов. Я не мог долго на нем остаться: гребцы предвидели грозу, и надобно было спешить, дабы предупредить южный ветер (Föhn), который обыкновенно здесь начинается пополудни и бывает часто опасен в этой части озера, окруженного крутыми берегами, к которым нигде пристать невозможно. Мы поплыли к Телевой часовне[8] (Tellsplatte), а оттуда к деревне Früelen. Гроза началась, когда я пришел в Альторф, и кончилась к концу моего обеда, после которого я ходил в Бюрглен, место рождения Теля. Там нашел я живописца Триннера[9], который не великий артист, но был для меня привлекателен тем, что мог рассказывать как очевидец о Суворове[10], которого встретил в этом месте. Из окон башни, обросшей плющом, в которой живет Триннер, взглянул я на вершину Кинцингкульма, доступную только горным пастухам, чрез которую наш Аннибал перевел свое войско, томимое голодом, но непобежденное. Der alte war doch lustig (сказал мне Триннер). Er pfiff, und sang, und lachte, und sprang wie ein Kind*. Место, где жил Вильгельм Тель, означено часовнею. Этот обычай строить вместо великолепных памятников скромные алтари благодарности Богу на местах славы отечественной трогает и возвышает душу. Но такого рода памятники особенно приличны Швейцарии. В пустынях Египта можно дивиться пирамидам и обелискам — что бы они были у подошвы Альпов! Зато на вершине Риги стоит простой деревянный крест, и маленькая часовня Теля таится между огромными утесами; но они *не исчезают* посреди этих громад, ибо говорят не о бедном могуществе человека, здесь столь ничтожном, но о величии души человеческой, о вере, которая возносит ее туда, куда не могут достигнуть горы своими вершинами.

* А старик был весельчак. Он свистел и пел, и смеялся, и скакал, как дитя (*нем.*).

* * *

…В два дня моего путешествия через С. Готар видел я природу во всех ее изменениях: близ Альторфа все горы зелены; но это печальная, однообразная зелень елей и сосен, между которыми в разных местах блистает светлая зелень горных пажитей. Рейсса еще спокойна, у Амстега всё становится мрачнее, горы круче, ели реже, скалы виднее; дорога вьется над пропастями, в которых Рейсса, то видимая, то не видимая, шумит, образуя беспрестанные каскады. Когда я шел, небо было туманно; вершины гор, исчезая в темных облаках, казались бесконечными, но изредка проглядывало солнце и на минуту зажигало быстрые волны и пену Рейссы. Чем далее вперед, тем разительнее дикость: наконец у Gestinnen исчезает растение; видишь одни утесы, покрытые изредка мохом и травою, видишь, как время разрушает их мало-помалу зноем, холодом, дождем, морозом и бурями; камни, беспрестанно отваливающиеся, лежат повсюду живописными грудами, и эта долина камней становится наконец столь узкою, что одна только Рейсса, падающая шумным каскадом, занимает ее дно: поперек долины, над самым каскадом, изгибается *Чёртов мост*[11]: к нему с одной стороны ведет узкая дорожка, до половины выдолбленная в утесах, до половины поддерживаемая каменными сводами; с другой стороны — почти такая же узкая дорожка, подымаясь вкруть, упирается в скалу, которую пробила насквозь промышленность человеческая: глазам представляется темное отверстие, как будто ведущее в глубокую бездну; но что же?.. Мое счастье и здесь меня не покинуло! Солнце выглянуло из туч и ударило на прелестный Андерматт в самую ту минуту, как я выходил из-под Урнерского свода. Ничто не может быть очаровательнее этой противоположности: вдруг после густого мрака пещеры видишь светлую, окруженную зелеными холмами, долину, и в глубине ее веселая деревня. Зрение обмануто: думаешь, что перед тобою низкие дерновые пригорки; но эти пригорки не иное что, как вершины высоких гор, окружающие скрытую меж ними долину и близкие к снежной вершине С. Готара. Я ночевал в Андерматте, который чрез минуту после моего прихода исчез в тумане; пошел дождь, смешанный с снегом, но к утру всё миновалось; осталась одна клубящаяся мгла над высотами, и, окруженный ею, взошел я на вершину С. Готарской дороги: неописанное зрелище природы, которой здесь нет имени! ибо здесь она ни с чем знакомым не сходствует; кажется, что стоишь на таком месте, где кончится земля и начинается небо; пред тобою равнина, вымощенная огромными, голыми плитами гранита; кругом низкие холмы, но уже не зеленые, ибо здесь и трава исчезает, а снежные или просто нагие растреснутые утесы; с одной стороны маленькое светлое озеро, не более дождевой лужи, из него тихо бежит ручей; с другой стороны такое же озеро и такой же тихий ручей. Это Тессин и Рейсса; здесь они навсегда разлучаются; отсюда бегут один на юг, другая на север, и в быстром течении разрывают гранитные горы. И с этого

места начинаешь быстро спускаться в Айроло, имея вправо шумный Тессин, который скоро является во всем своем могуществе, и, наконец близ самого Айроло образует каскад, удивительно живописный. На самой вершине уже увидел я спор светлого юга с угрюмым севером: со стороны Италии проглядывало голубое небо, со стороны Рейссы клубились туманные облака; и небо сделалось ярко-лазурным, когда я, спустившись к Айроло, вдруг очутился посреди роскошной итальянской природы. Уже близ Айроло ели и сосны становятся реже; их место занимают буки, ореховые деревья, потом каштаны и, наконец, пред глазами очаровательная Левантинская долина, посреди которой шумит Тессин в тени зеленых ольх, оживленная селами, церквами, замками, уже имеющими характер итальянский. Я недолго отдыхал в Айроло, ибо надобно было засветло дойти до Aldazzio grande, чтобы видеть чудесный мост чрез Тессин и ночевать потом в Faido. Этот вечер принадлежит к прелестнейшим в жизни. Какое разнообразие в зрелищах! Какое удивительное захождение солнца! По-настоящему солнце, посреди высоких гор, не всходит и не заходит *для глаз.* Оно еще высоко на небе, а для тебя уже его нет! но чудесно освещенные бока долин, но утесы, которые медленно угасают, долго еще говорят о невидимом. Я шел долиною Левантинскою; солнце уже было за горами; но Сен-Готар весь в огне стоял над Айроло и светил в долину, и с одной стороны на половине гор, сливающихся в одну стену, леса пылали; этот розовый пламень мало-помалу подымался, черная тень бежала за ним из долины, наконец осталась одна светлая полоса, подобная огненной гриве на хребте горном, и та скоро исчезла, и звезды Италии загорелись… В каком прозрачном небе! с какою неизъяснимою ясностью!

* * *

… Оставив Милан поутру рано, я был уже в четыре часа пополудни в Sesto Calende на берегу Lago Maggiore; время было несравненное, и я поплыл к островам Борромейским, остановился у Ароны, чтобы взглянуть на колоссальную статую Карла Борромея; потом при захождении солнца вышел на берег у Бельжирато, дабы дождаться луны и при свете ее пуститься к Isola Bella. Этот вечер был волшебный!

* * *

…От Domo d'Ossola начинается горная Симплонская дорога, дивный памятник Наполеона; но на этой дороге видел я нечто, еще более разительное, нежели сама она. Я видел лежащую на ней мраморную колонну, вытесанную из одного камня: эта колонна была приготовлена для триумфальных ворот Наполеоновых, полувоздвигнутых в Милане и к которым должна была примыкать дорога Симплонская! Но эта колонна лежит неподвижно на чудесной дороге Наполе-

оновой, а чудесная дорога Наполеонова примыкает к развалинам. Весь жребий Наполеона в одном мраморном обломке!

* * *

…Я был в за́мке Фернее[12], который нынче принадлежит гражданину Budet. В нем сохранены в прежнем состоянии только гостиная и спальня Вольтеровы; в спальне стоит кровать с полуистлевшим занавесом, на стенах живописные портреты Фридриха II, m-me du Châtelet, тканый портрет Екатерины[13] и несколько гравированных; на печи стоит деревянная, довольно дурная урна, в ней некогда хранилось сердце Вольтера. Теперь осталась одна надпись: «Son esprit est partout, et son coeur est ici»*, но и та до половины уничтожена; от начала пропало *son*, а от конца *ici*, и вышла галиматья; в гостиной, где на старинной печи стоит Вольтеров бюст[14], есть несколько весьма дурных картин, между которыми одна, изображающая Вольтеров апотеоз, заметна своим уродством: Вольтера встречает, кажется, Минерва, а врагов его — Фрерон[15] и прочих секут змеями мстительные гении. Аллея, по которой прохаживался фернейский пустынник, и липовый лесок, им насаженный, сохранены в целости; надпись, сделанная им над входом построенной им церкви (*Вольтер Богу*), уничтожена философами революции. Почти все дома в Фернее, ныне существующие, построены самим Вольтером.

Остальное время моего пребывания в Женеве посвятил я обозрению города и Бонстеттену[16], у которого был два раза: живой, свежий, веселый старик, с которым время прошло неприметно; он много рассказывал о M-me Stael, Миллере, Песталоцци[17] и лорде Байроне, который долго жил в Женеве нелюдимом. Из Женевы чрез Лозанну, где пробыл я три дня, поехал я в Веве[18], где хотел отдохнуть на просторе, написать письма и насладиться окрестностями Женевского озера; но всё не удалось: дождик, заметив, что я сижу под кровлею, пошел ливмя, а письма помешало мне писать мрачное расположение духа, которого я не захотел предать бумаге. Из окрестностей Веве я видел, однако, Кларан, куда ходил пешком, накануне моего отъезда из Веве, и эта прогулка была прекрасная. Можно сказать, что небо было со мною в заговоре: всякий раз, когда я покидал свой приют, оно становилось ясным или покрывалось живописными облаками, от которых зрелище природы становилось еще великолепнее. Моим товарищем до Кларана был старый крестьянин из Montreux, с которым я сошелся на дороге. «Probablement, — спросил он меня, — vous allez à Clarens à cause de Mr. le baron d'Etange et de sa fille? Je vous montrerai la place où était autrefois leur maison. — *Est-ce que vous avez lu cette Histoire?* — Oui, c'est joli comme un roman, quoique tout

* Его дух повсюду, а его сердце здесь (*франц.*).

est parfaitement vrai!»* И он простодушно начал мне описывать место, где жила Жан-Жакова Юлия, с полною уверенностью, что «Новая Элоиза» не выдумка[19]. В тот день, в который я оставил Веве, успел я съездить на лодке в замок Шильон[20]: я плыл туда, читая «The prisonner of Chillon»**, и это чтение очаровало для воображения моего тюрьму Бонниварову, которую Байрон весьма верно описал в своей несравненной поэме.

Дорога от Веве до Фрибурга чрезвычайно гориста, и легко можно слететь в глубокую пропасть с повозкою и лошадьми. Я не мог порядочно осмотреть Фрибурга, видел только кафедральную церковь, самую высокую в Швейцарии, и муртенскую липу[21], посаженную в день победы над Карлом Смелым; глаза мои, разболевшиеся от зноя, помешали мне бродить по улицам, но свежесть вечера возвратила им здоровье, и я мог вполне насладиться окрестностями Берна, в который приехал довольно поздно. Бернская природа соединяет в себе с удивительною обработанностью (везде чувствительно изобилие и довольство) все простые прелести сельские и всё великолепие альпийское. Ни в одном из кантонов, мною виденных, не находил я таких живописных домов, как в Бернском: их архитектура совершенно сельская и весьма оригинальная. Чистота внешняя и внутренняя пленяют глаза и удовлетворяют чувству. В Швейцарии понял я, что поэтические описания блаженной сельской жизни имеют смысл прозаически справедливый. В этих хижинах обитает независимость, огражденная отеческим правительством; там живут не для того единственно, чтобы тяжким трудом поддерживать физическое бытие свое; но имеют и счастье, правда, простое, неразнообразное, но всё счастье, то есть свободное наслаждение самим собою. В Берне пробыл я недолго: спешил воспользоваться временем, которое было прекрасное, хотя знойное. Я успел только осмотреть музеум и провести целый день в Гофвиле у Фелленберга[22].

* * *

…Окрестности Луцерна, может быть, самые живописные в Швейцарии. Нельзя изобразить того великолепия, которое представляет хаос гор, окружающих озеро 4-х кантонов и видимых с Луцернского моста, особливо при захождении солнца, когда горы снежные сияют и мало-помалу гаснут. — В Луцерне есть теперь памятник[23], которому нет подобного в огромности: в высокой скале высечена пещера, и в глубине ее лежит на щите, означенном лилиями, умирающий лев. Этот лев ростом своим отвечает огромному своему пьедесталу: перед

* «Вы, вероятно, направляетесь в Кларан ради барона д'Этанжа и его дочери? Я покажу вам место, где некогда был их дом. — *Разве вы читали эту историю?* — Да, это так интересно, как роман, хотя все это совершенная правда!» (*франц.*).

** «Шильонский узник» (*англ.*). — поэма Байрона.

скалою пруд, в котором отражается вся эта громада. Торвальдсен сделал рисунок льва, а скульптор есть некто Ahorn из Констанца. Памятник воздвигнут в честь швейцарам, погибшим в Париже 10-го августа 1792-го.

Я сдержал обещание, данное мною в Риги, и из Луцерна поплыл в Weggis, откуда ведет весьма покойная и обильная прекрасными видами дорога на высоту горы, и в этот раз имел я несколько незабвенных минут: видел всю бездну гор, освещенных вечерним и утренним солнцем. Я возвратился тою же дорогою и из Веггиса поплыл в Кюснахт, чтобы видеть die hohle Gasse, где Вильгельм Тель застрелил Геслера[24]; потом через Цугское озеро в Цуг, где насладился въездом папского нунция, принятого с пушечными выстрелами и с коленопреклонением. Берегом Цириха дошел я только до деревни Wädenswyl, откуда хотел переплыть в Rapperswyl, чтобы потом богатыми деревнями, лежащими на противном берегу озера, идти в Цирих пешком; но дождик, соединенный с сильным противным ветром, помешал мне исполнить этот план. Это было во второй раз во всё мое путешествие. Но, потеряв с одной стороны, я выиграл с другой. Я поплыл из Wädenswyl прямо в Цирих: сильный ветер и дождик меня преследовали, но я видел удивительную картину волнующегося озера; было что-то величественное, разительно напоминающее о Провидении в этой легкой лодке, которая, несмотря на брызжущие кругом волны, всё плыла своею дорогою, в этих облаках, которые сзади налетали с дождем, но сквозь которые изредка проглядывало небо, и в этом сильном ветре, который своею бурею только быстрее мчал к пристани. И невдали от этой пристани всё утихло; и солнце удивительно украсило и берега, и горы, и воду, и близкий, как будто выходящий из озера, Цирих. Очутившись опять на том месте, с которого за полтора месяца началось мое путешествие, столь богатое разнообразными ощущениями, я подумал, что совсем не покидал его. Я видел прекрасный сон; но воспоминание бережет прошедшее. Из Цириха поехал я через Эглизау в Шафгаузен, чтобы взглянуть на Рейнский водопад. Он поразил меня, но не пленил, как некоторые другие швейцарские водопады, гораздо более живописные. Если смотреть на него как на водопад, если видеть всю полную картину падения, то он не имеет ничего особенно разительного. *Спереди* он не иное что, как невысокий водяной уступ, шумящий и пенный, посреди которого чернеет несколько утесов, изрытых силою воды; *сверху* видишь всю реку, тихо идущую к тому уступу, с которого она падает, и сила падения почти неприметна: пленяешься блеском солнца на воде и радугою на пенном тумане. Но разительное, неописанное зрелище представляется глазам, когда смотришь на падение вблизи, с галереи, построенной на берегу у самого водопада: тут уже нет водопада, нет картины; стоишь в хаосе пены, грома и волн, не имеющих никакого образа; и это зрелище без солнца еще величественнее, нежели при солнце: лучи, освещая волны, дают

им некоторую видимую, знакомую форму; но без лучей всё теряет образ; мимо тебя летают с громом, свистом и ревом какие-то необъятные призраки, которые бросаются вперед, клубятся, вьются, подымаются облаком дыма, взлетают снопом шипящих водяных ракет, один другому пересекают дорогу и, встречаясь, расшибаются вдребезги; словом, картина неописанная. На галерее можно стоять без малейшей опасности; но волны так беспорядочны, что иногда совсем неожиданно бываешь облит с головы до ног. Здесь Рейнский водопад достоин своей славы. Посреди самого падения стоит несколько утесов: со временем они исчезнут: один из них так истерт водами, что ему не прожить и полвека. На вершине самого высокого стоит деревянная фигура; она была выкрашена; но краску смыло водою; осталась одна надпись: Deus mea spes! Бог моя надежда! Мысль прекрасная! В маленьком замке Wörth можно видеть весь водопад в камеробскуре: на бумаге представляется всё падение, вода волнуется, солнце светит и исчезает, ветер разносит брызги, и слышный невдали шум довершает очарование. — В Шафгаузене я простился с Швейцариею.

ДЕТСКИЕ СКАЗКИ

ВОЛШЕБНИЦА

Одна вдова имела двух дочерей: старшая была похожа на свою мать и лицом и нравом; то есть, она была так же дурна и так же зла, как ее мать. Никто не любил их; все от них бегали. Меньшая ж была прекрасна и добродушна. Все ее любили. Но злая мать и злая сестра ее ненавидели; беспрестанно бранили; одна она должна была работать в доме, топить печь, мести горницы, стряпать в кухне. Бедняжка плакала с утра до вечера, но не ленилась работать; была послушна, терпелива, и все то было напрасно, ибо ничем не могла угодить на злую мать и на злую сестру свою.

Ежедневно эта бедная девушка должна была, с большим кувшином, ходить за водою в ближнюю рощу, в которой находился чистый источник. Однажды пошла она, по обыкновению, к этому источнику. День был очень жарок. Наполнив кувшин водою, она возвращалась домой. Вдруг видит перед собою старушку. «Дитя мое! — сказала ей старушка. — Дай мне напиться. Я устала; мне жарко». «С охотою, бабушка! — сказала девушка. — Вот! напейся!» И она подала старушке кувшин. Старушка от слабости села на траву, а молодая красавица стала перед нею на колена, и осторожно поддерживала кувшин, пока она пила воду. «Благодарю тебя, милая! — сказала старушка, напившись. — Вижу, что ты доброе, ласковое дитя, и хочу тебя наградить за твою услужливость. Знай же, я волшебница, и нарочно взяла на себя вид старушки, чтобы тебя испытать. Радуюсь, что ты такая добрая, и вот, что я хочу для тебя сделать: всякой раз, когда ты скажешь слово, изо рта у тебя выпадет или прекрасный цветок, или драгоценный камень, или большая жемчужина. Прости, дружок!» И волшебница исчезла.

Прекрасная девушка возвратилась домой. «Где ты так долго была?» — спросила у нее с сердцем мать. «Что ты так долго делала в роще?» — закричала злая сестра. «Виновата, замешкалась!» — отвечала бедняжка, и в ту самую минуту с прекрасных губ ее скатились две розы, две жемчужины и два большие изумруда. «Что я вижу? — воскликнула удивленная мать. — Это цветы! Это драгоценные камни! Что с тобою сделалось!» Красавица простодушно рассказала ей о своей встрече с волшебницею; а между тем цветы, алмазы и жемчуг так и сыпались с губ ее. «Хорошо же! — проворчала мать. — Завтра пошлю в рощу стар-

шую мою дочь! И с нею то же будет». И на другое утро она сказала своей дочери: «Нынче пойдешь за водою ты: возьми кувшин; но смотри же, если встретишь у источника старушку, дай ей напиться и приласкайся к ней хорошенько». Злая девчонка нахмурилась, с досадою взяла кувшин, нехотя пошла в рощу, и во всю дорогу ворчала. Старушка сидела уже у источника. «Зачерпни мне воды, моя милая! — сказала она девочке. — Жарко! хочу напиться». — «Как бы не так! Я не за тем пришла сюда, чтобы услуживать старым бродягам. Напьешься и без меня!» — «Какая же ты грубая! — сказала ей старушка. — Я накажу тебя. С этих пор, при каждом слове твоем, будет выпадать у тебя изо рта или змея, или лягушка». Она исчезла, а злая девчонка побежала домой, разбивши с досады кувшин свой. «Что скажешь, милая дочка?» — спросила мать, увидев ее издалека. «Нечего сказать!» — отвечала дочь, и вдруг выскочили изо рта ее две змеи и две жабы. «Что я вижу! какой страх! — закричала мать. — Но во всем этом виновата твоя сестра! Я дам ей знать». И они бросились бить меньшую дочь. Она, испугавшись угроз, скрылась в рощу, долго бежала, не смея оглянуться, забежала далеко и наконец потеряла дорогу. Но это было к ее счастью. Царский сын, который тут забавлялся охотою, находился в это время в роще; он увидел красавицу, которая, сидя на траве, горько плакала. «Что с тобою сделалось? О чем ты плачешь, милая?» — спросил он, взяв ее ласково за руку. — «Боже мой! как мне не плакать! Матушка выгнала меня из дому». Она говорила, а цветы и драгоценные камни сыпались с розовых ее губ, и слезы обращались в жемчужины. «Что это значит? — спросил царский сын. — От чего эти цветы, жемчуги и камни?» Бедняжка рассказала царскому сыну о том, что с нею случилось. Он полюбил ее, и полюбил еще более за то, что она была так добра и мила, нежели за ее цветы и драгоценные камни. Он взял ее с собою, представил ее царю, отцу своему, которому она также понравилась, и царь позволил сыну на ней жениться. Таким образом она сделалась царевною, а по смерти царя, когда ее муж взошел на отцовский престол, царицею, и была царицею доброю. А злая сестра ее? Что сделалось с нею? — Она жалостным образом кончила свою жизнь. Мать, которую она беспрестанно сердила и огорчала, принуждена была ее выгнать из дому; никто не хотел ей дать пристанища, и она скрылась в лес, где скоро умерла с досады и голода.

РАУЛЬ СИНЯЯ БОРОДА

В одном лесу жил бедный старик, у которого было три сына и две прекрасные дочери. Однажды подъехала к его хижине богатая карета в шесть лошадей; из этой богатой кареты вышел человек, одетый в золотое платье, высокого роста, суровый лицом с густыми бровями и с синею бородою. «Отдай за меня младшую дочь твою, Изору! — сказал он старику. — Я Рауль синяя борода;

у меня много богатых замков, много золота и серебра. Согласись на мое требование! Дочь твоя со мною будет счастлива». Старик подумал и согласился. Изора посмотрела на синюю бороду и ужаснулась; но она посмотрела на богатое платье Рауля, на его золотую карету, вообразила, что все это богатство будет принадлежать ей, и подала руку ужасному жениху своему. Через несколько дней была и свадьба в одном из богатых замков Рауля. Изора, прощаясь с братьями, сказала им: «Милые братья! хотя и много у меня богатства, но боюсь, что буду несчастлива с моим мужем: Рауль синяя борода мне страшен. Милые друзья! не забудьте моей просьбы. Если услышите мой голос, где бы вы ни были, что бы вы ни делали, все оставьте и спешите ко мне на помощь!» Братья обещали исполнить ее просьбу, поцеловались с нею и уехали. Сестра ее, Лора, осталась с нею, ибо одной было ей грустно и страшно. В первые дни Рауль был очень ласков с молодою женою своею: он угождал ей во всем, давал ей праздники, делал ей подарки. Но Изора, Бог знает от чего, грустила; ей казалось, что такое счастье не могло продолжиться. И в самом деле оно не продолжилось. Прошел месяц. Рауль синяя борода собрался куда-то ехать. Он приходит к своей молодой жене и говорит ей: «Послушай, Изора! я должен на несколько дней с тобою расстаться. Будь госпожою в моем замке. Вот тебе ключи от всех моих горниц: этот ключ от кладовой, в которой хранятся мои сокровища; этот от сундука, в котором жемчуг и драгоценные камни, этот от горницы, в которой лежат парчи, бархаты и разные богатые материи; этот от моей золотой и серебряной посуды. Можешь отпирать все горницы и сундуки; можешь брать из сокровищ моих все, что тебе полюбится. Запрещаю отпирать одну только маленькую железную дверь, которая задернута черным занавесом; вот ключи от этой железной двери; отдаю их тебе вместе с другими, но помни мое приказание: не отдергивай черного занавеса, не отпирай железной двери. Запрещаю тебе это строго! Погибнешь, если не исполнишь моего приказания!» И Рауль, отдавая ключи Изоре, посмотрел на нее такими страшными глазами, что она затрепетала. Потом он ласково с нею простился и уехал. В первые два дня Изора занималась рассматриванием сокровищ, которыми наполнен был великолепный замок Рауля, и не думала о железной двери. На третий день она об ней вспомнила. «Что может быть за этою железною дверью? — подумала она. — Для чего Рауль синяя борода запретил мне отдергивать черный занавес и отпирать железную дверь? Верно, какое-нибудь невидимое сокровище скрыто в неизвестной горнице». Она посмотрела на ключ: он был из чистого золота. Любопытство ее мучило, но страх удерживал. Наконец она подумала: «Никто не увидит меня! отопру дверь осторожно и также осторожно запру ее! Кто скажет об этом Раулю?» И она взяла золотой ключ, пошла потихоньку к железной двери, которая находилась в конце темного коридора; сердце ее ужасно билось; ей казалось, что кто-то за нею следует, и чем ближе подходила она к железной двери, тем страш-

нее ей становилось; наконец она подошла к ней; отдернула черный занавес; вложила золотой ключ в железный замок, дрожала, думала, отпирать ли или нет; наконец повернула ключ, замок отперся, дверь тронулась, застучала, отворилась, и глазам Изоры представилась темная пространная горница, слабо освещенная маленьким окном. Она вошла. Боже мой, что она там увидела! Весь пол этой горницы был облит кровью; и на полу лежали три мертвые тела: то были три первые жены Рауля, который сам, своею рукою убил их за то, что они его не послушались и отперли двери потаенной горницы. Бедная Изора! Побледнев от ужаса, она побежала назад; хотела запереть за собою дверь, но второпях уронила ключ, увидела, что он был весь в крови, начала его чистить — напрасно! кровь не оттиралась, и золотой ключ весь почернел. Она плакала, плакала, но все было напрасно, кровь не оттиралась, и ключ час от часу становился чернее. Во всю эту ночь не могла она заснуть, и с ужасом ожидала утра, ибо на другой день должен был возвратиться Рауль. Наконец занялась заря; начало всходить солнце; на башне замка затрубили в рог. Это значило, что Рауль приближался. Бедная Изора, как она ужаснулась, но делать было нечего: скрепилась и пошла на встречу к страшному Раулю. Он поглядел на нее угрюмо. «От чего ты так бледна, Изора!» — спросил он суровым голосом, нахмурив густые брови свои. Она задрожала и не могла сказать ни слова. «Отдай мне ключи мои», — сказал он, еще более нахмурясь. Изора подала их трепещущею рукою. — «Они не все! — одного нет золотого ключа!» «Я забыла его в моей горнице», — прошептала дрожащая Изора. «Принеси его сию же минуту». Бедняжка, едва передвигая ноги, пошла за ключом, возвратилась и подала его Раулю, замирая от страха. «От чего почернел золотой ключ мой!» — закричал ужасным голосом Рауль. «Не знаю!» — сказала Изора так тихо, что едва ее можно было расслушать! «Не знаешь? — но я знаю! Ты отпирала железную дверь! Ты была в запрещенной горнице. Преступница! ты будешь в ней опять, и никогда из нее не выйдешь. Готовься к смерти!» «Помилуй!» — закричала Изора, упав перед ним на колени и обнимая в слезах его ноги. «Нет помилования! Готовься к смерти». Он оттолкнул ее. «Тронься моим раскаянием! сжалься над моею молодостью». — «Все напрасно! Ты умрешь сию же минуту!» — «Ах! дай мне хотя один час сроку: позволь мне помолиться! позволь мне взойти на башню, чтобы хотя издалека увидеть то место, где живет мой отец, где живут мои братья, чтобы проститься с полями, рощами и светлым небом!» — «Даю тебе один час сроку! Поди на башню! молись, готовься к смерти! Но тотчас сойди ко мне, как скоро услышишь мой голос». Изора позвала сестру свою Лору, и они вместе пошли на башню. Эта башня находилась над воротами замка; с высоты ее видно было все широкое поле, и вдалеке тот лес, где жили отец и братья Изоры. Рауль синяя борода остался внизу и начал точить об камни широкий нож свой. «Братья! милые братья! — закричала с башни Изора. — Спешите ко мне! летите ко мне!»

Братья садились в это время на коней своих, чтоб ехать на охоту. «Не слышишь ли голосу?» — сказал один. «Не голос ли Изоры, — спросил другой, — зовет нас?» «Поскачем!» — воскликнули оба, кольнули шпорами коней и помчались, как вихорь. «Изора! готова ли? четверть часа миновала!» — закричал Рауль, продолжая точить нож свой. Изора упала на колени и начала молиться, а Лора смотрела вдаль на широкое поле, на большую дорогу. «Сестра моя, Лора, не видишь ли чего!» — «*Не вижу! лишь солнышко в поле играет! лишь ярко зелень отливает*». — «Ах! милые братья! спешите ко мне! летите ко мне!» «Готовься, Изора! четверть часа еще миновалась!» — закричал опять Рауль, и под ножом его, который он точил об камни, так и прыгали искры. «Сестра моя, Лора, не видишь ли чего?» — «*Не вижу! лишь стадо бежит по дороге! да солнышко в поле играет, да зелень с лугов отливает*». — «Ах, милые братья, спешите ко мне! летите ко мне!» «Изора, готова ли ты? четверть часа осталась тебе!» — опять закричал Рауль, и так скоро начал точить нож свой, что камни под ним задрожали. «Сестра моя, Лора! не видишь ли чего?» — «*Я вижу! я вижу! пыль на дороге! скачут наши братья! уж близко!*» — «Ах! милые братья! спешите, летите!» «Изора! — закричал Рауль. — Час миновался! сойди ко мне с башни!» «Еще минуту! дай помолиться мне об отце и братьях!», но Рауль, как бешеный, взбежал на башню, бросился на Изору, схватил ее за волосы и потащил вниз по ступеням. Бедная кричала жалобным голосом, но он ничего не слушал, тащил ее прямо к железной двери. В эту минуту братья ворвались в ворота, бросились на злого Рауля, выхватили из рук его сестру и закололи его острыми своими мечами. Тело его бросили в ту страшную горницу, где он хотел зарезать Изору, заперли за ним железную дверь, и с тех пор она уже никогда не отворялась. Изора покинула замок ужасного Рауля; все его сокровища достались ей; она переселилась к отцу и братьям и жила с ними счастливо.

КОЛЮЧАЯ РОЗА

Жил был царь. Царица, жена его, была добра, прекрасна; они жили друг с другом счастливо, но не имели детей, и очень об этом грустили. Однажды царица сидела на берегу светлого источника и плакала; вдруг выполз к ней из воды рак[1]; он сказал ей: «Царица, не плачь! У тебя скоро будет дочь!» Царица удивилась, хотела поблагодарить доброго рака, но он уже опять уполз в воду. Его обещание исполнилось: Царица в самом деле родила через несколько времени дочь. Обрадованный царь дал великолепный праздник, на который позвал и волшебниц. Но, по несчастью, у Царя было только двенадцать золотых тарелок, а волшебниц было тринадцать, и по этой причине одну из них не могли позвать на праздник царский. Волшебницы, прощаясь с царем, захотели оставить дары новорожденной царевне. Одна сказала ей: будь добродетельна, другая — будь пре-

красна; одним словом, они одарили ее всеми совершенствами души и тела. Но вдруг явилась тринадцатая волшебница. Она сказала с досадою: «Вы не хотели позвать меня на праздник, за это царевна ваша, на пятнадцатом году жизни, уколется веретеном и тотчас умрет». И она исчезла. Но, к счастью, только одиннадцать волшебниц успели одарить царевну; оставалось двенадцатой, и она сказала огорченным родителям: «Утешьтесь друзья мои: дочь ваша не умрет, а только погрузится в глубокий сон, который продолжится сто лет; потом она проснется и будет счастлива».

Но царь надеялся спасти милую дочь свою; он приказал строго, строго, чтобы во всем его царстве не было ни одного веретена. Царевна выросла, и сделалась чудом красоты. И ей пошел уже пятнадцатый год. Что же случилось? Однажды царь и царица куда-то уехали. Царевна осталась одна во дворце. Ей вздумалось осмотреть его. Переходя из горницы в горницу, она подошла к маленькой двери; отворила ее; увидела перед собою узенькую лестницу; эта узенькая лестница вела на высокую башню; царевна пошла по ступеням и наконец очутилась в маленькой горнице, в которой сидела старушка и пряла. Царевна не испугалась старушки; но подошла к ней; смотрела несколько минут на ее работу; наконец сама вздумала прясть; но только что взялась за веретено, то вдруг поколола им себе руку, упала и погрузилась в глубокий сон. В эту минуту все заснули и царь и царица, которые уже возвратились тотчас во дворец, и придворные, и служители, и царская гвардия, заснули, и лошади в царской конюшне, и голуби на кровле, и собаки на дворе, и мухи на стенах, и даже огонь, пылавший на очаге, затих и стал неподвижен; и жареное перестало жариться; и повар заснул, схвативши за ухо поваренка, который уронил кастрюлю; и повариха заснула, не дощипавши курицы[2], и все стало тихо, тихо, как будто мертвое, и вдруг поднялся из земли густой терновник, который окружил весь царский дворец, и вся окрестность покрылась дремучим лесом.

Прошло много лет, никто не мог приблизиться к замку; лес был непроходим; терновник был неприступен. Все знали, что в глубине леса находился дворец; что во дворце была очарованная царевна; и ее прозвали *Колючею розою;* ибо она была прекрасна, как роза, но колючий терновник не допускал никого ее увидеть. Было несколько смелых юношей; они отважились войти в густоту леса, но ни один из них оттуда не возвратился: все погибли в колючем терновнике, стараясь пройти сквозь него к очарованному замку. Прошло сто лет. Однажды мимо дремучего леса ехал прекрасный царский сын; и один старичок начал рассказывать ему, как он слышал от своего деда, что в этом лесе был замок, что в замке была царевна Колючая роза и что еще никто не мог проложить к ней дороги сквозь частый лес и колючий терновник. Царский сын не испугался терновника и решился избавить царевну Колючую розу. Он поворотил коня своего и въехал в гущину темного леса. Но лес был уже не темен и не страшен. На ве-

точках пели голосистые птицы; везде журчали быстрые ручейки, и воздух наполнен был запахом цветов. Царевич подъезжает к терновой ограде; она сама перед ним расступилась и вместо густого терновника увидел он перед собою кусты белых роз. Он приблизился к замку, взошел на обширный двор; на дворе стояли оседланные лошади и спали; кругом их лежали спящие собаки; у дверей спали часовые, опершись на копья; на кровле спали голуби, спрятав головки под крылья. Он вошел во дворец; мухи спали на стенах, огонь спал на очаге, перед очагом стоял сонный повар, держа за ухо сонного поваренка; а подле него сидела сонная повариха с полуощипанною курицею. В самом дворце увидел он спящих придворных; одни спали стоя, другие сидя, иные глядя в окно; наконец он увидел спящего царя и спящую царицу; и все было так тихо, что он мог слышать собственное свое дыхание. Наконец, по узенькой лестнице, взошел он на башню; там, на полу, лежала царевна Колючая роза, прекрасная, как день, и спящая глубоким сном. Красота ее так поразила царевича, что он не мог удержаться и поцеловал ее в розовые губки… Она открыла глаза, и в эту минуту все проснулось: и царь, и царица, и все придворные, и лошади, и собаки; голуби заворковали, мухи полетели, огонь запылал, повар начал драть за ухо поваренка, повариха начала щипать свою курицу.

Царевич сошел с башни с царевною. Царь и царица их встретили, и в тот же день была свадьба, и царевна Колючая роза была счастлива с прекрасным мужем своим и была счастлива долго, долго.

БРАТЕЦ И СЕСТРИЦА

«Душенька, сестрица! — сказал печальным голосом братец, поцеловавши свою сестрицу. — Худо нам жить на свете. Родная матушка наша умерла. А мачеха нас не любит, бьет нас, когда мы подойдем к ней, чтоб приласкаться; кормит нас одними сухими корками черного хлеба; с дворною шавкою обходится она лучше, нежели с нами: ее она гладит и часто бросает ей под стол куски с своей тарелки; а нам, бедным, только что побои! и скоро придется умереть с голоду. Пойдем, сестрица, куда глаза глядят! Бог нас не оставит!»

Они взялись за руки и побежали в лес; бежали, бежали, наконец утомились, спрятались в дупле старого дуба и начали горько плакать, ибо их мучил голод, а есть было нечего. Наконец они заснули; солнце было уже высоко, когда они проснулись, и в темном дупле было очень душно. «Сестрица, — сказал братец, — мне хочется пить! Мне слышится как будто журчанье воды: верно есть близко ручей! Пойду и напьюсь!» «Что пользы пить! — сказала сестрица. — Мы все умрем с голоду!» Но братец выполз из дупла; сестрица за ним: она не могла его оставить. И в самом деле им послышалось журчанье источника. Но что же? Злая мачеха была чародейка; она узнала, куда пошли бедные дети; подкралась

потихоньку к тому дубу, в котором они спали, ударила ногою в землю, и на том месте явился ручей, который должен был приманить их к себе своим журчаньем; но этот ручей был волшебный, и каждый, кто из него пил, должен был обратиться в козленка.

Братец, увидев ручей, который приятно шумел и ярко сверкал по камушкам разноцветным, пуще прежнего хотел пить. Но сестрице было страшно; ей казалось, что быстрый источник, журча, говорил ей: не пей из меня! козленочком будешь! «Слышишь ли, братец? — сказала она. — Уйдем отсюда, мой милый! уйдем поскорее!» «Сестрица душенька! я ничего не слышу! Ручей журчит, и струйки блещут так мило, так ярко! чего бояться!» И он лег на траву, чтоб напиться у светлого источника; но только что прикоснулся губами к воде, как вдруг не стало братца, и на месте его козленочек лежал у источника.

Сестрица плакала, плакала; но делать было нечего. Наконец она обтерла слезы; свила веревочку из тонкой травки; привязала к ней милого своего козленочка и повела его за собою. Скоро нашла она под утесом пещеру; набрала моху, цветов и зеленых веток и приготовила из них для своего братца мягкую постельку. Они поселились в этой пещере. По утрам до солнца, покуда козленочек спал, сестрица выходила из пещеры, собирала для него свежую травку, для себя же ягоды и дикие вишни и, возвратясь, кормила травкою братца; поевши, он весело прыгал и забавлял сестрицу своею игрою. Ввечеру же, уставши, они оба уходили в свою пещеру; козленочек ложился на мягкий мох и засыпал; а сестрица, положивши на спинку его голову, также засыпала. На другой день и каждый день то же, и так прожили они несколько лет. Бог видимо хранил их, и они были бы очень счастливы, когда бы только братец не был козленком, а был человеком.

Случилось однажды, что царь ездил с охотою по лесу. Он увидел молодую девушку, за которою бежал козленок. Красота ее удивила его. Он посадил ее к себе на лошадь и повез с собою. Козленок побежал вслед за ними. Они приехали в царский дворец. В царской столице было много красавиц; но наша девушка была всех их лучше. Царь полюбил ее и скоро на ней женился, и она стала царицею. А козленок не отходил от нее; она сама его кормила из своих рук, но часто, часто, целуя его, плакала, думая: то бедный мой братец!

Злая мачеха, между тем, услышала о счастье бедной сестрицы; она уверена была, что в лесу съели ее дикие звери, и вдруг узнала, что она царица и счастлива. Это ужасно рассердило чародейку; она занемогла от досады; день и ночь думала, как бы погубить прекрасную царицу, и что же наконец выдумала? У царя родился сын. Царь поехал на охоту, а царица одна, еще больная, лежала в постели. Чародейка приняла на себя вид ее служительницы и вошла в ее горницу. Вместо лекарства, которое принимала царица, она подала ей очарованное питье, которое сама составила. И только что отведала этого питья, как вдруг

лишилась памяти и сделалась неподвижна, как мертвая. Чародейка унесла ее, а в царскую постель положила собственную свою дочь, которой своим колдовством дала такое же лицо, какое имела царица. Царь возвратился и не заметил обмана. Но в первую ночь, когда все спали, нянюшка новорожденного младенца, которая одна не спала над его колыбелью, увидела, что двери ее горницы отворились, что в двери вошла настоящая царица, бледная и печальная. И она тихонько приблизилась к колыбели, посмотрела на спящего ребенка, вынула его, накормила грудью, поправила его постельку, поплакала над ним, поцеловала его и благословила; потом пошла в угол, где спал козленочек, погладила его и также поцеловала. Так приходила она несколько ночей сряду, приходила и уходила, не говоря ни слова. Но в одну ночь, вошедши в горницу по обыкновению, она сказала:

Что делает мой ребеночек?
Что делает мой козленочек?
Еще приду я дважды,
И боле не приду.

Сказав это, она по-прежнему накормила сына, поцеловала его, благословила; потом погладила козленка, также поцеловала, и тихо, тихо удалилась с горькими слезами. Няня сказала об этом царю, и он решился просидеть всю следующую ночь над колыбелью сына, желая увидеть своими глазами то, что она видела. И в самом деле, в обыкновенный час дверь отворилась; Царица вошла и сказала:

Что делает мой ребеночек?
Что делает мой козленочек?
Приду еще однажды,
И боле не приду.

Но царь не осмелился назвать ее по имени, и она удалилась по-прежнему, тихо, тихо, с горькими слезами. На третью ночь царь опять дождался ее; опять она вошла, и тяжко, тяжко вздохнувши, сказала:

Что делает мой ребеночек?
Что делает мой козленочек?
Пришла я в последний раз,
И боле не приду.

Царь, услышав это, не мог более удержаться; он бросился обнимать ее, и вдруг она ожила, бледность ее исчезла, и глаза сделались светлы. Ложная царица выгнана была из дворца, а злую мачеху сожгли, и в ту минуту, как она обратилась в пепел, козленочек сделался по-прежнему братцем, и братец и сестрица с тех пор не разлучались, и прожили долго и счастливо.

МИЛЫЙ РОЛАНД И ДЕВИЦА ЯСНЫЙ ЦВЕТ

Одну прекрасную девушку, за ее доброе сердце, за ее смирение и красоту, все называли девица ясный цвет. Все любили ее; все ею радовались. Одна только злая мачеха, которая притом была и чародейка, ее ненавидела. И ей стало наконец так несносно жить у жестокой матери, что она решилась бежать из отеческого дома. Она пошла к своему другу, милому Роланду, и сказала ему: «Уйдем, мой друг! Умру, когда здесь останусь! Пойдем куда глаза глядят! Не бойся ничего! я взяла с собою очарованный ее прутик». «Пойдем, девица ясный цвет! — сказал ей милый Роланд. — С тобою готов я на край света». Они взялись за руки и пошли, куда глаза глядят, прямо по дороге. Мачеха чародейка тотчас догадалась, что девица ясный цвет ее покинула, надела сапоги самоходы и пустилась за нею в погоню.

Но очарованный прутик остерег прекрасную девушку. «Берегись, мачеха близко!» — сказал он ей. И в самом деле скоро услышали они, что кто-то бежал по дороге за ними. Девица ясный цвет махнула волшебным прутиком, и в ту же минуту она сделалась широким озером, а милый Роланд белою уткою, которая плавала по широкому озеру. Мачеха остановилась на берегу озера; начала кликать белую утку, начала бросать ей с берега хлебные крошки — напрасно: белая уточка плавала и не прельщалась хлебными крошками. Колдунья простояла до вечера по пустякам у озера, охрипла от крику, вся иззябла и наконец принуждена была воротиться домой. Только что она ушла, озеро и белая уточка исчезли, и девица ясный цвет пошла по дороге с милым своим Роландом. На другое утро колдунья опять погналась за ними; опять очарованный прутик сказал, что она близко, и девица ясный цвет опять махнула очарованным прутиком. И она в минуту превратилась в белую розу, вокруг нее вырос густой терновник, а Роланд превратился в старика с очарованною дудочкою. Волшебница, подбежавши к терновнику и увидев белую розу, спросила у старичка: «Могу ли сорвать эту белую розу?» «Сорви, если хочешь!» — отвечал старик, но только что волшебница вошла в средину терновника и протянула руку к розе, как он заиграл на своей дудочке, и она поневоле принуждена была плясать! Чем более играл он, тем больше она прыгала и вертелась; а терновые иглы так и кололи ее. Наконец они так искололи ее, что она повалилась на землю и умерла.

«Теперь мы свободны, — сказал милый Роланд. — Теперь пойду я к отцу моему и все приготовлю к нашей свадьбе!» — «Поди, мой милый Роланд! а я останусь здесь красным полевым камнем у дороги, и буду ждать, пока не придешь за мною!» Милый Роланд удалился, а девица ясный цвет осталась полевым красным камнем у большой дороги.

И долго, долго ждала она милого Роланда; и ждала понапрасну: милый Роланд не возвратился; милый Роланд позабыл об ней, и ей стало грустно, грустно,

и она превратилась в голубой цветочек и подумала: авось кто-нибудь раздавит меня! Но этого не сбылось: шел по дороге молодой пастух, увидел голубой цветочек, прельстился им, вырыл его из земли и унес его в свою хижину. И с этой минуты в хижине его стало все не по-старому; в ней делались чудеса. Не успеет молодой пастух проснуться поутру — а в хижине его уже все прибрано, пыль обметена, огонь горит на очаге. Воротится в полдень домой — обед готов, стол накрыт, садись и обедай. Он удивлялся, не мог понять, как это делалось, ибо никогда никого не видал в своей хижине. И хотя это ему нравилось, но наконец стало и страшно; и он спросил у одной старушки, что ему делать. «Встать пораньше поутру, — сказала старушка, — и заметить, не движется ли что в твоей хижине; накрой белым платком то, что заметишь». Он так и сделал. На другое утро он проснулся до солнца; смотрит — что же? Голубой цветок его покинул зеленый свой стебель, и начал тихо порхать по его хижине. Он вскочил с постели и накрыл его белым платком, Вдруг на месте цветочка явилася прекрасная девушка, девица ясный цвет, забытая милым Роландом. «Выдь за меня замуж», — сказал ей молодой пастух. Но она отвечала: «Нет! люблю милого Роланда и буду любить его вечно». Скоро потом услышала она, что в замке милого Роланда собирались гости на свадьбу. И девица ясный цвет пошла туда вместе с другими. И было там много девиц, и каждая должна была, в свою очередь, спеть невесте и жениху песню. Девица ясный цвет запела последняя, и только что запела, как милый Роланд узнал ее голос; память его возвратилась. «Вот моя невеста!» — закричал он, бросившись целовать ее. И они обвенчались, и жили друг с другом счастливо.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Жила вдова, у которой была прекрасная дочка, такая прекрасная, что все на нее любовались. Мать любила ее без памяти, а бабушка была от нее без ума. Она подарила ей красную шапочку, которая так была ей к лицу, что все называли ее девочка красная шапочка. Однажды мать сказала ей: «Послушай, красная шапочка, я испекла пирожок и надоила от нашей коровки горшочек молока. Отнеси их бабушке; она теперь больна, и ей приятно будет отведать пирожка, и молочка напиться. Смотри же, дружок, иди осторожно, чтобы не упасть и не разбить горшочка!» «Слушаю, матушка», — сказала красная шапочка и пошла потихоньку.

Бабушка жила за рощею, в двух верстах от деревни. И не успела красная шапочка войти в рощу, как встретился с нею волк; но красная шапочка не знала, что такое волк, не побоялась его, и он начал с нею разговаривать. «Здравствуй, красная шапочка!» — «Здравствуй, волк!» — «Куда идешь, красная шапочка?» —

«К бабушке, волк!» — «Что у тебя в узелке!» — «Пирожок и горшочек молока для моей бабушки». — «А где живет твоя бабушка?» — «Там за рощею! Видишь ли три большие дуба! За ними ее хижина!» И волк начал думать, как бы доставить себе этот лакомый кусок, подумал и сказал: «Послушай, красная шапочка, на что ты так спешишь к своей бабушке? Тебя никто не гонит! Посмотри, сколько прекрасных цветков в роще! Послушай, как приятно распевают птички».

Красная шапочка начала оглядываться и слушать. Солнышко ярко светило сквозь деревья, и на зеленой травке блистали пестрые, душистые цветы. «Нарву их, — подумала красная шапочка, — и свяжу прекрасный пучок для моей бабушки; это ей будет приятно; теперь же рано, и я приду к ней еще вовремя». И красная шапочка принялась собирать цветы, а волк между тем побежал прямою дорогою к хижине. Стук, стук! «Кто там?» — спросила бабушка. «Я, твоя внучка, красная шапочка! Принесла тебе пирожок и молочка горшочек, — отвечал волк, стараясь подражать голосу красной шапочки. — «Отдерни задвижку! дверь отворится». Волк отдернул задвижку, и дверь отворилась. Бабушка лежала в постели. Он бросился прямо на нее и разом ее проглотил; потом оделся в ее платье, надвинул на глаза ее чепчик, лег в постель и задернул занавес.

Красная шапочка между тем, набравши довольно цветов, пошла к своей бабушке. Стук, стук! «Кто там?» — спросил волк. Осиплый голос его испугал красную шапочку. «Я твоя внучка, — отвечала она, — но что у тебя за голос, бабушка!» «Я простудилась! Горло болит. — прохрипел волк. — Отдерни задвижку! дверь отворится». Красная шапочка отдернула задвижку, и дверь отворилась. Она вошла, и ей стало страшно: в горнице все, все было не по-старому. «Боже мой, — подумала она, — от чего замирает у меня сердце? До сих пор мне бывало так весело приходить к моей бабушке! а теперь?..» И она робко подошла к постели, отдернула занавес и видит, что бабушка ее лежит, надвинувши на глаза чепец, и глядит на нее дико. «Бабушка, бабушка! зачем у тебя так сверкают глаза?» — «Затем, чтобы лучше тебя видеть!» — «Бабушка! бабушка! на что у тебя так отвисли уши?» — «На то, чтобы лучше тебя слышать» — «Бабушка! бабушка! на что у тебя такие длинные ногти?» — «На то, чтобы лучше тебя схватить!» — «Бабушка! бабушка! Зачем у тебя такой большой рот?» — «Затем, чтоб лучше тебя съесть». С этим словом волк прыгнул с постели, бросился на красную шапочку и вмиг ее проглотил с пирогом, горшочком и цветами.

Насытившись, волк опять улегся в постель, скоро заснул и начал ужасно храпеть. Он и не думал запереть двери. В эту минуту шел мимо хижины охотник; он услышал, что кто-то в ней храпел, и удивился. «Не может быть, чтобы старушка могла так громко храпеть, — подумал он, — войдем и посмотрим». Вошел и видит волка, того самого волка, за которым он долго по пустякам ходил с ружьем своим по лесу. «Верно он проглотил старушку! — подумал охотник. — Я не стану стрелять по нем! быть может, удастся еще ее спасти». И он подкрался

к спящему волку, вынул свой кортик и начал осторожно разрезывать ему брюхо. Разрезал немного — посыпались цветы, потом пирожки, потом выкатился горшок с молоком, и молоко вылилось на пол; еще разрезал — мелькнула красная шапочка и вдруг выскочила сама девочка, живая! «Ах, Боже мой! — сказала она, протирая глаза. — Как было темно у волка в желудке». Охотник разрезал еще — и выползла из желудка сама бабушка, слабая, но, к счастью, еще живая. Что же они сделали? Натаскали тяжелых камней, набили ими волку желудок, зашили его, и сами спрятались, дожидаясь, что будет. Волк проснулся, зевнул, начал потягиваться, наконец, встал, хотел бежать, но камни были так тяжелы, что он не мог сдвинуться с места. И охотник тут же его застрелил.

Охотнику досталась его шкура, бабушка скушала пирожки, а красная шапочка, подобравши цветки, связала из них пучок, который оставила себе на память, чтобы впредь не слушаться волков и не ходить за цветами в рощу, когда матушка велела не мешкать и прямо идти к бабушке.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

ПРОЕКТ ПЛАНА УЧЕНИЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА, СОСТАВЛЕННЫЙ В. А. ЖУКОВСКИМ, ДЛЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ 1827 г.

Я не могу начать тотчас, по приезде моем, уроков моих с Его Высочеством. Должен сделать некоторые необходимые приготовления. В бытность мою в Дрездене я не потерял своего времени; много приготовил[1]; но это касается до уроков еще отдаленных. Теперь же должен написать тетради текущих уроков, прошу позволения у Вашего Императорского величества начать свои лекции с нового года. Имею нужду в переписчике и в рисовщике, ибо сам всего не могу делать и должен буду в противном случай потерять много времени, нужного для моих планов.

Я не могу преподавать лекции по всем предметам, входящим в план учения великого князя. Этого нельзя и требовать. Одними буду заниматься сам; для других нужны будут особые учители; в последнем случае я буду только присутствовать при учении, и мое дело будет состоять в том, чтобы преподаваемое другими было согласовано с моим планом и утверждалось в памяти великого князя[2]. Прошу позволения выбирать тех учителей по мере того, как будет в них нужда.

Почитаю необходимым учение латинского языка: на сем учении будет основано учение всех других языков, и оно весьма, весьма им облегчится, ибо латинский язык есть отец большей части европейских. Прошу убедительно высочайшего на сие соизволения. Смею уверить, что метода будет избрана самая легчайшая, и что учение латинского языка вместо того, чтобы обременять великого князя скучным трудом, послужить к его образованию. В необходимости сего учения я уверен. Я не считаю для великого князя нужною ученость, но он должен иметь основательное просвещение; но латинский язык есть одно из

действительных средств развития умственных способностей, а в классиках латинских источник истинного просвещения. Все дело состоит в выборе учителя. Мне говорили в Берлине о прекрасном учителе[3]. Если Ваше Величество позволите, то напишу об нем; а такой человек будет полезен нам и во многом другом.

Прошу Ваше Величество определить сумму ежегодную на покупку вновь выходящих книг, иностранных и русских, также и журналов; мы имеем теперь все для нас нужное; но мы должны не отставать от Европы в ее литературе. Все новое, лучшее должно входить в состав нашей библиотеки.

Первые уроки, коими по плану моему я должен буду заняться с великим князем, будут иметь предметом естественные науки. Нужно составить физический, минералогический и технологический кабинеты. В них должно быть одно самонужнейшее.

О том, что нужно будет сделать для статистики и изучения прав, буду иметь честь представить особенную записку. Сими предметами Его Высочество будет заниматься во втором периоде своего учения; но нужно сделать предварительные приготовления. Осенью представлю особенную записку[4].

I. Первый период.

2) Учение классное. } Два периода
В России.
В путешествии.
Где я?
Природа.

Ее законы.
Физика. } Бог в природе
Химия.

Ее история:
Минералогия.
Ботаника.
Зоология.

Что 1. Человек.
Остеология[5].
Антропология. } Откровение[6].
Палеонтология.

2. В отношении к человеку:
Естественное право.
Общество и его виды:
Дикое.
Образованное.

3. В отношении к природе:
Технология.

Что я был.
История; история священная.
Что я быть должен.
Нравственность частная. } Христианская нравственность
Нравственность публичная. }
К чему предназначен.
Метафизика. } Религия откровения[7].
О бессмертии души. }
О Боге.
II. Второй период.
1. Математические, военные науки и естественные науки. } Без [практики].
2. Права.
3. История и политические науки.
Государственная экономия.
Статистика.
4. Русская история и русская статистика… Путешествие по России.
5. Изящные искусства. Без истории.
6. Изящная и классическая литературы. Чтение.

7. Философия. Чтение.

½ 10		1827—1828 г.	11		
11		1828—9	12		
12	1 период	9—30	13	1 период	
13		30—31	14		
14		31—32	15		
15	2 период	32—33	16	2 период	
16	1-я ½ .	33—34	17	1-я ½	
17	2 период	34—35	18	2 период	
18	2-я ½ .	35—36	19	1-я ½	

20 г. Путеш.<ествие> по России[8].

Вообще, почитаю необходимым, чтобы определена была годовая сумма на все могущие случиться нужные издержки для учения великого князя, кроме особенной, также ежегодной, суммы на книги и журналы. Сих издержек определить теперь нельзя — но сумма на них должна быть ассигнована и в полном распоряжении тех, коим поручено воспитание великого князя. Числа учителей теперь также определить нельзя, ибо не все они будут в одно время нужны; и плата им должна быть не годовая, а по урокам. Итак, настоит нам три рода сумм: одна на плату учителям неопределенная и две определенные на покупку книг и на из-

держки. На книги 10.000, на издержки 25.000. Нужно определить годовое жалованье писарю и рисовщику. Единовременно на составление физического, минералогического и технологического кабинета.

Еще особенно прошу дать повеление Зауервейту[9] помогать мне в составлении нужных рисунков. Будучи занят другими работами, он не будет иметь достаточного времени для нашего дела, но та работа, которую может он делать со мною, конечно, важнее той, на которую теперь он употребляет время и в которой может быть заменен другими.

Наши труды вместе могут составить со временем полный курс предварительного учения, который может быть полезным и вообще для публичного преподавания.

Мердер[10]	6000.
Жуковский	6000.
Павский[11]	5000.
Жиль[12]	5000.
Шамбо[13]	5000.
Альфри[14]	4000.
Постель[с][15]	5000.
Рейнгольд[16]	4000.
Зауервейд	4000.
	44000.

Теперь на первый случай нужен учитель для первого начала математики. В половине текущего года надобно будет иметь учителя для естественной истории. Фус. Соловьев. Фишер.[17]

Мне. Русская грамматика.
Физика.
История человека.
История и география.

Ежегодно:

На книги	10000.	
На естеств. науки	5000.	
На разные издержки	10000.	
На учителей		15000.
Писцу и рисовщику по 2500		5000

Единовременно:
На физический.
На минералогический.
На составление технологического кабинета.

Нужно будет гравировать или литографировать карты и таблицы, по мере того, как они будут составляться, и на сии издержки должна быть определена особенная сумма.

ПЛАН УЧЕНИЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

Предварительные понятия

Цель *воспитания* вообще и *учения* в особенности есть *образование для добродетели*.

Воспитание образует для добродетели:

Пробуждением, развитием и сбережением *добрых* качеств, данных природою, действуя на ум и сердце и заставляя их действовать.

Образованием из сих качеств *характера нравственного*, обращая добро в привычку и подкрепляя привычку правилами разума, воспламенением сердца и силою религии.

Предохранением от зла, устраняя все вредное, могущее ослабить естественную склонность к добру, и содержа душу, сколько возможно, в спасительной неприкосновенности к злу.

Искоренением злых побуждений и наклонностей, препятствуя им обратиться в привычку и побеждая вредные привычки привычками добрыми.

Учение образует для добродетели, знакомя питомца: 1) С тем, что *окружает* его. 2) С тем, что *он есть*. 3) С тем, что он быть *должен* как существо нравственное. 4) С тем, для чего он *предназначен* как существо бессмертное.

В постепенном разрешении сих четырех вопросов заключается весь *план учения*.

Продолжение учения

Воспитание начинается с колыбели, учение с отрочества, то и другое продолжается до начала молодых лет. Тогда судьба принимает питомца из рук воспитателя и наставника и продолжает его земное воспитание до гроба: долг воспитателя и наставника состоит единственно в том, чтоб сделать питомца своего способным внимать постановлениям судьбы и воспользоваться ими с достоинством человека. Кто умел им последовать, тот совершил земное свое назначение и

знал добродетель. Здесь говорится об *одном учении*. Полагаю, что оно будет продолжаться от 8-ми до 20-ти лет. Его можно разделить на *три главных периода*.

Первый период. Отрочество. От 8-ми до 13-ти лет

УЧЕНИЕ ПРИГОТОВИТЕЛЬНОЕ

Сей период можно сравнить с приготовлением к путешествию: надобно дать в руки *компас*, познакомить с *картою*, снабдить *орудиями*, нужными для приобретения сведений и для открытий.

I. К о м п а с. Предварительное образование *ума*: практическая *логика*.

Образование *сердца*: развитие нравственного чувства посредством первых понятий религии.

II. К а р т а. З н а н и я. Сообщение вкратце, *в связи*, в ясной и полной системе, сообразуясь с понятием воспитанника, наблюдая нужную постепенность всех тех познаний, которые после должны быть предложены ему отдельно, как *науки* со всеми необходимыми подробностями. *Ответ в связи* на четыре вопроса жизни: *Где я? что я? что я быть должен, и к чему предназначен?*

III. О р у д и я. Языки способны дополнять самому сообщенные знания знаниями, собственно приобретенными — *талантами*.

Второй период. Юношество. От 13-ти до 18-ти лет

УЧЕНИЕ ПОДРОБНОЕ

Продолжая сравнение, назовем сей период самим путешествием. Путеводный компас в руках. Карта известна. Дороги означены. Нет опасности заблудиться: ум приготовлен, любопытство пробуждено. Не опасаясь смутности и беспорядка в понятиях, воспитанник может обращать *все* свое внимание на каждый предмет *отдельно*.

Подробное преподавание наук, нужных воспитаннику как члену просвещенного общества.

Более подробное преподавание таких наук, которые наиболее нужны ему по его назначению.

1-е. Науки *антропологические*, имеющие предметом *человека*: История. География, то есть этнография и статистика. Политика. Философия.

2-е. Науки *онтологические*, имеющие предметом *вещь*: Математика. Естественная история и технология (физическая география). Физика.

Третий период. Первые годы молодости. От 18-ти до 20-ти лет

УЧЕНИЕ ПРИМЕНИТЕЛЬНОЕ

Этот период мы сравним с окончанием путешествия. Сведения собраны, остается их обозреть, привести в порядок и определить, какое должно быть сделано из них употребление. В этом периоде воспитанник более *действует сам*, нежели приобретает от наставника. Он уже не занимается никакою наукою отдельно, он сам составляет для себя коренные правила жизни, которые не иное что, как произведение всего, что дали ему воспитание и учение. Этот период должен быть посвящен занятиям *собственным* и *чтению* немногих истинно классических книг, предпочтительно таких, кои могут познакомить питомца с высоким его назначением и страною, которой он должен посвятить жизнь свою.

1) Обозрение знаний, приобретенных во втором периоде. 2) Взгляд на место, занимаемое в обществе и на обязанности, с ним соединенные. 3) Отчет в самом *себе* перед самим собою и утверждение правил, необходимых для деятельности добродетельной. 4) Идеал человека вообще и своего звания в особенности.

ПОДРОБНЫЙ ПЛАН УЧЕНИЯ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

I. Предметы учения, их классификация и порядок, метода преподавания

Если, как то бывает обыкновенно, занимать воспитанника *вдруг* многими предметами, имеющими между собою связь, но отдельными один от другого в преподавании, то в голове его необходимо произойдет *беспорядок*, многое будет непонятно, много останется промежутков, ничем не наполненных.

По нашему плану в первом периоде предметы учения должны быть преподаваемы в их естественной *связи*, не совокупно, а *по порядку*, с сохранением надлежащей *постепенности*, переходя от *легкого к трудному*, так, чтобы в голове воспитанника по истечении первого периода могла остаться полная *система приготовительных знаний*.

Рядом с предметами главными должны идти *для образования ума — практическая логика*, не составляющая особенной науки, но способствующая приобретать знания; для *образования сердца* — начальные понятия нравственности, основанной на *религии христианской*, и *языки*, не имеющие никакой связи с предметами главными, следовательно — им не мешающие. Сверх того, с предметами *учения* соединяется приобретение некоторых приятных *талантов* и, для развития *сил телесных — гимнастика и ручная работа*. Посему предметы учения в первом периоде можно разделить на 4 класса.

КЛАСС ПЕРВЫЙ

а) Для образования ума: *практическая логика*.

б) Для образования сердца: начало нравственности христианской.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

Упражнение внимания. Основание геометрии: объяснение линий, фигур, тел.

Упражнение *ума*. *Разрешение* первых *теорем* геометрии. Не самому наставнику разрешать их, но постепенными вопросами доводить воспитанника до их разрешения.

Счет. Руководствоваться таблицами Песталоцци[1], применяя их беспрестанно к головному счету и ко счету цифрами. Заимствовать задачи из обыкновенной жизни и из предметов знакомых.

Философическая грамматика, примененная к *русскому языку*.

Руководствоваться грамматикою Саси[2]. Анализ слов. Анализ фраз. Составление фраз. Выражение мыслей, словесное и письменное. Декламация.

Извлечение правил из упражнений практических.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

Начало нравственности христианской. Избранные библейские повести.

Главные факты священной истории древнего и нового завета.

Простой рассказ без всяких посторонних рассуждений, в связи хронологической. Извлечение из фактов правил нравственности, основанной на учении Спасителя.

КЛАСС ВТОРОЙ

Система знаний. Нить, их связующую, составляют сии четыре вопроса: *Где я? Что я? Что быть должен? К чему предназначен?* Чтобы познакомиться с человеком, надлежит прежде узнать то, что его окружает; чтобы лучше узнать, по-

нять, привести в порядок и удержать в памяти историю действий человеческих, надлежит прежде обозреть ту сцену, на которой он действовал, и не иначе, как узнавши, что был человек, можно определить для себя, что он быть может, быть должен, к чему предназначен. Это порядок естественный, в нем заключается и самый порядок учения.

Первый вопрос: *Где я и что меня окружает*?

1) *Общие понятия о телах.*
2) *Тела небесные.*
3) *Земля* в отношении к другим телам небесным. *Астрономическая и математическая география.*
4) Земля отдельно и главные ее части.
5) *Воздух, вода, суша*, система вод и суши.
6) *Физическая география*. Рисование карт, имея в виду одну физическую географию.
7) Произведения земли.

Природа и ее главные законы. Общие понятая о *физике и химии.* — Произведения природы.

Общие понятая о *минералогии и геологии*.

Общие понятия о *ботанике*.

Общие понятая о *зоологии*.

Переход к человеку.

Второй вопрос: Что я?

1) Человек отдельно.

Физический. Общие понятия о *строении человеческого тела*.

Нравственный. Общие понятия *психологии.*

2) Человек в отношении к окружающей его природе. Нужды человеческие и употребление произведений природы для их удовлетворения.

Технология.

3) Человек в отношении к человеку. Потребность общежития. Язык. Семейство. Народ в *естественном состоянии*. *Естественное право*. Постепенное образование общества *политического*. Начало политики.
4) Ход изменений человеческого общества. *История* вместе с *географиею*.
5) Нынешнее состояние человеческого общества.

Новейшая *география и статистика*.

Третий вопрос: Что я быть должен?

1) Человек как существо нравственное и его обязанности. Нравственность частная: *мораль*.

2) Человек как член общества и его обязанности в сем отношении. Нравственность общественная: *политика*.

Четвертый вопрос: К чему я предназначен?

1) Человек как существо духовное и бессмертное. *Метафизика*.
2) Человек как существо, постигающее Бога. Богопознание: *Религия естественная*. — *Религия откровенная*.[3]

NB. Здесь показана одна только нить, связующая предметы учения в первом периоде: для преподавания каждого предмета наставник сделает для себя особенные подробные планы.

МЕТОДА

1) Форма *преподавания*.

Разговорная. Вместо того, чтобы преподавать *самому в связи* — доводить постепенными *вопросами ученика* до того, чтобы он *сам* выражал с надлежащею ясностию то, о чем ему предлагать желаем.

Учебная. Предлагать *в связи*, просто, в строгом порядке.

NB. Смотря по предмету, употреблять ту или другую форму или соединять обе.

2) *Правила преподавания*.

Наблюдение постепенности. Переходить от легкого к трудному, от известного к неизвестному.

Возбуждение собственной деятельности воспитанника. Чтобы он как можно более находил сам, а не механически затверживал чужое.

Сохранение надлежащей меры. Одно нужнейшее; как можно менее такого, что впоследствии может быть забыто, сохранять полноту, избегать излишних подробностей, обременительных для памяти и развлекающих внимание.

Облегчение труда. Возбуждать к труду пособиями, порядком, методою, которые облегчат его, от него не избавляя, и, способствуя деятельности ума, не делают его ленивым.

Приятность преподавания. Стараться сделать и предмет учения и самое учение привлекательными, возбуждая любопытство, владея вниманием, питая воображение, говоря сердцу, словом — сколько можно, действуя на всякого человека.

3) *Утверждение в памяти преподаваемого*. Сколько можно избегать механического учения наизусть. Употреблять этот способ только для изощрения памяти, но утверждать в ней выученное:

Методическим разделением предметов.

Соединением чувственного с умственным. Рисунки. Карты. Таблицы.

Частым повторением. Оно не должно быть рабским повторением слово в слово сказанного прежде, а только новым образом с новой стороны того же предмета. Вопросы по порядку. Вопросы вразбивку. Сбивчивые вопросы. Обозрение в связи.

Окружением воспитанника — предметами, беспрестанно напоминающими во время свободное о том, что занимало его в часы учения.

Соединением изучения языков с главною целью. Чтобы воспитанник на другом языке и слышал и сам говорил о том, что уже было ему предложено на языке природном.

Соединением самых игр с некоторою учебною целью. Волшебный фонарь. Фантасмагория. Косморама[4].

КЛАСС ТРЕТИЙ

Я з ы к и: французский, немецкий, английский и польский; к первому периоду принадлежит одна только материальная часть изучения языков, т. е.: a) Утверждение в правописании. b) Правильное произношение. c) Практическое приобретение навыка говорить и понимать, что говорят. d) Легкие упражнения в слоге.

Правописание.

Диктование фраз, заимствованных из главной лекции. *Исправление ошибок*. Заставлять ученика *самого исправлять*. *Переписывать исправленное*.

NB. *Сим способом* воспитанник не только научится писать правильно, но и сам для себя напишет на разных языках то, что было ему преподаваемо на русском.

Произношение.

Чтение простое для правильного произношения. Чтение с выражением: декламация. Чтение наизусть легких стихотворений.

Приобретение навыка говорить.

Учение наизусть слов: заимствованных из общежития; заимствованных из главной лекции. *Составление фраз*: фраз, употребительных в общежитии; фраз, заимствованных из главной лекции.

NB. Сим последним способом не только приобретется навык говорить, — ибо и ученик и учитель всегда будут иметь готовые материалы для вопросов, ответов и объяснений, следовательно, для разговора в связи. Но в то же время, как уже замечено выше, утвердятся в памяти, объяснятся и дополнятся приобретенные знания.

Упражнение в слоге. Предметы для сочинения можно также заимствовать из главной лекции: ученик будет писать о том, что знает, следовательно, будет выражать свои мысли и располагать их ясно и правильно. Сею методою изуче-

ния языков надлежит руководствоваться во все продолжение первого периода. К концу его накопится большой запас правильных фраз. Тогда нетрудно будет приступить к *грамматике* и знания практические утвердить правилами теории. Надобно только, чтобы *одна* общая, философическая грамматика служила основанием для всех прочих (лучшею кажется мне грамматика Саси, переведенная на немецкий язык Фатером[5]) и чтобы для языков *иностранных* принята была за основание та же *система*, которая руководствовала в изучении языка *природного*.

КЛАСС ЧЕТВЕРТЫЙ

Приятные таланты. Гимнастика. Ручная работа. Таланты. Рисование. Рисование с натуры и с гипсов: тел геометрических, ландшафтов. Отдельные части, деревья, здания.

Правила архитектуры. Части соединенные, полные ландшафты. Правила *перспективы* животных и человека. Отдельные части. Целые фигуры. Правила *анатомии*. Группы. *Иллюминование*: рисунков, коих содержание заимствовать из главной лекции, особенно: из натуральной истории, из географии, из истории, из мифологии.

NB. Здесь необходимо следовать порядку главной лекции, чтобы рисованием дополнять в связи преподаваемое в часы уроков.

Сочинение рисунков. Музыка. Гимнастика. Цель гимнастических упражнений есть не одно *развитие и укрепление сил телесных*, но в то же время и *дарование мужества и способов владеть собою* во всех обстоятельствах жизни. Сия важная часть воспитания требует методического плана, как и другие. Великий князь не должен ничего делать без правил: каждый предмет его учения должен беспрестанно ему напоминать, что во всем главное есть *правило*. Необходимо нужно найти человека, который бы мог руководствовать гимнастическими упражнениями по строгой методе. Эта часть особенно принадлежит *воспитанию*.

Ручная работа: *токарное или столярное мастерство*.

NB. Не приспособить ли ручною работою к *кораблестроению*? Великий князь мог бы, играя, сам построить маленький корабль и таким образом познакомиться с материальною частью навигации.

Чтение. Рядом с *ученьем* должно необходимо идти и *чтение*. Надобно читать мало, в порядке, одно полезное: нет ничего вреднее привычки читать все, что ни попадет в руки. Это приводит в беспорядок идеи и портит вкус. Для детей множество написано книг. Есть много хорошего на немецком, английском и французском языках, но почти нет ничего на русском. Почитаю необходимым сделать строгий *выбор* из сего множества материалов, многое *перевесть* на русский,

нужное *написать* по-русски, все привести в порядок, сообразуясь с планом учения и, таким образом, составить избранную *библиотеку детского чтения* для первого периода. Сия библиотека может состоять из трех отделений.

I-е отделение. Курс учебный. Лекции в их связи и порядке. Карты, рисунки, таблицы.

II-е отделение. Чтение приятное. Собрание таких сочинений, которые приятно бы занимали ум, говорили воображению, оживляли нравственное чувство и образовали вкус. В их расположении надлежит сохранить постепенность, сообразуясь с возрастом и понятием воспитанника.

III-е отделение. Чтение наставительное. Собрание таких сочинений, которых содержание соответствовало бы главной лекции и которые были бы расположены согласно с планом ее, так, чтобы воспитанник в часы свободные мог сам дополнять приятным чтением преподаваемое в часы учения.

II. ВРЕМЯ

Время надлежит разделить на *учебное и неучебное*. Для того и для другого должны быть свои занятия, порядочно расположенные.

ВРЕМЯ УЧЕБНОЕ

Оно разделяется на два *периода*.

1-й *период*, от 1-го января до половины июня.

2-й *период*, от 1-го августа до 25-го декабря.

Расположение учебного времени

Вставать в 6 часов.

От 6-ти до 7-ми часов: молитва, завтрак, обозрение того, что надлежит сделать в течение дня. Приготовление всего нужного для следующего урока.

От 7-ми до 9-ти. Учение. По окончании сего всё привести в порядок и всё приготовить для следующего урока.

От 9-ти до 10-ти отдых. Визиты.

От 10-ти до 12-ти. Учение. По окончании сего всё привести в порядок.

От 12-ти до 2-х прогулка.

От 2-х до 3-х обед. Всё приготовить к следующему уроку.

От 3-х до 5-ти отдых, игры, прогулка.

От 5-ти до 7-ми учение. По окончании его всё привести в порядок.

От 7-ми до 8-ми гимнастика или игры.

От 8-ми до 9-ти ужин.

От 9-ти до 10-ти обозрение прошедшего дня. Журнал.

ВРЕМЯ НЕУЧЕБНОЕ

Праздничные дни: Воскресные дни. Дни рождения и именин государя императора, государынь императриц, великого князя. Святая неделя: первые четыре дня. Святки от Р. Х. до Нового года.

Вакация от половины июня до 1-го августа.

Расположение неучебного времени в праздничные дни.

Вставать в 6 часов.

От 6-ти до 7-ми молитва, завтрак, чтение.

От 7-ми до 9-ти ручная работа. По окончании все привести в порядок.

От 9-ти до 10-ти отдых. Визиты.

От 10-ти до 12-ти гимнастика или чтение.

От 12-ти до 2-х прогулка. NB. Дать время отдохнуть после гимнастических упражнений.

От 2-х до 3-х обед.

От 3-х до 6-ти игры.

От 6-ти до 8-ми чтение. Учение игры раз в неделю или в месяц.

От 8-ми до 9-ти ужин.

От 9-ти до 10-ти обозрение прошедшего дня. Журнал.

ВО ВРЕМЯ ВАКАЦИИ

Сие время не худо бы посвятить исключительно *практическому изучению военного искусства*. Предлагаю для сего некоторые общие мысли. Петр Великий имел свой потешный полк: он находил в нем одну забаву, но эта забава, быть может, образовала Полтавского героя[6] и создателя русской армии; будущему наследнику его престола и в этом *подражать* великому своему прaотцу. — Можно составить маленький временный *корпус* из хорошо воспитанных детей, числом от 100 до 200, и снабдить его всем, что входит в состав армии. Такой корпус и потешный полк существовал бы не более шести недель в году: от половины *июня* до последних чисел *июля*. Все это время могло бы быть посвящено разнообразной военной деятельности, а не одной механической. Великий князь узнал бы на опыте службу и все ее оттенки. И сие занятие, которое могло бы мешать и вредить его учению, когда бы оно *во всякое время* было соединено с ним, сделалось бы новым, весьма действительным *средством образования*, когда бы совершенно от остального учения *отделилось*, когда бы ему посвящено было только такое время года, в которое всякое другое занятие об-

ременительно. Каждая вакация могла бы составлять полную кампанию и каждая кампания могла бы иметь предметом особенную часть военного искусства: например, первая кампания была бы посвящена просто фронтовой службе; во вторую занимались бы полевыми укреплениями; в следующую — артиллериею; даже могли бы войти в этот порядок и навигация. Царскосельский пруд легко можно обратить в океан всемирный, на котором две маленькие яхты могут в один день совершить путешествие вокруг света. Таким образом великий князь, играя и переходя все степени военного человека, от солдата до генерала, познакомился бы со всеми подробностями службы военной. Наконец, могли бы постепенно дойти до самой тактики и стратегии. Игры сии практически приготовили бы к методическому изучению наук военных, коими великий князь может заняться только во 2-м периоде, познакомившись предварительно с математикою. Одно только необходимое условие — чтобы сии военные наставительные игры *принадлежали исключительно одной эпохе года и нисколько не вмешивались в остальное ученье, которое в противном случае расстроят совершенно, ибо уничтожат внимание*. Их главная польза было бы не одно приобретение сведений военных, но и укрепление сил физических, и нравственное образование. Великому князю должно быть не простым солдатом, а мужем, достойным престола России. И здесь целью было не одно знание фрунта, механически приобретаемое, но и деятельное пробуждение высоких человеческих качеств — смелости, терпения, расторопности, присутствия духа, осторожности, решительности, хладнокровия, словом — всего, что составляет война в истинном, прекрасном знаменовании сего слова. Великий князь был бы в толпе людей, имел бы товарищей, наравне с другими нес бы тягость долга и службы: все это самым благотворительным образом могло бы действовать на его ум и сердце, развернуло бы в нем все чистое, человеческое, и укоренило бы его характер. Само по себе разумеется, что начальство над таким корпусом должно быть поручено человеку искусному, который мог бы из игрушки сделать наставление полезное и умел бы забавою действовать на душу, пробуждая в ней спящие высокие качества. Такого рода забава не должна быть одна механическая экзерциция солдата, бесплодная, если не убийственная для нравственного человека: с нею во власти наставника весь человек и все его силы. Образование такого корпуса воинов-детей — не безделица; надобно их знать, надобно уметь управлять ими, надобно в настоящем готовить будущее. Наставник должен понимать, что здесь в забаве детской таится героизм мужа. И сам он должен быть не простым знатоком фрунта, привыкшим видеть в солдате одну машину, но просвещенным знатоком военного дела, способным понимать, что во власти его душа будущего повелителя миллионов, может быть — назначенная некогда стать перед русскою армиею и решить судьбу народов. Такой человек должен быть не только знаком с механическими подробностями службы военной —

мелкими и разве только потому принадлежащими государю, что он, как Петр Великий, не должен быть чужд никаких подробностей, — но и с высоким назначением воина, которое он должен знать не из военного устава, но из всемирной истории, из дел Аннибала, Юлия Кесаря, Густава Адольфа, Фридриха[7]. Скажу более, при выборе такового наставника надобно смотреть не на одни знания военные, но и вообще на просвещение и характер нравственный, дабы, наставляя, он мог и воспламенять душу ко всему великому и героическому. Одним словом, сию часть воспитания великого князя почитаю одною из самых важных: сим способом он может или быть навсегда испорчен, то есть обращен в мелочного солдата, или быть образован для истинного героизма, для чести своего века, для твердого блага России. Сии военные игры могут начаться в первом периоде и продолжаться до окончания второго.

III. ЛИЦА

Надзиратель за особою великого князя. Помощник надзирателя. Надзиратель за учением великого князя. При нем: переводчик. Рисовщик. Писарь.

Учители в первом периоде: учитель французского языка и счета. Учитель немецкого языка. Учитель польского языка. Учитель английского языка. Учитель рисования. Учитель танцевания. Учитель гимнастики. Мастеровой для ручной работы.

Их должности.

NB. Здесь говорится об одних должностях лиц, коим будет поручено учение великого князя, ибо предлагается один только план учения, а не всего воспитания.

Должность надзирателя за учением великого князя вообще. Он наблюдает (вместе с надзирателем за особою великого князя) за ходом учения и вместе с ним выбирает учителей.

В первом периоде. Он берет на себя I-й и II-й классы предметов учения, наблюдает, чтобы учители, каждый по своей части, для сохранения полноты и единства в учении совершенно сообразовались с его планом.

Во втором периоде. Он присутствует при главных уроках, он служит репетитором великому князю, то есть учится с ним вместе и помогает ему преподаваемое учителями обращать в свою собственность.

Он берет на себя особенно преподавание российского языка и упражняет великого князя в русском слоге.

В третьем периоде. Он вместе с великим князем составляет обозрение всего, пройденного во втором периоде, то есть помогает ему подвесть итог под суммы, собранные во все годы его учения.

Если на меня будет возложена обязанность надзирателя за учением Его Высочества, то мне для успешного ее исполнения нужно иметь некоторые пособия. По моему плану, объемлющему весьма много предметов (из которых с некоторыми я еще сам должен познакомиться), мне надобно весьма много приготовляться к часам учебным — чтением, выписками, составлением собственного учебного курса. Сверх того, по методе, мною избранной и которой пользу я знаю уже на опыте, для утверждения в памяти великому князю преподаваемого на лекциях, я должен сам составлять много рисунков, карт и таблиц. Одно уже их составление берет много времени; если же возьму на себя и переписывание начисто и приготовление чистых рисунков и карт, то потеряю бесполезным образом часы, нужные мне для приготовительных моих занятий. Мне необходимо иметь рисовщика и переписчика, которые исключительно посвятили бы себя моему делу. О необходимости составить избранную библиотеку детского чтения сказано выше. Сия работа требует особенного внимания; сам ею заняться не могу; не буду иметь времени. Но могу ею руководствовать. Нужно иметь переводчика, который трудился бы под моим руководством и по моему плану.

Должности учителей:

В первом периоде. Учители сообразуются в плане своем с главным планом надзирателя.

Во втором периоде. Учители должны быть каждый профессором своего дела; каждый должен действовать свободно, по собственному плану. Обязанность надзирателя: составлять целое из их разнообразных уроков, согласуясь с своим особенным планом.

IV. ПОСОБИЯ

ПРЕДМЕТЫ УЧЕНИЯ

Библиотека: книги учебные, лексиконы, избранные классические книги, избранные русские книги.

Карты: новейшие лучшие карты, — генеральные и специальные, подробные карты России, — планы городов и мест.

Эстампы: виды городов и мест, архитектурные эстампы, портреты знаменитых людей, костюмы древние и новые, изображение предметов натуральной истории.

Исторические эстампы, мифологические изображения, образцы для рисования, гипсы для рисования, маленький физический кабинет, маленький минералогический кабинет, технологический кабинет, некоторые модели и рельефы;

предметы, нужные для гимнастики; инструменты, нужные для ручной работы; предметы, нужные для игр учебных. Lanterne magique*. Фантасмагория. Косморама.

Помещение. Расположение учебной комнаты должно соответствовать плану учения. Учебная комната есть главная сцена деятельности воспитанника: в ней он живет, трудится, мыслит и веселится — всё в ней должно способствовать его занятиям. Расположение учебной комнаты должно поручить тому, кто будет иметь надзор за учением.

1. В ней должен быть методический порядок, один раз навсегда установленный. Такой порядок не только помогает работе, но и спасает много времени и может произвести благодетельную привычку, весьма полезную для будущего.

2. В учебной комнате должны быть соединены все предметы учебные, расположенные так, чтобы всегда, без нарушения порядка, было легко иметь их под рукою.

3. Всё, что нужно укоренить в памяти, должно быть всегда на виду, дабы то, что в некоторые определенные часы преподается на лекциях, было в часы свободные, — всегда, но нечувствительным образом, без напряжения внимания, — повторяемо предметами, окружающими воспитанника.

4. Для гимнастических упражнений, для игр учебных и других должна быть отведена особенная большая горница. Не худо иметь и особенную мастерскую, в которой бы можно было работать на просторе, в которой были бы соединены все инструменты, нужные для ручной работы.

НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Учение по предложенному плану тогда только может иметь успех совершенный, когда ничто, ни в каком случае, не будет нарушать порядка, один раз навсегда установленного; когда и особа, и время, и всё окружающее великого князя — будут, без всякого ограничения, подчинены тем людям, коим Его Высочество будет поручен доверенностью Государя. Государь Император, конфирмовав сей план, да благоволит быть первым беспрекословным его исполнителем.

Дверь учебной горницы, в продолжение лекций, должна быть неприкосновенна; никто не должен себе позволять в нее входить в то время, которое великий князь будет посвящать занятию: из этого правила не должно быть ни для кого исключения. Великий князь приучится дорожить своим временем, когда увидит, что им дорожат и другие, и что в порядке часов соблюдается строжай-

* Волшебный фонарь (*франц.*).

шая точность. Его Высочество в продолжение своего воспитания должен привыкнуть не почитать ничего выше своих обязанностей. Он должен идти вперед постоянным и равным шагом: порядок ненарушимый есть главное для сего условие. Осмелюсь сказать откровенно: частые переезды из места в место кажутся мне весьма вредными для занятий великого князя. Нам надобно иметь одно постоянное местопребывание — в Петербурге зимою — и одно, такое же, вне Петербурга, летом. В противном случае порядок нарушится и нельзя отвечать за успех учения. Переезды будут мешать и вредить вниманию, будут препятствовать полноте и необходимому спокойствию упражнений; вместо устроенной учебной комнаты будем иметь одни станции, в которых нельзя иметь под рукою всех предметов учения: все это произведет привычку к непостоянству и беспокойную охоту переменять место, весьма вредную для будущего. Самим наставникам нельзя будет действовать, как бы они желали: могут ли они всюду перевозить с собою все вещи для приготовления своего к лекциям? Могут ли иметь везде простор, необходимый для собственных занятий? А это не безделица: здесь о наставниках так же нужно думать, как о воспитаннике. Бесполезно требовать от них невозможного. И со всею готовностью повиноваться высшей воле, они не будут в состоянии ее исполнить и не должны отвечать за неуспех своих усилий.

Теперь *прогулки* Его Высочества имеют целью одно движение, полезны для здоровья. Со временем можно будет соединить с ними цель наставительную: можно будет их посвящать на обозрение разных публичных заведений, зданий, кабинетов, мануфактур и проч. Но к каждому такому обозрению нужно быть предварительно приготовленным: в противном случае обозреватель может привыкнуть довольствоваться поверхностными понятиями и смотреть без внимания — невежество не имеет любопытства. Но для таковых наставительных прогулок, требующих времени свободного, надлежит, по возможности, выбирать дни неучебные: в противном случае они будут расстраивать установленный порядок часов — святыню, к которой ни под каким предлогом прикасаться не должно.

Дабы иметь понятие о ходе и успехах учения, должны быть установлены *экзамены*, ежемесячные и полугодовые; ежемесячные должны производиться в присутствии Государыни Императрицы; полугодовые (в половине июня и в конце декабря), если возможно, в присутствии самого Государя Императора.

На учебном столе должна лежать настольная книга, в которую учители по окончании каждой лекции будут записывать, каково было во время ее поведение и учение великого князя. Осмеливаюсь прибавить здесь одно замечание: изъявляемое одобрение Государя Императора должно быть величайшею наградою для нашего воспитанника, а изъявленное неодобрение Его Величества самым тяжким наказанием. Надобно весьма дорожить сим важным сред-

ством. Смею думать, что Государь Император не должен никогда хвалить великого князя за прилежание, а просто оказывать свое удовольствие ласковым обращением без всякого выражения сего удовольствия. Таковое выражение должно быть предоставлено для немногих случаев. Чем будет оно реже, тем более будет иметь цены, тем сильнее будет действие. Великому князю надлежит привыкать видеть в исполнении своих обязанностей простую необходимость, не заслуживающую никакого особенного одобрения: такая привычка образует твердость характера. Каждый отдельный хороший поступок весьма маловажен: одно только продолжительное постоянство в добре заслуживает внимание и хвалу. Его Высочество должен приучиться действовать без награды: мысль об отце должна быть его тайною совестью. Тогда только одобрение отца будет для него благодетельным счастьем и действительным поощрением к новым усилиям. То же самое можно сказать и о выражении родительского неодобрения. Его Высочество должен трепетать при мысли об упреке отца. Государь будет всегда знать о его мелких проступках, но пускай это будет тайною между Его Величеством и наставниками; пускай воспитанник чувствует вину свою и сам наказывает себя тягостным своим чувством. Но испытать явный гнев отца должно быть для него случаем, единственным в жизни. Если когда-нибудь дойдет до такой крайности, то лекарство будет спасительно и исцеление несомненно. Здесь у места сказать несколько слов о подарках, делаемых в разное время великому князю. Они непременно должны входить в общий план учения и, так сказать, за ним следовать. Имея много бесполезного, становишься равнодушным к полезному. Великому князю не должно давать ничего такого, что не может быть ему нужно в настоящую минуту: получая преждевременно такую вещь, которую может он ценить только после, он будет смотреть на нее без внимания; она успеет потерять для него всю свою новость прежде, нежели сделаться ему известною, и в надлежащее время не возбудит желаемого любопытства.

* * *

Если высочайшею доверенностью Государя мне будет поручен надзор за учением Его Высочества, то смею просить Его Величество утвердить меня в моем звании и дать мне принадлежащее мне имя, дабы я имел и право и полную свободу действовать. В чем *состоит* моя должность по сему званию, о том уже сказано выше. Здесь почитаю необходимым представить на суд Государя Императора мой собственный образ мыслей, чтобы Его Величеству было известно — как я понимаю мою обязанность, в каком духе желаю исполнить ее.

Не отвечая за свои способности, отвечаю за любовь мою к моему делу. Я могу действовать на нравственность великого князя одним только образова-

нием его мыслей. Его характер в руках воспитателя. И воспитатель и наставник идут к одной дели, но каждый имеет свой особенный круг действия и должен знать свои границы. Мой круг действия есть руководствовать великого князя в приобретении нужных ему познаний, дабы после, вместе с ним, из всей их суммы извлечь необходимые для него правила жизни.

Во-первых, скажу: Его Высочеству нужно быть не ученым, а *просвещенным*. Просвещение должно познакомить его только со всем тем, что в его время необходимо для общего блага и в благе общем для его собственного. Просвещение в истинном смысле есть многообъемлющее знание, соединенное с нравственностью. Человек знающий, но не нравственный — будет вредить, ибо худо употребит известные ему способы действия. Человек нравственный, но невежда — будет вредить, ибо и с добрыми намерениями не будет знать способов действия. Просвещение соединит знание с правилами. Оно необходимо для частного человека, ибо каждый на своем месте должен знать, что делать и как поступать. Оно необходимо для народа, ибо народ просвещенный более привязан к закону, в котором заключается его нравственность, и к порядку, в котором заключается его благоденствие и безопасность. Оно необходимо для народоправителя, ибо одно оно дает способы властвовать благотворно.

Сокровищница просвещения царского есть *история*, наставляющая опытами прошедшего, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомит государя с нуждами его страны и его века. Она должна быть главною наукою наследника престола. История, освещенная религиею, воспламенит в нем любовь к великому, стремление к благотворной славе, уважение к человечеству, и даст ему высокое понятие о его сане. Из нее извлечет он правила деятельности царской. Сих главных правил немного. История познакомит наследника престола с судьбою народов и, объяснив причины их бедствий и благоденствия во всех временах, должна сказать ему в заключение: верь, что власть Царя происходит от Бога, но верь сему, как верили Марк Аврелий и Генрих Великий[8]; сию веру имел и Иоанн Грозный[9], но в душе его она была губительною насмешкою над Божеством и человечеством. Уважай закон и научи уважать его своим примером: закон, пренебрегаемый царем, не будет храним и народом. Люби и распространяй просвещение: оно — сильнейшая подпора благонамеренной власти; народ без просвещения есть народ без достоинства; им кажется легко управлять только тому, кто хочет властвовать для одной власти — но из слепых рабов легче сделать свирепых мятежников, нежели из подданных просвещенных, умеющих ценить благо порядка и законов. Уважай общее мнение: оно часто бывает просветителем монарха; оно вернейший помощник его, ибо строжайший и беспристрастный судия исполнителей его воли; мысли могут быть мятежны, когда правительство притеснительно или беспечно; общее мнение всегда на стороне правосудного государя. Люби свободу, то есть правосудие,

ибо в нем и милосердие царей и свобода народов; свобода и порядок — одно и то же; любовь царя к свободе утверждает любовь к повиновению в подданных. Владычествуй не силою, а порядком: истинное могущество государя не в числе его воинов, а в благоденствии народа. Будь верен слову: без доверенности нет уважения, неуважаемый — бессилен. Окружай себя достойными тебя помощниками: слепое самолюбие царя, удаляющее от него людей превосходных, предает его на жертву корыстолюбивым рабам, губителям его чести и народного блага. Уважай народ свой: тогда он сделается достойным уважения. Люби народ свой: без любви царя к народу нет любви народа к царю. Не обманывайся на счет людей и всего земного, но имей в душе идеал прекрасного — верь добродетели! Сия вера есть вера в Бога! Она защитит душу твою от презрения к человечеству, столь пагубного в правителе людей. Наконец, в заключение слова Иоанна Мюллера, которыми он оканчивает свою «Всемирную историю»: «Умеренность — порядок, а смысл их не упускай никогда из глаз своей цели; подвигайся вперед не быстро, но постоянно; строй без спеха, но для веков; исправляй не разрушая, не упреждай своего века, но и не отставай от него; не будь его рабом, но свободно с ним соглашайся: будешь владеть им, когда не презришь его совета; будешь его жертвою или окружишь себя жертвами, если хочешь его пересилить»[10].

Таковы главные правила, которые наследник престола должен со временем извлечь для себя из истории: свободное изложение их перед государем есть в то же время и моя исповедь.

Государь! может быть, прежде я бы не с такою доверенностью к вам употребил сей язык свободный! Но теперь, после того, что случилось[11], смелая искренность с вами не стоит никакого усилия. Вы познакомили с собою Россию; вы доказали нам, что можете благу общему жертвовать собою; в минуту опасную вы вверились своему народу; вашей неустрашимости обязаны мы сохранением спасительного царского трона; с этой минуты видим деятельность, имеем право надеяться времен прекрасных, порядка, законов, просвещения, всего, что было в душе Александра. При таких надеждах и мне, как верному подданному царя, как верному сыну отечества, усладительнее приступить к священному своему делу. Содействуйте, Государь, его успеху, помогая наставникам в ненарушимом исполнении их плана. Царствуя для блага России, вы будете царствовать и для вашего сына: он будет спокойно возрастать под благотворным влиянием правления мужественного; со временем от вас же научится высшему искусству; а наследием его будет устроенная Россия и люди, образованные вами для поддержания с ним вместе сего устройства.

<ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РЕЧИ>

I

С прошедшим годом, можно сказать, кончилось ваше ребячество. Наступило для вас такое время, в которое вы можете начать готовиться быть людьми, то есть стараться заслуживать *уважение*. До сих пор по ребячеству вы еще не могли понимать, что такое уважение. Оно не есть одобрение за один или несколько отдельных хороших поступков, но одобрение за постоянную хорошую жизнь и в то же время уверенность, что эта хорошая жизнь всегда такою останется.

Теперь мы начнем заниматься историею; она будет для нас самым убедительным доказательством, что уважение приобретается одними постоянными добродетелями. Вы, великий князь, по тому месту, на которое назначил вас Бог, будете со временем замечены в истории: от этого ничто избавить вас не может; она скажет об вас свое мнение перед целым светом и на все времена, мнение, которое будет жить в ней и тогда, когда вас и нас не будет. Чтобы заслужить уважение в истории, начните с ребячества заботиться о том, чтобы заслужить его в кругу ваших ближних. Теперь ваш свет заключен для вас в учебной вашей горнице и в жилище вашего отца и государя: здесь всё вас любит, всё живет для вас, вы для нас прекрасная, чистая надежда. Знаю, что вы верите нашей любви; но, будучи в ней уверены, думайте о том, чтобы ее стоить. Знайте, какова будет ваша жизнь здесь, в маленьком вашем свете, перед вашим семейством, перед вашими друзьями, такова она будет и после перед светом и Россиею; что будем думать об вас мы, то со временем будет об вас думать отечество. Мы начали любовью к вам, но по этой же любви к вам мы обязаны вас судить строго; отечество прежде начнет вас судить строго и потом уже станет любить вас, если вы это заслужите. Чтобы строгий суд отечества мог со временем обратиться в любовь, думайте о том, чтобы наша любовь обратилась в уважение, а на это одно средство: владейте собою, любите труд, будьте деятельны; тогда будете иметь всё, ибо за ваше сердце мы все отвечаем смело.

То же, что я говорил великому князю, могу сказать и Виельгорскому и Паткулю с тою однако великою разницею, что их будущая обязанность маловажна в сравнении с обязанностью великого князя. Но обязанность быть достойным уважения для всех *одинакова*. До сих пор вы еще не могли совершенно понимать, для чего вы здесь и что значит для вас быть товарищами великого князя. Теперь вы уже это понимать способны. Государь, приблизив вас к своему сыну, благоволил тем изъявить свою надежду, что вы будете ему полезны, будучи сами достойны уважения чувствами, мыслями, поступками. Быть товарищами великого князя не значит жить с ним под одною кровлею, делить с ним и труд,

и забавы, нет! будьте товарищами души его, будьте сами прекрасны душою, так, чтобы со временем государь и отечество, видя, что вы сделались людьми отличными, могли порадоваться, что во младенчестве и в молодости вы были приближены к наследнику России. Скажу одним словом великому князю: *владей собою*, *будь деятелен*, Виельгорскому: *будь постоянен и откровенен*, Паткулю: *не будь легкомыслен*; а всем трем: *будьте покорны* вашим наставникам, которые теперь представляют для вас и закон ваш, и ваши обязанности. Сия покорность есть не иное что, как уважение правила. Привыкнув теперь повиноваться нам (по доверенности к любви нашей), вы и тогда, когда мы вас покинем, останетесь с привычкою повиноваться закону, а это главное в жизни, как для собственного счастья, так и для пользы другим. Успешный экзамен, на котором все вы отличились, доказывает только то, что вы способны исполнить свою должность, когда на это решитесь, а не то, что вы ее *постоянно* исполняли, ибо годовой расчет не совсем соответствует экзамену. Чтобы подобного не могло случиться с вами в течение настоящего года, берегите в сердце одно: благодарность к государю, который, пожертвовав нашему экзамену двенадцатью часами своей царской жизни, сделал более, нежели сколько нам отдать было позволено. Вы заслужили одобрение Его Величества, отличившись на экзамене; мы надеемся, что в конце следующего года получим и право на его уважение своим постоянством, а этого мы имеем право от вас ожидать. Какими вы были в течение шести дней экзамена, такими можете и должны быть в течение целого года.

II

По числу недель *отличных* и великий князь, и Виельгорский заслуживают похвалу вполне: они получают право на благотворение и с будущего года начнут пользоваться сим правом, то есть за каждую полную отличную неделю будут вкладывать в кассу благотворения положенную на то сумму[1]. В конце года окажется, кто собрал более, и следовательно кто приобрел более способа оказать истинное благодеяние. Но справедливость требует изъявить, что Виельгорский своим беспрестанно постоянным прилежанием заслуживает более *личного уважения*, нежели великий князь. Почти никогда не нужно было требовать от него внимания и деятельности. Он точно был помощником своих учителей, которые, занимаясь им, имели удовольствие видеть, что он уважает их благодетельную об нем попечительность. О великом князе этого сказать нельзя. На экзамене оказалось, что всё то, чему учили его, он знает хорошо; благодарность за это более заслуживают его учителя, нежели он сам: методою было облегчено учение, и этою же методою всё преподаваемое было утверждено в памяти. Не его собственному труду, а труду учителей обязан он тем, что отличился на экзамене перед Государем Императором. Если бы во время *самого уче-*

ния имел он постоянно ту живость, какую оказал он на экзамене, то приобрел бы вдвое против того, что оказалось в конце истекшего года. Если он *мог* иметь постоянно и живость, и внимание, *в течение нескольких дней экзамена* из сильного желания угодить государю, то это доказывает только то, что он *мог иметь* ту же самую живость и ту же внимательность и *во всё время учения*, просто из любви к своей обязанности. Но этой постоянной деятельности недостает великому князю: слишком часто было нужно понуждать его к вниманию во время лекций и к работе в те часы, кои он должен был употреблять на собственное занятие. Сверх того он имеет некоторые вредные привычки, кои мешают ему быть внимательным, не может сидеть покойно на месте, занимается посторонним и пр. От этих привычек он нисколько не отстал в продолжение целого года, и теперь они в нем столько же сильны, как и в начале года. Но теперь уже ребячество миновалось. Пора решительно думать о *строгом исполнении должности*, о приобретении *уважения*, о личном *достоинстве*, которое не может быть без *твердой воли*, без *постоянного владения* самим собою.

Прошу великого князя и Виельгорского и Паткуля перечитать то, что было мною написано после экзамена прошлогоднего. Прибавлю следующее:

Вы должны видеть в ваших наставниках товарищей начинающейся вашей жизни. Они теперь живут с вами вместе и для вас. С своей стороны они дают вам свои знания и свою опытность, которых вы еще не имеете, и которые будут для вас необходимы, когда начнете жить без них. Вы, с своей стороны, давайте им полную *доверенность* и *внимательность*. Тогда и для вас и для них учение обратится в истинное наслаждение. Между вами и ими будет дружеское товарищество, будет взаимная деятельность для одной цели, которая не иное что, как ваше будущее счастье, основанное на просвещении, ведущем к добродетели и к славе заслуженной. Скажу великому князю особенно. На том месте, которое со временем займете, вы должны будете представить в себе образец всего, что может быть *великого в человеке*; будете предписывать *законы другим*, будете *требовать от других уважения к закону*. Пользуйтесь счастливым временем, в которое можете слышать наставления от тех, кои вас любят и могут свободно говорить вам о ваших обязанностях; но, веря нам, приучайтесь *действовать сами*, без принуждения, произвольно, просто из любви к должности; иначе не сделаетесь образцом для других, не будете способны предписывать законы и не научите никого исполнять закон, ибо *сами не будете исполнять его*. За Виельгорского можно поручиться: уже теперь он начинает понимать свое прекрасное назначение. Теперь он вам товарищ, как ребенок; но он знает, что ему должно быть со временем верным товарищем вашей жизни во всем, что должно составить ее истинную славу. Он будет к этому готовиться постоянно и помнить, что это не иначе возможно, как приобретением собственного достоинства, которое заключается в просвещении, чистоте сердца и твердой воле. Я уверен, что такое

одобрение не заставит Виельгорского слишком высоко о себе думать: напротив, он должен себе повторять беспрестанно, что он еще не приобрел ничего, что он только на хорошей дороге; потеряв скромность и возмечтав о себе высоко, он сойдет с этой хорошей дороги и потеряет возможность сделаться тем, чем он быть может: без смирения нет достоинства. Желал бы тоже сказать о Паткуле, что сказал о Виельгорском; но Паткуль не имел и пятой части недель отличных, почему и не получил права на участие в благотворении. Несмотря на то, что он одних лет с Виельгорским, он еще слишком легкомыслен, вообще не прилежен и не заботится нисколько об исполнении своей должности. Если это продолжится, то он далеко отстанет от своих товарищей и наконец потеряет самую возможность заслужить уважение.

Мы взглянули теперь на историю; в будущем курсе короче познакомимся с великими людьми древности. Из жизни их узнаем, что земное счастье, земная слава принадлежат одной добродетели и приобретаются только деятельностью и твердою волею, и что нельзя быть без просвещения полезным для других. Естественная история познакомит вас с величием Бога в творении, а религия освятит высшими понятиями наставления истории и науки естественной; она скажет нам, что наша земная жизнь есть цвет для неба. Все наши познания вместе утверждают в нас одну только главную мысль, что *жизнь человеческая есть училище, в коем учитель Бог, и что мы здесь только для того, чтобы каждый на своем месте был достоин своего Учителя*.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Обозрение Российской Империи

* * *

I. Пределы, равнины, горы, воды

Пределы

Математические. Между 39 и 78 градусами северн. широты. Между 39 и 225 градусами долготы. *Физические*. *На севере*: воды Северного океана. *На западе*: Норвегия, Швеция, Балтийское море, Прусские владения, Австрийская империя, Европейская Турция. *На юге*: Черное море, Азиатская Турция, Персия, Каспийское море, земли кочующих народов средней Азии, Китайские владения. *На востоке*: воды Восточного океана.

Равнины

Северные: от Онеги до Уральских гор и от Уральских гор по всему северу Сибири льдистые тундры. Бесплодие от избытка вод. *Внутренние*: плодоносные равнины. *Южные*: степные, безводные, песчаные равнины. Бесплодие от недостатка вод.

Горы

Пограничные. *Скандинавские* горы, на северо-западе. Финляндские, Олонецкие. *Карпатские* горы, на юго-западе. Одна только восточная их отрасль принадлежит России. Раздельная граница между реками Балтийского моря и Черного. *Кавказские* горы на юге. Западная отрасль: Таврические горы. Чатырдаг. Мыс Аюдаг. Собственный Кавказ. Эльбрус (16,000 ф.). Бештау или Пятигорье (Кислые воды). Казбек, Мечуг. Северная отрасль: до Нижнего Новагорода и до

соединения Камы с Волгою. Южная отрасль: до Арарата, гора Караклис. *Уральские* горы на границе между Европейскою и Азиатскою Россиею. Северная полоса: каменный хребет от Северного океана до Камы. Средняя полоса или металлоносный Урал, Верхотурский Урал, Екатеринбургский Урал, Оренбургский Урал. Южная полоса. Общий Сырт. Губерлинские горы, Яблоновый или Становой хребет, Нерчинские горы, Охотские горы, Камчатские горы. Мысы: Лопатка, Авача, Северовосточный, Таймура, Канинский.

Внутренние горы. *Алаунские* горы (Волхонский лес, Плоская возвышенность). Источники всех рек Европейской России. *Центр*. Между Сычевкою, Торопцем, Осташковым и Валдаями. Валдайские горы. Северная полоса. Между Ильменем, Белым и Онежским озером до Кубенского. Раздельная граница между реками, текущими в Белое море, и реками, текущими в Волгу. Южная полоса. Раздельная граница между Окскими и Днепровскими и Донскими реками.

Восточные отрасли. Северная восточная, начинающаяся от Осташкова. Раздельная граница между реками, текущими в Северный океан, и реками, текущими с левого берега в Волгу. Средняя Восточная. Мимо Клина до Нижнего Новагорода. Раздельная граница между озерными реками и реками, текущими в среднюю Волгу. Южная Восточная. От Жиздры, мимо Москвы до Пензы. Раздельная граница между Волжскими и Донскими реками.

Западные отрасли. Северные a) между Ильменем и Псковским озером до Дудергофа. b) между Селигером и Псковским озером. Источники вод Двинских. Южная, от Легеля до Минска. Раздельная граница между Двинскими и Днепровскими реками.

Воды

Внешние или моря. *Северный океан* (Гиперборейское, Скифское море). Белое море (Гандвиг, Мурманское море), Чесская губа, Карское море, Ледовитое море, Обская губа, Тазовская губа, Енисейский залив, Чаунская губа. Дежнев; основание Архангельска; Виллугби; Ченслор. При Петре I, Екатерине I и Елизавете; Муравьев, Овцын, Прончищев. При Екатерине II: Чичагов (тщетное покушение обойти Таймурский мыс), Биллинг, Сарычев. При Александре: Врангель, Анжу, Матюшкин.

Восточный океан. Бобровое море. Анабаргская губа. Олуторовская губа. Авачинская губа. Канайская губа. Охотское море. Камчатское море. Пенжинская губа. Гижигинская губа. Дежнев (первый, открывший пролив, отделяющий Азию от Америки), Беринг, Чириков и Шпанберг, Биллинг и Сарычев. Крузенштерн и Лисянский. Головнин и Рикорд. Лазарев, Васильев и Коцебу[1].

Балтийское море (Коданское, Варяжское, Венадское, Восточное море). Ботнический залив. Финский залив. Рижский залив.

Черное море (понт Авксинский, понт Эвксинский, Русское море). Босфор Фракийский. Днестровский лиман. Тилигульский лиман. Березанский лиман. Бугский лиман. Днепровский лиман. Кубанский лиман.

Азовское море (Палус Меотийский, Сурожское море). Гнилое море или Сивач. Таврический пролив или Босфор Киммерийский.

Каспийское море. Эмбенский залив. Северовосточный залив. Астрабашский залив. Апшеронский залив, Аграханский залив.

Древнее впадение Окса или Аму Дарья в Касп.<ийское> море. Путешествие при Петре I князя Бековича[2]. Обозрение западных берегов Соймоновым, Кожиным, Кириловым и Неплюевым[3]. Путешествия астраханских промышленников со времен Екатерины II.

Внутренние воды.

A. Стоячие воды или озера.

1) Озера Европейской России: a) Северные (пресноводные). Финляндские. Целые тысячи; все более или менее соединяются между собою. Энаре. Сайма. Ладожское озеро. В длину 175 верст, в ширину до 105. Гранитное дно, отмели, шкери, бурливость. Остров Валаам. Принимает реки: Вокину, Пашу, Оят, Сясь, Свирь, Волхов. Выпускает: Неву. Онежское озеро. В длину 210, в ширину от 30 до 70 верст. Принимает: Водлу (предположение Петра Великого соединить Петербург с Архангельском), Суну (Кивач) и Вытегру. Выпускает: Свирь. Белое озеро. В длину 50, в ширину 40 верст. Принимает: Ковжу. Выпускает: Шексну. Кубенское озеро. Принимает: Порозовицу. Выпускает: Сухону. Ильмень озеро. Принимает: Мсту, Шелонь, Ловать. Выпускает: Волхов. Чудское озеро (Пейнус, Псковское озеро). Принимает: Великую, Эмбах. Выпускает: Нарову, Иван озеро, источник Дона. Селигер, источник Волги. Ростовское озеро или озеро Нер. b) Южные озера (соленые). От Дуная до Эмбу. Бессарабские озера. Крымские озера. Доставляют до 7 000 000 пудов соли. Камышсамарские озера. Элбонское озеро, в Саратовской губернии. Прежде до 10 000 000 пудов соли, теперь только 1 200 000 пудов от величайшей затруднительности добывания. Астраханские озера, между Уралом и Волгою и за Урал. Озеро Эбелей (Горькие озера).

2) Озера Азиатской России. a) Западные озера, имеющие характер Финляндских. Озеро Чаны, Чебаклы и Абакан. Убинское озеро. Телецкое озеро, выпускающее реку Бию. Зайсан, из коего выходит Иртыш. b) Восточные озера. Байкал или Святое море. В длину 500, в ширину от 70 до 30 верст. Бурливость, высокое положение, подводные камни, богатая рыбная ловля (рыба головянка, всегда мертвая, но дающая хороший жир). Принимает: Селенгу, Барагузу, Верхнюю Ангару. Выпускает: Ангару или Верхнюю Тунгуску.

B. Текучие воды или реки:

1) Реки в Европейской России. a) Реки, текущие в Северный океан. Пасвич. Тана. Онега. Северная Двина. Сухона. Юг. Луза. Вычегда. Северная Кельтма. Ваг.

Пинег. Мезень. Печора. Уса. Ижма. b) Реки, текущие в Балтийское море: Торнео. Муонео. Улеа. Кюмо. Кюро. Кюмень. Нева. Ижора. Тосна. Охта. Нарова. Пернова. Аа. Западная Двина. Межа. Обша. Торопа. Каспля. Ула. Оболь. Полоша. Дисна. Дрисса. Свольна. Виндава. Либава. Неман. Шара. Ганжа. Вилия. Жемяна. Невежа. Дубисса. Висла. Буг. Муковец. Нарев. Бобр. c) Реки, текущие в Черное море: Дунай. Сереть. Прут. Днестр. Ягорлык. Бык. Тилигул. Березань. Буг. Кодыма. Синюха. Ингул. Днепр. Вязьма. Березина. Сислочь. Сож. Припять. Пиха. Яцельда. Стырь. Горынь. Случь. Птич. Уж. Тетерев. Десна. Болва. Сева. Сейм. Остер. Стугна. Трубеж. Альта. Рос. Супой. Сула. Псёл. Хорол. Самара. Волчья. Конская. Ингулец. Кубань. Лаб. Рион. d) Реки, текущие в Азовское море: Молочные воды. Бердянка. Балмиус. Калец. Миус. Дон. Непрядва. Меча. Ряся. Соена. Воронеж. Тихая Сосна. Бишюг. Хопер. Ворона. Бузулук. Медведица. Плавля. Цымла. Северный Донец. Оскол. Сал. Маныч. Егорлык. Ея. e) Реки, текущие в Каспийское море: Аракс. Кур. Амаза. Терек. Малка. Сунджа. Аксай. Кума. Подкумок. Волга. Жукота. Селижаровка. Вазуза. Гжать. Тверца. Цна. Дубно. Сестра. Яхрома. Нерль. Молога. Чагодоща. Сомина. Сать. Шексна. Суд. Согож. Каторосль. Кострома. Вёкса. Унжа. Ока. Орлик. Упа. Шать. Жиздра. Угра. Протва. Лужа. Нара. Москва. Истра. Проня. Ранова. Мокта. Цна. Теша. Клязьма. Нерль. Шуя. Сура. Алатырь. Пьяна. Ветлуга. Большая Кокшага. Малая Кокшага. Свияга. Казанка. Кама. Южная Кельтма. Джурич. Вишера. Чусовая. Сольва. Белая. Уфа. Ик. Вятка. Ченца. Черемшан. Сок. Самара. Сызрань. Иргис. Еруслан. Камышинка. Сарпа. Ахтуба. Урал. Орь. Сакмара. Илек. Эмба. Темир.

2) Реки Азатской России. a) Реки, текущие в Северный океан: Обь. Бия. Катунь. Томь. Чулым. Кеть. Васюган. Тим. Вах. Иртыш. Омь. Тара. Ишим. Вагай. Тобол. Исеть. Тура. Тагил. Тавда. Конда. Сосва. Соб. Таз. Енисей. Улукем. Бейкем. Абакан. Верхняя Тунгуска. Средняя Тунгуска. Элгуй. Нижняя Тунгуска. Турухан. Хатанга. Анабара. Оленек. Лена. Киренга. Витим. Олекма. Альдан. Мая. Юдома. Вилюй. Кемтендый. Яна. Индигирка. Колыма. b) Реки, текущие в Восточный океан: Анадырь. Камчатка. Пенжина. Гижига. Охота. Амур. Аргунь. Шилка. Нерга.

C. Искусственные воды или каналы.

1) Существующие каналы: a) Для соединения Невы и Волги. Ладожский канал. Между Невою и Волховом. Сясский канал. Между Волховым и Сясью. Свирский канал. Мариинский канал. Между Вытегрою и Ковжею. Тихвинский канал. Между Тихвинкою и Соминою. Сиверсов канал. Между Волховым и Мстою. Новгородский канал. Между Волховым, Вытегрою и Мстою. Вышневолоцкий канал. Между Мстою и Тверцою. b) Для соединения Невы и Волги с Северною Двиною: Александра Виртембергского канал. Между Порозовицею и Шексною. c) Для соединения Северной Двины с Волгою: Екатерининский канал. Между Северною Кельтмою и Джуричем. d) Для соединения Западной

Двины с Днепром: Березинский канал. Между Березиною и Улою. e) Для соединения Немана с Днепром: Огинский канал. Между Яцелдою и Шаром. f) для соединения Буга с Днепром: Королевский канал. Между Муховцом и Паною. g) Для соединения Немана с Бугом: Августовский канал. Между Ганжею и Бобром. h) для соединения Немана с Виндавою: Виндавский канал. Между Дубиною и Виндавою.

2) Предполагаемые каналы: a) Для соединения Двины с Невою. Между Ловатью и Дриссою. Между Шелонью и Оболью. b) Для соединения Днепра с Двиною. Между Вязьмою и Обшею. c) Для соединения Дона с Волгою. Между Иловлею и Камышинкою. d) Для соединения Днепра с Волгою. Между Вязьмою и Вазузою. e) Для соединения Западной Двины с Волгою. Между озером Охват-Жаденье и Жукотою. f) Для соединения Москвы с Волгою. Между Истрою и Сестрою. g) Для соединения Оби с Волгою. Между Сосвою и Вышерою. Между Тагилом и Чусовою. h) Для соединения Дона с Окою. Между Доном и Шатью. Между Рясею и Раневою. i) Для соединения Днепра с Окою. Между Болвою и Жиздрою. k) Для соединения Буга с Днестром. Между Кодымою и Ягорлыком. l) Для соединения Северной Двины с Обью. Между Усою и Собью.

* * *

II. Климаты

Общее обозрение

1) *Северная часть Европейской России*. Холодный воздух Северного океана. Ветры от Нордкапа до устья Печоры и внутри до 60 градуса. Северные широты, по болотам, лесным и бесплодным равнинам.

2) *Балтийская сторона*. Заслонена от северных ветров скандинавскими высотами. Встреча восточных ветров с западными. Сырость морской атмосферы.

3) *Западная часть Европейской России*. a) Между верховьями Западной Двины, Немана и Вислы; холоднее остального запада Европы под тем же градусом широты. Озера, морские ветры, ветры с высот Алаунских. b) Земли до берегов Дуная. Южные ветры, сухость воздуха и плодородие. Балканы и Тавр, ограда от зловредных южных ветров.

4) *Юго-восточная часть Европейской России*. Через Дон до Урала. Азиатская природа. Ветры из Бухарии, Персии и азиатской Турции. Сухой грунт, пески, безводье, степи. Борьба северных ветров с южными; неровность климата.

5) *Гористые долины Кавказские*. Величайшее разнообразие климатов и произведений природы.

6) *Восточная часть европейской России*. Климат более суровый в сравнении с странами Европы, под теми же градусами широты лежащими. Ветры с гор; необработанность и малолюдность; здоровый воздух.

7) *Средняя часть Европейской России*. Возвышенность в средине и покатость к северу и югу; умеренность климата и плодородия.

8) *Сибирь*. Противоположности: плодовитые равнины и бесплодные степи, нивы и пустыри, пажити и тундры. До Енисея природа европейская, за Енисеем природа азиатская.

Пространства

I. Скандинавское пространство

1) *Финляндия*. 1-я полоса. Болота. 2-я полоса. Каменистая и песчаная земля; леса. 3-я полоса. Плодороднейшая часть Финляндии.

2) *Архангельская губерния*. 1-я полоса. Болота; холод и туман; олени. 2-я полоса. От Онеги до Мезеня. Леса; рыбная ловля. 3-я полоса. От Мезеня до Печоры. Леса на болотном грунте; кое-где по берегу Ижмы хлебопашество. 4-я полоса. От Печоры до Уральского хребта (Удория). Льдистые тундры.

3) *Вологодская губерния*. a) Восточный участок: Сольвычегодский, Яренский и Устьсысольский уезды. Болота, леса, судоходство, соловарни, рыбная ловля. b) Западный участок. Соляные ключи; хлебопашество.

4) *Олонецкая губерния*. a) Северозападная часть. Гориста; голый гранит. b) Восточная часть. Низкая и сырая; топи и тундры. c) Южная часть. Землепашество.

II. Алаунское пространство

1) *Санктпетербургская губерния*. Низкий, болотистый край; жестокие западные ветры; частое изменение температуры.

2) *Новгородская губерния*. a) Северовосточная часть. Болотный грунт земли; леса; бесплодность. b) Юговосточная часть. Выше, суше, плодороднее (дуб).

3) *Тверская губерния*. a) Северозападная часть. Болота, песок и длина; малое плодородие. b) Югозападная часть. Чернозем, песок; холод, но здоровый климат.

4) *Смоленская губерния*. a) Юговосточная часть, довольно плодородная. b) Северозападная часть беднее.

5) *Псковская губерния*. a) Северная часть выше и плодороднее. b) Южная болотиста.

III. Балтийское пространство

1) *Ревельская губерния*. Жестокие западные и северозападные ветры; климат не суровый, но переменчивый; восточная сторона лучше западной.

2) *Рижская губерния*. Болота, сыпучие пески, пажити, пашни; восточная сторона плодоноснее западной.

3) *Курляндия*. Возвышеннейшая часть Балтийского пространства; вообще плодородие; непостоянный климат.

IV. Низменное пространство

1) *Белоруссия*. Витебская, Могилевская и Минская губернии. Обширная равнина с холмами, отраслями Алаунских гор; плодородный, но вообще несчастный край.

2) *Литва*. Гродненская, Виленская губернии и Белостокская область. Песок, болота, железная болотная руда, окаменелости морских животных; влажный переменчивый климат.

V. Карпатское пространство

1) *Польская Украина*. a) Подольская губерния. Не столь холмиста; пастбища, покрытые сочной травой; плодородие. b) Волынская губерния. Чрезвычайно холмиста; к северу болота; вообще плодородие.

2) *Малороссия*. a) Западная часть. Киевская губерния. Западный высокий берег Днепра; сухая земля, орошаемая множеством рек и ручьев; плодородие; луга, имеющие качество степных. b) Восточная часть. Северная полоса. Бóльшая часть Черниговской губернии. Песок; плодородие посредственное. Южная полоса. Основная часть Черниговской губернии и губерния Полтавская. Чернозем; хлебопашество; луга, скотоводство; великое плодородие.

3) *Русская Украйна*. Слободская украинская губерния. Чернозем с песком и глиною; величайшее плодородие; луга; климат переменчивый от северных, восточных и южных ветров.

VI. Степное пространство

1) *Бессарабская область*.Смесь сухих песчаных степей с плодоносными полями, лугами и садами; ужасный зной летний; сырость и дожди осенние; на севере холмы; степи по мере приближения к морю.

2) *Новороссийские губернии*. a) Западная часть Херсонской губернии и часть Екатеринославской. Северная полоса. Большое плодородие; дуб, тополь, плодовитые деревья. Южная полоса. Степь; бесплодность по берегам моря; солончаки (Очаковская степь). b) Восточная часть. Остаток Екатеринославской губернии. Северная полоса. Гранит; скалистые холмы (Днепровские пороги); большое плодородие; степные луга. Южная полоса. Ровная степь; солончак; бесплодность, вредное влияние Гнилого моря.

3) *Таврическая губерния*. a) Днепровское устье. Мелитопольский уезд. Сухая, песчаная, безлесная равнина. b) От Перекопа до Салгира. Тощая равнина; солончаки (Крымская лихорадка). c) Симферопольский и Феодосийский уезды. Нечувствительное возвышение к горам; разнообразие плодородия; произведения южных стран Европы. d) Полоса по берегу моря на южном склоне гор. Шелковица; гранатовые, фиговые, оливковые, лавровые деревья, кипарис, виноград.

4) *Земля черноморских казаков*. a) Остров Тамань. Плодородие. b) Остальная часть. Песчаноглинистая равнина, болота, изредка плодородие.

5) *Кавказская область*. a) Западная часть. Возвышенность; плодородие; леса. b) Внутреняя часть. Только на горах часть ее обитаема; остаток бесплодная степь (Калмыки). c) Восточная часть. По берегам Терека плодородие; виноград; тутовые деревья (Гребенские и Семейные казаки). Остаток сыпучие пески и солончаки (кочевья нагайцев и трухменцев).

6) *Земля Донских казаков*. a) Южная часть. Степь Азовская. Холмы из раковин; поля и паствы.Степь Донская. Песок; разливы; смрадные болота между Азовским морем и Манычем. Степь Калмыцкая, от Маныча до Астраханской губернии по течению Сала. Бесплодие; по берегу Дона плодородные земли; виноград. b) Северная часть. Бóльшая возвышенность. Поля, плодоносные рощи, солончаки.

7) *Воронежская губерния*. Лучшая часть степного пространства по плодородию и населенности; конец степям; богатые луга с высокою травою; меловые горы.

8) *Саратовская губерния*. a) Западная часть, нагорная. Горы со множеством пещер и провалов; поля и паствы. b) Восточная часть луговая. Луга, безводные и безлесные степи, солончаки и соляные озера, степь от Кумы до Урала; опустошительные ветры.

9) *Астраханская губерния*. a) Западная часть. Волжская степь. b) Восточная часть. Уральская степь. Холм Богда; чистая каменная соль; песчаное место Рынь-пески; равнины, покрытые камышом; от Урала до Гурьева жилище Уральских казаков; плодородие по берегам Урала.

10) *Земля Киргиз-Кайсаков*. Плодородие только по течению рек и при склоне холмов; всё остальное равнина, покрытая высокою травою; скотоводство. Кочевья киргизцев.

VII. Центральное пространство

1) *Ярославская, Костромская, Владимирская и Нижнегородская губернии*. a) Западная часть. Отрасли плоской возвышенности. b) Восточная часть. Отрасли Уральских гор. Посредственное плодородие.

2) *Пензенская и Тамбовская губернии*. Характер степного пространства. Земля вообще плодоносная; отрасли Волжских гор, по течению Суры.

3) *Калужская, Орловская и Курская губернии*. a) Северная часть Калужской и большая часть Орловской губерний. Плодородие, влияние Алаунской температуры. b) Южная часть. Остаток Орловской губернии и вся Курская. Великое плодородие; слияние гор Алаунских с Карпатскими.

4) *Московская, Тульская и Рязанская губернии*. Продолжение Алаунского пространства. Плодоноснейшая часть. Рязанская губерния: пажити и луга. Обработаннейшая Московская губерния. Менее плодоносная. Тульская: полоса

красноватой глины, весьма твердой во время знойное, совершенно распускающейся в дождь.

VIII. Уральское пространство

1) *Большая часть Симбирской губернии и меньшая часть Казанской губернии.* Долина между Сурою и Волгою. Плодородие, пашни, луга, дубовые рощи.

2) *Часть Казанской губернии, Вятской губернии и западная часть Пермской губернии по сю сторону Камы*. a) Южная часть низменная. Плодородие, дубы. b) Северная часть гористая. Дремучие леса, топи, болота; неудобства для землепашества.

3) *Остаток Казанской, Симбирской, большая часть Пермской и часть Оренбургской губерний.* По сю сторону Уральских гор. a) Северная часть. От устья Чусовой до истока Печоры. Холодный, суровый климат; горы, сталактитовые пещеры; непроходимые леса; соляные варницы; по Каме обработанные земли; в долинах болота. b) Средняя часть. От устьев Чусовой до соединения Уфы с Белою. Плодородие; ель, пихта, сосна; пчеловодство; лесоводство; горные заводы. c) Южная часть. Отличное плодородие; горные промыслы.

4) *Остаток Пермской и Оренбургской губерний.* По ту сторону Уральских гор. a) Весь север до Тагиля. Ужасная пустыня; редкие селенья по берегам рек; рудники, особенно в Верхотурском уезде. b) От Тагиля до Исети. Пашни, луга, строевой лес; богатейшие рудники. c) От Исети до Уя и Тоболя. Безлесное, безводное, песчаное пространство; продолжение степей азиатских. Горькие и соленые озера; горные промыслы.

IX. Закавказское пространство

1) *Северная часть. От Анапы и Кубани до устьев Терека*: предгорие Кавказа. На высоте гор — снег, на средине — леса, у подошвы — болота. Минеральные воды (Кисловодск, Горячеводск). Заслонение горами от юга, отчего суровость климата; северные ветры; теплый климат, но множество болот по течению Кубани и Терека; в плодоносных местах виноград, плоды, Сарачинское пшено. Жилища горских народов.

2) *Восточная часть. От Аргахана до Ленкорана. Дагестан, Апшерон, Баку, Ханства Ширванское и Талышинское*. Зной и холод; ураганы и нездоровый воздух; песок, солончаки, горькие и соленые озера; нефтяные ключи около Баку. Живописные виды (гора Башбармак). Плодородие.

3) *Южная часть*. Новейшие приобретения: *Карабахское Ханство, Русская Армения*. Гора Арарат; по Аркасу, Куре и Арпачаю роскошнейшие произведения природы; целые леса плодоносных деревьев.

4) *Западная часть*. От Арпачая и Куры до Анапы. *Абхазия, Мингрелия и Ахалцикский участок.* Отличное плодородие: фиги, хлопчатая бумага, индиго; горы, долины, луга, ущелья.

5) *Средняя часть. Грузия* (*Кахетия, Карталиния, Самхетия*), *Имеретия, Лесгистан, Ханство Шеканское*. Горы неживописные, холод и зной; плодородие и бесплодие, степи и пашни, долины и горы. Лучшая часть: Кахетия; прекрасное вино. Самый знойный участок: Елизаветопольский уезд.

X. Сибирское пространство

1) *Западная часть, по сю сторону Енисея*. Влияние атмосферы Уральской и степной; природа европейская. Степь Барабинская, продолжение степей киргизских, но с бóльшим плодородием.

2) *Восточная часть, по ту сторону Енисея*. Природа азиатская. Следы вулканических революций; сопки горящие и потухшие; окаменелости не существующих более животных.

В обеих частях: 1. Южная полоса. До 60 градусов широты. Хлебородные земли, луга, множество рек, больших и малых; металлоносные горы. 2. Северная полоса. От 60 градусов широты. Дикая пустыня; 9 месяцев зимы; леса; выше 70 градусов льдистые тундры; свирепые ветры от покатости к морю; холод до 50 градусов; жара — двухмесячное лето до 38 градусов.

* * *

III. Гидрографическое разделение России

I. Область Северной Двины. *Архангельская и Вологодская губернии. Северная Двина*. Великий Устюг, Холмогоры, Архангельск. *Сухона*. Тотьма. *Вологда*. Вологда. *Вычегда*. Устьсысольск, Яренск, Сольвычегодск. *Ваг*. Шенкурск. *Пинега*. Пинег. *Онега*. Каргополь, Онег. *Мезень*. Мезень. *Печора*. Пустозерск.

II. Область великих озер. *Финляндия, Олонецкая, Новгородская, Псковская, Петербургская губернии, Эстляндия. Торнео*. Торнео. *Улео*. Улеаборг. *Кюло*. Ваза. *Кюро*. Биорнеборг. *Нева*. С.-Петербург, Шлиссельбург. *Ладожское озеро*. Кексгольм, Новая Ладога, Остров Валаам. *Волхов*. Новгород. *Ильмень озеро. Мста*. Боровичи. *Ловать*. Великие Луки. *Поля*. Демьянск (Валдай). *Шелопь*. Порхов. *Сясь*. *Тихвинка*. Тихвин. *Свирь*. Лодейное поле. *Олонка*. Олонец. *Онежское озеро*. Повенец. *Шуя*. Петрозаводск. *Вытегра*. *Луга*. Ямбург. *Нарова*. Нарва. *Чудское озеро*. Гдов, Эмбах, Дерпт. *Великая*. Опочка, Остров, Псков. *По берегам Балтийского моря*. Ништат, Або, Гельсингфорс, Свеаборг, Борго, Ловиза, Бридрисгам, Роченсалом, Выборг, Ревель, Балтийский Порт, Гапсаль.

III. Область Западной Двины. *Лифляндия, Курляндия, Витебская губерния. Западная Двина*. Велиж, Витебск, Полоцк, Дисна, Дрисса, Динабург, Фридрихштат, Якобштат, Рига. *Пернава*. Пернов. *Аа*. Вольмар, Венден. *Аа*. Митава. *Виндава*. Гольдинген, Пильшен, Виндава. *Либа*. Либава.

IV. Область Немана. *Виленская и Гродненская губернии. Неман.* Несвиж, Гродно, Ковно, Юрбург. *Шара.* Слоним. *Вилия.* Вильна. *Невежа.* Пеневеж. *Дубисса.* Россиены.

V. Область Вислы. *Царство Польское. Белостокская область. Висла. Буг. Муховец.* Кобрин. *Нарев.* Бьялыстоk.

VI. Днестровская область. *Бессарабская область, Подольская губерния. Днестр.* Хотим, Могилев, Ямполь, Новые Дубоссары, Бендеры, Тирасполь, Акерман, Овидиополь. *Смотрич.* Каменец-Подольский. *Бык.* Кишенев. *Устья Дуная.* Измаил, Тучков, Килия. *По берегу Черного моря.* Одесса.

VII. Область Днепра. *Смоленская, Могилевская, Минская, Черниговская, Киевская, Курская, Волынская, Полтавская, Екатеринославская и Таврическая губернии. Днепр.* Дорогубуж, Смоленск, Орша, Копыс, Шклов, Могилев, Любеч, Киев, Черкасы, Кременчуг, Переволочна, Верхнеднепровск, Екатеринославль, Бориславль, Херсон, Алешки. *Вязьма.* Вязьма. *Березина.* Борисов, Бобруйск. *Свислочь.* Минск. *Сож.* Мстиславль, Пропойск, Гомель, Белица. *Припять.* Пинск, Мозырь. *Горынь.* Острог. *Случь.* Новгород Волынский. *Случь.* Слуцк. *Уж. Норин.* Овруч. *Тетерев.* Житомир, Радомысл (Бердичев). *Десна.* Брянск, Трубчевск, Новгород Северский. *Сева.* Севск. *Сейм.* Курск, Рыльск, Путивль, Башурин. *Остер.* Нежин, Остер. *Стугна.* Васильков. *Трубеж.* Переяславль. *Рос.* Богуслав. *Сула.* Ромны, Глинск, Лубны. *Псел.* Сумы, Хороль, Миргород. *Ворскла.* Ахтырка, Полтава. *Самара. Волчья.* Павлоград. *Буг.* Летичев, Винница, Ольвиополь, Воскресенск, Николаев. *Сельница.* Тульчин. *Кодыма.* Бальта. *По берегу моря.* Очаков, Кижбурн, Перекоп, Козлов, Севастополь, Балаклава, Судак, Кафа, Керчь, Еникал, Арабат. *Салгир.* Симферополь. *Карасу.* Карасубазар, Бахчисарай.

VIII. Донская область. *Воронежская и Харьковская губернии, область Донских казаков. Дон.* Донков, Лебедянь, Задонск, Коротояк, Павловск, Новочеркасск, Ростов, Таганрог, Азов. *Сосна.* Ливны, Елец. *Воронеж.* Липецк, Воронеж. *Тихая Сосна.* Острогожск. *Хопер.* Борисоглебск, Урюпинская станица. *Северный Донец.* Белгород, Чугуев, Змиев, Изюм, Славянск, Славяносербск. *Харьков.* Харьков. *Оскол.* Старый Оскол, Новый Оскол, Царев Борисов. *Бахмут.* Бердинка, Ногайск. *Бальмус.* Мариуполь.

IX. Волжская область. *Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Астраханская губернии. Волга.* Ржев, Зубцов, Старица, Тверь, Корчева, Колязин, Углич, Мышкин, Молога, Рыбинск, Романов, Ярославль, Кострома, Кинешма, Юрьевец Подольский, Балахна, Нижний Новгород, Макарьев, Василь, Козмодемьянск, Чебоксары, Свияжск, Спасск, Тетюши, Симбирск, Сызрань, Саратов, Камышин, Царицын, Черный Яр, Енотаевск, Красный Яр, Астрахань. *Селижаровка.* Осташков. *Вазума.* Сычевка. *Гжать.* Гжацк. *Тверца.* Вышний Волочек. Торжок. *Дубно. Сестра.* Клин. *Яхрома.* Дмитров. *Нерль* (озеро Клещино). Переяславль Залесский. *Молога.* Бежецк. Устюжна.

Сить. Красный Холм. *Шексна* (Бело-озеро). Белозерск, Кирилов, Череповец. *Согож*. Пошехонь. *Которосль* (Ростовское озеро). Ростов. *Кострома*. Соль Галицкий, Буй. *Векса*. Галич. *Унжа*. Кологрив, Унжа, Макарьев. *Сура*. Пенза, Алатырь. *Алатырь*. Ардатов. *Пьяна*. Сергач. *Ветлуга*. Ветлуга. *Большая Кокшага*. Царево-Санчурск. *Малая Кокшага*. Царево-Кокшайск. *Казанка*. Арск, Казань. *Черемшан*. Ерыклинск. *Самара*. Бузулук, Самара. *Сарпа*. Сарепта.

X. Окская область. *Орловская, Тульская, Калужская, Московская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская и Владимирская губернии. Ока*. Орел, Белев, Лихвин, Подольск, Калуга, Алексин, Таруса, Коломна, Рязань, Спаск, Касилов, Елатом, Муром, Горбатов. *Упа*. Тула, Одоев. *Жиздра*. Жиздра, Козельск. *Протва*. Верея, Боровск. *Лужа*. Малоярославец. *Нара*. Серпухов. *Остер*. Зарайск. *Москва*. Можайск, Руза, Москва, Бронницы. *Истра*. Воскресенск. *Проня*. Пронск. *Ранова*. Ряжск, Скопин. *Мокша*. *Цна*. Тамбов, Моршанск. *Теша*. Арзамас. *Клязьма*. Богородск, Владимир, Вязники. *Нерль*. Суздаль. *Шуя*. Шуя.

XI. Камская область. *Вятская, Пермская и Оренбургская губернии. Кама*. Соликамск, Пермь, Сарапул, Елабуга, Лапшев. *Вышера*. Чердынь. *Чусовая*. *Сольва*. Кунгур. *Белая*. Уфа. *Уфа*. Красноуфимск. *Ик*. Мензелинск. *Вятка*. Вятка, Кукарск, Уржум, Мамадыш, Чепца, Глазов. *Урал*. Верхнеуральск, Оренбург, Илецкая защита, Уральск, Гурьев.

XII. Кавказогорская область. *Кавказская область, Черноморские и все Закавказские владенья. Кубань*. Устьлабинск, Екатеринодар, Тамань, Фанагория. *Рион*. Кутаис, Поти. *Кума*. Георгиевск (Ставрополь, Кисловодск). *Терек*. Моздок, Кизляр (Владикавказ). *Кура*. Ахалцик, Тифлис. *Ганжа*. Елизаветполь. *По берегам Черного моря*. Анапа, Суджук Кале, Сухум Кале. *По берегам Каспийского моря*. Тарки, Дербент, Баку.

XIII. Область Оби. *Тобольская и Томская губернии, Омская область. Обь*. Бийск, Катунск, Барнаул, Колывань, Нарым, Сургут, Березов, Обдорск. *Томь*. Кузнецк, Томск. *Исеть*. Екатеринбург. *Иртыш*. Бухтарма, Устькаменогорская, Семипалатинская, Омск, Тара, Тобольск. *Ишим*. Петропавловск, Ишим. *Тобол*. Ялуторовск. *Тура*. Верхотурье, Туринск, Тюмень. *Ирбит*. Ирбит.

XIV. Область Енисея и Лены. *Енисейская и Иркутская губернии, Якутская область. Енисей*. Мензелинск, Красноярск, Туруханск. *Верхняя Тунгуска или Ангара*. Иркутск. *Селенга*. Селенгинск, Верхнеудинск, Трогуносавск, Кяхта. *Барагуза*. Баргузинск. *Лена*. Киренск, Олекминск, Якутск, Устьвилюйск. *Вилюй*. Вилюйск. *Яна*. Верхнеянск. *Индигирка*. Зашиверск. *Амур*. *Шилка*. *Нерча*. Нерчинск.

XV. Яблоногорская область. *Охотское и Камчатское управление, Чукотская земля. Охота*. Охотск. *Гижига*. Гижигинск. *Камчатка*. Верхнекамчатск, Нижнекамчатск. *На берегу моря Камчатского*. Петропавловск.

* * *

IV. Постепенное распространение и нынешнее пространство России

А. Постепенное распространение

Пространство России во время Рюрика (около 864) 6 000 миль. От устья Перновы до слияния Волги и Шексны. От источников Западной Двины и Днепра до Бела-Озера и устья Свири.

При смерти Рюрика (879) 8 000 миль. Присоединение земель от Волги до левого берега Оки на восток и земли Полочан на юг.

При смерти Олега (912) 14 000 миль. От Бела-Озера до порогов Днепровских и Днестра. От Карпатских гор и Припяти до Сулы и Оки.

При смерти Владимира (1015) 25 000 миль. От Наревы и Сана до Камы; от Белого моря и Северной Двины до Кубани.

При восшествии на престол Иоанна III (1462) 10 000 миль. Губернии: Московская, Владимирская, Нижегородская, Костромская, Ярославская, Тамбовская, Пензенская; части губерний Вологодской, Тульской и Калужской.

При смерти Иоанна III (1505) 35 000 миль. Новгородские владения: земля Повенецкая, область Заонежская, Заволочье от Колы до Печоры, область Двинская, Пермия, земля Вятичей или Хлыновцев. Княжество Белозерское; земля Арская и Югорская; Тверь; уделы: Верейский, Можайский и Вяземский; Литовская Россия от Калужской и Тульской губерний до Киевской.

При смерти Василия Иоанновича (1534) 38 000 миль. Смоленск, Псков, Рязань.

При смерти Иоанна IV (1584) 75 000 миль. Земля Донских казаков. Казанская, Оренбургская, Симбирская, Саратовская, Астраханская губернии и область Кавказская. Сибирь: до рек Тоболя и Иртыша и по Оби до Березова.

При смерти Федора Иоанновича (1598) 140 000 миль. Земля Иверская. Сибирь: от устьев Оби и Сургута через Тару, Каинск и по берегу озера Чаны до Семипалатинска и истоков Бухтармы и Кутани. От Тоболи и Иртыша до устьев Кети и Чулыма.

При восшествии на престол дома Романовых (1613) 165 000 миль. Сибирь: от Обской и Тазовской губы и Енисейского залива, вверх по течению Енисея, до Красноярска и верховьев Оби, Барнаула и Кузнецка.

При смерти Михаила Федоровича (1645) 240 000 миль. Сибирь: от устьев Енисея и Туруханска, через Анабару, Лену, Индигирку до Колымы или до Чукотской земли и от истоков Яны до Охотского моря. От Бийска и Кузнецка, через Минусинск, Каинск, Киренск до истоков Лены по сию сторону Байкала, и до верховьев Вишима по ту сторону. Пределы: Яблоновской и Становой хребет.

При смерти Алексея Михайловича (1676) 27 000 миль. Малороссия: Киевская, Черниговская и Полтавская губернии; Смоленск. Сибирь: от Нижнеудин-

ска и Иркутска через Селенгу до слияния Шилки с Аргуною; от Нерчинска до берегов Восточного океана через Яблоновской хребет.

При смерти Федора Алексеевича (1682) 274 000 миль. Новая Земля.

При смерти Петра Великого (1725) 282 000 миль. Ингерманляндия, Карелия, Эстляндия, Лифляндия. Сибирь: Камчатка, Курильские и Алеутские острова.

При смерти Анны Иоанновны (1740) 327 000 миль. Сибирь: Чукотская земля. Киргизские степи средней и малой Орды.

При смерти Елизаветы Петровны (1761) 327 050 миль. Завоевание Нейшлота[4] и поставление Кюменя границею между Россиею и Швецию.

При смерти Екатерины Великой (1796) 340 000 миль. Могилевская, Витебская, Минская, Гродненская, Виленская, Волынская и Подольская губернии. Весь Северный берег Черного моря с Тавридою. Курляндия.

При смерти Павла I (1801). Граница с Персиею река Кур[5].

При смерти Александра I[6] (1825) 348 000 миль. Бьялостокская область. Бессарабская область. Приобретения от Персии по Гюлистанскому миру. Великое княжество Финляндское. Царство Польское.

В царствование Николая[7] (1829) 350 000 миль. Приобретение от Персии по Туркменчайскому миру и от Турции по Адрианопольскому миру.

Нынешнее пространство

Пространство нынешней Российской Империи объемлет до 350 000 миль.

Вообще Российская Империя разделяется на Европейскую и Азиатскую Россию. Она заключает в себе.

I. Губернии (49). a) ***По учреждению*** (36). Санктпетербургская, Московская, Новгородская, Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Пермская, Вятская, Псковская, Тверская, Смоленская, Тульская, Рязанская, Калужская, Орловская, Курская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Нижегородская, Пензенская, Тамбовская, Воронежская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Астраханская, Слободско-Украинская, Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская. b) ***На особенных правилах*** (13). *Остзейские губернии*: Лифляндия, Эстляндия, Курляндия. *Малороссия*: Киевская, Полтавская, Черниговская губернии. *Польская Украйна*: Волынская, Подольская губернии. *Белоруссия*: Витебская, Минская, Могилевская губернии. *Литва*: Виленская, Гродненская губернии.

II. Области (9). Земля Донских казаков. Кавказская область. Грузия. Мингрелия и Имеретия. Армянская область. Бессарабская область. Бьялостокская область. Омская область. Якутская область.

III. Управления (2). Пограничное: Троицко-Савское. Приморское: Охотское.

IV. Градоначальства (3). Одесское. Таганрогское. Керчь-Еникольское.

V. Земли, не входящие в общий состав. Великое княжество Финляндское. Царство Польское. Большая и малая Кабарда. Земли Киргиз-Кайсаков. Американские владения.

* * *

V. Этнографическое обозрение России

I. Народы, занимавшие попеременно пространство России до начала Государства Российского

1) ***В древнейшие времена.*** Баснословные предания о Кавказе и Прометее.

Киммериане Гомеровы, жители мрака[8]. Город Киммерион.

Киммериане Геродотовы[9], вероятно, в нынешних Херсонской и Екатеринославской губерниях и около Азовского моря. Пролив Киммерийский.

Тавры, жестокий народ[10], населявший Тавриду. Поклонение богине Деве, коей приносили в жертву чужеземцев. Басня о Ифигении. Мыс Парфенион, близ Севастополя.

Народы, о коих упомянает Геродот: *Невры* в Польше; *Андрофаги* и *Меланхлены* в Южной России (и те и другие Антрофаги; последние носили черную одежду); *Савроматы*[11], за Доном, на степях; *Гелоны* в лесах имели деревянную крепость; *Фисагеты*, славные звероловством; *Агриппеи*, на горах каменистых (Уральских), плосконосые; за Агриппеями *Полунощные народы*, спавшие по полугоду; *Исседоны* в великой Татарии; страна Грифов, стерегущих золото.

Скифы, имя, общее всем северным народам Азии и Европы. Скифия Российская, необозримая степь между Тавридою и устьем Днепра. Скифы *пастыри*. Скифы *земледельцы* по Днепру к северу. Главная или Царская орда на восток от Азовского моря. Дикость нравов; поклонение богу войны под образом меча; жестокость с неприятелями; пили их кровь, обделывали кожи убитых. Войны с Дарием Гистапом, с Филиппом Македонским. Митридат, царь Воспорский употребляет скифов против римлян.

Савроматы, или *Сарматы*. Вытеснив скифов около Р. Х., занимают пространство от Азовского моря до Дуная. *Языги* или *Роксоланы* воюют с римлянами; побеждены Марк Аврелием[12].

Греческие колонии в южной России. Олвиа в 40 верстах от устьев Днепра, Херсон, Пантикапея в Тавриде, Фанагория, Танаис. Три последние принадлежали к Царству Воспорскому, Фазис.

2) ***Около переселения народов.*** *Готфы*. В третьем веке по Р. Х. переходят от Балтийского моря к Черному; занимают Дакию; опустошают в Малой Азии Вифинию, Каппадокию, Галатию, в Европе Оракию, Македонию и Грецию. В IV веке при Эрманарике владычествуют от Балтийского моря до Черного и Тавриды. Сия

империя разрушена Гуннами, кои из Средней Азии (где были уже давно известны под именем Гионг-Ну), вытесненные другими завоевателями, переходят сперва к Уралу. Потом к Волге, потом через Волгу и, бросившись на Готфов, сим ударом производят в народах то волнение, кое известно в истории под именем переселения народов. Готфы, разделившиеся на западных и восточных, вместе с другими германскими народами устремляются на Западную Римскую Империю и разрушают ее в течение одного столетия. Царство Гуннов, распространившееся при Атилле от Волги до Рейна и от Балтийского моря до Македонии, разрушается по смерти его. *Гениды* выгоняют Гуннов из Паннонии; несколько времени остаются они между Днестром и Дунаем (где их область называлась Гунниваром), потом совершенно исчезают. Области, покинутые переселившимися народами, остаются пустыми. На юге между Дунаем и Каспийским морем являются Угры и Болгары.

3) ***После переселения народов.*** *Славяне*. Три главные племени: *Анты*, *Венеды*, *собственные Славяне*. Сии народы становятся известны в VI веке. В это время они занимают Моравию, Богемию и Дакию и становятся страшны для Восточной Империи во время Юстиниана, коего военачальники Хельвуд и Велизарий с трудом отражают их нападения. Славяне попеременно то опустошают провинции империи, то служат в войсках императоров. В VII веке они занимают Славонию, Кроацию, Сербию, Боснию, Далмацию. Некоторую часть их покоряют Авары и долго содержат под игом своим.

Авары. Они являются почти в одно время с Славянами; вытесненные Турками из Средней Азии (где были известны под именем Гуннов-Огоров), они переходят Волгу; под предводительством Баяна, их Атиллы, покоряют Угров и Болгаров, завоевывают Моравию, Богемию, Дакию, Паннонию, Венгрию и Далмацию, порабощают Славян (коих часть удаляется на север, где обитали уже их соплеменники); в VII веке, побежденные Болгарским князем Кувратом, еще долго владычествуют в Дакии и Паннонии, наконец исчезают.

Болгары. Они сначала являются между Дунаем и Каспийским морем; их князь Куврат свергает иго Аваров; области Куврата разделены между его четырьмя сыновьями: два из них владычествуют по обоим берегам Дона, третий в Паннонии, четвертый Аспарух основывает в Мизии сильное царство Болгарское, и ныне составляющее часть Европейской Турции.

II. Народы, сделавшиеся известными после начала Государства Российского

1) *Народы, составившие Государство Российское.*

Славяне.

Славяне Новгородские. Около Ильменя озера. Новгород, существовавший уже в IX веке. Басни о построении Новгорода[13].

Кривичи. В нынешних Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской губерниях, по верховьям Двины, Волги и Днепра. Литовцы называли Россию Crecwen zemla.

Полочане. По Двине и Полоше.

Дреговичи. В Минской губернии между Припятью и Западною Двиною.

Радомичи. В Могилевской губернии, по берегам Сожи.

Вятичи. В Калужской, Тульской и Орловской губерниях по берегам Оки.

Дулебы и Бугвеане. По берегам Западного Буга.

Древляне. В Волынской губернии. Их имя от дремучих лесов. Города: Овруч и Коростень (деревня Искорость).

Поляне, единоплеменники с Польскими Ляхами. На полях, орошаемых Днепром в Киевской губернии. Киев.

Суличи и *Северяне*. В Черниговской губернии, по рекам Десне, Сойму и Суле. Города: Чернигов и Любеч.

Лутичи и *Тиверцы*. По Днестру.

Белые Хорваты. Около гор Карпатских.

Финны. *Чудь* в Эстляндской губернии и по берегам Ладожского озера. *Ливь*, в Лифляндии. *Нарова*, по Нарове. *Ижеры*, по Ижоре. *Ямь*, в Финляндии. *Пермь*, по Пермской губернии. *Высь*, по Белу озеру. *Меря*, около озер Ростовского и Клещина. *Мурома*, при слиянии Оки с Волгою. *Мордва*, *Мещеря* и *Черемисы*, далее на восток. *Печора*, по реке Печоре. *Югра*, по Оби и Соеве.

Варяги[14]**.** Имя Варягов есть прозвание Скандинавов или Норманнов. Они жили по берегам Варяжского или Балтийского моря и были страшны соседственным и дальним народам своими морскими набегами. В России явились они в половине IX века, основали Русское Государство и дали ему имя. В X веке грабили Шотландию, Англию, Францию, Италию и утвердились в Нормандии, откуда в XI веке, под предводительством Вильгельма Завоевателя напали на Англию и овладели ею. Вероятно, что ими была открыта Америка за 500 лет до Колумба.

Что Варяги были Норманны тому служит доказательством следующее: 1) Имена Рюрика, Синеуса и Трувора нормандские. 2) В XI веке Греческие императоры имели телохранителей, кои называли себя Варягами и были Норманны. 3) Константин Багрянородный, описывая Днепровские пороги, приводит их имена, из коих одни Русские, другие Славянские, Русские кажутся Норманскими. 4) Законы Ярослава сходны с Норманскими. 5) Нестор, повествуя о Варягах, называет их Урмянами.

Варяги, завоевавшие Россию, назывались особенным именем Россов. Сии Варяго-Россы были Шведы. Сему служит доказательством: 1) В Швеции одна

область и поныне называется Roslagen; Финны и доныне Шведов называют Россами. 2) В IX веке между посланниками Императора Феофила к Людвигу Благочестивому находились Россы, кои называли отечеством своим Швецию. Итак, Российское Государство основанием своим и именем обязано Шведскому народу Россам, кои вместе со всеми Нормандскими племенами назывались Варягами.

Латыши. *Летгола*, в Литве. *Зимгола*, в Семигаллии. *Корс*, в Курляндии.

2) ***Народы в разные времена опустошавшие Россию и в ней владычествовавшие.***

Болгары. Вероятно, в VIII веке перешли от Дона на берега Волги и Камы и там образовали особенное царство. Они достигли некоторой степени образованности, торгуя с Северною Россиею, с внутреннею Азиею и Персиею. Их главный город был Болгары или Великий, коего развалины видим и теперь, неподалеку от Тетюш, в Казанской губернии.

Угры (Маджары или нынешние Венгерцы). Обитали некогда близ Урала, в IX веке на восток от Киева в Лебедии (вероятно, в Харьковской губернии, где город Лебедин напоминает сие имя, может быть, и в Тамбовской, где находится город Лебедянь); вытесненные Печенегами, они отчасти перешли за Дон и далее к Персии, отчасти устремились на запад, мимо Киева, переправились через Днепр, завладели Молдавиею, Бессарабиею и землею Волошскою; вытесненные снова в Паннопею, образовали Венгрию.

Хазары. Единоплеменники Турков, сначала жили на западной стороне Каспийского моря, называвшегося Хазарским. Европа узнала о них в IV веке, вместе с Гуннами. Опустошая Азию, они нападали на Персов; в оборону от них Хозрой постороил так называемую Кавказскую стену. В VII веке являются в истории Византийцев, помогают императору в войне против Персов, покоряют Угров и Болгаров; их владычество распространяется от устьев Волги по берегам Черного моря; наконец в VII веке устремляются на Славян и завоевывают земли Полян, Северян, Радимичей и Вятичей, кои с сих пор становятся их данниками. Ханы их жили в Балангиаре или Ателе, близ устья Волги, потом в Тавриде. На берегу Дога греческими зодчими построен был город Саркель.

Печенеги. Являются в X веке. Первая их область была между Уралом и Волгою. Вытесненные Уцами, вытесняют из Лебедии Угров; потом снова вытесняют их из Молдавии, Бессарабии и Валахии в Паннонию. Их владения, простиравшиеся от Дона до Алуты, разделялись на восемь областей, из коих четыре находились на восток и четыре на запад Днепра. Они вели кочевую жизнь; слави-

лись быстротою коней, на коих переплывали реки; имели вместо лодок кожи; носили одежду персидскую.

Половцы, единоплеменники Печенегов и нынешних Киргизов. Сначала обитали в степях Азиатских близ Каспийского моря (откуда выгнали Угров, кои бежали к Дунаю и там исчезли), потом, вытеснив Печенегов, овладели странами от берегов Черного моря до Молдавии. Вели кочевую жизнь, были ужасные грабители, питались сырым мясом и кобыльим молоком.

Моголы, единоплеменники Восточных Турков, в XII веке находились в зависимости от Татар-Ниучей; усиливаются и свергают иго при Эзукае Багадуре. Сын его Темучин наследует от отца 40 000 семейств, но в короткое время завоевывает под именем Чингис-хана все земли от Аральского моря до Инда. Его военачальники встречаются у Каспийского моря с Аланами и Половцами, истребляют первых и, преследуя последних, входят в Россию.

Литовцы[15]**.** По берегам Немана. С XI века начинают нападать на Россию. В начале XIV века становятся завоевателями. Ужаснейшие враги России: Гедемин, Олгерд, Кестутий и Витовт. В конце XIV века Литовская Россия простиралась от границ Псковской до Курска, Оки, Сулы и Днепра. Пограничные русские города были Можайск, Боровск и Калуга.

Поляки. Ливонские рыцари. Шведы.

III. Народы, ныне составляющие Государство Российское

Славянского племени.

А. Россияне.

1. *Россияне* составляют две трети всего народонаселения. Самая чистая порода их занимает центральные губернии Европейской России; на границах северных смешаны с Финнами, на восточных с Финнами и Татарами, на южных с Турками и Горскими народами, на западных с Немцами, Литовцами и Поляками.

2. *Малороссияне*[16]. Занимают Черниговскую, Киевскую, Полтавскую и частью Слободско-Украинскую губернии. До 1654 года Малороссия принадлежала Польше; гонение за религию было причиною ее присоединения к России. Царь Алексей Михайлович утвердил права их, они ограничены Петром[17] и уничтожены Екатериною[18]. Гетманы: Наливайко, Богдан Хмельницкий, Мазепа и последний граф Разумовский.

3. *Казаки.* Ныне существуют только две породы казаков: *Донские* и *Черноморские.* Исторически можно разделить их на *Малороссийских* и *Донских.* От Малороссийских произошли *Слободские*, теперь не существующие, и *Запорож-*

ские или нынешние *Черноморские*. Донские разделяются на собственно *Донских*, *Линейных*, *Астраханских*, *Уральских*, *Оренбургских* и *Сибирских*.

a) *Малороссийские казаки*

1. *Слободские*. В XVII веке множество казаков Малороссийских. Во время войны с Польшею, перешло на восток Днепра. Они заняли земли между Днепром и Доном. Жили в слободах и в укрепленных городах. Несколько слобод составляли полк. Который имел свое имя от полкового города; таких полковых городов было сначала четыре: Сумы, Харьков, Ахтырка, Изым; полки назывались Слободскими и Черкасскими. Екатерина упразднила их; слободы казаков исчезли; их наименовали войсковыми селениями, а жителей войсковыми обывателями; ныне занимают они Слободскую Украинскую губернию. Их считается до 330 000 душ.

2. *Запорожские казаки*. В исходе XIV столетия выходцы Малороссийские поселились на юг от порогов Днепровских; число их умножилось в течение времени выходцами из России, Польши, Молдавии, Валахии, Булгарии и Татарами. Жилище их называлось *Сечью* (крепостью); оно окружено было валом и защищаемо пушками; несколько домов составляли *Курень* под начальством куренного атамана; все курени вместе (числом 38) составляли *Кошт*, под начальством главного или кошевого атамана, имевшего только во время войны власть неограниченную. Во время мира наблюдаемо было совершенное равенство. Запорожцы вели жизнь холостую; общие их собрания назывались *Радами*. При величайшей необузданности нравов они занимались звероловством, скотоводством, рыбною ловлею и особенно разбоями; для поддержания народонаселения похищали мальчиков и девиц. Петр Великий уничтожил Запорожскую Сечь за участие в бунте Мазепы; она опять восстановилась под покровительством Крымских ханов; в 1734 году при Анне покорилась России, наконец. В 1755 году при Екатерине совершенно уничтожена генералом Текелием. Часть Запорожцев перешла за Дунай в подданство Турции; другая часть переселена на берега Черного моря. В 1784 году из переселенных Запорожцев составилось войско под именем Черноморских казаков, и за их службу дан был им в 1792 году остров Тамань и все земли до устья Лабы. Теперь они составляют охранное войско против Закубанцев; разделяются на 6 округов и 65 куреней, повинующихся наказному атаману. Их считается до 55 000.

b) *Донские казаки*. Потомки Россиян, истребивших в начале XVI столетия Азовских казаков или Черкесов и занявших земли от Азова до реки Дона. Они быстро размножились от присоединения к ним выходцев из России; действовали против Турок, Татар и Кавказцев. При Иоанне Грозном вступили в подданство России и служили в русских войсках против Турок и Ливонии. В 1570 году заложили город Черкеск. После покорения Астрахани возмутились и граби-

тельствовали по берегам Волги до Астрахани; но устрашенные силами Иоанна, рассыпались: часть осталась на Дону, часть перешла за Волгу на берега Камы и Чусовой, часть на запад Каспийского моря к Тереку, часть на северо-восток Каспийского моря к реке Яику.

1. *Донские казаки*. Принимали участие в войсках самозванцев и были опасны России под предводительством Заруцкого; при Михаиле Федоровиче взяли Азов; при царе Алексее возмутились и грабительствовали по Волге, под предводительством Стеньки Разина[19]; в течение XVIII столетия участвовали во всех войсках России и приобрели себе славу единственного легкого войска. До времен Петра правительство не входило в управление внутренними делами казаков; в 1721 году они поступили в ведомство Военной коллегии; в 1775 году получили особое военное и гражданское образование, которое при Александре изменилось. Ныне главный город их области Новочеркаск; число жителей до 500 000, из коих 350 000 Казаков, 13 000 Калмыков, 150 000 крестьян и малое число Нагайцев, Цыган, Армян и Греков. Разделяются на 7 сыскных начальств и 114 станиц, подчиненных войсковой канцелярии и наказному атаману.

2. *Линейные казаки*. *Кавказские*, переселенные в 1801 году из Слободско-Украинской губернии на берега Кубани в Кавказские крепости, отчего и названы Кавказскими. Находятся в Ставропольском уезде. Главное место Усть-Лабинская крепость; число их до 3 500. Разделяются на 5 станиц и составляют девятисотенный Кавказский полк.

Кубанские. Поселены в 1794 году на Кубань; главное их место Прочно-Окопская крепость; число до 5 000; разделяются на 7 станиц и составляют восьмисотенный Кубанский полк.

Хоперские. Составились в 1717 году из вольных людей, поселившихся в Новохоперске; в 1777 году переселены на линию в Георгиевский и Александровский уезды; число их до 5 000; разделяются на 6 станиц; составляют восьмисотенный Хоперский полк.

Волжские. В 1734 году отделились от Донских и поселились на Волге, между Царицыным и Дубовкою; в 1777 году переселены в окрестности Моздока; их главное место Горячеводск; число до 2 200; разделены на 7 станиц и составляют восьмисотенный Переселенный полк.

Горские. Смесь Донских с Черкесами; в Моздокском уезде между Тереком и Малкою; числом до 2 500; разделены на 7 станиц; составляют девятисотенный Горский полк.

Моздокские. Одинакового происхождения с Волжскими; переселены на Терек в 1770 году; числом до 5 000; разделены на 7 станиц; составляют девятисотенный Моздокский полк.

Гребенские. Вероятно, потомки товарищей Ермака[20], скрывшихся при Иоанне Грозном на гребне гор Кавказских (отчего и имя Гребенских); усили-

лись при Михаиле Федоровиче сообщниками Заруцкого; прежние их жилища были около устья реки Суинджи; потом они переселены на левый берег Терека Апраксиным и теперь находятся в Кизлярском уезде; главное их место Червлена Станица; числом до 3 000; разделены на 5 станиц; составляют семисотенный Гребенский полк.

Терские Семейные. Получили имя от города Терки; составились из стрельцов Московских, из Гребенских, Уральских и Донских казаков; держали кордон от реки Сулака до Астраханского мыса; в 1723 переселены были к ним до 500 семейств Донских казаков, отчего и получили они имя Семейных; в 1735 переведены на левый берег Терека; главное их место Каргалинская станица; числом до 1 200; разделены на три станицы; составляют четырехсотенный Терский Семейный полк.

Терские Кизлярские. То же, что Семейные, находятся в самом Кизляре и составляют четырехсотенный Кизлярский полк.

3. *Астраханские*. Смесь Донских казаков, крещеных Татар, Калмыков и детей Стрелецких. В 1737 составляли казачий полк; в 1804 присоединены к ним Волжские казаки, оставшиеся от переселения оных на Кавказскую линию; находятся в астраханской и Саратовской губерниях; числом до 5 500; составляют три казачьих полка или Астраханское казачье войско, управляемое Войсковою канцеляриею.

4. *Уральские казаки*. Современники происхождением Гребенским; при Иоанне Грозном поселились на реке Яике, под именем Яицких казаков завладели Сарайчиком и разбойничали; при Михаиле Федоровиче покорились и заселили Яицкий городок. Они всегда были необузданны, часто возмущались и составляли особенную республику, выбирая и сменяя атаманов; собрания их назывались Кругами. Петр Великий подчинил их Военной коллегии; главнейшие их постановления сделаны Неплюевым и Кириловым; основание Оренбурга способствовало и их обузданию, но при Екатерине II, с 1762 по 1775 беспрестанно бунтовали; наконец в 1773 в окрестностях Яицкого городка всеобщее возмущение, коего главою сделался Пугачев[21]; он истреблен (1775), и казаки Яицкие были уничтожены; самое имя их исчезло: они были наименованы Уральскими, река Яик Уралом, а Яицкий городок Уральским; им предоставлены земли и права рыбной ловли по Уралу. Теперь главное их место Уральск; число до 30 000, составляют десять полков, под начальством войскового атамана, подчиненного командиру Отдельного Оренбургского корпуса.

5. *Оренбургские казаки*. Образовались из сброда всякого рода людей, живших по крепостям Оренбургской губернии. Впоследствии присоединены были к ним разного звания русские люди и 59 кибиток калмыцких; первое их образование сделано Неплюевым; в 1803 году учреждена для управления их Войсковая канцелярия по образцу Черноморской; теперь они рассеяны по Орен-

бургской и частью Симбирской губернии; число их до 28 000; разделены на 5 кантонов и 6 линейных дистанций и состоят из 40 станиц; составляют Казачье Оренбургское войско или десятисотенный Оренбургский полк, под ведомством Войсковой канцелярии и войскового атамана, подчиненных Отдельному Оренбургскому корпусу.

6. *Сибирские казаки*. Произошли от остатков казачьего войска, завоевавшего Сибирское царство, следственно, потомки товарищей Ермака. В начале XVIII столетия правительство образовало из них Сибирское линейное казачье войско, употребленное на построение крепостей, форпостов, редутов и маяков по реке Иртыш; сие войско дополняемо было сосланными из Москвы Стрельцами и Литовцами, жившими первоначально по разным городам Сибири; во второй половине XVIII столетия число Сибирских казаков увеличилось поселившимися добровольно между ними Донцами, Башкирцами, Мещеряками, переведенными сюда ссылочными и даже Киргиз-Кайсаками. Ныне Сибирское казачье войско состоит из 9 250 человек служащих казаков, расположенных жилищами по Сибирской линии и состоящих под начальством областного Омского начальника и Сибирского корпусного командира. Всех казаков Сибирских с женами и детьми их считается до 37 500.

B. Поляки. Занимают всё Царство Польское.

II. *Народы Германского племени.* *Немцы.* В Эстляндии, Лифляндии, Курляндии. *Шведы*. В Финляндии и на островах Балтийского моря. *Датчане*. На островах Вормсе и Рооге.

III. Латыши. *Летты* или *Латыши*. В Лифляндской и Курляндской губерниях. В Виленской и Гродненской губерниях; частью в Витебской и Минской.

IV. Кавказские народы: *Черкесы*. В северо-западной части Кавказа и по Кубани до истоков Терека. *Абхазы*. На северо-восточном берегу Черного моря до Кубани. *Осетинцы*. При подошве Казбека. *Авары*. По течению реки Сулака. *Кисты* и *Чеченцы*. По Тереку и Сундже. *Лезгинцы*. Между Грузиею и Каспийским морем. *Грузины*. В Грузии, Кахетии, Мингрелии, Имеретии и Гурии. *Армяне*. В Армянской области, в Крыму, Астрахани, в Кавказской области, в Нахичевани, на Дону и в столицах.

V. Финны. *Финны* или *Ям*, *Суоми* и *Ингры*. В Финляндской и Санктпетербургской губерниях. *Эсты* и *Ливонцы*. В Эстляндии и Лифляндии. *Карелы*. Между Ладожским и Онежским озерами рассеянно, и частью в Тверской губернии. *Лопари* или *Лапландцы*. В северо-западной России от Белого моря до Торнео и Паэса. *Зыряне*. В Вологодской губернии; по рекам Вычегде до верховьев Камы и Печоры. *Пермяки*. В пермской губернии, по обеим сторонам северного Урала. *Вотяки*. В Казанской, Оренбургской, но более в Вятской губернии между

Чепцою, Вяткою и среднею Камою. *Черемисы*. В губерниях Нижегородской, Казанской, Вятской, Оренбургской и Симбирской. *Чуваши*. В Нижегородской, Казанской и частью Оренбургской губерниях. *Мордва*. В губерниях Казанской, Нижегородской, Симбирской, Оренбургской и Пензенской. *Вогуличи*. В пермской и Тобольской губерниях, по рекам Колве, Вышере, Тавде, Оби до Иртыша. *Тептери*. В Оренбургской губернии. *Остяки*. В северных частях Тобольской и Енисейской губерний.

VI. Татары. *Татары*. В губерниях Казанской, Нижегородской, Таврической, Астраханской, Оренбургской и в других рассеянно. *Ногайцы*. Между нижними частями Волги, Тереком, Кубанью, Доном и Азовским морем. *Кумыки*. У Кавказских гор по течению реки Суинджи. *Трухменцы*. От устьев Урала до Эмбы. *Башкирцы*. В Пермской и Оренбургской губерниях, по южным частям обеих сторон хребта Уральского. *Мещеряки*. В Оренбургской губернии. *Киргиз-Кайсаки*. К югу от реки Урала в степях Средней Азии. *Бухарцы*. В южной части Западной Сибири и в городах Оренбурга и Астрахани. *Барабинцы*. В Томской губернии. *Телеуты* в Томской губернии около Кузнецка. *Качинцы* по реке Енисею между Абаканом и Качею. *Бельтиры*. При истоках Абакана. *Якуты*. От реки Витима по всему течению Лены до ее устьев.

VII. Моголы. *Калкас Могомы*. Между Селенгинским и Верхнеуденским. *Буряты*. По обе стороны Байкала, по Ангаре, Селенге и Аргуни. *Калмыки*. В губерниях Астраханской, Саратовской, Симбирской, в земле Донских казаков и Кавказской области.

VIII. Манжуры. *Тунгусы* от реки Лены до Восточного Океана рассеянно между Бурятами и Якутами.

IX. Самоеды. От Мезени до Таза и даже до Енисея. *Койбалы*. По обети сторонам Енисея, до устья реки Абакана. *Карагасы*. Около Саянских гор. *Сойоты*. От Саянских гор до Байкала. *Муторы*. На правой стороне верхнего Енисея и по течению реки Тубы. *Тубинцы*. Вместе с Муторами на Тубе. *Камачинцы*. Около города Каинска. Перемешанно с сими последними тремя народами живут мелкие племена: *Юкагиры*, *Хотовцев* и *Осанов*.

X. Народы неизвестного происхождения: *Юкагиры*, *Коряки*, *Чукчи*. В северо-восточной Сибири. *Камчадалы*. На полуострове Камчатке. *Алеуты*. Курилы. На островах Восточного океана.

XI. Колонисты. *Немцы-колонисты*, прибывшие из разных стран Германии, поселенные в разных губерниях. *Англичане*, *французы*, *итальянцы* и другие европейцы в столицах. *Греки*. В Екатеринославле, Мариуполе и Нежине. *Индейцы* и *Персиане*. В Астрахани и Кизляре. *Поляки*. При подошве Алтайских гор, по Иртышу и Селенге. *Сербы*, *Булгары*, *Молдаване*, *Волохи* и *Арнауты*. В Новороссийских губерниях. *Хивинцы*. В Оренбургской и Кавказской губерниях. *Жиды*. В Белоруссии, Литве и Польше. *Цыгане*. Рассеянно.

ЧЕРТЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

(**Отрывок**)

Древняя история

История Государства Российского объемлет целое тысячелетие. В течение сего времени из малой области, населенной несколькими племенами славянскими и финскими и заключавшейся в тесных пределах между озерами Чудским, Ладожским и Белым, верховьями Двины, Днепра, Окою и Волгою, образовалась сия великая монархия, простирающаяся с запада на восток от Балтийского моря до Восточного океана, а с севера на юг от Ледовитого моря до Черного, Каспийского и до высоких горных хребтов, идущих через всю среднюю Азию. «При взгляде на пространство сей державы, мысль цепенеет (говорит Карамзин). Никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею (обширностью), господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, хладными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разновидных и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке, Россия имеет своих диких; подобно другим странам Европы, являет плод долговременной гражданской жизни. Не надобно быть русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостью и мужеством снискал господство над девятою частью мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внес их в общую систему географии, истории и просветил божественною верою»[1]. История изъясняет нам, что был сей народ *прежде*, что он *теперь*, и к чему *может достигнуть*, пользуясь своею нравственною силою и всеми богатствами, которыми изобилуют обширные страны, ему подвластные.

I

862—1054

На пространстве северо-восточной Европы, известной в древности под общим именем Скифии, между болотами, озерами и горами севера, под сенью лесов непроходимых, по берегам великих, неведомых рек, среди обширных степей полуденных странствуют долгое время дикие народы; безымянные в истории. В первые века после Р. Х. сей мрак начинает редеть: узнают о бытии одноплеменных *славян*, *вендов* и *антов*. Имя народа славянского становится страшно-

знаменитым в летописях византийских. Разные племена его, населяющие, под разными именами пространство между Балтийским и Черным морями, являются здесь независимыми, так под игом народов, попеременно приходящих из средней Азии с войною, опустошением и рабством. Наконец, в половине IX века, в недре сих разноплеменных славянских племен рождается Россия, и получает имя свое от смелых завоевателей скандинавских. Три брата, Рюрик, Синеус и Трувор, приходят *из-за моря* с сильною дружиною варяго-россов: призванные добровольно славянами новогородскими, кривичами, Чудью и Весью, они утверждают свое владычество силою. Рюрик по смерти братьев становится единым верховным властителем на севере; он усмиряет возмутившийся Новгород, и, утвердив в нем столицу юного государства, делит земли, ему подвластные, между своими варяжскими сподвижниками. Два из них, вероятно, обделенные и недовольные, Аскольд и Дир, идут на юг искать добычи и славы; они основывают свое владычество на величественных берегах Днепра, в цветущей земле полянской, в Киеве, равнодревнем с северным Новым-городом. Их нападение на Константинополь, чудом отраженное, знакомит киевских жителей с верою христианскою, а смелых витязей русских с путем в отдаленную Грецию.

Олег, старший в роде после Рюрика, наследует престол его вместо малолетнего Игоря и тем подает бедственный *пример наследования*[2] для времен грядущих. Его воинственное мужество полагает твердое основание могуществу России. Присвоив кровавым предательством южную киевскую область, он рядом быстрых завоеваний соединяет его с северною областью Новогородскою и Балтийское море с Черным; наносит сильный удар Козарской державе; устрашает грозным своим явлением Константинополь, берет богатую дань с императора, заключает с ним первый торговый договор и, пригвоздив ко вратам Цареграда огромный северный щит свой, со славою возвращается в Россию, строит для утверждения власти города или крепости в землях, ему покорных, учреждает налоги, и наконец умирает с именем *вещего* или мудрого. В его время проходят мимо Киева угры: вытесненные из жилищ своих печенегами, они утверждаются в древней Паннонии и образуют нынешнюю Венгрию.

Игорь, преемник Олега, не сходный с ним ни умом, ни мужеством, двукратно покушается против Цареграда: в первый раз он побежден греческим огнем и бурею, во второй преклонен к миру дарами испуганного императора. Возмутив жестоким хищничеством свирепых древлян, он погибает в земле их без славы. В его княжение Россия узнает диких печенегов: заграбив все южные области от Дона до Алуты, они отрезывают на долгое время Россию от Черного моря.

Ольга, супруга Игорева, *звезда пред солнцем*, *заря пред светом*[3], как называет ее летописец, мудро правительствует во дни малолетства отрока Святослава. Отмстив древлянам за убиение Игоря совершенным покорением земли

их, она предпринимает для учреждения общего порядка, путешествие по северной России, где долго сохраняется память ее в благодарных преданиях. И она идет в Константинополь, но уже не с войною и разорением, а с мирным исканием чистой добычи: *спасительного христианства*. Приняв святое крещение от рук патриарха, она возвращается в Киев, но тщетно убеждает сына своего Святослава последовать ее примеру: дикого юношу пленяет одна война. Презирая опасность, перенося, как простой воин, и нужду, и труд, и холод, и зной, он быстро завоевывает обширные области, на восток от Днепра лежащие, уничтожает владычество козарского хана овладением столицы его Саркела, проницает до самого Кавказа, победив у подошвы его касогов и ясов, и наконец утверждает владычество на берегах Киммерийского Воспора покорением древней Таматархи или Тмутараканя. Призванный в Болгарию, он берет столицу ее Переяславец и многие города на берегах Дуная. Опасность Киева, угрожаемого печенегами, призывает его на время в Россию; укротя врагов и предав земле тело умершей матери Ольги, он снова спешит на юг, привлекающий его прелестями своего климата, и для ограждения России от нападения варваров, делит ее между сыновьями. Но завоевания его, бесполезные для отечества, ввергают и самого завоевателя в погибель: в Болгарии встречает он достойного себя соперника в императоре Цимисхии, коему уступает победу, но не славу; и наконец, принужденный возвратиться в отечество, падает при шуме днепровских порогов от руки презренного печенега, жертвою собственного неосторожного бесстрашия.

Россия, утратив еще при жизни своего князя все бесполезные завоевания его на Дунае, становится по смерти его театром междоусобий, произведенных ее раздроблением на уделы. Брат восстает на брата; Олег погибает от Ярополка, вооруженного мщением вождя Свенельда; Владимир, устрашенный властолюбием брата, бежит за море, приводит оттуда сильную дружину варяжскую, идет на Ярополка, и, покорив на пути княжество Полоцкое, довершает с помощью предателя междоусобие братоубийством. Но сим злодеянием, оставившим кровавое пятно на великой памяти Владимира, раздробленная Россия опять соединяется, и власть единодержавная достается руке, ее достойной. Удалив из России варягов, союзников смелых, но опасных, Владимир с собственными дружинами распространяет пределы отечества: на западе — где покорена Ливония, обложены данями литовцы и ятвяги, завоеваны города Червенские, и на восток — где Волга, за которою властвуют болгары, становится крайним пределом Государства Российского. Первые времена княжения Владимира ознаменованы его слепым усердием к идолопоклонству, явившим в Киев первых и последних мучеников христианства, и его необузданным женолюбием, вооружившим на убийство руку Рогнеды, великодушно прощенной супругом — преступление, положившее начало особенному княжеству Полоцкому. В следующие годы Вла-

димир является преобразователем и самого себя и России. Оружием приобретает он для нее лучшее из благ: христианство. Устрашив завоеванием Херсона греческих императоров Василия и Константина, он вступает в супружество с сестрою их Анною; сие супружество освящено таинством крещения, и вслед за ним вся Россия, по мановению князя своего, озаряется христианством. Сие великое событие навсегда решит судьбу нашего отечества: с христианством начинается в России образование гражданское, просвещение ума, укрощение диких народов; христианство должно составлять единственно твердый союз отечества нашего во времена бедственного раздробления; христианство спасает его если не от рабства, то от совершенной погибели в рабстве, и наконец христианство, навсегда отделив Россию от варварских, неподвижных в образовании народов Азии, приготовит ее в течении веков к торжественному вступлению в семейство народов Европы. Крестившись и крестив Россию, Владимир заботится о заведении училищ, нужных для образования духовных пастырей, наставников веры и нравственности: вводятся в употребление священные книги, еще в девятом веке переведенные на язык славянский; начинается словесность и с построением церквей входит в Россию греческое искусство. Но сии мирные заботы о благе внутреннем нарушаются войнами с свирепыми печенегами, и наконец Владимир, положив просвещением веры основание истинному могуществу России, сам потрясает сие могущество разделением государства между сыновьями, и первый должен видеть погибельные следствия ошибки своей, произведенной понятиями его века: Ярослав возмущается против отца, избавленного смертью от ужасов такого междоусобия.

Но Провидение, заботясь о России, употребляет самые сии междоусобия, дабы сохранить, хотя на время, ее могущество и образумить ее властителей: Святополк, усыновленный племянник Владимиров, тремя братоубийствами соединяет под одну державу южные области России. Но рука, обагренная кровью братьев, недостойна владычества: Ярослав с великодушными, незлопамятными новгородцами поражает Святополка; напрасно призывает он Болеслава Храброго и вводит иноплеменников в недра отечества — минутное торжество, дарованное ему победою Болеслава, уничтожено предательством, удалившего от него сильного союзника; напрасно зовет он на помощь грабителей печенегов — побежденный на берегах Альты мстящею кровью Бориса и дружинами Ярослава, он бежит и бедственно погибает в пустынях богемских, в безумстве раскаяния и страха, с ненавистным прозванием *Окаянного*.

Ярослав, достойный наследник Владимира, заслуживает в потомстве имя законодателя[5]. Два междоусобия, мгновенно поколебавшие его княжение, не разрушают могущественного единства России. На севере мятеж полоцкого князя Брячислава утушен победою, и княжество Полоцкое приведено в подданство. На юге вооружается великодушный, честолюбивый Мстислав, победитель ка-

согов и разрушитель владычества козаров в Тавриде: битва у Листвена, успешная для Мстислава, производит раздел России на две великие области, разграниченные течением Днепра; но смерть Мстислава, предупрежденного во гроб цветущим сыном Евстафием, соединяет опять сии области под одну державу. Ярослав, могущественный единовластитель, господствует с благоразумием и твердостью, не увеличивает пространства России победами, но возвращает ей всё утраченное в смутные годы Святополка; Ливония усмирена, Червенские города снова взяты, Царьград приведен в трепет за оскорбление народного права в посланнике русском, и сила печенегов навсегда истреблена победою близ Киева. Продолжая, по примеру Владимира, действовать для распространения веры христианской заведением училищ, созданием храмов и монастырей, переводом книг с греческого и размножением их списков для пользы общей, Ярослав первый дарует России *письменные законы*. При нем начинается самобытность великого Новагорода: льготные грамоты, данные новогородцам признательностью Ярослава, рождают ту буйную, гордую свободу, которая около пяти веков возвеличивает и волнует Новгород и наконец падает перед могуществом единодержавного Иоанна. Но Ярослав, последователь Владимира в делах правления мудрого, следует ему и в гибельной его ошибке: он разделяет Россию между сыновьями. Умирающий голос отца, завещавшего им на одре смертном *согласие* и *покорность старшему в роде*, умолкает уже для первого поколения, и тень великого князя, поставленная главою над разделенным обширным государством, уважаемая несколько времени самоотверженною добродетелью Мономаха, исчезает наконец среди беззаконных разбоев междоусобия.

В сии два века, протекшие от призвания варягов до смерти великого Ярослава, Россия делает *шаг исполинский* на поприще могущества и просвещения. Благоприятные обстоятельства способствуют сему быстрому развитию. Сей период, несмотря на некоторые исключения, может назваться периодом *могущественного единовластия*. Господствуют князья мужественные и мудрые, и величайшие из них, господствуя долго, имеют время и для завоеваний внешних, нужных силе, и для утверждения силы порядком внутренним. Первые междусобия более благодетельны для России, нежели вредны: они истребляют властителей слабых, оставляя на сцене властителей твердых и мудрых; Олег и Ярополк уступают место великому Владимиру; злодейства презренного Святополка, губителя трех братьев, и смерть великодушного Мстислава очищают престол великому Ярославу. Сии кратковременные междоусобия проходят, как минутные бури, не потрясая государства. Между тем христианство сливает части в единое целое, торговля пробуждает промышленность и готовит просвещение. Самые внешние обстоятельства благоприятствуют сему величественному развитию; Россия уже образует державу великую, а на пределах ее нет соседей опасных: Ливония покорена; дикая, обложенная данью Литва су-

ществует одним только именем; Польша не опасна; венгры далеко, и оружие их устремлено на разорение Европы; империя греческая, не грозною силою, полезна своим просвещением и торговлею; одни печенеги свирепствуют несколько времени на отдаленном юге, но и они уничтожены оружием; болгары не смеют переступить за Волгу. Таково состояние России при смерти законодателя Ярослава.

Но Ярослав раздробляет ее на части, и внутренняя сила ее разрушается, а в ней самой таятся семена погибели, кои наконец созревают, оплодотворенные междоусобиями. На сем необъятном пространстве, которое занимает тогдашняя Россия, видим почти пустыню, покрытую болотами и лесами непроходимыми, без дорог и сообщений. Редкие города суть не иное что, как укрепленные станы; немногие из них, при великих реках стоящие, оживлены торговлею. Народы, населяющие сии пустыни, чужды друг другу. Трудность сообщений препятствует быстрому действию воли властителей. Нравы дики[6], и самое влияние христианства мало еще ощутительно: одна правительственная сила его действует, но сила нравственная почти ничтожна. И могло ли быть иначе в сии первые века грубого гражданства? В сии века то же самое представляет нам и вся остальная Европа. Ярослав, умирая, делит Россию, но мог ли он не разделить ее? Как *собственность*, она принадлежит его сыновьям по праву, а чистое понятие *о благе народном* еще не существует. Среди кровавых междоусобий, под игом иноземного рабства, под гнетом образовательных бедствий, посылаемых испытующим Промыслом, определено ему родиться и созреть, дабы наконец, озарив душу Петра и Екатерины, даровать прямое достоинство русскому народу.

II

1054—1237

Вместе с Ярославом древняя Россия погребает свое могущество и благосостояние[7]. Государство разделено; великое княжество с двумя столицами, богатым Киевом и полусвободным Новым-городом, отдано Изяславу; под ним владычествуют: в Чернигове Святослав, в Переяславле Всеволод, в области Смоленской Вячеслав, во Владимире Игорь, в Полоцке Всеслав. Первые десять лет проходят в грозном, предвещающем бурю спокойствии, встревоженные одним появлением диких половцев, которые, поработивши менее диких печенегов, ставят бесчисленные вежи свои на пространных степях от южного Буга до Волги. Всеслав Полоцкий первый подымает знамя войны междоусобной: он разбит на Немане, где, по словам древнего песнопевца, *стлали снопы головами*, *молотили цепами*, *жизнь на току клали*, *веяли душу от тела*; но

его предательское заключение в оковы отмщено и поражением на Альте, где Ярославичи постыдно разбиты ордами половцев, и бунтом киевским, возведшим Всеслава из темницы на трон великокняжеский, и бегством Изяслава в Польшу. Скоро изгнанник возвращается с ляхами; Всеслав бежит в свою очередь, и Киев, окровавленный зверскою свирепостью Мстислава, с покорностью приемлет восстановленного великого князя. Но, кроткий сердцем, он слишком слаб для утверждения власти державной и сею бедственною слабостью пользуется властолюбивый брат его Святослав Черниговский: обольстив слабодушного Всеволода Переяславского, он соединяется с ним на вторичное низвежение великого князя.

Ярославов завет нарушен, великокняжеское достоинство поругано, Изяслав изгнан. Ограбленный Болеславом Польским, бесполезно обласканный императором Генрихом IV (который сам скоро потом осужден бороться с подобным бедствием), он напрасно прибегает к посредничеству могущественного папы Григория VII, малодушно суля ему за потерянный трон свой покорность России духовному владычеству Рима. Смерть похитителя возвращает венец изгнаннику: Всеволод встречает его с миром, и живые братья делят Россию на счет потомства умерших. Князья обделенные, сыновья Святослава, Игоря, Владимира и Вячеслава, собираются в отдаленном Тмутаракане (отрезанном от России степями половецкими) и там, замышляя добыть оружием наследие отцов своих, научаются необходимостью дружиться с дикими варварами на разорение отечества. Первый Олег, по словам древнего певца[8], *ступя в златый стремень в Тмуторокане, начинает мечом крамолу ковать и стрелы по земле сеять*; *тогда повсюду возрастает усобица, и в княжеских распрях сокращается век человеческий*; *на полях оратаи редко перекликаются*; *грают одни враны и галки речь свою говорят, слетая на добычу.* Соединенный с Борисом Вячеславичем, Олег вводит в недра отечества толпы половецкие: Чернигов взят, окрестные области опустошены; но Изяслав, не памятуя зла, заступается за брата Всеволода, некогда его изгнавшего; вместе с ним и с сыном его Мономахом, уже знаменитым, он поражает хищников; Борис падает в битве, Олег уходит обратно в Тмутаракань, а Изяслав платит жизнью за победу, и трон великокняжеский достается Всеволоду. В сие княжение братство иноков, поселившихся вокруг пещеры святого Антония, основывает монастырь Печерский; первым игуменом его избран Варлаам, внук знаменитого Вышаты, а вторым св. Феодосий, законодатель всех монастырей российских.

Правление Всеволода, не имевшего дара властвовать, ознаменовано мятежами князей обделенных: Олег с братом Романом снова наводит половцев на Россию; но Роман погибает от свирепых своих союзников, а Олег насильно отвезен ими в Грецию. Он скоро возвращается и отнимает Воспорскую область у завладевших оною Володаря и Давида. Последний, захватив Олешье, грабит бе-

рега Днепра, но успокаивается, получив в удел Дорогобуж Волынский, к коему скоро присоединен Владимир, утраченный возмутившимся Ярополком, младшим сыном Изяслава, который падает от меча убийцы; а с утверждением мужественных Ростиславичей в Перемышле и Теребовле начинается знаменитая впоследствии Галицкая область. Победы Мономаха над половцами, на берегах Роси и Хороля, дают некоторый блеск ничтожному времени Всеволода, который совершенно расслабленный духом в последние годы свои, *не государь, а тень государя*, предает свои области на произвол тиунов и вельмож, хищных подобно половцам, и наконец умирает, уважаемый одним только великим своим сыном.

Мономах, сильный любовью народа и славою побед, мог бы сесть на престол отца своего; но жертвует властью святости права, и великокняжеское достоинство получает старший в роде Святополк-Михаил, князь без добродетелей, вероломный, корыстолюбивый, надменный в счастье, малодушный в бедствии, и Россия могла бы погибнуть в его княжение, взволнованное междоусобиями, когда бы не сохранила ее сильная рука Мономахова. Олег, пользуясь несчастьем князей, разбитых половцами, снова соединяется с толпами сих варваров и подступает к стенам Чернигова, своей отчины; там княжит Мономах; он страшится кровопролития, и, сказав: *да не радуются враги отечества!* добровольно отдает Чернигов Олегу, а сам удаляется в наследственный Переяславль, упраздненный погибелью брата его Ростислава. Но спокойствие не водворяется. С одной стороны свирепствуют половцы: войско русских князей, соединенных Мономахом на спасение отечества, входит в их степи и там наносит им первый сильный удар; но славу сей победы затмевает предательное убиение вождей половецких. С другой стороны мятежный Олег воюет с сыновьями Мономаха, из коих один, Изяслав, падает в битве, наказанный за неправедное хищничество; а другой, мужественный, благородный Мстислав, победитель Олега, сам ходатайствует за побежденного и мирит его наконец с отцом своим. Созванные Мономахом, князья собираются на торжественном съезде в Любече, мирно рассуждают о средствах успокоить Росиию, расстаются друзьями, и мир сей немедленно нарушен дерзким предательством: ослепление доброго, великодушного Василька приводит в ужас Россию; снова загорается междоусобие; Ростиславичи мстят за брата; сам палач его Святополк восстает на сообщника своего Давида; наконец новый княжеский съезд в Киеве производит новый, более постоянный мир, и всё могущество князей, воспламеняемых Мономахом опять обращается на хищных половцев: два знаменитых похода во внутренность степей их ознаменованы победами; варвары приведены в трепет; но с сего времени далекий Тмутаракань, оставленный им в жертву, навсегда исчезает для России.

Призванный киевлянами на престол, упразднившийся по смерти Святополка, Мономах вторично являет пример смирения и правдолюбия, отказавшись от власти[9] верховной в пользу старшего рода Святославичей; но убеж-

денный и бунтом народа и произвольным согласием князей, его уважающих, он возлагает на себя венец великокняжеский. Его княжение подобно великой душе его, благостной и твердой: грозно для врагов внешних и внутренних, и мирно для отечества, отдыхающего под его державою. Сыновья его одерживают победы в Ливонии, поражают болгаров и половцев; сама Греция трепещет его оружия, и знаменитый Алексий Комнин спешит почтить его дарами: он присылает ему венец, златую цепь и бармы Константина Мономаха. Предупрежденный во гроб и горделивым Олегом, мирным в его княжение, и кротким братом его Давидом, и мужественными сыновьями Ростислава, *славный благими нравами и победами за русскую землю*, он умирает, оставив Россию сыну, достойному отца, и память его долго живет в благородной любви народной; спустя более века по смерти его, говорит сетующий о нем певец: *а старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским*![10] И Провидение, как бы награждая добродетели прадеда в самых отдаленных внуках, бережет потомство его среди всех ужасов, ниспосланных им на наше отечество: из племени Мономахова исходят все великие мужи древней России; одни, ее ободрители в бедствиях, *светоносцы во мраке*, стоят за нее твердо, и мужественно борются с губящею ее судьбою; другие, более счастливые, на прахе первых, на краеугольном камени самодержавия зиждут ее дорого-купленное величие.

Мстислав Владимирович, прозванный *Великим* и достойный сего наименования, княжит слишком недолго к несчастью России. Победитель половцев, загнанных его оружием далеко за Волгу, смиритель внутренних междоусобий, завоеватель отделившегося от державы российской княжения Полоцкого (коего беспокойные князья, взятые в плен, высланы в Грецию), он властвует, как Мономах; но до гроба оплакивает единственную вину свою, нарушение завета отцовского: *давши клятву, храните ее*. Верховный судья князей удельных, он не дает управы прибегающему под защиту его Ярославу Черниговскому: Всеволод, хищник Чернигова, не наказанный, сохраняет свою добычу, а Ярослав оканчивает дни свои в Муроме, который вместе с Рязанью достается его сыновьям, и с того времени начинаются особенные княжения Рязанское и Муромское.

С кончиною Мстислава угасают последние светлые дни древней России. Слабая рука Ярополка не может соединять распадающейся державы. С одной стороны мятежные Ольговичи начинают сию столь бесславную в летописях наших борьбу с Мономаховым домом, полезную для одних грабительствовавших вместе с ними половцев и длившуюся более века; с другой новогородцы, похитив с изгнанием Всеволода (присвоенного отделившимся от них Псковом) неограниченное право избрания посадников, стесняют верховную власть князей своих, которые с сего времени становятся жалким игралищем народного буйства, и мост через Волхов обращается в поприще боя, на котором, при громе вечевого колокола, бунтующая чернь мечом добывает управу; наконец возрож-

дается и уничтоженное Мстиславом княжество Полоцкое, дабы на западном углу России, среди обширного волнения мятежей всеобщих, быть непрестанно добычею частных междоусобных разбоев.

И уже по смерти Ярополка, княжившего не более семи лет, Ольгово племя похищает (на столько же времени) престол Мономахов. Завладевший им Всеволод Ольгович, мятежный и хитрый, но воин искусный и государь твердый, примирением с сыновьями и братьями великого Мстислава утверждает за собою власть верховную. Один Георгий Суздальский остается непримиримым. Между тем новогородцы, колеблясь между потомками Олега и Мономаха, играют князьями своими, и прихотливыми их избраниями, ссылками, заточениями, питают пламень междоусобия. Тогда же является новый враг на юго-западе: Владимирко, воинственный государь, непримиримый в злобе, надежный в союзе, хищничеством созидает княжество Галицкое; ограбленный им Иоанн Берладник находит убежище в Киеве и ссорит с ним великого князя. Одолев его в первой войне, Всеволод начинает другую и, не докончив ее, умирает, утвердив клятвою князей и бояр престол великокняжеский за братом своим Игорем. Но хилый Игорь остается на нем не более пятнадцати дней: любовь народная к Мономахову племени, наглые грабежи любимцев княжеских, медлительность союзников, измена бояр и войска предают его пленником в руки Изяслава; с престола через темницу вступает он в келью схимника и скоро потом погибает в бунте народном, а Изяслав, мимо дядей своих Вячеслава и Георгия, восходит на трон Мономахов.

Сей мужественный князь, который в лучшие времена был бы красою престола и славою отечества, должен в немногие годы своего княжения не властвовать, а только бороться за трон свой с врагами, отвсюду его осаждающими. Здесь Давидовичи и Ольговичи, то враждующие за него между собою, то соединенные против него с беспокойным, медлительным, вероломным Георгием, который один из потомков Мономаховых для выгод властолюбия осрамляет себя союзом с грабителями половецкими; там — мужественный Владимирко Галицкий, верный союзник Георгия, и умный сын его Ярослав долго препятствуют Изяславу утвердиться на троне. То победитель, то побежденный, то князь, то изгнанник, он наконец одолевает непримиримого Георгия Суздальского и удерживается в Киеве, опершись на право старшего дяди, благодушного Вячеслава, который, будучи призван им на престол отцовский, себя именует великим князем, а племяннику уступает действительное владычество. Но победив наконец опасного Владимирка, который, давши обет сохранять мир, нарушает его и наказан внезапною смертью за дерзкую насмешку над святынею клятвы, он должен, после войны с его сыном, готовиться к новой войне с Георгием и умирает в силе мужества, оплаканный народом, с прекрасным именем *царя славного, господина доброго, отца своих подданных.*

Ростислав Смоленский, призванный киевлянами на престол своего брата, должен немедленно вооружиться против черниговского Изяслава, замышляющего похитить верховное владычество: схоронив умершего внезапно Вячеслава, великого князя одним только именем, он соединяется с племянником, мужественным Мстиславом и идет на врага своего; но, устрашенный его силою, оскорбляет пылкого союзника постыдным и безуспешным предложением мира, и войско его бежит, еще до битвы обезоруженное малодушием своего князя. Киевляне зовут Изяслава, но Георгий уже приближается к Киеву с суздальскими дружинами и половцами: Изяслав уступает силе и праву; а Георгий, наконец достигнувший цели беспокойного властолюбия, для коей столько долго мутил и предавал на разграбление отечество, княжит не более двух лет, и сии два года возмущены тревогами вражды с князьями, новогородским бунтом, половецкими разбоями. Смерть застает его, угрожаемого войною, но беззаботно веселящегося на пире, и народ наказывает его бездыханный труп за бедствия отечества, за посрамление Мономаховой чести союзом с ненавистными варварами. Князь бесславный, Георгий памятен России, как строитель Москвы, как образователь Севера, где долго об нем говорили и поля обработанные, и леса, прорезанные дорогами, и многие города, им основанные: Юрьев-Польский, Переяславль-Залесский, которых имена утешали его воображение воспоминанием о любимых странах полуденных.

Изяслав Черниговский, коим опять на два года было устранено Мономахово племя от престола великокняжеского, теряет всё в несчастной войне за Берладника с галицким Ярославом. Он бежит, и Ростислав (тогда уже старший в Мономаховом роде) снова на троне. Тщетно изгнанник, переходя из области в область, грабительствует вместе с союзными половцами, вспомоществуемый подобно ему бесприютным Берладником; тщетно призывает на помощь Андрея Суздальского, который еще в смутные времена отца своего, славный уже подвигами мужества, удалился в северную свою область, и там, далеко от тревог междоусобия, в тишине созидал могущество Владимира, скоро потом ниспровергнувшее Киев: довольный покорностью Новагорода, который приемлет от руки его князя, Андрей с равнодушием смотрит на распри князей южных, благоприятные замыслам его властолюбия. Тогда с толпами своих половцев и с дружинами князя черниговского, Изяслав осаждает в Белгороде великого князя, но разбитый Мстиславом и венграми, бежит и гибнет от руки простого воина без славы, оплаканный самими врагами своими. Гибель Изяслава губит Берладника; скоро после него умирает и Святослав Ольгович, знаменитый любовью к брату, несчастному Игорю, постоянный враг Мономаховичей, но всегдашний союзник Георгия; смерть его очищает место другому Святославу, который, мятежный и коварный, как отец его Всеволод, наследует семейственную вражду Ольговичей к Мономахову дому и жадность их властвовать Киевом. Но

Киев уже приближается к концу своему: бодрый Андрей, изгнавший братьев своих в Грецию, победитель соседственных болгаров, единовластвуя в Суздале, смотрит с полуподъятым оружием на падающую столицу юга.

Пылкий и мужественный Мстислав Изяславич садится на престол Ростислава, умершего в старых летах, и, усмирив мятежного дядю Владимира (которого право на достоинство великокняжеское уничтожено общим к нему презрением), спешит созвать князей против грабительствующих половцев. Союзное войско их проницает в степи и там на берегах Орели празднует Пасху и победу; но там же коварные клеветники ссорят с союзниками Мстислава. Оставленный ими, он возбуждает против себя негодование Андрея, согласившися послать своего сына Романа в Новгород, озлобивший суздальского князя изгнанием покровительствуемого им Святослава. Наступает решительная минута Киева: с войском одиннадцати князей Андреев сын Мстислав окружает древнюю столицу, и в первый раз Киев, дотоле всегда произвольно отворявший врагам *златые врата* свои, взят приступом; россияне свирепствуют в нем, как половцы; дома сожжены; церкви разрушены и ограблены; Мстислав Изяславич, оставив жену, сына, бояр пленниками в руках победителей, уходит в Волынию; Киев, лишенный навеки первенства между городами российскими, отдан Глебу, Андрееву брату, и бедный, северный Владимир заступает место древней, славной дотоле богатой великолепной столицы юга.

На развалинах Киева утверждается могущество великого княжества Суздальского или Владимирского. При самом начале его являются государи великие, достойные Владимира и Ярослава, но Россия времен их уже не Владимирова, не Ярославова: разорванная на части, она представляет обширное окровавленное поле битвы, по которому мчатся с огнем и мечом опустошители, свои и чужие. Разоряемые области пустеют; города сокрушаются; народ, или орудие или добыча грабителей, свидетель, участник и жертва самовольной неправды и гнусного вероломства князей, не ведая сладости мира, не имея верной собственности, униженный рабством, свирипеет, теряет и нравы, и веру, и чувство человечества, и самая верность его князьям необузданным есть не иное что, как ненадежная покорность силе. И между тем… в глубине отдаленного востока, на степях неизвестных, кочуют орды татар: еще подвластные чуждому игу, они уже порываются сокрушить его и ждут Чингисхана.

Андрей, спокойно единовластвуя в области Суздальской, повелевает и отдаленным югом, но там мятежи возрождаются непрерывно. Изгнанник Мстислав покушается добыть утраченный Киев, но умирает, не довершив предприятия, вначале успешного. Место его заступают бодрые Ростиславичи, новые соперники Олеговых внуков, предводимых мятежным Святославом. Между тем Андрей, могущественный в Суздале, замышляет утвердить власть свою на севере покорением Новагорода, управляемого вопреки ему Романом, столь знамени-

тым впоследствии: многочисленное войско под предводительством Мстислава, разрушившего Киев, идет к Новгороду и всё на пути разоряет. Но великий Новгород твердо стоит за права свои, за честь народа, за славу предков — и войско Мстислава, разбитое мужеством ратным и чудом небесным, обращается в бегство: что не взято в плен, то гибнет на возвратном пути от города в землях, грабительством обращенных в пустыню. В сие время Ростиславичи с согласия Андреева господствуют в Киеве, но скоро союз между ними и суздальским князем разрушен. Возбужденный Олеговым внуком, Андрей вооружает сильное войско. Вверенное последнему сыну его Георгию, оно соединяется с дружинами Святослава Черниговского и им предводимое завоевывает Киев; но оно покрывает себя стыдом при осаде ничтожного Вышегорода, где храбрость Мстислава Ростиславича торжествует над бесчисленными дружинами Андрея. С расстроенными их остатками Георгий возвращается в Суздаль, и твердый отец его смиряется перед новым бедствием, видя в нем наказание неба за поругание святыни церковной в Киеве. Южная столица отдана Ярославу Луцкому, союзнику и предателю Андрея, но постыдный мир, заключенный им со Святославом Черниговским, побуждает Ростиславичей снова прибегнуть к суздальскому князю, и снова союз их готов утвердиться… но вдруг Андрей погибает от ножа любимцев и слуг своих: Суздальская область бунтует; бездыханный труп государя, славного, мужественного, справедливого и до конца дней своих любимого, поруган; ненависть народная мстит праху властителя за насилия вельмож его.

Сие убийство князя едва не наносит смертного удара и юному его княжеству, столь недавно сильному, а вдруг раздробленному; Ростиславичи племени Георгиева, нареченные князьями на Владимирском вече, враждуют за него с Михаилом, Андреевым братом. Минутное торжество сих князей неопытных уничтожается грабительством их бояр и собственною их жадностью корысти. Приведенный в ужас поруганием чудотворной иконы Вышегородской, безумно отданной Глебу Рязанскому, Владимир, соперник Ростова, призывает Михаила: Ростиславичи изгнаны, усмиренный Глеб возвращает священную свою добычу, и тишина водворяется в Суздальской области под властью князя, достойного власти. Но он княжит не более двух лет: на трон его восходит двадцатилетний Всеволод, третий именем, прославленный в летописях титлом *Великого*.

Княжение Всеволода начинается междоусобием с Ростиславичами северными; ненависть древнего Ростова к юному Владимиру вооружает их против великого князя; но они побеждены и взяты в плен вместе с союзником своим Глебом Рязанским; Глеб умирает в темнице; а Ростиславичам, ослепленным взбунтовавшимися владимирцами, возвращают свободу и, чудом прозревшие, приняты Новым-городом. Раздраженный сим своевольством, Всеволод мстит новогородцам разорением областей их; а они, ему в досаду, призывают храброго Мстислава Ростиславича, *всегда готового на дела великие*, который,

ознаменовав кратковременное княжение свое победами в Эстонии, умирает, приготовляясь к подвигам новым. Избрание на место его сына Святославова ссорит великого князя с Олеговым внуком. Святослав, княживший тогда в Киеве, добровольно уступленном ему Ростиславичами, замыслив изгнать их из всех городов днепровских, начинает войну и с ними и с великим князем; но Всеволод, встретив его в Суздальской области, одерживает победу без сражения, и Святослав удаляется в Новгород, где принят как победитель; а в области Днепровской, где за враждующих князей с обеих сторон дерутся наемники их половцы, Киев по-прежнему остается за Святославом, а Ростиславичи удерживают города днепровские. Покорность Новагорода, снова признавшего верховную власть Всеволода, мирит его с Святославом. Тогда оружие южных князей обращается против общих врагов: они одерживают знаменитую победу над половцами на берегах Орели. Но сия победа возбуждает завистливое славолюбие не участвовавших в ней князей северских. Игорь, не устрашенный затмением солнечным, которое *тьмою путь ему прегородило, вступает в златое стремя, спеша к Дону великому, дабы преломить копье конец поля половецкого и испить шеломом Дона*. К нему присоединяется удалый брат его Всеволод, *яр тур* в битве, с дружинами курян, *отважных кметей, под трубами повитых, под шеломами взлелеянных, концом копья вскормленных, скачущих по полю серыми волками, ища себе чести, а князю славы*. Отваженные победою в первой битве, князья русские неосторожно вступают во глубину степей: дремлет *храброе гнездо Олегово, далеко залетев*, и половцы бегут им навстречу *неготовыми дорогами*, стекаясь *от Дона от моря, от всех стран*. Князья с дружинами окружены: *варвары криком поля преграждают, а витязи русские щитами червленными*; наконец начинается бой отчаянный, продолжающийся три дня: *с утра до вечера, с вечера до света летают стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат булатные копья, черна земля под копытами залита кровью, костями посеяна; на третий день падают знамена Игоревы: недостает вина кровавого и русские храбрые воины, пир докончивши и сватов попоивши, кладут свои головы за русскую землю, а Игорь, разлучившийся с милым братом Всеволодом на бреге быстрой Каялы*, вместе с ним и сыном отведен пленником в половецкую землю[11]. Скоро после сего народного бедствия умирает Святослав, состаревший в мятежах и коварстве, непостоянный в союзе, враг чужих, своих и отечества для выгоды личной, но государь умный, целомудренный, трезвый и по наружности христианин усердный. По смерти его снова загорается война междоусобная между Ростиславичами, овладевшими Киевом (им помогает великий князь), и Святославовым братом Ярославом (с ним соединяется Роман Волынский); но мир особенный, заключенный не в пользу Ростиславичей Всеволодом, который никого из враждующих не хочет усилить успехом, и смерть самого Ярослава прекращают эту войну. И сей мир скоро опять нарушен: Всеволод Чермный, сын Святос-

лава, берет Киев и оскорбляет самого великого князя изгнанием сына его из южного Переяславля. Всеволод подымает оружие; но не дошед с войском до Москвы, с пути на Чернигов, вдруг обращается на Рязань: ввергнув в оковы князей Рязанских, обвиненных в предательстве, он разрушает упорствующий Пронск и одним ударом присваивает себе всю Рязанскую область. Между тем Всеволод Чермный усмирен, и Рюрик Ростиславич снова в Киеве; но он уступает его добровольно Чермному, берет в замену Чернигов, и мир утверждается между Ростиславичами, Олеговым родом и великим князем. В сие время Новгород, дотоле безусловно покорный владычеству Всеволода, смирившего наконец буйное вече, дерзновенно свергает власть его и отдается Мстиславу, сыну *храброго* и столь же храброму. Всеволод, благоразумно умеренный, избегает новой войны, не мстит новогородцам и остается в согласии с Мстиславом. Наконец сей великий государь умирает не в глубокой старости, княживши более 35 лет, твердо и счастливо, *не обинуясь лица сильных и не туне нося меч ему Богом данный*, благий для добрых, строгий для злых, иногда жестокий во мщении, в битвах мужественный, в каждой победитель, но и в мужестве всегда осторожный, наконец могущий единовластитель в своей области, если не в целой России, *сильный веслами Волгу раскропить и шеломами Дон вычерпать*. В гневе на старшего сына своего Константина он пред смертию отдает престол второму сыну Георгию и тем поселяет несогласие между братьями.

В его знаменитое княжение (коим утвердилось могущество северного Владимира, а сану великокняжескому возвращено утраченное уважение) происходят великие перемены в области Галицкой. По долгом счастливом правлении умирает Ярослав Галицкий, прозванный за ум и за красноречие *остомыслом*, один из достойнейших государей своего времени, умевший постигнуть, что государство внутренним устройством надежнее утверждается, нежели силою воинскою, друг тишины, но всегда готовый к войне, которую вел не сам, а через бояр своих, уверенный, что для государя дела гражданские важнее военных; наконец счастливый на троне, но несчастный в семейственной жизни супругою и сыном. Древний певец, обращаясь к нему, говорит: *высоко сидишь ты на златокованном престоле, подпер Угорские горы своими полками железными, заступив путь королю, затворив Дунаю ворота*; *грозы твои по землям текут*; *отворяешь врата Киеву*; *стреляешь с отцовского златого престола в земли далекие*[12]. Ярославов развратный сын Владимир, устраненный от престола отцом, но возведенный на него боярами и скоро ими низверженный, ищет защиты у венгров, находит одну неволю, и Галицкая область покоряется Андрею, королю венгерскому. Озлобленный бунтом за Берладникова сына (разбитого, плененного венграми и скоро умершего в плене от яда), Андрей жестоким тиранством своим обращает народ к отверженному им Владимиру, который, спасшись бегством из неволи, с помощью ляхов восходит опять на престол галицкий и сохраняет

его до смерти под защитою сильного Всеволода. С кончиною Владимира угасает знаменитое племя галицких Ростиславичей, и мужественный Роман Волынский возводит на галицкий трон Мономахово потомство. Государь великий, но тиран свирепый, ненавидимый боярами и народом, но твердый помощью ляхов, Роман удерживает в сильной руке своей господство, дружится с Андреем Венгерским, воюет во Фракии с половцами за империю, на Днепре с Ольговичами и тестем Рюриком Киевским (который им схвачен и пострижен), и наконец погибает в Польше. Память о нем долго сохраняется и в его собственной Волынской области, где, властвуя без тиранства, он умел приобресть любовь народную, и в землях соседственных, испытавших его оружие и жестокость (особенно в Литве, где еще долго после него жила пословица: *Романе, Романе, не добром живеши, Литвою ореши*), и в Галиции, где ненависть народная к отцу обращается на его семейство. Смерть Романа оставляет Галицкую землю на произвол мятежей внутренних и властолюбия соседей, Ольговичей, поляков и венгров. Малолетние сыновья его Давид и Василько скитаются без приюта с своею матерью, прославленною великодушием в бедствии, а их наследие достается князьям северским, сыновьям Игоря, которых безумное междоусобие скоро предает Галич тиранству венгров. Соединенные бедствием, Игоревичи возвращают престол и снова теряют его от своей безрассудной свирепости, вооружившей на них всеобщую ненависть: бояре зовут Даниила; с помощью Андрея Венгерского мужественный отрок восходит на трон Романов; а сыновья Игоря (кроме Владимира, спасшегося бегством), выданные изменою венгров, мучительски умерщвлены мстительными боярами.

При восшествии на престол Георгия Всеволодовича, освободившего из заточения князей рязанских, область Владимирская является раздробленною на несколько уделов: между Константином и Георгием загорается междоусобие, но оно скоро прекращено ненадежным миром. В то время в Новогороде владычествует мужественный Мстислав. К его защите прибегают сыновья и племянники умершего Рюрика Ростиславича, изгнанные из городов днепровских Всеволодом Чермным. Подобно отцу *всегда готовый на дела великие*, Мстислав вооружается, идет на юг с дружинами новогородскими и смоленскими, война решена одним ударом, утраченные области возвращены Ростиславовым внукам, а Всеволод Чермный, изгнанный из Киева, умирает в Чернигове, оставив престол сыну Михаилу. Тогда Мстислав, уже давно обративший тайные помыслы на отдаленный, мятежами растерзанный Галич, удаляется в южную Россию, ободрив опечаленных новогородцев обетом явиться к ним по первому крику народного бедствия. Сия минута скоро наступает. Ярослав Всеволодович переяславский, зять Мстислава, призванный на его место, князь умный и бодрый, но жестокий, начинает княжение свое строгостью: поссорясь с новогородцами, он удаляется в Торжок и явною враждою, заточением и ссылкою многих граж-

дан, бедствием города, им самим произведенного, доводит Новгород до отчаяния; народ вопиет; князь его неумолим; вдруг на дворе Ярославовом является верный Мстислав; Новгород оживает; знамя войны воздвигнуто, и славная Липецкая битва, отмстив Ярославу, решает в то же время и судьбу великого княжества Владимирского: Георгий, державший сторону Ярослава (и вместе с ним перед битвою в шатре своем разделивший Россию), низвержен, а старший брат его Константин, Мстиславов союзник, возведен на престол владимирский.

Сей князь благодушный, заступник за Ярослава перед раздраженным его тестем, примиренный с Георгием, который наречен от него наследником, властвует кротко и возбуждает в князьях, боярах, гражданах и своих домашних искреннюю к себе любовь; но, чуждый и справедливой строгости, оставляет ненаказанным страшное преступление князей рязанских, Глеба и Константина, совершивших разом шесть братоубийств на дружеском пиршестве, которое уготовили они для погибели своих родственников. Избегнув суда человеческого, Глеб не избегает суда небесного: над ним совершается бедствие древнего Святополка; пораженный Ингварем Рязанским, он бежит в половецкие степи, но там погибает, обезумленный мстящею совестью. Константин, после трехлетнего мирного властвования, умирает оплаканный всем народом, и Георгий Всеволодович вторично восходит на трон отца своего.

Роковое имя сего князя невольно возбуждает в душе благоговейный трепет: оно говорит об ужаснейшем бедствии нашего отечества, о *начале времен*, перед коими все минувшие, столь смятенные и тяжкие, должны казаться золотыми; оно невольно обращает мысль и на судьбу всего человечества. Произнося его, воспоминаем, что в жизни народов, как и в жизни природы, бывают сии вулканические потрясения, коих никакая человеческая мудрость ни отвратить, ни преодолеть не в силах: надолго исчезает общее благоденствие, и целые столетия проходят в бедствиях прежде, нежели новое счастливейшее поколение мирно расцветет на лаве минувших лет[13], над безмолвными остатками предков, ею навсегда поглощенных. Зло порождает наконец благо. И о сем *необходимом*, быстром или позднем, *произрастании блага* на почве бедствий, удобряемой бодрствующим Провидением, утешительно проповедует нам история. Извлекая из событий свои наставления, она говорит *человечеству*: ничто не зиждется слабою волею человека; один есть верный, сильный, но медленный создатель лучшего — *Время*![14] Оно послушно единому Богу. Она говорит *властителям*: будьте согласны с нашим веком; идите с ним вместе: впереди, но ровным шагом; отстанете — он вас покинет; повлечете его быстро вперед — ниспровергнете всё и себя; осмелитесь преградить ему дорогу — он вас раздавит. Ваше могущество не в одном державном владычестве — оно и в достоинстве и в благоденствии вашего народа. Она говорит *народам*: покорствуйте порядку; сносите с достоинством и твердостью бремя настоящего; свергнуть его силою — есть

произвольно отворить жерло вулкана: лава его может быть плодотворна, но для времен отдаленных; губить настоящее для пользы грядущего есть преступление безумства, которое прихотливо зажигает дом свой, в надежде, что из пепла его воздвигнется лучший. Наконец она говорит *каждому*: храни святыню клятвы и закона; знай свое место на земле и стой на нем твердо; как человек, образуй себя для высшего мира и твори, что велит совесть[16], просвещенная христианством; как гражданин, совершай вполне, что велит особенный долг твой; люби общее благо, но заботься только о вверенном тебе частном[17]; там нет закона, где каждый законодатель; там нет свободы, где каждый властитель; где каждый на своем месте покорен закону, там и для всех совокупно нет другого властителя, кроме закона. Таковы советы истории, которым мы *властны* последовать[18]. Но она говорит нам и о *неизбежном*, о таком, где наша воля ничто перед высшею, всё одолевающею силою. Она говорит нам, что бывают времена *темные*, в коих для самого зоркого ока видимо одно только испытующее Провидение и невидимы тайные пути его. Счастлив властитель, счастлив народ, коих подобные времена застают нерасслабленными, которые в стремительном их потоке не теряют ни собственного достоинства, ни деятельности бодрой, ни сладкой надежды на будущее. Чтоб верить сему лучшему, довольно произнести одно слово: Бог! История человечества есть Бог в своих действиях.

Сии темные времена испытания наступают для России во дни Георгия Всеводовича; но они застают Россию расслабленною: нет единства, нет союза, нет нравов, нет истинной силы властителей, нет достоинства народного, нет государства. Такая Россия способна ли устоять перед нашествием великого бедствия, и что должно с нею совершиться, когда сие бедствие одолеет ее?

В начале Георгиева княжения мы видим храброго Мстислава еще князем новогородским; но скоро он опять удаляется в южную Россию, призванный бедствиями Галицкой области. Там бунтуют мятежные бояре; юноша Даниил лишен престола; великодушная мать его должна спасаться бегством; венгры, поляки (друг другу завидующие, но согласные в намерении задушить рождающееся могущество Галича), Мстислав Немый, Александр Бельский и вельможа галицкий Владислав волнуют и рвут на части бедную область; наконец с общего согласия она отдана Коломану Венгерскому; поляки получают свои участки, а сыновья Романовы ограничены уделами в Волынии; мир восстановлен, но скоро опять нарушен утеснением веры народной и враждою Андрея с Лешком Польским, который, утратив галицкие уделы свои, обращается наконец к Мстиславу Новогородскому, дабы его мужеством сокрушить владычество венгров. Мстислав является, быстро завоевывает Галич, усыновляет Даниила, отдав за него свою дочь; но скоро должен воевать с соединившимися против него ляхами и венграми, сначала побежден, потом, усиленный союзом с половцами, одерживает решительную победу, берет в плен самого Коломана и (более

воин, нежели политик), поверив хитрым советам вельможи Судислава, заключает мир, выгодный для одного побежденного короля венгерского, коего малолетнему сыну обещана в супружество другая дочь Мстислава и вместе с нею, как приданое, вся Галицкая область.

Между тем Новгород, покинутый мужественным князем своим, борется с внутренними неустройствами и с нападениями врагов внешних. Еще во время Всеволода Великого, по следам Мейнгарда, первого латинского проповедника и строителя первой латинской церкви в Ливонии, является там властолюбивый Альберт, воин-епископ, основатель Риги и ордена меченосцев. Южная Ливония покорена мечом кресту; Альберт разделяет ее с своими рыцарями, признающими верховную власть его, и везде воздвигаются крепкие за́мки воинственных поборников веры. С другой стороны являются литовцы, дотоле данники России, теперь враги опасные, возмужавшие в бедственных ее междоусобиях. Тогда же на берегах северной Эстонии утверждаются датчане, коих мужественный король Вальдемар строит Колывань или Ревель, и грабительствуют шведы, уже испытавшие силу новогородцев, которые, пристав к берегам Швеции, недалеко от Стокгольма, разрушили до основания город Одинов Сигтуну. Принужденные бороться с соседями сильными, новогородцы призывают наконец своего бывшего врага, Ярослава Всеволодовича, который вносит войну в северную Ливонию, где продолжают свирепствовать шведы и датчане и где наконец отчаяние народа, вспыхнувшее в общем бунте, ниспровергает Спасителев Крест, водруженный кровавым мечом враждующих между собою пришельцев.

В сие-то смутное время, в первый раз, в 1224 году, по всей России раздается слух о татарах. Орды монголов, дотоль таившиеся в отдаленной Азии под игом татар-ниучей, но вдруг освобожденные сильною рукою Чингисхана и вместе с ним непобедимые, под грозным именем монголо-татар, быстро завоевывают все необъятное пространство Азии от Аральского моря до Инда. Еще гром распадающихся царств не достиг до России, беззаботно терзающей свою внутренность, а Чингисхановы завоеватели уже проникают сквозь ущелья Кавказа, и, победив антов, преследуя половцев, подходят к южным ее пределам. Ее князья, взволнованные ужасом беглецов половецких, безрассудно вступаются за прежних грабителей земли русской. Со всех сторон из южной России (преступно оставленной на произвол судьбы великим князем) сходятся войска на берега Днепра. Умерщвление послов татарских решит войну, а гибельное честолюбие вождя, Мстислава Галицкого, который один хотел схватить победу, и бегство малодушных половцев — решит плачевную битву на Калке. Русское войско с шестью князьями истреблено; Мстислав и верный сподвижник его Даниил спасаются бегством в Галич, а ополчение татар (коего вожди, сидя на пленных, раздавленных под досками князьях, празднуют на поле битвы победу) преследует бегущих до Днепра, но вдруг обращается на восток и исчезает, как страшное привидение.

Сей громовой удар остерегающего Промысла пробудит ли Россию? Нет! увлекаемые роком, ее князья безумными распрями продолжают изнурять силы свои, столь нужные для отражения вооружающегося на них поработителя. Бунтующий Новгород, принужденный сражаться с ливонскими рыцарями и отбивать нападения литовцев, более и более дерзких, опустошаемый голодом и мором, колеблющийся между враждующими за него Ярославом Всеволодовичем и Михаилом Черниговским, наконец остается во власти первого, который скоро потом, сделавшись киевским князем, поверяет его юному сыну Александру, столь знаменитому впоследствии. Между тем в Галицкой области горит война. Мстислав, ее обладатель, ссорится с нареченным зятем, Андреевым сыном, и, победив его, снова неблагоразумным миром теряет все выгоды победы: супружество Мстиславовой дочери с побежденным князем утверждает за венграми Галицкую область. Через несколько времени Мстислав умирает, горько раскаиваясь в несправедливости к пренебреженному им Даниилу. Сей бодрый князь оружием добывает Галич, берет в плен Андрея, великодушно возвращает ему свободу, но, одолевши брата его Белу, сам, побежденный коварством бояр и хитрым соседом Александром Бельским, принужден уступить Андрею престол, и снова по смерти Андреевой на него восходит, избранный вопреки боярам любовью народа. Но он владычествует недолго: пораженный половцами в несчастной войне с Михаилом черниговским за киевского князя Владимира (взятого варварами в плен), он теряет и Галич, завоеванный Михаилом. Напрасно предлагает он союз и покорность венгерскому королю Беле, наследнику Андрея: раздробление Галицкой области полезнее венграм союза с единовластными князьями ее, и Михаил остается в Галиче, а сын Романов принужден довольствоваться одним Перемышлем.

Так проходят тринадцать лет после кровавой битвы на Калке. Между тем Чингисхан умирает. Октай, его сын, наследует могущество и завоевательные замыслы отца своего. Посланный им Батый с тремястами тысяч монголов идет к северным берегам Каспийского моря и скоро потом приближается к Волге. Ниспровергнув столицу болгаров, он быстро вторгается в пределы России. Первою жертвою варваров становятся южные области Рязани, преданной им виновною беззаботностью Георгия: Пронск, Белгород, Изяславец истреблены; Рязань погибает вместе с своим князем и всем народом. Батый, изумленный мужеством Евпатия, напавшего с горстью храбрых на всё ополчение, устремляется к северу, поражает русское войско в Коломенской битве, жжет Москву, разрушает Владимир (где сыновья великого князя, Всеволод и Мстислав, гибнут среди дружины, а всё остальное семейство его в пламени), и страшно подвигается вперед, как огненная лава. Городец Волжский, Костромской Галич, Ростов, Ярославль, Юрьев-Польский, Переяславль-Залесский, Дмитров и еще четырнадцать городов разом разрушены; наконец на берегах Сити, вместе с русским войском и

великим князем, погибает последняя надежда России: плененный Василько зарезан и брошен в лесу, Волок-Ламский, Тверь, Торжок сожжены; Новгород ждет истребления. Но за сто верст от сего города, устрашенный лесами и болотами севера, Батый внезапно обращается на юг, и, уничтожив Козельск, коего мужественные жители падают все на трупах пораженных ими врагов, уходит к Дону в половецкие степи. Ярослав Всеволодович спешит из Киева принять достоинство великокняжеское на развалинах сокрушенного Владимира.

Что представляется нам, когда обращаем глаза на сии неполные два века, протекшие от смерти Ярослава до истребительного Батыева нашествия? Печальное зрелище великой державы, влекомой самими властителями ее к бездне погибели. В конце сего периода мы видим Россию в совершенном бессилии; но еще ни одна из областей ее не тронута мечом иноземного завоевателя, ибо соседи, хотя уже более опасные, не достигли еще всего своего могущества. Еще Литва, столь грозная для нас впоследствии, высылает на нее одни нестройные, легко отражаемые толпы разбойников; на западных пределах, против поляков и венгров, счастливым случаем, стоят на страже князья мужественные: Владимирко, Ярослав, Роман Волынский и Мстислав Новогородский; епископы рижские и меченосцы только что начинают утверждаться в упорствующей Ливонии; болгары, невоинственные как и прежде, неподвижны за Волгою; сами половцы, главные враги сего времени, ослабленные счастливыми победами Мономаха, Мстиславов и Всеволода, страшны одним грабительством и союзами с враждующими между собою князьями, а не силою завоевательною. Одним словом, еще *вся* Ярославова Россия существует, а могущество ее уже исчезло.

Что утверждает могущество государства? Устройство внутреннее, плод долговременного мира. Под сенью мира мужает *власть* верховная, твердою *законностью* утверждается на *частном* благоденствии благоденствие *общее*; становятся ясны взаимные *отношения* между государем и подданными: любовь и уважение властителя к народу производит любовь и уважение народа к властителю; тогда глубоко врезывается в сердца и любовь к отечеству[19], не то естественное чувство, коим лапландец прикован к снежным сугробам севера, а бедуин к раскаленным пескам пустыни; но высокое чувство благородного гражданина, для которого в одно слово — *отечество*, соединяется всё, что драгоценно душе человеческой — и небо отчизны, и счастливая под ним страна отцов и братьев, и величие властителя, неразлучное с величием народа, с благоденствием всех, с достоинством каждого, и свобода, хранимая законом, и просвещение, более и более объясняющее высокое назначение человека[20], и религия, на всё кладущая лучезарную печать свою, и в минувшем славный пример отцов, великих гражданскою доблестью, или мужеством бранным, или творческою мыслью, и в настоящем чувство высокой, деятельно-полезной, ничем не стесняемой жизни, и в будущем спокойное ожидание лучшего. С такою любо-

вью к отечеству в душе государя — благоденствие народное твердо, в душе народа — могущество государя непотрясаемо.

Но что же могло породить ее в сии времена раздоров, буйного самовластия и неразлучного с ним безначалия? Понятие о благе народа, начинавшее расцветать в душе Владимира и Ярослава — которые, властвуя долго, могли постигнуть великие обязанности властителей — затмевается совершенно для их последователей. Князья воюют между собою и своими враждами разоряют отечество или предают его на произвол иноземных грабителей[21]. Напрасно в сей общей битве раздается примирительный голос Мономаха: его душа, пролетевшая, как светлый призрак благоденствия, над мрачным полем бедствий всеобщих, оставляет одно умилительное воспоминание потомкам; но жребий отечества не изменяется. Князья с неограниченною, но мало надежною властью, народ с безусловным, но часто мятежным рабством, соединенные без любви взаимной единою необходимостью, ожесточаются среди междоусобий, ежеминутно возжигаемых или жадным хищничеством, или неопределенностью наследственного права, или родовою ненавистью, или прихотливым буйством и мужеством беспокойным. В сем необузданном мятеже страстей *нравственная сила* государства исчезает. Тень христианства, один язык и общая ненависть к врагам неверным составляют еще слабую связь разрушенного государственного тела; но добродетели гражданские не существуют: развращаемые хищничеством, предательством и притеснениями князей, ожесточаемые ненаказанным грабительством бояр и любимцев княжеских, нравы народа свирепеют; любовь к отечеству гаснет и самое безмолвное рабство нередко является раздраженным бунтом. Одно только мужество *личное* зреет; но и оно не иное что, как дикая удалость, питаемая корыстью или мятежным желанием славы. С нравственною силою государства разрушается и его *сила материальная*. Падает величие Киева, и северный Владимир занимает его место. Но сие событие, печальное в настоящем, спасительно для будущего. Андрей, утвердивши престол во Владимире, предает полуденную Россию на произвол междоусобий внутренних; но, оставшись в Киеве, он, вероятно, не одолел бы многочисленных врагов своих, а северная Россия не могла бы образоваться и сделаться наконец могущественно-самобытною. Удалясь на север, менее взволнованный мятежами, не столь привлекательный для жадных грабителей, не угрожаемый соседями сильными, он сосредоточивает в нем силу великокняжескую и приготовляет его некогда быть колыбелью *единодержавия*. Но пример Андрея, постигшего сию спасительную мысль единодержавия, мало действует на его последователей: сам великий Всеволод, умевший присвоить себе власть единую, делит наследие Андреево между детьми, неспособными властвовать; а сын его Георгий своею преступною беззаботностью о благе общем губит себя и Россию. Тогда начинается грозное испытание варварского иноземного рабства, продолжавшееся более двух столетий.

Что же, одним словом, низвергло отечество наше в сие долговременное бедствие? С одной стороны *раздробление* государства, которым уничтожалась его сила материальная; с другой несчастное *отношение государей к подданным*, которым в самом зародыше умерщвлена была его нравственная сила. Мы увидим, что с утверждением *первой* и постепенным развитием *последней* в могучее *самодержавие*, Россия воскреснет, собственною силою возвратит свободу, и наконец, облагороженная великою душою некоторых государей, займет свое место между образованными державами Европы, дабы некогда сравниться с ними во всем, что составляет истинное достоинство всякого государства.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Древняя история
II. Времена уделов

III
Свержение ига татарского
1363—1462

Димитрий Иоаннович Донской
1363—1389

Димитрий Иоаннович, удостоенный великокняжеского сана ханом Муратом, желая господствовать безопаснее, искал благосклонности и в другом хане, Авдуле, сильном Мамаевою ордою. Но, угождая обоим ханам, он оскорбил того и другого и скоро сведал, что Мурат прислал ярлык на великое княжение Димитрию Константиновичу, который занял Владимир. Но гнев царский уже не казался гневом небесным: внук Калитин изгнал Димитрия Константиновича из Владимира и оставил его властвовать в Суздале как своего присяжника.

Мысль великого князя или умных бояр его мало-помалу искоренить систему уделов оказалась ясно: он выслал князей Стародубского и Галицкого из их наследственных городов и обязал Константина Ростовского быть в совершенной зависимости от главы России. В сие же время, лишась матери и брата, Димитрий заключил с двоюродным братом Владимиром Андреевичем договор, выгодный для обоих. Владимир, признавая Димитрия старшим, обязался доставлять ему с своего удела известную дань ханскую и участвовать во всех его походах воинских, получая во время службы жалованье. Отнимая уделы

у свойственников дальних, великий князь не хотел поступить так с ближним, и княжество Московское оставалось еще раздробленным.

Между тем в Сарае один хан сменял другого: преемник Муратов, Азис, думал также низвергнуть Калитина внука, и Димитрий Константинович получил снова ханскую грамоту на великое княжение, но, видя слабость свою, он дал знать Димитрию Московскому, что предпочитает его дружбу милости Азиса и навеки отказывается от достоинства великокняжеского. Скоро открылся случай великому князю изъявить благодарность свою за такую умеренность. Андрей Константинович Нижегородский преставился. Меньший брат его, Борис, занял его область. Князь Суздальский обратился к Московскому. Святой Сергий был послан звать Бориса на суд великокняжеский, но Борис, утвержденный на престол ханскою грамотою, ответствовал, что князей судит один Бог. Сергий, по повелению митрополита, затворил все церкви в Нижнем, но и сия духовная казнь не имела действия. Надлежало привести в движение сильную рать московскую, и Борис смирился, уступил Нижний брату и согласился взять один Городец, а великий князь, благодеянием привязав к себе Димитрия Константиновича, женился после на его дочери Евдокии.

V. (8—10). 1364[1]. Сие происшествие случилось в год, ужасный для Москвы. Моровая язва, опустошавшая Россию в княжение Симеона, вторично ее посетила, и Москва в 1364 году испытала сие бедствие. Незадолго пред оным она претерпела и другое: пожар, какого еще не бывало. Он называется в летописях *Всесвятским*, ибо начался церковию Всех Святых. Город разделялся тогда на *Кремль, Посад, Загородье* и *Заречье:* в два часа огонь, развеваемый бурею, истребил их совершенно. Тогда великий князь, видя, сколь ненадежны укрепления деревянные, решился построить каменный Кремль, и заложил его весною 1367. Сия предосторожность была тем необходимее, что Россия действовала уже явно против своих утеснителей. Тагай, мурза Ордынский, выжег нынешнюю Рязань и был разбит князем Олегом в кровопролитном сражении. Столько же счастливо наказал и Димитрий Нижегородский другого могольского хищника, Булат-Темира, который, овладев течением Волги, бежал от наших князей за реку Пьяну, где татары были истреблены; сам же Булат, ушедший в Орду, был умерщвлен ханом Азисом. Сии ратные действия предвещали важнейшие.

1367. В сие время возгорелось междоусобие между князьями Тверскими: Василием Михайловичем Кашинским и Михаилом Александровичем Микулинским. Великий князь держал сторону Василия. Михаил уехал в Литву; возвратясь с войском литовским, он взял Тверь и осадил в Кашине Василия. Епископ примирил их, и Василий должен был довольствоваться одним Кашинским уделом, уступив старейшинство племяннику. Великий князь участвовал в сем мире и подтвердил его, но прозорливые советники Димитриевы, боясь замыслов Михаила, который называл себя *великим князем Тверским,* употребили хи-

трость. Михаила позвали в Москву дружелюбно и ласково, дабы рассудить его с Иеремием Константиновичем, принесшим на него жалобу. Обнадеженный словом митрополита Св. Алексия, он въехал в Москву гостем и сделался невольником. Но прибытие ханского вельможи Карача заставило советников Димитриевых освободить узника; вероятно, что Святой Алексий, невольно вовлеченный в дело, противное совести, удержал их от дальнейшего насилия. Михаил удалился, раздраженный против Димитрия, вельмож его и митрополита.

1368. Надлежало довершить оружием, что начали коварством. Василий Кашинский умер. Великий князь, как бы желая защитить сына его, Михаила, послал войско в Тверь, а Михаил Александрович ушел к Ольгерду (женатому на его сестре). Сей литовский государь, воюя непрестанно более двадцати лет с орденом, поляками, россиянами, купил славу героя погибелью людей и пеплом городов; бодрый в летах старости, он все еще искал новых приобретений. В 1363 году он ходил к устью Днепра, где кочевали три орды могольские; разбив их, гнался за ними до самой Тавриды, опустошил Херсон, и с тех пор заднепровские татары находились в некоторой зависимости от Литвы. Сей поход не препятствовал ему беспокоить Россию: его военачальники взяли Ржев, но юный Владимир Андреевич возвратил сей город. Ольгерд ревностно вступился за шурина. Собрав многочисленные полки, он выступил к пределам России с братом Кестутием, также поседевшим в битвах, и с сыном его, отроком Витовтом, будущим грозным героем. Никто не знал, куда шло войско литовское; в Москве не ведали о цели похода его до самого того времени, как оно приблизилось к нашим границам. Изумленный великий князь отправил гонцов для собрания войска, а навстречу Ольгерду послал боярина Минина с полками московскими, коломенскими и дмитровскими. Ольгерд, свирепствуя как лев в российских владениях, шел вперед и близь Тростенского озера ударил всеми силами на воеводу Минина. Полки московские были истреблены совершенно. Победитель явился перед Москвою, где великий князь с братом Владимиром Андреевичем и с митрополитом затворился в Кремле, обратив в пепел окрестные здания. Три дня Ольгерд стоял под стенами, грабил церкви, монастыри; наконец, довольный корыстию и множеством пленных, он отступил и через несколько времени вышел из России, хваляся тем, что она долго не забудет его нашествия.

1370. Потрясенная Москва имела нужду в отдохновении. Великий князь возвратил Михаилу спорную область Симеона Константиновича, но не замедлил снова объявить ему войну: принудил его бежать в Литву, взял Зубцов, Микулин и пленил множество людей, чтобы ослабить державу опасного противника. Михаил вздумал свергнуть Димитрия посредством татар. Уже Мамай силою и хитростию соединил так называемую *Золотую* или Сарайскую Орду, где царствовал Азис, и свою Волжскую, объявил ханом Мамант-Салтана и вла-

ствовал под его именем. К нему обратился Михаил и получил от него грамоту на сан великого князя. Посол ханский должен был ехать с ним во Владимир, но конные отряды московские спешили занять все пути, дабы схватить тверского князя, и Михаил едва мог пробраться в Вильну.

Ольгерд, вступаясь за шурина, решился вторично напасть на Москву. Войско его пошло быстро, не смея ни грабить, ни жечь селений, дабы не тратить времени; в исходе ноября оно приступило к Волоку Ламскому, где начальствовал храбрый Василий Иванович Березуйский, но рать многочисленная после трехдневного упорного боя принуждена была отступить от ничтожной деревянной крепостицы. Время казалось дорого Ольгерду. — 6 декабря он и правая рука его, Кестутий, расположились станом близь Москвы; восемь дней разоряли они окрестности, сожгли Загородье и часть Посада и вторично не дерзнули приступить к Кремлю, где начальствовал сам Димитрий; брат его, Владимир Андреевич, стоял в Перемышле с сильными полками, готовый ударить на литовцев с тыла, а князь Владимир Пронский вел к Москве рязанское войско. Ольгерд устрашился, предложил мир и, в залог оного, руку своей дочери Елены князю Владимиру Андреевичу. Димитрий согласился заключить с ним перемирие до июля месяца, и Ольгерд, думая только о себе, не включил шурина в договор мирный.

1371. Оставленный зятем, Михаил вторично обратился к Мамаю, и выехал из Орды с новым ярлыком на великое княжение, но не принял от хана войска, дабы не подвергнуть отечество разорению, а взял только ханского посла, именем Сарыхожу. Ханский ярлык не произвел никакого действия на граждан владимирских. Напрасно Сарыхожа звал Димитрия во Владимир слушать грамоту хана; великий князь ответствовал: *к ярлыку не еду, Михаила в столицу не впускаю, а тебе, послу, даю путь свободный.* Вельможа татарский, вручив ярлык Михаилу, уехал в Москву, где был осыпан дарами и честию, а Михаил возвратился с Мологи в Тверь и разорил часть соседственных владений великокняжеских.

Между тем, Мамай, раздраженный непокорностию великого князя, имел готовое войско для впадения в Россию: надлежало или немедленно восстать на татар, или прибегнуть к старинному уничижению — к дарам и лести. Успех борьбы казался еще сомнительным, и Димитрий решился ехать в Орду. Народ ужаснулся; все трепетали за любимого государя, но Димитрий не поколебался. Хан, царицы, вельможи ордынские и в особенности темник Мамай приняли его с ласкою и утвердили на великом княжении. В Орде находился сын Михаилов, Иоанн, удержанный там за 10 000 рублей, коими Михаил был должен царю. Димитрий, желая иметь в руках столь важный залог, выкупил Иоанна и вместе с ним возвратился в Москву. Но Иоанн был освобожден, как скоро отец заплатил Димитрию означенное количество серебра, и князья попрежнему остались врагами. В отсутствие Димитрия совершилось бракосоче-

тание Елены, Ольгердовой дочери, с князем Владимиром Андреевичем, и мир заключен был в Москве.

Тогда явился новый неприятель, Олег Рязанский. Димитрий, озабоченный иными делами, таил намерение унизить гордость сего князя и жил с ним мирно. Не опасаясь уже ни литвы, ни татар, он скоро нашел причину объявить войну Олегу, неуступчивому соседу: воевода великого князя, Димитрий Михайлович Волынский, с сильною московскою ратию вступил в Олегову землю и, встретившись с полками сего князя, не менее многочисленными, разбил их совершенно. Олег едва ушел, а Рязань была отдана Владимиру Димитриевичу Пронскому, согласному зависеть от князя московского. Но Олег, любимый народом, скоро изгнал Владимира, и Димитрий, встревоженный иными, опаснейшими врагами, примирился с ним до времени.

V. (33—47). 1372. Михаил убедил Ольгерда действовать с ним заодно против великого князя. Но Ольгерд не хотел сам предводительствовать войском, а послал Кестутия, Витовта, сына своего Андрея и князя Димитрия Друцкого разорять наше отечество. Впрочем, сие литовское впадение было одним быстрым набегом. Кестутий осаждал Переславль, опустошив окрестности Дмитрова, и вышел из России, разорив на возвратном пути сами области своего союзника. Михаил занял Торжок, но его наместник *был* изгнан новгородцами из сего города, что было причиною совершенного его истребления. Михаил велел зажечь его с конца по ветру: в несколько часов все здания обратились в пепел; жители были частию умерщвлены, частию ограблены и отведены в плен. Летописцы говорят, что злодейства Батыевы не были в Торжке столь памятны, как Михайловы. Совершив сей подвиг, тверской князь готовился к важнейшему. Набег Кестутиев прервал мирную связь между Литвою и Россиею. Ольгерд спешил предупредить Димитрия и быстро пошел к Москве с многочисленным войском, соединясь с Михаилом близь Калуги, и думал, что москвитяне увидят его только на Поклонной горе. Но войско великого князя уже выступило в поле, разбило его передовой отряд и стало против литовского. Сражения не было. Заключили мир, коим Михаил обязался возвратить московскому князю все у него похищенные владения, а Димитрий признал независимым князя тверского. Таким образом старец Ольгерд заключал свои впадения в Россию, которые могли бы иметь гораздо вреднейшее следствие для ее целости, если бы он нашел в Димитрии менее бодрости и неустрашимости.

1374. Ольгерд не рассудил за благо нарушить перемирие и года два не беспокоил России. Явилась иная опасность: медленно, но грозно восходила туча над великим княжением от берегов Волги. Еще Димитрий соглашался быть данником моголов, но не хотел терпеть от них насилия. Послы Мамаевы, приехав в Нижний с воинскою дружиной, нагло оскорбляли тамошнего князя, Димитрия Константиновича и были умерщвлены раздраженным народом. Мамай не стер-

пел такой явной дерзости и послал войско опустошить пределы Нижегородские, берега Киши и Пьяны, где начальствовал боярин Парфений и где через несколько дней не осталось ничего, кроме пепла и трупов. 1375. Сия месть не могла удовлетворить Мамая: он клялся погубить Димитрия, и российские мятежники взялись ему в том способствовать. В сие время был уничтожен в Москве важный сан тысяцкого: сии чиновники, подобно князьям, имели особенную дружину и были избираемы гражданами, чтобы предводительствовать их людьми военными. Последний московский тысяцкий, Василий Васильевич Вельяминов, умерший схимником, оставил сына, Ивана, который хотел заступить место отца, но, недовольный великим князем, ушел вместе с богатым купцом Некоматом к Михаилу Тверскому и представил ему случай воспользоваться злобою Мамая на Димитрия, дабы отнять Владимир у московского князя. Вельяминов и Некомат отправились в Орду и возвратились с ханскою грамотою на великое княжение, а Михаил сам ездил в Литву: Ольгерд обещал ему войско, Мамай также. Но легкомысленный Михаил, не дав им время исполнить сие обещание, сам начал войну с Димитрием. Великий князь оказал деятельность необыкновенную, предвидя, что он в одно время может иметь дело и с тверитянами, и с литвою, и с моголами. Собралось многочисленное войско на равнинах Волока. Под знаменами московскими находились все князья удельные: Суздальский, Ростовский, Смоленский, Ярославский, Белозерский, Кашинский, Стародубский, Брянский, Новосильский, Оболенский, Торусский. Взяв Микулин, великий князь осадил Тверь. Три недели сей город, знаменитый верностию князьям своим, защищался упорно; между тем все области Михайловы были разорены московскими воеводами. Димитрий ждал новгородцев, которые наконец явились в стан его, пылая мщением за бедствие Торжка. Михаил надеялся на Ольгерда и Кестутия, кои действительно шли к нему на помощь, но, узнав о силе Димитрия, возвратились с пути. Тогда оставалось тверскому князю умереть или смириться: он избрал последнее; послы его явились к Димитрию, требуя милости и спасения, и великий князь показал достохвальную умеренность, предписав Михаилу условия не тягостные, согласные с благоразумною политикой. Сим миром князь Тверской обязался быть союзником Московского против татар и литовцев и признал его над собою старейшим. Виновники сей войны междоусобной, Вельяминов и Некомат, дерзнули чрез несколько времени возвратиться в Москву и были казнены всенародно на древнем *Кучковом поле*, где ныне монастырь Сретенский.

1376. Великий князь, распустив часть войска, послал другую на болгаров с воеводою, князем Димитрием Михайловичем Волынским (потомком Романа Галицкого, выехавшим из Волыни). Казанская Болгария, покоренная Батыем, зависела от моголов. В 1361 овладел ею мурза Булак-Темир. Потом властвовал там Осан, сверженный Димитрием Константиновичем в 1370, еще с согласия

Мамая. Новый поход россиян в сию землю имел важнейшую цель: великий князь, уже явный враг Мамаев, хотел подчинить себе Болгарию. Сыновья Димитрия Суздальского соединились с полками московскими и приблизились к *Казани*, основанной Саином или Сартаком, сыном Батыя. Жители хотели сразиться с россиянами, но не устояли, и владетели города Осан и Махмат-Салтан покорились великому князю, дав ему 2 000, а на воинов 3 000 рублей, и приняв в свой город московского чиновника или таможенника, следственно обязавшись быть данниками России.

1377. Еще Мамай отлагал до удобнейшего времени действовать всеми силами против великого князя, однако ж не упускал случая вредить россиянам. Царевич Арапша, пришедший с берегов Синего или Аральского моря служить Мамаю, выступил с ханскими полками в Нижегородскую область. Великий князь послал войско на помощь к тестю. Оно было многочисленно, но ум предводителей не ответствовал числу воинов. Поверив слухам, что Арапша далеко, они вздумали за рекою Пьяною на степи Перевозской тешиться ловлею зверей; воины следовали сему примеру беспечности: сложили оружие и веселились, забыв опасность. Мордовские князья подвели тайно Арапшу, и татары одержали совершенную победу, коей памятником осталась пословица *за Пьяною люди пьяны.* Татары сожгли Нижний Новгород и, таким образом отомстив за убиение послов Мамаевых, удалились с великою добычею.

1378. В то же время татары взяли и разорили нынешнюю Рязань: князь Олег, израненный, едва мог спастися. Но татары желали только грабить: области Рязанская, Нижегородская, в особенности берега Суры, были опустошены совершенно. В сем грабительстве участвовали и хищники мордовские, но им отмстил князь Городецкий, опустошив ужасным образом всю Мордовскую область. Сия бесчеловечная месть снова возбудила гнев Мамаев на Россию. Нижний Новгород, едва возникнув из пепла, вторично был взят татарами; они приступили к Городцу, сожгли его и, выходя из пределов России, соединились еще с сильнейшим войском, посланным от Мамая на самого великого князя. Но Димитрий, сведав заблаговременно о замыслах неприятеля, имел время собрать полки и встретить татар в области Рязанской, на берегах Волги. 11 августа. Они сами начали битву, были совершенно разбиты и обратились в бегство, оставив весь стан свой в добычу победителям. Довольный сим блестящим успехом, великий князь возвратился в Москву. Сия победа достопамятна тем, что была первою, одержанною россиянами над татарами с 1221 г. Мамай, истинный властитель Орды, во всем повелевая ханом, затрепетал от гнева, услышав о гибели своего войска, собрал новое и столь быстро двинулся к Рязани, что тамошний князь, Олег, не имел времени приготовиться к отпору, бежал за Оку и предал отечество в жертву варварам. Мамай, довольный опустошением, возвратился к берегам Волги, отложив решительный удар до иного времени.

1379. Димитрий между тем успел смирить Литву. Славный Ольгерд умер в 1377 не только христианином, но и схимником. Сын его, Ягайло, злодейски умертвил старца Кестутия, принудил сына его, Витовта, искать убежища в Пруссии. Андрей Ольгердович Полоцкий, держав сторону дяди, приехал в Москву служить великому князю. Пользуясь раздором сыновей Ольгердовых, Димитрий отправил войско к Стародубу и Трубчевску, чтобы сию древнюю собственность нашего отечества снова присоединить к России. Оба города сдалися. В Трубчевске княжил брат Андреев, Димитрий Ольгердович. Ненавидя Ягайла, он не хотел обнажить меча против россиян и предложил услуги свои великому князю, который с благодарностию за то отдал ему Переславль-Залесский *с судом и пошлиною*.

В сие время скончался св. митрополит Алексий. Любимец великого князя, Митяй, отправился в Константинополь, чтобы быть посвященным в митрополиты. Он имел несколько белых хартий, запечатанных печатию великого князя; 3 архимандрита, несколько игуменов, 6 бояр митрополитских и *целый полк* всякого рода людей сопровождали его вместе с послом Димитриевым. Но уже в виду Константинополя Митяй умер. Вместо того, чтобы уведомить великого князя о происшедшем и ждать от него новой грамоты, спутники Митяевы вздумали самовольно посвятить в митрополиты кого-нибудь из бывших с ними духовных: избрали архимандрита Переславского Пимена, и написали на одной из белых хартий Димитриевых письмо к императору и патриарху от имени великого князя. Император и патриарх изъявили сомнение, но Пимен и бояре достигли своей цели щедрыми дарами, посредством других белых хартий Димитриевых заняв у купцов италиянских и восточных столь великое количество серебра, что сей государь долго не мог выплатить оного, и Пимен посвящен был в Софийском храме. Великий князь, оскорбленный самовольством послов своих, объявил Пимена наглым хищником святительства и, призвав в Москву Киприана (уже поставленного прежде в митрополиты греческим патриархом), дабы заступить место св. Алексия, велел остановить Пимена на возвратном пути, в Коломне, и за крепкою стражею отвезти в Чухлому. Посол же великокняжеский, боярин Юрий Олешинский, и все сообщники Пименовы были наказаны заточением. Сие случилось уже в 1381 году, то есть после славной Донской победы.

V. (60—84). Мамай пылал нетерпением отмстить Димитрию за разбитие ханских полков на берегах Вожи, но медлил, набирая из разных народов многочисленное войско, в коем одни служили ему как подданные, другие как наемники. Он вступил в тесный союз с Ягайлом Литовским. К сим двум главным врагам России присоединился внутренней изменник, Олег Рязанский, который, уверенный в погибели Димитрия, страшась Мамаевой силы и надеясь не только спасти свое княжество, но и распространить его области падением

Московского, заключил с Мамаем тайный союз, а Мамай ему и Ягайлу обещал все будущие завоевания в великом княжении, с тем, чтобы они были верными данниками ханскими.

Димитрий в исходе лета сведал о походе Мамаевом: сам Олег, желая скрыть свою измену, дал ему знать, что надобно готовиться к войне. Димитрий немедленно разослал гонцов по всем областям великого княжения, чтобы собирать войско и вести оное в Москву. Целые города вооружились в несколько дней. Ратники тысячами стремились отовсюду к столице. Князья: Ростовские, Белозерские, Ярославские, бояре Владимирские, Суздальские, Переславские, Костромские, Муромские, Дмитровские, Можайские, Звенигородские, Углицкие, Серпуховские, с детьми боярскими или с воинскими дружинами, составили полки многочисленные, которые одни за другими вступали в ворота Кремлевские. Димитрий, устроив их к выступлению, желал с братом Владимиром Андреевичем и всеми князьями и воеводами принять благословенье св. Сергия. Сей старец предсказал Димитрию кровопролитие ужасное, но победу, окропил его и бывших с ним военачальников святою водою и дал ему двух иноков в сподвижники: Александра Пересвета и Ослябю. Полки с распущенными знаменами вышли из Кремля чрез ворота Флоровские, Никольские и Константино-Еленские. В Коломне присоединились к ним дружины полоцкая и брянская, предводимые Андреем и Димитрием, сыновьями Ольгердовыми; более ста пятидесяти тысяч всадников и пеших стало в ряды. Никогда еще Россия не имела подобного войска.

1380. Скоро пришла весть, что Мамай со всею Ордою стоит уже за Доном, и ждет Ягайла: в Коломне явился посол ханский, требуя от Димитрия подданства; ответ великого князя быль умеренный, но решительный: он показался Мамаю дерзким и коварным. С обеих сторон видели необходимость решить дело мечом. Димитрий сведал тогда измену Олега Рязанского, не ужаснулся, но с горестию сказал: *Олег хочет быть новым Святополком;* и, приняв благословение от коломенского епископа Герасима, 20 августа выступил к устью реки Лопасни. Там настиг его князь Владимир Андреевич и великий воевода Тимофей Васильевич со всеми остальными полками московскими, и 26 августа войско переправилось за Оку, в землю Рязанскую. Олег, приведенный в ужас, не знал, что ему делать: он отправил гонцов к татарам, к Ягайлу, стоявшему уже близ Одоева, и трепетал будущего. 6 сентября войско наше приблизилось к Дону. Решились перейти реку, дабы предупредить соединение Мамая с Ягайлом. 7 сентября наведены были мосты, а на следующее утро войско перешло за Дон и стало на берегах Непрядвы. Князь Владимир Андреевич с Димитрием Михайловичем Волынским скрылись с сильным отрядом в засаде. Войско тронулось и в шестом часу дня увидело неприятеля среди обширного поля Куликова. Димитрий, читая псалом: *Бог нам прибежище и сила,* первый ударил на

врагов, и битва скоро сделалась общею. На пространстве десяти верст лилась кровь христиан и неверных. Ряды смешались. С обеих сторон храбрые падали, а малодушные бежали. Неприятель открыл себе путь к большим или княжеским знаменам и едва не овладел ими. Князь Владимир Андреевич, находясь в засаде, кипел нетерпением вступить в бой, но его удерживал опытный Димитрий Волынский. Настал девятый час дня: Волынский, примечая все движения обеих ратей, вдруг извлек меч и сказал Владимиру: *теперь наше время!* Засадный полк быстро устремился на моголов. Сей внезапный удар решил судьбу битвы: татары побежали. Полки российские гнали их до самой реки Мечи; мужественный князь Владимир, довершив победу, стал на *костях* или на поле битвы, под черным знаменем княжеским, и велел трубить в воинские трубы. Отовсюду съехались к нему князья и полководцы, но Димитрия не было. Наконец отыскали его, лежащего под срубленным деревом, бесчувственного от сильного удара, нанесенного ему в битве. Шлем и латы его были иссечены. Он скоро открыл глаза и, услышав о победе, изъявил вторичную благодарность небу. Сев на коня, он объехал поле Куликово, где легло много россиян, но вчетверо более неприятелей: всего на все, по сказанию некоторых историков, до двухсот тысяч; в числе убитых находился и Сергиев инок Александр Пересвет, который еще до начала битвы пал в единоборстве с печенегом, богатырем Мамаевым. Кости сего и другого священнослужителя, Осляби, покоятся доныне близ монастыря Симонова. — Так совершилась знаменитая Донская победа! Ягайло в день ее находился не более, как в 30 или 40 верстах от Мамая; узнав ее следствия, он спешил спасти себя бегством. Димитрий разослал гонцов в Москву, Переславль, Кострому, Ростов; известие о победе, столь решительной, произвело восхищение неожиданное. Все славили Димитрия, единогласно называли его *Донским*, а Владимира Андреевича *Храбрым.* Шествие его от поля Куликова до врат Кремлевских было торжеством непрерывным; народ смотрел на него, как на ангела-хранителя; сие блаженное время казалось истинным очарованием для добрых россиян: оно не продолжилось!

Димитрий готовился наказать изменника Олега. Именитые бояре рязанские приехали в Москву объявить, что князь их ушел с своим семейством и двором в Литву и что Рязань поддается герою Донскому. Великий князь отправил туда московских наместников, но хитрый Олег умел тронуть их знаками раскаяния и возвратился на престол с обещанием отказаться от Ягайловой дружбы и быть заодно с князем Московским в войне против Литвы или моголов. В сем письменном договоре сказано, что Ока и Цна служат границею между княжением Московским и Рязанским и что город *Тула* (названный именем царицы Тайдулы, жены Чанибековой) остается собственностию Димитрия.

Уничиженный Мамай, достигнув своих улусов, горел злобою и хотел еще отведать сил против Димитрия, но судьба послала ему иного неприятеля. Тох-

тамыш, изгнанный из Орды Капчакской ханом Урусом, снискал дружбу славного Тамерлана, властвовавшего тогда уже над обеими Бухариями, объявил себя наследником Батыева престола и шел к морю Азовскому. Мамай встретил его на том самом месте, где в 1224 году моголы истребили войска наших соединенных князей, был разбит наголову, бежал в Кафу и там кончил жизнь свою, коварно умерщвленный генуэзцами. Тохтамыш воцарился в Орде и дружелюбно дал знать князьям российским, что он победил их врага общего. Димитрий и другие князья послали ему богатые дары, но Тохтамыш хотел подданства, хотел властвовать, как Батый или Узбек над Россиею и в следующее лето послал к Димитрию царевича Акхозю и с ним 700 воинов требовать, чтобы все князья наши, как подданные моголов, немедленно явились в Орде. Россияне содрогнулись. Но царевичу сказали в Нижнем Новегороде, что великий князь не ответствует за его безопасность, если он приедет в столицу с воинскою дружиною. Акхозя возвратился к хану.

1382. Прошло около года; вдруг услышали в Москве, что Тохтамыш идет на Россию и что вероломный Олег встретил его близ границы и служит ему путеводителем, указывая на Оке безопасные броды. Сия весть изумила народ. Еще великодушная решимость правителей могла бы воспламенить его ревность; Донской и брат его, Владимир, вступили в поле, но другие князья изменили чести и славе. Великий князь, потеряв бодрость духа, вздумал лучше обороняться в крепостях, нежели искать погибели в поле, и удалился в Кострому с женою и детьми, желая собрать там войско и надеясь, что бояре, между тем, не впустят неприятеля в столицу.

V. (88—96). Тохтамыш, взяв Серпухов, устремился на Москву, где господствовало мятежное безначалие. Не было главы; сам митрополит Киприян выехал из столицы в Тверь; народ, оставленный государем и митрополитом, тратил время в шумных спорах и не имел доверенности к боярам. В сие время явился достойный воевода, юный князь Литовский, Остей, внук Ольгердов, присланный, вероятно, Димитрием. Он успокоил мятеж, и народ приготовился к обороне. Татары 25 августа обступили Москву. Сам Тохтамыш предводительствовал многочисленною их ратию. Начался немедленно приступ, но его отразили. Три дня продолжалась битва, неудачная для осаждающих. Тохтамыш употребил коварство, достойное варвара: он изъявил желание вступить в мирные переговоры. Его послы, подъехав к стенам, сказали, что хан любит москвитян, как своих подданных, что он немедленно удалится, буде жители выйдут к нему с дарами и впустят его в столицу осмотреть ее достопамятности. С послами находились два сына Димитрия Нижегородского; их присутствие обольстило москвитян. Отворили ворота: князь Остей вышел первый из города и нес дары, за ним духовенство, бояре и граждане. Остея повели в стан ханский и там умертвили. Сие было знаком общего убийства.

Татары вслед за бегущими гражданами московскими ворвались в столицу, и Москва обратилась в пепел.

Войско Тохтамышево рассыпалось по всему великому княжению. Владимир, Звенигород, Юрьев, Можайск, Дмитров имели участь Москвы. Жители Переславля бросились в лодки, отплыли на средину города и тем спаслись от погибели, а город был сожжен неприятелем. Близ Волока стоял с дружиною смелый брат Димитриев, князь Владимир Андреевич: он ударил на сильный отряд моголов и разбил его совершенно. Извещенный о том беглецами, хан начал отступать от Москвы, взял еще Коломну и перешел за Оку. Тут вероломный Олег узнал, сколь ненадежна милость татар, купленная изменою: они поступали в его земле, как в неприятельской, и заставили самого Олега скрыться. Тохтамыш оставил, наконец, Россию, отправив шурина своего, Шикомата, послом к князю Суздальскому.

Димитрий возвратился в разрушенную свою столицу. Он велел немедленно погребать мертвых и давал гробокопателям по рублю за 80 тел, что составило 300 рублей; следовательно, в Москве погибло тогда 24 000 человек, не считая сгоревших и потонувших. Еще не успели совершить сего печального обряда, когда Димитрий послал воевод московских наказать Олега: войско Димитриево опустошило вконец Рязань. Вторым попечением великого князя было возобновление Москвы: стены и башни Кремлевская стояли в целости; хан не имел времени их разрушить. Скоро кучи пепла исчезли, и новые здания явились на их месте, но прежнее многолюдство в столице и в других взятых татарами городах уменьшилось надолго.

Надлежало дать церкви новых иереев вместо убиенных моголами и освятить храмы. Митрополит Киприан жил спокойно в Твери; великий князь послал за ним бояр своих, но объявил его, как беглеца, недостойным управлять церковию и, возвратив из ссылки Пимена, поручил ему Российскую митрополию, а Киприян удалился в Киев, где господствовал сын Ольгердов, Владимир, христианин греческой веры.

1383. Михаил Тверской, в надежде воспользоваться злобою Тохтамыша на великого князя, отправился с сыном Александром в Орду, чтобы с помощию моголов свергнуть Донского с престола. Но Димитрий предупредил его: он с честию принял ханского мурзу Карача, и сын его, Василий, поехал Волгою в Орду, где знаками смирения столь угодил хану, что происки Михайловы остались безуспешны. Но с сего времени грабители ордынские, называемые послами, начали снова являться в пределах великого княжения и возложили на оное весьма тягостную дань. 1384. Князь Василий, к огорчению отца, остался заложником у хана вместе с сыновьями князей Тверского и Нижегородского.

1385. Великий Князь, желая сохранить мир и устройство в отечестве, не мстил Михаилу и даже предложил дружбу самому вероломному Олегу, кото-

рый, наконец смягченный св. Сергием, вступил в родственный союз с великим князем; сын Олегов, Феодор, женился на княжне Московской, Софии Димитриевне.

Великий князь долженствовал еще смирить новгородцев. Как бы скучая тишиною и мирною торговлею, они полюбили разбои, украшая оные именем *молодечества*, и многочисленными толпами ездили грабить купцов и селения по Волге, Каме и Вятке; завоевали (1371) Кострому и Ярославль; вторично (1375) явились под стенами первой и, разграбив ее, отправились к Нижнему, потом устремились к Сараю и грабительствовали до самого *Хазитороканя* или Астрахани, древнего города козаров; здесь были они истреблены моголами, а другая часть таких же разбойников была уничтожена вятичанами близ Казани. Димитрий, занятый делами важнейшими, терпел буйство новогородцев, но оно возрастало: правительство их захватывало самые доходы великокняжеские, и наконец (1385) отложилось от церковного суда Московской митрополии. Оказалось явное намерение новогородцев быть независимыми от великого княжения. Димитрий прибегнул к оружию. 1386. Двадцать шесть областей соединили своих ратников под знаменами великокняжескими. Он приблизился к Новгороду. Тогда жители его, изготовясь к упорной обороне, изъявили знаки раскаяния и покорности; Димитрий, сначала непреклонный, смягчился и дал им мир, с условием, чтобы Новгород всегда повиновался ему как государю верховному, платил ежегодно так называемый *черный бор,* или дань с черного народа, и заплатил 8 000 рублей в казну за долговременные наглости своих разбойников. Исполняя волю Димитрия, новгородцы отняли Руссу и Ладогу у Патрикия Наримантовича, но через два года отдали их другому литовскому князю, Лугвению-Симеону Ольгердовичу, желая иметь в нем полководца на случай войны со шведами или немцами.

В сие время Литва была уже в числе держав христианских (1386). Ягайло с согласия вельмож польских женился на Ядвиге, дочери короля Людовика, принял в Кракове латинскую веру вместе с достоинством государя Польского и крестил народ свой. Сие происшествие, радостное для Рима, было огорчительно для россиян: Ягайло, дотоле покровитель греческой веры, сделался ее гонителем. Однако многие князья литовские остались верными русской церкви и служили усердно королю, кроме одного Андрея Ольгердовича Полоцкого, друга Димитриева. Сей князь воевал с братом Скиригайлом, который, наконец, победил его и, взяв в плен, отослал в Польшу, где он три года сидел в тяжком заточении. Его союзник, Святослав Иоаннович Смоленский, бился за него, ужаснейшим образом свирепствовал в областях Скиригайловых, но он погиб при осаде Мстиславля, а сыновья его, Глеб и Юрий, были взяты в плен. Юрий, как данник Литвы, был посажен на Смоленском престоле, а брат его остался аманатом в руках победителей.

V. (114—116). 1388. Сие происшествие долженствовало быть оскорбительно для Димитрия, ибо Святослав был с ним в союзе, но он имел нужду в приязни Ягайловой, готовясь к новому разрыву с Ордою. Сын его, Василий, три года жив невольником при дворе ханском, тайно ушел в Молдавию и мог возвратиться в Россию только через Польшу и Литву. Бояре Димитриевы, посланные на встречу к Василию, успели склонить к дружелюбию Ягайла, и Василий благополучно прибыл в Москву. Но в сие время, когда россияне великого княжения могли готовиться к новой Донской битве, они изумлены были враждою своих двух главных защитников, Димитрия и Владимира Андреевича. Великий князь, огорченный боярами Владимира, велел их взять под стражу. Сей поступок огорчил народ, тем более, что татары начинали уже действовать против России, взяв нечаянно Переславль-Рязанский. Но вражда не продолжалась. Новая договорная грамота утвердила союз между Димитрием и Владимиром. Сия грамота замечательна особенно тем, что она утверждает новый порядок наследства в великокняжеском достоинстве, отменяя древний, по коему племянники долженствовали уступать оное дяде. В ней сказано, что Владимир признает Димитрия *отцом,* сыновей его: Василия — братом *старшим,* Георгия — *равным*, а меньших — *младшими братьями*.

1389. Но скоро общая радость, произведенная сим примирением, обратилась в общую горесть. Димитрий, коему едва исполнилось сорок лет, вдруг занемог и скончался. Народ оплакивал его, как отца. Ни один из потомков Ярослава Великого, кроме Мономаха и Александра Невского, не был столь любим народом и боярами, как Димитрий, за его великодушие, любовь к славе отечества, справедливость, добросердечие. Он знал Россию и науку правления и заслужил от современников имя *орла высокопарного* в делах государственных. Младенец незлобием, он умел быть твердым против злодеев; сохранил девическую стыдливость до гроба; был ревностным христианином, но при смерти не хотел следовать обыкновениям предков, умиравших всегда иноками, ибо думал, что государю пристойнее умереть на троне, нежели в келье. В свое княжение, славное первою победою над татарами, он сделал две главные ошибки: дал Тохтамышу разорить свои земли, не успев собрать войска сильного и, имев случай присоединить Тверь и Рязань к Москве, не воспользовался оным. Он прибавил к Московским владениям одну купленную им Мещеру и, подчинив князей ярославских, не хотел отнять у них наследственного удела, довольствуясь одним правом предписывать им законы.

В княжение Донского основаны города Курмыш и Серпухов, а новгородцы построили крепость Яму (Ямбург). Знаменитые монастыри: Чудов, Андрониев, Симонов в Москве и Высоцкий близ Серпухова, суть также памятники времен Димитрия: первые два построены св. Алексием, а последний св. Сергием. Церковная история сего времени ознаменована ересью *стригольников*[2], на-

званных так от Карпа Стригольника, ревностного суевера, утверждавшего, что иереи рязанские, будучи поставлены за деньги, суть хищники сего важного сана и что истинные христиане должны от них удалиться. Дионисий, архиепископ Суздальский, Нижегородский и Городецкий, средствами благоразумного убеждения примирил еретиков с церковию и уничтожил раскол. Великий князь, желая видеть Дионисия на месте Пимена, велел ему ехать в Константинополь для поставления. Патриарх исполнил волю Димитрия, но Дионисий на возвратном пути был остановлен Владимиром Ольгердовичем в Киеве, где и умер под стражею.

V. (126—130). Важнейшим происшествием для церковной истории сего времени было обращение пермян в христианскую веру. Юный монах, сын устюжского церковника, именем Стефан, совершил сие великое дело. Он выучился языку пермскому, изобрел для него особенные буквы и перевел на оный главные церковные книги. Взяв благословение от епископа Коломенского Герасима и грамоты великокняжеские, он начал проповедовать Слово Божие в странах почти диких; построил первую церковь близ устья реки Выми, потом еще две, при коих завел училища, и наконец, поставленный в епископы Пермии, заслужить имя отца пермян, коим благодетельствовал словом и делом. Употребив всю жизнь на подвиги истинного благочестия, он возвратился под старость в Москву, где и преставился в княжение великого князя Василия Димитриевича (1396), с именем святого. Тело его погребено в Кремле, в церкви Преображения.

Последний год Димитриева княжения особенно достопамятен началом огнестрельного искусства в России[3]. По сказанию нашего летописца, еще в 1185 князь половецкий Кончак возил с собою хазарского турка, стрелявшего *живым огнем;* сие оружие вероятно было *огнестрельное.* Но в России оно не употреблялось до 1389 года, когда вывезли из земли немецкой *арматы,* и *стрельбу огненную.* В описании московской осады (1382) упоминается о *пушках*, но так назывались у нас тогда большие самострелы, коими осажденные бросали камни в осаждающих. При сыне Донского, Василии, уже делался в Москве и порох.

Василий Димитриевич
1389—1425

1389. Димитрий оставил Россию, готовую противоборствовать ханам; сын его, юный Василий, отложил до времени мысль о независимости и был возведен на престол во Владимире послом ханским, Шахматом: таким образом достоинство великокняжеское сделалось наследием владетелей Московских, и никто не спорил с ними о сей части.

1390. Великий князь, едва вступив в лета юношества, мог править государством только с помощию совета: окруженный усердными боярами и сподвиж-

никами Донского, он заимствовал от них сию осторожность в делах государственных, которая ознаменовала его тридцатишестилетнее княжение. Начало сего княжения было ознаменовано кратковременным раздором Василия с Владимиром Андреевичем, коему господствующие бояре не хотели дать надлежащего участия в правлении. Оскорбленный неблагодарностию племянника, Владимир удалился, сперва в Серпухов, потом в Торжок, где был принят дружелюбно новогородцами, кои охотно дали ему убежище, чтобы иметь в нем на всякий случай опору против великого князя: владетели Московские, присвоив себе исключительное право на сан великокняжеский, считали и Новгород своим наследственным достоянием, отчего и были в раздоре с сим гордым народом; но вражда между Василием и Владимиром была недолговременна: они примирились искренно. В сем примирении участвовали и новгородцы. Они сказали: «мы рады охотно повиноваться князю Московскому, только прежде напишем условия, как люди вольные». — Василий не захотел спорить, утвердил печатию договорную грамоту и отправил в Новгород наместника. Надобно заметить, что со времен Калиты новгородцы уже не имели собственных, особенных князей[4], повинуясь Великим или Московским, кои управляли ими чрез наместников.

Три предмета долженствовали быть главными для политики государства Московского: облегчение или уничтожение ига татарского, обуздание Литвы, усиление государства присоединением к нему уделов независимых. В сих трех отношениях Василий Димитриевич действовал с неусыпным попечением, но держась правил умеренности, боясь излишней торопливости и добровольно оставляя своим преемникам дальнейшие успехи в главном деле государственного могущества.

1391. На 17-м году жизни он сочетался браком с юной Софиею, дочерью Витовта. Василий надеялся приобрести в нем или сильного сподвижника против Ягайла, или посредника для мира с Литвою. Бояре московские ездили за невестою в Пруссию и возвратились через Новгород.

1392. Скоро великий князь отправился к хану. Не разорение Вятки татарами и не мщение вятчан, соединившихся с новогородцами и устюжанами на разграбление (Жукотина, Казани и проч.), побудили его к тому, но другое намерение, обнаружившееся в следствиях, составивших достопамятную эпоху в постепенном возвышении Московского княжения. Он был принят с не виданною дотоле честию. Утвердив Новгородскую область за князем Борисом Городецким, Тохтамыш признал Василия наследственным ее государем; сверх того Василий получил Городец, Мещеру, Торусу и Муром (сии два последние города никогда не принадлежали князьям Мономахова рода). Уступчивость Тохтамыша изъясняется тем, что он начал в это время гибельную для него войну с Тамерланом и мог бояться, чтобы россияне не пристали к сему заво-

евателю. Тохтамыш уже двинулся с полками навстречу к неприятелю за Волгу и Яик. Великий князь спешил удалиться от кровопролития, и посол ханский, царевич Улак, долженствовал возвести его на престол Нижегородский. Возвращаясь в Россию, великий князь из Коломны отправил бояр своих с ханскою грамотою в Нижний, где князь Борис, недоумевая, что ему делать, собрал вельмож на совет. Но ему изменили. Бояре московские, впущенные в город, собрали жителей и объявили Василия их государем. Борис был предан изменниками слугам великокняжеским. Василий, въехав в Нижний, поручил сию область своему наместнику: так рушилось с своими уделами особенное княжество Суздальское, коего именем называлась сильная держава, основанная Андреем Боголюбским, или все области Северо-восточной России между пределами Новгородскими, Смоленскими, Черниговскими и Рязанскими. Борис через два года умер, а его племянники, Василий Кирдяпа и Симеон, бежав в Орду, напрасно искали защиты.

1393. Руководствуясь правилами государственного блага, Василий и в других случаях не боялся казаться ни излишне властолюбивым, ни жестоким. Так, вследствие вторичного несогласия с новогородцами, не хотевшими платить ему черной или народной дани, он изъявил строгость необыкновенную, хитро соединив выгоды казны своей с честию главы духовенства. Митрополит Киприян (заступивший место умершего в Цареграде Пимена) ездил из Москвы в Новгород, где был принят с почестями и дружелюбием. Но сие расположение новгородцев переменилось, когда надлежало, по древнему обыкновению, гражданам относиться к митрополиту и в делах судных. Киприян должен был покинуть Новгород. Великий князь вступился за права главы духовенства и в то же время требовал народной дани, в коей было ему отказано. Началась война. Княжеские полки взяли Торжок и множество пленников в областях Новгородских, и скоро возникший в Торжке бунт наказан был с неслыханною жестокостию казнию виновников оного, в Москве совершенною. Новгородцы с своей стороны искали удовлетворения в разбоях: взяли Кличен, Устюжну, сожгли Устюг и Белозерск. Но война не продолжилась; новгородцы, изведав твердый характер Василия, рассудили, что лучше уступить ему требуемую дань и удовлетворить митрополита, нежели подвергать опасностям свою торговлю Двинскую: их послы явились в Москву, дабы умилостивить государя и вручить судную грамоту Киприяну. Таким образом Василий, не имя еще 20 лет и действуя по совету бояр, возвысил достоинство великокняжеское, упавшее с государством от разновластия.

V. (154—170). 1395. Но в это время собиралась новая туча над Россиею. Явился новый Чингисхан. Сын ничтожного князька в империи Чагатайских моголов, Тимур или Тамерлан, в юности замыслил восстановить величие падшего своего отечества, растерзанного междоусобием. В 1352-м году он не имел

ничего, кроме тощего коня и верблюда; через семь лет, на тридцать пятом году, был уже он монархом Чагадайской державы, а через несколько лет повелителем 26-ти держав в трех частях мира. Завоевав Персию, ниспровергнув Индию, победив Египетского султана и знаменитого Баязета, который достался ему в плен, и властвуя от моря Каспийского и Средиземного до Нила и Гангеса, Тимур жил в Самарканде и называл себя главою лучшей половины мира. Еще не совершив всех сих завоеваний, оскорбленный Тохтамышем, Тимур в первый раз приблизился к границам России. Войско его остановилось между реками Эмбою и Тоболом, потом пошло далее к берегам Урала: там встретило оно рать Тохтамышеву, и в странах Астраханских произошла кровопролитная битва: разбитый Тохтамыш бежал за Волгу, а Тимур, праздновав на берегах ее более месяца победу, возвратился в Самарканд. Через три года Тохтамыш, снова господствуя над ордою Капчакскою, послал войско разорять Северную Персию. Тамерлан поднял оружие; между Тереком и Кумою, близ нынешнего Екатеринограда, встретились обе рати, сразились, и Тохтамыш бежал. Тамерлан гнался за ним до Волги, где, объявив Койричака Аглена, сына Урусова, властителем орды Капчакской, надел на него венец царский.

Сии удары, нанесенные моголами моголам, изнурили силы Волжских и долженствовали веселить Россию. Но грозный завоеватель Востока, вслед за бегущим Тохтамышем, устремился к Северу, перешел Волгу, степи саратовские, и, вступив в наши Юго-восточные, пределы взял Елец[5]. Россия ужаснулась, но великий князь бодрствовал в совете бояр мудрых и явился достойным сыном Димитрия. Он собрал войско и, поручив Москву дяде своему, Владимиру Андреевичу, стал за Коломною на берегу Оки, ежедневно готовый встретить неприятеля. Из Владимира принесли в столицу знаменитую икону Вышегородскую: народ встретил ее на Кучкове поле, где ныне монастырь Сретенский, и, поставив ее в храме Успения, спокойно ожидал вести от великого князя. Небо спасло Россию. Тамерлан, по-видимому, хотел идти к Москве, но вдруг остановился и, целые две недели быв неподвижен, обратил свои знамена к Югу и вышел из Российских владений. Сретенский монастырь, сооруженный великим князем, остался памятником сего события и благодарности россиян к сохранившему их Промыслу. Что Тамерлан готовил Москве, то испытал несчастный Азов, богатый товарами Востока и Запада. Спускаясь по Дону до устья сей реки, Тамерлан достиг до Азова. Посольство из города встретило завоевателя на берегах Дона с богатыми дарами: он принял дары, а город обратил в кучу пепла. Завоевав землю Черкесскую и Ясскую, взяв самые неприступные крепости в Грузии, Тамерлан у подошвы Кавказа дал праздник войску. Уведомленный о непокорстве жителей Астраханских, он пошел к сему городу, срыл его до основания, разрушил ханскую столицу Сарай и, наконец, удалился к границам своей империи, предав (как он сказал) державу Батыеву *губительному ветру*

истребления. Орда Капчакская находилась в жалостном состоянии: утратив силу в битвах с моголами Чагатайскими, она была театром кровопролитных междоусобий. Три хана, Тохтамыш, Койричак и Тимур Кушлук, спорили о господстве над нею и разрушали ее могущество.

Сии происшествия, благоприятные для России, успокоив великого князя в рассуждении моголов, позволили ему обратить внимание на Литву, коею несколько лет управлял Скиригайло, наместник своего брата, короля Польского, и где с 1392 властвовал независимо Витовт, тесть Василиев, вследствие договора с Ягайлом, который уступить ему и Волынию с Брестом. Витовт принял христианство, но оно не умягчило жестокой, коварной души его; он умертвил трех сыновей Ольгердовых: Вигунта, Нориманта и Коригайла; выгнал их братьев, Корибута из Новгорода-Северского и Владимира из Киева, который отдал Скиригайлу; но сей последний был отравлен Архимандритом Печерским, и Витовт прислал наместника своего в Киев. Скоро присоединил он к Литовской державе и всю Подолию и, пленив Свидригайла, меньшого сына Ольгердова, захватившего Витебск, отослал его к королю Польскому, а владение его взял себе, присоединив к оному Друцк и Оршу. Господствуя в лучших областях древней России, властолюбивый Витовт хотел похитить и самый остаток ее достояния. Распустив слух, что идет на Тамерлана, он вдруг явился под стенами Смоленска, где тогда не было князя Юрия Святославича и где только находилися его братья, ссорившиеся между собою за уделы. Витовт, предложив им быть посредником, призвал их в свой стан. Они явились; город остался почти без стражи. Тут оказалось предательство. Князья смоленские были схвачены, а войско литовское без всякого сопротивления овладело Смоленском, и Витовт провозгласил себя государем сей области Российской.

1396. Василий Димитриевич, хотя и с прискорбием видел сие новое похищение российского достояния, но, столь же осторожный, сколько мужественный, чувствовал, что с Витовтом надлежало ему еще сохранить согласие для спасения целости Московского княжения. Он имел с ним дружелюбное свидание в Смоленске, где оба государя и утвердили границы своих владений. В сие время принадлежали Литве: почти вся древняя земля вятичей (нынешняя Орловская губерния с частию Калужской и Тульской), Карачев, Мценск, Белев с другими удельными городами князей Черниговских, поддавшихся Витовту, так, что его держава простиралась от границ Псковских с одной стороны до Галиции и Молдавии, а с другой до берегов Оки, до Курска, Сулы и Днепра, и вся Южная Россия была областью могущего государя Литовского[6]. Север принадлежал Василию; Можайск, Боровск, Калуга и Алексин были уже городами пограничными.

1397. Второе свидание между Василием и Витовтом было в Коломне, куда Витовт возвращался из области Рязанской, которую ходил разорять, отмщая

Олегу за нападение на границы литовские. На сем свидании положено было требовать от новгородцев, чтобы они прервали дружественную связь с немцами. Новогородцы не согласились нарушить мира, благоприятного их торговле, но с честию отпустили послов великокняжеских. Великий князь, вероятно, желавший предлога к войне с Новгородом, немедленно *объявил гнев*. Земля Двинская, богатая торговлею и нередко утесняемая корыстолюбивым правительством новгородским, приняла рать московскую и охотно поддалась Василию, который в то же время занял Торжок, Волок Ламский, Бежецкий Верх и Вологду. 1398. Новогородцы ужаснулись; их знаменитейшие чиновники спешили в Москву, но Василий не хотел слышать о возвращении Двинской земли. Тогда отчаяние пробудило воинственный дух новогородцев; они возвратили оружием то, чего не могли добыть просьбами, но зная меру сил своих, предложили мир великому князю, и в то же время вступили в сношения с Витовтом. Василий, опасаясь Литвы, скрыл внутреннюю досаду, отказался от земли Двинской, и дал мир Новугороду. 1399. Витовт в свою очередь был оскорблен; отослал новгородцам мирный договор, с ними заключенный, но войну с ними отсрочил, приготовляясь к другой, важнейшей.

V. (186—194). Тохтамыш, по отшествии Тамерлана, собрал новые силы, но Тимур-Кушлук напал на него внезапно, победил и взял Сарай. Тохтамыш бежал в Киев искать защиты Витовта. Герой литовский, уже счастливый против моголов, объявил себя покровителем изгнанника, замышляя уже сокрушить самого Тамерлана. Он желал склонить и великого князя к содействию. Но Василий знал замыслы Витовта, который, захватив область Смоленскую, готов был взять и Москву. Он уклонился от участия в борьбе Литвы с моголами, но сам не устрашился поднять меч на последних. Брат его, Юрий, ходил в Казанскую Болгарию, взял ее столицу (Болгары), Жукотин, Казань, Кременчуг и опустошил всю область Болгарскую. Может быть, хитрый Василий представлял Витовту сей счастливый поход на Болгарию как действие союза, но Витовт, не менее хитрый, видел в зяте тайного врага и, обещая Тохтамышу восстановить власть его, поставил в условии, чтобы сей хан отдал Москву Литве. Долго Витовт готовился к важному походу, собирая войско в Киеве. Польский король дал ему знатнейших вельмож своих. С войском его соединилися и дружины князей наших, его данников, и полки Тохтамышевы, и отряд немцев, присланных Орденом Прусским. Тимур прислал послов с предложением мира и даже дани, но сии переговоры, кажется, были только хитростию: хан желал выиграть время, и ему удалось. Все переменилось, когда пришел в стан моголов седой князь Эдигей, славный умом и мужеством. Войско Тимурово стояло за реками Сулою и Хоролем на берегах Ворсклы. Тут съехался с Витовтом Эдигей и, в свою очередь, требовал от него покорности. Решились сразиться, и счастие изменило Витовту. Он был поражен совершенно; едва ли третья часть войска литовского спаслася; множество кня-

зей и полководцев легло на месте. Тимур, опустошив области Витовта до самого Луцка, возвратился в улусы.

V. (195—199). 1400. В это время умер в Твери постоянный союзник Литвы князь Михаил, который в последние годы хранил мир и с князем Московским. Чувствуя приближение смерти, он отдал старшему сыну Иоанну (шурину Витовтову) Тверь, Новый Городок, Ржев, Зубцов, Радилов, Вобрынь, Опоки, Вертязин; внуку Иоанну Борисовичу — Кашин с Коснятиным, а меньшему сыну Феодору — два городка Микулина. Обстоятельства кончины его весьма достопамятны. С жизнию сего князя, умного, милостивого и грозного в похвальном смысле, исчезло и благоденствие Тверского княжения: начались боярские смуты и раздоры между его сыновьями. Иоанн отправил посольство к победоносному Тимуру, моля смиренно, чтобы он дал ему жалованную грамоту на всю землю Тверскую; послы уже не застали Тимура, но сын его, Шадибек, исполнил желание Иоанна. Утесненные братья и племянник искали защиты у великого князя, который старался утвердить между враждующими согласие, но безуспешно. Уже удельная система в России клонилась к совершенному падению.

1401. Бедствием Литвы воспользовался Юрий Святославич Смоленский. Соединясь с Олегом Рязанским, он внезапно осадил Смоленск: жители, ненавидя литовское правление, отворили ворота и приняли с восхищением законного князя. Но сей князь своею жестокостию против бояр смоленских возбудил против себя негодование народное и тем ослабил свое могущество. 1402. Между тем князь Рязанский, ободренный неудачами Литвы, послал сына Родслава на Брянск, имея намерение освободить и сей древний Черниговский удел от власти иноплеменников. Но Лугвений Ольгердович, один из лучших Витовтовых военачальников, встретив рязанцев у Любутска, побил их наголову и пленил самого Родслава. Старец Олег не мог пережить сего несчастия: он скоро потом скончался иноком, оставив Рязанскую область сыну Феодору, шурину Васильеву, который был утвержден в сем наследстве ханом Шадибеком. 1403. Витовт еще несколько времени оставил в покое Юрия Смоленского. Наконец, собрав силы, он послал на Вязьму Лугвения, который овладел сим городом без кровопролития, а сам осадил Смоленск, но должен был отступить без успеха. Юрий, опасаясь нового нападения, поехал в Москву искать защиты великого князя, коему даже предлагал подданство, но осторожный Василий не захотел быть ни защитником, ни даже государем Смоленским, следуя правилу жить в мире с Литвою, пока Витовт не касался собственных московских владений. Между тем измена помогла литовскому государю: бояре смоленские, озлобленные казнию ближних своих, воспользовались отсутствием Юрия и сдали Витовту Смоленск. Таким образом, взяв древний город российский в первый раз обманом, вторично изменою, Витовт утвердил его за Литвою на 110 лет и тем заключил ее важные присвоения в России. Великий князь, изумленный не-

ожиданною утратою Смоленска, обвинял Юрия в сообщничестве с Витовтом, и князь Смоленский решился, покинув Москву, искать убежища в Новегороде с сыном Феодором, братом Владимиром и князем Симеоном Вяземским. Новогородцы, не имевшие вообще постоянного мира с Василием, приняли изгнанника с ласкою и дали ему 13 городов в управление: Русу, Ладогу и другие. Сей поступок был неприятен Витовту и Василию, но Юрий жил недолго в Новегороде: наскучив зависимостию от народного веча, он возвратился в Москву, и Василий, недовольный тогда Витовтом за впадение в границы Пскова, принял его дружелюбно и сделал наместником в Торжке. Гнусное преступление — убийство князя Симеона Вяземского и его супруги — лишило Юрия и сего убежища. Гонимый всеобщею ненавистию, он бежал в Орду, несколько месяцев скитался и умер в одном пустынном монастыре области Рязанской. Он был последним владетельным князем Смоленским.

Наконец пришло время явной вражды между государем Московским и Литвою. Псков, освобожденный новгородцами от всех обязанностей подданства, был управляем собственными законами, но принимал наместников от великого князя. Угрожаемый с одной стороны Орденом Ливонским, с другой Витовтом, он был более тесним, нежели поддерживаем Новгородом. Нечаянное нападение Витовта на владения псковитян побудило их прибегнуть к государю Московскому. Он оправил к ним брата, Константина, и требовал удовлетворения от Витовта. Не отступая от системы миролюбия, он хотел доказать только то, что не боялся войны и был готов поддержать оружием права свои. Витовт ответствовал гордо. Надлежало прибегнуть к мечу. После неудачного покушения отнять у литовцев Серпейск, Козельск и Вязьму Василий вступил в союз с ханом Шадибеком, который прислал ему несколько полков татарских. Московское войско встретилось с Витовтом близ Крапивны, но битвы не было; заключили перемирие. 1407. Через несколько месяцев литовцы сожгли и взяли Одоев, а Василий овладел Дмитровцем, и опять заключено было перемирие в Вязьме. Но в это время прибыл в Москву Свидригайло, сын Ольгердов, который, будучи недоволен данным ему от Витовта уделом Северским, Брянским и Стародубским, замышлял господствовать над всею Литвою и для того предложил услуги великому князю. Его сопровождали епископ Черниговский, князья Звенигородский, Путивльский, Хотетовский, Минский и множество бояр черниговских, северских, брянских, стародубких, любутских и рославских. Он принят был с отменным дружелюбием, и великий князь отдал ему в удел не только Переславль, Юрьев, Волок, Ржев и половину Коломны, но даже столицу Владимирскую. Он склонил Василия к возобновлению неприятельских действий против тестя. Витовт встретил великого князя на берегах Угры, но и тот и другой равно были осторожны: битвы не было. И вследствие переговоров заключили мир, назначив Угру пределом между Литвою и Московскими владе-

ниями. Козельск, Перемышль и Любутск возвратились к России и были с того времени уделом Владимира Андреевича Храброго. Что же касается до Пскова, то покровительство Василия не доставило ему прочной безопасности. Нападения Ордена продолжались, и новгородцы не помогали своим соседям. Пленяли, убивали людей и разоряли земли. Наконец, уже в 1417 году вражда сия прекратилась мирным договором на 10 лет. Псковитяне возбудили против себя гнев Витовта, отказавшись нарушить мир сей, но он только грозил им, зла же не сделал, вероятно, из уважения к зятю, коего псковитяне всегда признавали своим верховным государем.

V. (218—232). 1410. Доселе государствование Василия было славно и счастливо: великое княжение было усилено знаменитыми приобретениями. Оно могло считаться независимым от ханов татарских. Тохтамыш погиб; слабый Шадибек молчал, а всемогущий в улусах Эдигей находился в дружеских сношениях с Василием; подавая ему коварный совет воевать Литву, он в то же время советовал Витовту искоренить княжение Московское. Еще в 1407 году произошли в Орде перемены. Булат-Салтан изгнал Шади бека, зятя Эдигеева, и сел на царство, но еще более зависел от Эдигея. Сей хитрый старец, видя, что государь Московский и Витовт не хотят войны, решился оружием смирить первого. Он выступил против него в поход, распространив слух, что идет на Литву. Осторожный Василий, изумленный быстрым походом, велел собирать в городах войско на всякий случай; и скоро услышали, что полки ханские прямо стремятся к Москве. Василий, не дерзнув на битву в поле, вверил столицу Владимиру Андреевичу и двум своим братьям, а сам уехал с семейством в Кострому. Не страх был причиною его удаления: он мог скорее боярина или наместника подвигнуть северные города российские к единодушному восстанию против неприятеля. Владимир Андреевич велел сжечь все окружавшие Москву посады, дабы воспрепятствовать татарам сделать к городу приступ: несколько тысяч домов исчезло в пламени. 30-го ноября показались татары. Эдигей, отрядив часть войска вслед за Василием, отправил одного из своих царевичей к Иоанну Тверскому сказать, чтобы он немедленно шел к Москве с войском и самострелами, а полкам своим велел грабить московские области. Переславль-Залесский, Дмитров, Ростов, Серпухов, Нижний, Городец были обращены в пепел. Свидригайло, начальствуя во Владимире и в пяти других городах, бежал и скрылся в лесах (он скоро потом выехал из России с великим богатством, ограбив на пути наши села и пригороды). Но Эдигей не мог взять Москвы. Князь Тверской поступил, как истинный россиянин: он не хотел губить отечества и не исполнил воли Эдигеевой. Полки татарские не могли догнать великого князя; и, наконец, вести, полученные от хана, расстроили намерение Эдигея взять Москву голодом, если не приступом: в Орде произошел мятеж, и хан Булат заклинал полководца своего возвратиться немедленно. Желая казаться победителем, а не бегу-

щим, он послал объявить московским начальникам, что соглашается не брать их города, если они дадут ему окуп. Сие предложение изумило и обрадовало Москву: жители ее с радостию заплатили 3 000 рублей, и 21 декабря свирепый военачальник татарский выступил из Коломенского; на пути он взял Рязань и скоро удалился от пределов российских, отправив к Василию грозное письмо, которое, впрочем, не имело никаких следствий. Великий князь не хотел слушать ни приказаний, ни советов его, узнавши о новом мятеже в Орде, и возвратился в столицу, где с любовию обнял дядю своего, Владимира Андреевича, который сдал ему Москву в целости. Через два года сей знаменитый внук Калитин скончался с доброю славою князя мужественного, любившего пользу отечества более власти. Сей князь знаменит в истории нашего отечества тем, что он первый уступил древнее право семейственного старейшинства и был из князей российских первым *дядею, служившим племяннику.*

1412. При новом мятеже в Орде, великий князь еще на время отказался от государственной независимости. Тимур, свергнув Булата и прогнав Эдигея к берегам Черного моря, должен был уступить престол Зелени-Салтану, сыну Тохтамышеву, другу Витовта и недоброжелателю России. Сей князь намерен был восстановить княжество Нижегородское и объявил сыновей Бориса Константиновича и Кирдяпы законными его наследниками. Сие покушение, однако, осталось без успеха, но великий князь видел необходимость искать хановой дружбы и решился ехать сам в Орду. 1415—1423. Он уже не застал Зелени-Салтана, который погиб от руки брата, Керимбердея. Великий князь, обласканный сим последним, возвратился в Россию с уверением, что бывшие владетели суздальские не найдут в хане покровителя, а Витовт друга, вредного России. Нет сомнения, что, находясь в ханской столице, Василий снова обязался платить дань моголам, и он платил ее, кажется, до конца жизни, несмотря на частые перемены в Орде. Керимбердей был врагом Витовта, но он скоро погиб от руки своего брата, Геремфердена, бывшего союзником государя Литовского. Кроме сего главного хана, являлись непрестанно в улусах иные цари, кои воевали между собою и грабили наши пределы. Между тем и старец Эдигей властвовал как государь независимый в улусах черноморских. Он был врагом Витовта; часто еще грабил его область; наконец заключил с ним мир, желая спокойствия в старости дней своих. Имея долговременную войну с Прусским Орденом, Витовт жил мирно с зятем, который даже не отказывался помогать ему войском.

V. (241—243). 1420. Новгородцы во все княжение Василия Димитриевича не имели никакой важной рати с неприятелями внешними. Они долее обыкновенного наслаждались в это время внутренним гражданским спокойствием, хотя и происходили возмущения, возбуждаемые иногда самыми мелкими причинами. С великим князем жили новогородцы в мире, более притворном, нежели искреннем: они не переставали ни опасаться Василия, ни досаждать ему. Так,

ссора великого князя с его братом, Константином, подала повод новгородцам сделать немалое оскорбление первому: Константин, лишенный удела в княжестве Московском, уехал в Новгород, был принят с отменным дружелюбием и получил в удел все города, бывшие за Лугвением, сыном Ольгердовым. Оскорбленный Василий скрыл гнев, огорчаемый тогда ужасными естественными бедами отечества, язвою, которая со времен Симеона Гордого несколько раз посещала отечество наше, и свирепствовала в нем с 1352 по 1427 год[7], так, что в одном Новегороде в 6 месяцев умерло 80 000 человек, голодом, наводнением. Сии бедствия так поражали воображение людей, что мысль о преставлении света сделалась общею, и все ожидали его с суеверным трепетом.

1425. Среди общего уныния и слез, как говорят летописцы, Василий Дмитриевич скончался на 53 году от рождения. Он не имел ни любезных свойств, ни воинского мужества отца своего, но был государь благоразумный, твердо осторожный, имел истинные достоинства государственные, заслужил уважение народа, друзей и неприятелей. Он утвердил силу государства, присвоив Нижний, Суздаль, Муром, из древней земли Вятичей: Торусу, Новосиль, Козельск, Перемышль и целые области Великого Новагорода: Бежецкий Верх, Вологду и проч., утвердил в подданстве своем Ростов и овладел Вяткою. Не хотел покорить мечом ни Рязани, ни Твери, но имел решительное большинство над князьми их и, следственно, приближался к единовластию в России. Усилив державу Московскую, он умел сохранить целость ее от хищности литовской и менее всех своих предшественников платил дань моголам. Может быть, поставят ему в ошибку, что он дал отдохнуть Витовту, разбитому ханом. Но эта ошибка есть более осторожность благоразумия, ибо Литва еще была сильнее России: дерзость могла бы погубить наше отечество. Довольно того, что Василий умел обуздывать тестя и не дал ему поглотить остальных независимых областей наших. Оставляя сына младенцем, он вверил его защите Витовта, ибо знал честолюбие братьев, особенно Юрия и Константина. Сия доверенность была более хитростию, нежели слабодушным легковерием: возлагая на Витовта обязанность защитить сына Василиева против насилия дядей, она не давала Литве никаких способов поработить Москву, ибо совет великокняжеских бояр, пестунов государя-отрока, знал, чего требовать от иноплеменного покровителя и до чего не допускать его.

К блестящим деяниям Василиева государствования принадлежит услуга, оказанная им греческому императору Мануилу. Утратив против турок почти все, кроме столицы, Мануил находился в крайности. Василий и другие князья российские, им убежденные, отправили ему знатное количество серебра. Мануил, чтобы еще более утвердить дружественную связь с Москвою, женил сына своего, Иоанна, на дочери Василиевой, Анне (1414)[8], но внука Донского видела в Греции одни бедствия и через три года скончалась от морового поветрия.

Василий Васильевич Темный
1425—1462

1425. Новый великий князь имел не более 10 лет от рождения, когда преставился Василий, отец его. Митрополит Фотий в самый час кончины великого князя послал своего боярина, Иакинфа Слебяшева, к князю Юрию Димитриевичу с требованием, чтобы он вместе с меньшими братьями признал племянника великим князем. Но Юрий удалился в Галич; вооружились и заключили перемирие. Митрополит послан был Василием уговаривать дядю к покорности и миру. Юрий противился; наконец, приведенный в страх гневом митрополита, согласился не искать великого княжения, пока царь ордынский решит, кому принадлежит оное.

1426—1431. Смутное начало Василиева княжения предвещало бедствия России, еще опустошаемой тою язвою, которая свирепствовала в ней при отце его. В Твери в один год скончались три князя, и Борис Александрович сел на Тверском престоле, отдав племяннику Иоанну Юрьевичу Зубцов и взяв под стражу дядю своего Василия Кашинского. В Москве преставился дядя великого князя, Петр Димитриевич, и три сына Владимира Храброго. Множество погибло от язвы в Торжке, Волоке, Дмитрове и других городах. Вместе с язвою свирепствовали засуха, голод и другие болезни; словом, последние годы княжения Василия Димитриевича и первые годы его сына составляют печальнейшую эпоху нашей истории в XV веке.

Неприятели внешние также беспокоили Россию. Витовт приступал к Опочке, городу псковскому, но осаждал его без успеха, и псковитяне купили мир, заплатив 1 450 руб. серебром. Оскорбленный новогородцами, Витовт открыл себе со многочисленным войском путь сквозь опасные болота так называемого *Черного леса* и осадил Порхов. Огромная пушка, привезенная на 40 лошадях, сразила одним выстрелом каменную городскую башню, но, разлетевшись на части, умертвила своими обломками множество литовцев. Начальники Порхова, не имея надежды отстоять крепость, предложили Витовту 5 000 рублей, а новогородцы, также приведенные в страх, 10 000. Витовт согласился и взяв сверх предложенной суммы еще 1 000 за пленников, возвратился в Литву.

V. (285—289). 1430. Несмотря на сии неприятельские действия в северо-западной России, Витовт жил мирно с юным внуком своим великим князем. Обязав его клятвою не вступаться в дела новогородские и псковские, он дружески пригласил его к себе в гости; с Василием отправился и митрополит Фотий. Они нашли старца Витовта в Троках, где собрались многие знаменитые гости, между прочими князья Тверской и Рязанский, Великий Магистер Прусский, ландмаршал Ливонский, послы императора Греческого, хан Перекопский и король Ягайло. Гости старались удивить хозяина великолепием одежд и многочислен-

ностию слуг, а хозяин удивлял гостей пирами роскошными, *каких не бывало в Европе.* Праздновали около семи недель в Троках и Вильне, но занимались и важным делом: Витовт хотел назваться королем Литовским, но вельможи польские воспротивились сему намерению, и сам папа, взяв их сторону, запретил Витовту думать о венце королевском. Сие раздражило его, и пиры кончились болезнию огорченного хозяина. Все разъехались; остался один Фотий, который, вероятно, старался о присоединении митрополии Киевской к Московской. Скоро потом кончил дни свои Витовт, тогда славнейший из государей Северной Европы и бывший для нашего отечества ужаснее Гедимина и Ольгерда. С ним, по словам польского историка, воссияла и затмилась слава Литвы, к счастию России, которая, без сомнения, погибла бы навеки, когда бы преемники Витовта имели его ум и славолюбие. Но Свидригайло, брат Ягайлов, и Сигизмунд, сын Кестутиев, властвовавшие один после другого над Литвою, изнуряли только силы ее междоусобием, войнами с Польшею и грабительством. Свидригайло был изгнан Сигизмундом, а Сигизмунд, ужаснейший из тиранов, погиб от ножа убийцы. Преемником его был (в 1440) Казимир, сын Ягайлов, а сын его, Михаил, умер изгнанником в России, вероятно, от яда.

1432. В сие время татары (в Золотой Орде властвовал тогда хан Махмет) делали набеги на области русские, но были с успехом отражаемы. Между тем миновало около шести лет после перемирия, заключенного Василием с дядею Юрием: в 1428 они утвердили клятвою договор, чтобы каждому остаться при своем, но Юрий, года три жив спокойно, объявил войну племяннику. Тогда великий князь предложил дяде ехать к царю Махмету. Согласились, и Василий с горестным сердцем отправился в Орду; за ним последовал и Юрий. Хитрый боярин Василиев Иоанн Димитриевич умел склонить в пользу своего государя ханских вельмож и потом на суде ханском, на коем председательствовал сам Махмет, склонил и его на свою сторону убедительным красноречием. Суд решался тем, что Махмет объявил Василия великим князем, а Юрию велел вести под ним коня. Но мурза Тегиня, защитник Юрия, воспользовавшись смятением Махмета, на коего в то время восстал другой царь могольский, Кичим Ахмет, выпросил у него для Юрия город Дмитров, область умершего брата его, Петра. Племянник и дядя возвратились благополучно в Россию, и вельможа татарский, Улак-царевич, торжественно посадил Василия на трон великокняжеский в Москве, во храме Богоматери, у Златых дверей. С сего времени Владимир утратил навсегда право города столичного.

V. (297—300). 1433. Суд ханский не погасил вражды между дядею и племянником. Василий овладел Дмитровым, и скоро началась явная война. Вельможа Иоанн, оскорбленный тем, что великий князь, отвергнув дочь его, женился на внуке Владимира Храброго, удалился в Галич к Юрию и вместе с ним замыслил начать войну с великим князем; в то же время и сыновья Юриевы, Васи-

лий Косой и Димитрий Шемяка, сделались врагами Василию, обиженные на свадебном пиру великого князя. Они удалились в Галич и вместе с боярином Иоанном старались утвердить родителя в злобе на государя Московского. Не теряя времени, они выступили с полками многочисленными. Совет великого князя был составлен из людей малодушных: вместо войска отправили послов к Юрию, который уже стоял перед стенами Троицкого монастыря и не хотел слышать о мире. Тогда великий князь собрал несколько пьяных воинов и купцов, но, увидя силу врага своего (с коим сошелся на Клязьме), бежал сперва в Тверь, потом в Кострому, а Юрий вступил в Москву, объявил себя великим князем, потом пленил самого Василия, но вопреки сыновьям и боярину Иоанну, по совету одного из своих любимцев, Симеона Морозова, примирился с племянником и дал ему в удел Коломну. Приехал туда Василий, начал отвсюду сзывать к себе народ, бояр и князей, и все шли к нему охотно, ибо все предпочитали новую систему наследства, благоприятнейшую для общего спокойствия и частных выгод. Москва опустела, Коломна сделалась истинною столицею великого княжения. Морозов был умерщвлен сыновьями Юрия, раздраженными его советом, а Юрий, видя невозможность оставаться в Москве, велел сказать племяннику, что уступает ему столицу, и отправился в Галич. Василий явился в столице с торжеством и славою, им не заслуженною.

Но бедствия княжения Васильева только что начинались: хотя Юрий, заключив с ним мир, и дал слово отступиться от больших сыновей, признав их врагами общего спокойствия, но скоро нарушил обещание и послал к детям галицкую дружину, с которою они разбили московское войско на берегу Куси. Великий князь разорил Галич. Юрий собрал силы и с тремя сыновьями, Косым, Шемякою, Димитрием Красным, совершенно разбил Василия на пределах Ростовских.

1434. Великий князь бежал в Новгород, оттуда в Кострому, потом в Нижний. Юрий опять вступил в Москву, где пленил мать и супругу Василия, и готовился идти к Нижнему, а Василий в страхе думал уже бежать в Орду, но на сей раз счастие услужило ему лучше москвитян: Юрий внезапно скончался. Сын его, Косой, немедленно принял на себя имя государя Московского и дал знать о том братьям, но они, не любя и презирая его, примирились с великим князем и выгнали Косого из столицы. В знак благодарности великий князь, возвратясь на Московский престол, отдал Шемяке Углич со Ржевом, Красному — Бежецкий Верх, удержав за собою Звенигород, удел Косого.

Сие дружество между князьями, равно малодушными и жестокосердыми, не могло быть истинным. Самый свирепый из трех братьев был Василий Косой. Будучи изгнан, он с толпами бродяг вступил в северные пределы великого княжения; разбитый близ Ярославля, с новым войском явился близ Костромы, где великий князь, заключив с ним мир, отдал ему город Дмитров. Но мир продол-

жался недолго; Косой снова начал междоусобие. В сие время Шемяка приехал в Москву звать великого князя к себе на свадьбу, но Василий, злобясь на его брата, оковал Шемяку цепями и сослал в Коломну. Наконец, в Ростовской области встретились неприятели: Косой предводительствовал вятчанами и дружиною Шемяки; с Василием находился меньший брат Юрьевичей Димитрий Красный. Косой, хотевши победить своего врага предательством, сам сделался его жертвою и достался в плен Василию. Тогда совершилось злодейство, о коем не слыхали в России с XII века: Василий дал повеление ослепить сего брата двоюродного, но, чтобы успокоить совесть, он возвратил Шемяке свободу и города удельные. Несчастный слепец жил после того 12 лет в уединении, как бы забытый всеми и самыми единокровными братьями.

V. (309—314). 1437—1440. Спокойный внутри Московского княжения, Василий имел распрю с Новгородом и зимою в конце 1440 года двинулся с войском к Новугороду, но на пути заключил с ним мир, взяв 8 000 руб. и в сей самый год родился у него сын Иоанн, будущий разрушитель новогородского могущества.

Василий старался жить дружно с ханом, платя ему условленную дань, но перемена, случившаяся в Орде, нарушила спокойствие великого княжения. В 1437 Махмет был изгнан из улусов братом своим Кичимом, искал убежища в России и занял Белев, город уже литовский, надеясь на дружбу Василия. Но Василий повелел ему удалиться от пределов российских; хан воспротивился. Он имел при себе около 3 000 воинов. Надлежало прибегнуть к оружию. Василий поручил свое войско Шемяке и Димитрию Красному. Устрашенный их силою, Махмет хотел вступить в переговоры, но московские воеводы ничего не хотели слушать, напали на татар и, к стыду своему, бежали от малой рати Махметовой. Хан не ослепился успехом: он выступил из Белева и через землю мордовскую прошел в Болгарию к тому месту, где находился древний Саинов юрт или Казань, в 1399-м году опустошенная россиянами. Махмет близ старой крепости построил на лучшем месте новую и дал в ней убежище болгарам, черемисам, моголам; в несколько месяцев Казань наполнилась людьми. Из самой Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды стекались туда жители, признав царем Махмета. Таким образом, сей изгнанник капчакский сделался возобновителем или истинным первоначальником царства Казанского[9]. Моголы смешались в оном с болгарами и составили один народ, коего остатки именуются ныне татарами казанскими и коего имя более 100 лет приводило в трепет соседственные области российские. Уже в следующий год Махмет явился с легким войском перед стенами Москвы, и малодушный Василий бежал за Волгу, но сие нашествие не имело дальнейших следствий. Между тем, в Золотой Орде властвовал брат Махметов Кичим, и кровопролитные междоусобия раздирали ее.

V. (314). Меньший брат Шемяки, Димитрий Красный, скоро умер в Галиче; Шемяка наследовал его удел и еще несколько времени жил мирно с великим князем.

V. (315—340). В сие время москвитяне и вся Россия были тревожимы соблазном в важном деле церковном. Митрополит Фотий преставился в 1451 году; шесть лет по смерти его церковь наша сиротствовала без главы от внутренних смятений государства Московского. Сими обстоятельствами думал воспользоваться митрополит Литовский, Герасим, и старался подчинить себе епископов России, но без успеха: был избран знаменитый Иона, архиерей Рязанский. Но уже константинопольский патриарх до прибытия Ионы в Царьград, посвятил нам в митрополиты грека Исидора, бывшего незадолго пред тем в Италии, где он снискал любовь папы, по согласию с коим, вероятно, и домогался власти над церковию российскою.

Тогда царствовал в Константинополе Иоанн Палеолог, супруг княжны Московской, Анны. Сей государь искал покровителя в римском первосвященнике, Евгении IV, который обещал императору воздвигнуть всю Европу на турков, грозивших погибелью империи, если греки, рассмотрев догматы обеих церквей, согласятся с латинскою. Император советовался с патриархами. Положили быть *осьмому* Вселенскому Собору в Италии, на коем, кроме знатнейшего духовенства обеих церквей, надлежало собраться всем государям Европы. Император с братом своим, Димитрием Деспотом, с константинопольским патриархом Иосифом и с семьюстами первейших сановников греческой церкви, сели на вооруженные суда Евгениевы и поехали в Италию.

Между тем Иона, бесполезно съездив в Грецию, возвратился в свою Рязанскую епархию. Затем прибыл в Москву и новый митрополит, не только именем, но и делом иерарх всея России, ибо Герасима Смоленского уже не было. Василий встретил Исидора со всеми знаками любви, но изумился, услышав, что он намерен ехать в Италию. *Отцы и деды наши не хотели слышать о соединении законов греческого и римского,* сказал великий князь. Но Исидор клялся не изменять православию и в 1437 году сентября 8 выехал из Москвы с епископом Суздальским Авраамием, со многими духовными и светскими особами, коих число простиралось до ста. Сие первое путешествие россиян в Италию описано одним из них с великою подробностью. Августа 18-го 1438 Митрополит прибыл в Феррару.

В сем городе уже несколько месяцев ожидали его император и папа как главу российской знаменитой церкви; там находились послы трапезундские, иверские, арменские, волошские, но императора немецкого и других венценосцев западных не было. Латинская церковь представляла тогда жалостное зрелище раздора; уже семь лет славный в истории Собор Базельский действовал в противность папы, и почти все государи европейские, согласные с ним, отказа-

лись участвовать в итальянском Соборе. Однако заседания начались с великою торжественностию в Ферраре. Надлежало согласиться в четырех мнениях: 1) о исхождении Св. Духа, 2) о чистилище, 3) о квасных просфорах, 4) о первенстве папы. С обеих сторон выбрали ораторов. Римляне — кардиналов Албергати, Иулиана, епископа Родосского и других; греки — Марка Ефесского, Исидора Российского и Виссариона Никейского. Пятнадцать раз сходились для прения о Св. Духе и не могли согласиться. Уже Марко Эфесский гремел против латинской ереси, греки скучали, Евгений также. Наконец папа уговорил императора переехать во Флоренцию, будто опасаясь язвы в Ферраре, а в самом деле для того, что флорентийцы дали ему немалую сумму денег за честь видеть собор в их городе. Прения возобновились. Митрополит Российский осуждал упрямство Марка Ефесского. Виссарион еще убедительнее представлял жалостное состояние империи. Наконец, по многих спорах, греки уступили и согласились: 1) что Св. Дух исходит от Отца и Сына, 2) что опресноки и квасной хлеб могут быть равно употребляемы в священнодействии, 3) что есть чистилище, 4) что папа есть наместник Иисуса Христа и глава церкви и что патриарх Константинопольский занимает вторую степень. 6 июля 1439 было последнее заседание собора в Кафедральном храме флорентийском. Папа служил обедню. Потом была прочитана *хартия соединения.* С обеих сторон утвердили оную подписями. Но Марко Ефесский отказался подписать имя свое и, для избежания гонения, тайно уехал из Флоренции.

Император, быв два года в отсутствии, возвратился в Грецию, но только для того, чтобы видеть общий мятеж духовенства. Узнав происшедшее на Флорентийском соборе, оно разделилось в мнениях, и противники церкви латинской одержали верх. Такое последствие имел славный собор сей. Весьма сомнительно, чтобы соединение церквей спасло Греческую империю: веки крестовых ополчений миновались; мнимая божественность пап исчезла; устрашенные победами Амурата и Магомета II, государи западные трепетали в бездействии; одним словом, Иоанн Палеолог не только не успел, но, по всем вероятностям, и не мог успеть в своем намерении, чтобы соединением двух церквей отвратить конечную гибель своей империи.

Исидор с именем легата апостольского выехал из Флоренции 6 сентября 1439**,** а весною 1440 прибыл в Москву. Духовенство и народ с нетерпением ожидали своего первосвятителя в Кремлевском храме Богоматери. Исидор явился, окруженный многими сановниками: пред ним несли крест латинский и три серебряных палицы. Россияне удивились сей новости и еще более, когда митрополит в литургии помянул Евгения папу вместо Вселенских патриархов. Когда же диакон Исидоров, по окончании службы, прочитал с амвона грамоту Флорентийского 8 собора, тогда все слушатели были поражены изумлением; епископы и вельможи безмолвствовали, но Василий вступил в прение с Исидором и, тор-

жественно наименовав его отступником, велел епископам и боярам рассмотреть флорентийскую соборную грамоту. Исидор осужден был как еретик. Василий посадил его под стражу в Чудове монастыре, требуя, чтобы он раскаялся, но, узнав через несколько месяцев, что он ушел из монастыря, не велел за ним гнаться, ибо не желал употреблять никаких жестоких мер. Исидор благополучно достиг Рима, где в награду за свой ревностный подвиг занял одно из первых мест в думе кардиналов, а великий князь, с согласия всех епископов, вторично избрав Иону (1443) в митрополиты, отправил боярина Полуехта с грамотою к царю и патриарху, но сей посол не доехал до Константинополя, ибо Василий приказал ему возвратиться, сведав совершенное отступление императора от истинной веры. С того времени Иона первенствовал в делах нашей церкви, а епископы Южной России снова имели особенного митрополита, посвященного в Риме, именем Григория Болгарина, ученика Исидорова, с ним ушедшего из Москвы. Они держались Флорентийского соединения. Московская митрополия осталась независимою, а Киевская подвластною Риму. Еще несколько времени защитники и противники Флорентийского собора писали, спорили; наконец, бедствие, постигшее Константинополь, пресекло и споры и долговременные усилия властолюбивого Рима для подчинения себе Византийской церкви. Духовенство же московское, отвергнув соблазн, тем более укрепилось в догматах православия[10].

V. (344—348). 1443—1445. Между тем Новгород не имел ни твердого правления, ни ясной политической системы. В самом городе происходили ужасные смятения, произведенные голодом. К сим народным бедствиям присоединились внешние опасности. Слабая держава существует только союзом с сильными: Новгород досаждал всем и не имел друзей. Враг Москвы, внук Кирдяпин Василий Юрьевич был ласково принят новгородцами. К неудовольствию великого князя, они вызвали из Литвы внука Ольгердова, Иоанна Владимировича, но тем не угодили и Казимиру, хотевшему, чтобы они явно отложились от великого князя и приняли от него наместников, на что новогородцы не согласились; отпустив Иоанна в Литву, они снова призвали Лугвениева сына Юрия, бывшего в Москве. Они не были в согласии и с псковитянами, в коих видели не братьев, а слуг московских и своих совместников в выгодах немецкой торговли. В 1443 году магистр Ливонского ордена Финке фон Обербергеи возобновил мир с областию Псковскою на десять лет и был неприятелем новогородцев, мстя за оскорбление, учиненное ими Клевскому принцу Эбергарду. Сначала ливонцы действовали собственными силами, наконец предприняли вооружить на россиян Европу. В 1447 орден заключил договор с королем Дании, Норвегии и Швеции Христофором, чтобы совокупно воевать землю Новгородскую. Прусский магистр убеждал папу содействовать молитвою и деньгами к усмирению неверных россиян и вызывал из Германии против них всех храбрых витязей. Ливонские суда заняли Неву и брали в добычу все корабли, идущие в

Ладожское озеро. Войско немецкого ордена отправилось морем из Данцига и сухим путем из Мемеля к Нарве. Но какие были следствия мер, столь важных и грозных? В наших летописях сказано единственно, что ливонские рыцари, король Шведский и Прусский (то есть Великий Магистр) в 1448 году, имев битву с новогородцами на берегах Наровы, ушли назад, а двиняне близ Неноксы разбили шведов, которые туда приходили морем из Лапландии. В сие же время новогородцы имели еще двух неприятелей: князя Бориса Тверского, который безжалостно грабил их землю, и народ Югорский, объявивший себя независимым. Усмирив бунтовщиков, новгородцы, наконец, заключили союз с псковитянами и перемирие на 26 лет с немцами.

В сие время важнейшее происходило в великом княжении Московском. Смерть Витовта возобновила вражду с Литвою. Неприятели Казимировы искали убежища в Москве: сын Лугвениев, князь Юрий, выехал из Новагорода и занял вооруженною рукою Смоленск, Полоцк, Витебск, но, будучи не в силах противиться Казимиру, бежал в Москву. В 1444 Василий послал двух царевичей монгольских, ему служивших, на Брянск и Вязьму. Села и города опустошены были до Смоленска. Литовцы разорили окрестности Козельска, Калуги, Можайска, Вереи. Великий князь не мог отразить их, ибо имел дело с другим неприятелем. Царевич Золотой Орды, Мустафа, вступил в Рязанскую область, взял пленников, ушел, потом опять явился у Переславля, уже не для добычи, а требуя убежища, но великий князь послал войска изгнать его из наших областей; на берегу речки Листани, в ужаснейший холод, произошла битва, и Мустафа погиб со всею своею дружиною, удивив необычайною храбростию россиян.

V. (352—360). Неприятель опаснейший явился с другой стороны, царь Казанский Улу-Махмет; он взял старый Новгород Нижний и шел к Мурому. Великий князь собрал войско, коего передовой отряд разбил татар. Махмет отступил. Весною пришла весть, что Нижний Новгород осажден Махметом и что его сыновья идут к Суздалю. Василий пошел с одною московскою дружиною против последних. Он расположился на реке Каменке близ Суздаля; его ополчение состояло из 1 500 россиян; неприятель был вдвое многочисленнее, но с первого удара он обратился в бегство. Россияне устремились за ними с величайшею запальчивостию и без всякого порядка; бегущие вдруг остановились, окружили мнимых победителей, и вся русская рать легла на месте, а великий князь с простреленною рукою, с рассеченною головою, с избитою грудью достался в плен моголам вместе с Михаилом Верейским и знаменитейшими боярами. Москва затрепетала от сей вести, с ужасом ожидали в ней явления татар; и общее бедствие увеличилось пожаром столь сильным, что не осталось ни одного здания целого; мать и супруга великого князя спешили с боярами удалиться: они ехали в Ростов; не было ни государя, ни правления, ни столицы. Но царевичи не хотели или, лучше сказать, не смели воспользоваться своею

победою; они, имея столь мало войска, спешили с важным пленником своим к отцу в Нижний; сам Махмет не рассудил за благо остаться в наших пределах: он отправился к Курмышу, взяв с собою великого князя, а к Шемяке послал мурзу Бегича с уверением в дружбе. Шемяка принял посла с величайшею ласкою и велел ехать с ним к Махмету дьяку Феодору Дубенскому для окончания договоров. Дело шло о том, чтобы великому князю остаться в вечной неволе, а Шемяке быть великим князем под верховною властию царя Казанского. Но послы долго промедлили на пути; Махмет вообразил, что Бегич убит Шемякою, и, приведенный в страх открывшимися волнениями в Казани, поспешил возвратить великому князю свободу, требуя от него единственно умеренного окупа и благодарности. Василий поехал в Москву: услышав о свободе его, Бегич и Дубенский возвратились с добычею в Муром, где мурза был взят под стражу наместником. В самый день освобождения Василиева, 1 октября, произошло в Москве землетрясение, весьма легкое, но приведшее в ужас жителей: они ждали нового бедствия, но вместо оного были обрадованы вестию о скором прибытии великого князя. Василий 17-го ноября с горестию въехал в столицу, медленно восстающую из пепла: он сам не имел дворца и, жив несколько времени за городом в доме своей матери на Ваганькове, занял в Кремле двор князя Литовского Юрия Патрикиевича.

V. (360—379). 1446. Еще мера зол, предназначенных судьбою сему государю, не исполнилась. Димитрий Шемяка, опасаясь Василия, бежал в Углич. Он скоро утвердил с великим князем мир, но тайно вступил в союз с Иоанном Можайским и Борисом Тверским на погибель Василия; сыскались изменники и в Москве, которые взяли сторону Шемяки, вообще не любимого, умыслили не войну, а предательство, и ожидали случая овладеть столицею и великим князем. Случай скоро представился. Василий, следуя обычаю деда и отца, поехал молиться в Троицкую обитель. Заговорщики немедленно дали знать о том Шемяке и Иоанну: ночью 12-го февраля они явились с вооруженными к Кремлю; изменники отворили им ворота, и они овладели Москвою, с коею достались во власть их и мать, и супруга, и казна Василиевы. В ту же ночь Шемяка послал Иоанна Можайского с воинами к Троицкой Лавре, и несчастный Василий, не подозревавший опасности, достался в руки предателей со всеми находившимся при нем боярами. Привезенный в Москву, он был ослеплен от имени Шемяки, Иоанна Можайского и Бориса Тверского. Его отправили вместе с супругою в Углич, а мать его в Чухлому. Сыновья же Васильевы спаслися: пестуны увезли их к князю Ряполовскому Ивану в село Боярово, недалеко от Юрьева. Сей князь с двумя братьями вооружился и увез младенцев в Муром, более других городов укрепленный и безопасный. Ужас царствовал в великом княжении. Все гнушались Шемякою, но дворяне московские, хотя и с печальным сердцем, присягнули ему, кроме одного, именем Феодора Басенка, который ушел в Литву со

многими единомышленниками. Шемяка, приняв титул великого князя, отдал Суздаль гнусному сподвижнику своему, Иоанну Можайскому, но скоро взял у него сию область и, вместе с Нижним, Городцом и даже Вяткою, как законную собственность уступил внукам Кирдяпы, Василию и Феодору Юрьевичам, то есть бессмысленно хотел уничтожить полезное дело Василия I-го, присоединившего древнее Суздальское княжение к Москве. Не имея ни совести, ни правил чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка в краткое время своего владычества усилил привязанность москвитян к Василию. Память его беззаконий осталась в народной пословице о *суде Шемякине,* доныне употребительной[11]. Малодушный в злодействе, он боялся младенцев великокняжеских, хранимых в Муроме князьями Ряполовскими, но не смел употребить насилия и, призвав в Москву Рязанского епископа Иону, требовал, чтобы он, *взяв* детей великого князя на *свою епитрахиль,* привез их к нему, обещая выпустить из заточений отца их. Князья Ряполовские, поверив епископу, сами поехали с драгоценным залогом в Переславль к Шемяке, который, обласкав детей, отправил их с Ионою к отцу в Углич, но не исполнил данного обета: Василий и семейство его остались под стражею. Сие вероломство изумило бояр и произвело негодование всеобщее. Князья Ряполовские, к коим присоединились многие бояре, не имев успеха, в намерении овладеть Угличем и освободить узников поехали в Литву к Василию Ярославичу Боровскому, еще прежде туда уехавшему: за ними последовало множество единомышленников. Испуганный Шемяка решился, наконец, освободить Василия. Он поехал в Углич и примирился со слепцом, который, смиренно и искренно простив его, принял от хищника в удел Вологду и отправился к берегам Кубенского озера со всем своим семейством. 1447. Но скоро все переменилось. Василий, коего умный игумен Кириллова Белозерского монастыря разрешил от клятвы, дайной неволею, приехал в Тверь к Борису Александровичу; обручение семилетнего Иоанна с Мариею, дочерью князя Тверского утвердило союз между им и великим князем. Василий решился идти к Москве; в то же время пошли к ней и князья Боровский, Ряполовские и другие, собрав войско в Литве и соединившись с татарскою ратью, шедшею на помощь к Василию. Шемяка, желая не допустить к Москве великого князя, расположился станом у Волока Ламского, но малочисленный отряд войска Василиева под предводительством боярина Плещеева, обошед Шемяку, явился в Кремле и овладел им без битвы: граждане с радостию вновь присягнули Василию. Шемяка и Можайский при сей вести ушли в Галич, оттуда в Чухлому и в Каргополь. Великий князь, соединясь с Боровским, взял Углич, но скоро потом он простил убийц своих, Иоанна Можайского и Шемяку, который страшными клятвами обязался хранить к нему верность и никогда не мыслить о великом княжении.

V. (380—381). 1448. Своим последним несчастием как бы примиренный с судьбою и в слепоте оказывая более государственной прозорливости, нежели

доселе, Василий начал утверждать власть свою и силу Московского княжения. Восстановив спокойствие внутреннее, он прежде всего дал митрополита России: Иона был посвящен российскими епископами, и с того времени мы сделались совершенно независимы от Константинополя по делам церковным. Избрание митрополита было тогда важным государственным делом: он служил великому князю главным орудием в обузданий других князей. Вторым попечением Василия было утвердить наследствованное право юного сына: он назвал 10-летняго Иоанна соправителем и *великим князем.* Он дал новогородцам крестный обет не нарушать их прав, утвержденных на древнем основании Шемякою, а внуков Кирдяпы оставил господствовать в Городце, в Суздале, с условием, чтобы они признавали его своим верховным повелителем. Князь Рязанский Иоанн обязался грамотою не приставать ни к Литве, ни к татарам и быть везде заодно с Василием, а Бориса Тверского великий князь назвал в грамоте *равным себе братом,* обещая за себя и за сына не мыслить о присоединении Твери к московским владениям. Наконец, утвердив уделы за верными своими сподвижниками, Василием Боровским и Михаилом Андреевичем, братом Можайского, Василий утвердил мир и с Литвою.

V. (383—387). 1450. Новое вероломство Шемяки нарушило спокойствие великого княжения. Епископы российские от имени всего духовенства писали ему, что он не исполняет договора, но их красноречивое послание не могло тронуть души, ожесточенной злобою. Наконец Димитрий явно решился начать войну. Он хотел нечаянно взять Кострому, но князь Стрига и мужественный Феодор Басенок отразили приступ. Василий, сделав последний бесполезный опыт усовестить врага своего, увидел, что один гроб может примирить их: он решился действовать и составил ополчение сильное. Шемяка расположился станом близ Галича; князь Оболенский предводительствовал московскими полками и союзными татарами; сошлись перед стенами Галича; сразились с остервенением: москвитяне одолели, истребили почти всю пехоту Шемякину и пленили его бояр; сам князь едва мог спастися: он бежал в Новгород. Василий, находившийся при войске, дал галичанам мир и своих наместников; присоединив сей удел к Москве, он возвратился с веселием в столицу. Сия битва особенно достопамятна, как последнее кровопролитное действие княжеских междоусобий. Шемяка, принятый в Новегороде, не успокоился, взял с набранною им дружиною Устюг и пошел к Вологде, чтобы открыть себе путь к Галичу, но, не завладев ни одним городом, возвратился в Устюг, где великий князь оставил его два года в покое, будучи занят войною с татарами, вторгнувшимися опять в его области.

1451. Казань уже начала быть опасною для Москвы; в ней царствовал Мамушек, сын Махметов, убийца отца и брата. Его дружины осаждали Устюг, беспокоили муромские и владимирские пределы, от коих ходил отражать их 10-ти-

летний Иоанн Васильевич. Но более страха и вреда претерпела наша столица от царевича Мазовши, коего отец, хан Синей или Ногайской Орды, требовал дани от Василия. Татары осадили Москву, сожгли посады, но вдруг, приведенные в ужас, бежали; и Василий, удалившийся к Волге, возвратился в свою столицу.

1458. Видя снова мир и тишину в великом княжении, великий князь не хотел долее терпеть Шемякина господства в Устюге, собрал войско и, оставшись сам в Галиче, послал полки с сыном своим Иоанном, с князьями Боровским, Оболенским и Феодором Басенком к берегам Сухоны. 1453. Шемяка бежал в северные пределы Двины, скитался из места в место, наконец достиг Новгорода, где через год умер от яду: виновник сего гнусного дела остался неизвестным. Василий изъявил нескромную радость.

V. (395—399). 1456. Избавясь от главного врага, великий князь начал действовать гораздо смелее и решительнее в пользу единовластия. Можайск был присоединен к областям великого княжения, и князь его бежал со всем семейством в Литву, куда ушел из Новагорода и сын Шемякин. Новгород, оскорблявший великого князя и тем, что давал убежище врагам его, и тем, что противился его верховной власти, был усмирен. Москвитяне, предводимые князем Оболенским и Федором Басенком, взяли Русу и разбили сильную дружину новгородскую, посланную их преследовать. Новгород пришел в ужас. Отправили архиепископа с другими чиновниками к Василию, находившемуся тогда в Яжелбицах. Он склонился на мир, взяв с новогородцев 8 500 руб. и заключив с ними договор, выгодный для его могущества. В сие время умер в монашестве князь Рязанский, Иоанн Федорович, внук знаменитого Олега, поручив сына Василия и дочь великому князю, который взял их в Москву, а в Рязань послал управлять собственных наместников. Но, заботясь о выгодах своего властолюбия, Василий поступил, как неблагодарный хищник, с своим шурином, сподвижником в несчастии и верным слугою в счастии, князем Василием Ярославичем Боровским: он послушал услужливых клеветников и сослал несчастного князя в Углич, где он должен был страдать в жестоком заточении. Сын Ярославича Иоанн бежал в Литву к другому изгнаннику, князю Можайскому; они соединились против общего врага, но усилия их не имели успеха: литовцы не помогли им; столь же безуспешным остался и замысел верных слуг князя Бобровского, которые хотели увезти его из Углича, но заплатили за верность свою жизнию. Присвоив себе удел Галицкий, Можайский и Боровский, Василий оставил только Михаила Верейского князем владетельным; других не было, ибо и внуки Кирдяпины принуждены были покинуть Суздальскую область. Оставалась одна Вятка, которая, быв частию Галицкой области, не хотела повиноваться Василию. 1458. Против нее послан был князь Ряполовский: он не имел успеха. 1459. На другой год явилось новое, сильнейшее войско, и вятчане покорились государю Московскому.

Любя умножать власть свою, Василий не дерзал коснуться Твери, где князь Борис Александрович, сват его, скончался независимым (1461), оставив престол сыну, именем Михаилу. Великий князь не теснил также и новогородцев, а псковитянам дал сына своего Юрия, который скоро, однако, возвратился к отцу, оставив во Пскове вместо себя наместника Иоанна Оболенского Стригу.

Нет сомнения, что Василий в последние годы жизни или совсем не платил дани моголам, или худо удовлетворял их корыстолюбию, ибо они делали часто набеги на области московские, но всегда были отражаемы с успехом.

1462. Не достигнув еще старости, Василий, изнуренный в телесных силах от бедствий, им претерпенных, скончался на 47 году жизни, несправедливо именуемый первым самодержцем российским, но, действительно, приготовив многое для успехов своего преемника. Хотя он и не умел властвовать, но оставил после себя государство Московское сильнейшим прежнего. Надобно, однако, заметить, что своею духовною он снова восстановил уделы, ибо, утвердив великое княжение за старшим сыном Иоанном, он отдал Юрию Дмитров, Можайск и Серпухов, Андрею большому Углич, Бежецкий Верх, Звенигород; Борису Волок Ламский, Ржев, Русу; Андрею меньшому Вологду, Кубену и Заозерье, а матери их Ростов, городок Романов, казну свою и все удельные волости, которые бывали прежде за великими княгинями. Таким образом, он снова разделил государство: отнимая города у других князей только для выгод собственного властолюбия, он не имел ни ума, ни твердости быть основателем спасительного единовластия.

Кроме междоусобий, государствование Темного ознаменовалось разными злодействами, и даже законные казни изъявляли жестокость варварскую: Москва в первый раз увидела так называемую торговую казнь; самых именитых людей, обвиняемых в государственных преступлениях, начали всенародно *бить кнутом*: сие унизительное для человечества обыкновение заимствовали мы от моголов[12].

В княжение Василия основан знаменитый Соловецкий монастырь[13] на диком острове Белого моря: еще в 1429 году благочестивый инок Савватий водрузил там крест и поставил уединенную келию. Св. Зосима через несколько лет создал церковь Преображения, устроил общежительство и выходил в Новгороде жалованную грамоту на весь остров.

V. (412—418). При Василии Темном россияне были поражены несчастием Греции, как их собственным. Константинополь пал с своим императором перед могуществом Магомета II, но россияне, жалея о Греции, нимало не думали, чтобы сила новой Турецкой империи была опасна и для них: улусы и Литва ограничивали тогда действия нашей непрозорливой политики; ливонские рыцари и шведы занимали единственно новгородцев и псковитян; все остальное составляло для нас мир чуждый, предмет одного любопытства, а не государственного внимания.

С Васильева времени сделалась известною Крымская Орда[14], составленная Эдигеем из улусов черноморских. Сыновья сего князя, вопреки завещанию отца, разделились, и все погибли в междоусобии. Был избран в ханы юный Ази, потомок Чингис Хана, воспитанник какого-то земледельца Гирея, в честь коего он назвал себя Ази-Гиреем, в память чего и все ханы Крымские назывались *Гиреями*. Покорив многие улусы в окрестностях Черного моря, Ази-Гирей основал новую, независимую Орду Крымскую; обложив данью города генуэзские в Тавриде, он разбил нашего врага хана Седи-Ахмета и принудил его бежать в Литву, где он умер в темнице. Сие новое гнездо хищников, славных под именем татар крымских, до самых позднейших времен беспокоило наше отечество.

Состояние России от нашествия татар до Иоанна III

Россия, в начале XI века утвержденная в христианстве и в порядке государственном, имела училища, законы, торговлю, многочисленное войско, флот, единодержавие и могущество гражданское. Что была в это время Европа? Феатр феодального тиранства, слабости венценосцев, дерзости баронов, рабства народного, суеверия, невежества.

Но разделение нашего отечества и междоусобные войны, истощив его силы, задержали россиян и в успехах гражданского образования. Мы двигались медленно или стояли, а Европа стремилась к просвещению: крестовые походы сообщили ей сведения и художества Востока; торговля ожила и распространилась; селения и города откупались от угнетательной власти баронов; государи по собственному движению давали гражданские права и выгоды, благоприятные для общей пользы, для промышленности и для самых нравов; лучшая исправа ограждала безопасность личную и обуздывала силу; с обретением Иустиниянова кодекса[15] понятия людей о правах и правосудии сделались яснее и основательнее; всеобщее употребление языка латинского открыло сокровище познаний и мыслей в творениях древних; словом, с половины XI века состояние Европы явно переменилось в лучшее, а Россия со времен Ярослава до самого Батыя только была терзаема междоусобиями: не было порядка и спокойствия, столь нужных для успехов гражданского общества. Наконец, нашествие Батыево ниспровергло Россию; могла угаснуть и последняя искра жизни: к счастию, не угасла; имя, бытие сохранилось; открылся только новый порядок вещей, горестный для человечества. В то время, когда благодетельные сведения и навыки более и более размножались в Европе, народы освобождались от рабства, города входили в тесную связь между собою для взаимной защиты; когда изобретение компаса распространило мореплавание и торговлю; художники, ученые ободрялись правительствами; возникали университеты для высших наук; разум приучался к деятельности, к правильности мыслей; нравы смягчались;

войны утратили свою прежнюю свирепость; дворянство стыдилось разбоев, и рыцарская честь соединилась с мужеством; обходительность, людскость, учтивость сделались известны и любимы: в сие время Россия, терзаемая моголами, напрягала силы единственно для того, чтобы только не исчезнуть: нам было не до просвещения.

Если бы моголы, оставив степь и кочевание, переселились в наши города, то могли бы существовать и доныне в виде государства: сего не случилось. Ханы желали единственно быть нашими господами издали, требуя от князей только повиновения и серебра. Что долженствовало быть следствием? Нравственное унижение людей, привычка к рабству, корыстолюбие, бесчувствие к обидам и стыду, татьба втеснялись в наши нравы. Для отвращения злодейств введены были телесные наказания, еще более унизившие характер народный. Следы сих бедственных времен не изглажены и поныне; самая храбрость, отличительное свойство русских в первые времена, ослабела, не питаемая более честолюбием. Прежде князья действовали мечом; под игом татар низкими хитростями и жалобами в Орде. Если мы в сие ужасное время не совсем лишились нравственности, любви к добродетели, к отечеству, то прославим действие веры; она удержала нас на степени людей и граждан; в своем уничижении мы возвышали себя именем христиан и любили отечество, как страну православия.

Внутренний государственный порядок изменился: все, что имело вид свободы и древних гражданских прав, стеснялось, исчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь в Орде, возвращались оттуда грозными властелинами. Везде, кроме Новагорода и Пскова, умолк вечевой колокол, глас высшего народного законодательства; города лишились права избирать тысяцких, которые важностию и блеском своего народного сана возбуждали зависть не только в княжеских чиновниках, но и в князьях. Происхождение наших бояр теряется в самой глубокой древности: сие достоинство могло быть старее княжеского. Хотя оно, кажется, никогда не бывало наследственным, а только личным, и впоследствии давалось государями, но каждый из древних городов имел своих особенных бояр; недовольные князем своим, они имели право переходить с своею многочисленною дружиною на службу другого князя; словом, они составляли у нас некоторую аристократию. С уничтожением уделов и достоинство боярское утратило свою древнюю важность. Бояре, действуя через князя на граждан, могли и через последних действовать на первого; сия опора исчезла: одним словом, рождалось самодержавие. После бедствий междоусобия и ужасов ига татарского оно было необходимым следствием единодержавия, давшего России и могущество соединением раздробленных частей ее.

В течение многих веков россияне не могли живо увериться, что соединение княжений обходимо для их государственного благоденствия. Даже и Москва, более Киева и Владимира наученная опытами, медленно и недружно дви-

галась к государственной целости. Уставилось лучшее право наследственное, но раздробление уделов продолжалось. Так называемое *братское старейшинство* великого князя было одно условное обязательство. Народ, граждане, бояре удельные знали только своего князя и не присягали Московскому. Однако мало-помалу великий князь получил перевес в силах: все изготовилось к счастливой перемене.

Какими средствами? При Данииле Москва сделала первый шаг: к Москве присоединился Переславль-Залесский и многие земли, отнятые у князя Рязанского. Георгий завоевал Можайск и выходил себе в Орде великое княжение Владимирское, а брат Георгиев, по милости Узбека, сделался главою всех иных князей. Иго татарское обогатило казну великокняжескую установлением поголовной дани и разных налогов, дотоле неизвестных; удовлетворяя алчности ханов, князья обогащали и себя. Сим объясняется, как мог Иоанн Даниилович купить столько сел и даже целые области. С богатством увеличилось и могущество, и внук Калиты дерзнул на битву с ханом; он не приобрел ничего, кроме славы, но слава умножает силы. Наследник Димитриев, возвратясь из Орды с ярлыком на Суздаль, Городец, Нижний, восстановил древнее Суздальское великокняжение во всей полноте его и мирным присвоением Мурома, Торусы, Новосиля, Козельска, Перемышля распространил Московскую державу, которая, с прибавлением Вятки, составляла уже знатную часть древней России Ярослава Великого. Но древние государи наши, Рюрик, Святослав, Владимир, брали земли мечом; князья Московские поклонами в Орде. Сие унижение есть истинное бедствие их времени, но и бедствия могут иметь следствия благодетельные: лучше бы было, когда бы Россия, не раздробленная на уделы, соединилась в одно целое, но в два века сего не случилось; могло пройти еще сто лет и более в княжеских междоусобиях: чем заключились бы оные? Вероятно, погибелию нашего отечества. Но государственное бытие и вера спасены Москвою, а Москва обязана своим величием ханам.

Одним из достопамятных следствий татарского господства над Россиею было ещё возвышение нашего духовенства: политика ханов, угнетая народ и князей, покровительствовала церковь и ее служителей; часто святители были посредниками между нашим отечеством и Ордою, и ханы под смертною казнию запрещали подданным своим грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами: знатнейшие люди скрывались в святые обители и в них искали убежища от бедствий своего века. Церковь обогащалась, и ее владения благоденствовали, свободные от налогов ордынских и княжеских. Новогородские святители употребляли Софийскую казну в пользу государственную, но митрополиты наши не следовали сему достохвальному примеру; народ жаловался на скудость; иноки богатели. Весьма немногие из нынешних монастырей российских были основаны прежде или после татар: все другие остались памятником

сего времени. Но духовенство наше не оказывало властолюбия, свойственного духовенству Западной Церкви, и, служа великим князьям в государственных делах, не спорило с ними о мирской власти. Церковь наша не изменялась в своем главном первобытном характере: она смягчала нравы, проповедывая христианские и государственные добродетели. Милости ханские не могли ни задобрить, ни усыпить ее пастырей. История России подтверждает истину несомнительную, что вера есть особенная сила государственная.

Господство моголов, вредное для нравственности, но благоприятное власти государей и выгодное духовенству, почти не оставило никаких следов в народных обычаях, в гражданском законодательстве, в домашней жизни и в языке россиян. Татары были сперва идолопоклонники, потом магометане; мы называли их обычаи *погаными* и вышли из-под ига их более с европейским, нежели азиатским характером: Европа нас не узнавала, но для того, что она в сии 250 лет изменилась, а мы остались, как были. В самом словаре языка русского едва ли отыщется 40 или 50 слов татарских. Народ *гражданский* мог ли что заимствовать от *кочующего?*

V. (443—449). Вообще с XI века мы не подвинулись в *гражданском законодательстве*, чему виною были замешательства и непостоянство в правлении внутреннем. Татары не вступались в наши судные дела гражданские. Государь давал законы, судил через своих наместников и дворян, от наместника зависели дворские и сотники; первые судили холопей, вторые поселян; так было и в уделах. Правосудие зависело от произвола судящих; *Русская правда* лишилась достоинства и силы общего народного уложения, вместо коего давались судьям наказы или грамоты княжеские, весьма неопределительные. Кроме Двинской судной грамоты Василия Дмитриевича, мы имеем еще две XV века, Псковскую и Новогородскую: в обеих говорится о *законных поединках,* кои назывались *полем.* Псковская грамота, в коей определены некоторый судные пени, есть только отрывок или прибавление к иным уставам; Новогородская же именно ссылается на другие, нам неизвестные грамоты. В ней говорится *о присяжных,* кои заседали вместе с *судьями* и *докладчиками; о рассказчиках* или *стряпчих,* предлагавших дело, и о *дьяках,* записывавших оное с приложением печати. Суд духовный, основанный на Кормчей книге, или Номоканоне[16], был не лучше гражданского, ибо сии законы греческие во многом не шли к России и долженствовали часто уступать место произволу судей. В таком состоянии находилось правосудие и в других землях Европы около X века, но в XV веке, имея училища законоведения и римское право, Европа в сем отношении далеко нас опередила.

V. (449—455). Не менее отстали мы *и в искусстве ратном.* Кроме пороха, в течение сих веков мы не приобрели ничего нового. Все главные чиновники государственные: бояре *(старшие, путные, окольничие)* и дворяне были лучшею частию войска и назывались *двором великокняжеским.* Второй многочис-

леннейший род записных людей воинских назывался *детьми боярскими* (прежние боярские отроки, а княжеские обратились в дворян). Купцы и граждане без крайности не вооружались, а земледельцы никогда. Лучшее войско состояло из конницы, однако ж, мы имели и пехоту. Знаменитые полководцы сего времени суть, кроме Невского и Донского: Димитрий Волынский, князь Василий Оболенский и московский дворянин Федор Басенок. Заметим, что летописи Василия Темного в 1444 году упоминают о *козаках* рязанских. Итак, козаки были не в одной Украине. Их имя сначала принадлежало торкам и берендеям, обитавшим на Днепре, ниже Киева, где они назывались *черкасами:* козаки также. Вспомним *касогов*, обитавших между Каспийским и Черным морем; прибавим, что осетинцы и ныне именуют черкесов *касахами:* это заставлять думать, что торки и берендеи, называясь *черкасами,* назывались и *козаками.* Под сим именем они образовали воинскую христианскую республику в южных странах Днепра; взялись быть защитниками литовских владений со стороны крымцев, турков и снискали покровительство Сигизмунда I, давшего им земли выше днепровских порогов, где город *Черкассы* назван их именем. Они разделились на *сотни* и *полки,* коих глава или гетман получил от короля Стефана Батория знамя, бунчук, булаву и печать. Собственно так называемые козаки з*апорожские* были частию малороссийских: Сеча их ниже днепровских порогов служила сначала *сборным местом*, а после сделалась постоянным жилищем[17]. Вероятно, что пример украинских козаков, всегда вооруженных на свою защиту, дал мысль и северным городам нашим составить подобное земское войско. Область Рязанская, наиболее подверженная нападению ордынцев, имела более нужды в таких защитниках.

Россия, несмотря на бедствия XIV и XV веков, имела знатное *купечество.* Древний *путь греческий* для нас закрылся, но мы открыли новые пути торговли: с Востоком через Орду, с Константинополем и Западом через Азов, посредством реки Дона. Купцы, торговавшие шелковыми тканями, назывались в Москве *сурожанами* по имени Сурожского или Азовского моря; они были главными вместе *с суконниками,* которые продавали немецкие сукна, получая оные из Новагорода, где цвела торговля Ганзейская. Ордынские купцы живали в Москве, Твери, Ростове: они доставляли нам азиатские товары и лошадей, а брали в обмен меха и ловчих птиц. Казань заступила место древнего царства Болгарского: купцы московские и другие торговали в ней с Востоком. Мы имели много серебра и, наконец, могли отменить *мордки* или *куны*, древние наши ассигнации, упавшие в цене со времени нашествия Батыева; они скоро исчезли и в Новегороде и Пскове: что прежде называлось *кунами,* то стало называться *деньгами,* и древняя кожаная гривна, оцененная на серебро, обратилась в десятую часть рубля. Жители некоторых областей промышляли своими особенными произведениями: новогородские — хмелем и льном; новоторжские — кожами;

галичане и двиняне — солью. Хлеб и рыба составляли знатнейший из торгов внутренних.

V. (459—473). Хотя под игом татарским и не было почти у нас сношений с Западом; однако через торговые связи Новгорода с Германиею москвитяне довольно скоро узнали важнейшие европейские открытия, как то: изобретение бумаги и пороха. В XV веке уже мы перестали употреблять *хартию* или *пергамен.* — К *художествам р*усским прибавилось одно: монетное; монетчики назывались *денежниками.* В Москве, кроме церквей и стен, не было ни одного каменного здания до XV века. Новогородский епископ Ефимий в 1433-м году поставил у себя на дворе *каменную* с *тридцатью дверями палату,* украшенную живописью и боевыми часами; а митрополит Иона в 1449 такую же с домовым храмом Положения Риз. Роскошь состояла во множестве слуг, в богатой одежде, в высоком доме, в погребах, наполненных бочками крепкого меду, особенно, в созидании храмов и в драгоценных окладах икон. Киев, украшенный византийским искусством, превосходил Москву XV века, но Греция до самого падения действовала и на нее; за наше серебро мы получали с мощами и *книги.* Основанием Московской Патриаршей библиотеки была митрополитская, заведенная во время господства ханского над Россиею. Знание греческого языка было необходимо для знатнейшего нашего духовенства, в монастырях жила история российская. Кроме церковных и душеспасительных книг, мы имели от греков всемирные летописи и разного рода повести. Между тогдашними произведениями собственной нашей словесности достопамятны пиитическое изображение *Куликовской битвы* и похвала *Димитрию Донскому*[18]. Первое многими чертами напоминает *Слово о полку Игореве,* хотя и менее стихотворно. Россия имела особенную систему нравоучения в своих народных пословицах; многие из них несомнительно относятся к сему времени: *где царь там и Орда*, или *такали, такали новогородцы да и протакали.* Вообще, язык наш от XIII до XV века приобрел более чистоты и правильности. Писатели тщательнее держались грамматики церковных книг, но часто ошибались и на употребление, отчего в слоге нашем закоренела пестрота, освященная древностию.

О КОРОНОВАНИИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА В ВАРШАВЕ

(Отрывок из письма)

Вчера совершилось в Варшаве коронование государя императора. Не имея времени описывать его подробно, сообщаю одни главные черты сего важного события. Для коронования приготовлена была огромная зала сената, находящаяся во дворце и замечательная по некоторым историческим воспоминаниям.

Она украшена была великолепно. На одном конце ее воздвигнут был трон: два кресла стояли на возвышении под балдахином, на коем изображены были все гербы Царства Польского, и посреди них, в двоеглавом орле России, белый орел Польши. Посреди залы возвышался крест; вдоль стен, справа, слева и насупротив трона, стояли сенаторы, нунции и депутаты Царства; над ними, на балконе, поддерживаемом колоннами, находились знатнейшие дамы Варшавы. С нетерпением ожидали прибытия государева. И он и государыня императрица слушали в греко-российской дворцовой церкви обедню. Наконец подали знак, что император приближается; глубокое молчание воцарилось в собрании, двери палаты отворились и торжественный ход начался. Государь явился, предшествуемый знатнейшими сановниками, несущими регалии, епископами и архиепископами; за ним государыня уже в короне и порфире, его высочество наследник, великие князья цесаревич и Михаил Павлович, и сановники придворные. Их высочества заняли приготовленные для них места. Несшие регалии: императорскую корону, державу, скипетр, порфиру, меч и хоругвь Царства, на коей также в двоеглавом орле России изображался белый орел Польши, стали по обеим сторонам трона, и архиепископ примас произнес молитву. Когда государь возложил на себя императорскую корону, надел порфиру, принял в руки державу, скипетр, украсил цепью ордена Белого Орла государыню императрицу, архиепископ провозгласил троекратно: vivat rex in aeternum*. За сим последовало трогательное, разительно-величественное действие: монарх России и Польши, украшенный венцом прародительским, преклонил колено пред невидимо присутствующим Богом, произнес молитву за себя и за народ, вверяемый его любви Промыслом: лицо его оживлено было чувством, и твердый голос его иногда прерывался от сильного движения душевного; внимавшие исполнены были глубокого благоговения и проливали слезы благодарности. За сим явлением последовало другое, столь же трогательное и величественное: государь, в короне и порфире, с державою и скипетром в руках, стоял один на возвышении трона; все присутствующие пали на колена; можно сказать, что все Польское Царство, в лице своих представителей, преклонилось пред своим монархом, и архиепископ примас, в свою очередь, провозгласил молитву за царя и за благоденствие его державы. Сим совершился обряд коронования. Из палаты сената государь, предшествуемый всеми сановниками, сопровождаемый сенаторами, нунциями и депутатами, пошел в церковь св. Иоанна, где воспет был благодарственный молебен. Площадь дворцовая, чрез которую шла процессия, кипела людьми: при появлении императора всё всколебалось, всё воскликнуло в один голос. Сия огромная туча народа, которая от самого низа площади, движущеюся массою, возвышалась до кровель высоких домов, сей громозвучный,

* Да здравствует царь вечно! (*лат.*).

непрерывный приветственный клик, с коим сливался звон колокольный и гром выстрелов пушечных, сие блестящее, безоблачное небо, озаряющее царя торжествующего, и народ, его прославляющий, всё сие вместе составляло картину единственную. День сей останется незабвенным в летописях Польши. Им окончательно утверждено бытие и на все времена определены границы Польского Царства. Сим торжественным коронованием запечатлен неразрывный союз двух соплеменных народов: корона России на главе польского царя есть символ благотворного соединения: она знаменует, что два народа, разные именем, составляют одно семейство под сению одной отеческой власти.

[Варшава. 13 мая 1829].

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ

СОБИРАТЕЛЬ

ПЕРВЫЙ ГОД

1829

№ I

ОТРЫВКИ

I

Взгляд на мир и на человека[1]

Чем ближе планета к солнцу, тем сильнее на нее действие солнца, тем она от него зависимее: ее обращение (rotation), то есть, ее *собственное* движение медленнее; а ее круговращение (circulation), то есть движение *подчиненное*, быстрее. Обращение Меркурия 24 часа, а круговращение 88 дней. Обращение Сатурна 10 часов, а круговращение 50 лет; круговращение Урана 84 года.

Чем отдаленнее планета от солнца, тем более она имеет самобытности, тем она зрелее. Меркурий исчезает в свете солнца, не имеет спутника, зависим в своем движении. Уран почти не пользуется светом солнца, но имеет собственный свет, коим озаряет, может быть, шестнадцать спутников, движется медленно, и его спутники обращаются около него в противоположном направлении с спутниками других планет.

И так планеты представляются нам на разных степенях зрелости. Меркурий еще во младенчестве; Уран уже почти достиг своего развития: он зависит еще от солнца, но уже готов сам сделаться солнцем для своих шестнадцати спутников, дабы с ними начать иное бытие в общей системе мироздания. Что же конец Урана, относительно к системе нашего солнца? Превращение в солнце.

Самобытности и зрелости планет, по мере их отдаления от солнца, должно соответствовать и большее или меньшее совершенство одушевленных существ, их населяющих. Человек, житель земли, по месту, занимаемому планетою его в системе солнечной, должен быть совершеннее обитателей Меркурия и Венеры, но должен уступить в совершенстве обитателям Марса, Юпитера, Сатурна, Урана. Солнце, в свою очередь, должно принадлежать с миллионами солнц (озаряющих каждое свои планеты и представляющихся нам малыми звездами) к одной системе, имеющей средоточием какое-нибудь высшее солнце, нам уже невидимое. Сии бесчисленные, подчиненные солнца так же должны иметь большую или меньшую зрелость, смотря по их положению относительно к их центральному, высшему солнцу; а сие высшее солнце с миллионами ему подобных может такъ же принадлежать к системе еще высшего. И так далее до бесконечности, которой человеческому уму постигнуть невозможно. И над этою бездною величия, необъятного только для ограниченного человека, неведомо где, неведомо как, властвует Бог — Создатель и Хранитель; и мимо этой бездны, прямо к сему Создателю, по одному только духовному свойству своему, из каждой планеты, из каждого солнца переносится мыслию постигающая Его душа, которая по планетному или солнечному бытию своему зависит от своего места, ей назначенного в пространстве, а по своей духовной сущности независимо принадлежит к одному общему, нераздельному царству Божию. Бог есть единое солнце единого духовного мира. Он есть средоточие, к которому стремится постигающая Его душа. Планеты обращаются в пространстве и времени около светил своих; душа вне пространства и времени живет в вечности стремлением к создавшему ее Богу. Светила и планеты переходят из низшего материального образа в высший; а душа по духовной лестнице нравственного совершенства стремится к Божеству, к достижению образа Божия, и вечность есть не иное что, как сие вечное восхождение. На всех планетах, на всех солнцах чувствуют Бога, и все сии чувствующие Его создания, более или менее совершенные по своему планетному или солнечному временному

бытию, составляют в то же время, где бы они ни были, на какой бы точке неизмеримого пространства ни существовали, одно нераздельное братство. Их жизнь одно — *стремление к Богу!* Со всех миров раздается один общий хор хваления Божия, и все миры соединены одною связью — любовью к Богу. Человек на своей пылине, исчезающей в бездне создания, есть ничто, когда сравнит себя с нею, а ее с миллионами солнц и светил. Что земная жизнь его? Что земное его величие? Что земные его блага? Но сей же человек, скоропреходящий сын земли, есть вечный сын неба! Ничто, достойное неба, на земле не исчезает: ни одна высокая мысль, ни одно чистое чувство здесь не гибнут! Ими он принадлежит не земле, а сему возвышенному, вечному миру, сему царству Божию, в коем он есть брат всех других братьев, с ним вместе, каждый с своей планеты или своего солнца постигающих Бога. Высокая мысль, высокое чувство и согласное с ними дело непосредственно сообщают его с Богом, а Бога приближают к нему. В чем же земное назначение человека? Твори добро на земле — пока ты временный житель земли! но твори добро для неба — ибо ты гражданин неба! Земля — училище; жизнь — воспитание; Бог — воспитатель; цель человека — постигать Воспитателя мыслию: *вера*; чувствовать его сердцем: *надежда*; удостоиваться его делом: *любовь*; и все в одном: *смирение*! А что смирение? Благоговейное признание зависимости нашей от Бога и согласование мыслей, чувств и дел наших с Его волею. И все правила нашей жизни заключаются в одном слове *да будет Твоя воля!*

II
Смерть Адама[2]

Девятьсот тридцать лет совершилось Адаму, когда он почувствовал над собою силу Божия слова: *ты умрешь смертию.*

«Собери сыновей и внуков моих, — сказал он плачушему Сифу. — Хочу еще раз видеть и благословить их». — Число их было велико. Они покорились призванию отца; пришли к нему, и стояли пред ним, и молились о его жизни.

«Кто из вас, — сказал Адам, — взойдет на святую гору Эдема? Быть может, найдет он еще для меня милосердие, и возвратится ко мне с плодом от дерева жизни!» И каждый из предстоявших готов был идти; но Адам избрал благодушного Сифа[a].

Осыпав пепломъ главу свою, поспешно приблизился он ко входу Эдема. И он воскликнул: «Милосердый, помилуй отца моего! дай вкусить ему от плодов дерева жизни».

Быстро явился пред ним Херувим светозарный Эдема. И ветвь о трех листьях была в руке его, на место плодов от дерева жизни. «Отнеси ее отцу тво-

ему, — приветно сказал Херувим, — да будетъ она для него последним здесь утешением. Вечной жизни нет на земле. Спеши къ Адаму. Час его наступил».

И Сиф возвратился къ Адаму. «Не принес я тебе, — сказалъ он, — плодов от дерева жизни. Но ветвь сию дал мне сияющий Херувим Эдема, дабы в последний раз утешить тебя на земле».

И радостно принял Адам священную ветвь: онъ почувствовал благовоние Рая, и душа его ободрилась. «Дети, — сказал он, — нет для нас на земле вечной жизни: вы все последуете за мною. Но листья сии освежили[6] меня! от них благоухает новым светом». — Очи его потемнели, и дух его отлетел.

Дети Адамовы погребли отца своего и плакали над ним тридцать дней; но Сиф не плакал. Он посадил на могиле отца, над главою мертвого, ветвь Эдема и назвал ее *ветвию новой жизни, ветвию пробуждения от смертного сна.*

Из малой ветви произросло великое древо, и многих сынов Адамовых подкрепило оно утешением новой жизни.

Так перешло оно к другим поколениям, и разцветало прекрасно в саду Давида; когда же сын его впал в заблуждение и усомнился в бессмертии, оно увяло, но семя его не погибло.

И когда на древе, из семени сего призращенном, кончил святую жизнь свою податель бессмертия Искупитель, тогда на всю землю, на все народы пролилось от него благовоние новой жизни.

Гердер

III
Польза истории для государей

Сокровищница просвещения царскаго есть История, наставляющая опытами прошедшего, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомит Государя с нуждами его страны и его века. Она должна быть главною его наукою. Освященная религиею, она воспламенит в нем любовь к великому, стремление к благотворной славе, уважение к человечеству и даст ему высокое понятие о его сане. Из нее извлечет он правила деятельности царской. Сих главных правил немного. Познакомив с судьбою народов и объяснив причины их бедствий и благоденствия во всех временах, История должна сказать ему в заключение: *Верь, что власть Царя происходит от Бога*, но верь сему не для того, чтобы поставить себя выше суда людей, а для того, чтобы подчинить себя верховному суду Бога; верь сему, какъ Людвиг XII и Генрих Великий; сию веру имел и Иоанн Грозный, но в душе его она была губительною насмешкою над Божеством и человечеством. *Уважай закон и научи уважать его своим примером:* закон, пренебрегаемый Царем, не будет храним и народом.

Люби и распространяй просвещение: оно сильнейшая подпора благонамеренной власти; народ без просвещения есть народ без достоинства; им кажется легко управлять только тому, кто хочет властвовать для одной власти; но изъ *слепых* рабов легче сделать свирепых мятежников, нежели из подданных *просвещенных,* умеющих ценить благо порядка и законов. *Уважай общее мнение*: оно часто бывает просветителем монарха; оно вернейший помощник его, ибо строжайший судия исполнителей его воли; мысли могут быть мятежны, когда правительство притеснительно или нерадиво; общее мнение всегда на стороне правосудного Государя. *Люби свободу*: то есть, уважай и личную безопасность и права и мысли каждого, и охраняй их законом от самовластия исполнителей закона, кои под видом угождения воле царя утесняют человечество в подданных. Свобода и ненарушимость закона одно и то же. Любовь к свободе в царе утверждает любовь к повиновению в подданных. *Владычествуй не силою, а порядком*: истинное могущество Государя не в числе его воинов, а в твердом благосостоянии народа. *Будь верен слову*: без доверенности нет уважения, неуважаемый бессилен. *Окружай себя достойными тебя помощниками*: заблуждение царя[а], удаляющее от него людей превосходных, предает его на жертву корыстолюбивым рабам, губителям его чести и народного блага. *Уважай народ свой*: тогда он сделается достойным уважения. *Люби народ свой*: без любви царя к народу нет любви народа къ царю. *Не обманывайся на счет людей и всего земного, но имей в душе идеал прекрасного — верь добродетели!* Сия вера есть вера в Бога, она защитит душу твою от презрения к человечеству, столь пагубного в правителе людей. Наконец в заключение слова Иоанна Мюллера, коими он оканчивает свою Всемирную Историю: *умеренность! порядок!*[б] а смысл их: не упускай никогда из виду своей цели; подвигайся вперед, не быстро, но постоянно; строй без спеха, но для веков; исправляй, не разрушая; не упреждай своего века, но и не отставай от него; не будь его рабом, но свободно и могущественно с ним соглашайся: будешь владеть им, когда не презришь его совета; будешь его жертвою, или окружишь себя жертвами, когда захочешь его пересилить.

IV
Климат физический и нравственный[4]

Душа Государя есть то же для нравственной жизни народа[а], что климат для жизни физической человека.

На снегах Лапландии человек не живет, а прозябает; вид его печален, ум ограничен, история молчит об нем. Степи Африканские совершенно необитаемы: с ужасом проходят по их необъятным равнинам караваны, не оставляя по

себе и следов; иногда только, засыпанные песком, задушенные знойным ветром, они остаются ужасными свидетелями того, что страна сия не создана для человека[6]. Степи Южной Америки были бы так же безлюдны: но там расцветает гостеприимная пальма; целый народ теснится вокруг нее, она дает ему жилище, одежду, прохладу, пищу и питье.

Таково действие климата на жизнь человека; таково же и действие души Государя на нравственное бытие народа[а]; она *определяет*, чему быть кругом престола; снежным ли пустыням Лапландии, среди которых человек только что прозябает; печальным ли степям Африки, на коих кости одни свидетельствуют о бытии человека, или пышным странам, где все живет, где все достигает своего развития, возбуждаемое властью благотворною, которая порядком хранит свободу и свободою животворит порядок[в].

ВЫПИСКИ

I
Ничтожность человека на Земле

Дни человека яко трава. Как сельный цвет отцветает он. Ветер пройдет над ним, и его не будет, никто, на коем он цвел, не узнает его[5].

ГЛАВК ДИОМЕДУ[6]

Друг, для чего о породе моей меня вопрошаешь?
Листьям лесным племена человеков подобны. На землю
Ветер бросает увядшие листья; другие выводит
Лес, оживая с весной молодою. И люди подобно!
Племя одно настает — исчезает племя другое.

Илиада, II. VI

Зачем пробуждаешь меня, ветер весенний. Играя со мною, ты говоришь мне: окропляю тебя росою небесною. Но время увядания моего близко, близка непогода, которой умчат мои листья. Завтра придет странник, придет любовавшийся моею красотою; в поле кругом будут искать меня взоры его и уже не найдут меня[7].

Оссиан

II
Памятники

Die Erde ein Denkmal guter und grosser Menschen.

Von uralter und aeltester Zeit, unerwecklich entschlummert,
Heget der Ort *Nachhall,* bleibet der Stein *Monument*[8].

Schlegel

La tombe des grands hommes est l'univers entier elle ne se fait pas remarquer par quelques inscriptions gravées sur des colonnes dans une sepulture privée; mais jusques dans les contre'es étrangères et sans inscription, leur memoire est bien mieux dans les esprits que dans des monuments fastueux[9].

Paroles de Périclès

Die Stätte, die ein guter Mensch betrat,
Ist eingeweiht; nach hundert Jahren klingt
Sein Wort und seine That dem Enkel wieder.

Goethe

То место, где был добрый, свято!
Для самых поздних внуков там звучит
Его благое слово и живет
Его благое дело.

Кто скрыт во глубине сих грозных пирамид?
Внимай! Забвенье здесь со смехом говорит:
Они мои! я их пожрало!
Воспоминанье здесь оковы разорвало.

Who lies inhumed in the terrific gloom
Of the gigantic Pyramid? —
Oblivion lauglis and says:
The Pray is mine!
Their memory burst its fetters[11].

III
Поэзия

Die Obeliske stieg, die Pyramide,
Die Herme stand, die Säule sprang empor,

Des Waldes Melodie floss aus dem Haberrohr,
Und Siegestaten lebten in dem Liede.

Schiller[12]

So bindet der Magnet durch seine Kraft
Das Eisen mit dem Eisen fest zusammen,
Wie gleiches Streben Held und Dichter bindet.
Homer vergass sich selbst, sein ganzes Leben
War der Betrachtung zweier Männer heilig,
Und Alexander in Elysium
Eilt den Achill und den Homer zu suchen.

Goethe[13]

Певцы сотрудники вождям;
Их песни жизнь победам
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам[14].

There is a pleasure in the pathless woods,
There is a rapture on the lonely shore,
There is society, where none intrudes,
By the deep sea, and music in its roar.

Byron[15]

Homer

Der blinde Sänger stand am Meer,
Die Wogen rauschten um ihn her,
Und Riesenthaten goldner Zeit
Umrauschten ihn im Feyerkleid.

Da kam zu ihm auf Schwanenschwung
Melodisch die Begeisterung,
Und Ilias und Odyssee
Entstiegen mit Gesang der See.

Hält er gesehn — wär' um ihn her
Verschwunden Himmel, Erd und Meer:
Sie sangen vor des Blinden Blick
Den Himmel, Erd' und Meer zurück.

Stolberg[16]

Барды

Барды поют. Мы извлекаем камень из шумящего потока и, согласуясь с размером песней Уллиновых, то протяжных, то быстрых, кладем под него три вражьи выпуклые щита, кладем кинжал и панцырь, окружаем камень насыпью земли и так его приветствуем:

Сын потока, ныне возвышающийся над землею! беседуй здесь с племенами грядущими о мощномъ племени Сельмы. Некогда в бурную ночь усталый путник возляжет под тобою; шумящий мох твой пробудит его сны; увидит он прошлые годы, увидит кровавые битвы, увидит царей, с голубыми щитами нисходящих в сражение, и луна туманная осветит пред ним смятенное поле. Он проснется с зарею, заметит кругом себя гробы воинов и спросит: что знаменует сей камень? И ему скажет старец: сей камень воздвигнут был Оссианом, героем минувшего времени.

Оссиан[17]

Die Poesie lebte im Ohr des Volkes, auf den Lippen und der Harfe lebendiger Sänger: sie sang Geschichte, Begebenheit, Geheimniss, Wunder und Zeichen; sie war die Blume der Eigenheit eines Volks, seiner Sprache und seines Landes, seiner Geschäfte und Vorurtheile, seiner Leidenschaften und Anmassungen, seiner Musik und Seele.

Herder[18]

IV
Предание[19]

О предание народное! ты кивот завета от прошлых времен к временам настоящим. В тебе народ заключает оружие своих баснословных героев, и чистую ткань своих мыслей, и свежие цветы чувств своих. Кивот священный, не прикоснется к тебе иноземец, пока сам твой народ не осквернит и не предаст тебя.

О песнь народная! Ты страж Эдема воспоминаний — с крилами Архангела, с гласом Архангела, но часто и с мечом Архангела. Пламя истребляет Историю, начертанную кистью живописца; вооруженные опустошители разхищают сокровища памятников; но песня остается! неискаженная, живет она среди народа, и если низкие души забудут питать ее скорбию, поить упованием, она улетает в горы, селится въ развалинах и к ним прикликает годы минувшие. Так соловей вырывается из дому, объятого пожаром; минуту отдыхает на кровле; когда же падает кровля, он улетает в лес на свободу и голосом сладостным, выше развалин и пепла, поет для прохожего песню печали.

V
Письмо[20]

Kennt ihr eine Mutter? Sie trägt viel Kinder im Schoosse,
Stumme Kinder, und doch sprechen sie tönenden Schall
Ueber das Welmeer hin, hin über die Weiten der Erde,
Wem sie wollen; es hört auch der Entfernete sie.
Selbst der Taube vernimmt der Kinder schweigende Sprache,
Und erzählet es laut was ihm die Stummen gesagt.

Sapho. Übersetz von Herder

VI
История

Сосуд серебряный с плодами золотыми[21].

История есть душа памяти, толкователь прошедшего, оракул жизни, путеводный светильник истины[22].

Цицерон

История в некотором смысле есть священная книга народов, главная, необходимая; зерцало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дололнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Карамзин

S'illustrer en faisant soi même ou en décrivant ce qu'ont fait les autres.

Salluste[24]

Геродот

Wie eine antike Bildsaeule des Janus, der mit einem Antlitz in's Land der Poeten zurück, mit dem andern in eine neue Welt hinsiehet, in ein werdendes Zeitalter der Prose.

Herder[25]

Als Herodotus einst die Musen freundlich bewirthet.
Schenkten zum Danke sie ihm jede derselben ein Buch.

Herder[26]

Thucydide sur son Histoire[27]

Il me suffira, que mon travail soit regardé comme utile par ceux qui voudront connaître la vérité de ce qui s'est passé et en tirer des conséquences pour les événements semblables ou peu différents, qui par la nature des choses humaines se renouvelleront un jour. C'est une propriété, que je laisse pour toujours aux siècles à venir, et non un jeu d'esprit fait pour flatter un instant l'oreille.

Thucyd: Trad. de Levesque

СОБИРАТЕЛЬ

№ II

ОТРЫВКИ

I

Человек[1]

Всё в человеке и самая наружность являет его превосходство над другими живущими творениями: стан его прям и возвышен, вид повелителен, голова подымается к небу; на лице его печать достоинства; образ его выражает душу; высокость его назначения проникает сквозь грубые члены телесные и светом божественным сияет в чертах лица его; величественная осанка, твердая и смелая поступь означают благородство и первенство; он кажется не принадлежащим земле; он видит ее издали и, попирая ногами, как будто пренебрегает ее. Но человек *один* ничто; его могущество заключается в *общежитии*: оно пробудило его способности, усовершенствовало его ум, соединило его силы; без него человек был бы самое дикое и в то же время самое беспомощное творение:

обнаженный, безоружный, безприютный, он видел бы в окружающей его природе одну пустыню, обитаемую страшными для него чудовищами. Но сильный обществом, он мог пойти на врагов своих войною: одних усмирил и привел в подданство, других принудил к отступлению, рассеял, уничтожил; он одолел их силою, хитростью, числом, искусством; уменьшив или истребив зло — вредные их породы, он утвердил свою безопасность и основал повсеместное на земле царство, которому границами служат одни места неприступные, далекие пустыни, знойные пески, снежные горы, темные пещеры, последние убежища непокоренного хищного зверя.

Бюффон

II

Природа, преобразованная человеком[1]

Природа есть откровенный *внешний* престол величия Божия. Человек, проникая в нее, постепенно возносится к *таинственному* престолу Его всемогущества. Назначенный обожать Создателя, он в то же время есть повелитель созданий. Данник неба, владыка земли, он образует ее, населяет, обогащает. Он учреждает между живыми творениями порядок, подчиненность, согласие; он украшает самую природу, обрабатывая, распространяя и очищая ее; под рукою его истребляется волчец и терний и размножаются виноград и розы. Какое зрелище представляют сии печальные пустыни, где никогда не бывало человека! Деревья без коры и сеней, согбенные, разрушенные, падающие от дряхлости; другие, гниющие близ первых на грудах уже согнивших, давят и умерщвляют зародыши, готовые развиться. Здесь природа, повсюду блестящая младостью, кажется устарелою и больною: на поверхности земли, загроможденной развалинами произведений ее, вместо цветущей зелени, является какая-то безобразная насыпь гнили, из коей торчат безлиственные, мохом и плесенью покрытые деревья; в низких местах скопляются воды нечистые, мертвые, без движения, без истока; почва земли, нечто ни твердое ни жидкое, неприступна, равно бесполезна для жителей вод и суши; болота, покрытые водяными, зловонными растениями, питают одни ядовитые насекомые и служат гнездилищем гадов нечистых; между сими болотами, покрывающими низкие места, и дряхлыми лесами, растущими на местах высоких, простираются степи, саванны, не имеющие никакого сходства с пышными нашими лугами: там полезные растения заглушены зловредными; не видишь цветущей муравы, сего нежного пуха земли, не видишь пестрых лугов, означающих пышное плодородие; одни растения дикие, твердые, иглистые, переплетенные, как будто не земле принадлежащие, ле-

жат на ней как кора, иссохшие смятые, сдавленные в толстый войлок. Нет путей, нет сообщения, нет следов человеческих среди сих диких пустынь; и человек, проникая в них, принужден идти по тропе дикого зверя, ежеминутно готовый сделаться его жертвою; ужасаемый его ревом, приводимый в трепет самим молчанием сих грозных уединений, он останавливается, он мыслит: «Дикая природа мертва и отвратительна. Я, я один могу даровать ей и жизнь и прелесть: осушим сии болота; оживим протоками сии безжизненные воды; обратим их в ручьи, проведем их в каналы; сожжем сии вредоносные растения, сии устарелые полуистлевшие леса; пускай железо довершит истребление огня: скоро на место осоки и лапутника, из коих жаба извлекает свой яд, увидим ранункул, клевер и сочные, питательные травы; веселые стада начнут попирать сию землю, доселе для них неприступную; они найдут на ней изобильную, беспрестанно возобновляющуюся пищу, размножатся и в свою очередь станут способствовать плодотворению: вол покорится ярму, и плуг пойдет по земле, и обработанная она оживится, и новая природа выйдет из рук человеческих.

О сколь прекрасна сия природа, преображенная, украшенная промышленностью человека! И сам он есть главное украшение, есть благороднейшее создание сей природы. Своим искусством он обнаруживает ее тайны. Сколько сокровищ, досель незнаемых! Какие разнообразные, неистощимые богатства! Цветы, плоды, семена усовершенствованные, размноженные до бесконечности; породы полезных животных переселенные, расплодившиеся, облагороженные; породы животных вредных или истребленные или изгнанные; драгоценное золото и более его драгоценное железо, исторгнутые из внутренности земли; потоки обузданные; реки подчиненные; море покоренное, узнанное, исплаванное; земля повсюду доступная, повсюду живая и животворящая: в долинах веселые луга; равнины, покрытые пажитями или жатвою; холмы, украшенные виноградниками и садами, увенчанные пышными деревьями, осеняемые рощами молодыми; пустыни, обратившиеся в населенные области; города, полные деятельной жизни; дороги открытые, безопасные, кипящие путниками; тысячи памятников силы и славы… всё, всё говорит о могуществе человека, обладателя, преобразователя природы.

Но человек обладает природою только по праву победы: одною деятельностью неусыпною может он удержать за собою свое владение. Прекратись его деятельность — и всё изменяется, всё падает, всё снова переходит под власть природы: она опять вступает в права свои; она изглаживает создания человека, покрывает пылью и мохом великолепные его памятники, рушит и уничтожает их временем и наконец ему остается одно бесплодное сожаление о великих созданиях труда, уничтоженных небрежением.

Бюффон

III

Общество человеческое, преобразованное христианством[3]

Нравы римлян были испорчены, хотя законы ихъ были превосходны[а]: конец страха Божия есть начало безнравственности. Против сего всеобщего врага[б] философия была бессильна: она подкрепляла, успокаивала, спасала немногих; но толпу — и знатных родом и чернь — угнетало постыдное рабство порока, разврата и нищеты. Таково было состояние Рима и с ним всего образованного мира в те времена, когда самовластие необузданно бешенствовало, ругаясь судьбою 120 000 000 людей. Душная туча деспотизма[в], нравственного и политического, гражданского и военного, лежала над лучшими областями Европы, Азии, Африки, в царствование Тиверия и ненавистных его преемников, коих свирепое безумство[г] обратило в клеймо поругания имена *Калигул*, *Клавдиев, Неронов* и *Домицианов*. Пред сими чудовищами в образе человеческом законы умолкли и разум оцепенел[д]; тогда перестали пророчествовать оракулы; религия призраков и народная вера в могущество идолов исчезли вместе с правительством, с коим столь тесно соединялись. Закон Моисеев был также изменен лжемудрием Фарисейским. Мир остался без веры; лицемерие и бесстыдство разделяли между собою владычество нравственности. Общественное и политическое здание древнего света готово было исчезнуть, поглощаемое бездною Рима[е]. Последнее прибежище гражданственности было разрушено: монархия наследственная, сия спасительная, твердая форма правления, существующая законом и для закона, не могла пустить своих корней на почве Рима[ж], окровавляемой яростью Тиверия. Древний свет погибал, ниспровергнутый *тремя* бедствиями, постепенно уничтожившими общую нравственность: *рабством* гражданским, невольничеством *женщин* и совершенным отсутствием *воспитания*[з]. Сии бедствия, усиленные роскошью, праздностью, невежеством и своеволием римского народа, отравляли жизнь общественную[и]. Рабы, отпущенники, доносчики, палачи-солдаты, низкие угодники сладострастия ползали[к] перед престолами первых преемников Августа. Сократова философия была подпорою малого числа добродетельных и просвещенных, но и те находили убежище только в гробе, и самоубийство было последним усилием свободы, последнею отрадою отчаяния. А что могло быть спасением для толпы несчастных и бедных, раздавленных нищетою? И где было искать спасения в сии времена, когда человечество издыхало вместе с человеческим родом, когда уже не было людей, а были только римляне и сии римляне были дикие звери?

С неба, только с неба мог низлиться спасительный свет[л]; свыше должно было послышаться слово мира; *Евангелию креста* надлежало сойти к человеческому роду — и оно сошло к нему. Евангелие креста, в сии времена безотрадные, было истиною самою возвышенною и простою, словом самым великим и ясным, под-

порою самою твердою и сладкою, лекарством самым целительным и всеобщим, и таковым осталось оно на все времена, для всех поколений. Евангелие любви христианской и веры христианской всё изменило: нравы и законы, искусства и науки, человека и народы, слабых и сильных, подданных и царей! Оно изгнало и будет изгонять из среды человеческого общества сии *три* бедствия древнего мира: гражданское *рабство,* невольничество *женщин* и *невежество* народа. Оно просветило не одних богатых, знатных и ученых[м]; но вместе и бедных, и низких, и слабых умомъ, и младенцев. Истины Евангелия доступны всем: каждому возрасту, каждому состоянию; в них откровение всех наших надежд[н], всего, что мы должны знать, чувствовать, желать, творить, чтобы быть людьми, гражданами, супругами, отцами, детьми, христианами! Убедительнее[о] всех философий древности Евангелие изъяснило нам природу человека: и что он есть, и что человечество, и что человеческий род, и что всеобщее, братское равенство людей пред Богом, и что гражданское равенство людей перед законом. Оно не есть ни таинственная мудрость жрецов египетских, ни фантастическая философия браминов, ни символическое учение Зороастра, ни философское нравоучение Сократа или Конфуция: оно есть чистый, Божественный голос первозданной, светлой души, беседующей непосредственно с Богом[п]; одно оно дарует сердцу сие восхитительное[р], младенческое стремление к существу Высочайшему, к вечному источнику бессмертия[с]; оно одно освящаетъ земную жизнь, знакомит с ее величием[т], отторгает от ее ничтожностей и делает нас независимыми от страха смерти, указывая на дорогу неба. Им восторжествовала *нравственность.* Оно утвердило достоинство человека; оно наконец было и будет твердейшим основанием сего *священного союза силы* и *света* для общего блага, истинным источником образованности, невозбранно распространяющей свои пределы, источником совершенства, бессмертного, как род человеческий, для стремления к нему сотворенный.

Гассе

IV

Gott und Natur[4]

1

Lichtgepflegt, um Sonnen kreisen
Erden in dem Aethermeere,
Und in regelfesten Gleisen

Rollen der Kometen Heere,
Und in tausend Zungen preisen
Geister ihres Schöpfers Ehre:
«Geheiliget werde Dein Name!»
Aber — Der zu Dienern Welten
Und zum Thron hat die Natur,
Und zum Boten Sturmes Schelten,
Und zur Schrift des Feuers Spur,
Wählt, zum Bessern und Vergelten,
Oft die inn're Stimme nur:
«Zu uns komme Dein Reich!»

(I Buch der Könige, Cap. 19.)

2

Die Kräfte, die das All gestalten,
Die messend der Verstand erspäht,
Die fernhin zwischen Sonnen walten,
Wodurch die Uhr der Welten geht,
Die nimmer rasten, nimmer alten —
Sie künden Gottes Majestät!
Und staunend — ahndend sinkt der Forscher nieder,
Und jeder Tag sieht ihn als Schüler wieder.

Doch —grösseres, als Zelten trennen,
Als sich verschloss in Baumes Haft,
Liess uns der Herr in dem erkennen,
Was im Gemüthe mächtig schafft.
Nur Geist dem Geiste kann es nennen:
Es ist des ew'gen Geistes Kraft!
Und ahndend — glaubend sinkt der Forscher nieder
Und jeder Tag sieht ihn als Schüler wieder.

3.

In der Vielheit ist das Eine,
Und die Schöpfung das Symbol;
Und es wirkt die Kraft im Steine
Und wir sehn ihr Wirken wohl;

Doch den Urgrund zu durchdringen
Kann nicht Sterblichem gelingen.

O, und doch ist's gross und schön
Diese Wunder zu durchspähn,
Zu erforschen, zu erfragen,
Folgend deutungsvollen Winken
Kühn des Räthsels Lösung wagen
Und — in Demuth hinzusinken
Vor Ihm, dem Gott der Lieb' und Kraft,
Der innen lebt und aussen schafft!

4.

Blüthentraum des Erdenlebens,
Du, der Jugend gold'ne Zeit!
Fülle üppig regen Strebens,
Unbekannt mit herbem Leid —
O, so flüchtig ist dein Morgen,
Und des Mittags Schwüle naht,
Und es streuen finst're Sorgen
Dornen auf den Lebenspfad.

Darum heiligt diese Jahre,
Bittet herzlich unsern Gott,
Dass euch seine Kraft bewahre
Vor der Lüge gift'gem Spott;
Um das Höchste zu erstreben
Weihet euch der Wahrheit nur:
Wahrheit fordert — Wahrheit geben
Gott, Geschichte und Natur!

C.

V

Смертный и Боги[5]

Клеанту ум вскружил Платон.
Мечтал ежеминутно он

О той гармонии светил,
О коей мудрый говорил.
И стал Зевеса он молить:
Хотя минуту усладить
Его сим таинством небес!..
«Несчастный, — отвечал Зевес, —
О чем ты молишь? Смертным, вам
Внимать не должно небесам,
Пока вы жители земли!»
Но он упорствовал. «*Внемли!*
Отец, тебя твой молит сын!»
И неба мощный властелин
Безумной просьбе уступил,
И слух безумцу отворил:
И стал внимать он небесам,
Но что ж послышалося там?..
Земных громов стозвучный стук,
Всех молний свет, из мощных рук
Зевеса льющихся на нас,
Всех яростных органов глас
Слабей жужжанья мошки был
Пред сей гармонией светил!..
Он побледнел, он в прах упал.
«*О что ты мне услышать дал?*
Толь небеса твои, отец?..»
И рек Зевес: «Смирись, слепец!
И знай: доступное богам
Вовеки недоступно вам!
Ты слышишь бурю грозных сил…
А я гармонию светил».

VI

Полтавский бой[6]

И ты любовник бранной славы,
Для шлема кинувший венец,
Твой близок день, ты вал Полтавы
Вдали завидел наконец.

И царь туда ж помчал дружины
Они как буря потекли,

И оба стана средь равнины
Друг друга хитро облегли.
Не раз избитый в схватке смелой,
Заране кровью опьянелый,
С бойцом желанным наконец
Так грозный сходится боец.
И злобясь видит Карл могучий
Уж не расстроенные тучи
Несчастных Нарвских беглецов,
А нить полков блестящих, стройных,
Послушных, быстрых и спокойных,
И ряд незыблемый штыков.
Но он решил: заутра бой.
…….

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровой
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули;
В кустах рассыпались стрелки;
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огнь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ее стремление крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там:
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлипенбах;
Тесним вы шведовъ рать за ратью;
Темнеет слава их знамен;
И Бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас **Петра**:
«За дело, с Богом». Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит **Петр**. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как Божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь;
Почуя роковой огонь
Дрожит, глазами косо водит,
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могучим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Равняясь строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирев,
Прервали свой голодный рев.
И вдруг — равнину оглашая,
Далече грянуло ура!
Полки увидели **Петра**.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда **Петрова**. —
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,

Страдая раной, Карл явился,
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой въ недоуменье…
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины:
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча;
Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прахъ роютъ и в крови шипят;
Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.
…….
Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим! гнутся шведы!
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит.
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Как роем черной саранчи.

Пирует **Петр**. И горд и ясен
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего
В шатре своем он угощает

Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок поднимает.

Но где же первый, званый гость?
Где первый, грозный наш учитель,
Чью долговременную злость
Смирил полтавский победитель?
И где ж Мазепа? где злодей?
Куда бежал Иуда в страхе?
Зачем король не меж гостей?
Зачем изменник не на плахе?

Верхом, в глуши степей нагих,
Король и гетман мчатся оба.
Бегут. Судьба связала их.
Опасность близкая и злоба
Даруют силу королю,
Он рану тяжкую свою
Забыл. Поникнув головою,
Он скачет, русскими гоним,
И слуги верные толпою
Чуть могут следовать за ним.

Пушкин

VII

Мысли, заимствованные из древних и новых классиков[7]

Есть Бог! Он близ тебя, с тобою, въ тебе. Говорю вам: святый дух обитает в нас, строгий свидетель наших поступков. Что мы для него, то он для нас. Нет доброго без Бога[a].

Сенека

Лучше искать славы гением, нежели силою, чтобы после краткой жизни оставить долгую память[6].

Саллюстий

Самонадеянность есть порок счастливого невежества: она отличительное свойство людей малодушных[в].

Фукидид

Не должно думать, чтобы в людях было большое различие: все более или менее одинаковы. Но тот из них одержит верх, кому воспитаниемъ дана смелость бороться с самою необходимостью[г].

Фукидид

Much bending breaks the bow; much unbending the mind.
He conquers twice who upon victory overcomes himself.

Bacon

Nichts ist was die menschliche Natur nicht erreichen könnte, wenn man ein ganzes Lebennach *einem* festgesetzten Plan einrichtet. Durch System und Ausdauer sind alle grosse Dinge ausgeführt worden.

I. Müller

Liegt dir *gestern* klar und offen,
Wirkst du *heute* kräftig-frey,
Kannst du auf ein *morgen* hoffen,
Das nicht minder glücklich sey.

Goethe

Чист душой ты был *вчера*,
Ныне действуешь прекрасно —
И от *завтра* жди добра;
Бывшим будущее ясно[ж].

Wär nicht das Auge Sonnenhaft —
Die Sonne könnt es nie erblicken;
Lebt nicht in uns des Gottes eigne Kraft —
Wie könnt uns göttliches entzücken?

Goethe

Будь не *солнечен* наш глаз —
Кто бы солнцем любовался?
Не живи дух Божий в нас —
Кто б Божественным пленялся?[з]

Il faut penser, il faut agir!
L' oisiveté pèse et tourmente!
L'ame est un feu, qu'il faut nourrir,
Et qui s'éteint s'il ne s'augmente[и].

Voltaire

Les grandes pensées viennent du coeur[к].

Vauvenargue

ВЫПИСКИ

I

Человек предмет истории
Воспитание рода человеческого
Достоинство человека[8]

Мы люди: мы ни к чему человеческому не можем быть равнодушны[а].

Теренций

Dans l'histoire se retrace de loin en loin l'Education que legenre humain reçoit de la main divine — de loin en loin, car là les siècles ne sont que des instants, les générations que des souffles. Mais la même main qui a tracé les préceptes dans le roc du désert et gravé les devoirs dans les replis du coeur, cette main guide l'homme à travers les tombeaux des nations et les ruines des empires.

L.[6]

Учение о бессмертии души есть пирамида, воздвигнутая религиею на гробе народов[в].

Гердер

L'homme toujours jeune et vivant, tendant à la lumière. L'homme toujours vivant: Car ce qui a eu une véritable existence ne périt pas, c'est un germe à reproduire par les générations futures, comme la terre conserve ses semences pour un autre printems. Le mal au contraire est anéanti, il n'a jamais existé — ce n'était qu'un fantôme nocturne, qu'on devait regarder en face pour l'apprécier, c'était une barrière à enlever par de

nobles et prudents efforts. Celui qui a mesuré le spectre, qui a arboré l'étendart du juste et du vrai sur les débris du mensonge a anéanti le mal, sa trace disparait, le souffle de Dieu a effacé jusqu'à son souvenir. *Deus afflavit et dissipata est*[г].

Vers la lumière. La main divine dissipe les ténèbres. Autrefois les foyers où brûlait le feu sacré n'étaient qu'autant de phares dans une mer orageuse, couverte de nuit : Jérusalem était sainte, mais au pied du mont Sion venaient se briser les flots de l'idolâtrie; Athènes était ingénieuse — mais au delà des montagnes il n'y avait qu'horreur et barbarie, Thraces et Scythes et le vent favorable qui peuplait le Pirée, apportait le souffle empoisonné de la peste et de l'esclavage. Rome était superbe — mais une foule affamée hurlait entre le palais des Empereurs et le temple doré de Jupiter Capitolin. — Aujourd'hui depuis la chapelle en bois que des mains charitables préparent pour les missions arctiques jusqu'aux cabanes royales de l'océan austral il y a un concert de prières et de croyances; aujourd'hui les bienfaits forment un lien entre tous les rangs de la société, les exceptions disparaissent, les exclusions s'adoucissent; aujourd'hui enfin des méridiens lumineux sillonnent le Globe, depuis les glaçons du nord, qui conservent les traces des plus hardis explorateurs, jusqu'à cette tour à l'extrémité du continent austral, d'où l'astronome correspond avec ses antipodes[д].

L.

II

Природа человека и его отношения[9]

Ум изобретает, чувства рассматривают, рука исполняет[а].

Цицерон

Рука человека творит в природе другую природу[б].

Цицерон

Язык, орудие ума, есть в то же время и теснейшая связь человека с человеком. Слово дало человеку его достоинство, обуздав его страсти. Не лира Амфионова создала грады; не талисман волшебный преобратил пустыни в сады цветущие — но сила слова: оно созвало людей в общество, соединило семейства, установило законы[в].

Гердер

Die Red' ist uns gegeben
Damit wir nicht allein
Für uns nur sollen leben
Und fern von Menschen seyn;
Wir sollen uns befragen
Und sehn auf guten Rath,
Das Leid einander klagen.
Das uns befallen hat[г].

Simon Dach

L'homme est droit, il lève la tête pour étre occupé de ce qui est au dessus de lui[д].

Fenelon

L'homme tendant au ciel où il se connaît comme en son miroir: aussi est-il une plante divine, qui doit fleurir au ciel[е].

Charron

L'homme un roseau pensant[ж].

Pascal

Der Weisheit (Wissenschaft) Gegenstand ist dreifach: *Gott*, *Natur* und *Mensch*; und dreifach ist auch der Strahl der Dinge — denn die Natur trifft den Geist mit geraden Strahle; Gott aber, wegen des unegleichen Mittelstoffes (die Geschöpfe nämlich) in gebrochenem Lichte; der Mensch endlich ist sich selber *gezeigt* und dargestellt durch den zurückgeworfenen Strahl.

Baco[з]

Die Wissenschaft ist gleich den Gewässern, von denen die einen von Himmel ab strömen, die anderen von der Erde auf springen[и].

Baco

Les vèrités divines sont infiniment au dessus de la nature; Dieu seul peut les mettre dans l'âme. Il a voulu qu'elles entrent du coeur dans l'esprit, et non pas de l'esprit dans le coeur. Par cette raison, s'il faut connâitre les choses humaines pour pouvoir les aimer, il faut aimer les choses divines pour pouvoir les connaître[к].

Pascal

III

Породы и степени гражданственности[10]

Un annaliste oriental fait ainsi l'histoire de tous les peuples nomades, en rendant compte d'une seule expédition de Dchinghiskhan: il a envahi, détruit, brûlé, tué, pillé, disparu[a].

Scheu in des Gebirges Klüften
Barg der Troglodite sich;
Der Nomade liess die Triften
Wüste liegen wo er strich;
Mit dem Wurfspiess, mit dem Bogen
Schritt der Jäger durch das Land:
Weh dem Fremdling, den die Wogen
Warfen an den Unglücksstrand.
……
Freyheit liebt das Thier der Wüste,
Frey im Aether herrcht der Gott,
Ihrer Brust gewalt'ge Lüste
Zähmet das Naturgebot;
Doch der Mensch in ihrer Mitte
Soll sich an den Menschen reih'n,
Und allein durch seine Sitte
Kann er frey und mächtig seyn[6].

Schiller

Les peuples *chasseurs* accoutumés aux privations, aux fatigues, aux dangers sont en général sobres, robustes et braves. Toute leur industrie se borne à dresser un arc, à tailler des flèches, à construire des huttes, à unir ensemble quelques pelleteries. Ils n'ont de dornestique que le chien, et d'aides que leurs femmes, leurs enfants et leurs vieux parents[в].

Duméril

La vie des *pêcheurs* est à peu près la même que celle des chasseurs ; cependant eu général elle est plus douce, et comme ils ont moins de besoins, ils multiplieut davantage, ils commencent à se civiliser, ils ont déjà plus d'adresse, ils construisent des canots et des pirogues, ils font des filets; les poissons leurs fournissent toutes les armes et les ustensiles dont ils ont besoin: les tendons deviennent des cordages, les arêtes des aiguilles, les épines des pastenâques et des silures des moyens d'attaque et de défense, les mâchoires de-cétacés des poutres et des murailles solides; la graisse supplée la lumière du jour dans leurs demeures souterraines. I в.

Les putres. Les peuples ont dâ nécessairement devenir *pasteurs* dans les climats tempérés et surtout lorsqu'ils ont pu dompter une espèce d'herbivore: or presque tous les habitants du Globe ont obtenu de pareilles conquêtes: les Caffrès ont le buffle, les Arabes le cheval et le chameau, les Tartares ont de plus que ces derniers le taureau et le mouton, les Lapons ont le renne, les Péruviens ont le lama et la vigogne, les Insulaires de la mer du sud le cochon: mais les peuples pasteurs ne sont réglés dans cet état que lorsque le terrain trop sec ne pouvoit être cultivé avec avantage; forcés de voyager avec leurs troupeaux les pasteurs (nomades) n'ont ni demeures fixes, ni propriété de terre; leur prisonniers de guerre devienneut esclaves et veillent sur les animaux; il y a parmi eux des riches et des pauvres et par suite des chefs et une sorte de gouvernement. Quelques hommes vivent du travail des autres; ils emploient leurs loisirs à la culture de l'esprit. C'est parmi eux que commencent: la poésie, l'écriture, le calcul, les longues narrations, les contes, les romans. C'est encore à cette richesse de quelques uns, à cette mollesse de la vie qu'on peut attribuer l'origine du *despotisme oriental.* I в.[д]

Die Araber

Die Turbane sind ihre Kronen, die Zelte ihre Mauern, die Schwerter ihre Zäune, das Lied ihre Urkunde.

Goethe[е]

Les agriculteurs. Dans les pays, ou des plantes, des grains, des fruits spontanément offerts par le sol contribuaient avec les troupeaux à la nourriture de l'homme, on a dû observer aussi comment les végétaux se multipliaient et des lors chercher à les rassembler dans les terrains les plus voisins des habitations, à les séparer des végétaux inutiles, pour que ce terrain leur appartînt tout entier, à les mettre à l'abri des animaux sauvages et des troupeaux et même de la rapacité des autres hommes. Ces idées ont dû naître et même plutôt dans les pays les plus féconds, où ces productions spontanées de la terre suffisaient presque à la subsistance des hommes. Ils commencèrent donc à se livrer à l'agriculture. Dans un pays fertile, dans un climat heureux, le même espace de terrain produit en grains, en fruits, en racines de quoi nourrir beaucoup plus d'hommes que s'il n'était employé qu'eu pâturages. Ainsi lorsque la nature du sol ne rendait pas cette culture trop pénible, lorsqu'on eut découvert le moyen d'y employer les mêmes animaux, qui servaient aux peuples pasteurs pour les voyages ou pour les transports, lorsque les instruments aratoires eurent acquis quelque perfection, l'agriculture devint la source de subsistance la plus abondante, l'occupation première des peuples et le genre humain atteignit sa troisième période[ж].

Condorcet

Der Pelug

Wie heist das Ding, das wenige schätzen,
Doch zierts des grössten Kaisers Hand;
Es ist gemacht um zu verletzen;
Am nächsten ist's dem Schwert verwandt.

Kein Blut vergiesst's und macht doch tausend Wunden
Niemand beraubt's und macht doch reich;
Es hat den Erdkreis überwunden,
Es macht das Leben sanft und gleich.
Die grössten Reiche hat's gegründet,
Die ältsten Städte hat's erbaut;
Doch niemals hat es Krieg entzündet,
Und heil dem Volk, das ihm verrtaut.

Schiller[3]

IV

Уважение древних римлян к земледелию[11]

Полевые работы (говорит Плиний)[a] были главным и самым почтенным упражнением наших предков: у земледелия заимствовали они первые прозвания; от разведения некоторых овощей произошли имена *Фабиев*, *Лентулов*, *Цицеронов.* Нерадивость в обрабатывании полей была замечаема цензорами и лучшею похвалою, по словам Катона[6], было имя *искусного земледельца.* С такими обычаями Италия могла довольствоваться своими жатвами, независимо от провинций, и цены на съестные припасы были в то время до невероятности низки. От чего же происходило такое великое плодородие? От уважения к землепашеству. Пахарями были тогда полководцы. Земля, осмелимся верить, с благосклонностью отверзалась под плугом, обвитым лаврами, управляемым рукою победоносною — от того ли, что сии великие люди так же пеклись о удобрении поля, как о победе, и засевали землю с таким же тщанием, с каким разбивали военные станы свои; от того ли, что все приносит скорее плод свой под рукою чистою, ибо все творится тогда с неусыпною точностью. Но в наши времена самые сии поля оставлены на произвол обремененных цепями рабов и заклейменных железом преступников: земля, как и прежде, не отвращает слуха от наших молений; но можем ли уповать, чтобы к рабам была она столько же благосклонна, как некогда к полководцам?

V

Homer

Zeiten hinab und Zeiten hinan, tönt ewig Homerus
Einiges Lied; ihn krönt jeder olympische Kranz.
Lange sann die Natur, und schuf, und als sie geschaffen,
Ruhete sie und sprach: *einen Homerus der Welt!*

Herder[12]

Lycurg

Selten vereinigten sich die zu einem Gesetzgeber erforderlichen Eigenschaften so in einen Menschen wie bey diesem: Besonneheit nnd Mässigung, tiefe Einsicht und grosse Willenskraft, innere Milde und das grösste Geschick Menschen zu lenken. Er schloss seine grosse Laufbahn mit dem ersten Spartanischen Heldentode.

Raumer[13]

Thésée[14]

……..
Tu me contais alors l'histoire de mon père.
Tu sais combien mon ame, attentive à ta voix,
S'échauffait au récit de ses nobles exploits,
Quand tu me dépeignais ce héros intrépide,
Consolant les mortels de l'absence d'Alcide,
Les monstres étouffés, et les brigands punis,
Procuste, Cercyon, et Scyrron, et Sinnis,
Et les os dispersés du géant d'Épidaure,
Et la Crete fumant du sang da Minotaure.

Racine

МУРАВЕЙНИК,

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТЫ, ИЗДАВАЕМЫЕ НЕИЗВЕСТНЫМ ОБЩЕСТВОМ НЕУЧЕНЫХ ЛЮДЕЙ

Beschäftigung, die nie ermattet,
Die langsam schafft, doch nie zerstört,
Die zu dem Bau der Ewigkeiten
Zwar Sandkorn nur für Sandkorn reicht,
Doch von der grossen Schuld der Zeiten
Minuten, Tage, Jahre streicht.

Schiller

1831

№ I

Gott hat Seelen in Staub gesenkt, damit sie durch Irrthümer zur Wahrheit hindurch brächen, und durch Fehler zur Tugend, und durch Leiden zur Glückseligkeit.

Engel

ВЗГЛЯД НА ЗЕМЛЮ С НЕБА

Есть светлая сторона. Мы ее не знаем, но верим, что она есть. И сия вера подобна действию начинающегося утра на затворенные очи спящего юноши, когда еще играют над ним сновидения ночи.

В сей стороне обитают первенцы любви Божией. Их бытие для нас непостижимо. Они блаженствуют в созерцании ясного для них Создателя.

Однажды, посреди великолепного Создания, один из сих обитателей света стоял, преклоняя взоры, в задумчивом размышлении.

— Что с тобою, брат мой? — спросил подлетевший к нему товарищ блаженства. — На лице твоем что-то нездешнее. Какое видение наполняет и как будто тревожит твою душу?

— Брат мой! — отвечал вопрошенный. — Я на мгновение отвратил глаза мои от окружающего нас света; я погрузился в глубину бездны, и чувство, никогда не испытанное, наполнило душу мою. Доселе она знала одну спокойную радость — теперь она растрогана; доселе я только обожал Создателя — теперь мое чистое обожание обратилось в благодарность, соединенную с сладким унынием.

Отклоня внимание от окружающего нас лучезарного океана, я взглянул на одну из капель, брызжущих от бесчисленных волн его. И что же! Каждая из сих капель есть бездна светил, и каждое из сих светил, едва приметных моему взору, окружено миллионами других, кружащихся около него легкою, светлою пылью и в порядке повинующихся ему как владыке.

Я устремил внимание на одну из сих светлых пылинок, и что же опять увидел? Она, как и все другие, дает жизнь своему особенному миру; пылинки, несравненно мельчайшие и уже не светлые, а только озаренные, около нее движутся в удивительном устройстве; я видал, как одни из них рождались и были в минуту рождения совершенно темные, как другие мало-помалу светлели, как некоторые, обратившись в светлые, приобщались к другим, подобно им сияющим, и как около них начиналось новое рождение.

На одной из сих темных только что родившихся пылинок остановился взор мой. Не много прошло мгновений, и уже она несколько тысяч раз обратилась кругом своего светила, кругом той лучезарной пылинки, которая исчезает в вихре праха, окружающего каждую из тех более лучезарных пылинок, кои бесчисленно блещут в замеченной мною капле.

И что же произошло в сии столь быстрые мгновения? Сначала, повинуясь движению, влекущему ее около владычествующего ею блистательного средоточия, сия бедная пылинка была сама по себе мрачною и как будто мертвою. Вдруг началось на ней движение; поверхность ее несколько раз изменилась; наконец все пришло в порядок; движение утихло; она получила некоторый постоянный образ, и несколько времени поверхность ее была как будто пустынною, и все, что на ней происходило, казалось свойственным *ничтожному* бытию пылинки…

Но вдруг нечто таинственное там совершилось: с высоты моей, с сладостным участием брата, почувствовал я, что там, на пылинке ничтожной, началась жизнь, подобная моей жизни, и что посреди ее ничтожества тихо раздалось то Имя, которое здесь столь громозвучно поражает нас среди нашего величия, раздалось и было услышано! И я увидел живые творения, увидел, как они начались, как размножались, как исчезали, уступая место одни другим, как наконец овладели всею поверхностию своего неприметного мира, и как все на поверхности его снова преобразилось.

Но сии живые творения сначала казались мне окруженными каким-то мраком, мне самому непонятным. И вдруг увидел я луч, сверкнувший над поверхностию их пылинки. И луч сей показался мне светозарнее всей окружающей меня бездны света.

О милый брат! Что же пылинка сия, темная, исчезающая в одной из сияющих капель того светозарного океана, который перед нами волнуется, которого пламенные волны громом своим сливаются в песнопение Вседержителю? И что мгновенные обитатели сей пылинки?

Но они живут и живут чудесною жизнию! И в бренной своей жизни они имеют еще и то, чего мы в величии своем не имеем. Наша участь есть безмятежное блаженство; а им — им дано страдание! При сем слове благоговейный трепет наполняет душу мою. Страдание — для них оно непостижимо, а я с высоты моей постигаю всю божественную его тайну. Страдание, творец великого — оно знакомит их с тем, чего мы никогда в безмятежном блаженстве нашем не узнаем: с таинственным вдохновением веры, с утехою надежды, с сладостным упоением любви.

Мы, обитатели света, мы в своей безмятежной вечности не ведаем тех волнений, той борьбы, того стремления к лучшему, которые наполняют минутную жизнь их во прахе. Что для нас *есть*, что для нас *всегда* было — то еще для них

будет: о том усладительно говорит им надежда! Создатель поселил нас вблизи Своего непроницаемого святилища, и мы Его *знаем* — для них же Он скрыл Себя в таинственном мраке смятенного бытия их: заключенные в тесных пределах своего ничтожного мира, они не постигают и еще не могут постигать Его всеобъемлющего Промысла; но они Его чувствуют, они к Нему стремятся сквозь тысячи преград, отделяющих от Него их душу, и они некогда найдут Его и так же постигнут, как мы Его постигаем. Их вера есть победа, одерживаемая душою и возвышающая душу. Здесь, блаженствуя любовию к Создателю, мы не властны не любить Его, столь близкого к нам, столь совершенно нам понятного. А их любовь, во прахе, в ничтожестве, в страдании — какое чудесное преобразование дарует она бытию их в этом прахе! Как украшает она для них и самый прах, где посреди изменения и тленности все говорит им о Промысле вечном.

И что же?.. С сим таинством страдания, образующего душу, соединяется другое столь же великое таинство смерти, которая всему, что окружает их в тесных пределах обитаемой ими пылинки, дает и цену, и прелесть. Смерть, страшилище мечтательное, ужасом утраты привязывает их к бытию мгновенному. Содрогаясь перед нею, они тем сильнее, как будто к сокровищу ничем незаменяемому, прилепляются к бедному своему праху и тем охотнее приемлют уроки испытующего их страдания.

Но в минуту разлуки с жизнию, они узнают и тайну смерти: она является им, уже не страшилищем, губителем настоящего и будущего, а ясным воспоминанием минувшего, которое с ним вместе вылетает из праха, вечный товарищ новой жизни.

Вот что, мой брат, погрузило меня в унылое размышление, столь изумившее тебя посреди окружающего нас блаженства. Несколько мгновений я прожил иной жизнию. Минутный обитатель праха, я испытал все, что там называется жизнию: понял в страдании сладость надежды, спокойствие веры, веселие любви, понял знаменование смерти… и насладился тем, чего нет в безмятежном нашем величии.

И теперь какое новое зрелище предо мною! Итак, все яркие капли сего лучезарного океана суть бездны миров оживленных! Итак, сии трепещущие в каждой капле пылинки суть храмы Вседержителя, равно великолепные с нашим небом! Итак, каждая пылинка кипит живыми созданиями, которые все наши братья!…

Он умолкнул… он поднял глаза… перед ним явилось опять *все* мироздание, необъятный океан света, коего волны быстро летели и гармоническим громом своим славили Вседержителя.

W. Z.

* * *

ЦИД

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ДРЕВНИХ РОМАНСОВ ИСПАНСКИХ

Горные испанцы вместе с религиею, законами, честию и свободою предков своих визиготфов[1] сохранили и употребление языка романского[2].

То были необразованные люди, характера дикого, гордые, отважные, неспособные покорствовать рабскому игу.

Каждая долина была особенною малою областию.

В сих долинах властвовали графы, коим короли визиготфские вверили наблюдение правосудия в мирные дни и предводительство народного войска во дни военные.

Когда пала монархия, сии графы были почитаемы военачальниками и покровителями народа.

Народ сей был составлен большею частию из переселенцев, покинувших свою родину, дабы, среди бесплодных утесов, спасти религию и законы отцов своих. Там не было отдаваемо никаких отличных почестей фортуне: под кровлею бедной хижины часто находили человека, победившего в сражении. Вероятно, что в сии времена вошла в испанские нравы сия гордая важность кастильская, замечаемая ныне в самых нищих.

Санхо Великий[3], король кастильский, в начале XI века соединил под державу свою почти все христианские области полуострова; от него зависели Астурия, Наварра и Аррагония; он первый принял титул короля Кастилии и может быть почитаем родоначальником королевских домов Испании.

При сем короле родился Дон-Родриго Диац (сын Диега), прозванный Цаидом или Цидом (господином) от побежденных им мавров[4]. Наименованный главным военачальником армии от короля кастильского, он получил еще прозвание Кампеадора (воителя).

Замок Бивар, недалеко от Бургоса, завоеванный отцом его Дон-Диегом, был местом его рождения. С женской стороны происходит он от древних графов кастильских[5]. Знаменитый породою, он приобрел богатство мужеством и оружием. Подвиги его сохранены в народных песнях или романсах[6], из коих здесь предлагается извлечение.

I

Цид в царствование короля Фердинанда[7]

Пятерых царей неверных
Дон Родриго победил[8];
И его назвали Цидом
Побежденные цари.
Их послы к нему явились,
И в смирении подданства
Так приветствовали Цида:
«Пять царей, твоих вассалов,
Нас с покорностью и данью,
Добрый Цид, к тебе прислали!» —
«Ошибаетеся, други! —
Дон Родриго отвечал им. —
Не ко мне посольство ваше.
Неприлично господином
Называть меня в том месте,
Где присутствует великий
Фердинанд, мой повелитель!
Все его здесь, не мое!»
И король, таким смиреньем
Цида храброго довольный,
Говорит послам: «Скажите
Вы царям своим, что если
Господин их Дон Родриго
Не король, то здесь по праву
С королем сидит он рядом,
И что все, чем я владею,
Завоевано мне Цидом!» —
С той поры не называли
Знаменитого Родрига
Мавры иначе, как Цидом.

* * *

Полных семь лет без успеха
Неприступную Коимбру
Осаждал Дон Фердинанд![9]
Никогда б не одолел он
Неприступныя Коимбры,

Крепкой башнями, стенами…
Но является Сан-Яго,
Рыцарь Господа Христа[10]:
На коне он скачет белом,
С головы до ног в доспехах,
Свежих, чистых и блестящих.
«Сим ключем, который блещет
У меня в руках, — сказал он, —
Завтра утром, на рассвете,
Отворю я Фердинанду
Неприступную Коимбру».
И король вступил в Коимбру;
И мечеть ее назвали
Церковью Марии Девы.
Там был рыцарем поставлен
Дон Родриго, граф Биварский;
Сам король своей рукою
Меч к бедре его привесил,
Дал ему лобзанье мира,
Только не дал аколлады[11],
Ибо то уж для другого
Было сделано им прежде[12].
И, в особенную почесть,
Конь в блестящей сбруе Циду
Подведен был королевой,
А инфанта золотые
На него надела шпоры.

* * *

Мрачен, грустен Дон Диего…
Что сравнить с его печалью!
День и ночь он помышляет
О бесчестии своем:
Посрамлен навеки древний,
Знаменитый дом Ленесов[13];
Не равнялись ни иниги[14],
Ни аварки[15] славой с ним.
И болезнью и летами
Изнуренный старец видит
Близкий гроб перед собою;
А Дон Гормас[16], злой обидчик,
Торжествующий, гуляет,

Не страшась суда и казни,
По народной площади.
Наконец, сложивши бремя
Скорби мрачно-одинокой,
Сыновей своих созвал он,
И ни слова не сказавши,
Повелел связать им крепко
Благородные их руки.
И трепещущие, робко
Вопрошают сыновья:
«Что ты делаешь, родитель?
Умертвить ли нас замыслил?»
Нет душе его надежды!
Но когда он обратился
К сыну младшему Родригу,
В нем опять она воскресла!
Засверкав очами тигра,
Возопил младой Родриго:
«Развяжи, отец, мне руки!
Развяжи! Когда б ты не был
Мой отец, я не словами
Дал себе тогда б управу!
Я бы собственной рукою
Внутренность твою исторгнул!
Мне мечом или кинжалом
Были пальцы бы мои!»
Старец в радости заплакал.
«Сын души моей, Родриго!
Скорбь твоя — мне исцеленье!
Грозный гнев твой — мне отрада!
Будь защитник нашей чести!
Ей погибнуть, если ныне
Ты не выкупишь ее!» —
И Родригу разсказал он
Про свою тогда обиду,
И его благословил.

* * *

Удаляется Родриго,
Полон гнева, полон думы
О враге своем могучем,
О младых своих летах!

Знает он, что в Астурии
Дон Гормас богат друзьями,
Что в совете королевском
И в сраженьи первый он.
Но ему сие не страшно.
Сын гидальга[17] благородный,
Он, родившись, обязался
Жизнью жертвовать для чести.
И в душе своей он молит:
От небес — одной управы;
От земли — простора битве;
А от чести — подкрепленья
Молодой своей руке.
Со стены он меч снимает,
Древней ржавчиной покрытый,
Словно трауром печальным
По давнишнем господине.
«Знаю, добрый меч, — сказал он, —
Что тебе еще постыдно
Быть в руке незнаменитой!
Но когда я поклянуся
Не нанесть тебе обиды,
Ни на шаг в минуту боя
Не попятиться… пойдем!»

* * *

Там на площади дворцовой
Цид увидел Дон Гормаса
Одного, без провожатых,
И вступил с ним в разговор:
«Дон Гормас, ответствуй, знал ли
Ты о сыне Дон Диега,
Оскорбив рукою дерзкой
Святость старцева лица?
Знал ли ты, что Дон Диего
Есть потомок Лайна Калва[18],
Что нет крови блогородней,
Нет честней щита его!
Знал ли, что, пока дышу я,
Не дерзнет никто из смертных
(Разве Бог один Всевышний)
Сделать то без наказанья,

Что дерзнул ты сделать с ним!» —
«Сам едва ли ты, младенец,
(Отвечал Гормас надменный)
Знаешь жизни половину!» —
«Знаю твердо! Половина
Жизни: почесть благородным
Отдавать, как то прилично;
А другая половина:
Быть грозою горделивых,
И последней каплей крови
Омывать обиду чести!»
«Что ж! Чего, младенец, хочешь?» —
«Головы твоей хочу я!»
«Хочешь розог, дерский мальчик!
Погоди! Тебя накажут,
Как проказливого пажа!» —
Боже праведный! Как вспыхнул
При таком ответе Цид.

* * *

Слезы льются, тихо льются
По ланитам Дон Диега;
За столом своим семейным
Он сидит, все позабыв.
О стыде своем он мыслит,
О младых летах Родрига,
О ужасном поединке,
О могуществе врага.
Оживительная радость
Убегает посрамленных,
Вслед за нею убегают
И доверенность с надеждой;
Но цветущие, младые
Сестры чести, вместе с нею
Возвращаются оне.
И в унылость погруженный
Дон Диего не приметил
Подходящего Родрига.
Он с мечом своим под мышкой,
Приложив ко груди руки,
Долго, долго, весь проникнут
Состраданием глубоким,

На отца глядел безмолвно.
Вдруг подходит, и схвативши
Руку старца: «Ешь, родитель!» —
Говорит, придвинув пищу.
Но сильнее плачет старец.
«Ты ли, сын мой Дон Родриго,
Мне даешь такой совет?» —
«Я, родитель! Смело можешь
Ты поднять свое святое,
Благородное лицо».
«Спасена ли наша слава?» —
«Мой родитель, он убит!»
«Сядь же, сын мой Дон Родриго!
Сядь за стол со мною рядом!
Кто с подобной головою
Сладить мог, тот быть достоин
Дома нашего главой». —
Со слезами Дон Родриго,
Преклонив свои колена,
Лобызает руки старца;
Со слезами Дон Диего,
Умиленный, лобызает
Сына в очи и уста.

* * *

На престоле королевском
Восседал король-владыка,
Внемля жалобам народа
И давая всем управу.
Твердый, кроткий, правосудный,
Награждал он добрых щедро
И казнил виновных строго:
Наказание и милость
Верных подданных творят.
В черной траурной одежде
Входит юная Химена,
Дочь Гормаса, вслед за нею
Триста пажей благородных.
Двор в безмолвном изумленьи.
Преклонив свои колена
На последнюю ступеню
Королевского престола,

Так Химена говорит:
«Государь, прошло полгода
С той поры, как мой родитель
Под ударами младого
Сопротивника погиб.
И уже я приносила
Перед трон твой королевский
Умиленную молитву:
Были мне даны тобою
Обещанья, но управы
Не дано мне и поныне;
Между тем, надменный, дерзкий,
Издевается Родриго
Над законами твоими,
И, его надменность видя,
Ей потворствуешь ты сам.
Государь правдолюбивый
На земле есть образ Бога.
Государь неправосудный,
Поощряющий строптивость,
Сердцу добрых не любезен,
Не ужасен и для злых.
Государь, внемли без гнева
Сим словам моей печали:
В сердце женщины почтенье
Превращается от скорби
Часто в горестный упрек!»
И король на то Химене
Так ответствует без гнева:
«Здесь твоя печаль не встретит
Ни железа, ни гранита.
Если я сберег Родрига,
То сберег его, Химена,
Для души твоей прекрасной!
Будет время, будешь плакать
Ты от радости о нем».

* * *

В час полуночи спокойной
Тихий голос, нежный голос
Унывающей Химене
Говорил: «Отри, Химена,

Слезы грусти одинокой!»
«Отвечай! Откройся! Кто ты?» —
«Сирота, меня ты знаешь!» —
«Так! Тебя, Родриго, знаю!
Ты, жестокий! Ты, лишивший
Дом мой твердыя подпоры!» —
«Честь то сделала, не я!»

* * *

В храме Божием Родриго
Так сказал своей Химене:
«Благородная Химена,
Мной сражен был твой родитель,
Не по злобе, не изменой,
Но в отмщенье за обиду,
Грудь на грудь и меч на меч!
Я тебе за мужа чести
Мужа чести возвращаю!
Я тебе в живом супруге
Все даю, что прежде в мертвом
Ты отце своем имела:
Друга, спутника, отца!»
Так сказав, он обнажает
Крепкий меч свой, и поднявши
Острие к святому небу,
Произносит твердым гласом:
«Пусть меня сей меч накажет,
Если раз нарушу в жизни
Мой обет: любить Химену!
И за все моей любовью
Ей воздать, как здесь пред Богом
Обещаюсь и клянуся!»
Так свершил свой брак с Хименой
Дон Родриго, граф Биварский,
Славный Цид Кампеадор.

* * *

Цид во всех за Фердинанда
Битвах был победоносен.
Наконец для Фердинанда
Час последний наступает:
На своей постеле смертной

Он лежит, к востоку ноги
Обратил, в руках холодных
Держит свечу гробовую,
В головах стоят прелаты,
Одесную[19] сыновья.
И уже свои он земли
Разделил меж сыновьями,
Как вошла его меньшая
Дочь Урака, в черном платье,
Проливающая слезы.
Так ему она сказала:
«Есть ли где закон, родитель,
Человеческий иль Божий,
Позволяющий наследство
Сыновьям давать единым,
Отвергая дочерей?»
Фердинанд ей отвечает:
«Я даю тебе Замору,
Крепость, твердую стенами,
С нею вместе и вассалов
Для защиты и услуги.
И да будет проклят мною,
Кто когда-нибудь замыслит
У тебя отнять Замору!» —
Предстоявшие сказали
Все: аминь! Один Дон Санхо
Промолчал, нахмуря брови.

W. Z.

(*Продолжение в следующих N.*)

LE SORT COMMUN DES HOMMES

Une fois, pendant le cours des siècles passés, a vécu un homme, et qui etait-il? Mortel! Quelque soit ton sort, cet homme te ressemblait.

Le pays de sa naissance et de sa mort nous est inconnu. Son nom a pèri sur la terre; cette vérité seule survit:

"Que la joie, la peine, l'espérance et la crainte ont successivement triomphé dans son coeur, que son malheur ainsi que son bonheur n'ont été qu'un sourire et qu'une larme; que le reste est oublié!"

Nous savons qu'il sentit son pouls battre dans ses veines, nous savons qu'il éprouva de la joie et de la tristesse, quisque tout cela est senti par chaque mortel.

Il a souffert — mais ses souffrances sont passées. Il n'a joui — mais son bonheur a fini. Il a eu des amis, qui ne sont plus, et des ennemis, qui sont tous morts.

Il aima; mais celle qu'il aima, la tombe l'a recouverte de son enveloppe impénétrable. Oh qu'elle etait belle! mais personne ne put la sauver de la mort.

Il a vu ce que tu as vu; il a souffert tout ce que tu as souffert. Il était ce que tu es, il est ce que tu seras.

Les saisons qui se suivent, le jour, la nuit, le soleil, la lune et les étoiles, la terre et la mer, la vie et la lumière, autrefois son partage, n'existent plus pour lui.

Les rayons du soleil et les nuages, qui autrefois ont tour-a-tour éclaire de leur lumiere et voile de leur ombre son oeil, n'ont laissé dans les cieux muets aucune trace de leur passage.

Les annales du genre humain, ainsi que leur ruine depuis que le monde existe, n'offrent de lui aucune trace, et dissent seulement, qu'il a vécu un homne.

Traduit de l'Anglais de Montgomery. N.

* * *

ОБРАЩЕНИЕ НОРТУМБЕРЛАНДИИ[20] В ХРИСТИАНСТВО

Из древней хроники

Перед принятием христианства король созывает танов или советников.

На этом собрании первосвященник объявляет, что он не хочет поклоняться богам неблагодарным.

Тогда один из танов, обратясь к королю, говорит: «О, государь, часто посреди зимы, когда ты пиршествовал с танами и когда огонь блистал в пепелище, случалось тебе видеть, как птица, гонимая бурею, влетала в одну дверь и вылетала в другую. Пока она летала, все ее видели; но откуда она прилетала и куда улетала, не знал никто. Мне кажется, жизнь человека подобна этой птице. Человек живет на земле не долго, но что предшествовало его рождению и что последует за его смертью, никто сказать не может. Если новая вера, которую нам предлагают, может открыть нам эти тайны, то она достойна нашего принятия».

С англ. **P.**

* * *

ИЗОБРАЖЕНИЕ АРАВИТЯН[21]

Из Фирдузи[22]

Аравитяне — люди, гордые своею свободою, никогда не преклонявшие головы, насыщающие кровью страны неприятельские и составляющие своими острыми копьями леса непроходимые.

Р.

* * *

РАЗГОВОР МАГОМЕТОВА ПРАОТЦА[23] С НЕПРИЯТЕЛЬСКИМ ВОЕНАЧАЛЬНИКОМ

Праотец Магометов требует назад свои стада.

«Зачем ты не просишь о пощаде храма, которому я угрожаю?» — спросил вождь неприятельский.

«Стада — мои, а Кааба[24] принадлежит богам: они знают, как защитить ее».

Р.

* * *

LE LANGAGE DES OISEAU

Le Sultan Mahmoud, par ses guerres perpétuelles, avait rempli son royaume de ruines et de désolation.

Le vizir de ce grand Sultan prétendait avoir appris d'un Dérviche l'art de comprendre le langage des oiseaux, au point, qu'il pouvait entendre parfaitement ce que signifiait leur ramage.

Un soir, qu'avec Mahmoud il revenait de la chasse. Ils virent deux hiboux perches sur un arbre, qui fleurissait au milieu d'un tas de décombres, près d'une muraille délabrée.

"Je voudrai se bien, dit le Sultan, savoir ce que ces hiboux se disent. Va, Vizir, écoute leurs discours, et rends moi compte de ce que tu auras entendu".

Le Visir s'approche de l'arbre et fait semblant d'etre tres-attentif a l'entretien des deux hiboux.

Étant retourné auprès du Sultan, "vous devez savoir, — dit-il, qu'un de ces deux hiboux a un fils et l'autre une fille, et qu'ils sont a conclure un contrat de mariage entre leurs enfants". Pendant que je les écoutais le père du fils dit au père de la fille: "Frère! je consens a ce mariage pourvu que tu donnes en dot a ta fille 50 villages ruinés".

A quoi le père de la fille répliqua:

"Au lieu de 50 villages, je lui en donnerai 500. Que Dieu accorde seulement une longue vie au Sultan Mahmoud, car pendant son règne, nous ne manquerons jamais de villages ruinès".

С англ. **N.**

* * *

НАС СЕМЕРО(*)

I

Простое дитя, веселое и здоровое, может ли оно знать о смерти?

Я встретил деревенскую девочку; ей было только восемь лет, как говорила она. Густые кудрявые волосы покрывали ее прекрасную голову.

Было что-то дикое в ее чертах и что-то странное в ее одежде. Глаза ее были прекрасны, и красота ее обрадовала меня.

— Дитя мое, — сказал я ей, — есть ли у тебя братья и сестры? И сколько вас?

— Сколько! — отвечала она, смотря на меня с удивлением.

— Да, сколько? Скажи мне, прошу тебя.

— Нас семеро, — отвечала она. — Двое живут в Корнваллисе, двое за морем и двое, брат и сестра, лежат на кладбище; а в деревне, подле кладбища, живу я с матерью.

— Ты говоришь, что двое в Корнваллисе и двое за морем, и что вас семеро! Милое дитя, скажи, как это может быть?

Тогда отвечала мне девочка: «Братьев и сестер, всех нас семеро! Двое из нас лежат на кладбище близ тамошнего дерева».

— Ты бегаешь, милая девочка, ты жива и здорова: если двое на кладбище, то вас только пятеро.

— Но их могилы видны, — отвечала девочка с досадою, — не более как в двенадцати шагах от нашей хижины; они лежат рядом. Первая умерла маленькая Женни! Она всегда вздыхала, пока была в постели; наконец Бог ее освободил от мук! И она ушла на кладбище, и ее положили в землю, и все лето вместе с братом Жаком играли мы вокруг ее могилы. Когда земля покрылась снегом и

(*) Издатель получил два перевода этой статьи. Он решился напечатать тот и другой, дабы доставить читателям своим удовольствие сравнения.

когда я могла бегать и кататься, брат мой Жак ушел на кладбище, и он лежит с нею рядом.

— Сколько же вас, — спросил я, — если двое уже на небе?

Маленькая девочка отвечала: «Нас семеро! Но двух уже более нет, они оба скончались, их души на небе».

То были пустые слова; маленькая девочка оставалась при своем, и говорила: «Нет! Нас семеро!»

N.

II

Невинное дитя, которое легко дышит и чувствует жизнь во всех членах, что оно знает о смерти?

Я встретил маленькую деревенскую девочку; она говорила, что ей было восемь лет; ее густые волосы вились в локонах вокруг ее головы.

В ее виде и одежде была какая-то дикость; глаза ее были прекрасны; ее красота доставила мне удовольствие.

— Милая моя, сколько вас, сестер и братьев, — спросил я у девочки.

— Нас семеро! — сказала она и с удовольствием посмотрела на меня.

— Скажи пожалуй, где они?

Она отвечала: «Нас семеро! Двое из нас живут в Корнваллисе, а двое отправились в море! Двое лежат на кладбище, брат и сестра; и близ них в хижине у кладбища живу я с матерью.

— Ты говоришь, что двое из вас в Корнваллисе живут, и двое на море, и что всех вас семеро: скажи, как это может быть?

Тогда девочка отвечала: «Нас, мальчиков и девочек, семеро. Двое из нас лежат на кладбище близ дуба».

— Ты бегаешь, ты чувствуешь жизнь во всех твоих членах, но если двое из вас лежат на кладбище, то вас только пятеро.

— Могилы их зелены; их можно видеть, — отвечала она. — До них двенадцать шагов или немного более от наших дверей; и они друг подле друга. Первая умерла маленькая Жанета, она лежала в постели и вздыхала до тех пор, пока Бог не освободил ее от страданий, и тогда она покинула нас. И ее положили на кладбище, и во все прекрасное лето, вокруг ее могилы, мой братец Ваня и я вместе играли. И когда земля покрылась белым снегом и я могла делать комки из снега и кататься, братец Ваня так же нас покинул и он лег подле нее.

— Сколько же вас, — спросил я, — если оба они у Бога на Небесах?

Маленькая девочка отвечала: «Нас семеро! Но они умерли, оба умерли, их души на Небесах!..»

Но я напрасно говорил; маленькая девочка не поняла меня и все твердила: «Нет! Нас семеро!»

М.

С англ., **из Вортсворта.**

ФРИДРИХ II[25]

Однажды Фридрих Великий увидел из своего окна толпу народа, который читал какую-то афишку, приклеенную к стене. Король приказал одному из своих пажей узнать, что это такое. Возвращясь, паж доложил королю, что это пасквиль на лицо его. «Сия бумага слишком высоко, — сказал король, — поди и опусти ее пониже, чтобы народу легче читать было».

А.

РАЗГОВОР ДЕДА СО ВНУКОМ

Один старик поздно вечером ехал со внуком своим в Базель. Они проезжали мимо развалин старинного замка; внук, глядя на них, сказал: «Смотри, дедушка, как страшно; кажется, что дух там ходит; а в нашей хижинке, смотри, как огонек мелькает! Как в ней уютно и приятно!»

Дед

Некогда и в этом замке было весело. Со временем и наша хижинка, которая теперь так уютна, будет в развалинах.

Внук

Неужели?

Дед

Да, мой друг, *будет* так. Посмотри на Базель, как он прекрасен! Какие великолепные строения! Сколько церквей! Ты сам на них с удивлением смотришь. Но через несколько *столетий*, когда мы будем давно там, (показывая на небо) и Базеля не будет.

Внук

Дедушка, не может быть.

Дед

Будет, будет так, душа моя. Путешественник, проезжая здесь, увидит голые горы и скажет: «Здесь был великолепный город Базель».

Внук

Как страшно! Мудрено поверить.

Дед

Дивись, как хочешь, но это будет. Некогда и эта земля не будет существовать. Послушай: раз в полночь придет Сторож… кто он, никто не знает! Он нездешний! И он скажет: проснитесь, проснитесь, скоро день. Вдруг гром гремит; сперва он едва слышен; потом сильнее, сильнее; наконец вся земля горит, молния сверкает…

Внук

Как страшно! А где же люди?

Дед

Люди? Уже их давно нет! Земля сгорела до дна. Послушай, есть тайный город, куда все добрые люди идут. Будь добр, веруй в Бога, останься невинным, и ты там будешь. И может случиться, что, ходя по Млечному пути, ты взглянешь вниз и скажешь своему товарищу: «Посмотри, там земля была некогда. Я там жил, пахал, пас овец, там моих родителей проводил в могилу. Я там счастлив был, но здесь мне лучше.

М.

№ II

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ

Мы не на шутку сбираемся в деревню. Я радуюсь мыслью, что увижу свою родину, которую так давно покинул; жена радуется, воображая спокойствие, уединение и веселую деятельность семейственной жизни; дети, которые никогда не покидали Москвы, работают воображением, стараясь наперед угадать, что такое деревня, большое озеро и старинный, каменный дом на горе.

Я переселяюсь в деревню на несколько лет; хочу заняться хозяйством, как следует помещику, то есть, пожить для пользы моих крестьян и утвердить на их счастии собственное свое благосостояние. В то же время я и жена имеем намерение сделаться *инспекторами* благородного пансиона, составленного из семи детей: пяти наших и двух моего брата, и *попечителями* народной школы, которая заведется по приезде нашем на мою родину и в которую приняты будут мальчики и девочки нашей деревни.

Для моего хозяйства я не делаю наперед никаких пышных планов; уверен в одном: успех зависит от знания своего дела, от постоянства, умеренности и порядка в его исполнении. *Знай* решительно, чего хочешь, какие имеешь способы, каким правилам должен следовать; думай *постоянно* о том, на что один раз решился; действуй с *умеренностью*, то есть, без спеха, смиренно спрашиваясь с обстоятельствами, не думая переливать их, а тихо давая им хорошее направление; наконец, держись *порядка*, то есть, начинай с начала и не перепрыгивай к концу через средину. Из всего этого можете вы понять, что я еду в деревню не с гордыми замыслами разрушителя, а с скромными желаниями образователя. Я много видел в моих путешествиях, много старался собрать полезных знаний и в тишине кабинета, и в обществе просвещенных людей; но этот запас мой есть не иное что, как жертва, которую намерен я благоговейно приносить могущим богам *места* и *времени.* Без их оракула ничто не удастся.

Что же касается до воспитания, то это дело другое; тут могу я действовать вольнее, ибо знаю характеры детей моих и знаком с хорошими методами. Но и здесь я враг всякой системы. Имей несколько верных правил, утвержденных опытом; остальное укажут обстоятельства.

Прежде всего, мне надобно познакомить вас со всеми моими и с будущим местом нашего пребывания. Жену и брата Ардалиона вы знаете. Из моих детей вы знакомы с одними только старшими, близнецами, Григорием и Иваном, но это знакомство сделали вы с ними в их колыбели. Обоим теперь почти одиннадцать лет. Я очень доволен сердцем Гриши: оно склонно ко всему доброму; он, кажется, будет иметь здравый ум; еще не умею сказать ничего о его характере: воля его не проснулась; надеюсь, что ум, созревая, пробудит её, а чувство должности, которое буду стараться вкоренить в него, сделает её твердою. Иван гораздо живее, одарен хорошею памятью, вообще имеет более для всего таланта; ум его, столько же дельный, гораздо любопытнее и оживлен воображением; он за все принимается с бодрым жаром, но еще, как ребенок, не имеет постоянства: оно утвердится в нем и летами, и развитием душевных способностей, и успехом. Оба они в семье у нас слывут Кастором и Поллуксом[26]. Вера, девяти лет, удивительный и странный ребенок: сердце ее прекрасное; но ее ум, живой и быстрый, представляет какой-то необыкновенный феномен, которого по сию пору я разгадать не умею: он, можно сказать, беспрестанно переходит от блистательного

света к глубокому затмению; совершенная недотрога: то развернется, то свернется, а от чего, угадать нельзя. Вера может сделаться прелестным творением, если только живость ее остепенится; но в этом-то и трудность; надобно уметь найти узду для ее вертлявого гения. Лилия — кроткий, благоразумный ребенок: она не имеет гениальности Вериной, никогда не выйдет из нее того, что могло бы выйти из сестры ее, когда бы нам удалось овладеть ею, но образовать ее, то есть сделать из нее все то, что позволяет ее особенная натура, будет легко, и с нею нельзя бояться неудачи. Софья, которой еще не более пяти лет, игрушка всего нашего семейства: она обещает иметь много ума, теперь уже показывает глубокую чувствительность и, верно, будет иметь твердый, оригинальный характер. Она буффон нашей детской труппы.

О брате Ардалионе я не имею нужды говорить вам: хотя вы и давно не видали его, но вы найдете его точно таким же, каким он был за 14 лет; все тот же чудак, важный характером, добрый сердцем и забавный умом. Сожалею, что вы не знали прелестной жены его: ее не было в Москве в то время, когда вы чрез нее проезжали. Она умерла в мае прошлого года. Мой бедный брат осиротел совершенно, переселился в дом наш с детьми и хочет быть главным инспектором классов в нашем пенсионе. Дети его очень милы и образованны; на них осталось благословение матери; во всех их привычках, чувствах и мыслях ощутительно святое влияние души ее; почитаю великим счастием для собственных детей моих, что они будут вместе с ними: в них найдут они для себя живое наставление. Старшему, Леониду, одиннадцать лет, а Маше, его сестре, десять.

Теперь вы знакомы с главными действующими лицами начинающейся нашей драмы. Дай Бог, чтобы из этой драмы не вышло ни печальной трагедии, ни смешной комедии, а просто приятная, занимательная семейственная картина. Всего плана ее не знаю; я не иное что, как директор труппы: учу моих актеров хорошенько играть роли, сам играю с ними вместе, но сколько времени придется нам вместе играть, это мне неизвестно. Пожелайте нам успеха.

Теперь опишу ту сцену, на которой, вероятно, будет разыгран первый акт нашей пьесы. Деревня моя, в которой считается более тысячи душ, находится, как вам известно, в Новогородской губернии, в Валдайском уезде. И прадед, и дед, и отец мой живали в ней с своими семействами большую часть года, от начала весны до первого зимнего пути, по которому обыкновенно отправлялись в Москву, где и проводили всю зиму. Хлебосольство и гостеприимство были добродетелью нашего семейства. В нем переход от старинных дедовских нравов к обычаям новейшим совершился неприметно: святая старина сохранила права свои; образование новейшее заступило ее место, не изгладив драгоценных ее воспоминаний; благодарю за это здравому уму и верному чувству деда моего и отца: память их жива посреди их потомства; предания семейственные столько же драгоценны, как и предания народные.

Дом мой, каменный, весьма поместительный, представляет глазам памятник трех поколений. Он построен прадедом; дед мой и отец распространили его, то есть, каждый сделал свою пристройку, не переменив ничего в прежнем здании. Все вместе составляет теперь огромную, довольно безобразную каменную массу. В средине старинные палаты времен Петра Великого, в два жилья, с высокою железною кровлею; под жилыми горницами подвалы и выходы со сводами. С правой руки каменная пристройка, сделанная моим дедом: архитектура ее напоминает о временах Елизаветы[27] и слоге Растрели[28]. С левой — прекрасное здание с колоннадою и террасою, построенное отцом моим по плану Гваренги[29]. Обе пристройки соединены с главным корпусом так, что в нем не нужно было делать для того никакой перемены: из огромной старинной залы есть дверь на широкое каменное крыльцо или, лучше сказать, на террасу, над которою верхнее жилье поддерживают каменные аркады — (на этой террасе стоят и теперь вдоль стены длинные дубовые лавки, на коих мой прадед любил сидеть после обеда, один или с гостями, и которые чисты и гладки, как стекло, от долгого употребления); сойдешь с крыльца — одна дверь ведет направо, на половину дедовскую, другая налево на половину отцовскую. В прадедовском доме, где ни одна старинная мебель не покинула своего места, жил мой дед, жил мой отец, буду жить и я: он есть святилище семейства. Дедовская половина принадлежит гостям и праздникам. Отцовская половина отдана новому поколению. Я не переменю ничего: прибавлю только то, чего потребует необходимость.

Взглянем теперь на окрестности. Надобно отдать справедливость моему прадеду. Он имел чувство прекрасного в природе, хотя и не был знаком ни с Томпсоном, ни с Клейстом, ни с Делилем[30]. Он выбрал для жилища своего самое живописное место. Дом стоит на горе довольно высокой, окнами на полдень. Полуденная и восточная сторона горы сходят прекрасным зеленым скатом к большому озеру, которое разливается по обширной равнине, огибая гору с запада и востока и составляя два глубоких залива. Пред домом озеро довольно широко, более пяти верст в поперечнике. Можно сказать, что наша гора теряется в нем нечувствительным склоном: нет берега, чистая вода плещет на зеленый дерн, и кое-где, густою опушкою, растет мелкий, частый тростник, в коем укрываются дикие утки. Влево, то есть, на востоке от дома входит в озеро длинным перешейком довольно большой полуостров, на коем растет прекрасная липовая роща. Посреди сего полуострова, на открытом месте, построена прадедом моим каменная церковь; дом священника стоит на берегу, а в тени рощи, под навесом лип, — кладбище, где в старинной часовне покоятся мои предки. Посреди озера, там, где оно наиболее обширно, против самых окон дома, находится остров, покрытый живописным кустарником: он называется *рыбачьим*, ибо служит сборным местом промышленников, когда производится на озере моем рыбная ловля. Про-

тивный берег озера с одной стороны усеян прекрасными купами дерев, между которыми вдоль берега, против самой церкви мелькают крестьянские дома; а с другой стороны образует обширный луг, за коим подымаются неприметно необозримые хлебные поля, сливающиеся с горизонтом; на самом краю его синеет сосновый лес, принадлежащий к моему владению.

На восток гора моя сходит также неприметным скатом к восточному заливу озера и к берегам быстрой излучистой реки, на устье которой построена большая мучная и пильная мельница, окруженная темными соснами. Вдоль реки, по вершине ската расположено село. Мимо его, к реке чрез мост и по всему противному берегу озера идет большая дорога, видимая из окон дома, вьющаяся между пашен и наконец изчезающая за горизонтом. От сей дороги к дому (мимо деревни, с одной стороны, и больших каменных служб, за коими видна каменная ограда плодовитого сада, с другой) ведет прямо к дому аллея из старых дуплистых ив, посаженных еще моим дедом; она примыкает к просеку прекрасной березовой рощи, которая защищает дом наш с севера.

Восточная сторона дома есть самая живописная. Здесь гора представляет утесистую стремнину, покрытую кустарником; несколько высоких холмов, находящихся между сею крутизною и озером, образуют долины, извивающиеся между ими в разных направлениях. Один холм, отделившийся от прочих, покрыт зеленым дерном, на вершине его растет несколько дубов, которые называются Ардалионовскими, ибо они посажены прадедом моим Ардалионом; средний и самый большой холм оброс кудрявыми деревьями, липами, березами и кленом; остальные представляют массы диких, один на другой набросанных утесов, заросших густым кустарником; из одного камня бьет ключ, который называется в селе *гремячим;* вода его собирается в водоем, над коим построена часовня, и потом серебряною струею, журча и сверкая по камням, бежит через долину и вливается в озеро. Против самого устья сего ручья, по ту сторону, выходит из озера прекрасная речка, которая наровень с берегами течет по широкому дну долины. Бока сей долины покрыты разнообразным кустарником; вдали ограничивает ее другое маленькое озеро, усыпанное мелкими островами и окруженное рощами, сквозь кои мелькают деревни и пашни. За этим озером в летние месяцы садится солнце, и тогда картина бывает очаровательная.

Но я замечаю, что письмо мое сделалось целою книгою. Извините: говоря о себе и о своих, я заговорился. Не знаю, буду ли вперед умереннее. Знаю только то, что вы со временем получите подробную летопись села Покровского и его жителей. Простите. Посылаю вам маленький план наших окрестностей; он сделан мною самим, от руки, пером и очень худо, но имея его перед глазами, вы легче мое описание поймете.

Покровское. 1829 Июня 12
N. N.

ЦИД

II

Только что успел Дон Санхо
Вместе с братьями в могилу
Опустить с мольбой приличной
Фердинандову гробницу,
Как уже он на коне,
И гремит трубой военной,
И вассалов собирает,
И войной идет на братьев.
Первый, с кем он начал битву,
Был Галиции властитель,
Старший брат его Дон Гарций[31];
Но сраженный в первой битве,
С малочисленной остался
Он дружиною кастильцев:
Вдруг явился Дон Родриго.
«В добрый час, мой благородный
Цид! — сказал ему Дон Санхо, —
Вовремя ко мне поспел ты!» —
«Но ты сам, король Дон Санхо,
Здесь не вовремя! — сурово
Отвечал ему Родриго. —
Лучше было бы, с молитвой
Руки сжав, стоять смиренно
У родителева гроба.
Я исполню долг вассала!
Стыд же примешь ты один!»
И Дон Гарций побежденный
Скоро в плен достался Циду.
«Что ты делаешь, достойный
Цид? — сказал с упреком пленник. —
Если б я теперь вассалом
Был твоим, я то же б сделал,
Государь, и для тебя!»
Заключен, по воле брата,
В башню крепкую Дон Гарций.
За него король леонский[32]
Восстает и посылает
Вызов к Циду, *к мужу чести,*
Подымающему руку

На бесчестно злое дело!
«Ополчися, благородный
Цид! — Дон Санхо восклицает. —
Ополчися, Цид могучий,
Перл Империи священной,
Цвет Испании, зерцало
Чести рыцарской! Леонцы
Идут против нас войною;
Веют львы на их знаменах;
Но у нас в земле Кастильской
Много замков укрепленных;
Будет, где их запереть!» —
«Государь! Святое право
За Альфонса! Лишь фортуной
Он неправ! — так отвечает
Королю Донъ Санху Цид. —
Дон Альфонс разбит и прогнан:
Он бежит к толедским маврам».
Как свирепый ястреб, алча
Новой пищи, после первой
Им отведанной добычи,
Когти острые вонзает
В беззащитную голубку,
Так Дон Санхо ненасытный,
На одну сестру напавши,
Беспомощную насильно
Запирает в монастырь.

Мирно властвует Урака
В крепком городе Заморе.
Крепким городом Заморой
Завладеть Дон Санхо мыслит.
Он к стенам его подходит.
Нет в Испании другого:
В твердом высечен утесе,
Им покрытый, как бронею,
Смелый рыцарь, отовсюду
Обнят влажными руками
Быстрошумного Дуера[33],
Он стоит, и замки, башни
(В целый день не перечесть их!),
Как венец, его венчают.

И сказал Дон Санхо Циду:
«Добрый Цид, советник мудрый,
Дома нашего подпора,
От меня к сестре Ураке
Ты послом иди в Замору.
Предложи мену Ураке;
Пусть свою назначит цену;
Но скажи ей в осторожность:
Если ныне отречется
То принять, что предлагаю,
Завтра сам возьму я силой
То, о чем теперь прошу!» —
«Что за стены! — Дон Родриго
Мыслит, глядя на Замору. —
Чем на них смотрю я доле,
Тем грозней и неприступней
Мне являются оне!»
«Что за стены! — повторяет
Про себя король Дон Санхо. —
Это первые, которых
Не заставил содрогнуться
Приближающийся Цид».
«Что за стены!» — размышляет
Конь могучий Бабиека[34],
Замедляя ход и гриву
Опуская до земли,

* * *

Тихо в городе Заморе!
Он печальный носит траур
По великом Фердинанде.
Церкви города Заморы
Все одеты в черны ткани:
И на них печальный траур
По великом Фердинанде.
И Урака, затворившись
В замке города Заморы,
О сестрах и братьях плачет;
И печальный носит траур
По великом Фердинанде.
И она вздыхала тяжко
В ту минуту, как явился

Перед городом Заморой
Дон Родриго, вождь кастильский.
Вдруг все улицы Заморы
Зашумели, взволновались;
Крик до замка достигает,
И Урака, на ограду
Вышед, смотрит… и пред нею
Цид, Кастилии гроза!
Он свои подъемлет очи,
Он Ураку зрит на башне,
Ту, которая надела
На него златые шпоры.
«Стой, Родриго! Ты вступаешь
На бесславную дорогу!
Благородный Цид, назад!»
И она ему на память
Привела те дни, когда он
Государю Фердинанду
Обещался быть надежной
Дочерей его защитой;
Дни, когда они делили
Ясной младости веселье
При дворе великолепном
Государя Фердинанда,
Дни прекрасные Коимбры.
«Стой, Родриго! Ты вступаешь
На бесславную дорогу!
Благородный Цид, назад!»
Бодрый Цид остановился!
Он впервые Бабиеку
Обратил и в размышленьи,
Прошептав: «*Назад!*», вступил он
В королевский стан обратно,
Принести отчет Дон Санху.
Но разгневанный Дон Санхо
Так ответствует Родригу:
«Безрассудны государи,
Осыпающие честью
Неумеренной вассалов!
Лишь мятежников надменных
Для себя они готовят!
Ты с Заморой непокорной

Заодно теперь, Родриго!
Ныне ум твой дерзновенный
Не в ладу с моим советом!
С глаз моих пойди, Родриго!
Из кастильских выдь пределов!
Все мои покинь владенья!» —
«Но которые владенья,
Государь, велишь покинуть?
Завоеванные ль мною,
Сохраненные ли мною
Для тебя?» — «Те и другие!» —
Цид минуту был задумчив,
Но потом он улыбнулся,
Вкруг себя спокойный бросил
Взор, и сел на Бабиеку!..
Удалился Цид… молчанье
В стане царствует, как в гробе.

* * *

Длится трудная осада;
Много было поединков;
Много рыцарей кастильских,
К утешенью дам Заморы,
Было сброшено с седла.
Не возьмут они Заморы!
Тут являются к Дон Санху
Графы, знатные вельможи.
«Государь, отдай нам Цида! —
Говорят они, — без Цида
Не бывать ни в чем удачи!»
И король послал за Цидом.
И с домашними своими
Наперед о том, что делать,
Посоветовался Цид.
Возвратиться был совет их,
Если сам король Дон Санхо
Признает себя виновным.
Цид покорствует призванью;
Сам король к нему навстречу
Выезжает; с Бабиеки
Сходит Цид, его увидя,
И его целует руку.

С той поры на поединки
Вызывать гораздо реже
Стали рыцари Заморы
Смелых рыцарей кастильских:
Каждый был готов сразиться
Хоть с пятью один, хоть с чертом,
Лишь бы только не с Родригом.
Вдруг из города Заморы
Вышел витязь неизвестный,
К пышной ставке королевской
Подошедши, так сказал он:
«За совет мой: *покориться*,
Чуть меня не умертвили!
Государь, я знаю верный
Способ сдать тебе Замору!»
Но с высокия ограды
В то же время старый рыцарь
Прокричал: «Король Дон Санхо,
Знай, и вы, кастильцы, знайте,
Что из города Заморы
Вышел к вам предатель хитрый!
Если сбудется злодейство,
Нас ни в чем не обвиняйте!»
Но с предателем Дон Санхо
Уж пошел к стенам Заморы.
Там, пред входом потаенным
Неприступные ограды,
Видя, что король Дон Санхо
С ним один и безоружен,
Острый свой кинжал предатель
Весь вонзил в него и скрылся.
И король смертельно ранен.
Вкруг него толпятся слуги;
И никто из них не молвил
Слова истины; единый
Добрый, старый, верный рыцарь
Так сказал ему: «Помысли
О душе своей и Боге!
Остальное все забудь!»
И уже король Дон Санхо
Предал в руки Бога душу.
Много рыцарей кастильских
Вкруг него стоят и плачут;

Боле всех скорбит и плачет
Благородный Дон Родриго.
«О король мой! О Дон Санхо! —
Восклицает он, — да будет
Проклят день сей ненавистный,
День, в который ты замыслил
Приступить к стенам Заморы!
Не боялся тот ни Бога,
Ни людей, кто беззаконно
Дал тебе совет нарушить
Честный рыцарства закон!

W. Z.

СМЕРТЬ АДАМА

Адаму уже было девятьсот тридцать лет, когда Бог ему объявил, что час смерти его наступает. Тогда он сказал Сифу, чтоб он собрал всех его детей и внуков, принять его благословение. Все молились и просили о жизни его. Он сказал: «Кто из вас взойдет на святую гору Эдема, чтобы принести мне один из плодов дерева жизни? Может быть, есть для меня еще милосердие!» Все были готовы исполнить его приказание, но Адам выбрал Сифа. Сиф осыпал свою голову пеплом и пошел на гору Эдема. Там просил он Бога позволить отцу его вкусить от плодов дерева жизни. Перед ним явился блистающий Серафим Рая. В руках его была ветвь с тремя листьями, и он сказал: «Твоему отцу не вкусить от плодов дерева жизни! Но вот последнее ему утешение: отнеси ему это. Вечной жизни нет на земле! Спеши, час смерти его наступает!» Сиф возвратился к отцу и отдал ему ветвь. Он сказал: «Я тебе не принес плодов от дерева жизни, но сияющий Серафим Рая дал это мне, дабы тебя в последний раз утешить». Адам принял ветвь с радостию; душа его ободрилась и он сказал: «Дети! Нет вечной жизни на земле! Вы все умрете! Но эта ветвь меня освежила: от нее благоухает новою жизнию!» Он почувствовал, что душа его отлетает, и глаза его закрылись.

R. M.

LE LEVER DU SOLEIL AU SOMMET DE L'ETNA

Fragmens d'un voyage en Sicile

L'Orient blanchissait par degrés; les vapeurs qui enveloppaient l'atmosphère commençaient à s'agiter, et les nuages placés sous mes pieds s'élevaient déjà, en roulant

leurs forms sur les flancs de la montagne… . Tout était calme: ni le chant matinal de quelque oiseau, ni le bruissement du fuillage ne venait interrompre cette improsante tranquillité…

C'était le silence de la mort… et le génie de la destruction veillant auprès!..

À travers les clairs des nuages, mes regards cherchaient quelque perspective; ils plongeaient dans l'immensité; mais tout restait encore confondu. Il fallait que l'astre du jour vînt triompher des vapeurs du matin.

Placé sur une des plus hautes sommités du monde, ce fut avec une vive émotion que j'attendis la venue du spectacle majestueux, qui allait s'offrir à mes regards.

Enfin, à la teinte éclatante qui, depuis une demi heure, paraissait couronner l'orient, et qui, de moment en moment, était devenue plus prononcée, succéda une nuance de pourpre, du sein de laquelle je vis s'élancer l'astre bienfaisant du jour. En un instant ses rayons de gloire couvrirent l'immense étendue que domine l'Etna.

En même temps, les nuages qui entouraient la montagne, échauffés, traversés par le vif éclat de la lumière, s'élevaient, se mouvaient, se séparaient en tout sens, sous mille forms bizarres; puis enfin, divisés, saisis par le vent du Nord, ils étaient emportés vers le Sud.

Leurs gigantesques ombres, courant sur les flancs de l'Etna, me représentaient les Cyclopes épouvantés fuyant les flèches d'Apollon.

La plus magnifique journée venait de s'annoncer. L'atmosphère se dégagea de ses vapeurs; et alors, comme par un effet magique, le Midi de l'Italie, la Sicile et une immense mer se déroulèrent sous mes pieds.

J'avais cru souvent trouver de l'exagération dans les descriptions que j'avais lu de la perspective admirable dont on jouit du sommet de l'Etna, au lever du soleil; je reconnus pleinement qu'un tel spectacle est encore au-dessus de toute narration.

Je restai longtemps fixé à la même place, sans m'apercevoir du froid très vif qui se faisait sentir, et que le vent du Nord rendait encore plus pénétrant…

* * *

СУВОРОВ НА СЕН-ГОТАРЕ

Русские, оставя под предводительством Суворова плодоносные равнины Пьемонта, должны были перейти через Сен-Готар[35]. Эта высокая гора, покрытая снегом и окруженная пропастями, привела их в ужас. Они начали роптать и отказались идти вперед. Их роптание не испугало Суворова. Он знал, сколь сильно они были к нему привязаны, велел выкопать на дороге яму, лег в нее и сказал: «Солдаты! Засыпьте меня землею и оставьте здесь вашего генерала. Вы более не мои дети; я более не ваш отец; мне остается только умереть». Сии слова

воспламенили русских, они бросились вперед, перешли через Сен-Готар и разбили французов.

С франц. **О.**

ГОЛОДНЫЙ АРАВИТЯНИН

Один аравитянин заблудился в пустыне. В продолжение двух дней он оставался без всякой пищи и был в опасности умереть с голоду. Наконец он достиг до одного колодезя, из которого проезжающие поили своих верблюдов, и на песке увидел маленький кожаный мешок. «Слава Богу, — вскричал он, подняв и ощупав его, — я думаю, что в нем фиги или орехи: я могу теперь насытиться!» В приятном сем ожидании он развязал мешок, но, увидев то, что в нем находилось, вскричал с неудовольствием: «Ах! Это жемчуг!»

А.

LES SAINTES IMAGES

Un vaillant guerrier, nommé Hildebrand, avait été grièvement offensé par un autre chevalier nommé Bruno. Dès lors la colère s'enflamma dans son coeur et il ne pouvait attendre l'instant de se venger dans le sang de son ennemi. Il passa la nuit sans dormir.

Au point du jour, il ceignit son épée et se rendit sur le chemin de son adversaire.

Mais, comme il était de très-bonne heure, il entra dans une chapelle qui se trouvait près du chemin; s'assit et regarda les images qui étaient suspendues aux murs, éclairées par les rayons du soleil levant. Il y en avais trois: la première représentait l'ignominie de notre Sauveur Jésus-Christ devant Hérode et Pilate et au dessous était écrit: Il ne se venge pas lorsqu'il est insulté; la seconde représentait la Flagellation avec cette inscription: Il ne se plaint pas lorsqu'il souffre; et la troisième était le Crucifiement; l'inscription portait ces mots: Mon père pardonne-leur!

Le chevalier, les ayant examinées, se prosterna et pria.

Au sortir da la chapelle, il rencontra les serviteurs du chevalier Bruno, qui lui dirent: nous allions chez vous; notre Maitre vous demande, car il se sent tres-mal. Il alla aussitôt avec eux.

Lorsque Hildebrand entra dans le salon, où etait couché le chevalier, Bruno lui dit: pardonne moi mes torts! je t'ai fortement offense.

Il lui répondit avec un ton plein de douceur: «Mon frère, je n'ai rien à te pardoner».

Ils se donnèrent la main, se pressèrent dans les bras l'un de l'autre, se consolèrent mutuellement et se séparèrent amis.

Le soleil couchant éclairait le retour du chevalier d'un plus vif éclat, que ne lui avait paru son lever.

Trad. de l'Allemand. **J. O.**

ПЕРИ И АНГЕЛ

Однажды, перед дверью рая, стояла Пери в грустной тишине. Ей слышалось журчание живых ключей, и в отверстие двери она видела райское сияние. И тихо плакала она о том, что лишена рая. «Там обитают Духи Света; цветы благоухают для них в прекрасном саду! Есть много прекрасных цветов и на земле, и на звездах, но красота их чужда для меня: в них нет ничего небесного! Прекрасна долина Кашемира, представляющая вечное спокойствие и роскошь природы: там светлы озера, и приятно журчат ручьи; но что их блеск пред Эдемскими потоками и рощами?» И слезы катились по прекрасным ее щекам. Вдруг ангел, хранитель рая, явился перед нею. Он слышал ее печальные слова и почувствовал ангельское сострадание. Он сказал: «Надейся и знай, что небом решено простить той Пери, которая принесет дар, достойный рая; лети, найди, и двери рая для тебя отворятся».

Пери, быстрее воспламененных комет, быстрее тех мечей, которыми ангелы отгоняют злых духов от рая, устремилась по светлоголубым эфирным полям и рано поутру очутилась над пробужденною землею. Но где найти светлый дар?

«Я знаю тайны Шильминара: там под столпами есть рубины в золотых сосудах, охраняемые гениями; знаю, что близ Аравии есть благоухающие острова; знаю, что в стране волшебной, хранимой духами, находится сосуд Ямхида, наполненный живой водою. Но дары сии не для небес!» Так думая, она прилетела в святую Индию. И видит она с высоты небес долину, по которой река катит прозрачные воды свои; берега ее покрыты прекрасными, благоухающими цветами. Там, на дне живых вод, находится жемчуг, коралл и янтарь. Яркие краски цветов, аромат прекрасных роз могли бы эту землю сделать для Пери раем; но что ж? Повсюду видит она следствия войны ужасной: здесь поток окровавлен, там трупы покрывают зеленые луга и дыханием смерти заражают чистейшее дыхание цветов. Со вздохом сказала Пери: «Кто прошел тут? Прекрасная сторона, кто истребил твои сады, твои народы и самых владык твоих? Властитель Газны! Он разлил несчастья по Индии, он на псов надел украшение цариц, он вошел в запрещенные жилища дев, он жрецов умертвил и светлые храмы разрушил».

И видит она юного воина, окруженного мертвыми телами товарищей; перед ним быстрый поток. Он один, в колчане его последняя стрела, но на лице его изображаются храбрость и спокойствие. Плененный его мужеством победитель сказал ему: «*Живи!*» Но юноша вместо ответа показал ему на отеческий поток, обагренный кровью его товарищей, и пустил в него последнюю стрелу свою. Она отскочила от лат тирана, и тысячи стрел пронзили храброго юношу. Воины удалились, и все утихло. Тогда Пери опустилась к умирающему воину и рукой любви закрыла его глаза. Она взяла последнюю каплю его крови и по-

летела на небо. «Вот, — сказала она, — дар, достойный рая! Эта кровь пролита за отечество и свободу!» Но ангел отвечал ей: «О Пери! Прекрасен дар твой, но видишь! Двери не отворяются! В Эдеме желают другого дара!» И Пери в горести улетела опять на землю.

Вечернее сияние озарило Сирию, отечество роз, и солнце, великан неба, спускаясь на запад, подобно короне, венчало главу Ливанских гор, которые, будучи покрыты снегом, с каким-то величием смотрели из облаков, тогда как у подошвы их дремало самое роскошное лето.

О, сколь разнообразною казалась ей красота сей очаровательной страны! Леса, кусты, прозрачные воды реки; на изумрудных берегах их золотые дыни, освещаемые последними лучами солнца; старинные храмы и гробницы; ящерицы, коих чешуя блистала на солнечных лучах; густые стада голубей, опускающихся на крутизну, коих крылья отливали живые цветы радуги; священные воды Иордана, их тихое журчание, и трепет листов, сливающийся с песнями пастухов, и пчелы Палестины, которые, как звезды, сверкали по цветам и жужжали в долинах — все вместе представляло вид очаровательный. Но ничто не могло утешить Пери. Она обратила рассеянный взгляд на храм Солнца, освещенный вечерними лучами. Тени уединенных его колонн распространялись по зеленому ковру лугов. Казалось, что время запретило разрушению прикасаться к нему, чтобы самые поздние потомки о нем узнали. С тайною надеждою она приближилась к развалинам.

«Может быть, — она думала, — под этими столпами сокрыт талисман, вылитый из золота духами. Может быть, здесь печать Соломона, которая отверзает нам темное дно океана и все его сокровища, и которая может открывать путь к небесам для духов, отверженных от неба». И с трепетом приближилась Пери ко храму Солнца. Багряные лучи вечерние ярко освещали прекрасные ливанские пальмы. И что же видит она? По ясной долине Бальбека, прекрасный, как роза, бежит младенец за бабочкой, освещенный закатными лучами солнца; но он напрасно протягивает руку свою, чтобы поймать ее: она кружится и мелькает, как летающий рубин. Устав от напрасных трудов, младенец угнездился под ясмином. В это время близ него остановился всадник; лицо его было смутно; конь его был измучен. Он сошел с коня, приблизился к прозрачному ручейку, нагнулся и напился воды. После того обратил он голову и увидел сидящего в цветах младенца, который улыбался и без робости смотрел на него, хотя солнце никогда такого страшного лица не освещало. На этом свирепом лице, которое походило на громовую тучу, совесть написала историю страшнейших злодейств: разбой, плач семейств, грабеж, предательство и богохуление, все на нем написала она, как ангел мщения записывает в роковой книге преступления людей, чтоб после милость смыла их слезами своими с погибельной страницы. Злодей задумался; и мрачные взгляды его иногда встречали полные душой очи

младенца. Но солнце к западу склонилось, и в это время раздался тихий звон с минаретов, сзывающий православных на молитву. Младенец вышел из церкви, пал на колена, поднял руки к небесам и тихо произнес имя Божества. Он подобен был херувиму, сошедшему на короткое время на землю и умоляющему, чтобы опять взяли его на небеса. Вид молящего младенца и святых небес представлял такое зрелище, которое растрогало бы и злого духа и напомнило бы ему о потерянном рае. И злодей стоял перед ним, как отверженный перед чистым ангелом. Он вспоминал прошедшее и не находил там ни одного доброго дела: там представлялись ему одни преступления. Он растрогался и подумал: «Никогда я не был так же наивен, как ты, милый младенец, и я молился, как ты, и я ходил во храм… а теперь?» Он задумался, и в его душе возобновились прежние надежды, радости и мечты; все сие воспоминание растрогало его, и он заплакал. В это время Пери позабыла себя и свой жребий; она подошла к раскаявшемуся грешнику, наклонилась к нему и рукой своей поддерживала его голову, поток горячих слез бежал в смирительную руку; и она смотрела на небеса, как бы желая прочитать там ответ милости. И там увидела она радостное сияние: казалось, что там праздновали примирение… и вдруг какая-то сила увлекла ее на высоту… земля скрывалась от очей ее, и Пери узнала свой жребий. В последний раз она взглянула на землю, простилась с нею и улетела.

R. M.

№ III

СПОСОБ ОБРАТИТЬ ДОБРОДЕТЕЛЬ В ПРИВЫЧКУ

Отрывок из записок Франклина

Мне было более 25-ти лет, когда я принял смелое и трудное намерение достигнуть нравственного совершенства. Я желал не делать никакого проступка во все минуты жизни моей, хотел взять верх над всем, что могло придать к тому повод: над *природною склонностию*, над *обществом*, над *обычаями*. Зная или, по крайней мере, думая знать, что есть *добро* и *зло*, я почитал возможным *всегда следовать* первому и *всегда избегать* последнего, но скоро увидел, что предприятие мое было гораздо труднее, нежели как мне сперва казалось: всякий раз, когда обращал я свое внимание на один какой-нибудь из своих недостатков и старался от него избавиться, я нечувствительно впадал в другой: или привычка усиливалась от небрежения, или склонность была сильнее рассудка и его пре-

одолевала. Наконец я уверился, что хотя бы мы и были *рассудком уверены*, что быть совершенно добродетельными для нас полезно, но что сего *уверения недостаточно* для предупреждения дурных поступков, что надобно *истребить худые привычки и приобресть хорошие*, и что тогда только можно иметь надежду вести себя хорошо и сделаться в добре постоянным.

В разных моральных книгах, которые мне случалось читать, число добродетелей было неопределенное, потому что каждый писатель заключал более или менее понятий под одним и тем же названием. Например: *воздержание*, по мнению некоторых, касалось только до пищи и питья; а другие разумели под ним умеренность и во всех других удовольствиях, во всех склонностях и страстях телесных и душевных, даже в скупости и честолюбии. Для большей ясности я принял намерение лучше употреблять больше слов и заключать в них менее понятий, нежели быть темным, выражая много в словах немногих. Я собрал тринадцать добродетелей, которые почитал самыми нужными или желательными, и к каждой прибавил краткое правило, которое совершенно показывало пространство ее значения. Вот имена сих тринадцати добродетелей и главные, относящиеся к оным правила:

1. *Воздержание.* Умеренность в пище. Избегай вредного пресыщения; жадность есть низкий порок.

2. *Молчаливость.* Говори только то, что полезно для тебя и для других. Избегай пустословия. Умей слушать и отвечать.

3. *Порядок.* Чтобы каждая вещь имела свое определенное место; чтобы каждое занятие имело свой определенный час.

4. *Твердость.* Решись исполнять то, что должно, и твердо исполняй, на что решился.

5. *Бережливость.* Избегай расточительности: издержки твои должны быть необходимы, т. е. полезны для тебя или для других. Благотворение есть необходимость, но соображай его с своими средствами.

6. *Прилежание.* Не теряй времени. Всегда занимайся чем-нибудь полезным. Не предпринимай ничего ненужного.

7. *Искренность.* Говори прямо, что думаешь и чувствуешь. Если искренность соединена с доброжелательством, то она привлекательна и для других, не может никого оскорбить и возбуждает к тебе уважение и доверенность.

8. *Справедливость.* Отдавай каждому ему принадлежащее, оказывай другим все те услуги, коих они имеют право от тебя ожидать или требовать.

9. *Умеренность.* Избегай крайностей; поверяй чувство рассудком; сколько можно менее оскорбляйся обидами. Без одобрения рассудка не предавайся первому движению сердца; соглашай с рассудком доброе чувство, не охлаждая его.

10. *Опрятность.* Не терпи никакой нечистоты ни на платье, ни вокруг себя. Жилище твое должно быть чисто, как внутренность твоего сердца.

11. *Спокойствие.* Не приходи в волнение от мелочей: сохраняй спокойствие посреди обыкновенных и неизбежных случаев жизни.

12. *Чистота.* Намерение твои должны быть чисты. Никакая нечистая мысль не должна осквернять души твоей: отгоняй ее в ту минуту, как скоро зайдет она в твою душу.

13. *Смирение.* Подражай Иисусу Христу и Сократу.

Поскольку моим намерением было привыкнуть к сим добродетелям, то я почел за нужное, вместо того, чтобы заниматься всеми, вдруг обратить внимание на одну из них, а потом, получив некоторую к ней привычку, прейти к другой, и таким образом поступать далее до тех пор, покуда бы я прошел все тринадцать — одну за другой. Зная, что привыкнув к некоторым из них *прежде*, я облегчу для себя приобретение других, я расположил их в том порядке, в каком стоят они на таблице, здесь приложенной. *Воздержание* поставил я на первом месте, потому что им приобретается *хладнокровие и очищается* наш ум: и то, и другое необходимо тому, кто непрестанно должен бодрствовать, остерегаться прежних худых навыков или противиться силе новых, всегда возобновляющихся искушений. Утвердившись в сей добродетели, гораздо уже легче привыкнуть к *молчаливости*. Желая в то же время, как я старался усовершенствовать свою нравственность, приобрести и *знания*, я рассудил, что в обществе гораздо легче снискать оные (т. е. знания) с помощью ушей, нежели с помощью языка; и вследствие того, стараясь избавиться от привычки много болтать, шутить и говорить острые слова, я дал второе место *молчаливости*. Я надеялся, что с помощью ее и *порядка*, который за нею следует, мне легче будет исполнять мое намерение и упражняться в науках. Привыкнув к *решимости*, я бы утвердился в усилиях моих снискать прочие добродетели. *Бережливость и прилежание*, избавляя меня от долгов, доставляя мне *изобилие* и *независимость*, могли облегчить мои старание в приобретении *искренности и справедливости*, ибо только тому легко быть искренним и справедливым с другими, кто совершенно от них независим; а *бережливость*, сохраняя то, что мы имеем, и *прилежание*, доставляя нам то, чего у нас нет, избавляют нас от несчастья иметь нужду в других, следственно, от зависимости, всегда более или менее тягостной.

Из правил Пифагоровых, заключающихся в его золотых стихах, было мне известно, что нужно всякий день рассматривать дела свои[36]. Для этого я выдумал следующий способ.

Я сделал маленькую книжку, в которой для всякой добродетели назначил страницу, разлинованную на семь столбцов для каждого дня в неделе, всякий столбец означил литерой одного из дней, а поперек провел тринадцать линий и в этих тринадцати отделениях написал имена тринадцати избранных мною добродетелей. Я начал по порядку, желая для приобретения навыка посвящать каждой отдельной добродетели исключительное внимание в продолжение це-

лой недели и старательно избегая во все это время всего, что хотя мало могло ее нарушить. О прочих добродетелях заботился менее. Я означал *точками* и *немедленно* проступки против тех добродетелей, коим внимание мое посвящено было исключительно в течение целой недели, стараясь, чтобы сих точек было как можно менее. Тем же добродетелям, на которые не обращал я внимания исключительно, посвящены были *цифры*, кои я ставил ввечеру, рассматривая проведенный мною день, и означая ими *вообще* число сделанных мною проступков против той или другой из сих добродетелей. Кончив таким образом всю неделю, я мог думать, что приобрел некоторый навык к той добродетели, которой она была особенно посвящена, и переходил к следующей, которая становилась *главною* в продолжение целой недели: ей посвящались *точки*, а *цифры* — остальным.

Объясню это примером. Я начал с *воздержания*: сей добродетели посвящена была первая неделя. В эту первую неделю я неусыпно наблюдал все, относящееся к *воздержанию*. Начавши сию неделю с воскресенья, я заметил *точками* в том квадратце, который принадлежал *воздержанию* и *воскресенью* все проступки против означенной добродетели и поставил столько точек, сколько было проступков (я ставил сии точки немедленно, карандашом, имея всегда при себе свою книжку, и через то принуждал себя *беспрестанно наблюдать за самим собою*). Ввечеру же, проходя в памяти весь день, я означил цифрами все проступки против остальных добродетелей, поставя цифры сии с соответствующих сим добродетелям и тому дню квадратцах. Например, я должен был себе признаться, что в это воскресенье проступился три раза против молчаливости, и я поставил цифру 3 в квадратце сей добродетели. То же значат и прочие цифры. Таким образом, получил я первое воскресенье и все остальные дни первой недели, посвященной в особенности *воздержанию*. За воздержанием по порядку следовала *молчаливость*; и ей посвящена была следующая неделя, в продолжение которой я замечал *точками* и *немедленно* все проступки против *молчаливости*, а *цифрами*, при *вечернем рассматривании дня* все остальное. Прилагаю для образца таблицу первой недели.

ВОЗДЕРЖАНИЕ: *Умеренность в пище. Избегай вредного пресыщения.* *Жадность есть низкий порок*							
	В.	П.	В.	С.	Ч.	П.	С.
Воздержание	….	..	…	.	..		.
Молчаливость	3		1		4	2	
Порядок	2	1			1		
Решимость							
Бережливость		1				1	

ВОЗДЕРЖАНИЕ: *Умеренность в пище. Избегай вредного пресыщения. Жадность есть низкий порок*							
Прилежание			2				
Искренность	1						1
Справедливость	3			1			
Умеренность					2		
Чистота							2
Спокойствие							
Непорочность							1
Смирение	4		1	2		1	2

Таким образом, я мог сделать полный курс в тринадцать недель и четыре курса в год. Я поступал подобно человеку, который, работая в саду, не вдруг вырывает все негодные травы (сие превзошло бы его силы); но сперва очищает одну гряду, и уже кончивши ее, переходит к другой. Я ласкался надеждою, что буду наслаждаться удовольствием видеть на страницах моих успехи мои в добродетелях, замечая уменьшение точек и цифр, которые со временем совершенно должны были исчезнуть, и страницы мои остались бы белыми.

Следующие стихи из Аддисоновой трагедии «*Катон*» были моим эпиграфом:

Буду тверд в моем намерении; ежели есть над ними высшая власть — а что она есть, о том природа громко вещает нам во всех своих творениях — то она услаждается добродетелью, и то, чем она услаждается, — должно быть, счастье[37].

Другой эпиграф из Цицерона:

О, философия, путеводительница жизни, источник добродетелей, бич пороков! Один день, посвященный добру и проведенный по твоим законам, предпочтительнее пороками исполненного бессмертия[38].

Третий из притчей Соломоновых, где он говорит о мудрости и добродетели:

«*Долгота бо житие и лета жизни в деснице ее, в шуйце же ее богатство и слава. Пути ее — пути добра, и все стези ее мирны*».

Притчи. гл. III. ст. 16 и 17.

Видя в Боге источник премудрости, я почитал необходимым всегда молить Его о ниспослании оной. Я сочинил следующую краткую молитву, которую написал в начале моих таблиц, дабы читать ее каждый день:

Всемогущая Благость! Отец щедрот! Милосердный Путеводитель! Умножь во мне мудрость, да познаю истинную свою пользу; утверди меня в намерении исполнить все, что она предписывает; прими усердие мое ко благу чад Твоих, как единственный возможный для меня знак благодарности за все милости, Тобою на меня излитые.

Поелику *порядок* требует, чтобы всякое упражнение имело свое назначенное время, то на одной странице в моей книжке был следующий план на целые сутки.

План

Утренний вопрос: какое добро могу сегодня сделать?

5 6 7	Вставши, одеться и призвать на помощь Высочайшую благость, распорядить дела, решиться на что-нибудь относительно моей цели; упражняться в учении, завтракать.
8 9 10 11	Заниматься делами.
Полдень	Читать, рассматривать счеты, обедать.
1 2 3 4	Заниматься делами.
5 6 7 8	Все положить на место. Вечер посвятить обществу и отдыху. Рассматриванье дня.
9 10 11 *полн.* 1 2 3 4	Спать.

Вечерний вопрос: какое добро сегодня сделал?

Я начал исполнение своего плана рассматриванием себя и весьма удивился, нашед в себе гораздо больше недостатков, нежели сколько сперва думал; но скоро с удовольствием увидел, что они начали уменьшаться. Правду сказать, я не мог исправиться касательно *порядка* и теперь, когда состарился, живо чувствую всю необходимость оного; но при всем том, хотя я и никогда не достиг совершенства, хотя и очень удален от него, но благодаря моей прошлой методе, я сделался и лучше, и счастливее, нежели каков бы я был, когда бы ей не следовал: подобно тому, кто старается хорошо научиться писать, подражая гравированной прописи; хотя он никогда не достигнет до такого же совершенства, однако ж, его старание исправляют его руку и делают почерк его час от часу лучше.

Может, для внуков моих будет полезно знать, что сей-то невинной хитрости дед их с Божиею помощию обязан постоянным своим счастьем до семьдесят девятого года его жизни, в котором сие написано. Несчастья, могущие постигнуть его перед концом его дней, зависят от Провидения; но если и случатся они, то мысль о прошедшем поможет ему перенести их терпеливо. *Воздержанию* приписывает он свое продолжительное и постоянное здоровье; *прилежанию и бережливости* — приобретение знаний и имения, которые подали ему средство быть полезным гражданином и снискали ему некоторую славу в учености; *искренности и справедливости* — доверенность своего отечества. Одним словом, влиянию всех сих добродетелей, как он ни далек от совершенства в оных, обязан он тою ясностию души и веселостию нрава, за которые он и теперь любим в обществе от старых и молодых. Он надеется, что некоторые из потомков его последуют его примеру и будут счастливы.

ПЕРЧАТКА

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королем, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.

Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь!
И грозный зверь
С огромной головою,
Косматый лев

Выходит!
Кругом глаза угрюмо водит…
И вот, все оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
И лег. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул;
И смелый тигр из-за решетки прянул…
Но видит льва, робеет и ревет,
Себя хвостом по ребрам бьет,
И крадется, косяся взглядом,
И лижет морду языком,
И обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились!
Но он удар им тяжкой лапой дал,
А лев с рыканьем встал…
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждут, чтоб битва началася!..
Вдруг женская с балкона сорвалася
Перчатка… Все глядят за ней…
Она упала меж зверей.

Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верный,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идет;
Перчатку смело он берет
И возвращается к собранью снова.
У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось,

А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды…
Но, холодно приняв привет ее очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил, и сказал: не требую награды!

L'ETNA

Fragmens d'un voyage en Sicile

(Cotinuation)

…En ce moment, L'Etna se presentait dans toute sa majesté; aucun nuage, aucune vapeur ne venait me dérober quelque partie de son ensemble; l'astre du jour dorait partout ce géant des monts; je l'embrassais de mes regards; je me plaisais à parcourir avec rapidité l'immense circonférence de sa base, qui compte 150 miles. Depuis cette base prodigieuse, jusq'au lieu où je me trouvais, quelle richesse, quelle variété d'ombres et de forms ne découvrais-je pas!

Les magnifiques tapis de la regione piedimonte se nuançaient dans toutes les directions, et arrivaient jusq'a la regione silvosa, où ils venaient contraster admirablement avec la teinte uniforme et sombre de cette forêt, qui entoure l'Etna comme un rampant; et semble être la ligne de demarcation entre la végétation et la stérilité, entre l'empire de la prospérité et celui de la destruction. Plus haut, dans la regione deserta, la scene changeait et prenait un aspect plus sévère encore. Mon oeil suivait de tours côtés les teintes grisâtres des cendres semées, ça et lá, entre ce grand nombre de petits monts, qui entourent le cône de l'Etna, et semblent, comme autant de postes avances, en vouloir défendre l'approche. Parmi tous ces monts, qui ont été formé dans divers temps par autant d'éruptions plusieurs conservent encore a leur sommet des scories brillantes, des lits de matières rougeâtres, marques violentes du feu qui les a produit. Les traces noirâtres qui en descendent, qui les entourent en divers sens, m'indiquaient le chemin qu'avaient pris les fleuves ardents qu'ils rejetèrent de leur sein.

L'Etna inexorable fléau, a, dans une suite de siècles, envahi les campagnes, renverse les villages et les cités qui sont assis sur son domaine.

Chaque fois, une nombreuse population a surmonté ses pertes, relève ses monuments et dispute le terrain, pied à pied, aux torrents de feu dont il a recouvert ses possessions. L'habitant de Catane et le paysan de l'Etna sont familiarisés des leur enfance avec les phénomènes du Monte Gibello (c'est le nom que le peuple Sicilien donne a ce volcan). S'ils les redoutent un instant, ils finissent bientôt par les braver; et, conservant leur insouciance jusque dans le péril, ils relèvent patiemment leurs demeures, que le volcan a renversé la veille, et qu'il detruira peut-être le lendemain.

Des milliers d'habitans s'endorment a la lueur des flammes de l'Etna; des troupes de jeunes filles dansent pendant que son tonnerre gronde: l'étranger surpris se demande quelquefois, d'ou vient ce mépris du danger, et cet attachement pour une terre qui repose sur l'abime?..

Mais, pourquoi l'Arabe du désert se plait-il dans sa solitude? Pourquoi le Lapon meurt-il d'ennui, eloigne de sa hutte enfumée? Ah! l'homme chérira toujours le lieu qui l'a vu naitre!..

ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ

Аристид и Фемистокл[39] были врагами и никогда не могли согласиться касательно правления делами общественными. Но будучи однажды избранны для важного посольства, они решились тесно соединиться для общей пользы. Выходя из ворот Афинских, Фемистокл сказал Аристиду: «Оставим здесь нашу вражду; мы ее возобновим, если тебе угодно, после нашего возвращения».

J. O.

LES CATACOMBES DE ROME

Dans les environs de Rome se trouvent les catacombes, ces vastes soutterrains, où les premiers chrétiens célébraient leur culte dans le mystère et loin des yeux de leurs persécuteurs.

Sous une longue voûte des chemins étroits conduisent dans des lieux où le sang des chrétiens fut versé pour la foi. Les ténèbres, le silence, l'isolement de ces lieux font naître dans l'âme la méditation et l'effroi.

Un jeune home, ami des beaux-arts, vint un jour visiter ces lieux.

Un flambeau et un fil à la main, il entre et parcourt ces galeries solitaires. Entraîné par la curiosité, il s'enfonce sous ces voûtes ténébreuses; mais ne quitte pas son fil protecteur.

Dans un lieu écarté, une niche, contenant des vases sacrés, attire le jeune home, il s'y précipite et son fil lui échappe. Il espère le retrouver, il le cherche, mais c'est en vain. L'effroi s'empare de lui. Il prend tous les chemins, qui s'offrent; les quitte, les reprend de nouveau; enfin il parvient à un endroit où vingt chemins se présentent á sa vue.

Lequel le reconduira hors de cette prison? Il les parcourt tous sans trouver une issue. Pendant dix heures entières il erre dans cet abîme de la mort. Déjà le flambeau se consume et la flamme descend sur sa main tremblante. Il pense avec effroi au moment où sa torche sera entièrement consumée. Ce terrible instant arrive. Le feu attaque sa main, la douleur l'oblige à laisser tomber son flambeau. Le dernier rayon eclaire ce lieu où il doit mourir. Le voilà plonge dans les plus profondes ténèbres. Alors il pense à son père, à sa mère et des larmes s'échappent de ses yeux. Cent spectres lui apparaissent. Il voit la mort, la faim hideuse se présenter à lui, une sueur froide le couvre. Il tombe, se relève et tombe encore. Ses mains, qu'il porte à droite et à gauche, rencontrent de froids ossements, qui lui rappellent plus vivement encore le sort affreux qui lui est réservé. Tout-à-coup sa main touche un objet inconnu. Il le saisit: Grand Dieu! c'est le fil. Qui saurait dépeindre la joie qu'il éprouve? Il suit ce conducteur que la Providence lui rend. Il sort enfin et revoit l'astre du jour, les hameaux, la verdure, les eaux et croit renaître à la vie.

R. M.

ОПИСАНИЕ АЛГАМБРЫ[40] В ДРЕВНЕЙ ГРЕНАДЕ

В царствование Магомета II заложен был знаменитый дворец Алгамбра, которого развалины, существующие и ныне, удивляют путешественников и заставляют их посещать Гренаду.

Сие здание, соединявшее великолепие наружное с удобностию для жизни, доказывало вкус и искусство мавров.

Алгамбра была огромная крепость, построенная на одном из двух холмов Гренады, и заключала в себе дворец, не имевший фасада.

Дорога, к ней ведущая, может составить прелестную прогулку: в разных местах она пересекается ручьями, которые извиваются между красивыми кустами и деревьями.

Вход через большую башню назывался вратами судилища. Над сими вратами находится надпись, которая означает, что на сем месте царь давал суд своим подданным, по обыкновению евреев и других восточных народов.

С северной стороны виден вход в древний дворец царей мавританских. Он возбуждает в путешественнике мысль о замке волшебниц.

Первый двор имеет вид параллелограмма, окруженного галереями, коих арки, стены и потолки украшены мозаикою, фестонами, арабесками и резьбою по гипсу восхитительной отделки.

Среди сего двора, вымощенного белым мрамором, находится огромный водоем, наполненный чистою водою, довольно глубокой, так что можно в нем купаться. Он окружен со всех сторон грядами цветов и аллеями померанцевых деревьев. Место сие называлось Мезуаром и служило общею купальнею для придворных.

Отсюда был вход на знаменитый двор, называвшийся Львиным, во сто футов длины и в пятьдесят ширины. Колонны из белого мрамора поддерживают галерею, его окружающую, они стоят по две или по три в ряд, не толсты, отделаны в странном вкусе, и несмотря на то нравятся удивленному взору. С обоих концов параллелограмма возвышаются два красивых купола, поддерживаемые также мраморными столбами.

Посреди сего здания виден большой водоем, над коим возвышается алебастровая ваза, имеющая шесть футов в поперечнике и поддерживаемая двенадцатью львами из белого мрамора; над сею вазою находится другая несколько меньшая, из которой стремится вода в виде снопа; падая из одной вазы в другую и наконец в водоем, она составляет непрерывный водопад, беспрестанно возобновляемый свежею водою, льющеюся из пасти каждого льва.

Другие покои содержали в себе ванны для царя, царицы и детей их. Еще видны остатки их спальни и их одры в альковах, на фаянсовых возвышениях, вблизи водометов. В музыкальной зале четыре возвышенные кафедры назначены были для музыкантов, а царедворцы сидели вокруг алебастрового бассейна.

Окна, двери и свет расположены были везде таким образом, что могли прельщать изумленные взоры; даже сквозные ветры были так искусно направлены, что всегда с приятностью освежали сие достопамятное здание.

J. O.

LES ARABES

Les Arabes habitant la grande presqu'île d'Arabie, qui est entourée de trois côtés, par le golfe Persique, la mer Rouge et l'océan des Indes. Au Nord elle est bornée par la Turquie d'Asie. Le centre de ce pays est inhabité, parce que ce n'est qu'un vaste désert de sable, qui ressemble à une mer agitée, quand le samoum, qui s'y fait souvent sentir, en bouleverse la surface. La côte par contre présente dans quelques endroits

un aspect agréable à la vue. Le sol produit les plantes et les parfums les plus précieux, comme l'aloès, l'encens, la myrrhe etc., etc. Les Arabes qui habitent cette presqu'île se divisent en deux parties: les Arabes habitants des villes ou les Maures, et les Arabes habitants du désert ou les Bédouins. Ces derniers se font remarquer par les contradictions qu'on trouve dans eux: ils sont hospitaliers et brigands, ils tiennent scrupuleusement leur parole et pillent les voyageurs; ils demeurent sous des tentes et changent souvent de place; ils parcourent à cheval les déserts, et s'ils rencontrent une caravane, s'ils sont assez forts pour l'attaquer, ils la pillent; mais si on parvient à se mettre sous la protection d'un Scheik (chef d'une tribu), on peut être sûr qu'ils ne vous toucheront pas. Les Arabes Bédouins se nomment les Arabes libres; ils dissent, que la tente est leur forteresse, l'épée leur rempart, le turban leur couronne et la chanson leur histoire. Parmi eux, il y a d'habiles conteurs don't les récits sont toujours merveilleux, et que les auditeurs écoutent avec le plus vif intérêt. Leurs plus grandes réjouissances sont la naissance d'un fils, un poète couronné dans leur tribu et la naissance d'un cheval. Ils portent un vif attachement à cet animal, qu'ils élèvent avec soin et qu'ils regardent comme leur compagnon.

Voici un trait qui donne une preuve de cet attachement:

Un pauvre Bédouin ne possédait pour tout bien qu'un magnifique cheval, qu'il aimait beaucoup. Un Français le vit et voulut l'acheter pour le Roi de France; l'Arabe en demanda une somme si énorme que le Français dut écrire à Paris, pour savoir s'il lui était permis de l'acheter; le Roi lui en donna la permission. Alors il fit venir l'Arabe. Celui-ci arriva monté sur son cheval, et étala l'or devant lui. Il le regarda longtems; et puis s'adressant à son cheval, il lui dit en soupirant: «que vais-je faire! te livrer aux Européens qui te maltraiteront, te battront, te tiendront enfermé, ne te soigneront pas, ne t'aimeront pas; non, viens, mon mignon, sois la consolation et la joie de ma femme et de mes enfants». Alors il sauta sur lui et disparut.

R. M.

НЕОЖИДАННОЕ СВИДАНЬЕ

Быль

Лет за семьдесят, в Швеции, в городе горном Фаллуне
Утром один молодой рудокоп, на свиданьи с своею
Скромной, милой невестою, так ей сказал: «Через месяц
(Месяц недолог) мы будем муж и жена! И над нами
Благословение Божие будет!» — «И в нашей убогой
Хижинке радость и мир поселятся!» — сказала невеста.
Но когда возгласил во второй раз священник в приходской

Церкви: «*Кто законное браку препятствие знает,*
Пусть объявит об нем!», тогда с запрещеньем явилась
Смерть. Накануне брачного дня, идя в рудокопню
В черном платье своем (рудокоп никогда не сымает
Черного платья), жених постучался в окошко невесты,
С радостным чувством сказал он ей: «*Доброе утро!*», но «*Добрый*
Вечер!» он уж ей не сказал и назад не пришел он
К ней ни в тот день, ни на другой, ни на третий, ни после!..
Рано поутру оделась она в венчальное платье,
Долго ждала своего жениха, и когда не пришел он,
Платье венчальное снявши, она заплакала горько,
Плакала долго об нем, и его никогда не забыла.
Вот в Португалии весь Лиссабон уничтожен был страшным
Землетрясеньем[41]; война Семилетняя кончилась[42]; умер
Франц, император[43]; был Иезуитский орден разрушен[44];
Польша исчезла[45]; скончалась Мария Терезия[46]; умер
Фридрих Великий[47]; Америка стала свободна[48]; в могилу
Лег император Иосиф Второй[49]; революции пламя
Вспыхнуло[50]; добрый король Людовик, возведенный на плаху,
Умер святым[51]; на русском престоле не стало Великой
Екатерины[52]; и много тронов упало; и новый
Сильный воздвигся, и все превысил, и рухнул;
И на далекой скале океана изгнанником умер
Наполеон[53]. А поля, как всегда, покрывалися жатвой,
Пажити сочной травою, холмы золотым виноградом;
Пахарь сеял и жал, и мельник молол, и глубоко
В недра земли проницал с фонарем рудокоп, открывая
Жилы металлов. И вот случилось, что близко Фаллуна[54],
Новый ход проложив, рудокопы в давнишнем обвале
Вырыли труп неизвестного юноши; был он не тронут
Тленьем; был свеж и румян; казалось, что умер
С час, не боле, иль только прилег отдохнуть и забылся
Сном. Когда же на свет он из темной земныя утробы
Вынесен был — отец, и мать, и друзья, и родные
Мертвы уж были давно! Не нашлось никого, кто б о спящем
Юноше знал, кто б помнил, когда с ним случилось несчастье.
Мертвый товарищ умершего племени, чуждый живому,
Он сиротою лежал на земле, посреди равнодушных
Зрителей, всем незнакомый, дотоле, пока не явилась
Тут невеста того рудокопа, который однажды
Утром, за день до свадьбы своей, пошел на работу
В рудник и боле назад не пришел. Подпираясь клюкою,

Трепетным шагом туда прибрела седая старушка;
Смотрит на тело, и вмиг узнает жениха! И с живою
Радостью боле, чем с грустью, она предстоявшим сказала:
«Это мой бывший жених, о котором так долго, так долго
Плакала я, и с которым Господь еще перед смертью
Дал мне увидеться! За день до свадьбы, пошел он работать
В землю, но там и остался!» — У всех разогрелося сердце
Нежным чувством при виде бывшей невесты, увядшей,
Дряхлой, над бывшим ее женихом, сохранившим всю прелесть
Младости свежей. Но он не проснулся на голос знакомый,
Он не открыл ни очей для узнанья, или уст для привета!
В день же, когда на кладбище его понесли, с умиленьем
Друга давнишния младости в землю она проводила,
Тихо смотрела, как гроб засыпали; когда же исчез он,
Свежей могиле она поклонилась, пошла и сказала:
«Что однажды земля отдала, то отдаст и в другой раз!»

НАДГРОБНАЯ ПЕСНЬ РЕГНЕРА ЛОДБРОГА[55]

Регнер Лодброг, вождь скандинавский, славный своими победами, вооружил три корабля и напал на Британию[56]. Но сии тяжелые суда наплыли на скалы, разбились и достались в добычу саксонцам. Регнер Лодброг был взят в плен и брошен в темницу, полную змеями. Летописи сохранили эту песнь, которую он воспел в минуту смерти. В начале ее он с восторгом воспоминает о подвигах храбрости в земле британской.

«Мы испытали острие мечей своих, и тысячи трупов плавали вокруг морских коней перед мысами британскими. За шесть дней перед тем полетели мы в битву; через шесть дней потом неприятель погиб! При блеске багряном денницы мы совершили молебствие копий…

Судьба была со стороны мечей наших; град сыпался на щиты, пока воины нортунберландские не легли все на родную землю…

Какая была нам радость, когда наши громы раздробили и шлемы, и черепы. Таков был день, когда я с высоты моего седалища приветствовал молодую царицу».

Нападение на Британию и на ее острова продолжаются, один из сыновей Регнера погиб.

«Жало меча вонзилось в младое его сердце. Но рано мы начали пир свой; нашею музыкою были мечи обнаженные. Три царственные витязя были сопир-

шественники наши; кончился день, и гостей не стало; волку достались остатки пира, и в море побежал поток: то была кровь врагов наших…

Во времена грядущие узнают, что некогда приходили мы поздно на игрища героев, что с отдаленного мыса видели багряные флаги драконов, которые влетали в устья рек. И так мне суждено узнать, что сила принадлежит судьбе и богиням, присутствующим в час рождения, ибо не мыслил я, что смерть мне будет от сего саксонца, когда в юности бросал первый я доски мои на воды озер…

Но какая радость! Одиновы[57] седалища готовы!..

Ждут гостей; там будем пить крепкое пиво из черепов вражьих. В сих чертогах юношество не страшится смерти, и я войду в них не с робкими словами. Дети, сыновья Аславги![58] Как бы они оживились, сии пламенники войны, как бы они вспыхнули, когда бы узнали, что грозит отцу их… Какое множество змей! Как они льют на меня яд свой! Но мать сыновей моих верна, и сыновья ее должны быть храбры…

Уже аспид[59] вкрадывается в крепость моего сердца, но скоро, надеюсь, копье нормандское водрузится в груди саксонца. Отец падает, но сыновья восстают: они волнуются, они не знают более покоя…

Пятьдесят один раз приглашал я копьем вызова народы на брань; и мыслю, что слава ни о ком столь много не расскажет, как обо мне, со дня, когда в юности моей обагрил я первою кровию первое копье мое…

Но Одиновы послы зовут меня, и я умираю без вздоха!.. Конца я жажду! Жажду войти в жилище, куда зовет меня Один, друг добычи!.. с Азами[60], его детьми, буду пить я пиво, сидя на высоком седалище!.. Мои часы угасают… я умираю… но улыбаюсь!»

N.

ДВЕ ЗАГАДКИ

I

Не человечьими руками
Жемчужный разноцветный мост
Из вод построен над водами.
Чудесный вид! Огромный рост!
Раскинув паруса шумящи,
Не раз корабль под ним проплыл;
Но на хребет его блестящий
Еще никто не восходил!
Идешь к нему — он прочь стремится,
И в то же время недвижим;

С своим потоком он родится,
И вместе исчезает с ним.

II

На пажити необозримой,
Не убавляясь никогда,
Скитаются неисчислимо
Сереброрунные стада.
В рожок серебряный играет
Пастух, приставленный к стадам;
Он их в златую дверь впускает,
И счет ведет им по ночам.
И недочета им не зная,
Пасет он их давно, давно;
Стада поит вода живая
И умирать им не дано.
Они одной дорогой бродят,
Под стражей пастырской руки,
И юноши их там находят,
Где находили старики.
У них есть вождь — овен прекрасный;
Их сторожит огромный пес,
Есть лев меж ними неопасный
И дева, чудо из чудес.

№ IV

ДВЕ БЫЛИ

День был ясен и тепел; к закату сходящее солнце
Ярко сияло на чистом лазоревом небе. Спокойно
Дедушка, солнцем согретый, сидел у ворот на скамейке.
Глядя на ласточек, быстро круживших в воздушном пространстве,
Вслед за ними пускал он дымок из маленькой трубки;
Легкими кольцами дым подымался и, с воздухом слившись,
В нем пропадал. Маргарита, Луиза и Лотта за пряжей
Чинно сидели кругом; самопрялки жужжали, и тонкой
Струйкой нити вилися; Фриц работал; а Энни,
Вечный ленивец, играл на траве с курчавою шавкой.

Все молчали: как будто ангел тихий провеял.
Дедушке Лотта сказала: «Что ты примолк! Расскажи нам
Сказку; вечер ясный такой! Нам весело будет
Слушать!» — «Сказку! — старик проворчал, высыпая из трубки
Пепел. — Все бы вам сказки! Не лучше ль послушать вам были?
Быль расскажу вам, и быль не одну, а две! — Опроставши
Трубку и снова набив ее табаком, из мошонки
Дедушка вынул огниво и, трут на кремень положивши,
Крепко ударил сталью в кремень; посыпались искры,
Трут загорелся, и трубка опять задымилась. Собравшись
С мыслями, дедушка так рассказывать с важностью начал:
«Дети! Смотрите, как все перед нами прекрасно, как солнце,
Медленно с неба спускаясь, все украшает лучами!
Рейн золотом льется; жатва, как тихое море;
Холмы зеленые в свете вечернем горят; по дорогам
Шум и движенье; подняв паруса, нагруженные барки
Быстро по Рейну бегут; а наша приходская церковь…
Окна ее, как огни меж темными липами блещут;
Вкруг мелькают кресты на кладбище; в воздухе теплом
Птицы вьются, и мошки блестящею пылью мелькают;
Весь он полон говором, пеньем, жужжаньем… прекрасен
Мир Господень! Сердцу так радостно, сладко и вольно!
Скажешь: где бы в этом прекрасном мире Господнем
Быть несчастью! Ан нет! И не только несчастье — злодейство
Место находит в нем. Видите ль там, на высоком пригорке
За́мок в обломках? Теперь по стенам расцветает зеленый
Плющ, и солнце его золотит, и звонкую песню, беспечно
Сидя в траве, на рожке там играет пастух. А на Рейне
Видите ль вы небольшой островок? Густая из кленов
Роща на нем расцвела; под тенью ее разослави
Сети, рыбак готовит свой ужин, и дым голубою
Струйкой вьется по зелени темной. Взглянуть, так прекрасный
Рай. Ну, послушайте ж! Очень недавно, там на пригорке,
Близко развалин замка, стояла гостиница, чистый,
Светлый, прекрасный дом, под вывеской «*Черного Вепря*».
В этой гостинице каждый прохожий в то время мог видеть
Бедную Эми! Подлинно бедная! Дико потупив
Голову, в землю глаза неподвижно уставив, по целым
Дням сидела она перед дверью трактира на камне.
Плакать она не могла, но тяжко, тяжко вздыхала,
Словно, как бремя какое с души ей содвинуть хотелось!
Жалоб никто от нее не слыхал, но, Боже мой! Всякий,

Раз поглядевши ей, бедной, в лицо, узнавал, что на свете
Все для нее миновалось: мертвою бледностью щеки
Были покрыты, глаза из глубоких впадин сверкали
Тусклым огнем; одежда была в беспорядке; как змеи,
Черные кудри по голым плечам раскиданы были.
Вечно молчала она и была тиха, как младенец;
Но порою, если случалось, что ветер просвищет,
Вдруг содрогалась, на что-то глаза упирала, и пальцем
Быстро туда указав, смеялась смехом безумным.
Бедная Эми! Такою ль видали ее? Беззаботно
Жизнью, бывало, она веселилась, как вольная пташка!
Помню и я, и старинные гости «*Черного Вепря*»,
Как нас радушной улыбкой и ласковым словом встречала
Эми, как весело шло угощенье. И все ей друзьями
Были в нашей округе. Кто веселость и живость
Всюду с собой приносил? Кого, как любимого гостя,
С криками вся молодежь встречала на праздниках? Эми!
Кто всегда так опрятно и чинно одет был? Кого наш священник
Девушкам всем в образец представлял? Кто, шумя, как ребенок
Резвый на игрищах, был так набожно тих за молитвой?
Словом, кто бедным был друг, за больными ходил, с огорченными
Плакал, с детьми играл, как дитя? Все Эми! Все Эми!
Господи Боже! Она ли не стоила счастья! А вышло
Всё напротив. Она полюбила Бранда; признаться,
Этот Бранд был молод, умен и красив; но худые
Слухи носились об нем: он с людьми недобрыми знался.
В церковь он не ходил, а в шинках, за картами кто был
Первый? Бранд. Колдовством ли каким он понравился Эми,
Сам ли Господь ей хотел послать на земле испытанье
С тем, чтоб душа ее, здесь в страданьях очистившись, прямо
В рай перешла — не знаю! Но Эми была уж невестой
Бранда, и все жалели об ней. Ну послушайте ж. Вечер
Был осенний и бурный. В гостинице «*Черного Вепря*»
Два сидели гостя; яркое пламя трещало в камине.
«Что за погода! — сказал один. — Не раздолье ль в такую
Бурю сидеть у огня и слушать, как ветер холодный
Рвется в оконницы!» «Правда! — другой отвечал. — Ни за что бы
Я теперь отсюда не вышел! Ужас — не буря!
Месяц на небе есть, а ночь так темна, что хоть оба
Выколи глаза. Плохо тому, кто в дороге. Желал бы
Знать я, найдется ль теперь такой удалец, чтоб в старинный
За́мок сходить? Он близко: шагов с три сотни, не боле!

Но, признаться, днем я не трус, а ночью в такое
Время пойти туда, где, быть может, в потемках
Гость из могилы встретит тебя — не согласен! С живыми
Сладить можно, а с мертвым и смелость не в пользу; храбрися
Сколько угодно душе, а что ты сделаешь, если
Вдруг перед тобою длинный, бледный, с костяными
Пальцами станет, и два ужасных глаза упрутся
Дико в тебя, и ты ни с места как камень? А в этом
За́мке, все знают, не чисто, и в тихую ночь там не тихо!
Что же в бурю, от коей и мертвый проснется в могиле?» —
«Страшно, правда! А я об заклад побьюся, что наша
Эми не струсит и в за́мок одна одинехонька сходит». —
«Бейся, пробьешь!» — «Изволь, по рукам! Ты слышала, Эми?
Хочешь ли новую шляпку выиграть к свадьбе? Сходи же
В за́мок, и ветку нам с клена, который между обломков
Там растет, принеси! Я знаю, что ты не боишься
Мертвых и бредням не веришь! Согласна ли, Эми?» — «Согласна! —
Эми сказала с усмешкой. — Бояться тут нечего, разве
Бури; а против ночных привидений защитой молитва».
С этим словом Эми пошла. Развалины были
Близко; но ветер выл и ревел, темнота гробовая
Все покрывала, и тучи, как черные горы, задвинув
Небо, страшно ворочались. Эми знакомой тропинкой
Входит без всякого страха в средину развалин.
Клен не далеко. Вдруг ветер утих на минуту, и Эми
Слышит, что кто-то идет, живой, а не мертвый. Ей стало
Страшно! Слушает; ветер снова поднялся и снова
Стих; и снова послышалось ей, что идут. В испуге
К груде развалин прижалась Эми. В это мгновенье
Ветром раздвинуло тучи, и месяц очистился. Что же
Эми увидела? Два человека — две черных тени —
Крадутся между обломков и тащат мертвое тело.
Ветер ударил сильней; с головы одного сорвалася
Шляпа, и к Эминым прямо ногам прикатилась! А месяц
В эту минуту пропал, и все опять потемнело.
«Стой! — послышался голос. — Шляпу ветром умчало!»
«После отыщешь! Прежде окончим работу! Зароем
Клад свой!» — другой отвечал, и они удалились. Схвативши
Шляпу, стремглав пустилась к гостинице Эми. Бледнее
Смерти в двери вбежала она и долго промолвить
Слова была не в силах; вздохнув, наконец, рассказала
То, что ей в замке привиделось. «Вот обличитель убийцам!» —

Шляпу поднявши, громко промолвила Эми; но тут же
В шляпу всмотрелась… «Ах!» — и упала на пол без чувства.
Брандово имя стояло на шляпе. Мне нечего боле
Вам рассказывать. В этот миг помутился рассудок
Бедной Эми; Господь милосердный недолго страдать ей
Дал на земле: ее отнесли на кладбище. Но долго
Видели столб на пригорке близ старого замка: прохожим
Он приводил на память и Бранда, и бедную Эми.
Все прошло теперь! И гостиницы нет! Лишь могилка
Бедной Эми цветет, как цвела, и над нею спокойно.
Дедушка кончил и молча стал выколачивать трубку.
Внучки так же молчали и с грустью смотрели на церковь:
Солнце играло на ней, и темные липы бросали
Тень на кладбище, где Эми давно покоилась в гробе.
Вот вам другая быль, — сказал, опять раскуривши
Трубку, старик. — Каспар был беден. К буйной, развратной
Жизни привык он, и сердце в нем сделалось камнем. Но жадным
Оком смотрел на чужое богатство Каспар. На злодейство
Трудно ль решиться тому, кто шатается праздно, не помня
Бога? Так и случилось. Каспар на ночную добычу
Вышел. Вы видите остров на Рейне? Вдоль берега вьется
Против этого острова мимо утеса дорожка.
Там, у самой дорожки, под темным утесом, в ночное
Позднее время Каспар засел и ждал, не пройдет ли
Кто-нибудь мимо. Ночь прекрасна была. Освещенный
Полной луной островок отражался в воде, и густые
Клены, глядяся в нее, стояли, как черные тени.
Все покоилось… волны изредка в берег плескали.
В листьях журчало, и пел соловей. Но злодейским
Замыслом полный, Каспар не слыхал ничего: он иное
Жадным подслушивал ухом. И вот напоследок он слышит,
Кто-то идет по дороге: то был одинокий прохожий.
Выскочил, словно как зверь из берлоги, Каспар, и недолго
Длилась борьба между ними; бедный путник с тяжелым
Стоном упал на землю, зарезанный. Мертвое тело
В воду стащил Каспар и вымыл кровавые руки.
Брызнули волны, раздавшись под трупом, и снова слилися
В гладкую зыбь; все стало по-прежнему тихо, и сладко
Петь продолжал соловей. Каспар беззаботно с добычей
В путь свой пошел; свидетелей не было; совесть молчала.
Скоро истратил разбойник добытое кровью; скоро
Голым стал он по-прежнему; годы прошли; о убийстве,

Кроме Бога, никто не проведал… Но слушайте дале.
Раз Каспар сидел за столом в гостинице. Входит
Старый знакомец его арендарь[61] Веньямин. Он садится
Подле Каспара; он крепко, крепко задумчив. И вправду,
Было о чем призадуматься. Денно и ночно работал,
Честно жил Веньямин, а всё понапрасну. Тяжелый
Крест достался ему: семью имел он большую,
Всех одень, напои, накорми… а чем же? Вдобавок
Новое горе постигло его: жена от тяжелой
Нужды слегла в постель, и деньги пошли на лекарство;
Бог помог ей; но с той поры все хуже, да хуже; и часто
Нечего есть; жена молчит и тает, как свечка,
Дети криком кричат; наконец, остальное помещик
В доме силою взял в уплату за долг и из дома
Выгнать грозился. Эта беда с Веньямином случилась
Утром, а вечером он Каспара в гостинице встретил.
Рядом с ним он сидел у стола, опершись на колена
Локтем, рукою закрывши глаза, молчал он, как мертвый.
«Что с тобой, Веньямин? — спросил Каспар. — Ты как будто
В воду опущен. Послушай, сосед, не распить ли нам вместе
Кружку вина? Веселее на сердце будет! Отведай!»
Кружку взял Веньямин и выпил. «Тяжко приходится
Жить, — сказал он. — Жена есть — и та умирает, и кости
Не на чем ей успокоить: злодеи последнюю взяли
Нынче постелю. Дети есть — Господи Боже мой! Лучше б
Им и мне в могилу! Помещик наш нынче ночью
В за́мок свой пышный поедет и там на мягких подушках,
Вкусно поужинав, сладко заснет, а я, воротяся
В дом мой, где голые стены, что найду там?..
Я ли Христом да Богом его не молил! У него ли
Мало добра?.. Пускай Всевышний Господь на судилище страшном
Так же с ним немилостив будет, как он был со мною».
Слушал Каспар и в душе веселился, как злой искуситель;
В кружку соседу вина подливал он и скоро зажег в нем
Кровь, и потом из гостиницы вышел с ним вместе. Уж было
Поздно. «Сосед, — Веньямину он тихо шепнул, — господин твой
Нынешней ночью один в свой за́мок поедет. Дорога
Близко; она пуста; а мщенье, знаешь ты, сладко».
Речью такой был сражен Веньямин. Но тяжкая бедность,
Горе семьи, досада, хмель, темнота, обольщенье
Слов коварных… довольно, чтобы слабое сердце опутать.
Так ли, не так ли, но вот пошел Веньямин за Каспаром.

Против знакомого острова сели они под утесом
Близко дороги и ждут; ни один ни слова; не смеют
Вслух дышать и слушают молча. Их окружала
Тихая, темная ночь; звезд не сверкало на небе;
Лист едва шевелился, без ропота волны лилися,
Все покоилось сладко, и пел соловей. Душа Веньямина
Вдруг согрелась; в нем совесть проснулась, и он содрогнулся.
«Нечего ждать, — он сказал, — уж поздно! Уйдем. Не придет он!»
«Будь терпелив, — злодей возвразил, — пождем и дождемся!
Доле за то жена возвращенья его дожидаться
Будет в за́мке, но будет напрасно ее нетерпенье!»
Сердце от этих слов повернулось в груди Веньямина,
Вспомнил свою он жену и сказал: «Теперь прояснилась
Совесть моя. Не поздно еще! Не хочу оставаться!»
«Что ты? — воскликнул Каспар. — Послушался совести. Ты бредишь!
Ночь темна, река глубока, здесь место глухое!
Кто нас увидит?» Мороз подрал Веньямина по коже.
«Кто нас увидит! А разве нет свидетеля в небе?» —
«Сказки! Здесь мы одни! В ночной темноте не приметит
Нас ни земной, ни небесный свидетель!» Тут неоглядкой
Прочь от него побежал Веньямин. И в это мгновенье
Темное небо ярким, страшным лучом раздвоилось;
Все кругом могильная мгла покрывала; на том лишь
Месте, где спрятаться думал Каспар, было, как в ясный,
Полдень светло… и вот пред глазами его повторилось
Все, что он некогда тут совершил во мраке глубокой
Ночи, один: он услышал шум от упавшего в воду
Трупа; он черный труп на волнах освещенных увидел;
Волны разинулись, труп нырнул в них, и все потемнело…
Дыши! Долго с тех пор под этим утесом, как дикий
Зверь, гнездился Каспар сумасшедший. Не ведал он кровли,
Был безобразен: лицо, как кора; глаза, как два угля;
Волосы клочьями, ногти на пальцах, как черные когти;
Вместо одежды гнилое тряпье; худой, измозженный,
Чахлый, все ребра наружу. Он в страхе все жался к утесу,
Всё как будто хотел в нем спрятаться и всё озирался.
Смутно кругом; но порою вдруг выбегал и, на небо
Дико уставив глаза, шептал: «*Он видит! Он видит!*»
Дедушка, быль досказав, посмотрел, усмехаясь на внучек.
«Что же вы так присмирели? — спросил он. — Видно рассказ мой
Был не на шутку печален! Постойте ж, я кое-что вспомнил,
Что рассмешит вас и вместе научит. Слушайте: часто

Мы на свою негодуем судьбу, а если рассудишь,
Как все на свете неверно, то сердцем смиришься и станешь
Бога за участь свою прославлять. Иному труднее
Опыт такой достается, иному легче. И вот как
Раз до премудрости этой, не умствуя много, а просто
Случаем странным, одною забавной ошибкой, добрался
Бедный немецкий ремесленник. Был по какому-то делу
Он в Амстердаме, голландском городе. Город богатый,
Пышный; зданья огромные; тьма кораблей. Загляделся
Бедный мой немец, глаза разбежались; вдруг он увидел
Дом, какого не снилось ему и во сне: до десятка
Труб, три жилья, зеркальные окна, ворота
С добрый сарай — удивленье! С смиренным поклоном спросил он
Первого встречного: чей этот дом, в котором так много
В окнах тюльпанов, нарциссов и роз? Но видно, прохожий
Или был занят, или столько же знал по-немецки,
Сколько тот по-голландски, то есть, не знал ни полслова,
Как бы то ни было: «*Каннитферштан!*» — отвечал он. А это
«*Каннитферштан*» есть голландское слово, иль лучше, четыре
Слова, и значит оно: «*Не могу вас понять*». Простодушный
Немец, напротив, вздумал, что так назывался владелец
Дома, о коем он спрашивал. «Видно богат не на шутку
Этот *Каннитферштан*!» — сказал про себя он, любуясь
Домом. Потом он отправился дале. Приходит на пристань —
Новое диво! Там кораблей числа нет; их мачты
Словно, как лес; закружилась его голова и сначала
Он не видал ничего, так много он разом увидел;
Но наконец на огромный корабль обратил он внимание.
Этот корабль недавно пришел из Ост-Индии. Много
Вокруг суетилось людей: его выгружали. Как горы,
Были навалены тюки товаров: множество бочек
С сахаром, кофе, перцем, пшеном сарацинским. Разинув
Рот, с удивлением глядел на товары наш немец и сведать
Крепко ему захотелось, чьи были они. У матроса,
Несшего тюк огромный, спросил он, как назывался
Тот господин, которому море столько сокровищ
Разом прислало? Нахмурясь, матрос проворчал мимоходом:
«*Каннитферштан*» — «Опять! Смотри, пожалуй! Какой же
Этот *Каннитферштан* молодец! Мудрено ли построить
Дом с богатством таким и расставить в горшках золоченых
Столько тюльпанов, нарциссов и роз по окошкам!» Пошел он
Медленным шагом назад и крепко задумался. Горе

Взяло его, когда он размыслил, сколько богатых
В свете, и как он беден. Но только что начал с собою
Он рассуждать, какое было бы счастье, когда б он
Сам был *Каннитферштан*, как вдруг перед ним погребенье;
Видит: четыре лошади, в черных длинных попонах
Гроб на дрогах везут и тихо ступают, как будто
Зная, что мертвого с гробом в могилу навеки отвозят.
Вслед за гробом родные, друзья и знакомые молча
В трауре идут; вдали одиноко звонит погребальный
Колокол. Грустно стало ему, как всякой смиренной
Доброй душе, при виде мертвого тела; и снявши
Набожно шляпу, молитву творя, проводил он глазами
Ход погребальный; потом подошел к одному из последних,
Шедших за гробом, который в эту минуту был занят
Важным делом: рассчитывал, сколько прибыли чистой
Будет ему от продажи корицы и перцу. Тихонько
Дернув его за кафтан, он спросил: «Конечно, покойник
Был ваш добрый приятель, что так вы задумались? Кто он?»
«*Каннитферштан!*» — был короткий ответ. Покатилися слезы
Градом из глаз у честного немца; сделалось тяжко
Сердцу его, а потом и легко; и вздохнувши, сказал он:
«Бедный, бедный *Каннитферштан*! От такого богатства
Что осталось тебе! Не то же ль, что рано иль поздно
Мне от моей останется бедности: саван и тесный
Гроб!» — И в мыслях таких побрел он за телом, как будто
Сам был роднею покойнику, в церковь вошел за другими,
Там голландскую проповедь, в коей не понял ни слова,
Выслушал с чувством глубоким, потом, когда опустили
Каннитферштана в землю, заплакал, потом с облегченным
Сердцем пошел своею дорогой. И с тех пор, как скоро
Грусть посещала его и ему становилось досадно
Видеть счастье богатых людей, он всегда утешался,
Вспомнив о *Каннитферштане,* его несметном богатстве,
Пышном доме, большом корабле и тесной могиле.

О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

(Извлечено из чтения «Русской старины»)

Петр Великий был высокого роста. Он имел круглое лицо, небольшой нос, маленькой рот с большими усами и черные глаза.

Петр Великий был очень силен. Однажды, желая показать силу свою королю польскому[62], он велел подать себе штуку сукна; он бросил ее на воздух и пробил кортиком. В другой раз, ужинав с польским же королем, Петр взял две серебряные тарелки и свернул их в трубу. В Амстердаме был однажды довольно сильный ветер; государь в это время остановил рукою крылья мельницы. Когда Петр был в Утрехте, он остановил колесо шелковой фабрики, которая действовала водою, но он там едва не погиб, потому что его колесом утащило; один работник его схватил за ноги и оторвал от колеса.

Петр любил быть просто одетым: это свидетельствует простота его платьев, которые в Петергофе. Однако были случаи, в которые он одевался как можно пышнее: это было тогда, когда спускали корабли. В это время он надевал богатый, шитый золотом адмиральский мундир и Андреевскую ленту.

Он не любил тратить денег понапрасну и говорил, что он не смеет брать денег, принадлежащих государству, а свои доходы невелики.

У него на собственные расходы определено было только 1 000 душ.

Когда в первый раз он был в чужих краях, то случилось ему в Нимвегене[63] ужинать в трактире. Хозяин, верно, узнал, кто был его постоялец, и потребовал за ужин сто червонцев. Петр велел своему гофмаршалу выдать деньги, но никогда не мог забыть, как этот голландец был корыстолюбив.

Он говаривал: «Своих денег у меня немного, а в государственных я должен дать отчет Богу». Поэтому, он часто носил два года один и тот же мундир, сам починивал свои башмаки; а императрица сама штопала ему чулки.

Он летом всегда ездил в низенькой красной одноколке парой, а зимою в санях в одну лошадь.

Однажды он удивил петербургских жителей своею роскошью. Он ехал в длинном фаэтоне, обитом красным бархатом, цугом, с лакеями в ливреях.

Он встретил тогда за четыре версты от города князя Долгорукого и графа Головкина, пробывших 15 лет в иностранных землях и возвращавшихся самыми образованными людьми.

Он любил ту же самую простоту в обхождении, какую мы заметили в его одежде и экипаже. Он издал указ, чтоб при встрече с государем не кланялись в землю, чтоб в просьбах к нему не употребляли ни слова «холоп», ни уменьшительных имен для своего унижения.

Петр обходился в Петербурге со всеми жителями, как отец с детьми. Он старался быть в каждом доме, когда там случалось какое-нибудь собрание.

Когда он имел дела к какому-нибудь из жителей, то он ходил туда сам как друг.

Государь зимою и летом ложился спать в десять часов, а вставал в три часа. Вставши, он ходил час по комнате и в это время читал «Петербургские ведомости», которых он сам держал корректуру или просматривал в рукописи переводы книг, деланные по его повелению.

В 4 или в 5 часов, выпивши анисовой водки, он шел смотреть новые работы, производившиеся в Петербург. В 6 или 7 отправлялся в Сенат или в Коллегии и оставался до 11 часов. В 11 он возвращался домой и принимал сам посетителей. В 12 часов он обыкновенно обедал в семействе, во дворце, что в Летнем саду. После обеда Петр читал голландские газеты и сам замечал, что надобно было переводить. В 4 часа пополудни он уходил в токарную или в кабинет.

Когда Петр уже оканчивал все дела, тогда он брал книжку и там записывал все, что он думал.

Петр особенно любил море. Почти все дворцы его времени были построены на морском берегу или окружены каналами, и он сам помогал работникам выкапывать их. Он говорил, что морской воздух для него самое лучшее лекарство; и когда он занемогал, то приказывал переносить себя на корабль, который стоял в гавани.

Когда он бывал в Петерогофе во дворце, то говорил, что ему душно, и всегда спал в Монплезире[64], который ему напоминал приятное время его юности.

Петр так любил море, что всегда присутствовал при спусках кораблей. Он сам выезжал навстречу купеческим кораблям и вводил их в гавань, за что ему давали талер или крону.

Любовь к мореплаванию заставила Петра учиться астрономии, механике и архитектуре.

Его любимая наука была механика. Равным образом анатомия, медицина, и особенно хирургия и натуральная история занимали досуги Петра.

Токарное искуство любил он столько, что почти всегда возил с собою в дорогу токарный станок.

Он также любил резьбу на меди, для чего выбирал предметы из важнейших происшествий своего царствования.

О. Р.

СПОР

Испанец и индеец, ехавшие верхом, встретились в степи. Испанцу, у которого лошадь была нехороша, хотелось как-нибудь обменяться ею с проезжим индейцем. Однако ж индеец не дался в обман. Тогда испанец отнял у него ло-

шадь насильно и отправился в путь. Индеец старался не отставать от него. Таким образом, они прибыли в город, где обиженный принудил противника явиться в суд. Испанец утверждал, что хорошая лошадь его собственная и что обвинитель его, вероятно, какой-нибудь бездельник. Свидетелей не было, судья в нерешимости хотел уже отослать противников, как вдруг индеец закричал: «Я докажу, что хорошая лошадь моя». Он накрыл ее глаза и спросил испанца: «Нам обоим известно, что она крива; скажи же, которого у нее нет глаза». Испанец наугад сказал поспешно: «Правого». Индеец, скинув покрывало с лошади, сказал судье: «Теперь ты видишь, что испанец тебя обманывал; он и того даже не знает, что эта лошадь совсем не крива». Судья приказал отдать ее индейцу, а испанца велел наказать по всей строгости законов.

Р. О.

ЗАМОК НА БЕРЕГУ МОРЯ

«Ты видел ли за́мок на бреге морском!
Играют, летают над ним облака;
Лазурное море сияет пред ним». —
«Я за́мок тот видел на бреге морском;
Светила над ним одиноко луна;
Лежал над окрестностью хладный туман». —
«Шумели ль, плескали ль морские валы?
С их шумом, с их плеском сливался ли глас
Веселого пенья, торжественных струн?» —
«Был ветер покоен, молчала волна;
Мне слышалась в замке печальная песнь;
Я плакал от жалобных звуков ее». —
«Царя и царицу ты видел ли там?
Ты видел ли с ними их милую дочь,
Младую, как утро весеннего дня?» —
«Царя и царицу я видел… вдвоем
Безмолвны, печальны сидели они;
Но милой их дочери я не видал».

ДВА ЯВЛЕНИЯ

Я шла мимо за́мка. Он стоял на берегу моря и был великолепен. Легкие, светлые облака летали над ним. Стена и высокие башни его отражались в прозрачных волнах моря. Лучи закатного солнца блистали на окнах. Слышались радостные песни и звуки арфы в теремах. И видела я царя и царицу в богатой одежде, в золотых венцах, и с восторгом вели они молодую дочь свою, прекрасную, как утро. Светлорусые локоны ее развивались по белой одежде; она улыбалась, как ангел, смотря на своих родителей.

Через несколько времени опять проходила я мимо замка. Но что ж? Все переменилось! В замке царствовала глубокая тишина. Луна бледными лучами своими слабо освещала его. Кругом распространялся туман. Я видела царя и царицу в черных, печальных одеждах. Но прекрасной дочери их с ними не было.

№ V

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Александр и в юности был чувствителен к красотам природы: они всегда возносили душу его ко Всевышнему.

Однажды в пустынном месте застигла его ночь; от усталости он погрузился в сон; утро занималось, когда он пробудился; на краю востока сверкала звезда, предшественница солнца.

Александр увидел, что он находился на возвышенном месте, окруженном утесами; всё было дико; но между терновником цвели прекрасные лилии. С высоты представлялось необъятное пространство, еще покрытое мраком. Но скоро сей мрак начал редеть: открылась глазам обширная равнина, усеянная холмами, рощами, посреди коей извивалась пышная река и повсюду являлись спокойные жилища человеческие. Небо, между тем, более и более воспламенялось; наконец утренняя звезда начинает бледнеть и исчезает в блеске восходящего солнца.

Александр долго смотрел на сие величественное зрелище; наконец он понял его таинственное знаменование, сложил руки, пал на колена и, решившись, во глубине души, быть для народа своего тем, что солнце сие для всего мира, смиренно произнес: «*Да будет Твоя воля*».

Александр исполнил то, что в эту минуту обещал себе и Богу: он сделался образцом государей и героев. Свое княжение в Новогороде ознаменовал он блистательными победами. Но история еще более удивляется его истинно хри-

стианскому смирению. Его подданные, не привыкнув переносить иго татар, возмущались и убивали посланных для собирания податей: Александр, чувствуя, что подобное сопротивление только увеличит бедствие России, а не спасет ее, забывал свое достоинство и смиренно испрашивал помилования подданным у надменных татарских ханов.

Россия, в знак благодарности за его самопожертвование для блага общего, причислила его к лику *святых*[65].

А. Р.

СРАЖЕНИЕ С ЗМЕЕМ

Что за тревога в Родоссе? Все улицы полны народом;
Мчатся толпами, вопят, шумят. На коне величавом
Едет по улице рыцарь красивый; за рыцарем тащут
Мертвого змея с кровавой, разинутой пастью; все смотрят
С радостным чувством на рыцаря, с страхом невольным на змея.
«Вот! — говорят. — Посмотрите, тот враг, от которого столько
Времени не было здесь ни стадам, ни людям проходу.
Много рыцарей храбрых пыталось с чудовищем выйти
В бой… Все погибли. Но Бог нас помиловал; вот наш спаситель;
Слава ему!» И вслед за младым победителем идут
Все в монастырь Иоанна Крестителя, где иоаннитов
Был знаменитый Капитул собран в то время. Смиренно
Рыцарь идет к престолу Магистера; шумной толпою
Ломится следом за ним в палату народ. Преклонивши
Голову, юноша так говорить начинает: «Владыка!
Рыцарский долг я исполнил: змей, разоритель Родосса,
Мною убит; безопасны дороги для путников; смело
Могут стада выгонять на луга пастухи; на молитву
Может без страха теперь пилигрим к чудотворному лику
Девы Пречистой ходить». Но с суровым ответствовал взглядом
Строгий магистер: «Сын мой, подвиг отважный с успехом
Ты совершил: отважность — рыцарю честь. Но ответствуй,
В чем обязанность первая рыцарей, верных христовых
Слуг, христианства защитников, в знак смиренья носящих
Крест Иисуса Христа на плечах? — То зрители, внемля,
Все оробели. Но рыцарь, краснея, ответствовал: «Первый
Рыцарский долг есть покорность». — «И рыцарский долг сей
Ныне ты, сын мой, нарушил: ты мной запрещенный
Подвиг дерзнул совершить». — «Владыка, сперва благосклонно

Выслушай слово мое, потом осуди. Не с слепою
Дерзостью я на опасное дело решился; но верно
Волю закона исполнить хотел: одной осторожной
Хитростью мнил одержать я победу. Пять благородных
Рыцарей нашего ордена, честь христианства, погибли
В битве с чудовищем. Ты запретил нам сей подвиг:
Мы покорились. Но душу мою нестерпимо терзали
Бедствия гибнущих братий; стремленьем спасти их томимый,
Днем я покоя не знал, и сны ужасные ночью
Мучили душу мою, представляя мне призрак сраженья
С змеем; и всё как будто бы чудилось мне, что небесный
Голос меня возбуждал и твердил мне: "Дерзай", и дерзнул я.
Вот что я мыслил: "Ты рыцарь; одних ли врагов христианства
Должен твой меч поражать? Твое назначенье святое:
Быть защитником слабых, спасать от гоненья гонимых.
Грозных чудовищ разить. Но дерзкою силой искусство
Мужеством мудрость должны управлять". И в таком убежденьи
Долго себя я готовил к опасному бою, и часто
К месту, где змей обитал, я тайком подходил, чтоб заранее
С сильным врагом ознакомиться; долго обдумывал средства,
Как мне врага победить; наконец вдохновение свыше
Душу мою просветило: "Найдено средство!" — сказал я
В радости сердца. Тогда у тебя позволенья, Владыка,
Я испросил посетить отеческий дом мой. Угодно
Было тебе меня отпустить. Переплыв безопасно
Море и на берег вышед, в отеческом доме не медля
Стал к предпринятому подвигу всё я готовить. Искусством
Сделан был змей, подобный тому, которого образ
Врезался в память мою: на коротких лапах громадой
Тяжкое чрево лежало; хребет, чешуею покрытый,
Круто вздымался; на длинной гривистой шее торчала,
Пастью зияя, зубами грозя, голова; из отверстых
Челюстей острым копьем выставлялся язык, и змеиный
Хвост сгибался в огромные кольца, как будто готовый
Вдруг обхватить ездока и коня, задушить их обоих.
Всё учредивши, двух собак, могучих и к бою
С диким быком приученных, я выбрал, и мнимого змея
Ими травил, чтоб привыкли они к единому клику
Зубы вонзать в непокрытое броней чешуйчатой чрево.
Сам же, сидя на коне благородной арабской породы,
Я устремлялся на змея, и руку мою беспрестанно
В верном метанье копья упражнял. Сначала от страха

Конь мой, храпя, на дыбы становился, и выли собаки;
Но наконец победило мое постоянство их робость.
Так совершилось три месяца: я возвращаюсь. Вот третий
День, как пристал я к Родоссу. О новых бедствиях вести
Душу мою возмутили. Горя нетерпением кончить
Дело начатое, слуг моих я зову, и, ученых
Взявши собак, на верном коне, никому не сказавшись,
Еду отыскивать змея. Ты знаешь, Владыка, часовню,
В коей отвсюду приходит молиться народ: на утесе
В диком месте она возвышается; образ Пречистой
Матери Божией, видимый там, знаменит чудесами;
Трудно всходить на утес, и доселе сей путь был опасен.
Там, у подошвы утеса, в норе, недоступной сиянью
Дня, гнездился чудовищный змей, сторожа проходящих:
Горе тому, кто дорогу терял! Из темной пещеры
Враг исторгался, добычу ловил и ее в свой глубокий
Лог увлекал на пожранье. В ту часовню Пречистой
Девы пошел я; там пал на колена, усердной молитвой
В помощь Заступницу призвал, принес покаянье,
Таин Святых причастился; потом, сошедши с утеса,
Латы надел, взял меч и копье, и, раздав приказанья,
Спутникам (коим велел дожидаться меня близ часовни),
Сел на коня, поручил Вездесущему Господу Богу
Душу мою и поехал. Едва я увидел на ровном
Месте себя, как собаки мои, почуявши змея,
Подняли ноздри, а конь захрапел и пятиться начал:
Блещущимся свившися клубом, вблизи он грелся на солнце.
Дружно и смело помчалися в бой с ним собаки; но с воем
Кинулись обе назад, когда, развернувшися быстро,
Вдруг он разинул огромные челюсти, их ядовитым
Обдал дыханьем и с страшным шипеньем поднялся на лапы.
Крик мой собак ободрил: они вцепилися в змея.
Сильной рукой я бросаю копье, но, ударяясь в чешуйный,
Крепкий хребет, оно, как тонкая трость, отлетело;
Новый удар я спешу нанести; но испуганный конь мой
Бешено стал на дыбы: раскаленные очи, зиянье
Пасти зубастой, и свист, и дыханье палящее змея
В ужас его привели, и он опрокинулся. Видя
Близкую гибель, проворно спрыгнул я с седла и в сраженье
Пеший вступил с обнаженным мечом; но меч мой напрасно
Колет и рубит: как сталь чешуя. Вдруг змей, разъярившись,
Сшиб меня с ног ударом хвоста, и сам надо мною

Страшным столбом поднялся; и уже растворил он огромный
Зев, чтоб зубами стиснуть меня; но в это мгновенье
В чрево его, чешуей не покрытое, вгрызлись собаки:
Взвыл он от боли и бешено начал кидаться… Напрасно!
Стиснувши зубы, собаки повисли на чреве. Поспешно
На ноги став, я бросаюся к ним, и меч мой вонзился
В самое сердце чудовища: хлынула черным потоком
Кровь; согнувшись в дугу, он грянулся оземь, и, тяжким
Телом меня опрокинув, издох надо мною. Не помню,
Долго ль бесчувствен под ним я лежал; глаза открываю:
Слуги мои предо мной, а змей в крови неподвижен».
Рыцарь, докончивши повесть свою, замолчал. Раздалися
Громкие клики; дрогнули своды палаты от гула
Рукоплесканий, и самые рыцари ордена вместе
С шумной толпой возгласили: «Хвала!» Но Магистер,
Строго нахмурив чело, повелел, чтоб все замолчали —
Все замолчали. Тогда он сказал победителю:
«Змея, долго Родосс разорявшего, ты поразил, благородный
Рыцарь; но, Богом явяся народу, врагом ты явился
Нашему ордену: в сердце твоем поселился отныне
Змей, ужасней тобою сраженного; змей, отравитель
Сердца, сеятель смут и раздоров, презритель смиренья,
Недруг порядка, древний губитель земли. Быть отважным
Может и враг поганый Христа Мамелюк; но покорность
Есть одних христиан достоянье. Где сам Искупитель
Бог Всемогущий смиренно стерпел поношенье и муку,
Там в старину основали отцы наш орден священный;
Там, облачася крестом, на себя они возложили
Долг, труднейший из всех: *свою обуздывать волю*.
Суетной славой ты был обольщен — удались; ты отныне
Нашему братству чужой: кто Господнее иго отринул,
Тот и Господним крестом себя украшать недостоин».
Так Магистер сказал, и в толпе предстоявших поднялся
Громкий ропот, и рыцари ордена сами Владыку
Стали молить о прощенье; но юноша, молча, потупив
Очи, снял епанчу, у Магистера строгую руку
Поцеловал и пошел. Его проводивши глазами,
Гневный смягчился судья, и, назад осужденного кротким
Голосом кликнув, сказал: «Обними меня, мой достойный
Сын: ты победу теперь одержал, труднейшую первой.
Снова сей крест облачи; он твой: он награда смиренью».

АРИСТОДЕМ

«Скажи нам, — воскликнули критяне, обратясь к Ментору, — скажи, мудрейший и величайший из смертных, кого мы можем избрать своим царем? Мы не отпустим тебя до тех пор, пока не научишь нас сделать благоразумный выбор». Ментор им ответствовал: «В то время, когда я был в толпе зрителей, я заметил одного человека, который, казалось, ни в чем не принимал участия: это старец, еще довольно мужественный. Я спросил, кто он. Мне отвечали, что его зовут Аристодемом. Потом я услышал, что его двое сыновей находились в числе сражавшихся; казалось, что он тому не радовался. Он сказал, что одному из них не желает опасностей царского сана, и что он слишком любит свое отечество, чтобы согласиться на выбор другого в цари. Из сего я понял, что этот отец любил с благоразумием одного из своих сыновей, который был добродетелен, и что он не одобрял беспорядочной жизни другого. Мое любопытство возрастало; я спросил еще, какова была жизнь этого старца. Один из граждан отвечал мне: он долго служил на войне; он покрыт ранами; но его добродетель, друг искренности и враг лести, сделала его неприятным Идоменею. Вот что воспрепятствовало царю употребить его в Троянской войне: он страшится человека, способного подать ему такие советы, коим бы он не решился последовать; он даже наперед завидовал той славе, которую этот человек скоро бы приобрел. И, позабыв его заслуги, он оставил его бедным, в презрении у людей грубых и низких, которые уважают одно только богатство, но довольным своею бедностью. Он живет весело в уединенном месте острова, где обрабатывает землю собственными руками. Один из его сыновей трудится с ним вместе. Они любят друг друга нежно, и счастливы. Своею умеренностью и трудом приобрели они в изобилии всё нужное для скромной их жизни. Мудрый старец дает убогим и больным своего соседства всё, что ему и сыну его остается сверх необходимого. Он заставляет работать всех молодых людей, возбуждает их к добру и учит; он судит все распри между своими соседями; он отец всех семейств. Несчастие собственного его семейства состоит в том, что младший сын его не захотел последовать мудрым советам отца, который, терпевши долгое время его пороки, дабы их исправить, наконец удалил его от себя, и он необузданно предался своему безумному честолюбию и разврату.

П.

НАСТАВЛЕНИЕ МЕНТОРА ТЕЛЕМАКУ

«Берегись, мой сын, — сказал Телемаку Ментор, — берегись нетерпения в искании славы. Истинный способ ее обрести есть дожидаться спокойно удобного случая. Добродетель тем более достойна почтения, чем более она имеет

простоты и скромности, чем она удаленнее от всякого блеска. По мере того, как возрастает необходимость идти навстречу погибели, увеличивается и необходимость быть осторожным, быть непоколебимым в мужестве. Впрочем, помни, что не надобно ни в ком возбуждать зависти, и с своей стороны, не завидуй успехам других; хвали их за то, что достойно похвалы, но хвали с разборчивостью; говори о других только доброе, и, умалчивая злое, сожалей об нем. Не говори решительно в присутствии старых вождей, имеющих всю ту опытность, которой ты еще иметь не можешь; внимай им почтительно; советуйся с ними; проси у искуснейших наставления и не стыдись признаваться, что их наставлениям обязан ты главными своими успехами. Наконец, никогда не обращай внимания на слова, коими захотят возбудить в тебе недоверчивость и зависть против других вождей. Будь, напротив, с ними доверчив и простодушен. Если же подумаешь, что они нарушили должное к тебе уважение, открой им сердце и объяснись с ними. Это их тронет, если они способны чувствовать благородство такого поведения, и ты получишь от них всё то, чего можешь требовать; ежели же, напротив, они не довольно благоразумны, чтобы согласовать свои чувства с твоими, то, по крайней мере, сам собою узнаешь всю их несправедливость; тогда ты возьмешь свои меры, чтобы до окончания войны не иметь с ними никакого дела, и таким образом сам останешься без упрека. Но более всего не говори никогда некоторым льстецам, которые везде рассевают раздор, о причинах неудовольствий, кои можешь иметь против предводителей войска, в котором будешь находиться».

П.

ОСТРОВ

Цветет и расцветает
Мой милый островок;
Там веет и летает
Душистый ветерок.

Сплела там роща своды;
В тени их тишина;
Кругом покойны воды,
Прозрачные до дна.

Там знойными лучами
День летний не палит;
Там сладостно листами
Прохлада шевелит.

Там звезды ясной ночи
Сквозь темный свод древес
Глядя, как будто очи
Блестящие небес.

Пленительно сквозь сени
Играют при луне,
Пьют листьев ароматы
И плещутся в волне.

Там нас встречает *радость*,
Там всё забава нам;
Подруга наша *Младость*,
Играет с нами там.

КАННИТФЕРШТАН

Быль

Часто мы недовольны состоянием своим; но если мы подумаем, как всё неверно на свете, то всегда раскаемся и станем благодарить Бога за свою участь. Иной узнает это легче, другой труднее. Вот этому пример: один бедный немецкий ремесленник отправился по делам своим в Амстердам. Сей город богат, пышен и имеет пристань, в которой бывает всегда множество кораблей. Наш немец был так удивлен всем, что голова у него закружилась. Наконец он стал различать один предмет от другого, увидел прекрасный дом, на окнах которого расставлены были цветы. Он спросил у первого прохожего, кому принадлежит этот прекрасный дом, где на окнах столько нарциссов, роз и тюльпанов? Но прохожий, видно, был занят своими делами или не понимал немецкого языка, как тот голландского. «*Каннитферштан*», — был его ответ. Это слово есть голландское, которое значит: «*Не могу вас понять*». А немец вообразил, что то было имя владетеля дома. Видно, что этот Каннитферштан очень богат, подумал он, потому что он имеет такой прекрасный дом. Немец пошел далее и остановился у пристани. Там увидел он такое множество кораблей, что мачты их показались ему лесом. Он особенно обратил свое внимание на большой корабль, который недавно пришел из Индии с разными товарами: сахаром, кофе, корицею и перцем; и ему очень захотелось узнать, кому принадлежало всё это богатство. Он подошел к матросу, который нес огромный тюк товаров, и спросил, чей это корабль? «*Каннитферштан*», — отвечал ему матрос. О, молодец наш *Каннитферштан*, подумал немец: вот какое богатство у него! Не мудрено, что он выстроил

такой огромный дом. Немец пошел далее и размышлял с грустью, сколько богатых на земле и как он беден. Ходя по улицам, вдруг он встретил погребение: четыре лошади, покрытые черными попонами, везли гроб, поставленный на дрогах; родственники, друзья, знакомые шли за ним тихим шагом и с большою печалью. Немец подошел к последнему из них, который в эту минуту был занят важным делом: рассчитывал, сколько прибыли ему будет от продажи перцу и корицы. Он тихонько потянул его за кафтан и спросил: «Верно, вы очень печалитесь о смерти этого человека, что так задумались; позвольте спросить, как он называется?» «*Каннитферштан*», — сказал ему грубо купец. Услышав эти слова, добродушный немец горько заплакал, и сделалось ему тяжело на сердце. «Бедный *Каннитферштан*! — сказал он про себя. — Прежде как ты был богат! А теперь смерть у тебя всё отняла. Зачем я печалился о моей бедности? Вот и богатые люди умирают». Говоря это, пошел он за телом, вошел в церковь за другими, выслушал набожно большую голландскую проповедь, в которой не понял ни слова; а когда опустили гроб и покрыли его землею, он заплакал; потом пошел своею дорогой. С тех пор, когда ему становилось грустно от своей бедности, он вспоминал о *Каннитферштане* — и утешался.

Р. П.

ПЕСНЬ РЕГНЕРА ЛОДБРОГА

Мы острие своих мечей
Над супостатом испытали;
Их трупы вкруг коней морских
По шумной влаге вод носились.

И, быстро снарядив ладьи,
Мы храбро в битву полетели;
Прошло шесть дней, и враг погиб,
И праздник копий мы свершили.

Судьба была со стороны
Мечей; летали стрелы градом,
Пока Нортумберландцы все
На землю не легли родную.

Какая радость нам была,
Когда под нашими громами
Щиты рассыпалися в прах:
Таков был день победной битвы!

В младое сердце сына враг
Вонзил меча ужасно жало;
Но рано начали мы пир,
И гром мечей нам был музыкой.

Три мужественные царя
Сопиршественники нам были;
И бились мы до тьмы ночной;
День кончился, гостей не стало.

И пиршества остатки все
Достались ястребам и вранам;
И в море побежал поток,
Напитанный весь кровью вражьей.

Стократно вызова копьем
На брань я приглашал народы;
И нас никто не попрекнет,
Чтоб мы опаздывали к бою.

И мышлю я, что ни о ком
Столь много слава не расскажет.
Как обо мне в те дни, когда
Упитывал я меч свой кровью.

И в отдаленных временах
Узнают все, что враг наш видел
Влетающие в устья рек
Знамена чермныя драконов.

Но днесь мне суждено узнать,
Что воля жизнь пресечь земную
Принадлежит одной судьбе
И божествам непобедимым.

И в мысль не приходило мне,
Чтоб смерть пришла мне от саксонца,
В те дни, как в юности моей
Вверял водам я первы доски.

Но боги! Что за радость мне!
Чертог Одинов предо мною!

Из черепов там буду пить
И мед, и пенистое пиво.

Уж смерть героям не грозит
В святых обителях Одина:
Я в те обители войду
Не с робкими детей словами.

О вы, Аславги сыновья,
Как быстро вы бы оживились,
Какой огонь бы вспыхнул в вас,
Когда б беду отца узнали!

Но змеи вкруг меня шипят,
Их острый яд мне в сердце льется…
Но мать сынов моих верна,
Ее сыны должны быть храбры.

Уж в крепость сердца моего,
Как аспид, крадется отрава;
Но день придет, норманский меч
В груди саксонца водрузится.

Погибнет скоро ваш отец;
Но вы, сыны мои, восстаньте;
Возьмите свой топор и меч;
Покоя день и ночь не знайте.

Но уж Одиновы послы
Зовут меня; я умираю
Без вздоха; жажду я конца:
Он мне отворит дверь Валкалы[66].

Туда зовет меня Один,
Метатель грома, друг добычи,
Любитель славы и побед
И прадед мужественных азов.

Пить буду с ними крепкий мед,
Сидя на троне возвышенном —
Уж близок час последний мой;
Я вижу смерть, но улыбаюсь.

В.

ПРОЗА 1830-х ГОДОВ

ДВЕ ВСЕМИРНЫЕ ИСТОРИИ

Отрывок письма из Швейцарии $^{4}/_{16}$ января, 1833.

Здоровье мое не худо и не хорошо. Я как будто остановился на одной точке; не иду ни вперед, ни назад. Радуюсь, однако, что не поехал в Италию, ибо тревожная жизнь путешественника, без сомнения, много бы мне повредила. О климате Италии сожалеть не имею причины: мне удалось поселиться в самом теплом и здоровом уголке Швейцарии. От итальянской зимы, вероятно, страдал бы я гораздо более, нежели от здешней, нежели даже от русской: теперь в Италии тепло под открытым небом, но в домах мерзнут; здесь же, где дома лучше устроены для зимнего времени, нет почти и признака зимы[1]. Теперь 4-е января (старого стиля), а на дворе почти весна; солнце светит с прекрасного голубого неба; перед глазами моими расстилается лазоревая равнина Женевского озера; нет ни одной волны; не видишь движения, а только его чувствуешь: озеро дышит. Сквозь голубой пар подымаются голубые горы с снежными, сияющими от солнца вершинами; по озеру плывут лодки, за которыми тянутся серебряные струи, и над ними вертятся освещенные солнцем рыболовы, которых крылья блещут как яркие искры; на горах, между синевою лесов, блестят деревни, хижины, за́мки; с домов, белыми змеями, вьются полосы дыма; иногда в тишине, между огромными горами, которых громады приводят невольно в трепет, вдруг раздается звон часового колокола с башни церковной: этот звон, как гармоника, промчавшись по воздуху, умолкает, и всё опять удивительно тихо в солнечном свете; он ярко лежит на дороге, на которой там и здесь идет пешеход и за ним его тень. В разных местах слышатся звуки, не нарушающие общей тишины, но еще более оживляющие чувство спокойствия: там далекий лай собаки, там скрип огромного воза, там человеческий голос. Между тем в воздухе удивительная свежесть, есть какой-то запах не весенний, не осенний, а зимний; есть какое-то легкое, горное благоухание, которого не чувствуешь на равнинах. Вот вам картина одного утра на берегах моего озера! Каждый день сменяет ее другая. Но за этими горами Италия, и мне не видать Италии[2]. Между тем живу спокойно. И делаю всё, что от меня зависит, чтобы дойти до своей

цели — до выздоровления. Живу так уединенно, что в течение пятидесяти дней был только раз в обществе. Вероятно, что такое пустынничество навело бы, наконец, на меня мрачность и тоску; но я не один. Со мною живет Р***[3] и все его семейство. Он усердно рисует с натуры, которая здесь представляет богатую жатву его кисти, а я пишу стихи[4], читаю или не делаю ничего. С пяти часов утра до четырех с половиною пополудни — время нашего общего обеда — я сижу у себя или брожу один. Потом мы сходимся, вместе обедаем и вечер проводим также вместе. В таком образе жизни много лекарственного. Но прогулки мои еще весьма скромны, еще нет сил взбираться на горы[5]. Зато гуляю много по ровному прекрасному шоссе, всякий день и во всякую погоду.

Теперь читаю две книги. Одна из них напечатана моими берлинскими знакомцами, Гумблотом и Дункером[6], довольно четко, на простой бумаге, и называется «Menzel's Geschichte unserer Zeit»[7]; а другая самою природою, на здешних огромных горах, великолепным изданием. Титула этой последней книги я еще не разобрал. Но и то и другое чтение приводит меня к одному и тому же результату. Всякий день в два часа пополудни я начинаю свое пешеходство по Симплонской дороге[8], которая мимо самого крыльца моего идет по берегу Женевского озера, расстилающегося широкою равниною между высоких берегов горных. Со стороны Женевы на дальнем горизонте, видна низкая, голубая, однообразная стена Юры. Со стороны кантона Вадта, Pays de Vaud, на которой находится моя деревушка, Вернѐ (между Клараном[9] и Монтрѐ), подымаются горы, покрытые виноградниками, усыпанные деревнями, зáмками, хижинами, шалашами; низшие из них имеют приятную круглую форму (здесь посреди виноградников великолепные каштановые, буковые и ореховые деревья); высшие торчат острыми утесами, одни имеют вид зубчатых стен, другие форму огромных зубов, между которыми самый заметный называется Dent de Jamant. Вершины этих утесов голы и истрескались от действия стихий; бока покрыты елями и соснами, между которыми весенние и осенние потоки прорыли излучистые дороги: они теперь наполнены снегом и кажутся змеями, замерзнувшими от холода и извившимися в час смерти. На противной, Савойской стороне, подымаются горы более огромные, и представляют ужасный хаос утесов, разорванных, растреснутых, разделенных глубокими долинами, в которых теперь белеет снег, тогда как самые утесы, синеющие от еловых лесов, покрывающих бока их, имеют вид необъятного, оцепенелого, изрубленного трупа. Эти горы, возвышаясь, сходятся с противолежащими и стесняются в глубокую долину, по которой течет Рона, впадающая близ Вильнёва в Женевское озеро. Эту долину задвигают наконец покрытые вечным снегом горы: впереди подымается великаном Dent-du-midi, за ним конусом стоит Mont-Catogne, из-за него с одной стороны выглядывает Mont-Velan, а с другой Сен-Бернард, знаменитый переходом Наполеона и гостеприимством добрых отшельников, которые

поселились на высоте его со своими собаками для спасения путешественников, теряющих дорогу в снегах горных. Таковы великолепные листы Всемирной Истории, которые разгибаются перед глазами моими в то время, когда я неприметною мошкою крадусь по тропинке своей у подошвы этих великанов. И мне было бы весьма душно от их ужасающей взоры огромности, когда бы мне не сопутствовал другой великан, который может без страха с ними соперничать: этот великан есть *мысль*, могущая не только в одну минуту подняться на их неприступные высоты, но, перелетев века и пространство, присутствовать при их рождении, в то время, когда они сами были только прах, кипевший в первобытной воде, которая, наконец, сгустив и набросав их теми огромными грудами, в коих они столько веков стоят неподвижно, сама успокоилась, и теперь, тихим, таинственным морем, окружает нашу цветущую землю, вышедшую из хаоса первобытного.

Какое сходство в Истории этих безжизненных великанов с Историей живого человеческого рода! Что представляла наша земля в эти первые дни создания, когда всемогущее Божие *Буди* раздалось посреди небытия, и все начало стремиться к жизни? Каков был мир в то время, когда потоп за потопом разрушал землю, когда из страшного разрушения выходило столь же страшное создание, когда владыками земли были одни чудовища, которых огромные, окаменелые скелеты, лежащие в земной утробе, свидетельствуя об отделенной эпохе их существования, в то же время служат памятниками минувшего беспорядка? Чем все это кончилось? Животворным *шестым* днем создания. Потопы утихли, утесы оцепенели, их страшные груды покрылись великолепным ковром плодоносной земли, на котором началась цветущая жизнь, — и на эту обновленную землю Создатель привел наконец Человека. Бурный период образований физических дошел до своего предела: начинается жизнь человеческого рода, и она представляет нам тот же хаос, в каком при начале своем является нам мир физический. Мы видим человека первосозданного; он сначала достоин своего Создателя, и на земле рай, но он падает…

Что же представляет нам человеческое общество после падения и что после всемирного потопа, уничтожившего первобытный род человеческий? Не тот же ли беспорядочный бой стихий и масс физического мира, сквозь которые с трудом и постепенно пробивалась высшая жизнь? И все эти предания о древнем мире после потопа, все эти памятники огромных минувших царств, колоссы Индии и Египта, завоевания Сезострисов, Киров, Александров, и самый всемогущий Рим не то же ли они в истории — некогда живые, теперь мертвые и окаменелые посреди слоев (веков), набросанных временем, не то же ли они, что эти огромные чудовища, владевшие первобытною землею, которых остовы нас так изумляют, повествуя нам о том, чего давно нет и чего уже быть не может? Наконец и для человеческого рода период всеобщих бурных переворотов

дошел до своего предела, и ужасные создания древнего мира оделись великолепным покровом, на котором началась новая, высшая жизнь: эта пелена более и более развивается; не всё еще ею покрыто, — но всё когда-нибудь покроется. Вулканы, наводнения, ураганы и многие грозные феномены свидетельствуют, что еще не всё в физическом мире утихло; но это одни минутные, частные явления: они не производят *общего* изменения, и только показывают, что сила беспорядка хотя еще и не умерла, но уже издыхает. То же и в мире нравственном: и после пришествия Христова были политические разрушительные вулканы, они являются и теперь, но характер их более и более изменяется: теперь они более *образовательны*, нежели прежде. Например, в наше время мировладычество Александра и Рима невозможно, по крайней мере непрочно. Наполеон, у нас перед глазами, сделал ему опыт, но быстрое создание силы его столь же быстро и сокрушилось. Конечно, еще увидим много потрясений; но посреди их шума голос мира и порядка более и более становится внятен. Христианство, источник и хранитель нравственной жизни, неразрушимо, несмотря на бунтующие против него страсти; истекающая из него образованность медленным, но постоянным своим действием все приводит в равновесие; бой добра и зла продолжается — и может ли быть иначе? Земля не рай, человек не ангел; но наше время, со всеми его конвульсиями, лучше прошедшего. Это *лучшее* само собою истекает из зла минувшего. И это лучшее — не человек своею силою производит его, но время, покорное одному Промыслу. Поколения исчезают, а время на гробах их пишет свои истины, которые читают следующие поколения и обращают в свою пользу: исчезая, они оставляют на гробах своих другие истины, временем написанные в пользу других поколений. Общий же результат один: во всякое время человек на своем месте, в своем круге может совершить всё, что он, как человек, совершить обязан; и если бы каждый, не сбиваясь в пути, следовал сему правилу, то было бы на земле одно царство порядка. Но человек создан не для тихой, счастливой, а для деятельной нравственной жизни; он должен завоевывать свое достоинство, должен пробиваться к добру сквозь страсти и неразлучные с ними заблуждения и бедствия. В мире действует не он, а Провидение, которое действует в целом. Жизнь человеческого рода можно сравнить с волнующимся морем: буря страстей производит эти минутные волны, восстающие, падающие и беспрестанно сменяемые другими. Каждая из них кажется каким-то самобытным созданием; и если бы каждая могла мыслить, то она, в быстром своем существовании, могла бы вообразить, что действует и созидает для вечности. Но она со всеми своими скоропреходящими товарищами, только принадлежит к одному великому целому: все они покорствуют одному общему движению; иногда движение кажется бурею: бездна кипит; но вдруг все гладко и чисто; — и в этом за минуту столь безобразном хаосе вод спокойно отражается чистое небо. Вот вам философия здешних гор. То же самое прочитал я и в Менцеле, ко-

торый в быстрой картине представляет нам происшествия нашего века, столь богатого великими изменениями.

Еще один маленький отрывок из той же горной философии: проезжая сюда через кантон Швиц, я видел на прекрасной долине, между Цюрихским и Ловерцким озером, развалины горы, задавившей на двадцать лет несколько деревень и обратившей своим падением райскую область в пустыню. Это место называлось тогда Goldau, «золотой луг»[10]. За двенадцать лет пред сим я уже видел его: с тех пор ничто не переменилось; те же голые, набросанные грудами камни, немногие покрылись мохом; кое-где пробиваются тощие кусты, но еще почти нет признака жизни: время невидимо работает, но разрушение в полной еще силе. Рядом с этим хаосом камней простирается холмистая равнина, покрытая сочною травою, пышными деревьями, селениями, хижинами, садами; но бугристая поверхность ее, согласно с преданием, свидетельствует о древнем разрушении: за несколько веков и на этом месте упала гора, задавила несколько селений, и надлежало пройти сотням лет, дабы развалины могли покрыться слоем плодоносной земли, на которой поселилось новое поколение, совершенно чуждое погибшему. Вот история всех революций, всех насильственных переворотов, кем бы они производимы ни были, — бурным ли бешенством толпы, дерзкою ли властью одного! Разрушать существующее, жертвуя справедливостью, жертвуя настоящим для возможного будущего блага, есть опрокидывать гору на человеческие жилища с безумною мыслью, что можно *вдруг* бесплодную землю, на которой стоят они, заменить другою, более плодоносною. И, правда: будет земля плодоносная, но для кого? и когда? Время возьмет свое, и новая жизнь начнется на развалинах, но это дело его, а не наше; мы только произвели гибель; а произведенное временем из созданных нами развалин нимало не соответствует тому, чего мы хотели. Время истинный создатель, мы же в свою пору были только преступные губители, и отдаленные благие следствия, загладив следы погибели, не оправдывают губителей. На этих развалинах Гольдау ярко написана истина: «Средства не оправдывается целью; что вредно в настоящем, то есть истинное зло, хотя бы и было благодетельно в своих последствиях; никто не имеет права жертвовать будущему настоящим и нарушать верную справедливость для неверного возможного блага». Человек, во всякую настоящую минуту, может быть справедливым, в этом его человеческая свобода. Что справедливо теперь, то несомнительно; жертвовать этим несомнительным, единственно возможным человеку, для вероятной, следственно, сомнительной пользы, есть преступление или безумство. Ибо кто отвечает за будущее? И следующий миг не принадлежит нам: это уже область Провидения. Только, оставаясь в границах человечества, с светлым понятием о справедливости, можем мы действовать благотворно, то есть нравственно; напротив, вступаясь в дело Провидения и надеясь силою в одну минуту произвести то, что оно медленно

созидает временем, мы губим и гибнем. Что же? Должны ли мы себя осудить на бездействие и неподвижно предаться во власть времени, подобно камням, которые, не видя и не зная, что с ними творится, дают ему покрывать их мхом и растениями? Нет; но для человека довольно собственной деятельности и без дерзкого присвоения той, которая не принадлежит ему. Иди шаг за шагом за временем, вслушивайся в его голос и исполняй то, чего он требует. Отставать от него столь же бедственно, как и перегонять его. Не толкай горы с места, но и не стой перед нею, когда она падает; в первом случае сам произведешь разрушение, в последнем не отвратишь разрушения, в обоих же сам погибнешь. Но работая беспрестанно, неутомимо, наряду со временем, отделяя от живого то, что оно уже омертвело, питая то, в чем уже таится зародыш жизни, и храня то, что зрело и полно жизни, ты безопасно, без всякого гибельного потрясения, произведешь или новое необходимое или уничтожишь старое обветшалое… Одним словом, живи и давай жить; а паче всего блюди Божию правду. Но довольно. От моей горной философии и письмо мое сделалось горою. Прощайте.

ВОСПОМИНАНИЕ О К. К. МЁРДЕРЕ

24 марта скончался в Риме генерал-адъютант *Карл Карлович Мёрдер*, после пятидневной горячки, причиненной простудою. Покинув холодный климат петербургский, для восстановления сил своих, расстроенных припадками болезни, уже неисцелимой, хотя еще не смертельной, он провел все лето минувшего года на водах в Баден-Бадене; осенью переселился в Италию, прожил всю зиму в Риме. В начале весны посетил Неаполь и, возвратившись в Рим, собирался уже после Пасхи отправиться снова к водам в Германию, дабы потом ехать обратно в Россию. Но Провидению угодно было устроить иначе. Следующие подробности о последних днях и кончине генерала Мёрдера заимствованы из писем очевидца*: «18-го числа, в самый день Пасхи, пошел он на площадь св. Петра смотреть церемонию папского благословения[1]; был бодр и весел, но, разгоряченный сильным жаром того дня, вероятно, простудился ввечеру, когда осматривал иллюминацию купола Базилики[2], ибо, возвратясь домой, почувствовал сильную усталость и расслабление, лег в постель, и более уже не покидал ее. На другой день открылась жестокая горячка. Лучшие доктора Рима были призваны, но напрасно: ничто уже не могло спасти его. 23-го марта, в 12-м часу утра, пригласили пастора для причащения его св. таин; он был в памяти,

* А. В. Устинова, который на пути своем из Италии встретился с генералом Мёрдером в Баден-Бадене, с ним вместе поехал обратно в Италию, не отходил от него во все время последней его болезни. И имел горестное утешение закрыть глаза своему другу и благотворителю. *Примечание к тексту.*

но говорить уже не мог, только два ручья слез показывали его умиление и святые чувства истинного христианина. В пять часов собрались доктора и решили пустить ему кровь, чтобы облегчить его дыхание; но то была слишком слабая помощь. Биение сердца увеличивалось беспрестанно и к полночи сделалось так сильно, что его можно было слышать в двух шагах; больной лежал неподвижно, без чувств; руки и ноги хладели; наконец, в половине первого часа утра, сердце его остановилось — он скончался. Лицо мертвого сохранило несколько минут следы минувших страданий; но скоро они изгладились: на нем распространилось выражение добродушия, тихости; явилась улыбка; таким оно и осталось. Погребение совершено было 26-го марта, на английском кладбище, близ Цестиевой пирамиды[3]. Вместе со вдовой и дочерью покойного, и все русские, находившиеся в Риме, провожали его тело. У стены кладбища были выстроены папские гренадеры и драгуны. При двухстах выстрелах гроб был опущен в могилу и засыпан землею».

Так, вдалеке от отечества, кончил дни свои незабвенный наш Мёрдер. Из сорока шести лет жизни своей посвятил он тридцать на службу государю, и последние десять провел безотлучно при особе его высочества наследника, коего воспитание было ему вверено. Отменно здравый ум, редкое добродушие и живая чувствительность, соединенные с холодною твердостью воли и неизменным спокойствием души, таковы были отличительные черты его характера. С сими свойствами, дарованными природою, соединял он ясные правила, извлеченные им из опытов жизни, правила, от коих ничто никогда не могло отклонить его в поступках. Спокойно и смиренно действовал он в кругу своих обязанностей, руководимый одною совестью, верный долгу, без честолюбия, без видов корысти, строгий с самим собою и удивительно добродушный с другими. Десять лет, проведенных им при великом князе, конечно, оставили глубокие следы на душе его воспитанника; но в данном им воспитании не было ничего искусственного: вся тайна состояла в благодетельном, тихом, но беспрестанном действии прекрасной души его, действии, которое можно сравнить с благорастворением воздуха, необходимым для жизни и полного развития растений. Его питомец был любим нежно, жил под святым влиянием прямодушия, честности, благородства; он окружен был порядком; самая строгость принимала с ним выражение нежности; он слышал один голос правды, видел одно бескорыстие — могла ли душа его, от природы благородная, не сохраниться свежею и непорочною, могла ли не полюбить добра, могла ли в то же время не приобрести и уважения к человечеству, столь необходимого во всякой жизни, особливо в жизни близ трона и на троне?

Будем же радоваться, что душа наследника России на рассвете своем встретилась и породнилась с прекрасною душою Мёрдера. Провидение разлучило их в минуту, важную для обоих. Всё земное кончилось для одного в то время,

когда другой вступал во храм для первой присяги на жизнь земную[4]. Один, при переходе в лучший мир, простился с здешним, произнося свое любимое, здешнее имя: *Александр*, *Александр*… невнятно повторял тупеющий язык его в то время, когда прерывалось его дыхание, и смерть к нему приближалась. Другой, при переходе из отрочества в юность, встреченный пением: *Христос воскресе*, перед святым Евангелием, окруженный величиями земными, произносил присягу свою в такую минуту, когда над ним совершилось уже первое несчастье жизни (тогда еще ему неизвестное), утрата любимого друга. Один, беспорочно исполнив свое земное дело, имел завидное счастье заснуть сном смертным так тихо, как младенец засыпает сном колыбельным; имя его чисто, и память его будет любима. Другой… да сохранится его жизнь навсегда в теперешней своей непорочности; да будет она вся прекрасна, как ее утро, расцветшее под кротким влиянием хранительной дружбы и чистых семейственных нравов; вся величественна и полна высокого значения, как сия первая присяга в храме; да будут наконец и самые испытания, необходимо с нею соединенные, подобны сей утрате друга, услаждаемой великим словом: *Христос воскресе!*

ВОСПОМИНАНИЕ О ТОРЖЕСТВЕ 30 АВГУСТА 1834 ГОДА

Я готовился быть свидетелем торжества[1] великолепного, но торжество, виденное мною, превзошло мое ожидание. Оно так же колоссально, как тот памятник, перед которым происходило, и как Россия, которая вся в нем изобразилась. Я чувствовал вдохновение, но это было не творческое вдохновение поэта, украшающее или преобразующее существенность: то было поразительное чувство высокого, неотделимое от предмета, его возбудившего; такое же чувство, какое потрясло мою душу, когда представились мне в первый раз Альпы, когда я увидел Рим посреди его запустевшей равнины, когда подходил ко храму св. Петра[2] и остановился под его изумительным сводом. Здесь поэзия безмолвна, и близость предмета давит воображение, напрасно хотящее втеснить его в слова и звуки. Здесь можно только описывать, и чем простее, чем вернее будет описание, тем более будет в нем поэзии.

Всё соединилось, чтобы дать *сему торжеству* значительность глубокую. День накануне был утомительно душен; к ночи все небо задернулось громовыми тучами; воздух давил, как свинец; тучи шумели; Нева подымалась, и был в волнах ее голос; наконец запылала гроза; молнии за молниями, зажигаясь в тысяче местах, как будто стояли над городом, одни зубчатыми стрелами крестили небо, другие вспыхивали, как багровые снопы, иные широким пожаром зажигали целую массу облаков, и в этом беспрестанном, быстром переходе из мрака в блеск[3] чудесным образом являлись и пропадали здания, кровли и башни,

и вырезывались на ярком свете шатающиеся мачты кораблей, и сверкала громада колонны, которая вдруг выходила вся из темноты, бросала минутную тень на озаренную кругом ее площадь и вместе с нею пропадала, чтоб снова блеснуть и исчезнуть. И в этом явлении было какое-то невыразимое знаменование: невольно испуганная мысль переносилась к тем временам нашествия вражеского, когда губительная гроза поднялась над Россиею, над нею разразилась и быстро исчезла, оставя ей славу и мир. Было что-то похожее на незыблемость Промысла в этой колонне, которая, не будучи еще открытою, уже стояла на своем месте посреди окружающего ее мрака и бури, твердая, как тайная воля спасающего Бога, дабы на другой день, под блеском очищенного неба, торжественно явиться символом совершившегося Божия обета.

И действительно, эта ночная гроза только очистила небо и как будто приготовила последовавшее за нею торжество. Солнце на другой день взошло великолепно; по светлой лазури еще бродили разорванные облака, но они не скрывали ни неба, ни солнца. В девять часов утра уже вся площадь колонны окружена была бесчисленными толпами народа; весь Зимний дворец от кровли до подошвы, весь экзерциргауз, обращенный в амфитеатр, все полукруглое здание, противолежащее дворцу, коего подошва также обвита была амфитеатром, все смежные с ним дома, весь бульвар, кровля и высокая башня Адмиралтейства наполнены, унизаны, загромождены были народом и представляли зрелище удивительное, чудесно оживляемое сиянием солнца, которое беспрестанно скрывалось за облаками и из них выходило. И посреди этой одушевленной ограды широкою пустынею простиралась площадь, и длинная тень колонны, на ней уединенно воздвигавшейся с покровенным своим пьедесталом, неприметно передвигалась по светлому дну ее, как будто знаменуя идущее время. А между тем, вблизи, никому неприметно, стояла в ружье стотысячная армия. И никакое перо не может описать величия той минуты, когда, по трем пушечным выстрелам, вдруг из всех улиц, как будто из земли рожденные, стройными громадами, с барабанным громом, под звуком Парижского марша пошли колонны русского войска: вдруг тишина обратилась во что-то, не имеющее имени: это было не шум, не гул, не звук, но тяжкий, мерный, потрясающяй душу шаг, спокойное приближение силы, непобедимой и в то же время покойной. Густыми волнами лилося войско и заливало площадь, но в этом разливе был изумительный порядок: глаза видели многочисленность и огромность движущейся массы; но самое разительное в этом зрелище было то, чего не могли видеть глаза: тайное присутствие Воли, которая всё одним мановением двигала и направляла. Войска сошлись, построились; государь, объехав ряды их, стал против колонны, имея подле себя принца Вильгельма прусского[4]; и в эту минуту на дворцовом балконе явились хоругви, вслед за ними священный собор и государыня императрица со всем императорским домом; войска

отдали честь: одна быстрая молния блеснула по всем оружиям, одним общим потрясением дрогнули все колонны, и продолжительный гром барабанов покатился как чудное эхо. И трепет благовения проникнул душу, когда вдруг с начавшимся молебствием невыразимая тишина повсеместно распространилась. Небо было чисто; солнечный свет спокойно лежал на неподвижном войске, на тихом народе и на колонне, которая лучезарным крестоносным своим ангелом ярко отражалась от лазури небесной. И в этой тишине всем слышная молитва священнослужителя с повременным торжественным пением клира, и в общем коленопреклонении войска, народа и пред ними их государя, чудесное слияние земного могущества, простертого во прах, с таинственным могуществом креста, над ним восходящего: и невидимое соприсутствие чего-то безымянного, чего-то выражающего все, что нам драгоценно, чего-то шепчущего душе: *Россия*, *слава минувшая*, *слава грядущая*; наконец умилительно слово *вечная память* и имя Александра, и вслед за ним упавшая завеса колонны, и громозвучное, продолжительное *ура*, соединенное с залпами пятисот пушек, от которых весь воздух превратился в торжественную бурю славы… для изображения такой минуты нет слов, и самое воспоминание о ней уничтожает дарование описателя… Нельзя было смотреть без глубокого душевного умиления на государя, смиренно стоящего на коленях[5] впереди сего многочисленного войска, сдвинутого словом его к подножию сооруженного им колосса. Он молился о брате, и все в эту минуту говорило о земной славе сего державного брата: и монумент, носящий его имя, и коленопреклоненная русская армия, видавшая его в такие великие минуты перед своими рядами, и народ, посреди которого он жил, благодушный, всем доступный, и трогательное присутствие сего принца прусского, который представлял нам целую дружественную нацию с благородным ее государем, сподвижником нашего Александра, и самое воспоминание, в коем возобновлялись времена минувшие: Бородино, роковая слава Москвы, всенародный Лейпцигский бой, Париж, Наполеонов гроб, обхваченный океаном… все, все говорило об нем, а его самого тут не было, и сие отсутствие погружало душу в какую-то невыразимую задумчивость: она как будто чувствовала, что близко то место, место уединенное, место покоя, безмолвия и мрака, где царь великий спит во гробе; и невольно перелетала она в тот далекий, столь прежде незнаменитый уголок России, где так смиренно, так в стороне от всякого блеска царской славы, на руках одной сокрушенной супруги, закрыл он глаза, и откуда совершил последний свой путь чрез Россию[6], затворенный во гробе и безответный на призывающий его голос народа. Как поразительна была в эту минуту сия противоположность житейского величия, пышного, но скоропреходящего, с величием смерти, мрачным, но неизменным; и сколь красноречив был в виду того и другого сей ангел, который, непричастно всему, что окружало его, стоял между землею и небом, принад-

лежа одной своим монументальным гранитом, изображающим то, чего уже нет, а другому лучезарным своим крестом, символом того, что всегда и навеки.

По совершении молебствия начался ход вокруг монумента; первосвятитель окропил его святою водою; и вслед за сим, по одному слову всколебались все колонны армии; с невероятною быстротою вся площадь очистилась; на ступенях монумента остались одни немногие ветераны Александровой армии, прежде храбрые участники славных битв его времени, теперь заслуженные часовые великого его монумента. Начался церемониальный марш: русское войско пошло мимо Александровой колонны; два часа продолжалось сие великолепное, единственное в мире зрелище; наконец войска прошли; звук оружия и гром барабанный умолкли: народ на ступенях амфитеатров и на кровлях зданий исчез. Ввечеру долго по улицам освещенного города бродили шумящие толпы; наконец освещение угасло, улицы опустели; на безлюдной площади остался величественный колосс один с своим часовым; и всё было спокойно в сумраке ночи; лишь только на темном, звездами усыпанном небе, в блеске луны сиял крестоносный ангел.

Так миновалось видение удивительного дня сего: душа, им взволнованная, долго не могла утихнуть, как море после бури, но море, коего каждая волна имела какой-то великий образ. И действительно, то, что мы видели в этот чудный день, было не одно торжество кратковременное, но все наше минувшее, вдруг перед нами повторенное. Чему надлежало совершиться в России, чтобы в таком городе, такое собрание народа, такое войско могли соединиться у подножия такой колонны?.. Там, на берегу Невы, подымается скала, дикая и безобразная, и на той скале всадник, столь же почти огромный, как сама она; и этот всадник, достигнув высоты, осадил могучего коня своего на краю стремнины; и на этой скале написано Петр[8], и рядом с ним Екатерина; и в виду этой скалы воздвигнута ныне другая, несравненно огромнее, но уже не дикая, из безобразных камней набросанная громада, а стройная, величественная, искусством округленная колонна; и ей подножием служат бронзовые трофеи войны и мира, и на высоте ее уже не человек скоропреходящий, а вечный сияющий ангел, и под крестом сего ангела издыхает то чудовище, которое там, на скале, полураздавленное, извивается под копытами конскими; и между сими двумя монументами (вокруг которых подъемлются здания великолепные, и Нева кипит всемирною торговлею) одним мановением царским сдвинута была стотысячная армия, и в этой стотысячной армии под одними орлами и русский и поляк, и ливонец и финн, и татарин и калмык, и черкес и боец закавказский; и эта армия прошла от Торнео до Арарата, от Парижа до Адрианополя[9], и громкому *ура* ее отвечали пушки с кораблей Чесны и Наварина… Не вся ли это Россия? Россия, созданная веками, бедствиями, победою? Россия, прежде безобразная скала, набросанная медленным временем, мало-помалу, под громом древних междоусобий,

под шумом половецких набегов, под гнетом татарского ига, в боях литовских, сплоченная самодержавием, слитая воедино и обтесанная рукою Петра, и ныне стройная, единственная в свете своею огромностию колонна? И ангел, венчающий колонну[10] сию, не то ли он знаменует, что дни боевого создания для нас миновались[11], что все для могущества сделано, что завоевательный меч в ножнах и не иначе выйдет из них, как только для сохранения; что наступило время создания мирного; что Россия, все свое взявшая, извне безопасная, врагу недоступная или погибельная, не страх, а страж породнившейся с нею Европы, вступила ныне в новый великий период бытия своего, в период развития внутреннего, твердой законности, безмятежного приобретения всех сокровищ общежития; что, опираясь всем Западом на просвещенную Европу, всем Югом на богатую Азию, всем Севером и Востоком на два океана, богатая и бодрым народом, и землею для тройного народонаселения, и всеми дарами природы для животворной промышленности, она, как удобренное поле, кипит брошенною в недра ее жизнию, и готова произрастить богатую жатву гражданского благоденствия, вверенная самодержавию, коим некогда была создана и упрочена ее сила, и коего символ ныне воздвигнут перед нею царем ее в лице сего крестоносного ангела, а имя его: *Божия Правда*[12].

ПИСЬМО КАРАМЗИНА К ГРАФУ КАПОДИСТРИЯ

К редактору Журнала Министерства Народного Просвещения

Письмо, сообщаемое мною вам, достойно того, чтобы знали о нем все, кому драгоценна память Карамзина: выражая прекрасную душу его, оно короче познакомит с ним всех тех, кто знали его по одним сочинениям; в тех же, кто имел счастье знать его самого, оно пробудит трогательное, сладкое воспоминание. В конце этого письма он с беспокойством, но и надеждою говорит о болезни государя Александра Павловича в Таганроге и мимоходом упоминает о печали императрицы Елизаветы Алексеевны по случаю смерти короля Баварского…[1] а в эту минуту и государя, столь ему любезного, уже не было на свете, и смертельное горе уже стремило к гробу овдовевшую императрицу, и в нем самом уже начиналась та болезнь, которая через несколько месяцев должна была положить его в могилу. Первое известие о кончине государя принесено было ему мною: услышав о ней, он стал на колени, поднял глаза к небу, молчал, молился мыслию, потом горько заплакал. Но он и сам уже был на краю гроба, когда ему сказали, что и государыня Елизавета Алексеевна скончалась[2]. Я желал бы, но не умею описать его в эту минуту; желал бы найти выражение для наименования того набожного, покорного (уже потухающего) взгляда, который он, не сказав

ни слова, поднял к небу, как будто провожал туда милую душу, и того движения руки, которым он как будто передавал ее Всевышнему. В это время он находился в Таврическом дворце, куда переселили его в начале весны, дабы он мог свободнее пользоваться свежим воздухом. Было решено, что он отправится в южную Францию; был готов фрегат для перевезения его в Марсель. И он нимало не подозревал, чтобы смерть его была так близка; он занимался настоящим; думал о будущем, думал о довершении великого труда своего[3]. Благодаря отеческой заботливости государя Николая Павловича, который как истинный представитель своего народа, изъявил Карамзину, в достойной его награде, благодарность свою и России, он был избавлен от всякого беспокойства о судьбе своего семейства*. С какою-то младенческою ясностью души он делал планы для своей за-

---

* Напомним читателям высочайший рескрипт, данный на имя историографа, за девять дней до его кончины:

Николай Михайлович! Расстроенное здоровье ваше принуждает вас покинуть на время отечество и искать благоприятнейшего для вас климата. Почитаю за удовольствие изъяснить вам мое искреннее желание, чтобы вы скоро к нам возвратились с обновленными силами и могли снова действовать для пользы и чести Отечества, как действовали доныне. В то же время и за покойного Государя, знавшего на опыте вашу благородную, бескорыстную к Нему привязанность, и за Себя самого, и за Россию, изъявляю вам признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнью, как гражданин, и своими трудами, как писатель. Император Александр сказал вам: Русский народ достоин знать свою Историю. История, вами написанная, достойна Русского народа. Исполняю то, что желал, чего не успел исполнить Брат мой. В приложенной бумаге найдете вы изъявление воли моей, которое, будучи с моей стороны одною только справедливостью, есть для меня и священное завещание Императора Александра. Желаю, чтобы путешествие было вам полезно и чтобы оно возвратило вам силы для довершения главного дела вашей жизни. Пребываю вам всегда благосклонный.

Николай.

В Царском Селе,
Мая 13 дня 1826 года.

Растроганный столь неожиданною милостью, Карамзин уже на смертном одре, собрав последние силы, слабеющею рукою выразил глубокую к МОНАРХУ благодарность в следующих строках:

Всемилостивейший Государь!

Рескрипт, которым Вы меня осчастливили третьего дня, написанный столь прекрасно, с таким благоволением — с воспоминанием в нем о назабвенном Александре, с хвалою смиренному историографу сверх его достоинства — омочил слезами бледное мое лицо. Прочитав Указ к министру финансов, я не верил своим глазам: благодеяние чрезмерно; никогда скромные мои желания так далеко не простирались. Изумление скоро обратилось однако ж в умиление живейшей благодарности: если сам уже не буду пользоваться плодами такой Царской, беспримерной у нас щедрости, то закрою глаза спокойно: судьба моего семейства решена наисчастливейшим образом. Дай Бог, чтобы фамилия Карамзиных, осыпанная мило-

граничной жизни. «Теперь я богат, — говорил он, — могу завести себе верховую лошадь: постоянное движение поможет мне восстановить мое здоровье». Но было определено иначе; он не пережил мая. Принужденный также по причине болезни покинуть в начале сего месяца Россию, я не имел отрады быть при нем в последнюю его минуту; но я с глубоким благоговением видел его приближающегося к сей минуте; я видел умирающего Карамзина, и никогда это видение не изгладится из души моей. При мысли о конце такого человека, о переходе такой души в тот мир, где у Отца обителей много[4], все наши понятия о жизни, смерти и бессмертии преображаются для нас во что-то светло-очевидное. Кто знал внутреннюю жизнь Карамзина, кто знал, как он всегда был непорочен в своих побуждениях, как в нем все живые, независимые от воли движения сердца были, по какому-то естественному сродству, согласны с правилами строгого разума; как твердый его разум всегда смягчен был нежнейшим чувством, какой он был (при всей высокой своей мудрости) простосердечный младенец, и как верховная мысль о Боге всем владычествовала в его жизни, управляя его желаниями и действиями, озаряя труды его гения, проникая житейские его радости и печали и соединяя всё его бытие в одну гармонию, которая только с последним вздохом его умолкла для земли, дабы навеки продолжаться в мире ином; словом, кто имел счастье проникнуть в душу Карамзина, для кого зрелище смерти его было освящением всего, что вера обещает нам за гробом. На камне, покрывающем остатки Карамзина, вырезаны слова Спасителя: *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*[5].

Письмо к графу Каподистрия написано на французском языке; я прилагаю к нему и свой перевод: он не удачен, но для меня было наслаждением особенного рода выражать мысли Карамзина на том языке, который им создан и которого еще никому не удалось перенять у него.

Cher et respectable ami,

Nous avons revu l'aimable B…[6] avec encore plus de plaisir qu'à l'ordinaire: il nous a parlé de vous. Nous avons commencé par des questions sur votre santé, votre air — l'expression physique de ce qui ne l'est pas — nous avons été satisfaits; mais bien d'autres questions, immédiatelement sur l'état de votre belle âme, sur les opérations de votre esprit actif, sur votre manière frappante d'envisager les évènements du temps,

---

стями двух Монархов, заслужила имя верной и ревностной к Царскому Дому. О! как желаю выздороветь, чтобы скорее возвратиться в Петербург, чтобы посвятить последние дни мои Вам, бесценный Государь, и любезному Отечеству. Вчера не мог я писать. И ныне голова моя слаба. Видом, говорят, я поправляюсь, но слабость не выпускает меня из полулюдей. Заключу так: милости, благодеяния Ваши ко мне так чрезвычайны, что я и здоровый не умел бы выразить вполне моей признательности.

Повергаюсь и проч.

sont restées, hélas! sans réponse. Cependant en écoutant notre ami commun, qui me rendait compte de ses entretiens avec vous, j'ai cru quelquefois vous entendre parler vous-même. Que je lui envie ces moments délicieux, passés avec vous! Mes années, qui s'accumulent, ma santé, qui chancelle, les circonsfances facheuses, qui nous séparent et qui durent toujours, tout cela est peu fait pour relever le passé. Pour m'en consoler, je me dis: «Quoique loin de nous, il pense quelquefois à nous, et nous sommes immortels». — Le contact des âmes ne cesse point à notre dissolution matérielle. Celui qui survit conserve un souvenir, et celui qui s'en va acquiert peut-être plus qu'il ne perd. Les voyageurs d'icibas sont trop distraits et n'ont pas le loisir de cultiver l'amitié: ce n'est qu'après avoir déposé nos bâtons que nous serons tous à nos affections, et tout ce que nous perdons dans le temps sera rattrapé dans l'éternité. De pareils soliloques m'occupent à présent plus que les conversations de la société, et entretiennent la chaleur de mon âme, dont j'ai encore besoin pour ma famille, pour mes amis et pour mon histoire qui s'achève (legs à la postérité, si elle en veut; sinon, non). Oui, je viellis sans m'éteindre encore (cela viendra peut-être). Oh! Que j'aime encore mes compagnons de voyage! que je plains leur misère et que je suis tout pitié pour tant d'individus et pour tant de nations!.. Nous venons seulement de quitter Tsarskoé-Sélo, où nous sommes restés dans une profonde solitude pendant plus de deux mois: que j'étais loin de l'ennui, quand je ne souffrais pas physiquement! Que de jouissances je trouvais dans ce loisir de tous les jours, au sein de ma famille, et quelquefois tout seul! Le travail, la lecture, les promenades automnales et souvent nocturnes avaient un véritable charme pour moi. Sans craindre extrêmement la mort, l'envisageant quelquefois avec une certaine affection et animant à répéter avec Rousseau: «qui s'endort dans les bras d'un père, n'est pas en souci du réveil»[7], je savoure encore la douceur de l'existence terrestre, à ma façon, qui échappe à l'envie. Touchant à la fin de ma carrière, je remercie Dieu de ma destinée. Je me trompe peut-être, mais ma conscience est tranquille. La chère patrie n'a rien à me reprocher; j'étais toujours prêt à la servir sans compromettre mon caractère dont je dois répondre à cette même Russie: eh bien, je n'ai fait que l'histoire de ses siècles barbares; on ne m'a vu ni aux champs de bataille, ni dans les conseils d'état; mais comme je ne suis ni poltron, ni paresseux, je me dis: «le Ciel ne l'a pas voulu», et sans être ridiculement fier de mon métier d'auteur, je me vois sans honte parminos généraux et ministres… Je m'arrête: c'est parler trop pour une visite que je vous fais d'ici à Genève. La brièveté de la vie invite au laconisme; mais que voulez-vous? L'idée même qu'on ne vit pas assez longtemps pour beaucoup bavarder nous rend quelquefois bavards avec nos amis.

Je passe à l'historique. Votre souvenir vit en Russie. L'Impératrice Elisabeth m'a chargé expressément de vous parler de l'intérêt sincère qu'Elle vous porte: Elle est si vraie! Il n'est pas moins vrai que l'Empereur a toujours la même idée de votre âme et de vos talents éminents. Nous ayant une fois honorés d'une visite en ville, Il a beaucoup, beaucoup parlé de vous avec un sentiment qui ma satisfait. Je suis plus que

jamais attaché à Lui, sans prétendre à aucune faveur particulière, à aucune influence, c'est-à-dire, sans me mettre en peine de ce que je n'en ai aucune. Dieu seul lit au fond des âmes. — Vous parlerai-je de notre inquiétude actuelle, qui peut se dissiper, comme je l'espère, avant que vous receviez cette lettre? Notre cher et bon Empereur a une fièvre de refroidissement à Taganrog: cette maladie n'est point dangereuse, mais notre cœur en est toujours alarme. Quant à l'Impératrice Elisabeth, Elle a eu la bonté de m'écrire du 3 novembre qu'Elle se sentait mieux, quoique dans ce moment Elle soit bien affligée de la mort du Roi de Bavière…

Перевод

Свидание с любезным Б…м[7] было для меня приятнее обыкновенного: он много рассказывал нам об вас; все подробности о вашем здоровье, о вашем наружном виде (материальном выражении нематериального), были для нас удовлетворительны. Но, к сожалению, многие вопросы о состоянии прекрасной души вашей, о занятиях деятельного ума вашего, о вашем столь всегда верном образе мыслей насчет происшествий нашего времени остались без ответа. Слушая однако нашего общего друга, который так живо передавал мне свои разговоры с вами, я иногда забывался: мне казалось, что слышу вас самих. Как завидно для меня то счастье, которым он насладился в вашем обществе. Мои скопляющиеся годы, шаткость моего здоровья, печальные обстоятельства, нас разлучающие и которым конца не вижу, всё это заставляет меня думать, что прошедшее для меня уже не возвратится. Но в утешение себе говорю: «Хотя он и далеко, но он об нас помнит: а мы бессмертны. Соединение душ не прекращается с жизнью материальною: переживший сохраняет воспоминание; отшедший, быть может, более выигрывает, нежели теряет. Земные путешественники слишком рассеяны: им нет досуга заботиться о дружбе; не прежде, как бросив свой посох, мы можем предаться вполне привязанностям своего сердца; тогда растерянное во времени будет отыскано в вечности». — Такие разговоры с самим собою занимают меня теперь гораздо более всех разговоров в обществе: они сохраняют теплоту моей души, которая мне еще нужна для моего милого семейства, для моих друзей, для моей Истории, подвигающейся к окончанию (дар от меня потомству, если оно его примет, если же нет, то нет). Так! я стараюсь, не угасая (быть может, придет и то). О! как я люблю еще моих товарищей путешествия! как трогает меня их бедная участь! как вся душа моя полна жалости для стольких ближних, для стольких народов!..

Мы на сих днях переехали в Петербург из Царского Села, где прожили более двух месяцев в ненарушимом уединении: как далеко была от меня скука в те минуты, когда я не страдал физически! Сколько глубоких наслаждений находил

я в этом ежедневном досуге, в кругу моего семейства, иногда один совершенно. Работа, чтение, осенние, нередко ночные прогулки имели для меня прелесть неизъяснимую. Не слишком боясь смерти, иногда смотря на нее с каким-то радушием и любя повторять с Ж. Ж. Руссо, что засыпающий на руках отца беззаботен о своем пробуждении, я допиваю по каплям сладкое бытие земное; я радуюсь им по-своему, неприметно для зависти. Подходя к концу жизни, я благодарю Бога за всё, что Он мне даровал в ней; может быть, ошибаюсь, но совесть моя спокойна; милое отечество ни в чем не упрекнет меня; я всегда был готов служить ему, сохраняя достоинство своего характера, за который ему же обязан ответствовать: и что же? я мог описать одни только варварские времена его истории; меня не видали ни на поле сражения, ни в советах государственных; зная однако, что я не трус и не ленивец, говорю самому себе: «так было угодно Богу»; и не имея смешной актерской спеси, вхожу не стыдясь в общество наших генералов и наших министров… Но довольно! я заговорился, и кажется слишком много для одного минутного свидания с вами в вашей Женеве. Краткость жизни требует лаконизма; но что же делать? и самая мысль, что мы так мало имеем здесь времени для многословия, заставляет нас иногда быть неумеренно многословными с нашими друзьями.

Перейду теперь к историческому: воспоминание об вас живет в России. Государыня Елизавета Алексеевна поручила мне написать вам, что она продолжает по-прежнему принимать в вас искреннее участие: она так прямодушна! И государь нимало к вам не переменился; он знает цену вашей души и ваших высоких дарований. Удостоив нас однажды в городе своим посещением, он много, много об вас говорил, и с таким чувством, которое меня порадовало. Я люблю его более и более, не помышляя ни о каких милостях, ни о каком влиянии, то есть, не тревожа себя нимало тем, что никакого влияния не имею. Бог один читает в глубине сердца!.. Говорить ли вам о нашем теперешнем мучительном беспокойстве, которое, надеюсь, пройдет прежде, нежели вы получите письмо мое? Наш любезный, наш добрый император болен простудною лихорадкою в Таганроге: болезнь не опасная, но сердце дрожит за него. А государыня Елизавета Алексеевна, в письме от 3 ноября, которое я имел счастье получить от нее, уведомляет нас, что чувствует себя гораздо лучше: она очень огорчена смертью короля Баварского…

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ ПУШКИНА

Россия потеряла Пушкина в ту минуту, когда гений его, созревший в опытах жизни размышлением и наукою, готовился действовать полною силою — потеря невозвратная и ничем невознаградимая. Что бы он написал, если б судьба,

так внезапно не сорвала его с славной, едва начатой ими дороги? В бумагах, после него оставшихся, найдено много начатого, весьма мало конченного: с благоговейною любовию к его памяти, мы сохраним все, что можно будет сохранить из сих драгоценных остатков; и они в свое время будут изданы в свет*. Здесь сообщаются читателям известия о последних минутах его жизни. Они описаны просто и подробно в письме к несчастному отцу его.

ПИСЬМО К С. Л. ПУШКИНУ
15 Февраля 1837

Я не имел духу писать к тебе, мой бедный Сергей Львович. Что мог я тебе сказать, угнетенный нашим общим несчастием, которое упало на нас, как обвал, и всех раздавило? Нашего Пушкина нет! Это к несчастию верно; но все еще кажется невероятным. Мысль, что его нет, еще не может войти в порядок обыкновенных, ясных, ежедневных мыслей; еще по привычке продолжаешь искать его; еще так естественно ожидать с ним встречи в некоторые условные часы; еще посреди наших разговоров как будто отзывается его голос, как будто раздается его живой, ребячески веселый смех, и там, где он бывал ежедневно, ничто не переменилось, нет и признаков бедственной утраты, все в обыкновенном порядке, все на своем месте; а он пропал, и навсегда — непостижимо! В одну минуту погибла сильная, крепкая жизнь, полная гения, светлая надеждами. Не говорю о тебе, бедный и дряхлый отец, не говорю о нас, горюющих его друзьях — Россия лишилась своего любимого, национального поэта. Он пропал для нее в ту минуту, когда его созревание совершилось; пропал, достигнув до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь с кипучею, иногда беспорядочною, силою молодости, тревожимой гением, предается более спокойной, более образовательной силе зрелого мужества, столь же свежей, как и первая, может быть, не столь порывистой, но более творческой. У кого из русских с его смертию не оторвалось чего-то родного от сердца?[2] Слава нынешнего царствования утратила в нем своего поэта, который принадлежал бы ему, как Державин славе Екатерининa, а Карамзин славе Александрова.

Первые минуты ужасного горя для тебя прошли; теперь ты можешь меня слушать и плакать. Я опишу тебе все, что было в последние минуты твоего сына, что я видел сам, что мне рассказывали другие очевидцы. В середу, 27 числа января в десять часов вечера приехал я к князю Вяземскому. Мне сказывают, что и он и княгиня у Пушкиных, а Валуев, к которому я зашел, встречает меня сло-

* Вскоре за полным изданием сочинений, уже известных публике и теперь издаваемых в шести частях по подписке[1]. Если напечатать все найденное в рукописях Пушкина, то, конечно, составится два хороших тома или и *пять*, если присоединить к литературным отрывкам все материалы, приготовленные для «Истории Петра Великого». *Ж<уковский>*.

вами: получили ли вы записку княгини? За вами давно послали; поезжайте к Пушкину: он умирает. Оглушенный этим известием, я побежал с лестницы. Приезжаю к Пушкину. В его прихожей, перед дверями его кабинета, нахожу докторов Арендта и Спасскаго; князя Вяземского, князя Мещерского. На вопрос: каков он? Арендт отвечал мне: очень плох; умрет непременно. Вот что рассказали мне о случившемся: в шесть часов после обеда Пушкин привезен был в этом отчаянном положении домой подполковником Данзасом, его лицейским товарищем. Камердинер принял его из кареты на руки и понес на лестницу. Грустно тебе нести меня? — спросил у него Пушкин. Его внесли в кабинет; он сам велел подать себе чистое белье; разделся, и лег на диван. В то время, когда его укладывали, жена, ни о чем не знавшая, хотела войти; но он громким голосом закричал: n'entrez pas; il y a du monde chez moi. Он боялся ее испугать. Жена вошла уже тогда, когда он лежал совсем раздетый. Послали за докторами. Арендта не нашли; приехали Шольц и Задлер. Пушкин велел всем выйти (в то время у него были Данзас и Плетнев). Плохо со мною, сказал он, подавая руку Шольцу. Его осмотрели, и Задлер уехал за нужными инструментами. Оставшись с Шольцем, Пушкин спросил: что вы думаете о моем положении? скажите откровенно. — Не могу от вас скрыть, вы в опасности. — Скажите лучше, умираю. — Считаю долгом не скрывать и того. Но услышим мнение Арендта и Саломона, за которыми послано.— Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi, сказал Пушкин, замолчав, потер рукою лоб, потом прибавил: il faul que j'arrange ma maison. — Не желаете ли видеть кого из ваших ближних? — спросил Шольц. — Прощайте, друзья! — сказал Пушкин, обратив глаза на свою библиотеку. С кем он прощался в эту минуту, с живыми ли друзьями, или с мертвыми, не знаю. Он, немного погодя, спросил: разве вы думаете, что я часу не проживу? — О нет! но я полагал, что вам будет приятно увидеть кого-нибудь из ваших. Господин Плетнев здесь. — Да, но я желал бы и Жуковского. Дайте мне воды; тошнит. — Шольц, тронув пульс, нашел, что рука была холодна, а пульс слаб и скор; он вышел за питьем, и послали за мною. Меня в это время не было дома; и не знаю, как это случилось, но ко мне не приходил никто. Между тем приехали Задлер и Саломон. Шольц оставил больного, который добродушно пожал ему руку, но не сказал ни слова. Скоро потом явился Арендт. Он с первого взгляда уверился, что не было никакой надежды. Начали прикладывать холодные со льдом примочки на живот и давать прохладительное питье; это произвело желанное действие: больной поуспокоился. Перед отъездом Арендта, он сказал ему: попросите Государя, чтоб он меня простил[3]. Арендт уехал, поручив его Спасскому, домовому его доктору, который во всю ту ночь не отходил от его постели. Плохо мне, сказал Пушкин, когда подошел к нему Спасский. Спасский старался его успокоить; но Пушкин махнул рукой отрицательно. С этой минуты он как будто перестал заботиться о себе, и все его мысли обра-

тились на жену. Не давайте излишних надежд жене, говорил он Спасскому, не скрывайте от нее, в чем дело; она не притворщица; вы ее хорошо знаете. Впрочем, делайте со мною, что хотите, я на все согласен и на все готов. В это время уже собрались князь Вяземский, княгиня, Тургенев, граф Виельгорский и я. Княгиня была с женою, которой состояние было невыразимо; как привидение иногда прокрадывалась она в ту горницу, где лежал ее умирающий муж; он не мог ее видеть (он лежал на диване лицом от окон к двери); но всякий раз, когда она входила, или только останавливалась у дверей, он чувствовал ее присутствие. Жена здесь? — говорил он; отведите ее. Он боялся допускать ее к себе, ибо не хотел, чтоб она могла заметить его страдания, который с удивительным мужеством пересиливал. Что делает жена? — спросил он однажды у Спасского. Она бедная безвинно терпит; в свете ее заедят. Вообще с начала до конца своих страданий (кроме двух или трех часов первой ночи, в которые они превзошли всякую меру человеческого терпения), он был удивительно тверд. Я был в тридцати сражениях, говорил доктор Арендт, я видел много умирающих, но мало видел подобного. И особенно замечательно то, что в эти последние часы жизни он как будто сделался иной: буря, которая за несколько часов волновала его душу неодолимою страстию, исчезла, не оставив в ней и следа; ни слова, ниже воспоминания о случившемся[4]. Но вот черта чрезвычайно трогательная. Накануне получил он пригласительный билет на погребение Гречева сына[5]. Он вспомнил об этом посреди своего страдания. Если увидите Греча, сказал он Спасскому, поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участие в его потере. У него спросили: желаете ли исповедаться и причаститься? Он согласился охотно, и положено было призвать священника утром. В полночь доктор Арендт возвратился. То, что от него услышал умирающий, обрадовало, успокоило и укрепило его душу. Исполняя желание, уже угаданное, в котором выражалась трогательная заботливость о его судьбе и за гробом, он исповедался и причастился Святых Таин[6]. До пяти часов утра в его положении не произошло никакой перемены. Но около пяти часов боль в животе сделалась нестерпимою и сила ее одолела силу души; он начал стонать; послали опять за Арендтом. По приезде его нашли нужным поставить промывательное; но оно не помогло и только что усилило страдания, которые наконец дошли до крайней степени и продолжались до семи часов утра. Что было бы с бедною женою, если бы она в течение этих двух вековых часов, могла слышать его стоны? Я уверен, что ее рассудок не вынес бы этой душевной пытки. Но вот что случилось: она, в совершенном изнурении, лежала в гостиной, у самых дверей, которые одни отделяли ее от постели мужа. При первом страшном крике его, княгиня Вяземская, бывшая в той же горнице, бросилась к ней, опасаясь, чтоб с нею чего не сделалось. Но она лежала неподвижно (хотя за минуту говорила); тяжелый летаргический сон овладел ею, и этот сон, как будто нарочно посланный свыше, мино-

вался в ту самую минуту, когда раздалось последнее стенание за дверьми. Но в эти минуты жесточайшего испытания, по словам Спасского и Арендта, во всей силе оказалась твердость души умирающего: готовый вскрикнуть, он только стонал, боясь, как он говорил сам, чтобы жена не услышала, чтоб ее не испугать. К семи часам боль утихла. Надобно заметить, что во все это время и до самого конца, мысли его были светлы и память свежа. Еще до начала сильной боли он подозвал к себе Спасского, велел подать какую-то бумагу, его рукою написанную, и заставил ее сжечь[7]. Потом призвал Данзаса и продиктовал ему записку о некоторых долгах своих. Это его, однако, изнурило, и после он уже не мог сделать никаких других распоряжений. Когда поутру кончились его нестерпимые страдания, он сказал Спасскому: жену! позовите жену! — Этой прощальной минуты я тебе не стану описывать. Потом потребовал детей; они спали; их привели и принесли к нему полусонных. Он на каждого оборачивал глаза молча, клал ему на голову руку, крестил и потом движением руки отсылал прочь. Кто здесь? спросил он у Спасского и Данзаса. Назвали меня и Вяземского. Позовите, сказал он слабым голосом. Я подошел, взял его похолодевшую руку, поцеловал ее: сказать ему ничего я не мог: он махнул рукою, я отошел. Но он опять подозвал меня: Скажи Государю, промолвил он, что мне жаль умереть; был бы весь Его. Скажи, что я Ему желаю долгого, долгого царствования, что я Ему желаю счастия в Его Сыне, счастия в Его России. — Эти слова говорил он слабо, отрывисто, но явственно[8]. Потом простился он с Вяземским. В эту минуту приехал Граф Виельгорский и вошел к нему, и также в последние подал ему живому руку. Было очевидно, что он спешил сделать свой последний земной расчет и как будто подслушивал шаги приближающейся смерти. Взявши себя за пульс, он сказал Спасскому: смерть идет. Когда подошел к нему Тургенев, он посмотрел на него два раза пристально, пожал ему руку; казалось, хотел что-то сказать, но махнул рукою и только примолвил: Карамзину! Ее не было, за нею немедленно послали, и она скоро приехала. Свидание их продолжалось только минуту; но когда Катерина Андреевна отошла от постели, он ее кликнул и сказал: перекрестите меня, потом поцеловал у ней руку[9]. — Между тем данный ему прием опиума несколько его успокоил: к животу вместо холодных примочек начали прикладывать мягчительные; это было приятно страждущему; и он начал беспрекословно исполнять предписания докторов, которые прежде все отвергал упрямо, будучи испуган своими муками и жадно желая смерти для их прекращения. Но тут он сделался послушен как ребенок; сам накладывал компрессы на живот и помогал тем, кто около него суетились. Словом, ему по-видимому стало гораздо лучше. Так нашел его доктор Даль, пришедший к нему в два часа. Худо мне, брат, сказал Пушкин с улыбкою Далю. Но Даль, действительно имевший более других надежды, отвечал ему: мы все надеемся, не отчаивайся и ты. — Нет! возразил он, мне здесь не житье; я умру; да видно так

и надо. В это время пульс его был полнее и тверже; начал показываться небольшой общий жар. Поставили пиявки; пульс стал ровнее, реже и гораздо легче. Я ухватился, говорит Даль, как утопленник за соломинку, робким голосом провозгласил надежду и обманул было и себя и других. Пушкин, заметив, что Даль был пободрее, взял его за руку и спросил: Никого тут нет? — Никого. — Даль, скажи мне правду, скоро ли я умру? — Мы за тебя надеемся, Пушкин, право надеемся. — Ну, спасибо! отвечал он. Но, по-видимому, только однажды и обольстился он утешением надежды; ни прежде, ни после этой минуты он ей не верил. Почти всю ночь (на 29 число, эту ночь всю Даль просидел у его постели, а я, Вяземский и Виельгорский в ближней горнице) он продержал Даля за руку; часто брал по ложечке воды или по крупинке льда в рот и всегда все делал сам: снимал стакан с ближней полки, тер себе виски льдом, сам накладывал на живот припарки, сам их переменял, и проч. Он мучился менее от боли, нежели от чрезмерной тоски. Ах! какая тоска! (иногда восклицал он, закидывая руки на голову), сердце изнывает! Тогда просил он, чтобы подняли его, или поворотили на бок, или поправили ему подушку; и не дав кончить этого, останавливал обыкновенно словами: «Ну! так — хорошо; вот и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо; или: постой — не надо — потяни меня только за руку — ну вот и хорошо, и прекрасно!» (все это его точные выражения). — Вообще, говорит Даль, в обращении со мною он был повадлив и послушен, как ребенок, и делал все, что я хотел. Однажды он спросил у Даля: кто у жены моей? — Даль отвечал: много добрых людей принимают в тебе участие; зала и передняя полны с утра до ночи. — Ну, спасибо, отвечал он, однако же поди, скажи жене, что все слава Богу легко; а то ей там, пожалуй, наговорят. — Даль его не обманул. С утра 28 числа, в которое разнеслась по городу весть, что Пушкин умирает, его передняя была полна приходящих; одни осведомлялись о нем через посланных; другие — и люди всех состояний, знакомые и незнакомые — приходили сами. Трогательное чувство национальной, общей скорби выражалось в этом движении[10]. Число приходящих сделалось наконец так велико, что дверь прихожей (которая была подле кабинета, где лежал умирающий) беспрестанно отворялась и затворялась; это беспокоило страждущего; и мы придумали запереть эту дверь, задвинули ее из сеней залавком и вместо ее отворили другую узенькую прямо с лестницы в буфет; а гостиную, где находилась жена, отгородили от столовой ширмами. С этой минуты, буфет был беспрестанно набит народом; в столовую же входили только знакомые. На лицах выражалось простодушное участие; очень многие плакали[11]. Такое изъявление общей скорби меня глубоко трогало; в Русских, которым дорога отечественная слава, оно было неудивительно; но участие иноземцев было для меня усладительною нечаянностию. Мы теряли свое: мудрено ли, что мы горевали? Но их что так трогало?[12] Отвечать нетрудно. Гений есть общее добро; в поклонении гению все народы родня; и когда он без-

временно покидает землю, все провожают его с одинакою братскою скорбию. Пушкин, по своему гению, был собственностию не одной России, но и целой Европы; потому-то и многие иноземцы[13] приходили к двери его с печалию собственною, и о нашем Пушкине пожалели как будто о своем[14]. Возвращаюсь к своему описанию. Послав Даля ободрить жену надеждою, Пушкин сам не имел никакой. Однажды спросил он: который час? — и на ответ Даля продолжал прерывающимся голосом: долго ли… мне… так мучиться?.. Пожалуйста… поскорей!.. Это повторил он несколько раз после: скоро ли конец?.. и всегда прибавлял: пожалуйста, поскорей! Но вообще (после мук первой ночи, продолжавшихся два часа) он был удивительно терпелив. Когда тоска и боль его одолевали, он делал движения руками или отрывисто кряхтел, но так, что почти его не могли слышать. Терпеть надо, друг, делать нечего, сказал ему Даль, но не стыдись боли своей, стонай, тебе будет легче. — Нет, он отвечал прерывчиво: нет… не надо… стонать… жена услышит… смешно же… чтоб этот… вздор меня… пересилил… не хочу. — Я покинул его в пять часов утра, и через два часа возвратился. Видев, что ночь была довольно спокойна, я пошел к себе почти с надеждою; но возвратясь, видел иное. Арендт сказал мне решительно, что все кончено, и что ему не пережить дня. Действительно, пульс ослабел и начал упадать приметно; руки начали стыть. Он лежал с закрытыми глазами, иногда только подымал руки, чтобы взять льду и потереть им лоб. Ударило два часа пополудни, и в Пушкине осталось жизни только на три четверти часа. Он открыл глаза и попросил мочеными морошки. Когда ее принесли, он сказал внятно: позовите жену, пускай она меня покормит. Она пришла, опустилась на колени у изголовья, поднесла ему ложечку, другую морошки, потом прижалась лицом к лицу его; Пушкин погладил ее по голове и сказал: ну, ну, ничего; слава Богу, все хорошо; поди. — Спокойное выражение лица его и твердость голоса обманули бедную жену; она вышла как будто просиявшая от радости. Вот увидите, сказала она доктору Спасскому, он будет жив; он не умрет. — А в эту минуту уже начался последний процесс жизни. Я стоял вместе с графом Виельгорским у постели в головах; сбоку стоял Тургенев. Даль шепнул мне: отходит. Но мысли его были светлы. Изредка только полудремотное забытье их отуманивало; раз он подал руку Далю и, пожимая ее, проговорил: ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше… ну, пойдем! Но, очнувшись, он сказал: мне было пригрезилось, что я с тобой лезу вверх по этим книгам и полкам; высоко… и голова закружилась. Немного погодя, он опять, не раскрывая глаз, стал искать Далеву руку и, потянув ее, сказал: ну, пойдем же, пожалуйста; да вместе. — Даль, по просьбе его, взял его под мышки и приподнял повыше; и вдруг, как будто проснувшись, он быстро раскрыл глаза, лице его прояснилось и он сказал: кончена жизнь! Даль, не расслушав, отвечал: да, кончено; мы тебя поворотили. Жизнь кончена! повторил он внятно и положительно. Тяжело дышать, давит! — были последние слова

его. Я не сводил с него глаз, и заметил в эту минуту, что движение груди, доселе тихое, сделалось прерывчивым. Оно скоро прекратилось. Я смотрел внимательно; ждал последнего вздоха; но я его не приметил. Тишина, его объявшая, показалась мне успокоением, а его уже не было. Все над ним молчали. Минуты через две я спросил: «Что он?» Кончилось! — отвечал мне Даль*. Так тихо, так спокойно удалилась душа его. Мы долго стояли над ним, молча, не шевелясь, не смея нарушить таинства смерти, которое совершалось перед нами во всей умилительной святыни своей. Когда все ушли, я сел перед ним и долго, один, смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо. Это не было ни сон, ни покой; не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу: не было также и выражение поэтическое, нет! какая-то важная, удивительная мысль на нем развивалась; что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знание. Всматриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: что видишь, друг? И что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть? Вот минуты в жизни нашей, которые вполне достойны названия великих. В эту минуту, можно сказать, я увидел лицо самой смерти, божественно-тайное; лицо смерти без покрывала. Какую печать на него наложила она! и как удивительно высказала на нем и свою и его тайну! Я уверяю тебя, что никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась в нем и прежде, будучи свойственна его высокой природе; но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось от него с прикосновением смерти. Таков был конец нашего Пушкина. — Опишу в немногих словах то, что было после. К счастию, я вспомнил вовремя, что надобно с него снять маску; это было исполнено немедленно; черты его еще не успели измениться. Конечно, того первого выражения, которое дала им смерть, в них не сохранилось; но все мы имеем отпечаток привлекательный, изображающий не смерть, а тихий, величественный сон[15]. Не буду рассказывать того, что сделалось с бедною женою: при ней находились неотлучно княгиня Вяземская, Е. И. Загряжская, граф и графиня Строгановы. Граф взял на себя все распоряжения похорон. Побыв еще несколько времени в доме, я поехал к Виельгорскому обедать; у него собрались и все другие, видевшие последнюю минуту Пушкина; и он сам был приглашен за три дня к этому обеду… праздновать день моего рождения[16]. На другой день, мы, друзья, положили Пушкина своими руками в гроб;

* В три четверти третьего часа пополудни, 29 января.

а на следующий день, в вечеру, перенесли его в Конюшенную церковь. И в эти оба дня, та горница, где он лежал во гробе, была беспрестанно полна народом. Конечно, более десяти тысяч человек перебывало в ней, чтобы взглянуть на него: многие плакали; иные долго останавливались и как будто хотели всмотреться в лицо его; было что-то разительное в его неподвижности, посреди этого движения и что-то умилительно таинственное в той молитве, которая так тихо, так однозвучно слышалась посреди этого смутного говора[17]. Отпевание происходило 1-го февраля. Многие из наших знатных господ и многие из иностранных министров были в церкви. Мы на руках отнесли гроб в подвал, где надлежало ему остаться до отправления из города. 3-го февраля в десять часов вечера собрались мы в последний раз к тому, что еще для нас осталось от Пушкина; отпели последнюю панихиду; ящик с гробом поставили на сани; в полночь сани тронулись[18]: при свете месяца я провожал их несколько времени глазами; скоро они поворотили за угол дома; и все, что было на земле Пушкин, навсегда пропало из глаз моих.

<Послесловие А. И. Тургенева:>

За телом следовал А. И. Тургенев[19]. Пушкин не раз говаривал своей жене, что желает быть похоронен в Святогорском Успенском монастыре, где недавно положили его мать. Этот монастырь находится Псковской губернии в Опочковском уезде, в 4-х верстах от сельца Михайловского, где Пушкин провел несколько лет поэтической жизни своей. 4-го числа в девятом часу вечера тело привезли в Псков, откуда оно, по надлежащем распоряжении со стороны губернского начальства, в ту же ночь на 5-е число февраля было отправлено через город Остров в Святогорский монастырь, куда привезли его уже к 7-ми часам вечера. — Мертвый мчался к своему последнему жилищу мимо своего опустевшего сельского домика, мимо трех любимых сосен[20], им недавно воспетых*. Тело поставили на Святой горе в соборной Успенской церкви и отслужили с вечера панихиду. Всю ночь рыли могилу подле той, где покоится его мать[21]. На другой день, на рассвете, по совершении Божественной Литургии, в последний раз отслужили панихиду, и гроб был опущен в могилу, в присутствии Тургенева и крестьян Пушкина, пришедших из сельца Михайловского отдать последний долг доброму своему помещику. Чудно показалось предстоявшим изречение Библии, сопровождавшее горсть земли, брошенной на Пушкина: «*земля еси*»[22].

* Это стихотворение помещено в конце книжки, под заглавием «Отрывок».

ПОЖАР ЗИМНЕГО ДВОРЦА

17 декабря 1837 года

Жители Петербурга с печалью встретили 1838-й год. Не пришли они, по старому обычаю, в Зимний дворец, где доныне более двадцати тысяч гостей собирались на семейный праздник царя своего, дабы поздравить его с наступающим новым годом. Зимний дворец, величественное жилище императоров русских, великолепнейшее и почти самое древнее здание северной столицы, не существует[1]. Смотря на сии обгорелые стены, в коих за несколько дней блистало такое великолепие, кипела такая жизнь и кои теперь так пусты и мрачны, ощущаешь в душе невольное благоговение; не знаешь, чему дивиться, величию ли того, что погибло и что в самых развалинах своих является еще столь твердым; могуществу ли силы, которая так легко и так быстро уничтожила то, что казалось вечным.

Так, в зрелище сих развалин есть что-то невыразимое; как будто глазами видишь судьбу земную во всех ее переменах — из счастия в бедствие, из блеска во мрак, из славы в упадок. Какой-то чудный, всемирный образ стоит перед тобою и говорит тебе то, чего не выразит словом язык человеческий.

Зимний дворец, как здание, как царское жилище, может быть, не имел подобного в целой Европе. Своею огромностию он соответствовал той обширной империи, которой силам служил средоточием. Суровым величием, своей архитектурою, изображал он могущественный народ, столь недавно вступивший в среду образованных наций, но еще сохранивший свой первобытный, некогда дикий образ; а внутренним своим великолепием напоминал о той неисчерпаемой жизни, которая кипит во внутренности России. Иноземец, посещавший столицу Севера, останавливался в изумлении перед его громадою[2]. Быть может, взыскательный вкус, рассматривая его по частям, мог оскорбиться и некоторою нестройностью их состава, и пестротою обветшалых украшений, и мелкостью бесчисленных колонн, и множеством колоссальных статуй, стоявших на этой массе как лес на скале огромной; но целое здание представляло какую-то разительную, гигантскую стройность: при виде Зимнего дворца всегда вспоминалась поэтическая мысль того зодчего, который из горы Афоса хотел вытесать статую Александра[3].

Но если Зимний дворец изумлял иноземца как чудный памятник искусства, то для нас русских имел он совсем иное значение. Зимний дворец был для нас представителем всего отечественного, русского, нашего. Для *всех* нас *вместе* он был то же, что для *каждого* из нас *в особенности* дом отеческий, где мы были молоды, откуда пустились в жизнь, куда из всех углов земли, из всех тревог житейских переносились душою, как будто в приют покоя. Кто из нас с тех пор, как

начал себя помнить, не думал часто и с одинаким, всем нам общим чувством о том, что происходило в этом царском жилище, и хотя каждый имел *свои особенные* заботы, с другими не разделяемые, но эти *общие заботы* о царском быте, в том месте, с которым мы все, и близкие и далекие, из детства так свыклись, было для всех нас какою-то родственною связью, и теперь, при мысли, что Зимний дворец наш не существует, пробуждается в душе что-то похожее на сиротство, и кажется, как будто нас что-то разрознило.

В отношении историческом Зимний дворец был то же для новой нашей истории, что Кремль для нашей истории древней. Кремль говорит о живых, младенческих и юношеских летах русского царства: смотря на стены его и башни, на Грановитую палату, на святые соборы и слушая чудный голос колоколов, во все времена одинаково с нами слышанный и отцами и дедами, разгорячаешься воображением и чувствуешь себя так же расстроенным, как при мысли о собственных поэтических летах молодости. Здесь вся поэзия нашей истории[4]. Но вид Зимнего дворца, который своею громадою (где великанское времен минувших так чудно сливалось с строгою правильностью настоящего) так могущественно, так одиноко возвышался посреди всех окружавших его зданий, говорил менее воображению нежели мысли. Здесь представлялась уже возмужавшая Россия, Россия сплоченная веками в твердую, грубую массу такою перешедшая в руки Петра, им присвоенная Европе и со времен его до наших, под рукою своих императоров, завоеваниями, давшими ей все, что ей нужно, достигнувшая крайних пределов своего материального могущества. Здесь вся новейшая Россия в блистательнейшие дни европейской ее жизни.

Здесь самодержавие, перешедшее от царей к императорам, слившись с законностью и уважением к человечеству образовалось из древнего безотчетного самовластия во власть благотворную, животворную, образовательную, на твердой неприкосновенности которой стоит бытие России, и внешняя сила ее и внутреннее ее благоденствие. Отсюда истекли все те законы и те политические изменения, кои в последнее восьмидесятилетие возвеличили, образовали, утвердили Россию и приготовили для нее великое будущее.

Здесь жила Екатерина, первая вступившая в стены дворца, воздвигнутые Елизаветою[5], но при ней еще не населенные. Имя Екатерины и теперь глубоко отзывается в каждом русском сердце[6]. Хотя уже почти все соучастники ее царствования сошли со сцены, но предание о ней живо: оно перешло к нам из первых рук, во всей своей свежести, ибо каждый, чья жизнь началась в ее царствование, кто ее видел, еще более тот, кто имел счастье к ней приближаться, и теперь говорит об ней с тем пламенным вдохновением любви, с которым некогда говорила о ней вся Россия. Здесь произошли важнейшие явления царственной жизни Екатерины, которая по искусству царствования стоит на пер-

вой степени между всеми государями славными в истории: здесь начертала она свой Наказ, и поныне служащий основанием нашего гражданского порядка; отсюда устроила она свою обширную империю, отсюда посылала своих полководцев на север, запад и юг за победою, завоеваниями или славою. Здесь на каждом шагу могли мы следовать за государственною и частною ее жизнью; мы знали, где был ее кабинет, в котором уединенные часы свои посвящала она глубоким размышлениям и всеобъемлющим трудам царицы, мы знали, где являлась она во всем блеске самодержавной владычицы перед собранием представителей империи, между которыми блистали Потемкины, Румянцевы, Суворовы, Вяземские, Панины и Безбородко; знали, где она с царского трона принимала послов Европы и Востока, где совершались ее пышные праздники, где были ее веселые вечеринки, где она слушала вдохновенные песни своего Державина, где наконец отборный круг ее общества, из просвещеннейших соотечественников и иноземцев составленный, был услаждаем ее остроумною и в самой легкости глубокомысленною беседою.

Из Зимнего дворца император Павел послал Суворова[7] испытать возмужавшую силу России против возрастающего могущества Франции и начать за горами Альпийскими то, что впоследствии довершено под стенами Парижа.

Зимний дворец был свидетелем и светлых и темных времен Александра I[8]. Здесь, вдохновенный Промыслом, уже предавшим во власть его жребий Европы, решил он судьбу своей империи великим русским словом: *не положу оружия, пока хотя единый враг останется на земле моей*, и отдал Москву за Россию. Сюда возвратился он, совершивши чудную всемирную войну, благословенный свыше, увенчанный такою славою, какая ни одному из предшественников его не доставалась, и в этой славе смиренный перед избравшим его Богом. Здесь видели мы его и в страшную минуту испытания, когда столица его, обхваченная наводнением, трепетала и гибла. В эту роковую минуту явился он в той красоте своей, по которой принадлежал он к лучшим из всех украшавших землю созданий. Из окон дворца смотрел он на разрушение, производимое волнами, и горько плакал, порываясь спасать погибающих и чувствуя всю ничтожность своей власти перед бездушным могуществом стихии. И всем нам памятно, с какою заботливостью, с каким простодушным, родственным участием являлся он повсюду, где только побывало несчастье, особенно на развалинах хижин, дабы загладить следы разорения, возвратить утраченное ими, утешить горе о невозвратном. И в народе, одаренном памятью сердца, живо предание о сих прекрасных днях Александра, быть может, лучших в жизни его не по блестящим делам царя, а по тайным человеческим чувствам, и если история, провозглашающая только славное мира сего, скажет о них не громко, то — есть другое, высшее судилище, пред которым и тайные страдания души также имеют свое великолепие и свою знаменитость.

В Зимнем дворце проводила и кончила жизнь свою современница и соучастница всех царствований, коих событиям он был свидетель: здесь жила государыня Мария Федоровна, супругою наследника империи, императрицею, матерью двух императоров. Сначала вся ее деятельность сосредоточивалась в тесном домашнем круге: вместе с прекрасными сыновьями и дочерями своими, сама (и до поздних лет) величественно прекрасная, она сначала была, так сказать, одним только отблеском великой Северной Царицы, которая приводила в неописанный восторг и русского и чужеземца, когда, окруженная очарованием исторической славы своей (придававшая лицу ее характер чего-то не земного), являлась она перед ними в сопутствии внуков и внучек, прелестных и красотою и молодостью и тою надеждою, которая в лице их так сладостно говорила сердцу. И в этом же дворце, когда не стало Екатерины Великой, увидели мы императрицу Марию Федоровну матерью другого семейства, — целой России. Приготовленная к исполнению сих всеобъемлющих обязанностей строгим исполнением должностей домашних, она предалась им с беспримерным самоотвержением, и должность стала для нее религиею. С одной стороны, принявши под свой покров сиротство, нищету, вдовство и болезнь, она сделалась благотворительницею *настоящею*; с другой, приняв на себя заботы о женском воспитании в России, она явилась Провидением домашней жизни и нравов семейных русского народа и положила прочное основание будущему его благоденствию, коего источник есть нравственность жен и просвещенная деятельность матерей семейства. И сколько раз она сама, счастливая и достойная счастья мать, в великолепной дворцовой церкви присутствовала на радостных праздниках семейных, то подносила своих милых младенцев к св. причастию, то благословляла браки сыновей и дочерей своих, то предстояла св. купели, держа на руках своих внука или внучку. Наконец, в том же Зимнем дворце, где ни один из ее современников не провел столько лет как она, прекратилась и чистая жизнь ее[9]. И памятна еще нам та ночь, в которую императрица Мария Федоровна покинула землю: кто видел ее через несколько минут после кончины, тот был поражен и глубоко растроган выражением ее лица, удивительно просветлевшего, как будто бы на нем величие земное вдруг перешло в величие небесное.

Из дверей Зимнего дворца император Николай Павлович вышел на площадь, кипящую народом, в первую и самую решительную минуту своего царствования, и эта минута как долгие годы познакомила Россию с новым ее императором и Европу с достойным преемником Александра.

Нам памятно, какое зрелище в день сей представило собрание чинов империи, соединившихся в залах дворцовых для молитвы за воцаряющегося государя, памятны и мертвая тишина, тогда оцепеневшая сие блестящее многолюдство, и мрачность лиц, столь разительная при блеске одежд торжественных, и шепот тревожных вестей, и тяжкая безызвестность о государе, который

с утра до приближения ночи простоял в виду бунтовщиков на ружейный выстрел от их фронта, и общее движение всех, когда узнали, что государь возвратился, что бунт уничтожен, и, наконец, всего памятнее та минута, в которую он к нам вышел, рука об руку с императрицею, — он с каким-то новым, никогда дотоле невиданным на лице его напечатлением, она с глубокою преданностью в волю Промысла, с смиренною возвышенностью над судьбою и с удивительным выражением всего, что в этот день перешло через ее душу, и между ними наследник, тогда еще младенец, ясный и беззаботный, как надежда[10].

И в этом же дворце, где таким великим событием ознаменовалось воцарение Николая, прошли и первые двенадцать лет его царствования, столь богатого тяжкими испытаниями для государя, но столь обильного делами благотворными для народа. Здесь совершилось замышленное Петром, приготовленное Екатериною и тщетно предпринятое Александром: воздвигнуто стройное, всем доступное здание русских законов[11] и тем положено начало *законности*, без коей нет в государстве верного благоденствия. Наконец, в течение последних двенадцати лет, под кровом Зимнего дворца мы с умилением видели то, что редко встречается и в смиренном жилище частного человека, счастливую домашнюю жизнь, величественный пример всего нравственного для целой империи. Нежнейшее согласие супружеское, основанное на взаимном уважении друг к другу, заботливость отца и матери о детях, не скучающая никакими подробностями, их ребяческая ласковость с теми, кои еще во младенчестве, их попечительная заботливость о тех, кои достигли отроческих лет и коих воспитание пред глазами родителей совершается, их доверчивое товарищество с теми, кои уже вошли в возраст; с другой стороны — нежная к ним привязанность детей, которым нигде и ни с кем так не бывает весело, так не бывает свободно, как с добрым отцом и милою матерью и самым царским величием, только усиливающим в детях сердечное благоговение — вот то прекрасное, чего были свидетелями эти стены, столь прежде пышные, столь ныне печальные. Как ни горестно видеть в развалинах те величественные чертоги, которые так блистали во дни торжественные, но они скоро воздвигнутся снова и, может быть, великолепнее прежних; но то, что было освящено воспоминанием лучшего и драгоценнейшего в жизни, — убежища многих лет, из одного царского колена перешедшие к другому, свидетели детских игр, первых уроков, семейных праздников, они исчезли невозвратно и никакому зодчему не построить их по-прежнему. Был в Зимнем дворце ряд горниц, через которые ежедневно проходил государь Николай Павлович, начиная царственный день свой: в одних колыбели окружены были детскими игрушками; в других учебные предметы говорили о занятиях более строгих соответственно разным возрастам; в других являлось уже все, что принадлежало расцветшему юношеству, готовящемуся к деятельности житейской. — И проходя чрез них, счастливый отец встречаем

был голосами любви, столь пленительными и в радостном ребяческом крике и в сердечном привете юношества. Из всех сих горниц особенно драгоценны по воспоминаниям, с ними соединявшимся, те, в коих провел свою молодость император Александр, которые при нем перешли к его младшим братьям и наконец при нынешнем государе достались цесаревичу. Из этого приюта первых лет, ознаменованных таким беззаботным счастьем, наследник русской империи пустился в путь, указанный ему его государем. Ни одному из предшественников императора Николая Павловича не даровал Бог счастья показать такого милого сына такой великой империи. Мысль высокая и вместе трогательная, которую с глубокою благодарностью к царю своему вполне поняла Россия. Она увидела в этой поспешности государя познакомить молодого наследника с его будущею империею всю нежную заботливость и отца о сыне и государя о царстве. Она поняла, почему именно теперь, а не в другое время, и почти всю огромную Россию немногие месяцы захотел показать государь своему сыну. Если царю необходимо быть любимым от своего народа, то ему еще необходимее любить народ свой. Но сие пламя любви не всякой душе дается, и счастлива та, в которой пробудится она рано. Такова была, очевидно, мысль государя: наследник во всем цвете молодости, с душою, еще не тронутою никакою заботою житейскою, никаким болезненным опытом, мешающим вере в человечество, был отдан им, так сказать, с рук на руки России, и она приняла его на руки с неописанною любовью. Ни один из русских государей не давал такого праздника своему царству; и все, от Балтийского моря до Черного, от пределов Польши до глубины Сибири, во всех областях, орошаемых великими нашими реками, Волгою, Камою, Иртышом, Днепром и Доном, оживотворилось одинаким чувством, и это чувство не было ни любопытство, пробуждаемое в толпе явлением необычайного, ни робкое раболепство, ни своекорыстная надежда: это чувство было святая любовь русского народа, глубокая религия, перешедшая к нему по преданию от предков, религия, врезанная ему в душу его судьбою, воспитанная в нем и светлыми и темными временами его жизни, нечто такое, чего никакая власть произвести не может, что есть драгоценнейшее сокровище русского самодержца, твердейшая опора самодержавия, на чем незыблемо стоит Россия. Такое чувство встречало наследника, и он принял его на сердце свое в такую пору жизни, когда все впечатления неизгладимо в нас остаются. В зрелые годы свои он опять и не раз увидит Россию, и увидит ее с пользою иного рода; но такой союз, какой заключен между ними ныне, заключается только в свежие лета молодости, душою новою и жаждущею любить. И в зрелые годы свои он не забудет, что Россия была его первою любовью, и никогда не перестанут в памяти его отзываться те благословения, с которыми еще без всякой личной заслуги своей, а только потому что он святыня, сын государя, он был повсюду принят добрым, умным, верным русским народом.

Совершив благополучно сие путешествие, продолжавшееся более семи месяцев, наследник и государь император, обозревши со своей стороны западные и южные области от устьев Невы до подошвы Арарата, соединились со всем императорским семейством в Москве, где пробыли несколько недель, и наконец все вместе возвратились в Петербург, где ожидало их, по-видимому, сладкое отдохновение под кровлею царственного Зимнего дворца. И вдруг это могущественное здание, со всем своим великолепием, исчезло в несколько часов, как бедная хижина.

Хотя обстоятельства сего события, ужаснувшего Петербург и горестного для целой России, уже описаны другими, но мы почитаем не лишним сообщить читателям то, что было и нам рассказано очевидцами. Здесь всякая подробность драгоценна: мы даже не боимся повторить уже известное, ибо желаем составить нечто целое и полное: нам кажется, что мы исполняем священный долг перед отечеством, отдавая последнюю честь великому жилищу Екатерины и Александра, и платим сладкую дань благодарности всеобщей, скорбя о разрушении царского дома, где государь Николай Павлович был двенадцать лет так счастлив в своем семействе.

17 декабря 1837 года ознаменовалось сим бедственным происшествием. Было восемь часов вечера. Государь император с ее величеством императрицею, с их высочествами наследником, великим князем Михаилом Павловичем и великою княжною Мариею Николаевною находился в театре, когда ему донесено было, что в Зимнем дворце горит. Государь немедленно покинул театр и вместе с великими князьями отправился на место пожара. По-видимому, не представлялось большой трудности остановить его действие, но он уже начинал распространяться; уже Фельдмаршальская зала была вся в огне; зала Петра Великого загоралась, и пламя начинало показываться в Белой зале.

Первою заботою государя императора была безопасность его семейства. Великие князья Константин, Николай и Михаил Николаевичи и великие княжны Ольга и Александра Николаевны находились в Зимнем дворце: им было приказано немедленно переехать в Собственный его величества дворец. В это время государыня императрица уже возвратилась из театра. Она была встречена в Большой Морской великим князем Михаилом Павловичем, посланным к ней от государя императора с извещением о случившемся. «Где дети?» — был первый вопрос ее величества. — «Государь приказал перевезти их в Собственный дворец; он желает, чтобы и ваше величество ехали туда же». — «Но перевезены ли дети?» — «Еще нет, но скоро». — «Скажите государю, что мое место там, где мои дети, и что я до тех пор не покину дворца, пока они не будут отправлены», — отвечала государыня и поехала на пожар. На лестнице она была встречена всеми детьми своими; младших несли на руках, полусонных. Государыня отпустила их, а сама прямо пошла к одной из своих фрейлин, которая

жила в нижнем этаже и лежала в постели больная. Императрица при себе отправила ее из дворца и потом уже пошла (вместе с великою княжною Мариею Николаевною) в свои комнаты, от коих пожар еще был далеко[12]. — Долго из окон, обращенных на внутренний двор, смотрела она, как на противоположной стороне свирепствовало пламя, как оно разрушило Белую и Фельдмаршальскую залы и как начало приближаться к той стороне, где жило императорское семейство. Наконец явился государь император и говорит императрице и великой княжне: «Уезжайте, через минуту огонь будет здесь». Они простились. Государь опять пошел на пожар. А государыня решилась переехать в дом министерства иностранных дел, из окон коего можно было глазами следовать за действием пламени. Но прежде нежели совсем оставить дворец, она захотела проститься с своим погибающим жилищем: зашла в свой кабинет и в детские горницы, в коих при свете пожарного зарева все еще было так спокойно, и помолившись в последний раз в малой дворцовой церкви, в коей столько времени все семейство ее собиралось на молитву, с благодарною горестью покинула те места, где на каждом шагу являлись ей милые воспоминания, где она встречена была невестою, где была приветствована императрицею, где провела мирные, первые годы супружеского и материнского счастья, о коем молится вся Россия. В доме министерства иностранных дел государыня пробыла до той минуты, в которую наследник известил ее величество, что для спасения дворца не осталось никакой надежды.

Вторым распоряжением государя императора было послать за войсками; первый батальон л.-г. Преображенского полка, как ближайший, явился прежде других, и в одну минуту знамена гвардейские и все портреты, украшавшие залу Фельдмаршальскую и галерею 1812 года, сняты и вынесены. В то же время закладены были кирпичом две двери, дабы отделить пылающую часть дворца от той, куда еще пламя не успело проникнуть; а часть собравшегося войска была отправлена на кровлю, дабы, разломав ее, успешнее противодействовать расширению пожара. Но здесь все усилия остались тщетны. Густой дым, развиваясь вихрем по всему чердаку, препятствовал видеть и дышать и не допустил никого приступить к делу. Тогда стало очевидно, что спасение дворца уже невозможно. Государь император, не желая подвергать опасности солдат, которые действовали с неимоверною отважностью и с удивительным самоотвержением, отдал повеление, чтобы все сошли с кровли и спешили спасать из внутренних комнат то, что спасти было возможно. Воля его величества была исполнена с быстротою и точностью, достойными удивления. Все, от генерала до простого солдата, принялись за дело; никто себя не жалел. Священные утвари, образа и ризы обеих церквей, императорские бриллианты, картины, драгоценные убранства дворца и все вещи, принадлежащие царской фамилии, были взяты и отнесены частью к Александровской колонне, частью в адмиралтейство.

В это время государь император был уведомлен, что в Галерной гавани загорелось несколько хижин. Он немедленно послал на спасение оных наследника. А сам, решившись пожертвовать главным зданием Зимнего дворца, которым пламя совершенно овладело, приказал исключительно обратить все усилия на защиту Эрмитажа. Немедленно крыши галерей, соединявших сие отделение дворца с главным корпусом, были разрушены, всякое сообщение между ними прервано. Таким образом пожар не достиг к Эрмитажу, хотя все пламя стремилось прямо на него по направлению сильного ветра. Здесь особенно оказалась неустрашимая спокойность пожарных и солдат; они, можно сказать, вступили в рукопашный бой с огнем и отважно закладывали окна и двери, несмотря на пламя и дым, которые с ними боролись, но их не отразили. Все они действовали под особенным надзором его высочества великого князя Михаила Павловича.

Между тем пожар, усиливаемый порывистым ветром, бежал по потолкам верхнего этажа; они разом во многих местах загорались, и падая с громом, зажигали полы и потолки среднего яруса, которые в свою очередь низвергались огромными огненными грудами на крепкие своды нижнего этажа, большею частию оставшегося целым. Зрелище, по сказанию очевидцев, было неописанное: посреди Петербурга вспыхнул вулкан. Сначала объята была пламенем та сторона дворца, которая обращена к Неве; противоположная сторона представляла темную громаду, над коею пылало и дымилось ночное небо: отсюда можно было следовать за постепенным распространением пожара; можно было видеть, как он, пробираясь по кровле, проникнул в верхний ярус; как в среднем ярусе все еще было темно (только горело несколько ночников, и люди бегали со свечами по комнатам), в то время как над ним все уже пылало и разрушалось; как вдруг загорелись потолки и начали падать с громом, пламенем, искрами и вихрем дыма, и как наконец потоки огня полились отвсюду, наполнили внутренность здания и бросились в окна. Тогда вся громада дворца представляла огромный костер, с которого пламя то всходило к небу высоким столбом, под тяжкими тучами черного дыма, то волновалось как море, коего волны вскакивали огромными, зубчатыми языками, то вспыхивало снопом бесчисленных ракет, которые сыпали огненный дождь на все окрестные здания. В этом явлении было что-то невыразимое: дворец и в самом разрушении своем как будто неприкосновенно вырезывался со всеми своими окнами, колоннами и статуями неподвижною черною громадою на ярком трепетном пламени. А во внутренности его происходило что-то неестественное: какая-то адская сила там господствовала, какие-то враждебные духи, слетевшие на добычу и над ней разыгравшиеся, бешено мчались повсюду, сталкивались, разлетались, прядали с колонны на колонну, прилипали к люстрам, бегали по кровле, обвивались около статуй, выскакивали в окна и боролись с людьми, которые мелькали черными

тенями, пробегая по яркому пламени. И в то время, когда сей ужасный пожар представлял такую разительную картину борьбы противоположных сил, разрушения и гибели, другая картина приводила в умиление душу своим торжественным, тихим величием. За цепью полков, окружавших дворцовую площадь, стоял народ бесчисленною толпою в мертвом молчании. Перед глазами его горело жилище царя: общая всем святыня погибала; объятая благоговейною скорбью, толпа стояла неподвижно; слышны были одни глубокие вздохи, и все молились за государя.

Пожар, начавшийся в 8-м часу вечера, продолжался во всей своей силе до восхождения солнца, и только в эту минуту государь император изволил возвратиться к своему семейству.

Так разрушился наш Зимний дворец, великолепный представитель последних славных времен России. Все, что может быть снова сооружено, погибло с главным зданием; но сокровища Эрмитажа, которые в течение стольких лет были собираемы государями русскими и коих утрату ничто бы не заменило, все без изъятия спасены. Утешением в сем печальном событии может послужить то, что никто из многочисленных жителей дворца не погиб и что весьма многие из них спасли свое достояние.

Но сие величественное царское жилище, ныне представляющее одни обгорелые развалины, скоро возобновится в новом блеске[13]. Опять в великий день Светлого праздника будем, по старому обычаю, собираться на поздравление царя в той великолепной дворцовой церкви. Опять будем видеть русского царя, встречающего новый год в светлых чертогах своих вместе с своим народом. Опять, перед спасенным изображением Александра, будем воспоминать времена великой русской славы, петь многолетие царю царствующему, возглашать вечную память Благословенному и славить его войско, некогда столь храбро отстоявшее Россию. Наконец опять посреди этих возобновленных палат императорских, увидим доброго *отца народа* веселым семьянином, окруженного мирным домашним счастием, которое да продлит Бог для блага России.

И царь и его Россия с благоговением приняли новое испытание, ниспосланное им всемогущим Промыслом, и это испытание, с одной стороны, даровало случай царю явить пред лицом народа своего покорность Божией власти; с другой — народу с новою силою выразить любовь свою к царю, и таким образом узами скорби еще сильнее скрепился союз между державным *отцом* и верными детьми его.

Январь 1838 года

ОЧЕРКИ ШВЕЦИИ

Швеция, если судить по тому, что нам удалось видеть во время нашего путешествия, есть гранитное царство. Везде слой земли, более или менее тонкий, покрывает гладкую площадь гранитную, и вся поверхность этой площади усыпана обломками того же гранита, которые все вообще имеют круглую форму, подобно камням, скопляющимся на дне быстрой реки, которая силой воды мчит их и мало-помалу округляет. Эти гранитные обломки, составляющие немое предание о каком-то давнишнем бое стихий, представляют явления разительные. Иногда посреди широкого зеленого поля лежит огромная скала, совершенно голая, слегка подернутая мохом, как железо ржавчиною, и видно, что она откуда-то прикатилась, ибо не составляет продолжения той поверхности, на коей лежит, а только едва к ней прикасается своею отделившеюся от нее базою. Иногда множество гранитных обломков лежит кучею, подобно зернам, вдруг высыпавшимся из какого-то огромного сосуда. Иногда эти крупные и мелкие обломки рассыпаны по плоскому месту и составляют лабиринт скал, подобный алупкинскому саду в Крыму[1], с тою только разницею, что здесь камни голы, зеленый плющ их не одевает и между ними не пробиваются лавры; а вместо живописных деревьев юга, обвитых плющом и виноградом, торчат на их голых вершинах и боках однообразные ели и сосны и изредка березы, которых корни сквозь трещины гранита проникают в землю, и, переплетаясь на поверхности камня, составляют для него какое-то чудное, кружевное покрывало. Промежутки между этими камнями покрыты пашнями, которые, во время нашего путешествия (от долговременной засухи), не представляли большой надежды на богатую жатву.

Хижины поселян рассеяны по полям и не составляют, как у нас, отдельных селений. В них вообще видна опрятность. Но архитектура их неживописна и не имеет никакого особенного характера: крутые кровли (соломенные или тесовые); стены из обтесанных бревен; довольно большие окна, от которых внутри хижин должно быть всегда светло и следственно весело — и вообще все стены снаружи выкрашенные темно-кирпичною краскою (сберегающею их от действия внешней температуры), отчего хижины мало отделяются от окружающего ландшафта и тогда только бывают очень заметны, когда на них ярко светит солнце. Жители этих хижин вообще красивой наружности. Они приветливы. В их обращении чувствительно какое-то непринужденное доброжелательство и простодушие (сколько можно судить об этом тому, кто, не зная их языка, не мог с ними завести разговора). Особенно между женщинами множество прекрасных, белокурых, с голубыми, часто весьма выразительными глазами. (Это особенно было заметно в городах. Окна часто составляли рамы жи-

вых картин — и в каждой из этих рам являлась группа из пяти или шести лиц, между коими всегда половина была прекрасных.)

II

Между этими скалами, по этим полям и лесам, проложены прекрасные дороги. Их содержать в исправности нетрудно. Материал для этого почти всегда под рукою. Но они везде очень узки и от неровности места, от множества камней, повсюду разбросанных, вьются, как змеи. По этим излучистым, узким дорогам, на коих нигде нет перил, маленькие шведские лошади несутся с тобою во весь опор и под гору быстрее, нежели по ровному месту. Почтовая езда учреждена здесь особенным образом. На станциях нет лошадей. Эти станции служат для них только сборным местом на случай приезда путешественника, который (если он едет на своем экипаже) должен иметь и свою сбрую, и своего кучера — и этот кучер один служит ему на все его путешествие. Вперед отправляется нарочный, по наряду которого собираются на станциях в назначенный час нужные лошади. Эти лошади крестьянские, не привыкшие к большим экипажам и неизвестные тому, кто должен ими править. Несмотря на то, он бодро садится на козлы и погоняет без милосердия свою четверню или шестерню (смотря по экипажу), не заботясь о том, по ровному ли месту он скачет или под гору. Иногда, при начале спуска, не знаешь, что под горою: овраг или река, есть ли мост, нет ли встречного; лошади скачут, кучер погоняет и говорит, что здесь неслыхано, чтобы кто-нибудь был опрокинут. А за коляской сидит хозяин лошадей, а иногда два или три (если экипаж запряжен четверкою или шестеркою). Они висят сзади, как мешки, уцепившись один за другого, и таким образом болтаются до смены, где им возвращают их лошадей и платят за проезд.

III

Особенную красоту шведской природы составляют великолепные озера, там повсюду рассыпанные. Зрелище, представляющееся на этих озерах, весьма сходно с тем, которое представляет вся окружающая их сторона. Вместо зеленых полей вообразите только равнину вод, и вы увидите над водами те же группы камней и скал, которые являются между полями, составляя на суше каменные, покрытые елями и соснами, возвышения, отдельные голые или лесистые холмы — или просто отвалившиеся, Бог знает откуда, скалы; а посреди озера большие и малые острова — то отлогие, то крутые, то лесистые, то голые и торчащие из-под скалы, или отдельные, или набросанные странными грудами. Эти озера прелестны; но их нельзя сравнивать ни с озерами Швейцарии и Тироля[2], ни с озерами Италии.

Озеро Меларн самое живописное из больших озер Швеции[3]. Особенную прелесть дают ему излучины его гранитных берегов, покрытых елями, соснами

и березами, некрутых и даже неразнообразных, но придающих озеру какую-то оригинальную живописность тем, что они то стесняются — и озеро представляет тогда широкую реку между лесистыми берегами, то расходятся — и тогда перед глазами прекрасная равнина вод, усыпанная большими и малыми островами, которые своими живописными группами составляют отличительный характер Меларна перед другими большими озерами Швеции. При свете солнца, особливо в тихую погоду, эти острова составляют зрелище очаровательное. Иногда видишь густую рощу, которой ветви наклоняются до поверхности воды и которая подымается из озера огромною зеленою массою, скрывая от глаз свое гранитное основание. Иногда рассыпана по водам группа гранитных округленных скал: иные голы, иные покрыты густым кустарником, на иной торчит всего-на-все одна ель, как будто уцепившаяся за нее своими корнями, чтобы спастись от бури. Иногда совсем не видно гранита, а видно несколько деревьев, выходящих из воды и как будто выросших на влажной ее поверхности. Все это оживлено лодками и судами, коих распущенные паруса величаво поднимаются между группами малых островов или прелестно белеют на темном грунте лесистого берега. Повсюду по берегам, входящим в озеро длинными мысами или принимающим его в себя глубокими заливами, мелькают за́мки, церкви, крестьянские домы.

IV

На берегу Меларна, во глубине одного из заливов, весьма живописно лежит старинный замок Грипсгольм[4], замечательный и своею архитектурою, и своими историческими воспоминаниями. Мы приехали в него почти в семь часов вечера. На пути туда преследовала нас ужасная гроза с проливным дождем. Но она утихла скоро, и небо было ясно, когда мы вступали в древние стены Грипсгольма. Наконец я глазами увидел один из тех шведских замков, о которых так много было рассказано моему воображению во время оно. Шведские замки, возвышающиеся на берегу озер, посреди лесистых скал, имеют особенную репутацию: в каждом гнездится привидение. Грипсгольм по своей наружности более других достоин был такой славы. Стены его составляют неправильный многоугольник. По углам возвышаются башни. Внутри стен два тесных двора также неправильной фигуры. Внешний двор замечателен для нас особенно тем, что посреди его стоят две пушки, отнятые шведами у русских в 1581 году[5], и вылитые русским мастером Андреем Чоховым[6], одна в 7085, а другая в 7087 году[7] от С.<отворения> М.<ира>. Под сводом ворот, ведущих на этот двор, есть тесная дверь, через которую спускаешься в мрачное подземелье. Там в стене есть узкая, низкая, совершенно темная келья с тяжелою дверью. В этой келье умер от голода брошенный в нее епископ (как его звали, теперь не вспомню).

Мы все собрались в старинной зале, в которой, во время Густава Вазы[8], построившего замок (то есть в половине XVI века), собирались сановники Швеции, где король пировал с многочисленными гостями и где вокруг стола его, великолепно убранного, теснилась, по тогдашнему обычаю, толпа зрителей. Эта палата имела для моего воображения особенную прелесть тем, что в ней все сохранилось в том самом виде, в каком было при великом Густаве: огромные окна с широкими простенками; деревянные панели весьма высокие, окружающие всю залу; стены, обвешанные портретами королей шведских во весь рост; место для оркестра и для буфета; штучный, деревянный резной потолок. Посреди этих древностей, мы, молодые и старые, пировали весело, и может быть из нас кто-нибудь сидел на том самом месте, где за три века перед сим старик Ваза пил из своего кубка, сидя между своими двумя сыновьями[9], которых судьба дала такую трагическую знаменитость замку Грипсгольму.

За столом сказали мне, что из всех комнат замка, та именно, которая была отведена мне для ночлега, была особенно предпочитаема теми привидениями, кои издавна выбрали его местом своего пребывания. Это заставило меня задуматься — и то, что нас окружало, получило в глазах моих какую-то сверхъестественную таинственность. Вдруг смотрю на зрителей (которые за нашими стульями составляли какую-то живую, подвижную картину, над которою огромные старинные портреты подымались неподвижным фронтом и представляли ряд безмолвных зрителей, как будто пришедших с того света узнать, что делает поколение нашего века) — и что же вижу! Бледная фигура с оловянными глазами, которые тускло светились сквозь очки, надвинутые на длинный нос, смотрит на меня пристально. Я невольно вздрогнул. Фигура тронулась, прошла мимо зрителей так тихо и медленно, что казалось не шла, а веяла, и вдруг пропала. Кто была эта гостья — не знаю. Но мне пришло в голову, что это был образчик того явления, которое ожидало меня ночью.

Вот мы отужинали. Но прежде, нежели разошлись, пошли осматривать старинные комнаты замка — и между ними заметили особенно ту, которая служила тюрьмою Иоанну[10], сыну Густава Вазы, заключенному в ней братом, королем Эриком XIV. В ней ничего не переменилось; а для нас был особенно замечателен в ней тот ниш, в котором стояла постель супруги Иоанна[11]. Здесь родился Сигизмунд[12], бывший после королем польским и игравший такую бедственную роль в смутные времена России. Но эта тюрьма есть великолепное жилище в сравнении с тою ужасною темницею, в которой после был заперт Иоанном Эрик, лишенный им престола, потерявший от горя рассудок[13] и потом брошенный в ужасное подземелье, где наконец погиб от яду. В этой тюрьме всего-на-все одно узенькое окно, сквозь которое виден лоскуток неба, сливающегося с озером в отдалении. Перед этим окном с утра до вечера стоял заклю-

ченный Эрик, опершись на него локтем, которым вытер в кирпиче ямку, а в том месте, где упиралась нога его, и теперь чувствительна впадина.

Наконец мы расстались, и я пришел в свою комнату, довольно приготовленной к тому, что меня там ожидало. Вот ее описание. Узенькая, недлинная лестница винтом идет в переднюю, обвешенную старинными портретами, с темною каморкой, где приготовлена была постель для моего человека. Из этой мрачной передней вход в круглую спальню с двумя огромными окнами, идущими от потолка до полу. Но эти огромные окна едва могут освещать комнату, ибо стены ее аршина в три толщиною — и окна кажутся как будто в конце коридоров. Стены этой спальни также обвешены огромными портретами, из которых многие новые, например, портреты императрицы Екатерины II и императора Павла Петровича. Зато другие кажутся выходцами с того света. Особенно не понравились мне два женских портрета, которые оба показались списанными с берлинской *Белой Женщины*[14]. И все эти портреты смотрят на тебя пристально, так что никуда нельзя оборотить головы, не встретив мертвых, вытаращенных на тебя глаз. В простенке зеркало, в котором темно и пусто. На столе другое зеркало, в котором такая же темнота и пустота. Против зеркала огромная, длинная печь, из темных кафель, похожая на неподвижного великана с отрубленной головой в черной мантии. Против окон глубокий темный альков с старинною кроватью — и в ногах этой кровати маленькая потаенная дверь, ведущая Бог знает куда, ибо, отворив ее, увидел я перед собою мрачный, длинный, узкий каменный коридор со сводом, из которого так и повеяло на меня сыростию могилы. К довершению всего, на этой потаенной дверце висит портрет, на который нельзя взглянуть не содрогнувшись: лицо как будто какого-то старика — но какие черты его? и видишь их, и нет; зато поражают тебя глаза, в которых явственны одни только белки, и эти белки как будто кружатся и все за тобою следуют.

Такова была храмина, приготовленная мне для ночлега в замке Грипсгольме. Вот я разделся. Человек мой ушел, заперся в своей каморке, и скоро его храпение возвестило мне, что он погрузился в глубокий сон. Я остался один — и, по своему обыкновению, начал ходить по комнате, куря свою сигару. Чувствительно было, что в замке все мало-помалу засыпало. Несколько раз слышались голоса — они замолчали. Несколько раз слышались шаги идущих через двор или по лестницам, или двери стучали, затворяясь — наконец все это смолкло; стало совершенно тихо. Я слышал одни только собственные шаги свои, со мной ходила моя тень, которая то являлась передо мною, то следовала сзади, то вдруг протягивалась по потолку — и от этого в темном зеркале, на которое я иногда косился, заметно было какое-то движение.

Было уже за полночь. Ходя взад и вперед по комнате, я подходил часто к окнам. Перед самыми окнами растут деревья. Сквозь них вид на озеро Ме-

ларн, которое вдали сливается с горизонтом, и от этого кажется (особливо в летнюю, полусветлую ночь), что за этими деревьями все оканчивается и что замок стоит на краю пустого пространства. И ночь была удивительно тиха. Ни малейшего следа волны не было заметно на озере. Можно было пересчитать листья, которые все вырезывались на туманной белизне воды и неба и были совершенно неподвижны. Не помню, чтобы когда-нибудь прежде я имел такое полное, таинственное чувство тишины, которое в то же время есть и глубокое чувство жизни. Удивительное молчание царствовало повсюду. Все вокруг меня спало, кроме одного только паука, который работал в окне, то тихо опускался по длинной своей паутинке, то быстро прял своими ножками, подымаясь вверх — и это движение безо всякого шороха только что увеличивало чувство всеобщего спокойствия. Таким образом прогуливался я более часу по своей комнате.

Наконец надобно было решиться загасить свечу и лечь спать. Что же? Я подхожу к своей постели… Но мне надобно оставить перо до следующего письма, в котором доскажу, что случилось со мною в замке Грипсгольме.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Я был в Бородине в самый день великолепного праздника, которым Государь угостил свою армию. Палатою для пирующих было Бородинское поле, а украшением палаты монумент Бородинского боя[1] с Багратионовым гробом[2] у подошвы его и Бородинские холмы, на которых под жатвою, их покрывающею, спит почти целое войско, здесь погребенное со славою. Таких палат на свете немного. Опишу Вам просто все, как было. Но прежде оглянемся назад. За 27 лет две армии стали на этих полях одна перед другою; в одной Наполеон и все народы Европы, в другой одна Россия. Накануне сражения (25 августа) все было спокойно: раздавались одни ружейные выстрелы, которых беспрестанный звук можно было сравнить со звуком топоров, рубящих в лесу деревья. Солнце село прекрасно; вечер наступил безоблачный и холодный; ночь овладела небом, которое было темно и ясно, и звезды ярко горели; зажглись костры; наконец армия заснула вся с мыслию, что на другой день быть великому бою. И тишина, которая тогда воцарилась повсюду, неизобразима; в этом всеобщем молчании, в этом глубоком темном небе, полном звезд и мирно распростертом над двумя армиями, где столь многие обречены были на другой день погибнуть, было что-то роковое и несказанное. И с первым просветом дня грянула русская пушка, которая вдруг пробудила повсеместное сражение. Описывать это сражение здесь не у места, да я и не умел бы этого сделать, ибо не видал подробностей кровавой свалки. Мы стояли в кустах на левом фланге, на который напирал неприятель; ядра, невидимо откуда, к нам прилетали; все вокруг нас

страшно гремело; огромные клубы дыма подымались на всем полукружии горизонта, как будто от повсеместного пожара, и, наконец, ужасною белою тучею обхватили половину неба, которое тихо и безоблачно сияло над бьющимися армиями. Во все продолжение боя нас мало-помалу отодвигали назад. Наконец, с наступлением темноты, сражение, до тех пор не прерывавшееся ни на минуту, умолкло. Тут нам велено было двинуться вперед, и мы очутились на возвышении посреди армии; вдали царствовал мрак; все покрыто было густым туманом, смешавшимся с дымом, и костры неприятельских биваков горели в этом тумане тусклым огнем, как огромные раскаленные ядра. Но мы недолго остались на месте: армия тронулась и в глубоком молчании пошла к Москве, покрытая темною ночью. Вот то, что мои глаза видели здесь за 27 лет.

Теперь на Бородинском поле была картина иная. Батареи на высотах исчезли; по ним переливается жатва, и один монумент Бородинский ими владычествует. Только там, где так храбро дрался Воронцов[3], потерявший здесь почти всех людей своих, где погиб Тучков[4], не отысканный между мертвыми, остались признаки укреплений; но они служат подножием церкви, построенной вдовою Тучкова[5] на месте погибели ее мужа, а вместо пушек, тогда здесь гремевших, являются тихие кельи монахинь[6]. Здесь, накануне праздника, встретил я некоторых из наших храбрых генералов. Один из них показывал товарищам своим то место, где за четверть века бился; он сам уже не узнавал его, и монахини служили ему провожатыми к немногим остаткам тех окопов, на коих тогда пали его сослуживцы. В глазах заслуженного воина сверкали слезы: то были слезы глубокого, возвышенного чувства; как могло не разогреться сердце при вступлении, после стольких лет, после стольких изменений и в своей судьбе, и в судьбе народов, на то место, где совершилось одно из главных событий жизни, где вдруг без прощанья надлежало расстаться с таким множеством храбрых ближних, где все они лежат, смешавшись с прахом земли, и где, вероятно, все они ожили в позднем воспоминании? На этом же месте явился и другой храбрый воин Бородинского дня; он вошел в церковь, сделал несколько земных поклонов перед Царскими дверями, поклонился гробу Тучкова и положил на налой образ, вероятно, с ним бывший в этом сражении, благодарною данию Спасителю-Богу.

Утро Бородинского праздника было так же ясно, как утро Бородинского боя. Тогда была чувствительна осенняя свежесть; теперь теплота наполняла воздух, и от долговременной засухи повсюду была ужасная пыль, которая при малейшем ветерке подымалась столбами. Войска, около ста пятидесяти тысяч, были рано поутру сведены на места, им назначенные; они стояли колоннами по наклону покатостей, окружая с трех сторон то возвышение, на коем *теперь* стоит памятник Бородинский и у подошвы коего лежит Багратион, на коем *тогда* происходила самая жаркая битва, где дрались Раевский, Барклай, Паске-

вич, где ранен Ермолов, где погиб Кутайсов[7], на которое гремело более двухсот наполеоновых пушек, где наконец все перемешались в рукопашной убийственной свалке. Войска, видимые с вершины этого холма, представляли зрелище единственное; одним взглядом можно было окинуть стопятидесятитысячную армию, сжатую в густые колонны, которые амфитеатром одна над другой подымались. Пехота была неподвижна; по ружьям сверкало солнце, и штыки их казались блестящею, поднявшеюся щетиною огромного боевого чудовища. Где стояла конница, там дымилось; конские копыта подымали пыль; она колебалась над колоннами, как черная громовая туча. Позади армии расставлена была артиллерия. В средине этого чудного амфитеатра возвышался памятник, у подошвы коего, внутри ограды, были собраны все отставные, некогда участвовавшие в славной битве и из разных мест собравшиеся на ее праздник. Между ними особенно замечательны были инвалиды, кто с подвязанною рукою, кто с повязкою на голове, кто без обеих ног. Некоторые из них, в ожидании торжества, сидели на ступенях монумента; другие, положив на землю клюки, отдыхали у Багратионова гроба, и этот гроб, один на земле Бородинской, величественно тихий в виду армии нового поколения, казался представителем поколения прежнего, которого воины положили здесь свои головы, которого прах вечно живая природа с такою любовию одела здесь своею свежею зеленью, своею благовонною жатвою. Другие Бородинские воины, еще находящиеся в службе, сидели на конях и выстроены были фрунтом вне ограды. Явился Государь, проскакал мимо колонн; грянуло повсеместное *ура*, и вдруг все утихло: от Бородина с хоругвями и крестами потянулся ход; священники всех полков, священники столицы и позади всех Преосвященный Митрополит Московский[8], длинным строем, с торжественным пением, шли мимо армии к монументу, пред которым был воздвигнут алтарь. Когда священники стали по местам своим и Митрополит приблизился к алтарю, тишина невыразимая воцарилась повсюду; ни движения, ни шороха; как будто бы живые слились в одно безмолвное братство с бесчисленными мертвыми, здесь под землею сокрытыми, как будто бы мертвые вышли из праха и, ставши в строй с живыми, вселили в них свое неземное спокойствие; одним словом, этой минуты описать невозможно. И вдруг из глубины этого чудного молчания тихо поднялся гармонический голос, раздалось повсюду: *Коль славен наш Господь в Сионе!*[9] Эта минутная гармония, как тихий Ангел, пролетела между небом и землею; она не нарушила молчания, она не умолкла; она была чем-то таинственным, чем-то все выражающим, вдруг совершившимся ведомо и неведомо. Началось молебствие; молитвы и пение от подошвы памятника доходили до войска. Какая умилительная противуположность с тем громом битвы, от которого здесь, за четверть века, вся земля трепетала! Вдруг раздался звучный голос Государя, услышали команду его: *смирно!* С глубокою, повсеместною тишиною соединилось повсеместное ожидание, и в

это мгновенье Первосвятитель возгласил: *Великому Императору Александру Первому вечная память!* Все пушки грянули одним залпом, вся армия грянула единогласно *ура!* Из-за всех колонн, по всем высотам поднялись тучи дыма, и долго в этом дыму, не заглушаемый громом артиллерии, но от него отличный, непрерывным гулом звучал торжественный голос войска, составляя вместе с выстрелами какую-то несказанную, потрясающую сердце гармонию. И это *ура*, сперва всеобщее по всем колоннам, умолкая на одном конце их, начиналось на другом, опять сливалось в один повсеместный крик, снова прерывалось и снова гремело и, наконец, только по данному Императором знаку мало-помалу умолкло. И только эта одна минута повторила то, что здесь случилось в день Бородинского боя: в залпе пушек и крике армии мы услышали последний отголосок тогдашней битвы, но этот отголосок был *слава!* Опять все умолкло, начался благодарственный молебен, армия пала на колена; запели: *Тебе Бога хвалим!*[10] Первосвятитель окропил памятник святою водою; потом священники с хоругвями и крестами пошли обратно мимо армии, и скоро их светлый строй, и кресты, и хоругви исчезли в отдалении. Колонны поколебались; Государь впереди их проехал мимо памятника и, отдав ему честь, остановился перед ним, и вся армия прошла мимо его в удивительном порядке, но страшная туча пыли от нее подымалась, как будто напоминая о дыме Бородинского боя. Наконец, все опустело, все утихло; чудесное видение кончилось; остался один Бородинский памятник с Багратионовым гробом, озаряемые ясным небом, и кругом них спокойные холмы, одетые жатвою.

Здесь, кажется мне, у места повторить то, что было мною сказано при открытии Александрова монумента; события одни и те же, и мысли, ими пробужденные, одни и те же… «*И крест, венчающий этот памятник битвы* (на колонне Александровой стоит крестоносный Ангел), не то ли он знаменует, что дни *боевого создания* для нас миновались, что все для могущества сделано, что завоевательный меч в ножнах и не иначе выйдет из них, как только для сохранения; что наступило время *создания мирного*; что Россия, все свое взявшая, извне безопасная, врагу недоступная или погибельная, не страх, а страж породнившейся с нею Европы, вступила ныне в новый великий период бытия своего, в период развития внутреннего, твердой законности, безмятежного приобретения всех сокровищ общежития; что, опираясь всем западом на просвещенную Европу, всем югом на богатую Азию, всем севером и востоком на два океана, богатая и бодрым народом, и землею для тройного народонаселения, и всеми дарами природы для животворной промышленности, она, как удобренное поле, кипит брошенною в недра ее жизнию и готова произрастить богатую жатву гражданского благоденствия, вверенная самодержавию, коим некогда создана и упрочена ее сила и коего символ ныне воздвигнут перед Царем ее в сем *крестоносном памятнике* на поле битвы, а имя его: *Божия правда!*»[11].

Вечер этого дня провел я в лагере. Там сказали мне, что накануне в армии многие повторяли моего «*Певца во стане русских воинов*», песню, современную Бородинской битве: признаюсь, это меня тронуло до глубины сердца, но в этом чувстве не было авторского самолюбия. Жить в памяти людей по смерти не есть мечта: это высокая надежда здешней жизни. Но меня вспомнили *заживо*, новое поколение повторило давнишнюю песню мою на гробе минувшего. Это еще более разогрело мое устаревшее воображение, в котором шевелился уже прежний огонек, пробужденный всем виденным мною в этот день. А живой разговор с К. Г.[12], с которым я встретился в лагере и который своим поэтическим языком доказывал мне, что певцу русских воинов, в теперешнем случае, *должно* помянуть времена прошлые, дал сильный толчок моим мыслям. Возвратясь из лагеря, я в тот же вечер написал половину моей новой Бородинской песни[13], на другой день на переезде из Бородина в Москву кончил ее; она была немедленно напечатана; экземпляры отосланы в лагерь, и эта песня прочитана была в армии на празднике Бородинского Помещика[14]. Итак, привел Бог, по прошествии четверти века, на том же месте, где в молодости душа испытала высокое чувство, повторить то же, что было в ней тогда, но уже не в тех обстоятельствах. Чего, чего ни случилось в этот промежуток времени между кровавым сражением Бородинским и мирным, величественным его праздником! С особенным чувством смотрел я на нашего молодого, цветущего Бородинского Помещика, который на празднике русского войска был главным представителем нового поколения. Мне довелось одному из первых встретить его в этом свете, и потом в Кремле, у колыбели Его, там, где была колыбель Петра, пророчить Его будущее. Тогда говорил я Его счастливой Матери[15]:

Младенчества обвитый пеленами,
Еще без слов, незрящими очами
В твоих очах любовь встречает он;
Как тишина, его прекрасен сон,
И жизни весть к нему не достигала…
Но уж Судьба свой суд о нем сказала;
Уже в ее святилище стоит
Ему испить назначенная чаша.
Что скрыто в ней, того надежда наша
Во тьме земной для нас не разрешит…
Но он рожден в великом граде славы,
На высоте воскресшего Кремля;
Здесь возмужал орел наш двоеглавый;
Кругом него и небо, и земля,
Питавшие Россию в колыбели;
Здесь жизнь отцов великая была,

Здесь битвы их за честь и Русь кипели,
И здесь их прах могила приняла —
Обманет ли сие знаменованье?..
Прекрасное Россия упованье
Тебе в твоем младенце отдает,
Тебе его младенческие лета!
От их пелен ко входу в бури света
Пускай тебе во след он перейдет
С душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойным счастья быть,
Великое с величием сносить,
Не трепетать, встречая рок суровый,
И быть в делах времен своих красой.
Лета пройдут, подвижник молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Он полетит в путь опыта и славы…[16]

Эта часть пророчества уже во многом исполнилася. Да исполнится и остальная!

Да встретит он обильный честью век!
Да славного участник славный будет!
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий: *человек!*
Жить для веков в величии народном.
Для блага всех свое позабывать;
Лишь в голосе Отечества свободном
С смирением дела свои читать:
Вот правила Царей великих внуку[17].

Но за исполнение этой последней части пророчества порукою Тот, который теперь воспитывает примером своим Наследника России и Царского над нею могущества. Мне однако уже не видать совершения всех надежд, стихами моими изображенных. Дай Бог закрыть глаза с отрадною мыслию, что мое Отечество продолжает благоденствовать под Державою своего нынешнего славного Императора и с сладкою надеждою, что еще долго он останется с вами, не утратив ни одного из сокровищ сердца, услаждающих для него бремя власти…

ПРОЗА 1840-х ГОДОВ

<О БРАКОСОЧЕТАНИИ НАСЛЕДНИКА>

16 число апреля 1841 года ознаменовано для России счастливейшим событием в семействе царском — бракосочетанием наследника престола. Бог даровал государю Николаю Павловичу и возлюбленной супруге его государыне императрице Александре Федоровне несказанную радость благословить возмужавшего сына на счастье домашнее, в том самом храме, на самом том месте, на коем за 24 года пред сим такое же благословение снизошло на них самих свыше. И русский народ, поздравляя царя и царицу, с ними вместе празднует сей радостный день и молится верным сердцем, чтоб светлые надежды, вожделенным браком царева наследника пробужденные, вполне совершились, чтоб счастье отца перешло на главу сына, и с ним водворяясь навсегда, отразилося в счастии народном.

Надлежит сказать предварительно, что накануне торжественного дня, во внутренности дворца был совершен обряд, служащий ему приготовлением: были освящены покои, приготовленные для жительства новобрачных. Сей обычный обряд совершился просто, в присутствии государя императора, наследника, великого князя Михаила Павловича, принца Прусского, наследного принца Веймарского и весьма немногих приближенных… Но в простоте своей имел он высокое, всю душу объемлющее знаменование. Кругом молившихся всё было великолепно, блистательно, свежо и ново: в первый раз отворились двери в эту часть дворца, столь быстро и чудно возникшего из пожарных своих развалин. Но место, на котором молились, было для всех знакомо: то было место святое, здесь жила, здесь кончила в глубокой старости благотворные дни свои наша незабвенная великая государыня Мария Федоровна. И кому из молившихся в эту минуту не пришла на сердце мысль, что она невидимо присутствовала при сем обряде освящения, которым новая Мария, молодая, цветущая, приветствуемая любовью и надеждами русского народа, была вводима на житейское поприще прежней, столь верно исполнявшей все надежды и вечно памятной русскому народу.

Утро 16-го апреля 1841 года взошло ясно и безоблачно, похожее на свежую жизнь, на беспорочную душу молодых обрученных и на те упования, которые

вместе с ними восходили на великое небо России. И день, возвещенный сим утром, был до конца прекрасен. Да благословит его Всевышний, чтобы он, первый, прекрасный, был необманчивым знамением всех за ним грядущих. В восемь часов утра пушечные выстрелы возвестили городу, что в этот день бракосочетание должно совершиться: скоро дворец закипел многолюдством; все великолепные залы, его от внутренних покоев государя до входа в церковь, наполнились сановниками, военными, знатным дворянством, первостатейными людьми из купечества, и всё широкое пространство, с двух сторон окружающее дворец, так сказать, наводнилось народом, который вместе с блистательным обществом во внутренности царского дома составил как бы одно собрание гостей, приглашенных на семейное пиршество русского государя. В исходе первого часа пушечный гром, отголосок торжественной песни «Тебя, Бога, хвалим», возвестил всенародно, что совершился брак государя наследника, цесаревича, великого князя Александра Николаевича с государынею великою княгинею Мариею Александровною, и скоро потом государь император, вместе с новобрачными, явился народу: их встретил громозвучно всеобщий поздравительный крик; и этот крик звучнее, когда государь, обняв пред народом и сына, и дочь, как бы открыл ему всю внутренность своего сердца и с ним поделился семейным своим счастием. Во весь этот день столица праздновала вместе с государем: народ молился, когда гремели заздравные выстрелы, и до поздней ночи все улицы были наполнены веселящимися его толпами. Особенно великолепное зрелище представляла Дворцовая площадь: на дне ее волновался народ; из этих одушевленных волн каким-то таинственным свидетелем настоящего, темная и огромная, возвышалась колонна Александрова, монумент славы минувшего; дворец блистал огнями, окружающие здания, великолепно иллюминированные, составляли как бы одну светлую стену сей всенародной палаты, а сводом ее было безоблачно-голубое небо ночи, среди которого, ясен и чист, сиял полумесяц.

Обратясь от настоящего к прошедшему, вспомним через 23 года тот прекрасный день в Кремле, когда

Народ, теснясь к ступеням алтаря,
На празднике великом воскресенья,
Смиренно ждал надежды совершенья,
Ждал милого пришельца в Божий свет.
О, как у всех душа заликовала,
Когда молва в громах Москве сказала
Исполненный Создателя обет!

В этот прекрасный день поэзия, предупреждая события, перед колыбелью новорожденного царственного младенца, произнесла об нем свое пророчество:

Но он рожден в великом граде славы,
На высоте воскресшего Кремля;
Здесь возмужал орел наш двоеглавый;
Кругом его и небо, и земля;
Питавшие Россию в колыбели;
Здесь жизнь отцов великая была;
Здесь битвы их за честь и Русь кипели,
И здесь их прах могила приняла! —
Обманем ли сие знаменованье?..
Лета пройдут, подвижник молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Он полетит в путь опыта и славы…
Да встретит он обильной честью век!
Да славного участник славный будет!
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий: *человек*.
Жить для веков в величии народном,
Для блага *всех — свое* позабывать,
Лишь в голосе отечества свободном
С смирением дела свои читать:
Вот правила царей великих внуку.

Лета прошли… — и прорицание поэзии во многом уже оправдалось. С благородною, чистою, чтущею правду и полною веры душою наследник престола, счастливый сын любящего отца, предстает уповающему на него отечеству рука в руку с прекрасною, свободным сердцем избранною, достойною его и нашей любви супругою. Да благословит Всевышний Бог союз сей, Им Самим устроенный и по указанию Его совершившийся! Да найдет великий князь, наследник русского царства, в тихой любви супружеской то главное благо души, которым хранится ее чистота, животворится ее деятельность, бережется ее сила. Если семейное счастье есть лучшее сокровище обыкновенной человеческой жизни, то в жизни царской она есть сама небесная благодать. Кому оно досталось на троне, того на великом пути его сопровождают два ангела, Богом ниспосылаемые, равно благотворные, но в действиях своих не сходные. Один, величественно строгий, проповедует только должность. Неумолимо испытует он царскую душу трудом бесконечным, борьбою с препятствиями, непрестанным самоотвержением. И посреди всего, что может приводить в уныние душу любящую, ожесточать ее против человечества, потрясать в ней надежду на Бога или возбуждать в ней горькое негодование, он неумолкно требует: твердости, благости, веры, смирения. Другой, умилительно кроткий, проливает бальзам исцеления на раны, нередко наносимые рукою первого. С блистательного те-

атра публичной жизни минутами переводит он царственного подвижника в то убежище покоя, где под влиянием миротворных семейных радостей душа освежается, бодрость воскресает, рождаются новые силы, утихают скорби, и мрачное становится светлым. Россия знает, что в царской душе может производить совокупное действие сих двух ангелов благодати; и давно благодарно благоговеет она пред тем семейным счастьем, которое досталось ее царю в ту минуту, когда он подал руку земной своей спутнице, неизменной сердцем, ясной в счастье, твердой в часы испытания. Да сохранит ее Провидение для царя и для нас, благодарных ей за царево счастье. И да пошлет Оно ей и царю, в награду за их чистую семейную жизнь, такую же чистую семейную жизнь их наследнику. На нравах домашних воздвигается твердое здание народного благоденствия, а краеугольный камень сего здания есть нравственность в семье государя. С любовью благодарная царю своему за умилительный пример домашнего счастья, столько лет подаваемый им народу с престола, Россия с надеждою и верою такого же примера ожидает и от царева наследника и в награду за то единого молит ему от Бога: утверждения сего же счастья на долгие, долгие годы.

О СМЕРТИ

Из письма к Н. В. Гоголю

…В последнем письме моем[1] я обещался перечитывать твою книгу[2] с карандашом в руках, дабы записывать и потом сообщать тебе через почту все, что мне во время этого чтения могло бы приходить в голову. Такая работа весьма мне по вкусу; не нужно делать никакого плана; не нужно готовить себя ни к какому трудному авторскому подвигу; просто лови мысли на лету: что поймаешь, то твое. Но до сих пор я не мог исполнить своего обещания; причину этого найдешь в прилагаемом траурном объявлении[3].

Все было чисто, умилительно, девственно в этой (говоря человеческим языком) безвременной смерти. «Смерть только для живых есть зло»[4], сказал Карамзин. Это — и правда, и нет. Правда, потому что не мертвые нас теряют, а мы живые теряем мертвых (и чем более было к ним любви, тем горестнее их утрата; чем теснее были с ними узы, тем болезненнее их разрыв); здесь можно даже сказать, что отнятое у оставшихся все ушедшим.

Для первых видение земное исчезло; место, так мило занятое, опустело; глаза не видят, ухо не слышит, самое сообщение душ (по-видимому) прекратилось. Для последних напротив, все это сделалось непосредственнее, свободнее, теснее: душа с своими земными сокровищами, с своими воспоминаниями, с своею любовию, с нею слитыми и ей, так сказать, укрепленными смертию, пе-

реходит в мир без пространства и времени; она слышит без слуха, видит без очей, всегда и везде может соприсутствовать душе ею любимой, не отлученная от нее никаким расстоянием. Здесь очевидно, что выигрыш на стороне мертвых: живым этот язык духовный еще не может быть внятен, и то, что по-настоящему сделалось б о л е е их собственностью, кажется им не существующим, потому что оно им невидимо. Но в то же время смерть есть великое благо для живых, и тем большее благо, чем милее нам был наш умерший. Но это может постигать один только христианством проникнутый разум. И какую великую силу приобретает убеждение разума, когда оно становится о п ы т о м с е р д ц а. Пока мы сами еще не испытали никакой болезненной утраты, мы с умилением слушаем голос Спасителя, исходящий нам из Евангелия, и можем мыслию постигать великое значение человеческой жизни. Но когда над нами самими совершается удар свыше, как иначе делается тогда понятен сердцу этот евангельский голос; уже не в листах книги мы ищем тогда Спасителя, Он Сам нас находит, Он Сам становится к нам лицом к лицу; ценою бедствия покупаем мы лицезрение Бога[5]. Но дорога ли эта цена в сравнении с тем сокровищем, которое мы за нее приобретаем? — Все это я прежде думал; теперь я это видел, и опыт близкого мне сердца сделался моим собственным опытом. Я видел и слышал отца в ту минуту, когда закрылись глаза его любимой дочери, отца-христианина. Но здесь всего простее повторить его слова, сказанные им своей семье в первую минуту горькой утраты: «Великое дело милости Божией над нами совершилось; мы *своими глазами видели*[6], как наша милая дочь перешла к Небесному Отцу своему; она принесла Ему чистую, ничем житейским не потревоженную и с Ним примиренную душу. И теперь мы знаем, без всякого земного сомнения, знаем, что ей дано все то, чего бы никакою силою нашей любви мы не могли ни дать, ни сохранить ей в здешней жизни. Мы знаем, что это данное навсегда ей останется, что превратности жизни для нее миновались, что для нее уже нет ничего неверного: ни страха в настоящем, ни тревоги за будущее. Мы можем только благодарить и славить. И после такого ясного узнания милости неизреченной не позволим себе никогда ни пожалеть, что она от нас взята, ни пожелать, чтобы она была с нами. Будем смиренны, и чтобы наше горе никогда не пересилило нашей теперешней радости, за себя будем покорны, за нее радостны и благодарны». Таково земное бедствие в присутствии христианства; без него оно бы раздавило душу; при нем человеческий мрак обращается в утешительный свет Божий.

20 февраля / 4 марта 1847

О МОЛИТВЕ

Письмо к Н. В. Гоголю

Я обещал присылать тебе замечания на твою книгу[1] — и остался до сих пор при одном обещании; с того времени прошел почти год. Приступая наконец к исполнению обещанного, повторяю сказанное мною тогда, что я намерен писать не критику на твою книгу, а только то, что будет мне приходить случайно в мысли по поводу твоих мыслей; иногда, само собою разумеется, придется сказать слова два pro или contra о содержании самой книги, сделать критическую придирку и проч.; но на все это нет у меня никакого плана — что напишется, как напишется, тут весь и план. Притом же слишком взыскательная критика относительно твоей книги совсем неуместна: ты напечатал о т р ы в к и и з п и с е м (которых не имел намерения печатать). Характер писем есть свобода как в ходе мыслей, так и в их выражении; кто выдает письма в печать, тот необходимо должен сохранить им этот характер свободной неприготовленности; здесь сама небрежность имеет прелесть: она есть даже достоинство.

В письмах выражаются не одни мысли, но и вся личность писателя: его голос, его жесты, его физиогномия; к слогу писем особенно относится то, что говорит Бюффон вообще о слоге: «Le style c'est l'homme» («с л о г — ч е л о в е к»)[2]. В письме каждая мысль наша, легко набросанная на бумагу, есть живое новорожденное дитя; переправлять с строгою отчетливостию ее выражение для печати, значит, натягивать морщины старости на свежее лицо младенца. Правда, когда няня выносит ребенка из детской в гостиную, она его прежде умоет и оденет, но все одежда его должна быть детская, а не парик отца и не чепец матери. И печатая письма, надобно, конечно, и приумыть и приодеть слог, но так, чтобы младенчество не перерядилось в старость.

Кстати, о слоге и о придирчивой критике. Живучи за границею и не получая наших журналов, я не мог знать, что было в них напечатано о твоей книге — читал одну прекрасную статью князя Вяземского[3], в которой, не осыпая тебя приторными похвалами, но и не скрывая слабых сторон твоих, он так мужественно, так трогательно защищает и твое произведение и твой характер против нападков несправедливости. Но чтение этой статьи заставило меня заключить, что тебе крепко досталось от наших аристархов[4]; и я, признаться, попенял самому себе за то, что в одном случае не предохранил тебя от их ударов, тем более чувствительных, что они поделом тебе достались: именно виню себя в том, что не присоветовал тебе уничтожить твое завещание и многое переправить в твоем предисловии[5]. Когда ты мне читал[6] и то и другое — имея тебя самого перед глазами, я был занят твоею личностью, и зная, как все мною слышанное было искренним выражением тебя самого, зная, как ты далек от всякого самохвальства, от всякого смешного самобоготворения, я находил привлекательным то, что по-

сле, когда (вместо самого автора) явилась перед мною мертвая печатная книга и воображению моему представилась наша читающая публика, *сидящая чином на креслах и стульях* кругом чтеца, и в арьергарде фаланга журналистов, вооруженных дреколием порицания и крючьями придирки, то многое, мне прежде показавшееся столь привлекательно-оригинальным, представилось странным и неприличным. За то и твой смиренный вызов: *простить тебе твои грехи вольные и невольные и с тобою христиански примириться*[7] возбудил в твоих пишущих собратиях одну нехристианскую насмешку и весьма языческое злоязычие. Да и сам я, вспомнив о твоем предисловии, намерен пристать на минуту к твоим порицателям. Это послужит тебе доказательством, что я пишу, как перо велит: взяв его в руки, я еще не знал, какое будет содержание письма моего.

Одно место в заключении твоего предисловия меня останавливает; в нем есть или неточность выражения, или самая выраженная мысль фальшива. Ты просишь, чтобы за тебя, идущего в путь далекий, в отечестве молились, просишь молитвы как от тех, которые смиренно не веруют в силу молитв своих, так и от тех, *которые не веруют вовсе в молитву и даже не считают ее нужною*[8],— другими словами: ты просишь от них невозможного, того, что им вовсе чуждо, чего они ни иметь, ни дать не могут, чего даже от них и просить не должно потому, что в том виде, в каком бы они его дали, если бы дать могли, оно не может быть никем желаемо и не принесет желающему никакой пользы. Может ли быть молитва без веры в молитву? И для кого может быть действительна подобная молитва, если только здесь у места имя молитвы? Что же хотел ты сказать? Не понимаю. Молитва не может существовать без молящегося; она тогда только получает жизнь, когда слова, ее выражающие, выражают в то же время и душу их произносящего, тогда совершается таинство смирения перед Богом в душе человеческой, таинство для нас неисповедимое, таинство, силою которого Всемогущий, всякое добро творящий по одной своей мудрости и благости, так сказать, покоряется бедному слову человека. В чем же это таинство, в чем его сила? В вере, приводящей в движение горы[9]; в смирении, предающем нас безъизъятно в сильную руку Бога. Такой молитвы Он Сам от нас требует; такая молитва заключается в неисчерпаемой глубине тех слов, которые Сам Он научил произносить нас, человечески дав их человеку[10], дабы он мог непосредственно соединиться с сердцем Бога[11]. Но и эти живые слова, из уст Божиих нам исшедшие, не будут иметь никакой живительной силы, если не будут словами смиренно верующего сердца.

Бог требует от нас молитвы. На что Ему наша молитва? спросит умствователь. Нужно ли Его преклонять на милость, когда Он по существу своему есть милость верховная? Нужно ли и Ему Самому устанавливать между собою и человеком обряд моления с словесною формою молитвы? Нужно ли говорить человеку: *ты прежде потребуй, тогда Я дам*, — когда Ему все, для человека не-

обходимое, наперед известно и когда все благие даяния сами собою из Него истекают? В ответ на сии вопросы умствователя христианин, вместо всякого объяснения, укажет молча на Евангелие, где сказано: *молитесь*[12]. А что сказано в Евангелии, то есть истина, без согласия ума доказанная верою. Но и ум согласен будет с словами евангельскими, если наперед постановить, что ум не из своих заключений извлекает убеждение в бытии Божием, а напротив, все свои выводы опирает на главной, коренной, центральной идее, принятой за аксиому, что Бог существует[13] — не метафизический Бог пантеизма, безжизненная идея, но Бог живой, тройственный, лицо самобытное, Бог, во всякое мгновение вечного своего бытия, на всяком пункте неизмеримости, весь при сутственный, постоянно, непрерывно, сознательно действующий, как на каждую пылинку создания своего *отдельно*, так и на все свое создание в *совокупности*. При таком признании бытия Божия, которое есть в то же время и откровение, все для нашей ограниченности несогласимые противоречия исчезают; ум останавливается перед указанными ему границами, признает неотрицаемость истин, одна другую исключающих, и смиренно передает вере их согласование, силе его неподвластное.

Не входя в бесполезное согласование противоречащих друг другу, но в существе своем неоспоримых истин и принимая с смиренною верою слова Евангелия, мы должны сказать, что в сем *требовании* от нас молитвы выражается вся благость Бога живого. Тогда как там в небесах, в неизмеримости пространства[14], посреди этого не имеющего берегов океана, в котором каждая капля есть *солнце*, неисчислимым звездам указываются пути их, и на каждой звезде устраивается судьба каждого ее атома по законам, однажды данным и вечно хранимым (не механическою необходимостию, а промыслительным, любящим всемогуществом), здесь, на нашей земной пылинке, совершается великое дело спасения души человеческой; вечный Бог вступает в братство с минутным жителем земной пылинки, вселяет божественное всемогущество в скинию человеческой ничтожности[15], чтобы дать душе человеческой в себе отца, и покоряет свою благость силе человеческого слова, говоря ему: *Молися; когда в твоей молитве будет душа твоя, тогда и Я в твоей молитве буду с твоею душою. Тебе молитва нужна как Моя к тебе любовь, а Мне твоя молитва нужна как твоя любовь ко Мне*… Нужна, нужна Богу! Здесь является перед нами во всей своей наготе бедный язык человека, который те же слова, какими выражается наша ничтожность, употребляет для выражения неизглаголанности Божией.

Остановимся на этом предмете. Когда мы умствуем о существе Бога, то есть когда наш ум, ограниченный тесным кругом, одними собственными способами силится обнять необъятное и, так сказать, в атом слова втеснить создание и создателя, мы беспрестанно попадаем на истины неразрешимо противоречащие одна другой. Сия неразрешимость не принадлежит существу самой истины —

она есть только наша естественная неспособность собственными силами найти разрешение. Мы можем путем ума добираться до частных, отдельных, относительных истин, можем даже обнимать одним взглядом тот исторический порядок, в котором эти истины одна за другою или одна из другой следуют; но целого, но слияния всех истин в одну общую, основную, положительную, все проникающую своим светом, наш ум обнять не может; всякий результат наших умствований есть не иное что, как последнее звено цепи — все один отрывок. Когда мы умствуем о Боге, мы, с своей точки во времени и пространстве, смотрим на вечное и неизмеримое глазами, привыкшими видеть одно преходящее и ограниченное; для выражения сего вечного и неизмеримого мы употребляем язык, которого каждое слово есть знамение временного и мелкого. Чтобы постигнуть Бога и Его свойства, надлежит стать на *Его место*: иначе мы будем всюду видеть одни отрывочные, одна другой противоположные, следственно одна другую исключающие истины, но в то же время будет всегда в нас тревожное, темное чувство, что истина верховная таинственно соприсутствует нашему сомнению, что она, вопреки всем явным противоречиям, неотрицаема, но что для нас она неуловима и нашему убеждению недоступна. Какое тогда прибежище останется уму, если только он в своей гордости не рассечет Гордиева узла дерзостным отрицанием? Вера в откровение. Откровение есть голос, слышимый с Божия места: оно дополняет знание, мирит противоречия и ставит нас лицом к лицу перед вечною истиною Один раз только эта истина сама явилась на земле глазам человека; и он ее видел без покрывала и не узнал ее. Когда Спаситель стоял перед судилищем Пилата и Пилат спросил у него, употребив, как римлянин, язык Рима: Quid est Veritas? *Что есть истина?* — Господь не ответствовал. Но в ответе Его, если бы Он восхотел дать ответ, заключались бы все буквы слов вопроса с переменою только их порядка: *est vir, qui adest*, — *есть* муж, *который предстоит*[16]. Истина есть Бог, а наш ум есть этот вопрошающий Пилат, который и не подозревает, что ответ на вопрос его заключается в самом его вопросе (понеже настоящий порядок ему неизвестен) и, председая гордо на судилище, не узнает божественного откровения, ему предстоящего в образе этого Всемогущего Узника, которого скоро с самовластием беспощадным предаст поруганию и смерти.

Однажды (это было в Висбадене) я шел перед вечером по берегу узкого канала; небо задернуто было синими облаками, из-под которых с чистого горизонта сияло заходящее солнце и золотило здания, деревья и зелень; этот яркий блеск составлял прекрасную противоположность с холодною мрачностью неба. Вдруг передо мною вода канала, дотоле спокойно неподвижная и стоявшая вровень с берегами (от плотины, которою был канал перерезан), быстро и с шумным кипением перелилась через край плотины в жерло водопровода (которым она далее текла под землею). На месте перелома, перед самым темным жерлом

подземного свода, сверкала на солнце яркая, движущаяся полоса, и на этой полосе, от быстрого низвержения воды, взлетали бесчисленными, разной величины пылинками сияющие капли; одни подымались высоко, другие густо кипели на самом переломе, и все они на взлете и на падении яркими звездочками отделялись от темноты подземного свода, которым поглощалась вся влажная масса; мгновенное их появление, более или менее быстрое, вдруг прекращалось, уступая другому такому же, и все исчезали вместе с волною, их породившею, во тьме подземелья. Это было для меня чудным, символическим видением. С *своего места*, одним взглядом я обнимал движение бесчисленных миров[17]; эти светлые, мгновенные капли, эти атомические звезды, все конечно населенные микроскопическими жителями (ибо здесь все преисполнено жизни), совершали, каждая как самобытный мир, свой круг определенный и каждый из обитателей всех этих минутных миров также совершал свой полный переход от рождения к смерти, — все это мне представлялось *разом* с той высшей точки зрения, вне того тесного пространства, на котором происходило видимое мною движение; я все мог обозреть в *совокупности* одним взглядом (хотя подробности были недоступны слабому моему зрению). Там все (от неимоверной быстроты движения) сливалось для меня воедино: не было ни настоящего, ни прошедшего, ни будущего; я *разом* видел начало и конец, но видел, конечно, слепыми глазами, не постигая видимого; тогда как в то же время неприметные жители бесчисленных водяных пылинок, так быстро подымавшихся на узкой полосе света, между двумя темными глубинами, имели каждый свою полную жизнь, свое начало и конец, свои годы, свои мгновения; но то, что было им полною жизнию на их месте, то было менее нежели тенью мгновения на моем. И какая разница между моими о них понятиями, с моей точки зрения, и теми, какие они могли иметь о себе на своей. Я видел вдруг и начало и конец того, что для них было только последствие, только переход, от начала к концу.

Я, так сказать, смотрел на них из вечности, они же смотрели на себя во времени. Теперь вообразим ангела, стоящего выше мироздания, посреди бесчисленного множества созвездий — ярких брызгов, взлетающих с великого потока, озаряемого незаходимым солнцем; что будет перед глазами его наша земная капля? Что будут наши мгновения, наши тысячелетия? Что будет рождение, могущество и падение наших великих империй? Одним словом, что будет он видеть с своего места — не то же ли, что я видел с моего, когда смотрел на мелкие брызги водоема? И в то же время с своего места не будет ли он так же далеко от вечности, как мы на своем далеко и от него, и от той же неизглаголанной вечности, и от ее источника Бога, для Которого нет изменений, нет конца и начала, нет противоречий, для Которого все есть постоянство, жизнь, свет и истина? Но чистый ангел, созерцающий лицо Бога, исчезает пред ним в блаженстве смирения, а мы?..[18]

P. S. Еще несколько слов о том же предмете.

Без самоотвержения нет молитвы; без молитвы нет самоотвержения[19]. Для чего мы здесь? Для того ли, чтоб предаваться разнообразным впечатлениям внешнего, принадлежать каждому вполне на минуту и потом вполне — вслед за сими быстрыми минутами, как они — исчезнуть? Если бы это было так, то можно бы было утвердительно сказать, что мы создание случая, который сам есть нечто несущественное. Нет, мы здесь для Бога. Тот, Кто, создав нас, вложил в нашу душу стремление Его постигнуть и с Ним соединиться, не мог нас ни для чего иного создать, как для Самого Себя[20]. Так говорит здравый философствующий ум. Но он только угадывает истину. Откровение являет ее в самом факте. Мы созданы Богом для Бога, мы помещены Им в этом мире, где каждому из нас Он указал свое место и свой круг действия для того чтобы посреди сих изменяющихся, мгновенных увлекающих явлений, постоянно искать Бога, неизменно к Нему стремиться и в Нем одном пребывать мыслию, волею и действием; для того чтобы все сии вечные, но отрывочно в разные мгновения временного бытия собранные о Нем понятия, сие извлечение вечного из временного, слиявшись с душою, по существу своему с Ним однородною[21], ее очистили, возвысили, преобразовали и с нею на всю вечность перешли в иную высшую жизнь; одним словом: мы здесь для самоотвержения. Чтобы отвергнуть самого себя, надлежит стать пред лицом Бога и в Его присутствии постигнуть всю ничтожность и нас самих и всего, нас окружающего, и все несказанное блаженство присутствия Божия, или, лучше сказать, нашей принадлежности Богу, Который сам так благостно нам дается. Сие предстание души пред лицо Бога есть *молитва*, и она бывает только тогда, когда перед душою нашею нет ничего, кроме Бога, — следовательно, когда мы вполне самих себя и всего нас окружающего отверглись. Итак, самоотвержением мы приходим к молитве, а молитва, будучи высшею степенью самоотвержения, усиливает его в душе нашей и им нас совершенствует. Молитва Господня есть голос и выражение чистейшего самоотвержения[22]; уже и потому это так, что человек получил эту молитву из уст самого Бога-Спасителя. Один только Спаситель, то есть Бог любящий, мог научить человека предаться Богу Создателю, то есть Богу Отцу, и дать Ему истинное, исключительно Ему принадлежащее имя *Отца, сущего на небеси*. Молясь, мы должны не просить у Бога того, что ему одному принадлежит, а отдавать Богу то, что наше. В словах: Отче наш, иже еси на небеси[23], заключается полное самоотвержение, какое только бывает в младенце, бессознательно привыкшем повиноваться отцу своему; есть не только покорение своей воли воле сильнейшей, любящей и любимой, но и спокойное, беззаботное незнание своей воли, дающее чистому сердцу младенца тот полный, им еще не достигнутый, но глубоко его проникающий мир, который обращает его свежую жизнь в блаженство и которым так сладостно

для нас воспоминание детских лет наших. Да святится имя Твое — имя Отца, имя небесного Отца. Что значит слово: да святится? Да будет произносимо устами сыновними так, как имя Божие произносимо быть должно, с полным уничтожением всего собственного, с полным ощущением всей святости этого имени и взаимного отношения между Отцом небесным и сыном земным, отношения, которое, с одной стороны, есть благость всемогущая и любовь спасающая и правда высшая, а с другой — полное уничтожение своей воли и признание одной воли всевышней, полное, самоотверженное предание себя и всего в сию волю. Да приидет царствие Твое — да всё живущее и мыслящее совокупно отвергнется себя и да каждая отдельная воля сольется со всеми другими в одно всеобщее повиновение воле верховной. Да будет воля Твоя на земли, яко на небеси — то же самое, но в отношении к каждому человеку отдельно и к земной судьбе его: для нас в этой жизни нет ничего самобытно существенного, ничего такого, что бы могло иметь для нас цену по своему положительному достоинству: все имеет значение только по отношению к Богу; все наши здешние блага, и то, что мы называем ошибочно счастьем, и то, что наша слабость именует бедствием, все есть одно знамение Бога, есть его воля в разных видах, есть явление, происходящее перед нами только для того, чтобы мы имели повод сказать самоотверженным сердцем: да будет воля Твоя[24]. Хлеб наш насущный даждь нам днесь — дай нам в это мгновение то, что нам в это мгновение нужно; не один хлеб, утоляющий голод телесный, но и хлеб, утоляющий голод души: чистые мысли и чувства, спокойствие в присутствии беды и горя, терпение в испытании, память долга в решительную минуту выбора воли, одним словом, самоотвержение, то есть произвольное, во всякую минуту, без малейшего тревожного взгляда за границу этой минуты, в душе пребывающее предание себя в хранящую волю Бога. Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого — то же самое, только в смысле нашей внутренней жизни: там самозабвение относительно всех событий житейских, извне на нас действующих, здесь самоотвержение относительно событий внутренних, то есть действий нашей души, свободной, следственно, подлежащей искушению, но искушению, не Богом посылаемому (понеже Бог не творит зла и не влечет ко злу), а искушению, составляющему необходимое условие нашей свободной воли, которая тогда только теряет свою естественную шаткость, когда вполне, произвольно сливается с волею Бога и в ней исчезает. Но и самая сия произвольность дается ей Богом, все дающим: Он один, молитвою призванный, может отвесть нашу душу от бездны искушения, на краю которой идет дорога нашей земной жизни, и подать ей руку, когда, упадшая в эту бездну, она призовет Его, утопая[25].

О ВНУТРЕННЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

Случайно попалась мне в руки маленькая книжка[1]: Das verborgene Leben mit Christo im Gott (О тайной жизни с Христом в Боге), извлеченная из сочинений Берньера Лувиньи[2]. Я прочитал ее с великим наслаждением и бросил на бумагу несколько мыслей[3], возбужденных ее содержанием. Сообщая читателю эти мысли в том порядке, в котором они мне при чтении приходили в голову[4], нахожу нужным сказать прежде несколько слов о самом Лувиньи. Следующее есть краткая выписка из предисловия к упомянутой книжке[5].

Жан Берньер Лувиньи, французский дворянин древней нормандской фамилии, жил в XVII ст<олетии>. Знаменитость его рода, его добрые свойства, его приятность в обращении с людьми, его ум открыли ему весьма рано дорогу к почестям и к уважению общества. Но в самое то время, когда он быстро преследовал славу земную, был он настигнут на дороге своей Богом: просвещенный благодатью, он отвратился от ненадежного земного счастья и предал себя неразделимо в руки своего Создателя. Он следовал постоянно и без оглядки сему призванию свыше и до своего 57-летнего возраста вел удаленную от мира, святую жизнь. Его сочинения (изданные после его смерти) свидетельствуют о его внутренней жизни пред Богом, о свете и опытности его на дороге внутреннего христианства. Он сам описал свою жизнь; но это сочинение не было напечатано. О внешних его действиях известно только то, что он щедро делился светским добром своим с неимущими светскими братьями и что во всякое время готов был подавать им помощь материальную и духовную. Бог избрал его орудием для привлечения многих на стезю внутренней жизни. Но вообще он любил уединение, чуждался общества людей, особливо людей, отчуждивших себя от Бога, и посещал их по одной только необходимости. Об нем говорили, что он никогда не выходил из кабинета души своей, даже и в обращении с людьми, с которыми нередко должен был принимать участие в делах, требовавших напряжения всех умственных его способностей.

Ученый епископ Гюэ[6], живший в Каэне[7] по соседству с нашим автором, говорит о нем следующее:

> Сложив с себя звание королевского собирателя доходов, он выбрал для житья своего в городе самое уединенное, самое далекое от шума человеческого место; там он имел сообщение с весьма немногими сходными с ним в образе мыслей друзьями. Он вполне посвятил себя служению Богу: благотворил бедным и старался всеми средствами приносить человечеству пользу. Трудно определить, до какой обширности он распространил на земле царство Божие примером добрых дел и постоянством богоугодной своей жизни. Я был его близким соседом, видел своими глазами все его действия, и меня воспламенило сильное желание подражать ему. Но пылкость молодости, обольщения света и суетное честолюбие воспрепятствовали мне покориться Богу, столь благостно меня призывавшему.

Многие из ученых современников Лувиньи свидетельствовали о нем и о сочинениях его с великою похвалою. Аббат Бодран называет его великим[8], на пути внутренней жизни просвещенным служителем Божиим.

Он умер 3 мая 1659 года на 57-м году своей жизни. Смерть его была блаженная, сладостная смерть праведника, спокойный исход души из тела для соединения своего в жизни возвышеннейшей с Богом. Это случилось, когда он совершал свою вечернюю молитву. Он не был болен прежде, не имел никакого болезненного ощущения и в ту минуту, когда начал свою молитву. Его камердинер, видя, что он долее обыкновенного не зовет его к себе, вошел к нему сам и сказал: пора ложиться в постель, ваш час давно прошел. Но добродушный Лувиньи с своею всегдашнею ласковостью попросил его подождать еще несколько времени. Камердинер вышел. Спустя четверть часа он возвращается и видит, что господин его стоит на коленах и молится, — хочет начать с ним говорить, но скоро узнает, что душа его отошла. Так он в одну блаженную минуту перестал умирать и начал жить; телесные узы, которые могли бы еще долго препятствовать ему перейти к Отцу Небесному, были тихо разрешены в сладостном объятии Божием, и плод, созревший для вечности, без потрясения пал в отворенную для принятия его руку Божию.

Но святость жизни не спасла его от сатанинского гонения врагов Христовой церкви; он много претерпел посрамления, презрения и хулы.

Его сочинения были собраны после его смерти[9] большею частию из его писем. Главное содержание их есть внутреннее и внешнее согласование жизни нашей с Иисусом Христом, особенно в любви к бедности, к презрению и к страданию — согласование, производимое посредством тесного с ним соединения, постоянною духовною молитвою, младенческим поведением в присутствии Бога. Он писал от сердца, и слова его проникают прямо в сердце. Книги его были так любимы и так жадно читаемы в то время всеми, что одна из них имела 12 изданий в один год[10] и ее раскуплено было более 30 000 экземпляров. Другое его сочинение имело до двадцати изданий[11]. Можно надеяться, что и в наше время найдутся сердца, доступные такому чтению; те же, для которых оно не будет привлекательно, не должны, по крайней мере, возбранять другим любить его, не должны порочить того, что им самим недоступно.

Блаженна душа, способная глубоко чувствовать, следовательно, способная любить и жертвовать своим любимым предмету любви верховной, способная предаваться ему и быть им преисполнена. Блаженна душа, способная глубоко мыслить и, следовательно, постигать величие Создателя и ничтожность создания, и в сем постижении почерпать смирение. Итог сих двух верховных блаженств мысли и чувства есть уничтожение своей воли пред волею Божиею. Но что, если душа лишена и того и другого блаженства и если в то же время она,

вполне ощущая свою нищету, знает, однако, в чем состоит верховное благо, и, зная это, равномерно знает, что это благо ей недоступно, что тогда? Тогда остается ей одно: принять, как крест, из рук Господних сию ничтожность, сию *внутреннюю,* из нее самой истекающую бедность с таким же смирением, с каким бы она приняла всякое *внешнее,* из воли Божией непосредственно истекающее бедствие, быть верною смирению и любви — без всякого ощущения их блаженства или даже вопреки сему врожденному неощущению. Одного, душа, не позволяй себе: ропота и отрицания. Это бедствие не от Бога. Все прочее есть им даруемый крест. Венец терновый — всё венец, то есть цена и знак победы.

* * *

Уметь во всякое время, во всех обстоятельствах жизни произносить смиренно: *да будет Твоя воля*[12], есть верховная наука жизни. Блажен, кто произносит это слово с глубоко чувствуемым убеждением, что Тот, к Кому он его обращает, соприсутствен, близко, слышит и ответствует. Но и для того, кто не имеет благодати такого чувства, великое утешение, по крайней мере, великая душевная опора, заключается в самом смысле этого слова. Никому не дано постигнуть цели наших земных страданий; но каждый может постигнуть, что они от Бога, который всемогущ, следственно, источник одного только блага. Наше дело только в знании, что все — его воля и есть благо. Понимать ее мы не можем и не должны заботиться о невозможном. Принимать ее без толкования и ропота, с смирением и обожанием — вот наше *единое на потребу*[13]. В чем же бы состояла и покорность, если бы мы могли дать себе отчет в тех причинах, которые определяют ее, и если бы могли постигнуть ясно судьбы неисповедимые? Мы должны покоряться Богу потому, что он Бог; а как покоряться ему, тому научил он сам примером Христа, спасительным его страданием и смирением.

* * *

Мы от того впадаем в сомнения и в неверие, что хотим обнять *всё* и постигнуть *всеобщий порядок*. Тот, кому дано наукою рассмотреть частицу этого порядка, более других подвержен опасности впасть в безверие, ибо он свою частицу принимает за целое, и ею это целое измеряет. Ему труднее других сказать: *да будет Твоя воля*.

* * *

Одно верно: Бог существует; все сотворил и всем управляет; все, что от Него происходит, есть благо, следственно, и все, происходящее с нами, происходя от Бога, должно быть благо, и благо не потому, что мы таким его признаем, а потому что оно от Бога. Следственно — покорность без разбора, умствования и ропота.

* * *

Бог не может посылать человеку страданий только для того, чтоб душа его страдала. Но сколько, однако, таких страданий, которых мы цели понимать не можем! На что в таком случае опереться? На мысль о Боге. Страдание от Него, следовательно, дар Божий — следовательно, благо. «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте»[14].

* * *

Искупление даровало нам возможность постигнуть Бога человеческим образом и снова вступить с Ним в союз первобытный. Без веры во Христа невозможна живая вера в Бога. И философические и все идолопоклоннические религии доказывают только одно: необходимость воплощения. Философическая религия доказывает сию необходимость невозможностью полного убеждения умственного, а религии идолопоклоннические доказывают ее необходимостью образа человеческого божеству, дабы оно было постигаемо нами как присутствующее, нам содействующее, нас любящее и требующее любви нашей.

* * *

Достоинство человека единственно в его смирении пред Богом и в его стремлении к Богу. Такое достоинство может иметь только христианин, понеже он один имеет веру в откровенного Бога. Веры в Бога, созданного нашим умом, мы иметь не можем: эта вера не имеет основания. Там нет веры, где ей должно предшествовать убеждение, основанное на очевидности. Откровение объясняет нам и природу человека, и отношение человека к Богу. Природа человека — свободный божественный дух, облеченный в тело, которым он может властвовать и быть обладаем. Вследствие сей свободы — падение, вследствие падения искупление, вследствие искупления возможность святости и спасение вечное.

* * *

Наше верховное благо состоит в признании воли Божией и в то же время в признании ее неисповедимости. Что бы мы были без этого верховного блага, посреди бесчисленного множества бедствий житейских, тем более ощутительных, чем способнее душа любить и мыслить. Или, не постигая наших бедствий, мы бы приписывали их слепой силе, владычествующей всем созданием и нашею судьбою. В таком случае наше терпение было бы не иное что, как механическая безнадежность в присутствии неизбежного, необходимого бедствия, — надменная сила стоиков или беспечная чувственность эпикурейцев, или просто тупоумие и безжизненная одеревенелость толпы, рабски согбен-

ной под рукою железного фатума[15]; в таком случае самым высоким, самым естественным актом жизни было бы самоубийство. Или мы бы старались постигнуть наши страдания и извлекать из этого ясное понятие о их необходимости, справедливости и всегда добрых их следствиях, наше понятие о Божием Промысле. Такое напрасное усилие ума нашего произвело бы действие совсем противное: оно бы уничтожило нашу доверенность к Промыслу. Наши страдания редко бывают для нас понятны и в причинах своих, и в цели своей, и в своих последствиях. И на этом понятии непонятного должны мы основывать свою доверенность к Промыслу Божию. Не потому должны мы признавать его благим, что понимаем ясно его благость в ее на нас действиях. Мы должны ему покорствовать потому, что он Бог и, следственно, благ, как в ощутительном, ясном для нас добре, которое мы сами называем добром, так и в неощутительном, непонятном для нас добре, которое мы ошибочно называем злом. В такой беспрекословной покорности нет колебания; везде и всегда она для нас одинакова; она не есть плата Богу по таксе, не есть размен нашего смирения на Его милость; она есть смиренная, любящая, покоряющая ум и волю вера, вера, что Он существует и что мы в руке Его, — несказанная, чудно крепящая и успокаивающая душу сила заключается в этой безусловной преданности в Вышнюю Волю, в которой, не стараясь ее постигать, мы видим верховную Благость, верховную мудрость, верховное могущество. Это не стоицизм, хвастливо опирающийся на свою независимую силу и на гордое презрение судьбы, — безотрадный обман нашего самолюбия; это не предание себя во власть необходимости, мертвого, механического предопределения, уничтожающее всякую нравственность, всякое достоинство человеческое; это — верховная свобода, верховное величие. Мы становимся содействователями самого Бога; мы говорим с святым Августином: Бог всегда исполняет мою волю, ибо моя воля есть всегда Его воля[16].

* * *

«Кто имеет Бога, тот легко теряет все ему милое и даже радуется его утрате», — говорит Лувиньи. Это не есть равнодушие; выводить из любви исключительной к Богу равнодушие к земному милому было бы ложною мыслью. Мы не можем любить Бога тою любовью, какою мы любим сокровище земное. Мы можем Его любить как сокровище верховное, как такое сокровище, которое составляет, так сказать, прямое достоинство всего, что есть прекрасного, желанного и достойного любви в нашей жизни. Земное счастье может быть прекрасно и драгоценно только Богом, его дающим; земное страдание теряет свою мрачность потому, что являет нам Бога вблизи как помощника, кладущего руку свою в нашу руку. Итак, из того, что земные блага имеют для нас свое достоинство только Богом, следует, что сии блага должны быть достойны Бога.

Блага, Его недостойные, или пред Ним исчезают, или Его для нас заставляют исчезнуть. От этого всякий предмет нашей любви становится Его достойным, когда эта любовь освящена любовью к Нему; а любовь к Нему не уничтожает в нас нашей земной, достойной Его любви, но только дает ей надлежащую прочность, сделавшись ее основанием и опорою. Таким образом, и предметы нашей любви, опираясь на нашу любовь к Богу, становятся не подверженными утрате: они или в Нем для нас упрочиваются, или Он становится их заменою, и тогда мы, теряя их, только меняем худшее на лучшее. Тратя здоровье, богатство, почести, мы выигрываем терпение; тратя своих милых, мы только их передаем лучшему; за них мы радуемся, за себя плачем, но плачем на груди Отца Небесного, Который, облекая лицо их гробовым покровом, тем самым разоблачает для нас отеческое лицо Свое. В этом нет равнодушия к тому, что нам мило, и любовь к Богу не только не требует такого равнодушия; она производит противное. Любовь к Богу не потому благодетельна, что она мешает нам плакать о наших милых, а потому, что заставляет нас смотреть на нашу скорбь с высшей точки зрения, потому что крики скорби превращает в молитву, именующую и изъясняющую Бога.

Будь чист сердцем, и будет в нем присутствие Бога (блажени чистые сердцем, яко тии Бога узрят); но человеку не дано быть непрестанно в присутствии Божием — душа не снесла бы такого состояния. Как для жизни вообще нужно поддерживать тело (материальную оболочку души) пищею, сном, движением и проч. (действие чисто материальное); так для жизни духовной, для жизни в Боге нужно поддерживать жизнь душевную ее деятельностию посреди окружающего ее создания. Душа, образуемая сею деятельностью, устремленною на материальное, приобретает через то более способности для деятельности духовной; тогда имеет она минуты уединенные с Богом, минуты, проводимые не в мире внешнем с созданиями, а в своем внутреннем святилище с Богом-Создателем. Когда душа вступает в это святилище, тогда оно отовсюду затворяется, и в него она вносит одно чистейшее из внешнего мира: или чистую радость ощущаемого ею присутствия Божия, или чистую сладость праведности, или чистую скорбь покаяния. Там приносит она в жертву все житейское, ощущает всеуничтожающую прелесть божественного, им освящает все земное, и оттуда возвращается она с новым светом во мраке земного на указанное ей место житейской деятельности, которая тогда успешнее совершается в этом жизнедательном свете и посреди которой не только не забываются уединенные беседы в святилище, но усиливается стремление в него возвратиться для утверждения в о л и в добре, для успокоения с е р д ц а в страдании, для решения мучащих у м сомнений, для запасения себя новыми силами на борьбу с житейским, посреди которого в свою очередь собирается потом новый запас сил для возобновления беседы с Богом.

* * *

Что такое присутствие Божие? Что такое соединение души с Богом? На эти вопросы почти так же трудно отвечать, как на вопрос: что такое Бог? Это не есть м ы с л ь — всякая мысль выражается словом внутри души и получает определенный духовный образ: как же втеснить в границы слова Бога и его присутствие? Это не есть ч у в с т в о — в самом нежном чувстве есть нечто материальное, то есть нечто, непосредственно привязывающееся к какому-нибудь ощутительному предмету или из него истекающее. Что же оно такое, если не мысль и не чувство? Я бы сказал: уничтожение того и другого, чистое ощущение своего духовного бытия, вне всякой ограничивающей его мысли, без всякого особенного и его стесняющего чувства, а просто душа в полноте своего бытия, следственно, душа в Боге, ибо Он есть верховное бытие, а душа непосредственно из него истекает. Такое бытие есть синоним смерти, истребляющей в бытии все недуховное. Мы можем иметь только мгновения такого бытия, несовместного с земною жизнию; но сии мгновения суть мгновения вечные, обхватывающие временное и ему дарующие неизменяемую божественность, истребляя в нем мало-помалу все изменяющееся, житейское. Сие состояние, в котором душа чувствует свое чистое бытие или себя в присутствии Бога, может быть постоянным для тех, в которых совершилось полное преобразование. Но и для них безмятежное, постоянное пребывание в Боге не исключает разнообразной деятельности в мире; оно, так сказать, ее объемлет, ее проникает, как воздух, окружающий все создание. Оно возможно только христианину. Что такое искупление? Возвращение человеку утраченного им присутствия Божия. В сие присутствие он может быть введен только Христом. Бог сошел во Христе к человеку, человек только Христом может возвыситься к Богу. А з е с м ь п у т ь.

* * *

Состояние души в присутствии Бога и ее с Ним соединение есть сладчайшее чувство нашего частного бытия, погруженного в божественное, без всякой примеси чувственного, без всякого воспоминания о земном обладании, чувство внутреннего, полного покоя, с сладостным, произвольным смирением, с радостною преданностью, с глубоким ощущением своей безопасности, своей детской зависимости от благостного всемогущества. В этом чувстве нет ничего ни внешнего, предметного (objectif), ибо его предмет не извне на нас действует, ни личного (subjectif), ибо мы сами для себя в нем исчезаем; в нем соединяется и то и другое в какой-то необъяснимой для нас неопределенности, в какой-то неограниченной полноте, ясное, но вместе и непостижимое и невыразимое. Кто испытал подобное, тому, конечно, все иное становится безвкусным и нежеланным, но оно не для всех; души избранные или очищенные могут п р е б ы в а т ь

в этом неизглаголанном состоянии, — но вообще оно есть минутное преображение нашей души, напоминающее о том преображении Спасителя, которое совершилось мгновенно на вершине Фавора для избранных апостолов и разлияло свет свой на всю их жизнь, проводимую у подошвы горы, посреди забот житейских. Иди за Спасителем на вершину горы Фавора, озарись светом Его преображения, но на ней ты остаться не можешь.

* * *

Обращение, соединение с Богом внутри души — само по себе есть чувствование себя в присутствии Божества; сила, глубокость и влияние на нас такого чувствования зависят от большей или меньшей ясности для нас присутствия Божия, от большей или меньшей ясности нашего понятия о самом Боге (не философическом, умственном, из нашей идеи извлеченном Боге, а о Боге откровенном, чрез Христа Спасителя вошедшем в нашу жизнь). Неизглаголанно состояние души, в глубине которой присутствие невидимого Бога так же ощутительно, как присутствие всякого другого видимого предмета; но на такую высоту душа подымается не вдруг, а на крыльях, даруемых благодатью и обученных опытом держать ее на высоте. Иным избранным душам даны рано могучие крылья: на них они могут возлетать высоко (но с высоты падать); они по природе своей блаженствуют в сей божественной высоте. Другие, менее одаренные души, по природе своей без крыльев (но с способностью приобресть их, хотя часто обстоятельства замедляют развитие сей способности и даже ему противодействуют), они медленно тянутся вверх, и там, где другие избранные постигают блаженство обожания и созерцания, где другие веруют и любят, обретая в себе и во всем любимого ими Бога, они только знают Его, как решенную для них проблему, не отрицают, а смиренно покорствуют: в них еще нет ни надежды, ни любви, ни даже веры: в них одно только произвольное неотрицание, и вследствие его безропотная покорность. Все их земное сокровище состоит в слове: есть Бог, знаю и покоряюсь. И один только Бог Своею благодатью может им помочь не пасть под бременем сей произвольной, смиренной, безотрадной покорности, может прикрепить к их бедным плечам могучие крылья Своей благодати.

* * *

Не всем дано быть тем, что был Лувиньи. Отчего сие различие даров? Почему одним дано, у других отнято? Мы не знаем и в том (как и во всем) не должны требовать отчета от дающего. Ибо и самое отнятие, происходящее от Его воли, есть дар. Наш главный долг и в то же время наше главное благо: покорность. И всякому из нас открыта к Нему дорога; но почему одна из сих дорог идет через пышный луг, полный цветов, а другая через мерзлую тундру,

это знает Он — наше дело знать, что у нас под ногами дорога и что она ведет к Нему. С моей тундры я могу видеть тот прекрасный луг, по которому идет Лувиньи, могу даже пользоваться цветами, которые он ко мне перебрасывает, но не властен из тундры моей создать его луг и даже не должен желать перейти на сей луг с указанного мне места; я должен покорно идти и знать, что все дороги наконец сольются у входа в одно общее пристанище, равно для всех, совершивших путь свой, блаженное. Будем же пользоваться цветами луга твоего, избранный Богом Лувиньи, не завидуя твоему избранию, благоговея пред твоим величием, смиренно признавая свое недостоинство. Не испытав никогда вполне того блаженства, которое так часто ощущаешь ты в собеседовании твоей освященной души с Богом и так понятно выражаешь твоим младенческим языком, я бы желал изъяснить словом то, что было тебе так ясно без слов, именно: что такое присутствие Божие и что такое соединение наше с Богом? Мы не можем беседовать с Богом, как мы беседуем с нашими друзьями. Чем мы уединеннее, чем отдельнее от всего внешнего, тем мы к Нему ближе, тем мы, так сказать, внутреннее с Ним; тем опустошеннее душа от всего житейского — но что же тогда в ней? Здесь постигаем все благо и всю истину христианства. В ней Бог, Сам по Себе невообразимый, невыразимый и недоступный; но в ней и Христос Спаситель, в Котором все земное, прекрасное, драгоценное, чистое слилось и божественно преобразилось, дабы недоступный, непостижимый, неизглаголанный Бог вселенной сделался сокровищем, собственностью, ясным предметом любви и собеседником всякой души человеческой отдельно. (Сие присутствие Бога и чувство, наполняющее душу в сем присутствии, можно сравнить с состоянием больного, близ задернутой постели которого сидит его друг (в то же время и его лекарь); страдалец знает об этом, и это знание служит ему отрадою в болезни, которой определенному ходу он беззаботно тогда предается.) Душа наша не снесла бы невместимого в нее Бога: ей не дано ни понимать Его мыслию, ни познавать Его очевидностью, ни выражать Его словом — между Им и ею бездна ее падения. Но в Христе Бог всемирный приближается к человеку братом, отцом, искупителем, наставником, образцом, и все сии имена, не уничтожая Его неизглаголанного, всемирного величия, делают Его человечески приблизимым, и душа, приближаясь к Нему, Его видит, слышит, чувствует, объемлет и любит. Без посредника мысль Божества была бы невыносима для души нашей (и по своей необъятности и по нашему падению). Доказательством служит тому то, что человек, не просвещенный откровением, или создает для себя идола, или впадает в метафизическое безверие. Там он делает себе Бога материально доступным; здесь он Его уничтожает, превращая Его в отвлеченное понятие, никакой самобытности не имеющее: в обоих случаях он бессилен снести истинного Бога без откровения.

* * *

Могли ли бы мы (то есть мы, люди, с нашею человеческою природою) любить Бога, если бы мы были совершенно одиноки и вокруг нас ничто бы не существовало. Мы любим Бога в нашей любви к созданиям Божиим, в любви к добру, в любви к природе, в любви ко всему, что Его достойно, и в ненависти ко всему, что противоречит Ему. Сия любовь, обращающаяся на создание, есть, так сказать, видимый образ нашей любви к Создателю. Без первой последняя здесь существовать не может, как не может человек существовать без соединения тела с душою. Но как тело должно быть подчинено душе, так любовь к созданию должна быть подчинена любви к Создателю; как из бренного союза тела и души на земле — если душа удерживает над телом духовную власть свою — истекает впоследствии одна чистая, высшая жизнь духа в царствии Божием, так из сей любви к созданию, подчиненной любви к Создателю, истекает наконец чистая любовь к Богу — сия святость души, которой еше и в здешней жизни некоторым избранным бывает дано достигнуть.

* * *

«Какое мне дело до создания, когда Создатель со мною и я с Ним», — говорит Лувиньи. В этой мысли, сколь ни высоко ее значение, есть нечто преувеличенное, следовательно, ложное. Мы на земле, в кругу созданий Божиих, на том месте, которое Им Самим нам указано, — следовательно, наше земное дело определено Им Самим; к такому назначению мы не можем и не должны быть равнодушны, ибо именно в том и состоит наша любовь к Создателю, что мы в указанном от Него нам деле видим и любим Его волю, постоянно, заботливо ее исполняем и таким образом в границах создания созреваем для Создателя; и эти границы (из которых, пока длится земная жизнь, мы выходить не должны) стесняют только для того нашу душу, чтобы, так сказать, питать и увеличивать эластическую силу ее стремления высшего. Итак, создание, нас окружающее, нам нужно; только посреди создания могу быть с Создателем и Он со мною.

* * *

Кто скорбит об отсутствии друга, — говорит Лувиньи, — тот еще не узнал вполне, еще не достиг до того света, что Друг Великий всегда с нами. Исключает ли такая скорбь ощущение величия и присутствия Божия? Напротив, она его усиливает и углубляет в душу. Не уничтожение привязанности к созданиям производит в нас полную любовь к Богу, но ее освящение мыслью о Его присутствии и, следственно, любовью к Присутствующему. Совершенное уничтожение такого рода привязанности столь же не нужно и бесполезно, как уничтожение наших телесных чувств, соединяющих нас с внешнею природою и не только не препятствующих, но дающих нашему

внутреннему оку возможность видеть в ней Бога. Что бы в противном случае значила Божия заповедь: *люби своего ближнего, как самого себя*? Но, конечно, перед любовью к Богу и к Богу Христу исчезает всякая любовь к созданию — исчезает, то есть не перестает быть, но становится подчиненною, не главным предметом, а только посредником между нами и главным. И любовью ко Христу всякая земная чистая любовь приобретает высокое свойство, ибо мы тогда любим то, что не в противоречии с святостью главной нашей любви и что, сею главною любовию освященное, приобретает от нее и высшее неизменяемое достоинство.

* * *

Сия живая, нежная, пламенная, благодарная, соединенная со взаимностью любовь к Богу, о которой говорит Лувиньи, возможна только к Богу *откровенному*, к Богу, узнанному нами в Христе Спасителе. Бог философический, на живую нитку сшитый нашим умом из клочков его умственных заключений, есть, так сказать, умственный идол, которому мы поклоняясь, мы поклоняемся сами себе и собственной нашей идее. Эта идея, нами созданная, есть нечто, не могущее иметь с нами никакой взаимности: в существовании этой взаимности не убедится тот, для кого Бог есть одна проблема, заданная умом, но умом неудовлетворительно разрешенная и не основанная ни на какой очевидности. Если некоторые возвышенные души и поклонялись своему метафизическому богу, то это есть только следствие их особенной природы: в них происходит нечто отдельное от умственных заключений, нечто как бы *внутреннее откровение*, которое они принимают независимо от убеждения умственного и даже вопреки ему. Вера в Бога может быть только *откровение*. Бог не есть идея; Он лицо, живой предмет; наша мысль Его изобресть не может. Но мы судим о предметах земных по впечатлениям чувственным, по очевидности; следственно, и о Боге, единственном предмете вне всяких чувственных впечатлений, мы должны также судить по очевидности, по внешнему. Но где очевидность? Где это внешнее? В откровении, то есть в произвольном, от нашего разума не зависящем, явлении самого Создателя душе, им созданной. Откровение есть живая, самобытная очевидность; оно действует на душу без посредничества органов чувственных, соединяющих ее с созданиями внешними. И впечатление, им на душу производимое, есть *вера*, принимаемая не умом, покорствующим необходимой очевидности, которая механически составляет последнее звено его логических выводов, а свободною волею, которая, покорствуя произвольно, принуждает покоряться и разум. Вера есть возвышеннейший акт человеческой воли: в ней соединяются воедино вышняя, ее дарующая благодать и человеческая свобода, принимающая благое даяние свыше; соединение обеих необходимо для произведения веры.

САМООТВЕРЖЕНИЕ ВЛАСТИ

Иоанн Миллер, заключив свою всеобщую историю[1] словами: умеренность, порядок, дал в них великий урок на все времена царям и народам. Две враждебные силы противоборствуют умеренности и порядку: страсть и произвол. Страсть уничтожает возможность умеренности; произвол, дитя страсти, разрушает всякий порядок. Иоанн Миллер, выражая свое правило словами: умеренность, порядок — извлекает его из событий истории; но его можно извлечь и из начала высшего и выразить словом: Божия правда. Главный действователь на сцене человечества есть власть: она учреждает и сохраняет порядок; она же его и расстраивает и губит. В мире христианском самодержавие есть высшая степень власти; она есть последнее звено между человеческою и Божиею властию; по своему непосредственному происхождению от Бога она имеет свойство его неограниченности; по своему переходу от Бога к человеку она должна иметь эту самобытную подчиненность высшей власти; эту необходимую границу, которую Иоанн Миллер выразил в словах: умеренность, порядок, и которая есть не иное что, как Божия правда в ее применении к делам человеческим. Умеренность (оставаясь при выражении великого историка) дает верховной власти ее истинную силу и благотворность; ибо это произвольное держание себя в непреступимых границах, это свободное признание над собою владычества высшего, это вступление, так сказать, с ним в союз наступательный и оборонительный в пользу блага — есть действие самого неограниченного самодержавия, пишущего своеручно самому себе непреложный закон, заимствованный из вечной правды, дабы этот чистый закон был источником всякого законодательства в делах человеческих. И верность этому закону — всегда, везде, во всем — есть твердейшее ограждение самой власти: ибо тогда и закон человеческий становится Божиею правдою: исходя из власти, Божиею правдою проникнутой. Когда он будет вместе с нею исходить из одного и того же источника, тогда он будет обязателен для всех и каждого, как для дающего, так и для приемлющего, непоколебимо обязателен по своей божественной природе, а не по одной силе человеческой, его налагающей и берегущей его страхом наказания. Величественное зрелище представляет власть, сама себя ограничивающая и отымающая у себя всякую возможность преступления, отдав себя на произвол власти всевышней и отказавшись от всякого собственного произвола, который под личиною могущества есть враг и истребитель всякого могущества. Так говорит история, которая, по словам Иоанна Миллера, указывает нам, куда идут цари и народы, когда нет умеренности и порядка. Но благие наставления истории немногим бывают полезны. Историю можно сравнить с кладбищем; на гробницах, которыми усыпано все пространство этого кладбища, вырезаны надгробия неподвижным мертвым для живых проходя-

щих; живые читают их рассеянно, проходят мимо и, оставив усопшим их мирное кладбище, возвращаются в шумную жизнь, забыв о том, что мимоходом прочитали на камнях могильных. Немногим история дает предварительную, теоретическую опытность; весьма немногие извлекают из нее истины вечные, а весьма многие почерпают в ней такие правила, которые, будучи выведены из событий и потому имея наружность практической истины, бывают часто в совершенной противоположности с правдою, то есть с истиною Божиею. Власть неограниченная есть самый высокий и самый опасный дар человеку от Бога. Сама по себе она есть то же, что добро: Бог всемогущ, по тому самому Он и благ. Но человек не Бог; чтобы не упасть под бременем всемогущества, ему надлежит опереться на Бога. Не для единого блага других, но для собственного сохранения он должен своим могуществом ограничить свое могущество: тогда он будет знать и объем своей власти, и путь, с которого не должно ей сбиваться. Он будет мореходец, полновластный господин корабля своего, но покорный следователь указаниям компаса, с которым, обтекая моря, при п о п у т н о м ветре избегнет подводных камней, а в б у р ю спасет и корабль свой, и спутников, и самого себя. Этот компас мореходца есть не иное что, как покорность вечной правде: она одна дает верность и стройность действиям власти, держа в узде страсть, которая все путает и бешено отдает на жертву н а с т о я щ е е будущему, н е о б х о д и м о е желаемому и у с т а н о в л е н н о е причуде.

НЕЧТО О ПРИВИДЕНИЯХ

Верить или не верить привидениям? Прежде нежели отвечать на этот вопрос, надлежит определить, что такое привидение? Я в и д е л, значит: моим открытым глазам, на яву, представился предмет, подлежащий чувству зрения; мне п р и с н и л о с ь, значит: я видел не на яву, с закрытыми глазами, предмет, не подлежащий чувству зрения; мне п р и в и д е л о с ь, значит: я видел на яву, открытами глазами, предмет, не подлежащий чувству зрения. Итак, привидение есть вещественное явление предмета невещественного. Если этот предмет, который нам на минуту видения кажется существенным и от нас отдельным, есть не иное что, как нечто, внутри нас самих происходящее, то он сам по себе не существует: здесь нет еще привидения. Оно бывает тогда, когда перед нами совершается явление существ духовных, нами видимых, но не подлежащих чувству зрения. Итак, в е р и т ь л и п р и в и д е н и я м? значит: верить ли действительности таких существ и их чувственному с нами сообщению? Когда мы спим, действие внешнего на нас прекращается; и видя сон, мы видим без предмета, не употребляя на то органов зрения. Если бы сновидения были не так обыкновенны, если бы иметь их могли весьма немногие, и те весьма редко, то и

сновидения казались бы нам невероятными, ибо в них есть нечто, противоречащее естественному порядку. Бывают сны на яву, которые весьма близко подходят к тому, что мы назвали привидением. Иногда еще глаза не закрылись, еще все окружающие нас предметы нам видимы, а уже сон овладел нами, и уже в сновидении, в которое мы перешли нечувствительно, совершается перед нами что-то, совсем отличное от того состояния, в котором мы были за минуту, что-то странное, всегда более или менее приводящее в ужас; и если мы проснемся, не заметив быстрого нашего перехода от бдения ко сну и наоборот, то легко можем остаться с мыслию, что с нами случилось нечто неестественное. Вот пример: покойный А. М. Дружинин (бывший, кажется, в Москве главным директором училищ)[1] рассказал мне следующий замечательный случай:

Я был (так говорил он) коротко знаком с доктором Берковичем[2]. Однажды (это было зимой) он пригласил меня вместе с г-жею Перец к себе на вечер; мы провели этот вечер весьма весело и особенно весел был сам хозяин. Пробило десять часов; жена Берковича сказала ему: «Поди, посмотри, накрывают ли на стол? Пора ужинать». Дверь из гостиной вела прямо в столовую. Беркович вышел и через минуту возвратился. «Скоро ли?» — спросила жена. Он молча кивнул головою. Я посмотрел на него и увидел, что он был бледен, как полотно; веселость его пропала; во весь остаток вечера он не сказал почти ни слова. Сели за стол, отужинали. Госпожа Перец собралась ехать к себе, и Беркович пошел проводить свою гостью с крыльца. Сажая ее в карету, он попал ногами в снег, который лежал сугробами кругом подъезда (во весь день была жестокая метель); весьма вероятно, что в эту минуту он простудился. На другой день пришли мне сказать, что Беркович в постели и что он зовет меня к себе; я сам хотел его навестить, ибо меня тревожила грустная мрачность, замеченная мною в нем накануне. И вот что он мне отвечал, когда я у него спросил о ее причине: «Мне скоро умереть; я видел своими глазами смерть мою. Когда вчера я вышел из гостиной в столовую, чтобы узнать, скоро ли подадут ужин, я увидел, что стол накрыт, что на столе гроб, окруженный свечами, и что в гробу лежу я сам. Будь уверен, что вы скоро меня похороните». — И действительно, Беркович через короткое время умер.

Весьма вероятно, что в теле его уж был зародыш болезни; простуда развила болезнь, а болезнь, с помощью воображения, испуганного призраком, произвела смерть. Но что же было этот призрак? Сон на яву, видение несущественного образа, такое же, какое бывает, когда сновидением выражается или тревожное состояние души нашей или болезненное расстройство нашего тела. Здесь было не иное что, как сновидение в состоянии бодрствования, происшедшее от той же причины, какая по большей части производит всякое другое сновидение; здесь видение не отделено от видящего, видение без предмета; здесь нет еще привидения в том смысле, в каком мы его определили, хотя и есть в самом событии что-то необычайное, естественному порядку не принадлежащее.

Бывают другого рода видения н а я в у, видения образов, действительно от нас отдельных и кажущихся нам вне нас существующими, самобытными, хотя на самом деле они не могут иметь ни существенности, ни самобытности. К сему роду принадлежит известное видение короля шведского Карла XI[3]. Чтó он видел, то было описано им самим. Этот акт скреплен подписью самого короля и двух или трех находившихся при нем свидетелей. Я читал его в немецком литературном переводе, сделанном по требованию *К. П.*[4] Не имея теперь перед глазами этого перевода, я должен следовать повествованию Проспера Мериме[5], которое во всем главном верно, хотя Мериме, по образу и подобию своих соотечественников, не мог воздержаться, чтобы не украсить простой истины вымыслом некоторых живописных обстоятельств. Расскажу коротко и просто. В то время, когда случилось описываемое здесь происшествие, король Карл XI, знаменитый отец Карла XII[6], жил в старом стокгольмском дворце (новый, ныне существующий и им заложенный, еще не был достроен). Этот дворец имел форму подковы; на конце одного флигеля был кабинет короля, на конце другого, окнами прямо против кабинета королевского, находилась палата государственных штатов. Было поздно; король сидел в своем кабинете перед камином; с ним, по словам Мериме, находился камергер Браге и доктор Баумгартен (в оригинальном акте названы, кажется, другие); король был задумчив и мрачен; встав с места, он начал, не говоря ни слова, ходить взад и вперед по горнице. Вдруг он остановился: он увидел, что в окнах противолежащей палаты был яркий свет; это не могло быть от луны — луна не светила и на небе лежали тучи; это не мог быть пожар — сияние было спокойное и не имело багряности пожарной; нельзя было также подумать, что там какой-нибудь из слуг придворных ходил с факелом — от одного факела не произошло бы такого яркого, повсеместного освещения. «Видите ли? — спросил король своих собеседников. — Что это значит?» Все были изумлены, и никто не мог придумать объяснения видимому. — «Велите позвать кастелана, чтобы он принес и ключ от палаты». Кастелан явился; король пошел с ним вместе через дворец, провожаемый и другими, которые несли свечи. Вступивши в пространную переднюю палату, они увидели, что она вся была обтянута черным сукном; из-под дверей палаты яркою полосою светилось. Король приказал кастелану отворить дверь, но приметя, что он, дрожа от страха, не мог попасть ключом в замочную скважину, взял ключ из его руки и, сказав: «С нами Бог», сам отпер двери. Он смело вошел в палату; за ним все другие. Они увидели, что палата была освещена множеством свеч и что в ней происходил совет государственных штатов. Члены молча сидели вдоль стен на банкетах; все были в трауре. Посреди палаты, кругом стола, покрытого черным сукном, заседали судьи, также одетые в траур; их президент имел перед собою раскрытую книгу. На троне, находившемся прямо против входа, лежал мертвый, покрытый порфирою; близ него был виден юноша, имевший на голове корону и

в руке скипетр; с ним рядом стоял человек зрелых лет, в старинной одежде администраторов шведских; на полу между столом и троном лежала плаха и при ней топор. В ту минуту, когда король вступил в палату, президент ударил рукою по книге; по этому знаку боковая дверь отворилась, из нее вышло несколько человек благородной наружности, в богатых одеждах, но руки их были связаны на спине; за ними следовал палач. Тот, кто между ними казался главным, взглянул на труп, лежавший на троне: из раны трупа брызнула кровь, как будто в обличение убийства, и обличенный смело приблизился к плахе, положил на нее голову, палач взмахнул топор, отрубленная голова запрыгала, и перекатившись через всю палату, остановилась у ног короля: капля крови упала на одну из его туфель. До сей минуты он стоял неподвижно, смотря в безмолвном изумлении на происходившее; но тут он сделал быстро несколько шагов вперед и громко воскликнул, обратясь к тому, кто имел на себе одежду администратора: «Если ты от Бога, говори, а если от другого, исчезни». Тогда послышался голос: «Король Карл! Эта кровь не при тебе… — (тут звуки сделались менее внятны) — еще пять царствований… горе потомству Вазы!»[7] Голос замолчал, и в эту минуту все образы начали, как туман, редеть и делаться прозрачнее; скоро все исчезло, осталась одна пустая палата, темно освещенная свечами, горевшими в руках сопутников Карла.

Король возвратился в свой кабинет; он не мог сомневаться в существенности видения, которого неоспоримым свидетельством была капля крови, запекшаяся на его туфле. Полный еще свежего впечатления, он тут же записал со всеми подробностями то, что видел, скрепил описание своею подписью, с ним вместе подписались и все другие свидетели. Этот акт находится в государственном архиве шведском. Пять царствований прошли, и горе, произнесенное над потомством Вазы, совершилось: потомство Вазы утратило корону Швеции. А казнь убийцы, труп на троне, старый администратор и коронованный юноша прямо указывают на Анкерштрема[8], на застреленного им Густава III, на Карла XIII, бывшего регентом и королем, и на последнего Вазу, Густава Адольфа[9], своим упрямством сверженного с престола, но своим высоким характером достойного лучшей участи*. Неоспоримое свидетельство утверждает действи-

* Вот несколько замечательных подробностей об этом короле: они заимствованы из рукописи, из дневных записок Гакстгаузена[10], известного своею прекрасною книгою о России, книгою, в которой он вернее и беспристрастнее всех иностранцев, и даже лучше большей части русских, оценил наше отечество.

> В последних днях сентября 1832 года, — пишет Гакстгаузен, — приехал я в Ахен; по причине холеры там было весьма мало иностранцев. В трактире Bellevue, в котором мне должно было прожить с неделю, я не встретил ни одного проезжего. Будучи принужден по своим делам сидеть за работою в своей горнице, я не имел никакого обще-

ства и решился познакомиться со своими хозяевами, с которыми проводил по вечерам досужное время. Хозяин был трактирщик и более ничего; хозяйка была необразованная, но честного, старинного обычая женщина, добрая, простодушная, набожная и весьма словоохотливая; старшая дочь их, девушка 15 или 16 лет, хотя и не красавица, была привлекательна своею смышленостью, живостью, ласковою доверчивостью, и притом имела удивительное дарование рассказывать.

В один вечер зашла речь о последнем короле шведском и о его низвержении с трона; тут я узнал от дочери моих хозяев, что он за год перед тем прожил несколько месяцев в их доме. И вот что она мне рассказала:

«Однажды, в вечеру, вошел к нам в двери человек замечательной наружности, довольно бедно одетый, с маленьким чемоданом под мышкою; он попросил, чтобы ему отвели небольшую каморку на двор окнами. В горнице тогда не случилось никого, кроме меня; я указала ему его квартиру. Несмотря на бедность его одежды, я догадалась, что он был человек не простого происхождения. И уходя, я спросила, не прикажет ли он еще чего? Он улыбнулся и отвечал: "Нет, мое дитя, я ничего не приказываю ни тебе, ни другим; но я бы желал попросить тебя, чтобы ты мне принесла немного зелени от обеда ваших слуг, я очень голоден, но ем только то, за что могу заплатить". Я принесла ему зелени. Он спросил, давно ли я служу в доме? Узнав же, что я хозяйская дочь, вскочил в сердцах с своего места и спросил опять: "Ты верно обо мне знаешь?" — "Нет, — отвечала я, — вы не сказали своего имени и еще не дали нам своего паспорта". Тут он отворотился от меня с досадою и сказал: "Поди, я вижу, что и ты за мною шпионствуешь". Когда же отец получил от него паспорт, мы увидели, что гость наш был полковник Густавсон[11], прежний король шведский. Мы хотели отвести ему горницу получше, приносить ему другую пищу, ему служить и проч.; он во всем с большою досадою отказал нам. В первое время он выходил только один раз в день из горницы для прогулки; в горницу же к нему никто не смел войти, когда он там находился; он сам брал свой завтрак, состоявший из стакана молока и булки, и свой обед, который был не иное что, как блюдо зелени на 3 крейцера; всякий раз после обеда он платил за обед и за завтрак; при всем этом никогда не говорил ни слова. Однажды [прожив уже недели две в нашем доме], пришел он по обыкновению за своим обедом; в кухне тогда не случилось никого, кроме меня; к зелени я прибавила кусок битого мяса; увидя это, он сказал мне, чтобы я взяла мясо назад, что он за него заплатить не может. "Никто не требует платы, — отвечала я, — но если вы ничего кроме зелени есть не будете, то ваше здоровье расстроится непременно; не презирайте же того, что вам от доброго сердца предлагают. Это уже было бы слишком гордо". Он улыбнулся и отвечал: "Нет, мое дитя, с тобою гордым я не буду". И с этих пор он позволял мне всякий раз прибавлять кусок мяса к блюду его зелени, но только мне одной; когда в мое отсутствие хотела то же сделать кухарка, он с досадой ей отказывал. Со мною становился он час от часу ласковее. Однажды простудившись, он принужден был не выходить из горницы; я принесла ему его завтрак, потом его обед, он сделался со мною разговорчивее, посадил меня, даже позволил мне, чтобы я пришла к нему после обеда с своею работою часа на два; кончилось тем, что он согласился проводить свои вечера с нами. Когда однако приходил к нам кто посторонний, он удалялся; сначала и присутствие отца моего было ему неприятно. Мне же он рассказывал много о себе, но только все о своей молодости и о своих путешествиях в последние годы; он даже дружески отвечал мне, входил со мною в объяснения, когда я позволяла себе делать замечания на некоторые его странности. Например: я заметила, что из многих писем, которые

тельность сего события, и все, что оно пророчествовало, совершилось; но само по себе оно навсегда останется непостижимым для нашего разума. Здесь нечто, еще не бывшее, принимает задолго до своего события существенный образ, видимый многими; и что же этот образ? Он не дух, пребывавший некогда в живом теле и продолжающий жить и являться, когда явление материальной жизни уже прекратилось. Здесь, напротив, является, видимо, образ чего-то не бывшего, а только возможного; что-то символическое приемлет характер вещественного; это дух происшествия, а не существа отдельного, цельный образ

к нему приходили, он принимал только те, на которых его адрес и особенно его имя Густавсон были написаны правильно; при малейшей неправильности адреса письмо было с досадою отвергнуто. Это привело однажды в затруднение и меня, когда я в его отсутствие приняла письмо, на котором вместо Gustavson стояло Gustawson; я никак не могла уговорить его распечатать это письмо. Когда же я после у него спросила, для чего не принимает он таких писем, которые очевидно были к нему и которых неправильный адрес была просто ошибка, без всякого намерения сделать ему неприятность? Он взял меня ласково за руку и сказал: "Я знаю, моя милая, что ты благоразумна и понятлива; потому и соглашаюсь объяснить тебе, для чего я это делаю. Вот видишь ли: я родился государем, я был королем по праву, данному мне от Бога, а короли с своей стороны имеют право давать каждому имя в его неотъемлемую, вечную собственность. Когда я потерял свою корону, я в последний раз воспользовался моим королевским правом и дал себе имя: это имя есть моя последняя, моя единственная, неотъемлемая собственность; оно сохранится в памяти людей, и кто его у меня отымает или берет из него хотя одну букву, тот делает мне смертельную обиду".

Он не принимал ни от кого ни малейшей услуги; например: сам чистил свое платье и свои сапоги. Когда я спросила, зачем он это делает, он отвечал: "Несколько времени после, как я потерял корону, при мне еще были слуги; но когда мое имущество поуменьшилось, я должен был их отпустить и довольствоваться помощию слуг трактирных. Наконец, я совсем обеднел, и вот что со мною однажды случилось во Франкфурте: я поставил в вечеру сапоги свои перед дверями моей горницы для того, чтобы их вычистил дворник; на другое утро нашел я их невычищенными, тогда как те, которые стояли у дверей моего соседа, были чисты. Тут я в первый раз узнал, что такое человеческое презрение, и с того времени не принимаю и не терплю от людей никакой услуги".

Когда он с нами проводил вечера без посторонних, он был разговорчив и говорил иногда по нескольку часов, сначала в связи, порядочно и ясно, потом путался в словах, и можно было заметить, что в голове его было много странных идей, им преобладавших; во время разговора он обыкновенно ходил взад и вперед по горнице. Иногда бывал он в сильном раздражении, иногда становился до крайности подозрителен и во всем видел злой против себя умысел; например: когда мальчишки играли и шумели перед его окнами, он говорил с великою досадою, что они подосланы правительством его сердить и мучить, что правительство было подкуплено его родными. Напротив, известно, что его родные употребляли все средства с ним сблизиться и ему помогать, но что он с гордостию отвергал всякую их помощь и всякое с ними сближение. Увидя, что мы, прощаясь с ним, плакали, подарил он мне маленькую железную цепочку, на которой носил прежде часы; отдавая ее, он сказал мне: "Прошу тебя это беречь; это последний подарок обедневшего короля"». — *Примеч. к тексту.*

чего-то сборного, никакой личности не имеющего; это воздушная картина, соединяющая в одних рамах портреты, списанные кем-то с лиц, которых еще нет и которые когда-то будут.

Наконец, привидения в собственном смысле, то есть явления духов, явления, в которых существа бестелесные, самобытные, произвольно представляются глазам нашим, при полном действии наших чувственных органов, при полном нашем сознании, что мы действительно видим или слышим то, что у нас совершается перед глазами[12]. Расскажу два случая. Предание говорит, что в XVII веке, в Дюссельдорфе, в герцогском замке совершилось великое преступление. Тогда женою герцога юлих-клеве-бергского, полоумного Иоанна Вильгельма, была Якоба, принцесса баденская[13]. Она имела сердечную привязанность к графу Мандеру, но ее выдали насильно за герцога. По наущению герцоговой сестры, Сибиллы[14], жестоко ненавидевшей Якобу, сия последняя была обвинена в нарушении супружеской верности; ее предали суду, заключили в темницу, но прежде нежели виновность ее [весьма, впрочем, сомнительная] могла быть доказана судом, она вдруг умерла скоропостижно, ее поспешно схоронили. Это произвело подозрение, что смерть ее была неестественная и что виновницею этой смерти была Сибилла. Теперь замок герцогов бергских, сцена этих древних ужасов, обращен в академию живописи; он — столица знаменитой Дюссельдорфской школы[15]; в нем царствует мирный гений искусства. Но предание о давнишнем убийстве, под кровлею его совершившимся, сохранилось в народе — и не одно предание: сама преступница, казнимая гневом небесным, посещает мрачною тенью то место, которое было свидетелем ее злодействия. Одним является она видимо; другие не видят ее, а только слышат; иных каким-нибудь знаком она извещает о своем таинственном присутствии. Вот что, между прочим, случилось с живописцем Бланком[16] (это рассказано мне одним из его академических товарищей). Он сидел за работою в длинной зале, где находится картинная галерея и где обыкновенно бывает выставка живописи; из нее с одной стороны ход на парадное крыльцо, а с другой — двери в меньшую залу академии, составляющую с другими горницами довольно длинную анфиладу. Начинало смеркаться; живописец был занят своею работою, спеша ее закончить до наступления темноты; вдруг он слышит, что двери, ведущие с крыльца в галерею, отворились, и что мимо него кто-то проходит, а кто — не видно. По шороху платья (похожему на шум от атласного шлейфа) — женщина. Она идет через галерею к зале, отворяет ее, идет далее через всю анфиладу, и слышно, как все двери одна за другою отворяются и затворяются, и, наконец, все утихает. Бланк остается в изумлении; предание о бродящей душе Сибиллы приходит ему на память… Но вот, пока он размышляет о том, что случилось, ему слышится, что самая дальняя дверь анфилады снова отворилась и что к следующей двери подходят… В ужасе он бросает свою работу и спешит выйти из гале-

реи дверями, ведущими на крыльцо, дабы не встретиться со страшною гостьей. Это происшествие заставляет думать, что покойная, или беспокойная, Сибилла, посещающая невидимкою прежнее свое жилище, еще не износила и не скинула своего старинного атласного платья, которого шорох извещает живых о страшных прогулках мертвой. В 1841 году, когда я находился в Дюссельдорфе, профессор Зон писал портрет жены моей[17]; каждый день в одиннадцать часов утра я приходил с женою в его рабочую, где сидение для портрета продолжалось около двух часов. Коридор, из которого ведет дверь в эту рабочую, находится в верхнем этаже академии; к нему из нижнего этажа, от парадного крыльца также идет коридор, упирающийся в узкую, довольно крутую лестницу, соединяющую средний этаж с верхним; эта лестница примыкает вверху к небольшой площадке, мимо которой надобно проходить к рабочим многих живописцев и которая составляет в верхнем коридоре пустое отделение, не имеющее никакого выхода. Однажды, идя в определенное время с женою к живописцу Зону, мы всходили по узкой лестнице: я впереди, жена за мною. Вдруг, став ногою на последнюю ступень, я увидел, что от меня что-то черное бросилось вправо и быстро исчезло в углу описанной мною выше площадки; какой оно имело образ, не знаю: перед глазами моими мелькнула черная полоса. «Что это?» — спросили мы разом, я у жены, а жена у меня. Ответа не могло быть никакого. Но жена не только что видела, она в то же время и слышала, и это обстоятельство для нее осталось особенно памятно тем, что, подошедши к лестнице и желая мне что-то сказать, она оглянулась, дабы узнать, не было ли кого в нижнем коридоре; там было пусто. Когда же она, всходя за мною по лестнице, хотела начать говорить, ей послышалось, что кто-то за нею шел и так близко, что она боялась оборотить голову, дабы лицом своим не столкнуться с лицом неучтивого своего спутника, и почти чувствовала, как нога его поспешно занимала место ее ноги при каждом ее шаге; в то же время ей слышался явственно как будто шорох от шелкового платья. На верхней ступени лестницы она вместе со мною увидела черную полосу, мелькнувшую мимо нас на площадку; когда же оглянулась, за нею не шел никто, в коридоре было по-прежнему пусто. Здесь рассказаны со всею историческою верностью одни подробности того, что с нами случилось — а что случилось, мы не знаем. Опираясь на предание, о котором тогда только в первый раз услышал я от профессора Зона, можно бы было подумать, что дух Сибиллы удостоил нас своего внимания и хотел на себя обратить наше; но в подобных случаях всего вернее не делать никаких объяснений. — Другой случай. Вот что рассказывал мне о себе покойный Н. Н. Муравьев[18], человек необыкновенного ума, просвещенный и немало не суеверный.

«Я учился в Геттингене, — так говорил мне Муравьев (не помню только, геттингенский ли университет был им назван, или другой), — между студентами был англичанин Стюарт, смешной чудак, над которым его товарищи, и я с дру-

гими, нередко шутили. Однажды он похвастал, что его нельзя ничем испугать; я побился с ним об заклад, что его испугаю, и это мне удалось; самолюбие Стюарта было сильно обижено, и он обещался мне отплатить. Прошло с тех пор довольно времени; Стюарт покинул университет, — я забыл о случившемся. Однажды, после трудной работы над разрешением математической проблемы, я лег довольно поздно в постель; что воображение мое не было ничем разгорячено, тому свидетель моя сухая, отрезвляющая ум работа. Было за полночь, когда я кончил ее; полная луна сияла в мои окна; в горнице был яркий свет. Против моей постели у противоположной стены находился мой рабочий стол и перед ним большие кресла; в стене, направо от стола, против окон была дверь, которую, ложась в постель, я запер ключом изнутри; в одном углу стояла моя сабля. Я скоро заснул, но спал недолго; как будто кем пробужденный, поднимаю голову, и что же вижу?.. В моих креслах, перед столом моим, сидит человеческая фигура и пристально на меня смотрит. Мне тотчас в мысли пришел Стюарт и обещанное им мщение. "Это ты, Стюарт, — закричал я; — ничуть не страшно: напрасно трудился, шутка твоя не удалась". Но мнимый Стюарт сидел неподвижно, уставив на меня темные глаза свои. Я сказал: "Довольно, Стюарт, поди вон, я хочу спать". Он не дал ответа и продолжал сидеть по-прежнему. Я рассердился. "Говорят тебе, поди вон, не мешай мне", — сказал я. Он все ни слова и все неподвижен по-прежнему. "Стюарт, я не шучу; в последний раз говорю тебе, поди вон, будет плохо!" Так закричал я, чувствуя, к великой досаде своей, что меня от ужаса подирало по коже. Но гость мой продолжал по-прежнему пристально смотреть на меня и сидел недвижно, как мраморный. Тут в судорожном страхе я вскочил с постели, схватил свою саблю, кинулся на сидевшего и дал ему сильный удар: сабля пролетела сквозь туловище его, как будто сквозь воздух; он не пошатнулся и продолжал смотреть на меня по-прежнему. В неописанном ужасе я начал от него пятиться к моей постели, сел на нее, оперся на свою саблю и, как будто околдованный сверхъестественною силою, просидел всю ночь перед своим страшным гостем, который недвижим, как холодная смерть, упирал в меня темные глаза свои и буровил ими всю мою душу. Занялось утро; он встал, медленными шагами пошел к дверям и исчез — отворил ли их или нет, не помню; очнувшись, я подхожу к ним: они заперты изнутри. Что это было, и теперь не знаю; о Стюарте же ни прежде, ни после я не имел никакого слуха».

К сему роду явлений относится в особенности наш вопрос: верить или не верить привидениям? Множество событий, достаточно засвидетельствованных, побуждают нас отвечать утвердительно; с другой стороны, невероятность самих событий, выходящих из обыкновенного порядка вещей, склоняют нас к отрицанию. Что же выбрать? Ни то, ни другое. Хотя весьма многие доказательства в пользу действительности привидений имеют такую же силу, какую имеют и все другие доказательства исторические, на основании которых мы

признаем за истину происшествия, совершившиеся за многие века прежде нас; хотя нет причины принимать за невозможное то, чего мы вполне изъяснить не можем, и за несуществующее то, что не подлежит нашим чувствам, сии явления все останутся для нас навсегда между да и нет. В этой невозможности приобресть насчет их убеждение выражается для нас закон самого Создателя, который, поместив нас на земле, дабы мы к здешнему, а не к другому какому порядку принадлежали, отделил нас от иного мира таинственною завесою. Эта завеса непроницаема; она порою сама перед нами приподымается, дабы мы знали, что за нею не пусто; но нашею силою никогда быть раздернута не может. «Если бы хотя одно явление духа, — говорит Р.(ейтерн), — могло быть доказано так убедительно, что оно для всего света без изъятия сделалось бы несомненно, то вера в бессмертие души преобратилась бы для всех в очевидность». Это правда; но сей-то очевидности нам и иметь не должно. Мир духовный есть таинственный мир веры; очевидность принадлежит миру материальному: она есть достояние здешней жизни, заключенной в пределах пространства и времени; наше верховное сокровище — знание, что Бог существует и что душа бессмертна, отдано на сохранение не мелкому рабу необходимости, уму, а вере, которая есть высшее выражение человеческой свободы. Эти явления духов, непостижимые рассудку нашему, строящему свои доказательства и извлекающему свои умственные выводы из материального, суть, так сказать, лучи света, иногда проникающие сквозь завесу, которою мы отделены от духовного мира; они будят душу посреди ленивого покоя земной очевидности, они обещают ей нечто высшее, но его не дают ей, дабы не произвести в ней раздора с тем, что ей дано здесь и чем она здесь должна быть ограничена и определена в своих действиях. Вот причина, почему и всякое явление духа производит в нас чувство ужаса, непохожего ни на какой земной ужас. По-настоящему всякое такое явление должно бы нас радовать, как явление друга из земли дальней, как весть желанная — напротив, при нем мы чувствуем себя в присутствии чего-то, нам чужого, с нами разнородного, нам недоступного, имеющего для души нашей такой же холод, какой имеет мертвый труп для нашего осязания. Это взгляд в глубину бездонного, где нет жизни, где ничто не имеет образа, где все неприкосновенно — такой ужас не есть ли явный знак, что принадлежащее иному миру должно быть нам недоступно, пока мы сами принадлежим здешнему, и что оно может быть нашим по одной только вере? Итак, не отрицая ни существования духов, ни возможности их сообщения с нами, не будем преследовать их тайны своими умствованиями, вредными, часто гибельными для нашего разума; будем с смиренною верою стоять перед опущенною завесою, будем радоваться ее трепетанием, убеждающим нас, что за нею есть жизнь, но не дерзнем и желать ее губительного расторжения: оно было для нас вероубийством.

В заключение скажем о некоторых особенного рода видениях, которые составляют средину между обыкновенными сновидениями (то есть призраками, от нас неотдельными и не имеющими никакой самобытности) и настоящими привидениями (то есть призраками самобытными и от нас отдельными). Сии видения бывают двоякого рода: в одних наше близкое будущее или то, что уже свершилось то есть наше, еще нам неведомое, настоящее), предварительно сказывается душе нашей: сей бессловесный разговор чего-то с нашею душою мы называем предчувствием, в котором, как будто прежде самого события, подходит к нам его тень, чтобы нам предвозвестить его приближение и нас приготовить к его принятию. В других или совершается непосредственное сообщение душ, разрозненных пространством, соединенное с видимым образом, действующим на наши чувственные органы, или самой душе является нечто, из глубины ее непосредственно исходящее. Первые из сих видений суть просто предчувствия, как сказано выше; последние особенно принадлежат минуте смертной, минуте, в которую душа, готовая покинуть здешний мир и стоящая на пороге иного мира, полуотрешенная от тела, уже не зависит от пространства и места и действует непосредственнее, сливая там и здесь воедино. Иногда уходящая душа, в исполнение данного обета, возвещает свое отбытие каким-нибудь видимым знаком — здесь выражается только весть о смерти; иногда бесплотный образ милого нам человека неожиданно является перед глазами, и это явление, всегда современное минуте смертной, есть как будто последний взгляд прощальный, последний знак любви в пределах здешнего мира на свидание в жизни вечной, иногда, наконец, в вашей душе совершается нечто необычное, которое не что иное, как сама олицетворяющаяся перед нами наша смерть. О таких событиях, выходящих из обыкновенного порядка и для нас неизъяснимых, есть много рассказов, не подверженных никакому сомнению; мы ограничимся здесь описанием двух случаев. Первый из них я расскажу в двух словах: он не требует никаких объяснений. За истину повествования ручаюсь. В Москве одна грустная мать сидела ночью над колыбелью своего больного сына: все ее внимание обращено было на страждущего младенца, и все, что не он, было в такую минуту далеко от ее сердца. Вдруг она видит, что в дверях ее горницы стоит ее родственница М.[19] (которая в это время находилась в Лифляндии и не могла от беременности предпринять путешествие); явление было так живо, что оно победило страдание матери. «Ах, М., это ты?» — закричала она, кинувшись навстречу нежданной посетительнице. Но ее уже не было. В эту самую ночь, в этот самый час М. умерла родами в Дерпте.

Вот другой случай, он имеет глубокое психологическое значение, я должен рассказать его со всеми подробностями. Во Франкфурте-на-Майне, в смутное время первой революционной войны, все вооружалось на отражение приближающейся французской армии. Некто Гофман, молодой человек, недавно об-

рученный с Марианною Р., которую нежно любил и которая всею душою была к нему привязана, схватил, как и другие, ружье и саблю, чтобы идти на защиту города — он упал мертвый от первого неприятельского выстрела. Неожиданная весть об этом странным образом поразила невесту: услышав, что жених убит, Марианна побледнела, но она не заплакала, и никакая жалоба не сошла с языка ее; в ней в мгновение исчезла память, духовная жизнь ее вдруг остановилась, одна телесная жизнь осталась неприкосновенною. С этой поры все окружающее действовало на нее, так сказать, мимоходом, не производя в ней ни радостного, ни горестного участия; одни настоящие, материальные нужды были ей ощутительны; но все прошедшее, все былое в жизни вдруг задернулось покрывалом; о будущем же и самое понятие пропало: она не ждала ничего, и это н е о ж и д а н и е было не следствие отчаянного горя, а просто неспособность желать, паралич, внезапно обхвативший душу, которая в ней сохранилась только для того, чтобы механически служить живому телу, как служит пружина автомату, имеющему все признаки существа живого. Состояние Марианны Р. не могло быть названо сумасшествием: в ней не было ничего расстроенного, она была тиха, смиренна, никого ничем не тревожила, но ни в ком и ни в чем не принимала участия и жила в кругу людей, как будто не примечая, что она с ними; и все, знавшие грустную причину случившейся с нею перемены, оказывали ей нежное внимание, заботились о ней, как о беспомощном, осиротевшем ребенке. Так провела Марианна более тридцати лет; в последние годы особенно привязалась она к молодой дочери хозяина того дома, в котором жила. Луиза Д. (так называлась эта девушка) навещала ее часто, и ей одной оказывала Марианна что-то похожее на дружбу. Вдруг Луиза начала примечать какую-то необыкновенную живость в Марианне, дотоль тихой и ни на что не обращавшей внимания; казалось, что ее беспрестанно тревожила какая-то мысль, для нее самой непонятная, можно было также подумать, что в ее теле работала болезнь. Со дня на день сия тревога становилась сильнее и постояннее. Однажды, когда Луиза, по обыкновению своему, принесла обед Марианне, последняя сказала ей с таинственным видом: «Знаешь ли что, Луиза?.. Он написал ко мне… Он ко мне будет…» — «Кто он?» — спросила Луиза. — «Он… он…» — отвечала та, потирая лоб и напрасно стараясь вспомнить. — «Ты знаешь… он… я жду его…» Более она не могла сказать ничего. «Я жду … он будет … он писал ко мне», — эти слова она повторила с видимым волнением; воспоминание теснилось в ее душу, но душа еще была затворена для него. Дня через три Марианна сказала Луизе: «Приходи ко мне завтра… я жду его… он будет у меня завтракать». И когда на другой день Луиза пришла, она увидела, что Марианна сидела в своем праздничном платье за накрытым столиком, глаза ее были ярки, щеки горели, она смотрела быстро на двери. Вдруг, подав знак рукою Луизе, чтобы молчала и не шевелилась, она сказала ей шепотом: «Слушай… слушай… он идет…» Вдруг

глаза ее вспыхнули, руки стремительно протянулись к дверям, она вскрикнула громко: «Гофман!» — и упала мертвая на пол.

Главные обстоятельства этого замечательного события рассказаны мне почти очевидцем. Оно есть один из тех случаев, в которые нам удается проникнуть взглядом за таинственную завесу, отделяющую нас от мира духовного. В ту минуту, когда эта нежная, любящая душа так неожиданно потеряла все, что было ее истинною жизнью, она как будто оторвалась от всего житейского; но разрыв ее с телом не совершился: она осталась еще, так сказать, по одному механическому сцеплению, принадлежностию жизни телесной, но все, что в ней принадлежало жизни духовной и чего главною стихиею была эта любовь, ею вполне обладавшая, вдруг с утратою предмета любви оцепенело. И пока телесная жизнь была полна, пока в составе тела не было никакого расстройства, до тех пор эта скованная, совершенно подвластная телу душа ни в чем себя не проявляла; она была узником, невидимо обитавшим в темнице тела, с одним темным самоощущением, без всякого самопознания. Вдруг начинается процесс разрушения материальной власти тела. С развитием болезни и с постепенным приближением смерти мало-помалу совершается освобождение души, в ней оживает память прошедшего, сперва смутно, потом яснее, яснее… «О н б у д е т… я ж д у е г о… о н к о м н е п и с а л…» — все еще это одни слова с к в о з ь с о н, но слова, означающие близкое пробуждение жизни… и вдруг в последнем слове, в произнесении имени, в узнании образа, давно забытого, полное воскресение жизни и с ним конечное отрешение души от тела — смерть. Что же такое смерть? Свобода, положительная свобода, свобода души: ее полное самоузнание с сохранением всего, что ей дала временная жизнь и что ее здесь довершило для жизни вечной, с о т п а д е н и е м от нее всего, что не принадлежит ее существу, что было одним переходным, для нее испытательным и образовательным, но по своей натуре ничтожным, здешним ее достоянием.

ЧТО БУДЕТ?

Писано в генваре 1848

Мы живем на кратере вулкана, который недавно пылал, утих и теперь снова готовится к извержению. Еще первая лава его не застыла, а уже в недрах его клокочет новая, и гром вылетающих из бездны его камней возвещает, что она скоро разольется[1]. Одна революция кончилась, другая вступает в ее колеины, и замечательно то, что последняя[2] в ходе своем наблюдает тот же порядок, какой наблюдала первая, несмотря на различие их характеров. И та и другая сходны в первых своих проявлениях; и теперь, как и тогда, начинают с потрясения главной основы порядка: с религии. Но теперь действуют уже смелее и шире. Тогда

стороною нападали на веру[3], проповедуя терпимость, теперь нападают прямо на всякую веру и нагло проповедуют безбожие; тогда подкапывали втайне христианство, по-видимому, вооружаясь против злоупотреблений церковной власти, теперь вопиют с кровель, что и христианство, и церковь, и власть церковная, и всякая власть не иное что, как злоупотребление. Какая цель теперешних реформаторов — я говорю о тех, которые *искренне* желают лучшего, искренно веруют в действительность и благотворность своих умозрений — какая цель теперешних реформаторов, вступающих в тот же путь, которым шли их предшественники (а куда привел этот путь, мы видели с содроганием, и знаем, что желанное лучшее на нем нигде не встретилось); какая цель теперешних реформаторов? Этого и сами они ясно не видят. Весьма вероятно, что многие из них сами себя обманывают и, идя вперед с знаменами, на которых сияют слова нашего века: вперед, свобода, развитие, человечество, сами уверены, что путь их ведет прямо в обетованную землю. И, может быть, суждено им, как и многим из их предшественников, содрогнуться на краю или на дне той бездны, которая скоро под их ногами разверзнется[4]. Позади сих проповедников образования и движения[5], действующих открыто, действуют потаенно, по их указаниям, другие, уже не ослепленные, с целию практическою, которую ясно пред собою видят: для них дело идет уже не о преобразовании политическом, не о разрушении привилегий и вековых созданий исторических (это уже совершено первою революциею), а просто об уничтожении различия между твой и мой, или, правильнее сказать, о превращении твоего в мое. Аристократия уступила среднему состоянию, говорят новейшие историки[6], среднее состояние должно уступить народу. Что же этот народ, если исключить из массы его класс привилегированный и класс средний?[7] Толпа пролетариев, которым нужно иметь чужое, дабы иметь что-нибудь свое. И уже провозглашено во услышание всем великое правило практических преобразователей[8], извлеченное из доктрин новейшей философии и весьма понятное их неученым адептам[9]: *собственность есть кража*[10].

Заметим, что характер эпохи, приготовившей и произведшей французскую революцию, которая, как было кем-то сказано, должна обойти весь свет, состоял в том, что скептицизм был в особенности умничаньем высшего общества; он властвовал и в среднем классе, но еще не проникал в низший. Напротив, ныне перевес веры на стороне высшего класса; средний и низший, зараженные буйством века, восстают против всякого авторитета, умствуют, отрицают. Правда, в наше время громче, нежели когда-нибудь, раздается голос меньшинства верных, наиболее просвещенных наукою и деятельно ратующих за все святое. Зато повсеместное, губительное разрушение произведено доктринами разврата в народе необразованном, в толпе работающих и бедных, где царствует нужда, огорчающая душу, где живут только для того, чтобы не уронить с плеч тяже-

лого бремени жизни, где завистливо смотрят с голого, бесплодного берега на море наслаждений, в котором роскошно купаются избранники счастья[11], туда голос искушения[12], проповедующий ненависть, хищничество, отвержение всякой власти и всякого долга, волю страстей и отрицание Божия Промысла, проникает с быстротою смертельной чумы, и тем быстрее, что все предохранительные и целительные средства против заразы наперед уничтожены и что бессмыслие невежества с жадностию принимает учение, столь благоприятное страстям и потворствующее раздражению, производимому бедами житейскими, против которых ничто уже не дает душе ни твердости, ни смирения. Это всеобщее отвержение всякой святыни называется теперь свободою, движением вперед, торжеством человечества, освобождением разума. И что бы была Европа, когда бы в 1847 году повторился 1846 год с его повсеместным голодом?[13] Какой бы набат загремел повсюду и какая бы толпа зверей, столь долго дразнимых за решетками их клеток, вдруг вырвалась на свободу, сокрушив свои заклепы удвоенною в общем бедствии силою… и что бы произвела эта свобода, это движение вперед, это ниспровержение всякой власти, это неограниченное самодержавие народа?..[14]

ПИСЬМО РУССКОГО ИЗ ФРАНКФУРТА

Коммунизм поднял свою голову, или, лучше сказать, свои тысячи голов, которые в виде коммунистических клубов зияют и ревут по всей Франции. А что они ревут? *Твое теперь мое.* Это текст их всех проповедей. Что из этого будет? Отрезвит ли это Германию? И надеяться невозможно! Опьянение слишком сильное и всеобщее, возмутители всюду и на всех пунктах, и тайно и явно действующие, не дают образумиться; книгопечатание действует свободно; везде и в Германии начнутся клубы, а власть хранительная и обуздательная парализирована. Германия падает.

С благоговением смотрю теперь на нашу Россию. На своем неприступном для *внешнего* врага востоке возвышается она теперь над взволнованною Европою, как ковчег, хранящий в себе зародыш нового мира, над волнами потопа, поглотившего прежний. Помоги Бог ее царственному кормщику провести ее посреди этой бездны, не поддавшись ее волнам. В Германии теперь все кричат: прочь от России; нам не нужен союз ее, он нам противен; мы своими силами сладим с грозящею нам Франциею. На этот крик ответа не нужно. С тою Германиею, которая рождается из теперешнего хаоса, у России союза быть не может; он России не нужен. Россия сильна у себя и будет вдвое сильнее, когда все свое могущество устремит на свою внутренность, отгородив китайскою стеною себя от заразы внешней. К нам никто не придет, помня урок, данный Наполеону;

мы не будем побеждены вне границ наших, ибо не выйдем из них для завоеваний; завоевания нам не только не нужны, но и вредны. Все, что необходимо для нашей самобытности, могучей и отовсюду неприкосновенной, все у нас есть. Наши завоевания никогда не были чисто-завоевательными, а только образовательными приобретениями. Все попытки на всемирную монархию, начиная с Карла Великого до Наполеона, выходили от Запада. Властолюбие не есть характер России. Теперешние происшествия более нежели когда-нибудь указывают ей на ее судьбу и на ее будущее великое назначение. Самодержавие неограниченное, отеческое самодержавие, хранящее Божию правду, исполняющее ее для всех и каждого, берегущее все законное, все на что дано от Богу неотъемлемое право всем и каждому, самодержавие, некогда создавшее, а теперь хранящее и одно могущее сохранить сильную самобытность русского царства; им одним и во дни всемирных бедствий сохранится наше великое отечество. Мы стоим от всего в стороне, стоим твердо; мы можем обойтись без Европы; мы не будем отброшены, как они кричат, в Азию; мы – христиане; мы заняли образование у Европы и употребим его по своему и для себя; мы можем не быть принадлежностью Европы. Мы будем ни Азия, ни Европа, мы будем Россия, самобытная, могучая Россия, не бот, прицепленный к кораблю европейскому, а крепкий русский корабль первого ранга, отдельно от других, под своим флагом плывущий путем своим. Так мне это сдается. Сохрани Бог русскому кораблю его великого кормщика и вложи силу свою в руку его наследника.

ПИСЬМО К КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ О ЕГО СТИХОТВОРЕНИИ «СВЯТАЯ РУСЬ»[1]

23 июля / 5 августа.
Кронталь, близ Содена[2]

Благодарствую, мой милый Вяземский, за твое коротенькое письмо[3] и за донесение о том, что у вас теперь происходит; это несколько за вас успокоило, хотя холерная туча все еще стоит над вашею головою[4]. Но мне на вас почти завидно, вы окружены бедою, которая, выходя из Руки Всемогущей, выходя из природы, неповинной в том зле, которое из нее истекает, вселяет один только *ужас*; вы *дома*, вы страждете в *своей семье*. А я на *чуже*, и вокруг меня свирепствует беда, производящая не один благоговейный ужас пред Властию Верховной, но и негодование против безумия и разврата человеческого. Как бы я был счастлив, если бы уже *теперь* был дома[5]; пускай бы там холера *нашла* меня; но *самому* искать холеры, вместе с женою и детьми, везти свою семью ей навстречу и, может быть, ей на жертву[6], на такую ответственность не могу и не должен решиться[7].

Между тем, на беду мою, надобно еще слышать и слушать[8] вой этого всемирного вихря, составленного из разных, бесчисленных криков человеческого безумия, вихря, который грозит все поставить вверх дном. Какой тифус взбесил все народы и какой паралич сбил с ног все правительства! Никакой человеческий ум не мог бы признать *возможным* того, что случилось и что в несколько дней, с такою демоническою, необоримою силою, опрокинуло созданное веками. Можно было слышать, и давно, давно это было слышно, что в глубине кратера[9], таившегося под слоями многих поколений, шевелилась скопляющаяся лава; и покой правительств, которые лениво и упрямо спали на краю этого кратера, есть гибельная неосторожность, вполне заслуживающая имя преступления. Но подобного извержения лавы придумать было невозможно. Шумом упадшего французского трона пробуждается несколько крикунов в маленькой области Германского царства[10]; несколько профессоров, адвокатов, лекарей и марателей бумаги, никем не призванных, никем не уполномоченных, предводительствуя маленькою дружиною дерзких журналистов, выходят в бой противу всех законных государей, окруженных сильною армиею, и все они разом, без боя, кладут оружие и принимают безусловно те бессмысленные законы, которыми в чаду своей силы (не действительной, а созданной внезапным страхом их противников), наскоро, без всякой умеренности, без малейшего признания права и правды, толпа анархистов уничтожает всякий авторитет и всякую возможность порядка. Теперь начинается что-то похожее на противудействие — но трудно поверить его успеху. Слишком, слишком много разрушено.

Вяземский! как тронули меня, при виде всего этого, столь болезненного и отвратительного, твои стихи[11]: я не мог читать их без слез и не могу иначе перечитывать…[12]

Твои стихи не поэзия, а чистая правда. Но что же поэзия, как не чистая, высшая правда? Твои стихи *правда* потому, что в них просто, верно, без всякой натяжки выражается то, что глубоко живет в душе, не подлежит произвольному умствованию, не требует никаких доказательств разума[13], что живет в душе вопреки всем софизмам отрицания, вопреки даже самим противоречащим фактам, живет, как всякая Божия истина, не из ума человеческого исходящая, потому именно гордостию его отвергаемая, что она *вне* его существует, потому именно и не отрицаемая, что не принадлежит к области очевидности и не подвластна механической силе логических доказательств. Твои стихи, поэтический крик души, производят очаровательное действие в присутствии чудовищных происшествий нашего времени. *Святая Русь!* — Какое глубокое значение[14] получает это слово теперь, когда видим, как все кругом нас валится единственно оттого, что оторвался от него этот *общий знаменатель*, к которому нельзя уже теперь привести этих мелких, разнородных дробей, ничего целого не составляющих. *Святое* утрачено; крепкий цемент, соединявший так

твердо камни векового здания, по плану Промысла построенного, исчез, малопомалу уничтоженный едкою деятельностию ума человеческого. Что воздвигнется и может ли что воздвигнуться на этой груде развалин — мы знать и предвидеть не можем. Между тем наша звезда, *Святая Русь,* сияет высоко, сияет в стороне! Да сохранит ее Бог[15] от затмения собственного и от насильственного увлечения в вихорь соседних звезд, готовых разрушиться. *Святая Русь* — это слово ровесник христианской России. Оно дано ей, как говорят твои стихи, при ее крестинах и никогда не потеряет своего глубокого смысла, хотя и вошло в разряд *обыкновенностей* (lieux communs). Скажу мимоходом, что я выше всего ставлю эти так называемые *обыкновенности*: они в языке и в жизни то же, что воздух, невидимо нас окружающий, без которого ни дышать, ни жить невозможно. То, что вошло в *обыкновенность*, принято всеми, для всех неотрицаемо; оно потеряло свою новость от своей давности, но по тому самому и есть всеобщая необходимая истина. Оно приобретает вдруг характер какого-то откровения, чудно выражающего истину верховную — когда ему противуположится нечто, эту верховную истину отрицающее. Так и здесь: *Святая Русь* — как часто и давно это слово повторяется, как мы к нему привыкли, как многие употребляют его даже в ироническом смысле — но сказанное *теперь* (в противуположность тому, что в наших глазах повсеместно творится), не изумляет ли оно своею новостию и своею истиною? Не выражает ли оно для нас с новою убедительностию, одним звуком всего, что в течение веков сделалось нашею верою, любовию и надеждою?[16] Не яснее ли означается в нем[17] этот особенный *союз* наш с Богом, вследствие которого от наших праотцев перешло к нам и чудное имя его *Русской Бог*[18] (не *Российский Бог*, как оканчивает своего Димитрия Донского Озеров[19]). *Русской Бог, Святая Русь*, подобных наименований Бога и отечества, кажется, ни один европейский народ не имеет. В выражении *Святая Русь* — отзывается вся наша особенная история; это имя Россия ведет от Крещатика; но свое глубокое значение оно приобрело со времен раздробления на уделы, когда над *разными* подчиненными князьями был *один* главный, великий, когда при великом княжестве было множество малых, от него зависимых, и когда это все соединялось в одно, не в *Россию*, а в *Русь*, то есть не в государство, а в семейство, где у всех были одна отчизна, одна вера, один язык, одинакие воспоминания и предания; вот отчего и в самых кровавых междоусобиях, когда еще не было *России*, когда удельные князья беспрестанно дрались между собою за ее области, для всех была одна, живая, нераздельная *Святая Русь*. Все вместе стояли за нее против нашествия и грабительства врагов неверных. Особенную же силу этому слову дали печальные времена Мамая: тогда оно сделалось для нас соединительным, отечественным боевым криком[20]; им утешала нас наша церковь, его произносили князья наши, неся в Орду свою голову за отечество, оно гремело на Кулико-

вом поле; оно должно было получить удивительный смысл на устах великого Иоанна III, уничтожившего рабство татарское и вдруг явившегося самодержавным обладателем *всея России*[21]. С того времени Россия стала государством, особенным достоянием царя, а Святая Русь осталась преданием, совокупным сокровищем царя и народа. *Там* наше могущество, наши многообъемлющие грани, наше государственное достоинство; *здесь* наша память о жизни праотцов, наша народная внутренняя жизнь, наша вера, наш язык, все, что собственно *наше русское*, что никому, кроме нас, принадлежать не может, что нигде, кроме Русской земли, не встретится, чего никто, кроме русского человека, и понять не может. *Россия* принадлежит к составу государств Европы; *Святая Русь* есть отдельная, наследственная собственность русского народа, упроченная ему Богом. Вся святость этой Руси и весь чудный характер народа русского (в котором такой светлый рассудок соединяется с такою твердою, спокойною, никаким вдохновением не воспламеняемою самоотверженностию) особенно выразились в ту минуту, когда бояре московские пришли к Иоанну IV[22] умолять его казнить их, как будет на то его воля, но только не покидать престола русского. (Событие удивительное, в котором ясно означается, что правильные понятия политические, без всякого философического умствования постигнутые здравым русским умом, прямо истекают из того источника[23], из которого всякая истина истекает, из христианства, которое, несмотря на потрясение, претерпенное им в наше время, возьмет напоследок свое и сделается *альфою* и *омегою* всякой правды.) Другое слово нашего народа: *Русской Бог*, имеет такое же глубокое, историческое значение. Подобные слова не случайно входят в употребление, они суть памятники, итоги вековой жизни народа. Слово *Русской Бог* выражает не одну веру в Бога, но еще какое-то особенное народное *предание* о Боге, давнишнем сподвижнике Руси, виденном нашими праотцами во все времена их жизни, и счастливые и бедственные, и славные и темные; в этом слове наше бодрое, беспечное *авось* соединяется с крепкою надеждою на высшее Провидение; *Русской Бог* есть то же в отношении к вере в Бога, что *Святая Русь* в отношении к России. Этот Русской Бог есть удивительное создание нашего ума народного; понятие о Нем, *отдельно* существующее при *вере* в Бога христианского, истекающей из божественного откровения, присоединено к ней, будучи выведено русским народом из откровения[24], в его истории заключающегося, понятие о Боге ощутительном, на опыте доказанном, повсеместно, без всякого проповедания признанном, понятие, одним только русским народом присвоенное. Смешно сказать: Английский, Французский, Немецкий Бог; но при слове *Русской Бог* — душа благоговеет: это Бог нашей народной жизни, в котором, так сказать, для нас олицетворяется вера в Бога души нашей, это образ Небесного Спасителя, видимо отразившийся в земной судьбе нашего народа.

Россия шла своим *особенным* путем, и этот путь не изменился с самого начала ее исторической жизни, несмотря на беспорядки, происшедшие от раздробления на уделы, которое, наконец, произвело и долгое татарское иго. Две главные силы, исходящие из одного источника, властвовали и властвуют ее судьбою; они навсегда сохранят ее самобытность, если, оставшись неизменными в своей сущности, будут следовать за историческим, необходимым ее развитием, будут его направлять и могущественно им владычествовать. Эти две силы суть *церковь* и *самодержавие*: одной, то есть самодержавию, принадлежат земной порядок и благоденствие общественное, им охраняемое; другой, то есть церкви, принадлежит дополнение земного благоденствия высшими благами иного порядка, дающими земному его истинное значение и возможную прочность.

Оглянувшись на запад теперешней Европы, что увидим? Дерзкое непризнание участия Всевышней Власти в делах человеческих выражается во всем, что теперь происходит в собраниях народных. Эгоизм и мертвая материальность царствуют. Чего тут ожидать живого? Какое человеческое благо может быть построено на таком фундаменте?[25] Вера в *святое* исчезла — печальный результат *Реформации*[26], которая, будучи сама результатом предшествовавшего, есть самый видимый пункт, с которого можно проследовать постепенный ход и развитие теперешнего. Неотрицаемо, что Реформация произвела великое движение умственное, из которого наконец вышла так называемая цивилизация нашего времени. Реформации предшествовали два приготовительных события, которые сильно помогли ее всеобъемлющему действию: *изобретение книгопечатания*[27] и *взятие Константинополя турками*[28]. Книгопечатание сделалось путем быстрейшего и обширнейшего сообщения мыслей; с падением Византии классическая ученость переселилась в Италию и через нее в остальную Европу. Первый шаг Реформации решил судьбу европейского мира: вместо исторических *злоупотреблений* церковной власти она разрушила духовный, дотоле не тронутый *авторитет* самой церкви; она взбунтовала против ее неподсудимости демократический ум; дав право поверять откровение, она поколебала веру, а с верою и все святое. Это святое заменилось языческою мудростию древних; родился дух противоречия; начался мятеж против всякой власти, как божественной, так и человеческой. Этот мятеж пошел двумя дорогами: на *первой* уничтожение авторитета церкви произвело *рационализм* (отвержение божественности Христа), отсюда *пантеизм* (уничтожение личности Бога), в заключение *атеизм* (отвержение бытия Божия); на *другой* понятие о власти державной, происходящей от Бога, уступило понятию о *договоре общественном,* из него самодержавие народа, которого первая степень *представительная* монархия, вторая степень *демократия*, третья степень *социализм* и *коммунизм* — может быть и четвертая последняя степень: уничтожение *семейства* и вследствие того возвышение человечества, освобожденного от всякой обязанности, огра-

ничивающей чем-либо его личную независимость, в достоинство совершенно свободного *скотства*. Итак, два пункта, к которым ведут и отчасти уже привели сии две дороги: с одной стороны, самодержавие ума человеческого и уничтожение царства Божия, с другой — владычество всех и каждого и уничтожение общества. Между сими двумя крайностями бьется теперь и выбивается из сил образованность западной Европы.

Общество по той же причине, что Реформация произвела в нем *усиленную* деятельность, приобрело великое развитие в своем материальном составе, и это развитие есть то, что называется *цивилизациею* (наука, промышленность, удобства жизни, богатство, легкость и обширность сообщения умственного и материального и пр.); понеже пункт отбытия (point de depart) был фальшивый, эта цивилизация отклонилась от настоящей своей цели: на Божий престол она возвела ум человека, мы возвратились в язычество, в язычество без поэзии, ибо у нас нет пред глазами фантастических богов древности; мы благотворим свой ум, нечто неживое, не имеющее никакого образа, безответное, с нами умирающее, которое напрасно его поклонники хотят увековечить в его названии: *ум человечества*, в чем-то сборном, не имеющем никакой личной существенности. А цивилизация сама себя погубит, или, лучше сказать, распадется на гнилые части, ибо она есть труп без души, если не возвратится к тому пункту, с которого начала свой путь и на котором оставила свою душу: *веру в святое*. Возможен ли этот возвратный путь? Это знает один всезнающий.

Россия ничего подобного в судьбе своей не имела: она не испытала Реформации, в ней не произошло этого умственного, образовательно-разрушительного движения, произведшего мало-помалу ту смертельную болезнь, которою теперь страждет Европа, и если она далеко отстала от Европы в цивилизации, то в такой же мере сохранила неприкосновенным то, что европейская цивилизация уничтожила и чего уничтожение в свою очередь уничтожит европейскую цивилизацию, *сохранила веру в святое*. У нас — целы те главные, основные элементы, которыми держится бытие государств христианских. Наша церковь не изменилась: реформация не дерзнула коснуться ее святыни; а неизменяемость церкви сберегла и упрочила неизменяемость власти державной, которая, несмотря на все волнения государственные, осталась непотрясенною в своем основании, то есть в понятии о божественности ее происхождения и в исторической ее законности. Русский народ, в котором никакой произвол мятежного умствования не поколебал веры в непреложность церкви, остался равномерно верен и власти державной, проповедуемой церковию. В его истории мы видим перемены властителей, но *власть* и уважение к ней во всякое время оставались неизменными; бывали мятежи народные, но никогда не бывало провозглашаемо *право* мятежа, которое так же существовать не может, как и право притеснения: ибо когда народное восстание опрокидывает законную власть, во зло

употребленную, то это не есть выражение существующего права — это просто событие, неизбежное следствие другого события, неправда, рожденная неправдою, — то же, что отзыв, естественно произведенный звуком. Мы видим, что от Рюрика до смерти Феодора Иоанновича один и тот же дом царствует[29] — сквозь все века протянута одна непрерывная цепь наследственной власти, непрерывная во времена междоусобий, во времена татарского ига и пресеченная на короткое время в периоде от Годунова до Романовых[30] только для того, чтобы крепче соединить свои звенья в ту минуту, когда весь русский народ, основываясь на вере и обычаях праотцов и на учении евангельском, провозгласил самодержавие на выборе московском. Это самодержавие перешло в руки Романовых таким, какое оно было до их избрания. Оно и теперь то же самое в своей сущности: *завет нам от всего нашего минувшего*, богатство, собранное нами в течение веков на дороге, по которой вело нас Провидение. С другой стороны, надобно сказать, что если в образованной Европе вера в святое истратилась от расточительных *злоупотреблений ума*, то в России она сохранилась в своей неприкосновенности[31], частию и от ее *бездейственного неупотребления*[32], так что на западе Европы существует цивилизация, но добрые начала уничтожены; а у нас сохранены добрые начала, но *собственной* цивилизации, из их развития исходящей, еще не существует, а есть только ее призрак, ее нам чуждая, заимственная форма, которая может, наконец, повредить и добрым началам. Вопрос: что возможнее? — ввести ли снова в цивилизацию уничтоженные добрые начала или на существующих добрых началах пересоздать чужую цивилизацию в собственную? Думаю, последнее. *Первое* можно сравнить с развратным, состарившимся, расслабленным богачом, который доживает последнее свое достояние и ничего не оставит наследникам, кроме своего мертвого трупа; *последнее* — с молодым, еще неоглядевшимся недорослем, владельцем великого богатства, которого он еще употреблять не научился, но которое еще не растрачено и может, увеличенное, перейти в руки его наследников. Итак, чтобы предохранить цивилизацию Европы от ниспадения в варварство, надлежит возвратить ее к началам, ею утраченным. Чтобы дать самобытную цивилизацию России, должно развить сии добрые начала, сохранившие всю чистоту свою, но еще не вполне в смысле своем употребленные. Сии начала для России суть: *церковь* и *самодержавие*. Под *развитием церкви* разумеется более деятельное введение ее учения в умственную и практическую жизнь истинным христианским образованием, оградив его от всякого самовольного лжемудрия, образованием, которое у нас до сих пор слишком ограничено было одними формами[33]. Под *развитием самодержавия* разумеется твердейшее укоренение и распространение его патриархального могущества[34], которого источник и правило есть верховная *Божия правда*, но которое, с своей стороны, должно более и более определить и утвердить *законность* — с одной стороны, в действиях исполнителей власти,

с другой — в общих о ней понятиях народа, законность, которая хранит права, неотъемлемо всем и каждому принадлежащие и державною властию один раз навсегда утвержденные, и которая, истекая из самой власти, ее не ограничивает, а более и более упрочивает посредством указания необходимых верных путей ее действия[35].

О ПРОИСШЕСТВИЯХ 1848 ГОДА

Письмо к графу Ш-ку

…Мне надоело слушать нелепые толки о России. Жалко и досадно видеть, с каким легковерием самые здравомыслящие принимают за чистые деньги слухи о завоевательных замыслах русского государя[1] и о близкой войне, которою он будто угрожает Германии, слухи, распространяемые злонамеренными, которые находят свою пользу в тревоге умов, ими взволнованных. Россия не начнет сама войны с Германиею — на что ей война? Для безопасности? Но Германия, в теперешнем своем положении, никому не опасна и долго опасна не будет: она сама себя терзает и обессиливает. Ужас берет при мысли о ее будущем, если не найдет она скоро способов обуздать своих мнимых освободителей, которые ей готовят тот же праздник, какой (вероятно, с их ведома) их братия попробовала дать в Париже для целой Франции. К счастию, не все званые гости собрались в пору; но что бы было с Германиею, когда бы этот соседний пир удался в полноте и когда бы она, из благоговейного подражания великому народу, его у себя повторила? Но дело не о том. При таких обстоятельствах на что России война с Германиею, когда Германия за нее сама с собою воюет и когда на ее западе есть братский народ, который охотно вступится в дела ее и принесет ей войну, если она уже так убеждена, что война необходима? Теперь самое безопасное, самое полезное для России и в то же время самое сходное с политикою ее государя (которая вся заключается в одном слове: не тронь меня, я никого не трону) состоит в спокойном непринятии участия ни в чем, потрясающем ныне весь центр, весь юг и весь запад Европы, в сохранении порядка внутри и в твердой готовности отразить всякое нападение извне. Германию пугает сосредоточение русских войск на ее границе; но не сама ли она подала к тому повод? Не она ли так жарко проповедывала крестовый поход против России за Польшу, за Польшу, которая при первом случае отблагодарила ей мятежом познанским и помогла чехам приготовить ей вместе с Прагою новую Сицилийскую вечерню? А завоевательные замыслы России… Это давнишнее привидение, которое страшно только в темноте предрассудка и исчезает при свете здравого смысла. Не расширение внешнее, а сосредоточение внутреннее нужно теперь для ее могущества; материальную часть этого

могущества, т. е. обширность и неприкосновенность границ, данных необходимыми завоеваниями, Россия уже имеет; дальнейшие завоевания не только ей не нужны, но и вредны: они были бы не образовательные, а разрушительные завоевания. Вопреки всем политическим предрассудкам Россия никогда не бывала завоевательным государством (из одного честолюбия или из жадного хищничества); все ее завоевания были предписаны ей необходимостью (исключаю из этого раздел Польши, в котором виновата, однако, не одна Россия; внук же Екатерины не обязан отвечать за преступную ошибку своей бабки — великой царицы, и теперь благословляемой русским народом, — он, напротив, обязан перед самим собою сохранить свое царство в той целости, в какой получил его от предков[2]). Но завоевания честолюбивые, особенно такие, которых губительный предмет есть создание монархии всемирной, принадлежат исключительно Западу; они всегда извергались из того вулканического кратера, из которого и теперь льется разрушительная лава, с громом давно знакомых, бедственных криков: свобода, равенство, братство[3].

Приемля живое участие в судьбе Германии, занимающей такое высокое место в семействе Европы, для которой она была доныне источником просвещения и добрых нравов, и видя с глубоким прискорбием, как буйство нашего века ниспровергает великие памятники ее истории, ругается над вековыми правами ее государей и оскверняет святыню верховной власти, превращая ее в произвол толпы народной, мы не можем, однако, не сказать, что бедствие, ее постигшее, необходимо принесет великую пользу России, и эта польза должна состоять в том, что Россия, увлеченная силою общего движения, вступит в новую эпоху бытия своего, эпоху, богатую великим будущим: Россия теперь решительнее оторвется от насильственного на нее влияния Европы, у которой она заняла богатство образованности, но за которою доныне слишком покорно стремилась. Россия вступит в особенный, ее историею, следственно, самим Промыслом ей проложенный путь; она не будет Европа; не будет Азия (ибо она государство христианское), она будет Россия — самобытный, великий мир, полный силы неисчерпаемой, мир, созданный медленною работою веков, упорными борьбами, счастливыми или бедственными, под громом древних междоусобий, под шумом половецких набегов, под гнетом татарского ига, в боях литовских, в славных победах последнего времени, сплоченный верою и самодержавием в одну несокрушимую, ныне вполне устроенную громаду. Для этой России пора боевого создания миновалась и начинается пора создания мирного. Россия, все свое взявшая, извне безопасная, врагу недоступная или погибельная, не страх, а страж породнившейся с нею Европы, вступит теперь в период развития внутреннего, твердой законности, безмятежного приобретения всех сокровищ общежития; опираясь всем западом на просвещенную Европу (но теперь вдруг освобожденная от нравственного ей подданства), опираясь

всем югом на богатую Азию, всем севером и востоком — на два океана, богатая и бодрым народом, и землею для тройного народонаселения, и всеми дарами природы для животворной промышленности, она, как удобренное поле, кипит брошенною в недра ее жизнию и готова произрастить богатую жатву гражданского благоденствия, вверенная гению самодержавия. Так, скажу вопреки всем любимым теориям нашего времени, судьба России заключается в развитии самодержавия, самодержавия, некогда создавшего и упрочившего ее силу, самодержавия, которое (столь же великое в своем знаменовании, как велика вверенная ему от Бога Россия) вместе с нею растет, созревает и очищается, час от часу ближе подходя к своему божественному смыслу, который не есть, как говорят отрицатели власти, произвол царя и рабство народа, а слово евангельское: всякая власть исходит от Бога[4]; в развитии самодержавия, которое не есть хартия, написанная рукою человеческою, а вера, глубоко врезанная в душу народа резцом судьбы его; самодержавия, которое, опираясь на Божию правду, вернее всех бумажных конституций приведет народ русский без всех потрясений, медлительным путем законности, к той цели, к которой все земные народы стремятся, к свободе — а эта свобода не иное что, как личное благоденствие каждого, хранимое властию, не жертвуемое призраку благоденствия общего, а его в своем итоге производящее.

Таков путь, отворенный России роковыми событиями Европы. Чтобы увериться, что она с этого пути не собьется, надобно ближе взглянуть на теперешнего вождя ее. Часто бывает довольно одной черты, чтоб выставить всего человека наружу: расскажу со всеми подробностями, без малейшего украшения, один случай, которого я сам (и я один) был очевидным свидетелем.

Но для большей ясности и для полноты моего рассказа я должен упомянуть о некоторых предшествовавших обстоятельствах. Великий князь Константин Павлович[5] был предполагаемым наследником русского престола; но он по причинам, о которых здесь упоминать не место, отрекся от своего права. Об этом в России не знал никто, кроме семейства императорского и князя Александра Николаевича Голицына, писавшего и контрасигновавшего отречение: подлинник этого акта храним был в Москве в Успенском соборе, а две его копии, списанные и засвидетельствованные подписью князя Голицына, находились в Петербурге, одна в сенате, а другая в государственном совете; на конверте подлинника было написано рукою императора Александра: распечатать по смерти моей, не приступая ни к какому распоряжению.

В ноябре 1825 г. покойный император Александр Павлович находился в Таганроге: императрице Елизавете Алексеевне, изнуренной продолжительною болезнию, было нужно переселиться в теплый климат юга — государь выбрал для того Таганрог и сам наперед поехал туда, чтобы все устроить для спокойного там пребывания императрицы. Обстоятельства его отъезда были замеча-

тельны: он как будто предчувствовал, что уже не увидит Петербурга; переезжая через мост Каменного острова, он встал с своего места в коляске, чтобы ехать тише и стоймя, в глубокой задумчивости смотрел на окрестность, на Невские острова, на здания покидаемого им города; потом, перед выездом из Петербурга, он заехал в Невский монастырь, вошел в собор и долго молился там перед мощами св. Александра Невского. На пути в Таганрог он останавливался во всех местах, где были приготовлены ночлеги для императрицы, и по его указаниям там собрано было все, для нее нужное, все, к чему она в ежедневной жизни привыкла, так что на каждом шагу последнего земного пути своего она везде встречала знаки его о ней памяти, знаки его любви, которой узы так скоро, но так ненадолго должны были на земле разорваться. Поместив императрицу в Таганроге в приготовленном для нее доме, государь поехал в Крым. Там, объезжая полуденный берег полуострова, и именно находясь в монастыре св. Георгия, он простудился; эта простуда, по возвращении его в Таганрог, обратилась в опасную болезнь. Мы в Петербурге не имели никакого о том предчувствия: император был еще в полном цвете жизни; здоровое и сильное сложение тела его давали надежду, что он на многие годы еще будет сохранен своему народу. Вдруг вдовствующая императрица получает от государыни Елизаветы Алексеевны письмо, извещающее ее об опасности императора; молва об этом быстро распространяется по всей столице; все приходит в волнение; по церквам молятся, народ собирается туда многочисленными толпами, ждут с нетерпением и тревогою новых известий. Наконец 20 или 21 ноября приходит письмо, утешительное, возбудившее радостные надежды.

Теперь я должен говорить о самом себе. 21 или 22 ноября (не помню наверно), в 11 часов утра, вместе со многими приближенными к императорской фамилии, я находился в церкви Зимнего дворца: был благодарственный молебен за императора[6]; церковь* была полна, все лица сияли радостию: служил духовник императора Криницкий. Вдруг, когда после громкого пения певчих в церкви сделалось тихо и слышалась только молитва, вполголоса произносимая священником, раздался какой-то легкий стук за дверями — отчего он про-

---

* Для большей ясности того, что здесь описывается, почитаю нужным сказать (ибо, как протестант, вы этого в точности не знаете) о расположении русской церкви. Она разделяется иконостасом на две половины; восточная половина называется алтарем: посреди его престол, на котором совершается «бескровная жертва»; западная половина называется трапезою: там стоят молящиеся. В иконостасе три двери: средние (восточные) называются ц а р с к и м и; в них входит один священник; две боковые меньшие двери называются: одни с е в е р н ы м и, другие ю ж н ы м и. Замечу особенно, что за алтарем д в о р ц о в о й церкви находилась особенная небольшая горница, из которой двери вели прямо в алтарь и в которой императрица Мария Федоровна имела обыкновение слушать обедню всякий раз, когда не желала быть видима никому из находившихся в трапезе. — *Примеч. В. А. Жуковского.*

изошел, не знаю; помню только то, что я вздрогнул и что все, находившиеся в церкви, с беспокойством оборотили глаза на двери; никто не вошел в них; это не нарушило моления; но оно продолжалось недолго — отворяются северные двери, из алтаря выходит великий князь Николай Павлович, бледный; он подает знак рукою к молчанию: все умолкло, оцепенев от недоумения; но вдруг все разом поняли, что императора не стало: церковь глубоко охнула. И через минуту все пришло в волнение; все слилось в один говор криков, рыдания и плача. Мало-помалу молившиеся разошлись; я остался один; в смятении мыслей, я не знал, куда идти, и наконец машинально, вместо того чтобы выйти общими дверями из церкви, вошел северными дверями в алтарь. Что же я увидел? Дверь в боковую горницу отворена; там императрица Мария Федоровна, почти бесчувственная, лежит на руках великого князя; перед нею на коленях великая княгиня Александра Федоровна, умоляющая ее успокоиться — *maman, chere maman, au nom de Dieu, calmez-vous!** В минуту священник берет с престола крест и, возвысив его, приближается к дверям: увидя крест, императрица падает перед ним на землю, притиснув голову к полу почти у самых ног священника. Несказанное величие этого зрелища меня сразило: увлеченный им, я стал на колена перед святынею материнской скорби, перед головою царицы, лежащей в прахе под крестом испытующего Спасителя. Императрицу, почти лишенную памяти, подняли, посадили в кресла, понесли во внутренние покои; двери за нею затворились; я не мог идти далее и возвратился на оставленное мною место в церкви; она была пуста, царские двери были затворены, за престолом стоял безмолвный священник, кругом меня царствовала глубокая тишина, я стоял неподвижно, как будто прикованный к месту. Не прошло десяти минут — как вдруг снова отворяются северные двери: входит великий князь Николай Павлович. «Отец Криницкий, — говорит он священнику, — поставьте налой и положите на него Евангелие». Это исполнилось: налой с открытым на нем Евангелием поставлен пред царскими дверями. «Принесите присяжный лист», — продолжал великий князь. Присяжный лист принесен. — «Читайте присягу». Священник начал читать. Великий князь поднял руку; задыхаясь от рыдания, дрожащим голосом повторял он за священником слова присяги; но когда надобно было произнести слова: государю императору Константину Павловичу, дрожащий голос сделался твердым и громким; все величие этой чудной минуты[7] выразилось в его мужественном, решительном звуке. Совершив присягу и подписав присяжный лист, великий князь велел кликнуть одного из своих адъютантов. Кто был им послан и который из адъютантов явился; Кавелин, Перовский или Адлерберг[8], я не помню. «Сказать Михаилу Андреевичу Милорадовичу (он был тогда с.-петербургским генерал-

* Маменька, дорогая маменька, Бога ради, успокойтесь! (*франц.*)

губернатором), чтобы велел приводить к присяге гвардию»[9]. Отдав такое приказание, великий князь вышел из церкви.

Что прибавлю к моему рассказу? Я, с своей стороны, не знаю ни в истории народов, ни в истории души человеческой ни одной более возвышенной минуты. Великому князю известно было отречение брата его от престола; он знал, что вследствие этого отречения престол неоспоримо принадлежал ему; он предвидел, что чрез несколько минут всенародно откроется тайна отречения и что ему предложено будет воспользоваться правом, ему уступленным; но в то же время он в душе своей признавал неприкосновенным право законного наследника и не мог знать, на что решится этот наследник (бывший тогда далеко): подтвердит ли, уничтожит ли тайное свое отречение? Чего же требовала от него совесть, то было для него ясно; но он страшился, чтобы воля его не поколебалась в выборе между самоотвержением и самодержавием; он не поверил одной силе души своей, он поспешил подкрепить ее силою Бога, поспешил явиться пред лицо этого Бога, дабы во храме Его, к подножию престола, на котором совещается жертва бескровная, положить свою жертву земного величия; он поднял к Богу свою руку с клятвою: не принимать этого величия иначе как от Вышней воли, которая одна все земные права дарует и освящает. И эту клятву произнес он в самую первую минуту великой скорби, когда вся душа обхвачена была страшною, ей самой еще непонятною мыслию, что Александра не стало; и он ее произнес один, без свидетелей, без всякой торжественности, без всякого, увлекающего душу, людского одобрения, напротив, тайком от толпы, наедине с Богом. Что был свидетель, подсмотревший его в эту великую минуту жизни, он того не знал, он был один… Сообразив все это, какое имя дам я тому, что мои глаза видели, что поразило т о г д а и ч т о т е п е р ь, при воспоминании, наполняет трепетом благоговения мою душу? Но зачем имя, когда дело само себя именует? Подлинное же величие этого дела заключается не в огромности принесенной жертвы, а в том смирении, с каким была принесена она, в отсутствии всякого самодовольного к ней уважения, в каком-то младенческом незнании ее высокости, наконец, в совершенном о ней забвении, ибо до сих пор, кроме меня, случайного ее свидетеля (и весьма немногих, которым я этот случай в последнее время рассказывал), никто о виденном мною не ведает.

История есть не иное что, как летопись человеческого властолюбия. Приобретение в л а с т и, праведное или неправедное, сохранение или распространение приобретенной власти, возвращение власти утраченной — вот главное ее содержание, около которого сосредоточиваются все другие исторические события. Все жаждут власти, явно или тайно, и каждый украшает свою жажду заимственным именем, более или менее ей чуждым, именем патриотизма, любви к человечеству, воли народа, общего блага, свободы и проч.; подлинное же имя ее: с в о е к о р ы с т и е. И всякое средство — самое преступное: обман, клевета,

измена, хищничество, мятеж, междоусобие — кажется позволенным для приобретения такого великого блага. Немного представляет нам история таких действователей на поприще власти, которых властолюбие было бы совершенно чисто от всякой примеси своекорыстия; еще менее примеров пожертвования власти из одной любви к правде и долгу. То, что мною рассказано, представляет чистейший пример последнего: здесь отвержение власти — и какой власти! — совершилось без всякого своекорыстного вида, а просто из уважения к святыне права, совершилось так тайно, так тихо, что именно то обстоятельство, которое составляет прямое достоинство принесенной жертвы, осталось неведомым для истории; но тем более оно ведомо Тому, Кто ведет летопись не земным (минутным или вековым) событиям человеческого общества, а деяниям души человеческой. Народы и империи, их начало, величие и разрушение, и весь род человеческий не иное что, как призраки; одно посреди их существенно и живо: бессмертная душа наша. Минутные, земные события принадлежат листам истории, столь же минутным и бренным, как они — не умирающие дела души принадлежат листам той вечной книги Божией, которая некогда разогнется на последнем суде Его. И на одном из листов этой книги яркими чертами записана та великая минута моего императора, о которой, может быть, ни слова не скажет история. Если же она скажет о ней, то она в то же время должна будет признать, что слово Божиею милостию имеет свой полный смысл в императорском титуле Николая I-го: он прямо из руки Божией принял свою корону и, раз приняв ее, мужественно отстоял дар Божий в ту роковую минуту, когда враждебная сила покусилась на его похищение. Данное Богом — Богом и сохраняется, и русский трон, ввиду мятежей народных, уничтожающих святыню власти, непотрясаемо устоит на твердом основании Божией правды и веры в нее царя и народа.

Я мог бы здесь остановиться; но сердце принуждает меня к описанному выше прибавить нечто другое, к нему не принадлежащее, но что я желал бы высказать во услышание всех и каждого. Исполнение наших намерений (успешное или неуспешное) есть событие, зависящее не от одной воли человеческой, а от содействия многих, ей неподвластных обстоятельств. Событие, скажу опять, принадлежит суду истории, которая одобряет успех и опорочивает неудачу; дела души судит один Бог. Его суду и оправданию принадлежит та минута, в которую король Фридрих Вильгельм IV, увлеченный вдохновением, чувствуя присутствие Божие в душе своей, исповедал перед народом свою к нему любовь и свои благие для пользы его замышления. До всех нас дошло то слово, которое вылилось из души его, когда он в Кенигсберге и Берлине принимал от народа обет подданства. Совершилось ли на деле, что было тогда так прекрасно, так искренно сказано, на какой смысл перевели подданные великое слово монарха, какие обстоятельства помешали и что в самом высоком и чи-

стом характере короля, благороднейшего и лучшего из людей, могло противодействовать исполнению сказанного — это сюда не принадлежит; но слово его было он сам, было правда, чистая правда и в ту минуту, когда оно внезапным вдохновением было вырвано из души монарха перед собравшимся народом, чистая правда и теперь, когда он, сокрушенный, неузнанный, неправедно судимый, осыпаемый клеветами, стоит перед развалинами своего святого идеала, которым так давно была преисполнена душа его и который теперь так бесчувственно, так повсеместно обруган[10]. Нельзя без трепета перед неисповедимостью воли Божией читать того, что написал о нем Радовиц, верный поверенный[11] его мыслей и желаний, один их вполне постигший и вместе с ним сокрушенный тем роковым бедствием, которое напрасно предвидел, напрасно предсказывал, напрасно силился отвесть от своего государя. Так, трепет благоговения пред Всевышним Богом (Его же пути не наши пути) проникает душу при чтении этих страниц, на которых так просто рассказаны благие намерения одного из лучших государей нашего времени и всех времен, рассказано, как все, желанное для его народа и для Германии и им самим глубже всех современников постигнутое, давно развивалось в душе его, какие напрасные усилия и опыты были им сделаны для приведения в сущность благих замышлений и как сии замышления чистейшего, самоотверженного бескорыстия в тот самый миг, когда надлежало им совершиться, были вдруг опровергнуты одним словом неисповедимого Промысла: поздно. Несколькими днями ранее — и все, чего так давно требовала Германия[12] и что она теперь взяла с бунта, искаженное губительною рукою народного самовластия, было бы дано ей хранительною рукою законной власти, без нарушения прав, утвержденных веками, с уничтожением всякого произвола, губящего власть верховную, но без заменения его грубым властительством толпы, надолго разрушившим народное благоденствие и грозящим уничтожить общество человеческое в самом его основании[*13]. Все читали Радовица[14]; но послышался ли хотя один голос, отвечающий

* Беспрестанно повторяют: «Мы тридцать три года терпели; обещанное нам не исполнено; нами ругались; мы были притеснены; все наши требования были с презрением отвергнуты». К несчастию, эти обвинительные крики основаны на истине: государи Германии остались в долгу у своих народов. И главная вина их состоит менее в том, что они этого долга не заплатили, нежели в том, что они не оказали надлежащей решительности в его признании, чем и возбудили против себя подозрение, наконец обратившееся в мятежное негодование; если бы они мало-помалу, но постоянно, в определенные сроки уплачивали проценты своего долга с частию капитала, то в настоящее время не было бы ни заимодавцев, ни должников, и те и другие были бы богаты; напротив, теперь и те и другие разорены (Фридрих Вильгельм IV, однако, должен быть исключен из числа должников двусмысленных: он явно, при восшествии на престол, признал свой долг, он искренно заботился о его уплате; но его народ и современники не имели счастия ему поверить; а сила обстоятельств опрокинула все его благотворные усилия). Признав за истину сказанное выше, теперь спрашиваем: если прави-

на его вызов отдать справедливость Фридриху Вильгельму IV? Как изъяснить то равнодушие, с каким целый благородный народ принял этот голос, оправдывающий честь его в лице его государя? Каким волшебством так внезапно могла изгладиться в нем любовь к многославному дому Гогенцоллернов и исчез из глаз его этот блистательный ряд монархов, которые создали, возвеличили, просветили и, наконец, после плачевного падения восстановили Пруссию, за несколько дней столь устроенную, столь полную народного благоденствия? Как могли потерять для его сердца свое очарование имена великого курфюрста, единственного Фридриха, благодушного Фридриха Вильгельма III[15], который

тельства с своей стороны, несправедливо медлили удовлетворить требованиям народов, то сии последние были ли умеренны и всегда справедливы в своих требованиях? А их неумеренность и буйные способы, которые они употребляли чтобы насильственно схватить то, что надлежало им приобресть путем законности и порядка, не должны ли были вооружить против них ту самую власть, которая, чтоб действовать с пользою, должна действовать самостоятельно и свободно? Вы называете своих противников демонами тьмы, но вы сами были ли ангелами света? И с виновною медлительностию правительств (изъясняемою вашим буйством и опасением вашего произвола) не стоит ли наряду ваша мятежная нетерпеливость (которая, впрочем, равномерно может быть изъяснена равнодушием и недеятельностию со стороны правительств)? Конечно, первая неправда: неисполнение обещанного на стороне правительств (а что неправда сеет, то она и пожинает); но вы, заплатив за неправду неисполнения неправдою бунта, что посеяли? Не такую же ли неправду? Разница состоит только в том, что первая, предшествовавшая неправда была причиною последней, из нее исшедшей; но она ее не оправдывает; и плоды обеих будут одинаковы: первая произволом власти державной пробудила произвол толпы и безначалия; последняя, опровергнувши всякое историческое право и своевольство толпы признав за свободу, в свою очередь, пробудит произвол власти, какое бы власть сия ни получила имя, республики или монархии. И это было бы еще самою счастливою развязкою. Мы слышали страшное слово Кассандры, произнесенное одним из благороднейших действователей нашего времени: «Не одни прежние формы государств уничтожены, — говорил он, — и самые условия, необходимые для того, чтобы создать какую-нибудь постоянную форму, не существуют. Эти условия суть: с одной стороны, власть верховная, с другой — богобоязненность и уважение долга; без этих элементов никакой государственный порядок существовать не может; раз уничтоженные, они сами собою не возродятся; их может родить только необходимость; а необходимость от воли человеческой не зависит; ее приводит одна великая внешняя сила; роковое же имя этой силы — война». Но горе человечеству, когда допустят родиться той войне, которую носит в чреве своем настоящее время! Скорей, скорей призовите на помощь гения власти. Не бойтесь реакции — это пароль и лозунг мятежников. Прежнее вполне возвратиться не может: его враждебные элементы уничтожены; но с ними уничтожены и добрые, а с уничтожением последних освободились новые, гораздо более враждебные, нежели прежние. Не дайте им соединиться. Иначе из мертвой гидры подымется живая, страшнейшая первой. Уничтожив все прежнее неправедное, а потому и разрушимое, сохраните и восстановите все прежнее праведное, вековое и вечное, бедственно потрясенное или опрокинутое: святыню власти, святыню богобоязненности, святыню уважения долга. Одним словом, на развалинах неправды не стройте нового здания неправды. Оно ненадолго; падет и вас самих раздавит. — *Примеч. В. А. Жуковского.*

вместе с сыновьями своими так рыцарски стоял перед рядами его неустрашимой армии, когда она билась за свободу отечества и Германии? Наконец, как мог он эту армию, покрытую такою чистою славою, столь верную знаменам своим и чести военной, обвинить в предательстве за то, что она поднялась за своего законного государя против уличного бунта и тогда только положила оружие, уже победоносное, когда сам король остановил ее геройскую борьбу за права его?.. Непостижимая справедливость нашего времени! Французское войско за то, что оно, вступаясь за свою однодневную, еще ни на каких правах не утвержденную республику, повалило своими пушками баррикады и положило тысячи друзей свободы на улицах Парижа, называют славою и спасением отечества; уличных же проповедников свободы сотнями расстреливают и целыми толпами посылают за море в ссылку; а знаменитая прусская гвардия, поднявшая оружие за вековые, неотъемлемые права и за честь своего законного государя, должна быть осрамлена обвинением в предательстве; подкупным же уличным бродягам и отпущенникам из тюрьмы, возмутившим спокойных граждан столицы и теперь пирующим на счет их посреди развалин порядка, совокупно с ними разрушенного, должно быть дано название героев! Справедливость молчит перед нахальными криками партий. Но те, которые не заражены чумою нашего времени, и особенно те, которым знакома чистая, высокая, любящая, верующая душа Фридриха Вильгельма IV, те знают истинный смысл этого события, они видят в нем одну неисповедимость путей Божиих; они ясно видят, что самому Провидению было угодно, чтоб Фридрих Вильгельм IV остановил оружие своих защитников в решительную минуту их торжества, дабы к святыне благих намерений его присоединить святыню мученичества, дабы он мог в смиренном принятии величайшего из испытаний, какое только было когда ниспослано душе человеческой, совершить лучшее человеческое дело: претерпеть до конца и не погибнуть; они благоговеют перед его мученичеством, и для них терновый венец, теперь лежащий на этой царской голове, кажется блистательнее того венца, которым бы современники и история украсили Фридриха Вильгельма IV, когда бы успех событий соединился с чистым делом души его; они протестуют против мятежного суда партий и переносят дело его в высшее судилище Божией правды.

P. S. Ныне день рождения нашего императора[16]; музыка играет народную русскую песню: Боже, царя храни![17] Давно я не слыхал ее; и никогда не слушал с таким чувством, как теперь. Народная песня — в ней заключается великое очарование; она то же, что звуки родного языка что воспоминание о родине, что память о далеких, живых или умерших; что знамя, веющее над головою войска; она едва ли не значительнее всего этого, ибо она не есть что-то определенное, частное, а чудный, родной голос, все вместе выража-

ющий; в ней слышится совокупный, гармонический привет от всех одноземцев, живших прежде, к живущим теперь, какое-то сводное предание о целом народе, о его прошлой жизни, о его славе, о его светлых и темных днях, обо всем, что он был и что нам оставил по себе в наследство, — вот отчего с тем вдохновительным чувством, которое возбуждает в нас всякая народная песня, соединяется так много меланхолического: ибо в ней прошлое, уже не существующее, смешано с живым настоящим, с темным предчувствием будущего. Но все это относится к песне народной вообще, к песне старинной, уже давно в народе живущей. Но песня народная, особенно посвященная царю и в его лице всему царству, повторяемая при всяком важном событии народной жизни, имеет глубокое, ей одной присвоенное значение. Очарование такой песни наиболее ощутительно для нас на чужбине. Когда в чужой земле послышится тебе простая народная песня — она пробудит в отечественном только твое личное; но когда зазвучит для тебя народное слово: Боже, царя храни! вся твоя Россия, с ее минувшими днями славы, с ее настоящим могуществом, с ее священным будущим, явится перед тобою в лице твоего государя. Более, нежели когда-нибудь, почувствовал я это теперь, когда вокруг меня стояла толпа равнодушных слушателей, из которых для многих уже не могло быть подобной песни, для многих, которые, внезапно охолодев ко всему историческому, заменили его чем-то самодельным, без преданий, без древней знаменитости, без всякого живого завета от предков к потомкам, заменили живую поэзию математическою неразрешимою проблемою или, лучше сказать, уничтожили историю, то есть славу, таким же коммунистическим процессом[18] каким просветители нашего времени хотят уничтожить собственность, то есть самое общество. Я смотрел на них, как на сирот, без имени, без семейства, собранных под одною кровлею приюта, которая не есть для них отеческий дом, а только пространство, служащее им местом пребывания. И мне было сладко подумать о своем великом семействе, о нашей России, где все, что здесь так произвольно разрушено: благоговение перед святынею Божией правды и истории и благоговение перед святынею власти державной, из них исходящей, сохранилось неприкосновенным, в залог настоящего могущества и будущего благоденствия, и в душе моей глубоко, глубоко отозвалися слова нашей народной песни, всю эту святыню выражающие: Боже, царя храни!

7 июля / 25 июня 1848

---

7 / 19 августа

Описание Кёльнского праздника[19] заставило меня крепко призадуматься, а некоторые обстоятельства его живо меня тронули. В предисловии к этому

описанию газета говорит о глубоком значении праздника: Построение древнего христианского храма в Кёльне сравнивает она с построением нового политического храма Германии во Франкфурте[20]; не думаю, чтобы это сравнение было верно. Между этими двумя фактами такая же разница, как и между словами, их выражающими: т а м достроение, то есть довершение существующего; з д е с ь построение, то есть новое создание; т а м великому зданию, в старину начатому, сохраняется его характер, и главное дело состоит в том, чтобы его древнее величие, при доведении к концу начатого, вполне сохранено было новыми зодчими; з д е с ь все прежнее, созданное веками, должно уступить теоретическим идеям новых строителей, и их построения суть не иное что, как перестроения, то есть разрушение старого и создание нового по новому плану. Газета говорит еще о единстве, утверждая, что и в изящных искусствах главное условие красоты и состоит в том, чтобы частное исчезло в целом, и что тогда только может быть единство. Совсем напротив: не только не нужно, чтобы частное исчезло, нужно, напротив, чтобы части, без которых не может быть целого, сохранили свою необходимую самобытность и в стройной своей совокупности составили одно гармоническое целое, но в нем не исчезли. Единство происходит не от мертвого единообразия, а от живого соединения: так и единство Германии; оно может произойти только из соединения, следственно, и из сохранения живых частей ее. Как бы ни красноречиво провозглашали свои теории проповедники церкви св. Павла во Франкфурте, но иного единства им создать для нее не удастся. По их арифметике несколько нулей могут составить единицу; они говорят Петру, Ивану, Карлу, Вильгельму: «Каждый из вас должен сперва сам себя зарезать, потом из ваших мертвых трупов мы составим одного общего, живого человека»; не знаю, согласится ли кто-нибудь подвергнуть себя такому химическому процессу. Или, может быть, вследствие великих открытий, сделанных нашим премудрым временем в естественных науках, они нашли, что человек такой, каков он был доныне, слишком сложен, что разные члены его тела ему совсем не нужны, что глаза, рот, нос, голова, руки, ноги и проч. не иное что, как вредный партикуляризм, и что их надобно уничтожить, дабы пересоздать старого, слишком зависимого от членов своих человека в свободного, бесчленного, единого.

Но глубоко меня тронуло присутствие короля прусского на этом празднике, который Пруссиею и особенно Фридрихом Вильгельмом IV давно уже был приготовлен. Я имел счастие видеть короля в Кёльне, когда был положен первый камень достроения; он уже тогда, не понуждаем никакими обстоятельствами внешними, всенародно выразил свою надежду, что этот великий, древний храм, достроенный по своему вековому плану, будет некогда символом единства силы и величия Германии. И это были не одни слова; это была правда, выражение постоянных желаний и давнишнего стремления души его. Теперь, после событий настоящего времени, Фридрих Вильгельм IV опять на том же

месте, тот же, каким был тогда; роковые бедствия, сокрушившие его сердце, его не изменили; он тот же полный энтузиазма к своему царскому делу, полный благоговения ко всему святому, самоотверженный, искренний, бескорыстный. Все, что он говорил в разные минуты Кёльнского праздника, имеет глубокую значительность и носит характер чистого прямодушия; нет следов раздражения, которые могли и должны бы произвести в нем оскорбления, нанесенные ему своими и чужими; с дружбою подает он руку эрцгерцогу, правителю, готовый помогать ему в важном его деле с полным самоотвержением (но не с отвержением того, что составляет достоинство его народа). И присутствие этого благородного эрцгерцога не наводит на него никакой затмевающей тени, напротив, оно дает какой-то особенный блеск его достоинству, которое выражается так привлекательно и непринужденно в искренности его доброжелательства. То, что Фридрих Вильгельм IV готовил для Германии с а м, было гораздо лучше и надежнее того, что вышло из ее всеобщего потрясения; но он с тем же прямодушием, с каким устраивал в мыслях своих то благо, которому судьба не дала совершиться, приемлет то, что уже иным путем совершилось, и готов действовать в новом направлении без всякого двоемыслия, но и не поддаваясь тому, что душа его признает неправдою. Уступить монаршее достоинство и монаршую власть и с ними порядок общественный произволу народного самовластия — на это он не может и не должен согласиться; но он будет искренно содействовать тому, чтобы законная свобода народов Германии, возможная только с свободою и самобытностию их государей, на твердых основаниях укоренилась: на это Фридрих Вильгельм IV подал руку эрцгерцогу Иоанну Австрийскому[21]; он хочет достроить, а не разрушить для перестройки, древле начатый великий храм германского народа.

25 августа. Я прочитал брошюру под заглавием: П р у с с и я и е е к о р о л ь. Автор ее пастор Л и б е т р у т[22]; имя его, которое можно перевести: п р а в д о л ю б, соответствует тому чистому, христианскому характеру, который выражается в его книжке: он говорит п р а в д у и говорит убедительно потому, что л ю б и т правду.

Хотя я и не соотечественник его, но братски подаю ему руку и отвечаю всем сердцем на трогательный его голос: в любви к правде мы все соотечественники. Но, верная, добрая, любящая душа, будет ли услышан твой голос теми, которых ты так рвешься примирить с королем их, так убеждаешь стать с ним под одно знамя, под знамя Бога отечества и правды? Еще повсеместно действует демоническая сила того очарования, которое так неожиданно всех обуяло, у одних затмило рассудок и окаменило сердце, на других навело такой неестественный страх, что они потеряли всякую силу для деятельности и не смеют еще и теперь взглянуть в глаза тому страшилищу, которое от одного могущественного движения руки их исчезло бы, как небывалое. Но такое обаяние продолжиться не

может; уже, как многие замечают, здравый рассудок начинает выходить из летаргического сна своего; уже начинают догадываться, что это громко прославленное самодержавие народа не иное что, как самовольство черни, не ее самобытная власть, а ее безумное, бешеное подданство немногим, которые играют ею в пользу своих корыстных замыслов. Этим замыслам служат и добрые, совестливые теористы, для которых мерою всему служат одни их школьные идеи и которые желают блага всем народам и преобразуют их так же точно, как древний Прокруст, желая успокоить проходящих, укладывал их на своей постели, вытягивая тех которые были короче ее, и обрубая ноги тем, которые были ее длиннее; им служит и толпа обманутых самодержцев в лохмотьях, которых нищетою, невежеством и развратом пользуются возмутители, дабы присвоить себе все то, что они в таких пышных фразах им обещают в будущем, уничтожая для них всякую возможность благоденствия в настоящем. Ты прав: не может быть, чтоб зло восторжествовало; богоотступники погибнут своим безверием, возмутители своим мятежом, развратители своим развратом. Когда оглянемся на первую революцию Франции[23] и на все, что произвела она, что увидим? Прежнее разрушено, ибо оно не могло устоять на согнивших ногах своих; но тверже ли стоит все новое, вышедшее из ядовитой бездны, его породившей. Оно или само собою погибло или оставило гнилой плод, беспрестанно падающий и нимало не соответствующий тем жертвам, которые принесены его произрастанию.

Нельзя, конечно, сомневаться, что из всего этого нестройного зла, человеческим буйством произведенного, выйдет со временем стройное благо — но то ли благо, которое замышляли разрушители-зодчие? О нет! совсем иное — Божие благо, о котором они и мечтать не могли, которое никогда не приходит по нашему произволу и которого, может быть, они и не поймут, когда оно наступит.

А где самовольные действователи, вмешавшиеся с такою самонадеянностию в дело Провидения? Исчезли все в глазах своего поколения, видевшего их начало; главные или бедственно погибли, или насильственным образом сброшены с той высоты, на которую их возвела неправда, или, блеснув на минуту перед глазами толпы, снова с нею смешались, забыты, а если и помнят об них, то с ненавистию или презрением. И кто из них достиг желанного? Одни, раздраженные неуспехом своих теорий, упорствуют в своих убеждениях, не образумленные гибельным опытом и готовые вступить снова в ужасный путь свой, ибо для гордого ума нет ни человечества, ни совести; другие, признав свое безумие, плачут на дне той бездны, в которую пали сами, толкнув в нее современников. Торжествуют одни только те, которым ни в духовной, ни в материальной жизни терять уже нечего, которые и себя и других ставят на карту в отчаянной надежде или все выиграть или вовсе погибнуть, которые, заботясь только о том, как бы в веселом пьянстве чувственных наслаждений дойти без помехи до могильной гнили, в которой (как они думают, а может быть, и желают) все для них

кончится и исчезнет, спешат насытиться по горло на минутном пиру жизни, оставляя мечтателей работать для того идеального блага, которому они, громко провозглашая его, сами не верят, и, смеясь над толпою невежд, которые за них дают себя разорять, впадают в преступления, губят других и сами гибнут или которых они влекут за собою в неверие и в разврат только для того, чтобы не иметь в них ни строгих судей, ни досадных свидетелей. Для того провозглашают они свободу, самодержавие народа, общее благо, независимость мысли и слова — обольстительные имена, которыми они украшают только мятеж, для всех губителей, лишь их замышлениям полезный. Наше время, которое повторяет все ужасы прежней революции, не столь кровавое, но, может быть, еще более отвратительное, этим внезапным всеобщим разрушением всего, столь недавно устроенного, доказывает только то, что на основании неправды, которая по натуре своей никакой прочности не имеет, может быть построено только здание неправды, построено для разрушения.

Но то, что из буйного дела человеческого создаст Всемогущий Бог, никогда не престающий действовать, — этого мы не знаем; мы знаем, однако, что этот Всевышний Действователь есть в то же время и верный союзник всех Ему покорных душ, которые каждая на месте, Им ей указанном в мире, Его призывает и, смиренно веруя, Ему служит. К этим служащим верою и правдою своему Богу принадлежишь и ты, неизменный друг и слуга своего государя; всем сердцем делю твою надежду: зло восторжествовать не может; не унывай и бодрствуй, содействуя вышней воле, провозглашая ее неустрашимо перед врагом, как перед другом, перед ругателем правды, как перед ее поклонником. Обаяние пройдет; час от часу многочисленнее будут сходиться в оборонительный и наступательный союз друзья порядка, законности и веры; арсенал возмутителей начинает истощаться; скоро священные имена свободы, гражданского благоденствия, любви к отечеству, единства народов, до отвратительности в наше время во зло употребленные, возвратят свой истинный смысл, объясненные бедственным опытом. Страшилище реакции, которым пугают лихорадочное воображение толпы, еще не пришедшей в себя от угара той разрушительной власти, которая так гибельно ею была похищена, уступит место спасительному желанию восстановления власти хранительной, которая одна может упрочить порядок общественный и которая только под знаменами веры и правды может свести народы к возможному им благоденствию. Тогда наступит пора и твоего короля, столь величественно испытанного Промыслом, посылающим подобные испытания только душам, их достойным; тогда спадет слепота с очей твоих соотечественников: они сами изумятся своему ослеплению; они увидят ясно, что не ругательством оскорблять, а благословением радовать должно им сердце короля своего; и что они в умилении должны за него благодарить Бога, как за надежную пристань спасения во дни всеобщей бури, все поглотить угро-

жающей, что бедственная революция, произведенная подкупными бродягами в столице Пруссии, которой жители, как доныне казалось, стояли на верхней степени цивилизации, не дала им блага, желанного ими и более всех их великодушным королем, блага, которое теперь, вырванное из чистых рук монарших нечистою рукою мятежа, сделалось жалкою добычею зломысленных возмутителей; что не реакции должно им страшиться, а продолжения этого повсеместного бунта черни, не дающего действовать власти и ненавидящего всякое устройство; что не от короля их может произойти та реакция, которою пугает умы толпа злонамеренных крикунов, но что, напротив, он один может обуздать враждебный бунт, препятствующий укорениться тому, чего со всеми народами Германии он в глубине души своей желал и так ревностно готовил, твердому свободному самостоятельному союзу германских государей и народов; что ему с полною доверенностию надлежит передать исполнение великого дела, понеже его искренняя любовь к сему делу несомненна, понеже эта любовь не есть один расчет политической мудрости, но в то же время и страстное желание души, бескорыстной, истинно царской (то есть самоотверженной в пользу общего блага), верующей, следственно, благоговеющей перед святынею того, чем возмутители так дерзко ругаются, пользуясь им для одних личных своих видов; что, наконец, не грязным крикунам площадей, не героям в отрепьях, не рыцарям клубов и сборищ народных, в которых проповедуются разврат и безверие и где систематически образуется мятеж против всякой власти, удастся построить святое здание государственного блага, а Богом данному королю, правнуку великих предков, рожденному, воспитанному, созревшему в высоких помышлениях царских обширных понятиях государственных, наследнику и продолжителю славы своих предшественников и уже своею жизнию жертвовавшему за отечество и Германию. Одним словом, наступит минута, в которую Пруссия постигнет, что один только Фридрих Вильгельм IV может быть для нее установителем нового порядка на твердых фундаментах законности, возобновив все прежнее праведное и утвердив все новое, необходимое, и что один он может отразить от нее ту реакцию, которою грозят ей возмутители и которая (если оргия мятежа продолжится) наступит неизбежно сперва с топором анархии, потом со штыками прикликанного ею военного деспотизма.

Скажу в заключение: пускай теперь те, которые желают искренне свободы, основанной на вечной правде, а не буйства, производящего один беспорядок, сравнят великолепный план всеобщего преобразования, начертанный Фридрихом Вильгельмом IV, с тою чудовищною хартиею, которую бунт всеобщий вырвал из рук законной власти. Какая новая жизнь разлилась бы по всей Германии, если б исполнились намерения монарха! и что вышло теперь из нечистой бездны бунта, вызванное оттуда внезапным криком французского мятежа, идущего рука в руку с бешеным коммунизмом, за которым следом бегут убийства,

грабеж, уничтожение общества, развратная одичалость, несравненно худшая, нежели первобытная неиспорченная дикость. Новый порядок, основанный на сохранении всего необходимого, созданного веками, с устранением всего обветшалого и несовместного с нашим веком, приготовленный просвещенною мыслию монарха, удовлетворил бы всем праведным желаниям народов, они вступили бы в новый союз путем закона, государи и подданные соединились под знамением взаимной свободы, единство без всякого потрясения обхватило бы всю Германию крепкою неразрывною цепью, личная безопасность не была бы встревожена, достоинство монархов и в нем достоинство их народов осталось бы неприкосновенным, собственность не была бы предана (теперь мысленно, а скоро, может быть, и на деле) на расхищение, богатый бы остался при своем богатстве, а бедный в этом чужом богатстве сохранил бы средство уменьшать работою собственную бедность, и для него была бы надежда на лучшее в будущем. Напротив, к чему привело это чудовищное народное потрясение? Все или потрясено или разрушено, все, что было прежде истиною и правом, как будто ударом волшебного прута превратилось в ложь и неправду, и наоборот: из того, что прежде называлось народом, то есть из соединения всех состояний в одно стройное тело (начиная с вершины от правящего монарха до основания, до трудящегося земледельца и работника), вышел какой-то уродливый труп, у которого обрублены голова и руки и остались только ноги, для того чтобы все слепо топтать с необузданным бешенством. Все бунтует — и бунтует не против злоупотребления власти, а против самой ее сущности, против узды, налагаемой ею на разврат воли, на безумие страстей, на безверие; хотят не изменения и не преобразования, а просто уничтожения всякой границы, забывая, что свобода не есть самовольная власть над долгом в повиновении страсти, а власть над страстью в повиновении долгу; все бунтует: чернь бунтует против монарха и хочет сама быть монархом, не позволяя даже и Богу милостью своею раздавать власть земную, присяжный бунтует против правосудия и угождает черни, оправдывая разбой и убийство, в каком бы они виде ни являлись, в мятеже ли фанатика, в стихах ли поэта, бешено грызущего руку, из которой прежде он принимал произвольно благотворение, книгопечатание, орган благородной мысли, бунтует против здравого смысла и истины, справедливости и чести и обращает священное человеческое слово в стилет убийцы или в отраву разврата, проповедник Христа бунтует против Его церкви и увлекает в безверие других, чтобы закрасить им свое отступничество, гражданин бунтует против солдата, хранящего его жизнь и собственность, а когда ему самому придется защищать их — прячется в угол или поддается подкупным витязям баррикад, истинным врагам его жизни и собственности, работник бунтует против владельца, дающего ему работу, и в ожидании великого события, когда разбоем расхитят его богатство, а с ними и собственные средства добывать работою

пропитание, привыкает к праздности, к разврату, к необузданности, к безверию; одним словом, кто теперь не бунтует или не борется с бунтом, кто теперь не разорен материально или нравственно, кто теперь не обеднял или имуществом или безопасностию личною, кто не обеднял уважением к прошедшему, доверенностию к настоящему, надеждою на будущее? Можно ли желать, чтобы такое всеобщее землетрясение продолжилось, и можно ли называть реакцию его прекращения, то есть вступления в тот новый порядок, который бы всюду распространился, когда бы исполнились намерения Фридриха Вильгельма IV.

ЭНТУЗИАЗМ И ЭНТУЗИАСТЫ

Когда наиболее являются энтузиасты? Во времена смутные, во времена волнений гражданских и религиозных, в которые распространяется повсеместно какая-то вулканическая деятельность, не имеющая ясного предмета. Что пробуждает их в гражданском мире? Или несуществование власти верховной, отверзающее двери буйству, или злоупотребление верховной власти, возбуждающее силу противодействия. Сильное и правдивое правительство хранит не один материальный порядок, но и самую нравственность народа. Тогда внутреннее чувство каждого согласно с тем, что вне его в обществе существует; мы не в разладе ни с собою, ни с внешним устройством, и наше личное сливается с общественным в одно: мы дорожим сохранением царствующего хранительного порядка. При худом правительстве все теряет свою ясность; нет целого; наша особенная нравственность, требующая исполнения долга, находится в противоречии в нравственностию общею, которую тревожит и наконец превращает в безнравственность нарушение долга злоупотреблением власти. В такое время энтузиасту, то есть человеку сильного, страстного характера, самоотверженно предающемуся своим любимым идеям, легко отделить себя от общего; он творит для себя свою особенную совесть и, не видя добра существенного, создает для себя добро химерическое и действует по произволу, а не по долгу, руководствуясь одним собственным убеждением, и все остальное ему подчиняет.

Могут ли быть энтузиасты эгоизма? Так же точно, как энтузиасты добра. Чем живет энтузиазм? Чувством энергии: что сильно, то кажется великим. Для одного ничем не щадить в свою личную пользу — такая же святыня, как для другого всем жертвовать общему благу. И тот и другой враги порядка: первый тем, что хочет разрушить его для себя, второй тем, что хочет уничтожить его для своего мечтательного л у ч ш е г о, которому самовольно жертвует с у щ е с т в у ю щ и м. Кто, вооружаясь на существующее зло в пользу будущего, неверного блага, нарушает вечные законы правды, тот злодей. Разбойник, без энтузиазма режущий прохожего для того, чтобы присвоить себе его кошелек, достоин

виселицы. Но менее ли достоин такой награды разбойник-энтузиаст, который, вышед утром на дорогу, умерщвляет богатого путешественника для того, чтобы ввечеру отдать его золото н и щ е м у, которого надеется встретить на той же дороге? Но этот нищий может ему и не встретиться; и ночь прежде желанной встречи может застигнуть на дороге обоих, и мечтательного убийцу и ожидаемого им мечтательного путника. Сие страстное, ничем не обуздываемое стремление к идеальному благу есть отличительный характер энтузиазма, который и в самом благом направлении может быть источником великих злодеяний, при недостатке ясных, положительных правил нравственности, легко затемняемых софистическими умствованиями страсти. Существуй для всех одна, о б щ а я нравственность, утвержденная на христианстве, тогда и ч а с т н а я не поколеблется: общее мнение будет ее указателем и подпорою. Итак, энтузиазм благодетелен только тогда, когда он есть пламенная любовь к идеальному общему благу, соединенная с твердостию п о л о ж и т е л ь н ы х правил нравственности, признанных веками за непреложные; скажу простее, когда он утвержден на вечном фундаменте христианства.

ОТРЫВКИ

I. ХРИСТИАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Истина

Когда мы говорим: *положительная истина*, всегда должен быть подразумеваем под словом *истина* ее источник — *Бог*. Найди Его, и всё найдешь, и всё узнаешь. Но Бога дает одно откровение; умом человек может дойти только до убеждения, что ум не дает ему полного убеждения. Всякая философия, ведущая нас к истине, должна начинаться с веры в Бога, и эта вера должна быть первым звеном нашей умственной цепи[1].

Бытие Бога не может быть доказано. Бог существует не потому, что наш ум Его постиг и своими доказательствами убедил нас в Его существовании; нет, но ум наш стремится Его постигнуть и доказать Его бытие потому, что Он существует. Бог *есть* (и Бог откровенный) — это должно быть передовым положением[2], точкою отбытия[3] всякого философического умствования. Без врожденного, то есть без откровенного понятия о бытии, другими словами, без веры в бытие (а Бог есть бытие, есть *сый*, то есть, бытие самобытное, самоведующее) нет возможности составить ни о чем никакого и самопростейшего понятия. Скажу более: нам не только не можно, но и не нужно, и даже не должно искать таких доказательств бытия Божия, какими убеждаемся мы во всякой другой

доступной рассудку истине[4]: необъятность полной идеи Бога не может втесниться в нашу человеческую мысль, в наше человеческое слово; и наши усилия заключить ее в эти пределы необходимо должны ее исказить и запутать. Человек, взятый отдельно, ищет доказательств, часто сомневается, иногда отвергает; но род человеческий, взятый вместе, верит: доказательство, что эта вера дана *всем*, а не приобретена *каждым*. Род человеческий никогда не достиг бы до веры в Бога работою ума своего; Бог сам сказался человеку. Доказательства, извлекаемые из чистого ума, все допускают возражение и сомнение, которых мы ничем опровергнуть не можем. Непостижимость Бога есть сильнейшее доказательство бытия Его: высшая идея, какую только человек иметь может, должна принадлежать высшему свойству души человеческой, не уму, а вере.

Никто не может сказать, когда началась на земле вера в Бога; не было человека, который, по прошествии многих времен богонезнания, вдруг открыл, что Бог существует, и, явясь перед людьми, философически доказал им Его бытие. Вера в Бога есть предание, переходящее от отца к сыну, полученное непосредственно первым сыном от первого Отца, то есть первозданным человеком от самого Создателя. Грехопадение окружило это предание своим мраком; из очевидности оно перешло в область откровения, от ума к вере. Ум усиливается человечески доказать то, что в нем божественно поселено откровением и что свободно принято верою; и в этих-то усилиях извлечь прямо из себя, облечь в слово и определить выражением то, что вне всего этого, ясно и очевидно и что становится запутанным от наших безуспешных толкований, заключается источник всех наших умственных заблуждений, сомнения и неверия. Из нашего бессилия схватить умом необъятное и выразить словом невыразимое, мы выводим невозможность его существования, тогда как самое это бессилие есть убедительнейшее доказательство самобытности сего существования: здесь то, что есть непостижимость для ума, есть очевидность для веры.

Вера

Немецкое слово *glauben* полнейшим образом выражает понятие христианской веры; с ним рядом стоит русское слово *вера*. *Glauben*, *geloben*, *верить*, *вверяться*. Разница между сими словами та, что в немецком *glauben* происходит от *geloben*: а в русском наоборот *вверяться* происходит от *верю*. Итак, и в самой вере, высочайшем акте души человеческой, есть две стороны: одна, так сказать, материальная, основная, первообразная, другая духовная, производная. (Все сии слова употребляются только для того, чтобы объяснить понятие веры: на самом деле этого, разумеется, быть не может. Вера есть состояние нашей души; она неделима, как сама душа.) Во-первых, вера есть произвольное принятие истины, без помощи очевидности, покорив рассудок свидетельству открове-

ния; во-вторых, вера есть произвольное предание самого себя, то есть совершенное покорение самой своей воли воле Того, чьему откровению эта воля уже покорила рассудок. Если в человеке свершились оба акта веры, если он, *поверив*, *предал* себя в полную волю того, кому поверил, если он *верует* и *вверяется*[1], то эта вера его есть вера живая; она выражается не одною мыслию, но и делом, или правильнее, дела с нею неразлучны (дела, часто невидимые человеку, но явные пред всевидящим Богом). Если один только первый акт (последний не может быть без первого) веры произошел в душе нашей, то эта вера не живая, не деятельная, она не спасает души, и в таком случае слова апостола справедливы: *вера без дела мертва есть*[2]. Но и дела без веры мертвы суть. Дела без веры составляют что-то несвязное, нецелое, не имеющее образа. Дела благие, при самом благодетельном их действии на душу, все оставляют ее в том состоянии несовершенства, в каком она находится, состоя под законом[3], то есть будучи неспособною удовлетворить вполне закону, следовательно навсегда отдаленною от Бога своим греховным несовершенством. Вера полная (оба объекта ее) не дает сего совершенства; но она отверзает дверь благодати, а благодать довершает душу, даруя ей (проникнутой верою и ею приготовленной для принятия даяния свыше) все то, чего сама собою не может она приобрести по своему бессилию: благодать строит мост через бездну, которою отделена верующая душу от Бога. Сия благодать существует только для искупленного Спасителем; искупление совершилось для всех, но оно только дверь отворенная; кто войдет в дверь, тот принят, тот спасен; но он приводится к этой отворенной двери одною верою; на пороге ее благодать, призванная покаянием, снимает с него все, что помешало бы его вступлению и что составляет его человеческую, земную ношу. В двух словах: без веры во Христа нет спасения, но вера сия не одно признание Спасителя, но в то же время и предание себя Спасителю, или смирение рассудка и воли и их уничтожение пред высшим разумом и высшею волею.

* * *

Дела без веры, вера без дел — мертвы суть[4]. И то и другое одна и та же истина для христианина. Но сколь в мире нехристиан по незнанию христианства было, есть и долго еще будет! Как для них? Можно разделить дела на категории: низшая степень — благие дела *произвольно* отрицающего веру; потом — благие дела язычника, имеющего веру ложную; наконец благие дела *верующего* во Христа. Как человеку решить, что один только последний спасется, а другие все погибнут? У всех один верховный судия, Бог и Христос Спаситель. Нам не известен, нами не может быть и постигнут суд Божий. Мы знаем наверное одну только судьбу христианина. В то же время мы можем знать ясно, что из всех, творящих благое, самый ближайший к источнику блага, то есть к Богу, есть верующий христианин. А что такое спасение? Созерцание Бога в вечности[5].

* * *

Иначе нельзя поверить[6], как произвольно, то есть не по убеждению, а по добровольному принятию. Но не всякой верит, кто желает верить. Вера, высочайший акт человеческой свободы, есть в то же время и высший дар Божией благодати. Мы принимаем откровение, покоряя ему рассудок: наша вера есть следствие сего добровольного покорения рассудка; она в то же время любовь к Тому, Кто дает откровение. Если, напротив, вместо того, чтобы ему покорить рассудок, я его самого подчиню допросам рассудка, и потому только поверю откровению (или, точнее сказать, приму откровение), что буду убежден в его истине, то буду иметь не веру, а только убеждение. Что очевидно, то не требует веры. Очевидность есть, так сказать, непосредственное знание. Аксиомы суть выражения очевидного. Мы не говорим: я верю, что *часть менее целого*. В понятии: *я верю* заключается и понятие: *я хочу верить*. Вера свободна. Я говорю: *часть менее целого*, не потому, что я произвольно это принимаю, а потому, что я этого не могу не принять умом моим. Ум есть раб очевидности. Вера есть свободное покорение ума и воли откровению[7].

* * *

Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога и в Меня веруйте[8]. В этом слове все возможные утешения, данные наперед человеку на все беды житейские. Сперва веруй, потом уже сердце твое будет тихо и мирно само собою. Из сердечных смущений истекает вера, из веры истекает мир. Но как приобрести веру? Умом я убежден, что вера есть венец души человеческой, ее прямой путь к Богу; вера — мать любви; любовь — возможное совершенство души человеческой. Но как дать себе эту веру? Как дойти до того, чтобы она была все, во всем и всегда? Если сердце сухо, как русло ручья иссякшего, если оно холодно, как железо, и нечувствительно, как камень — кто оживит его для веры? Наша воля не имеет этого всемогущества. Вера есть ей неподвластное событие во внутренности души нашей.

* * *

Там нет веры, где есть очевидность или умственное убеждение[9]. Мы не властны не верить тому, что очевидно для чувств или для ума, или что ум, вследствие своих узаконенных природою действий, должен необходимо принять убеждением. Вера есть свободный акт воли; но в то же время никакая человеческая воля без содействия воли высшей не может ввести в душу веру, сколь бы душа того не желала. Воля открывает или запирает душу для веры. *Рассуждая*, мы приводим, повинуясь законам логическим, идеи в порядок, идем некоторым определенным путем к некоторому определенному пункту; искомый пункт необходимо находится на конце нашего пути: он есть или *да* или *нет* или

не знаю. Эта операция ума вся *внутренняя*. Для веры не нужно нечто *внешнее*. *Рассуждая*, мы произвольно действуем умом, но по некоторым необходимым, ему предначертанным, законам. *Веруя,* мы принимаем произвольно откровение. Чего нет в нас, то мы безусловно получаем извне от другого, от посредника. Минуты такой веры встречаются в обыкновенной жизни. Но та вера, о которой здесь говорится, принадлежит только религии христианской. Я верю во Христа — значит я произвольно покоряю свой ум откровению, которое даст мне Христа, не стараясь и не имея нужды убедить мой ум в Его существовании. И сие самоотвержение воли и ума заменяет для меня убеждение, истекающее из очевидности, убеждение, которое само но себе есть нечто непроизвольное, необходимое, хотя и имеет по наружности характер произвольности и свободы.

* * *

Ум обрабатывает жизнь в границах здешнего мира[10]; свои понятия о высшем строит он из материалов низшего. Вера отверзает нам дверь в высший мир непосредственно. Ее производит откровение. Откровение есть голос с того света.

* * *

То, что мы называем *верою*[11] в обыкновенном, низшем смысле, есть произвольное действие души, принимающей что бы то ни было *без* убеждения или *до* убеждения рассудка. Само по себе разумеется, что между моею душою и тем, что она принимает, должен быть посредник, предлагающий ей принятие: ибо я верю не себе, а верю тому, кто меня уверяет. Сия вера в низшем смысле может быть подчинена переносу ее приговоров пред судом рассудка. Она не есть для нас обязательная вера: она ограничена предметами, заключающимися в пределах житейского, где все должно быть подчинено разуму, земному путеводителю в земных отношениях. Вера в *высшем* смысле есть вера в Бога посредством Христа. Эта вера есть верховное действие нашей свободы. Она для всех обязательна, но мы ее принимаем произвольно, мимо рассудка, который перед нею смиряется, не поверяет ее, не доказывает ее откровения, а только согласно с своим назначением приспособляет к ней все земное, его управлению подчиненное. Посредник здесь между Богом и душою человека есть Христос Спаситель, сам Бог, по воплощении могущий явиться лицом к лицу душе человеческой, а по божеству могущий соединить с нею невидимого, ей *одной* недоступного Бога. Не развивая далее сего общего понятия о вере (которая не иное что есть, как исключительно вера христианская), скажу только, что нам, не видавшим глазами Христа, Он представляется в св. писании; в Новом Завете Он Сам; с Ветхого Завета события, предвозвещающие Его пришествие. Веру в св. писание утверждает в нас существующая со времен Спасителя церковь.

Церковь говорит нам: в сих книгах ваше спасение; что в них писано, то было и будет; верьте им беспрекословно. Итак, наша вера во Христа основана на нашей вере в говорящую о Нем церковь; сперва надобно покориться церкви, чтоб узнать Христа и в Него уверовать. Итак, первый акт произвольный нашей воли есть сия покорность церкви, которой учение относительно Христа Спасителя и писаний, о Нем возвещающих, должны быть для нас непреложны. Как мне церковь на своих соборах повелела принимать то, что заключается в святом писании и какой символ веры из него истекает, то для меня и остается ненарушимым. Главное дело церкви совершено; пределы все начертаны; теперь она только сохраняет ею созданное; богослужением оживляет память искупления; проповедью толкует слово святого писания и вводит его в деятельную жизнь; таинствами освящает главные акты нашей временной жизни — рождение, брак, покаяние, смерть. Здесь ясно означаются и границы самой веры — церковь не есть Христос, а вождь и путь ко Христу. Я верю в церковь, я верю в нее, как в средство, дающее мне веру во Христа, а не она предмет моей веры. Следовательно, вера ограничивается Христом и писанием, о Нем говорящим! Здесь вера безусловна, рассудок ей покоряется, вера владычествует! Но все, что переходит за сию границу, перестает быть предметом веры и входит уже под владычество рассудка. Писания св. отцов не стоят для меня наравне с святым писанием; благоговея пред высоким духом писателей, я принимаю их мысли и поучения сердцем, готовым верить, но не запрещаю рассудку поверять их человеческое слово, и это не только не запрещается, но есть обязанность священная, ибо рассудок нам дан для владычества над всем земным и для смирения нашего перед небесным. Но небесное на земле заключается все во Христе и св. писании: перед Ним рассудок смиряется; все остальное подлежит ему; без рассудка нет воли; он ее светильник; без рассудка и воли не может быть смирения: рассудок понимает, но он же видит и свою неспособность понимать то, что подлежит одной вере, и необходимость смирения; воля решит: смириться или нет; она произносит свой приговор не иначе, как будучи прежде просвещена тем же рассудком, который после должен покориться ее приговору. Итак, самое верное правило для нас, дабы не впасть в величайшее заблуждение и из святой религии Христовой не сделать для себя фанатизма факиров и шаманов, самое верное правило есть: сперва *безусловное принятие верою* всего, что заключается в св. писании и что нам передала церковь, утвердившая все на своих соборах, короче — вера в Христа; потом *свободное действие рассудка во всем,* что выходит за сию границу, но действие рассудка в смысле веры, то есть введение рассудком в практическую земную жизнь того небесного, что вера приняла от Христа Спасителя[12], искупившего душу человеческую своим воплощением и оставившего ей в писании свидетельство о сем искуплении. Итак, все, что *постановила* церковь на краеугольном камне Христа и Его учения, есть для меня предмет безусловно смирен-

ной веры; то же, что церковь утверждает на основании частных обстоятельств, на требованиях времени или места, то для меня есть только предмет уважения и покорности, но здесь рассудок свободен действовать, ибо здесь все входит в его область.

Промысл

Я читал в Journal des Débats[1] описание несчастия, случившегося с ребенком. Он прыгал с копны сена; внизу в сене торчали вилы; ребенок их не заметил, прыгнул и наткнулся на вилы, которые прокололи ему внутренность. Спасти его было нельзя, ибо зубца вил нельзя было вынуть из тела, он был зубец с заворотом на подобие острия удочки; ребенок был должен умереть в жесточайшем мучении. Как изъяснить это ужасное событие в смысле Провидения? Для ребенка оно положительное зло, без всяких благих последствий: он должен был пострадать несколько часов, а, может быть, и несколько дней, и все тут; и жизнь его, не развитая ничем человеческим, кончилась вдруг страдальческим перерывом. Как согласить это с мыслию, что беды житейские должны быть нам в пользу? Кому здесь польза от сего страшного мучения, обратившего минуты в годы и постигшего душу, не имеющую ни сил для его перенесения, ни способности для извлечения из него высокой нравственной пользы? Где же благость Промысла? Можно ли обрести ее в этом страдании, посланном без видимой цели и пользы, и падшем на создание непорочное, бессильное, не приготовленное ни снести его, ни благословлять в нем того, кем оно послано? Ответ на все это простой. Мы должны не по событиям судить Промысел Божий, а события по Промыслу Божию. В одних Он нам является во всей своей благости, в других мы не видим своими слепыми глазами этой благости. В обоих случаях, как и во всем мы должны смириться. Но живой Бог существует; Он действует самобытно и вполне во всякое мгновение времени, во всяком атоме и для всякого атома в пространстве, действует без раздела, вполне, всевластно, следовательно во благо — следственно во всем мы должны видеть благо, не потому что это благо нам явно, а потому что все истекает от Бога, и явное благо, называемое нами добром, и неявное, которое кажется нам злом.

* * *

Счастлив тот, кому Господь пошлет рано, а не поздно тяжкие испытания[2]. Он заранее узнает свои силы или свое бессилие, и в обоих случаях окрепнет, научась опытом действовать по воле Божией. Единственное, чему должны и чему можем в совершенстве научиться, есть произвольное повиновение. В этом произвольном повиновении заключается все человеческое достоинство и вся человеческая свобода. Мы сами никакого добра себе дать не можем:

всякое добро нам дается; но быть покорными Богу, творцу, источнику и подателю добра, во всякое время (с блаженным ли чувством любви или без ощущения сего блаженства, по влечению ли воли или против влечения воли), нам возможно; это *единое наше*. Счастлив тот, кого жизнь заранее приучила к покорности, кто в младенчестве получил привычку принимать с благоговением волю родительскую и ей предаваться безусловно, кто мало-помалу мог понять все благо ее спасительной строгости, и кто из детских лет перенес в юношеские лета эту привычку признавать неотрицаемость верховной власти, которая из образовательной, приготовительной отеческой обращается в спасительную, искупительную Божию, в то время, когда он вступит на дорогу самостоятельной, деятельной жизни, для страшных встреч и тяжелых борений; и вдвое счастлив он, если эти встречи и борения начнутся для него в начале дороги, когда еще не вкоренилось в нем никаких вредных насчет себя самого заблуждений, а не при конце ее, когда силы иссякли и когда так ужасно, так бесполезно вдруг очнуться из заблуждений[3], столь усыпительно его баловавших во все продолжение ленивой, никакими тревогами не приводимой в движение жизни.

* * *

Если мы терпим только в надежде[4], что будущее принесет нам отраду, и если только эта надежда дает нам силы для терпения, то наша подпора не верна. Можем ли мы опираться на ломкой тростинке ожидания этой перемены на лучшее, которой равно может и быть и не быть. Надежда на Бога — другое дело. Но об этой надежде надлежит иметь ясное понятие, дабы иметь в ней твердую подпору. Она есть не иное что, как безусловная покорность Его воле, что бы ни возложила на нас эта воля: крест ли страдания или крест счастья. Кто дошел до высокого убеждения (и в ком это убеждение обратится в смиренное, беспрестанно присутственное чувство), до убеждения, что нет никакого земного блага выше этой покорности, тот утвердил здание своей жизни на граните непотрясаемом[5]. Будет ли младенец судить и осуждать своего отца[6], который подвергает его трудному лишению и строго наказывает? Со слезами приняв наказание, младенец через минуту ласкается к отцу своему и, не мысля о наказании, вдвое чувствует к нему привязанности, тайно понимая его всегдашнюю любовь в его минутной строгости.

Младенец знает одну настоящую минуту своей беспечной жизни; отец знает его будущее. Мы, младенцы в колыбели земной жизни, мы плачем от всего горького, что постигает нас в сию быструю минуту; но Отец небесный знает, что мы для вечности, и готовит нас для вечности. В неизбежимости Его власти и в необходимости ей покориться — заключается великая сила души нашей. Древний фатум есть ужасное чудовище; необходимость ему покоряться

и его неизбежимость были безотрадное бедствие. Наш испытатель есть живой Бог; и сколь бы ни были непонятны для нас и тяжки Его испытания — для их изъяснения Он имеет для нас вечность. И это изъяснение уже дано нам предварительно ниспосланным для нас искуплением. Все здесь написанное есть неоспоримая истина и ум мой ее принимает. Но кто передаст ее сердцу? Кто из мертвого умственного убеждения сделает теплую молитву и животворящую веру? Один Бог. И что Его милосердие медлит выбить из камня души животекущую воду[7] — есть самое тяжкое из всех Его испытаний. Но и оно должно иметь свое благотворное последствие. Мы должны терпеть и бедствие собственного, внутреннего нашего недостоинства с тем же смирением, с той же верою и надеждою, как всякое другое бедствие, на нас извне нападающее.

* * *

Будьте подобны младенцам, ибо их есть царство небесное, сказал Спаситель[8], указывая на детей, Его окружающих. Что значит это слово? Что есть жизнь младенца? Незнание закона, следственно невинность перед законом; безусловная покорность отцу и матери: *да будет воля Твоя*; любовь к родителям: *да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое*; беззаботность о завтрашнем дне: *хлеб наш насущный даждь нам днесь*; незлобие: *и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должников нашим*; незнание зла и бед житейских: *не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого*. Младенец есть, неведомо самому ему, тот человек, которой выражен в молитве Господней. Но Спаситель говорил не младенцам, а уже совершеннолетним, знающим закон; он требовал от них, чтобы они были с этим знанием таковы, как младенец, в своем незнании; что в младенце незнание, то в знающем должно быть смирение, то есть вера, надежда и любовь, взятые вместе.

* * *

Праведник-христианин награжден уже в здешней жизни[9]. Его награда в христианстве. Эта награда не есть плата по таксе за каждое особенное дело; а общая награда, заключающаяся в самом состоянии, во внутреннем мире, заговаривающем бедствия житейские, эту награду может иметь только христианин. Утешение стоиков — обман. Метафизический бог есть идея, эта идея может быть утешением и воздаятельна для некоторых, но не для всех. Христианский Бог для всех, и простых и мудрых, и сильных и слабых, счастливых и скорбящих. В сем отношении справедливо, то что *дела без веры мертвы суть*[10]. Дела без веры то же, что действия автомата, похожие на человеческие, но не оживленные душой. В совести нет утешения, если во глубине нет живого Бога, там поселенного верою. Одна вера дает делам их освящение и производит из их отдельности одну общую гармонию; одна вера возвращает

человеческой душе ее утраченное подобие Божие. И в этой вере все награды праведника во времени; *в вере*, которая, будучи блаженным откровением и принятием неведомого *здесь*, становится *любовию*, то есть блаженным созерцанием ведомого *там*.

Закон и грех

Без закона грех мертв. Я жил некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил, а я умер[1]. Как понимать слова апостола? Что значит здесь слово смерть греха и смерть человека? Грех в одном смысле есть греховность, то есть наша, врожденная нам наклонность грешить; в другом смысле грех есть действие греховности, поступок, нарушающий заповедь Божию. Само по себе разумеется, что пока не было заповеди Божией, не могло быть и ее нарушения, то есть явного греха, греховного поступка. С заповедью произошло и ее нарушение, то есть человек, по натуре своей подверженный греху, или греховный, из явного нарушения заповедей, из совершенного им греха, постиг свою греховность, бывшую до заповеди для него сокровенною. Другими словами, человек, живший в незнании греха, *умер*, то есть обратился в человека, знающего грех. А грех *мертвый* для человека, не знавшего, что такое грех (до заповеди), сделался для него *жив* от нарушения заповеди, или от запрещения, то есть сделался *знаемым* грехом. Следовательно, слово *смерть* есть здесь *знание* и *незнание*. Следует вопрос: когда знание греха или смерть нравственная вошла в жизнь человека? С заповедями Божиими. Что же он был до сих заповедей, то есть до писанного закона Божия, данного Моисею? Какой закон определял для него грех и нарушение какого закона производило в нем сию смерть душевную? До закона Моисеева было наказание, следовательно, было и преступление, произвольное нарушение заповеди. Изгнание из рая, потоп, погибель Содома и Гоморры и прочее. Здесь закон не заключается ли весь в той первобытной заповеди, которая дана была первому человеку, нарушение которой произвело и греховность человека, разлившуюся на весь человеческий род, и знание греха в первом человеке, и неразлучное с ним знание заповеди нарушенной, в которой есть источник всех последующих заповедей, одних — неопределенных, выраженных в тайном законе нашей совести, а других — определенных, данных самим Богом чрез Моисея народу избранному? До пришествия Христа человеческий род надлежит разделить на два разряда: на язычников и иудеев. Первые принадлежали неопределенному закону, естественному; последние — определенному, писанному, Божию[2]; те состояли под совестью, сии — под законом Божиим. Некоторые избранные меж людьми, посвященные Божиим откровением, составляют цепь между человеком в раю и народом израильским у подошвы Синая, где наконец выразился во всей своей полноте и откуда началось явно предуготовительное дело искупления.

Плоть — дух

Плоть — дух. Плотское — духовное. Сия противоположность встречается беспрестанно в священном писании. Надобно объяснить сии понятия.

«Мы дробим (как было сказано в другом месте)[1] нашу душу на разные способности, делим ее, так сказать, на участки и к каждому из них приписываем особенную, отдельную ее способность. Говоря *ум*, *воля* и проч., мы разными именами означаем одно и то же, то есть *всю душу*, в разных только образах ее действия; нет такой особенной части в душе, которая была бы только ум или воля; все это — вся душа, полная, всегда неразделимо действующая; мы только для ясности принуждены прибегнуть к раздроблению единства на части. Душа мыслит, избирает (то есть отвергает или принимает), творит, верует — сии разные образы действия одной и той же души мы называем: ум, воля, творчество, вера»[2].

Здесь, однако, в слове *душа* соединяются две идеи. Святое писание говорит о тройственности человека, о соединении в нем *духа*, *души* и *тела*. *Дух* — чисто божественное в человеческом; душа — нетленное, с ним неразделенное тело духа, средина между ним и телом, нечто имеющее с одной стороны свойство телесного, то есть некоторый определенный образ, с другой стороны нетленность и самобытность духа; наконец тело — материальная скиния духа и души на все время земной жизни, в которой их видимое, совокупное явление называется человеком. Сии три элемента, составляющие это названное человеком целое — могут быть постигаемы и определены каждый отдельно. Главный элемент есть *дух*: в нем сосредотачивается вся деятельность человеческой жизни; второй элемент *душа*, неотделимая, вечная принадлежность духа, его, так сказать, двойник, его самобытны действователь с одной стороны на тело и через органы тела на внешний временный мир, с другой стороны обратно на него сообщением ему впечатлений, через органы тела из внешнего мира получаемых; наконец третий элемент — *тело*, временная материальная принадлежность души, которая или им властвует и покоряет его силе духе, или ему покорствует и своею от него зависимостию стесняет дух в его действиях.

Когда в нас происходит операция размышления, то есть, как говорится, когда в нас действует *ум*, то из трех вышеозначенных элементов первенствует душа и тело, но перевес на стороне души; в процессе *воли* первенствует душа и дух, но перевес также на стороне души; в процессе *творчества* равномерно первенствует душа и дух, но здесь перевес уже на стороне духа; наконец, в процессе *веры* первенствует один дух, весь перевес на его стороне, другие покорствуют.

Итак, человек составлен из духа, души и тела; без соединения сих трех нет человека[3]. Дух — царствующая, самобытная часть человека; душа — посредник между духом и телом; тело — само по себе нечто безжизненное, материаль-

ное, подчиненное. Но тело необходимо душе (возьмем здесь душу в ее обширном смысле, то есть соединяя дух и душу в *одну* идею) для ее деятельности в здешнем порядке и составляет орудие этой деятельности, обращающейся на мир внешний. Сия необходимость употреблять тело, как орудие, производит зависимость души как от тела, так и от внешнего, телесного мира, с которым тело вводит ее в сношение[4]. Сия зависимость есть то, что мы называем *плотью*. Говоря *тело*, мы разумеем телесный состав человека; взятый отдельно, то есть члены и проч.; говоря *плоть*, мы разумеем и тело в его влиянии на душу, и душу под влиянием тела, под влиянием внешнего мира[5].

Влияние тела на душу вредно со времени падения первого человека, ибо сие падение поселило в человеке грех, то есть испортило волю его, сия воля бессильна удержать первенство души над телом, сохранить ее от него в независимости и с ним от внешнего мира; она колеблется между ним и внешним миром; сия колеблемость, сия наклонность уступать телу есть состояние греховное. Мы должны произвольно сохранять духовность души своей и отдалять от нее все плотское; но для этого воля наша бессильна. Тело, до падения чистое, по своей испорченности от падения сделалось главным врагом души человеческой. Душа по натуре своей божественна, *дух*, бывает по испорченности воли, произведенной грехопадением — *плотью*, то есть рабом тела и внешнего мира. *Душа*, как *дух*, исключительно принадлежит Богу; как *душа*, стоит между миром и Богом; как *плоть*, исключительно покорствует телу и через тело миру.

Таинство Причащения

Причащение Святых Таин есть высочайшее, всеобъемлющее, блаженнейшее дело нашей земной жизни. В нем видимо и ощутительно в образе таинства повторяется перед нами и в нас самих искупительная жертва Иисуса Христа. Кто приступает к таинству причащения в том расположении души, какое для того требуется, с тем чувством смирения, покаяния, веры, надежды и любви, которое должно приносить к Нему наше сердце, — на того производит оно чудесное действие душевного и телесного очищения; он некоторым образом на мгновение становится лицом к лицу перед самим Богом, и этот оживотворяющий взор, устремленный от человека на Бога и от Бога на человека, преображает душу во мгновение, все ее прошедшее исчезает в блаженной чистоте настоящего; она некоторым образом ощущает самую вечность; с человеком творится то же, что с разбойником на кресте, когда все преступное прошедшее одним словом: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии своем*[1] — приготовило вдруг всю грешную душу к очищению, и когда ответ на это слово был ответ вечного Бога на всю вечность: *днесь со Мною будеши в раю*[2]. Таково действие причащения в полном его смысле. Какое несказанное благо оставил в

нем Спаситель для своих верующих! В нем каждый верующий сделался, так сказать, на всю свою жизнь его современником. Сам Он к нему является в те минуты, когда он — страждущий, жаждущий исцеления, мучимый совестью, нуждающийся в утешении и в подпоре — Его призывает. Жизнь верующего разделена, так сказать, на периоды, которых главные эпохи суть те минуты, в которые он причащается, это минуты соединения с Спасителем, утешителем, наставником, подкрепителем, оправдателем и освятителем. В промежутках этих великих, главных эпох жизни, этих животворящих соединений, человек остается человеком, слабым, зависящим от влияния внешнего, рабом своих слабостей, бедным наследником греха первобытного. Но минуты, в которые он *готовится* к великому свиданию, и минуты, *непосредственно следующие* за сим свиданием, суть минуты святые, святые по раскаянию, по испытанию души своей, по уничтожению себя перед Всевышним, по любви, надежде и вере, по сильнейшему стремлению к добру верховному. Удаляясь от них, грешная природа человеческая вступает в права свои; мы впадаем в обыкновенные свои заблуждения, поддаемся страстям, развлекаемся ничтожностями мира; плоть одолевает дух. Но очевидно и неоспоримо, что если мы не считаем причащения Святых Таин одним только отдельным актом жизни, не связанным ни с прошедшим ее, ни с ее будущим, если, напротив, видим в каждом их сих актов истинные звенья, составляющие цепь нашей жизни, цепь, соединяющую земное с небесным, то причащение в душе верующей составляет главный предмет ее здешней деятельности: по совершении одного таинственного акта, проливающего помилование на прошедшее и благодать на настоящее, мы начинаем идти к другому путем обыкновенной жизни, но с ожиданием возобновления испытанной нами благодати; и эта *память* о полученном благе, это *приготовление* души к получению нового, это *ожидание*, соединенное со *страхом* утратить его действия или сделаться недостойным его приятия, всегда присутственные посреди забот, страданий и бедствий, производимых злом внешним или внутренним — составляет главную твердейшую опору нашей души и в то же время, готовя ее к новому соединению лицом к лицу с ее Спасителем, совершающемуся в таинстве причащения — препятствует уничтожению того очистительного действия, какое должны произвести на ней все прежние подобные минуты свидания. И что должна быть жизнь христианская, если она будет вся составлена из сих переходов от одного благодатного свидания с Искупителем к другому, из которых каждое будет производить свое действие вполне, как таинство, очистительное в смысле вечности, и крепительно-нравственное в смысле временной жизни, и в промежутке которых *воспоминания* и *ожидания*, как Божьи звезды, будут светить посреди мрака земли, без них неисходимого и губящего нашу душу. Причащение есть, после искупления, величайшее благотворение, оказанное Богом падшему человеку, некогда в лице Адама грехом

с ним разлученному. Искуплением разрушена стена, отделявшая человека от Бога, и он может, ведомый верою, с помощью благодати, переступить за сию границу. Причащение есть действительный способ, указанный Спасителем человеку, для употребления в свою пользу блага искупления. Вышед из своей вечности для человека в область времени и пробыв с ним на земле одно мгновение, Он не только совершил Сам дело искупления в образе человека перед очами тех, кого учил, к которым непосредственно обращал свое слово и на которых Отец людям ниспослал Св. Духа; но Он хотел помочь слабости человеческой, которой столь трудна вера, сделавшись в таинстве вечери, так сказать, современным всему человеческому роду до скончания мира, возобновляя пред глазами каждого верующего дело искупления и жертвы и помогая спасению души посредством, так сказать, вещественного слияния с нею, которое производится верою: не одной нашей бедной воле вверил Он сие стремление соединить нашу душу с призывающим ее Богом; не одной нашей совести, столь пристрастно ослепленной или беспечной, дал Он силу просвещать нас насчет нас самих, — Он дал нам Самого Себя в помощники, дал, так сказать, материальный образ нашей совести в акте покаяния, где нашу совесть представляет посредник, крест, Евангелие, перед которыми должны мы не обинуясь раскрыть свою душу[3]; Он наконец не одною духовною силою стремления к Богу, к соединению с Ним, влечет нашу волю; но Он поставил перед глазами нашими чашу той вечери, которую некогда Сам подал из рук в руки Своим ученикам, которую Сам подает и ныне из рук в руки верующим, чашу, в которой наши глаза видят хлеб и вино, а вера видит сообщающееся с нами Божество, если только сердце приготовлено и к принятию Его и к Его сохранению. И в таком случае беспрестанно совершается для каждого человека то же чудо спасения, которое некогда один раз на всю вечность совершилось на Голгофе, чудо действительного очищения, чудо, служащее необходимым дополнением чуда искупления. Там Искупитель отворил для всего человечества дверь, ведущую в святилище Божества, затворённую для него грехопадением; здесь Он Сам подает руку для введения в эту дверь своих верующих. Там Он в одном деле обнял все человечество; здесь повторяет свое спасительное дело для каждого человека отдельно. Одно есть следствием другого. Но кто же с Ним войдет в эту дверь? Кто достоин подать Ему руку? И какое средство приобресть это достоинство? С одной стороны — та же самая, ничем не ограниченная благость, сказавшая на кресте разбойнику: *днесь со Мною будеши в раю*; с другой стороны — та же вера и то же покаяние, которые исторгли из уст разбойника крик: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии Своем.* Одним словом — покаяние. Мы должны наперед так же сказать перед самими собою и перед Богом: *мы осуждены праведно и достойно по делам нашим приемлем; Сей же ни едина зла не сотворил*[4]. Если войдет такое покаяние в душу и проникнет ее

насквозь, и в то же время проникнет ее вера во Спасителя, в его милосердие, то она в это мгновение действительно преображается, и все ее временное греховное прошедшее исчезает из нее пред глазами Того, Кто душу судит по душе, принадлежащей вечности, а не по делам, исчезающим вместе с временем; и святое таинство налагает на нее очистительную печать свою. Итак, одна вера и одно покаяние делают нас достойными подать руку Спасителю для вступления с ним в отворенную дверь искупления[5]. Тогда Он является Сам не в мысленном, а в телесном виде, и хлеб и вино в таинственной чаше становятся для нас хлебом жизни и питьем примирения. Чтоб покаяние могло совершиться, нужно два акта — один простой, естественный: обвинение самого себя перед естественным, но не видимым представителем Божиим — совестью, которая может только укорять, но ни оправдывать, ни разрешить не может; другой акт таинственный, перед видимым представителем Божиим[6], которому некогда в лице своих апостолов дал Сам Спаситель власть связывать и разрешать[7]. Таинство исповеди есть так же дар любви Божией, как и причащение; оно дано человеку в помощь его слабой, неверной воли. Когда он судит себя по одной совести своей, то он в одно время и обвинитель и обвиненный; в обоих случаях пристрастный и слепой; как обвиненный, он не страшится обмануть своего судью; как обвинитель и судья, он уступчив и не имеет для предстоящего суду его того божественного характера непогрешимости и могущества, пред которым душа трепещет и не дерзает прекословить. Таким образом, суд совести, для нас необходимый, потому что без него мы не можем знать самих себя, недостаточен, потому что не может быть полон и верен. Но когда, перешед эту низшую инстанцию суда, мы переходим в высшую, где не одна наша невидимая совесть заседает на судилище, но где есть и видимый представитель Божий, слушающий и поверяющий обвинителя-совесть, там душа необходимо должна сбросить с себя все свои покровы, явиться обнаженною и предаться безусловно приговору суда верховного. Но здесь же к суду посредством таинства присоединяется и отпущение и разрешение, чего не властна и не имеет права сделать наша бедная совесть, которая в одно время есть и судия и участница нашей греховности. Итак, единственное *средство покаяния* полного и действительного заключается в таинстве *исповеди*. Она должна быть искренняя, полная, сокрушенная, верующая, соединенная с отвращением к проступкам прошедшим и с намерением предохранять себя от них в будущем; на сих токмо условиях возможно разрешение и будет спасительно причащение тела Христова, — *будет не в суд и не в осуждение, а в жизнь вечную*[8].

Господи! отыми у меня, что отвращает от Тебя[9];
Господи! дай мне, что приводит к Тебе;
Господи! возьми меня у меня и отдай меня во владение Твое.

Замечай за собою внутри самого себя, если желаешь узнать и себя самого, и то, что от Бога тебя отделяет. *Грех* есть то, что препятствует соединению твоему с Богом. Твоей душе не достает только одного — ее Бога. Но, чтобы она могла принять в себя Бога, надлежит ей быть свободною от греха. Очиститься же и предохранить себя от греха может она только милосердием Божиим и заслугою Иисуса Христа. Ибо как Бог, из одной благости, даровал тебе жизнь естественную, так Он и жизнь духовную дарует тебе по той же свободной благости. Но, чтобы жизнь сию получить, ты должен волю свою предать в Его волю и радостно все принимать, что Он ни пошлет на тебя.

Без страдания и внутренней скорби жизнь сия не может в тебе родиться. Чтоб приобресть сию сверхъестественную жизнь благодати, надлежит тебе очистить себя от греха и всякой недоблести, от самолюбия, своеволия, своедовольства и от всех беспорядочных вожделений плоти.

Недостатки и погрешности твои происходят только от того, что беспорядочные твои вожделения тебя всегда из тебя самого исторгают. Возвратись во внутреннее твое и сноси безропотно свои недостатки. Учись терпеть самого себя, тогда научишься переносить недостатки свои и чужие.

Никто не может тебе вредить, кроме тебя самого. И потому бойся только себя и ни в каком случае себе самому не вверяйся. Благоразумен и осторожен бываешь ты только тогда, когда остаешься в самом себе, и своей болезни, своей немощи, своих недостатков и слабостей, своего ничтожества с глаз не спускаешь. Если не хочешь быть обманутым, держись этой основной истины: сам по себе ты *ничто*, и одно только может пособить тебе, то именно, если Бог сам войдет в твою душу, и жизнь твою сам устроит.

В естественном своем состоянии ты самого себя познать не можешь, а потому и Бог тебя познать Его не допустит (а потому и познание Бога тебе не дается). Естественный свет сияет в тебе как месяц, он прибывает и убывает; но свет от высоты, благодать, сияет как солнце, и всякую светлость блистанием, ясностью и чистотою своею превосходит[10].

Делами своими ты Богу угодить не можешь, ибо в делах своих по природе ты имеешь предметом одну только природу — самого себя; то Богу угодно быть не может. Если же будешь искать Бога, то найдешь Бога, и Он даст тебе праведную жизнь и сохранит тебя в правде, которая только в том заключается, чтобы ты воистину признавал, что Он есть Бог и что ты сам ничто. Все, что тебя от Бога и Бога от тебя отлучает, и что всегда препятствует Ему совершить в тебе дело свое, заключается единственно в том, что ты что-нибудь значишь и Богу делами своими угодить желаешь: Бог же твоих дел не хочет; Он хочет своего дела. От этого вся беда и тревоги. Склонность к добру, поелику добром обладать для нас приятно, есть самолюбие, есть наслаждение ради наслаждения. Так не должно любить ни Бога, ни людей. Люби истину ради истины и правду люби в ней самой.

Обратись к отеческому сердцу Бога — и всё свое упование возложи единственно на драгоценные заслуги Иисуса Христа. Крест да будет твоею оградою. Бросься душою к стопам Иисуса: в нем одном ищи очищения и оправдания всей твоей жизни.

II. ФИЛОСОФИЯ

Наука

Наука есть богатство ума человеческого, есть хранилище приобретенных им умственных сокровищ. Каждое новое приобретение науки, полезное для материальной и для общественной жизни, усиливающее власть человека над окружающею его природою, умножающее[1] способы наших наслаждений чувственных и умственных, приобщается к приобретениям прежним, так сказать, механически, подобно тому, как нарастает капитал, пущенный в ход промышленностью. Капиталисту, скопившему миллионы, было в самом начале приобретение одного рубля труднее, нежели после приобретение тысячей, которые наконец легко превращаются в миллионы. Так и в науке: когда уже скопилась масса открытий, новые открытия быстро прилипают к старым; уму нужна только неутомимость; здесь гений есть Бюффоново *терпение в высочайшей степени*[2]. Не уставай, иди вперед: к неизвестному доберешься по звеньям, составляющим непрерывную цепь известного. Кольца этой цепи соединяются сами собою, *необходимо*, по закону последственности (consequence); над этим сцеплением работает ум; но он *не творит* его, а только *открывает* и применяет результаты труда своего к практической жизни, материальной и нравственной. Слиянная деятельность всех частных умов в своей совокупности есть то, что называется *гением*, *разумом*, *духом* человеческого рода. Открытия ума, приведенные в систему, составляют *науку*; из соединения наук и их влияния на жизнь человеческого рода истекает то, что мы называем *образованием*, *цивилизациею*; цивилизация есть итог применения знаний к практической, общественной жизни, к жизни человеческой в границах земного. С помощью цивилизации человек как член общества, как зритель и обладатель природы вещественной, становится *материально* час от часу разборчивее и взыскательнее в наслаждениях чувственных, а *умственно* час от часу более приобретает способы лакомиться и роскошно забываться за изобильной трапезою мысли. Все это, столь важное относительно земной жизни человека, то есть, относительно этого минутного явления нашего посреди разнообразных явлений окружающего нас тревожного мира, само по себе не имеет никакой положительной важности относительно души нашей[3]. В этом богатстве матери-

альном и умственном, принадлежащем человеческому роду в целом, нет еще того, что составляет отдельное, вечное богатство души человеческой вне человеческого рода, вырванной из тесных отношений всего, что здесь составляет предмет любопытства для ума нашего и вожделения для нашего сердца. Все здесь — от высокого, многообъемлющего знания, приобретенного постоянною деятельностью гения испытующего, до мелкого, мгновенного удовольствия чувственности — принадлежит скоропреходящему (назови это скоропреходящее мгновением или веком). Душе (я говорю здесь о душе, взятой отдельно) принадлежит одно *неизменное*, то, что существует вне пространства и времени, что, будучи извлечено из науки, остается в душе ее самобытною, неотъемлемою, с нею слиянною собственностью, независимо, как от самой науки, так и от внешних обстоятельств, временную нашу жизнь составляющих; это вечное есть Бог, источник и предмет всякого знания; всякий шаг вперед науки должен быть шагом, приближающим к Богу, новым откровением в таинстве наших вечных к Нему отношений. Все, что мы *здесь* знаем, принадлежа здешней жизни и из нее истекая, здесь с нею и остается; но итог наших знаний, элемент, их животворящий, то, что в них принадлежит исключительно душе и с нею вместе уйдет из здешней жизни, это есть наше знание Бога и знание наших к нему отношений.

Я вижу перед собою гиганта науки; он обхватил могучим умом все, что уму на земле обхватить возможно, но он стоит посреди своих собранных им сокровищ, как тюремщик посреди своих колодников, с которыми вместе и сам он колодник[4]. Последний результат науки есть для него наслаждение наукою, знание, что он знает, благоговение перед силою своего гения, сообщение своего знания другим, словом, наслаждение столь же преходящее, как он сам. Высшее, что он извлек из знания, есть применение его к материальной пользе общества и чувство красоты, которое само по себе уже выше знания, ибо красота есть не иное что, как тайное выражение божественного. Но *наслаждение* красотою, эта роскошь души, погружающейся в сладкое ощущение чего-то, ее вполне, но на минуту удовлетворяющего, это душевное сибаритство — есть не иное что, как высшая степень чувственности; для души его недовольно. Ты окинул оком просвещенным весь необъятный мир и все нам высказал о его законах, ты возвысился до красоты, заключенной в этой гармонии целого и частей; но ты не сказал ни слова о главном, о том, что для души и для чего душа, и мы невольно, хотя и очарованы твоим красноречием, с грустью по тебе, чувствуем, что для тебя вся эта бездна величия и красоты не иное что, как пустыня великолепная, где властвует необходимость и посреди которой ты, ее пророк, скоро исчезнешь, как некогда сама она исчезнет. Слушая тебя, мы остаемся с тем впечатлением в душе, какое потрясло того несчастного, описанного *Жан-Полем*, который обошел все творение, искал повсюду Бога, и не нашел Его[5].

Из того, что мною сказано, не следует однако, что я хочу унизить науку и поклоняюсь невежеству. В науке, созданной человеком, заключается истинное земное величие человека, его владычество над природою, его личное первенство перед всеми живыми ее созданиями; наука есть великий памятник жизни человеческого рода, более великий, нежели все первозданные горы, заключающие в слоях своих мертвую летопись мира *материального*[6], тогда как умственные слои науки составляют живую летопись мира *умственного*. Мы должны благоговеть перед наукою, благоговеть перед ее могучим образовательным действием на род человеческий, перед ее животворящим влиянием на человеческую душу в пределах материального мира. Что может быть живее жизни человека, который всюду с собой носит сокровище знаний, всеми веками приобретенных, который в минуты уединения, никому неприметный, на неприметной точке, им занимаемой в пространстве, может просвещенным умом своим обхватывать целый мир, которому все на земле знакомец, все собеседник, живое, мертвое, давно прошедшее, возможное, материальное и духовное? Нет, я хочу только сказать, что наука теряет свое высокое достоинство, когда сама становится своею целью. Цель науки, и вообще жизни духовного человека, есть Бог, создавший человека не для иного чего, как для Себя. Земля есть колыбель человека; земная жизнь и все человечество, взятые вместе, суть скоропреходящие явления, образующие и готовящие каждую человеческую душу отдельно для другой высшей жизни. Наука устраивает и озаряет для человека эту сцену явлений, она беспрестанно обретает новые способы ее украшать, разнообразить и ее зрелищами наслаждаться: но, если этого довольно для человечества, стесненного в пределах здешней жизни, то все это ничтожно для души человеческой, назначенной для иного порядка. Относительно здешнего, наши знания могут беспрестанно умножаться и совершенствоваться могуществом человеческого гения, этой собирательной души всего человечества, не имеющей личного бытия, но существующей как великое предание от поколений к поколениям, которые, уходя одно за другим, оставляют в наследство идущим за ними свои духовные сокровища, ложащиеся, как сказано выше, слоями одно на другое и образующие великую беспрестанно возрастающую громаду науки. Но вся эта громада принадлежит человеческому роду на земле; то, что в ней принадлежит душе, земле не принадлежащей, то, что душа исключительно присваивает себе во времени и сохранит на всю вечность, есть познанный ею в глубине житейского Бог, — к Нему должна вести наука. Если она не объяснит человеку глубокого смысла окружающих его явлений и, посреди их быстрого, ежеминутного изменения, не найдет вечного Бога, то она и сама будет одним только явлением земной жизни, которой исключительно принадлежат ее открытия, и не даст ничего в приданое душе при ее переходе в другой порядок. Одним словом, *человеку на земле нужна наука; душе человеческой нужен*

только Бог: Он один только дает знанию жизнь, Он один, из глубины знания[7] беседуя с душою, с нею сливается *здесь*, дабы не покинуть ее *там*, где всякое земное знание, как сон исчезает.

Аксиомы

В наше время, когда все опрокинуто, необходимо взглянуть беспристрастными глазами на те истины, которые всему служат основанием и которых отрицание произвело это всеобщее разрушение, грозящее одичалостью человеческому обществу.

Основная истина, корень всех истин, которой мы ни постигнуть, ни доказать умом, ни вполне выразить словом не можем, есть: *Бог существует*, Бог самостоятельное, личное самознающее бытие, источник всякого бытия, невидимый видимого Создатель[1].

Бог есть положительное добро, положительная правда, положительная истина, положительная красота, — все противоречащее добру, правде, истине красоте, есть отрицание Бога. Основание всякого добра, всякой правды, истины и красоты в душе человека есть вера в Бога. Из веры в Бога исходит всякое добро, всякая правда, всякая истина и красота. Сия вера, выражаемая словом: *Бог существует*, есть основная аксиома, главное передовое положение, первая точка отбытия[2], с которой должен начинаться всякий путь наших умствований, дабы мы могли достигнуть до верного результата. Этот существующий Бог не есть создание нашего умствования; Он есть Бог откровения, Бог тройственный, Бог Отец, Сын и Дух Святый, Бог личный, содействующий вне своего всеобъемлющего, всемирного действия, особенно душе человеческой, созданной Им для Себя, по Своему образу и подобию, свободною, и вследствие сей свободы разрознившейся с Ним падением, по вновь соединившейся с ним силою искупления. На сем отношении Бога к душе человеческой и души человеческой к Богу основан весь земной порядок. Из сего отношения наш ум должен извлекать и законы земного порядка; им должен он объяснять и судьбу человека на земле во времени и пространстве, и судьбу души человеческой в вечности. Посему история человека распадается на две: на историю его действий в порядке земной жизни, то есть на историю фактов естественных, где главный, видимый действователь есть сам человек; и на историю его действий относительно порядка высшего, в которых главный действователь есть Бог откровения, Бог искупитель падшей души человека. Действиями в порядке земном мы приготовляемся к жизни в порядке высшем: в первом отношении, посреди событий вещественного мира, мы руководствуемся умом и совестью; в последнем — нас руководствует откровение; в первом мы властвуем умом и волею над событиями, в последнем мы покоряем смиренно и ум и волю воле всевышней — первое

для последнего. Соединение того и другого есть земная задача, которую здесь бренный человек разрешает для своей бессмертной души на вечность.

Приняв все сказанное выше за основание, мы можем безошибочнее разрешить главные вопросы человечества. Сии вопросы уже наперед для всего человечества безмолвно разрешены всеобщим признанием бытия Божия: человек во всякое время тайно и неизглаголанно ощущает в самом себе очевидность и неоспоримость сего разрешения; но сия очевидность обращается в сомнение и сия неоспоримость становится отрицанием всякий раз, когда он берет на себя извлекать их из своих умствований, утверждать на своих доказательствах, когда он в границе своих телесных, тесных, запутанных слов силится заключить светозарное, необъятное, непостижимое Божие слово.

Две философии

Чистая умозрительная философия извлекает свои понятия из ума; от ближайшего она переходит к дальнейшему, и так стремится прямым, логическим путем дойти до понятия о Боге, которое должно быть последним результатом всех наших умозрений. Христианская философия, напротив, извлекает все из идеи Бога: в ней понятие о мире, о человеке, об отношениях человека к миру и его Создателю суть результат неумотворного понятия о Боге[1], данного откровением принятого верою. Умозрительная философия идет своим путем рядом с религиею, и часто врозь с нею. Философия христианская идет путем религии. Она есть не иное что, как применение умозрения к откровению, как покорение ума вере в откровение. В первой умозрения принадлежат особенному метафизическому миру[2] и отделены от жизни; в последней умозрения входят в деятельную жизнь, с нею сливаются и дают ей, в самых простых событиях ежедневного, полноту и глубокую значительность. Первая стремится к истине и гордо мечтает острым оком ума пронзить ее покрывало; последняя истекает из истины; она принадлежит вере, а вера, свободное, блаженное принятие неведомого из уст откровения *здесь*, преобращается в блаженное созерцание ведомого *там*.

Философический язык

Наш философический язык вообще еще весьма беден и неопределителен. Этому причина та, что у нас еще слишком мало оригинальных философических сочинений. Наши мыслители для собственных идей принуждены заимствовать выражения у философов иноземных, особенно у немцев. Немецкий язык удивительно удобен для построения новых слов: он чудно творит, по мере нужды, выражения *новые*, преобразует *старые* и германизирует *чужие*. Он по природе своей язык философический: он погружается в глубину мысли до самого

дна ее и схватывает все ее оттенки, отчего бывает часто темен, хотя впрочем эту темноту можно чаще поставить на счет писателя, нежели на счет языка его. Таких свойств русский язык еще не имеет. Может ли он приобресть их — не знаю; но ежели может, то не иначе, как одними усилиями самомыслящих философических писателей, которые для построения собственных умственных зданий должны будут употреблять и собственные материалы слова. Мыслить есть говорить внутренно; всякая определенная мысль есть уже слово, сказанное душою самой себе, слово безмолвное, которое должно быть переведено в соответственное ему звучное. Как мы находим и то и другое — эта, без ведома нашего совершающаяся операция души навсегда останется для нас тайною. В минуту рождения каждой мысли, по какому-то духовному сродству, проявляется вместе с нею и соответствующее ей умственное слово. Но это происходит не нашею волею; наш разум чувствует муку родов, но ни зачатие, ни рождение мысли от нас не зависит. Мы можем только слышать первый крик новорожденного младенца, то есть схватывать проявление мысли в духовном, внутреннем слове, и в соединении этого внутреннего слова с выражающим его звучным. Мы ошибаемся, полагая, что сами произвольно создаем свои мысли; напротив, мысли сами нам даются; каждая из них есть откровение, награждающее нашу неутомимость в ее искании, и здесь справедливо выражение Бюффона: *гений есть терпение в высшей степени*[1]. Мы можем только принимать; вся наша сила состоит в неутомимости произвольного терпения; насильственно нам взять ничего невозможно. Обращаясь к языку, скажу, что ясность выражения зависит от родства, от совпадаемости слова звучного со словом духовным. Вот от чего нам легче выражать собственные мысли, нежели мысли заимствованные. Кто почерпает мысль из внутри себя, кто схватывает ее, так сказать, в минуту ее рождения, уже облеченную в свойственный ей мысленный образ, то есть, в мысленное слово, тому легче найти и в собственном языке (который не иное что, как внешний отзыв внутренно говорящей души) материальное слово, соответственное мысленному, в котором оно уже заключается, как плод в семени, и из которого оно вдруг всходит во всей полноте своей, вызванное упорною работою нашего терпения. Здесь из мысли родится само собою сперва духовное слово, и из слова духовного — слово материальное, его выражающее; мы прямым путем переходим от мысли к выражающему ее слову. Напротив, выражая чужую, уже выраженную на другом языке мысль, мы принуждены переходить обратным путем — от выражения к мысли; мы должны сначала присваивать чужое, не нами найденное выражение, и покорить сему данному выражению и нашу мысль, и наше ее выражающее слово. От этой натяжки выражение становится запутано, и часто затемняет саму мысль, ибо не может вполне ей соответствовать. Из сего следует, что язык философический может образоваться только от самобытного, а не от заимствованного, подражательного

мышления: в сем последнем случае мысли будут всегда в разладе с выражением; выражающее слово будет более или менее чуждо выражаемой мысли, потому именно, что и самая мысль будет чужая для ее выразителя.

Например, в нашем философическом языке, столь еще бедном определенными техническими выражениями, недавно начали употреблять слова: *субъект*, *субъективность*, *объект*, *объективность*, и эти слова получили уже у нас некоторое право гражданства от употребления; но в них звучит что-то для нас чужое. Предлагать в замену им другие слова было бы бесполезно: слов нельзя выдумывать отдельно, по произволу; слово ясное и точное находится только на пути размышления, его дает сила необходимости; тогда только оно бывает ясно, когда оно родится вместе с мыслью, в связи с другими, притягивающими его магнетическою силою сродства, и тогда только употребление присваивает его без противоречия. Слово не есть наша произвольная выдумка; всякое слово, получающее место в лексиконе языка, есть событие в области мысли, можно сказать, и в области гражданской жизни: всякое новое слово есть новый монументальный камень, входящий в состав той пирамиды языка, которую зиждут в продолжение веков, во свидетельство бытия своего, народы, и которой последний верхний камень только тогда положен будет, когда создание остановится, то есть, когда самое существование народа прекратится. Всякое счастливое новое слово, сильно и живо изображающее новую мысль, есть такое же откровение, как и сама мысль; как вылетает искра из кремня от удара стали, так и мысль и слова вылетают из души от удара вдохновения.

Сделаем однако опыт[2]. Мне кажется, что слово *субъект*[3] может быть заменено словом *лицо*, а слово *объект* словом *предмет*. Таким образом понятие субъективное, которого содержание составляем мы сами, можно назвать определительнее понятием *личным,* а понятие объективное, которого предмет вне нас, перед нами, перед лицом нашим, может быть названо понятием *предметным*, *предличным.* Субъект есть нечто подлежащее, объект есть нечто предлежащее; *подлежательность*, *предлежательность* кажутся мне выражениями довольно точными: они яснее нежели *субъективность* и *объективность*. Говорят *неделимое,* чтобы выразить *individu*; едва ли это слово останется в употреблении: оно не выражает вполне соединенного с ним понятия. Неделимость не значит единство; оно означает одну только материальную сторону предмета, только его неразделимость на части. Слово *лицо* выражает, кажется мне, его полнее и точнее. Впрочем, понятие *individu* не может быть выражено в разных случаях одним и тем же словом; например, мы не может употреблять слово *неделимое*, как французы употребляют свое *individu*; никто не скажет: *это неделимое у меня нынче обедает*; *этот неделимый очень глуп*; *его неделимость мне несносна*. Это понятие должно быть раздроблено на многие выражения: *лицо*, *личность* — когда идет дело о человеке; *единица*, *единичность* — для выражения единства

вообще; *неделимость* — для выражения единства материального. Не выдаю здесь предлагаемых выражений за счастливую находку; думаю, напротив, что они будут новым доказательством, сколь трудно выдумывать слова отдельно. Слово упрямо и причудливо; его нельзя взять силою; оно прячется от нас, когда мы его ищем и кличем, и вдруг нам является там, где мы найти его не ожидаем. Слово есть откровение[4].

Идея бытия

Декарт сказал: *я мыслю, следовательно я существую*. Последнее не может быть последствием первого; ибо, чтобы сказать: *я мыслю*, надобно сказать наперед: *я существую. Я мыслю* есть не иное что, как *я есмь, я существую, мысля*[1]. В понятии: *я существую* заключается уже понятие: *я мыслю*; последнее без первого не может родиться в уме нашем, следовательно не может ему предшествовать и быть его источником; понятие: *я существую* есть элемент всех других понятий, которые без него и составлены быть не могут. Если же оно элемент всех понятий, то никакое другое не может быть его элементом; следовательно это понятие есть самобытное, врожденное. Как без самого бытия ничто существующее не возможно (бытие основа всему, но мы этой основы ни обнять чувствами, ни определить умом не можем), так и без общей идеи бытия, составляющей основу всех других идей, не умом составляемой, но в уме врожденно существующей, никакая идея существовать не может; чтобы сказать: *я мыслю*, надобно сперва иметь идею этого *я*, которое мыслит; это *я* — есть мое бытие личное, отдельно мною постигаемое; но в этом *я* заключаются две идеи: одна идея самого *бытия*, другая отдельности, *частности* этого бытия; следовательно, чтобы получить идею этого *я*, сперва надобно получить идею самого *бытия*; но бытие есть нечто составляющее основу всему, без всякого признака, без образа, границ, времени, пространства и места. Идеи о нем мы ни из чего приобресть не можем; она существует в нас без нашего ведома; по тому самому и постигнуть самого бытия мы не можем, ибо не можем означать истории происхождения понятия о нем в голове нашей. Это понятие начинается с нашею жизнью. Оно есть самое обширное, или, лучше сказать, беспредельное, по своему объему, и самое тесное или ничтожное по своим особенным признакам: ибо чем обширнее объем, тем менее признаков; и то, что объемлет всё, потому самому совсем не имеет признаков.

Свобода

Что есть свобода? Способность произносить слово *нет* мысленно или вслух. Что есть свобода гражданская? Совершенная подчиненность одному закону,

или совершенная возможность делать все, чего не запрещает закон. Что есть свобода в высшем смысле? Совершенная подчиненность воле Божией всегда, во всем, везде, и ничему иному. В сей подчиненности заключается свобода от зла, от судьбы, от людей[1]. Что такое подчиненность воле Божией? Воля человеческая больна со времени падения. Подпорою и руководством ей служит естественный нравственный закон, или, лучше сказать, остаток того божественного образа, который отразился в человеке при его создании и затмился в нем грехопадением. Но этот закон сам по себе темен, и голос совести, хотя и всегда слышен, но не всегда внятен. Этот голос совести есть внутреннее выражение нравственного закона. Со времени искупления сей внутренний голос выражается ясно в учении Спасителя. Теперь уже нет сомнения, чему следовать, что делать, чего не делать, к чему стремиться — все сказано Христом, и совесть не может заблуждаться. Итак, покорность воли человеческой перед верховною волею Божиею состоит в ее неизменном согласовании с сею высшею волею, выраженною в святом писании. Эта покорность может быть или положительная, когда мы сами должны действовать; или отрицательная, когда мы должны принимать смиренно то, что на нас действует; в обоих случаях она есть чистое смирение. Блажен тот, в ком она есть и любовь!

Твердость и упрямство

Твердость есть сила, основанная на союзе разума с волею и на их равновесии. *Упрямство* есть слабость, имеющая вид силы; она происходит от нарушения равновесия в союзе воли с разумом. В первом случае разум и воля употребляют совокупно силу свою в пользу. Во втором случае воля, в разрыве с разумом, или не пользуется силою, или употребляет ее во зло: и то и другое слабость. *Твердый* непоколебимо держится своих убеждений, пока они для него оправданы его разумом. Но он или изменяет их, или от них отрекается, когда находит их противоречащими разуму. В этом произвольном, необходимом, принимаемом волею отречении столько же твердости, сколько в прежней произвольной верности убеждению. *Упрямый*, напротив, держится своего убеждения, но, так сказать, механически; он не терпит противоречия, ибо слишком ленив или пристрастен, чтоб поверять свои мысли; ему легче сохранять их такими, какими они раз вошли в его голову, нежели пересматривать их, имея в виду одну истину, и заменять прежние ложные, новыми, истинными. Убеждения *упрямого* суть мертвый капитал, никакого барыша не приносящий. Мнения *твердого* суть капитал, пущенный в оборот: он в беспрестанном движении, и это *движение* не есть непостоянство, напротив, сила, действующая *постоянно*.

Благотворение

Люби Бога всею душою, всеми помышлениями и всеми делами; люби ближнего как самого себя. В этом весь закон христианина[1]. Мы читаем ежедневно: *да святится имя Твое, да будет воля Твоя, хлеб наш насущный даждь нам днесь.* Все это надлежит применять к благотворению[2]. Оно должно быть любовь к Богу и к ближнему, во славу имени Божия, во исполнение воли Бога, который дает нам наш хлеб насущный. Но такое благотворение исключает ли заботу о себе и о своих, и должно ли не обращать самому осторожного взгляда на будущее, вверяя его совершенно провидению Божию? Нет! Но и то и другое должно быть согласовано. Счастлив, кто может благотворить с любовью, кто, любя Бога, любит *потому* и ближнего и не заботится о завтрашнем дне[3]. Тогда благотворение возвышает душу, и благотворящий ближнему стократно благотворит самому себе. Не всякой способен иметь такую любовь: она есть благодать свыше. Но всякой способен признавать истину заповеди Божией и смиренно ей покоряться, даже без чувства любви, даже вопреки бесчувствию, бременящему сердце: болезнь, от которой может исцелить только один Бог. Всякий случай благотворить есть голос Божий; не затворяй пред ним твоего слуха и покорно исполняй то, что исполнить можешь, какое бы при том ни было твое чувство. Главное покорность. Отец семейства должен заботиться о будущем жены и детей своих; но бывает минута, в которую надобно *настоящей* беде *ближнего* принесть в жертву возможное *собственное* благо в *будущем*: оно в руке Божией, и потому верно. Тот несправедливо поступает, кто, опасаясь неверного зла в будущем, отталкивает верное добро или допускает верное зло в настоящем[4].

Несчастие

Можно сравнить несчастие с величественным гигантом, имеющим прекрасное, светозарное лицо, а ноги свинцовые: кто сам высок или кто может подняться, чтобы посмотреть страшилищу в глаза, тот станет лицом к его лицу, озарится блеском этого лица, и его собственное лицо просветлеет; но тот, кто по природе своей низок или кто, приведенный в ужас блестящим образом, наклонит голову, чтобы его не видать, тот попадет под свинцовые ноги великана и будет ими затоптан в прах или раздавлен.

Несчастие есть громогласный проповедник Провидения и вечности. Горе имеющему слабый слух; оглушенный громозвучностью голоса, он не расслушает вести великой.

Надежда

Земную надежду можно сравнить с светлою радугою[1]; она сияет на темном облаке, она украшает его своими яркими цветами — но она один оптический обман. Надежду, основанную на вере, можно сравнить с утреннею зарею — она предвещает солнце, и это не обман: солнце взойдет.

Случай

У одного умного человека спросили: что такое случай? Он отвечал: *инкогнито Провидения*[1]. Случая нет. Всё, что ни встречается с нами в жизни, радостное или прискорбное, ожиданное или неожиданное — есть Бог в разных видах.

Воспоминание

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*!
Но с благодарностию: *были*![1]

Нет и *были* — какая разница! В первом — потеря, в последнем — воспоминание! *Нет* значит исчезли! *были* значит оставили след бытия своего! Прекрасная жизнь тех, которых мы лишились, освящает для нас и землю и жизнь нашу. Решительная минута разлуки миновалась; они навеки переданы воспоминанию; недоумение кончилось; их будущее не приводит в трепет; печаль об них обратилась из страдания в благодетельную для сердца любовь; можем всем делиться с ними свободно: их образ равно светел для нас и при нашем счастии и при нашем несчастии; ни то ни другое не изменяет их жребия; но и в том и в другом они *с нами* воспоминанием, всегда неизменным, когда не изменимся мы сами, возвышающим душу в счастии, ободряющим ее в несчастии, и такое воспоминание есть для нас, так сказать, двойник нашей совести.

Ее умирающая мать* не могла дочитать того письма, которое получила от своей дочери на смертной постели: так было сильно чувство материнской любви и материнского счастия, наполнившее душу ее в эту минуту! Ей недостало жизни для нескольких строк — но эти недочитанные строки имеют высокое, трогательное знаменование! Недочитанные строки письма, полного любви — то же, что остальная жизнь уже невидимая матерью, но полная тою же любовью, какую она прочитала бы в этих последних строках! Без нее и все для

* Королева Луиза Прусская скончалась в Стрелице[2]. За несколько времени до кончины она получила письмо от принцессы Шарлотты (государыни императрицы Александры Федоровны) и была так им растрогана, что не могла его дочитать — и письмо навсегда осталось недочитанным. *Примечание Жуковского*.

нее. И эта чистая жизнь будет уже без нарушения радовать материнскую, вечно близкую душу! смерть уже не придет оторвать ее от этой радости. На ее часть достались желание великого и величие в страдании; но детям своим завещала она свои надежды и исполнение чистых своих желаний.

Иоанн, любимый ученик и апостол Спасителя[3], видел Его, возлетевшего на небо и глаза его подняты к небу, приявшему все его блага — но в этих глазах не печаль разлуки, не томительное нетерпение оставить землю, но чувство глубокой, спокойной, покорной любви к улетевшему, как будто к присутственному. Он уже не на земле, но Он был на ней; своим преображением Он познакомил с таинством неба; но своею любовью, своим страданием познакомил с величием жизни; небесным Он озарил житейское, и не чудесное видение неестественного представляется взору молодого Иоанна: он спокойно наполнен святым воспоминанием, не томящим, не отлучающим от здешнего, но тихим, сладкозадумчивым, вполне удовлетворяющим душу; он смотрит на небо, на обитель удалившегося друга; не стремится туда, ибо земная жизнь оставлена ему в наследство, как благо, для совершения воли учителя; но верит с глубокою, мирною радостью, любит задумчиво и уповает без нетерпения! И все земное, радостное, печальное заключено для него в одном слове, во всем отражается и слышится одно слово: *Спаситель твой жив!*[4]

Вот что Ж. П. Рихтер написал в то время, когда королева Луиза покинула землю, оплакиваемая не одним своим отечеством, но и всем германским народом, который видел в ней идеал женской прелести.

В ту минуту, когда ты в белой брачной одежде,
Вышнего, тайного мира невеста, земную корону
Тихо сняла и земле возвратила, и в свежем из зрелой
Жатвы венце от нас полетела… всё зарыдало;
Плакал — кто только слыхал о тебе, но более плакал
Знавший тебя; а те, кого прижимала ты к сердцу,
Слез найти не могли, а после уж их не считали.
Время придет; нам завидовать станут в великом, в прекрасном,
Станут завидовать в счастии, нас посетившем, а скорби,
Скорби, с какой от себя мы его проводили, не вспомнят.
В час тот, когда бытие на земле для нее начиналось,
Ангел жизни ее прилетел пред Судьбу и сказал ей:
Много венцов у меня для младенца: из лилий сплетенный
Свежий венец *красоты*, и *брачный* из мирт, и *корона*,
Есть и дубовый венец героической *чести* германской;
Есть и *терновый* — который избрать повелишь для младенца?
Все избираю, сказала Судьба. Но остался единый,
Все награждающий. В день испытанья, когда появился

Смерти венец на высоком челе, унывающий ангел
Снова предстал… и одни лишь слезы его вопрошали.
Голос раздался: *воззри!* Он воззрел — перед ним *Искупитель*[4].

III. ВОСПИТАНИЕ

Что такое воспитание?

Что такое воспитание? Этот вопрос разрешится сам собою, когда будет разрешен следующий: что такое здешняя жизнь? Здешняя жизнь есть приготовление земного человека к жизни высшей. Воспитание есть приготовление души человека к принятию уроков здешней жизни. Какую бы форму ни имели сии уроки, их смысл всегда один и тот же. Открытие этого смысла, независимо от формы, которой определение принадлежит Промыслу, есть высший предмет воспитания. Для достижения сего предмета должна быть в здравом теле образована здоровая душа, верно мыслящая, свободно действующая, чисто чувствующая, наконец, смиренно верующая.

Цель воспитания есть та же, как и цель жизни человеческой. Сама жизнь здешняя не иное что, как воспитание для будущей; а вся будущая — не иное что, как бесконечное воспитание для Бога. Что есть назначение человека на земле? В одном слове: восстановление падшего в нем образа Божия. Воспитание должно в первые годы жизни сделать его способным пройти впоследствии несколько шагов для достижения этой цели. Человек образуется здесь не для счастья, не для успеха в обществе, не для особенного какого-нибудь звания, даже не для добродетели; он образуется для веры в Бога (для веры христианской) и для безусловного предания воли своей в высшую волю (в чем истинная человеческая свобода): из этого истекает всё другое, — счастье, успех, нравственность, добродетель.

Воспитание должно образовывать человека, гражданина, христианина. Человек — здравая душа в здравом теле. Гражданин — нравственность, просвещение, искусство, самостоятельность. Христианин — подчинение всего человека вере.

Природа человека есть *то, что он есть от рождения. Это врожденное* образуется воспитанием, развивается жизнью и получает доброе или худое направление; но оно всегда остается в человеке. Каков в колыбельку, таков и в могилку.

Первое время воспитания особенно должно быть посвящено утверждению хороших привычек; основою всех других привычек должна быть привычка к повиновению. Сила привычки доказывается ловкостью правой руки, которая,

привыкая действовать более левой, несравненно искуснее, нежели левая. Если бы в первые годы закрыть левый глаз и глядеть только правым, то, конечно, произошла бы между ними большая разница; но их действие более совокупное, нежели действие рук. От чего нет разницы в наших ногах? Они всегда обе действуют совокупно.

Привычка производится собственным опытом, влиянием внешних обстоятельств, вспомогательным и постоянным содействием воспитания. Последнее тем успешнее, чем согласнее с действием опыта и чем более властвует обстоятельствами. Привычки могут быть умственные, нравственные и физические. Чем скорее угадает воспитатель тайну природы, то есть врожденные качества — и умственные и нравственные и физические — воспитанника, тем удачнее будет действовать на произведение благих привычек, способствующих развитию добрых и подавлению худых врожденных качеств. Дело воспитания состоит в построении возможного *лучшего* на тех условиях, какие первоначально положила природа.

Что такое привычка? Утвержденный образ действия физически или умственно или нравственно. Этот образ действия от многократного произвольного повторения становится постоянным, непроизвольным и наконец сливается неразрывно с телом, умом и волею. Дарование добрых привычек и уничтожение худых есть дело воспитания. Привычка не мешает свободе; ею только облегчаются действия свободной воли. Из сего следует, что воспитание есть положение твердого основания действиям нашего ума и воли посредством утверждения добрых привычек в то время, когда они в нас легко укореняются.

Привычка основана на сцеплении идей; сцепление идей основано на сходстве, противоположности и современности. Изучение языка основано на сцеплении идей, происходящих от современности. Ребенок видит глазами стол, в его уме происходит чувственное впечатление *стола*, умственный образ *стола*, если современно с этим впечатлением произнесено будет слово *стол*, сие слово соединяется в уме с умственным образом. После материальный вид *стола* пробуждает в уме слово *стол*, или наоборот, произнесенное слово *стол* возобновляет в уме умственный вид *стола*, и, таким образом, звук соединяется с понятием, с коим он современно возбужден был в уме. Повторение сего современного возбуждения производит привычку. Таким образом, все предметы умственные соединяются в уме с представляющими их звуками, и наоборот. Ребенок, наконец, имеет язык. Ребенок научается ходить — от привычки наблюдать или сохранять равновесие, научается рассуждать — от привычки сравнивать, замечать отношения, выводить заключения. Всё привычка. Привычка есть один из главнейших способов природы и воспитания. Недаром говорит пословица: *привычка — другая природа*. Это неоспоримо — истина.

Чтобы составить себе ясное теоретическое понятие о главных правилах воспитания, надобно сперва утвердить понятие о назначении человека вообще, рассмотреть его природу, его телесные и умственные качества и определить вообще средства, как усовершенствовать его добрые и исправить его худые наклонности. Сей общий взгляд на человека будет то же, что карта для путешественника, не дающая понятия о земле, через которую надлежит проходить, но необходимая, дабы знать свою дорогу; всё остальное откроет само путешествие. Как для успешного путешествия нужно иметь предварительное сведение о местной природе посещаемой страны, о ее истории, о языке, в ней царствующем, так и для успешного воспитания, сверх общих познаний о человеке и его свойствах, нужно знать особенную природу воспитанника и руководствоваться частными наблюдениями, дабы уметь применять практически общую теорию к частности и сею частностью изменять общее. Ибо нет теории, которая могла бы обнимать все частное. Теория, повторяю, есть карта, необходимая для путешественника; практика есть самое путешествие, которое только с картою будет верно, без карты же будет наугад и не приведет к цели или приведет к ней длинными обходами с бесполезной утратой времени. Теория без практики — Прокрустова кровать; практика без теории — корабль без руля.

В идее, которая мало-помалу образуется в ребенке, о силе, справедливости и любви к нему родителей, заключается и то понятие, которое после он получает о власти, правосудии и любви Божией. Зависимость от власти родителей и впоследствии безусловная ей покорность есть приготовление к живой, деятельной вере. Привыкнув чувствовать зависимость, ребенок научается покорности, которая есть не иное что, как произвольное признание необходимой высшей, хранительной власти. Сперва ребенок по привычке узнает непоколебимость силы, им управляющей, которой он принужден покориться; эта привычка обращается потом в ясное понятие о мудрой власти, которой он покориться должен. Если наблюдена будет сия постепенность, то произвольная покорность весьма легко будет согласована с чувством свободы и не повредит самобытности характера. Переход сей необходим. Руссо его не определил: он хочет необходимости и отвергает покорность. Но последнее выше первой.

Многие отдельные замечания Руссо весьма справедливы и убедительны, но из всех сих отдельно справедливых замечаний выходит в целом что-то чудовищное. Когда в конце второй книги он излагает результат младенческого воспитания и описывает своего Эмиля готовым ребенком, мы видим перед собою что-то несбыточное, существо, какого нет и быть не может, создание парадоксального ума, который все насильственно втеснял в свою теорию и никогда не знал существенного[1]. Система Руссо, так называемая система при-

роды, есть уродство[2]: он образует своего Эмиля для такого порядка, которого нет и быть не может, и никогда не бывало. Мечтая о свободе и о совершенной независимости от всех условий общества, он и из воспитания исключает всякую зависимость. Его воспитанник не знает, что такое покорность, даже не имеет никаких привычек. Он покоряется одной необходимости, и то, что он делал вчера, не имеет влияния на то, что он делает нынче. Это легко говорить и писать, но на деле этого быть не может и быть не должно. В нас всё привычка, и нынешний *я* есть результат вчерашнего и всех прежних. Мы *привыкаем* ходить, глядеть, слушать, осязать, думать, говорить — все дело воспитания состоит в том, чтобы дать телу и душе хорошие привычки и чтобы воспитанник получил эти привычки самобытно, собственным опытом, с развитием ума и воли, и чтобы направление, которое воспитание дает сему развитию, было согласовано с полной свободой, которая не иное что, как произвольная, твердая, постоянная покорность долгу, сказать одним словом: уничтожение своей воли перед высшей Божией волею.

IV. ИСКУССТВО

Об изящном искусстве

Искусство — поэзия в разных формах; источник искусства — творческая сила человека, посредством которой он посреди творения Божия другими средствами творит то же, что в глазах его сотворено природою. Его материалы для творения суть: слово, звук, краска, твердая материя. *Цель* искусства — не иное что, как самое сие создание, которое в то же время должно быть и создание изящное, то есть пробуждающее в душе сладостное ощущение красоты. Красота в тесном смысле есть истина, то есть верное сходство изображения с изображаемым; в обширном смысле красота есть истина идеальная, то есть не одно ощутительное сходство выражения с выражаемым, но и соединение с ним того, что неощутительно, что единственно существует в душе человеческой, постигающей нечто высшее, вне видимой материальной природы существующее и свойственное ее божественной природе. Одним словом, когда идеал красоты есть Бог, явно и тайно соприсутствующий в создании и ему сообщающий красоту живую, одной человеческой душе откровенную. Искусство принадлежит земле; оно украшает земную жизнь; его произведения составляют памятники неизменные посреди изменяющихся явлений мира, но оно не переходит с нами за границу земного.

Говоря о красоте природы, Гумбольдт исчисляет, как ее в разных народах, от древних времен до нашего, изображали поэты и живописцы[1]. Весьма жаль, что он сам не стал на место поэта и живописца и не пролетел живым воспоми-

нанием по всей земле, чтобы указать на разные виды красоты, в разных частях мира, под разными зонами, посреди льдов полярных, посреди песков Сахары, посреди гор Кордильерских, на океане, на островах, на берегах великих рек, под влиянием разнообразных народов, их нравов и обычаев, под влиянием оставшихся от древности памятников, говорящих о прошедшем человеческого рода, как горы и окаменелости говорят о прошедшем земли, под влиянием естественных феноменов: землетрясений, ураганов, северных сияний и других великолепных явлений физического мира. Своим могучим словом он произвел бы нечто разительное, и в его картинах сам собою отразился бы, хотя не названный им, Создатель мира, источник его красоты несказанной.

В молодости, предпринимая труд поэтический, мы думаем о славе и верим славе. В зрелые дни, более рассмотрев, что такое слава, и поняв более жизнь, мы трудимся для прелести труда. Мысль об одобрении людей с ней соединяется, но это одобрение не есть уже цель. Подходя к концу своей дороги, мы более обращаемся вовнутрь себя и смотрим за границу жизни: сама жизнь становится уже нечто второстепенное, внешнее и нам мало принадлежащее.

Цель искусства есть одно творение. Красота творения заключается *в истине*. Чем ближе к своему образцу, к природе и к ее источнику, тем прекраснее и совершеннее произведение искусства. Цель *ремесла* — также творение, но творение для некоторой пользы. Ремесло заимствует у искусства материальную красоту, состоящую в правильности, в порядке, симметрии, чистоте отделки, и даже пользуется изящным искусством для украшения. Но в таком случае искусство подчинено ремеслу, которого характер — не красота, а польза. Если же украшения искусства столь значительны сами по себе, что они затмевают пользу ремесленного произведения, тогда сие последнее уступает произведению искусства. Если бы Рафаэль вздумал расписывать дверцы кареты, то эта карета потеряла бы свое достоинство как карета, и ее дверцы сделались бы картиною.

Характер гения есть могучее творчество. Он не творит *нового*, то есть не дает бытия несуществующему. Но он постигает истину или существующее быстрым и всеобъемлющим образом, так что сие быстрое, легкое, так сказать, внезапное постижение кажется созданием. Гений все существующее в природе и заключающееся в науке обращает в свою собственность и всему им приобретаемому дает единство. Это дарование единства разнообразному есть особенный характер гения. Для него нет беспорядка, всё входит в состав одного целого. В произведениях искусства, поэзии, литературы, науки гений более выражается в плане и в создании целого; исполнение есть уже необходимое следствие сего создания. Талант заключается более в *исполнении*; он более выражается в совершенстве некоторых частей, он, так сказать, есть форма, есть слог создания.

История и историческая живопись

Три рода историков. Один записывает то, что происходит в настоящую минуту, не заботясь о причинах и последствиях, не имея даже возможности определять их, он ограничен тесным горизонтом современности, он описывает то, что видит, что может обнять глазом. Его достоинство и обязанность — верность, живость изображения, богатство мелких подробностей, сходство описания с описываемым, и в этом описании равно живо выражаются и личность описателя, страсти им владеющие, его любовь, его ненависть и личный характер того времени, под влиянием которого он пишет. Это не историк, а летописец. Другой историк представляет события в их целом, он обнимает горизонт обширный, изображает живо, но изображает не подробности, а всю массу. Посреди толпы действующих замечает он только главных действователей, их предпочтительно преследует посреди множества других, им содействующих, и, выказывая особенно их образы, приводит через то в порядок беспорядочное движение многолюдства. Его лица получают объем, выходящий за границу природы, не удаляясь от нее, и его истина не есть мелкая, частная, а величественная, сборная истина, результат ума, творящего из подробностей целое. Третий историк представляет события не только в целом, — он видит их причины и угадывает их последствия. Он соединяет судьбу настоящего с намерениями Промысла, он изъясняет тайную власть неизменяемого Бога посреди изменяющегося потока событий, он пророчит суд Божий, еще сокрытый в тайне грядущего, он — ведатель минувшего, зритель настоящего, прорицатель будущего, он проповедник Бога в делах человеческих. Его образы, не теряя своей естественности, получают величие символическое и становятся эмблемами невидимого божественного мира посреди видимых событий мира человеческого. Сии три характера может иметь и живопись историческая. Или живописец представляет, как анналист[1], одну настоящую минуту; характер его тогда одна только прозаическая правда. Или он пишет как историк, тогда картина его поражает огромностью композиции. Или, как историк-проповедник, выражает он идеальное в материальном, высшее в ежедневном: тогда в картине его первенствует мысль, и он вполне удовлетворяет требованиям живописи исторической. *Лессинг* в своем Гуссе[2] есть анналист. Воображаю живописца, который, ничего не ведая о том, что делается в свете, заехал в Констанц во время собора[3]. Идя по улице, он увидел толпу народа перед палатой заседаний; множество теснилось к дверям, каждому хотелось посмотреть сквозь замочную скважину. И живописцу удалось протесниться к этой скважине. Он увидел бледного старика с книгой в руках, посреди кардиналов, епископов и монахов. Старик что-то простодушно изъяснял своим слушателям. Живописцу эта сцена понравилась, он нашел, что может написать хорошую картину, и он написал, что видел — как

видел, но и сам не зная, что видел; написал прекрасно, но поставил зрителя своего в то же положение, в каком он сам находился: зритель глядит сквозь замочную скважину; он видит сцену, не имеющую никакой идеальной значительности, но в изображении которой с удивительным мастерством сохранена вся материальная истина.

Теперь укажу на картину, которая, хотя и не перешла еще из создавшего ее воображения на холстину, но уже в составе своем соединяет все достоинства исторической живописи.

В Берлине предположено построить *Campo Santo*, по плану, сделанному самим королем[4]. Стены аркад, которые должны с двух сторон примыкать к церкви, будут покрыты фресками, для которых картоны уже приготовлены знаменитым Корнелиусом[5]. В самой же церкви будет только одна картина — изображение страшного суда. Идея этой картины также принадлежит самому королю, для ее исполнения поручено приготовить картоны трем первым живописцам нашего времени (первым вместе с Овербеком[6] в христианской живописи): Корнелиусу, Фейту[7] и Штейнле[8]. До сих пор ни одному живописцу не удалось изобразить страшный суд так, чтобы великий предмет был выражен достойным его образом и чтобы вполне удовлетворены были требования искусства. Микель Анжело наполнил картину свою[9] высокими образами, но главная мысль исчезает в подробностях; праведники никого не пленяют своим блаженством, а осужденные и дьяволы портят величие предмета отвратительными сценами, посреди их происходящими. Как выразить в одно время и небо, и рай, и ад, и землю? Король решил это. Он ограничился одним небом, оставив остальное воображению. Все небо в собрании. Верховный Судия, готовый произнести свой приговор, восседает посреди него на престоле славы, с одной стороны — Богоматерь, с другой — Иоанн Креститель, за ними все образы тех, для которых уже не может быть страшного суда и которые должны быть только его свидетелями, все представители минувшей судьбы человечества, все действователи древнего и нового Завета, от Адама до святителей церкви, мучеников и царей блаженных. Пространство наполнено ангелами; они летают между небом и землей, перенося от людей молитвы к Богу, от Бога милосердие людям. Один (от других отделенный) стоит ангел, возвеститель суда, в руках его труба, готовая возгреметь наступление страшного часа; он ждет на то повелительного слова, и глаза его устремлены на Судию Всевышнего, и вместе с ним все небо смотрит на этого Судию, преисполненное ожидания. Но слово его еще не произнесено; над землею таинственно простираются облака, скрывающие от нее происходящее в вышних. Когда наступит этот час, кто знает? Для тех, кто на небеси, он уже настал, ибо они в вечности, где все сливается в настоящее, для земли он еще в неведомом будущем. Состояние этой ожидающей, но покрытой мраком неведения земли прекрасно и

трогательно выразил царственный живописец, представив на ней самого себя с семейством и с современниками, молящихся и ожидающих. Таким образом, многообъемлющий предмет изображен на картине весь, с сохранением необходимого единства. Перед глазами одни высокие образы, представители всего *прошедшего*, их ожидание говорит о неминуемом *будущем*, а молитва стоящих на земле выражает *настоящее*. Воображение все дополняет, рисуя без красок то, чего не могут изобразить краски: воскресение мертвых, блаженство праведных и муки осужденных. Этой картины одной довольно для церкви. Она представляет весь ход христианства, которого эпохи соединены в одно великое соприсутствие; она говорит стоящим в храме: «Перед вами все, что было, и все, что будет: падение, искупление и последний час временного, после которого наступит вечность, но когда наступит она, вам неизвестно. Бодрствуйте — и молитесь».

V. МЫСЛИ И ЗАМЕТКИ

Душа человеческая и род человеческий

Род человеческий принадлежит земле; человек, или правильнее, душа человеческая принадлежит высшему миру. Общество человеческое ограничено тесными пределами временного: все, служащее для развития *общества*, имеет характер этой ограниченности. Человек отдельно (т. е. душа живая, бессмертная) выше, нежели род человеческий, взятый вместе, не умирающий, пока стоит земля, но прикованный к ней и от нее неотделимый. Он то же, что человеческое тело. Он не иное что, как театр действия души, так как тело — ее орудие для всех действий. Ум человеческий роется в пыли временного и творит свои мнимо бессмертные создания для временного. Он наблюдает природу и ее жизнь для порядка общественного; цель его — положительная польза, но она в тесных границах материальности. Науки, искусства, гражданственность — все это для ограниченного здешнего мира, для человека, запертого в темницу человеческого рода. Достаточно ли это для души человеческой? Нет. Она принадлежит иному миру. То, что составляет ее достояние в этом ином мире, получает она независимо от здешнего — это достояние есть Бог, и Бог откровенный: этот Бог не есть идея ума, извлеченная им из мира материального и его отношений; эта идея есть собственность самой души, непосредственно из самого источника истекающая: и род человеческий, и земля, отведенная ему на житие, суть только явления, посреди и на сцене которых душа развивает врожденное понятие о Боге и вводится в непосредственное с Ним соединение благодатью христианства.

Свобода преподавания

Может ли существовать полная свобода преподавания в университетах или нет? Конечно, нет. Преподаватель, принимая обязанность профессора, входит в условия с правительством действовать согласно с ним, а не противодействовать установленному порядку, в состав которого входит и публичное образование. В предметах чистой науки преподаватель, конечно, следует своим мнениям и не может быть никакими пределами ограничен: условие одно — чтобы он знал свое дело. В его способностях и знаниях правительство должно быть убеждено предварительно. Получив право преподавания, на сем убеждении основанное, он действует самобытно, ибо в науке и самые заблуждения, в кои может впадать скорее самый знающий, служат к ее распространению. Но в предметах преподавания, кои относятся к религии, политике и нравственности, сия самобытность должна быть ограничена предварительным условием с правительством, что преподаватель будет действовать в смысле религии, установленного порядка и нравственности. Если из преподавания его окажется, что он им противодействует, то условие уничтожено, и правительство вправе удалить преподавателя от места, им данного на условии, им нарушенном. Главный вопрос, на который должен отвечать профессор теологии (какой бы то ни было отрасли) есть: веришь ли ты во Христа? Если он отвечает: верю, — то он получает право преподавания. Если из преподавания окажется, что он не верит, то он сам себя оного лишает. Если он, несмотря на свое неверие, захочет сохранить свое место, то он и перед совестью и перед людьми становится лжецом и вором, и не должен быть терпим на своем месте. Крикуны журналисты защищают неограниченность свободы преподавания только потому, что всякая обязанность им противна и что им в области мысли такая же нужна анархия, какую они желали бы ввести в самое общество. Первое они готовят последним. Или лучше сказать, они действуют без ясной цели. Им в настоящем дороги только две вещи: необузданность мысли и действий и деньги, скопляемые на счет нравственности и порядка.

Цензура

Общество гражданское в Европе достигло до своего полного развития в своей материальной части, то есть в определении отношения человека к человеку, в определении прав и в ограждении их законом. Человек вышел из состояния натуры, в котором он враждует со всем его окружающим, и вошел в состояние гражданства, в котором он друг и помощник, и защитник своего согражданина, обуздав свою вредоносную волю законом.

Сила человеческая

Человек ничего не может творить на будущее время. Он может только прибавлять в настоящем песчинку к песчинкам, из которых время создаст гору. Как ни могуче море, оно не может в мгновение создать песчаной дюны: ее создает сила веков. Действуй в свою минуту на своем месте во благо, как велит Бог, тогда твое действие в целом будет благо, то есть благо самого Бога, Который творит в целом. И величайший гений не может перешагнуть минуты; его натура есть нечто пророчественное, предугадывающее будущее. Но горе, если он этому дару угадывать будущее пожертвует смиренною покорностью настоящему, которого характер есть исполнение воли Божьей, следственно, верховная правда. Сила гения есть в то же время и великое искушение, и великая слабость. Он увлекает человека ограниченного заступить место неограниченной силы, и тогда он только убеждается в своем бессилии и в разрушимости своего создания.

Человек в обществе

Мы не имеем понятия о человеке в чистом состоянии природы, то есть в совершенной независимости от человека, или проще, вне всякого общества. Такой человек, если бы он мог существовать, был бы врагом всему его окружающему не по злобе, а по необходимости сохранять бытие, как всякий другой хищный зверь, терзающий добычу свою не от злобы, а для утоления голода или для своей защиты. Но человека вне общества никогда не существовало. Первый человек создан совершенным. В своем падении имел он уже семейство, и с той поры человек родится, окруженный семейством, то есть родится членом общества более или менее многолюдного. В семействе все начала гражданского общества. Гражданское общество составилось не по правилам, а правила извлечены из его постоянного развития. Пока сии правила составляют только привычки, переходящие по преданию от отца к сыну, пока они не выражены словом, не определены законом, утвержденным на общем согласии и служащим обороною для личной безопасности, по тех пор общество в состоянии диком. Из дикого состояния в гражданское переходит оно с развитием общежития, которое производится *политически* положительным гражданским законом, определяющим права, ограждающим собственность и безопасность личную, *умственно* и *нравственно* наукою, — что все дополняется христианством (не говорю религиею, ибо всякая нехристианская религия есть только один *provisorium* в ожидании христианства). И закон положительный, и религия полагают границы свободе личной и через то утверждают свободу гражданскую, единственно возможную. (Свобода гражданская состоит в полной возможности делать все то, что не запрещено законом, то есть в подчинении воли своей воле законов;

высшая свобода, или свобода христианская, состоит в уничтожении своей воли пред высшею волею Бога Спасителя.)

Общее благо

Дашков сказал: «Нельзя жертвовать общим благом частному, хотя бы то было основано и на несправедливости. Правительство не должно признаваться в несправедливости, оказанной лицу частному». Это правило вредное. Надобно, чтобы правительство признавало выше всего справедливость. Благо общее, нечто неопределенное, существующее в идее, более или менее несправедливой, может ли быть предпочтено справедливости частной, определенному, верному? В таком случае правительство действует так же, как всякий мятежник, прибегающий к преступлению в настоящем для общего блага в будущем. Чтобы сии последние не могли иметь права действовать так, правительство должно подавать им пример: действия правительства должны быть образцом и примером действия частных. То, что есть преступление для лица, не может быть не преступлением для представителя всех лиц, то есть для правительства.

Порядок общественный

Не государство для порядка, а порядок для государства. Если правитель будет заботиться об одном порядке исключительно, жертвуя ему благосостоянием лиц, то это будет одна декорация: спереди благовидное зрелище, сзади — перепутанные веревки, колеса и холстина. Надобно, напротив, чтобы видимая сторона была благоденствие общее и частное, а порядок — сокровенная задняя сторона, невидимо производящая это благовидное устройство.

Постановления

Постановления или институции суть не ограничение, а свобода государей. Государь самодержавный имеет только мечтательную власть. Если бы он мог быть в одно время и повелителем, и исполнителем, то мог бы ручаться за свое могущество. Но он только произносит волю, а исполнение зависит от повинующихся. Институции подпирают волю повелителя и направляют, определяют повиновение исполнителя, подчиняя его двум властям вместо одной. Институция есть дорога к цели: по ней идут, не опасаясь заблудиться, и повелитель, и исполнитель. Она есть кормило мореходца. Без нее державный кормчий, при всей неограниченной власти своей на корабле правления, не может странствовать безопасно. Всякое странствование его будет странствованием Колумба, окруженного мятежниками. Он может дойти к цели, угадав ее своим гением,

но успехом своим всегда обязан неверному счастью. Неограниченная власть не есть всемогущество; напротив, в неограниченности заключается неопределенность, следовательно, и шаткость. Ты еще не всемогущ, когда можешь произвольно всегда и везде произносить повелительное слово — но, произнесши его, ты предаешь его на волю твоих исполнителей, которые, стараясь только твою волю угадывать и не имея твердых правил действовать, покорствуют только тебе, а не правилам, утвержденным самим тобою, они искажают волю твою своим рабским повиновением и действуют вопреки благу (цели твоей), ибо имеют ввиду только тебя. А что, если к тому еще примешаются страсти честолюбия и корысти? Институции суть зерцало государя и подданных. Они — лампада правления. При них властитель видит и цель свою, видит и действующих в исполнении воли его, которая не иное что, как голос и сила незыблемого закона. Институции суть катехизис правителя и подданных. Без правил незыблемых нет и власти незыблемой, нет и повиновения твердого.

Любовь к отечеству

Меры нашего правительства клонятся к тому, чтобы снова затворить те двери, которые Петр отворил в Европу. Вот для чего надобно платить по 50 талеров с головы в год за пребывание заграницею, возвращаться через каждые 5 лет домой, продавать имение жены, коль скоро муж иностранец, и еще Бог знает что будет. Нельзя заставить насильно любить отечество. Принуждать не покидать отечество — есть возбуждать желание его покинуть. Средство фальшивое. То же, что нетерпимость. Преследуй за религию, произведешь мученичество и угодишь одним палачам. Прикуй к отечеству, и заставишь его возненавидеть. Нет! Сделайте, чтобы нам было хорошо на родине, и смело отворите настежь дверь на чужбину. Не мешайте никому жить, как он хочет, *про себя*; тогда он будет с любовью жить *про вас*. Пусть будет каждый покоен и счастлив *дома* — тогда он будет дорожить покоем и счастьем *государства*, ограждающего дом. Уважайте святыню *семейной жизни*, тогда будет уважаема святыня *власти государственной*. Одним словом: основывайте благо *общее* на благе *частном*; тогда каждый частно будет другом *общего блага*. Храните *закон* — произведете *законность*.

Государь и человечество

Государь, говорят, удален от человечества и простые чувства человеческие ему чужды. Последнее несправедливо: государь знакомится с человечеством в семье своей и в этом отношении он равен всякому другому человеку. Если по своему положению он не может знать всех частностей человеческой жизни, подобно человеку, стоящему на башне, с высоты которой не можно ему видеть

в лицо всех людей, ее окружающих, зато он видит всю их массу, о которой не может иметь понятия тот, кто в толпе.

Терпеливость царя

Главная добродетель властителя должна быть *терпеливость*. Он должен быть смиренным исполнителем воли Провидения; его всемогущество относительно народа должно быть смирением относительно Бога. Творя над народом Божию волю, он должен ей подчинять безусловно свою собственную. Если, посеяв добро на ниве народного блага, он захочет насильственно произвести всход своих семян и пожать преждевременно плод их, то он будет действовать только в смысле одной собственной власти, а не в смысле власти верховной. Сей семена блага, но жди от Промысла благотворного дождя и света для созревания семян твоих. Иными словами: твори добро, но жди с терпением плодов его. Нетерпение видеть успех (зависящий не от нас, а от Бога и от нашего постоянного содействия Его воле) есть эгоизм, весьма свойственный властителю. Он слишком подвержен опасности видеть в неограниченности власти всемогущество. Но всемогущество принадлежит одному Богу; горе тому, кто замыслит его себе присвоить; он познает только слабость свою, гибельную и для него самого, и для тех, кто подвержен его власти. Твори благо не для себя, а для народа; не жди исполнения при себе добрых твоих замыслов; не ищи наслаждения видеть их исполненными; будь счастлив чувством своей чистоты и своего бескорыстного действия для блага, своим смирением перед Богом, твоим всемогущим сподвижником. Смотри в будущее и верь, что придет минута, в которую Бог благословит твою на Него надежду; удобряй почву царства, не мысля о жатве, не надеясь даже, чтобы и твой наследник ее собрал; но в настоящем довольствуясь чистым действием для блага, живи в будущем и вселяй твоему наследнику то же смирение — добро творит Бог, а не люди. Оно будет, когда творящий его творит во имя Бога. Когда будет? — это Его дело. Нам принадлежит только *одна* минута, и правда в эту *одну* минуту, и вера в будущее, без всякого желания властвовать будущим, которое все во власти Того, Кто один всемогущ и Который равно действует и в каждое быстропролетающее мгновение и в вечности, неизменно Ему одному подвластной.

Дисциплина

Дисциплины не должно смешивать с законностью. Дисциплина есть закон такого общества, где нет граждан, ни собственности, ни безопасности, где нет ничего, кроме огромной массы, огромной машины, подчиненной закону необходимости, совпадающему с законом механическим.

Деспотизм

Там нет народного благоденствия, где народ чувствует себя под стесняющим влиянием какой-то невидимой власти, которая вкрадывается во всё и бременит тебя во все минуты жизни, хотя впрочем, до тебя непосредственно и не касается. Это стеснительное чувство, которое портит жизнь, бывает в таком случае, когда правительство вмешивается не в одну публичную жизнь, но хочет распоряжаться и личною и домашнею жизнью, когда ему до всего нужда: до нашего платья, до наших забав, до нашего дома, когда мы вечно под надзором полиции. В таком случае власть от верховного властителя переходит к исполнителям власти, и в них становится не только обременительною, но и ненавистною. В государстве демократическом чувствуешь себя так же стесненным; там власть не на троне, а на улице, не в порфире, а в лохмотьях; властвует не один, а толпа; там личная свобода, огражденная законом, но подчиненная верховной власти, не признает в толпе ни закона, ни власти. И чернь, гордая свободою, становится, так сказать, сама мучительным законом, от которого нет нигде убежища; она не наблюдает закона, который в свою очередь, давая всем одинаковую гарантию, тем самым отдает того, кто чтит закон по мере нравственности и просвещения, на жертву тому, кто, не имея сей узды, беспрестанно его нарушает насчет безопасности общей.

Учение и действие

Доктрины (учения) производят действия, из действий, в свою очередь, развиваются учения: в этом круге все обращается. Каково учение, таковы и действия. Крестовые походы были следствием возбудительного учения римской церкви, утвердившего могущество пап; злоупотребление папской власти произвело оппозицию реформаторов; реформация, потрясшая авторитет римской церкви, произвела религиозные войны, возмущения и, наконец, тридцатилетнею войною изменила политическую систему Европы[1], — с одной стороны сокрушилось всемогущество Рима, с другой — образовался чудовищный деспотизм королей французских; свобода мысли, пробужденная реформациею, и религиозный разврат двора Людовикова[2] произвели сильнейшую, но враждебную умственную деятельность в Европе, которая с помощью безнравственной эпохи регентства[3] обратилась в разрушительную философию XVIII века[4]; сия последняя, подкопав все основания общества, выразилась наконец в революции[5], которая, опершись на ее доктрины, опрокинула весь прежний порядок. Учение революционное, обошед Европу и выразившись сперва в республиканском деспотизме террористов и изменив порядок политический, обратилось на порядок общественный; и теперь уже не скептицизм действует своими теориями против христианства,

но всюду является бешеное отвержение всякой религии; с сим отвержением, которое есть последняя инстанция реформации, идет рядом отвержение всякой власти, всякого права, всякого ограничивающего буйную страсть постановления. На этой черте стоит теперь европейское общество. Какие действия и события истекут из подобных учений, это мы можем угадать, оглянувшись на прошедшее современное. В нашем веке события приобрели быстроту неимоверную; они также скачут по железной дороге, на которой роль движущей силы играет книгопечатание: легким паром газет, журналов и брошюр, по натуре своей ничтожным и скоро улетающим, приводит она в движение гигантскую махину мнений, а с ними и все здание общественного порядка: беда, если от нерадения или неразумения или запальчивости кондукторов произойдет столкновение или колеса выпрыгнут из железной колеины релей.

Самодержавие

Самодержавие есть высшая и самая простая форма верховной власти, если оно соответствует смыслу своего имени. Сам держу и самого себя держу. Надобно, чтобы власть была под командою воли, подвластной Правде всевышней. Власть: *сам держу*. Воля: *самого себя держу*. Самодержавие и то, и другое вместе. Одна власть или одна воля — нет самодержавия. *Власть* без *воли* — уродливое самовластие, восточный деспотизм, опирающийся на фатализм; *воля* без власти — невозможность властвовать. *Власть*, руководимая богоподвластною *волею* — самодержавие во всей чистоте его и во всей благотворительной силе.

Любовь к самодержавию и чувство спасительности самодержавия вкоренилось в русский народ в те времена междоусобий и татарского ига, в которые одна только церковь была независима и говорила одним общим, для всех слышным и для всех ободрительным языком. А что говорила церковь? Она проповедовала верность царям и основывалась на том, что сия верность есть устав Божий, и это тем было неопровержимее, что в сей верности заключалась тогда единственно возможная безопасность личная и независимость общая; иго татарское (общее бедствие) наиболее укоренило в народе это чувство, и оно сделалось не рабским чувством необходимой покорности, предписываемой железною властью одного, но высоким, произвольным, от отца к сыну переходящим, силою предания хранимым, церковью освященным чувством, дополнительным членом символа веры, голосом истории, знамением судьбы народной, синонимом отечества, одним словом, религиею, благоговением всенародным пред властью высшею, перешедшею в земную. В царе выразилось отечество, и это стало общею верою; а эта вера облагородила, освятила покорность и сделалась ее живым источни-

ком. Эта вера далека от рабства, — от сей насильственной, злобно грызущей цепи свои, покорности тюремного затворника, не знающего о своем тюремщике или его ненавидящего. Покорность самодержцу есть благоговение пред святынею, которой поклонялись отцы и деды, отвлеченно от самого лица самодержца. Восточный деспотизм совсем не то, что историческое русское самодержавие. Восточные рабствующие народы не имеют понятия о святыне царской власти: их покорность есть предание себя железной необходимости. Один только русский народ понимает самодержавие! И если русский самодержец понимает его в смысле своего народа, то оно будет на все времена палладиумом бытия России. Это религия наследственная от прадедов, в течение веков прешедшая времена бед и славы, в них созревшая и возмужавшая. Иностранцы, судящие это народное чувство русского народа по своему собственному, им свойственному, по тому самому не могут его постигнуть; и даже нельзя его им сделать понятным, хотя бы и призвать в свидетельство историю. Русский царь, понимая это чувство во всей его обширности, не будет гордиться, а преисполнится смирения перед недоступным величием того идеала, который века и судьба земли русской вложили в сердце русского народа. И беда самодержцу, когда сей идеал утратится в сердце русского народа. Сей идеал для царской власти был до сих пор то же, что церковь для царства. Церковь во времена бедствий и ига, и междоусобий сохранила целость России, несмотря на нашествие всех бедствий разврата, произвола, рабства личного, неправды — сих врагов, раздробляющих могущество власти. То же скажем и о самодержавии. Россия устоит, окрепнет, разовьется и возблагоденствует, и своим путем дойдет до того, к чему дошли своими путями другие народы, если царь ее не перестанет олицетворять в себе тот идеал самодержавия, который глубоко таится в душе русского, вложенный в нее ее судьбою и слившийся в ней с христианскою верою.

Правда, правда, Божия правда — и более ничего. Вот тайна верховной власти и самое легкое средство властвовать: умей только вовремя, не обманывая себя никакими софизмами, верующим, полным страха Божия сердцем применять Божию правду к делам человека. Самодержец неограничен в исполнении Божией правды; монарх более или менее ограничен постановлениями, которых сохранение, раз признанное, принадлежит уже Божией правде; республиканское правительство так же точно подчинено закону Божией правды, как и самодержец. Никто не говори: моя воля; все должны говорить: воля высшая, и в ней видеть свою. Итак, ни самодержец, ни монарх, ни демократия не могут следовать одной собственной воле. И если свою волю кто из них признает главным источником власти, то из законного владыки он обращается в беззаконного деспота. Воля самодержца так же ограничена, как воля толпы, с тою только разницею, что на

нем лежит наибольшая ответственность, ибо на одном его лице лежит *всё*, тогда как монарх имеет своею подпорою и ограничением воли своей постановления, тогда как демократия не лицо, а масса, и ответственность лежит на всех вместе, а не на каждом особенно. Самодержец не имеет права быть самовластным: когда он говорит: *я так хочу*, он должен в то же время присоединять к этому слову: *потому что Бог или Божия правда так хочет.* Принимать свою волю за высшую волю есть святотатство; произвол есть нарушение Божией правды и самый опасный враг власти самодержавной, которая в своей чистоте есть высочайшее достоинство, какое только может иметь на земле человек смертный. Смирение христианское есть венец самодержавия; оно должно быть святейшею добродетелью самодержца, понеже между христианами он должен занимать ближайшее место к Богу Спасителю. Но, представляя Бога, он не есть Бог, а только самый могущественный исполнитель Божией воли, то есть Божией правды.

Самодержавие есть форма державной власти самая ближайшая к власти Божией, из которой всякая власть истекает; потому она может быть и самою *благодетельною* властью, ибо она самая сходная с божественною, и самою *бедственною* властью, ибо тяжелое бремя исполнения сей власти возложено на слабые человеческие плечи. Бог, источник земной власти, не подчинен никакому закону; Он сам закон, и закон неизменный, закон верховной правды. Самодержавие высшая земная власть, истекая из божественной, ею одной ограничена и потому самому должна на земле иметь ее божественное свойство — должна быть на земле Божиею правдою, совершением Божией воли, а не земной, человеческой. Самодержец есть источник земного закона, но он сам не есть закон, а только выразитель закона Божия, который один закон, один верховная правда. Если самодержец смешает сии два различных понятия и свою неограниченную власть подавать закон примет за источник закона, за правду верховную, то он обезобразит самодержавие и уничтожит его божественный характер. Таким образом, самодержавие божественная власть, когда опирается на верховную власть Божию, обращается в произвол человеческий, когда источником его будет воля человеческая, хищнически столкнувшая с престола власть Божию или лицемерно поклоняющаяся, под видом Бога, ею воздвигнутому идолу произвола. Самодержавие — в истинном смысле — можно сравнить с благоразумным капитаном корабля, который, будучи полным властителем своего судна (без чего не может быть никакого безопасного плавания), сам покоряет свои действия указаниям компаса, карты и звездам небесным; они ведут корабль через пустыню моря, спасают его от мелей и подводных камней и хранят его в буре: и все корабельные люди безусловно и с доверенностью подчиняют себя путеводной власти, которая действует спасительно, без произвола, руко-

водствуясь верным законом. Напротив, самодержавие-произвол есть корабельщик, негодующий на вечное ограничение своей власти и действующий по одной прихоти; он презирает компас, не смотрит на карту, не смотрит на звезды; его ненавидят, ему повинуются принужденно; нет доверенности, нет покоя, корабль плывет наугад; когда же настает буря, никто не знает, *где*, *куда* и *что*? И весьма нередко бунт ускоряет погибель корабля, ниспровергая власть, ведущую к погибели общей.

О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Конечно, никто не читал без ужаса[1] подробного описания казни, совершившейся в Лондоне над Маннингами, мужем и женою. По поводу этой казни были самые отвратительные сцены разврата и скотства в бесчисленной толпе всякого народа, собравшегося полюбоваться зрелищем конвульсий, с какими кончили жизнь на виселице злодеи. Эти сцены подали повод некоторым филантропам для новых декламаций против смертной казни. И вместо того, чтобы нападать на уродливое, варварское, отвратительное *совершение* казни, начали нападать на самую *казнь*, которая не иное что, как представитель строгой правды, преследующей зло и спасающей от него порядок общественный, уставленный Самим Богом[2]. Говорят: смертная казнь бесполезна, ибо она никого *не пугает*[3], никого не воздерживает от злодейства, не исправляет злодея неоткрытого, а злодея осужденного лишает возможности исправления. Смертная казнь, как *угрожающая* вдали своим мечом Немезида, как страх возможной погибели, как *привидение*[4], преследующее преступника, ужасна своим невидимым присутствием, и мысль о ней, конечно, воздерживает многих от злодейства. Но *зрелище* смертной казни — такое зрелище, каким обыкновенно забавляют (это слово здесь у места) праздный народ, столь жадно ищущий сильных чувственных потрясений, — отвратительно само по себе, безнравственно по своему впечатлению, и не только не исполняет своей цели, то есть не ужасает, не остерегает, не пробуждает совести преступника тайного и не воздерживает человека, способного на явное преступление, напротив, делает, так сказать, привлекательною потехою ужас казни, которая для зрителей получает занимательность трагедии, а для казнимого уничтожает спасительное действие[5] на душу последней его минуты, заставляя его кокетствовать перед людьми своею фальшивою неустрашимостию и отвлекая его от мысли о Боге, перед судилище Которого он должен явиться так скоро. И здесь, как и во всем, причина зла[6] заключается в отсутствии *святого*, то есть в отсутствии того животворного элемента, без которого все земное не иное что, как минутное, мимопроходящее и, наконец, совершенно исчезающее физическое явление[7]. Эшафот, на котором совершается смертная

казнь[8], есть место, где неумолимое *земное правосудие* казнит преступление, а *Божие милосердие* принимает в свое лоно кающуюся душу. Отлучите *последнее* от *первого*, и спасительно грозный, величественный акт земной казнящей правды, жертва, всенародно приносимая правде небесной, обращается в отвратительную оргию толпы. Из тысячи охотников, сбежавшихся на публичный праздник казни, конечно, не более десяти (и именно таких, для которых подобное зрелище менее нужно, ибо они менее других способны на злодейства) возвращаются с растроганным сердцем, с высокою мыслию о жизни, правде и смерти; на всех остальных зрелище производит действие более или менее безнравственное и вредное. И оно не может быть иначе. Что отвратительнее этой виселицы, на которой несколько минут вьется в конвульсиях живой человек и на которую глядит толпа, с любопытством ожидая, как этот живой движущийся сделается мертвецом неподвижным. Еще отвратительнее французская гильотина[9]: тут все поражающее душу исчезает; человек, создание Божие, отдается во власть машины, которая безжалостно, как представитель неумолимого, бесчувственного фатума, режет ему голову; несколько палачей, рабов машины, укладывают ее работу в короб, смывают с нее кровь, которой ручьи, пробираясь по камням мостовой, мало-помалу втекают в каналы, мешаются там с грязью — и все кончено: толпа расходится, и каждый равнодушно принимается за свою ежедневную работу. Где в этих зрелищах святое? Где тут Бог, Его правда, святыня власти, Им установленной, величие и сила закона? Все уничтожается материальностию самого акта, которого ужас производит даже какое-то приятное, чувственное раздражение, будучи общим пиром многочисленной толпы[10]. Что же делать, спросите вы? Уничтожить казнь? Нет! *Страх* казни есть то же в целом народе, что *совесть* в каждом человеке отдельно. Не уничтожайте казни, но дайте ей образ величественный, глубоко трогающий и ужасающий душу, удалите от ее совершения все чувственное; дайте этому совершению характер таинства, чтобы при этом совершении всякий глубоко понимал[11], что здесь происходит нечто принадлежащее к высшему разряду, а не варварский убой человека, как быка на бойне; сделайте, чтобы казнь была не одним механическим действием общественной машины или просто арифметическим вычитанием одной цифры из общей суммы; сделайте, чтобы казнь была не одним актом правосудия *гражданского*, но и актом любви *христианской*, чтобы она, уничтожая преступника, врага *граждан*, возбуждала сострадание к судьбе его в сердцах его *братьев*, чтобы его земная погибель была общим горем, чтобы всякий видел, что неумолимое правосудие, заботясь о сохранении порядка общественного уничтожением его возмутителя, не менее заботится о спасении души осужденного; наконец, главное, сохраните для вечности душу несчастного, которого *закон* ваш *убивает* во времени, дав ему возможность взглянуть с умилением в глаза неизбежной смерти, и помогите смягчиться душе его для покор-

ности и покаяния. Но как это сделать? Средство простое. Совершение казни не должно быть зрелищем публичным; оно должно быть окружено таинственностью страха Божия; место, на котором совершается казнь, должно быть навсегда недоступно толпе; за стеною, окружающею это место, толпа должна видеть только крест, подымающийся на главе церкви, воздвигнутой Богу милосердия в виду *человеческой* плахи — эта неприступность и таинственность будет действовать на душу зрителя (ничего не видящего, но все воображающего) гораздо сильнее и в то же время гораздо спасительнее и нравственнее всех конвульсий виселицы и криков колесования[12]. С той минуты, как преступник осужден и принял свой приговор от суда человеческого, он должен считаться принадлежащим одному суду Божию; его последние минуты, как для спасения души его, покидающей землю, так и для благотворного поучения на земле остающимся, должны быть освящены религиею. Смягчится ли его сердце или нет — это в руке Божией; но человеческий закон должен оправдать совершаемое им человекоубийство всеми заботами о небесной судьбе своей земной жертвы; чрез это и самая казнь получит знаменование высокое — праведного воздаяния, иначе она не иное что, как безжалостное кровопролитие. Казнь преступника должна возбудить в ее свидетелях не один страх наказания (которого, впрочем, она и не возбуждает в своем теперешнем отвратительном виде); она должна возбуждать все высокие чувства души человеческой: веру, благоговение перед правдой, сострадание, любовь христианскую. Рассмотрим ближе наш предмет. Преступник осужден на смерть, и день, в который он должен покинуть землю, объявлен ему; этот день возвещен и народу. Пускай накануне этого дня призовут христиан на молитву по церквам о душе умирающего брата, пускай во всех церквах слышится голос христиан, умоляющих Бога, чтобы грешник, приступая к концу своему, с Ним примиренный, и принял смерть с покаянием на очищение души своей, и чтобы милосердие Божие не отвергло души его. Такое призвание на молитву, конечно, будет сильно и нравственно действовать, ибо тут молитва не просто богослужебный обряд, но и глубоко потрясающее душу приготовление к важному событию, которое должно на другой день совершиться; не может быть, чтобы она кем-нибудь, или по крайней мере большинством не была услышана, не была произнесена с тем чувством, которое оставляет неизгладимые следы на сердце. Между тем внутри темницы и позже на месте казни все должно иметь характер примирительно христианский. Осужденный знает, что он не будет предан на поругание любопытной толпы; что он из уединения темницы перейдет через церковь в уединение гроба. Эта тревога, столь многих приводящая к отчаянию и к самоубийству, не расстраивает и не раздражает души его; он оставлен на произвол собственного размышления, которое лучше всего приготовит его к присутствию Божию на последней исповеди. Если же он и не смягчится в эти первые минуты, в которые надобно ему

вдруг познакомиться с непонятною, приводящею в оцепенение мыслию о скором и неизбежном конце жизни, то, вероятно, при переходе от тюрьмы к церкви, где встретит его чаша примирения, произойдет в нем этот спасительный душевный перелом скорее и решительнее, нежели в присутствии толпы, развлекающей, стыдящей и окаменяющей душу своим оскорбительным любопытством; на пути от церкви к месту казни он будет провожаем пением, выражающим молитву о его душе, и это пение не прежде умолкнет, как в минуту его смерти. И когда это будет совершаться внутри ограды, вокруг которой, конечно, будет собрана толпа народная, двери этой ограды будут заперты; из-за нее будет слышно только одно умоляющее пение. Не будет кровавого зрелища для глаз; но будет таинственное, полное страха Божия и сострадания человеческого для души. И какое зрелище! Никакими глазами не увидишь того, что в одну такую минуту может показать душе воображение. А когда пение вдруг замолчит — что представит себе это растроганное воображение? И с каким впечатлением разойдется толпа, которая видела перед собою наказующую смерть во всей таинственности ее ужаса и не была развлечена никаким всенародным представлением, всегда увеселительным, сколь бы оно ни было ужасно? Такой образ смертной казни будет в одно время и величественным актом человеческого правосудия, и убедительною проповедью для нравственности народной.

РУССКАЯ И АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА

Письмо к князю Варшавскому, графу И. Ф. Паскевичу-Эриванскому

Беру перо с некоторым страхом для выражения перед вашею светлостию моей поздней благодарности. Если бы вы имели время обо мне вспомнить то, что подумали бы о моем молчании? Я уже давно имею перед глазами ваш драгоценный подарок и уже перед многими имел случай им похвастать, а еще до сих пор не изъявил вам своей сердечной благодарности[1]. Позвольте мне, для успокоения моей совести, изъяснить вам эту загадку; это объяснение будет в то же время грустным признанием, напомнит вам о том месте в Жилблазе, где он докладывает архиепископу толедскому, исполняя его приказание: monseigneur, plus d'homélies*, и за эту искренность архиепископ выгоняет его из своей службы[2]. В настоящем обстоятельстве я играю роль и архиепископа, и Жилблаза; принужден от самого себя выслушать досадную правду, а самого себя выгнать из моей службы не могу. «Что за чепуха!» — скажете вы, читая эти строки. К несчастию, не совсем чепуха; вот в чем дело. Получив через генерала Ушакова[3] от вашего имени карту Венгрии, бывшую с вами в вашем знаме-

* Месье, больше назиданий (*франц.*).

нитом походе, я обрадовался и дорогому подарку — который будет храниться в семействе моем, как представитель и свидетель славного времени и чудного события — и случаю побеседовать с моею музою и проскакать по старой дороге на старом моем приятеле Пегасе. И подлинно, лучшего случая для лирического вдохновения мне не дождаться. Самый вид этой измятой и замаранной карты есть уже поэзия! Эти сгибы, эти пятна говорят о трудных походах, о военных трудах, о биваках; а когда глядишь на эти листы, исчерченные линиями, ветвями рек и дорог, тебе мечтается широкая магическая сеть, раскинутая по целому краю могучим русским великаном[4], чтобы захватить в нее целую армию, возмутившуюся против кесаря, ею почти побежденного. Все это представилось моему воображению при виде вашей венгерской карты, и я, пригласив мою старушку музу на поэтическое свидание, велел оседлать Пегаса, чтобы выехать навстречу к своей давнишней знакомке; но знакомка моя не рассудила ко мне пожаловать, а Пегас стал на дыбы и сбил меня с седла весьма неучтиво. И я после такого жалостного падения принужден был сказать себе с Жилблазом: *monseigneur, plus d'homélies*! Чтобы все это изъяснить простым языком, донесу вашей светлости, что я хотел написать к вам поэтическое послание, и начал писать, но должен был оставить труд свой и теперь уплачиваю вам мой поздний долг благодарности одним признанием моего бессилия выразить эту благодарность так, как бы в прежние годы выразило ее мое бывалое вдохновение.

Но если не удалась поэзия, то по крайней мере в прозе хочу в беседе с вашею светлостию повеселить себя воспоминанием о том времени, которое провел я в Варшаве. Это была чудная минута нашей истории, и мне явилась она с некоторой особенной стороны, с какой не взглянет на нее потомство; я уже не говорю о современниках! Современники едва ли что-нибудь видят ясно. Происшествия кипят, бегут, снуются, толкутся и толкаются перед нашими глазами с такою быстротою и в таком беспорядке, что никому нет времени ни для их наблюдения, ни для их оценки. Мир сделался железною дорогою, по которой мчатся паровозы событий во всех направлениях; они, как призраки, мелькают перед нами, когда мы с ними встречаемся, и от этих встреч происходит подчас ужасная давка. Кому тут до спокойного наблюдения? Кому до оценки? Кто даже имеет возможность сказать чистую правду? События венгерского похода и его чудная развязка уже перешли в разряд давнишних преданий; ни одна из газет европейских[6] не сказала о нем чистой правды, которой одной, без всяких прикрас хвалы, было бы достаточно для славы. У них рука не подымается написать что-нибудь в пользу России; они так привыкли на нас клеветать и видеть в нас записных врагов европейской безопасности и гражданственности, что и теперь, когда в глаза им бросается противоречащее этому мнению, все поют старую песню, все Россия для них есть противник всякого политического развития, представитель абсолютизма, деятельный сокрушитель политической их

свободы, опасный разбойник, ждущий только удобного случая, чтобы напасть на них врасплох и ограбить их или уничтожить. Всем сердцем горюю, что я не имел возможности остаться на несколько времени в Варшаве, дабы, подслушивая животрепещущие рассказы очевидцев, имея перед глазами все документы и слушая самого знаменитого вождя, которому Россия обязана приобретением такой чудно чистой славы, описать верно, во всей простоте правды этот эпизод нашей истории. Думаю, что это описание мне бы удалось. Теперь об этих славных днях не говорит уже никто, хотя немного месяцев прошло с той единственной в истории минуты, как русский полководец, приняв покорность от целой армии, положившей перед ним оружие, и примирив с этою армиею ее императора, повел обратно в отечество полки свои, не оставив на пути своем ни бед, ни разорения; и его доброе войско, совершив свой спасительный подвиг, исчезло как призрак, как величественная гроза, только освежившая край, посещенный ее ужасом! Думаю, что не ошибусь, если скажу, что здесь главною причиною такого полного успеха была, при великой материальной силе, *мирная энергия* русского вождя[7], который начал тем, что завоевал доверенность враждующего с ним народа, и что, с одной стороны, *непоколебимость воли* русского царя, который, наблюдая за своим войском, всеми средствами упрочивал ему победу, отняла всякую надежду на удачу сопротивления, а с другой — его бескорыстие, его рыцарская честность, выразившиеся в самых действиях его войска, приготовили и совершили такое чудное торжество над целым бунтующим народом.

Но это торжество было русское, и Европа его не оценила по достоинству; единственным и беспристрастным ценителем был император австрийский[8], которого светлая молодая душа прекрасно выразилась в его рескрипте на имя князя Варшавского. Общее мнение, когда оно обратится в закоренелый предрассудок, становится упрямо до глупости и приобретает неподвижность петуха, который, если его, положив на пол, притиснешь головою к полу и от носа его проведешь мелом длинную полосу, уверенный, что он привязан, пролежит до тех пор, не шевелясь, пока его сильным пинком не столкнут с места. Так неподвижен петух Германии в своем о нас мнении. Дождется он сильного пинка, который скувырнет его с места, и этим пинком, по всей вероятности, угостит его честная Англия.

Что сказать о *Пальмерстоне*?[9] Это злой гений нашего времени. *Геккеры*, *Штруве* и *Генце*[10], все эти грязные политические разбойники, на большой дороге грабящие прохожих с опасностию своей жизни, кажутся мне благородными героями в сравнении с этим представителем великого народа. Недавно я читал историю английской революции *Маколея*[11]; это чтение преисполнило меня удивлением к тому народу, который имеет такую историю, таких историков и такое могучее, стройное бытие политическое. Но к чему служит Англии ее чудная история, ее гражданственность, ее величественная свобода, ее ни в каком —

ни в древнем, ни в новом — народе небывалое могущество, если все это не спасает ее от поношения, в которое капризная воля одного человека, чуждого всякого уважения к высшей правде, ввергает ее перед глазами всех современников на вечный упрек истории и потомства? Судьбы Божии поставили Англию на великую степень земного могущества. С своего недоступного острова, оберегаемого войском кораблей, приученных повелевать морем, она властвует великими областями во всех частях света; в ней сосредоточиваются все богатства мира и по всему миру льются потоки ее чудной промышленности. И внутри этого острова царствует благоденствие (не скажем, однако, ни слова об Ирландии): народ знает, что такое закон и законность; христианство, единственный верный источник нравственных сил, еще не опрокинуто безверием и действует сильно на все состояния; уважение власти (несмотря на буйство развратного книгопечатания, с которым усердно борется книгопечатание нравственное, сильно поддерживаемое государственными постановлениями) не потрясено; литература богатая, в которой все образовательное, возвышающее и истинно просветительное несказанно превышает буйственное и развратное; устройство семейственности, безопасность всех неотъемлемых прав личных, законная свобода частных людей во всей ее хранительной, согласной с общим порядком неограниченности; прочность постановлений, утвержденных на строгой законности в настоящем и на почтительном хранении исторического прошедшего, создавшего и устроившего это настоящее; уважение к человечеству в сильном правительстве и проистекающее от того уважение народа к правительству, и высокое чувство своего человеческого и гражданского достоинства в каждом, от чего и твердая, ничем непотрясаемая любовь к отечеству, оберегающему для всех такое сокровище, — вот Англия. Такова ее нравственная и материальная сила посреди всех образованных народов. Какая же должна бы быть ее миссия на такой высокой чреде, от Промысла для нее избранной? Играть на земле роль этого небесного Промысла и быть могучим распространителем и охранителем не одного собственного, но и общего, всемирного благоденствия. Какое чудное, восхитительное назначение! И можно ли допустить мысль, чтобы Провидение Божие для чего иного даровало такое могущество народу, осыпав его всеми дарами земных благ, и материальных и духовных? Англии, стоящей в голове просвещенных народов, не остается ничего иного желать, кроме высокой чести предводительствовать их благоденствием и, так сказать, повелевать всему миру быть стройным и спокойным. И то, что теперь творится в остальной Европе, представляет ей самый к тому благоприятный случай. Как царица морей, как Виргилиев Нептун, она может, в смысле всеобщего блага, сказать бунтующим волнам европейских народов: Quos ego! Я вас! — Но что же? Она произносит это слово только в ругательном смысле всеобщего бедствия. Не обвиняю еще в этом всемирном преступлении всей благородной нации; последствия скоро

нам скажут, оправдывает ли она его или нет. Но на беду нашего века и к бесчестию английского народа, рулем ее корабля управляет рука, недостойная такой чести и власти. Если бы природа лорда Пальмерстона соответствовала высоте его назначения, если бы его душа была доступна божественному чувству любви к человечеству, соединенному с уважением Всевышней Воли, скажу более, если бы он имел истинный патриотизм, который не может существовать без уважения к чести народной, корабль Британии торжественно и спокойно властвовал бы морями — под флагом общего мира, приветствуемый всеми благословляющими его хранительное шествие народами. Но этот корабль обратился во враждебное судно флибустьеров. Англия, при всем своем народном величии, не иное что, как всемирный корсар, сообщник сперва потаенный всех мелких разбойников, губящих явно и тайно в других народах порядок общественный, а теперь и явный разбойник, провозглашающий, как последний результат христианской цивилизации, право сильного и без стыда поднимающий красное знамя коммунизма посреди государств в подражание грязным толпам черни, строящим по городам баррикады для грабежа во имя свободы. Что видели мы в последнее время? С кем из возмутителей не дружилась Англия? Какой мятежник не был признан союзником ее правителя? В какой земле Европы, где кипел мятеж, не были английскими деньгами разъярены и награждены уличные, обрызганные кровию герои? Не она ли бросила Швейцарию во власть грабителей радикалов, дабы основать в ней постыдную рабочую мятежа и разврата, которые не дают вздохнуть свободно Европе? Не она ли подала братскую руку разбойнику Кошуту[12], вопия против беззаконного притеснения, а в то же время готовя свой бессовестный разбой в Греции в поругание всех прав народных и человеческих? Сердце кипит от негодования и презрения: от негодования против целой нации, дозволяющей такое бесстыдное злоупотребление силы и такое нарушение всякой правды, и от презрения к ее представителю: ибо как не презирать человека, который, обладая такою властию, не постиг того величия, которое получил от Промысла народ, ему вверенный, но с непонятною, скотскою дерзостию ругается этим величием, жертвует им для удовлетворения собственной личной досады и бесчестит свою нацию для некоторых меркантильных выгод, которые, может быть, загромоздят гинеями сундуки нескольких торгашей, зато оставят на Англии пятно вечного поношения!

Но какое дело лорду Пальмерстону до поношения и от современников и от истории? Чего доброго, он, может быть, еще и гордится своими действиями в смысле народного блага; он, может быть, видит в себе мученика за Англию. *Анафема целого света загремит против меня, и я сам знаю, что дело мое достойно всякого порицания, — все это принимаю я для пользы моего отечества.* Для какой пользы? К биллионам славы, которые Англии даны *великими событиями* ее истории, как жадный ростовщик, ты хочешь *грабежом* и *неправдою* прибавить

ничтожный миллион *деньгами*, тогда как капитал твоего отечества должен быть пущен в оборот на его честь и на благо всемирное. Англия говорит тебе: упрочь для меня первенство славы между народами; а ты, глухой к этому вызову, обкрадываешь народы чужие и обижаешь свой народ, хвастая перед ним своею кражею. Повторяю: сердце кипит от негодования и презрения. Увидим, должно ли это презрение перейти от ненавистного правителя Англии на самую его нацию? Теперь пока все голоса вопиют против разбоя: увидим, что произведет этот всеобщий крик? Устоит ли пред ним недостойный действователь? Или, как это часто случается, крик умолкнет, новые происшествия, в которых наше время так изобильно, заслонят перед глазами нации этот постыдный акт ее самовластия, и все успокоится. Несколько торгашей начнут, считая свои барыши, благословлять лорда Пальмерстона, который, величаясь своим *coup d'etat**, спокойно будет продолжать бесчестить Англию грабежом и развратом, и бесстыдным ниспровержением всего, на чем основан общественный союз народов.

Увидим, как стерпит это Англия и согласится ли она своим бесчестием заплатить за выгоды своих торгашей и за удовлетворение капризов своего министра.

Гордо подымается сердце русского, когда, опечаленный взглядом на эту отвратительную политику грабежа и бесстыдного эгоизма, он обратит глаза на действия своего государя: какая противоположность между этим представителем британской свободы и этим самодержавным русским царем, бескорыстным спасителем союзника и в нем порядка Европы.

Обращаюсь к моим воспоминаниям. То, чему я был свидетелем в Варшаве, кладет венец иного разряда на это дело славы военной, венец, которого не увидит история. Это видение, так сказать, есть моя собственность. Возвращение русского полководца из Венгрии должно бы быть ознаменовано встречею торжественною, но этой встречи не было: почти инкогнито, в темноте наступившего вечера, проехал по тихим, безмолвным улицам польской столицы князь Варшавский к своему дому. Там ждал его великий князь наследник. Императора увидел он без свидетелей. Отчего же была такая тишина в такую торжественную минуту? Причина неизъяснимо трогательная: государь любит торжественность, и князь Варшавский был бы им встречен с торжеством необыкновенным; ему бы сладостно было сказать свое царское *благодарю*, перед лицом войска и народа, своему полководцу за его дело, давшее новую и в своем роде небывалую славу царю и царству; но все это исчезло перед скорбию сердца! Прославленный русский царь не отходил от постели умирающего брата, которого минуты были уже сочтены! При слышании шагов приближающейся смерти никакой голос торжества не мог быть ему доступен; мысли о земном блистательном величии исчезали перед этим мрачным величием неизбежной,

* Государственный переворот (*франц.*).

непобедимой смерти. Было что-то наполняющее душу глубоким благоговением в этой противоположности: с одной стороны, победоносное войско и озаренное его подвигами величие царя самодержавного, с другой — этот тихий уголок Бельведерский, где мало-помалу гасла лампада милой жизни, которой никакое могущество человеческое засветить снова уже не было в силах.

Это соединение *двух даяний свыше* — даяния силы и славы, разительных своим блеском, и даяния великой скорби, перед которой всякая земная слава исчезает, но которая сообщает душе безутратное величие смирения перед высшею силою: вот что представилось глазам моим. В самый вечер моего приезда в Варшаву я имел возможность увидеть государя императора. Приехав в Лазенки, чтобы явиться к его высочеству наследнику, я не нашел его дома; мне сказали, что он у больного великого князя вместе с государем; скоро потом говорят мне, что он и государь идут пешком и уже близко. Я стал там у входа на лестницу, чтобы увидеть государя, и как повернулось в груди моей сердце, когда я увидел его, бледного, со впалыми щеками, идущего тихо, усталым шагом. Я увидел не торжествователя, полного чувством новой славы, а бедного мученика, в котором скорбь по умирающему брату умертвила всякое другое чувство. И эта пытка продолжалась для него более десяти дней. Не было часа покойного; беспрестанно извещали его, что смертная минута наступила, и он спешил к постели умирающего; но смерть не давалась милому страдальцу: она как будто щадила его для последнего свидания с женою и дочерью, и они имели горестную отраду! На одно мгновение и мне удалось увидеть его — этой минуты никогда не забуду. Двери спальни были отворены; священник тихо читал отходную; у постели стоял сокрушенный император; великой княгини я не видал, видел дочь, которая, неподвижная, бледная, глубоко горестная, но не плачущая, стояла у изголовья, опустив глаза на тихую голову отца, глубоко втиснутую в подушку. Через час его не стало. Живой кусок оторвался от братнего сердца. Он потерял друга, товарища жизни от самой колыбели, вернейшего подданного, которого честности мог вериться во всякое время без оглядки. И как тяжела была эта потеря для всех, которые близко знали эту простую, здоровую, полную нежности, чуждую всякого притворства, правдивую и истинно благородную душу. Вечером этого дня я видел государя в минуту его отъезда; когда он сел в коляску и когда коляска, удаляясь от ярко освещенного крыльца, исчезла в темноте ночи, мне стало по нем несказанно грустно: он в эту минуту показался мне как будто осиротелым. Что чувствовало его бедное сердце в уединении этого ночного мрака, в котором ничто не могло отвлечь его от овладевшего им горя и оторвать его мысли от смертной постели, на которой лежало бездыханное тело брата![13] Жаль, что ни один из наших упорных порицателей не видал в это время нашего государя; он получил бы верное понятие не только о его нравственном характере, но в то же время и о необходимом характере его

политики, в которой чисто человеческое и святое нравственное не подавлено расчетами так называемой государственной пользы, столь часто оправдывающими вопиющую к Небу неправду, которой элемент есть *честность и уважение установленного права. Не тронь меня, я никогда не трону; я никогда не войду в союз с мятежом и своей личной выгоде никогда не пожертвую справедливостью*».

Сии правила, которых русский император непоколебимо держался с самого начала своего царствования, составляют разительную противоположность с политикою нынешнего правителя Англии. Но куда приведет наконец эта ненавистная политика? Спрашиваю мудрых правителей Англии: вы, представители народа, в котором общественное образование дошло до величайшего развития, следственно, вы, глубже всех проникшие в тайну самого общества, скажите, как понимаете вы земное назначение человеческого рода? К чему идет оно? И к чему вы, стоящие впереди, ведете его? К тому ли только, чтоб он обратился в подвластную одной Англии толпу работников на ее торгашей и сделался всемирною Ирландиею, где, в виду благоденствующей Англии, народ гибнет телесно от голода и нравственно от буйства и разврата? А из того, что недавно случилось пред нашими глазами, необходимо должно заключить, что таковы замыслы Англии на остальной мир. Теперь ни в одном приморском городе, где бы он ни находился, никто не может спать спокойно; над всеми народами висит меч Дамоклесов английского самовластия. Конечно, Англия не может ласкаться надеждою, чтобы государства Европы с смирением и покорностью позволили ей повесить этот меч над их головами. Но что из этого выйдет? Всемирное восстание, которое теперь уже выражается в ненависти всеобщей. Правда, чтобы предупредить это восстание, Англия наперед парализует всякое сопротивление, возбуждая повсюду мятеж и разрушая везде внутренний порядок. Но опять повторяю, что далее? Положим, что Англии удалось опрокинуть все, что не ее остров, и разрушить всякое, не ей принадлежащее благоденствие. Это будет не иное что, как в большом размере торжество того коммунизма, который в малом объеме проповедуется Прудонами[14], Штруве и прочими. Роль пролетариев в лохмотьях, которые рвутся завладеть чужим достоянием, провозглашая великий догмат: la propriété c'est le vol*, хочет взять на себя могучая и богатая Англия, проповедуя всеобщее равенство, т. е. всеобщую подчиненность ее силе. Положим, что она успела провести свой кровавый уровень над всеми народами и что она, отрубив им головы на своей всемирной гильотине, благодаря своей необъятной материальной силе и своему столь же необъятному презрению к святости прав народных, будет одиноко властвовать терроризмом на сцене мира — чем, опять повторяю, это должно кончиться? Без сомнения, явлением казнителя Наполеона, который сокрушит это здание не-

* Собственность есть кража (*франц.*).

правды, безумства и эгоизма. Если Англия хочет занять в христианском мире место языческого Рима, то она должна ожидать и судьбы его. История представляет нам беспрестанно торжество могучей неправды — но торжество это одна фантасмагория, одно временное, блестящее привидение, не имеющее никакого вечного бытия и жизни. История в настоящем смысле своем есть беспрестанное оправдание Божия промысла: неправда сама себя губит[15], и никогда, напротив, правда не имела последствий губительных; эта историческая аксиома не терпит исключений, если только мы в истории будем останавливаться не на одной минуте настоящего, а на сцеплении всех веков ее. И этот новый Рим (если только удастся ему построить свое мировладычество) будет иметь своих кесарей, которые опозорят его своим унизительным тиранством; он будет иметь свое нашествие варварских народов, но это нашествие совершится иным путем. Смотря на то, что происходит перед нами, мы уже можем сказать, что свобода Англии начинает гибнуть; уже для нее началась постыдная эпоха тиранства кесарей. Какой Калигула так самовластвовал в Древнем Риме и так бесчестил свой народ, как этот министр, который, оставляя пока в покое и личную свободу и постановления государственные, тиранствует народною честию и с своего конституционного престола, охраняемого преторианцами партий, бьет и режет ее истинное бытие, ее нравственность государственную, а с нею и нравственность всех и каждого? Нашествие варваров произойдет в Англии не извне, а изнутри ее. Нельзя действовать беззаконно на внешность, не разрушая чувства законности внутри. Один и тот же народ (и кольми паче народ, приученный своею цивилизациею все обсуждать собственным разумом) не может в одно и то же время верить в правду относительно себя и оправдывать ее нарушение относительно других. Эта отрава, вдыхаемая из внешнего воздуха, необходимо должна пройти во внутренность собственного тела и его заразить смертельно. Благоденствие и могущество Англии стоят на всеобщем чувстве законности в ее народе, в котором никакой другой народ с ним до сих пор не мог сравниться; потеряв это сокровище, Англия утратит в нем главный элемент своей высокой жизни, и нашествием варваров, которые разорвут на части этот Рим, будут пороки его народа, воспитанные в нем эгоизмом его правительства, которое, уничтожив в нем чувство законности своими беззаконными действиями в пользу личного своего честолюбия, приготовило его к неизбежному самоубийству.

Когда Фемистокл замыслил сжечь союзный греческий флот, чтобы дать Афинам владычество над морями, Аристид, которого суду был предан этот дерзкий замысел его соперника, сказал перед народом: ничто для Афин не может быть выгоднее Фемистоклова предложения, но и ничто не может быть несправедливее. Народ поверил Аристиду и даже не захотел узнать, в чем состояло предложение сего славного вождя в Саламинской битве. То была самая

великая минута афинского народа; после сила его обезумела, нравственность погибла. Последствия нам известны; лорд Пальмерстон не Фемистокл: между ним и великим мужем древней Греции нет никакого сравнения; но беззаконность замыслов, исполнению которых положено начало на том же пункте, где некогда были отвергнуты замыслы Фемистокла, несравненно их беззаконнее именно потому, что они принадлежат миру христианскому и противоречат всем правам народным, о которых не было понятия в век Фемистокла. Увидим, осудит ли Аристид Англии подражателя Фемистоклу и как примет Англия совет своего Аристида, уже отчасти выраженный голосом некоторых из ее благороднейших, уважающих честь народную публицистов.

Но как ни оскорблено сердце тем, что случилось, нельзя допустить мысль, чтобы Англия, христианская Англия, самое устроенное из всех государств, образцовый народ между народами, с равнодушным эгоизмом оправдала действия своего министра. Может ли она быть ренегатом своей славы, ругателем своего величия, дорого купленных вековыми борьбами и подвигами ее великих людей, которыми так ярко сияет ее история, которые (одни на поле крови, другие в святилище законодательства, третьи на поприще науки) предали ей в жертву свою жизнь и завоевали для нее то высокое достоинство, которым так украшено ее бытие народное? Кто лучше Англии должен теперь видеть (особенно после бурь, которые в наши дни потрясли человеческое общество), что времена завоеваний и хищничества наконец, так же точно, как вулканические допотопные создания в мире физическом, миновались; что истинное благоденствие народов не в распространении границ, не в материальном нагромождении богатства, а в богатстве нравственном, в *умеренности* и *порядке*, как говорит И. Миллер[16], т. е. (как бы должен был сказать великий историк) в сохранении правды Божией. Теперь настало время переменить основные правила политики и опереть ее не на языческих понятиях метафизического государства, а на христианских понятиях царства Божия, в котором нет врагов, а есть один союз народов для общего благоденствия. Все борьбы для утверждения безопасности политической кончились. Теперь всякая война в угождение честолюбию и хищничеству, всякая политическая война (кроме войны против губителей нравственности и общественного порядка) есть безумство и бесполезное преступление. Настала пора воздвигнуть знамя любви христианской и соединиться под ним в одну рать для охранения общего благоденствия[17].

Роман, роман! скажет эгоист в политике. Так, роман; но роман потому, что вы, распорядители судьбы народов, провозглашаете романом существенное; роман потому, что принято за правило не признавать ничего иного существенным, кроме настоящей, ощупываемой рукою выгоды, и что, служа в настоящем одному Молоху, так называемой *государственной пользе*, приносят ему в жертву святыню вечной правды; роман потому, что уловимое, видимое в

настоящем, ласкающее честолюбию или корысти, кажется существеннее того невидимого, вечно существующего, которое одно хранит, образует и бережет чистоту народов; роман потому, что ослепительный, быстро исчезающий фейерверк настоящего предпочитается тайно разлитому повсюду живительному воздуху, которого бытие вы отрицаете, но без которого ни дышать, ни жить невозможно; роман потому, что еще не догадались, что существующий Бог есть Бог живой, а не пантеистический призрак, и что Он вольный хозяин в Своем создании, что во всякий миг Своей вечности Он на всяком пункте Своего необозримого создания всем бытием Своим присутствует и произвольно заботится о каждом атоме Своего беспредельного мира, и что, наконец, вам пора с покорностию очистить принадлежащее Ему место в совете человеческого мироправления, где, впрочем, Он и без позволения правителей соприсутствует, содействуя одной их правде и казня их неправду или ее ниспровержением в неровной с Ним борьбе, или еще чаще ее собственным постыдным успехом.

Но письмо мое сделалось длинно до бесконечности. Скажу в заключение: сохрани нам Бог нашего могучего царя! Он представитель прямодушия в политике; на этом основании мы стоим твердо и устоим долго. Россия имеет перед собою несказанное будущее; если она пойдет, без спеха и без скачков, путем, указанным ей ее историей, она дойдет к благоденствию самобытному независимо от Европы, которая хочет ее оттолкнуть в Азию; она не будет ни Европа, ни Азия, она будет Россия, особенный мир, от всех отдельный, внутренне стройный, извне недоступный[18].

Прибавлю в заключение: сохрани Бог царю и царству надолго знаменитого вождя, который своими подвигами внес огромный вклад в капитал отечественной славы! Дай Бог еще долго этому вождю, *обдержанному в боях булату*[19], как говорил Державин, в силе жизни отдыхать на своих лаврах и во дни деятельного покоя поминать с веселием о днях минувших, о днях богатырских, в которые, гуляя по царству Митридата с храбрым русским войском, он русскою трубою пробуждал эхо, отвечавшее трубам римских легионов, и бивакировал у подошвы Арарата, в виду второй колыбели человеческого рода.

Прошу вашу светлость простить мне мою болтовню и мое длинное письмо; смею даже надеяться, что вы порадуете меня двумя строчками ответа.

ИОСИФ РАДОВИЦ

Биографический очерк

В письме, которое я писал к вам перед моим отъездом во Франкфурт я обещал сообщить о том, что увижу там своими глазами и что услышу своими ушами. Вот уже более пяти недель, как я возвратился из похода, но писать еще

не мог: имел другие занятия, которых отложить мне не хотелось, и потом само письмо взяло у меня много времени — оно длинно. Вы не должны однако пугаться его огромности; прочтете его на досуге. Между тем на политической сцене многое двинулось — вперед ли, назад ли, не знаю. С одной стороны против Пруссии стали во фрунт четыре королевства[1], из которых два покинули ее знамя, и ими командует Австрия; с другой — Пруссия открыла свой Эрфуртский парламент[2] и под ее знаменем выстроили свой легион почти все меньшие государства Германского Союза. Что из этого выйдет? Начнется ли война и который фрунт сделает первый выстрел, — кто знает? Вам это должно быть известно, ибо, конечно, Россия бросит между обоими фрунтами свое могучее *veto*, и этой русской рогатки ни с какой стороны перешагнуть не помыслят. Между тем я, для исполнения своего слова, и еще более для удовлетворения своего собственного горячего желания, сообщу вам то, что видел и слышал во Франкфурте, сообщу единственно для того, чтобы изобразить вам *Радовица* таким, каков он есть; это — главная цель письма моего. В политике я не судья; могу только с некоторой ясностию повторить то, что слышал, но не могу взять на себя произнести какой-нибудь приговор, ибо для того нужна опытность политическая, которой я не имею, нужно иметь перед глазами *весь* ход происшествий современных: я не мог следовать за ними с надлежащим вниманием на все подробности, быв занят своим личным делом. Дай Бог, чтобы то, что для моего ума так ясно и что сердцу моему так дорого, то есть, чтобы изображение друга Радовица вышло из-под пера моего совершенно сходное с тем образом, который более двадцати лет врезан в глубины души моей. Перо весьма непокорно нашей воле. Между тем, что мы знаем верно и чувствуем живо, и словесным или письменным его изображением — лежит для многих глубокая бездна: почти всегда то, что живет внутри души, переходит полуживым под перо; приискивание слова к мысли и чувству можно сравнить с работою живописца, пишущего портрет; почти никогда не бывает полного сходства копии с оригиналом, и это часто происходит именно от тревожного усилия поймать это сходство. Таково теперь мое положение: мне слишком хочется написать вам сходный портрет того оригинала, который в полной жизни стоит перед моим внутренним оком, но меня тревожит страх, что мысли не соберутся в один яркий фокус, что выражения не дадутся и что не произойдет в соединении их того порядка, который, по-видимому, зависит от нашей воли, а на самом деле почти всегда есть создание неподвластного нам вдохновения. Помоги Бог!

Но прежде, нежели перейду к главному, то есть, к писанию портрета, я должен натереть краски и сделать так называемую подмалевку, то есть, предварительно окинуть взглядом происшествия нашего времени и то, что должно быть их необходимым последствием. Этот взгляд будет не мой, а только соединение в одну раму всего того, что я в разное время, и особенно теперь, от защитников

прусской политики слышал. Все, что следует, есть результат моего подслушивания; передаю вам не свое, а чужое; не прибавлю к нему ничего собственного.

Все в политике получает свое основание и приобретает свое право (Berechtigung) от истории, а ход истории есть изъявление вышней, всем управляющей Воли, есть глагол Провидения, в который надобно вслушиваться, чтобы всегда и во всякую минуту знать, что делать на своем указанном свыше месте. То, что совершается в *настоящую* минуту, есть необходимое следствие прошедшего, есть последнее звено неразрывной цепи событий, из которой ни одного из этих, одно в другое входящих звеньев, никакою силою исторгнуть не можно. Это прошедшее указывает нам, как действовать, не нарушая правды в настоящем, дабы построить нечто прочное для будущего. Должно однако сказать, что нам не дано ничего строить *особенного* по *собственному* плану; мы можем только делать *пристройки* к зданию веков, которого план не нами начертан и нам даже не известен в целом; мы можем только *пристроивать* к тому месту векового, всемирного здания, близ которого стоим в настоящем и должны согласоваться с местностию так, чтобы наша *частная пристройка* гармонически входила в целое, а не была бы от него отдельным, а потому и легко разрушимым зданием. Чтобы понимать, *где*, *как* и *что* нужно пристроить, мы должны справляться с историею; она одна раскрывает нам план Провидения, которого мы должны держаться, но обозрение которого только по ее указаниям для нас возможно. Если мы будем хотеть не *пристроивать*, а *самобытно строить*, то мы только будем *расстроивать*, то есть, набрасывать развалины. Это самовольное набрасывание развалин есть то, что называется *революциею*. И характер всякой революции есть эта *отрывочность* вновь созидаемого, которым хотят насильственно заменить часть здания векового, вырвав эту часть из общего плана и на ее развалинах воздвигнуть нечто отдельное, вместо того, чтобы, отделив обветшалое (само собою уже полуотделенное) от существующего твердого, заменить его соответствующим новым, и тем только дать новую крепость всемирному, вековому.

Обращаясь к тому, что произошло в последнее время, мы должны в той бедственной революции, которая вновь потрясла Европу, видеть последнее звено длинной цепи событий; обозрение этой цепи приведет нас к узнанию того, что необходимо в настоящем для восстановления порядка, для утверждения общего и частного блага. Не упоминая о том, какое всеобщее потрясение произвела первая Французская революция, которая перешла почти все свои фазы, — начав с разрушения всего исторического во Франции и перешедши через завоевательный деспотизм Наполеона к самоубийственному деспотизму народного самодержавия, грозящего разрушением не одному государству, но самому обществу, — мы укажем на происшествия, непосредственно приготовившие переворот, потрясший Германию. Всеобщий энтузиазм, пробудивший

Германскую национальность в войне с Наполеоном, учреждение Германского Союза и появление в Германии конституций по образу и подобию французской, и с сими конституциями фальшивое удовлетворение революционному духу, родившемуся от того же энтузиазма, который одержал победу над диктатором, удовлетворение, не давшее законной свободы, а только узаконившее дух буйства, и вследствие этого тридцатилетняя вражда народов с правительствами, произведенная с другой стороны ничтожною деятельностию или бездейственной ничтожностию Германского Союза, который вместо того, чтобы властвовать духом времени, только его раздражал пренебрежением его требований и, наконец, превратил в пагубного демона анархии — следствием всего этого было постепенное уничтожение нравственной силы правительств, по мере ослабления которой, с одной стороны, возрастала сила буйства, с другой — сила, которою, наконец, было подкопано все, что составляло основание гражданского порядка: религия, уважение власти, покорность долгу, публичная и частная правда.

В таком положении была Германия, когда совершился роковой взрыв февральской революции; Франция затрепетала перед своею республикою, и с первых дней ее распаления начала с нею бой не на живот, а на смерть. Анархисты Германии, обрадованные появлением этого чудовища, быстро воспользовались паническим страхом, который оно навело на все правительства, и бросились на расслабленный союз их, как вандалы на приготовленную к падению Римскую империю. Тогда совершилось невиданное и неслыханное: все германские государи безусловно покорились малочисленной толпе самозванцев, которые сами провозгласили себя выборными германского народа и приказали правительствам, распустив своих представителей, заседавших в палате Германского Союза, передать их власть народному парламенту, образованному по их произвольному начертанию. Что вышло из этого парламента, мы видели. Бог, Которого покровительство было с циничесой дерзостию отвергнуто большинством этих представителей нации при открытии их заседаний, навел на их умы вавилонское затмение; — все опрокинули, ничего не построили, и Германия, обессиленная, уже облитая кровию междоусобной войны, стоит теперь на краю погибели. Что же надлежит делать? Чем восстановить и упрочить на будущие времена порядок? Дабы решить эту задачу, надлежит, поглядев прямо в глаза своему времени, предварительно отвечать на следующие вопросы: *что сделано? как? для чего? и кем?* Тогда можно будет легко определить и то, что остается делать.

Что сделано? — Опрокинут существовавший исторический порядок и произведен опыт заменить вековое, старое вдруг вымышленным, новым, опыт уничтожить хартию истории, вырезанную на бронзовой колонне времени, вылитой из действительных событий минувшего, и вместо ее на ломком дереве вольности повесить бумажный конституционный лист, в один день склеенный

из лоскутьев теории. *Для чего?* — Для произведения могучего единства в Германии, как то означено в титуле бумажной конституции. *Как?* — Насильством революции, которая, опровергнув законную, верховную власть, передала ее в руки толпы народной, провозгласив ее самодержавною и тем уничтожив возможность всякого порядка и всякой правды. *Что же остается делать?* — Надлежит, в том убеждении, что всякая ложь сильна только тою *истиною*, которая тайно в ней заключается, признать события событиями, то есть, не отрицая ни их существенности, ни тех последствий, которые необходимо они должны иметь, смотря по тому, как будут постигнуты теми, которые должны действовать по их указаниям, надлежит отделить от губительной лжи заключающуюся в ней спасительную истину и, дав жизнь последней, умертвить первую. Следует вопрос: *что здесь ложь и что истина*, то есть, что надлежит принять и что опровергнуть? *Ложь* — сама *революция* и все ее так называемые благоприобретения (Errungenschaften), насильственно ею сделанные по известной методе практических благотворителей человечества, которые останавливают путешественников на большой дороге с приветствием: кошелек или жизнь. *В чем истина?* — Во-первых, в требовании той свободы, в которой отказать невозможно, без которой нет благоденствия частного, нет порядка общего, нет могущества власти: под *истиною* этой *свободы* революция скрыла свою *ложь анархии*. Во-вторых, в этом духе *народности*, пробужденном во дни борьбы с Наполеоном за независимость, в течение тридцати лет сдавленном и вдруг опять освободившемся с удвоенною силою, но беззаконною революциею превращенном в буйство, тогда как сам по себе он не иное что, как законное стремление к *единству*, то есть, к соединению всех членов в одно крепкое тело для дарования этому телу живой силы, с сохранением самобытности каждого члена отдельно.

Итак, *единство* Германии должно быть теперь целию правительств. Как *достигнуть сей цели?* Уничтожив совершившуюся революцию, не производя новой, то есть произвести хранительную реформу, умертвить анархию присвоением того блага, которое таится в беззаконных ее приобретениях. Осуществлением этого блага — блага законной свободы и могучего германского единства — правительства опрокинут действователей революции их же оружием и отнимут всякий повод к мятежу на будущее время. Кто были эти действователи? Их было три рода: для *одних* цель была сама *революция*, то есть, постоянный, им одним выгодный мятеж; для *других* сия цель состояла в повсеместном утверждении *представительного* правительства; *третьи* имели в виду *единство* Германии; для *всех* революция была *способом* достижения цели. Следствия у нас перед глазами, революция могла произвести только разрушение. Что же теперь остается делать правительствам? С первыми из действователей не может быть никакого соглашения, им должно объявить войну непримиримую, и их истреблением *умертвить революцию*. Цель вторых *достигнута*: во всей Германии учреждены

представительные правительства; решение этого общего процесса принадлежит каждому государству в особенности, он обратился теперь для каждого из них в дело домашнее, и можно думать, что представительная система сама себя в своем развитии уничтожит, уступив наконец место чистой монархии, опирающейся на штаты (государственные чины). Система конституционная, которая теперь из теории обращена в факт, не иначе может быть опровергнута, как только фактом опыта, который один может обличить ее несостоятельность; конечно, этот опыт будет тяжелый ход горячки, но существования этой горячки отвергнуть уже нельзя, и горе медику, если он, отрицая болезнь, не даст лекарства, вспомогающего натуре, или, отрицая действие натуры, захочет насильственно вырвать болезнь из одержимого ею тела. Остаются третьи, то есть, поборники германского *единства*. Одно слепое упрямство может утверждать, что цель их не благая. Один только способ, которым они хотят достигнуть благой цели, то есть, революция, незаконен сам по себе и разрушителен для самой искомой цели. Стремление к единству властвует теперь Германией — это неоспоримо; но Германия есть теперь не *одно государство*, составленное из многих народов, а *один народ*, разделенный на многие государства. В первом случае соединение в один народ было бы стремлением к разъединению, сокрушительному для целого; здесь, напротив, стремление к соединению должно укреплять каждую часть особенно, вводя ее в сильный состав целого, с сохранением ее исторической самобытности. Такому стремлению удовлетворить необходимо должно, должно уже потому, что его невозможно уничтожить, оно вступило в жизнь; если на время сила его и сдавит, то оно только от этого сдавления приобретет сильнейшую упругость, и при первом толчке произойдет новый, усиленный взрыв и новое, более обширное разрушение. Правительства, соединяясь прямодушно и самоотверженно под знаменем единства, должны совокупно идти к этой цели, но не тем путем, которым шли действователи революции, хотевшие все вековые постановления, всякую историческую самобытность государств, все отдельное, личное, и следственно, действительно существующее, обратить в нечто *общее*, в какую-то идеальную целость без прошедшего, без отечественного, без наследственного, хотевшие, одним словом, обратить все исторические государства в нули и из суммы этих нулей составить метафизическую свою единицу под именем Германского народа. Чтобы дойти к их цели, то есть, к действительному, твердому единству, надлежит только выбрать путь противный избранному ими; правительства должны также энергически и с такой же полною, взаимною доверенностию соединиться для действия в пользу порядка, с какою соединены были для действия на общую гибель друзья беспорядка. Теперь наступило время самоотвержения, теперь нет места эгоистическим спорам о первенстве, нет места ребячеству династической гордости, нет места корыстному хищничеству: дело идет о восстановлении *святого*, обруганного дерзким развратом; о соеди-

нении всех сил воедино для спасения общего сокровища: страха Божия, достоинства монаршего, безопасности от врагов, внутренних и внешних, и истинной свободы, истекающей из благоговения перед святым, из уважения власти, из покорности долгу. Известно, чего желал для Германии король Фридрих Вильгельм IV. За несколько лет до революции исполнение тогдашних его бескорыстных предложений, в которых на первом плане стояло председательство Австрии на совете государей германских, отвратило бы эту бедственную революцию, и из рук законной власти Германия получила бы то, что теперь в таком искаженном виде выпало ей из нечистых когтей мятежа. Кто тогда отвергнул спасительное предложение Пруссии? Австрия, — наконец согласившаяся принять их, но уже тогда, когда судьба Божия произнесла свое наказующее: *поздно*. И теперь Пруссия, с тем же самоотвержением, без всяких своекорыстных замыслов, предлагает то же, то же, конечно, но то же *после событий* 1848 и 1849 годов, которых уже никакая сила не вырвет из роковой цепи времени. Тогда дело шло о *предотвращении* бедствия, которое так громогласно пророчили все события; теперь дело идет уже о *восстановлении* того, что *совершившееся*, напрасно предвиденное и предсказанное бедствие превратило в развалины. Тогда все правительства могли действовать *самобытно*, со всем достоинством власти, свободно благотворящей, могли даровать произвольно необходимое, требуемое веком, даровать не в смысле анархии, а в смысле хранительной, державной власти: заслужив всеобщую благодарность, они восстановили бы и утраченную свою силу; теперь все правительства, покорившиеся в минуту страха беззаконному бунту, опутаны теми бедственными уступками, на которых лежит печать монаршего обещания; и дар, исторгнутый принуждением, вредный для самих приобретателей (ибо есть произведение беззаконного их буйства), не возбудил ни в ком благодарности и не произвел примирения между враждующими партиями. Пруссия, которая со всеми вместе выпила горькую чашу наказания, и теперь, как прежде, предлагает верное средство спасения, но средство *наиболее исполнимое* в настоящую минуту, через которую нельзя перепрыгнуть в желаемое будущее, а это будущее необходимо наступит, если только без нетерпения, без эгоизма будет постигнуто и исполнено одно *возможное* в настоящем. В каком виде наступит желаемое будущее, знает один Бог. Но Он говорил государям и народам: *действуйте по правде*; за вашу правду ныне Я воздам Моею правдою завтра. Прусский монарх искренно и самоотверженно желает правды, и это уже доказано делом. Не он *вытесняет* Австрию из Германии, она сама себя из нее вытеснила своей конституцией; если при том взглянем на карту, то увидим, что Австрия всеми своими приобретениями выдвинута из Германии, а Пруссия, напротив, тем же вековым процессом, вдвинута в ее внутренность. Итак, если Австрия не может вследствие своей конституции быть непосредственно во главе союзной Германии, то кому занять ее место, как не Пруссии? И если второстепенные государства отказываются

признать необходимое первенство Пруссии, то здесь очевидно, что личной, династической спеси приносится в жертву общая судьба Германии. Пруссия не только не имеет в виду замыслов на хищническое уничтожение самобытности держав, которым предлагает союз свой, но она именно этим союзом упрочивает их самобытность и разрушает замыслы анархистов, которые ничего так не желают *теперь*, как восстановления старого, безжизненного союза, дабы питать им дух мятежа и ненависти, продолжать по частям раздроблять Германию, и потом снова, при первом удобном случае, с большим успехом нанести сокрушительный удар свой целому. Разительным доказательством этого служит то, что все анархисты или отказываются содействовать Пруссии, или действуют против нее в лагере ее противников. У них чутье тонкое; они чувствуют, что единство Германии на том основании, на котором ее хочет построить Пруссия, есть смерть революции, обличие несостоятельности представительного правительства и необходимое восстановление чистой монархической власти. Одним словом, Пруссия хочет одной правды, чужда своекорыстию и самоотверженно готова на всякую жертву для общего блага; в этом убедятся современники, по крайней мере, такое свидетельство даст ей беспристрастная история.

Вот сумма того, что я слышал и прежде и теперь от защитников нынешней прусской политики. Не позволяя себе никакого собственного мнения об этом предмете, ибо не имею для *этого* достаточного числа собственных данных, скажу здесь только одно: бескорыстность и честность прусской политики для меня неотрицаемы, и мое доказательство состоит в том, что душа этой политики, с той минуты, как Пруссия предложила союз свой Германии, есть *Радовиц*. Ни для кого и ни для чего он не пойдет излучистым путем махиавелизма[3]. Будет ли иметь эта политика успех — это другое дело. Главным врагом ее может сделаться тот самый Эрфуртский парламент, на котором она хочет утвердить свою силу. Но я теперь дошел до настоящего предмета моей эпистолы; буду говорить о самом *Радовице*.

И до 1848 года довольно много было о нем говорено и писано; тогда более в нем судили человека и писателя, и Радовиц, которого мнения религиозные, философические и политические были в резкой противоположности с царствующими мнениями века, слыл, как католик — иезуитом, ультрамонтаном, как политик — проповедником абсолютизма. По вступлении Радовица в покойный парламент, он все еще носил эти данные ему титулы; прибавилось только то, что не проходило ни одного дня, чтобы в какой-либо газете или брошюре не появилась вариация на обе темы: *иезуит* и *абсолютист*; все эти вариации были однако повторением одна другой; клевета не дремала: к нападкам на мнения, вымышленные или искаженные, она присоединяла и низкую ложь на характер и на действия человека, на котором до сих пор не лежит и тени упрека. Наконец, со времени призвания Радовица в Пруссию, где он сделался главною пружиною

теперешней ее политики, тема *иезуит* варьируется только для того, чтобы не потерять привычки, а тему *абсолютист* заступила противоположная ей тема *радикал*. В каком чудовищном виде должен стоять перед современниками этот повсеместно поносимый Радовиц, одним неизменным молчанием отвечающий на все низкие клеветы и оскорбления, которыми, с одной стороны, осыпают его партии (по натуре своей неспособные быть справедливыми), а с другой — подкупные работники партий, которые в публичных листах бессовестно проповедуют и *pro* и *contra*, или враги личные, которые хотят удовлетворить клеветою зависти и злобе. Постараюсь объяснить феномен такой всеобщей, незаслуженной неприязни.

Радовиц до вступления своего в прусскую службу был незнаком с так называемым большим светом. Его жизнь была посвящена труду уединенному и тесному кругу друзей, в котором он мог независимо предаваться без всякой оглядки движениям сердца и свободному выражению своих чувств и мыслей. Он мыслил вслух для друзей, которые понимали не одни его мысли, но и его душу. Эта душа проста, во всякое время готовая симпатически принимать чужое чувство, чужую радость, чужое горе, в ней нет и тени притворства; она младенчески доверчива; — но к этим золотым качествам не присоединялось (говорю о первом времени светской жизни Радовица) искусство, которое так высоко ценится в большом свете, искусство ласкать всех и каждого приветливым обхождением. Радовиц не имел ни случая, ни досуга для образования себя в этом искусстве, и на сцене большого света, как в кругу знакомых с сердцем его друзей, выражал мнения резко, сильным, неопровержимым словом, подкрепляя собственные мысли артиллерией необычайной учености: его железная диалектика была сокрушительна, и этим оружием он действовал беспощадно, не для того однако, чтобы опрокинуть своего соперника, выказать свое над ним превосходство и тем оскорбить его самолюбие, — такого рода суетность совершенно чужда его высокому характеру, — нет, он просто как рыцарь, верный своей красавице, выходил на поединок за то, что признавал в сердце своем истиной; правда, живость характера не дает ему терпеливо выслушивать плоскостей или болтовни невежества, но никто не умеет быть столь внимательным к тому, что достойно внимания, никто не имеет такой терпеливости к чужим убеждениям, не отличает так прямодушно ошибочного мнения от личности, приняв за правило (правило любви христианской, которому весьма немногие следуют) не ставить на счет нравственности сердца убеждений ума, ослепленного предрассудком. Но эта решительность мыслей и резкость в их выражении изъяснена была высокомерием от всех, кто не был в короткой связи с Радовицем, которому и самые искренние друзья его говорили: *надобно быть твоим другом, чтобы не сделаться твоим неприятелем*. Тем из немногих, которые могли с ним успешно единоборствовать на сцене общества, но которые желали

сохранить исключительно для себя на этой сцене первую роль, было вообще его присутствие не по сердцу; многие, которые не имели сил с ним бороться, и которых тем более сердило его над ними превосходство, что он (без всякого высокомерия, а просто от недостатка искусственно-ласковой светскости) не заботился золотить свои подносимые им пилюли, были раздражены против него собственным самолюбием, всегда непримиримым; а весьма многие, которые не могли никакого при нем иметь голоса и которых ничтожество было для них самих и для общества ощутительно от его превосходства, не могли сносить этого превосходства. Прибавите сюда всех отрицателей веры, всех рационалистов в христианстве, для которых всякая положительная религия есть предрассудок, а всякий строго верующий — досадный обличитель их безверия, есть лицемерный пиетист, когда он протестант; иезуит, если он католик; наконец, сочтите всех так называемых либералов, и честных, то есть искренно убежденных, и нечестных, то есть анархистов с выгодами своекорыстными, — и тем, и другим была ненавистна чистая, монархическая доктрина Радовица, проповедуемая победоносным его словом и столь же победоносным пером его. Все это, взятое вместе, объясняет всеобщее против него восстание, особенно в теперешнюю минуту, когда он обстоятельствами вскинут на высоту, на которой все тридцать два ветра партий с ругательным свистом нападают на него, никакой партии не принадлежащего, и силятся растерзать его доброе имя. Были, конечно, и голоса в пользу Радовица, но то были капли в море. Наконец, нашелся один Френсдорф[4], отважившийся говорить о нем беспристрастно и отдать ему надлежащую справедливость.

Надобно, однако, заметить, что и он в своей брошюре говорит о Радовице по одним публичным документам. Он, правда, умеет отделить в них истину от лжи, но из того, как он говорит о самом лице Радовица, кажется мне, можно заключить, что он его лично не знает, или знает мало; как бы то ни было, нельзя не изъявить благодарности человеку, который по одному негодованию на несправедливость, сделался адвокатом обвиненного, без всякой надежды, чтобы присяжные общего мнения, которые слуги партий (по обычаю всех присяжных нашего времени), произнесли свой приговор в смысле чистой правды.

К сумме порицаний надобно прибавить еще одно: Радовица, строгого монархиста, называют теперь ренегатом монархического вероисповедания. На это отвечает за себя он сам в лице *Вальдгейма*[5], который есть представитель мнений Радовица, в его *«Разговорах из настоящего времени о государстве и церкви»*[6]. Вот, что говорит Вальдгейм:

> Ich halte mich verpflichtet, die Monarchie auch in ihrer Entstellung nach allen Kräften gegen die Teilung mit der Volks-Souveränität zu verteidigen, und die Repräsentativ-Regierung wieder eben so gegen die Republik, ungeachtet ich den Vordersatz

missbillige, ungeachtet ich die notwendigen Folgerungen durchaus zugestehe, ungeachtet ich das Ende des Zersetzungsprozesses schmerzlich ahnen muss[7].

Если прибавим к этим словам Вальдгейма святые слова из Евангелия: *ищите во первых Царствия Божия и правды Его*, и *все остальное приложится вам*[8], то мы будем иметь перед глазами всего Радовица, и политика, и человека. Вышесказанного достаточно для легкого очерка; но для живого портрета нужны краски фактов. Я не намерен писать биографии; хочу только дополнить рассказ упомянутого биографа некоторыми подробностями, которые мне, по долголетней, дружеской связи с Радовицем могли быть вернее многих известны.

Не нужно упоминать о том, как щедро природа осыпала Радовица духовными дарами: этого не отрицают и законные враги его. Предназначив его для великих земных испытаний, Бог даровал ему и великие силы душевные. Практически-светлый, философически-глубокий и математически-верный ум, соединенный с ребяческим чистосердечием и с непоколебимостию воли, которая крепко властвует рулем ума, то есть правилами, раз признанными за верные, — вот в немногих словах характер Радовица.

Часто мелкие, случайные обстоятельства, если только можно допустить действие случая в правительстве Божием, имеют роковое влияние на целую жизнь нашу. Опираясь на это, я утверждаю, что простая бочка много участвовала в умственном образовании Радовица. В первые годы его ребячества не весьма прилежно занимались его классическим учением: мальчик был оставлен самому себе. Вместо того, чтобы играть и проказничать со своими сверстниками, он любил сидеть за книжкою. Случай помог ему сделать важное открытие. В подвале дома, в котором жили его родители, отыскал он бочку; она была полна книг, набросанных в нее без всякого порядка. Вскрыв бочку, которую с этой минуты ребенок признал своим законным призом, он схватил первую попавшуюся ему книгу и с жадностию прочитал ее; за прочтением книги последовало новое посещение бочки; взята опять первая, нащупанная рукой, книга, совсем другого содержания, нежели прежняя, и она прочтена так же, как та, — жадно и скоро. Таким образом чтение, начавшееся с верху бочки, дошло до дна ее. Можно себе представить, каким хаосом разнообразных предметов наполнилась голова ребенка, которого память все схватывала и ничего не теряла. Когда открылось дно бочки, прекратились и все на нее нашествия хищного читателя; но с этой минуты началась главная его деятельность. Беспорядочное приобретение извне уступило место внутреннему, умственному созданию целого из разнородных, в огромный хаос накопившихся частей. Какую врожденную силу должен был иметь этот свежий молодой ум для произведения такого создания! И, конечно, никакое методическое учение не укрепило бы так этого ума, как эта гимнастика мысли, приведшая в движение все его духовные мускулы. Роковая бочка от-

зывается и теперь во всех умственных действиях Радовица: это быстрое охватывание одним взглядом множества предметов, это всегдашнее соприсутствие при всякой новой операции ума всех материалов, в разное время собранных и сохраняемых памятью, это верное, легкое, как будто инстинктивное, угадывание того, что необходимо, и умение отбрасывать все ненужное, этот лаконизм мысли и ее совпадение с выражающим ее словом, эта пластическая стройность и плотная сжатость частей в одно живое, легко объемлемое целое, которое тогда является чистою истиною, без всякой лигатуры, — вот что мы находим теперь и в действиях ума, и в красноречии Радовица. Может быть, все это вышло из роковой, изгнанной в подвал бочки.

Если бы книги, складенные в ней как ни попало, были в порядке расстановлены на полках, они были бы и прочтены в порядке, и ум читателя не имел бы нужды повторять работы древних гигантов, которые по горам, ими набросанным в одну груду, почти добрались до неба и до Зевса. Партизанскими набегами на бочку Радовиц был хорошо приготовлен к регулярной войне под знаменами Политехнической школы, в которую помещен был как подданный короля Вестфальского. Какое широкое и глубокое развитие должна была произвести математика, схваченная во всех ее отраслях, на ум, так самобытно и свободно возмужавший и вдруг подчинивший свою независимую деятельность строгой дисциплине наук математических! Когда из Политехнической школы, в которой выдержал блистательный экзамен, Радовиц, произведенный в офицеры артиллерии, в 1812 году поступил в армию Вестфальского королевства, ему еще не было шестнадцати лет. Из рук Наполеона получил он крест Почетного легиона. В эту эпоху замечательна не храбрость пятнадцатилетнего юноши, (которого умел заметить зоркий взгляд Наполеона), а то, что для него и война, и поле сражения были, так сказать, продолжением уроков Политехнической школы; приложением математической теории к практике занимался он так же внимательно, как выстрелами пушек вверенной ему батареи; преследуя глазами прыгающее по полю сражения ядро, он изъяснял его убийственными скачками законы рикошета.

Возвращаюсь к хронологическому порядку моего рассказа. По заключении Венского мира, 18-тилетний воин, который остался верен своему знамени *за* и *против* Наполеона, был сделан учителем высшего класса математических и военных наук в Касселе. Этот период его жизни, с 1815 по 1823 год, был, может быть, счастливейшим ее временем: он был периодом уединенного, могучего, деятельного самосоздания, это была весна души, души высокой, пламенной, нежной, преисполненной сильного гения, открытой всему, что на земле прекрасно, жаждущей истины, жаждущей Бога. Что можно сравнить с прелестью такой жизненной весны, в которой под небом непорочной молодости, как под светлым небом Италии, разом расцветают все благоуханные цветы жизни —

цветы веры, цветы науки, цветы поэзии, и с ними все упования, чарующие нашу душу в первые земные наши годы? Не могу без благоговения думать об этом творческом уединении юноши, который, в это же время лишенный всякой фортуны (ибо он отказался от наследства отца своего, для уплаты оставшихся после него долгов), сделался покровителем своей, нежно им любимой и достойной любви его, матери, делил с ней свое небогатое достояние (жалование, им получаемое по званию учителя математики), а все остальное время посвящал науке, но науке в обширном и высоком смысле, то есть, не одному скоплению знаний, которые обогащают наш ум, делают его властителем природы, и, доставляя живейшие настроения, дают нам способ служить человечеству в земном, общественном порядке, но такой науке, которая все, понимаемое нами на земле, соединяет в один яркий фокус, в Бога, в Бога живого, не дерзким умом сотворенного, а самодающегося душе таинством Откровения. Радовиц, преданный до этой эпохи изучению математики, где все вполне удовлетворяет мысли, где все есть чистая, неопровержимая очевидность, не был ни верующий, ни отрицающий; математика, сперва теоретически изучаемая, потом прилагаемая к делу военному на поле битвы, не давала в душе его места ни веры, ни безверию. Но когда с поля деятельной, практической жизни, еще во всем цвете молодости, он вступил в тишину уединения и углубился в самого себя, когда природа и ее законы, человек и история человеческого общества, правоведение, языки древние, восточные и новые, поэзия, музыка, искусство и, наконец, умозрительная философия, которая должна соединять все части здания в один гармонический состав, сделались предметом его изысканий, тогда почувствовала эта глубокая душа, что все эти знания, сколь бы ни был обширен их объем, сколь бы ни была многообразна из них извлекаемая практическая польза, не имеют никакой самобытности, никакого смысла без откровенного Бога; что до тех пор они *свод без ключа*, пока не скрепило их христианство, довершающее дело человеческого гения непосредственным даром Божиим, верою, которая всю систему знаний обращает в нечто живое (как огонь, без которого свеча, назначенная для *освещения*, не имеет сама по себе никакой самобытности), которая изъясняет неизъяснимое, соглашает противоречия и придает земному знанию, исчезающему для нас вместе с нашею земною жизнию, духовную неумираемость, то есть, сливает все то, что мы здесь постигли умом своим, всё, что мыслию чувствовали и испытали, в одну идею живого. Радовиц, которого первое отрочество колебалось между протестантизмом и католицизмом, в это время сделался строгим католиком. Глубокое изучение теологии привело его к вере, а результатом всего этого, как основное практическое правило жизни, сделалось выше приведенное мною Евангельское слово: *ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и все остальное приложится вам*; это правило проникло все его мысли и все его действия. Те, которым его жизнь известна

вблизи, *знают* это; те, которые одной с ним веры (католики и протестанты), *понимают* это; напротив те, которые сами веры не имеют, не только не веруют его вере, но именуют ее лицемерством, почитая в своем высокомерии бессмыслицею все, чего сами не смыслят, и невозможностию все, что отрицают, и Радовиц в глазах их есть просто иезуит, ультрамонтан[9], таящий в душе своей глубокие замыслы. Какие? До сих пор никому из порицателей не удалось придумать ничего вероятного в ответе на этот вопрос. В наше время называть иезуитом того, кто не принадлежит к ордену иезуитов, есть совершенная бессмыслица. Что же касается настоящих иезуитов, то они герои нашего века; они дерзко перед его нетерпимостию носят на себе ненавистный свой титул и строго исполняют все постановления своего ордена. Для чего? Какую победу и над кем может одержать эта отставная милиция папы? Какие могут быть их надежды теперь? Они просто верны своему отверженному обществу и терпят гонение за эту верность. Но их правила, или справедливее сказать, ненавистное злоупотребление их правил, которым руководствовался в прежнее время и навлек на себя всеобщую ненависть их орден, это злоупотребление их правил, без их титула, присвоено их бешеными порицателями, которые, вступив в орден анархии, признают всякое средство для достижения цели своей позволительным, проповедуют цареубийство, мятеж, грабительство, кровопролитие, и употребляют явно и тайно все способы, чтобы всеобщим безверием и развратом упрочить себе такое владычество над миром, о котором никакой из самых закоренелых иезуитов не позволял себе и грезить.

Кто-то, желая оскорбить Радовица, назвал его *воинственным монахом* (и это было торжественно повторено всей шайкой хулителей); но в этом титуле без намерения произнесена была похвала, а не порицание. Воинственный монах — следовательно, отшельник от света, живущий посреди света и воюющий со светом, отказавшийся от всех тех наслаждений чувственных и страстно искомых благ, в которых по горло утопают все не монахи, и служащий верою и правдою Тому, Кто, посылая учеников своих благовестить о Его пришествии, сказал им: «*Вы не от мира и мир возненавидит вас*»[10]. Таким монахом вышел Радовиц из той кельи, в которой он, добровольный затворник, провел десять лет юношеской жизни в приготовлении к той войне, о которой намекает, в данном ему титуле *воинственного монаха*, его добросовестный порицатель, против желания похваливший его своей хулою. В эти святые дни чистейшей молодости, в которые ум его, скопив необъятные знания, привел их к одному общему знаменателю веры, он не выходил из очарованного круга внутренней жизни (он заглядывал в него мимоходом), посвящая досуги свои нежнейшим заботам о милой матери и тесному кругу друзей, между которыми один, избранный сердцем, сделался товарищем души его на всю жизнь. Оба товарища одинакими глазами смотрели на жизнь и свет, для обоих был один и тот же идеал; разница

между ними была та, что один, богатый знаниями, был наставником другому, который со своей стороны имел живую восприимчивость сердца и обращал в собственность дары, истекавшие из души друга. Говорю о *Рейтерне*[11]. Замечательно то, что в сражении под Лейпцигом они находились в противных фрунтах; Радовиц командовал артиллерийской батареей, у Рейтерна оторвало ядром правую руку. Кто знает? Может быть, это ядро вылетело из той пушки, которой Радовиц прокричал свое: *пали*! Верно только то, что этот роковой выстрел, по сцеплению обстоятельств, свел на одну дорогу друзей и был для них источником великого благословения. Обращаясь к воинственному монаху, скажу, что первое его сражение в монашеской этой войне была победа, которой лаврами (как то и принадлежит к характеру подобной войны), была утрата его места и вместе с ним всех способов существования. Радовиц, держа сторону угнетенной слабости против угнетающей власти, был выгнан из Касселя и выдержал несколько месяцев заточения в Цигенхайне. Наконец, курфюрст, одумавшись, возвратил ему свободу и, вычеркнув его из своей службы, дал ему пенсион с оригинальным условием, чтобы он этим пенсионом пользовался вне границ Гессен-Касселя[12]. Радовиц отвечает, что он, не заслужив наказания, не почитает приличным принять такого рода награду, отказался от пенсиона и отправился в свое изгнание, не имея никакого достатка и никакой верной цели перед глазами, с одним лучшим своим богатством, со своей матерью, в которой был олицетворен перед ним завет Божий, выраженный в его пятой заповеди. На дороге изгнания Радовиц отдохнул в гостинице, отведенной ему дружбою; потом открылась для него более широкая дорога деятельности. Упомяну здесь об одном обстоятельстве, означающем и силу его воли и трезвость его ума, над которым никогда не властвовало обольщение минуты. Ему надлежало выбрать между второстепенным местом субальтерн-офицера[13] в прусской армии и обязанностию быть главным воспитателем принца[14] при таком дворе, где, исправляя должность, удовлетворительную для ума и сердца, он нашел бы самый привлекательный и образованный круг общества. Он выбрал первое, предпочитая железную подчиненность военной дисциплины приятной независимости педагога, которая казалась сибаритством его стоической душе, менее дорожившей трудом, крепительным для ее силы. Радовиц был призван в Берлин в 1823 году. Здесь неутомимая деятельность ума его приняла новое направление: к математике и к военной науке присоединилась политика; хотя он еще и не был вызван на ее дорогу, но, введенный в общество, составлявшее круг гениального кронпринца, он вошел в сношение со многими знаменитейшими людьми нашего времени, государственными, учеными и художниками; горизонт его практической жизни расширился. Но главным его приобретением в эту эпоху была связь с самим кронпринцем, которого душа, преисполненная стремлением ко всему высокому, нашла в душе Радовица ответ на все свои жизненные вопросы. Эта

дружба, со стороны кронпринца непритворная, со стороны Радовица — бескорыстная, преданная и самоотверженная — сохранилась неизменно и доныне. Она имела великое влияние на всю последующую жизнь Радовица; она сделалась, так сказать, осью ее обращения, особенно с той минуты, когда на троне Пруссии место благодушного Фридриха III заступил Фридрих Вильгельм IV, которого душа так искренно, так бескорыстно, с такою верою в Бога желала и желает блага общего и честного, которого просвещенный гений так ясно понимает, в чем это благо состоит, но которому Бог, строго испытующий своих избранных, дал вытерпеть величайшее из земных бедствий, допущение от нерешительности в роковую минуту сокрушиться всем идеалам, озарявшим его чистую жизнь. Фридрих Вильгельм IV приобрел в Радовице сокровище, немногим данное на троне: друга по сердцу, друга, который в своем государе любил и любит без всяких своекорыстных видов его самого (равно нежно, как в светлые дни вдохновительных упований, говоривших о создании благоденствия отечеству и прочного мира народам, когда так сладостно было находить в душе своего монарха такое чистое стремление и ему содействовать, так и в темные дни мятежа всеобщего, когда остается одно: отбросив всякую надежду на успех, идти путем правды, рука в руку с государем своим, и с ним вместе устоять или с ним вместе погибнуть). Я не пишу биографии Радовица, а только его портрет, и потому не считаю нужным говорить о том, как из Берлина он попал во Франкфурт-на-Майне, где ему (тогда только майору в Главном штабе) дано было важное место, которое перед тем занимал генерал от инфантерии. Не буду повторять того, что сказано в печатной биографии о публичной жизни Радовица в промежутке от 1840 года до настоящего времени. Дополнением к тому может служить и брошюра самого Радовица, изданная в 1848 году[15]; она бросает блистательный свет, как на действия короля Прусского в последние, предшествовавшие революции годы, так и на его теперешние намерения относительно устройства Германии. Буду говорить только об одном домашнем Радовице. После многих напрасных попыток осуществить благие идеи свои, которых исполнение привело бы благодетельный переворот в Германии, и, вероятно, спасло бы ее от разрушительного потрясения, Радовиц жил тихо в Карлсру, занимая место министра при баденском дворе и сохраняя звание уполномоченного по делам военным при Союзе Германском. Его здоровье было сильно потрясено. Мудрец, наименовавший его воинственным монахом, конечно, назвал бы эту болезнь завалом неудовлетворенного честолюбия. Но тем, которые знают и уважают истину, коротко известно, что Радовиц того честолюбия, которое может производить подобные в душе завалы, вовсе не имеет. И они, со своей стороны, готовы назвать его *в смысле честолюбия* воинственным монахом, — но честолюбие их монаха будет не иное что, как исключительная любовь к чести Божией, которая одна есть путеводительный компас всех действий Радовица.

Нет! по всем благородном желании сохранить во всей чистоте свое доброе имя, действовать широко и благотворно на свое время, оставить по себе пример добра своим детям и добрую память потомству, Радовиц чужд того честолюбия, которое тревожит и мучит душу исканием власти, первенства, рукоплесканий славы, блеска фортуны. Его честолюбие есть стремление смиренно и безукоризненно приносить ежедневно отчет свой перед судящего его душу Бога, дабы не затрепетать перед тою минутою, которая некогда да потребует последнего отчета; это честолюбие найдете в нем во всякое время, а такое честолюбие исключает из души всякое другое. Так! болезнь его могла происходить от многих горьких неудач, но не от неудач своекорыстия, — от неудач того, что ум признал верховною правдою, чего сердце желало, как блага миру, и чему враждебно противоборствовала демоническая сила нашего времени. Утомленный такого рода неудачами, Радовиц не желал ничего иного, как совершенного отстранения от дел государственных; он желал быть забытым в том уголке Германии, где имел самый смиренный круг действия, но где с полною свободой, несмотря на страдания телесные, предавался науке и размышлению. В эти дни родилась его книга, обратившая на себя внимание всей Германии (*Gespräche aus der Gegenwart über Staat und Kirche. Erfurt und Leipzig, 1847*). Она была написана в несколько дней, в то время, когда автор ее находился больной в Вильдбаде, где пользовался теплыми водами. В ней ясно и полно выражены не только мысли самого Радовица, но и все им противоположные мнения о важнейших предметах государства и церкви. Чтение этой книги было глубоким *наслаждением* для мысли в то время, когда она появилась; но теперь нельзя ее перечитывать без изумления и некоторого страха: из нее раздается как будто эхо пророческого, никем не услышанного, событиями оправданного голоса; она появилась в свете как гигантская тень, предвозвещавшая беду подходящую, но по которой никто не предугадал близости страшилища; и теперь, когда страшилище прошло, оставив на пути своем разрушение, та же тень его тянется вслед за ним, и на теперешнюю глядят с тем же невниманием, с каким глядели на прежнюю. Литературное достоинство этой книги стоит наравне с превосходным ее содержанием. И здесь отзывается роковая бочка. Какое бесчисленное множество предметов сжато без всякого порядка в тесную раму этих вымышленных разговоров, имеющих всю легкость и всю небрежную неприготовленность разговоров действительных! Во всех философических рассуждениях, имеющих форму разговоров, драматическая часть занимает место подчиненное; все лица говорят только для того, чтобы одному главному лицу дать средство высказывать свои мысли. В книге Радовица драматическое, не будучи главным (ибо в таком случае оно повредило бы действию, и форма заступила бы место содержания), имеет всю живость драмы; каждое лицо отличается своей собственной физиономией, говорит за себя и употребляет всю силу диалектики, чтобы победить и убедить

своего соперника. И как то бывает в действительных спорах, каждый из выведенных на сцену актеров остается при своем убеждении, а читателю должно самому решить, на чьей стороне правда: для него остается очевидным только то, что представитель самого автора, следственно и того, что сам автор почитает истинным, не есть радикал-атеист Детлев, ни бюрократ Эдер, ни рационалист-адвокат представительного правления Крузиус, ни верующий протестант-абсолютист Арнсбург (все впрочем честные люди[16]), а строгий католик Вальдгейм, защитник чистой, на Божией правде основанной монархии. Конечно, весьма сложно извлечь корень из этого философического квадрата; но автор писал не для детей, а для читателей, знающих арифметику, и он хотел дать им случай повторить легким образом ту трудную операцию, которую в своем ребячестве сделал над бочкою.

В это время судьба Божия наслала на него великое испытание, которое он перенес как христианин, нежный сердцем и твердый духом: он потерял единственную дочь пятнадцати лет. Она была уже в полном развитии, была прекрасна, щедро одарена природою и готовилась быть украшением света, — вдруг у самого входа в этот свет остановила ее смерть; но, быстро уводя ее за собою, она дала ей светлым оком непорочности взглянуть и на покидаемую жизнь, и на приближающуюся вечность. В немногие мгновения отходящая, молодая душа ее, вдруг просвещенная получила все, что приобретается одним долгим здесь пребыванием и обыкновенно ценою тяжелых испытаний; она, как говорит Боссюэт, приветливо приняла смерть. И как ни глубоко пронзила ее утрата сердце отца и матери, но она дала им увидеть глазами то, что всего выше и всего желаннее: увидеть таинство перехода души в жизнь вечную во всей ее чистоте первобытной, во всей радости примирения с Богом, таинство, совершившееся над их дочерью, которой последние минуты останутся навсегда неисчерпаемым сокровищем сладчайшего воспоминания. Земные бедствия получают значение свое по мере той ясности, в какой они являют нам посылающего их Бога. В этой милой, чистой, девственной кончине Его присутствие ознаменовалось самым умилительным образом; оно проникло в душу родителей, и болезнь печали обратилась для них в глубокое ощущение Господней благодати. Чтобы означить одною чертою и твердость, и нежность души Радовица, скажу, что во все продолжение роковой болезни он ежедневно писал к семейству друзей своих, которые беспокоились о его дочери[17], и, наконец, почти в самый час ее кончины сам в немногих, трогательных словах описал им ее последние минуты. На гробе ее стоит: Ich werde loben den Herrn in dem Lande der Lebendigen[18].

В этом надгробии есть что-то удивительное и таинственное. Оно не только утешно для верующего сердца, но и сильно говорит воображению. Кто видел Марию Радовиц во всем цвете красоты и молодости, и читает на тихом гробе ее или про себя вспоминает эти святые слова, тому как будто видится эта душа,

пролетающая землю живых, и как будто слышится ее знакомый, славящий Бога Всевышнего голос.

В ноябре месяце 1847 года (через полтора года после смерти дочери) начинается тревожная, политическая деятельность Радовица. Она описана подробно Френсдорфом. Этот период его жизни представляет неразрывную цепь испытаний тяжелых, но выносимых с твердостию непоколебимою. Сначала бесполезная поездка в Вену для решительного побуждения Австрийского правительства к преобразованию Германского Союза — исполнение этого плана остановлено швейцарскими смутами; потом поездка в Париж для приведения в порядок дел швейцарских — швейцарские дела исчезают перед Февральскою революциею; Пруссия спешит вызвать Австрию на немедленное приступление к преобразованию и с ее полномочием снова послан Радовиц в Вену — поздно: и Вена, и вслед за нею Берлин падают во власти анархии. Немедленно по возвращении в Берлин Радовиц взял чистую отставку, как генерал и как дипломат, и покинул столицу Пруссии, где свирепствовал мятеж во всем своем отвратительном бесчинстве, не имев прискорбной отрады и взглянуть на своего государя, увлеченного силою обстоятельств на иной путь, на котором его верный слуга не мог уже за ним следовать. Он должен был его покинуть окруженного такою бурею. Которой приближение оба предвидели, которую оба усиливались отвратить и которая своим порывом бросила короля именно в тот самый поток, от разливных вод которого он так желал защитить свое отечество. В эту минуту, казалось, вдруг пропала под ногами Радовица та дорога, по которой до того времени указывало ему идти Провидение. Имея только то честолюбие, о котором я говорил выше, и совершенно чуждый своекорыстию, он не пожалел о внезапной утрате всего, что называется в свете фортуною (ошибочный перевод этого слова есть *счастие*); полный тяжкой скорби о своем Государе и о бедствиях, постигших отечество, но с тишиною сердца, которое не шептало против него никакого упрека, Радовиц покинул сцену своей публичной деятельности; он удалился в Мекленбург, где нашел убежище в семействе милых родных. С ноября 1847 года, следовательно, почти ровно шесть месяцев, был он в разлуке со своим семейством; его жена и четверо сыновей находились в Карлсру. Поселившись в Гивице, в доме своего шурина графа Фосса[19], он написал к жене, чтобы она покинула Баден и переселилась с детьми также в Гивиц. Здесь, отдохнув под гостеприимною кровлею дружбы и разобрав то немногое, что после кораблекрушения было ему выброшено волнами на берег, он хотел на досуге устроить план своей жизни. Итог оставшегося ему достояния был весьма скуден: небольшая сумма, скопленная строгою экономией во все годы службы, пенсион генеральский, который он имел полное право получить немедленно, но который был определен ему несколькими месяцами позже, так, что вначале (как депутат национального собрания во Франкфурте), он не имел никакого

иного дохода, кроме диет своих, то есть, если не ошибаюсь, трех или пяти гульденов в день. Этим пенсионом надлежало удовлетворять всем потребностям жизни и давать образование четырем сыновьям, которые все уже были готовы к начатию классического учения. Но Радовиц не даром учился математике в Политехнической школе; как прежде он прилагал теорию рикошета к прыгающим на поле сражения ядрам, так и здесь, на поле иного сражения, он сумел сладить самым удовлетворительным образом свой расход со своим приходом, включив в бюджет самое строгое ограничение жизни, которое, впрочем, ни для него, ни для героического характера его жены ничего затруднительного не представляло. И, вероятно, в эти дни испытания не раз и он и она подумали с умилением о той спокойной могиле, в которой скрылась от жизни их милая дочь, на которой в то время свежо распускала весна свои цветы, тогда, как кругом свирепствовал мятеж, за которою было так небесно светло, тогда как земное будущее час от часу становилось темнее. Эти немногие дни, проведенные в Гивице, были для усталой души Радовица крепительным отдыхом. Почитая конченным тот путь, по которому он до тех пор шел, повинуясь указанию Промысла, он сделал свои предварительные расчеты для новой открывшейся ему дороги; эта дорога должна была его вести прямо туда, где все покоит, довольствует и возвеличивает душу: в святилище науки, недоступное волнениям света. Утешенный свиданием с семейством, которое, покинув Карлсру, соединилось с ним в Гивице, он весело отдохнул на перепутье к этому желанному убежищу, где надеялся наконец предаться вполне духовной жизни, расставшись наконец с тревогами света. План его состоял в том, чтобы поселиться в одном из провинциальных городов Пруссии, где было бы жить дешево, где находилась бы хорошая гимназия для учебного образования детей и где был бы климат здоровый: он думал выбрать Вецлар. Между тем, дабы приятно разделить свой досуг с окружающими его родными, он вызвался преподавать им лекции немецкой литературы Средних веков. Предложение было принято с радостью, и лекции начались объяснением народной немецкой Илиады, «Песни Нибелунгов»[20]. Это обстоятельство само по себе не заслуживает особенного внимания; но если вспомнить, кто и после каких событий с такою сладостию переходил из мира тревог, где на самом себе испытал разрушительность благ житейских, в безмятежный мир поэзии, и там все забывал, разделяя прелесть этой поэзии с сердцами, понимающими его сердце, — то невольно почувствуешь благоговение перед младенческою светлостию этой души, которая, глубоко ведая, какая буря окружает ее, так же оставалась тиха при своем знании, как младенец, бесстрашный от своего непорочного незнания. Но этот поэтический отдых был непродолжителен. Дня через три по открытии лекций (при которых присутствовали только жена и дети профессора, его теща, графиня Фосс и ее сын со своею женою), посреди изъяснений безыменного Гомера Германии, подали Радовицу письмо;

он прочитал его и молча подал его жене, которая по прочтении письма, не задумавшись, сказала одно слово: «Поезжай». Письмо было от незнакомого, который уведомлял Радовица, что он выбран от вестфальских округов (арнсбургского и вестфальского) депутатом во Франкфуртский парламент. И уже в тот же вечер Радовиц был на дороге в Франкфурт. Это одна из тех героических или богопослушных минут человеческой жизни, в которые совершается величайшее торжество души нашей: ее полное самоотвержение перед голосом долга, то есть в смысле Радовица и в смысле истины перед волею вышнею. Для Радовица быть депутатом Франкфуртского парламента значило вступить в бой со всеми враждебными мнениями нашего времени, значило броситься в быстрый поток, чтобы плыть против течения, и, сражаясь с волнами, если не остановить на нем корабль, сорванный им с якоря и толкаемый на бурное стремя хищниками, уповающими обогатиться добычею от его разрушения, то хотя помочь другим, его спасающим, удержать его у какого-нибудь берега и не дать ему умчаться в открытое море. Он знал наперед, что ему нельзя ожидать никакого успеха, по крайней мере, того успеха, который один мог быть для него желанным, что ему надлежало вступить под деспотическое знамя партий и бороться с тем всеобщим предубеждением, которое в отношении религии величало его *иезуитом*, а в политике видело в нем грубого *абсолютиста* и честолюбца, таящего в душе непроницаемые замыслы; он знал, что при появлении его на сцене парламента крики вражды и клеветы против него сделаются общим воплем; — все это он знал и пожертвовал этому призыву, разрушительному для его спокойствия, всеми душевными благами, которые начинали уже слетаться для него под кровлею построенного им воздушного замка в мечтательном уголке Вецлара.

Не буду говорить о парламентской деятельности Радовица во Франкфурте. Она изображена довольно подробно в брошюре Френсдорфа. Я плохой судья в политике. Но в политике, которой следует Радовиц, я лучше всех знаю, на какой оси она вертится. Эта ось есть воля Божья.

Приведу здесь один случай, дабы яснее обозначить нравственный характер Радовица. Он оставил в Гивице все свое семейство. Через несколько времени по приезде своем во Франкфурт он получил от жены письмо, в котором она извещала его, что кругом их бунтуют крестьяне, что они принуждены бежать из Гивица, в соседстве которого уже свирепствуют мятежники. В это время я имел случай видеть Радовица. К делам парламента, которых ход и направление угнетали его душу, вдруг присоединилась такая страшная тревога: жена и дети окружены опасностию, а он от них далеко, и каждое письмо приносит известия более и более тревожные. Что же? Когда я, понимая эту пытку неизвестности (которая продолжалась каждые двадцать четыре часа в промежутках между двумя письмами), ему сказал: «Что еще узнаешь ты завтра?»; он отвечал: «*Я узнаю самое для меня лучшее*», — и он сказал это просто, как ответ необходимый

на нечто ежедневное, *самое лучшее! Что бы ни случилось — все лучшее, ибо оно от Бога!* Признаюсь, мне никогда не случалось слышать ничего, в чем бы так выразилась вера в Провидение Божие, обращенная в постоянное, всегда в душе присутственное чувство, в ее всегдашнюю, глубокую мысль, разливающую свет и мир на все житейское. Скоро пришли известия успокоительные, и он продолжал безостановочно исполнять ближайший долг свой.

На трибуне Франкфуртского парламента явился Радовиц, как оратор высшего разряда. Многие из писавших о нем утверждают, что он предварительно сочиняет и пишет свои речи. Это несправедливо. Все они были импровизированы. Само по себе разумеется, что, готовясь взойти на трибуну, он составлял предварительно в голове и, может быть, записывал всю цепь своих предложений; но живое слово, выражающее все в связи, было всегда созданием минуты. Его красноречие имеет характер лапидарный: неразрывная цепь мыслей, для каждой мысли столько слов, сколько нужно, ни более ни менее, и каждое слово точно, разительно, необходимо. Нет нигде позыва на эффект, нет искусственного блеска выражений, нет ораторского кокетства, повсюду господствует ясность, которая дает слушателю возможность легко обхватывать взглядом все целое. Тайна этого красноречия, как говорит сам Радовиц, заключается в господстве воли над мыслию и словом, в решимости ничего не иметь перед глазами, кроме своей цели, и идти к ней путем речи, не обращая внимания ни на что постороннее, ни на собственный успех, ни даже на внимание слушателей (вперед самым коротким путем, дойти незаметно — вот все). Приведу здесь то, что мне случилось сказать в письме к приятелю о характере этого чудного красноречия. Я сравнил слог Радовица со слогом тогдашних современных политиков: «В слоге человека весь человек, le style c'est l'homme», — говорит Бюффон[21], — это неоспоримо; перед глазами моими лежат четыре печатные статьи: обозрение 1848 года в «Новой прусской газете»[22] (кто автор ее, мне неизвестно), речь Бассермана[23] о выборе германского императора, исповедь кандидата для выборов в Камеру депутатов Каница[24] и речь Радовица за Австрию. Все эти статьи прочитал я с живейшим участием. Верное выражение внешним словом того, что внутри души есть истина, имеет несказанную увлекательность; но оно зависит и приобретает свои оттенки от личности выразителя. Применяя это к четырем прочитанным мною статьям, скажу, что истина Бассермана кажется выходящей из твердой души, которая, передавая ее другим, сама с нею им не дается; от него принимаешь, но с ним самим не имеешь ничего общего, и слово его, при всей своей убедительности, оставляет тебя в покое. Истина обозрителя, напротив, выходит из души горячей; ее принимаешь с живым участием, но и с какою-то тревогою, которая происходит от примеси чего-то страстного, чувственно-человеческого, к тому, что по натуре своей есть чисто духовное; это сводит ее степенью ниже, хотя и не вредит ее действию. Истина Каница имеет

привлекательную прелесть от чистоты и прозрачности того языка, который ее выражает, но она теряет часть своего достоинства от какой-то легкой игривости и искусственного простодушия, которые дают чувствовать, что выражающий ее столь же заботится о действии своего красноречия, как о самом его предмете. С Бассерманом не думаешь о человеке; с обозревателем любишь человека, но тем самым, так сказать, становишь на одну с ним доску его истину и не даешь ей принадлежащего первенства; с Каницем занимаешься более самим человеком, который своею заботливостью об эффекте уменьшает простоту своей истины и вредит ее спокойному действию. Наконец, истина Радовица. Присутствие этой истины имеет в себе что-то сверхестественное, что-то, похожее на появление чистого духа, гостя из вышнего порядка; эта простая, неукрашенная, непосредственно из души вылетающая истина увлекательнее для меня всякой поэзии; сердце трепещет, и слезы выступают из глаз, когда я слышу ее, как голос Эоловой арфы, глубокие звуки; я не думаю о том, кто ее выражает, но чувствую, что в этой земной истине соприсутствует Тот, Кто один ее источник. Я чувствую слияние с ней того святого, которое без слов убеждает и одно человеческому слову его дает силу. Недовольно одного дарования быстро находить для своей истины живое, сильное, ясное или острое слово, — надобно любить истину выше всего, надобно иметь в нее веру, надобно себя забывать в ней и приступать к ее принятию и проповеданию как к таинству, очищающему и спасающему душу. Такова истина Радовица, таково ее на меня действие, когда он ее выражает пером и речью. И в парламенте франкфуртском никого не слушали с таким вниманием, как его; не говорю с такой *доверенностию*, ибо в эти дни всеобщей горячки, более, нежели когда-нибудь, видели иезуита в христианине и строгом католике, и абсолютиста в проповеднике монаршей, происходящей от Бога власти. Его короткие, сильные речи произвели некоторое частное добро: они содействовали к отвращению некоторых бедственных последствий; но это были капли масла, брошенные в волнующееся море. Обезумленный парламент был непобедим; он мог только сам, как двенадцатиглавый змей в сказке о Иване Царевиче, растерзать себя собственными своими когтями. Так и случилось. Но еще прежде этой развязки, в которой так ясно выразилось, хотя и никем не было признано, наказание свыше, Радовиц уже призван был в Берлин. Ему предложен был портфель министра иностранных дел; он отказался принять его, но повинуясь воле своего, верно им любимого Государя, согласился посвятить всю свою деятельность разрешению трудной задачи *единства Германии*, и вступил в тесный союз с героическим прусским министерством, которое так ярко блистает именем графа Бранденбурга[25]. Скажу здесь мимоходом: граф Бранденбург в моих глазах есть герой нашего времени; в решительную минуту, когда его отечество по крутому склону стремилось на дно бездны, он, с самоотверженностию римского Курция[26], кинулся вслед за ним и удержал его на паде-

нии одним своим мужеством. Он сорвал с революции маску ее, и для всех сделалось очевидно, что для одержания победы над этим фантасмагорическим чудовищем нужно было только мужество. Какую будут иметь развязку действия его министерства, этого нельзя предвидеть; но имя графа Бранденбурга навсегда останется в летописях Пруссии символом любви к отечеству и рыцарской верности своему Государю. С этим министерством заодно действует теперь Радовиц, как комиссар правительства прусского в Эрфуртском парламенте, где идет дело о единстве Германии. И здесь на вопрос: что выйдет из Эрфуртского парламента? Один ответ: неизвестно. Оставляя предсказывать будущее *записным пророкам* политики, обращаю глаз на главного действователя, на Радовица. При этом взгляде двоякое чувство проникает душу мою. Во-первых, чувство глубоко-меланхолическое, когда смотрю со вниманием на его тревожную жизнь в последние годы. По какому-то особенному определению судьбы, он во все это время призываем был к действию только тогда, когда благоприятная минута для победы была уже пропущена, когда оставалось только одно: угадать с возможною вероятностию, какой выбрать путь, чтобы отвратить худшее. Таково было положение Радовица относительно к делу внутреннего образования Пруссии при восшествии на престол Фридриха Вильгельма IV, то же самое относительно преобразования Германии, то же относительно к швейцарскому вопросу. И ни в чем не могло быть удачи. Радикализм одержал верх в Швейцарии; опыт монархии не представительной, а монархии штатов, не имел успеха; реформу Германского Союза поглотила революция. То же и теперь: Радовиц призван был в совет короля в ту минуту, когда разрыв с национальным собранием совершился и никакой победы на этом пути ожидать уже было невозможно. В настоящую минуту он брошен в поток, когда плотина его почти разрушена и когда нельзя предвидеть, куда помчатся беспрестанно усиливающиеся волны. Ему никогда не приходилось выкраивать из *цельной* ткани, а только сшивать на живую нитку лохмотья. Обвинение в неудаче падет на него, — но будет ли оно справедливо? О, конечно, нет! И здесь представляется для всех, кто знает Радовица, кто понимает тайну его жизни, другая утешительная сторона предмета. Того места, которое занимает он теперь, Радовиц не искал. Вецларский уголок, со своим очарованным наукою покоем, увеселительно сиял перед ним в перспективе, как последний приют после бури партий, в которую так неожиданно бросила его покорность долгу; вдруг, столь же неожиданно, та же покорность долгу перебросила его на другую сцену. Он покорился призванию короля своего; он принял роковую чашу, зная, какое горькое питье она в себе заключает, принял без всякого ослепления, без всякого упования на какую-нибудь выгоду или славу земную, даже без ожидания успеха. Когда обыкновенный честолюбец отваживается схватить подобную чашу, он видит в ней одно *средство* для исполнения своих замыслов и гордо уповает на свою

силу и на удачу. Радовиц, напротив, принял эту чашу только потому, что Всевышней руки, подающей ее, оттолкнуть нельзя; что всякий дар этой руки надлежит принимать на коленах, на коленах, не заботясь о том, какое будет последствие смиренного принятия, и что, раз принявши поданную свыше чашу, надлежит пить до дна, то есть, во что бы то ни стало творить то, что разум признал за *истину*, а сердце за *правду*. Я знаю, на деле знаю, что относительно Радовица это так. Знаю более: если бы это убеждение в истине и правде было превышено хотя на волос другим, лучшим, то Радовиц ни минуты не поколебался бы уступить этому лучшему и стал бы самому себе противодействовать, прямодушно признавать необходимость подчинить свое убеждение другому, более близкому к истине. Ваше чистое сердце, которое верит святому, легко примет свидетельство моего слова, равномерно и всякой, кто знает Радовица, как я; из других — многие в этом свидетельстве найдут один роман, и весьма многие станут над ним ругательно смеяться или извлекут из него новый повод для оскорбления и клеветы.

В 1848 году, в бедственные дни марта, возвращаясь из Вены, где он был свидетелем быстрого сокрушения древней монархии перед толпой нескольких студентов, в Берлин, о бунте которого он услышал на половине дороги, Радовиц написал следующие строки:

> Das Recht, sowohl das der Einzelnen, als das der Staaten, ist kein Werk menschlichen Wollens oder meinens, sondern eine Entwicklung göttlicher Willensacte. Diese treten entweder unmittelbar hervor in den Offenbarungen an die Menschheit und in dem Gewissen der Einzelnen oder mittelbar in dem Naturprozesse des geschichtlichen Verlaufes. Daher eine göttliche und eine irdische Seite im Rechte, die beide doch wieder auf denselben Urheber zurückgehen;
>
> In diesen Grundgedanken liegt der einzige durchgreifende Gegensatz in der Politik. Er schützt eben so sehr vor falschem Conservatismus, der nur das todte Bestehen kennt und die historische Fortentwickelung leugnet, als vor allen Systemen der Irrlehre, die sämtlich vor der Autonomie des menschlichen Geistes ausgehen.
>
> Dieses sage ich Angesichts der Umwälzungen, die seit vier Wochen das alte rechtliche Europa aus den Angeln heben. Im andern Sinne wende ich darauf an: was auch die Menschen sagen und thun mögen, e pur si muove! 16 März 1848[27].

Такое светлое убеждение в такое темное время! Известно, что Галилей за утверждение, что земля движется около солнца, был заключен в тюрьму, и наконец, его принудили произнести отречение от этого мнения. Он произнес его на коленах: но поднявшись, топнул в землю ногой и сказал: e pur si muove, *а все же она движется!* Когда Галилей произнес свое слово, он был единственною жерт-

вою немногих фанатических безумцев, восставших против истины, для них непонятной. Здесь, напротив, это слово произносится в такую минуту, когда все кругом того, кем оно повторяемо, падает, когда хранительное присутствие Промысла для глаз его заслонено торжеством злого безверия и разврата, когда исполнение лучших его желаний и надежд вдруг является невозможным, когда и все здание собственной судьбы его разом опрокинуто. Так, Радовиц (e pur si mouve!), правда Божия жива! Что бы тебя ни ожидало, дойдешь ли до цели своей, которая не иное что, как стремление к всеобщему благу, будешь ли должен сойти с пути своего побежденный, отворит ли наконец перед тобою Всевышняя воля двери в твой смиренный уголок Вецларский — все останутся с тобою неприкосновенно твои три сокровища: беспорочная жизнь перед Богом, свет науки и наконец этот последний час, когда откроется перед твоею верующею душою тот мир, при входе в который надобно будет сбросить с себя все земное и сохранить только то, что непосредственно принадлежит душе на всю вечность. О! это сброшенное земное будет та о тебе память, которая останется прекрасным наследством для твоего семейства, хранителем сердца твоих сыновей, предметом уважения для современников и для потомства; а это сохраненное на всю вечность будет тот приобретенный здесь верою и созерцаемый в глубине души Бог, во имя Которого ты жил, боролся с собою и с тяжкими испытаниями земными, и Которому всегда, везде и во всем покорствовал мыслию и делом.

ПО ПОВОДУ НАПАДОК НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ НА РОССИЮ

Письмо в редакцию газеты

В 66-м номере вашей газеты напечатана статья о союзниках Германии; она побудила меня обратиться к вам и просить вас поместить приложенную статью в одном из следующих номеров ваших. Ваша газета отличается беспристрастием и чистотою направления[1]; теперь книгопечатание свободно: чтоб быть истинно свободным, надлежит быть справедливым. Каждому свое. Вот почему и надеюсь, что вы дадите место моей статье на страницах вашей газеты.

Во всех журналах и газетах восстают против союза с Россиею, ужасаются той помощи, которую она может подать Германии против Франции, осыпают ругательствами русского царя и народ русский, и, как чудовищное привидение, тревожит всех набег казаков и башкиров, готовых растерзать Германию и принести в нее восточное варварство. По-настоящему на все это отвечать не нужно: ложные понятия[2] сами себя опровергают; но раз навсегда надобно сказать беспристрастную правду.

Русскому царю, повелевающему народом верным и уверенным, что самодержавие монархическое для сохранения быта его надежнее самодержавия народного, — нет никакой необходимости в союзе с Европою: он силен у себя. Во внутренность его великой державы никакой враг ворваться не покусится, помня судьбу Наполеоновой армии; вне своих границ он побежден быть не может по той простой причине, что он из них не выйдет ни для каких завоеваний, ему ненужных (не тронь никто Константинополя — Россия его не тронет)[3]. Эта политика, предписываемая здравым смыслом, есть в то же время и личный, честный характер ее нынешнего императора; как ни старается безобразить его клевета злонамеренная, Европа должна признаться, что в его действиях нет ничего кривого и двусмысленного. Его правила: не тронь меня, я никого не трону. Что русский император не наклонил головы перед возмутившеюся Польшею[4], может ли за это его порицать Европа? Что бы сказала она, если бы он сделал противное? Не на его душе неправедное разделение Польши: он получил ее, как русский государь, от своих предшественников в наследство — он только сохранил и всегда сохранит неприкосновенным достояние своего царства.

Германия ни как защитница, ни как добыча — не нужна России; столь же мало нужно России быть защитницею Германии — от этого может она выиграть одну только бескорыстную славу, заплатив за нее людьми и деньгами. Но она уже имеет эту славу на все времена и может ею довольствоваться, не заботясь о приобретении новой. Эта слава, которой история у нее не отымет, есть слава той великой эпохи, когда, сладив со всею Европою, покорив всех германских государей своему игу, разорив их народы, употребив их силы в пользу своего самовластия, — Наполеон с войсками всей этой Европы ворвался в границы русского царства и сокрушился об твердую волю русского царя, который сказал великое слово: *не положу оружия, покуда хотя один враг останется в пределах моих* — и сдержал это слово; слава России в пожаре ее древней Москвы, в смелом выступлении за Наполеоном из своих пределов и в громком воззвании всей Германии на соединение с нею против общего врага; слава России есть ее Александр, который два раза спас Пруссию[5], который был центром соединения сил Германии и воли их государей во времена всеобщей борьбы, не имевшей бы успеха без единства. В эту эпоху помощь России была спасительна для Германии; теперь Германия поносит Россию и ее боится, как некогда римский мир боялся гуннов. Какие попытки на завоевания дают на это право? Но причины такого всеобщего восстания мнений против России в Германии надобно искать в другом источнике: в совершенной противоположности тех двух оснований[6], из которых на одном веками утверждена Россия, а на другом теперь вдруг стала и хочет утвердиться Германия. Но об этом здесь говорить не место.

Что же касается до страха, внушаемого мнимым завоевательным честолюбием России, то он сам исчезнет, как всякое другое привидение. С спокойным

невниманием к понятиям ошибочным и к клеветам злонамеренным — Россия может сказать Германии: если ты некогда спасла свою самобытность, то этим обязана ты не одному своему собственному национальному героизму, но и верному содействию России, которая в те времена стояла за тебя, как за себя. Если опять настанет время, в которое такое же бедствие посетит тебя и ты отвергнешь помощь России, Россия от этого не будет менее Россиею; она не подумает насильственно за тебя вступаться. О завоеваниях же областей твоих ей и подумать невозможно, по той причине, что такие завоевания не только ей не нужны, но и вредны: не с ее востока приходили *замышлятели всемирной европейской монархии* и приносили всеобщий деспотизм, но с запада[7] — оттуда, где и прежде кричали и теперь кричат.

Русские же завоевания все были для *самобытности*, а не для *всемирного владычества*: те границы, в которые Россия мало-помалу вступила, были ей необходимы, ибо сила нужна для самобытности; все, что для приобретения этой силы было ей нужно, то совершено. Теперь для завоеваний дальнейших никакого повода не существует: это были бы не *образовательные*, а *разрушительные* приобретения. На пограничном камне русского царства стоит: *не далее*. Для России теперь начинается новая великая эпоха ее бытия: *боевое* развитие для безопасности совершено; начинается *мирное* внутреннее развитие для благоденствия. Сие внутреннее развитие может быть произведено в ней только самодержавием. Самодержавие есть жизненная стихия, есть исторический путь России, то есть путь, проложенный ей Провидением. Пускай Германия идет своим путем, не понуждая Россию за нею следовать и не понося ее за ее своебытность. Пути различны; но цель их одна: благоденствие народное, основанное на Божией правде.

ИЗ ЧЕРНОВЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ РУКОПИСЕЙ

ACADÉMIE DES CURIEUX IMPERTINENTS[1]

PREMIÈRE SÉANCE DE L'ACADÉMIE DES CURIEUX IMPERTINANTS

Réponse 15[2]

Devise: ***Voyez ma curiosité***

Lanterne magique! Lanterne magique! la pièce curieuse!

C'est ainsi qu'un Savoyard[3] criait sous ma fenêtre.

J'étais seul et triste, ma tête était pesante, mon âme engourdie et ne pouvant occuper mon âme je me trouvais très heureux de pouvoir occuper mes yeux. Je dis donc au Savoyard d'entrer. C'était un petit jeune homme très vif, au regard spirituel, à la figure charmante. Il entra lentement, posa sa lanterne sur ma table, on ferma les volets et la pièce commença.

«Je vous dirai d'abord, mon cher Monsieur — ainsi parla le petit Savoyard — que ma lanterne magique n'est pas du nombre de ces lanternes ignorées et ignobles, qui ne parlent que d'animaux, de diables cornus et d'opérateurs qui trouvent leurs délices dans les boyaux. C'est une lanterne philosophe. Ce soir, Monsieur, elle aura l'honneur de vous montrer *la personne capable de faire votre bonheur dans ce bas monde*.

Ayez la bonté d'être attentif et surtout ne baillez pas. Cela pourrait interrompre le cours de mes idées. Ma lanterne ne me fournit que le texte, et moi je ne suis que son très humble commentateur: *Et nota bene!* Il faut que vous sachiez que les personnes qui vont parraître devant vous, sont toutes d'un caractère irréprochable. Que faut-il de plus pour le bonheur, me demanderez-vous? Nous allons voir».

Et combidra vanandra manir![4]

Et je vis paraître une ombre, d'une beauté éblouissante, elle avait le port majestueux; le regard serein, mais grave; une démarche assurée et tous ses mouvements avaient quelque chose d'imposant. Elle m'étonna, mais ne me toucha pas.

Le Savoyard me dit:

«Voila une belle personne; n'est-ce pas? Si vous étiez peintre, vous la choisiriez pour faire le portrait de Minerve. Eh bien, mon cher Monsieur, adorez-la comme une divinité, mais ne lui confiez pas votre bonheur. Elle a toutes les qualités d'une personne vertueuse, mais son esprit est trop supérieur au vôtre; vous vous mettrez toujours à la torture pour vous élever à sa hauteur et votre existence ne sera qu'un ennui sublime. Point de bonheur sans égalité. *Disparé*».

Et combidra vanandra manir!

«Voyez-vous, mon cher Monsieur, cette jeune beauté si négligée. Elle se mouche dans son bonnet, elle crache dans son sac à ouvrage, elle a le nez barbouillé d'encre — en un mot cette personne est charmante! Elle a tout pour être aimable et aimée! Mais, cher Monsieur, tâchez de ne pas en devenir amoureux, vous risqueriez de dire adieu pour jamais à la tranquillité de votre vie! Cette jeune beauté est *savante* — c'est tout dire! Elle négligera le berceau de son enfant pour rester auprès de son télescope et votre simple bon sens sera toujours terrassé par sa dialectique. Enfin vous serez obligé ou de fuir votre maison, ou de vous soumettre, en prononçant la formule des disciples d'Aristote: *le maître l'a dit!* ce qui est très bon pour un docteur en philosophie et très indécent pour un mari…gare la savante! *Disparé!*»

Et combidra vanandra manir!

«Celle-ci que vous voyez si jolie et si mélancolique, c'est une personne douée de beaucoup de sensibilité. Ceux qui la voient de loin la trouvent charmante, mais vous, qui seriez destiné en qualité de mari de rester toujours près d'elle, vous ne seriez pas de l'avis de ces autres. Elle a tout ce qui est nécessaire pour vous donner le bonheur et fera tout pour vous l'ôter et devenir malheureuse elle-même.

C'est une tête exaltée, elle a le caractère susceptible, elle est méfiante. Elle s'est créé un monde hors des limites de la nature et voudra par force vous y entraîner avec elle, si vous ne la suivez pas, elle vous laissera seul soupirant sur les ruines des biens réels qu'elle-même a détruits sans pitié. Elle vous persécutera sans cesse pour votre sensibilité simple et naturelle, pour votre paisible bon sens, pour votre attachement sans affectation, enfin les vertus qui seuls constituent le bonheur solide ne vous serviront qu'à le détruire! *Disparé! vite! vite!*»

Mais pour ne pas vous ennuyer, mes bons amis, je vous dirai en deux mots que mon Savoyard1 me montra au moins une douzaine de *femmes parfaites*. Il les fesait défiler devant moi l'une après l'autre, en chantant leur panégirique, mais toujours son refrain était: *Gare à vous! ne vous y fiez pas! Celle-ci* lui paraissait avoir une vertu trop rigide: elle se créait de devoirs inutiles et s'entourait de scrupules qui chassaient loin d'elle les plus innocents plaisirs. *L'autre,* spirituelle et bonne, n'aimait pas assez le travail et ouvrait trop souvent la plus jolie petite bouche du monde pour bailler au milieu des occupations paisibles du ménage. *Celle-là* oubliait trop la terre pour le Ciel et sacrifiait l'activité utile à la contemplation oisive, qui dessèche l'âme en isolant…

Enfin, mon petit Savoyard était sans pitié, sa langue frappait à droite et à gauche, et son fatal *disparé*, comme un arrêt irrévocable du sort, faisait évanouir le fantôme, tout honteur de son apparition inutile.

Déjà je commençais à m'ennuyer. Tout-à-coup apparut une ombre, qui s'empara de toute mon attention, et je vous avoue que mon cœur fut entraîné vers elle par un attrait irrésistible. Mon Savoyard me lança un regard malin et débuta comme à l'ordinaire par un:

Et combidra vanandra manir!

«Voyez-vous, mon cher Monsieur, cette figure si douce et si agréable? Elle n'a pas l'éclat éblouissant de ces beautés que j'ai eu l'honneur d'offrir à vos regards, mais avouez que ses attraits paisibles vous touchent plus profondément. Vous n'êtes pas ébloui, mais vous vous sentez doucement attiré vers elle; vous êtes calme, mais vous êtes heureux en sa présence. Sa beauté n'est pas du nombre de celles qui produisent tout leur effet dès le premier moment; mais plus on la voit, plus on découvre en elle de ces charmes touchants, de ces charmes qui n'ont pas de nom et qui ne peuvent qu'être sentis, — c'est l'invisible beauté de l'âme qui remplit tout, qu'on ne peut saisir nulle part, qui vous attendrit et qui fait couler dans votre cœur un doux contentement. Peut-être vous ne la remarquerez pas au milieu d'un brillant cercle de beautés, mais, l'ayant une fois remarqué, vous emporterez son souvenir dans la solitude, elle deviendra votre compagnon chéri et son image sera pour vous l'image du bonheur. Son âme, simple et douce, est remplie de cette sensibilité paisible, qui ne la tourmente jamais, qui se répand sur la moindre de ses actions: elle brille dans son regard modeste, elle charme dans sa douce voix: c'est comme le parfum de la violette qui embaume la prairie et reste invisible… Son cœur ne l'abandonnera jamais à l'orage passager d'une passion violente, mais il sera toujours tendre, toujours aimant et jamais ne variera dans son attachement. Douceur inaltérable — voilà son caractère, mais cette douceur n'est pas faiblesse. Elle cédera sans effort et trouvera du plaisir dans sa résignation; mais elle saura être ferme quand son devoir, quand l'intérêt de ce qu'elle aime l'exigera: en refusant elle aura l'air d'obéir et vous vous soumettrez sans effort à son regard suppliant et tendre. Son esprit est droit, il aurait pu être brillant si la modestie n'adoucissait son éclat. Aimant à s'occuper, elle se suffira toujours et jamais ne pensera à sortir de son petit cercle où règnent autour d'elle la tranquille activité, la paix, le contentement. Oh! qu'il est facile de la rendre heureuse, — elle vient elle-même au devant du bonheur! Son âme innocente le devine. Heureux celui qui *de bonne foi* le cherchera pour elle! Il n'aura qu'à ne pas la lui refuser…»

J'écoutais avec saisissement mon orateur; l'image charmante que je voyais devant moi me parut animée, et l'illusion était si forte, qu'involontairement je m'élançais vers elle… Tout disparut — et le fantôme, et le Savoyard et sa lanterne. Je vis devant moi un joli enfant, qui me regardait sans cesse, les bras croisés, avec un air malin, mêlé de compassion.

Qui es-tu, être inconcevable? m'écriai-je saisi d'étonnement.

«Je suis l'Amour!»

Que viens-tu faire ici? Pourquoi ce costume et cette lanterne?

«Je m'amuse!»[5]

Joli amusement! Abuser un pauvre mortel par des rêves! Réponds-moi! peux-tu réaliser cette illusion charmante, qui s'est attachée à mon âme, bien malgré moi et qui — je le crains — ne la quittera jamais.

«Hélas! je le voudrais, mais je ne puis!»

Pourquoi donc, méchant que tu es, venir troubler ma tranquillité?IV

«Ecoute-moi, mon ami, et ne te fâche point. Je ne suis pas si coupable que tu le crois; je suis un enfant, et j'aime à m'amuser. Voilà tout. Le Ciel est triste et les Dieux sont trop graves pour mon humeur folâtre; j'aime mieux la terre, où il y a tant de fous, sans te compter. Vous autres aveugles, vous me croyez méchant — et vous vous trompez lourdement, — je ne suis qu'enfant. C'est ce vieux Destin, grognon et capricieux comme tout vieillard doit l'être, qui se mêle sans pitié à mes jeux enfantins et me prescrit mes amusements comme un docteur ses pilules. S'il ne dépendait que de moi, je te donnerais en réalité ce qui t'a charmé si fort en illusion — mais, que veux-tu? Le Destin a écrit ce matin sur son journal: *L'Amour pour se désennuyer ira aujourd'hui sur la terre et y montrera la lanterne magique à celui qui sera désigné par le sort* — et le sort tomba sur toi, pauvre malheureux. Je te plains, mais tire-toi de là comme tu peux! Mon pouvoir ici est nul! Moi-même je ne suis qu'une marionnette. Bonsoir.»

Et il disparut.

Mes amis, je vous ai conté fidèlement ce qui m'est arrivé! D'après cela jugez vous-même, si je suis en état de répondre à cette question: *De quel caractère désireriez-vous que fût la personne à qui vous confieriez le bonheur de votre vie? Je n'ai rien à désirer et ne veux rien choisir.*

Mr. Joukoffsky

Перевод:
АКАДЕМИЯ НАХАЛЬНО ЛЮБОПЫТНЫХ[1]

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ АКАДЕМИИ НАХАЛЬНО ЛЮБОПЫТНЫХ

Ответ 1[2]

Девиз: ***Представьте мое любопытство***

Волшебный фонарь! Волшебный фонарь! Забавная пьеса!

Вот так один Трубочист[3] кричал под моим окном.

Я был одинок и печален, голова моя отяжелела, душа оцепенела, и, не имея возможности занять душу, я был рад занять глаза. Итак, я попросил Трубочиста войти. Это был невысокий, очень подвижный юноша с умными глазами и очаровательной внешностью. Он медленно вошел, поставил свой фонарь на стол, мы закрыли ставни, и пьеса началась.

«Сначала я вам скажу, мой дорогой господин, — так заговорил Трубочист — что мой волшебный фонарь не из числа тех неизвестных и отвратительных фонарей, что вещают только о животных, рогатых чертях и хирургах, находящих отраду в кишках. Это фонарь философский. Этим вечером, господин, он будет иметь честь показать вам *особу, способную сделать вас счастливым в этом бренном мире*.

Потрудитесь быть внимательным и, самое главное, не зевайте. Это может прервать ход моих мыслей. Фонарь предоставляет мне только текст, я же являюсь его смиренным толкователем: *И запомните!* Вам необходимо знать, что все особы, которые предстанут перед вами, обладают безупречным нравом. Что же нужно еще для счастья, спросите вы меня? Посмотрим».

Э комбидра ванандра манир![4]

И я увидел, как появляется тень ослепительной красоты. Она имела величественную осанку, безмятежный, но строгий взгляд, уверенную походку, и во всех ее движениях было что-то величественное. Она меня удивила, но не тронула.

Трубочист мне сказал:

«Вот красивая особа, не правда ли? Если бы вы были художником, вы бы избрали ее для портрета Минервы. Итак, мой дорогой господин, поклоняйтесь ей как божеству, но не доверяйте ей своего счастья. Она обладает всеми качествами добродетельной особы, но ее ум слишком превосходит ваш. Вы всегда будете подвергаться пытке, чтобы подняться до ее высот, и ваше существование превратится в возвышенную скуку. Нет счастья без равенства. *Исчезни*».

Э комбидра ванандра манир!

«Видите ли вы, мой дорогой господин, эту неопрятную юную красавицу? Она сморкается в свой чепчик, плюет в сумку для рукоделия, ее нос испачкан чернилами — одним словом, эта особа очаровательна! У нее есть все, чтобы быть достойной любви и быть любимой! Но, дорогой господин, постарайтесь не влюбиться в нее, иначе вы можете навсегда распрощаться со спокойствием вашей жизни! Эта юная красавица *ученая* — и этим все сказано! Она оставит без внимания колыбель ребенка, чтобы остаться перед телескопом, и ваш простой здравый смысл будет сражен ее логикой. Наконец, вам придется либо сбежать из дома, либо покориться, произнося формулу учеников Аристотеля: *учитель сказал!* Это очень хорошо для доктора философских наук, но не подобает мужу… сторонись ученой! *Исчезни!*»

Э комбидра ванандра манир!

«Эта особа, такая милая и задумчивая, наделена большой чувствительностью. Те, кто видят ее издалека, находят ее очаровательной. Вы же, предназначенный навсегда оставаться рядом с ней в качестве мужа, вы не будете разделять чужого мнения. У нее есть все необходимое, чтобы дать вам счастье, но она сделает все, чтобы вас его лишить и самой сделаться несчастной.

Это пылкая особа, у нее обидчивый характер, она недоверчива. Она создала себе свой собственный мир и хочет силой увлечь вас в него, а если вы за ней не последуете, она оставит вас одиноко вздыхать на развалинах земных благ, которые сама же безжалостно разрушила. Она будет бесконечно преследовать вас за вашу простую природную чувствительность, за ваш кроткий здравый смысл, за вашу непритворную привязанность. Словом добродетели, которые лишь одни составляют прочное счастье, послужат вам лишь для его разрушения! *Исчезни! Быстро! Быстро!*»

Но чтобы вам не докучать, друзья мои, скажу в двух словах, что мой Трубочист показал, по крайней мере, десяток *совершенных женщин*. Он заставлял их прохаживаться предо мной одну за другой, расхваливая их, но припев был неизменным: *Сторонитесь! Не верьте! Эта*, как ему казалось, имела слишком строгую добродетель: она создавала себе бесполезные дела и терзалась сомнениями, которые отгоняли от нее самые невинные удовольствия. *Та*, умная и добрая, недостаточно любила работу и часто открывала свой красивый ротик, зевая в разгар мирных домашних забот. *Другая* забывала землю ради Неба и жертвовала полезной деятельностью ради праздного созерцания, которое иссушает душу, уединяя… Словом, мой Трубочист был безжалостен, его речи обличали, и роковое *исчезни*, как бесповоротный приговор судьбы, заставляло призрак рассеяться, смущенного своим бесполезным появлением.

Я уже начал скучать. Вдруг появился образ, завладевший всем моим вниманием, и признаюсь, непреодолимая тяга увлекла к нему мое сердце. Трубочист бросил на меня хитрый взгляд и как обычно начал:

Э комбидра ванандра манир!

«Видите, мой дорогой господин, эту особу, такую нежную и милую? Она не обладает ослепительным блеском тех красавиц, которых я имел честь представить вашему взору, но признайтесь, что ее кроткое очарование вас трогает намного глубже. Вы не ослеплены, но чувствуете, как вас тихо влечет к ней; вы спокойны и счастливы в ее присутствии. Ее красота не производит *всего* своего действия с первой минуты. Чем больше на нее смотришь, тем больше трогательного очарования открываешь в ней; очарования без имени, которое нужно просто почувствовать — это заполняющая все невидимая красота души, которую нельзя уловить, и которая вас умиляет и наполняет ваше сердце сладостным удовольствием. Быть может, вы и не заметите ее среди блистающих красавиц, но если заметите, то унесете воспоминание о ней в свое одиночество. Она станет вашей нежно любимой спутницей, и ее образ будет для вас символом счастья. Ее душа, простая и нежная, наполнена той кроткой чувствительностью, которой она никогда не терзается, и которая изливается на самый ничтожный ее поступок: она сияет в ее скромном взгляде, очаровывает в ее нежном голосе. Это как аромат фиалки, благоухающей на лугу и остающейся незаметной… Ее благородство никогда ее не оставит в минутной буре сильной страсти, ее сердце всегда останется нежным, любящим и никогда не изменит в своей привязанности. Неизменная мягкость — вот ее характер, но эта мягкость не есть слабость. Она уступит без усилий и найдет удовольствие в покорности; но она сумеет быть твердой, когда потребует долг и интерес того, что она любит. Отказываясь, она будет иметь покорный вид, и вы легко покоритесь ее умоляющему и нежному взгляду. У нее здравый ум, который мог бы быть блистательным, если бы скромность не смягчала его блеск. Она любит себя занять и не ищет общества других, она никогда не подумает выйти из своего маленького мира, где царят спокойная деятельность, мир и удовлетворение. О! как легко сделать ее счастливой, — она сама идет навстречу счастью! Ее невинная душа его угадывает. Счастлив тот, кто *искренне* будет искать его в ней. Ему останется только ей не отказывать…»

Я с дрожью слушал моего оратора. Очаровательный образ, который я видел пред собой, показался мне ожившим, и это ощущение было так сильно, что я невольно устремился к нему… Все исчезло — и призрак, и Трубочист, и его фонарь. Я увидел подле себя милого ребенка, неотрывно смотревшего на меня, со скрещенными руками, с хитрым и немного сочувствующим видом.

Кто ты, непонятное существо? — воскликнул я удивленно.

«Я бог Амур!»

Что ты здесь делаешь? К чему этот наряд и фонарь?

«Я забавляюсь!»[5]

Вот так забава! Обманывать бедного смертного грезами! Ответь мне! Можешь ли ты оживить этот очаровательный образ, который против моей воли вошел в мое сердце и который — боюсь — никогда его не покинет?

«Увы! Я бы этого хотел, но не могу!»

Зачем же, этакий бездельник, приходить и нарушать мое спокойствие?

«Послушай меня, друг мой, и не сердись. Я не так виноват, как ты думаешь. Я дитя и люблю веселиться. Вот и все. Небо уныло, а Боги слишком серьезны для моего игривого настроения. Мне больше по душе земля, где есть столько глупцов, не считая тебя. Вы слепы, вы считаете меня коварным, но вы глубоко заблуждаетесь — я всего лишь дитя. Это старуха Судьба, ворчливая и капризная, как и всякая старуха, безжалостно вмешивается в мои детские игры и прописывает мне забавы, как доктор пилюли. Если бы это зависело только от меня, я бы сделал реальным тот образ, что так сильно тебя очаровал — но, что ты хочешь? Судьба записала сегодня утром в своем дневнике: *Дабы разогнать скуку, Амур отправится сегодня на землю и покажет волшебный фонарь тому, кто будет избран* — и жребий пал на тебя, бедняга. Мне жаль тебя, но выпутывайся сам, как можешь! Я здесь безвластен! Я сам лишь марионетка. Доброй ночи».

И он исчез.

Друзья мои, я вам достоверно рассказал все, что со мной случилось! Судите сами, в состоянии ли я ответить на этот вопрос: *Какой должна быть особа, которой пожелали бы вы доверить счастье вашей жизни? Я ничего не желаю и ничего не хочу выбирать.*

Г-н Жуковский

Seconde séance de l'Académie des curieux impertinants

Réponse 17

Devise: *Honny soit qui mal y pense*[6]

Je ne sais si la question proposée peut regarder l'homme en général; je doute qu'elle soit déduite de l'expérience et fondée sur la nature humaine.

On veut savoir pourquoi l'homme vit-il plus dans l'avenir que des souvenirs du passé? Et moi, je demande pourquoi l'homme vivrait-il plutôt dans l'avenir ou dans le passé que dans le présent? Le seul présent devrait l'occuper. S'il en est quelquefois autrement, c'est l'affaire des circonstances, donc c'est un cas *particulier* — et la question proposée regarde l'humanité en général.

La nature ne nous a pas fait une loi *de toujours vivre dans l'avenir, de ne jamais nous contenter du présent, et de négliger les Souvenirs du passé*. Mais en nous ordonnant de jouir elle a marqué dans notre vie les époques où nous devons être plus portés à nous occuper ou du présent, ou de l'avenir, ou du passé.

Voyez l'enfant! il est heureux, sans souvenirs et sans espérance. — Oubli pour le passé, insouciance pour l'avenir, bonheur pour le présent, on pourrait dire en le voyant si calme, si gai, si serein sur le seuil terrible de la vie, que l'enfance et la sagesse sont synonymes, la prévoyante nature a, pour ainsi dire, ébauché toute notre vie dans ces moments rapides que nous passons près de notre berceau. Elle nous dit, en nous proposant pour modèle le bonheur tranquille de nos premières années: prenez pour guide l'expérience et la réflexion et revenez par le chemin de la vertu à cet état de l'âme et de sérénité qui a commencé votre vie et qui a été mon ouvrage. — La *jeunesse* est toute pour *l'avenir*, une attente vague, inquiète et souvent délicieuse s'attache alors à toutes nos jouissances, et le moment présent embrasse pour nous un grand espace. Avec le sentiment qui le remplit se réveillent dans notre âme une foule d'autres, qui ajoutent à notre plaisir en l'attendant, qui affaiblissent notre tristesse en entourant la réalité d'illusions charmantes. Et c'est grâce à notre inexpérience! Nous nous fions à la vie et nous n'avons pas encore appris à nos dépens combien elle peut être trompeuse. Nous jouissons de l'avenir précisément parce qu'il nous est inconnu et qu'il n'existe que dans notre imagination enchantée. Mais dans *l'âge mûr*, quand notre sort est accompli, quand nos forces sont développées, quand nous avons fixé la vraie valeur de la vie, nous nous retirons dans le cercle étroit du *présent*, nous agissons — et s'il nous arrive de porter nos regards sur l'avenir, c'est uniquement par prudence, pour être toujours en garde. — Arrive la vieillesse; avec elle arrive le triste et inutile regret du passé; mais c'est alors aussi que se découvre pour moi de plus près un nouvel avenir: idée consolante! Sans nous détacher de la vie, elle en adoucit l'amertume et rend pour nous moins affligeant le souvenir de sa fin prochaine.

J'ai indiqué la marche de la nature — mais la destinée en choisit souvent une autre! Et il est prouvé par expérience que nos sentiments, nos opinions sont toujours déterminés par notre destinée.

Voyez celui qui — sans éprouver de grands malheurs, a été privé dès le berceau de toutes ces joies qui rendent la vie si chère — l'avenir aura-t-il pour lui beaucoup d'attraits? Hélas! notre imagination ne le compose que de souvenirs! Et ses compositions ne sont gaies ou tristes, variées ou monotones que selon la matière dont elles se servent. Et l'homme qui n'a jamais connu le bonheur par expérience ne saura jamais le placer dans sa perspective — il restera seul, cloué au présent, détaché du passé, sans projets pour l'avenir.

Celui, au contraire, qui connaît le bonheur, mais qui a souvent et douloureusement éprouvé combien il est variable, pourra-t-il s'en détacher pour fixer les regards sur l'avenir? — Hélas! l'avenir est un abîme! et celui qui l'a vu engloutir si souvent

ce qui lui était si cher ne s'en approchera qu'avec répugnance. Je crois même qu'il préférera l'idée du présent avec tous ses maux réels à l'espérance de l'avenir avec tous ses biens illusions. — Le premier au moins l'assure du présent, et la dernière l'en fera douter malgré ses promesses, parce que l'idée importune de l'incertitude s'attache naturellement à elle.

Vous me direz que c'est au malheureux battu par l'orage de la vie à s'attacher à l'avenir. Mais si c'est un avenir terrestre, peut-être pour lui d'une grande consolation? Il ne sers qu'un faible palliatif qui trompera pour un moment sa maladie, mais ne le guérira point. Un pauvre marinier, entouré des horreurs de la tempête, pleure en pensant qu'il existe quelque part une terre qui aurait pu lui servir de refuge. En attendant la tempête gronde, et Dieu sait où elle le conduira. De même, un malheureux éprouve une impatience douloureuse en rêvant à ce *peut-être*[7] si incertain. Il n'existe dans l'avenir que comme un banni dans son exil. Son espérance est comme cette plante avec laquelle un pauvre naufragé est balloté par les vagues: remplacera-t-elle pour lui les trésors qui ont péri dans l'abîme?

Je crois donc que celui-là seul peut en quelque manière exister dans l'avenir, qui, n'étant pas accoutumé par des revers fréquents à craindre la vie, jouit paisiblement de son présent et l'a su fonder sur les bases solides du passé. — Ce n'est que cette réunion si rare qui peut donner à nos espérances le charme entraînant qui les transforme en réalité. Dans tout autre cas le mot *exister dans l'avenir* est vide de sens, et je n'y comprends rien.

Mr. Joukoffsky

***Перевод*:**

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ АКАДЕМИИ НАХАЛЬНО ЛЮБОПЫТНЫХ

Ответ 17

Девиз: ***Позор тому, кто дурно об этом подумает***[6]

Я не знаю, может ли предложенный вопрос относиться к человеку в целом; сомнительно, чтобы он следовал из опыта и был основан на природе человеческой.

Мы хотим знать, почему человек живет будущим, а не воспоминаниями о минувшем? Я, в свою очередь, спрашиваю, почему человек живет скорее в будущем или прошедшем, а не в настоящем? Только настоящее должно бы его занимать. Если это порою не так, это дело обстоятельств, значит это *особый* случай — и предложенный вопрос относится к человечеству в целом.

Природа не налагала на нас правило *всегда жить в будущем, никогда не довольствоваться настоящим и пренебрегать воспоминаниями о прошлом*. Но предписывая нам пользоваться им, она обозначила в нашей жизни этапы, когда мы должны быть более склонны заниматься либо настоящим, либо будущим, либо прошлым.

Посмотрите на ребенка! Он счастлив без воспоминаний и без надежды. — Забвение прошлого, беззаботность перед будущим, счастье в настоящем. Видя его таким спокойным, веселым, безмятежным на грозном пороге жизни, можно сказать, что детство и мудрость есть одно; предусмотрительная природа обрисовала всю нашу жизнь в этих скоротечных моментах, что мы проводим у колыбели. Она нам говорит, предлагая в качестве образца спокойное счастье наших первых лет жизни: руководствуйтесь опытом и размышлением и возвращайтесь дорогой добродетели к тому безмятежному состоянию души, с которого началась ваша жизнь, и которое было моим творением. — *Молодость* вся в *будущем*; смутное, беспокойное и часто восхитительное ожидание связано со всеми нашими наслаждениями, и настоящий момент охватывает для нас широкий отрезок времени. Вместе с чувством, наполняющим его, просыпаются в нашей душе множество других, увеличивающих удовольствие ожидания, ослабляющих нашу грусть, окружая реальность милыми иллюзиями. И это благодаря нашей неопытности! Мы бежим от жизни, еще не познав на своем горьком опыте, насколько она может быть обманчива. Мы наслаждаемся будущим только потому, что оно нам неизвестно и существует только в нашем восхищенном воображении. Но в *зрелом возрасте*, когда наша участь свершена и силы израсходованы, когда мы поняли истинную ценность жизни, мы удаляемся в узкий круг *настоящего*, мы действуем — и если нам случается обратить свой взор к будущему, то это лишь из осторожности, чтобы всегда быть на страже. — Приходит старость; вместе с ней приходит грусть и бесполезное сожаление о прошлом; но именно тогда все ближе открывается мне новое будущее: утешительная мысль! Не отделяя нас от жизни, она смягчает ее горечь и делает менее прискорбным воспоминание о ее скором конце.

Я описал путь природы — но судьба часто выбирает другой! И доказано опытом, что наши чувства, наши убеждения всегда определены судьбой.

Посмотрите на того, кто не испытывал больших несчастий и с колыбели был лишен всех тех радостей, которые делают жизнь такой дорогой. Будет ли будущее иметь для него привлекательность? Увы! Наше воображение рисует его только из воспоминаний! И эти составляющие являются веселыми или грустными, разнообразными или однообразными лишь в зависимости от того, чему они служат. И человек, который никогда не знал счастья на опыте, никогда не сумеет перенести его в будущее — он останется один, прикованный к настоящему, отделенный от прошлого, без планов на будущее.

Тот же, кто познал счастье, но кто часто и болезненно испытывал, насколько оно изменчиво, сможет ли он отказаться от него и обратить взор в будущее? — Увы! Будущее есть пропасть! И тот, кто видел, как она часто поглощала все то, что было так дорого, неохотно приблизится к ней. Я даже думаю, что он предпочтет идею настоящего со всеми его реальными бедами ожиданию будущего со всеми его обманчивыми благами. — Первое, по крайней мере, обеспечивает ему настоящее, а последнее заставит его в нем сомневаться, потому как с ним естественным образом связана навязчивая мысль о неизвестности.

Вы мне скажете, что цепляться за будущее — это удел несчастного, поверженного жизненными потрясениями. Но если это земное будущее, может ли оно стать для него большим утешением? Оно будет слабым лекарством, способным лишь на время обмануть его недуг, но не излечит его. Бедный моряк, окруженный ужасами шторма, плачет, думая, что существует где-то земля, которая могла бы ему послужить убежищем. Между тем, шторм ревет, и только Бог знает, куда он его заведет. Таким же образом, несчастный испытывает болезненное беспокойство, мечтая о таком неопределенном *может быть*[7]. Он существует в будущем только как изгнанник в своем изгнании. Его надежда, как эта доска, на которой бедный потерпевший кораблекрушение качается по волнам: заменит ли она ему сокровища, уничтоженные в пучине?

Я думаю, что только тот может в какой-то мере существовать в будущем, кто не привык из-за частых невзгод бояться жизни, кто спокойно наслаждается настоящим и сумел создать его на прочной основе прошлого. — Только это объединение, такое редкое, может придать нашим надеждам увлекательную прелесть, превращающую их в реальность. В любом другом случае выражение *существовать в будущем* лишено смысла, и я в нем ничего не понимаю.

Жуковский

Troisième séance de l'Académie des curieux impertinants

Réponse 15

Devise: *Persévérance*[8]

Pour bien répondre à la question proposée, il faut d'abord déterminer ce qu'on entend par le mot *préjugé*. Alors il sera plus facile de répondre si un *préjugé peut être mis en balance avec notre amour ou l'objet chéri*.

Le mot *préjugé* en est aussi la définition: opinion qui précède le jugement, une opinion fausse, mais ayant tout le caractère de la *vérité* parce qu'elle est accréditée par le consentement général, affermie par l'habitude et par là devenue inviolable.

On s'y soumet parce qu'on est membre de la société qui la protège; mais ce devoir ne regarde pas le citoyen — il est nul pour l'homme qui n'a d'autre règle de conduite, que sa conscience et la volonté de l'Être Suprême, toujours claire et jamais douteuse.

Les préjugés sont produits ou par la nécessité ou par un concours fortuit de circonstances — tous ils sont nés dans le berceau de la Société, mais tous ont survécu à cette nécessité et à ces circonstances, qui leur ont donné l'être: l'habitude prolonge leur existance; devenus inutiles, ils deviennent pour la plupart nuisibles ou ridicules, mais on les tolère, on n'ose y toucher, crainte de prophaner leur antiquité sacrée. Il est réservé au seul temps de les anéantir dans sa marche insensible: les arracher avec force, quand leurs racines sont encore profondes, serait bouleverser le sol auquel ils tiennent. Mais plus la société se perfectionne, plus ils deviennent rares: ils sont comme les herbes sauvages, qui disparaissent à mesure que le soc du laboureur cultive la terre.

On peut distinguer deux sortes de préjugés. Les uns peuvent être appelés *nécessaires* parce que sans être une loi pour chacun en particulier — ils maintiennent l'ordre général: tel est par exemple le préjugé des duels, sorte de police conventionnelle, qui aurait été bienfaisante si elle était bien réglée. Les autres n'existent que dans la seule opinion, ne se conservent que par leur ancienneté et ne sont protégés que par l'habitude. On peut les comparer à un vieux chêne, dont les racines sont pourries, qui ne se soutient que par son seul poid et qui tomberait au moindre choc, malgré une apparence de force et de vigueur. On ne peut se soustraire aux uns sans rompre entièrement avec la Société, il est louable de ne pas être assujetis aux derniers, qui ne sont que des erreurs, avilissantes pour la noble raison de l'homme. Les premiers me paraissent toujours plus ou moins fondés sur la nature et par cette raison ils doivent subsister aussi longtemps que la Société, les derniers — épouvantables, imaginés pour dominer la société dans son enfance, mais devenus sa risée du moment qu'elle a commencé à mûrir — étant toujours contraires à la nature comme à la raison, n'existaient que pour les fanatiques et ne sont bons qu'à nous barrer le chemin du bonheur. Plus la Société s'éclaire, plus ces fantômes, qui l'effrayaient dans ses ténèbres, s'évanouissent. Parcourez les siècles mitoyens — vous les verrez inondés de maux, dont nous n'avons aucune idée, et la plupart de ces maux ont été produits par les préjugés.

A présent venons à notre question: *faut-il par amour pour l'objet aimé, c'est-à-dire pour son bonheur, sacrifier ses préjugés?*

D'abord nous poserons un principe qui ne souffre aucune exception: *on sacrifie tout au bonheur de ce qu'on aime, excepté la vertu*.

A présent, mettons dans la balance: ici le préjugé, là le bonheur de l'objet aimé. — De quel côté notre devoir penche-t-il la balance?

De ce côté: blâme de la Société: de l'autre: malheur de ce qu'on aime. Choisissez.

Mais pouvez-vous rester un moment indécis? Comment? Le blâme de la Société peut-il vous toucher, s'il est injuste? Et il l'est puisque vous ne sacrifiez qu'une erreur. Aurez-vous jamais le courage de préférer le malheur accablant *d'être justement accusé*

par votre cœur au malheur méprisable de *l'être injustement* par les indifférents, qui sont ou prévenus ou aveugles ou trop loin de vous pour pouvoir vous comprendre et prononcer un arrêt infaillible?

Ces sacrifices — toujours approuvés par la vertu puisqu'ils demandent de la force et de la grandeur dans l'âme — auraient été beaucoup plus fréquents et surtout beaucoup plus faciles si on avait toujours le courage de se fier à son cœur et de consulter sans prévention la simple raison. Mais on craint de s'aventurer dans les ténèbres qui entourent certaines idées — on les respecte ces ténèbres sacrées: on croit y trouver une divinité et on n'y trouve qu'un monstre. Cette faiblesse pusillanime produit une sorte de fermeté. Ce n'est qu'après avoir été effrayé par l'erreur que nous acquerrons le courage nécessaire pour détruire tout ce qui nous est le plus cher, et notre âme doit être pour ainsi dire *paralysée* pour avoir l'immuabilité de la force.

J'ai dit que pour vaincre un préjugé il faut avoir de la grandeur et de la fermeté. Eh bien! cette grandeur et cette fermeté résident toujours dans l'âme sensible, qui aime, et elles se découvriront dans toute leur puissance, quand elle sera réduite à se décider entre la perte d'une erreur et la perte de l'objet chéri. Quelle lumière plus pure et quelle force plus grande que cette sensibilité, qui nous illumine et nous saisit tout d'un coup et nous transporte dans un clin d'œil vers notre but, vers lequel la raison nous traîne à pas lents: la vérité qu'elle nous dévoile dans tout son beau. La sensibilité est une inspiration, ses jugements sont des prophéties qui ne nous trompent jamais. Comment? Le *qu'en dira-t-on* défectueux pourrait-il influer sur les décisions d'une âme grande et pure? Il existe pour elle un tribunal plus sacré et toujours infaillible: c'est le tribunal de la conscience — et Dieu seul y préside, non ce Dieu, que nous rendons si cruel en le faisant complice de nos jugements absurdes, mais celui qui nous a donné un cœur et qui nous a dit: Soyez heureux, car être heureux c'est être bon et celui qui est bon est digne de moi. Eh ben! auprès de ce tribunal sublime peut-on penser aux hommes, juges aveugles et cruels? En entendant cette voix paternelle et consolante peut-on être intimidé par les imprécations méprisables de ces êtres indifférents, qui nous blâment par oisivité et qui sans savoir ce qu'ils font renversent en passant l'édifice de notre bonheur?

Plus la Société où nous vivons est éclairée, plus le sacrifice de nos préjugés nous devient facile, car le nombe de nos approbateurs s'y multiplie à mesure. Si au contraire vous êtes entouré de fanatiques qui ne voient rien au delà de leurs étroites habitudes — vous êtes accablé par leur force, et il vous est plus difficile de secouer ce joug avilissant. Mais dans tous les cas, pour une âme élevée, il n'y a de juges que ceux qui peuvent la comprendre. Les autres doivent rester dans la foule. Elle se détache sans effort de cette foule bruyante, elle se choisit son cercle et n'y existe que pour ce qu'elle aime. C'est par le bonheur qu'elle goûte, c'est par le bonheur qu'elle donne, qu'elle sanctifie ses actions. Le bruit des jugements du monde ne trouble jamais cette enceinte sacrée, où l'on n'entend que la douce voix du cœur, où l'on jouit en présence de l'Être Suprême, où l'on est bien avec soi parce qu'on est bien avec la vertu.

Plus le sacrifice nous coûte, plus il est grand de le consommer quand on aime… oui! quand on aime! Il ne s'agit ici que de cela. Point d'amour — point de sacrifice. Le cœur reste froid, l'on prononce avec calme le jugement fatal et l'on passe sans jeter un regard de pitié sur sa victime; qu'elle périsse — n'importe! on est tranquille. Hélas! on est content, persuadé d'avoir rempli un devoir sacré — et l'on n'a été que cruel et aveugle. Au moins l'insensibilité peut ici servir d'excuse. Mais qui pourra jamais excuser une âme sensible, une âme élevée et tendre, qui cherche elle-même à étouffer la voix protectrice qui lui crie en faveur de ce qu'elle aime? Comment expliquer son aveuglement? Quel nom donner à son indifférance? … Oh! qu'ils sont haïssables ces préjugés destructeurs qui peuvent dénaturer même une belle âme! qui lui donnent une cruauté factice, qui anéantissent en elle la pitié, qui la forcent même à se glorifier des malheurs qu'elle fait! Hélas! sans réfléchir, sans balancer un instant, armé d'une erreur cruelle, on détruit d'un seul mot le bonheur de toute une vie. Le préjugé fatal rend même incapable de réflexion — l'arrêt est prononcé sans examen et d'avance on est sûr qu'il est juste. On ouvre l'abîme du malheur à ce qu'on aime et l'on croit honorer la vertu! On se console d'avance des tourments dont on est cause! On reste spectateur paisible en présence de sa malheureuse victime, qui est là abattue, redoutant son avenir, dégoûtée de son existence, privée de toutes les forces de son âme, incapable ni de chercher, ni même de désirer le bonheur… Et si l'on a le malheur de se réveiller de son assoupissement et de se réveiller trop tard — quand tout est fini, quand on n'a plus la puissance d'accorder ce bonheur, qu'on a refusé… quand il n'y aura plus à qui le donner!.. Quel réveil!

Mr. Joukoffsky.

***Перевод*:**

ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ АКАДЕМИИ НАХАЛЬНО ЛЮБОПЫТНЫХ

Ответ 15

Девиз: *Терпение*[8]

Чтобы ответить на предложенный вопрос, нужно сначала определить, что понимают под словом *предрассудок*. Тогда будет легче ответить, *может ли предрассудок встать на одну чашу весов с любовью или любимым человеком*.

Слово *предрассудок* по своей сути само является определением: мнение, предшествующее рассудку, мнение *ошибочное*, но имеющее все признаки *правды*, потому как поддерживается общим согласием, закреплено привычкой и тем самым сделавшееся неприкосновенным.

Мы ему подчиняемся, потому что являемся членами общества, которое его хранит. Но это уважение не относится к гражданину — оно недействительно для человека, имеющего только одно правило поведения — свою совесть и всегда ясную и решительную волю Всевышнего.

Предрассудки рождены либо необходимостью, либо случайным стечением обстоятельств. Все они зародились в колыбели Общества, но все они пережили эту необходимость и обстоятельства, давшие им существование: привычка продлевает их жизнь; став бесполезными, они делаются для большинства вредными или смешными, но их терпят и не осмеливаются на них посягать из страха осквернения их священной древности. Только время сохранило право их уничтожить в своем незаметном течении: вырвать их с силой, когда корни еще крепки, значило бы разрушить почву, на которой они держатся. Но чем больше совершенствуется общество, тем более редкими они становятся: они как дикие травы, которые исчезают по мере того, как хлебопашец возделывает землю.

Можно выделить два вида предрассудков. Одни могут быть названы *необходимыми*, потому что, не являясь законом для каждого в частности, они поддерживают общий порядок: таков, например, предрассудок против дуэлей, вид условного соглашения, которое могло бы быть благотворным, если бы было хорошо организовано. Другие существуют лишь в мыслях, хранятся только из-за своей древности и защищены всего лишь привычкой. Их можно сравнить со старым дубом со сгнившими корнями, поддерживаемым своим весом и упавшим бы при малейшем ударе, несмотря на видимость силы и крепости. Невозможно избавиться от первых, не порвав полностью с Обществом. Похвально не подчиняться последним, являющимся всего лишь заблуждениями, постыдными для благородного человеческого разума. Первые мне кажутся более или менее естественными, и по этой причине они должны существовать также долго, как само Общество; вторые — ужасными, изобретенными для господства в Обществе при его зарождении, но ставшие насмешкой в момент его созревания. Неизменно противореча природе и здравому смыслу, они существовали для фанатиков и хороши лишь для того, чтобы преградить нам путь к счастью. Чем больше просвещается Общество, тем быстрее исчезают эти призраки, которые пугали его в потемках. Посмотрите на Средние века — они наполнены бедами, о которых мы ничего не знаем, и большая часть этих бед была причинена предрассудками.

Теперь вернемся к нашему вопросу: *нужно ли из-за любви к дорогому тебе человеку, то есть ради его счастья, жертвовать своими предрассудками?*

Для начала установим принцип, который не допускает исключений: *мы жертвуем всем, кроме добродетели, ради счастья того, кого любим*.

Теперь сравним: с одной стороны предрассудок, а с другой счастье любимого человека. — На какую сторону наш долг склоняет чашу весов?

С одной стороны, неодобрение Общества, с другой, несчастье любимого. Выбирайте.

Но можете ли вы на какой-то момент остановиться в нерешительности? Как? Может ли неодобрение Общества вас тронуть, если оно несправедливо? А оно таковым и является, потому как вы приносите в жертву лишь заблуждение. Наберетесь ли вы когда-нибудь смелости и предпочтете тягостное несчастье *быть справедливо осужденным вашим сердцем* достойному презрения несчастью *быть напрасно осужденным* равнодушными людьми, которые либо настроены против, либо слепы, либо слишком далеки от вас и не могут вас понять и вынести верный приговор?

Эти жертвы — одобренные добродетелью, потому как требуют силы и величия души — были бы более частыми и, самое главное, более легкими, если бы мы имели смелость довериться своему сердцу и беспристрастно прислушиваться к простому благоразумию. Но мы боимся пускаться в потемки, окружающие некоторые идеи — мы их уважаем, эти священные потемки: мы думаем найти там божественность, но находим лишь монстра. Эта малодушная слабость порождает некоторую твердость. Только испугавшись заблуждения, мы приобретаем необходимую силу, чтобы разрушить все, что нам дорого, и наша душа должна быть, если можно так сказать, *парализована*, чтобы быть незыблемо сильной.

Я сказал, чтобы побороть предрассудок, нужно иметь величие и стойкость. Ну что ж! Это величие и эта стойкость всегда заключены в чувствительной и любящей душе, и они раскроются во всей своей мощи, когда ей придется выбирать между потерей заблуждения и потерей любимого человека. Есть ли свет чище и сила больше, чем эта чувствительность, которая нас освещает, внезапно охватывает и переносит в одно мгновение к нашей цели, к которой здравый смысл тащит медленным шагом: это истина, которую она нам раскрывает во всей ее красе. Чувствительность является вдохновением, ее суждения есть пророчества, которые нас никогда не обманывают. Как? Сможет ли уродливое *что станут говорить?* повлиять на решения великой и чистой души? Для нее существует суд более священный и непреложный: это суд совести — и только Бог там правит; не тот Бог, которого мы представляем таким жестоким, делая его соучастником наших нелепых суждений, но тот, который нам дал сердце и сказал: Будьте счастливы, потому что быть счастливым значит быть благим, а тот, кто благ, достоин меня. И что же! После этого высокого суда, можно ли думать о людях, слепых и жестоких судьях? Слыша этот отеческий и утешающий голос, можно ли испугаться достойных презрения проклятий этих равнодушных существ, которые нас осуждают из-за праздности и которые, не ведая что делают, рушат мимоходом наше счастье?

Чем просвещенней Общество, в котором мы живем, тем легче пожертвовать предрассудками, так как число ободряющих нас постепенно увеличивается. Напротив, если вы окружены фанатиками, которые не видят ничего за пределами своих узких привычек — вы подавлены их силой, и вам труднее стряхнуть это унизительное ярмо. Но во всех случаях, для возвышенной души не существует судей кроме тех, что могут ее понять. Другие должны оставаться в толпе. Без усилий она отделяется от этой шумной толпы, сама выбирает свой круг и существует там только для того, что любит. Счастье ее призывает наслаждаться, дарить и освящать свои поступки. Шум людских суждений никогда не тревожит это священное место, где слышен только тихий голос сердца, где царит наслаждение жизнью в присутствии Всевышнего, где хорошо с самим собой, потому что хорошо с добродетелью.

Чем дороже для нас жертва, тем важнее ее совершать, когда любишь… да! Когда любишь! Речь идет именно об этом. Нет любви — нет пожертвования. Сердце остается холодным, мы спокойно произносим роковой приговор и проходим мимо, не удостоив жертвы взгляда сожаления; пусть она погибнет — неважно! Мы спокойны. Увы! Мы довольны и убеждены, что выполнили священный долг — а мы были лишь жестоки и слепы. Только бесчувственность может служить здесь прощением. Но кто когда-либо сможет простить чувствительную душу, душу возвышенную и нежную, которая сама пытается заглушить покровительственный голос, кричащий ей в защиту того, что она любит? Как объяснить его слепоту? Какое имя дать его безразличию?.. О! как отвратительны эти губительные предрассудки, которые могут обезобразить даже красивую душу! которые ей придают неестественную жестокость, которые подавляют в ней жалость, которые ее даже принуждают гордиться несчастьями, которые она причиняет! Увы! Мы не раздумывая, не колеблясь ни одной секунды, вооруженные лишь жестоким заблуждением, одним словом разрушаем счастье целой жизни. Роковой предрассудок делает нас неспособными к размышлению — приговор произнесен без обсуждения, и мы заранее уверены, что он справедлив. Мы раскрываем пропасть несчастья перед тем, кого любим, и мы верим, что чтим добродетель! Мы утешаем себя заранее за муки, причиной которых явились! Мы остаемся спокойными наблюдателями в присутствии нашей несчастной жертвы, поверженной, страшащейся будущего, испытывающей отвращение к своему существованию, лишенной всех душевных сил, неспособной ни искать, ни даже желать счастья… А если мы на беду пробудимся и выйдем из дремоты, но пробудимся слишком поздно — когда все кончено, когда нет больше сил даровать это счастье, в котором мы отказали… когда больше не будет никого, кому его даровать!.. Какое пробуждение!

Жуковский

№ 4

Qu'est-ce qui vaut mieux pour le bonheur: une vive sensibilité et des sentiments exaltés ou une raison calme et saine, un caractère froid et égal.

Ma sœur, si vous ne dormez pas, contez-moi un de ces contes que vous contez si bien.

Le soleil était prêt à se coucher. J'étais assis sur la petite terrasse de Tchern qui ornée de ces jolis petits (нрзб.) qui ne font du bruit que quand on est très gai et je méditais à mon aise sur la question proposée par notre académie.

Voyons! — me disais-je, — que voulez de moi illustres curiosités et respectables impertinents? Epluchons votre question! Vous exigez que je choisisse entre la sensibilité et la froideur? Si je vous déclarais que je ne voulais ni de l'un ni de l'autre, vous me ririez au nez, vous me diriez que vous savez mieux que moi qu'en tout un milieu est préférable, que la modération est le trésor du sage, et que je ne suis qu'un sot avec ma réponse négative. Me voilà donc mes bons amis bien embarrassé. Je me trouve dans la pauvre situation du défunt Pâris, que l'on a désigné pour donner la pomme de la beauté à une de trois déesses de l'Olympe. Par bonheur je n'ai devant moi que deux déesses, Vénus — sensibilité et Minerve — froideur. Une femme à prétention Vénus c'est beauté. L'une avec sa mine animée et charmante, comme elle me regarde. Quels feux dans ses yeux, quel charme dans tous ses mouvements. Elle me touche de sa baguette magique et tout change devant mes yeux; je vois un autre univers — milles beautés, que je ne remarquais pas auparavant, se découvrent à mes sens animés: le beau ciel me transporte d'admiration; le murmure des eaux, le chant des oiseaux, le calme de la nuit, le silence des bois, tout se remplit pour moi de cette vie enchanteresse qui me remplit moi-même. Je trouve dans la voix suppliante du malheur une harmonie qui m'entraîne, j'admire avec ravissement la beauté; mon cœur suffit à peine aux sentiments délicieux de l'amitié, de l'amour, de la reconnaissance! Je suis attaché au passé par des souvenirs ineffaçables; et le présent embelli par mon imagination, se lie avec un avenir… Ma main se soulève d'elle-même pour donner la pomme à la déesse… mais quoi? …quel est ce terrible fantôme qui s'approche d'elle à pas de géant? Il la saisit, jette sur elle un voile noir et la voilà disparue. Hélas! c'est le malheur — tout a péri sous sa main! Où sont-ils ces beaux rêves qui embellissaient pour moi la nature? Amour — tu n'es que souffrance! attachement à l'humanité — tu n'es que douleur! Eloignez-vous, souvenirs du passé, vous n'êtes que de regrets désespérants! Le présent — oh! qu'il se traîne lentement! Et toi, trompeur avenir — quels monstres se meuvent dans ton abîme impérissable! Je n'y entrevois qu'une seule espérance, qui me console, elle est l'affreuse espérance de la mort. Ma main tombe… je baisse douloureusement la tête, en ce moment mon autre déesse s'approche de moi, avec son air calme et son regard paisible. — Cette brusque guérison a été pour moi un sentiment délicieux. Par reconnaissance j'ai voulu donner la pomme à mon céleste médecin; mais

un baillement involontaire a interrompu le compliment que j'ai voulu lui adresser et je m'endormis profondément avant de prononcer mon arrêt. Le jour commençait à joindre quand je me réveillai. Le soleil paraissait sur l'horizon et les fleurs du parterre, couverts de la rosée du matin exhalaient leurs parfums en l'honneur de la nature qui les a créées et de Monsieur Boucquillon[9] qui les arrose et ne les donne à personne.

Mais ce beau spectacle ne me touchait guère — ma question n'était pas encore résolue et je tremblai en pensant à cet inflexible président[10] dont la voix fait rougir le tonnerre et les regards enragent les éclairs! Je voyais déjà les nuages de la colère s'amorcer sur ce front couvert du bonnet de l'indignation, et des dentelles du sarcasme! Tombez sur moi, montagnes!, m'écriai-je, saisi d'effroi…

Tout à coup, j'entends une douce voix semblable au bourdonnement d'une abeille… Je regarde… Je ne vois personne… Je m'approche de l'endroit d'où partait la voix… Je vois une goutte de rosée, tremblante sur une feuille du laurier rose. C'est de là que venait cette voix… et j'entendis distinctement ces mots:

Ecoute-moi, pauvre raisonneur. Je te dicterai ta réponse.

Une telle proposition de la part d'une goutte de rosée me choqua d'abord. Mais je pensai à Newton à qui une pomme en tombant a découvert le système du monde — et je consentis à écouter les leçons de ma petite goutte, qui ne tombait pas et parlait assez élégamment.

«Premièrement il faut que je te dise qui je suis. Je m'appelle en langage de là-haut Zempusy-que-qua-Zy-zy — cela veut dire ici bas celui qui n'est pas encore né. Je suis une âme humaine, un candidat d'existence.

Ce beau soleil que tu vois paraître à l'orient commençait à percer l'obscurité de la nuit par ses premiers rayons, quand le génie qui préside à la naissance des humains, me trouva dans les espaces du vide et me dit ces mots: écoute, aimable Zempusy-que-qua-Zy-zy, j'ai pour toi une amitié particulière et je veux te rendre un service essentiel. Demain tu dois commencer ton existence sur cette boue qu'on appelle terre. Mais je veux que tu saches auparavent par la voie d'expérience ce que c'est qu'exister et que tu choisisses après librement ou de la vie ou du néant. J'y mets seulement une condition: tu dois choisir pour ton paquet de voyage terrestre ou la parfaite sensibilité ou la parfaite indifférence. Vois-tu cette goutte de rosée qui vient de s'arrondir sur cette feuille du laurier rose — elle sera ton univers pour quelques instants. Tu y existeras deux fois — l'une, doué d'une vive sensibilité, l'autre doué de la plus froide indifférence et les circonstances seront les mêmes. Adieu Zempusy-que-qua-Zy-zy; sois raisonnable; refléchis mûrement. Ton choix décidera pour toute l'éternité!»…

«Me voilà blotti dans ma goutte de rosée et mon existence expérimentale commence. Je nais avec une sensibilité vive. Mais enfin pardonnez illustres curiosités et très aimables impertinences — je ne suis pas assez impertinent pour vous croire curieux d'entendre toutes les aventures du citoyen de la goutte de rosée! … Je vous avoue que ces aventures sont surprenantes; mais le temps me manque. J'ai écris pour

moi le sommaire des chapitres de cette histoire merveilleuse et vous la lirez un jour. Elle sera divisée en deux parties: l'une aura le titre de sensiblité; l'autre celui d'indifférence. Chacune de ces deux parties aura trente volumes et l'ouvrage entier 60. Le nombre des chapitres de chaque partie est 1250. Pour vous donner une idée de cet ouvrage, qui est ainsi une espèce de Zempusy-que-qua-Zy-zy, je choisis les chapitres 625, chaque dernier de chacune des parties, ceux qui traitent de l'amour et cela suffira en même temps pour résoudre la question académique. Et je vous préviens que je raconterai en abrégé ce qui sera bien détaillé dans mon ouvrage.

«…Oh! quel être que cette aimable et douce Malvina — continua l'habitant de la goutte — Je trouvais dans mon attachement pour elle une nouvelle existence, plus vive, plus chère. Je jouissais de la vie, en pensant qu'elle existe et qu'elle existe pour moi. Oh! que la nature était belle à mes yeux, enchantée par sa présence! Son image bienfaisante était mon compagnon inséparable — je l'aimais par le souvenir de mes plus belles années de ma vie, consacrées uniquement à elle, et par le présent qui n'était pour moi que mon amour et par les rêves délicieux qui m'entraînaient dans les vagues de l'avenir et me la montraient sous l'image enchanteresse de l'espérence. Oh! il n'y avait pas de vide dans mon existence! … Je me trouvais heureux. Songe tranquille! Je l'ai perdue… Et c'est alors que j'ai commencé à maudir cette sensibilité qui m'avait rendu autrefois si heureux. Dans la même coupe, qu'elle remplissait jadis pour moi du breuvage du bonheur elle me présenta un poison meurtrier. Elle-même détruisit impitoyablement ses propres bienfaits et les mêmes moyens qu'elle employa pour construire mon bonheur, lui ont servi pour l'anéantir. C'est elle qui fut alors mon persécuteur implacable. En vain essayer de lutter contre mon ennemi — mes efforts ne servaient qu'à m'abattre; mes forces s'épuisaient; détaché de tout, aigri contre la vie, j'étais résolu de la finir — et déjà ma main avait saisi l'arme fatale… Tout à coup tout change! Je redeviens enfant — je me trouve tranquillement endormi dans un berceau. — et ma seconde existence bien calme et bien froide va commencer.

Avec votre permission, je passe les 624 chapitres de la seconde partie et je m'arrête au dernier…

«Je fumais tranquillement ma pipe — continua Zempuzy-que-qua –Zy-zy — et je discutais avec mon intendant sur les moyens d'enrichir mes biens et de tripler mes revenus… Tout à coup mon homme me dit: Qu'elle est belle cette terre que possède votre voisin! — Cela m'inspire. Mon voisin, me dis-je — est un bon vieillard très aisé à vivre. Sa fille Malvina est jeune — caractère doux et sage — cela peut faire une bonne femme. Je prends une feuille de papier — et je mets en chiffres d'un côté les avantages, et de l'autre les désavantages de mon union avec Malvina. — Je compare les deux totales; celui des avantages l'emporte — je m'habille, je fais atteler mon carrosse anglais, je vais trouver mon voisin, je me propose, on m'accueille et dans quinze jours je suis marié. Le lendemain de mes noces je pars pour une terre éloignée. C'était indispensable! Je devais sans aucun refus construire un moulin; dont moi-même

j'ai fait le plan car je suis bon caractère — et je laisse Malvina avec son père. Mon voyage a duré deux semaines. Je reviens — au lieu d'une femme et d'un beau-père je trouve dans ma maison deux cercueils très élégants — c'étaient ceux de Malvina et de son père, la première a été emportée par une fièvre violente et le dernier n'a pas pu survivre à sa fille[11]. Mon premier soin fut de les enterrer, mon second de me faire un habit de deuil, mon troisième de les quitter et mon quatrième d'ordonner qu'on attelle mon carrosse anglais — je voulais faire une visite à mon autre voisin, qui avait une jeune fille, aussi jolie et douce que Malvina, et par conséquent aussi capable d'être bonne femme. Mais au moment où je montais dans ma voiture — tout disparut… je me retrouvais dans ma goutte de rosée, sur ma feuille du laurier rose et le disque du soleil commençait déjà à paraître sur l'horizon. Une voix que je reconnus être celle de mon génie, me dit —

«Ton songe est fini — à présent il s'agit de choisir. Compare et prononce. Je te laisse pour réfléchir tout le temps qu'existera cette goutte brillante — sitôt qu'elle est disparue tu commenceras ton existence sur la terre ou tu seras anéanti pour l'éternité.

Eh bien mon ami, ajoute Zempusy-que-qua-Zy-zy, ce terme donné par le génie est encore trop long. Je n'ai pas hésité un seul moment à prononcer: j'ai choisi le néant et dans feu je finirai pour jamais. Exister avec une sensibilité excessive aurait été payer trop cher quelques moments fugitifs de bonheur; être indifférent et impassible — cela vaut-il du peine d'exister. Me voilà donc prêt à partir avec ma petite goutte. Mais je veux avant te déclarer ma pensée: s'il fallait absolument exister et choisir entre la sensibilité et l'indifférence, je choisirais sans hésiter la première. La sensibilité n'est pour nous une source de malheurs que quand le sort nous persécute: elle devient alors sa complice. Mais toujours la raison peut la maîtriser jusqu'à un certain point; d'ailleurs même en nous accablant elle nous anime — souffrir c'est exister. Avoir de regrets, c'est avoir eu des jouissances. On ne parvient au deséspoir que par le chemin du bonheur. Si même on n'a pas la force de soutenir sa destinée, si on se résout enfin à déchirer les liens de la vie — on les déchire avec peine, car cette vie n'a pas été sans joie; et on se détache avec effort de ces rêves qui nous ont si délicieusement trompés — on l'abandonne mais on la regrette. L'indifférence, au contraire, n'a pas de remède — l'être froid et insensible est marqué, au moment de son entrée dans le monde du décan de la reprobation, qui le bannit de la société des hommes; il est seul au milieu des citoyens de cet univers — et le ciel et la terre sont pour lui de deserts immences; il est détaché du passé, il végète dans le présent, il n'espère rien de l'avenir. Exsister ne veut dire pour lui que passer du néant de la vie au néant de la mort. Ainsi…

Mais dans ce moment le soleil se leva dans tout son éclat… Je n'entendais pas la voix… Je regardai… La petite goutte de rosée n'était déjà plus, je ne vis que la feuille du laurier rose, que le zéphir du matin agitait doucement.

***Перевод*:**

№ 4

Что лучше для счастья: живая чувствительность и пылкие чувства или спокойный и здравый рассудок, холодный и ровный характер.

Сестрица, если вы не спите, расскажите мне одну из этих сказок, которые вы так хорошо рассказываете.

Солнце почти село. Я сидел на маленькой террасе в Черни, украшенной маленькими красивыми (нрзб.), которые шумят только когда очень весело, и спокойно размышлял о вопросе, предложенном нашей академией.

«Посмотрим! говорил я себе, что же вы хотите от меня, блистательные любопытные и почтенные нахалы? Разберем ваш вопрос! Вы требуете, чтобы я выбрал между чувствительностью и холодностью? Если бы я заявил, что не желаю ни одного, ни другого, вы бы мне рассмеялись в лицо; вы бы сказали, что знаете лучше меня, что середина предпочтительней, что умеренность есть богатство мудреца, и что я выгляжу глупцом со своим отрицательным ответом. Стало быть, мои добрые друзья, я в затруднении. Я нахожусь в положении покойного Париса, которого избрали, чтобы он отдал яблоко красоты одной из трех богинь Олимпа. К счастью, передо мной только две богини. Венера — чувствительность и Минерва — холодность. Женщина, считающая себя Венерой, — это красота. Она смотрит на меня с оживленным и очаровательным видом. Сколько огня в ее глазах, сколько очарования во всех ее движениях. Она касается меня своей волшебной палочкой, и передо мной все меняется. Я вижу другой мир — тысячи красот, которых я не замечал ранее, открываются моим разбуженным чувствам: красивое небо меня восхищает; журчание воды, пение птиц, спокойствие ночи, молчание лесов, все наполняется для меня этой чарующей жизнью, наполняющей и меня самого. Я нахожу в умоляющем голосе несчастья увлекающую меня гармонию, я с восхищением любуюсь красотой; моего сердца едва хватает дивным чувствам дружбы, любви, признательности! Я связан с прошлым неизгладимыми воспоминаниями, а настоящее, украшенное моим воображением, соединяется с будущим… Моя рука сама поднимается, чтобы отдать яблоко богине… но что же?… что это за ужасный призрак, приближающийся к ней гигантскими шагами? Он ее хватает, накидывает на нее черную вуаль, и вот ее уже нет. Увы! это несчастье — все погибло в его руках! Где эти прекрасные мечты, которые украшали для меня природу? Любовь — ты всего лишь страдание! Привязанность к людям — ты всего лишь боль! Уходите, воспоминания о прошлом, вы всего лишь приводящие в отчаяние сожаления! Настоящее — ох! как медленно оно влачится! А ты, обманчивое будущее, какие монстры обитают в твоей нетленной бездне! Я ощущаю в ней лишь одно

упование, которое меня утешает, это ужасное упование на смерть. Моя рука падает… я горестно опускаю голову; в эту минуту моя другая богиня со спокойным видом и мирным взором подходит ко мне. Это внезапное излечение явилось для меня восхитительным чувством. Из благодарности я хотел дать яблоко моему небесному исцелителю, но невольная зевота прервала комплимент, который я хотел ей сказать, и я глубоко заснул, прежде чем произнести свой приговор. Когда я проснулся, уже начинался день. На горизонте восходило солнце, и цветы с цветников, покрытые утренней росой, расточали свой аромат в честь природы, которая их сотворила, и в честь господина Букильона[9], который их поливает и никому не отдает.

Но этот прекрасный вид меня почти не трогал — мой вопрос все еще не был разрешен, и я затрепетал, подумав об этом неумолимом председателе[10], чей голос заставляет краснеть гром, а взгляд приводит в ярость молнию! Я уже видел, как гневные тучи появляются на этом челе, покрытом колпаком негодования и кружевами сарказма! Падите на меня, горы! — вскричал я, охваченный ужасом…

Внезапно я слышу тихий голос, похожий на жужжание пчелы… Смотрю… Никого не вижу… Подхожу к месту, откуда доносился голос… Вижу каплю росы, дрожащую на розовом лавровом листе. Именно оттуда слышался голос… и я отчетливо услышал следующие слова:

«Послушай меня, несчастный болтун. Я тебе подскажу твой ответ».

Такое предложение со стороны капли росы сначала меня поразило. Но я подумал о Ньютоне, которому упавшее яблоко открыло устройство мира — и я согласился послушать уроки моей маленькой капли, которая не падала и говорила довольно изящно.

«Для начала я скажу тебе кто я. На высшем языке меня зовут Зампюзи-ко-ка-Зи-зи — что в этом мире значит тот, кто еще не родился. Я человеческая душа, кандидат на существование.

Это прекрасное солнце, которое сейчас встает на востоке, начинало пронзать сумрак ночи своими первыми лучами, когда гений, руководящий рождением людей, нашел меня в пространствах пустоты и сказал мне эти слова: послушай, любезный Зампюзи-ко-ка-Зи-зи, я к тебе испытываю особую дружбу и хочу тебе оказать важнейшую услугу. Завтра ты должен начать жизнь в этой грязи, которая зовется землей. Но я хочу, чтобы ты заранее узнал на своем опыте, что такое существовать, и чтобы ты затем сам выбрал либо жизнь, либо небытие. Я ставлю только одно условие: ты должен выбрать для своего земного багажа либо полную чувствительность, либо полное безразличие. Видишь эту каплю росы, которая только что созрела на этом розовом лавровом листе — она будет твоей вселенной на несколько мгновений. Ты будешь в ней жить два раза — один, наделенный сильной чувствительностью, другой, наделенный

самым холодным безразличием, а обстоятельства будут одинаковы. Прощай Зампюзи-ко-ка-Зи-зи, будь благоразумен, рассуждай зрело. От твоего выбора зависит целая вечность!»…

«И вот я сижу в моей капле росы, и начинается мое пробное существование. Я рождаюсь с пылкой чувствительностью. Но простите меня, блистательные любопытные и любезнейшие нахалы, я не так нахален, чтобы считать вас достаточно любопытными для прослушивания всех похождений жителя капли росы!.. Я вас уверяю, что эти похождения удивительны, но у меня мало времени. Я написал для себя содержание глав этой чудесной истории, и вы ее однажды прочтете. Она будет разделена на две части: одна будет называться чувствительностью, а другая безразличием. Каждая из этих двух частей будет иметь тридцать томов, а весь труд 60. Число глав каждой части 1250. Чтобы дать вам представление об этом труде, которое является в некотором роде Зампюзи-ко-ка-Зи-зи, я выбрал 625-ые главы, последние из каждой части, те, которые рассказывают о любви, и этого в тоже время хватит для разрешения вопроса Академии. Я вас предупреждаю, что буду коротко рассказывать то, что будет пространно в моем труде.

«…О! Что за существо эта милая и нежная Мальвина, — продолжил обитатель капли. Я находил в моей привязанности к ней новую жизнь, более пылкую, более дорогую. Я наслаждался жизнью, думая, что она живет, и что живет для меня. О! как прекрасна была в моих глазах природа, околдованная ее присутствием! Ее благотворный образ был моим неизменным спутником — я ее любил по воспоминаниям о самых прекрасных годах своей жизни, посвященных только ей, и в настоящем, которое было для меня только моей любовью, и в сладостных мечтах, которые увлекали меня в неопределенность будущего и изображали мне ее в пленительном образе надежды. О! в моем существовании не было пустоты!… Я был счастлив. Спокойная мечта! Я ее потерял… И тогда я начал проклинать эту чувствительность, которая делала меня ранее таким счастливым. В этом же кубке, который прежде наполняла она для меня напитком счастья, она поднесла мне смертоносный яд. Она сама безжалостно разрушила свои собственные благодеяния, и те же средства, которые употребляла она для создания моего счастья, послужили ей для его уничтожения. С тех пор она стала моим неумолимым преследователем. Бесполезно пытаться бороться против моего врага — мои попытки лишь ослабляли меня; силы мои иссякали; отрешенный от всего, озлобленный на жизнь, я решил покончить с ней — и уже рука моя взялась за смертельное оружие… Вдруг все меняется! Я снова ребенок — спокойно сплю в колыбели. Начинается мое второе, очень спокойное и очень холодное существование.

С вашего позволения я пропускаю 624 главы второй части и останавливаюсь на последней…

«Я спокойно курил свою трубку — продолжил Зампюзи-ко-ка-Зи-зи — и обсуждал со своим управляющим способы увеличения моего состояния и утроения моих доходов… Вдруг мой человек говорит мне: Как прекрасна эта земля, которой владеет ваш сосед! Эта мысль мне понравилась. Мой сосед — говорю я себе, — добрый зажиточный старик. Его дочь Мальвина молода, обладает мягким и смирным нравом — она может стать хорошей женой. Я беру лист бумаги и перекладываю на цифры с одной стороны преимущества, а с другой недостатки моего союза с Мальвиной. Сравниваю обе суммы. Сумма преимуществ берет верх — я одеваюсь, приказываю запрячь мою английскую карету и еду к своему соседу; делаю предложение; мне дают согласие, и через две недели я женат. На следующий день после венчания я уезжаю в отдаленные земли. Это было необходимо! Я должен был безо всякого отказа построить мельницу, план которой я сам и составил, так как у меня добрый нрав — и я оставляю Мальвину со своим отцом. Мое путешествие продлилось две недели. Я возвращаюсь — вместо жены и тестя я нахожу в своем доме два очень изысканных гроба — это были гробы Мальвины и ее отца; первая умерла от сильной лихорадки, а второй не сумел пережить свою дочь[11]. Моей первой заботой было их похоронить, второй заказать себе траурное одеяние, третьей оставить их, а четвертой приказать заложить мою английскую карету — я хотел нанести визит другому соседу, у которого была молодая дочь, такая же красивая и нежная, как Мальвина, и, следовательно, также способная стать хорошей женой. Но в тот момент, когда я поднимался в свою повозку, все исчезло… я вновь оказался в своей капле росы, на своем розовом лавровом листе, а диск солнца начал уже всходить на горизонте. Голос, в котором я узнал голос моего гения, сказал мне:

«Твой сон окончен, время выбирать. Сравнивай и объявляй. Я оставляю тебя размышлять, пока существует эта сверкающая капля — как только она исчезнет, ты начнешь свою жизнь на земле, или будешь уничтожен навеки.

Итак, друг мой, добавляет Зампюзи-ко-ка-Зи-зи, срок, данный гением еще слишком долог. Я ни секунды не сомневался в своем решении: я выбрал небытие и останусь в огне навсегда. Жить с непомерной чувствительностью значило бы слишком дорого заплатить за мимолетные мгновения счастья; быть безразличным и бесстрастным — не стоит того, чтобы жить. И вот я готов уйти со своей маленькой каплей. Но до этого я хочу объявить тебе свое мнение: если было бы нужно жить и выбирать между чувствительностью и безразличием, я, не колеблясь, выбрал бы первое. Чувствительность есть для нас источник несчастий только тогда, когда нас преследует рок: тогда она становится его соучастником. Но здравый рассудок всегда может в какой-то мере ее усмирить; к тому же обременяя нас, она нас оживляет — страдать значит существовать. Иметь сожаления — значит познать наслаждения. Только дорогой счастья можно дойти до отчаяния. Если даже нет сил вынести свою участь,

если решено разорвать оковы жизни — рвешь их с болью, так как эта жизнь не была безрадостной. Ты с трудом отказываешься от этих мечтаний, которые так сладко тебя обманули — ты ее покидаешь, но сожалеешь о ней. Безразличие, наоборот, не имеет лекарств — холодное и бесчувственное существо рождается под знаком осуждения, который изгоняет его из людского общества. Он одинок среди жителей этого мира — и небо и земля являются для него необъятными пустынями; он оторван от прошлого, прозябает в настоящем и ничего не ждет от будущего. Существовать значит для него лишь перейти из небытия жизни в небытие смерти. Таким образом…

Но в эту минуту солнце взошло во всем своем сиянии… Я не слышал голос… Я посмотрел… Маленькой капли росы больше не было, я увидел лишь розовый лавровый лист, который тихо качался на утреннем ветерке.

№ 5

En quoi consiste le bonheur du ménage et quel est le moyen le plus sûr d'y parvenir?
Que nous aurions, d'agrément
Dans notre petit ménage,
Tous les jours en nous aimant!
Oh! vive le mariage!

Le plus beau specacle que la terre puisse offrir au ciel c'est l'intérieur d'un bon ménage! — a dit ou n'a pas dit un certain auteur que je ne connais pas. Il a raison et sans doute il avait une bonne femme, six jolis enfants, était d'un bon caractère, savait placer toutes ses jouissances dans son cercle et content du présent, pensait avec confiance à son avenir, croyant fermement que le Père celeste protège par préférence le bonheur d'un bon époux et d'un bon père.[12]

Oui, charmant inconnu, — je le dirai avec vous: s'il y a un endroit sur la terre, où existe le bonheur parfait, c'est au sein d'une famille, unie par la concorde et jouissant des biens de la vie en présence de l'être suprême.

Intérieur du ménage — c'est sur cette scène que se développent les plus nobles qualités de l'âme. On peut choisir un théâtre plus brillant — on peut étonner par la puissance du génie, par l'éclat des talents; on peut être applaudi par une foule nombreuse — l'homme alors paraît entouré d'une lumière imposante qui vous éblouit — élevé sur un brillant échafaudage il vous paraît grand; mais cette grandeur peut aussi appartenir à la place qu'il occupe. Il est trop loin de vous pour être apprécié à sa juste valeur. Détachez de lui tout ce qui n'est pas lui — alors vous pourrez prononcer un jugement équitable.

Tout ce prestige s'évanouit quand l'homme entre dans la paisible enceinte de son ménage — il y entre tel qu'il est; il y est vu de près; il y est jugé sans partialité — il lit son arrêt dans son propre bonheur et dans celui qu'il sait répandre autour de soi.

La joie qu'il voit briller dans les regards qu'il rencontre, la tranquillité et l'ordre qui règnent dans sa maison sont autant de témoins qui déposent en sa faveur.

On peut avoir une activité plus étendue, en parcourant la cour de l'honneur et de l'ambition — mais on n'existe, on ne jouit pleinement de la vie que dans son ménage. C'est là qu'on remplit le vrai but de la nature. Tout autre bonheur est produit par la société, est chimérique par ce qu'il est factice. Mais celui-ci est réel — c'est le premier-né de la nature, il est simple comme elle et comme elle il ne nous trompe jamais.

Rien n'est si affreux pour un être sensible que l'isolement. «Il n'est pas bon que l'homme soit seul» — a dit le créateur. C'est une loi immuable. Nous cherchons à nous multiplier dans ceux que nous aimons. Notre bonheur est auprès d'eux; nous les plaçons dans notre perspective; ils sont l'unique but de notre activité — sans quoi point d'activité. L'être isolé est nécessairement borné dans son existence; son âme se dessèche peu à peu; et ne trouvant à qui attendrir sa vie, il s'en fatigue et se flétrit avant le moment suprême.

Au contraire celui qui parcourt le chemin de la vie, entouré de compagnons chéris, qui égaient pour lui ce voyage, souvent si pénible, me présente l'idéal du parfait bonheur[13]. Il savoure en paix le sentiment de son existence, sa sensibilité n'est plus vagabonde — elle est concentrée dans un seul objet; sa pensée — ne s'égare plus dans les espaces imaginaires — elle est fixée sur une réalité charmante, elle s'exerce sur des objets visibles et toutes ses productions sont utiles. Tous les moments de sa vie ont un but! La récompense suit immédiatement le bien qu'il fait — car son juge est auprès de lui, ce juge équitable, qui le comprend, qui lui facilite le succès et qui l'en fait jouir doublement, car il le partage. Son âme s'épure et se perfectionne par sa noble activité. Restant toujours dans un heureux équilibre, jamais troublée par l'orage des passions, jamais assoupie par l'indifférence, elle parvient avoir le monde tel qu'il, sans l'orner de brillantes couleurs de l'imagination, mais aussi sans en faire un squelette dégoûtant et terrible. L'espérance ne l'abandonne pas avec la vivacité du jeune âge — mais cette espérance n'est plus un prestige. Elle prend la forme chérie de ce qu'il aime. Ce n'est plus pour lui seul, c'est pour les objets de son amour qu'il espère — non avec l'aveuglement d'une imagination fougueuse mais avec la justesse d'une raison éclairé par l'expérience. Pour lui espérer c'est prévoir un bonheur éloigné mais possible — il en jouit en y guidant ce qu'il aime; il agit comme la providence. Et cette religion créé par l'amour même — quel charme ne doit-elle pas avoir pour une âme, qui a tant à aimer. L'idée de Dieu n'est qu'imposante et sublime pour l'être isolé qui n'en juge que par la grandeur de cet univers où il est seul, perdu dans l'immensité. En appréciant l'autre vie d'après celle-ci il n'y vois que solitude — éternel détachement de tout, succédant à un isolement momentané. Sa prière n'est que méditation. Au contraire — l'homme entouré d'une famille adorée se présente devant l'être suprême pénétré de reconnaissance et d'amour. En se postulant devant sa providence il le bénit, il lui confie la destinée, ce qu'il a de plus cher; ce ciel où s'élevait ce regard est pour lui l'habitation d'un

père, non attendrissant, qui réveille dans son âme les souvenirs du bonheur dont il jouit dans sa famille terrestre et les espérances de ce bonheur si pur qu'il trouvera dans la grande famille du ciel! Sa prière est l'expression de la reconnaissance.

En disant: bonheur du ménage… vous dites: continuité de sentiments calmes et purs; tranquille contentement de soi-même; activité utile et animée par la présence de l'objet aimé; union dans l'accomplissement de devoir; union dans le perfectionnement de l'âme; union dans la bienfaisance… Vous ne pensez pas alors à ces plaisirs si vifs et si passagers que nous forme la satisfaction de quelque désir passionné et dont la série ne constitut nullement le bonheur. Ce ne sont que des fanaux qui brillent sur des hauteurs et laissent les environs dans l'obscurité. Ce paisible bonheur est une lumière douée, qui remplit et éclaire également tout; il se répand sur la vie sans en distinguer aucune époque particulière. Il coule de l'âme et ne dépend de rien.

Jusqu'ici je n'ai répondu qu'à la première moitié de votre impertinente question, mes chers confrères. Si je ne vous ai pas défini le bonheur du ménage, au moins j'ai taché de le peindre. Je vous ai montré le paradis — mais vous exigez encore que je vous en montre le chemin. Je le vois d'ici et je vous dirai d'abord qu'il fourmille de voyageurs, de toute espèce. Tous se hâtent d'arriver à la porte d'Eden, qui n'est ni fermée, ni gardée par un ange en gloire flamboyant, mais qu'ils manquent le plus souvent grâce à leur sot aveuglement. D'abord il faut savoir qu'on est toujours deux, quand on commence ce voyage. Les uns s'embarquent sans aucun désir de trouver le paradis en question: les pauvres gens se fatiguent dès le premier pas, s'arrêtent et l'on ne voit sur le chemin que leurs mannequins, qui font semblant de marcher mais qui toujours restent à la même place; le plus souvent ils paraissent entourés de petits mannequins qui les imitent dans tous leurs mouvements et qui tout aussi platement immobiles qu'eux. Vous concevez bien que dans cette classe (qui par parenthèse est très nombreuse) appartiennent tous ceux qui se donnent la main par convenance, qui n'ont ni principes, ni moyens, — qui se jouent de la vie par indifférence, ou vanité, ou sottise et qui n'ont d'autre but que de tuer au plus vite le moment présent. Un grand nombre des prétendants au paradis marchent deux à deux attachés l'un à l'autre par une chaîne pesante qui les empêche et de se mouvoir et de se séparer. Ils n'ont qu'une idée très confuse de notre paradis; ils désireraient fort d'y parvenir; mais comme ils marchent avec lenteur à cause de leur chaîne; et se heurtent à chaque instant l'un contre l'autre — ils meurent avant d'atteindre leur but; ou n'y parviennent que trop tard, horriblement défigurés par de meurtrissures qui les rendent tout à fait méconnaissables l'un pour l'autre. Il faut mettre dans cette classe malheureuse tous ceux qui sont méchants par caractère, tous ceux qui ont contracté des liens forcés, en sacrifiant un penchant qui les entraînait d'un autre côté; enfin, tous ceux qui sont à jamais séparés par l'inégalité de l'âge. Ils sont toujours tristes; toujours maudissant leur union qui n'est qu'un esclavage; et si par quelque hasard ils réussissent d'entrer dans notre paradis, ils n'en peuvent plus goûter les délices; ils y apportent des cœurs fanés, n'y trouvent que la tanquillité

et n'ont aucune idée du bonheur caché dans le sanctuaire. Enfin, plusieurs, ayant une idée très distincte de ce bonheur sont entravés dans leur marche par des obstacles inévitables. S'ils sont assez faibles pour perdre patience: ils s'arrêtent au milieu du chemin, aigris par le désespoir ou petrifiés par l'indifférence; mais s'ils possèdent une âme forte, s'ils sont doués de persévérance, ils ne s'effraient pas des obstacles, ils les renversent ou se décident à une courte séparation pour faire un détour et les éviter; ils se réunissent après à la porte de l'enceinte sacrée; ils se donnent la main sur le seuil et sont d'autant plus heureux que leur bonheur a été payé cher. Nous mettons dans la classe de ces pèlerins estimables tous ceux qui attirés par un penchant irrésistible s'unissent volontairement pour voyager, sont de bonne foi dans leur recherche, mais qui chemin faisant découvrent l'un dans l'autre plusieurs défauts de caractère ou plusieurs travers de l'esprit très capables de les arrêter en route, et prennent la résolution de les détruire par force ou par adresse. En quoi on réussit toujours si l'amour est soutenu par la fermeté et la constance.

Mais, trêve d'allégorie. Parlons raison. Oh! comment pourra-t-il être distrait dans son activité celui qui possède ce qu'il aime! Quelle idée importune viendra jamais le troubler dans ses occupations! Qu'a-t-il à chercher, qu'a-t-il à regretter ou craindre! Tout est là!… Oui! Je regarde l'amour de l'occupation et de l'ordre comme une des plus solides bases du bonheur conjugal. L'ennui nous bannit de notre maison, nous fait trouver insipide le calme qui y règne — l'occupation nous y attache; elle résiste à cette inquiétude si naturelle à l'homme; en nous rendant plus capables de goûter les plaisirs de la société, elle nous empêche en même temps d'aimer la dissipation et embellit notre solitude — oh qu'il est doux, après avoir sacrifié quelques heures au monde bruyant, de revoler dans le paisible enclos de notre famille; de s'y retrouver de nouveau, au milieu de ses occupations et de ses plaisirs journaliers et de redevenir soi-même.

Il me reste à indiquer la dernière source du bonheur conjugal — c'est l'amour que les époux ont pour leurs enfants et les soins qu'ils prennent de leur éducation. Ici je répéterai ce que j'ai dit plus haut: union dans vos idées sur leur bonheur, union dans vos moyens de le préparer par l'éducation; enfin union dans vos projets de les rendre heureux. Si dans ces cas importants vos idées ne sont pas d'accord — adieu ménage! Votre attachement pour vos enfants deviendra pour vous une pomme de discorde! Et les objets de votre amour en seront les premières victimes.

Récapitulons en trois mots:

Bonheur du ménage: situation dans laquelle l'homme développe les plus nobles facultés de son âme et jouit le plus dignement de son existence.

Moyens d'y parvenir: amour sans bornes, conformité dans les moyens de concevoir le bonheur, et bonne foi et persévérance dans sa recherche.

Et pour finir, je répéterai ce qu'a dit un poète (Schiller) à ses amis, inspirés par la joie: «Bien heureux celui qui a trouvé une femme selon son cœur! qu'il réunisse

sa voix à la nôtre! Mais celui qui n'a jamais connu cette félicité — misérable! Qu'il se retire, et qu'il pleure en silence!»

***Перевод*:**

№ 5

В чем состоит семейное счастье и какое самое верное средство его достичь?

Пусть у нас будет согласие
В нашей маленькой семье,
Все дни в любви!
О! да здравствует супружество!

Самое прекрасное зрелище, которое земля могла бы подарить небу, есть семейная жизнь! — сказал или не сказал некий автор, которого я не знаю. Он прав, и, несомненно, у него была хорошая жена, шесть милых детей, добрый нрав; он умел наслаждаться своим семейным кругом и, довольный настоящим, думал с доверием о будущем, твердо веря, что Небесный Отец защищает предпочтительно счастье доброго супруга и хорошего отца[12].

Да, милый незнакомец, я говорю с вами: если есть на земле место, где существует полное счастье, это лоно семьи, объединенной согласием и пользующейся благами жизни перед лицом Всевышнего.

Семейная жизнь — именно на этой сцене развиваются самые благородные душевные качества. Можно выбрать более блистательный театр — можно удивлять силой гения, блеском талантов; можно внимать аплодисментам многолюдной толпы — тогда человек кажется окруженным величественным светом, который вас ослепляет. Вознесенный на блистательный помост, он кажется вам великим; но это величие может относиться к месту, которое он занимает. Он слишком далек от вас, чтобы вы оценили его по достоинству. Отнимите от него все, что не его — тогда вы сможете вынести справедливый приговор.

Все это величие исчезает, когда человек входит в мирное лоно своей семьи — он входит таким, какой он есть, он виден вблизи, его судят беспристрастно — он читает свой приговор в своем собственном счастье и в том счастье, которое он расточает вокруг себя. Радость, сверкающая во взглядах, которые он встречает, спокойствие и порядок, царящие в его доме, также свидетельствуют в его пользу.

Можно заниматься более широкой деятельностью, проходя путь почета и властолюбия — но ты живешь и полно наслаждаешься жизнью только в своей семье. Именно здесь исполняется истинная цель естества. Любое другое счастье рождено обществом и несбыточно, потому что искусственно. Но это счастье действительно — это первенец природы, оно просто, как и она, и, как она, никогда нас не обманывает.

Нет ничего ужаснее для чувствительного существа, чем отчуждение. «Нехорошо, чтобы человек был одинок», — сказал создатель. Это непреложный закон. Мы стараемся повторяться в тех, кого любим. Наше счастье подле них, мы переносим их в свое будущее, они являются единственной целью всех наших дел — без чего нет никаких дел. Одинокое существо непременно ограничено в своем существовании, его душа мало-помалу иссушается, и, не находя кому скрасить жизнь, он устает от этого и увядает до наступления последнего часа.

Напротив, тот, кто идет по жизненному пути, окруженный милыми спутниками, оживляющими для него это часто такое утомительное путешествие, является для меня идеалом полного счастья[13]. Он мирно наслаждается сознанием своего существования, его чувства постоянны — они сосредоточены на одном объекте. Его мысль более не теряется в вымышленных пространствах, она укрепилась в милой ему действительности, она проявляется на видимых предметах, и все ее порождения полезны. Каждая минута его жизни имеет цель! Награда тотчас следует за творимым им благом, так как его судья подле него. Этот беспристрастный судья, который его понимает, способствует его успеху и, разделяя его, заставляет наслаждаться им вдвойне. Его душа очищается и совершенствуется благодаря своей благородной деятельности. Оставаясь в счастливом равновесии, не волнуясь от бури страстей, никогда не слабея из-за безразличия, ей удается принимать мир таким, каков он есть, не украшая его яркими цветами воображения, но также и не делая из него отвратительного и ужасного остова. Надежда не оставляет его вместе с пылкостью юного возраста, но эта надежда больше не имеет обаяния. Она принимает форму любимого человека. Он надеется уже не для себя, а ради предметов своей любви — без ослепления пылкого воображения, но с верностью здравого рассудка, просвещенного опытом. Для него надеяться — значит предвидеть далекое, но возможное счастье. Он наслаждается им, направляя сквозь него того, кого любит; он действует как провидение. А эта религия, созданная самой любовью — сколько очарования должна она иметь для души, которая так любит! Божий замысел значителен и возвышен для одинокого человека, который судит о нем лишь по величию этого мира, в котором он одинок и потерян в безмерности. Оценивая другую жизнь по своей, он видит в ней лишь одиночество — вечное отстранение от всего, сменяющее минутное отчуждение. Его молитва есть лишь размышление. Напротив, человек, окруженный любимой семьей, предстает перед Верховным существом исполненный признания и любви. Прося у провидения, он его благословляет, доверяет ему свою судьбу, все, что ему дороже всего. Это небо, куда возносил он взгляд, является для него жилищем отца, не умиляющего, а пробуждающего в его душе воспоминания о счастье, которым он наслаждается в своей земной семье и упование на это чистое счастье, которое он найдет в большом небесном доме! Его молитва выражает признательность.

Произнося: семейное счастье, вы говорите: непрерывность спокойных и чистых чувств, спокойное удовлетворение самим собой, полезная деятельность, оживленная присутствием любимого человека, единение в выполнении долга, единение в совершенствовании души, единение в благодеянии… При этом вы не думаете о таких живых и мимолетных удовольствиях, которые производит в нас удовлетворение каким-либо страстным желанием, и совокупность которых ни коим образом не составляет счастье. Это всего лишь маяки, сияющие на высоте и оставляющие окрестности во мраке. Это мирное счастье является светом, который все наполняет и освещает равным образом; оно разливается на жизнь, не разделяя ее на отдельные эпохи. Оно исходит из души и ни от чего не зависит.

До этого момента я ответил лишь на первую половину вашего нахального вопроса, мои дорогие собратья. Если я не определил для вас семейного счастья, то, по крайней мере, я попытался его изобразить. Я вам показал рай — но вы все еще требуете, чтобы я показал к нему дорогу. Я ее вижу отсюда, и я вам сначала скажу, что она кишит разного рода путешественниками. Все торопятся прибыть к вратам рая, не запертым и не охраняемым ангелом со сверкающим нимбом, но которые они чаще всего пропускают из-за своей глупой слепоты. Для начала нужно знать, что вы всегда вдвоем, когда вы начинаете это путешествие. Одни отправляются в путь безо всякого желания найти искомый рай: несчастные люди устают с первого шага, останавливаются, и на дороге видны лишь их манекены, которые делают вид, что идут, но всегда остаются на том же месте. Чаще всего кажется, что они окружены маленькими манекенами, подражающими всем их движениям, но остающимися такими же неподвижными, как и они. Вы хорошо понимаете, что к этому разряду (который, между прочим, очень многочислен) принадлежат все те, кто дает друг другу руку по расчету, кто не имеет ни принципов, ни средств, кто играет жизнью по безразличию, или тщеславию, или глупости, и кто не имеет иной цели, чем как можно скорее убить настоящее. Большое количество претендентов на рай идут вдвоем, привязанные друг к другу тяжелой цепью, которая им мешает не только двигаться, но и расстаться. У них довольно смутное представление о нашем рае; они желали бы до него добраться, но так как из-за цепи они идут медленно и беспрестанно ударяются друг о друга — они умирают прежде, чем достигают своей цели; или достигают ее слишком поздно, обезображенные следами старости, делающими их совершенно неузнаваемыми друг для друга. Нужно определить в эту категорию нечастных всех тех, у кого злобный нрав, кто заключил брак по принуждению, жертвуя своей привязанностью, которая их тянет в другую сторону; наконец, всех тех, кто навсегда разлучен из-за неравенства в возрасте. Они неизменно грустны, неизменно клянут свой союз, являющийся просто рабством; и если случайно им удается войти в наш рай,

они не могут им наслаждаться, они приносят в него увядшие сердца, находят в нем лишь успокоение и не имеют представления о счастье, спрятанном в это убежище. Наконец, многие имеют очень четкое представление об этом счастье, но стеснены в своем ходе неминуемыми преградами. Если они достаточно слабы и не настойчивы, они останавливаются посреди пути, ожесточенные отчаянием или скованные безразличием. Но если у них сильный дух, если они наделены терпением, они не страшатся преград, они их сметают или решаются на короткое расставание, чтобы сделать крюк и их избежать; они соединяются позже у врат в святое убежище; на пороге они дают друг другу руку и становятся счастливы, так как это счастье дорого стоило. Мы поместим в эту категорию почтенных странников всех тех, кто, привязанные непреодолимой склонностью, добровольно соединяются для путешествия и искренни в своем поиске, но, проходя этот путь, открывают друг в друге множество недостатков характера или ума, способных остановить их в пути, и принимают решение силой или ловкостью разрушить их. В чем можно всегда преуспеть, если любовь поддерживается твердостью и постоянством.

Но довольно аллегорий. Поговорим здраво. О! Как может быть рассеян в своей деятельности тот, у кого есть любовь! Какая навязчивая мысль может когда-либо побеспокоить его в его занятиях! Что ему искать, о чем сожалеть или чего бояться! Все здесь!.. Да! Я смотрю на любовь к занятию и порядку, как на одну из прочных основ семейного счастья. Скука гонит нас из дома, заставляет находить непривлекательным царящее в нем спокойствие — занятие нас к нему привязывает, оно противостоит этому беспокойству, настолько свойственному человеку, делая нас более способными ценить удовольствия общества. В то же время она мешает нам любить рассеянность и украшает наше одиночество — о, как приятно, пожертвовав несколькими часами шумному миру, вновь влететь в мирное пристанище своей семьи, вновь там оказаться, посреди своих занятий и ежедневных удовольствий и вновь стать собой.

Мне лишь остается указать последний источник семейного счастья — это любовь, которую супруги имеют к своим детям, и забота об их образовании. Здесь я повторю то, что сказал выше: единение в ваших представлениях об их счастье, единение в средствах подготовить его через образование, наконец, единение в ваших планах сделать их счастливыми. Если в этих важных случаях вы не согласны в ваших представлениях — прощай семья! Ваша привязанность к детям станет для вас яблоком раздора! И объекты вашей любви будут его первыми жертвами.

Повторим в трех словах:

Семейное счастье: обстоятельства, в которых человек развивает самые благородные свойства своей души и самым достойным образом наслаждается своей жизнью.

Средства его достижения: безграничная любовь, соответствие способов понимания счастья, добросовестность и терпение в его поиске.

И в завершении я повторю то, что сказал один поэт (Шиллер) своим веселым друзьям: «Счастлив тот, кто нашел женщину по сердцу! Пусть он присоединит свой голос к нашему! Но тот, кто никогда не знал этого счастья — презренный! Пусть он уйдет и плачет в одиночестве!»

ПРОЗАИЧЕСКИЕ БАСНИ

Соловей в клетке

Один крестьянин зашел однажды в великолепное жилище богатого и знатного человека. Тут услышал он громкое пение птицы, сидевшей в золотой клетке. Он подошел к ней и что же? То был соловей. С прискорбным сердцем стоял он, опершись на свой посох, и слушал.

К нему подошли слуги знатного человека и спросили: «Чему ты удивляешься? Отчего стоишь так задумчиво?» Крестьянин отвечал: «Я удивляюсь тому, что вы и ваш господин можете сносить в своем блестящем жилище печальное пение запертой птицы». «Глупец, — воскликнул один из служащих, — разве пение соловья кажется тебе печальным на твоих полях и в твоих рощах?» «Нимало, — отвечал земледелец. — Напротив, оно наполняет мне душу тихою радостью и удивлением». «Но разве твои соловьи поют иначе, нежели этот?» — спросил слуга с насмешливой улыбкой. «Конечно, — сказал крестьянин, — наши соловьи возвещают посреди зеленых цветущих ветвей славу обновляющейся природе. Они поют под голубым, открытым небом, полным свободы, они поют гимны любви для самок своих, сидящих над птенцами». При этом слове слуги подняли громкий хохот и назвали простодушного дураком, но он промолчал и возвратился домой в сельскую свою хижину, к мирному своему полю.

Бесплодное дерево

У одного поселянина был в городе брат, садовник, который имел превосходный плодовый сад, наполненный такими прекрасными деревьями, что все славили его искусство и его вкусные плоды.

Поселянин пришел к нему в город и удивился деревьям, которые стояли прекрасными рядами, вырастали скоро и были прямы и гладки, как высокие свечи. Тогда садовник сказал ему: «Можешь брать, я дам тебе дерево лучшее из всего моего сада, и ты будешь радоваться, и ты и твои дети».

Сказав это, садовник позвал своих работников и показал им дерево, которое надо было вырыть. Поселянин весьма был рад подарку и велел перенести дерево на свое поле.

На другое утро он долго не мог согласить сам с собою, где посадить дерево. Ибо он думал: «Если посажу его там на высоте, то будет дуть на него ветер и собьет прекрасные плоды прежде, нежели они созреют. Ежели посажу его здесь, недалеко от дороги, то будут видеть его проходимцы, вкусные яблоки прельстят их, и они меня обкрадут. Если же, наконец, посажу его слишком близко к дверям моего дома, то оно не будет защищено от собственных детей и домашних моих».

Так он думал; наконец посадил дерево за амбаром, на севере, и сказал сам себе: «Здесь пронырливые хищники не вздумают искать его». И он радовался втайне своему благоразумию.

Но что же? Дерево не принесло плода в первый год, не принесло его и во второй. Тогда призвал он к себе своего брата-садовника, начал пенять ему и сказал: «Ты меня обманул, ты дал мне негодный бесплодный сук вместо плодовитого дерева. Погляди сюда, уже третий год, а оно приносит мне одни только листы».

Садовник засмеялся, увидя дерево, и отвечал: «Я не удивляюсь. Ты посадил дерево в таком месте, где на него дует один только холодный ветер; где оно не имеет ни тепла, ни света. Как же может оно цвести и приносить плоды. Его природа благородна и вечно такою останется. Ты посадил его с подозрительной, недоброй мыслью. Какого же благородного и усладительного плода ожидать можно».

Насекомое и ворона

Близ реки Гипаниса водятся насекомые, которых вся жизнь продолжается не более одного дня. Одно из таких насекомых, которое уже около двенадцати часов имело от роду и, следовательно, было стариком между своими товарищами, сказало однажды: «О, смерть, которую я столь нетерпеливо желаю, так для чего медлишь так долго? Я ело, пило, любило и уже много имело детей. Чего же остается мне желать и ожидать? Когда я родилось, этот блестящий шар начинал только восходить; уже склоняется он к закату; и что будет со мною, если переживу его? Итак, лучше теперь кончить долгую и счастливую жизнь мою».

Неподалеку от насекомого сидела столетняя ворона. Она услышала это желание, вздохнула и сказала: «Вчера только жаловалась я на то, что мои силы уже уменьшаются; а это творение, которое я превосхожу во столько тысяч раз долготою жизни, считает себя и старым, и счастливым? Теперь я понимаю истину изречения: лишь тот живет долго, кто доволен жизнью».

Бык и собака

Один бык и одна собака были сердиты друг на друга, и это дошло до того, что первый вызвал последнего на поединок. Бык принял вызов с презрительным видом и надеялся, что творение, столь уступающее ему в силах, с первого раза можно проколоть своими рогами и растоптать своими копытами.

Но в этот раз хитрая собака, в то время, как бык наклонил к земле свою голову, увернулась от его удара и схватила сильно за <1 нрзб.> ухо. Напрасно бык тряс головой, напрасно мычал и бил в землю копытом. Наконец, проникнутый нестерпимой болью, он был должен с покорностью и своим разорванным ухом просить мира.

Терновник и фиговое дерево

Терновник насмешливо упрекал фиговое дерево в том, что на нем никогда не бывает цветов.

«Тем более мне чести, — отвечало последнее, — что я даю более, чем обещаю; ибо всякий скажет что плоды мои сладки, как мед. Ты же, напротив, со своими хвастливыми цветами произвел когда-нибудь что-нибудь другое, кроме посредственности. Чем более наружность твоя обещает, тем более должен ты и совершить».

Черепаха и утки

Черепаха сидела на берегу и увидела стаю диких уток, которые летели с моря. «Как вы счастливы, — воскликнула она, — вы можете посещать чужие земли, а я, между тем, вечно должна оставаться там, куда раз попала». Это услышали утки и сказали: «Если ты имеешь такую охоту видеть другие земли, то мы готовы сделать тебе удовольствие и понести с собою. Возьми только эту тонкую длинную палочку в рот, мы можем на ней понести тебя».

Черепаха принесла величайшую благодарность за это предложение. Каждая утка взялась за один конец палочки, и они пустились в путь.

Когда они летели над одним местечком, то многие из жителей разинули рты от удивления и утверждали, что они подобного в жизни своей не видывали и приняли ее все за одно чудное животное. «Как бы не так, — воскликнула радостно черепаха. — Это не иное что…» — Но начавши говорить, выпустила она изо рта палочку, упала вниз и была как жертва своего любопытства, а еще более своей болтливости наказана.

Учись заблаговременно великому искусству молчать, иначе будешь несчастлив. Болтливость уничтожает нередко лучшие наши надежды в жизни.

Рысь и крот

Зоркая рысь жалела однажды о слепом (мнимо слепом) кроте и сказала: «Едва могу понять, как ты можешь сносить так смиренно свое несчастье. Жизнь без зрения кажется мне тяжелей самой смерти». «Благодарю тебя за твое сожаление, — отвечал крот, — но может быть, в самом деле не так жалко, ибо что природа отняла у меня с одной стороны, то заменила она очень милостливо с другой. Так, например, я слышу очень хорошо, и это предохраняет меня от всякого близкого неприятеля. Даже теперь — могу ошибаться, — но мне кажется, что я слышу шаги человека, который крадется. Прошу тебя, храбрая рысь, побережись». Рысь хотела уже посмеяться над кротом, но вдруг засвистал <1 нрзб.> охотник, и гордившееся зрением своим животное погибло. Именно потому, что пренебрегло советом слепого крота.

Орел и черепаха

Одной черепахе пришла в голову странная охота летать. Она часто просила орла, чтобы он дал ей уроки летания, но орел всякий раз старался растолковать ей, что такое желание совершенно противно рассудку и ее природе. Однако чем более затруднений он делал, тем упрямее настаивала она на своем требовании.

Наконец наскучив от ее неотступности, взял он ее с собою на высоту и бросил ее, поднявшись на высоту одной башни. Следствие было таково, как и предсказывалось, ибо в падении разбилась она об землю.

Лягушка и угорь

Одна молодая лягушка, которая весьма недавно начала учиться квакать, насмехалась над угрем за его молчаливость.

«Ты бы, конечно, имела право, — отвечал угорь, — если не смеяться надо мною, то по крайней мере сожалеть обо мне, когда бы именно каждый голос, как бы он ни звучал, был чем-нибудь завидным. Но надобно только раз послушать жабу, чтобы почувствовать, что скромное молчание часто лучше, нежели громкое, скучное болтовство».

БИБЛЕЙСКИЕ ПОВЕСТИ

Исаак

Сара умерла прежде женитьбы Исаака. Авраам купил у Эфрона, одного из обитателей земли Ханаанской, небольшое поле, на котором находилась пещера с двумя выходами: в этой пещере похоронил он тело своей Сары. Это поле было первым владением Авраама и потомков его в земле обетованной: до тех пор имел только одни стада, которые переходили с места на место; но собственной земли у него не было.

Авраам не хотел, чтобы его сын Исаак женился на дочери чужеземцев, между которыми он жил; он послал верного слугу своего Элизера на свою родину, то есть в те земли, из которых Господь воззвал его в Ханаан. Там должен был Элизер найти невесту для Исаака. И на чужбине Авраам любил свою отчизну. «Ангел Господний пойдет перед тобой, — сказал он Элизеру; — он укажет тебе добрую жену для моего сына». Элизер взял с собою десять верблюдов, навьючил их съестными припасами и дарами и поехал в Месопотамию, бывшую Авраамову отчизну. Приближась в один город, он остановился с своими верблюдами у колодезя и начал усердно молить Бога, чтобы явил милосердие к Аврааму и дал найти ему в сем городе благочестивую невесту для Исаака.

В это самое время вышла из города прекрасная и скромная девица, подошла к колодезю и наполнила водою кувшин свой. Служитель Авраамов стал просить, чтобы она его напоила. «Пей, добрый путешественник, — отвечала девица, — я напою и твоих верблюдов. Вы устали от дороги». И лицо ее, и ласковое обхождение понравились Элизеру. Из драгоценных вещей, данных ему Авраамом, он выбрал два нарукавья и надел их на руки прекрасной девицы. «Кто ты, — спросил он у нее, — как называют отца твоего? Не даст ли нам пристанища в своем доме?» И как же обрадовался Элизер, когда она сказала ему, что назвается Ревеккою, что она дочь Вефуила, Нахорова сына. Этот Нахор был Авраамов брат, Лотов отец, оставшийся в Месопотамии. «Слава Господу, — сказал Элизер, — Он явил милосердие к Аврааму, Он привел меня к брату моего господина».

Ревекка поспешила домой, чтобы все приготовить к приему посетителя. И послала своего брата Лавана к колодцу, где он нашел Элизера, которого и привел со всеми верблюдами в дом отца своего. Все обрадовались, когда узнали, чей слуга был Элизер, и он должен был много рассказывать о Аврааме, о его благочестии, о сыне его Исааке.

Скоро потом он открыл свое намерение Вефуилу: «Отдай свой дочь за сына Авраамова!» Услышав это, Вефуил отвечал: «То воля Господня! Я не могу прекословить ей! Вот Ревекка! Возьми ее и подите с Богом!» — И Ревекка пошла с Элизером в Ханаанскую землю.

Был вечер; Исаак стоял в поле и молился; вдруг увидел он приближающихся Элизеровых верблюдов. Элизер указал Ревекке этого благочестивого прекрасного юношу: «Жених твой». Она сошла с верблюда, на котором ехала, закрыла лицо покрывалом по обычаю восточному и поклонилась Исааку. Он взял ее за руку, пошел с нею к Аврааму, чтоб он благословил союз их, потом повел ее в тот шатер, где жила Сара, его мать, с той минуты шатер сей сделался Ревеккиным.

Авраам долго утешался смиренным счастьем детей своих; наконец его час приближился; и Бог позвал его к себе; тело его похоронили в той же пещере, где находился и прах жены его Сары: что разлучила смерть, то и соединила. Исаак наследовал его стада и сокровища, и Бог подтвердил ему обещание, данное отцу его Аврааму: «*От племени твоего будет спасение народов*».

Исав и Иаков

В те времена родоначальники не были подчинены никакой власти: они были под единою властью Бога. Сами же они повелевали свободно своими детьми, родственниками и служителями; они же были и первосвященники Божии. Старший сын имел великие преимущества перед младшим: он наследовал по смерти отца и власть, и сан священника. Такими властителями и священниками были Авраам и сын его Исаак.

Но Исаак имел от Ревекки двух сыновей, старший назывался Исавом, младший Иаковом. Исав был мужественный пылкий человек, любил свободу, имел доброе сердце, но вместе и большое легкомыслие. Иаков, напротив, был тихого нрава, любил сидеть дома, занимался домашними делами: это нравилось его матери.

Но Иакову не нравилось, что брат его, будучи старшим, имел перед ним великие преимущества. Он думал о том, как их себе присвоить. Вот что случилось однажды. Исав возвратился с охоты в великой усталости. Смертельный голод его мучил. Он нашел Иакова за чашею чечевицы. «Уступи мне обед твой, — сказал он брату, — я умираю от усталости». «Уступи мне прежде свое первородство», — отвечал Иаков. «Возьми его! Если умру, то какая мне польза быть старшим!» Иаков согласился, и таким образом легкомысленный Исав променял без позволения отца важные права первородства на чашу простой чечевицы. Поступок его нехорош; но Иаков поступил не лучше: он употребил во зло добросердечие и легкомыслие своего брата; такое дело не могло не иметь дурных последствий.

История Авраама

XII

Авраам имел жену, которая называлась Сарой. Уже несколько лет жили они в земле Ханаанской. Бог обещал им сына, от которого должно было произойти потомство, столь многочисленное, как звезды на небе, как песок на берегу моря. И они верили обещанию Божию <1 нрзб.>. Бог сказал Аврааму: потомки твои будут долгое время угнетены чужим народом; это продолжится более четырехсот лет; потом они освободятся и завладеют замлею Ханаанскою. И, наконец, один из потомков твоих будет спасителем человеческого рода. Такие великие обещания радовали Авраама, и он с покорностью и терпением ожидал исполнения их.

Между тем он уже имел сына, но только не от жены своей Сары, а от своей невольницы Агари, которую Сара сама привела к своему мужу. Этот сын назывался Измаилом. Здесь на картинке видишь Авраама: он сидит, перед ним Агарь, которая подает ему руку; подле нее Сара.

XIII

Однажды Авраам сидел перед шатром своим под тенью густого дерева и думал о Божием обещании, которое не было еще исполнено, ибо Авраам все еще не имел детей от Сары. Но он верил Богу. И в то время, когда он сидел под деревом в размышлении, видит на дороге трех путешественников. <1 нрзб.> пошел к ним и ласково пригласил к себе. Путешественники сели под его деревом. Авраам, выбрав из стада своего лучшего теленка, велел его приготовить для гостей; поставил перед ними хлеб, молоко и масло и начал с ними разговаривать. «Где жена твоя, Сара», — спросил один из путешественников. «В шатре!» — отвечал Авраам, удивленный тем, что людям, которых он не знал, не видал в глаза, была известна жена его. «Знай же, — сказал один из них, — жена твоя Сара скоро будет иметь сына». Сара, услышав это из шатра, засмеялась; ей показалось невозможным, чтобы такое обещание могло исполниться, ибо ей было уже девяносто лет, а Аврааму более ста. «Чему смеется жена твоя, Сара! — спросил тот же путешественник. — Разве она думает, что это невозможное для всемогущего Бога!» Слова сии пристыдили Сару.

Путешественники, насытившись, простились с Авраамом и пошли в город Содом. Авраам проводил их до <1 нрзб.> дороги. Кто же они были? Ангелы Божии под видом простых человеков, и то, что они предсказали Аврааму, в назначенное время исполнилось. Сара родила сына Исаака, и Авраам получил таким образом награду за веру свою.

Здесь видишь этих трех путешественников: они сидят под деревом за столом, смотря на стоящего перед ними Авраама, предсказывают ему скорое рож-

дение сына. Вдали под шатром видишь Сару; она подслушивает то, что говорит путешественник, и смеется про себя словам его.

XIV

Ангелы, простившись с Авраамом, пошли в город Содом. Жители этого города и еще другого, который назывался Гоморрой, были развратны, не верили в Бога и навлекли на себя гнев Его своими преступлениями. Он захотел их истребить и послал своих ангелов. Это были те самые ангелы, которые посетили Авраама и были приняты от него так ласково.

Но в Содоме жил Лот, Авраамов родственник, человек праведный и любезный Богу, и Бог повелел ангелам спасти его от погибели, определенной жителям Содома. Ангелы нашли Лота, сидящего у городских ворот. Увидя их, он к ним приблизился и начал уговаривать, чтобы они вошли в его дом и у него переночевали. Ангелы согласились и пошли вслед за добрым Лотом. Между тем жители Содома узнали о прибытии путешественников в город; они окружили дом Лота и требовали, чтобы он выдал им гостей своих. Лот вышел к ним, просил их со слезами не оскорблять невинных людей, которым он дал у себя пристанище; но слова его были напрасны: бешеная толпа бросилась на него, и он принужден был уйти в дом свой и запереть за собою двери, дабы спастись от неистовства этих злых людей. Они побежали за ним вслед, хотели разломать двери, но в эту минуту вдруг все ослепли; и это помешало исполнить им их ужасное намерение. Всю ночь шумели они вокруг дверей, наконец мало-помалу рассеялись.

На другое утро ангелы сказали Лоту: «Возьми с собой жену и детей и иди из города. Он будет истреблен со всеми жителями. Иди поспешно и не смей оглядываться, ибо ты не должен видеть то, что случится». Лот был в нерешимости, но ангелы сами вывели его со всем семейством за город. Там они с ним расстались, и Лот, с женою и детьми, пошел вперед по дороге. Через несколько минут услышали они за собою страшный гром и треск; но, помня запрещение ангелов, они продолжали идти и не оглядывались. Одна только жена Лотова забыла об нем и оглянулась. Что же она увидела: огонь падал с неба, и город уже со всех сторон загорелся. Но любопытство ее было тут же наказано: она сделалась неподвижною и обратилась в соляной столб. Между тем оба преступных города, Содом и Гоморра, со всеми жителями сгорели, земля под ними разверзлась и поглотила их, и на том месте, где они стояли, явилось озеро, которое и ныне существует. Его называют Мертвым морем; берега его дики пусты; и всё кругом его носит на себе знаки Божьего гнева.

Лот и дети пришли невредимы в город Зоар: там узнали они о страшной участи Содома и Гоморры. Здесь видишь Лота, идущего с двумя дочерьми: за ними город Содом в дыму и огне. Вот и жена Лотова, которая оглянулась и сделалась неподвижною в наказание за свое любопытство.

XV

Покуда Сара не имела детей, до тех пор она любила маленького сына Агари и Авраама Измаила; но когда родился Исаак, ее сын, то она не захотела, чтобы Авраам любил его наравне с сыном невольницы. Она начала требовать от своего мужа, чтобы выслали из дома Агарь и Измаила. Долго Авраам не соглашался; наконец, желая сохранить семейственное спокойствие, принужден был уступить упрямой Саре. И бедная Агарь принуждена была с маленьким Измаилом покинуть жилище Авраама. Им не дали ничего на дорогу, кроме кувшина воды и одного хлеба. Надобно признаться, что Авраам поступил с ними жестоко. Но Бог спасает тех, которые с терпением сносят несчастья и смиренно ожидают его помощи. Агарь, не зная дороги, заблудилась в пустыне. Жар был жестокий, жажда их мучила, они уже выпили всю свою воду, и нигде не было источника. Маленький Измаил падал от слабости, кричал, просил напиться; но Агарь не могла напоить его; она положила его под куст; сама села на горячий песок, закрыла руками лицо, чтобы не видеть, как умрет ее милый сын, и плакала горькими слезами. Вдруг услышала она голос: «Агарь! Не плачь», — сказал ей кто-то ласково и тихо. Она подняла голову. Перед нею стоял Ангел Божий. «Ободрись, Агарь! — продолжал добрый Ангел. — Бог посылает тебе спасение». Он дотронулся до ее глаз, и в ту минуту увидела она невдалеке свежий источник, который приятно бежал по камешкам. Она бросилась на колени перед Ангелом, принесла благодарность спасающему Богу, побежала к источнику, зачерпнула воды и напоила умирающего Измаила. Он ожил, и Ангел вывел их из пустыни. «Идите с миром, — сказал он им. — Любите Бога, сохранившего вашу жизнь». Он назначил Измаилу быть прародителем великого народа.

На этой картинке представлена Агарь в ту минуту, когда Авраам высылает их из своего дома. В одной руке ее кувшин с водою и хлеб, другою держит она за руку сына своего Измаила, который плачет, прощаясь с Авраамом. У дверей хижины стоит жестокая Сара с маленьким Исааком.

XVI

Авраам радовался своим сыном Исааком, который был прекрасен лицом и достоин любви отца своим добрым нравом. Вдруг Авраам получил от Бога повеление, которое привело его в ужас. Бог захотел испытать покорность Авраама, а может быть, наказать его за жестокий поступок с Измаилом, и повелел ему идти на гору, находившуюся в стороне, называемой Мория, и там принести в жертву Исаака, то есть заколоть его на жертвеннике и сжечь.

Как ни горестно было такое повеление для Авраама, но он покорился воле Божией; встал рано поутру, навьючил осла дровами, нужными для жертвенного костра, взял с собою сына и двух слуг и пошел в Морию. Два дня продолжалось

их путешествие. На третий день увидели они назначенную гору. У подошвы ее остановился Авраам и сказал слугам своим: «Останьтесь здесь и стерегите осла; а я с сыном пойду на вершину горы молиться».

Сказав это, он велел Исааку нести на гору дрова; сам взял огонь и жертвенный нож, и они пошли на высоту. Дорогою Исаак сказал Аврааму: «Отец мой! У нас всё есть для жертвоприношения: и дрова, и огонь, и нож! Но где же сама жертва?» «Господь Бог укажет жертву!» — отвечал Авраам. И они молча взошли на вершину горы.

Тут Авраам, склавши дрова в костер, сказал Исааку: «Ты жертва, избранная Богом!» И покорный Исаак лег на костер, готовый, подобно отцу, исполнить Божью волю. И Авраам поднял уже нож на сына. В эту минуту раздался голос с неба: «Авраам! Авраам!» «Я здесь!» — отвечал Авраам. «Не убивай сына твоего! Авраам! — продолжал голос. — Я испытал теперь твою покорность, знаю, что ты боишься Бога, что для Него и не щадишь Ми сына».

Как утешилось Авраамово сердце; он снял с костра Исаака, обнял его, облил радостными слезами и в эту минуту увидел овна, зацепившегося рогами за ветви терновника. Этот овен заменил Исаака и был принесен Авраамом на жертву.

Тогда опять послышался голос с неба: «Я дал обещание, что потомство твое будет многочисленно, как звезды небесные, как песок на берегу моря. И что одним из потомков твоих (Иисусом Христом) будет спасен род человеческий. Мое обещание исполнится. Своею покорностью заслужил ты Мое благословение».

Здесь видишь: Авраам с Исааком на вершине горы: Авраам говорит своему сыну, указывая на небо: «Ты жертва, назначенная Богом». Исаак готов уже лечь на костер. У ног Авраама лежит тот жертвенный нож, которым он должен заколоть сына; в жаровне горит огонь. На небе видно сияние, в котором скрывается Бог, внимающий Аврааму.

АНЕКДОТЫ

1

Известный лорд Честерфильд находился в Париже; он встретился однажды с Вольтером в блестящем обществе, где было множество дам, ужасным образом разрумяненных. Честерфильд смотрел на них с некоторым удивлением. Вольтер, заметив это, подошел к нему и сказал: «Милорд, я уверен, что теперь никто лучше вас разрешить не может, кому принадлежит преимущество в красоте, англичанкам или француженкам». «По чести, — отвечал лорд с своим обычным присутствием духа, — я не знаток в живописи!»

Вольтер через несколько времени отправился в Лондон. Там встретился он с Честерфильдом, и опять в обществе женщин. Одна из них, очень любезная, и с которой Вольтер говорил более нежели с другими, была нарумянена. «Не попадитесь в плен», — шепнул ему Честерфильд. «Милорд, — отвечал Вольтер, — я не боюсь английского корабля под флагом французским».

2

Давид Юм жил в Эдинбурге в новом городе, отделенном от старого топким болотом. Через это болото сделан был мост. Но Юму захотелось однажды пройтиться по тропинке, проложенной в самом болоте. Он пошел, оступился и увяз в грязи. Крик его услышала старушка. Она подошла нему, и философ начал умолять, чтобы она его вытащила. «Да кто ты?», — спросила старушка. «Я Давид Юм». — «А! Ты Юм? Сиди же в грязи! Не хочу тебе помогать! Ты богоотступник». — «Нет! нет! Ты ошибаешься! Я христианин!» — «Увидим! Знаешь ли "Верую во единого"?» — «Знаю». — «Читай!» — И Юм начал читать «Верую во единого». По счастию он не ошибся ни в одном слове. «Теперь вижу, что меня обманули! Тебе можно помочь», — сказала старушка и подала руку философу.

3

Фридрих Второй весьма мало думал об одежде, и часто имел большой недостаток в платье.

Отправившись на смотр войска в Силезию, он взял с собою один только мундир. На смотре застал его проливной дождик, и на нем не осталось сухой нити. Возвратясь на квартиру, он разделся и приказал господину Цейзингу, который при нем тогда находился, постараться, чтобы его мундир был высушен к обеду, к которому приглашены были все находящиеся на смотре генералы. Цейзинг взял мундир; надобно было сушить его тотчас, но боялись, чтобы сукно от такой поспешности не село и для избежания этого уговорили

[На этой незаконченной фразе текст анекдота обрывается.]

4.

Доктор Фовлер, епископ Глочестерский, очень часто спорил с адвокатом Повлером о привидениях. Епископ утверждал, что они существуют, адвокат утверждал, что нет.

Однажды разговор опять коснулся этого предмета, и Повлер, которому давно уже он сделался скучен, сказал епископу с важностию: «В самом деле, я начинаю думать, что вы правы. Вот что случилось со мною в прошедшую ночь. Я лежал в постеле и не мог заснуть. Пробило полночь. Вдруг слышу шорох; кто-то идет по лестнице!..» — «В самом деле!» — «Без шуток!» — «Я отдергиваю

занавес кровати! Шорох ближе! Вдруг показался бледный свет». — «И, верно, голубоватый!» — «Да! Я смотрю! Кто-то вошел: высокий, сухой, бледный; брови, нависшие на впалые глаза, щетинистая борода; два или три клока седых волос на плешивой голове; в руке суковатая палка — словом, мертвец, вставший из гроба! Я затрепетал, и меня облил холодный пот. Медленным шагом приблизился к постеле моей ужасный призрак». — «Можно ли? Но скажите скорее, говорили ли вы с ним?» — «Он не дал мне времени и первый начал говорить: три раза стукнув своею клюкою в пол так, что окна задрожали, осветил он мне лицо своим огнем и сказал гробовым голосом: "Я ночной сторож! Пришел тебе сказать, что ты забыл запереть дверь и что тебя непременно обокрадут"». — Фовлер не ожидал такой развязки; он не сказал ни слова и с тех пор никогда не спорил о привидениях.

5

Вот забавное завещание, оставленное графом Пемброком.

Я Филипп граф Пемброк и Монгоммери, имею в слабом теле очень твердую память; помню, что я пять лет тому назад подал голос против старого Кантербури; и что за год перед этим видел государя своего на эшафоте. Смерть меня гонит, и я, привыкнув во всем уступать моим гонителям, спешу написать свою духовную.

In primis. Что принадлежит до души, то признаюсь, что я очень часто слыхал о душе. Но что такое душа и к чему она служит, это знает один Бог. Итак, если по смерти моей найдется у меня душа, то возвращаю ее тому, от кого получил ее.

Item. Оставляю по себе свое тело. Удержать его за собою не могу, потому что доктора порезали его в куски. Прошу похоронить его как водится в земле, а земли на то у меня довольно, и с церквами; только не класть меня за оградою церкви, а на святой земле, на кладбище: не хочу, чтобы я был похоронен там, где родился полковник Прайд.

<МЫСЛИ О ВОСПИТАНИИ>

Общие понятия

Воспитание не может творить; оно только способствует к совершенному развитию того, что сотворила природа.

Главные правила:

1. Пробуждай и образуй каждую способность, которую воспитанник имеет вообще как человек и в особенности как лицо (individum) — для всех сословий.

2. Единство и гармония с образованием. Не давай правил, но готовь его к будущему.

3. Направляй пробужденную силу ко всему, что разум находит достойным человека, средствами, согласными с правами существа разумного.

4. Главная цель твоя да будет согласование свободы с рассудком, ибо на сем основано нравственное достоинство человека.

NB

Воспитание может образовать и усовершенствовать только то, чего есть *начало* в человеке. Оно помогает развитию, образованию, усовершенствованию того, что есть в зародыше. Образуя общее, человеческое, оно образует и частное, личное. Действует не вопреки натуре, а согласно с натурою. Имеет в виду *всего* человека: тело, ум, чувство, волю. Видит *одно* назначение для всех, но ведет к нему *разными* путями. Цель его уничтожить мало-помалу узы, бременящие душу, расковать человека, ввести его в область свободы разумной. (Свобода — знание добра и зла и способность избирать первое и отвергать последнее, всегда и везде вопреки страстям и судьбе). — Оно не может и не должно *всего* делать: человек должен быть воспитанник *необходимого* в природе, *случайного* в жизни, и ума посредством воспитания по правилам и с целью. — Одно *человеческое* (то, что человек может быть как человек и лицо как лицо) есть главный предмет воспит<ания>. Оживлять, поддерживать и направлять природу. — Снять все оковы, могущие обременять внутреннюю свободу; избавить от неволи тела, чувственности, предрассудка, заблуждения, страха, чувств мелких, самовластия (Willkür) людей. Для всего этого должно соединить физическое, умственное, эстетическое и нравственное воспитание. *Вне* он под влиянием необходимости и обстоятельств, *внутренне* принадлежит себе. Свободная покорность необходимому с совершенною независимостью внутреннего.

Воспитывай для высшего идеального мира. — Воспитывай не сообразно с *настоящим* состоянием человечест<ва>, а сообразно с общею идеею человека. Настоящее не может быть неизменяемым, следовательно, не должно служить правилом не ложным. Ступень, на которой мы теперь, не есть верхняя, далее которой продвинуться нельзя. (Не экзальтация, не химерическое, но высокое, возможное знание того, что есть, и того, что быть может, стремление к добру, которое в уме и сердце, а не в окружающем, Humanität.)

Знание лучшего не есть еще презрение того, что есть, и вражда с существенным. Устремляй глаза воспитан<ника> на зло, его окружающее, но знакомь его с нежным, благородным, прекрасным — тогда несовершенство существенного не будет для него обольстительно; и он не потеряет <важности> житейской, а будет способен только иметь чистейшие и возвышеннейшие наслаждения. Энтузиазм к истине, добру и прекрасному весьма может быть согласован с ясным и правильным понятием о существенности. Лучшие наши

радости заключены в деятельном возвышении. Действуй он для добра: знание, что действует, удовлетворяет вполне (1.416).

Счастье заключено в нашем хотении и действии с высокою целью. — Каждый честно делай свое и воспитай стремление к тому, чтобы каждого довести до *возможного*. Столько испытать и столького достигнуть, сколько испытал и чего достигнул как человек он может и как лицо способен. Принцы стоят на степени исключительной, менее ограничены, нежели другие. Им более, нежели другим, должен быть открыт высокий мир идеальный, но и существенный также показан во всей своей истине, так, чтобы идеальное было не разрушителем, но животворителем существенного (422).

<ГОЛИК И ЗОЛОТО>

Кусок прекрасный золотой руды лежал в горне на сильном огне. Голик смотрел на него из угла и так рассуждал вслух сам с собою: «Бедное золото! Жаль мне тебя! Как тебя жгут и мучают. Какому жестокому тирану ты досталось в руки!» Между тем огонь погас, и золото вышло чистым из горнила. Из него сделали крест, и люди стали в нем обожать символ спасения! И в сильном пылу огня оно не роптало на судьбу свою. Оно верило горну, и то толкнуло его в горн, знало оно, что без огня нельзя быть чистым и радовалось жгучему пламени, которое возвышало его достоинство.

Глупый голик! Можешь ли судить о золоте! Положи его на огонь — загорится, разлетится дымом, и после него останется горсточка пепла. Но золото!

Родной брат этого очищенного золота, оставшись в глубине земли, услышал о том, что брата его положили в горн. Он забыл на время его назначение и думал только об окружающем его пламени! Сам золото, сам созданный для чистоты, он страдал, воображал, что брат его страждет! Но ему послышался знакомый голос: не жалей обо мне. И ты и я золото! Огонь пылал — это правда! Но золото должно быть чистым. Кто осмелится сказать, видя его очищенным: *жаль, что его положили в горн*. Голик может охать, смотря на огонь, но только, кто сам золото, подумает со смирением: *огонь на минуту, чистота навсегда*.

<ЗАПИСЬ В АЛЬБОМЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА>

Христос воскресе! В этом слове заключается вся судьба человека и то, что он некогда был, и то, что он может быть на земле, и то, к чему предназначен за гробом. Вякое земное величие исчезает пред величием этого слова, всякое зем-

ное несчастие уничтожается перед его небесным утешением, всякое истинное сокровище души становится в нем неизменным, прямо нашим, на всю жизнь и далее жизни. Оно возвышает наш ум в веру, наше чувство в надежду, нашу волю в любовь, оно дарует человеку его прямое достоинство: смирение.

Христос воскресе! А этим благовестительным словом встретил Вас народ московский в минуту вашего рождения. То был день прекрасный[1].

Как ясный Бог, горело солнце славой,
Из храмов глас молений вылетал,
И тишины исполнен величавой
Торжественно державный Кремль стоял…
На празднике великом воскресенья
Народ теснился ко ступеням алтаря,
Смиренно ждал надежды совершенья,
Ждал милого пришельца в Божий свет…
И он рожден в великом граде славы
На высоте воскресшего Кремля,
Здесь возмужал орел наш двоеглавый,
Кругом его и небо и земля,
Питавшие Россию с колыбели,
Здесь жизнь отцов великая была,
Здесь битвы их за честь и Русь кипели,
И здесь их прах могила приняла —
Обманет ли сие знаменованье?
Пусть от пелен во свет он перейдет
С душой на всё прекрасное готовой,
Наставленный: достойным счастья быть,
Великое с величием сносить,
Не трепетать, встречая рок суровый,
И быть в делах времен своих красой,
Лета пройдут… Подвижник молодой
Он полетит в путь опыта и славы.
Да встретит он обильный честью век.
Да славного участник славный будет,
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий: *человек*,
Жить для веков в величии народном,
Для блага *всех — свое* позабывать,
Лишь в голосе отечества свободном
С смирением дела свои читать:
Вот правила царей великих внуку[2].

Это было написано тогда мною. В то время я еще не подозревал, какое место мне судьба подле вас готовила. Я просто пророчил, следуя велению сердца. Теперь наступило время, в которое пророчеству моему должно оказаться справедливым или ложным. Надеюсь на первое.

Христос воскресе! Это благовестительное слово слово встретило вас при входе вашем в храм, где надлежало совершиться вашему первому решительному действию, вашей присяге. Но что же и весь мир, как не храм Божий? Что наша жизнь, как не всегдашняя присяга перед Богом? А в жизни не все ли, беспрестанно, везде и явно и тайно повторяет нам: Христос воскресе!

Ваша присяга произнесена, Бог вас слышал: теперь всё свойства вашей жизни должно перемениться. Беззаботное ребячество кончилось, время спокойной *безусловной покорности чужому руководству* прошло, и хоть вам еще нельзя обойтись без помощи руководителей, но уже для вас настала более трудная пора *произвольной покорности долгу*; совесть вступила для вас в строгие права свои, ответственность за себя теперь вы приняли на самого себя, ибо вы ясно понимали то, что говорили перед святым Евангелием, в присутствии государя и отца, перед надеющимся на вас отечеством… Но вам остается еще несколько лет свободных, и ваша существенная теперь обязанность, ваша верность данной присяге должна состоять единственно в том, чтобы по совести воспользоваться остающимися годами свободы, чтобы утвердить свой характер, дать зрелость уму, скопить необходимые для будущего знания и правила поступков, чтобы, одним словом, приготовиться к высокому своему назначению.

Наконец, говорю вам: Христос воскресе! как утешительное слово при первом несчастии жизни, говорю именем того, кто уже вам никогда его не скажет на этом свете[3]. Кто был вашим первым и лучшим другом, кто за вас положил свою душу, и чье последнее слово на земле было ваше имя. В Христианском братском привете моем примите и его прощальное слово любви, и его завещание на здешнюю вашу жизнь и его надежду на радостное свидание с вами там, где *у отца обителей много*. Примите это несчастие, как дар Божий: оно послано вам от Промысла в благую минуту, при самом первом приступе вашем к жизни, когда вы, как наследник великого государства, увидели около себя весь приманчивый блеск земного могущества и, может быть, им пленились… и что же? Рядом с этою земною славою гроб лучшего друга. Не ясно ли действует здесь Бог, воспитывающий нашу душу и земными радостями и земными печалями? Открывая перед вашими глазами с одной стороны всё великое земное, он дает вам в то же время испытать и великую земную утрату, утрату верного друга. Для чего же? Не для того ли, чтобы вы теперь же ясно поняли, что наша жизнь не для неверного человеческого счастия, а для верной Божией правды. И в самом деле что было истинно великого в ту минуту, когда вы присягали?

Одна ваша присяга. Всё прочее было одно блестящее привидение; люди, окружавшие вас, и вы сами должны исчезнуть и слишком скоро: но вы уже на опыте знаете, как время летит быстро. И этот царский дворец, в котором все эти люди собрались на поклонение вам, переменит вид свой, другие праздники на поклонение другим соберут в нем других людей, и самые стены, иначе украшенные, перестанут напоминать в нем о тех, кои были когда-то в нем прежде. Но присяга, данная перед Богом и исполненная перед людьми, останется жива с нашею душою, следственно останется жива вечно, не умрет и в памяти людей… В эту минуту, когда вы стояли перед Евангелием, будучи всеми мыслями преданы той святыне, которая вас окружала, я думал: если душа наша, покинув землю, сохраняет воспоминание о том, что мы любили на земле, то в эту минуту, подле него невидимо присутствует душа друга: это без сомнения так и было. Поверьте, настоящей разлуки с ним для вас еще нет, она была бы только тогда, когды бы вы или его, или себя забыли. Помните же и любите его, как живого, и живите так, чтобы воспоминание о нем было для вас не горем, а утешением.

22-го апреля 1834.

МАТЕРИАЛЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К «СОБИРАТЕЛЮ»

1

Свет и любовь

В начале всё было безобразно и пусто — хладное дно морское. В диком беспорядке лежали неподвижные стихии. Но дыхание жизни повеяло от уст [Вседержателя] [Создателя] Всемогущего, и [оковы ледяные] цепь ледяная рушилась. Жизнь подобно голубице, гнездо свое согревающей, распростерла теплые материнские крылья.

Всё встрепенулось, всё устремилось к рождению. Тогда явился первенец Божий, тихо чарующий *свет*.

И сладостный *свет* и *любовь*, носившиеся над водами, взлетели к небесам и соткали лазурь золотую; спустились в глубину, и всё наполнилось жизнью. [Из глубины] вышла земля, Божий алтарь, и землю осыпали они вечномолодыми цветами, и жизнь поселилась в каждой земной пылинке.

И увидя, что море и глубина, и воздух, и земля были исполнены жизни, они погрузились в тихое размышление, и потом сказали друг другу: Сотво-

рим человека; да будет он образом того, кто светом и любовью созданы: небо и земля. И жизнь пролилась в [прах]; и Божественным светом блеснуло лицо человека. Любовь избрала жилищем своим его сердце. И [вечный] отец благосклонно воззрел на создания: всё пропитано было его вечнодействующим светом, его жизнедеятельною и благостною любовью.

Почто же ропщешь ты, праздный мудрец, повсюду видишь в [творении] [мироздании] создании хаос! Хаос устроен. Устрой самого себя. В деятельной жизни счастье человека; в свете и любви блаженство Создателя.

2

<Тимолеон>

Дионисий[1], [захватив] [овладев] получив верховную власть, тиранствовал в Сиракузах: [часть] слабейшие из граждан смиренно покорились его [скипетру] мнению; другие, более твердые в любви к отечеству и свободе, [обратились к] призвали на помощь Гикета, царя Леонтинского[2]. В то же время карфагеняне с сильным флотом [явились у] приплыли к берегам Сицилии и были готовы поработить весь остров. Устрашенные сиракузяне обратились к Коринфу, требовали через послов защиты, и коринфяне, верные своим соплеменникам и [посланию] [постановлению] не участвовать в междуусобицах, которые возмущали в то время Грецию, решились немедленно послать войско в Сицилию. Долго собрание народное было в недоумении, кого назначить военачальником. Вдруг послышался голос из толпы: Изберите Тимолеона. Сей голос почетался оракулом Божества, и Тимелеон был избран единогласно народом.

Тимолеон знаменитой породы был друг отечества, кроткий сердцем, верный [дружбе]; в юности мудрый как старец, в старости мужественный как юноша, был враг непримиримый тиранства. Он имел брата, именем Тимофана[3], которого любил нежно, которого некогда [спас от смерти в сражении] с опасностью собственной жизни спас от погибели в сражении, но брат сей нимало не сходствовал с Тимолеоном. С великим мужеством он соединял необузданное честолюбие и страстное желание овладать верховною властью. Скоро открылся благоприятный к тому случай: ему вверено было начальствовать над четырьюстами наемных воинов, вступивших в службу Коринфа; с помощью их он поработил город и сделался жестоким самовластителем. Напрасно убеждал его Тимолеон отказаться от ненавистного тиранства: убеждения братской любви оказались безуспешными, и тогда Тимелеон решился принести ужасную жертву отечеству и свободе. В сопровождении двух друзей приходит он к Тимофану, снова умоляет его переменить поступки, быть гражданином, а не тираном. Но Тимофан, который сначала ответствует смехом, потом бешенством, остается непреклонен.

Тогда Тимолеон, отойдя в сторону, закрывает от стыда лицо и начинает плакать, а спутники его бросаются с обнаженными мечами на Тимофана и умерщвляют его. Сие ужасное происшествие поразило коринфян. Одни, прославляя величие души Тимолеоновой, говорили: «Он добр [душою] и кроток со всеми; он нежно любит своих, но он предпочел общее благо узам родства, а должность влечению сердца! Он не пожалел жизни своей для спасения брата, когда он погибал, сражаясь за отечество, но для спасения отечества он не пожалел жизни своего брата». Другие, напротив, радуясь погибели тирана, именовали Тимолеона братоубийцею, достойным ненависти богов и [человеков]. В числе последних была и его мать[4]: она прокляла своего сына и не хотела терпеть его присутствия. Ужасная горесть овладела душою Тимолеона; ум его почти помутился; сначала он хотел себя умертвить; отказался от пищи, но потом, убежденный друзьями, остался жить, но покинул город; скрылся в уединении, бегал людей, и ничто не могло усладить безутешной его печали.

Так провел он двадцать лет. Вдруг наименовали его полководцем коринфян в Сицилии. «Иди, — сказали ему граждане. — Из поступков твоих мы узнаем, кто ты: [губитель] тирана или братоубийца!»

С малым числом воинов поплыл Тимолеон в Сицилию. Там надлежало ему бороться с врагами [многочисленными], бесчисленными: с царем Дионисием, с карфагенянами и с самим Икетом, который из защитника Сиракуз сделался их предателем и притеснителем. Но (2 нрзб.) мужество Тимелеона всё [победило] одолело. Первый блестящий успех привлек на его сторону многие города Сицилии; союзники увеличили его войско. Дионисий предал себя произвольно во власть его и был отослан им в Коринф, где кончил дни в забвении, снося терпеливо, но без (2 нрзб.) себя учить; Гикет (нрзб.) был [побежден]; карфагенское войско претерпело решительное поражение, тем более чувствительное, что оно составлено было из наемников и более из карфагенян, коих великое число погибло. Трофеи сей победы украсили храмы Коринфа.

В короткое время Сиракузы были освобождены. Сицилия очищена от врагов иноземцев, тиранство повсюду уничтожено и распространилось спокойствие. Душа одного человека еще ожидала.

3

<Эпаминонд и Пелопид>

Эпаминонд родился в Фивах, от знатных, но бедных родителей. Он был современник Пелопиду, с которым соединен был нежнейшим дружеством, невзирая на различие их склонностей и обстоятельств. Пелопид был один из богатейших граждан фивских. Эпаминонд же один из беднейших. Пелопид любил роскошь и блеск; Эпаминонд любил свою бедность, не желал приобре-

тать богатства и во всю свою жизнь остался бедным. Пелопид любил только один военный шум; Эпаминонд любил науки и уединение. Он был набожен, добродетели весьма строгой, но не презирал и приятных дарований. Например, он играл на флейте, на лире, умел петь и танцевать [зачеркнуто] был искусен в плясках. Эпаминонд считался красноречивейшим оратором своего времени; но больше всего искуснейшим воином. Первое сражение, в котором он находился, было при Мантинеи в Аркадии. Тогда Эпаминонд сражался как простой воин под знаменами Спарты и на том самом месте, где впоследствии унизил могущество сей гордой республики, одержав знаменитую над нею победу. В сем сражении фивяне были противу своей воли союзниками спартанцев. Аркадцы сражались храбро и лакедемонцы начали уже уступать, когда Эпаминонд и Пелопид, соединя щиты свои, выдержали нападение неприятелей. Пелопид получил семь ран и упал, обагренный кровию. Эпаминонд закрывал его собою и отражал тех, кои хотели схватить друга его. Но силы его истощились, и он готов был погибнуть, когда лакедемонцы, имевшие время справиться во время сей борьбы, подоспели к нему на помощь. Аркадцы были разбиты.

Ни блестящие обещания царей персидского и фессалийского, желавших иметь его в своей службе, ни убеждения дружбы не могли поколебать его строгой добродетели. Пелопид старался уверить его, что богатство нужно для того, чтобы делать добро. «Да, — отвечал Эпаминонд, — оно нужно таким людям, каков Никодем[1]». Этот Никодем был слеп и хромал. Эпаминонд видел, что спартанцы приобрели первенство над прочими республиками Греции своею умеренностию и потому старался собственным примером внушить согражданам своим те строгие добродетели, кои украшали Спарту и составляли ее силу.

Аристократическая сторона, будучи слабейшею и желая усилить себя союзом с лакедемонцами, сдала цитадель фивскую, Кадмею[2], спартанцам, которые овладели ею в мирное время; все начальники народной партии были изгнаны, а особливо Пелопид. Эпаминонд, будучи почитаем миролюбивым философом, остался в Фивах под защитою своей бедности. Года через три или четыре составился заговор, чтобы уничтожить аристократическое правление и изгнать спартанцев из Кадмеи. Эпаминонд не хотел участвовать в сем заговоре, хотя начальником оного был друг его Пелопид. Он знал ужасные последствия, неразлучные с таковыми покушениями. Намерение Пелопида и сообщников его было увенчано совершенным успехом; спартанцев прогнали из Кадмеи, но бедствия, которые предвидел Эпаминонд, обрушились над Фивами. Кровь полилась реками, и победители, дабы уничтожить своих неприятелей, убивали детей в объятиях умирающих отцов. Эпаминонд употребил все возможные старания прекратить убийства, что наконец ему и удалось. Народное правление было восстановлено, но Лакедемона объявила войну Фивам. Пелопид был избран полководцем фивийским, он прогнал спартанцев, и столь

невиданный успех изумил Лакедемон. Досель никто не мог ему противиться даже и с равными силами, тогда как фивяне одержали победу сию с меньшим числом войска.

Греция, утомленная беспрерывными войнами, желала мира. Все греческие города послали депутатов своих в Лакедемон. Эпаминонд прибыл туда с прочими фивскими депутатами; ему было тогда сорок лет, и он не имел еще никакой военной славы.

Вместо того, чтобы положить основание прочного мира, Спарта, споривша я с Фивами о первенстве между городами Греции, объявила войну фивянам. Эпаминонд был назначен фивским полководцем; второй после него был Пелопид. Хотя спартанская армия и была гораздо сильнее, но Эпаминонд разбил ее совершенно близ Левктр в Беотии. На все поздравления, которые ему делали, он отвечал: «Меня больше всего радует то, что я одержал эту победу еще при жизни моих родителей».

Через два года после сражения при Левктрах Эпаминонд вместе с Пелопидом вступил в Пелопонес. Он повелевал семидесятитысячною армиею, составленною из воинов различных наций. Союзники лакедемонцев были поражены ужасом, и земли их опустошены. Сия многочисленая армия явилась перед Лакедемоном. В течение нескольких столетий едва ли осмеливались делать ничтожные нападения на границы Лаконии, и никогда спартанки не видывали огней неприятельского лагеря. Тогда Агезилай[3], один из королей спартанских, явился опытным предводителем храброго народа. Он укрепился на высотах города и с помощью афинян принудил неприятельское войско отступить без сражения за недостатком съестных припасов. Но Эпаминонд прежде отступления своего разорил Лаконию. Возвратясь в Фивы Эпаминонд, Пелопид и все начальники воинства должны были ответствовать в суде за то, что удержали начальство над армией четыре месяца долее, нежели сколько предписано законами, преступление весьма важное. Эпаминонд требовал, чтобы все начальники возложили вину на одного него. Он признал обвинение справедливым и сказал: «Закон осуждает меня; я заслужил смерть; но прошу единственной милости, чтобы смертный приговор мой заключался в сих словах: Эпаминонд осужден на смерть фивянами за то, что принудил их победить спартанцев, с коими до сего не смели сражаться; за то, что сею победою он спас Фивы и освободил Грецию, за то, что он осаждал Спарту, которая едва спаслась от гибели, за то, что он возобновил Мессену». Фивяне одобрили речь сию, а судьи не осмелились приговорить его к смерти. Партия, противная Эпаминонду, восторжествовала; его успели очернить в глазах народа и при раздаче должностей Эпаминонд был назначен наблюдать за чистотою города. Он возвысил сию должность и доказал, что не место украшает человека, но человек украшает занимаемое им место.

Пелопид был отправлен посланником к Александру[4], тирану Ферскому, который удержал его в плену. Фивяне объявили войну Александру, но Эпаминонд был исключен из числа начальников войска. Полководцем был назначен Клеомен. Эпаминонд нимало не медля вступил простым воином в ту армию, которая шла освобождать друга его. Армия под предводительством неискушенных полководцев была побеждена и была бы совершенно разбита, когда бы по единодушному согласию не вверили начальство над оною Эпаминонду, который привел ее обратно в Фивы. Фивяне поручили ему начальство над вновь собранною армиею, которую послали против Александра. Во всех сшибках тиран был разбит, нашелся принужденным согласиться на все требования фивян и возвратить свободу Пелопиду. Сей последний в другой войне противу того же Александра погиб от собственной неосторожности. Эпаминонд желал видеть фивян столь же сильными на море, как и на суше. Он согласил народ вооружить сто галер и будучи назначен начальствовать сим флотом, принудил Родос, Хио и Византию отложиться от афинян и вступить в союз с фивянами. Возгорелась война между тегеастами, за которых выступали фивяне, и мантинейцами, которых поддерживали спартане. После упорного сражения при городе Тегеи, в коем восьмидесятилетний король спартанский Агезилай оказал чудеса храбрости, Эпаминонд, не одержав желаемого успеха, принужден был отступить, но дабы загладить сие неудачное сражение, Эпаминонд пошел с войском своим в Аркадию и близ города Мантинеи одержал над спартанцами столь же блистательную победу, как при Левктрах, но во время сего сражения был ранен дротиком, железо осталось в груди его. Сие неожиданное происшествие остановило кровопролитие, армии [разошлись] с обеих сторон остановились и наконец разошлись. Эпаминонд чувствуя приближение смерти, потребовал к себе Голида и Лаифанта, коих находил достойными принять после себя начальство над войском. Ему сказали, что и они погибли в сем сражении. «Так уговорите же фивян заключить мир», — сказал Эпаминонд. Он умер на месте битвы при Мантинеи 4-го июля, за 363 года до Рождества Христова. Здесь воздвигли ему памятник и трофей. После смерти Эпаминонда сила фивян перестала быть страшною для Греции.

4

<Речь философа Аполлония>

После двадцатилетнего царствования Марк Аврелий кончил дни свои в Вене, где занимался тогда войною с германцами. Тело его привезено было в Рим, где приняли его слезами и скорбью непритворною. Сенат в одежде печальной вышел на встречу гроба. За ним следовали народ и войско. Сын Марк Аврелия провожал колесницу. Медленно было шествие; все молчало, вдруг из толпы

народа выходит старец высокого роста, величественный видом. Все узнали Аполлония, стоического философа, почтенного более по добродетели, нежели по летам. Он был строгий последователь учения своей секты, некогда был наставником, а после и другом Марк Аврелия. Он приблизился ко гробу, долго прискорбный смотрел на него, наконец, возвысив голос, сказал:

«Римляне, вы потеряли великого человека, а я потерял друга. Не плакать пришел я над мертвым его телом. Одни злые по смерти своей достойны плача. Зло ими сделано, и уже не могут они его исправить. Но тот, кто был шестьдесят лет добродетелен, кто двадцать лет счастливил людей, кто в течение жизни долговременной не впал ни в единое заблуждение, кто на престоле всегда был добр, справедлив, благотворителен, великодушен — его ли оплакивать? Римляне, погребение праведного мужа есть торжество добродетели, отходящей к Богу всевышнему. Освятим сей праздник нашею хвалою: Добродетель не имеет в ней нужды! но благодарности нашей она необходима. Великие люди подобны богам: осыпанные их благотворениями, не властны мы наградить их, но мы имеем для них гимны. О римляне, дайте мне в присутствии вашем пройти минувшую жизнь Марк Аврелия, готовый сойти в могилу, хочу хвалою ему возвеличить последние минуты бытия моего. А ты, наследник его и сын, склони внимание к добродетелям и делам отца своего. Ты должен царствовать; лесть ожидает тебя, дабы развратить. В последний раз, быть может, услышишь ты голос свободный. Отец твой, ты знаешь, не приучил меня к языку рабства. Он любил истину: истина произносит ныне хвалу ему, да позволят боги, чтобы она же произнесла ее некогда и тебе.

Обыкновенно желающие хвалить мертвых начинают хвалою их предков, как будто великому нужно происхождение знаменитое, как будто недостойный может быть возвеличен достоинством, ему не принадлежащим. Не будем, римляне, оскорблять добродетель мыслию, что ей нужна порода. Из потомства кесарей имели вы четырех тиранов сряду, а Веспасиан, первый поднявший империю, был внук центуриона.

Прадед Марк Аврелия родился на берегах Тага, вместо знаменитости принес он с собою в Рим те чистые добродетели, которые ныне только в отдалении от Рима обретаются, простоту и древние нравы. Сие наследие сохранилось в его потомках и в нем заключается истинное благородство Марк Аврелия. Я знаю, что он был родственник Адрияна, но честь сию почитал он только опасностию. Знаю, что ласкатели хотели произвести его от Нумы, но он довольно был велик, чтобы пренебречь сею суетностию гордых; он видел славу свою в единой справедливости.

Возблагодарим же богов за то, что не с самого начала жизни своей был он назначен царствовать. Более сердец было развращено, нежели облагодетельствовано саном верховным; рожденный быть простым гражданином, он

сделался великим. Родясь наследником престола, быть может, остался бы он в толпе людей обыкновенных».

5

Подмосковная деревня

Русская повесть

Вступление

За Москвой, верстах в сорока, вправо от большой Коломенской дороги, живет в деревне своей помещик Лугов. Он все свое время посвящает хозяйству и воспитанию детей. Сыну его Андрюше десять лет. Катя, старшая дочь, моложе брата двумя годами, а другая, Лиза, тремя с половиною. По кончине жены своей Лугов собирался было в Петербург, чтобы там лучше воспитать детей своих. Но одно обстоятельство переменило его намерение. Скончался зять его Залесин. Сестра Лугова просила у брата позволения переехать из Рязани к нему в деревню с тем, что она будет смотреть за воспитанием его дочерей, а он бы не оставил ее Ваню, ровесника Андрюши. Привыкнув к деревенской жизни, Лугов рад был, что избавился от дальней поездки. Сестра его, женщина умная и хорошо воспитанная, могла заменить мать его детям. Сам он всегда любил учение. В книгах у него недостатка не было. Хотелось только ему заманить к себе в деревню для товарищества какого-нибудь умного и скромного молодого человека, у которого бы посвежее были сведения о нынешнем ходе наук. В это время прибыл из-за границы в бедную свою деревеньку молодой сосед его Пригорский. Он несколько лет путешествовал по разным государствам из любви к учению и рассеянности. Наконец ему наскучила кочевая жизнь. У Лугова нашел он порядок, тишину и ласковый прием. Его воображение пленилось картиной счастливого семейства. Он просил соседа, чтобы ему позволено было разделять общие труды их по воспитанию детей.

Еще в молодости разлучился Лугов в меньшим братом своим, который, наконец, женившись в Петербурге на богатой девице, утвердился там навсегда. Одному хозяйство, а другому служба не позволяли как-нибудь свидеться. Теперь общая забота о детях заставила их более заниматься друг другом. Они долго передавали взаимно мысли свои об их воспитании. Каждый защищал свое мнение. Напоследок положено было, чтобы старший брат, сильнее привязанный к своим правилам, сообщал в Петербург подробные известия о занятиях и успехах детей своих. Лугов учредил порядок: отправлять к брату в виде журнала каждую неделю все, что у них было читано, о чем говорено и пр., и пр.

Лугова журнал составляется из шести отделений:

Преподавание наук. Здесь он рассматривает не только преподаваемые науки детям, но самого себя и даже их в отношении к наукам. Не бывши никогда учителем по форме, он смотрит на всякую науку как на предмет ежедневных наших нужд, говорит о ней языком не книжным, но всеобщим разговорным и все отвлеченные истины превращает в практические занятия. Его замечания о детях касаются их понятливости, непредвиденных затруднений в учении, их характера, слабостей и утверждения добрых в них качеств. Говоря о себе, рассказывает он, что и как ему удалось сделать для детей хорошего, нового или поправить ошибочного.

Прогулки. Рассказ касается всего их общества. Всякие любопытные явления в природе, примечательные произведения природы или рук человеческих, встречаемые ими, видимые ими занятия людей, их образ жизни, увеселения их, заботы, нужды: всё входит в него в это отделение. Здесь он старается показать, как вкус и чувство раскрываются в его детях.

Разговоры домашние. Пригорский особенно бывает предметом его рассказов в этом отделении. Путешественник занимает общество, давая ему понятия о всем, им виденном в своих странствиях. Лугов составляет из этого отдельные повествования, которые сильно действуют на воображение детей.

Чтение. Он рассматривает каждую книгу, русскую или чужестранную, которая занимает их общество; делает из них выписки и рассказывает, что способствовало наиболее к образованию детей его.

Увеселения. В их обществе развитие талантов соединено с другими забавами детского возраста. Подробности об их маленьких праздниках, где музыка и танцевание занимали детей. В этом отделении более подробностей вносит о занятиях г-жи Залесиной. Ее замечания о характерах детей.

Посторонние известия. Все, что действовало на детей извне: объявление новостей, извещения о бедных, приглашения в гости и проч.

6

<Русский Государь должен быть предпочтительно русским>

Русский Государь должен быть предпочтительно русским, но это не значит, что он должен все русское почитать хорошим потому единственно, что он русский. Такое чувство, само по себе похвальное, ибо происходило бы от любви к тому, что он любить более всего обязан, — предрассудок, вредный для самого отечества. Быть русским есть уважать народ русский, помнить, что его благо в особенности вверено Государю Провидением, что русские составляют прямую силу русского монарха, что их кровию или любовию утвержден и хранится трон их царя, что без них и он ничто, что они одни могут ему помогать действовать

с любовию к отечеству. Иностранец может быть полезен России и даже более русского, если он просвещенный. Но он будет действовать для одной чести, для одной корысти, редко из любви к России. Русский при честолюбии будет иметь и любовь к России, и русский с талантом и просвещением всегда будет полезнее России, нежели иностранец с талантом и просвещением. Если русских просвещенных менее, нежели иностранцев — то не их вина, вина правительства! Оно само лишает их способов стать наряду с иностранцами и потому не вправе обвинять их в том, что они уступают последним. Без уверенности народа, что Государь его имеет к нему доверенность, уважение и предпочтение, не будет привязанности народа к Государю. Замеченное предпочтение Государя оскорбляет народную гордость, а оскорбление народной гордости не прощается, она производит ненависть, может произвести и мятеж.

7

<Фундаментальное правило поступков>

Фундаментальное правило поступков. Какой бы случай ни представлялся действовать, действуй как скоро в действии есть справедливость, воздерживайся от действия как скоро справедливость в недействии.

Свобода человеческая особенно доказывается тем, что человек всегда *может* быть справедливым, то есть что он всегда может быть послушен должности. Счастлив тот, кого сердце стремит к исполнению должности — для того должность есть наслаждение. Но в добродетели наслаждение и счастье есть излишество роскоши. Действуй справедливо хотя бы то было и против влечения твоего сердца. Наслаждения никто от тебя не требует. А должность предписана тебе с жизнию. Если ты холоден сердцем к исполняемому тобою долгу, не притворствуй, кажись тем, что ты есть, но действуй как велит долг. Действуй по правилу, когда не можешь по сердцу, и кажись тем, что есть*.

Все назначение и достоинство в двух словах: *Бог* и *должность*. На них основываются строгие, непоколебимые правила всей его нравственности. Религия христианская дала им душу. К высоким понятием о Божестве она присоеди-

* Для чего притворствуют столь часто. Для того, чтобы избавить себя от исполнения должности. Казаться легче нежели быть. Но кто старается казаться, нарушает справедливость, ибо он обманывает, иногда себя, чаще других. Пускай и должность исполнена с совершенною холодностью, даже с отвращением, все дело нравственное — но если в исполнении показываешь более живости нежели сколько имеешь в сердце, то ты портишь нравственный поступок несправедливостью —

Побуждение
Отдельное действие
Гармония в действиях.

нила чувство. До Иисуса Христа человек возвышался мыслию к Богу и в мире незнакомом и чуждом искал законов для обитаемого им нравственного мира. В Спасителе Божество явилось земле и отвлеченные суеверные понятия ума обратились в ясное смиренное убеждение сердца. Тогда должность была правилом неумолимым; теперь должность есть благодарность.

8

<Бывают смутные времена>

Бывают смутные времена, в которые необходимо требовать великих пожертвований от народа — и народ, о котором правитель его пекся, как добрый отец, во дни покоя, произвольно и радостно принесет на жертву последнее, ибо он будет любить и верить.

Но если во дни спокойствия и изобилия народ обременен всеми бедствиями войны, если тот самый, кто обязан охранять его от хищного врага, расхищает, как враг, его имущество, если бедный народ, посреди мирного отеческого края, не только отказывает себе во всех радостях жизни, но и сносит все ее бедствия, как будто в осажденной неприятелем крепости, для того только, чтобы его Государь удовлетворял своей расточительности, обогащал своих любимцев и тратил не для народа, а на свои прихоти те сокровища, которые собраны народом в кровавом поте труда, то каких ожидать последствий? Они очевидны: народ мало-помалу сделается равнодушен к общему благу, в сердце его заронится искра мятежа, которая при первом удобном случае произведет ужасное пламя, и любовь его к Государю, столь же ему естественная, как детям любовь к отцу, уступит место ненависти. Кого тогда обвинять, если чувство ненависти обратится в дело ненависти, то есть в мятеж, народ ли, доведенный до сего чувства притеснительным правительством, или правительство, которое своими притеснениями произвело в народе сие чувство?

Народ возмущается — и всегда бывают беспокойные люди, которые доводят его до сей крайности. Но настоящая причина всякого возмущения есть почти всегда само правительство. Будь оно благоразумно, пекись оно с прямодушием о благе народном, и в народе не будет расположения к возмущению, и никакой возмутитель не подумает волновать его, ибо он не будет надеяться на успех своего замысла, напротив, будет бояться привязанности народа к правителю. Где правитель любит народное благо, там народ любит власть правителя, там власть есть благо[1].

9

<Власть Государя не надежна…>

Власть Государя не надежна, если она не в сердце его подданных. Напрасно будут проповедовать, что *она происходит от Бога*: этому верили слепо наши предки; но теперь такая слепая вера уже не возможна; народ начал мыслить. Можно принудить его молчать; но отнять уже у него пробудившуюся мысль невозможно. И правитель народа будет в несчастном заблуждении, если будет думать, что молчать и не мыслить одно и то же. Мысль притесненная сильнее свободной, и она опаснее, ибо притеснение не усмиряет, а раздражает.

Власть царя происходит от Бога — народ будет этому верить, но только тогда, когда сие божественное происхождение будет для него очевидно! А оно будет очевидно в одной только благотворности. В наше время Иоанн Грозный не мог бы называть правом Божественным своего ужасного права зверствовать и лить кровь по прихоти.

Сила Государя в сердце его подданных: иной опоры она иметь не может. Государь любим и уважаем своим народом только тогда, когда он любит и уважает народ свой. Силой не возьмет он ни любви, ни уважения; сан царский есть только средство, а не право. Если его ненавидят, то виноват не народ, а он сам. Было бы такое же безумство обвинять народ за ненависть к царю, самим царем произведенную, как негодовать на эхо, повторяющее звуки.

Государь России, будь русским в сердце твоем, чтобы быть в сердце русских. Россия видит в тебе своего представителя: если пренебрежешь теми, кого представляешь, то унизив себя, унизишь и их; и оскорбишь чувство народной гордости: такое оскорбление не прощается: будешь ненавидим, хотя бы имел и великие качества, хотя бы и великою славою покрылся для истории.

Быть русским Государем есть любить Россию, гордиться именем Русского, желать блага русским предпочтительно перед другими народами, действовать для того, чтобы поставить русских на ту степень, на которой стоят народы, более их образованные. Страстно желать, чтобы русские наравне с другими народами могли пользоваться всеми благами гражданства, даруемыми единым просвещением, наконец неусыпно стремиться к тому, чтобы облагородствовать и ум и характер их всем, что составляет истинное достоинство человечества. Такую любовь к России имел Петр Великий. Он знал, чего недоставало его народу, но он за то не презирал его, и от того именно имел он во всем успех. Государь, не уважающий народа своего, не властен сделать ему и добра: без любви к народу дела Государя мертвы: он строит на песке, на минуту, для разрушения.

10

<Что такое любовь к Отечеству?>

Частный человек любит отечество — по чувству, которое поселяют в нем сначала первые радости младенческих лет, потом благод<арность>.

Что такое любовь к отечеству? Первые лета младенчества, отец, мать, братья, друзья, родной язык, воспоминания лучшего времени жизни, деятельность в кругу своих и для своих — все это вместе сливается в одно чувство, которого не может произвести в нас никакая чуждая страсть, хотя и более облагодетельствованная природою и более счастливая порядком гражданским в гражданине. Любовь к Отечеству есть просто человеческое чувство. Но в Государе сия любовь есть чувство божественное. Государь любит свое отечество за то, что он его счастливит. Без любви к Отечеству государь не сделает ему никакого добра. А сделанное добро усилит и самую любовь.

От чего государи действуют часто так неуспешно и так часто не имеют никакого достоинства в глазах подданных? От того, что они в звании, выходящем из ряду званий человеческих, действуют как будто бы не видя сего звания. Полубоги действуют как люди. Без сего чувства звания своего Государь, и лучший человек, будет худой Государь. Все частные добродетели в Государе должны быть публичными. Имея одни первые, он еще не может быть Государем, последние совершенствуются первыми, но могут существовать и без них. Совершенство в соединении. Мало того, чтобы быть, должно и слыть.

Уважай народ и будет народ. Иначе будет толпа.

Люби то, чего хочешь, и будет успех.

Люби просвещение, и даешь жизнь просвещению. Будь сам светом и все осветишь.

Частный человек может утешаться в совести, если об нем судят несправедливо: он действует не на виду. Государь действует на сцене; если его осуждают, то он достоин осуждения, всеобщее одобрение не лесть. Ближайший льстит Государю, отдаленные судят о нем справедливо, ибо они составляют результат мнений. С частным человеком наоборот.

14 октября[1]**.** Теряю только несколько удовольствие самолюбия и несколько выгод корысти: но без них обойтись можно и счастлив тот, кому легко обойтись без них, кто сделал душу свою недоступною для презрительного чувства оскорбления, которое неразлучимо с лишением этих мелочных удовольствий. Об одном сожалею: о чувстве благодарности, о мысли, что сердце отца отдает мне справедливость и любит меня: это потеря истинного наслаждения, не нужного для того, чтобы привязать к исполнению должности, но веселящего, возвышающего душу, а потому и полезного ей, ибо такого рода чувства поддерживают и животворят силы. Не знаю, всегда ли выдержишь отсутствие таких подпор и

всегда ли будешь доволен одним голосом сердца. По крайней мере так думаю и чувствую на эту минуту.

* * *

За невнимание, за оскорбление негативное я не имею право покинуть своего места: я бы унизил понятие свое о моей возвышенной должности, если бы измерял ее по тем выгодам, которые были бы сопряжены с ее исполнением. Ее не продам никому. Но унижения сносить не должно. Не оказывая мне справедливости — возвышают меня перед другими. Оскорбляя мое лицо — унижают меня. Сего последнего позволять нельзя. Лишишься возможности исполнять с чувством свою должность и сей тяжкой жертвы приносить не имеешь права.

11

<Что такое общее мнение…>

Что такое общее мнение: приговор по большинству голосов. Один голос не значит ничего.

Властвовать низкими рабами незавидное счастье. — Государь тогда только может гордиться своим саном, когда его подданные — люди, облагородствованные свободою, нравственностию, религиею, просвещением. Тогда могущество Государя имеет в себе нечто божественное, а покорность подданных имеет характер богопочтения.

Для того, чтобы государство существовало, необходимо, чтобы правительство было сильно: силою хранить целость. Но цель Государя не власть, а благо! Царь рабов есть царь мертвых трупов или скованных зверей! Вокруг него кладбище или железные клетки! Беда, если вскрыть могилы: увидишь одно ужасное гниение! Беда, если клетки разломаются: звери не знают благодарности и не понимают блага законной власти. Они растерзают своего повелителя. Чтобы были твердые законы, чтобы была твердая власть — дай просвещение и не обижай свободу закона и будь раб законов. Право в царе нарушать и переменять законы не означает его силу, а только бессилие законов, тогда рабы царя суть детища законов и царская воля только в словах.

Любя свою должность и ограничивая себя ее исполнением, делаешься совершенно от всего независимым. Жить при дворе есть учиться или мудрости или подлости. Надобно выбирать одно из двух. Среднею дорогою идти нельзя. Надобно быть или рабом владыки или рабом долга. В первом случае унижение себя. В последнем случае сохранение своего достоинства. Но это сохранение не без тяжелых ощущений. И тот, кто ставит его выше всего, как человек, бывает подвержен тяжким испытаниям, которые именно тем тяжелы, что всегда *низко*

быть им подверженным. Нельзя так совершенно отделиться от всего, что *не истинное*, чтобы им только довольствоваться и быть нечувствительным для того, что попадает в тебя с низу. Но эти презрительные, неизбежные припадки, случающиеся в заразительном придворном воздухе, должны быть только на одну первую минуту; во вторую должны они проходить, а на душу не должны иметь никакого влияния. Какое мое положение? Я при уме и сердце наследника России. Вот всё. Живи в этой высокой атмосфере, пока от тебя зависит в ней жить и действовать. Не допускай до себя ничего, что так заразительно и так часто бывает убийственно в низкой. Пока ты не окунулся в нее, до тех пор ты свободен. Заботясь о воздаянии, сам себя делаешь наемником. Твой целитель твоя душа и тот, кто ее создал. В огорчениях, выше которых умеешь возносить себя, весьма много нравственно полезного. Каждое такое огорчение презренное и побежденное есть нравственная ступень, на которую поднялась душа твоя: она стала выше и получила более способности возвышаться. А жизнь нам дана для этого. Если бы мне сказать Государю свое мнение на то, как он со мною поступил, вот что бы я сказал: Вы мне вверили ум и сердце Вашего сына, следовательно, вы признали меня достойным Вашей доверенности. Если вы позволяете себе, сделав главное, не исполнять того, что вы обещали исполнять в отношении ко мне, то вы в противоречии с самим собою или с намерением хотите быть несправедливым. Во всяком случае вы у меня в долгу. Это для меня лучше, нежели когда бы я был в долгу у вас. Я свое дело делаю и хочу делать. Если вы не делаете своего, то это нисколько не заставит меня почитать моей должности менее священною, она от этого не теряет своей возвышенности, ни даже прелести.

12

Дух времени

Образование природы физической есть представитель образования человеческого рода.

В слоях, покрывающих неизвестное нам ядро земли, и в окаменевших первобытных животных видим предание до происхождения и развития земли — то же что предания и памятники древности для истории человеческого рода.

Нынешний мир физический стоит на развалинах древнего — нынешний мир политический также стоит на развалинах древнего.

Древний мир физический был миром борьбы и великих разрушений. Властвовала грозная сила. Могли существовать одни чудовища. Наконец явился человек. Грозная сила утихла. Вся цель физических изменений достигнуть возможности физической человеческой жизни.

Начала человеческого общества отвечают сим первобытным временам мира физического. Грозная сила властвует. Частные образования Греции, Рима

суть такие же явления жизни гражданской как явления чудовищ древнего физического мира, которых окаменелости находим в слоях земных — явление христианства может соответствовать явлению человека, а разрушение Империи Римской и все время Средних веков потопу, все поглотившему, после коего начинается новое образование.

Нынешнее время соответствует первым временам земли после потопа. Время всеобщего преобразования под радугой Завета. Сила начинает уступать закону. Цель сих революций, еще далеко не достигнутая: возможность человеческого благоденствия в обществе. Главное средство к тому — утверждение договора между властителем и подданным, из коих составлено каждое отдельное общество политическое, и соединение в один договор всех политических обществ, составляющих род человеческий. Результат отдаленный: общий порядок, то есть свобода всего благородного в человеке и стеснение всего вредного.

Дух времени нечто невидимое и тайно действующее во времена первобытные, когда чудовищное одно является в действии, он выражается только в частном. У древних египтян теократия. У всех азиатских народов и доныне деспотизм, все умерщвляющий. У римлян завоевания. У карфагенян торговля. Нет ничего общего. — В Средних веках дух времени продолжает быть так же невыраженным и тайно действующим. Чудовищное превозмогает, но есть противодействие в христианстве. Еще нет общего голоса, но есть уже тесное сношение народов, из общей борьбы выходит общее образование. — С книгопечатаньем дух времени получает голос и становится внятным, он выражается громко во времена Реформации: требует реформы духовной власти. Он выражается еще громче в наше время: требует реформы в отношении государей и подданных. Наше время есть переход из юношества в мужество; время утверждения общественного договора: обе условливающиеся стороны созрели и каждая может знать и сказать, что ей нужно для общего блага.

Но не все народы Европы стоят на одной степени: одни уже имеют все, что нужно для поднятия своего голоса, другие далеко от них отстают и им еще нельзя произнести своего требования, которое они еще и определить не могут. Но нужда одна для всех, ибо они составляют одно семейство. Одни должны быть допущены государями на совет, и обязанность государей состоит в том, чтобы согласоваться с ними для их и своего блага, здесь-то возвысится достоинство государей. За других должны действовать сами государи, кои со своего места должны видеть дальше и могут приготовить свои народы к переходу без потрясения к тому, чего уже достигли народы более зрелые. Во Франции, Англии и многих странах Германии государи должны утвердить договор с своими народами; в других землях и особенно в России Государь должен убедиться в неизбежности сего договора и сам готовить к нему народ свой, без спеха, без своекорыстия, с постоянством благоразумным.

13

Мысли, заимствованные из древних и новых классиков

Вся наша сила в душе и в теле: душа повелевает, тело покорствует; одна породы божественной; другое — человеческой.

Саллюстий[1]

В делах является истинное величие; лишь тот, кто способен владеть собой, достоин повелевать другим и может быть повелителем самой судьбы своей.

К. Пихлер[2]

Люби правду для правды; ищи ее беспрестанно, принимай ее от других, сообщай ее другим.

[Франклин][3]

14

Выписки

La dignité de l'homme consistait dans son innocence a dominer sur les creatures et a en user.

Pascal

Народ без литературы есть то же между другими просвещенными народами, что глухонемой между говорящими.

15

<Смертный! смерти учись на могиле вечного града…>

Смертный! смерти учись на могиле вечного града.
Гроб великого Рима! приличное место учиться,
Как разрешенья судьбы ожидать с равнодушным покоем.

16

<Евреи находят замечательные памятники…>

Евреи находят замечательные памятники в земле Ханаанской. В те времена, когда патриархи в сей стране обитали, они повсюду воздвигнули памятники бывшему. Еще показывали там места, на коих они жили. Колодцы, вырытые ими в сих странах безводных, для напоения семейств и стад своих; горы,

на коих приносили они жертвы Богу, на коих он сам пред ними являлся, камни, складенные ими на память потомкам, гробы, в коих покоились их прахи благословенные. И память сих великих людей была еще свежа не токмо в их земле, но и везде на Востоке, где многие славные народы никогда не забыли, что они произошли от их племени.

17

<Установления, институции суть не ограничение, а свобода государей>

Установления, институции суть не ограничение, а свобода государей. Государь самодержавный имеет только мечтательную власть. Если бы он мог быть в одно время и повелителем и исполнителем, то мог бы ручаться за свое могущество. Но он только произносит волю, а исполнение зависит от повинующихся. Институции суть дорога к цели: по ней идут, не опасаясь заблудиться, и повелитель и исполнители. Они суть карта мореходца. Без них державный кормчий при всей неограниченной власти своей на корабле правления не может странствовать безопасно. Всякое странствие его будет странствием Колумба, окруженного мятежными мореходцами. Он может доплыть к цели, угадывая ее своим гением, но успехом своим всегда будет одолжен счастью. Самодержец, ты думаешь, что ты всемогущ! Нет! ты в заблуждении. Ты властен только произнести слово повелительное — но произнеся его, ты предаешь его на волю твоих рабов, кои только стараются угадывать волю твою и не имея твердых правил действовать, покорствуют только тебе, а не по правилам, утвержденным для всех, искажают волю твою своим рабским повиновением, и действуют вопреки благу цели твоей, ибо имеют в виду только тебя и окружены мраком. А что если к тому еще примешают страсть и корысть. Институции суть зерцало государя и подданных. Они лампада правления. При них Властитель видит и цель свою, видит и действующих во исполнение воли его, которые не иное что как голос и сила незыблемого закона. Институции суть катехизис правителя и подданных. Без правил незыблемых нет и власти незыблемой, нет и повиновения твердого. Слово *должность* должно быть главное в лексиконе вел<икого> князя. Он должен помнить две вещи: живу для деятельности! Отвечаю за все Судии Верховному! Он должен видеть в своих наставниках представителей должности, так же покорных Верховному Судии. Он должен покоряться им не для того, чтобы не иметь своей воли, но для того, что они представляют для него все настоящие его должности и за него знают их — ибо ему еще нельзя иметь сего знания. Но должность само по себе такое же понятие для него, как и для них. Справедливость во всякую минуту жизни: верность слову, прямодушие, точность в действиях, порядок, уважение своего и чужого времени.

НЕИЗДАННЫЙ КОНСПЕКТ ПО ИСТОРИИ

История
Введение
[История]
I-е Памятники

Человек, по телесному составу своему есть скоропреходящий сын земли, по душе своей он есть вечный сын неба.

Жизнь его на земле кратковременна. Он родится, развивается, умирает.

Он привязан к своему бытию земному, знает свое земное ничтожество, но по врожденному чувству бессмертия стремится утвердить и на земле следы кратковременного здешнего бытия своего. Как Лапландец, привязанный к снежному своему климату, человек, хотя и назначен для бессмертия, но любит землю свою [земную отчизну] и желает на ней продлиться.

Он воздвигает памятники, сохраняющие след земной его жизни.

Памятник дает *неизменяемость* минувшему. Он неподвижен среди окружающего его движения. Он всегда в настоящем, но говорит о прошедшем для будущего[1].

Памятники могут быть или естественные или искусственные.

[Искусное] Всякое заметное произведение природы становится памятником человека, как скоро присоединится нему или вымысел или предание. Столпы Геркулесовы[2]. Атлант[3]. Гора Сипил близ Магнезии (Nioba)[4]. Такого рода памятники существуют всегда в пространстве.

Памятник искусственный существует или в пространстве или во времени*.

Памятник в пространстве или говорит о каком нибудь отдельном событии в жизни отдельного человека, или говорит вдруг о многих происшествиях, соединяет времена и эпохи, одни от других отдаленные. Огромный памятник часто подавляет своею огромностию воспоминания, с ним некогда соединенные. Целый город может быть памятником народа или человека. Простой памятник наиболее говорит воспоминанию.

Памятники во времени, так сказать, следуют за человеком и народом в их развитии. Праздники. Годовщины. Дни исторические.

Самый обширный из всех памятников есть язык. Язык называется *живым*, пока народ, им говорящий, действует на сцене мира, он называется *мертвым*, когда народ, им говоривший, перестал уже действовать. Язык заключает в себе всю массу понятия народа: он выражает природу, которая окружает его, события, означившие его жизнь, его сношения и слияния с другими народами. Сло-

* Далее три строчки зачеркнуто.

варь языка заключает в себе всю образованность народа. В нем можно отыскать следы и того, что не могло быть означено никаким другим памятником. Пословицы суть предания народной мудрости. Они часто служат памятниками нравов, обычаев и событий в разных эпохах.

II. Язык. Поэзия. Предание. [История]

Имя есть первобытный исторический памятник, заключающийся в языке. Именем отличается человек от человека, народ от народа. Отчеством означается происхождение; с прозванием слава отца переходит к сыну, слава предков к потомкам.

Великое дело, великое явление природы, высокое чувство, высокая мысль производят в душе *вдохновение*. Вдохновение требует языка, ему приличного, и с языком обыкновенным соединяется *гармония*, ощущаемая душою во всей окружающей нас природе. Рождается *поэзия*[5].

Первобытная поэзия прославляет дела великие. Героизм возбуждает поэтов. Поэзия в свою очередь возбуждает героизм.

Все выраженное языком грамматическим легче сохраняется в памяти. Песни поэтов становятся хранилищем прошедшего; как *предания* они переходят от отца к сыну, из поколения в поколение и минувшее в них живет для потомков.

Но предание, вверенное одной памяти, изменяется в течение времени. С ним соединяются *вымыслы*, и вымыслы, украшая истину, затмевают ее. *Письмо* дает неизменяемость преданию. С письмом рождается *История*.

III. История

Геродот, уроженец Галикарнасский, есть отец Истории и прозы. (Янусова голова[6].) Держа в руке нить преданий он от времен настоящих дошел до времен баснословных, где исчезает свет истины и начинается сумрак басни, за коим следует мрак неизвестности.

История его заключается в IX книгах, каждая из них названа именем одной из IX муз.

Геродот собрал предания народов в его время известных и особенно описал славную войну греков с персами, коей был современником. Он читал свою историю на торжественном собрании греков. В толпе, внимавшей Геродоту, находился юноша. Он плакал, слушая чтение Геродотово. Слезы его были прекрасные слезы восторга и соревнования. Сей юноша был Фукидид[7]. Он сам сделался великим историком, а его История в свою очередь воспламенила Демосфена, который оружием слова, окованным на Фукидидовой наковальне, долго сражался с могуществом Филиппа за слабую Грецию[8]. (Демосфен восемь раз переписал Историю Фукидида, которую наконец узнал наизусть.)

Что же История? Ее называют сосудом серебряным, заключающим в себе плоды золотые. По словам Цицерона, она есть душа памяти, толкователь прошедшего, оракул жизни, путеводный светильник истины[9].

Предмет Истории есть человек; человека можно рассматривать или *отдельно* как *человека* физического или *собирательно* как *род человеческий*[*]. История *рода человеческого* есть изображение жизни народов, каждого особенно и всех вместе, то есть История событий и происшествий. История *человечества* есть История образования рода человеческого, то есть История нравственного его усовершенствования. История в обоих отношениях есть история *воспитания рода человеческого*. Воспитатель — Бог; средства воспитания — происшествия. Цель воспитания — *возвышение* души в человеке, гражданства в народе,человечества в роде человеческом[10]. Мы идем к сей цели: Какие *естественные средства* имеем мы для достижения к ней и на какой сцене должны мы действовать, то показывает нам *наука природы*. Сколько прошли мы и как мы шли до сих пор, то показывает *История*. 3) Как действует ведущий нас учитель и чего он от нас требует, то показывает *религия откровенная*.

Бакон сравнивает Бога, человека и природу с лучом солнечным. Луч *прямой*, все в себе соединяющий, есть Бог; Луч *отраженный*, то есть принимаемый в полноте, есть человек; Луч преломленный, то есть разделяющийся на цветы разнообразные, есть природа[11]. Все тот же луч, все тот же Бог[**].

Действие истории есть оживление, просвещение и укрепление души нашей. Она *оживляет*, возбуждая соревнование, *просвещает*, изъясняя прошедшее, снабжая опытом в настоящем и советом для будущего; *укрепляет*, утешая душу мыслию о Проведении, воспитывающем человека и род человеческий для цели великой[12].

Важность Истории. Она укореняет в нас *уважение к человечеству*. В ней видим мы, как постепенно очищалось между людьми понятие о человеке и как мало-помалу возвысилось его достоинство. В лучшие времена греков и римлян знали только просвещенных и варваров, свободных и невольников. — Несколько избранных, наслаждаясь благами жизни, презирали или угнетали остальных им подвластных, или почитаемых ими ниже человека. — Христианство сделало людей братьями. Чистейшее понятие о Божестве очистило и понятие о человечестве.

---

[*] Далее строка зачеркнута. Напротив на л. 5 (который в данном случае выполняет функцию полей) Жуковский пишет вставку к этому месту: «Особенно можно рассматривать в человеке человечество, то есть его нравственное достоинство или то, чем он отличается от других живых созданий и их превосходит».

[**] На л. 5 напротив этого места Жуковский пишет: «Человек по душе своей способен постигать Бога непосредственно, то есть быть отражением прямого луча солнца; он же находит Бога в природе, то есть соединяет преломленный луч в один чистый».

Илоты в Спарте. Невольники в Риме. Продажа невольников. Пленные. Гладиаторы. Сатурналии[13]. Пытки.

XVII век. 1) Уничтожение торга невольниками. 2) Глухонемые (аббат Лепе[14]). 3) Тюрьмы и больницы (Говард[15]).

Человек.
Свойство

Человек есть малый мир (микрокосм), в нем так сказать отражается и повторяется все земное.

Он покорен *необходимости физической*, то есть он в тесной зависимости от окружающей его физической природы и в то же время он одарен *нравственною свободою*: он имеет способность *совершенствоваться*. Он создан для того, чтобы *возвышаться*, подвигаясь вперед, он не может ни остаться *неподвижным* и ни идти *обратно*. Три состояния: *Восхождение*, *неподвижность*, *обратность*. Некоторые отдельные народы могут находиться в одном <из> сих трех состояний, но род человеческий вообще находится всегда в первом.

Отношения

Подобный *точке пересечения*, в которой бесчисленное множество пересекающихся кругов может соединяться, человек особенно отличается множеством своих *отношений*. Главных — три: к *природе*, *человеку* и *Божеству*. Они выражаются в самом телесном строении человека, — посредством искусных *рук* своих он употребляет все окружающее его в свою пользу, и, так сказать, в природе творит другую природу.

Нужда физическая — отношения *промышленности*.

Посредством *языка* сообщается он с себе подобными. Нужда *нравственная* — отношения *общест<ва>*. Наконец *стан* его прям, голова его возвышается к небу: он возносится мыслию к Божеству. — Нужда *веры* — отношения *религии*.

Породы

По различию в строении физическом и происходящему от него различию нравственному, человеческий род может быть разделен на *пять* главных пород[16].

I. *Кавказская* или порода *белых*, самая чистая и, вероятно, коренная, она занимает всю Европу, западную и южную Азию и северную Африку.

II. *Монгольская* или порода *смуглых*, занимающая остальную Азию, кроме Малакского полуострова и крайний север Европы и Америки.

III. *Ефиопская* или порода *черных*, занимающая остальную Африку.

IV. *Американская* или порода *меднокрасных*, занимающая всю остальную Америку.

V. *Малакская* или порода *оливковых*, занимающая Малакский полуостров и все острова пятой части света.

В отношении *историческом* все сии породы можно разделить на *две*: на *историческую* и *географическую*. К первой принадлежит одна кавказская, к последней все остальные.

Кавказская порода есть, так сказать представитель рода человеческого, она идет вперед, образуется и образует. По *географическому положению* она занимает страны, наиболее способствующие развитию физическому и нравственному. По *строению телесному*, она представляет образец физической красоты и силы, по *образованности* она представляет наибольшее развитие нравственных способностей человека. Ее характер: *гражданство*[*], усовершенствованное законами [и конституциями]; богатство и утонченность *языка*; деятельность *промышленности*, *науки* и *искусства*, наконец *Религия* истинная и большая возвышенность в самых ложных религиях. Наконец, она одна имеет *Историю*. Образуясь сама, она сообщает и другим породам образование. *Завоевания* ее были благотворны; ей одной принадлежит *торговля* с своею *промышленностию*, *открытиями* и *колониями*. Ее характер есть *восхождение*.

Неподвижность и *обратность* составляют характер прочих пород. Их гражданство на самой нисшей степени. Состояние охотников или рыболовов или номадов и деспотизм; языки бедны и грубы; религия — *фетишизм*; промышленность — удовлетворение необходимости. Они не имеют Истории. Порода *монгольская* ознаменовала себя завоеваниями, но сии завоевания были одни разрушительные набеги, и История всех их может заключаться в пяти словах: *явились, грабили, разрушили, убивали, исчезли*. Между сими *китайцы* могут казаться исключением, но и их образованность имеет печальный характер *неподвижности*.

Итак, *История* рода человеческого объемлет одну *историю народов кавказского племени*; все прочие племена принадлежат *географии*.

<ОБОЗРЕНИЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ>

История объясняет нам, как род человеческий достигнул постепенно до того состояния, в коем теперь его находим.

Изображая, как человек в разные времена действовал и какие следствия имели его действия в пользу или во вред человечества, она научает нас, как мы должны действовать.

[*] После слова «гражданство» вставлены три слова нрзб.

Итак, с помощью истории прошедшее объясняет для нас настоящее и служит руководством для будущего.

Чтобы знать хорошо происшествия, мы должны знать их в том порядке, в каком они один за другим следовали. Это есть дело хронологии.

Для объяснения хронологического порядка избрано одно важное происшествие, от коего ведется летоисчисление. Прежде считали от сотворения мира, теперь нашли более удобным считать от рождения Христа. Итак, все происшествия, описываемые историею, разделяются на два порядка. В одном заключаются происшествия, случившиеся до рождества Христова.

В другом заключаются происшествия, случившиеся после рождества Христова. Нам известно исторически то, что случилось в течение 2000 лет до Р.<ождества> Х.<ристова>, и то, что случилось в течение 1830 лет после рождества Христова.

Итак, известная история заключает в себе около 4000.

Все, что долее 2000 до Р. Х., темно и мало известно.

По сему времена, описываемые историею, можно разделить на времена темные и на времена исторические.

К первым принадлежат те, которые прошли до 2000 до Р. Х.

К последним принадлежат все те, кои обнимают цепь происшествий от 2000 лет до рождества Христова до нашего времени.

Периодом в истории называется время, заключенное между какими-нибудь двумя важными происшествиями или эпохами. Эпохою называются всякие остальные важные происшествия. Веком называется сто лет.

Для удобнейшего удержания в памяти сих происшествий история распределяется на периоды, из коих каждый заключает в себе несколько веков.

Главных периодов 4: история темная от С. <отворения> М.<ира> до 2000 до р.<ождества>.

История древняя от 2000 до Р. Х. и 500 после Р. Х. 25 веков.

История средняя от 500 п.<осле> р.<ождества> до 1500 — 10 веков.

История новая от 1500 п. Р. Х. до нашего времени — 3 с половиною века.

Времена темные.

Земной шар испытал множество изменений физических.

О сих изменениях говорят нам Святые Откровения. Они означены в Книге Бытия под именем шести дней творения.

Сии 6 дней Божьих суть 6 периодов, в течение коих земля мало-помалу образовалась и приготовилась для человека.

В шестой день, т. е. в конце 6-го периода является на земле человек, созданный по образу Божию, одаренный совершенством нравственным и физическим.

Место, для него избранное Создателем на земле, было цветущий рай, где все — и природа, и животные земные, ему покорствовали.

Человек не сохранил совершенства, данные ему свыше; он пал; он утратил чистый образ Божий; и Создатель, изгнав его из рая, осудил его в борьбе с тяжелыми нуждами отстаивать собственными силами потерянное свое величие.

Первосозданные люди, Адам и Ева, по изгнании из рая, образовали первое семейство. От первого семейства произошли многие.

Из первых семейств образовался первый народ. Сей первый народ мало-помалу размножился и разделился на многие народы. Рядом с народом охотников образовался народ пастырей.

Сии первые народы не могли иметь истории. Но человечеству свойственно желать сохранить след бытия своего на земле. Некоторые важные события сохранялись в памятниках, сперва естественных, потом искусственных, кои говорили сынам о том, что делалось их отцами.

Сии события сохранялись также в изустных преданиях, т. е. в рассказах, кои переходили от предков к потомкам и были сберегаемы памятью.

Сии рассказы в течение времени должны были изменяться; воображение украшало их; вымысел прибавлен был к истине, и предание сделалось баснею. Чтобы предание могло быть легче сохраняемо памятью, к нему присоединилась поэзия: предания сделались народными песнями. Простое слово врезывалось в память размером и пением.

Итак, история первобытных времен заключается в памятниках и преданиях, кои все более или менее баснословны и заключаются в песнях народных.

Между всеми сими преданиями, составляющими историю времен темных, можно заметить одно главное, составляющее отличительный характер сего отдаленного периода и служащее основанием времен последующих.

Место земного рая полагают между реками Ефратом, Тигром, Индом и Ганом, следственно, сторону, ныне наиболее цветущую во внутренности Азии.

Поблизости сего места должен был найти свое убежище человек после изгнания из рая, здесь должен был начаться род человеческий, и от сего места, как из средоточия, распространился он мало-помалу.

Первый народ новой окрестности были охотники, отрывавшие у диких зверей пищу, одежду и жилище.

Рядом с ними, но, вероятно, позднее их являются пастухи, покорившие уже многих животных, сделавшихся домашними.

Еще позже являются земледельцы, овладевшие землею и образовавшие первые государства, в коих сохранились и первые предания.

В Книгах Бытия говорится о диком состоянии людей после падения, о первых изобретениях, о первых патриархах или вождях многочисленных семейств, кои вели жизнь пастырскую и с стадами своими переходили из места в место.

Они говорят о всемирном потопе, последней всеобщей физической революции, изменившей землю и уничтожившей род человеческий, история снова началась в семействе спасшегося Ноя.

Святое Писание говорит нам о соединении людей после всемирного потопа на равнине <Сеннаар> и Вавилонском столпотворении, о последовавшем за ним смешении языков и расселении народов. На востоке населяется Индия, из Индии переходит население в Эфиопию, отсюда в Египет.

С другой стороны, <1 нрзб.>, полагают основание великой Вавилонской монархии[1], и видим ряд патриархов от Ноя до Авраама, которые <нрзб.> со стадами переходят из Герара в Ханаанскую землю, куда переносят служение единому, истинному Богу.

Итак, главная эпоха периода темных времен, сохранившись преданиями и описаниями в книгах, суть:

Сотворение мира 6000 до Р. Х.
Жизнь патриархов до потопа — от Адама до Ноя
Всемирный потоп
Спасение Ноя
Столпотворение Вавилонское
Расселение народов
Население Индии, Эфиопии, Египта
Основание Вавилонской монархии[1]
Пришествие Авраама в Ханаанскую землю. 2000 до Р. Х.

ОБОЗРЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ И ПРИЛЕЖНОСТИ В УЧЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ПОЛГОДА 1828-го

	Номера, полученные на последнем экзамене[1]										Число отметок в настоящей книге			Число недель отличных			Число отметок за беспорядок
	в законе <Божием>	в русском языке	в физике	в математике	в географии	во французском языке	в немецком языке	в английском языке	в чистописании	Итого	за поведение	за учение	Итого	полные недели	за поведение	за учение	
Александр Николаевич	1	2	1	1	1	1	1	2	1	11	673	627	1300	I	IV	II	–
Виельгорский	1	1	1	1	1	1	2	1[2]	2	11	702	734	1436	V	–	V	10
Паткуль	–[3]	3	2	2	2	2	3	–	3	–	620	366	1186	–	I	–	9

Сообразив числа, означающие *отдельные* хорошие часы поведения и учения, и номера, означающие полные *отличные* недели, находим, что первенство как в учении, так и в поведении за прошедшие полгода принадлежит Виельгорскому. Но отметки, означающие отдельные часы, не столь, однако, важны, как номера, означающие целые отличные недели. Первые доказывают, что были удачные *опыты* исполнять свою должность, последние свидетельствуют, что было *постоянство* в ее исполнении. Но справедливость велит сказать, что Виельгорский хотя и заслуживает первенство перед другими по числу отметок, не получает права на одно особенное одобрение; права же на уважение и он еще не может иметь, ибо уважение дается за постоянство. Всех недель было 23. Из них только *пять* отличных *полных* и *пять* отличных по *поведению*. Всего на все 7 ½ *полных*. Довольно для похвалы, но мало для уважения. Та же справедливость велит заметить, что Великий Князь в конце года был вообще постояннее и деятельнее против прежнего, чем и доказал, что он наконец решился владеть собой.

По принятому нами правилу, вследствие расчета оказывается, что право начинать вносить деньги в кассу благотворения[4] еще никому дано быть не может. Его получит только тот, кто в течение полугода будет иметь по крайней мере две трети недель отличных полных.

<Характеристика учеников>

Александр Николаевич

Хорошие качества великого князя суть следующие:

Постоянное благородство характера, достойное его звания, его родителей и России.

Чистота сердца, в котором нет и подозрения дурного.

Отменно здравый ум, понимающий всё если не быстро, то верно, и сохраняющий особенно всё то, в чем заключается дельная мысль.

Хорошая память, могущая весьма усовершенствоваться, если будет на то добрая воля.

Драгоценная любовь к справедливости.

Уважение к должности, которое может, если будет соединено с деятельностью, обратиться в высокую добродетель.

Великодушное признание чужого достоинства без малейшей зависти.

Главные недостатки великого князя суть следующие:

Слабость воли, отчего происходит неспособность управлять собою.

Лень ума, который боится работы, отчего и самая должность, которую великий князь уважает, редко бывает исполнена как следует.

Недостаток честолюбия или лучше сказать слишком робкое честолюбие. Великий князь более боится неудачи, нежели стремится быть в деле своем первым.

Какое-то физическое беспокойство, заставляющее великого князя быть в беспрестанном движении, что вредит его вниманию и отвлекает его от работы.

Наконец, иногда слишком поспешное мнение о своем знании, самонадеянность, от чего расположение неохотно принимать совет или наставление. Великий князь позволяет себе иногда слушать то, что говорят ему наставники, с какою-то рассеянностью.

Виельгорский

С хорошими качествами, которые имеет великий князь, Виельгорский соединяет эти: любопытство, живую внимательность, любовь к труду, прилежность, легкость в работе, горячее честолюбие заслужить делом одобрение.

Главный недостаток его состоит в том, что, будучи деятелен по любви к труду, он не всегда бывает постоянен, может начать и не доканчивать начатого. Великий князь трудится по любви к должности — я желал бы, чтобы он имел более любви к труду. Виельгорский трудится по любви к труду — я желал бы ему более любви к должности и особенно к порядку.

Его честолюбие также имеет дурную сторону. Он легко приходит в смущение от неудачи.

В нем есть расположение делаться спорщиком: надобно держаться своего мнения, но хотеть быть всегда правым есть вернейший способ часто быть неправым и сделаться весьма нелюбезным для других.

Наконец, он не столько искренен, как великий князь и Паткуль: надобно быть открытым для тех, кто нас любит и с кем мы живем; от этого всё доброе становится милее, а всё дурное может быть легче исправлено.

Вообще же можно сказать о Виельгорском, что он достоин любви и скорее может сделаться достойным уважения, если захочет исправить легкие свои недостатки.

Паткуль

Паткуль отлично добр, совершенно чист сердцем, имеет редкое прямодушие, искренен, никогда не скроет с намерением правды.

Имеет ум, но вообще невнимателен и ленив, не хочет думать сам, отчего кажется тупым.

Имеет очень хорошую память, но помнит более слова, нежели мысли в связи, чему причиною невнимательность.

Мог бы хорошо работать, но не имеет на то доброй воли и мало показывает старание отличиться.

Принимает с чувством добрый совет, но слишком скоро его забывает.

Пылок, смел, решителен, но пылкость часто бывает вспыльчивостью, а решительность неосторожностью.

Имеет, как и Виельгорский, расположение сделаться спорщиком, но еще более упрям в споре, поддерживая с запальчивостью и даже с грубостью то, чего не понимает.

Одним словом, Паткуль по добрым качествам сердца очень любезен, но слишком мало старается заслужить одобрение и уважение делом.

ЗАВЕЩАНИЕ ЖУКОВСКОГО 25 ИЮНЯ 1831 ГОДА

В случае смерти моей желаю, чтобы исполнено было то, что следует ниже, о чем прошу позаботиться Карла Карловича Мердера, или Василия Алексеевича Перовского, или Владимира Федоровича Адлерберга.

1. Прошу государыню императрицу не оставить сирот Воейковых[1].

2. Билеты на деньги, положенные в Государственный заемный банк и в сохранную казну (здесь прилагаемые) передадут по назначению: одни — Екатерине Александровне Воейковой, другие — Александре Александровне Воейковой. Сии билеты могут быть переписаны на их имя и отданы на сохранение опекуну Воейковых дерптскому профессору Мойеру или их бабке Екатерине Афанасьевне Протасовой, находящейся в Дерпте.

3. Прошу государя императора благоволить оставить мне и по смерти всемилостивейше пожалованную мне аренду[2] хотя на столько времени, чтобы из доходов ее сделать следующее употребление:

a) Заплатить моему камердинеру Федору Титову[3] 2 000 рублей, кои я остался ему должен. Ему же отдать и все деньги, кои после меня найдут. Надеюсь, что великий князь похоронит меня на свой счет, а моего честного Федора возьмет под особенное свое покровительство: ручаюсь ему, что он найдет в нем слугу верного.

b) Заплатить 7 500 рублей малолетнему Фреймунду Петерсену[4], о коем узнать от дерптского профессора Мойера, или от рижского прокурора Петерсена[5], или от рижского генерал-суперинтенданта Берга[6].

c) Заплатить 2 500 рублей Софье Андреевне Козловой[7].

d) Заплатить 1 200 рублей Тишнеру[8] за фортепиано.

4. Я остался должен ее величеству государыне императрице 10 000 рублей, кои она пожаловала мне для Александры Андреевны Воейковой[9]. Ее величество благоволила позволить, чтобы я этот долг обратил на уплату за содержание дочерей Проташинского[10] в Московском институте[11]: смею надеяться, что сие назначение не переменится и после моей смерти.

5. Оставшиеся после меня книги отдать Екатерине Александровне Воейковой; из сих книг исключаются все те, кои находятся в шкафах под № 1 и № 11, они принадлежат Александру Ивановичу Тургеневу и должны быть отданы на сохранение или здесь Константину Яковлевичу Булгакову[12], или в Москве обер-прокурору Степану Петровичу Жихареву[13].

6. Фортепиано отдать Екатерине Александровне Воейковой.

7. За нею и за сестрою ее утвердить двадцатипятилетнее право на издание моих Сочинений в стихах и прозе, к коим присовокупить и все неизданные, кои найдутся в моих бумагах.

8. Мое платье, белье, серебро и все другие вещи по рассмотрению отдать моему камердинеру Федору Титову.

9. Из бумаг моих сжечь все те, кои находятся в большом моем кабинете[14].

10. Из тех же бумаг, кои находятся в большом моем кабинете[15]:

a) Лежащие внизу в шифоньере, на коей стоит бюст Юпитера[16], отдать на сохранение или Константину Яковлевичу Булгакову, или Степану Петровичу Жихареву: они принадлежат Александру Ивановичу Тургеневу.

b) Находящиеся в одном из ящиков большого письменного стола моего отдать Екатерине Александровне Воейковой.

c) Все таблицы, карты, учебные рисунки и все, что припасено было для наших учебных занятий и что найдется все в большом кабинете моем в разных портфелях, передать его высочеству Александру Николаевичу на память о том, чего Бог не дал докончить[17].

11. Нижеозначенные вещи должны быть розданы следующим образом:

a) Прошу государыню императрицу принять бюст его высочества кронпринца, им самим мне подаренный[18].

b) Великому князю Александру Николаевичу альбом, подаренный мне кронпринцем (в футляре из белой кожи)[19], другой альбом (в серой бумажной обертке, данный мне Рейтерном) и третий в красной юфти, в них записаны некоторые мои мысли. Ему же и бюст государыни императрицы, ею мне подаренный[20].

c) Великой княжне Марии Николаевне альбом, подаренный мне государыней императрицей в Берлине с портретом ее величества в костюме Лалла Рук[21].

d) Великой княжне Ольге Николаевне альбом в футляре из синего сафьяна с замком из разноцветных камней, там же (то есть в Берлине в 1821 г . — *Л. М.*) подаренный мне государыней императрицей.

e) Великой княжне Александре Николаевне бюст великого князя, им мне подаренный[22].

f) Карлу Карловичу Мердеру портрет великого князя Александра Николаевича, подаренный мне императрицей, также все эстампы, портреты и рисунки, кои вставлены в стекла и найдутся в моих комнатах.

g) Юлии Федоровне[23] портрет великой княжны Марии Николаевны, Шарлотте Карловне[24] портрет в<еликой> к<няжны> Ольги Николаевны, Miss Holidans[25] портрет в<еликой> к<няжны> Александры Николаевны; Марии Васильевне Касовской[26] портрет в<еликого> к<нязя> Константина Николаевича[27].

h) Василию Алексеевичу Перовскому все картины Фридриха[28], Адлербергу картину Иоанна Крестителя[29].

i) Mademoiselle Wildermeth[30] пакет с письмами государыни императрицы[31], который найдется в ящике письменного стола моего. Ей же отдать и живописную картину, представляющую Мадонну со Спасителем на руках[32]. В той шифоньере, на коей стоит бюст Шиллера, находятся две живописные картины, а между книгами есть маленькая поэма «Nal i Damaianti» с надписью г-жи Клейст[33]. Я желал бы, чтобы они были отысканы и отданы M-lle Wildermeth, с тем чтобы книжку она переслала графине Stosch[34].

k) Екатерине Афанасьевне Протасовой (в Дерпт) портрет Александры Андреевны Воейковой и маленький альбом, писанный ее рукой[35].

l) Авдотье Петровне Елагиной (в Москву через почтдиректора Ивана Александровича Рушковскаго[36]) портрет Марии Андреевны Мойер[37], висящий над письменным моим столом.

m) Анне Петровне Зонтаг (в Одессу) красный сафьянный альбом с черными стихами моими.

n) Александру Ивановичу Тургеневу книгу, переплетенную в корешок с белыми листами: Glaube, Liebe, Hoffnung[38]. Ему же отдать и пакеты с *письмами*, на коих сделаны надписи. Ему также принадлежит и кованный железом ларчик, который передать ему с тем, чтобы часть бумаг, находящихся в оном, была сожжена непременно. Ему же отдать и бюст отца его и все живописные портреты[39], находящиеся не в моем кабинете, — все это поручить Булгакову или Жихареву.

o) Князю Вяземскому книгу в синем корешке с черными моими стихами.

p) Блудову историю Карамзина в осьмушку в корешке; два последние тома не переплетены и один из них с надписью Карамзина[40].

q) Екатерине Андреевне Карамзиной портрет Карамзина, висящий над письменным столом моим[41].

r) Александру Сергеевичу Пушкину бюст Шиллера и маленькую статую гипсовую Гете[42]. Плетневу — бюст Юпитера.

s) Виельгорскому все мои литографии в портфелях, находящиеся в письменном большом столе моем. Ему же бюст Ахиллеса[43].

t) Паткулю[44] мои часы.

u) Из остальных вещей выбрать по рассмотрению и раздать господам: Триниусу[45], Жилю[46], Юрьевичу[47], Липману[48], Шамбо[49], Крейтону[50], Мюральту[51], Коллинзу[52] и Павскому[53].

x) Графине Толстой портрет Перовскаго Брюло[54].

12. В мае месяце 1832-го года кончится условие мое, заключенное с книгопродавцем Глазуновым на счет полного издания моих стихотворений[55]. Прошу поручить Плетневу или Пушкину, переговорив с книгопродавцем Смирдиным, приступить к новому полному изданию[56]. Если Смирдин не согласится купить оного тотчас, ибо с ним заключено у меня условие на счет особенного издания моих баллад на три года, то по истечении сих трех лет продать мои сочинения и напечатать их с моим портретом, которого оригинал находится у Екатерины Афанасьевны Протасовой[57]. Деньги, вырученные за продажу сочинений моих, положить в сохранную казну или в Заемный банк на имя трех сестер: Екатерины, Александры и Марии Воейковых. Портрет же тиснуть особенно несколько экземпляров и раздать моим приятелям на память.

Василий Жуковский
Петергоф, 1831 год
Июня 25-го

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. С. Янушкевич

ОСОБЕННОСТИ ПРОЗЫ ЖУКОВСКОГО 1810—1840-х ГОДОВ

О прозе Жуковского как определенной творческой системе, ее эстетических принципах, ее эволюции и месте в истории русской словесной культуры подробно говорится в статьях к томам, представляющим прозаическое наследие поэта 1797—1811 гг. (см. т. 8—10 наст. изд.). В данной статье сделана попытка конкретизировать некоторые из этих положений на материале прозы 1810—1840-х годов.

Первые прозаические опыты 1797—1806 гг., перевод «Дон Кишота», проза «Вестника Европы» (1807—1811) в своей совокупности можно обозначить одним понятием — ранняя проза Жуковского, хотя, конечно, поиски поэта, его открытия этих лет были устремлены в будущее и во многом определили лицо его прозы и ее место как в творчестве самого Коломба русского романтизма, так и в русском культурном сознании.

Если в период «Вестника Европы», когда Жуковский как редактор, соредактор и сотрудник систематически писал в прозе, выступая в роли критика и эстетика, рецензента, обозревателя, переводчика, автора оригинальных повестей, то в последующие годы обращение поэта к прозе уже было эпизодическим и более утилитарным. И дело не в том, что Жуковский разочаровался в прозе или забыл о ней. Изменилось его отношение к прозе, понимание ее места в истории словесной культуре. Деятельность Жуковского в «Вестнике Европы» была неразрывно связана с утверждением романтизма как определенной эстетической системы и мировидения. На страницах журнала Жуковский завоевывал русскую литературу для романтизма. Именно поэтому «Вестник Европы» был для него своеобразной трибуной для пропаганды своего вероисповедания и нового поэтического мышления.

Проза в «Вестнике Европы» не имела самоцельного значения. Многочисленные образцы прозаического языка в переводных повестях и размышления о переводах, о театре, о басне и сатире, о поэзии древних и новых, о нравственной пользе поэзии не просто органично сочетались с большим контекстом новой поэзии. Это было единое пространство творческой рефлексии, феномен «распространения души», когда происходил слом авторского и читательского сознания. Мир баллад, элегий, песен и романсов, дружеских посланий был тем камертоном, на который настраивались прозаические опыты. Музыка романтической поэзии проникала в строй и стиль переводной прозы. Эксперименты Жуковского на страницах «Вестника Европы» в области прозы прочитывались современниками через открытия в области поэзии. Переводы сочинений не только известных, но и малоизвестных и совсем неизвестных авторов воспринимались как оригинальные творения Жуковского-балладника и Жуковского-лирика, своими открытиями в области поэтического языка завоевавшего русскую словесную культуру для романтизма. Как справедливо замечает исследователь: «"Внутренний человек" и окружающая его реальность, "поэзия чувства и сердечного воображения", "драма страстей" и "эпос частной жизни" — всё это важно для Жуковского-прозаика»[1]. Именно поэтому ранняя проза Жуковского 1797—1811 гг. воспринимается в большом контексте его поэзии и как ее органическая часть.

Последующие опыты поэта в области прозы не могут быть обозначены как поздняя проза, так как и его юмористические журналы «Муратовский сморчок» и «Муратовская вошь», относящиеся к 1811 г., и дерптские письма-дневники 1815 г., и эссе «Рафаэлева мадонна», и травелоги «Путешествие по Саксонской Швейцарии», «Отрывки из писем о Саксонии», «Отрывки из письма о Швейцарии» 1820—1822 гг. были созданы уже известным поэтом, «Коломбом русского романтизма в поэзии», в возрасте 28—39 лет, и впереди еще было 30 лет творческой жизни.

И все-таки эти 40 лет творческой биографии поэта как автора прозаических произведений после «Вестника Европы» можно рассматривать как определенное художественное единство. Путь Жуковского к стихотворному эпосу был неразрывно связан с его концепцией «прозы в стихах».

В творческой биографии Жуковского 1830—1833 гг. обращает на себя внимание один любопытный, не вызывавший серьезного интереса исследователей момент: достаточно многочисленные факты стихотворных переложений произведений западноевропейской прозы. В мае-июне 1831 г. он пишет повесть «Две были и еще одна», последняя часть которой — стихотворный пересказ прозаического рассказа Гебеля «Каннитферштан». Примерно в это время он то же самое проделывает с прозаической идиллией Гебеля «Неожиданное свида-

[1] *Айзикова И. А.* Жанрово-стилевая система прозы В. А. Жуковского. Томск, 2004. С. 141.

ние». В августе-сентябре этого же года поэт под названием «Спящая царевна» перелагает в стихи прозаическую сказку братьев Гримм «Dornröschen» («Царевна-шиповник»), еще раньше сделав ее прозаический пересказ под названием «Колючая роза». Активизация этого процесса происходит во время заграничного путешествия 1832—1833 гг., когда поэт почти одновременно работает над стихотворным переложением рейнского сказания «Фалкенбург», повести Л. Тика «Белокурый Экберт», журнальной публикации «Военный суд на Мальте». Кроме того, в промежутке между этими опытами (9—31 декабря 1832 г.) он создает переложение первых трех глав прозаической повести немецкого романтика Фридриха Ламотт-Фуке «Ундина»[2].

В эпоху становления новой русской прозы, одновременно с появлением «Повестей Белкина» Пушкина, «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя, «Пестрых сказок» Одоевского, Жуковский остается рыцарем поэзии. Активно внедряя в ее генетическую систему открытия в области сказового гекзаметра, он оказывается «в авангарде стихотворных исканий русского реализма», достигает «такой интонационной естественности, что только графическое членение напоминало читателю, что перед ним стихи»[3]. Все эти эксперименты и открытия в области «стихотворной прозы», последовательное освоение эпических форм в поэзии способствовали ослаблению сюжетности в самой прозе.

Проза обретает в творчестве Жуковского 1820—1840-х гг. иные функции, входит в контекст других дискурсов. Можно сказать, что она более активно осваивает «промежуточные жанры». Травелог, педагогический трактат, письмо, мемуары, публицистическая статья, историческое сочинение, очерк, отрывок, «мысли и замечания» — все эти прозаические формы выявляли особенности жизнетворчества поэта, обусловленные его вхождением в европейский мир — сначала через путешествия, а затем через ежедневное приобщение к его жизни, — а также активной педагогической деятельностью и атмосферой придворного быта, событиями русской и европейской общественной жизни (восстание декабристов, гибель Пушкина, идеология николаевского царствования, революция 1848 года). С помощью этой документальной литературы он «стремится показать связи жизни, не опосредованные фабульным вымыслом художника»[4]. Он рано почувствовал значение «человеческого документа» для миромоделирования реальности и для жизнестроительства.

Как известно, в силу разных житейских обстоятельств Жуковский совершил свое первое путешествие лишь в 1820—1821 гг. В свите великой княгини Александры Федоровны он открыл для себя европейский мир и сформировал в

---

[2] Подробнее см.: *Янушкевич А. С.* В мире Жуковского. М., 2006. С. 222—242.

[3] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1984. С. 163.

[4] *Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе. Л., 1977. С. 29.

русском общественном и художественном сознании мирообраз «туманной Германии», столь востребованный русской словесной культурой от Пушкина до Цветаевой и Пастернака[5]. Немецкий травелог Жуковского — это своеобразный нарративный ансамбль, включающий различные формы повествования: дневниковая запись, эпистолярное послание, журнальная статья. Каждая из этих форм не существует отдельно от другой, а создает нарративную цепь, своеобразный экзегесис, т. е. такой тип дискурса, «в котором происходит повествование и производятся соопровождающие изложение истории объяснения, истолкования, комментарии, размышления или метанарративные замечания нарратора»[6]. Фиксируя в записной книжке основные события, вехи повествования, в письмах, обращенных к великой княгине и рассчитанных на чтение вслух, так как адресат не владел в достаточной степени русским языком и чтецом-переводчиком должен был быть великий князь Николай Павлович, автор травелогов «Путешествие по Саксонской Швейцарии», «Рафаэлева мадонна», «Отрывка из письма о Саксонии» стремится интимизировать, одомашнить повествование картинами жизни прусского двора, беседами и встречами с родными великой княгини (урожденной принцессы прусской Шарлотты) и одновременно соединить натурфилософские зарисовки с этико-философской и эстетической рефлексией. Смена точек зрения, переход от текста персонажа-путешественника к тексту нарратора создают сложную структуру текстовой интерференции.

Жуковский, в отличие от своих великих предшественников, авторов «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Писем русского путешественника», А. Н. Радищева и Н. М. Карамзина, открыто процессуален, так как не конструирует свой травелог постфактум, а творит его на глазах читателя. Перефразируя его известное речение: «И для меня в то время было // Жизнь и Поэзия одно», можно сказать: «И для меня в то время было Путешествие и Поэзия одно». Травелог расширения и возвышения души провоцировал нарратора создавать экзегесис. Именно поэтому его немецкий травелог как ансамблевое единство вошел в историю русской словесной культуры как ментальный (образ туманной Германии) и эстетический (философия невыразимого, концепция творческого визионерства). Традиция обоих этих манифестов имела длительную судьбу в русской словесной культуре. О жизни образа туманной Германии уже было сказано выше. Столь же репрезентативен (от Белинского до символистов) станет и сюжет, связанный с Рафаэлевой мадонной.

Уже первая дневниковая запись от 17 июня 1821 г., затем переросшая, точнее перебеленная, в письмо к великой княгине, и затем с ее высочайшего разреше-

[5] Подробнее см.: Germanija v zerkale russkoj slovesnoj kul'tury XIX — načala XX veca // Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts von Ol'ga B. Lebedeva und Aleksandr S. Januškevič. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2000. S. 57—73.

[6] *Шмид Вольф*. Нарратология. М., 2008. С. 292.

ния превращенная в статью «Путешествие по Саксонской Швейцарии (в 1821)» и опубликованная на страницах альманаха «Полярная звезда на 1824 год», обозначает характерные особенности нарративных стратегий Жуковского, творца травелога-экзегесиса. Еще отчетливее это проявится в «Рафаэлевой мадонне», имевшей ту же творческую судьбу и опубликованную на страницах той же «Полярной звезды на 1825 год», а также в напечатанном в «Московском телеграфе» (1827, № 1 и 6) «Отрывке из письма о Саксонии». Жуковский «выдержал» травелоги 1821 г., как хорошее вино, в подвалах своей творческой лаборатории. Он почувствовал через три-четыре года, что им пришло время. Расцвет романтического лиро-эпоса, в центре которого образ странника-паломника — «искателя новых впечатлений», актуализировал новые приемы повествования и динамику образа путешественника, прежде всего его духовную динамику.

Наррация экзегесиса в наибольшей степени отвечала идее романтического синтеза и концепции жизнетворчества, выявивших свою актуальность именно к середине 1820-х годов. Русский читатель этого времени, воспитанный на «Паломничестве Чайльд-Гарольда» Байрона и трансцендентальной философии Шеллинга, воспринимал травелог расширения и возвышения души Жуковского как «форму времени».

Немецкий ансамбль травелогов Жуковского процессуален. От натурфилософских зарисовок туманной Германии в «Путешествиии по Саксонской Швейцарии» Жуковский переходит к эстетической и жизнетворческой рефлексии в «Рафаэлевой мадонне», а затем создает парный портрет виднейших деятелей немецкого романтизма (художника Каспара Давида Фридриха и писателя Людвига Тика) в «Отрывке из письма о Саксонии». В отличие от автора «Путешествия в Малороссию», князя Шаликова, Жуковский не только и не столько «думал об одном удовольствии читателя». Он поистине совершал с ним «путешествие по садам Романтизма». Как и в своей программной элегии «Славянка» (1815), которую можно без преувеличения назвать поэтическим прологом к прозаическому травелогу, его девиз: «Что шаг, то новая в глазах моих картина». Поэтика визуальности определяет повествовательные установки автора. «Перед глазами…», «то вдруг», «вокруг тебя», «представляется глазам совсем другая картина», «случай оживил для нас эту картину», «новое чудесное зрелище поразило нас» — таков взгляд на мир нарратора в натуфилософской части травелога. Глаз, картина, зрелище формируют авторский текст. «Путешествие сделало меня рисовщиком»[7], — писал Жуковский в начале 1823 г., давая своей племяннице Анне Петровне Зонтаг отчет о своем первом вояже. Но не только многочисленные рисунки являются конкретизацией этой характеристики. Слово в травелогах поэта обретает большую зримость. Вербальное соперничает с визуальным и акустическим, рождая феномен синестезии.

[7] Уткинский сборник. М., 1904. С. 95.

В «Рафаэлевой мадонне» картинность и визуальность обретают новый смысл. На глазах читателя рождается травелог-экфразис. Это уже путешествие по галереям романтизма. «Сикстинская мадонна» Рафаэля для Жуковского концентрирует идеи романтического визионерства. Видение Рафаэля, основанное на романтической легенде Вакенродера, не просто получило у Жуковского русскую прописку, но и определило новую нарративную стратегию травелога возвышения души. «Я смотрел на нее несколько раз…», «просидел целый час, смотря на нее…», «это не картина, а видение», «Здесь душа живописца…», «начал чувствовать, что душа распространялась», «*Гений чистой красоты* был с нею…», «картина родилась в минуту чуда», «Он писал не для глаз, всё обнимающих во мгновение и на мгновение, но для души, которая чем более ищет, тем более находит» — все эти этапы прозрения чуда искусства как актов жизнетворчества принципиально важны для автора эстетического манифеста. «Слияние с миром объектов ради того, чтобы быть самим собой — вот лучшая характеристика той разновидности самомоделирования, в которой автор прибегает во время своего путешествия»[8], — справедливо замечает Андреас Шёнле. Воссоздавая словесные портреты Тика и Фридриха в «Отрывке из путешествия по Саксонии», Жуковский стремится к антропологизации травелога. Эти портреты как бы сняты со стен Дрезденской галереи, куда и отправляется автор «Рафаэлевой мадонны». И в облике Тика, уподобленного своему герою-странствователю Штернбальду («Штернбальд Тик» — так именует его Жуковский уже в самом начале), и в творческой биографии Фридриха, автора «туманных картин», рожденных как видения, который, как замечает Жуковский, «так мне понравился и так показался мне сродни», прежде всего важна эстетическая рефлексия, связанная с идеей жизнетворчества и жизнестроительства.

«Как изобразить чувство нечаянности, великолепие, неизмеримость дали <…> Каждый из этих предметов можно назвать особенным словом, но то впечатление, которое все они вместе на душе производят, — для него нет выражения; тут молчит язык человека, и ясно чувствуешь, что прелесть природы — в ее невыразимости», — так в «Путешествии по Саксонской Швейцарии» план повествования включает текст эстетического комментария.

> Не понимаю, как могла ограниченная живопись произвести необъятное. <…> И точно приходит на мысль, что эта картина родилась в минуту чуда: занавес раздернулся и тайна неба открылась глазам человека,

— так Жуковский в «Рафаэлевой мадонне» развивает концепцию Гения чистой красоты, опираясь на свою поэзию. Не случайно он включает в текст автоцитату из своего стихотворения «Лалла Рук». Двенадцать стихов — оригинальная

[8] *Шёнле Андреас.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. С. 105.

комбинаторика двух последних восьмистиший — придает нарративу травелога-эссе характер философской рефлексии.

> ...живописец смотрел на природу не как артист, который ищет в ней только образца для кисти, а как человек, который в природе видит беспрестанно символ человеческой жизни. Красоты природы пленяют нас не тем, что они дают нашим чувствам, но тем невидимым, что возбуждают в душе и что ей темно напоминает о жизни и о том, что далее жизни <...>

— в этой характеристике живописи Фридриха из «Отрывка путешествия по Саксонии» Жуковский наполняет свой травелог идеями символической образности, столь значимой для его эстетических манифестов в поэзии. Новый взгляд на мир определяет и новое рассматривание мира. Визуальная динамика как быстрая смена впечатлений, новых картин активизирует процесс духовного постижения мира и вербальные новации в его описании. «Пленять воображение», «действует на воображение», «представляют воображению», «постоянно переменяют образ», «главная прелесть окружающего есть наша душа», «впечатление, которое все они [окружающие предметы] *вместе* на душе производят», «возбуждают в душе», «человек, который в природе видит беспрестанно символ человеческой жизни», «Красоты природы пленяют нас не тем, что они дают нашим чувствам, но тем невидимым, что возбуждают в душе…», «душа распространяется» — эти и подобные выражения не просто метафоры, но и обозначение «внутреннего зрения» путешественника, сотворения «ландшафта души».

Травелоги Жуковского начала 1820-х гг. пронизаны мотивами и настроениями поэзии Коломба русского романтизма. Философия невыразимого и «распространения души», образ Гения чистой красоты сопрягают воедино лики русского путешественника и русского поэта. Если не забывать, что все его травелоги вырастают из писем-отчетов, обращенных к царственным особам, то их можно рассматривать как документы русской общественной мысли. Перекочевав на страницы альманаха «Полярная звезда» и журнала «Московский телеграф», они формируют лицо новой прозы в большом контексте поэзии Золотого века русской поэзии. «Образцом современной русской прозы»[9] назвал «Рафаэлеву мадонну» Николай Полевой. Вяземский замечал, что «Отрывок из письма о Дрезденской галерее <…> не живопись и не поэзия, а что-то выше самой поэзии. О нем можно сказать то, что Жуковский сказал о самой “Мадонне”. Это не картина, а видение…»[10] Жуковский насыщает прозу философской и эстетической рефлексией, формирует оригинальную концепцию авторского сознания как отражения жизнетворчества и миромоделирования.

---

[9] Московский телеграф. 1832. Ч. 47. № 19. Октябрь. С. 375.

[10] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. 269.

Это доминантное положение категории авторского сознания в травелогах Жуковского, которые в той же мере, что и путешествие по физическому пространству мира, являются путешествием по пространству собственной души, подготавливает следующий этап жанровой эволюции в прозе поэта. Категория души была столь дорога первому русскому романтику именно потому, что в ней снималась полюсность категорий сердца и разума, и жизнь души Жуковского — это не только эмоциональная жизнь поэтического воображения, но и деятельность мысли современника своей исторической эпохи и общественного деятеля.

В прозаических опытах поэта 1820—1840-х годов реализуется суть пушкинского афоризма «подвиг честного человека». «Записка о Н. И. Тургеневе», «Воспоминание о К. К. Мердере», «Письмо к графу Каподистрия», «Последние минуты Пушкина», «Бородинская годовщина», «Речь И. А. Крылову», статья «О стихотворениях И. И. Козлова», биографический очерк «Иосиф Радовиц», материалы к «Собирателю» (биографии Тимолеона, Марка Аврелия, Эпаминонда) — всё это разнообразные формы «промежуточных жанров», в центре которых поведенческий текст. Опираясь на собственные воспоминания и письменные источники, он вводит в русское общественное сознание тему жизни и судьбы исторического деятеля. Не случайно на страницах первого номера «Собирателя» он формирует специальные разделы «Памятники» и «Поэзия», где, опираясь на мысли Гете и Шиллера, Шлегеля и Штольберга, Юнга и Байрона, на собственные стихи из «Певца во стане русских воинов» («Певцы сотрудники вождям…»), он акцентирует мысль о памяти великих идей и добрых людей в потомстве. Приведенную в подлиннике цитату из драмы Гёте «Торквато Тассо» он дает в следующем переводе:

То место, где был добрый, свято!
Для самых поздних внуков там звучит
Его благое слово и живет
Его благое дело.
(Собиратель. № 1. С. 14)

Одним словом, проза Жуковского, осваивая возможности «промежуточных жанров», расширяла само пространство рефлексии. В центр ее выдвигаются прежде всего проблемы личности, ее жизни и судьбы.

В этом смысле педагогический дискурс прозы 1826—1834 гг., включающий планы учения наследника, конспекты русской истории, материалы педагогических журналов «Собиратель» и «Муравейник», приобретает методологический смысл. В его недрах формируется концепция нового типа царствования новый образ правителя-монарха. Будучи историком и идеологом николаевского царствования[11], Жуковский не был его апологетом. В педагогических проектах

[11] Об этом подробнее см.: *Гузаиров Тимур*. Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007.

и исторических конспектах важнейших событий русской истории он остро ставит проблему исторической ответственности монарха и каждого человека вообще перед Историей и Богом.

В статьях периода «Вестника Европы», прежде всего в программном сочинении «О нравственной пользе поэзии», он обратил взор русского писателя и читателя на вопрос о соотношении стихотворно-*прекрасного* и стихотворно-*истинного*, о взаимодействии человека и поэта. Отстаивая внутреннюю свободу художника, он заостряет тему его ответственности перед Словом. В статьях конца 1820-х — начала 1830-х годов он обращается к проблеме нравственной пользы истории. В статье «Польза истории для государей», опубликованной на страницах «Собирателя», он последовательно формулирует, выделяя курсивом, своеобразные максимы-заповеди просвещения монарха через историю и в истории. «*Верь, что власть царя происходит от Бога*», «*Уважай закон и научи уважать его своим примером*», «*Люби и распространяй просвещение*», «*Уважай общее мнение*», «*Люби свободу*», «*Владычествуй не силою, а порядком*», «*Будь верен слову*», «*Окружай себя достойными помощниками*», «*Уважай народ свой*», «*Люби народ свой*», «*Не обманывайся на счет людей и всего земного, но имей в душе идеал прекрасного — верь добродетели!*», «*…умеренность! порядок!*» — каждый из этих 12-ти постулатов и все они вместе выступают как символ мироустройства и идеал человеческого общежития.

Проза Жуковского расширяет свое пространство. Ее сюжет не беллетристический вымысел, а рефлексия русского мыслителя. Именно поэтому в прозаических текстах конца 1830-х — 1840-х годов (от событий последних дней Пушкина до революции 1848 г.) особое место занимает эпистолярный и публицистический дискурс. Взгляд очевидца — хроникера событий и позиция честного человека-гражданина, обеспокоенного судьбой цивилизованного мира и Святой Руси, превращают выступления поэта в его «публицистические письма». Они и вырастают из эпистолярных текстов: писем к С. Л. Пушкину, А. Х. Бенкендорфу, великому князю Александру Николаевичу, Гоголю, Вяземскому, немецкому военному и государственному деятелю Вильгельму Карлу Шаку и русскому генерал-фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу. После «Философических писем» Чаадаева, «Хроник русского» А. И. Тургенева, параллельно с «Выбранными местами из переписки с друзьями» Гоголя Жуковский делает личное письмо фактом общественного осмысления. Он стирает границы между частным и публичным.

Наконец, если говорить о прозе поэта как зеркале его духовной жизни, необходимо отметить, что особое место в прозе Жуковского после «Вестника Европы» занимают так называемые «журналы одного автора», как юмористические, так и вполне серьезные: «Муратовская вошь» (1810) и «Муратовский сморчок» (1811), несколько выпусков «Académie des curieux impertinents» («Академии нахально любопытных»; 1813—1814), «Собиратель» (1829) и

«Муравейник» (1831). Каждое из этих изданий — этап не только творческой эволюции поэта, но и его биографии. Период «поэзии чувства и сердечного воображения», связанный с историей любви к Маше Протасовой, ознаменовался бурным развитием домашней поэзии, разнообразных форм смеховой культуры. На пути к «Арзамасу» Жуковский осваивает пародию, галиматью, юмор на страницах журналов «для немногих». Он экспериментрует со словом, с различными стилями, вырабатывая своеобразную философию игрового поведения. Его маска «Homo ludens» — отражение жизненной философии «счастья без счастья» и одновременно становление эстетики арзамасской пародии, утверждение поэтики новых форм и «самоопределения новой общественно-литературной генерации»[12]. Домашние рукописные журналы 1810—1814 гг. впитали в себя дух внутренней свободы и эстетического раскрепощения. Их проза — языковой и стилистический эксперимент, но одновременно это и лаборатория в области нового мышления. Жуковский — будущий секретарь «Арзамаса», получивший прозвище «Светлана», осваивает в муратовско-черненских юмористических журналах прозаический вариант гекзаметра своих арзамасских протоколов.

Арзамасские материалы, базирующиеся на протоколах Жуковского, — замечательный памятник русского литературного сознания в период парадигматического слома. Не только и не столько борьба «архаистов» и «новаторов» отразилась на их страницах, хотя, конечно, и стихотворные и прозаические протоколы пронизаны пародийными мотивами и образами. Главное в них — новая философия жизни и творчества, оригинальная идеология жизнестроительства. Молодое поколение писателей, «гении “Арзамаса”», под аккомпанемент этих литературных документов, мелодий буффонады и галиматьи способствуют одомашниванию поэзии и одновременно усваивают историософские уроки Карамзина и принципы высокой поэзии Жуковского. Это действительно была школа взаимного образования.

Два педагогических журнала 1829—1831 гг., «Собиратель» и «Муравейник», — это прорыв в сферу историософии и публицистики. Формируя свою концепцию «политической педагогики», Жуковский ищет «язык мысли», философический язык. Появившись в один из самых напряженнейших моментов духовной биографии Жуковского (написание «Записки о Н. И. Тургеневе», борьба за честное имя Ивана Киреевского и Петра Вяземского, разгорающийся конфликт с Булгариным и обвинения в создании оппозиции со стороны императора), журналы и неопубликованные материалы к ним отразили общее состояние русской мысли порубежной эпохи. «Литературная газета» Дельвига — Пушкина (1830) и «Европеец» И. Киреевского (1832) как две вехи обще-

[12] *Вацуро В. Э.* В преддверии пушкинской эпохи // «Арзамас». Сборник в двух книгах. М., 1994. Кн. 1. С. 7.

ственно-литературной борьбы и процесса самостояния ее виднейших деятелей, аристократов духа — репрезентанты «политической педагогики» Жуковского.

Его проза 1829—1839 гг. — от материалов «Собирателя» до статей «Последние минуты Пушкина» и «Бородинская годовщина» — обретает историософский масштаб. Размышления о пользе истории для государей, о границах власти и значении фундаментальных правил законности, о взаимоотношениях властителя и народа, о смутных временах, об исторической памяти, опыты исторических и педагогических сочинений расширяли само пространство прозы, актуализировали роль «промежуточных жанров» в становлении нового языка прозы. Эти поиски поэта органично соотносились с открытиями великих современников — Пушкина и Гоголя, Вяземского и Одоевского.

Особое значение для русского общественного сознания имела проза Жуковского 1840-х гг. В течение десяти последних лет своей жизни, постоянно живя в Германии и став очевидцем революционных событий в европейской истории, он продолжает и развивает традицию публицистики своего друга Александра Тургенева. Его выступления на страницах русских и немецких изданий по поводу революции 1848 года, публичная переписка с Н. В. Гоголем и П. А. Вяземским, работа над книгой прозы, не пропущенной русской цензурой, рефлексия на религиозные темы, формирование концепции Святой Руси — все это своеобразный постскриптум к «Хроникам русского» А. И. Тургенева.

Об истории создания этой книги прозы и ее цензурной судьбе, об отражении в ней общественной позиции поэта и его религиозных исканий подробно говорится в примечаниях к настоящему тому и поэтому нет необходимости повторять уже сказанное. Важно подчеркнуть, что художественные открытия Жуковского как политического публициста и религиозного мыслителя неразрывно связаны с идеями и формами времени. Поздняя публицистика Жуковского находится в контексте революционных событий 1840-х годов в Европе и идеологической борьбы западников и славянофилов в России. Как и его современники, он формирует в общественном сознании характерные особенности «русской идеи», пафосом которой станет мысль о том, «как обустроить Россию». Вслед за «Философическими письмами» Чаадаева, в контексте «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя, религиозных идей Хомякова, полемики о путях развития России он своим переводом «Одиссеи», публикациями статей о «происшествиях 1848 года» и замыслом книги прозы активно включается в этот процесс.

ПРЕАМБУЛА К ПРИМЕЧАНИЯМ

Проза Жуковского 1810—1840-х годов имеет сложную эдиционную судьбу. Прежде всего это связано с отсутствием традиции ее издания как целостной художественной системы. В прижизненных изданиях (С 4, С 5. Т. 7) «сочинения в прозе», созданные после ВЕ, занимали небольшое место и носили во многом выборочный характер. Хронологически в последнем прижизненном издании (С 5. Т. 7), появившемся в 1849 г., они были доведены до 1838 г. «Книга прозы», над которой Жуковский работал в последние годы жизни, как констатировал сам поэт, потерпела «цензурное кораблекрушение» (об этом подробнее см. в наст. томе). Публикации в периодике как в России, так и в Германии были редки и во многом случайны. В последующих изданиях, прежде всего в томах С 5 (Т. 11, 13), появившихся после смерти Жуковского, друзьями поэта, прежде всего Д. Н. Блудовым, была сделана попытка представить «посмертные сочинения в прозе» с максимальной полнотой. Многие тексты, не прошедшие при жизни поэта цензуры, затерявшиеся на страницах газет и журналов, были собраны и открыты для читателя. Но это были скорее «выбранные места» из поздней прозы Жуковского, чем хронологически продуманная система. В 11-м томе были опубликованы тексты последних лет (1848—1850), предназначенные для «книги прозы»; в 13-м — представлены образцы более ранней прозы, от самых ранних повестей и материалов ВЕ, а также отрывки из писем о переводе «Одиссеи». В С 6 (Т. 6. СПб., 1869) редактор издания К. С. Сербинович разбил прозу Жуковского на пять разделов:

I. Литературные статьи и критические разборы.
II. Путешествия.
III. Исторические и биографические статьи.
IV. Нравственно-философические статьи.
V. Письма разного содержания.

Такая эдиционная стратегия привела к нарушению всякой хронологической последовательности и отсутствию внутренней связи между выделенными рубриками. В последующих дореволюционных изданиях под редакцией П. А. Ефремова (С 7—9) и особенно А. С. Архангельского (ПСС) произошел значительный эдиционный прорыв: поздняя проза Жуковского получила особый статус, что выразилось в фиксации хронологических границ. В С 7—9 поя-

вились примечания, содержащие информацию о предшествующих публикациях и включающие иногда малоизвестные тексты из «Собирателя», «Муравейника». В ПСС была сделана первая попытка не просто дать прозу Жуковского в хронологической последовательности и с максимальной полнотой, но и наметить текстологические принципы ее воспроизведения на основе неизвестных ранее рукописей. В этом отношении особенного внимания заслуживает раздел «Отрывки» (Т. XI. С. 3—37), датированные 1845—1850 гг.

Разыскания И. А. Бычкова, В. И. Резанова, Н. В. Соловьева, получившие свое воплощение в публикациях на страницах специальных изданий (РА, РС, РБ), а также в их монографических исследованиях (см. список условных сокращений), значительно обогатили корпус прозы Жуковского 1810—1840-х гг. за счет архивного материала. Исследования А. Н. Веселовского, М. Гофмана, П. Загарина, юбилейные материалы 1883—1902 гг. способствовали выработке методологических принципов издания и изучения прозы поэта, в том числе поздней. Прежде всего она была органично вписана в общий контекст его творческих исканий в области «промежуточных жанров» (дневники, эпистолярий), рассматривалась в соотношении с педагогической деятельностью (планы и конспекты занятий с наследником), общественной позицией и религиозными исканиями.

К сожалению, в послереволюционные годы и в советское время проза Жуковского на долгие годы выпала из поля зрения издателей. Это объясняется целым рядом причин: и почти узаконенной репутацией поэта как монархиста и реакционного романтика, и цензурными запретами, связанными с его общественно-философскими взглядами. Как следствие — негласный запрет на издание его собраний сочинений. По существу единственное четырехтомное издание его текстов (СС 1) с небольшими добавлениями в последующем за ним трехтомным (СС 2) мало что изменило в отношении к поздней прозе: она была просто изъята из читательского и исследовательского оборота. Отдельные публикации, и здесь необходимо отметить прежде всего том «Прозы поэта» (М.: Вагриус, 2001. Составитель и автор вступительной статьи с характерным заглавием «Небесное и земное» Андрей Немзер), в состав которого вошли 22 текста, в том числе избранные письма Жуковского, дали толчок для осмысления его прозы как художественного единства. Разыскания томских исследователей, связанные с изучением его уникальной личной библиотеки (БЖ. Т. 1—3) и архивных собраний, позволили расширить исследовательскую базу и подготовить материалы для издания Полного собрания сочинений и писем В. А. Жуковского: В 20 т., большая часть которого (Т. 9—20) отведена именно прозе поэта: художественным текстам, дневникам и обширному эпистолярию.

Основная проблема, возникшая при подготовке тома поздней прозы поэта, точнее, прозаических сочинений, написанных после активного участия в журнале «Вестник Европы» (1808—1810 гг.), — корпус текстов. По существу, худо-

жественных произведений в прозе в этот период им не было создано. Прозаические жанры — роман, повесть, новелла остались вне его интересов. «Рыцарь поэзии», он экспериментировал на путях сближения поэзии и прозы. Главным итогом этих исканий стали баллады, стихотворные сказки и повести, а своеобразной формой их выражения — белый пятистопный ямб и гекзаметр. Повествовательные стратегии Жуковского были направлены на создание национального стихотворного эпоса.

Что касается собственно прозы, то это была именно проза поэта. Его юмористическая периодика, арзамасские протоколы и речи, «детские сказки», травелоги столь тесно соприкасались со стихотворными сочинениями, что нередко дополняли и продолжали их. Так рождалась на страницах «Муратовского сморчка» и «Муратовской воши» образцы галиматьи, где «стихи и проза не столь различны меж собой». Среди арзамасских материалов стихотворные отчеты и прозаические протоколы, послания в стихах и речи в прозе взаимодополняют друг друга. Прозаические сказки, опубликованные на страницах «Детского собеседника», стали зернами стихотворных сказок. Травелоги, рожденные в процессе первого заграничного путешествия, впитали в себя эстетическую проблематику поэтического цикла «Лалла Рук», панорамной элегии «Славянка», стихотворного манифеста «Невыразимое». Дневниковые записи и письма были дополнением и комментарием к этому оригинальному симбиозу поэзии и прозы. Одновременно с их страниц проза переходила на страницы периодических изданий и первых прижизненных собраний сочинений.

Если учесть, что многие прозаические сочинения поэта, опубликованные при жизни, — это извлечения из его писем, из дневниковых записей, из журналов «одного автора», не вошедшие в собрания сочинений, если помнить, что многочисленные педагогические сочинения вообще не были предназначены для читателя, то проблема издания поздней прозы Жуковского — это прежде всего проблема формирования ее корпуса, опирающегося на реальные эдиционные основания.

Само определение прозы данного тома как «поздней» вряд ли корректно. Как мы пытались показать во вступительной статье, это скорее проза зрелого Жуковского после его прозаических опытов периода «Вестника Европы».

Есть основания говорить о четырех своеобразных блоках этого корпуса: проза 1821—1838 гг., вошедшая в последнее прижизненное собрание сочинений поэта, отдельные прозаические тексты 1838—1841 гг., появившиеся на страницах русской периодики этого времени, но не успевшие войти в это издание, «книга прозы» 1840-х гг., не пропущенная цензурой, но в полном объеме изданная через несколько лет после смерти Жуковского, и, наконец, многочисленные педагогические и исторические произведения, напечатанные в «Собирателе» и «Муравейнике», а также отдельными брошюрами. Каждый из этих

блоков сопрягает напечатанные тексты и рукописные материалы. Нередко эти материалы имеют интересную творческую историю и существенно дополняют представление об объеме самого понятия «проза поэта». Это и достаточно ранние рукописные журналы «Муратовский сморчок» и «Муратовская вошь», арзамасские материалы; это и многочисленные учебные конспекты и планы, связанные с педагогической деятельностью Жуковского как воспитателя и наставника наследника, великого князя Александра Николаевича.

Проблема отбора и систематизации этого материала осложняется тем, что некоторые тексты входят в корпус дневников и эпистолярия, определяют лицо Жуковского-критика и характеризуют его эстетическую позицию. Поэтому становится почти неизбежным дублирование некоторых текстов в разных томах настоящего издания.

Готовя к печати последнее прижизненное издание (С 5), в девятый том (СПб., 1849), который он сам озаглавил «Сочинения в прозе», поэт включил произведения, написанные в 1808—1838 гг. Поздняя проза представлена текстами, созданными в 1821—1838 гг. Вот как это обозначено в оглавлении к тому:

1821	Рафаэлева Мадонна (Из письма о Дрезденской галерее).
	Путешествие по Саксонской Швейцарии.
	Отрывки из письма о Швейцарии.
1831	Взгляд на землю с неба.
1833	Отрывок письма из Швейцарии.
1834	Воспоминание о торжестве 30го 1834 года.
	Черты Истории Государства Российского (Отрывок).
1837	Последние минуты Пушкина.
1838	Письмо Карамзина к Графу Каподистрия.

Очевидно, что в этот том вошли не все прозаические тексты, написанные поэтом в данный промежуток времени и опубликованные в периодической печати. Так, за пределами С 5 остались шесть прозаических сказок, опубликованных Жуковским в «Детском собеседнике» за 1826 г., не включил он в том прозы некоторые свои публикации из «Вестника Европы» и «Северной пчелы». Была не разрешена к печати статья «Пожар Зимнего дворца», так и не появившаяся при жизни поэта. Вероятно, не успели к сдаче в печать девятого тома «Очерки Швеции», появившиеся в «Современнике» в самом конце 1838 г. По этой же причине не вошла в том и статья «Бородинская годовщина», написанная в сентябре 1839 г.

Но соотнося состав этого тома с предшествующим прижизненным изданием «Сочинений в прозе» (С 4. Т. 7. СПб., 1835), нельзя не заметить, что Жуковский был последователен в отборе материала для публикации. По сравнению

с С 4 в С 5 он добавил лишь «Черты Истории Государства Российского» и «Последние минуты Пушкина», появившиеся уже после сдачи в печать С 4 (ц. р. от 22 сентября 1834 г.).

Необходимо отметить и стремление Жуковского с максимальной полнотой представить в этих изданиях спектр своих прозаических опытов. Он дорожил своими травелогами, представляющими варианты писем к великой княгине Александре Федоровне из первого заграничного путешествия 1820—1822 гг., значимо было для него письмо к великому князю Александру Николаевичу от 1 (13) января 1833 г., развивающее его историософскую концепцию «горной философии» и впервые опубликованное под заглавием «Две Всемирные Истории» в журнале «Библиотека для чтения» (1835. Т. 9. Ч. 2), концепция «воспоминания» как «памяти сердца» отчетливо прослеживается в «Воспоминании о торжестве 30-го августа 1834 года» и в «Последних минутах Пушкина». Он настойчиво включает в два последних прижизненных собрания сочинений (С 4 и С 5) статью теологического характера «Взгляд на землю с неба», извлеченную из малотиражного педагогического журнала «Муравейник». В последнее прижизненное издание входит его педагогический трактат «Черты Истории Государства Российского». Одним словом, корпус прозы поэта 1821—1838 гг., сформированный им самим в конце 1840-х гг., стал ориентиром для посмертных изданий. К сожалению, этот корпус оказался далеко не полным, и некоторые прижизненные публикации остались практически невостребованными издателями собраний сочинений Жуковского.

Что касается прозы 1840-х годов, то ее судьба оказалась драматической, и это было связано с проблемами цензуры. Как явствует из письма Жуковского к П. А. Плетневу от 13 (25) июня 1850 г., три тетради «манускриптов прозы», которые он посылал ему с оказией для прохождения через цензуру и предварительную правку «ошибок переписчика», должны были составить «десятый том собрания сочинений моих» (Плетнев. Т. 3. С. 671—672). Как известно, книга прозы Жуковского, включающая тексты его прозаических сочинений 1840-х годов, по словам автора, потерпела «цензурное кораблекрушение» (Там же. Т. 3. С. 692). В письме от 1 (13) октября 1851 г. Плетнев, сообщая об этом, перечисляет все «пьесы», содержащиеся в трех рукописных тетрадях и нумерует их (по его подсчетам 33 сочинения; там же. С. 703—704). На самом деле, учитывая полный состав «Размышлений и замечаний», «Письма к Гоголю», состоящие из трех текстов, их было около 40. Сам Жуковский сожалел о том, что забыл включить в книгу прозы «письмо о Бородинском празднике» (Там же. Т. 3. С. 674). За ее пределами оказались и «Очерки Швеции», уже опубликованные в «Современнике» за 1838 г.

Благодаря деятельности специального комитета, созданного почти сразу же после смерти Николая I под председательством Д. Н. Блудова с участием

П. А. Плетнева, П. А. Вяземского, Ф. И. Тютчева, А. В. Никитенко, М. А. Корфа (см.: *Никитенко А. В.* Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 423), в первое посмертное издание прозы Жуковского (С 5. Т. 11. СПб., 1857) вошли все сочинения 1840-х гг., не прошедшие через цензуру. 13-й том этого издания был составлен из прозы предшествующего периода (были добавлены «Воспоминание о К. К. Мердере», «Очерки Швеции», «Бородинская годовщина», хотя и некоторые тексты, опубликованные поэтом в С 4 и С 5. Т. 7, были опущены), а также большой блок отрывков из писем царственным особам о важных событиях общественной жизни и другим лицам по поводу перевода «Одиссеи». Единственное заметное отступление от воли автора — это снятие заглавия у статьи «Русская и английская политика» (опубликована с подзаголовком «Письмо к Князю Варшавскому»), что было, по всей вероятности, связано с событиями Крымской войны 1853—1856 гг.

В предлагаемом томе предпринята первая в эдиционной практике попытка предствить прозу Жуковского 1810—1840-х гг. (после «Вестника Европы») с максимальной полнотой. Опираясь на рукописное наследие поэта, составитель и авторы примечаний стремились к воссозданию творческой истории текстов, к выявлению их журнальной судьбы, когда письмо превращалось в статью, нередко приобретая специальное заглавие и давая новую редакцию текста. Некоторые публикации журнальных и газетных статей впервые вошли в собрание сочинений. Особое значение приобрели материалы педагогической деятельности Жуковского: проект обучения великого князя, педагогические речи, учебные конспекты по истории. Наконец, для полноты картины поисков Жуковского-прозаика было решено впервые представить в полном объеме материалы юмористической периодики начала 1810-х гг., арзамасские документы, автором которых был секретарь «Арзамаса» — Жуковский — «Светлана» (1815—1818 гг.), журналы «одного автора», связанные с педагогической деятельностью воспитателя великого князя, — «Собиратель» (1829) и «Муравейник» (1831), «книгу прозы», запрещенную цензурой, — «Мысли и замечания» (1845—1848 гг.).

К сожалению, в том не вошел большой пласт прозы критико-эстетического характера. Такие статьи поэта, как «Рафаэлева мадонна», «Речь И. А. Крылову», «О стихотворениях Козлова», «О поэте и современном его значении», «О меланхолии в жизни и поэзии», «Две сцены из Фауста», «Об изящном искусстве», органично связаны с общим процессом эволюции прозаических опытов Жуковского. Нередко они были включены самим автором в своеобразные миницикллы, как, например, «Три письма к Гоголю», «Мысли и замечания». Но обилие подобных материалов, представленных многочисленными конспектами по теории и истории литературы, ранними статьями периода «Вестника Европы», обусловило наличие отдельного 12-го тома под

условным заглавием «Эстетика и критика», вышедшего ранее. Дублировать перечисленные тексты мы посчитали излишним. В примечаниях указано их место и значение в общем корпусе прозы 1810—1840-х гг. с необходимыми ссылками на материалы этого тома.

Во втором полутоме 11-го тома корпус прозы Жуковского венчает переложение текста «Нового Завета», сделанное Жуковским уже в конце жизни и отражающее своеобразие его религиозных и творческих исканий в период создания поэмы «Странствующий жид» и в контексте поздней прозы 1840-х гг. Этот необычный для «светского» писателя материал, свидетельствующий об интенсивности духовной жизни позднего Жуковского и серьезности его теологических интересов, подготовил для данного издания священник о. Димитрий Долгушин, в течение многих лет профессионально занимающийся изучением творческого наследия великого русского поэта. Своеобразие его комментария — органический синтез теологического и филологического подходов к этому уникальному тексту русской словесной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

<ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА>

Под редакторским заглавием «Юмористическая периодика» собраны прозаические юмористические тексты Жуковского, относящиеся к начальному периоду его жизни в семье Е. А. Протасовой: в мае 1811 г., после почти одновременной смерти М. Г. Буниной (13 мая 1811 г.) и Е. Д. Турчаниновой (Сальхи, 25 мая 1811 г.) Жуковский с разрешения Е. А. Протасовой поселился в ее семье в селе Муратове. Муратово — имение Е. А. Протасовой в Орловской губернии, недалеко от уездного г. Болхова, в 40 верстах от тульских имений членов бунинского семейства и г. Белева, где у Жуковского был свой дом. В 1810—1811 гг. Жуковский принял деятельное участие в постройке господского дома в Муратове, где и прожил в семействе Е. А. Протасовой с перерывами и отлучками с мая 1811 по июль 1814 г. (см.: *Афанасьев В. В.* «Родного неба милый свет…» В. А. Жуковский в Туле, Орле и Москве. Документальная повесть. М., 1980. С. 186).

Вторая половина 1811 г. — это время, когда вокруг Жуковского сложился родственно-дружеский кружок Протасовых, Киреевских, Плещеевых — черненско-муратовское юмористическое общество, время первого расцвета домашней поэзии Жуковского, в которой начала оформляться поэтика будущей арзамасской «галиматьи», особенно очевидная в таких текстах, относящихся к этому периоду, как стихотворения «Честные господа…», «Стонет витязь наш косматый», «Тебя хочу я днесь прославить…», «греческая баллада» «Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста» (см. комм.: ПССиП. Т. 1. С. 560), шуточная пьеса «Коловратно-куриозная сцена между господином Леандром, Пальясом и важным господином доктором» (см. комм.: ПССиП. Т. 7. С. 581—586). К этому же времени относятся заседания так называемой «Академии любопытных нахалов» («Académie des curieux impertinents»), протоколы которой публикуются в данном томе, а также выпуск юмористических домашних периодических изданий «Муратовский сморчок» и «Муратовская вошь», поэтика которых характеризуется той же автопародийной направленностью, что и поэтика других текстов этого периода: юмористическая периодика Жуковского явно имеет в виду его опыт издания и редактирования журнала «Вестник Европы» (1808—1809), в особенности рубрик «Политика» и «Смесь».

Три шуточных текста, сохранившиеся в бумагах А. А. Протасовой-Воейковой, расположены в хронологическом порядке.

I

Муратовская вошь
Периодическое издание
(Посвящается чувствительным душам)

(С. 9)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 28. Л. 1—2.

При жизни Жуковского не печаталось.

В п е р в ы е: *Соловьев*. Т. 2. С. 124—125, с неточностями, пропусками и ошибками чтения.

Печатается по тексту первой публикации со сверкой по автографу.

Д а т и р у е т с я: 4—20 августа 1811 г.

Автограф выполнен черными чернилами, на листе голубой сахарной бумаги с плохо просматриваемым водяным знаком, свернутом поперек вдвое. Год создания устанавливается по упоминанию кометы 1811 года: ее появление осенью 1811 г. зафиксировано историками Отечественной войны 1812 г. См.: *Богданович М.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 1. С. 92; *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1840. Ч. 1. С. 138—139. См. также: *Бродский Н. Л.* Комментарий к «Евгению Онегину» М., 1932. С. 20; *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С. 143.

[1] Между первым и вторым словом рисунок: вошь в двойном кружке.

[2] Заглавие рубрики подчеркнуто волнистой чертой.

[3] Имеется в виду хозяйка поместья Муратово, Е. А. Протасова.

[4] В. А. Жуковский, который принимал активное участие в проектировании и постороении барского дома в Муратове.

[5] *Гершель Уильям* (1738—1822) — знаменитый английский астроном, прославившийся своими наблюдениями над двойными звездами, Солнцем, Луной и кометами, результатом которых стали теории строения двойных звезд и движения комет. Имя Гершеля, несомненно, актуализировалось в связи с появлением кометы 1811—1812 гг.

[6] *Иван Никифорович Гринев* — преподаватель Белевского уездного училища, дававший уроки сестрам Протасовым в 1810—1811 гг. Можно предположить, что его домашним прозвищем было «алфавит» или «Альфабет Косматый»: в таком случае «подвижным придворным алфавитом» в записи от 4 августа тоже является он, равно как и упоминаемый далее в журнале «Муратовский сморчок», № 1 от 19 сентября 1811 г., в отделе «Политика», «генерал-фельдцейгмейстер *Альфабет Косматый*». По совпадению второй части антропонима — «Косматый» с первым ст. стихотворения «Стонет витязь наш косматый…» (см. комм.: ПССиП. Т. 1.

С. 557—558) можно допустить, что в шуточном журнале и стихотворении имеется в виду одно и то же лицо, а именно И. Н. Гринев.

[7] Младшая племянница Жуковского А. А. Протасова (Саша). К этому дню ее рождения Жуковский написал стихотворение <А. А. Протасовой> («Честные господа…»; ПССиП. Т. 1. С. 163, 556), каламбур которого «Август ясный твой <…> // Стал мрачным Сентябрем» согласуется с констатацией плохой погоды в юмористическом журнале.

[8] *Грации* — римск., греч. Хариты — богини радости, прелести и красоты, принадлежащие к свите Афродиты (Венеры). Граций было три: Аглая (блеск), Талия (счастье) и Эвфрозина (радость). Об устойчивости ассоциаций с грацией (харитой), которую вызывала у Жуковского Саша Протасова, свидетельствует обращение к ней «…ты, моя Харита») в стихотворении 1813 г. <К А. А. Протасовой> («Лишь я глаза открыл…»; ПССиП. Т. 1. С. 271, 626).

[9] *Геба* — греческая богиня молодости, дочь Зевса и Геры, бывшая виночерпием олимпийских богов наряду с Ганимедом.

[10] *Флора* — древнеримская богиня весны, расцвета, цветов и полевых плодов.

[11] *Анадиомена (Пеннорожденная)* — один из эпитетов Венеры, связанный с мифом о ее рождении из морской пены. Величайший художник древности Апеллес написал Венеру Анадиомену на своей самой известной картине, которая не сохранилась, но упоминается во многих текстах греческой «Антологии» и послужила образцом для многих пластических подражаний.

[12] *Григорий Дементьевич Минаков* (ок. 1743 — ок. 1833) — управляющий села Муратова, доверенное лицо дочери Маши Протасовой Е. И. Мойер-Елагиной, неоднократно упоминается в домашних стихотворениях 1811—1814 гг.: «Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста», <Протасовым> («Друзья! Пройдет два дни…»), «Записка к Полонским» («Обещанное исполнять…»): ПССиП. Т. 1. С. 174, 253, 351. Разыскания о нем см.: *Власов Владимир*. Дворянская усадьба Бунино. Орел, 2006. С. 35, 63.

[13] *Фаэтон* — в греч. мифологии — сын смертной женщины и бога Солнца Гелиоса, попросивший у отца разрешения проехать по небу на его колеснице. Гелиос, связанный клятвой исполнить любую просьбу сына, не мог ему отказать; Фаэтон не справился с огнедышащими конями бога, слишком приблизился к земле, которую охватил пожар, и был низвергнут в реку Эридан молнией Зевса, таким образом предотвратившего гибель всего живого.

[14] *Глиняная кошка*, кивающая головой, упоминается в повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка»: «Она [Лиза Муромская] повторила свою роль, на ходу низко кланялась и несколько раз потом качала головою, наподобие глиняных котов, говорила на крестьянском наречии, смеялась, закрываясь рукавом, и заслужила полное одобрение Насти» (Пушкин. Т. 8. С. 113). Были распространены в русском народном промысле, в том числе в Тульской губернии.

[15] Персонажи трагедии П. Корнеля «Гораций» (1640), написанной на сюжет древнеримского предания о соперничестве городов Рим и Альба Лонга, разрешенном

в поединке трех братьев Горациев со стороны Рима и трех братьев Куриациев со стороны Альба Лонги. Два Горация были убиты, третий же притворным бегством разъединил преследовавших его Куриациев и убил их одного за другим. Гораций вернулся в Рим с триумфом и убил свою сестру, оплакивавшую смерть своего жениха, одного из братьев Куриациев.

[16] *Камилла* — сестра Горациев.

II

<Программа, писанная рукою В. А. Жуковского>

(С. 11)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 2.
При жизни Жуковского не печаталась.
Впервые: *Соловьев*. Т. 2. С. 121—122.
Печатается по тексту первой публикации со сверкой по автографу.
Датируется: 31 августа 1811 г.

Автограф выполнен на одинарном листе белой сахарной бумаги черными чернилами, печатными буквами; обведен рамкой.

[1] Вверху листа — рисунок: шляпа мага, венок и волшебная палочка.

[2] Имеется в виду семейство А. А. Плещеева, проживавшее в имении Большая Чернь, расположенном в 40 верстах от Муратова. Об отношениях Жуковского и Плещеева см.: ПССиП. Т. 1. С. 566.

[3] *Армида* — персонаж поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Красота Армиды очаровала рыцаря-крестоносца Ринальдо, которого влюбившаяся в него Армида увезла на далекий остров, в зачарованный замок среди волшебных садов, где Ринальдо забыл о высокой цели, которой посвятил себя.

[4] *Избиение младенцев* — сюжет, изложенный в Евангелии от Матфея (Мф. 2; 3—16). Узнав от волхвов о рождении Христа в Вифлееме, царь иудейский Ирод I Великий (37—4 гг. до н. э.) встревожился, поскольку было предсказано о рождении того, кто должен был стать владыкой в Израиле. Чтобы обезопасить себя, Ирод, не сумев выведать от волхвов, пришедших поклониться новорожденному Спасителю, ничего, кроме названия города, где родился Мессия, приказал убить всех новорожденных младенцев в Вифлееме. Но Архангел Гавриил явился во сне Иосифу, предупредил его о беде, и семейство Иосифа убежало в Египет. Избиение младенцев — один из излюбленных живописных сюжетов.

[5] *Соломон* — сын Давида, с 965 г. до н. э. был царем объединенного израильско-иудейского царства. Считается величайшим царем Израиля. Суд Соломона — библейский сюжет, изложенный в Третьей книге Царств (3 Цар. 3; 16—28). Царь славился мудростью и рассудительностью. Однажды к нему на суд привели двух

женщин. Они жили в одном доме и родили сыновей почти одновременно. Затем один ребенок умер. Тогда одна из женщин подменила мертвого ребенка, взяв себе живого. Каждая утверждала, что оставшийся в живых — ее сын. Соломон приказал принести меч и рассечь живого ребенка надвое, чтобы отдать по половинке каждой женщине. Одна из женщин согласилась: «Пусть же не будет ни мне, ни тебе, рубите». Вторая умоляла отдать ребенка другой, лишь бы он остался жив. Всем стало ясно, что именно она настоящая мать. Известна картина Рубенса на этот сюжет.

[6] *Александр Македонский и его знаменитый конь Буцефал.* — Упомянуты в «Коловратно-куриозной сцене между Леандром, Пальясом и важным господином доктором: «О ужас! о позор! что делаешь, Леандр? // Пальяс не Буцефал, а ты не Александр!» (ПССиП. Т. 7. С. 221).

III

Муратовский сморчок

(С. 12)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. Р. 1. Оп. 9. № 29.

При жизни Жуковского не печатался.

В п е р в ы е: Соловьев. Т. 2. С. 122—124, с неточностями, пропусками и ошибками чтения.

Печатается по тексту первой публикации со сверкой по автографу.

Автограф выполнен на одинарном листке выцветшей бумаги, черными выцветшими чернилами; листок составляет, видимо, половинку стандартного.

[1] Между номером и датой рисунок: гриб, обведенный кружочком.

[2] Заглавие «Комиссия о построении Муратовского дома» пародийно обыгрывает название одной из самых значительных политических инициатив императрицы Екатерины II: созыв «Комиссии о сочинении нового Уложения». Ср. имя хозяйки поместья Муратово: Екатерина Афанасьевна, а также ее перифрастическую номинацию в газете «Муратовская вошь» (известие от 4 августа). В расширенном названии «греческой баллады» «Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста» Жуковский именует себя «председателем комиссии о построении Муратовского дома» (ПССиП. Т. 1. С. 560).

[3] Антропоним «Александр Муратовский» — А. А. Протасова — пародийное обыгрывание имени Александра Македонского.

[4] *Василий Высокий* — антропоним, под которым В. А. Жуковский вывел самого себя, каламбурно обыгрывает фамилию одного из действующих лиц юмористического издания «Муратовский сморчок»: Широкой (см. примеч. 10).

[5] Титул «*кавалер ордена трех печенок*» повторяется в расширенном названии «греческой баллады» «Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста» (ПССиП. Т. 1. С. 560).

[6] М. А. Протасова.

[7] Возможно, под шуточным антропонимом «Альфабет Косматый» подразумевается учитель сестер Протасовых, И. Н. Гринев. См. примеч. 6 к журналу «Муратовская вошь» и ПССиП. Т. 1. С. 557.

[8] *Птолемей Клавдий* (первая половина II в. после Р. Х.) — знаменитый греческий геометр, астроном и физик, живший в Александрии; автор геоцентрической теории небесных сфер, изложенной в его главном труде «Алмагест», который от своего появления в свет и до Коперника был единственным астрономическим кодексом.

[9] Священник храма Покрова в сельце Козловке, еще одном орловском имении Е. А. Протасовой. Этот персонаж упоминается в балладе «Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста»: «Пьян в восторге поп Покровский» (ПССиП. Т. 1. С. 174, 564). Как удалось установить краеведам, покровским приходским священником был Петр Васильев (*Власов Владимир*. Дворянская усадьба Бунино. С. 48).

[10] См. также: ПССиП. Т. 1. С. 165, 558. При сверке по автографу была установлена ошибка чтения в ст. 11: вместо «И полуостров преширокой» следует читать «И полуостров, и Широкой»; как это явствует из предшествующей тексту оды записи в журнале «Муратовский сморчок», Широкой — это фамилия или прозвище. Сведений об этом человеке обнаружить не удалось.

Почти полный текст этого стихотворения был «воспроизведен на памятном знаке, установленном в 1990 г. в честь поэта на “полуострове преширoком” между Холхом и Муратово…» (*Власов Владимир*. Дворянская усадьба Бунино. С. 34).

О. Лебедева

АРЗАМАССКИЕ ПРОТОКОЛЫ И РЕЧИ

В творческой биографии Жуковского октябрь 1815 г. — сентябрь 1817 г. отмечены его активным участием в жизни литературного общества «Арзамас». История «Арзамаса», арзамасские документы с максимальной полнотой и научной основательностью представлены в специальном сборнике «Арзамас: В двух книгах» (М., 1994). По замечанию автора вступительной статьи В. Э. Вацуро, «идет самоопределение новой общественно-литературной генерации» (Арзамас-2. Кн. 1. С. 7). В этом процессе Жуковскому принадлежит особое место. «Литературный Коломб Руси, открывший ей Америку романтизма в поэзии» (В. Г. Белинский), он выступил прежде всего как новатор. Именно его баллады всколыхнули литературное сознание эпохи и стали поводом для обострения литературной борьбы. 23 сентября 1815 г. в Петербурге состоялась премьера комедии одного из ярчайших представителей «Беседы любителей русского слова» А. А. Шаховского «Урок кокеткам или Липецкие воды», где был выведен «балладник Фиалкин». И хотя причины для полемики «архаистов» и «новаторов» вызревали уже давно, выпад Шаховского активизировал пародийно-полемическую деятельность сторонников Жуковского, его друзей и стал поводом для создания «Арзамаса».

Организационное заседание состоялось 14 октября 1815 г. Отрекшись от «имен своих», «все приняли на себя имена мученических баллад», а секретарем общества был избран их автор — В. А. Жуковский, получивший имя-прозвище Светлана. На этом заседании присутствовало всего шесть членов. Кроме Жуковского, это были «Их Превосходительства»: Чу! (Д. В. Дашков), Старушка (С. С. Уваров), Кассандра (Д. Н. Блудов), Громобой (С. П. Жихарев) и Эолова Арфа (А. И. Тургенев). Позднее к ним присоединилилось еще 14 членов, пройдя через специальную процедуру приема и произнесения речей.

Каждое заседание «Арзамаса» сопровождалось написанием особого протокола, автором большинства из которых был бессменный секретарь Жуковский-Светлана. Кроме его прозаических протоколов, были известны и стихотворные, написанные гекзаметром (см.: ПССиП. Т. 2. С. 56—62). К ним примыкали и речи Светланы, а также другие арзамасские документы, связанные с процедурными вопросами.

Все эти материалы, автором которых являлся Жуковский, воспроизводятся по автографам или копиям, хранящимся в архиве поэта; в примечаниях используются комментарии авторов сборников «Арзамас и арзамасские протоколы» (Л., 1933), «Арзамас: В двух книгах» (М., 1994).

1.
Протокол организационного заседания 14 октября 1815 г.

(«В лето первое от Липецкого потопа…»)
(С. 15)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 3—4.
В п е р в ы е: Арзамас-1. С. 82—84.

[1] …от *Липецкого потопа*… — Здесь и далее все реалии, связанные с Липецком, отсылают к комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам или Липецкие воды», ставшей поводом для создания «Арзамаса».

[2] …*месяца Паздерника*… — Названия месяцев в протоколах даются по-старославянскому календарю, пародируя архаические пристрастия беседчиков и их идеолога А. С. Шишкова.

[3] …*один из членов читал собравшимся братиям речь*… — Имеется в виду С. С. Уваров, речь которого не сохранилась. Указание на ее содержание имеется в другой речи Уварова от 11 ноября 1816 г. при приеме в «Арзамас» Д. А. Кавелина (Арзамас-2. Т. 1. С. 376—377).

[4] …*халдеями*… — Так арзамасцы называли членов Российской Академии и «Беседы любителей русского слова». О полисемантике этого понятия см.: Арзамас-2. Т. 1. С. 539—540.

[5] *Псалом Давида* — «Аще забуду тебя, Иерусалиме, забвенна будет десница моя» (Пс. 136:5).

[6] …*красную шапку*… — Красный колпак — головной убор французских якобинцев. Под красным колпаком арзамасцы произносили клятву при вступлении

в Общество; он же являлся согласно ритуалу «Арзамаса» необходимой принадлежностью председателя. На провинившихся арзамасцев надевали белый колпак.

[7] *…вкусный потрох…* — Город Арзамас Нижегородской губернии, давший название Обществу, славился гусями. Трапеза с поеданием гуся входила в ритуал «Арзамаса».

[8] *…в виду той перегородки ~ познакомила их с миром духовным.* — Ср. «Видение в какой-то ограде» Д. Н. Блудова («Один молодой член подошел к перегородке…»), написанное в 1815 году в ответ на «Липецкие воды» (Арзамас-2. Т. 1. С. 261).

[9] *…преобразование свое из в е т х и х арзамасцев ~ в н о в ы х…* — Имеется в виду переход прежних сторонников «нового слога» и их молодых последователей под знамена вновь организованного Общества.

[10] *Их Превосходительства…* — Так арзамасцы иронически именовали себя, пародируя важность и официальный характер заседаний беседчиков.

[11] *…четыре отсутствующих ветхих арзамасца…* — В. Л. Пушкин, П. А. Вяземский, К. Н. Батюшков и Д. В. Давыдов.

[12] *…стих одного покойного арзамасца: Les sots sont ici-bas pour nos menus plaisirs.* — Стих из комедии французского драматурга Ж.-Б.-Л. Грессе «Злой» (Le Méchant. Д. II. Сцена I. Перевод: Дураки здесь — деликатес в нашем меню). В своем «Конспекте по истории литературы и критики» (1805—1811) Жуковский отметил характер Ариста из этой комедии (ПССиП. Т. 12. С. 166). В 1821 г. вольное подражание этой комедии Грессе сочинил П. А. Катенин. Определение Грессе как «покойного арзамасца» характерно для стиля Общества, находившего своих соратников в литературе предшествующих эпох.

[13] *…иметь каждую неделю одно заседание.* — Это постановление выполнялось только первое время в течение 1815 г.; с 1816 г. заседания проводились примерно раз в месяц.

2.
Достопочтенному Ново-Арзамасскому обществу безвестных людей от секретаря оного общества Светланы

Донесение
(«Со времени возобновления Арзамаса…»)
(С. 18)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 118.

В п е р в ы е: Арзамас-1. С. 81.

Д а т и р у е т с я: около 21 октября 1815.

[1] *…к начертанию проекта законов…* — Подробнее о выработке законов Общества см. Арзамас-1. С. 62—64.

[2] *…по возобновлении Арзамаса день 9-й.* — По всей вероятности ошибка в подсчете (следует: 7-й), так как отсчет должен идти от 14 октября.

3.
Протокол заседания 22 октября 1815 г.

(«Месяца Паздерника в 22 день…»)
(С. 22)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 5—6.
В п е р в ы е: Арзамас-1. С. 84—88.

[1] …*проект печати*… — Ее воспроизведение (оттиск на дипломе, поднесенном Н. М. Карамзину) см.: Старина и новизна. Кн. 12. СПб., 1907. Между с. 334 и 335.

[2] Прочтено представление от ~ секретаря Светланы… — См. текст «Донесения».

[3] …*принять ~ нового члена*… — Речь идет о Ф. Ф. Вигеле, получившем прозвище Ивиков Журавль. Второй вариант прозвища: «Две огромные руки» (из баллады «Адельстан») — получил позднее А. Ф. Воейков.

[4] …*халдей с грузным толстопузием деревенского старосты*… — Намек на А. А. Шаховского, отличавшегося тучностью.

[5] …*убирается ли халдей тремя хохлами*… — По мнению М. С. Боровковой-Майковой, речь идет о члене «Беседы» Ф. П. Львове, который в «Письме к графине Н. Н. из Архангельска» так характеризовал себя:

> Прикажите меня нарисовать…
> В черном вытертом кафтане,
> А парик на мне хохлом… (Арзамас-1. С. 262).

[6] …*старик везде и нигде*… — Персонаж повести немецкого писателя Х.-Г. Шписа под тем же заглавием (Ч. 1—3. М., 1806). Как известно, Жуковский обращается в это время к его творчеству, сделав вольное переложение романа «Die zwölf schlafenden Jungfrauen» («Двенадцать спящих дев»). Первая часть «Старинной повести в двух балладах» — «Громобой» получила уже популярность, а имя ее героя стало арзамасским прозвищем С. П. Жихарева.

[7] *Conservateur impartial.* — Каламбурное обыгрывание названия газеты на французском языке, выходившей в СПб. (1813—1826) при Коллегии иностранных дел.

4.
Достопочтенному Ново-Арзамасскому обществу безвестных людей от секретаря оного общества Светланы

Донесение

(«Избрание в президенты…»)
(С. 22)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 119.
В п е р в ы е: Арзамас-1. С. 88—89.
Д а т и р у е т с я: 29 октября 1815 г.

[1] *…по возобновлении Арзамаса день 17, месяца Паздерника день 29.* — По-видимому, ошибка в подсчете, следует: день 15.

5.
Протокол заседания 29 октября 1815 г.

(«Месяца Паздерника в 29 день…»)
(С. 22)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 7.
Впервые: Арзамас-1. С. 89—90.

[1] *…некоему милому певцу Беседы…* — Адресатом речи Д. В. Дашкова (Чу!) считался А. А. Шаховской (Арзамас-1. С. 39), но, как указывает В. Э. Вацуро, вероятнее всего, «речь посвящена М. В. Милонову, на которого намекает и повторяющееся определение "милый певец"» (Арзамас-2. Т. 1. С. 542).

[2] *…несколько эпиграмматических излияний отсутствующего члена Асмодея…* — В письме к П. А. Вяземскому от 19 октября 1815 г., рассказывая об учреждении «Арзамасского общества безвестных людей», Жуковский предлагал ему прозвище Асмодей. По всей вероятности, Вяземский принял это предложение сразу же. Что касается «эпиграмматических излияний», то, как явствует из письма Жуковского к Вяземскому от начала ноября 1815 г., речь идет об эпиграммах на А. А. Шаховского: «Твои эпиграммы на Шутовского прекрасные» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 73. Сообщено С. И. Пановым). Впоследствии они составили «Поэтический венок Шутовского, поднесенный ему раз навсегда за многие подвиги».

6.
Ответ Светланы на речь Громобоя

(«Приятно для странника, скитающегося…»)
(С. 24)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 12—13.
Впервые: Арзамас-1. С. 97—100.
Датируется: 29 октября 1815 г.

Основанием для датировки является время вступления в «Арзамас» С. П. Жихарева.

[1] *Брат усопший, брат воскресший…* — Имеется в виду С. П. Жихарев (Громобой), бывший до вступления в «Арзамас» членом «Беседы».

[2] *Курций Марк* (IV в. до н. э.) — римский юноша, бросившийся в пропасть для спасения отечества; символ патриотической самоотверженности.

[3] *…именуется Атреем…* — Трагедия в стихах французского драматурга Проспера-Жолио Кребийона «Атрей и Фиест», переведенная С. П. Жихаревым и поставленная в Петербурге в конце 1811 г. (ИРДТ. Т. 2. С. 454).

[4] *…розовый Черт…* — Имеется в виду комедия в 1 д. с танцами «Черт розового цвета», вольный перевод с франц. С. П. Жихаревым оперы-водевиля Л. Шамприона «Le diable couleur de rose, ou Le bonhomme misère». Шла в Петербурге в декабре 1811 г. (ИРДТ. Т. 2. С. 537).

[5] *…толпою уединенных Бардов…* — Имеется в виду поэма Степана Жихарева «Октябрьская ночь, или Барды» (СПб., 1808). Ср.: «Здесь тени сонмами сидят уединенны…» (*Макферсон Джеймс*. Поэмы Оссиана. Л., 1983. С. 366). Позднее сам автор рассматривал ее как соревнование с поэмами «в роде Боброва» и оценивал так: «Это была великолепная ахинея, но тогда имела некоторый успех, как большею частью все громкое, мрачное и напыщенное» (*Жихарев С. П.* Записки современника. Т. 2. Л., 1989. С. 170).

[6] *…у титулярного советника Василия Тимофеевича Кашкина.*. — В. Т. Кашкин — столоначальник второго отделения Медицинского департамента, заведующий его типографией, принимавший участие в издании «Стихотворений Василия Жуковского» (СПб.: В Медицинской типографии, 1815—1816). В собрании РГБ находится экземпляр этого издания с дарственной надписью автора В. Т. Кашкину (Сводный каталог русской книги. 1801—1825. М., 2007. Т. 2. С. 60. № 2815).

[7] Один ~ восклицал: *я в шубе*! — Имеется в виду А. А. Шаховской, автор ироикомической поэмы «Расхищенные шубы».

[8] Другой ~ говорил: *Это храм славы*! *Это русские ирои*! — Речь идет о П. Ю. Львове, авторе сочинения «Храм Славы российских ироев, от времен Гостомысла до царствования Романовых» (СПб., 1803).

[9] …некая германская *Луиза*… — Поэма немецкого писателя И. Г. Фосса «Луиза». В печати перевод «Луизы» Жихарева неизвестен. Но в планах арзамасского журнала под именем Громобоя указаны «Отрывок из Луизы (4 страницы)» (Арзамас-2. Т. 1. С. 463).

[10] *…дед седой…* — А. С. Шишков.

[11] *…Липецкий потопитель…* — А. А. Шаховской.

7.
Протокол заседания 11 ноября 1815 г.

(«Месяца Листопада в первый надесять день…»
(С. 26)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 15.
Впервые: Арзамас-1. С. 101—103.

[1] *…одного графа, одного скотолюба Димитрия, но не Донского, а Кубрского…* — Имеется в виду объект многочисленных арзамасских пародий граф Дмитрий Иванович Хвостов, «певец Кубры» (река, у которой расположена была его усадьба

и которую он воспевал в своей поэзии). «Скотолюбом» он назван, вероятно, потому, что к своим «Притчам» избрал эпиграф: «Все звери говорят, а сам молчит поэт».

[2] *А почтенный президент Чу ~ в краткой речи…* — Речь Д. В. Дашкова не известна.

[3] *…о моем друге месяце…* — Имеется особое пристрастие Жуковского к лунным пейзажам и месяцу, что нашло свое отражение в «Подробном отчете о луне», где поэт представил своеобразный каталог своей селенологии.

[4] *…склевал одного воинствующего лягушонка…* — Речь идет о М. Н. Загоскине (Арзамас-1. С. 266), выступившем в своей «Комедии против комедии, или Урок волокитам» в защиту автора «Липецких вод». Об отношении Ф. Ф. Вигеля (Ивикова Журавля) к этой комедии и его реакции на нее см.: Арзамас-2. Т. 1. С. 75—76.

[5] *Где гусь? — Он там! — Где там? — Не знаю!* — Шуточная парафраза стиха Г. Р. Державина из оды «На смерть К. Мещерского»: «Где ж он? — Он там; — Где там? — Не знаем».

8.
Речь Светланы
(«Если бы в сию торжественную минуту…»)
(С. 28)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 16—17.

В п е р в ы е: Арзамас-1. С. 103—109; на с. 105 — фотокопия автографа Жуковского.

Д а т и р у е т с я: 11 ноября 1815 г.

[1] *…желтый дом сумасшествия…* — Этот дом — старейшая в Петербурге Обуховская больница, в которой до 1856 г. содержались умалишенные. Находился недалеко от особняка Державина (современный адрес: наб. реки Фонтанки, 118), где проходили заседания Беседы.

[2] «*Рассуждение о старом и новом слоге*» — сочинение А. С. Шишкова. О Жуковском — читателе и критике этого трактата см.: БЖ. Ч. 1. С. 105—123.

[3] *…двух статей, переведенных из господина Лагарпа.* — Статьи французского критика Ж. Ф. Лагарпа из «Лицея» были переведены А. С. Шишковым с его примечаниями. Д. В. Дашков написал критическую статью на них (Цветник. 1810. № 11. С. 256—303; № 12. С. 404—467).

[4] *Один лежит в виде огромного великана…* — Имеется в виду А. А. Шаховской.

[5] *Другой предстоит величественным мухомором…* — Речь идет о П. Ю. Львове.

[6] *…третий во образе славной жены Яги Бабы…* — И. С. Захаров.

[7] *…четвертый как бы старинная фляга без пробки…* — Видимо, А. С. Шишков.

[8] *…пятый, огромный волот…* — С. А. Ширинский-Шихматов. Волот — существо из славянской мифологии, отличавшееся необычным ростом, а иногда и силой.

[9] *Но кто сей ~ угомонится кащей бессмертный.* — Весь этот фрагмент — характеристика Д. И. Хвостова, «певца Кубры» («Река Кубра катится ли по песку, и он ложится там, где ее песок»).

[10] *…осел, зацепивший за ветку ее длинными ушами…* — Отрывок из басни Хвостова «Осел и Рябина». Далее все выделенные курсивом слова — цитаты из других басен того же автора: «Летучая Мышь», «Орлица, Веприца и Кошка», «Сука и Щенята», «Заячьи Уши», «Совет Мышей», «Эмпедокл и Туфли», «Мыши и Орехи», «Лягушка и Бык», «Разборчивая Невеста», «Туча, Горы и Куча», «Кривая Лисица», «Табашник и Борей», «Лещ и Лещата», «Хвастливая Лягушка», «Две Сумы», «Падагра и Паук», «Болван и Богомольцы», «Собака без ушей», «Два Голубя», «Два Плешивые», «Солнце и Молния».

[11] «*Что делаем скоты? Кого погребаем*?» — Ироническая перефразировка из «Слова на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича: «Что делаем? Петра Великого погребаем!»

[12] Далее в рукописи зачеркнуто:

> «Ты ли это, граф Дмитрий Иванович?» — вопросили мои уста… «Так, точно ты», — отвечали мои уста. О, для чего покинул нас! Кто принуждал тебя вступать в сию Беседу, где смерть царствует, где мыши, упитанные трудами Александра Семеновича и твоими и прочих, кажутся не мышами, а большими шавками! Зачем вступил ты в сию Беседу! Но что напрасно сетовать: его нет! Приступите, скоты, приступите, звери вельможные! Бросьте окрест себя взоры… вот все, что великолепие и слава сделали для воздаяния надлежащей почести вашему герою! Притчи, послания, лирические стихотворения, горестные знаки небытия! Трагедия «Андромаха», в которой надобно плакать от горести и в которой плачешь от смеха! Колонны, составленные из нераскупленных изданий, печатные вздоры, которые как будто к небесам возносят великолепное свидетельство ничтожности, и посреди сих почестей невидим один только тот, кому они воздаются.

Другие разночтения в тексте «Речи Светланы»:

…бесовское зрелище бы нам открылось… — Далее зачеркнуто: где и когда совершилось такое множество…

…молчание страшное… — Зачеркнуто: которого никогда не прерывало веселое слово здравого смысла.

… жалкий скелет… — Первоначально: горестный жалкий прах.

Но вот они сии покойники. — Далее зачеркнуты две строки: я вижу их лежащих рядком составив мистический круг из гробов своих.

…губительным Кроном… — Первоначально: рукою губительного времени.

…еще тянутся из утробы его. — На полях листа, против этого абзаца приписано в столбец:

Шихм.
Львов.
Шаховск.
Шишк.
Захар.
А. С. Хв.
Хвост.

Далее именно эти фамилии обыгрываются в тексте «Речи Светланы».

…неутомимый поденщик ничтожества. — Далее зачеркнуто: Ежедневно кончает он на…

…законным браком… — Далее зачеркнуто: он умирает в эпиталаме.

…как он опять подымается… — Зачеркнуто: снова умирает.

…волокут его в могилу… — Черновой вариант: его тащат.

…перед ним похвальное слово. — … ему речь похвальную.

…он сам от… — Далее зачеркнуто: от сильного внутреннего движения оборвался с рябины и в горести

…сделался сам оратором. — Далее следовало: Вот порхает унылая…

А я разве менее несчастна… — Черновой вариант: Мне что делать…

…я разделяю твою горесть… — сравнить ли тебе горесть с моею…

…меланхолическая Туфля… — горестная Туфля…

…забыв своего Эмпедокла. — Далее зачеркнуто: во мне были орехи, и я начала было учиться философии. Эмпедокл (ок. 495—435 до н. э.) — древнегреч. философ.

…Собаку без ушей… — Далее зачеркнуто: и думали, что этот хвост есть уши.

…восклицал в сумасшествии… — Черновой вариант: восклицал в судорогах как бы в отчаянном бешенстве.

…лежали в конвульсиях… — Далее зачеркнуто: О друзья мои, и я был зрителем [свидетелем] этой картины, раздирающей мою душу! Воспоминание об этом зрелище так сильно проникает душу мою, что я должен умолкнуть.

9.
Протокол заседания 18 ноября 1815 г.

(«Месяца Листопада в осьмыйнадесять день…»)
(С. 31)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 18—19.
В п е р в ы е: Арзамас-1. С. 109—112.

[1] *…родной племянник и всего Арзамаса.* — Речь идет о Павле Петровиче Писемском (1797—1857), московском хлебосоле, гвардии прапорщике, племяннике Д. Н. Блудова.

[2] *…так превосходно описывает ~ Бюффон.* — Имеется в виду французский естествоиспытатель Жорж Луи Леклерк Бюффон (1707—1788), автор многотомной «Естественной истории». В библиотеке поэта находятся все 56 томов этого сочинения с многочисленными пометками и записями, а также с закладками, на которых написаны наименования различных животных (Описание. № 739).

[3] *Убийцею, или Лешим, или Плешивым месяцем.* — Перечислены две баллады П. А. Катенина «Убийца» и «Леший», а также образ Плешивого месяца из первой баллады. В них автор вступал в полемику с балладами Жуковского.

[4] …вытвердить наизусть *Похвалу женам*… — «Похвала женам. Слово, произнесенное в Беседе любителей русской словесности. Сочинение сенатора Захарова. СПб., 1811». И. С. Захаров (1754—1816) — член Беседы, верный последователь А. С. Шишкова.

[5] …*одним германским арзамасцем*. — Имеется в виду известный немецкий писатель-просветитель И.-Г. Гердер. Ранее упоминаются его сочинения: «Повесть о собаке Баркуф» и «Парамифии», переводчиком которых называется Чу (Д. В. Дашков). О рукописном переводе «Парамифий», сделанном Дашковым, П. А. Вяземский упоминает в статье «Об альманахах 1827 года» (*Вяземский*. ПСС. Т. 2. С. 13). Жуковский предполагал, вероятно, включить этот перевод в собрание переводов из образцовых немецких писателей, о чем сообщал Д. В. Дашкову в 1817 г. (РА. 1868. № 4—5. С. 843). Об интересе Жуковского к наследию Гердера подробнее см.: *Реморова*. С. 125—234.

10.
Протокол заседания 25 ноября 1815 г.

(«Месяца Листопада в двадесять пятый день…»)
(С. 34)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 20—21.
В п е р в ы е: Арзамас-1. С. 116—118.

[1] …*панихиду некоторой заморской покойнице*… — Как явствует из речи Старушки (С. С. Уваров), объектом «панихиды» была поэтесса и переводчица, член Беседы Анна Петровна Бунина (1774—1828), которую К. Н. Батюшков в эпиграмме назвал «новой Сафо» (Батюшков. Т. 1. С. 240). В своей речи Уваров травестировал легенду о Сафо, бросившейся в море от несчастной любви к Фаону. 29 июля 1815 г. Бунина уехала морем в Англию для лечения рака груди.

[2] *Очарованный Челнок*. — Под этим прозвищем из баллады Жуковского «Адельстан» в «Арзамас» был принят дипломат, советник русской миссии в Северо-Американских Соединенных Штатах Петр Иванович Полетика (1778—1849). Приехал в Петербург между 14 и 24 ноября (Арзамас-2. Кн. 1. С. 548).

[3] *Резвый Кот*. — Это прозвище из баллады «Пустынник» получил дипломат, посланник в Швейцарии Дмитрий Петрович Северин (1792—1865). О переписке Жуковского и Северина в последующие годы и ее арзамасском подтексте см.: Жуковский. Исследования и материалы. Вып. 1. Томск, 2010. С. 460—509. Публикация Э. М. Жиляковой.

[4] *Дымная Печурка*. — Под этим прозвищем из баллады «Пустынник» в «Арзамас» был принят поэт и журналист А. Ф. Воейков.

11.
Протокол заседания 16 декабря 1815 г.

(«Месяца Студеня в шестойнадесятый день…»)
(С. 36)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 28.
В п е р в ы е: Арзамас-1. С. 125—127.

[1] *Читан был некий Гимн…* — Имеется в виду «Певец в Кремле» Жуковского. И хотя в примечании к первому изданию (СПб., 1816) автор сообщал: «Сии стихи написаны в конце 1814 года», работа над текстом продолжалась до 1 ноября 1816 г. Само заглавие произведения тоже менялось. Так, например, первое издание (СПб.: В Медицинской типографии, 1816) вышло под названием «Певец на Кремле». Подробнее см.: ПССиП. Т. 2. С. 458—461.

12.
Протокол заседания 24 декабря 1815 г.

(«Месяца Студеня в двадесять четвертый день…»)
(С. 38)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 32.
В п е р в ы е: Арзамас-1. С. 132—133.

[1] *…промурлыкал ~ погребальную приветственную панихиду…* — Речь Северина (Резвый Кот) не сохранилась. По предположению М. С. Боровковой-Майковой, она была посвящена библиографу и переводчику В. Г. Анастасевичу (1775—1845), сотруднику Беседы (Арзамас-1. С. 41).

[2] *…в ресторации, именуемой город Лондон…* — Ресторация «Лондон» находилась на Невском проспекте, против Адмиралтейства.

[3] *…злохитрому Ваське-коту…* — Речь идет о басне И. А. Крылова «Кот и Повар».

13.
Протокол заседания 24 февраля 1816 г.

(«Месяца Лютого в 24 день, от Липецкого потопа…»)
(С. 39)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 33.
В п е р в ы е: Арзамас-1. С. 134—135.

[1] *Асмодей.* — Под этим прозвищем из баллады «Громобой» в «Арзамас» вступил П. А. Вяземский, эпиграмматический цикл которого под общим заглавием «Поэтический венок Шутовского, поднесенный ему раз навсегда за многие подвиги» получил признание арзамасцев. Проживая постоянно в Москве и

подмосковном своем имении Остафьево, Вяземский был нечастым гостем на заседаниях Общества.

[2] *Его подвергнули испытаниям…* — По воспоминаниям Ф. Ф. Вигеля и М. А. Дмитриева (Арзамас-2. Кн. 1. С. 88—89, 119), ритуал, воссозданный в протоколе, в отношении Вяземского не был соблюден. Его описание стало реальностью в отношении к В. Л. Пушкину при его вступлении в «Арзамас».

[3] *…забодал некоего ядовитого москвича…* — Как явствует из речи Асмодея, объектом его сатиры стал поэт и переводчик, член «Беседы» П. И. Голенищев-Кутузов (1767—1829), выведенный под прозвищем Картузов.

[4] *…кто сидел впереди…* — Намек на «Балладу, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди» Жуковского, где речь идет о дьяволе.

[5] *…его превосходительства Вот, знаменитого Буяна посреди халдеев…* — Речь идет о поэте В. Л. Пушкине, получившем прозвище Вот из баллады «Светлана» (варианты: «Вот я Вас», «Вотрушка», «Вот я вас опять»). Эпитет «знаменитый Буян» — напоминание о герое широко известной поэмы Василия Львовича «Опасный сосед» Буянове.

14.
Протокол заседания в первой половине марта 1816 г.

(«Месяца (по свидетельству его превосходительства Кассандры) Вресеня…») (С. 40)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 38. Б. д.

В п е р в ы е: Арзамас-1. С. 140—142.

[1] Подробнее о времени приема В. Л. Пушкина в «Арзамас» и о датировке протокола см. Арзамас-1. С. 273.

[2] *…комический клещун господин Гавиньи…* — Француз, живший в доме С. С. Уварова. По воспоминаниям М. А. Дмитриева, одно из испытаний, которому был подвергнут В. Л. Пушкин во время приема в «Арзамас», заключалось в том, что лежа под шубами он «должен был выслушать чтение целой французской трагедии какого-то француза, петербургского автора, которую и читал сам автор». Подробнее см.: Арзамас-1. С. 275. Слово «клещун» — неологизм Жуковского, возможно, восходящий к слову «клешняк» — животное с клещами (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 2. СПб.; М., 1881. С. 118).

[3] *Впредь утро похвалю, как вечер уж наступит…* — Цитата из басни «Чижик и Зяблица» И. И. Дмитриева.

[4] *Риноцерос* — носорог.

[5] *…сиять в веках…* — Ср. в басне И. И. Дмитриева «Лебеди и Гагары»:

Но, право, истинный талант не помрачите:
Удел его: сиять в веках.

15.
Речь Светланы члену Вот, лежащему под шубами
(«Какое зрелище пред очами моими?..»)
(С. 42)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 39.
В п е р в ы е: РА. 1876. Кн. 1. С. 63—64.
Д а т и р у е т с я: первая половина марта 1816 г.

[1] *…обитель нечистых барышень <…> сундук* — Реалии из поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед».

[2] *…видел в Париже не одни переулки…* — Ответ на нападки А. С. Шишкова, который в «Присовокуплении» к «Рассуждению о красноречии Священного писания» упрекал В. Л. Пушкина в том, что «благонравию и знаниям он учился в Парижских переулках». Сам В. Л. Пушкин в послании «К Д. В. Дашкову» (1811) писал:

Не улицы одни, не площади и домы,
Сен-Пьер, Делиль, Фонтан мне были там знакомы.

[3] *Фонтан Луи де* (1757—1821) — французский поэт и оратор, государственный деятель.

[4] *Делиль Жак* (1738—1813) — французский поэт, к творчеству которого обращался Жуковский. Так, в 1806 г. он перевел «Отрывок из Делилева Дифирамба на бессмертие души». В это же время арзамасец А. Ф. Воейков отдал в печать свой перевод поэмы Делиля «Сады». Об этом см.: *Лотман Ю. М.* «Сады» Делиля в переводе Воейкова и их место в русской литературе // *Делиль Жак.* Сады. Л., 1988. С. 191—209.

[5] *…обратил дородного Крылова в легкокрылую малиновку…* — Имеется в виду басня В. Л. Пушкина «Завистники соловья», где Крылов в «Беседе» иносказательно изображен в виде малиновки в «шайке сычей» (Арзамас-1. С. 275).

[6] *Энцелад* — титан, восставший против Зевса, поразившего его молнией и бросившего на него гору Этну.

[7] *…утесистый стих…* — Имеется в виду стих «Прямой талант везде поклонников найдет» из поэмы «Опасный сосед» В. Л. Пушкина. См.: Арзамас-2. Кн. 2. С. 484.

[8] *…метель расхищенных шуб…* — Обыгрывание заглавия ироикомической поэмы А. А. Шаховского «Расхищенные шубы».

[9] *Тело его покрыто проказою сотрудничества…* — В. Л. Пушкин был членом Московского Общества любителей российской словесности.

[10] *…терпение, любезный!* — Заключительный стих послания В. Л. Пушкина «К Д. В. Дашкову» (1813).

[11] *Чудище, обло, озорно, тризевно и лаяй…* — Стих из поэмы В. К. Тредиаковского «Тилемахида».

[12] *…низложи сего Пифона…* — Травестирование мифа об Аполлоне, поразившем стрелой чудовище Пифона.

16.
Протокол заседания 15 марта 1816 г.

(«Месяца Березозола в пятыйнадесять день…»)
(С. 43)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 51—52.

В п е р в ы е: Арзамас-1. С. 152—156.

[1] *Месяца Березозола…* — Ошибка, так как речь идет об апреле. Необходимо: 15 Вресеня (марта).

[2] *…в заключение одного перевода своего…* — Первоначально в рукописи: *перевода своего «Дидоны»*. Речь идет о сцене смерти Дидоны («Дидона (Энеиды Виргилиевой книга IV)» Мерзлякова: «последний вздох… ни взора, ни привета». См.: Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев А. Мерзлякова. Ч. 1. М., 1825. С. 218).

[3] *…тою моською, которая лаяла на слона…* — Имеется в виду басня И. А. Крылова «Слон и Моська».

[4] *Варюшку <…> сундуке <…> сизым котом <…> медных тазов <…> пуниш…* — Реалии из поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед».

17.
Речь, читанная при вручении диплома господину Историографу в конце марта 1816 г.

(«Неизъяснимо счастлив я в сию достопамятную минуту!..»)
(С. 46)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 54.

В п е р в ы е: Арзамас-1. С. 158—159.

Д а т и р у е т с я: между 19 и 23 марта 1816 г. (Арзамас-2. Кн. 1. С. 561).

Истоки «Арзамаса» нередко связывают с борьбой «карамзинистов» и «шишковистов», развернувшейся уже в начале 1800-х годов. И хотя этот этап литературного развития требует более комплексного исследования и уточняющих характеристик, нельзя не согласиться с мнением В. Э. Вацуро: «Вокруг Карамзина и его “Вестника Европы” собираются молодые литературные силы» (Арзамас-2. Кн. 1. С. 7). Менялись литературные вкусы, менялся сам Карамзин, но для арзамасцев он оставался духовным отцом, и его «святое имя» было символом нового времени. Но теперь к этому имени они настойчиво добавляют определения «наш историк», «историограф», «не только историограф, но и историк России».

Речь Жуковского в марте 1816 г., читанная при вручении диплома Карамзину, — отражение этой позиции. «История Государства Российского» последовательно входит в арсенал арзамасского мировоззрения.

2 марта 1816 г. Н. М. Карамзин писал Е. А. Карамзиной из Петербурга: «…À propos d’Histoire: читал ее арзамасцам. <…> Сказать правду, здесь не знаю ничего умнее

арзамасцев: с ними бы жить и умереть…» (Арзамас-2. Кн. 1. С. 331). Врученный Карамзину диплом рассматривался арзамасцами как «вексель на дружбу» (Там же. С. 349).

18.
От Арзамасского общества безвестных людей почетному и известному Историографу всея России господину кавалеру Анны и Славы Карамзину доброжелательный поклон и дружеское рукопожатие

(«Известно нам, что Ваше Высокородие занимаетесь описанием…»)
(С. 47)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 56.

Копия: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1.

Впервые: Старина и новизна. Кн. 12. М., 1907. Между С. 334—335 <…>. Примечание на с. 334: «Текст диплома написан рукой В. А. Жуковского, подписи арзамасцев собственноручные». Здесь же указан и размер диплома: 88,7 × 26 см (по другому списку, подписанному большинством арзамасцев, с некоторыми разночтениями).

Републикация: Арзамас-1. С. 159—160.

Датируется: март 1816 г.

[1] *Леклерк Никола Габриэль* (1726—1798) — французский историк, автор «Физической, гражданской, нравственной истории древней России» (1783—1784).

[2] *Левек Пьер Шарль* (1737—1812) — французский историк, автор «Истории России» (1782—1783). Во время пребывания в Париже (май 1790 г.) Карамзин встречался с Левеком и дал обстоятельную характеристику его «Истории России». Признавая в нем писателя «не без дарования, не без достоинств», Карамзин замечает: «Россия не мать ему; не наша кровь течет в его жилах; может ли он говорить о Русских с таким чувством, как Русской? Всего же более не люблю его за то, что он унижает Петра Великого…» (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 253).

[3] <*Асмодей*> — имя вписано только в копии.

19.
Протокол заседания 24 декабря 1816 г.*

(«От Липецкого потопа в лето второе…»)
(С. 48)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 73.

Впервые: Арзамас-1. С. 180—181.

* 14 и 15-е заседания происходили в отсутствие Жуковского. См. примеч. 4.

[1] *…не утопил ни одного беседного Эдвина…* — Пародийное развитие образной системы баллады «Варвик». Младенец Эдвин стал жертвой «злого Варвика».

[2] *…и не вступил еще как повелитель в святилище Арзамаса.* — Парафраза из той же баллады. Ср.:

И в Ирлингфор уже, как повелитель,
Торжественно вступил.

[3] *…весьма любезный Салтыков…* — Михаил Александрович Салтыков (1767—1851), попечитель Казанского учебного округа, почетный арзамасец, «не только умный друг ума и вкуса, но еще и опасный и терпеливый враг глупцов Беседных и глупцов академических…» (Арзамас-2. Т. 1. С. 372).

[4] *Секретарь Светлана представил членам донесение о своих поступках…* — С начала апреля до 12 декабря Жуковский находился в Дерпте. Обязанности секретаря временно исполнял Д. Н. Блудов (Кассандра). В этот период поэт интенсивно занимался творческой деятельностью, создав цикл идиллий из Гебеля, стихотворения «Верность до гроба», «Там небеса и воды ясны!…», «Весеннее чувство», послания к Т. Е. Боку, завершил работу над «Певцом в Кремле», подготовил к печати первое издание «Стихотворений».

[5] *Очаровательный овсяный кисель…* — Имеется в виду идиллия «Овсяный кисель», перевод стихотворения немецкого поэта И. П. Гебеля «Das Habermus».

[6] *Гекзаметрическая сказочка…* — Речь идет о сказке «Красный карбункул», переведенной из Гебеля.

[7] *Повесть о том, как некоторый Вадим…* — Замысел «Вадима» (первоначально «Искупление») относится еще к 1810 г. Вместе с «Громобоем» он должен был составить балладную дилогию («Старинная повесть в двух балладах») «Двенадцать спящих дев». Работа над «Вадимом» была завершена 29 июня 1817 г.

[8] *Светлана стала чухна чухною…* — Эта характеристика восходит к стихотворной вставке К. Н. Батюшкова из его письма к П. А. Вяземскому от июля-августа 1816 г. Повествуя о переводе «Песни Гаральда Смелого», Батюшков рассказывает, что в процессе работы он нашел «маленькую перемену» в своем герое: «Прекрасный идеал исчез…» — «И весь герой — Чухна Чухной» (Батюшков. Т. 2. С. 393).

20.
Речь В. А. Жуковского при возвращении к обязанностям секретаря Арзамаса

(«С горем пополам принимаю обратно…»)
(С. 49)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 74—75.
Впервые: Арзамас-1. С. 182—186.
Датируется: по всей вероятности, 24 декабря 1816 г.

[1] *…о неописанном канальстве члена Вот я Васа, о той стихотворной дряни…* — Речь идет о «дорожных стихах» В. Л. Пушкина и о той реакции, которую они вызвали на заседании «Арзамаса» от 20 апреля 1816 г. (подробнее см.: Арзамас-2. Т. 1. С. 353—355, 358—363).

[2] *…земля лишилась своего небесного гостя!* — Говоря о смерти Г. Р. Державина, который скончался 8 (20) июля 1816 г., Жуковский использует образную систему своих эстетических манифестов 1810-х гг., предвосхищая идеи и фразеологию элегии «На кончину Ея Величества королевы Виртембергской».

[3] *…под личиною двенадцатилетнего отрока в библиографии господина Сопикова…* — По мнению М. С. Боровковой-Майковой, «с некоторой долей вероятности в намеке Жуковского <…> можно видеть указание на Шишкова как автора сочинения: “Подарок моему родителю в день его ангела, или труды двенадцатилетнего отрока, купеческого сына Никиты Голтикова”» (Арзамас-1. С. 283). Это сочинение «Седого Деда» описано в «Опыте Российской Библиографии» (Ч. IV. СПб., 1816) В. С. Сопикова (1765—1818), известного книговеда, основоположника русской библиографии.

[4] *…один Гашпар неугомоним: он врет из Флоренции…* — Имеется в виду А. А. Шаховской, который в это время путешествовал по Италии и регулярно посылал оттуда свои путевые заметки. Так, в «Сыне отечества» (1816. № 46. С. 16—26) было опубликовано «Письмо русского из Флоренции», на которое, вероятно, и обратил внимание Жуковский. Гашпаром звали Шаховского в «Арзамасе» по имени героя его поэмы «Расхищенные шубы». См.: «Мадригал Гашпару» П. А. Вяземского (Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века). Л., 1988. С. 210).

[5] *…запаслись порядочным Пустынничком!* — Под прозвищем Пустынник из одноименной баллады Жуковского 11 ноября 1816 г. в «Арзамас» был принят Д. А. Кавелин.

[6] *Пейпус* — название Чудского озера от эст. *Peipsi* и нем. *Peipussee*. См., например, повесть В. Я. Шишкова «Пейпус-озеро» (1924).

[7] *…разбудив двенадцать дев ~ усыпил почтенных любителей чтения и Глазунова.* — Парафраз из посвящения Д. Н. Блудову к балладе «Вадим»: «Не знаю… Дев я разбудил, // Не усыпить бы друга». Упоминание имени известного петербургского книгопродавца и издателя И. И. Глазунова (1786—1849) связано с тем, что его книжная лавка олицетворяла в «Арзамасе» успешность продажи новых изданий. Именно в это время Жуковский готовил первое отдельное издание своей «старинной повести» «Двенадцать спящих дев».

[8] *…мой новорожденный черт немец*! — См. примеч. 6 к № 19.

[9] *…овсяный кисель*. — См. примеч. 5 к № 19.

[10] *Кушайте, светы мои ~ помилуй*! — 4-й стих из идиллии Жуковского «Овсяный кисель».

21.
В Общее собрание Нового Арзамаса от действительного Секретаря Его Превосходительства всепокорнейшее завывание

(«С горестным самоотвержением и сердобольным колыханием…»)
(С. 52)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 121.
Впервые: Арзамас-1. С. 237—239.
Датируется: около 25 марта 1817 г.

История «всепокорнейшего завывания» Жуковского связана с судьбой поэта и переводчика, воспитанника Московского университетского благородного пансиона Александра Ивановича Мещёвского (ок. 1792 — ок. 1820), сосланного в Оренбург (о нем подробнее см.: Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 39—40). Жуковский принимал самое активное участие в организации ему помощи как материальной, так и моральной, пытаясь издавать его сочинения. Он считал его «приемышем Арзамаса» и видел долг арзамасцев в «сотворении поэта и спасении человека» (ПЖТ. С. 171). В течение всего 1817 года в письмах к А. И. Тургеневу, Кавелину, Вяземскому, Карамзину он предлагал различные проекты по выполнению этого долга.

Появление столь эмоционального послания в «Общее собрание Нового Арзамаса» было обусловлено недостаточной активностью некоторых арзамасцев и прежде всего Александра Тургенева в реализации «плана» спасения Мещёвского (письмо от февраля 1817 г.; ПЖТ. С. 173, 174). В марте Жуковский пишет ему: «Вы читали в Арзамасе мое письмо! Поздравляю вас! Да что же вы сделали? Как не взбеситься, подумав, что десять человек, добрых, имеющих чувство и дружных между собою, не могут найти свободной минуты, чтобы подумать о судьбе несчастного человека, ожидающего от них помощи и, может быть, спасения? Не стыдно ли вам, что я принужден писать к вам десять писем об одном и том же деле, которое вам и без просьбы надобно было сделать, и писать по-пустому» (Там же. С. 175—176).

«Всепокорнейшее завывание» можно рассматривать как своеобразный эпилог этой истории: переложение четырехстопным хореем повести Карамзина «Наталья, боярская дочь» Мещёвского вышло в 1817 г. Учитывая сообщение о предстоящем Светлом воскресенье, его можно датировать около 25 марта 1817 г.

[1] *При этом письме доставлена была ~ стихотворная девственница…* — Речь идет о стихотворном переложении повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь». Подробнее см.: *Поплавская И. А.* «Наталья, боярская дочь» Н. М. Карамзина и А. И. Мещёвского // Карамзин и время. Томск, 2006. С. 192—206.

[2] *…внучатная сестра почтенной и милой боярской дочери Натальи Николаевны Карамзиной…* — Речь идет о героине повести Карамзина.

[3] *…известная невеста Ивана Андреевича Крылова…* — Имеется в виду басня «Разборчивая невеста».

22.
Протокол заседания 13 августа 1817 г.

(«Месяца Зарева был в обиталище Рейна двадесять вторый Арзамас…»)
(С. 54)

А в т о г р а ф: ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. № 115. Л. 115.
В п е р в ы е: Арзамас-1. С. 233—234.

Датируется на основании записи в дневнике Н. И. Тургенева: «*14 августа* <1817 г.>. *Вторник*. Вчера был Арзамас — последний у Рейна» (АбТ. Вып. V. С. 43).

После возвращения в начале мая из Дерпта Жуковский в июне-июле создает «не в счет заседаний обычных» несколько стихотворных протоколов. См. ПССиП. Т. 2. С. 56—62.

[1] *…в обиталище Рейна…* — В доме арзамасца М. Ф. Орлова, получившего свое прозвище из баллады «Адельстан».

[2] *Статный Лебедь*. — Арзамасское прозвище Н. М. Муравьева, восходящее к балладе «Адельстан».

[3] *Эоловым Арфаксадом*. — Имеется в виду герой «древней халдейской повести» П. М. Захарьина (1750 — ок. 1800) «Арфаксад» (Ч. 1—6. М., 1793—1796).

[4] *Читаны три программы…* — См. Арзамас-2. Т. 1. С. 584—585.

23.
Прощальная речь В. А. Жуковского на заседании 18 сентября 1817 г.

(«Высокопреосвященнейшие товарищи души моей!..»)
(С. 55)

А в т о г р а ф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 44—45 — черновой.
В п е р в ы е: Арзамас-2. Т. 1. С. 434.

Речь была произнесена накануне отъезда в Дерпт и предстоящего расставания с «Арзамасом» в связи с переездом 4 октября 1817 г. на жительство в Москву по случаю назначения учителем русского языка при великой княгине Александре Федоровне.

[1] *…огласился <…> ораторскими затеями Ахилла и Черного врана…* — Речи Батюшкова и Плещеева неизвестны.

[2] *Едет к вам и Старушка из Саратова…* — Уваров 25 августа выехал в свите Александра I в поездку по России и отсутствовал в Петербурге до начала октября 1817 г.

[3] *…маленького ~ Николая…* — Имеется в виду сын Н. М. Карамзина, родившийся в начале августа 1817 г.

[4] *…оратор Массильон…* — Жан Батист Массильон (1663—1743), известный французский проповедник.

[5] *Андрей Кассандрович* — сын Д. Н. Блудова (Кассандра) — Андрей Дмитриевич (1817—1885), впоследствии дипломат.

А. Янушкевич

О новой книге
[Паррота: Entretiens sur la Physique]
(«Профессор Дерптского университета, г. Паррот…»)
(С. 57)

Автограф неизвестен.
Впервые: ВЕ. 1818. Ч. 98. № 8. Апрель. С. 302—306, с подписью: «В. Жуковский».
Републикация: ПСС. Т. 9. С. 133—135.
Печатается по тексту первой публикации.
Датируется: начало 1818 г.

Знакомство Жуковского с Георгом Фридрихом Парротом относится ко второй половине марта — началу мая 1815 года, когда в Дерпте он сближается с профессорами Дерптского университета (К. Моргенштерном, Г. Эверсом, Г. Эшем). Ср. воспоминания К. К. Зейдлица: «Научные сношения имел он с профессорами физики Парротом, археологии и эстетики Моргенштерном, истории Эверсом-младшим, философии Эшем (Жуковский в воспоминаниях. С. 51—52).

О контактах Жуковского с дерптскими профессорами и, в частности, с Парротом-старшим, см.: *Исаков С. Г.* Жуковский и Тартуский университет // Tartu ülikooli ajaloo küsimusi (Вопросы Тартуского университета). Тарту, 1983. Вып. 13. С. 164—174. См. также: *Петухов Е. В.* В. А. Жуковский в Дерпте // Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. Юрьев, 1903. С. 45—89; *Егоров Б. Ф.* Жуковский в Тарту // Альманах «Эстония». Таллин, 1956. С. 237—246; *Салупере М. Г.* Забытые друзья Жуковского // Жуковский и русская культура. С. 431—455.

Георг Фридрих (Егор Иванович) Паррот (von Parrot; 1767—1852) — физик-изобретатель, первый ректор Дерптского университета (1802—1813, с перерывами). На протяжении двадцати четырех лет Паррот занимал должность профессора физики Дерптского университета (с 1802 по 1826). В 1826 году его избрали академиком Петербургской Академии наук. Одновременно Георг Фридрих руководил деятельностью лаборатории физики при Петербургской Академии наук (1824—1840).

Знакомство с Парротом способствовало увлечению Жуковского проблемами популяризации естественных наук, свидетельством чему стали контакты с Парротом в 1815–1817 гг. и напечатанная в ВЕ статья-анонс о подписке на книгу Паррота «Разговоры о физике».

В библиотеке Жуковского есть все шесть томов этого сочинения, вышедшие в 1819—1824 гг. См.: Описание. № 1811 (Entretiens sur la physque. Par G. F. Parrot. T. 1—6.

Dorpat). Зейдлиц пишет: «Паррот, уроженец Эльзаса и друг Кювье, владевший в совершенстве французским языком, из бесед своих с Протасовыми о физике составил тогда план своего сочинения "Entretiens sur la physique", напечатанного в шести томах» (Жуковский в воспоминаниях. С. 52).

Статья Жуковского представляет собой текст диалогического типа. Прежде всего это диалог автора и читателя. Автор книги о физике на французском языке рассчитывает на заинтересованного русского (и даже московского) читателя. Большую часть статьи составляет перевод Жуковским с французского той части сочинения, где излагаются цели, задачи автора, и реферирование содержания всей книги Паррота. Целью является популяризация физики, для чего избирается форма занимательной беседы. Стремление не столько систематизировать знания, сколько показать универсальный характер и многообразные связи человека и мира, его безграничность и ограниченность, изменяемость и неизменность сближают естественнонаучные интенции Паррота и эстетические взгляды Жуковского. Комментарий Жуковского делает его посредником между Парротом-физиком и обычным читателем, сближая всех по принципу познания-наслаждения, эстетизируя рациональный процесс познания. Сопоставляя Фонтенеля, блестящего стилиста, с простым и ясным слогом Паррота, Жуковский отдает предпочтение автору «Разговоров о физике». Отношения Жуковского с Парротом (встречи, визиты, письма), деловые и дружеские, не прекращались в 1820—1840-е гг.

Дерптские контакты Жуковского, в том числе с Парротом, способствовали интересу поэта к синтетическому, натурфилософскому постижению мира и рождению универсального романтического мирообраза.

[1] *…и публика имеет доверенность к его издателю…* — Имеется в виду М. Т. Каченовский.

[2] *Фонтенель Бернар Ле Бовье де* — Fontenelle Bernard Le Bovier (1657—1757), французский писатель, философ, популяризатор науки, предшественник просветителей. Самым известным произведением Фонтенеля были «Беседы о множественности миров» («Entretiens sur la pluralité des mondes», 1686). В библиотеке поэта сохранилось парижское издание этого труда 1821 г. (Описание. № 2622).

Н. Ветшева

Путешествие по Саксонской Швейцарии (в 1821)

(«*Пильниц. Ломен. Ottowalde-grund…*»)
(С. 60)

Автографы:

1) ОПИ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. № 63. Л. 22—30 об. — черновой — в составе письма к великой княгине Александре Федоровне от 17 (29) июня 1821 г.

2) РНБ. Оп. 2. № 76. Л. 6—9 об. — беловой — в составе письма великой княгине Александре Федоровне от 17 (29) июня 1821 г. из Карлсбада.

К о п и я: РНБ. Оп. 2. № 76. Л. 29—40.

В п е р в ы е: Полярная звезда на 1824 год. СПб., 1824. С. 97—119 — с заглавием «Путешествие по Саксонской Швейцарии (в 1821)» и подписью: *Жуковский*.

В п р и ж и з н е н н ы х и з д а н и я х: Сочинения в прозе. 1826; С 4; С 5. С. 187—207.

Д а т и р у е т с я: 17 (29) июня 1821 г.

Статья «Путешествие по Саксонской Швейцарии» — публикация отрывка белового автографа письма к великой княгине Александре Федоровне от слов «Время было несколько туманно…» до «Поужинав, отправились мы в Дрезден и приехали туда за полночь» с незначительными разночтениями. В этом письме воссозданы основные этапы путешествия по окрестностям Дрездена 29 мая — 5 июня 1821 г. При появлении этой статьи в «Полярной звезде» в 1824 г. (разумеется, с разрешения адресата) Жуковский подзаголовком в скобках (в 1821) обратил внимание читателя на время создания письма и выросшей из него статьи. По существу, текст письма остался без изменения. Жуковский исключил лишь начало (обращение к великой княгине) и конец (ритуальное прощание и подпись) письма.

По всей вероятности, превращение письма в статью произошло в самом конце 1823 г., так как ц. р. на выход альманаха «Полярная звезда. Карманная книжка на 1824-й год» датировано 20 декабря 1823 г.

Этот первый оригинальный опыт Жуковского в жанре путешествия можно считать закономерным. И в «Опытах слога…», и в переводах на страницах журнала ВЕ периода редакторства (1809—1810 гг.) он активно осваивал философию и поэтику литературы путешествий. Его обращение к сочинениям Шатобриана, Парка Мунго, Фенелона, к описаниям экзотических стран и народов (об этом подробнее см.: Айзикова. С. 171—177) было неразрывно связано с его просветительской программой, с общей эстетикой переводческой деятельности. Но вместе с тем в этом интересе был и автопсихологический подтекст: открытость первого русского романтика новым впечатлениям бытия, идеям «всемирной отзывчивости».

Его первое заграничное путешествие в свите великой княгини в октябре 1820-го — феврале 1822 г. стало импульсом для создания собственных оригинальных образцов жанра, который исследователь точно определил как «травелог духовного возвышения души» (*Шёнле Андреас*. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790—1840. СПб., 2004. С. 98—107). «Путешествие по Саксонской Швейцарии», «Отрывки из писем о Саксонии», «Отрывки из письма о Швейцарии» — своеобразная трилогия Жуковского, открывшая новые перспективы литературы путешествий как формы романтического синтеза. Процесс расширения и возвышения души сопрягает воедино натурфилософские размышления о тайнах природы, эстетическую рефлексию о невыразимом, поиски в области экфразиса. В этом смысле «Рафаэлева мадонна» может по праву занять свое место в этом ряду экспериментов. Три травелога Жуковского — это поистине его путешествие по садам Романтизма, своеобразный постскриптум к поэтической «Славянке».

Уже в письме к великой княгине Жуковский признавался: «…со вступления моего в Швейцарию открылась во мне болезнь рисованья; я рисовал везде, где только мог присесть на свободе, и у меня теперь в кармане почти все озера Швейцарии, несколько долин и полдюжины высоких гор». «Путешествие сделало меня и рисовщиком…» (УС. С. 95), — констатировал поэт сразу же после возвращения. Дорожные альбомы с его многочисленными рисунками фиксируют неутомимую страсть путешественника к точности пейзажных зарисовок, почти фотографическую документальность визуальных впечатлений. Травелоги обнажают сам механизм словесного преображения визуального в вербальное. Поэтика невыразимого придает слову Жуковского особую нюансировку и экспрессию. Поистине, «что шаг, то новая в глазах моих картина». Смена точек зрения, изменение ракурса рассматривания, игра света и тени, внимание к различным природным состояниям, обостренное чувство водного потока и горного рельефа — за всем этим прорыв в философию и эстетику романтического импрессионизма. И вместе с тем травелог «возвышения души» — путь к пейзажу души, к синтезу натурфилософии и трансцендентальной философии. Экфразисная поэтика травелогов Жуковского мироздиждительна, ибо в ней обнаруживается неразрывная связь всех впечатлений бытия.

[1] *…мой товарищ О…в.* — В тексте письма к великой княгине фамилия дана полностью: *Олсуфьев*. Речь идет о графе Василии Дмитриевиче Олсуфьеве (1796—1858), в то время обер-гофмейстере, впоследствии гофмаршале Императорского двора. Жуковский сохранил с ним приятельские отношения до самой смерти. В последние годы жизни, постоянно живя в Германии, он нередко обращался к нему за советами по финансовым вопросам.

Возможно о нем же говорит В. К. Кюхельбекер в письме из Дрездена от 22 октября (3 ноября) 1820 г.: «… познакомился с молодым человеком, которого полюбил с первых двух свиданий: его имя О…, он был в военной службе и теперь находится в Дрездене для своей матери, коей здоровье несколько расстроено» (*Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 15).

[2] *…спустились в Ottowalde-grund (Grund, я думаю, можно перевести словом: дебрь); это не долина…* — Здесь Жуковский скорее дает свой иронический перевод, так как немецкое слово *Grund* означает ‘основание, дно, долина’.

[3] *Как жаль, что надобно употреблять слова, буквы, перо и чернила, чтоб описывать прекрасное! ~ прелесть природы — в ее невыразимости!* — Весь фрагмент, посвященный описанию утеса Bastey, можно назвать прозаическим постскриптумом к стихотворению «Невыразимое» Жуковского. Об этом см.: *Фридлендер Г. М.* Спорные и очередные вопросы изучения Жуковского // Жуковский и русская культура. С. 19—21.

[4] *…разбойники, тираны окрестностей (как говорит Делиль)…* — Слова «тираны окрестностей» выделены в тексте курсивом и являются цитатой из произведения французского поэта и переводчика Жака Делиля (1738—1813), творчеством которого в ранние годы увлекался Жуковский. Особенно популярна была в России его описательная поэма «Сады».

[5] *…прогнал услужливый сон.* — После этих слов в тексте письма следовало: «…и могу уверить Ваше Высочество, что и я и мой товарищ покоились сном праведников, ибо наши обе совести (по крайней мере на эту минуту) были весьма непорочны».

[6] *…в 30-тилетнюю войну…* — Одна из самых разрушительных войн в европейской истории длилась с 1618-го по 1648 г. Ее событиям Ф. Шиллер посвятил свое историческое сочинение «Тридцатилетняя война», с которым был знаком Жуковский.

[7] *Прощание Бонапарте с Франциею…* — Народная песня, популярная в Саксонских Альпах.

[8] *…чудесный туман…* — Образ тумана становится устойчивым в немецких пейзажах Жуковского. Опираясь на живописные впечатления от картин К.-Д. Фридриха, Жуковский последовательно создает в «Путешествии по Саксонской Швейцарии» мирообраз «туманной Германии», во многом определивший пушкинскую характеристику Владимира Ленского в «Евгении Онегине». Подробнее об этом см.: *Лебедева О. Б., Янушкевич А. С.* Германия в зеркале русской словесной культуры XIX — начала XX века. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2000. С. 57—73.

А. Янушкевич

Отрывки из писем о Саксонии

(«В Виттенберге, который пленяет воображение своей древностью…»)
(С. 68)

Автографы:
1) ОПИ ГИМ. Ф. 23. Оп. 2. № 63. Л. 22—30 об. — черновой.
2) РНБ. Оп. 2. № 76. Л. 10—14 об. — беловой.
Копия: РНБ. Оп. 2. № 76. Л. 41—54 об.
Впервые: Московский телеграф. 1827. Ч. XIII. № 1. Январь. С. 20—32 — с заглавием: «Отрывок из письма о Саксонии (в 1821 году)»; Ч. XIV. № 6. Март. С. 114—124 — с заглавием «Отрывок из письма о Саксонии». Обе публикации в рубрике «Науки и искусства».
Републикация: С 5. Т. 13. С. 117—145.
Датируется: 23 июня (5 июля) — 29 июня (10 июля) 1821 г.

28 ноября 1825 г. П. А. Вяземский писал Жуковскому, пытаясь привлечь его к участию в «Московском телеграфе»: «Сделай одолжение, дай что-нибудь, хотя письмо из Швейцарии, не для него — так для меня… <…> Что тебе стоит? Даже и переписывать не надо. Полевой сказывал мне, что видел твое письмо у Елагиной» (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 21. Л. 85 об. Цит. по: *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 129). Так как письмо о Саксонской Швейцарии уже было опубликовано в «Полярной звезде» (см. примеч. в наст. томе), то, скорее всего, речь идет именно о письмах из Саксонии. Учитывая тот факт, что в начале

мая 1826 г. Жуковский более чем на год уехал за границу, вероятно, два отрывка, опубликованных в начале 1827 г., он подготовил к печати в январе—апреле 1826 г.

В письме к П. А. Вяземскому от 26—27 декабря 1826 г. (7—8 января 1827 г.) из Дрездена Жуковский обещает сотрудничать с «Московским телеграфом»:

> Под веянием твоего телеграфского знамени клянусь не давать никому ни строки, кроме тебя (СС. 1. Т. 4. С. 588).

И хотя он не обещает многого, так как серьезно занят своими педагогическими занятиями, готовясь к обучению великого князя Александра Николаевича, видимо, «Отрывки из писем о Саксонии» он послал сразу же. Показательно, что в № 1 за 1827 г. было опубликовано «Письмо из Дрездена» А. И. Тургенева с датой 11 (23) декабря 1826 г. Как известно, Жуковский в это время жил в Дрездене вместе с братьями (Александром и Сергеем). Цензурное разрешение для этого номера было получено 3 января 1827 г.

[1] *В Виттенберге…* — Ровно через 4 года, в июле 1825 г., по этому же самому маршруту проезжал друг Жуковского — Александр Тургенев. Вот как он описал в «Дневнике» свое посещение Виттенберга:

> Виттенберг — некогда первый центральный пункт немецкого просвещения. <…> Портрет Лютера Луки Кранаха. С него и памятник на площади. Отсюда воссиял свет — и отсюда свобода Сев<ерной> Америки!» (*Тургенев*. С. 283).

Виттенберг для русских всегда был связан с именем Лютера. «Знаменитым местом пребывания Лютера» называл его П. В. Анненков (Анненков. С. 267). Действительно, именно в Виттенберге Лютер провел почти всю свою жизнь; здесь он в 1522 г. в течение восьми дней выступал с проповедями против католицизма. В Виттенбергском университете он с 1507 г. занимал церковную кафедру.

Учение Лютера вызывало самый пристальный интерес Жуковского, о чем свидетельствуют многочисленные сочинения немецкого реформатора в его библиотеке и с его пометами (Описание. Указ. имен). См. также: *Долгушин Д. свящ.* Религиозная литература в круге чтения В. А. Жуковского 1840-х гг. // Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 2. Томск, 2013. С. 206—207.

[2] *…видел имя нашего Петра, написанное его рукою…* — Во время путешествия в Голландию в 1716 г. Петр I посетил Виттенберг и оставил на стене кельи Лютера свое имя. Чтобы сохранить этот автограф русского монарха, над ним была сделана круглая рама из белой жести.

[3] *…приехал в Мейссен…* — Этот небольшой немецкий городок славился прежде всего своей фарфоровой фабрикой, основанной в 1710 г. В конце XVIII в. на мануфактуре были выделены специальные дни для производства товара для России. Среди первых заказчиков мейссенского фарфора были Екатерина II, князья Строгановы и Юсуповы, Карл Фаберже.

[4] «*Распятие» Луки Кранаха*… — Картина написана в 1503 г. по заказу курфюрста Саксонии Фридриха III (Фридриха Мудрого). В настоящее время находится в Мюнхенской пинакотеке.

[5] «*Поклонение Волхвов Христу*»… — Картина была написана в 1504 г. по заказу Фридриха Мудрого. В настоящее время картина Альбрехта Дюрера находится во Флоренции в галерее Уффицы.

[6] …*немецкая школа*… — Высокое мнение о характере немецкой живописи, об особом ее колорите Жуковский будет развивать и позднее. В письме к великой княгине Марии Николаевне в 1838 г. он заметит: «По моему мнению живопись в Германии идет своею дорогою вперед и идет широкими шагами» (РА. 1885. № 3. С. 335). В коллекции рисунков из собрания Жуковского представители немецкой школы займут количественно первое место (РБ. С. 172—175). См. также: *Либман М. Я.* Жуковский и немецкие художники // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980. С. 297—313.

[7] …*похоронен Wakkerbart*… — Речь идет о графе Августе Кристофе Ваккербарте (1662—1734), генерал-лейтенанте, дипломате, основателе педагогического института, похороненном в замке Ваккербартруэ (Wakkerbartruhe). При первой публикации (МТ. 1827. Ч. 14. № 5. С. 119) в текст вкралась ошибка: вместо Wakkerbart было напечатано Wakkerfait. Эта ошибка перешла во все последующие издания при публикации «Отрывков из писем о Саксонии». Правильное написание восстановлено по автографу письма Жуковского к великой княгине Александре Федоровне от 4 (16) июня 1821 г. (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 76. Л. 4—4 об.). Заметим также, что при знакомстве с этим автографом была обнаружена и другая ошибка в первой и последующей публикациях: вместо Langes-Institut было напечатано Landes-Institut, хотя в данном случае речь идет о директоре (до 1822 г.) организованного Ваккербартом педагогического института — Ф. К. Ланге.

[8] …*на Дрезденском мосту*… — Эта достопримечательность города вызывала всегда восторг русских путешественников. Еще в 1789 г. Н. М. Карамзин заметил:

> С час стоял я на мосту, соединяющем так называемый Новый город с Дрезденом, и не мог насытиться рассматриванием приятной картины, которую образуют обе части города и прекрасные берега Эльбы (*Карамзин*. С. 51—52).

Ему вторил А. И. Тургенев:

> Взор не мог насытиться. <…> В виду мост на Эльбе, где государь восстановил упадший памятник креста — и водрузил его снова, над видами живописной Эльбы (*Тургенев*. С. 285).

Наконец, уже в начале 1840-х гг. П. В. Анненков писал:

> Эльба разделяет столицу Саксонии на новый и старый Дрезден, и величественный каменный мост, соединяющий оба берега, конечно, принадлежит к чудесам новейшего искусства. Огромные быки, на которых он стоит, придают ему

вид циклопической застройки, а взятый в целости, он поражает гармонией и стройностью частей (Анненков. С. 267).

[9] *…по террасе Брюлевой.* — Одна из самых любимых дрезденских достопримечательностей Жуковского, место его занятий рисованием. Так же, как и Дрезденский мост, вид которого открывался отсюда, Брюлева терраса — объект восторженных описаний русских путешественников. Названа по имени своего создателя графа Генриха фон Брюля (1700—1763).

[10] *…князя Гагарина…* — Вероятно, Григория Ивановича Гагарина (1782—1837), дипломата, однокашника Жуковского по Московскому университетскому пансиону.

[11] *…рад я был найти О***.* — См. примеч. 1 к «Путешествию по Саксонской Швейцарии».

[12] *…памятник Моро.* — Памятник известному французскому генералу Жану-Виктору Моро (1763—1813), который, находясь в конфликте с Наполеоном, с 1804 по 1813 г. жил в Америке. В 1813 г. по приглашению Александра I возвратился в Европу и был его советником при штабе войск антинаполеоновской коалиции. Тяжело раненный в битве под Дрезденом, он умер 20 августа 1813 г.

[13] *Freut euch des Lebens!* — Начало популярной немецкой песни «Радуйтесь жизни!» на слова швейцарского поэта и художника Иоганна Мартина Устери (Usteri; 1763—1827). Музыка композитора Ганса Георга Негели (Nägeli; 1773—1836).

[14] *Komm am Rhein, da wachsen unsere Reben…* — Начало «Rheinweinlied» («Песня рейнских виноделов» на слова немецкого писателя Маттиаса Клаудиуса, псевд. Вандсбеккер Боте; 1740—1833). Ср.: Sämmtliche Werke des Wandsbecker Bothen. 1777. Th. 3. S. 116—118. В конце мая 1826 г. Жуковский посетил его дом в Вандсбеке (ПССиП. Т. 13. С. 248), а в библиотеке поэта сохранилось полное собрание сочинений Клаудиуса (Описание. № 827). Музыку к песне сочинил Иоганн Антон Андре (André; 1775—1842), немецкий композитор и скрипач.

[15] *Польский Огинского.* — Имеется в виду известный полонез «Прощание с родиной» польского композитора Михала Клеофаса Огинского (1765—1833).

[16] *…друзья мои…* — Данный фрагмент письма — выдержка из послания, обращенного к племянницам — М. А. Мойер и А. А. Воейковой, урожденным Протасовым. В рукописи письма читаем: «…друзья мои, Саша и Маша». Уже в данной публикации этот фрагмент был присоединен к тексту письма великой княгине Александре Федоровне.

[17] *…добрый гений, воспоминание…* — Выделенное в тексте курсивом словопонятие «*воспоминание*» — один из самых устойчивых образов поэзии Жуковского. В четверостишии, надписи «К своему портрету» он определил это афористически: «Воспоминание и я — одно и то же» (ПСС. Т. 4. С. 26; см. также примеч. 36). Столь же значим для романтической лирики Жуковского и образ «гения»: «благодатный гений», «мимопролетевший знакомый гений» и т. д. В контексте всей записи соединение двух устойчивых мотивов лирики Жуковского — указание на стихотворное посвящение к первой части «Фауста», которое Жуковский в вольном переводе предпослал повести «Двенадцать спящих дев». Ср.: «Опять ты здесь, мой *благо-*

датный гений. <…> Дай сладкого вкусить *воспоминанья*» (ПСС. Т. 1. С. 71. Курсив мой. — *А. Я.*).

[18] *…Белёвский вид.* — Все последующие топонимические реалии: «Ока», «Темрянь», «Дураковская церковь», «Жебынская пустынь» и т. д. воссоздают картину малой родины Жуковского — окрестностей маленького городка Белёва Тульской губернии. «Отрок Белёва», как называл Жуковского П. А. Вяземский, навсегда сохранил память об этих местах. Сохранилось огромное количество его рисунков и офортов Белёва и окрестностей, иллюстрирующих эту дневниковую запись. См.: *Милонов Н. А.* Тульский край в рисунках В. А. Жуковского. Тула, 1982.

[19] *И много милых теней встало…* — Эта цитата из посвящения к первой части «Фауста» Гёте в переводе Жуковского (у Гёте: «…Und manche liebe Schatten steigen auf») неоднократно возникает в творческом наследии русского поэта. Уже в стихотворном посвящении к балладе «Двенадцать спящих дев», свободно перелагая Гёте, Жуковский, обращаясь к своей Музе, говорит: «Ты образы весёлых лет примчала // И много милых теней восстаёт…» (ПСС. Т. 1. С. 71). О многочисленных употреблениях Жуковским этой цитаты в письмах (то в переводе, то в подлиннике, по-немецки, с незначительными вариантами в тексте) см.: Веселовский. С. 265 (примеч. 3).

[20] *…о живописце Фридрихе.* — Немецкий художник-романтик Каспар-Давид Фридрих (1774—1840) занимает особое место в эстетическом мире Жуковского. В его живописи он видел «символ человеческой жизни», а самого Фридриха называл «поэтом-живописцем». По точному замечанию исследователя, «можно с одинаковою справедливостью назвать Фридриха — Жуковским живописи, или Жуковского — Фридрихом поэзии, так сходны были характеры, таланты их обоих» (*Соловьев Н. В.* Поэт-художник Василий Андреевич Жуковский // РБ. С. 55). Живопись Фридриха сопровождала русского поэта всю жизнь. См.: ПССиП. Т. 13. С. 494. Примеч. 7.

[21] *…о Штернбальде Тике.* — Роман немецкого писателя Людвига Тика «Странствия Франца Штернбальда» («Franz Sternbalds Wanderungen», 1798) становится для Жуковского визитной карточкой писателя, а герой произведения — художник Франц Штернбальд сливается в его сознании с образом своего создателя. Экземпляр романа Тика с авторской правкой и надписью: «Geschenkt von dem Autor. Dresden den 12 Juni 1821», сохранившийся в библиотеке Жуковского, — свидетельство особого отношения русского поэта к этому роману. Об этом см.: *Тик Людвиг.* Странствия Франца Штернбальда. М., 1987. С. 341—346.

[22] *…точно судит и о чужих картинах.* — Эстетическое чутье Фридриха, критический вкус подтверждаются его размышлениями о живописи. Опубликованные «Высказывания при осмотре собрания картин художников…» вполне соответствуют этому и свидетельствуют о проницательности Жуковского (см.: Эстетика немецких романтиков. М., 1987. С. 505—523).

[23] *Эта картина только начата…* — Жуковский описывает картину «Mondaufgang am Meer», которую Фридрих вскоре закончил. Находится в собрании Государ-

ственного Эрмитажа. См.: *Geismeier Willi*. Caspar David Friedrich. Leipzig, 1973. № 67 («Восход луны на море», 1821).

[24] *…вдохновение ~ часто приходит в нему во сне.* — Восприятие живописи Фридриха как органической части его снов и фантазий, как своеобразной формы визионерства было свойственно его современникам. А. И. Тургенев, посетивший мастерскую художника в 1825 г., замечал:

> Можно мечтать над его произведениями, но ясно понимать их нельзя, ибо в его душе они не ясны. Это мечтания-сон, видения во сне и в ночи (Тургенев. С. 287).

Для Жуковского эта романтическая концепция вдохновения-видения неразрывно связана с немецкой эстетикой, в частности с «Фантазиями об искусстве» В.-Г. Вакенродера. Статья «Рафаэлева мадонна» — дальнейшее развитие этих идей.

[25] *«Гамлет» кажется мне чудовищем…* — Восприятие Жуковским наследия Шекспира — предмет специального исследования. Еще в 1802 г. обозначился интерес поэта к «Макбету» в связи с работой над переводом трагедии Андреем Тургеневым (Письма Андрея Тургенева. С. 407). К этому же времени относится их спор о «фантастических сценах» в «Макбете» (см.: Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965. С. 83—85). В «Конспекте по истории литературы и критики» (1805—1811) Жуковский вновь рассуждает о шекспировской трагедии (ПССиП. Т. 12. С. 116—118). В планах и замыслах переводов Жуковского нередко возникает упоминание трагедий «Отелло», «Ромео и Джульетта». Он высоко ценит исторические хроники Шекспира (см. записную книжку «Мысли и замечания» в наст. изд.; Т. 14. С. 297). В этом контексте неприятие «Гамлета» заслуживает самого пристального внимания.

[26] *Тик и Шлегель думали…* — Имеются в виду «Письма о Шекспире» Л. Тика и характеристики шекспировского Гамлета в таких сочинениях Фридриха Шлегеля, как «Об изучении греческой поэзии», «История древней и новой литературы». Так, суждение Ф. Шлегеля:

> Вероятно, нет более совершенного изображения безысходной дисгармонии, составляющей подлинный предмет философской трагедии, чем то безграничное несоответствие мыслящей и деятельной способности, какое предстает нам в характере Гамлета» (*Шлегель Фридрих*. Эстетика. Философия. Критика. М., 1983. Т. 1. С. 112)

— вполне перекликается с последующими словами Жуковского: «они видят в ней в ее разительных странностях всю жизнь человеческую с ее непонятными загадками».

[27] *Тик переводит Шекспира.* — К этому времени классическими немецкими переводами Шекспира считались переводы Августа Шлегеля. Он, в частности, перевел и «Гамлета». Тик работал над переводом драм предшественников Шекспира, составивших два тома под названием «Приготовительная школа к Шекспиру» (1823—1829). Переводы Л. Тика из Шекспира неизвестны. Скорее всего, речь идет о редактировании Тиком пьес Шекспира, переведенных датским писателем Вольфом Генрихом Фридрихом Баудиссеном (1789—1878) и дочерью Тика Доротеей.

[28] *…какая-то графиня Финкенштейн…* — Имеется в виду Генриетта Амалия Доротея Финкенштейн (1774—1847), с которой писателя связывали давние дружеские отношения. В 1802—1819 гг. Тик вместе с семьей жил в ее имении Цибинген близ Франкфурта-на-Майне.

[29] *Это семейство мне понравилось.* — Речь идет о жене Тика Амалии (урожд. Альберти; ум. 1837) с 1798 г., их дочерях: Агнессе (р. 1805) и Доротее (1799—1841), его секретаре.

[30] *Он, так же как и П.* — Здесь и далее речь идет о А. А. Плещееве (1778—1862), арзамасце, друге Жуковского, отличавшемся особым даром лицедейства. Еще в 1811 г. в письме к П. А. Вяземскому Жуковский говорил: «Плещеев имеет особенный талант, чрезвычайно приятный. Я еще никого не слыхал читающего с таким искусством, особливо театральные пиесы…» (Арзамас-2. Кн. 1. С. 173). Об этом даре Плещеева свидетельствуют и другие мемуаристы. Так, Ф. Ф. Вигель замечал: «…Александр Алексеевич Плещеев пленил его необыкновенным искусством подражать голосу, приемам и походке знакомых людей» (Там же. С. 91).

[31] *…наш смуглый декламатор…* — А. А. Плещеев имел очень смуглый цвет лица и черные волосы, за что в «Арзамасе» получил прозвище «Черный Вран» (см.: Арзамас-2. Кн. 1. С. 92). Жуковский называл его шутливо «негром» (РА. 1900. № 9. С. 20). Любопытно, что имение Плещеева называлось Чернь.

[32] *…Шекспирову комедию «Was Ihr wollt»…* — Комедия Шекспира «Как вам это понравится» в переводе Августа Шлегеля.

[33] *…от первого Шварцова опыта…* — Имеется в виду изобретение пороха в 1320 г. францисканским монахом Бертольдом Шварцем (наст. имя Константин Анклитцен; XIV в.).

[34] *Менгсовы слепки…* — Речь идет о знаменитой коллекции слепков с античных статуй с сохранением их размеров немецкого художника и историка искусств Антона Рафаэля Менгса (1728—1779). По словам П. В. Анненкова,

> Это драгоценность для художников или для занимающихся историей искусства. Всё, что разбросано по дворцам и виллам Италии, здесь собрано в одно и может дать вам полную идею о состоянии и процветании искусства в древнем мире» (Анненков. С. 270).

[35] *Die grüne Gewölbe…* — «Зеленая кладовая», как называл это собрание драгоценных камней еще Н. М. Карамзин (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 55), — одна из важнейших дрезденских достопримечательностей. Вот как характеризовал «так называемый Зеленый свод» П. В. Анненков: «…с драгоценностями во всех возможных родах; бронзовые статуэтки с великих произведений древности бесподобной работы, произведения из слоновой кости, кубки, статуэтки, “Падение ангелов” 85 фигур, выполненные из целого куска, голландский фрегат <…>, мозаика, эмали, литерные вещи, вырезанные на жемчуге, <…> зала посуды, золотой, серебряной, яшмовой, холцедонной и проч. и проч…» (*Анненков*. С. 270).

[36] *…для обозрения картинной галереи…* — Дрезденская галерея — место паломничества всех русских путешественников начиная от Карамзина. Само сравнение отобранных для разговора картин, принципы их эстетической оценки — любопытный материал для исследования истории русской художественной критики. Достаточно в этом отношении сравнить суждения о Дрезденской галерее Н. М. Карамзина, А. И. Тургенева, В. К. Кюхельбекера, П. В. Анненкова, которые составили свой индивидуальный путеводитель по галерее. В этом ряду имя В. А. Жуковского занимает особое место.

[37] *…лучшим созданием Рафаэлева гения…* — Имеется в виду Сикстинская мадонна, которой Жуковский посвятил свою статью «Рафаэлева мадонна» (подробнее см.: ПССиП. Т. 12. С. 342—345).

[38] «*Освобождение св. Петра из темницы*» *Эспаньолета…* — Картина Спаньолето (Рибера Хосе де; 1588—1656), испанского художника и гравера, жившего и работавшего в Италии.

[39] «*Две головы Спасителя в терновом венце*» *Гвидо Рени…* — Одна из самых знаменитых картин живописца болонской школы Рени Гвидо (1575—1642). Известно, что Гвидо Рени неоднократно повторял в своих работах лик Спасителя с характерным поворотом головы. Созданный художником образ стал широко популярен. Копированием этой картины занимался Карл Брюллов.

[40] «*Иродиада с головою св. Иоанна*» *Леонарда Винчи…* — Скорее всего, речь идет о знаменитой картине «Саломея» одного из леонардесков, Чезаре да Сесто (1477—1523), ученика Леонардо в его миланский период (приобретена римским императором, королем Германии Рудольфом II, в настоящее время находится в Музее истории искусств в Вене). Об этой картине упоминает Джорджо Вазари в «Жизнеописаниях наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (глава «Жизнеописания Бенвенуто Гарофало и Джироламо да Карпи, феррарских живописцев и других ломбардцев»):

> Так как Леонардо да Винчи там писал вышеназванную *Тайную вечерю*, многие пытались подражать ему, <…> очень удачно подражал ему Чезаре да Сесто, происходивший также из Милана и написавший <…> поистине роскошную и прекрасную большую картину с крещением Христа Иоанном, находящуюся в помещении миланского Монетного двора. Там же его работы *Иродиада с головой св. Иоанна Крестителя на блюде*, написанная с отличнейшим искусством <…>

[41] «*Св. Цецилия*» *Карла Дольчи…* — Образ католической святой III в. Цецилии был популярен не только в живописи (Рафаэль, Доменикино), но и в музыке и поэзии. В 1812 г. к нему обратился и Жуковский, переведя стихотворение английского поэта Дж. Драйдена «Пиршество Александра, или Сила гармонии». Это одно из лучших произведений позднего Карла Дольчи (1616—1686), написанное в 1670—1671 гг. Художник создал несколько вариантов этой композиции, одна из которых находится в собрании Государственного Эрмитажа.

[42] «*Скорбящая Богоматерь» Солимена…* — Картина итальянского художника-неаполитанца Франческо Солимены (1657—1747).

[43] *Славная Тициановa «Венера»…* — Вероятно, речь идет о «Спящей Венере» великого венецианского художника Джорджоне (1477—1510), которая не была закончена из-за его смерти во время чумы. Тициан (1477—1546), друг и ученик Джорджоне, завершил картину — ему на ней принадлежит лишь пейзаж.

[44] *…находится в Потсдамской галерее…* — Имеется в виду картина Тициана «Венера, Купидон и органист», которая из галереи Сан-Суси в Потсдаме была передана в Берлинскую национальную галерею.

[45] *Здесь одно искусство без души…* — Этот принцип — критерий эстетической оценки произведения искусства для Жуковского. Начиная со статьи «О нравственной пользе поэзии» (ВЕ. 1809. № 3. С. 161—172), восходящей к одноименной статье немецкого моралиста И.-Я. Энгеля, Жуковский настойчиво подчеркивал связь прекрасного с нравственным. Важнейшее для романтической эстетики понятие «душа» обретает в его творчестве начала 1820-х гг. особое значение духовного общения: «посол души, внимаемый душой», «душа распространяется» и т. д. Далеко не случайно этот принцип формулируется в контексте оценок К.-Д. Фридриха, для которого живопись — это «излияние чистой, взволнованной души» (Эстетика немецкого романтизма. М., 1987. С. 510).

[46] *Это картина Гранди.* — Итальянского художника и архитектора Эрколо Гранди (1463—1525).

О. Лебедева, А. Янушкевич

Отрывки из письма о Швейцарии

(«Я приехал ночью в Мерсбург…»)

(С. 77)

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 2. № 76. Л. 15—21 об. — письмо к великой княгине Александре Федоровне от 2 (14) — 7 (19) октября 1821 г.

В п е р в ы е: ПЗ на 1825 год. С. 557—567 — извлечение из указ. выше письма, под заглавием «Отрывки из письма о Швейцарии», с подписью: *Жуковский.*

В п р и ж и з н е н н ы х и з д а н и я х: Сочинения в прозе. 1826. С 4; С 5. Т. 7. С. 207—229.

П е ч а т а е т с я по С 5 со сверкой по автографу.

Д а т и р у е т с я: 2 (14) — 7 (19) октября 1821 г.

Творческая история статьи «Отрывки из письма о Швейцарии», как и «Путешествия по Саксонской Швейцарии», типологически родственны. Дневниковые записи первого заграничного путешествия преобразовавались в письма-отчеты великой княгине Александре Федоровне. С ее разрешения через несколько лет они вырастали в статьи и становились фактом русской словесной культуры и общественного сознания.

Готовя к печати текст «Отрывков из письма о Швейцарии», Жуковский исключил из письма к великой княгине от 2 (14) — 7 (19) октября 1821 г. большие фрагменты, воссоздающие существенные моменты своего швейцарского путешествия от приезда в Мерсбург до возвращения в Шафгаузен. Он естественно опустил описание итальянского вояжа, лишь упомянув Милан. Все основные вехи швейцарского путешествия, зафиксированные в дневниковых записях от 13—28 июля, 6 августа — 19 сентября 1821 г. и отрефлексированные в письме к великой княгине, получили в статье новый нарратив. Через отточия и отбивки, повествователь графически воссоздает поэтику «отрывков». Семь частей и заключение-постскриптум воссоздают маршрут швейцарского путешествия: Констанц — Цюрих — Андерматт — Симплонская дорога — замок Ферней — Женева — Веве и Кларан — замок Шильон — Берн — Люцерн — Цюрих. Пейзажи и достопримечательности зримы и свидетельствуют о мастерстве Жуковского-«рисовщика». Но почти фотографическая точность картин природы неразрывно связана с философией распространения души. Образы Яна Гуса, Вильгельма Телля, Суворова, Наполеона, Вольтера, Руссо, Байрона, встречи и беседы с современными швейцарскими художниками, историками, педагогами рождают многогранный образ Швейцарии. По существу Жуковский впервые формирует в русской словесной культуре и читательском сознании «швейцарский текст», включающий натурфилософию, историософию, политологию и реалии литературной жизни. Вслед за автором «Писем русского путешественника» он открывает Швейцарию прежде всего как царство политической и духовной свободы. Подробнее см.: *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984. С. 137—143. Любопытно, что на страницах ПЗ на 1823 г. уже были опубликованы «Письма о Швейцарии» Н. И. Греча. Вероятно, издатели альманаха увидели в статье Жуковского новый взгляд на эту страну.

[1] *…заседания Констанцского собора…* — Речь идет о проходившем в швейцарском городке Констанц в 1415 г. съезде высшего духовенства католической церкви, на котором был осужден и приговорен к сожжению Ян Гус.

[2] *Гус (Гусс) Ян* (1369—1415) — вождь Реформации в Чехии, вдохновитель чешского национально-освободительного движения. Обвиненный в ереси, был сожжен на костре.

[3] *Доктор Эбель…* — Личность швейцарского врача и географа Иоганна Готфрида Эбеля (1764—1830) занимает особое место в швейцарских впечатлениях Жуковского. Составитель путеводителя для туристов («Manuel du voyageur en Suisse <…>» Par J. G. Ebel. Zürich, 1810—1811. T. 1—4), хранящегося в библиотеке поэта (Описание. № 957), по словам Жуковского, «оракул всех посещающих Швейцарию» (ПССиП. Т. 13. С. 197—198), помог Жуковскому составить маршрут путешествия, был его собеседником. В своих «Письмах о Швейцарии» Н. Греч также ссылается на один из его путеводителей (ПЗ на 1823 г. С. 99).

[4] *…доехал я с фурманом…* — От немецкого *Fuhrmann* ‘извозчик’.

[5] *…прелестную деревню Goldau…* — Образ этой швейцарской деревеньки, разрушенной землетрясением в 1809 г., будет возникать в сознании Жуковского

и позднее как своеобразный символ его «горной философии». См. дневниковую запись от 8 (20) сентября 1832 г. (ПССиП. Т. 13. С. 331).

[6] *…место рождения Штауффахера…* — Штауффахер (Stauffacher) Вернер, швейцарский патриот, участник битвы при Моргартене 15 ноября 1315 г. с австрийскими войсками за независимость Швейцарии, командующий войском «Вечного союза». Персонаж драмы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль».

[7] *Grütli ~ свобода Швейцарии еще существует!* — Это заявление Жуковского связано о посещением луга Грютли (Рютли), «истинной колыбели швейцарской свободы» (Тургенев. С. 35), где в начале августа 1291 г. был заключен союз первых четырех кантонов. По замечанию исследователя,

> подобно Карамзину, Жуковский видел в швейцарской конфедерации достойный внимания пример страны, где дышалось свободнее, чем на его родине <…> поэт не мог не сочувствовать событиям швейцарской истории, в которых одерживали победы свободный человек и свободная мысль (*Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984. С. 140).

[8] *Мы поплыли к Телевой часовне…* — Внимание к местам, связанным с именем легендарного героя Швейцарии Вильгельма Телля (конец XIII — начало XIV вв.), имело связь с предшествующим творчеством Жуковского. Еще в начале 1800-х гг. он переводит роман Флориана «Вильгельм Телль». Не прошла мимо его внимания одноименная драма Ф. Шиллера.

[9] *Там нашел я живописца Триннера…* — Швейцарский художник Ксавье Триннер (1767—1824).

[10] *…мог рассказывать как очевидец о Суворове…* — Воспоминания Триннера связаны с событиями Швейцарского похода под командованием фельдмаршала А. В. Суворова в сентябре 1799 г., получившими название «переход русских войск через Альпы».

[11] *…изгибается Чёртов мост…* — Знаменитый Чёртов мост, описанный в «Berglied» («Горной песне») Шиллера, которую под названием «Горная дорога» в 1818 г. перевел Жуковский. Столь же значимы для этого перевода и другие географические реалии, отмеченные в статье: Урнерлох, Амштег, Ури, вход на С.-Готар и т. д. (см.: ПССиП. Т. 2. С. 87, 504—505. Примеч. О. Б. Лебедевой).

[12] *Я был в за́мке Фернее…* — Посещение знаменитого дома Вольтера, «фернейского мудреца», подробнее описано в письме к великой княгине Александре Федоровне (см. ниже). И хотя Вольтер не принадлежал к любимым писателям Жуковского (об этом см.: *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978. Указ. имен), интерес к его личности был естественен для русского поэта.

[13] *…портреты Фридриха II, m-me du Châtelet, тканый портрет Екатерины…* — С прусским императором Фридрихом II Великим (1712—1786) и российской императрицей Екатериной II (1729—1796) Вольтера связывала многолетняя переписка. Французская писательница маркиза Габриэль Эмили Шатле де (1706—1749) была подругой Вольтера.

[14] *…Вольтеров бюст…* — Копия с оригинала известного французского скульптора Жана Антуана Гудона (1741—1828).

[15] *Фрерон Эли Катрен* (1718—1776) — французский издатель и критик, известный своими резкими инвективами в адрес Вольтера и энциклопедистов.

[16] *…посвятил я ~ Бонстеттену…* — Постоянное упоминание на страницах дневника (см. ПССиП. Т. 13. С. 210—211) имени швейцарского историка и педагога Карла-Виктора Бонстеттена — отражение давнего интереса Жуковского к его личности и творчеству. Еще в юные годы он увлекся им, переведя в 1810—1811 гг. его переписку с историком И. Миллером (ВЕ. 1810. № 16. С. 253—285; 1811. № 6. С. 83—100). Сами имена Миллера и Бонстеттена стали для него символом дружбы. Неслучайно он называет в эти годы своего задушевного друга Александра Тургенева «любезный Миллер», а себя «Бонстеттен» (ПЖТ. С. 66—72). В 1820—1830-е гг. его прежде всего привлекают педагогические идеи Бонстеттена в связи с собственной деятельностью воспитателя великого князя Александра Николаевича. В библиотеке поэта имеется несколько произведений швейцарского педагога (Описание. № 705—708, 2587), в том числе «Régime extérier et intérieur de l'homme. Genève 1829» со следующей дарственной надписью автора: «Mr. De Bonstetten a son ami Joukoffsky. Genève, 8 Janvier 1830» (Описание. № 2587).

[17] *…рассказывал ~ о Песталоцци…* — Жуковский был хорошо знаком с педагогической системой известного швейцарского педагога Иоганна Генриха Песталоцци (1746—1827). Еще в период редактирования ВЕ он публикует статью «Фелленберг и Песталоцци» (ВЕ. 1808. № 23. С. 185—197), излагает суть его метода (1810. № 1. С. 290—309). Впоследствии некоторые методические приемы Песталоцци (таблицы с рисунками) Жуковский использует в своей педагогической практике (при обучении великого князя). В библиотеке Жуковского имеется целый ряд произведений, излагающих педагогическую систему Песталоцци (Описание. Указ. имен), в том числе собрание сочинений швейцарского педагога (Pestallozzi's sämmtliche Schriften. Stuttgart u. Tübingen, 1819—1829. Bde 1—12). Подробнее см. примеч. к «Плану учения <…> великого князя» в наст. томе.

[18] *…поехал я в Веве…* — Этот небольшой городок в кантоне Во на северном берегу Женевского озера полюбился Жуковскому. Сюда он возвратится для лечения и отдыха в сентябре 1832 г. и проживет с перерывами до конца марта 1833 г., активно занимаясь творческой деятельностью, в частности переводом «Ундины».

[19] *…Новая Элоиза не выдумка.* — Интерес к творчеству Ж.-Ж. Руссо и его роману «Новая Элоиза» сопровождал Жуковского всю жизнь. Он черпал в нем эстетические идеи, использовал как практическое пособие для организации семейной жизни и т. д. Об этом см.: *Канунова Ф. З.* Творчество Ж.-Ж. Руссо в восприятии Жуковского // БЖ. Ч. 2. С. 280—311.

[20] *…успел я съездить на лодке в замок Шильон…* — Посещение Шильонского замка, в котором был заключен в XVI в. женевский гражданин Франциск Бонивар, воспетый Байроном в его поэме «Шильонский узник», стало импульсом для работы Жуковского над ее переводом. Уже на следующий день он приступает к созданию предисловия, где, в частности, пишет: «Переводчик с поэмой Бейрона в руках

посетил сей замок и подъемную темницу Бонивара, он может засвидетельствовать, что описания поэта имеют прозаическую точность…» (РНБ. Ф. 286. Оп. I. № 29. Л. 57). Об этом же он пишет в письме к великой княгине. Перевод был закончен весной 1822 г. (подробнее см.: ПССиП. Т. 4. С. 415—423. Примеч. Э. М. Жиляковой). Под этим числом (т. е. 4 сентября) в черновом автографе дневника написано начало (первые 26 стихов) «Шильонского узника».

[21] *…видел ~ муртенскую липу…* — Старая липа, посаженная по преданию в честь победы бернцев над Карлом Смелым при Муртене 22 июня 1476 г.

[22] *…у Фелленберга.* — Речь идет об известном швейцарском педагоге Филиппе Эммануиле Фелленберге (1771—1844), основавшем в Гофвиле целый комплекс воспитательных учебных заведений.

[23] *В Луцерне есть теперь памятник…* — Памятник умирающему льву был открыт 10 августа 1821 г., за месяц до посещения его Жуковским. По словам Марка Твена, это «самое грустное и самое трогательное изваяние в мире». Автором проекта был Бертель Торвальдсен (1768 или 1770—1844) — известный датский скульптор. Первоначально для его воплощения был приглашен швейцарский скульптор Эггеншвеллер, но, не успев начать работу, он разбился, упав с лесов. В 1820—1821 гг. над возведением памятника работал швейцарский скульптор Лукас Ахорн (1789—1856).

[24] *…где Вильгельм Тель застрелил Геслера…* — Согласно преданию, именно в этом месте легендарный швейцарский герой, отстаивая свою честь, застрелил наместника-ландфогта австрийского императора Альбрехта Германа Гесслера, графа фон Брунека, приказавшего Вильгельму Теллю стрелять из лука в яблоко на голове его сына.

А. Янушкевич

<ДЕТСКИЕ СКАЗКИ>

Цикл из шести сказок был напечатан под общим заглавием, вероятнее всего, редакторским: «Детские сказки». Его публикация сопровождалась благодарностью от редакции за передачу «сих статей, прекрасных по нравственной цели и образцовых по слогу перевода» (Детский собеседник. 1826. № 2. С. 95). 26 декабря 1826 г. Жуковский писал Вяземскому, по-видимому, упрекавшему его за сотрудничество с Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем, издателями журнала «Детский собеседник»: «Греч напечатал мои сказки. Вот их история. Они давно, давно были у меня переведены. Греч просил их в свой детский журнал. Я их отдал, потому что почитал их не заслуживающими никакого внимания <…> с тем, чтобы не было моего имени; Греч дал слово не печатать его и напечатал» (СС 1. Т. 4. С. 591). В публикацию вошли переводы шести сказок Шарля Перро (1628—1703) и братьев Гримм Якоба (1785—1863) и Вильгельма (1786—1859) «Волшебница», «Рауль синяя борода», «Колючая роза», «Братец и сестрица», «Милый Роланд и девица ясный цвет» и «Красная шапочка». По-видимому, на эти тексты Жуковский смотрел как на свою

рабочую заготовку, в которой отразились сказочные сюжеты, по-особому привлекавшие его (некоторые из них, судя по планам, с 1815—1817 гг.). Издания Перро и бр. Гримм, по которым делались появившиеся в 1826 г. переводы, в библиотеке Жуковского не сохранились. Два перевода («Милый Роланд…», «Колючая роза») Жуковский использовал в 1831 г. при работе над сказками «О царе Берендее» и «Спящая царевна».

Об интересе Жуковского к сказкам Перро и бр. Гримм, проявившимся в его стихотворных сказках как 1831-го, так и 1845 г. («Тюльпанное дерево», «Кот в сапогах»), см.: ПССиП. Т. 4. С. 448—449, 458—459, 517—519, 520—521. См. также: *Трубицын Н. Н.* О сказках В. А. Жуковского // Русский филологический вестник. 1913. № 1. С. 130—132; *Елеонская Е. Н.* Жуковский — переводчик сказок // Там же. № 3. С. 161—170.

На протяжении XIX в. переводы Жуковского неоднократно включались в различные сборники. Так, два из них («Волшебница» и «Колючая роза») с указанием имени переводчика были напечатаны Н. И. Гречем в «Русской азбуке» (СПб., 1846), все шесть без его имени перепечатаны А. П. Зонтаг в «Волшебных сказках для детей первого возраста» (М., 1862).

27 октября 1827 г. Жуковский писал Зонтаг, задумавшей издание сказок: «Переводите не рабски, но как будто сами рассказывая чужое своей дочери: это даст нежную ясность и простоту вашему слогу» (УС. С. 101). Это наставление соответствует направленности переводов Жуковского, опубликованных в «Детском собеседнике». По мнению Н. Н. Трубицына, поэт смотрел на сказку исключительно «как на средство морально-педагогического воздействия» (Указ. соч. С. 132), хотя Жуковский преследовал и художественные цели, стремясь к освоению эпического (в данном случае сказочного) мира. Все шесть переводов (вне зависимости от источника — французского, немецкого или же их контаминации) составляют целостный цикл, в основе которого лежит концепция универсального мира народной сказки, отличающегося благородной простотой. Следующим шагом на пути освоения Жуковским жанра литературной сказки были произведения 1831 г., в которых отразились его опыты работы с национальной сказочной спецификой. Новое возвращение в середине 1840-х гг. к своим давним прозаическим переводам, судя по сохранившимся планам, по-видимому, было связано с замыслом Жуковского «Повестей для юношества» (см.: ПССиП. Т. 4. С. 388—389).

Волшебница
(«Одна вдова имела двух дочерей…»)
(С. 87)

Автограф неизвестен.

Впервые: Детский собеседник. 1826. № 2. С. 95—99.

Републикация: Русский филологический вестник. 1913. № 1. С. 132—134 — в составе статьи Н. Н. Трубицына «О сказках Жуковского».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: первая половина 1820-х гг.

«Волшебница» — перевод сказки «Феи» («Les fées») из сборника Ш. Перро «Сказки матушки Гусыни» («Contes de ma mère l'Oye». Paris, 1697). Сказки Перро были давно освоены русскими переводчиками, в частности сказка, легшая в основу «Волшебницы», впервые появилась на русском языке в 1768 г. Название сказки (традиционное в русских переводах, причем с первого издания) оправдано в тексте Жуковского сюжетной переменой: взамен феи, являющейся в виде то нищей старухи, то знатной дамы, у Жуковского в сказке действует одна и та же старуха-волшебница. В переводе он значительно оживил диалоги, несколько подробнее остановился на страданиях меньшей дочери, прибавил к подаркам волшебницы еще и жемчужины, смягчил обмен грубостями между матерью и старшей дочерью, наконец, приблизил рассказ о замужестве облагодетельствованной красавицы к принятому обиходу, пропустив все моралистические сентенции Перро.

В 1866 г. под тем же заглавием сказку перевел И. С. Тургенев.

Рауль синяя борода
(«В одном лесу жил бедный старик…»)
(С. 88)

Автограф неизвестен.

Впервые: Детский собеседник. 1826. № 2. С. 99—106.

Републикация: Русский филологический вестник. 1913. № 1. С. 134—137 — в составе статьи Н. Н. Трубицына «О сказках Жуковского».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: первая половина 1820-х гг.

«Рауль синяя борода» — вольный перевод сказки «Синяя борода» («Le barbe bleue») из сборника Перро «Сказки матушки Гусыни» («Contes de ma mère l'Oye». Paris, 1697). Начало и конец перевода близки к сказке «Синяя борода» («Der Blaubart») из сборника братьев Гримм «Детские и домашние сказки» («Kinder- und Hausmärchen»), причем в первом издании (1812. Т. 1. № 62), поскольку из следующих она была исключена собирателями из-за близости к французскому литературному

образцу. Отдельные мотивы немецкой сказки вплетаются и в сюжетную канву французской (например, запретный ключ — золотой, как и в сказке бр. Гримм). Имена героев сказки Жуковского (Рауль, Изора, Лора) заимствованы из комической оперы А.-Э.-М. Гретри (1741—1813) «Рауль Синяя борода» (1789), поставленной в Петербурге в 1815 и 1821 гг. (см.: *Елеонская Е. Н.* Жуковский — переводчик сказок // Русский филологический вестник. 1913. № 3. С. 163—165). Сказочный сюжет «Синяя борода» принадлежит к числу популярнейших в мировом искусстве.

Французский источник потерял в пересказе Жуковского множество бытовых примет в изображении жизни обитателей двух богатых замков, что придало сюжету универсальный характер. Перевод Жуковского выполнен в балладной стилистике и оснащен рядом ярких романтических деталей, которых нет в источниках (железная дверь, черный занавес, просьба Изоры кинуть прощальный взгляд на родные места и т. п.). Интерес к сюжету не был исчерпан публикацией перевода, и Жуковский, по-видимому, намеревался создать на его основе какое-то оригинальное произведение (как и в случае с другими переводами, в частности сказками «Колючая роза» и «Милый Роланд и девица ясный цвет», см. ниже). Замысел под названием «Рауль» упоминался Жуковским в его перечнях сочинений 1815—1817, 1831, 1832—1833 и 1845 гг. (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 79. Л. 7; № 35. Л. 1; № 37. Верхняя обложка; № 53. Верхняя обложка. Л. 1). См.: ПССиП. Т. 4. С. 458—459.

Колючая роза

(«Жил был царь…»)

(С. 91)

Автограф неизвестен.

Впервые: Детский собеседник. 1826. № 2. С. 106—110.

Републикация: Русский филологический вестник. 1913. № 1. С. 137—139 — в составе статьи Н. Н. Трубицына «О сказках Жуковского».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: первая половина 1820-х гг.

В примечании к «Колючей розе», написанном, скорее всего, кем-то из издателей журнала (Ф. В. Булгариным или, что вероятнее, Н. И. Гречем), говорилось: «В одних только сказках волшебницы могут дарить совершенствами. Делом наставников будет изъяснять детям нравоучение каждой сказки и отделить в ней прикрасы вымысла от полезных истин» (Детский собеседник. 1826. № 2. С. 107); в наст. изд. примечание в текст сказки не включено.

«Колючая роза» — перевод сказки «Шиповничек» («Dornröschen») из сборника бр. Гримм «Детские и домашние сказки» («Kinder- und Hausmärchen». № 50). Пропуски и добавления Жуковского в сюжетном отношении незначительны (например, исключен обмен репликами между старой пряхой и царевной, прибавлены детали, рисующие погруженный в сон (а также пробуждающийся) дворец и

лес вокруг него). Знакомство Жуковского с собранием немецких сказок, судя по его планам, состоялось, по-видимому, в 1815—1817 гг. — сразу же после выхода первого издания 1812—1815 гг. (ни одного из них в его библиотеке, однако, не сохранилось). В переводах Жуковского, связанных с гриммовским собранием, ощущаются следы знакомства именно с этим изданием. Жуковского увлекла цельность и простота немецких текстов, которым собиратели придали весьма ценный в эпоху романтизма статус подлинных народных сказок. Жуковский был первым переводчиком сказок братьев Гримм в России.

«Колючая роза» была в полной мере использована Жуковским при создании в 1831 г. стихотворной сказки «Спящая царевна» — см.: ПССиП. Т. 4. С. 87—97, 458—459. Сказка писалась в русском народном стиле, поэтому, следуя своему прозаическому переводу, Жуковский значительно развил его, насытил русскими бытовыми деталями и придал языку иной (разговорно-сказочный, а порой и лирический) колорит; источник был видоизменен и той стихией мягкого юмора, который свойственен «Спящей царевне». После окончания работы над ней Жуковский вычеркнул из перечня задуманных им оригинальных произведений «Колючую розу» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 35. Л. 1).

[1] *Вдруг выполз к ней из воды рак…* — Тот же персонаж в «Спящей царевне» (см.: ПССиП. Т. 4. С. 87, 461), по-видимому, след знакомства Жуковского со сказкой французской писательницы М.-К. д'Онуа (d'Aulnoy, ок. 1650—1705) «Лесная лань» («La biche au bois»), поскольку в немецкой сказке надежду в бездетных родителей вселяет лягушка.

[2] *…и повариха заснула, не дощипавши курицы…* — Далее (С. 93): …сидела сонная повариха с полуощипанною курицею. Далее (С. 93): …повариха начала щипать свою курицу. — Образ из немецкой сказки не попал в окончательный текст и остался в черновом автографе «Спящей царевны» Жуковского (см.: ПССиП. Т. 4. С. 461).

Братец и сестрица

(«"Душенька, сестрица!" — сказал печальным голосом братец…»)
(С. 93)

Автограф неизвестен.

Впервые: Детский собеседник. 1826. № 2. С. 110—116.

Републикация: Русский филологический вестник. 1913. № 1. С. 139—142 — в составе статьи Н. Н. Трубицына «О сказках Жуковского».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: первая половина 1820-х гг.

«Братец и сестрица» — перевод одноименной сказки («Brüderchen und Schwesterchen») из сборника бр. Гримм «Детские и домашние сказки» («Kinder- und Hausmärchen». № 11). Перевод, как и другие тексты в публикации «Детского собе-

седника», делался по первому изданию сборника (см. примеч. выше), поскольку уже во втором издании был дан другой, распространенный вариант сказки (см.: *Елеонская Е. Н.* Жуковский — переводчик сказок // Русский филологический вестник. 1913. № 3. С. 166). Жуковский придал особую задушевность разговорам братца и сестрицы, расширил описание бедственного существования сирот у мачехи и жизни их в лесу (причем это расширение не совпадает с изданием 1819 г.), видоизменил эпизод, связанный с явлением царице (сестре «козленочка») ее давнего врага — мачехи-колдуньи, которая в немецком оригинале умерщвляет ее в жаркой бане. Жуковский намеревался создать на основе своего перевода оригинальное произведение, о чем говорит упоминание «Братца и сестрицы» в перечнях 1832—1833 и 1845 гг. (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 37. Верхняя обложка; № 53. Верхняя обложка. Л. 1).

В оригинале братец, испив воды из заколдованного лесного источника, превращается в маленькую косулю (детеныша) — *Rehkälbchen*; в тексте издания сборника бр. Гримм 1819 г. он подрастает и становится косулей — *Reh*. Жуковский перевел немецкое *Rehkälbchen* как *козленок*, *козленочек*, по-видимому, ориентируясь на слово *козуля*, означающее ‘дикая коза’ (см. статью «Козел» в «Толковом словаре…» В. И. Даля), или же на русскую сказочную традицию. Речь здесь может идти только об устной традиции, поскольку к моменту появления перевода Жуковского был известен один опубликованный вариант сказки в весьма популярном издании «Старая погудка на новый лад» (1795), где братец был превращен в барашка (см.: Полн. собр. русских сказок: Ранние собрания. СПб., 2003. Т. 8: Русская сказка в изданиях конца XVIII в. С. 128—132). Предполагается, что эта русская народная сказка была очень распространена в детском фольклоре уже в конце XVIII в. (см.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1985. Т. 2. С. 432).

Милый Роланд и девица ясный цвет

(«Одну прекрасную девушку…»)

(С. 96)

Автограф неизвестен.

Впервые: Детский собеседник. 1826. № 2. С. 116—119.

Републикация: Русский филологический вестник. 1913. № 1. С. 142—144 — в составе статьи Н. Н. Трубицына «О сказках Жуковского».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: первая половина 1820-х гг.

«Милый Роланд и девица ясный цвет» — перевод сказки «Милый Роланд» («Der liebste Roland») из сборника бр. Гримм «Детские и домашние сказки» («Kinder- und Hausmärchen». № 56). Об интересе Жуковского к этому сборнику см. примеч. к сказке «Колючая роза» (С. 675). Жуковский изменил название и, поясняя его, ввел в начало сказки характеристику девицы; кроме того, он пропустил эпизоды с убийством мачехой своей родной дочери (при первоначальном замысле — падчерицы)

и тремя каплями крови, подающими голос и задерживающими погоню за беглецами. Другие эпизоды переданы «весьма близко к тексту немецкой сказки из сборника бр. Гримм, причем обычные для Жуковского изменения в словах и оборотах речи встречаются постоянно» (*Елеонская Е. Н.* Жуковский — переводчик сказок // Русский филологический вестник. 1913. № 3. С. 167).

Перевод (со слов: «Поди, мой милый Роланд! а я останусь здесь красным полевым камнем…») использован Жуковским при работе над «Сказкой о царе Берендее…» (1831) — сюжетно ему соответствуют в ней ст. 342—433 (превращение Марьи-царевны в камень, а затем в цветок, жизнь в избушке старика, наконец, возвращение человеческого облика); в черновике текст Жуковского был в некоторых местах ближе к сказке бр. Гримм (см.: ПССиП. Т. 4. С. 448—449). Поскольку «Сказка о царе Берендее…» писалась в русском народном стиле, Жуковский придал источнику другой национальный колорит и значительно расширил его за счет новых чудесных событий, психологической прорисовки сюжета, юмористических деталей, развернутых пейзажных и портретных описаний. В итоге сказка объединила два источника — запись русской народной сказки «Некоторый царь ехал на войну», сделанную Пушкиным в Михайловском, по-видимому, в конце 1824 г. (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977. Т. 3. С. 408—410), и перевод сказки бр. Гримм. Обе народные сказки, и русская и немецкая, относятся к подвидам одного типа сказочного сюжета (см.: *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. С. 28 (№ 313 A и 313 C); Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Б. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 112). Подробнее о соотношении двух источников в произведении см.: *Березкина С. В.* Пушкинская фольклорная запись и «Сказка о царе Берендее» В. А. Жуковского // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 267—278. После окончания работы над «Сказкой о царе Берендее…» Жуковский вычеркнул из перечня задуманных им оригинальных произведений название «Милый Роланд» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 35. Л. 1).

Красная шапочка

(«Жила вдова, у которой была прекрасная дочка…»)
(С. 97)

Автограф неизвестен.

Впервые: Детский собеседник. 1826. № 2. С. 120—124.

Републикация: Русский филологический вестник. 1913. № 1. С. 144—146 — в составе статьи Н. Н. Трубицына «О сказках Жуковского».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: первая половина 1820-х гг.

«Красная шапочка» — перевод одноименной сказки («Rotkäppchen») из сборника бр. Гримм «Детские и домашние сказки» («Kinder- und Hausmärchen». № 26).

Об интересе Жуковского к этому сборнику см. примеч. к сказке «Колючая роза» (С. 675). Отступления от оригинала связаны отчасти с нацеленностью Жуковского на детскую аудиторию (например, бутылка вина для больной бабушки, как у бр. Гримм, заменена на горшочек молока, а убийцей волка сделана не девочка, а охотник), отчасти с желанием дополнить сюжетную канву психологически более точными, яркими, изящными деталями (репликам и диалогам придан задушевный и даже экспрессивный характер, добавлен вопрос Красной шапочки к переодетому волку о его голосе, изменен порядок ее последующих вопросов, детализированы побуждения охотника, наконец, видоизменена вся сцена, в оригинале более короткая, появления из волчьего брюха того, что было им съедено). Жуковский не стал переводить дополнительный эпизод встречи Красной шапочки с волком. Воздействие сказки Ш. Перро «Le petit chaperon rouge» на перевод Жуковского минимально. О намерении создать на основе своего перевода оригинальное произведение говорит упоминание им «Красной шапочки» в перечнях 1845 г. (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 53. Верхняя обложка. Л. 1).

С. Берёзкина

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Проект плана учения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Наследника Цесаревича, составленный В. А. Жуковским, для представления Государю Императору Николаю Павловичу. 1827 г.

(«Я не могу начать тотчас, по приезде моем, уроков моих…»)
(С. 100)

А в т о г р а ф: письмо к Николаю I (в архиве Вяземских, по сообщению в СИРИО).

В п е р в ы е: Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 30. Годы учения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего Государя Императора. 1826—1838. СПб., 1880. Т. 1. С. 33—37.

Р е п у б л и к а ц и я: ПСС. Т. 10. С. 11—13.

П е ч а т а е т с я: по первой публикации со сверкой по автографу.

Д а т и р у е т с я: конец апреля 1827 г.

Основанием для датировки письма является упоминание об отъезде из Дрездена, который Жуковский покинул 14 апреля 1827 г., и недавнем посещении Берлина, где он в начале апреля покупал книги для библиотеки великого князя. Письмо, вероятно, было отправлено из Лейпцига, где воспитатель наследника находился с 15 по 27 апреля. По указанию первых публикаторов письма, автограф был сообщен князем П. П. Вяземским и хранился в семейном архиве, из чего можно

сделать вывод, что письмо было возвращено Жуковскому (возможно, с резолюцией императора).

По содержанию «Проект плана учения» является конспективным изложением основных пунктов «Плана учения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Наследника Цесаревича Александра Николаевича», представленного Николаю I в начале 1826 г. и получившего высочайшее одобрение (см. комментарий к данной статье в наст. издании). Единственным новым моментом в нем является настоятельное обращение о пользе изучения латинского языка. Оно не было поддержано из-за личной нелюбви императора к латыни со времени своего обучения. В целом же письмо детализирует состав изучаемых дисциплин, календарную последовательность занятий, список преподавателей и техническую сторону обучения, как финансовую, так и материальную, — составление библиотеки, которым Жуковский занимался в Берлине и потом в Париже, физического, минералогического и технологического кабинетов, наглядных пособий. Последний пункт являлся воплощением педагогических принципов писателя, разделявшего идеи И. Г. Песталоцци о наглядности обучения. Их реализацией стали многочисленные таблицы по истории и географии, составлением которых Жуковский занимался в Дрездене. Об этой подготовительной работе, являющейся контекстом комментируемой статьи, дают представление письма 1826 — начала 1827 г. к имп. Александре Федоровне, К. К. Мёрдеру, А. П. Елагиной.

[1] *В бытность мою в Дрездене я не потерял своего времени; много приготовил…* — В Дрездене Жуковский находился с 29 августа 1826 г. по 14 апреля 1827 г.

[2] *Одними буду заниматься сам ~ утверждалось в памяти великого князя.* — «В плане учения великого князя Александра Николаевича, составленном Жуковским в 1826 году, между прочим, было сказано, что надзиратель за учением великого князя (т. е. сам Жуковский) “наблюдает, чтобы учители, каждый про своей части, для сохранения полноты и единства в учении, совершенно сообразовались с его планом <…> Он присутствует при главных уроках, он служит репетитором великому князю, то есть учится с ним вместе и помогает ему преподаваемое учителями обращать в свою собственность <…> В третьем периоде: он вместе с великим князем составляет обозрение всего пройденного во втором периоде, то есть помогает ему подвести итог под суммы, собранные во все годы учения”» (С 8. Т. 6. С. 342—343). Примечания И. А. Бычкова. РБ. С. 103.

[3] *Мне говорили в Берлине о прекрасном учителе.* — Николай I исключил из программы обучения сына латинский язык, поэтому учитель не понадобился. Кого имел в виду Жуковский, установить не удалось.

[4] *Осенью представлю особенную записку.* — Записка на настоящий момент не обнаружена или не была написана.

[5] *Остеология* (osteologia) — учение о костях. Данный раздел изучает скелет в целом, отдельные кости, костную ткань. Как раздел антропологии изучает закономерности изменчивости скелета в зависимости от половых, расовых и возрастных особенностей и его морфологию.

[6] *Откровение.* — Подразумевается интерпретация происхождения человека и животного мира в Библии (книга Бытия).

[7] *Религия откровения.* — Подразумевается интерпретация метафизики и учения о бессмертии души в Библии, являющейся откровением Бога о самом себе и источником христианской религии (религии откровения).

[8] *Путеш.<ествие> по России.* — Путешествие цесаревича с Жуковским по Европейской России и части Сибири состоялось в 1837 г. (со 2 мая по 14 ноября).

[9] *…Зауервейту…* — Зауервейд Александр Иванович (1782—1844) — немецкий и русский художник, профессор батальной живописи. В 1814 г. был приглашен Александром I в Санкт-Петербург для исполнения картин военного содержания и рисунков обмундирования русских войск. При Николае I был преподавателем рисования при великих князьях.

[10] *Мёрдер.* — Карл Карлович Мёрдер (1788—1834), капитан, позднее генерал-адъютант, с июля 1824 г. получил чин полковника и по выбору великого князя Николая Павловича, с согласия императора Александра I, был назначен воспитателем-наставником наследника престола Александра Николаевича.

[11] *Павский.* — Герасим Петрович Павский (1787—1863) — протоиерей, филолог, экзегет, переводчик Библии, основоположник русской библейско-исторической школы, автор известного учебника еврейского языка для духовных семинарий. В 1826 г. был назначен учителем Закона Божия и Священной истории наследника Александра Николаевича; был уволен в 1835 г. по настоянию Санкт-Петербургского митрополита Серафима и Московского Филарета.

[12] *Жиль.* — Флориан Антонович Жиль (1801—1865) — швейцарец, учитель французского языка цесаревича Александра Николаевича, затем стал придворным библиотекарем и заведующим Царскосельским Арсеналом, руководил I отделением Императорского Эрмитажа. О нем подробнее: *Павлова Ж. К.* Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж: Жизнь и судьба. СПб., 2010.

[13] *Шамбо.* — Иван Павлович Шамбо (1783—1848) — тайный советник, секретарь императрицы Александры Федоровны, родом из Берлина. В 1814 г. поступил на службу секретарем к императрице Александре Федоровне, бывшей тогда еще принцессой Прусской, с которой и прибыл в Россию в июле 1817 г. В 1826 г. ему поручено было преподавание немецкого языка цесаревичу Александру Николаевичу.

[14] *Альфри.* — Альфрее — учитель английского языка цесаревича Александра Николаевича. В 1832 г. был заменен С. А. Варрандом.

[15] *Постельс.* — Постельс Александр Филиппович (1801—1871) — минералог, естествоиспытатель, путешественник. Окончил курс в Санкт-Петербургском университете в 1823 г. кандидатом, был оставлен «исправлять должность магистра». В 1825/1826 уч. г. читал курс неорганической химии. В 1831 г. был утвержден в звании адъюнкт-профессора по кафедре минералогии и геогнозии Санкт-Петербургского университета, одновременно он был приглашен в Академию наук исполнять должность хранителя Минералогического музея. В 1826 г. он отправился на военном шлюпе «Сенявин» под командованием Ф. П. Литке в качестве минералога и рисовальщика в кругосветное путешествие, из которого вернулся в 1829 г.

Упоминание о Постельсе как возможном учителе наследника престола вызвано, вероятно, оторванностью Жуковского во время лечения за границей от событий отечественной жизни.

[16] *Рейнгольд.* — Рейнгольд Александр-Иоганн Романович — преподаватель каллиграфии цесаревича Александра Николаевича.

[17] *Фус. Соловьев. Фишер.* — Николай Иванович Фус (1755—1825) — российский математик, родом из Базеля. В 1773 г. переехал в Россию по приглашению Л. Эйлера. С 1776 г. — адъюнкт, с 1783 г. — ординарный академик Петербургской Академии наук; постоянный секретарь Академии наук с 17 сентября 1800 г. Активно участвовал в реформе системы образования. Упоминание о покойном Фусе как возможном учителе наследника престола вызвано, вероятно, оторванностью Жуковского во время заграничного путешествия от событий отечественной жизни.

Михаил Федорович Соловьев (1785—1856) — российский физик и химик, член-корреспондент (1826) и почетный член Петербургской АН (1841). Разрабатывал русскую химическую номенклатуру и методику преподавания аналитической химии.

Григорий Иванович Фишер фон Вальдгейм (1771—1853) — русский естествоиспытатель, автор научных работ по палеонтологии, зоологии и энтомологии, почетный член Петербургской Академии наук (1819). Способствовал развитию естествоведения в России, в особенности в области энтомологии и палеонтологии; благодаря его стараниям было учреждено Императорское общество испытателей природы в Москве.

Все трое указанных ученых по разным причинам не стали преподавателями великого князя Александра Николаевича. Вместо них математике обучал его академик Э. Д. Коллинз (1791—1840), а естественной истории — ботаник К. Б. Триниус (1778—1844).

В. Киселёв

План учения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Наследника Цесаревича Александра Николаевича

(С. 104)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. Онегинское собрание. № 27815. Л. 2—20 — черновой, с исправлениями и подчеркиваниями.

К о п и я: РО ИРЛИ. Ф. 265 (Архив журнала «Русская старина»). Оп. 2. № 1043. Л. 1—36 об. На л. 36 об. помета карандашом: Сообщил Г. А. Орлов из бумаг его деда протоиерея Герасима Петровича Павского.

В п е р в ы е: Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 30. Годы учения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего Государя Императора. 1826—1838. Т. 1. СПб., 1880. С. 1—20; РС. 1880. № 2. С. 225—268.

Р е п у б л и к а ц и я: ПСС. Т. 9. С. 135—147.

П е ч а т а е т с я: по первой публикации со сверкой по автографу.
Д а т и р у е т с я: декабрь 1825 — февраль 1826 г.

Копия «Плана учения» представляет собой переплетенную тетрадь большого формата с каллиграфической чистовой рукописью, очевидно, предназначенной для публикации в журнале «Русская старина». В рукописи присутствуют карандашные и чернильные редакторские пометы (деление на абзацы и т. п.) и исправления (орфографические ошибки), внесенные публикаторами, вероятно, М. И. Семевским. Этот текст, кроме февральского номера «Русской старины» за 1880 г., был одновременно напечатан по той же копии, сообщенной М. И. Семевским, в 30-м выпуске «Сборника Императорского Русского исторического общества» (февраль 1880 г.) в ряду других учебных материалов, подготовленных разными преподавателями для наследника престола великого князя Александра Николаевича.

Первоначальные рукописи «Плана учения» пока не обнаружены, а черновой автограф Жуковского из «Онегинского собрания» РО ПД содержит в качестве исходного уровня текст, полностью совпадающий с копией «Русской старины» и печатным вариантом двух публикаций, за исключением финального фрагмента с личным обращением к императору Николаю I.

Очевидно, по этому тексту составлялась чистовая копия, предназначенная для утверждения императором Николаем I, сохранившаяся в бумагах Г. П. Павского и позднее послужившая источником для публикаторов. Исправления, внесенные Жуковским в рукопись Онегинского собрания, являются уже следующим этапом обработки текста и относятся, скорее всего, ко второй половине 1829 г., когда писатель обдумывал замысел педагогического журнала «Собиратель» и включил в него большой заключительный фрагмент «Плана», посвященный истории, под названием «Польза истории для государей».

Датировать «План учения» позволяют обстоятельства назначения Жуковского воспитателем великого князя Александра Николаевича, а также финал статьи, где упоминаются события 14 (26) декабря 1825 г., причем как недавние. Это намечает верхнюю хронологическую границу работы над текстом — начало 1826 г., вероятнее всего — январь-февраль 1826 г., поскольку в феврале Жуковский был утвержден в должности наставника наследника престола, для чего план учения должен был быть уже представленным и одобренным. Нижняя граница определяется предложением Николая Павловича, будущего императора, занять эту должность, данным в июле 1824 г. Если учесть, что к занятиям с великим князем Жуковский приступил только в июне 1825 г., а 15 (27) ноября в письме к великой княгине Александре Федоровне (Le monde slave. 1925. № 1. P. 270—277), будущей императрице, сообщал о неготовности к полному обозрению плана обучения, можно предполагать, что рукопись была создана в декабре 1825 — феврале 1826 г.

Созданию «Плана» предшествовала долгая придворная педагогическая практика Жуковского (см. о ней в целом: *Кирпичников А.* В. А. Жуковский как поэт-воспитатель // Вестник воспитания. 1902. № 4. С. 1—14; *Красногородцев А. В.* Педагогические взгляды Жуковского (1852—1902): В память пятидесятилетия со дня

смерти поэта. СПб., 1902; *Михневич А.* Жуковский как педагог // Педагогический сборник. 1902. № 12. С. 361—389; *Степанов Н. П.* В. А. Жуковский как наставник царя-освободителя. СПб., 1902; *Костылева С. Е.* В. А. Жуковский — педагог // Белевские чтения. М., 2002. Вып. 2. С. 122—132). 9 октября 1817 г. он, по рекомендации вдовствующей императрицы Марии Федоровны, при которой состоял чтецом, был назначен учителем русского языка великой княгини Александры Федороны, жены Николая Павловича. Эти уроки продолжались по сентябрь 1820 г. и были прерваны отъездом ученицы на лечение минеральными водами за границу. Впрочем, Жуковский состоял и в этот период в свите великой княгини и периодически занимался с ней до 1825 г. (см. подробнее: *Киселева Л. Н.* Жуковский — преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // Пушкинские чтения в Тарту 3. Материалы междунар. конф., посвящ. 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 199—228.) В 1823 г. Мария Федоровна назначила поэта также учителем русского языка при невесте великого князя Михаила Павловича Фридерике Шарлотте Марии, после крещения Елене Павловне. Эти занятия также продолжались до 1825 г.

Новая должность требовала от Жуковского более широкого и детального подхода к педагогической деятельности, поскольку он должен был координировать деятельность других учителей и воплощать в жизнь единую образовательную программу. Первый ее набросок, сложившийся в ходе подготовительных занятий, мы находим в уже упоминавшемся письме к великой княгине Александре Федоровне от 15 (27) ноября 1825 г.:

> Я позволю себе представить Вашему Высочеству, сколь смогу, кратко, некоторые общие мысли о ходе обучения, которое мы могли бы избрать для нашего дорогого дитя. Вначале: в воспитании и обучении есть три основных срока, которые нужно с ясностью различать и отделять четкими границами: Ребенок — мужчина — государь. Ребенок должен быть счастлив. Мужчина должен учиться и быть деятельным. Государь должен иметь великие замыслы, прекрасный идеал, возвышенный взгляд на его предназначение, ничего несбыточного, но естественный результат всего, что предшествовало. Нужно относиться к нему, как к ребенку, в детстве, чтобы он мог стать однажды мужчиной, и, чем более будет он чувствовать себя мужчиной, тем менее усомнится он в том, что он государь, когда еще не настанет пора быть государем, и тем более будет он рад представшей пред ним великой судьбе, когда однажды его поздравят с его титулом. <…> Такова, в нескольких словах, общая характеристика, которой нужно придерживаться в подготовительном обучении, основные его принципы. Не хотеть многого; немного знаний, но полных и ясных; пытаться обнять все, но в малой форме; основываться на главных предметах, дабы они могли послужить тем взглядам, которые легко объемлют все целиком; не затуманивать голову тем, что лишь второстепенно, что составляет лишь частности; вдаваться в подробности лишь ради того, чтобы составить четкую мысль о главном; медленно продвигаться от знакомого к незнакомому и оставлять позади лишь то, что уяснено, одним словом, лучше меньше, но хорошо усвоенное, чем много, но плохо усвоенное; ничего ради блеска, все ради прочности (Le monde slave. 1925. № 1. P. 272—273, 275).

Эти и другие положения письма нашли развитие в «Плане учения», где сложилась общая образовательная система. Ее цель Жуковский позднее сформулировал так: «Дело идет о средствах обеспечить успех воспитания великого князя и довести его до предпринятой цели, а именно: образовать в нем монарха великой империи» (письмо к императрице Александре Федоровне от 1 (13) июня 1827 г.; С 7. Т. 6. С. 290). Цель предполагалось достичь в три этапа, выступавших прообразами начального, среднего и высшего образования. Первый — с 8 до 13 лет — включал в себя «приготовительное учение», то есть изучение общеобразовательных дисциплин. Второй период — с 13 до 18 лет — предусматривал «учение подробное», т. е. систематический курс начал основных наук, и третий период — с 18 до 20 лет — «учение применительное», ориентированное на жизненную практику наследника престола, круг его «профессиональных» обязанностей.

Свою педагогическую систему Жуковский полностью основал на методике, предложенной И. Г. Песталоцци (1746—1827), создателе оригинальной системы образования, базировавшейся на идеях Руссо и оказавшей огромное влияние на европейскую педагогическую мысль. Писатель был хорошо знаком с образовательной концепцией известного швейцарского педагога. Еще в период редактирования «Вестника Европы» он публикует статью «Фелленберг и Песталоцци» (ВЕ. 1808. Ч. 42. № 23. С. 185—197); излагает суть его метода (1810. Ч. 49. № 1. С. 290—309). В библиотеке Жуковского имеется целый ряд произведений, излагающих педагогическую систему Песталоцци (Описание. Указ. имен), в том числе собрание сочинений швейцарского педагога (Pestallozzi's sämmtliche Schriften. Stuttgart u. Tübingen, 1819—1829. Bde 1—12).

Песталоцци, автор большого числа педагогических трудов, в том числе и «Журнала для воспитания», создал систему развивающего «природосообразного» обучения ребенка, включающую развитие познавательных способностей, отказ от механической зубрежки, требование гармонического развития всех сил и способностей человеческой природы. Система Песталоцци характеризовалась демократизмом: «…целью деятельности Песталоцци было всеобщее начальное образование народа» (*Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984. С. 28). Песталоцци руководил известными воспитательными заведениями в Швейцарии: «Учреждением для бедных» (1798—1799), средней школой и интернатом в Бургдорфе (1800—1804) и Ивердоне (1805—1825). Имя Песталоцци стало известно в России при участии Фредерика-Сезара Лагарпа (1754—1838), видного швейцарского государственного деятеля, воспитателя великого князя Александра Павловича в 1784—1795 гг. и рекомендовавшего русскому императору Павлу I некоторые педагогические указания швейцарца (см.: *Данилевский Р. Ю.* Указ. соч. С. 20—21). Известно, что между Песталоцци и ректором Дерптского университета, профессором физики Г. Ф. Парротом, в 1804 г. шла переписка по поводу возможного приезда педагога на службу в Россию (см.: *Ротенберг В. А., Шабаева М. Ф.* Связи И. Г. Песталоцци с Россией в первой четверти XIX в. // Советская педагогика. 1960, № 8. С. 119). Во время обучения в Геттингенском университете Песталоцци посетил в Швейцарии А. С. Кайсаров, друг Ан. И. Тургенева и Жуковского (см.:

Там же). Ознакомлению с идеями Песталоцци в России способствовали переводы и обсуждения его трудов в журналах. В 1806—1807 гг. императорской Академией наук был опубликован перевод «Книги для матерей, или Способа учить дитя наблюдать и говорить» с предисловием переводчика, учителя В. А. Жуковского, Ф. Г. Покровского. В «Вестнике Европы» в 1807 г. была помещена статья «О новой методе воспитания, изобретенной Песталоццием, швейцарским педагогом» (Ч. 27. № 11. С. 183—204). В дерптском и петербургском окружении Жуковского, помимо Г. Ф. Паррота, с Песталоцци был связан Иоганн Мюральт (Мюральт, 1780—1850), бывший с 1803 г. (до переселения в Россию в 1810 г.) одним из основных сотрудников учебных заведений Песталоцци в Бургдорфе, Мюнхенбухзее и Ивердоне (см.: *Ротенберг В. А., Шабаева М. Ф.* Указ. соч. С. 126), а затем учредителем училища при реформатской церкви в Петербурге, в котором нашли практическое воплощение идеи Песталоцци (см.: *Данилевский Р. Ю.* Указ. соч. С. 31—35).

Таким образом, обращение Жуковского к его методике было подготовлено всеобщим и растущим интересом общества к вопросам детского воспитания и педагогическим системам. Для самого Жуковского эти проблемы были предельно важны в связи с личной педагогической практикой в воспитании сестер Протасовых и малолетних, оставшихся без отца детей В. И. и А. П. Киреевских. В записной книжке «Разные замечания. 1807», среди рассуждений на морально-философские темы, представляющих, по мнению А. С. Янушкевича, «опыт примечаний, комментария к моральным статьям из знаменитой французской энциклопедии Дидро и Д'Аламбера» (ПССиП. Т. 13. С. 463), важное место занимают записи на тему «первого воспитания ребенка», «отношений матери и дитя» (Там же. С. 38, 42, 46). В письме к И. И. Дмитриеву 10 марта 1810 г. из Москвы Жуковский, рисуя свои планы, включает в их круг знакомство с Песталоцци: «Иногда, вообразив, что счастие в Петербурге, готов уже взять подорожную; то вздумается, что оно на каких-нибудь Швейцарских горах, и я мечтаю о путешествии в Швейцарию, о двух-трех годах, проведенных у Песталоцци, для того чтобы завести что-нибудь подобное его институту в России и быть через то истинно полезным» (РА. 1900. № 9. С. 9). Имя Песталоцци как высшего педагогического авторитета называется в письме А. П. Елагиной к В. А. Жуковскому от 15 мая 1815 г. в связи с постоянно обсуждаемым ими вопросом воспитания детей. «<…> Все мне будет весело жить по часам, расположенным вами, — пишет она. — <…> Меня достанет на все, — <…> я готова быть<…> самим Песталоцци с детьми своими <…>» (Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. 1813—1852. М., 2009. С. 75). Идеи Песталоцци реализовались и в деятельности Жуковского по обучению великой княгини Александры Федоровны русскому языку в 1817—1820 гг., которое педагог старался согласовывать с повседневной жизнью ученицы и строить на «природосообразных» основах, используя, в том числе, приемы обучения языку, рекомендованные швейцарцем (см. подробнее: *Киселева Л. Н.* Указ. соч.).

Заинтересованное внимание к Песталоцци проявится и позже — во время путешествия Жуковского за границу в августе — сентябре 1821 г. Судя по записям в дневнике, писатель из-за недостатка времени не попал «ни в Ивердон, ни в Невша-

тель» и сокрушался о том, что «это лишило <его> счастия видеть старика Песталоцци» (ПССиП. Т. 13. С. 209), но он встретился с швейцарским писателем и педагогом К. В. Бонстеттеном (1745—1832) и имел с ним «приятный разговор <…> о Песталоцци» (Там же. С. 211). Жуковский также посетил замок Ферней и побывал у Ф. Э. Фелленберга, еще одного известного швейцарского педагога, сторонника соединения детского труда (в основе земледельческого) с обучением и воспитанием, устроителя в 1794 г. в Гофвиле воспитательных учреждений с разными уровнями образования в зависимости от экономического достатка семьи ученика: сельскую школу — для бедных, пансион и учительскую семинарию — для детей благородного сословия. Поэт описал в дневнике эти визиты в подробностях и деталях: «Поездка в Гофвиль. <…> Дом Фелленбергов. Магазин для машин. Погреб. Мастерская. Училище бедных и Верли. Дом пенсионеров. Turnanstalt. Дом приготовления для бедных девочек. Сад пенсионеров. <…>Пенсион: горницы, спальни, кабинеты для двух, цветники. Фелленберг; разговор: важность проповедника; главная мысль. О государе. Наш священник. Школа для бедных: их спальня, учебная горница; собственный минеральный кабинет. Верли. О Песталоцци» (Там же. С. 213).

В подготовке и реализации плана обучения и воспитания наследника престола Жуковский проявил себя как подлинный педагог-новатор, который успешно адаптировал разработанную и проверенную Песталоцци модель обучения в народной школе для элитарного индивидуализированного образования. Так, основой первого, «приготовительного», периода обучения становится у Жуковского «практическая логика», т. е., по Песталоцци, процесс, построенный по принципу «от простого к сложному», который сначала позволяет детям анализировать признаки и свойства предметов и далее по мере обобщения информации приходить к четким понятиям о них. Во главу угла такого способа обучения ставится цель научить детей логическому мышлению, активизировать их ум к постановке задач и их решению. «Практическую логику», однако, Жуковский дополняет «теоретической логикой», основанной на библейской истории и христианской нравственности, подчиняя тем самым обучение моральному воспитанию, главной цели всей своей педагогической программы («Цель воспитания вообще и учения в особенности есть образование для добродетели»). Это же соотношение выдерживается и во втором периоде, когда систематическое усвоение начал основных наук становится лишь фундаментом для нравственного самоопределения, ответа на вопрос «что я быть должен» и «к чему я предназначен».

Оригинальную разработку нашли в «Плане» и педагогической деятельности Жуковского и другие воспитательно-образовательные принципы Песталоцци — *порядок и систематичность* («предметы учения должны быть преподаваемы в их естественной связи, не совокупно, а по порядку, с сохранением надлежащей постепенности, переходя от легкого к трудному, так, чтобы в голове воспитанника по истечении первого периода могла остаться полная система приготовительных знаний»); *формирование собственной мотивации и интереса к учению* («Возбуждение собственной деятельности воспитанника»; «Стараться сделать и предмет учения и самое учение привлекательными, возбуждая любопытство, владея внима-

нием, питая воображение, говоря сердцу»); *свобода* («Весь труд должен выполняться теми, кто его окружает; он же должен чувствовать себя свободным, должен идти впереди, не замечая, что его ведут. Свобода — это громкое слово, свобода означает свободно и с удовольствием делать то, что велит долг. Это основной принцип его нравственного воспитания, и одновременно это же принцип его обучения»; Le monde slave. 1925. № 1. P. 273), а также *наглядность* (наглядным пособиям — картам, эстампам, «гипсам», физическим приборам, минералогическим образцам и пр. — посвящен целый раздел «Плана»), *интерактивность*, *учет индивидуальных качеств воспитанника* и др. (см. подробнее о педагогической программе Жуковского: *Симиновский П. М., Тебиев Б. К.* Образование для добродетели: педагогические взгляды и деятельность В. А. Жуковского. М., 2003).

Особой заботой воспитателя была также минимизация влияний, обусловленных специфическими обязанностями великого князя — придворными и военными. Они были неизбежны, но, по мысли Жуковского, должны быть введены в приемлемые рамки, согласующиеся со всей системой образования. В этих целях он просил Николая I ограничить переезды воспитанника и его участие в придворных церемониях («Осмелюсь сказать откровенно: частые переезды из места в место кажутся мне весьма вредными для занятий Великого Князя»). В рамки каникул должны были помещаться и военные штудии, считавшиеся для наследника престола едва ли не важнейшим элементом с петровских времен. Жуковскому удалось изменить традицию, император пошел ему навстречу и, более того, личным решением отложил начало практического обучения сына в петергофских лагерях до 1829 г. Однако вместо создания «потешной» роты «под цесаревича» он приказал зачислить в июне 1827 г. девятилетнего великого князя цесаревича Александра Николаевича в списки кадет Первого кадетского корпуса.

Педагогическая деятельность Жуковского в должности воспитателя наследника престола, продолжавшаяся до 1837 г., нашла свое продолжение в 1840-е гг., в ходе занятий уже с собственными детьми, для которых он хотел разработать такой же полный и систематичный круг образования, переведя тем самым элитарное образование на уровень общедоступного. Подготовленные материалы Жуковский думал издать впоследствии как пособие для родителей и учителей. Плодом этих усилий выступили и заметки о воспитании, вошедшие в цикл «Мыслей и замечаний» (см. комментарий к ним в настоящем издании).

[1] *…таблицами Песталоцци…* — Одним из принципов педагогической концепции И. Г. Песталоцци была наглядность обучения, в том числе использование таблиц с изображениями чисел и их соотношений. Возражая против традиционной методики обучения арифметике, основанной на заучивании наизусть правил, Песталоцци предложил свой метод изучения чисел, начиная с элемента каждого целого числа — единицы. На основе наглядных представлений, сочетания и разъединения единиц он дает детям ясное понимание свойств и соотношений чисел. Многие арифметические понятия должны уясняться во время игр. От изучения единиц дети переходят затем к десяткам. Для обучения дробям Песта-

лоцци брал квадрат и показывал на нем, принимая его за единицу, соотношения частей и целого. На основе этой идеи последователями Песталоцци был введен в школьную практику так называемый арифметический ящик, использовавшийся в некоторых школах до начала XX века.

[2] *…грамматикою Саси…* — Антуан Исаак, барон Сильвестр де Саси (1758—1838) — французский лингвист и ориенталист, автор «Принципов общей грамматики» («Principes de Grammaire générale mis à la portée des enfants, et propre a servir l'introduction a l'étude de toutes les langues», 1799), реализующих программу «философской грамматики», т. е. выявления универсальных для всех языков лингвистических закономерностей (в современных терминах — общего языкознания).

[3] *Религия естественная.* — Религия откровенная. — В христианской традиции существует понятие естественного откровения (Natural revelation), называемого также повсеместным, общим (в значении всеобщего обладания). Под этим термином понимается открытие Богом самого себя посредством сотворенного мира, природы и открытие Богом нравственных законов людям внутри их совести. Отличительная особенность этого типа откровения заключается в том, что для постижения его не требуется никакого сверхъестественного вмешательства, но достаточно способностей разума человека. Кроме того, в христианском богословии различают универсальное, или всеобщее (в смысле предназначения) сверхъестественное откровение (Universal revelations), к которому относят Священное Писание (Библия) и Священное Предание (в исторических церквах). В церковной традиции считается, что этот тип откровения дан Богом для спасения людей.

[4] *Волшебный фонарь. Фантасмагория. Косморама.* — «Волшебный фонарь» (лат. Laterna magica; магический фонарь, фантаскоп, skioptikon, lampascope, туманные картины и др.) — аппарат для проекции изображений, распространенный в XVII—XX вв., XIX в. — в повсеместном обиходе. Фантасмагория — жанр театрального представления в Европе в XVIII—XIX вв., в котором при помощи «волшебного фонаря» на заднем плане демонстрировались пугающие образы: скелеты, демоны, привидения. Косморама — картина, представляющая большое пространство земли с находящимися на ней предметами, написанная и поставленная так, что создается иллюзия живой природы. Во время путешествия в Париж (май — июнь 1827 г.) Жуковский проявил иснтерес к новейшим изобретениям техники, познакомившись с Диорамой и подвижными картинами Луи Жака Дагерра, французского художника и изобретателя дагерротипии (ПССиП. Т. 13. С. 263).

[5] *…грамматика Саси, переведенная на немецкий язык Фатером…* — Йохан Северин Фатер (1771—1826) — немецкий филолог и богослов; был профессором в Йене и Галле.

[6] *Петр Великий имел свой потешный полк ~ Полтавского героя…* — Потешный полк был сформирован царем Петром I для игровых битв в 1683 г. В 1691 г. потешные войска получили правильную организацию и разделились на два полка, Преображенский и Семеновский, обмундированные по западно-европейскому образцу. Преображенцы и семеновцы стали основой будущей регулярной армии России.

Полтавская битва — крупнейшее сражение Северной войны между русскими войсками под командованием Петра I и шведской армией Карла XII. Состоялась утром 27 июня (8 июля) 1709 г. в 6 верстах от города Полтава на русских землях (Левобережье Днепра). Решительная победа русской армии привела к перелому в Северной войне в пользу России и положила конец господству Швеции как одной из ведущих военных сил в Европе.

[7] *…из дел Аннибала, Юлия Кесаря, Густава Адольфа, Фридриха…* — Ганнибал Барка, более известный как просто Ганнибал (247—183 до н. э.), — карфагенский полководец. Считается одним из величайших полководцев и государственных деятелей древности. Гай Юлий Цезарь (100 или 102 до н. э. — 44 до н. э.) — древнеримский государственный и политический деятель, диктатор, полководец, писатель. Густав II Адольф (1594—1632) — король Швеции (1611—1632), часто назывался «Снежный король» и «Лев севера». Его двадцатилетнее царствование является одной из наиболее блестящих страниц в истории Швеции. Оставил значительный след в истории военного искусства как прекрасный полководец и организатор армии. Фридрих II, или Фридрих Великий (1712—1786) — король Пруссии с 1740 г. Яркий представитель просвещенного абсолютизма и один из основоположников прусско-германской государственности. Завоевал славу великого полководца в ходе Семилетней войны и других кампаний.

[8] *…Марк Аврелий и Генрих Великий…* — Марк Аврелий Антонин (121—180) — римский император (161—180) из династии Антонинов, философ, представитель позднего стоицизма, последователь Эпиктета. Для Жуковского Марк Аврелий — образец мудрого монарха (см. «Речь философа Аполония» и комментарии к ней в настоящем издании). Генрих IV Великий (1553—1610) — лидер гугенотов в конце религиозных войн во Франции, король Наварры с 1572 г. (как Генрих III), король Франции с 1589 г. (фактически — с 1594), основатель французской королевской династии Бурбонов.

[9] *…Иоанн Грозный…* — Иоанн IV Васильевич (прозвание Иван Грозный, 1530—1584) — великий князь Московский и всея Руси с 1533, первый царь всея Руси (с 1547).

[10] *…слова Иоанна Мюллера, которыми он оканчивает свою «Всемирную историю»…* — Иоганн Миллер (1752—1809) — известный швейцарский историк. Под всемирной историей Жуковский понимает лекции по всеобщей истории, прочитанные в частном кругу в Женеве в 1779—1780 гг., позднее отредактированные автором и составившие посмертно изданный труд «Vierundzwanzig Bücher allgemeiner Geschichten, besonders der europäischen Menschheit» (In 3 Bänden. Tübingen: Cotta, 1811). Цитируемый фрагмент представляет собой завершающие фразы 24-й книги (Bd 3. S. 532). Жуковский мог знакомиться с трудом Миллера по немецкому изданию 1811, 1817 или 1826 г., в его библиотеке присутствует также немецкое издание 1845 г., с многочисленными пометами и французский перевод 1829 г., также с пометами (Описание. № 1706—1708).

[11] *…после того, что случилось…* — Подразумеваются события восстания декабристов 14 (26) декабря 1825 г.

В. Киселёв, Э. Жилякова

<Педагогические речи>

(С. 122)

В общей системе педагогической деятельности Жуковского особое место занимают его речи, обращенные к воспитанникам, прежде всего, к великому князю Александру Николаевичу. Они были органической частью его «политической педагогики». Известны две такие речи, относящиеся к первым годам реализации плана и программы воспитания наследника. По всей вероятности, впоследствии необходимость в подобном педагогическом жанре исчезла. Журналы «Собиратель» и «Муравейник», эпистолярные послания пришли на смену устному дискурсу. Чтение, которому Жуковский придавал особое значение в педагогическом процессе, потребовало развития форм письменной речи. Жуковский последовательно приучал своих воспитанников к выражению своих мыслей на бумаге, к формированию эпистолярного стиля. Но две дошедших до нас речи Жуковского-педагога свидетельствуют о его внимании к ораторской культуре, о том значении, которое он придавал воспитательной роли слова.

Как известно, вместе с великим князем воспитывались сын друга Жуковского, музыкального деятеля и композитора-дилетанта Михаила Юрьевича Виельгорского (1788—1856), Иосиф (1817—1839) и сын генерала, коменданта Ревеля Владимира Григорьевича Паткуля (1783—1855) Александр (1817—1877), впоследствии генерал-адъютанта и петербургского обер-полицмейстера. Поэтому речи Жуковского были обращены ко всем трем воспитанникам.

I

А в т о г р а ф неизвестен.
В п е р в ы е: РС. 1885. № 3. С. 536—538 — в составе «Записок» К. К. Мёрдера.
Д а т и р у е т с я: 2 февраля 1829 г.

«Записки» К. К. Мёрдера (о нем см. примеч. к статье «Воспоминание о Мёрдере» в наст. томе) воссоздают атмосферу «экзамена в Законе Божием» 2 февраля 1829 г., на котором присутствовали их величества (имп. Николай I и императрица Александра Федоровна). Государь император, по воспоминаниям Мёрдера, высоко оценил успехи своего сына. В ответ на это Жуковский так прокомментировал эту оценку:

> Экзамен доказал Вашему величеству, что в состоянии сделать великий князь; я вижу сам, что экзамен был хорош, но по рапортам, которые Ваше величество получать изволили, Вы могли видеть, что из числа 26 недель у великого князя отличных всего две, за учение и поведение. У Виельгорского 5, а у Паткуля 1. Это доказывает,

что эти господа как в учении, так и в поведении имеют мало настойчивости, единственное качество, которое достойно уважения и без которого невозможно им дозволить приобресть прилежанием и поведением права на обещанные им суммы для бедных. Мы будем однако же просить Ваше императорское величество сделать им какое-нибудь удовольствие (РС. 1885. № 3. С. 537).

После ухода их величеств, как вспоминает Мёрдер, «Василий Андреевич Жуковский обратился к Александру Николаевичу и его товарищам и сказал: [далее следует речь]» (Там же).

II

Автограф неизвестен.
Впервые: РА. 1908. № 11. С. 385—387.
Датируется: около 2 июля 1829 г.

[1] Подробнее об этой педагогической акции Жуковского см.: Лямина, Самовер. С. 106—107.

А. Янушкевич

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Введение в Историю государства Российского
(С. 126)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 101. Л. 2—28 — черновой.
Впервые: Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1880. Т. 30. С. 117—144.
Датируется: 1830 г.

«Введение в Историю государства Российского» — учебное пособие, составленное Жуковским для преподавания великому князю Александру Николаевичу начальных сведений по истории и географии России с древнейших времен до современного николаевского царствования.

Обращение к черновикам позволяет частично реконструировать работу Жуковского над текстом. Согласно первоначальному замыслу, учебное пособие должно было состоять только из одного большого раздела, посвященного физической географии России. В первом черновом варианте Жуковский внес мало исправлений и дополнений. Он уделяет большое внимание описанию озер и рек: указывает их физические характеристики, уточняет водные границы России, затрагивает разные аспекты экономической географии (города, количество населения, род деятельности, годовой товарооборот). Напротив каждого из разделителей — «Мысы» и «Воды» — на полях поэт ставит знак NB. Ср.:

Кюмень <из северных озер. С 1748 до 1809 граница России>
Торнео <граница России с 1769>
Кюро <судоходство: слюда. Ваза>
Волга <судоходная; много городов по берегам; до 250,000 человек занимается судоходством; товаров на 200,000,000; до 25,000 судов проходит>

В отдельных случаях Жуковский указывает значимые для понимания исторического развития империи победоносные и бедственные события. Ср. уточнения при описании двух рек:

Нева <60 верст: Петр: Орешек, Нотебург или Шлиссебург>
Урал <Яик. Татары: Золотая орда, Калмыки. Казаки: Ермак, Стенька Разин, Пугачев>

(РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 101. Л. 2 об. — 3).

Первый черновой вариант не удовлетворил Жуковского: фрагмент текста между параграфами «Реки Европейские» и «Реки Азиатские России» перечеркнут.

Второй вариант состоял уже из двух больших разделов: географического и исторического. В окончательную редакцию «Введения…» хронологическое описание Российской империи не было включено. Ниже приведена вторая часть второго варианта по архивной копии:

Обширность империи. Постепенное распространение. Периоды

I. Древняя история. 862—1462. 600 лет

I. От Рурика до смерти Владимира. 862—1015.
Начало государства. Завоевания, утверждающие бытие России. Введение христианства.

862. Рурик.Синеус. Трувор
879. Олег
980. Владимир
988. Введение христианства
1015. Смерть Владимира

2. От смерти Владимира до начала татарского ига. 1015—1237.
Раздробление на уделы. Междуусобие князей. Расслабление Государства. Нападение внешних врагов. Татарское иго.

1019. Ярославль. Русская правда. Начало уделов
1146. Начало Москвы
1224. Сражение при Калке
1237. Батый. Начало татарского ига

3. От начала татарского ига до Иоанна Великого 1237—1462.
Унизительное владычество татар. Постепенное соединение уделов. Великое княжество Московское.

1328. Иоанн Васильевич Калита, первый великий князь Московский
1380. Первая победа над татарами. Донской
1462. Иоанн Васильевич III

II Средняя история 1462—1689 (227)
I. От Иоанна Великого до прекращения Рориковой династии. 1462—1589.
Утверждение единодержавия. Завоевания необходимые для силы государства
1480. Покорение Новгорода
1509. Василий Иоаннович
1510. Покорение Пскова
1523. Уничтожение последнего удела (Рязань)
1534. Иоанн Васильевич Грозный
1552. Покорение Казани
1584. Завоевание Сибири
1589. Смерть Феодора и конец династии Рориковой

2. От смерти Феодора Иоанновича до воцарения Романовых. 1589—1613.
Годунов. Самозванцы. Междуцарствие и междуусобие. Поляки и шведы.

3. От воцарения Романовых до Петра. 1613—1689.
Мирные договоры, утверждающие границы России. Восстановление порядка. Законы.

1613. Михаил Феодорович
1645. Алексей Михайлович
1682. Феодор Алексеевич
[1689. Начало единодержавия Петра Великого]

II. Новая история. 1689—1830 (141)
[1. от Петра до Александра 1689—1801]
[2. от Александра до нынешнего]
Введение России в систему Государств Европейских. Завоевания, утверждающие силу империи. Завоевания, распространяющие границы империи. Борьба России и Франции.

1689. Начало единодержавия Петра Великого
1709. Полтавская победа
1725. Екатерина I
1730. Анна Иоанновна
1740. Елисавета Петровна
1762. Екатерина II
1796. Павел
1801. Александр
1825. Николай

(РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 101. Л. 14—16)

Крайняя, указанная Жуковским, хронологическая граница — 1830 г., что позволяет датировать работу над «Введением…» означенным годом.

На фоне начавшейся русско-польской войны 1830 г. поэт уделяет внимание анализу завоеваний России и оценивает их с точки зрения государственной пользы. Он вводит противопоставление двух типов завоеваний в последнем параграфе исторического обозрения. К «завоеваниям, распространяющим границы империи», Жуковский, очевидно, относился отрицательно. Как известно, поэт осуждал раздел Речи Посполитой в 1772 г., что позднее послужило предлогом для жесткой критики Екатерины II в статье «О происшествиях 1848 года. Письмо к графу Ш-у» (1848). Тема внешних, как правило, вредных для развития государства завоеваний, и внутреннего мирного созидания отразилась во всех программных историко-политических статьях 1830—1840-х гг. и в письмах к великим князьям Александру Николаевичу и Константину Николаевичу. Второй вариант учебного пособия остался также незаконченным. После исторического обзора Жуковский обозначил новую тему «Постепенное распространение» и на этом месте оставил свой текст.

Третий черновой вариант пособия представляет собой попытку Жуковским представить ранее наработанный материал по географии и истории России в виде таблиц и схем. Этот способ изложения сведений поэта не удовлетворил, и он создает последний, четвертый, черновик «Введения…». Этот вариант имеет подзаголовок «Обозрение Российской империи» и состоит из трех разделов: «Географическое обозрение», «Обозрение Историческое», «Физическое обозрение». Второй — исторический — раздел состоит из двух частей: «Периоды Истории Российской» и «Распространение» (только эта вторая часть была сохранена в окончательной редакции). В третий раздел, кроме описания рек, морей, гор, был включен новый параграф «Климат. Общее обозрение». Черновики «Введения…» отражают поиск Жуковским наиболее удачной с педагогической точки зрения формы презентации материала. Последний четвертый вариант также не удовлетворил поэта, и он его, кроме климатического обозрения, зачеркнул.

При подготовке окончательной (опубликованной) версии «Введения…» Жуковский разбил материал на пять разделов: I. Пределы, равнины, горы, воды. II. Климаты. III. Гидрографическое разделение России. IV. Постепенное распространение и нынешнее пространство России. V. Этнографическое обозрение России (этот раздел отсутствует в четырех черновых вариантах). Каждый раздел делится на многочисленные параграфы и подпараграфы. «Введение…» предназначалось, очевидно, для повторения цесаревичем основных сведений по страноведению, что отразилось на принципах организации текста: строгий отбор материала, его детальная разбивка на разделы и параграфы, систематичность и лаконизм при изложении исключительно значимых фактов. На работу над учебным пособием оказало влияние составление Жуковским различных педагогических таблиц и конспектов по «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина во второй половине 1820-х гг.

В 1810-е гг. Жуковский начинает глубоко и всесторонне изучать русскую историю, знакомится с летописями и историографией. В круг его чтения вхо-

дят, например, «Geschichte der Russen» Эверса, «Nordische Geschichte» Шлецера, труды И. К. Гаттерера, И. Г. Штриттера, а также М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина и др. авторов. Во второй половине 1820-х гг. Жуковский внимательно читает, делает пометы и конспектирует «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина. Влияние карамзинского материала и концепции историка прослеживается в выборе Жуковским названий для учебных пособий: «Введение Истории Государства Российского» и «Черты Истории Государства Российского» (см.: *Канунова Ф. З.* Русская история в чтении и исследованиях В. А. Жуковского // БЖ. Ч. I. С. 400—464).

Реконструировать реальный круг источников Жуковского частично помогает, прежде всего, статья «Обзор русской литературы за 1823 год». Согласно этому тексту, Жуковский тщательно изучил «Краткую всеобщую географию, составленную Константином Арсеньевым» (СПб., 1823), «Полное собрание ученых путешествий по России, изд. Имп. Академией наук. Т. 1—2 (Описание Камчатки Крашенинникова). СПб., 1819; Т. 3. (Записки путешествия академика Лепехина). СПб., 1821. Поэт также отметил следующие сочинения: «Первое морское путешествие россиян <…> под начальством флота капитана I-го ранга Витуса Беринга. С присовокуплением краткого биографического сведения о капитане Беринге и бывших с ним офицерах» (1823); *Муравьев-Апостол М. И.* «Путешествие по Тавриде в 1820 году» (1823); «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Ч. 1—2» (1823). См.: ПССиП. Т. 12. С. 347—349.

Список возможных источников, использовавшихся Жуковским при составлении «Введения…», можно дополнить книгами, которые поэт брал из библиотеки цесаревича в 1828—1830 гг. (подробнее см.: Ребеккини. С. 102—136).

Жуковский, конечно, обращался к наиболее современному и полному источнику географических сведений о России, автором которого был В. П. Пядышев. Полное название — «Географический атлас Российской Империи, царства Польского и Великого Княжества Финляндского, расположенный по губерниям на двух языках с означением городов, местечек, сел, деревень и всех примечательных мест, почтовых и больших проезжих дорог, станций и расстояний между оными, и прочими селениями в верстах и милях на 70 листах с Генеральною картою и таблицей расстояния верст по почтовым дорогам между знатнейшими городами. Сочинен по новейшим и достоверным сведениям, в пользу обучающихся Российской Географии и для составления дорожников путешественникам» (первое издание вышло в 1827 г.).

Теоретические идеи о «науке земли» (*Erdkunde*) одного из основоположников современной географии Карла Риттера (1779—1859), вероятно, повлияли на концепцию Жуковского, что отразилось на структуре учебного пособия. В своих трудах Риттер описывал разные аспекты физической географии вместе с топографией, климатологией, этнографией.

«Введение в Историю Государства Российского» было впервые напечатано для узкого придворного круга отдельною книгою без указания года и места печати

в 1830 г. В библиотеке поэта (Описание. № 475) сохранился экземпляр этого издания в составе конволюта под общим заглавием «Смесь. 1831—1832». Широкому кругу читателей учебное пособие Жуковского стало известно по публикации 1880 г. в «Сборнике Императорского Русского Исторического Общества» (Т. 30).

[1] *Дежнев <…> Коцебу*. — Во «Введении» при описании морей и проливов Жуковский уделил большое внимание землепроходцам и исследователям, чьи достижения наглядно демонстрировали царственному ученику историю проникновения, расширения и освоения империи.

Дежнев С. И. (1605—1673) — русский мореплаватель, в 1661 г. открыл Берингов пролив. В первом черновом варианте Жуковский над фамилией путешественника надписал карандашом дату «1647». Во втором варианте фамилия и дата были подчеркнуты, рядом стоял знак NB. Точно сказать, что вызвало большой интерес Жуковского, трудно. Как известно, Дежнев служил до 1647 г. на Колыме, в июле того же года предпринял попытку пройти на р. Анадырь морем, но был вынужден вернуться.

Ченслер — Ченслор (Chancellor), Ричард (?—1556) — английский мореплаватель, основоположник торговых отношений между Англией и Россией, в 1553 г. получил грамоту от Ивана IV на право свободной торговли с Московским государством. В 1840-х гг. Жуковский негативно оценивал исключительно предпринимательский, лишенный религиозной нравственности характер английских купцов и Англии в целом, что отразилось в стихотворной повести «Капитан Бопп» (1843) и статье «Русская и английская политика» (1850).

Муравьев С. В. (1707/8—1768?) — один из руководителей Великой Северной экспедиции, исследователь юго-западной части Карского моря (1734).

Овцын Д. Л. (1704—1757) — исследователь Арктики, участник Великой Северной экспедиции (1733—1743).

Прончищев В. В. (1702—1736) — исследователь Арктики.

Чичагов В. А. (1726—1809) — российский адмирал, исследователь Северного океана.

Биллингс И. И. (1758—1806) — уроженец Англии, участник третьего кругосветного путешествия Дж. Кука, в 1783 г. поступил мичманом на русскую службу, в 1785 г. возглавил экспедицию, целью которой было исследование северо-восточных берегов Сибири. Жуковский использует различное написание его фамилии: Биллингс или Беллингс.

Сарычев Г. А. (1763—1831) — гидрограф, основоположник полярной археологии, участник экспедиций Биллингса в Сибирь и на Дальний Восток (1785—1791).

Врангель Ф. П. (1797—1870) — остзейский барон, полярный исследователь, российский адмирал (1856). В 1820—1824 гг. возглавлял экспедицию по исследованию северо-восточных берегов Сибири.

Анжу П. Ф. (1797—1869) — полярный исследователь, адмирал. В 1820—1824 гг. участвовал в экспедиции по описи части северного берега Сибири.

Матюшкин Ф. Ф. (1799—1872) — выпускник Царскосельского Лицея (1817), полярный исследователь и адмирал. Участник полярных экспедиций под начальством Ф. П. Врангеля в 1820—1824 гг.

Беринг В. И. (1681—1741) — российский мореплаватель датского происхождения, руководитель двух Камчатских экспедиций (1725—1730; 1733—1741), открыл пролив между Чукоткой и Аляской, впоследствии названный его именем.

Чириков А. И. (1703—1748) — российский мореплаватель, исследователь северо-западного побережья Северной Америки.

Шпанберг М. П. (?—1761) — российский мореплаватель датского происхождения, участник первой и второй Камчатских экспедиций.

Крузенштерн И. Ф. (1770—1846) — российский адмирал. В 1803—1806 гг. возглавлял первую российскую кругосветную экспедицию.

Лисянский Ю. Ф. (1773—1837) — участник первой российской кругосветной экспедиции, автор книги «Путешествие вокруг света на корабле “Нева” в 1803—1806 гг.» (1812).

Головнин В. М. (1776—1831) — российский мореплаватель, вице-адмирал. В 1808—1809 гг. предпринял путешествие, достигнув мыса Доброй Надежды и Камчатки. В 1817—1819 гг. совершил кругосветное путешествие.

Рикорд П. И. (1776—1855) — российский мореплаватель, адмирал. Исследовал вместе с В. М. Головниным Камчатку, Курильские острова (1808—1811).

Лазарев М. П. (1788—1851) — российский адмирал. В 1813—1814 гг. совершил кругосветное путешествие. В 1819 г. возглавил антарктическую экспедицию к южному полюсу.

Васильев М. Н. (1770—1847) — полярный исследователь, вице-адмирал. В 1820—1822 г. участвовал в экспедиции, целью которой был поиск северного прохода в Атлантический океан.

Коцебу О. Е. (1788—1846) — остзейский барон, российский мореплаватель. Участник кругосветных путешествий (1803—1806; 1815—1818; 1823—1826).

[2] *…князя Бековича.* — А. Бекович-Черкасский (?—1717; до принятия православия Девлет-Гирей-мурза) — похищенный потомок кабардинских князей. В 1707 г. был отправлен за границу для обучения морскому делу, после возвращения вступил в Преображенский полк. В 1714—1717 гг. возглавлял поход в Хивинское ханство. В 1715 г. исследовал берег Каспийского моря, составил первую его карту.

[3] *Обозрение западных берегов…* — Л. Я. Соймонов (?—1742) — генерал-лейтенант, астраханский губернатор, один из составителей карты «Картина плоская генеральная моря Каспийского» (1721). Никита Кожин — русский картограф, по приказу Петра I описывал берега Каспийского моря. И. К. Кирилов (1695—1737) — картограф, географ, составитель «Атласа Всероссийской империи» (1722—1737). И. И. Неплюев (1693—1775) — государственный деятель, основатель Оренбурга. В 1724 г. заключил русско-турецкий договор, согласно которому Россия приобрела города и провинции на западном и южном побережье Каспийского моря.

[4] *Завоевание Нейшлота …* — Нейшлотт (финское название — Саволинна) — город в Восточной Финляндии, основанный шведами в 1475 г. Во время русско-шведской войны 1741—1743 гг. город был взят русскими войсками 7 августа 1742 г. Согласно Абоскому миру (1743), Нейшлот был присоединен к России, а граница между двумя империями была утверждена по реке Кюмень.

[5] *Граница … река Кур.* — Речь идет о присоединении Картли-Кахетинского царства к России 18 января 1801 г. и возникновении Грузинской губернии. 12 сентября 1801 г. Александр I издал манифест, в котором объяснялась колониальная цель России — защитить сопредельный единоверный народ от неверных.

[6] *При смерти Александра I…* — В параграфе «Постепенное распространение и нынешнее состояние России» Жуковский фиксирует территориальные завоевания, однако поэт их не классифицирует, как в черновом варианте. Жуковский констатирует, но не анализирует факты во «Введении…». В тексте поэт называет целый ряд новых территорий и областей, но не уточняет обстоятельства их присоединения к России. Иногда он ссылается на мирные договора, однако не перечисляет отошедшие к России земли. Жуковский, возможно, использует эту систему описания для разграничения завоеваний на два вида: «распространяющие границы» и «утверждающие силу империи». Ср.:

Бьялостокская… — Белостокская область (бывшая территория Речи Посполитой), согласно Тильзитскому договору (1807), перешла от Пруссии к России. Отсутствие указания на этот договор было продиктовано, возможно, нежеланием Жуковского актуализировать нежелательный исторический сюжет, встречу «Ангела» Александра с «Антихристом» Наполеоном.

Бессарабская область. — Согласно Бухарестскому мирному договору 16 мая 1812 г., территория между реками Прутом и Днестром была присоединена к России.

Приобретения от Персии… — Русско-иранская война 1804—1813 гг. закончилась подписанием Гюлистанского мира. Согласно договору, Россия получила исключительное право владеть военным флотом на Каспийском море, к ней также отходили территории Дагестана, Абхазии, Гурии, части современного северного Азербайджана и др.

Великое княжество Финляндское. — В результате Русско-шведской войны 1808—1809 гг. к России, по Фридрихсгамскому миру, отошли Финляндия и Аландские острова. Предложение о короткой победоносной войне против Швеции было сделано Наполеоном Александру I во время встречи в Тильзите (1807).

Царство Польское. — В ходе сложных переговоров на Венском конгрессе большая часть Великого герцогства Варшавского, созданного Наполеоном, была присоединена к России 3 мая 1815 г.

[7] *В царствовании Николая…* — В результате Русско-персидской войны (1826—1828) по Туркменчайскому мирному договору Россия приобрела Эриванское и Нахичеванское ханства. Согласно Адрианопольскому мирному договору (1829), Турция признавала присоединение Грузии к России, к которой также отошли устье Дуная с островами, побережье Кавказа.

[8] *Киммериане Гомеровы, жители мрака.* — Источником сведений Жуковского была «История Государства Российского» Н. М. Карамзина. Ср. Т. 1. Гл. 1. «О народах, издревле обитавших в России. О славянах вообще»: «Певец Одиссеи также именует последних. "Есть народ Киммерийский (говорит он) и город Киммерион, покрытый облаками и туманом: ибо солнце не озаряет сей печальной страны, где беспрестанно царствует глубокая ночь". Столь ложное понятие еще имели современники Гомеровы о странах юго-восточной Европы; но басня о мраках Киммерийских обратилась в пословицу веков, и Черное море, как вероятно, получило оттого свое название». Ср. также перевод Жуковским отрывка из 11-й песни «Одиссеи» Гомера (1840-е гг.):

> Там киммериян печальная область, покрытая вечно
> Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
> Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
> Он покидает, всходя на звездами обильное небо,
> С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь;
> Ночь безотрадная там искони окружает живущих.
>
> (ПССиП. Т. 6. Песня 11. Ст. 14)

[9] *Киммериане Геродотовы…* — Ср. с «Историей Государства Российского» Н. М. Карамзина (Т. 1. Гл. 1): «Киммериане, древнейшие обитатели нынешних губерний Херсонской и Екатеринославской…» Древнегреческий историк Геродот описывает изгнание киммериан скифами в одиннадцатом параграфе четвертой книги «Истории».

[10] *Тавры, жестокий народ…* — В этом случае источником сведений Жуковского об обычаях тавров служила непосредственно «История» Геродота (кн. 4. § 103).

[11] *Савроматы…* — Ср. с текстом «Истории Государства Российского»: «Сарматы (или савроматы Геродотовы) делаются знамениты…» (Т. 1. Гл. 1). Карамзинское именование народа — Сарматы — стоит в тексте Жуковского на втором месте. Это указывает на то, что сведения о древнем народе поэт почерпнул непосредственно из «Истории» Геродота (кн. 4.).

[12] *…побеждены Марк Аврелием.* — Ср. с текстом Карамзина: «хотя, побежденные Марком Аврелием, они утратили…» (Т. 1. Гл. 1). Фигура римского императора Марка Аврелия (121—180) служила идеалом правителя для русских царей. Жуковский написал сочинение о Марке Аврелии для журнала «Собиратель», источником которого послужила книга французского писателя А. Тома «Похвальное слово Марку Аврелию» (См. примечания в наст. томе).

[13] *Басни о построении Новгорода.* — Это указание косвенно подтверждает обращение Жуковского к летописям и древнерусской литературе при написании «Введения…». Исторические источники называют разную дату основания города. Согласно «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку летописи (1377) город уже существовал до прихода Рюрика в 862 г. Однако Никонова летопись (1767) повествует о смерти легендарного новгородского старейшины Гостомысла

в 859 г. Новгородская тема отразилась в повести Жуковского «Вадим Новгородский» (1803; см. прим. в наст. изд. ПССиП. Т. 8. С. 473—476.) и во второй части сочинения «Двенадцать спящих дев», балладе «Вадим» (1817; см. прим. ПССиП. Т. 3. С. 337—348).

[14] *Варяги.* — Жуковский доказывает, что имя Россия — вместе с государственностью — было получено от скандинавов. Поэт следует норманнской теории, изложенной впервые Г. Ф. Миллером в известной речи «О происхождении имени и народа Российского» (1749). Во «Введении…» Жуковский не полемизирует по вопросу об этнической принадлежности первых русских князей, хотя ему были известны работы М. В. Ломоносова, пытавшегося обосновать прусское происхождение Рюрика. В отличие от Карамзина, поэт не упоминает легендарный эпизод — просьбу умирающего новгородского старейшины Гостомысла призвать варягов для прекращения междоусобицы. Жуковский избегает острых идеологических вопросов, связанных с интерпретацией варяжского сюжета и исторической ролью Запада (приход скандинавских князей — следствие добровольного приглашения или завоевания?). Вопреки утверждениям многих норманнистов Жуковский признает древний период России эпохой могущества и, изучая «Историю Государства Российского» Карамзина, подчеркивает признаки государственного величия (*Канунова Ф. З.* Русская история в чтении и исследованиях В. А. Жуковского // БЖ. Ч. 1. С. 400—465).

[15] *Литовцы.* — Во «Введении…» Жуковский перечисляет разных военных противников России (половцы, печенеги, монголы, шведы, поляки), но только литовские князья определены как «ужаснейшие враги России». Гедемин (1316—1341) — основатель литовского могущества; Олгерд (1296—1377) — сын Гедемина, в 1361 г. покорил Киев; Кейстут (1297—1382) — сын Гедемина; Витовт (1350—1430) — сын Кейстута, захватил Смоленское княжество, Вязьму. После принятия Витовтом католичества литовцы утратили веротерпимость и начали обращать в свою веру православное население княжества. Военный конфликт между московскими и литовскими князьями поддерживал междоусобицу (последние традиционно искали союза с тверскими князьями, противниками московского централизма). Угроза православию и складывавшемуся самодержавию предопределила крайне отрицательную оценку литовцев Жуковским. Взгляд поэта сложился под влиянием «Истории Государства Российского», в которой Карамзин назвал, напр., Ольгерда «коварным старцем», «жестоким злодеем России» (Т. 5. Гл. 1).

[16] *Малороссияне.* — В качестве причины присоединения Малороссии к России Жуковский назвал гонение на православную веру со стороны католической Польши. Версия поэта не совсем соответствовала исторической действительности. Основанием для суждения Жуковского послужило, вероятно, принятие Брестской унии (1596), после которой начались преследования верующих, отбирались храмы, была ликвидирована церковная иерархия. Однако необходимо подчеркнуть, что в самом Запорожье (в политическом центре) церкви не существовали и туда не допускались священники. Точный источник сведений поэта установить не удалось.

Жуковский видит, прежде всего, религиозную, а не политическую причину, которая определяет отношения и конфликты Малороссии, России с Польшей. В написанных после окончания русско-польской войны (17 ноября 1830 — август 1831) стихотворениях «Старая песня на новый лад» и «Русская слава» поэт не акцентирует тему противостояния православия и католичества.

[17] *…ограничены Петром…* — Запорожские казаки во главе с атаманом Костей Гордиенко перешли в марте 1709 г. на сторону Мазепы, изменившего присяге Петру I. Русские войска под командованием Александра Меншикова уничтожили крепость и поселения казаков. Петр I запретил восстанавливать Запорожскую Сечь, которая, как пишет Жуковский ниже, была восстановлена крымскими ханами.

[18] *…уничтожены Екатериною.* — В год подавления пугачевского восстания, 5 августа 1775 г., Екатерина II подписала манифест «Об уничтожении Запорожеской Сечи и о причислении оной к Новороссийской губернии». В 1779 г. в Малороссии был введен в действие указ «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (1775). Малороссийское гетманство было разделено на Киевскую, Черниговскую и Новгород-Северскую губернии, что уничтожило остатки украинской автономии.

[19] *…под предводительством Стеньки Разина…* — Степан Тимофеевич Разин (1630—1671) — предводитель народного бунта (1667—1671), который был обусловлен наличием крепостного права, высокими налогами и поборами, продажностью суда и администрации. Однако в 1662—1663 гг. Разин примерно служил царю, возглавив казацкое войско в походе против Крымского ханства и Османской империи.

[20] *…товарищей Ермака.* — Ермак Тимофеевич (1532? —1585) — атаман казацкой шайки, завоеватель Сибири. В 1583 г. отправил посла к Иоанну Грозному с извещением о покорении новой территории, в ответ царь послал ему 300 человек в подкрепление.

[21] *…всеобщее возмущение ~ …всеобщее возмущение… ~ Пугачев.* — Емельян Иванович Пугачев (1742—1775) — предводитель бунта 1773—1775 гг. К 1830 г. Жуковский мог почерпнуть сведения о мятеже из следующих сочинений: [*Зиновьев Д.*] Михельсон в бывшее в Казани возмущение. М., 1807; *Бибиков А. А.* Записки о жизни и службе А. И. Бибикова. СПб., 1817; *Левшин А. И.* Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823. Внимание к темным и тайным страницам русской истории, изучение причин бунта и проблемы «права народа — обязанности монарха», а также тема борьбы власти с народной памятью находятся в центре размышлений Жуковского, что отразится на идейно-тематическом уровне в «Чертах Истории Государства Российского» (1834). Характерно, что Жуковский был один из немногих, который в 1834 г. высоко оценил «Историю Пугачевского бунта» А. С. Пушкина (ЛН. Т. 58. С. 116—117).

Т. Гузаиров

Черты Истории Государства Российского (Отрывок)

(«История Государства Российского объемлет целое тысячелетие…»)
(С. 150)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 107 (1). Л. 1—21; № 107 (2). Л. 1—15 — черновой.
Копии:
1) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 108. Л. 1—52.
2) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 47. Л. 1—6 об. — авторизованная; фрагмент от слов «Но они застают Россию…» до «…более двух столетий», без последнего абзаца.
Впервые: С 5. Т. 7. С. 259—315 — с подзаголовком «Отрывок».
Републикация: С 7. Т. 5. С. 508—540. ПСС. Т. 10. С. 32—50.
Печатается по ПСС со сверкой по автографу и копиям.
Датируется: 1820—1830-е гг.

«Черты Истории Государства Российского» — составленное Жуковским учебное пособие, использовавшееся при преподавании начального курса русской истории наследнику престола великому князю Александру Николаевичу.

Жуковский придавал большое значение изучению и преподаванию истории цесаревичу. В 1829 г. для журнала «Собиратель» поэт подготовил статью «Польза истории для государей». Поэт обладал глубокими знаниями по русской истории, тщательно изучал источники, русскую и европейскую историографию, о чем свидетельствует его круг чтения 1810—1820-х гг. (см.: *Канунова Ф. З.* Русская история в чтении и исследованиях В. А. Жуковского // БЖ. Ч. I. С. 400—464). Особое место здесь занимает штудирование «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. В «Обзоре русской литературы за 1823 год» Жуковский назвал карамзинский труд единственной «классической книгой в прозе» (ПССиП. Т. 12. С. 345).

Традиционно было принято считать, что историческая концепция Жуковского полностью зависела от позиции Карамзина, что исторические сочинения поэта являются эпигонскими, так как они не содержат новых, оригинальных идей по отношению к «Истории Государства Российского» (см.: *Степанов Н. П.* В. А. Жуковский как наставник Царя-Освободителя. СПб., 1902. С. 77—81). Такой взгляд на Жуковского-историка попыталась скорректировать в своих работах Ф. З. Канунова. По мнению исследователя, в своих учебных пособиях Жуковский уделяет внимание исключительно тем событиям, которые могли «служить историческим уроком. Вот почему подход у Жуковского более критический, а его характеристики русских правителей более определенные и четкие <…> у Карамзина более спокойный, эпический тон, необходимый историку. Жуковский острее судит о прошлом, со строгостью своего современника, человека 20-х гг. XIX в.» (*Канунова Ф. З.* Указ. соч. С. 445—446; см. также: *Канунова Ф. З.* Карамзин и Жуковский (Некоторые вопросы изучения русской истории по материалам библиотеки В. А. Жуковского) // XVIII век. СПб. 1988. Сб. 16. С. 130—138; *Канунова Ф. З.* Н. М. Карамзин в историко-литера-

турной концепции В. А. Жуковского (1826—1827) // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 337—346).

Работа Жуковского над учебным пособием протекала в три этапа: 1) конспектирование «Истории Государства Российского» Карамзина; 2) создание отрывка «Древняя история»; 3) составление собственно текста «Черты Истории Государства Российского».

В архиве Жуковского находятся 7 тетрадей, отражающих его работу во время чтения карамзинского труда. На полях с левой стороны тетради поэт фиксировал даты, номер тома и страницы, а справа делал соответствующие выписки из сочинения историка. Поэт законспектировал содержание «Истории» Карамзина, которое охватывало период от призвания варягов до царствования Иоанна III (см.: *Бычков И. А.* Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Императорскую Публичную Библиотеку в 1884 году. СПб., 1887. С. 170—171).

На основе этих конспектов Жуковский начал работу над собственным текстом, который он назвал «Древняя история России» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 104.). Его содержание соответствует хронологическим границам первого тома «Истории Государства Российского» Карамзина. Ср.:

Древняя История.
1. Основание государства Российского и введение веры Христианской
Рюрик
862—879

При начале государства Российского в нынешней Европейской России являются письмена Славянские и Финские. На Севере Новгородские Славяне и соседственные с ними Кривичи с Финскими племенами Чудью и Весью были попеременно то свободны то зависимы от Варваров или Норманнов, обитавших по берегам Балтийского моря. Южные Славяне, жившие по Днепру и на востоке от Днепра Радимичи, Вятичи, Суличи, Северяне, Поляне платили дань Казарам, коих владычество простиралось на Восток от Днепра до Черного и Каспийского моря. Средние славянские племена Полочане, Древляне, Дреговичи, Тиверцы, Бужане, Дулебы и Хорваты были совершенны независимы.

Новгородские Славяне, свергнувшие иго Варяжское, но не умевшие пользоваться свободою, согласились с Кривичами, Чудью и Весью, по совету Гостомысла знаменитого гражданина Новгородского, послали за море к Варяго-Россам Шведским Норманнам требовать себе правителей. В 862 году три князя Рурик, Синеус и Трувор явились с сильною Варяжскою дружиною и разделили между собой Северные Славянские области. Рурик поселился в Новгороде, Синеус на Белозере, Трувор в Исборске. Через два года по смерти Синеуса и Трувора, сии три удела слились в одну область и Рурик начал единовластительствовать землею, назвавшеюся со времени пришествия Русью. Вероятно что владычество его в начале не было мирным: ибо летописи упоминают о бунте Новгородцев и о храбром Вадиме, сделавшемся жертвою возмущения, им произведенного. Рюрик по обычаю тогдашних времен разделил подвластные ему земли между своими храбрыми сподвижниками, но не все вероятно остались довольны разделом. Два из них Оскольд

и Дир решились искать счастия в службе Греческих императоров и с отборною дружиною поплыли Днепром к столице Византийского Царства. На берегу Днепра в области Полян, подвластных Козарам, увидели они город: то был Киев, давно основанный по преданию Кием, с братьями, Щеком, Хорьвом и сестрою Лебедью. Они овладели им, но беспокойное мужество увлекло их далее. В 866-ом, вооружив двести чудов, они устремились к Константинополю искать уже не службы, а добычи. Чудо спасло Константинополь: буря, им произведенная, рассеяла русские суда, и витязи русские возвратились в Киев. Но их несчастный поход имел и счастливые следствия: драгоценною их добычаю были принесенные ими из Греции семена христианства, которое с возвращения их начинается в Киеве. Что было в последние годы княжения Рюрикова, неизвестно; он вероятно распространил пределы своих владений до Оки и Ладоги и присоединил к ним области Полычан. Он умер в 870 г. При смерти его Россия составляла две отдельные области. Северная Россия простиралась от Оки и Двины, до Пернывы и Ладожеского озера. Города в то время известные были: Новгород, Изборск, Старая Ладога и Белозерск. Южная Россия заключала в себе область Полян с городом Киевом.

Олег
879—912

После Рюрика остался малолетний сын его Игорь. Олег его родственник наследовал престол его и вероятно владычествовал им не как опекун Игоря, а как Государь самовластный. Права наследства не могли быть еще утверждены никаким законом. Олег был храбрый воин. Бранное мужество считалось главным достоинством Государя того времени. Воевали только для того, чтобы воевать, ибо ничем иным не могла быть удовольствована деятельность беспокойная, не терпевшая праздности. Олег, знавши что на Юге существовала независимая от него область Оскольда и Дира, пошел туда со своею дружиною; на пути завоевал он в земле Кривичей Смоленск, в земле Северян Любич и, пришед к Киеву, предательски умертвил Оскольда и Дира и, овладев их городом, покорил на востоке от Днепра земли Родимичей Суличей Северян, на западе по Припяти земли Дреговичей и Древлян, далее на западе земли Дулебов, Бужан, Тиверцов и Хорватов, и рядом их завоевал. Соединил Южную Россию с Северною. Таким образом составилось одно Государство Российское. И Олег, предпочитая приятный юг суровому северу, основал столицу свою в Киеве, сказавши: да будет *Киев матерью городов Русских*. Но мужество его не успокоилось. В 906 г. по следам Оскольда и Дира, оставив в Киеве Игоря (который с 903 сочетался браком с Ольгою) с 200 судов и 8 000 воинов Олег поплыл в Константинополь, ужасным образом опустошил его окрестность, взял с Императора Льва Философа богатую дань (по 12 гривен или по одной половине фунта серебра на воина), заключил с ним мирный договор и, прибив свой щит к воротам Царь-града, возвратился с торжеством в Россию. Последние годы его княжения были спокойны. Он занимался внутренним порядком Государства: учредил дани и строил города или неподвижные станы для войска. Он умер, как говорит предание, от угрызения змеи, скрывавшейся в черепе мертвого коня его. Время княжения его, продолжавшегося 33 года, знаменовано появлением угров, кои будучи вытеснены печенегами,

оставили Лебедею, прошли мимо Киева и, переправившись через Днепр, удалились к берегам Дуная в нынешнюю Молдавию и Валынию, откуда наконец перешли в древнюю Паннонию, где и основалось с того времени Царство Венгерское.

Игорь
912—945

Игорь в зрелом мужестве вступил на престол отца своего. Он не имел ни воинственного духа, ни мудрости предшественника своего Олега. В правительстве была ему помощницею супруга его Ольга; а в делах военных храбрый полководец Свенельд. Начало Игорева царствования было ознаменовано явлением печенегов, дикого народа, вышедшего из Средней Азии. Гонимые уграми, они в свою очередь выгнали угров из Лебедьи, заняли все земли по обоим берегам Днепра от нижних частей Дона до Днестра и Дуная и отрезали Россию от Черного моря. Первым делом Игоря была война со свирепыми, возмутившимися Древлянами, он усмирил их и наказал прибавлением дани. С сего времени до 941 г. история не упоминает ни о каких замечательных происшествиях его княжения; но в 941 по примеру Олега вооружился Игорь против Царь-града, с 1 000 судов явился он пред его стенами: греческий огонь истребил большую часть его флота, и Игорь принужден был возвратиться в отечество. Через два года он вооружился снова, усилил войско варягами и наемными печенегами, пошел на Грецию и достиг уже устоев Днепра, но император Лев Философ предупредил его: прислал ему богатые дары и заключил с ним мирный договор. Игорь возвратился в Киев и скоро потом сделался жертвою своего хищничества. По требованию дружины своей, которая завидовала богатству дружины Свенельдовой, пошел он собирать дань в землю Древлянскую, озлобив древлян своею алчностью и был умерщвлен ими неподалеку главного их города Коростены.

Ольга и Святослав
945—972

* * *

Жуковский оставляет текст «Древняя история России» незаконченным и приступает к работе над новым вариантом, который был озаглавлен «Черты Истории Государства Российского». Некоторые известные поэтические персонажи, напр., Гостомысл или Вадим Новгородский (которые упоминаются Карамзиным) не были включены Жуковским в окончательную версию учебного пособия. Независимость Жуковского от карамзинского труда проявляется также в выборе исторических сюжетов.

Черновой автограф «Черты Истории…» представляет собой трудно читаемый текст с многочисленными исправлениями поэта (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 107-1 / № 107-2). Судя по архивным данным, именно в конце 1820-х гг. Жуковский составляет авторизованную копию своего учебного пособия; в заключение поэт поставил «точку» и свою подпись. Текст имеет два подзаголовка. Первый — «Образование и раздробление государства» — указывал на идейно-тематическое содержание

сочинения; концептуальный характер повествования отличало этот вариант от предыдущего текста «Древняя история России». Второй подзаголовок — «Древняя история» — был зачеркнут (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 108. 52 л.).

«Черты Истории Государства Российского» были написаны одновременно с другим учебным пособием «Введение в Историю Государства Российского». Если «Введение…» было опубликовано для узкого придворного круга в 1830 г., то «Черты Истории…» — в 1834 г. Это обстоятельство, а также мнение Д. Н. Блудова (С. 5. Т. 7. С. 359) утвердили ошибочное представление о времени окончательного создания текста — 1834 г.

При реконструкции истории создания учебных пособий важно обратить внимание на следующую взаимосвязь между двумя текстами. Из первого черновика «Введения…» Жуковский исключил историко-хронологическую часть (таблицы), что было, вероятно, связано с возникновением замысла написать сочинение о древней истории России. Название раздела в черновике «Введения…» — «Древняя история» — отразилось в выборе названия для первого исторического текста Жуковского, а также в зачеркнутом подзаголовке к «Чертам Истории…».

По первоначальному замыслу Жуковского, «Черты Истории…» должны были охватить период древней истории с 862 по 1462 гг. (именно эти хронологические границы указаны поэтом в разделе «Древняя история» в черновом варианте «Введения…»). Доведя повествование в «Чертах Истории…» до событий 1237 г., Жуковский описал только два периода из древней русской истории, как они были определены в первом черновике «Введения…» (862—1015; 1015—1237). В «Чертах Истории…» поэт изменил хронологическую границу внутри одного исторического отрезка. Кроме введения, текст состоит из двух частей: первой — I. 862—1054; второй — II. 1054—1237.

В 1830 г. Жуковский считал «Черты Истории…» незаконченными, так как повествование было доведено только до 1237 г. Вероятно, поэт сначала намеревался завершить сочинение, поэтому и не планировал тогда же опубликовать «Черты Истории…» вместе с «Введением…». Характерно, что Д. Н. Блудов, готовя сочинение для прижизненной публикации в С 5 (Т. 7), снабдил его подзаголовком в скобках: «Отрывок», а в заключение текста поставил черту-многоточие. Эти графические особенности воспроизводились в последующих изданиях: от С 6 до ПСС.

В период 1830—1834 гг. Жуковский не вернулся к работе над «Чертами Истории…». На Пасху 22 апреля 1834 г. великий князь Александр Николаевич произнес присягу на верность царствующему отцу Николаю I. К этому празднику поэт написал стихотворение «Песнь на присягу Наследника». Видимо, именно в связи с этим событием и было издано для придворного круга учебное пособие «Черты Истории Государства Российского». Наряду с изложением исторических событий в сочинении Жуковский очертил свои представления об истории, государстве и власти. Эта публикация, по замыслу поэта, должна была напомнить царственному ученику (в том числе и правящему монарху) о его обязанностях и тех нравственных принципах, которым, как их понимал наставник цесаревича, должен следовать идеальный правитель. Тема монаршего долга нашла отражение в надписи Жуков-

ского, сделанной им в подаренном великому князю по случаю праздника альбоме (РС. 1902. № 4. С. 171, 173). См. его републикацию в наст. томе.

В 1834 г. был опубликован отредактированный текст пособия «Черты Истории…», созданный Жуковским к 1830 г. Архивные источники не содержат материалов, свидетельствующих о работе поэта над сочинением в период 1830—1834 гг. Сравнение авторизованной копии конца 1820-х гг. и опубликованного текста 1834 г. выявляет два редакторских изменения. Жуковский отказался от подзаголовка «Образование и раздробление государства» и восстановил другой подзаголовок: «Древняя история».

В 1836 г. А. А. Краевский опубликовал свою статью «Об исторических таблицах В. А. Жуковского» в ЖМНП (Ч. X. Отд. II. С. 400—438). В 1837 г. Краевский планировал издать «Черты Истории…», поэтому он передал текст поэта через служащего III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии М. М. Попова на предварительный просмотр начальнику штаба Корпуса жандармов Л. В. Дубельту.

В письме к Попову 5 сентября 1837 г. Дубельт писал: «…Статья безусловна — прекрасна, но будет ли существенная польза, ежели ее напечатают? Вопрос этот делаю по двум причинам. Во-первых, чтобы видеть всю красоту и пользу этого сочинения, нужно знать твердо историю государства Российского; а как, к несчастью немногие у нас ее знают, то статья эта для немногих будет непонятна. Во-вторых, она оканчивается нашествием Батыя. Ведь тут можно сказать: по усам текло, в рот не попало! <…> сочинитель статьи останавливается и, описав темные времена быта России, не хочет говорить о ее светлом времени, — жаль!» Дубельт также очеркнул карандашом размышления Жуковского об истории, природе власти, обязанностях государя и правах народа и заметил: «Не думаю, чтобы подобные рассуждения цензура дозволила напечатать — и не советую представлять в цензуру статью с этими рассуждениями, — они не ведут к добру. В моих понятиях царь есть отец, подданные — его дети, а дети никогда не должны рассуждать о своих родителях, — иначе у нас будет Франция, поганая Франция» (цит. по: *Бычков И. А.* Попытка напечатать «Черты Истории Государства Российского» В. А. Жуковского в 1837 году // РС. 1903. Декабрь. С. 596).

Пометы Дубельта были приведены в статье Бычкова, который указал, что они были сделаны на переписанной писцом экземпляре статьи поэта (*Бычков И. А.* Указ. соч. С. 596—598). Вероятно, имеется в виду авторизованная копия, датирующаяся концом 1820-х гг. Этот факт подтверждается наличием карандашных помет на полях данного экземпляра и совпадением отмеченных Дубельтом отрывков с выделенными местами на копии 1820-х гг.

5 сентября 1837 г. Попов передал Краевскому записку Дубельту, приложив также свой отзыв: «Статье Василия Андреевича следовало непременно захватить позднейшее время. Начало жизни нашего народа <…> есть самая худая половина этой жизни: а светлое-то, блестящее — скрыто. Лучше было бы издать историю времен с Иоанна III-го или несколько прежде, без начала, чем начало без продолжения. Тут — одно огорчение, тут нет того, что мирит нас с предками и судьбою. А как

сладок был бы его голос там, где он мог бы быть и отраден!» (цит. по: *Бычков И. А.* Указ. соч. С. 598).

Дубельт и Попов оценивают сочинение Жуковского с точки зрения его возможного воздействия на общество, опираясь на представление о русской истории как цепочке славы и побед, как о мифе, цель которого заключается в утверждении героического образа империи, в защите национальной идентичности. Этот подход соответствовал исторической концепции начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и Шефа Корпуса жандармов графа А. Х. Бенкендорфа («Прошлое России было блестяще, ее настоящее более чем великолепно, а что касается ее будущего, оно превосходит все, что может представить себе самое смелое воображение»). В 1837 г. содержание учебного пособия Жуковского не вписывалось в рамки исторического героического нарратива, который культивировался официальной культурой. Это обусловило запрет на публикацию текста Жуковского для широкого круга читателей в 1837 г.

Несмотря на европейские революционные события «Весны народов», в 1849 г. (С 5. Т. 7) впервые для широкой аудитории было опубликовано с цензурными исправлениями учебное пособие Жуковского. В архиве поэта хранится документ: [«Черты Истории Государства Российского»] Статья. Копия (рукою камердинера Жуковского Василия) с поправками автора. С цензурным разрешением за подписью цензора А. В. Никитенко. 1848. (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 47; в архиве сохранился отрывок со с. 47 по 57 — без оборота). Для получения цензурного разрешения Жуковский был вынужден заменить или удалить наиболее острые фразы и слова в своих рассуждениях и исторических оценках. Ср.:

> Л. 54: Под сению мира мужает власть верховная, [обеспечивает установлениями права народа] <обеспечивает постановлениями благо народное>.
>
> Л. 54: <…> между Государем и подданным: [первой узнает, что его сила во благе общем и неприкосновенности закона; последние, благоденствующие под защитою власти, убеждаются, что покорность закону и свобода одно и то же] <…>
>
> Л. 54 об. — 55: <…> уважение народа к властителю, тогда [утверждается в душах] <глубоко врезается в сердца и любовь к отечеству…>
>
> Л. 55: <…> и свобода, хранимая законом, [и деятельность мысли, не притесняемой подозрительным самовластием, отчего она и не мятежна и верна порядку]; и просвещение <…>
>
> Л. 57: <…> развращаемо хищничеством, предательством и [притеснительным самовластием] <притеснениями> князей <…>

В одном случае Жуковский обостряет свое высказывание, не желает смягчать принципиальные, критические идеи о природе власти. Это не осталось незамеченным Никитенко, который на полях отчеркнул отрывок карандашом; до этого правка Жуковским была выполнена светлыми чернилами. Ср.:

> Л. 55 об. — 56: Понятие о благе народа, начинавшее разцветать в душе Владимира и Ярослава — кои, властвуя долго, могли постигнуть великие обязанности

властителей — затмевается совершенно для их последователей. [Среди волнений безпристранных браней, князья более и более приучаются <в тексте пропуск. — *Т. Г.*> <видеть в народах своих одну *бездушную* собственность> <князья в беспрестанных междоусобиях, не жалея своих людей, разоряют отечество> вредя друг другу, они спокойно (нрзб.) кров людей, разоряют земли <или> предают <его> на произвол <…>]

Взаимоотношения между правителем и народом, обязанности монарха и права народа, причины и природа бунта в государстве и ответственность царя за его возникновение — фрагменты этого идейно-тематического комплекса из текста Жуковского оказываются в поле цензорского внимания в 1837 г., 1848 г., а также в последующих изданиях собраний сочинений (см. примечания).

В 1879 г. И. Шляпкин обнаружил первое издание текста «Черты Истории…» 1834 г. — книжку в 56 страниц без имени автора, без времени и места печати. На этом экземпляре была надпись, сделанная Жуковским: «Г. П. Павскому», протоиерею и учителю Закона Божия вел. князя Александра Николаевича. Эта книжка была передана секретарю Русского Исторического Общества Г. Ф. Штендману. Полный, неотредактированный и без купюр текст «Черты Истории Государства Российского» был впервые для широкого круга читателей опубликован в первом томе юбилейного издания «Годы учения Государя Императора» (Сборник Императорского Русского Исторического Общества. 1880. Т. 30. С. 169—186).

В февральском номере журнала «Древняя и Новая Россия» 1881 г., который вышел в марте, было представлено второе издание полного текста учебного пособия Жуковского. В предисловии И. А. Шляпкин обозначил две задачи этой публикации: охарактеризовать политические взгляды поэта; показать те высоко-нравственные принципы, в которых был воспитан убитый император. Особенность этого издания заключалась в указании Шляпкиным тех разночтений, которые обнаруживаются в результате сопоставления опубликованного в 1834 г. текста и печатавшегося ранее текста. В некоторых случаях Шляпкин, однако, допустил неточности (*Шляпкин И.* Предисловие // *Жуковский В. А.* Черты Истории Государства Российского. Древняя и Новая Россия. 1881. Февраль. Т. 19. С. 318—343).

В примечаниях указаны пометы Жуковского, Дубельта, цензорская правка и особенности публикации текста в разных изданиях; даны также пояснения к отдельным историческим событиям и персонажам. «Черты Истории Государства Российского» печатаются по публикации в «Сборнике Императорского Русского Исторического Общества» (СПб., 1880. Т. 30. С.).

[1] *«При взгляде на пространство сей державы ~ просветил божественною верою».* — Жуковский цитирует слова Карамзина из предисловия к первому тому «Истории Государства Российского». Поэт изменяет зачин фразы, а также обрывает высказывание историка. Ср.:

Взглянем на пространство сей единственной Державы <…> Не надобно быть Русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа,

который целостию и мужеством снискал господство над девятою частию мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внеся их в общую систему Географии, Истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями Христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего (*Карамзин Н. М.* История Государства Российского. СПб, 1998. Т. I. С. 8—9).

[2] *Олег ~ подает бедственный пример наследования…* — На полях рукописи Дубельт карандашом отчеркнул этот фрагмент и поставил вопросительный знак. Слова «бедственный пример власти», подчеркнутые чернилами Жуковским, были также подчеркнуты карандашом Дубельтом (Черты Истории… Авторизованная копия. Л. 3 об.). М. М. Попов в письме к Краевскому разъяснил позицию Дубельта: «Здесь Леонтий Васильевич находит, что неосторожно сказано вообще о наследии, как будто Олег подал бедственный пример всякому наследию, не исключая и того, какое теперь у нас. Эти строчки или опустить, или выразиться яснее о наследии по праву старейшенства» (см.: *Бычков И. А.* Указ. соч. С. 599). Дубельт опасался возникновения исторической ассоциации с обстоятельствами восшествия Николая I на престол в конце 1825 г.

[3] *…звезда пред солнцем, заря пред светом…* — Жуковский приводит слова летописца из «Повести временных лет». Ср.: «си бысть предтекущия христианстей земли, аки деньница пред солнцем и аки заря пред светом». Введение «чужой» точки зрения маркирует особую, высокую оценку поэтом правления Ольги. В отличие от похода Олега на Константинополь, Жуковский подчеркивает в действиях княгини мирный характер, цель которого — обрести «спасительное христианство». Жуковский видел в христианстве духовную основу России, которое определяло пути становления и развития государства. Эта позиция отразилась в специальном — первом — рассуждении поэта (после описания принятия христианства Владимиром): «Сие великое событие… в семейство народов Европы».

[4] *Но завоевания его ~ в погибель…* — В описании Жуковского-наставника наследника престола военные подвиги Святослава лишены героического ореола, так как они препятствовали внутреннему мирному развитию и достижению народного благосостояния. Ср. в тексте поэта «Певец во стане русских воинов»: «О Святослав, бич древних лет, / Се твой полет орлиный» (ПССиП. Т. 1. С. 226). В изображении и оценке Святослава Жуковский следовал полностью концепции Карамзина: «сей Александр нашей древней истории <…>, образец великих полководцев, не есть пример государя великого: ибо он славу побед уважал более государственного блага и, характером своим пленяя воображение стихотворца, заслуживает укоризну историка» (*Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. I. С. 132).

[5] *Ярослав ~ заслуживает в потомстве имя законодателя.* — Наряду с летописями среди источников Жуковского по русской истории был принятый при Ярославе свод правовых норм «Русская Правда» (1019—1054). В черновике «Введения в Историю Государства Российского», в его удаленной историко-хронологической части, «Русская правда» (датируемая 1019) является единственным упомянутым поэтом юридическим сочинением.

[6] *Нравы дики…* — В заключение первой части Жуковский дает общую характеристику общественного развития Руси в период 862—1054 гг. Жесткие, обвинительные высказывания поэта в адрес монарха («нет государя для подданного, есть только подданный для государя»), которые могли бы вызвать современные аллюзии, были цензорами удалены. Ср.: «Трудность сообщений препятствует быстрому действию воли властителей. Нравы дикие <…>» (ПСС. Т. 10. С. 36—37).

[7] *…могущество и благосостояние.* — В черновом автографе Жуковский подчеркнул первую фразу второй части текста. Ср.: «*Вместе с Ярославом Древняя Россия погребает свое могущество и благосостояние*» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 107-1 — № 107-2. Л. 10).

[8] *Первый Олег, по словам древнего певца…* — Далее Жуковский пересказывает с сокращениями отрывок из «Слова о полку Игореве». Ср. с его собственным переложением (1817—1819 гг.):

Тот Олег мечом крамолу ковал,
И стрелы он по земле сеял.
Ступал он в златое стремя в граде Тьмутаракане!
Молву об нем слышал великий Ярослав, сын Всеволодов,
А князь Владимир всякое утро уши затыкал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела,
И на конскую зеленую попону положили его
За обиду Олега, храброго юного князя.
С той же Каялы Святополк после сеи взял отца своего
Между угорскою конницею ко святой Софии в Киев.
Тогда при Олеге Гориславиче и вырастало междоусобие.
(ПССиП. Т. 5. С. 13; примеч. с. 312—330)

Поэзия как идеальный механизм исторической памяти, а поэт как верный судья деяний князей — эта идея обусловила, вероятно, включение Жуковским фрагментов из «Слова о полку Игореве» в «Черты Истории…» (см. ниже).

[9] *Мономах ~ отказавшись от власти…* — Эпизод принятия власти Мономахом был выдержан Жуковским по всем правилам складывавшегося канона описания «необычного» престолонаследия в николаевскую эпоху. Поэт подчеркнул главные качества государя: смирение, жертвенность, следование закону и личному долгу (Гузаиров. С. 46—48). В дальнейшем Жуковский разрабатывал образ Мономаха как символ праведной и сильной власти в патриотической лирике: в стихотворении «Русская слава» («Но Русь в беде крепка была / Душой великой Мономаха…» // ПССиП. Т. 2. С. 284); в стихотворении «1-ое июля 1842» («Но наш великий Мономах, / Тех дней последнее светило» // ПССиП. Т. 2. С. 328).

[10] *…а старого Владимира ~ к горам киевским!* — Неточная цитата из «Слова о полку Игореве». Ср. с переложением Жуковского: «Нельзя было старого Владимира пригвоздить к горам киевским!» (ПССиП. Т. 5. С. 20).

[11] *Игорь ~ пленником в Половецкую землю отведен.* — Жуковский кратко пересказывает историю о походе русских войск против половцев и включает в «Черты Истории…» отдельные слова и выражения из «Слова о полку Игореве».

[12] *…высоко сидишь ~ в земли далекие.* — Жуковский перелагает в прозу хвалебную оценку Ярослава Галицкого, данную ему поэтом в «Слове о полку Игореве». Ср. с оригинальным текстом:

Высоко съдиши
на своем златокованнъмъ столъ,
подпер горы Угорскыи
своими желъзными плъки,
заступив королеви путь,
затворивъ Дунаю ворота,
меча бремены чрезъ облакы,
суды рядя до Дуная.
Грозы твоя по землям текутъ,
отворяеши Киеву врата,
стръляеши съ отня злата стола
салътани за землями
(Слово о полку Игореве. М., 1987. С. 42—43).

Этот эпизод не был отражен Жуковским в переложении «Слова о полку Игореве». Включение «чужой» точки зрения позволяет Жуковскому-наставнику акцентировать внимание своего царственного ученика на фигуре Ярослава Галицкого. В своем описании Жуковский подчеркивает в князе высокий уровень просвещения и государственного мышления (он стремится к внутреннему созиданию).

[13] *…в жизни народов ~ на лаве минувших лет…* — В 1837 г. Дубельт отчеркнул этот отрывок карандашом на полях копии сочинения Жуковского (*Бычков И. А.* Указ. соч. С. 597).

[14] *…время!* — После слова «время» была, как указал в скобках И. А. Шляпкин, фраза «оно послушно единому Богу». Эта фраза печаталась в изданиях С 6 — ПСС. Однако в юбилейном издании 1880 г. эта фраза отсутствует. Ср.: «…медленный создатель лучшего — Время! его рука на гробовой доске…» (*Жуковский В. А.* Черты Истории Государства Российского // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. 1880. Т. 30. С. 189).

[15] *Ваша сила… его опрокинет.* — Этот отрывок был запрещен цензурой и не печатался в собраниях сочинений Жуковского. Поэт подчеркивает внутренний долг государя за развитие народного достоинства и благоденствия; по его мнению, народный бунт является следствием отсутствия ответственной внутренней политики. Эти идеи отдельно были изложены Жуковским в тексте «Бывают смутные времена…», включенном в журнал «Собиратель» (1829). См. ниже в наст. томе.

[16] *…как человек… совесть;* — Внутри фразы встречаются разночтения. Ср.: «как человек, образуй себя высшего мира и твори, что велит совесть, просвещенная христианством…» (С 6. Т. 6. С. 309).

[17] *…о вверенном тебе частном.* — Дубельт отчеркнул рассуждение Жуковского об истории, которое начинается со слов: «Она говорит властителям…» (*Бычков И. А.* Указ. соч. С. 597).

[18] *…где каждый законодатель ~ властны последовать.* — Дубельт отчеркнул этот отрывок на полях копии сочинения Жуковского (*Бычков И. А.* Указ. соч. С. 597). В авторизованной копии слово «последовать» подчеркнуто поэтом.

[19] *Что утверждает могущество государства? ~ любовь и к отечеству…* — В тексте Жуковского Дубельт последовательно отчеркнул все рассуждения автора — об истории, о правителе и народе, о государстве. Этот отрывок не является исключением (*Бычков И. А.* Указ. соч. С. 597—598). В авторизованной копии Жуковский подчеркнул три понятия, которые определяют основу государства. Это — «*власть* верховная», «*права* народа», «*отношения* между Государем и подданным» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 108. 48 об.). В этом фрагменте обнаруживаются существенные расхождения в опубликованных вариантах сочинения: один — для узкого придворного круга, другой — для широкой аудитории. В ПСС (изданном спустя более двадцати лет после публикации полного текста 1834 г. в 1880 г.) этот отрывок из текста «Черты Истории…» продолжал публиковаться по-прежнему с купюрами. Цензура последовательно исключает рассуждения Жуковского о правах народа, о взаимоответственных отношениях между государем и подданными. Ср.:

«Придворный» вариант (1834):

> Под сению мира мужает власть верховная, обеспечиваются установлениями права народа, становятся ясны взаимные отношения между Государем и подданным: первый узнает, что его сила во благе общем и неприкосновенности закона; последние, благоденствующие под защитою власти, убеждаются, что покорность закону и свобода одно и тоже. Тогда любовь и уважение… (*Жуковский В. А.* Черты Истории Государства Российского // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. 1880. Т. 30. С. 193).

Вариант ПСС (1902):

> Под сению мира мужает *власть* верховная; твердою законностью утверждается на *частном* благоденствии благоденствие *общее*; становятся ясны взаимные отношения между Государем и подданным: любовь и уважение… (Т. 10. С. 49).

[20] *…и свобода, хранимая законом ~ высокое назначение человека…* — В 1837 г. Дубельт отчеркнул этот отрывок карандашом на полях копии сочинения Жуковского (*Бычков И. А.* Указ. соч. С. 597—598). В изданиях для широкой аудитории слова Жуковского, намекающие на полицейские преследования за свободу мысли, были цензурой исключены. Ср.:

«Придворный» вариант:

> …и свобода, хранимая законом, и деятельность мысли, непритесняемой подозрительным самовластием, от чего она и немятежна и верна порядку; и просвещение, более и более объясняющее высокое назначение человека… (*Жуковский В. А.* Черты Истории Государства Российского // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. 1880. Т. 30. С. 194).

ПСС (1902):

…и свобода, хранимая законом, и просвещение, более и более объясняющее высокое назначение человека… (Т. 10. С. 49).

[21] *Среди волнения ~ грабителей.* — Этот отрывок был цензорами отредактирован. Ср.: «Князья воюют между собою и своими враждами разоряют отечество или предают его на произвол иноземных грабителей» (ПСС. Т. 10. С. 49). Были исключены острые инвективы Жуковского в адрес правителей, которые не заботятся о достоинстве народном.

Т. Гузаиров

История Государства Российского

(«Димитрий Иоаннович, удостоенный великокняжеского сана…»)
(С. 172)

Автограф и копии не известны.

Впервые: [Жуковский В. А.]. История Государства Российского. Древняя история. II. Времена уделов. III. Свержение ига татарского. 1363—1462. [СПб., 1834]. Без указания автора, места, года издания и типографии. 100 с.

Печатается по первому изданию.

Датируется: 1830—1834 гг.

«История Государства Российского. Древняя история. II. Времена уделов. III. Свержение ига татарского. 1363—1462» является продолжением «Черт Истории Государства Российского» и входит в состав созданного Жуковским учебного пособия, использовавшегося при преподавании начального курса русской истории наследнику престола великому князю Александру Николаевичу.

Творческая история «Черт Истории Государства Российского» в целом освещена в предыдущем комментарии. В 1830 г. Жуковский завершил работу над первой частью пособия, но не стал его публиковать, ограничившись изданием в придворной типографии «Введения в Историю государства Российского». На протяжении 1830—1834 годов поэт создал еще две части, предполагавшиеся общим планом и включавшим в себя освещение русской истории 1238—1362 и 1363—1462 годов. Эти две части были изданы в 1834 году в придворной типографии, подобно первой части, обнаруженной И. Шляпкиным в 1879 г. и опубликованной в «Сборнике Императорского Русского Исторического Общества» (1880. Т. 30. С. 169—186). При подготовке настоящего издания заключительная из этих трех частей была обнаружена в Научной библиотеке Томского университета в составе конволюта учебных пособий, составленных разными авторами для наследника престола (Описание. С. 76. № 478).

К сожалению, срединной (второй) книжки найти не удалось, так же как и автографов или копий, отразивших работу над продолжениями пособия. Представление

о временных границах и материале не обнаруженной второй книжки позволяют составить «Хронологические таблицы истории Государства Российского. Древняя история. II. Времена уделов. II. Татарское иго» ([СПб., 1834]. Без указания автора, места, года издания и типографии. 56 с.), входящие в этот же конволют (таблицы XXII—XXXII, с. 3—56). См.: Описание. С. 77. № 493. В ней рассказывалось о княжениях владимиро-суздальских и московских князей, начиная с Ярослава Всеволодовича (1238—1247) до Димитрия Константиновича (1359—1362). Об общем композиционном плане пособия в целом говорит «Обозрение первого и второго периодов Российской истории. Для повторения» ([СПб., 1834]. Без указания автора, места, года издания и типографии. 21 с.), где в таблице «Периоды истории Государства Российского» (с. 3) дана следующая схема:

Древняя история. 862—1462.
I. Образование Государства.
1. От призвания Рюрика до смерти Ярослава. 862—1054.
II. Раздробление Государства.
A. Уделы и междоусобия.
2. От смерти Ярослава до начала Татарского ига. 1054—1237.
B. Уделы, междоусобия и рабство.
3. От начала Татарского ига до Димитрия Донского. 1237—1362.
C. Соединение уделов.
4. От Димитрия Донского до Иоанна III. 1362—1462.
(Описание. С. 77. № 487).

В содержательном плане вторая и третья часть пособия менее оригинальны, чем первая, и являются сжатым изложением «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. На это, в частности, указывают пометы на полях, обозначающие том и страницы карамзинского труда, конспектом которых является каждый эпизод. Вероятно, конспективный характер данных частей обусловил выделение из общего состава пособия «Черт истории Государства Российского» как самодостаточного текста, имеющего интерес для массового читателя (замысел публикации 1837 г., публикация 1849 г.). К Карамзину восходит и концептуальная мысль, пронизывающая третью часть, о бедственности разделения на уделы и благотворности централизации, проводимой вначале владимиро-суздальскими, а затем московскими князьями. У Жуковского в 1830—1840-е гг. она станет основой идеала «семейственной монархии», нашедшей финальное воплощение в «Письме к кн. П. А. Вяземскому о его стихотворении «Святая Русь» (1848): «В выражении *Святая Русь* — отзывается вся наша особенная история; это имя Россия ведет от Крещатика; но свое глубокое значение оно приобрело со времен раздробления на уделы, когда над разными подчиненными князьями был один главный, великий, когда при великом княжестве было множество малых, от него зависимых, и когда это все соединялось в одно, не в Россию, а в Русь, то есть не в государство, а в семейство, где у всех были одна отчизна, одна вера, один язык, одинакие воспоминания и предания; вот отчего и в самых кровавых междоусобиях, когда

еще не было Р о с с и и, когда удельные князья беспрестанно дрались между собою за ее области, для всех была одна, живая, нераздельная С в я т а я Р у с ь. Все вместе стояли за нее против нашествия и грабительства врагов неверных. Особенную же силу этому слову дали печальные времена Мамая: тогда оно сделалось для нас соединительным, отечественным боевым криком; им утешала нас наша церковь, его произносили князья наши, неся в Орду свою голову за отечество, оно гремело на Куликовом поле; оно должно было получить удивительный смысл на устах великого Иоанна III, уничтожившего рабство татарское и вдруг явившегося самодержавным обладателем *всея России.* С того времени Россия стала государством, особенным достоянием царя, а Святая Русь осталась преданием, совокупным сокровищем царя и народа» (ПСС. Т. X. С. 121—122; см. также публикацию в наст. изд.).

[1] *V. (8—10).* — Здесь и далее данные цифры на полях первого издания обозначали том и страницы «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина (СПб.: Типография Н. Греча, 1816. Т. V). Затем указан год (1364), соответствующий описанному событию.

[2] *Церковная история сего времени ознаменована ересью стригольников…* — Стригольники — одно из первых и самых известных еретических движений в Древней Руси. Зародилось в Пскове и обрело особую популярность в Новгороде в XIV—XV веках. Стригольники отвергали церковную иерархию, причиной чего являлось неприятие симонии, продажи церковных должностей. Название движения, согласно наиболее убедительной гипотезе профессора Е. Е. Голубинского, производное от профессии (стригольник — парикмахер) одного из его основателей — Карпа, жителя Пскова (*Голубинский Е. Е.* История русской церкви. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Период второй, Московский. М.: Университетская типография, 1900. Т. 2. С. 396). См. также: *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси в XIV—XV вв. М.; Л., 1955.

[3] *Последний год Димитриева княжения особенно достопамятен началом огнестрельного искусства в России.* — Первые упоминания об огнестрельном оружии (пищали) на Руси относятся к 1389 году (Тверская летопись). См. подробнее: *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976 (глава «Огнестрельное оружие в начальный период его развития»).

[4] *…со времен Калиты новгородцы уже не имели собственных, особенных князей ~ управляли ими чрез наместников.* — В 1336 году после пятилетнего противостояния при посредничестве митрополита Феогноста Иван Даниилович Калита заключил мир с Новгородом и стал новгородским князем.

[5] *Но грозный завоеватель Востока ~ взял Елец.* — Эти события получили свое отражение в популярном памятнике XV века «Повести о Темир-Аксаке». См.: *Гребенюк В. П.* «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI—XVII вв. // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII вв.). М., 1971. С. 185—206.

[6] *В сие время принадлежали Литве ~ областью могущего государя Литовского.* — См. о территориальном составе литовского государства и его отношениях с Русью:

Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004 (1-е изд.: М., 1915).

[7] *…язвою, которая со времен Симеона Гордого несколько раз посещала отечество наше и свирепствовала в нем с 1352 по 1427 год…* — Современные историки эпидемий выделяют в качестве наиболее опустошительных периодов 1352, 1364, 1374, 1388—1390, 1417—1427. См.: *Васильев К. Г., Сегал А. Е.* История эпидемий в России: (Материалы и очерки). М., 1960. С. 26—50.

[8] *Мануил ~ женил сына своего Иоанна, на дочери Василиевой, Анне (1414)…* — См. об этом примечательном эпизоде: *Медведев И. П.* Внучка Дмитрия Донского на византийском престоле? // Труды Отдела древнерусских летописей. Л., 1976. Т. 30. С. 255—262.

[9] *В 1437 Махмет был изгнан из улусов ~ изгнанник капчакский сделался возобновителем или истинным первоначальником царства Казанского.* — См. об основании Казанского ханства и его первом хане Улу-Мухаммеде: *Беспалов Р. А.* Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белёва до Казани (1437—1445) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань, 2012. С. 53—70.

[10] *Они держались Флорентийского соединения. ~ Духовенство же московское, отвергнув соблазн, тем более укрепилось в догматах православия.* — См. об отражении событий Ферраро-Флорентийского собора (1438—1445) в древнерусской словесности: *Черепнин Л. В.* К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии // Средние века. М., 1964. Вып. 25. С. 176—187; *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков: Из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 8—55.

[11] *Память его беззаконий осталась в народной пословице о суде Шемякине, доныне употребительной.* — Это мнение, разделявшееся историками XIX века, не имеет оснований. Повесть о шемякином суде и связанная с ним пословица возникли не ранее XVII века. См.: *Лапицкий И. П.* Повесть о суде Шемяки и судебная практика второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. VI. С. 60—99. Оригинальный образ исторического Дмитрия Юрьевича Шемяки был создан в романе Н. А. Полевого «Клятва при Гробе Господнем» (1832).

[12] *… начали всенародно бить кнутом, сие унизительное для человечества обыкновение заимствовали мы от моголов.* — Практики телесных наказаний присутствовали уже в домонгольской Руси, но стали регулярной приметой юридического быта в период монголо-татарского ига. См.: *Евреинов Н. Н.* История телесных наказаний в России. СПб., 1913; *Покровская А. Ю.* История телесных наказаний в русском уголовном праве. М., 2004.

[13] *В княжение Василия основан знаменитый Соловецкий монастырь….* — Первое монашеское поселение под началом Германа и Савватия появилось на Соловецких островах в 1429 году. Сам Соловецкий монастырь был основан в 1436 году в землях Новгородской республики монахами Зосимой и Германом. См. об истории Соловецкого монастыря: *Осипенко М. В.* Соловецкая обитель: история и святыни (Книга паломника). Соловки, 2014.

[14] *С Васильева времени сделалась известною Крымская Орда…* — После смерти Едигея в 1420 году Орда фактически утратила контроль над Крымом. После этого в Крыму началась ожесточенная борьба за власть, победителем из которой вышел первый хан независимого Крыма и основатель династии Гераев Хаджи I Гирей. В 1427 году он объявил себя властелином Крымского ханства. В 1441 году при поддержке Великого княжества Литовского и местной крымской знати избран ханом и возведён на престол. Самостоятельность ханство потеряло в 1478 году, когда после военной экспедиции было завоевано турками-османами. Как вассал Османской порты Крымское ханство просуществовало до Кучук-Кайнарджийского мира 1774 года.

[15] *Иустиниянова кодекса…* — Кодекс римского императора Юстиниана, опубликованный в 529 г., был основой римского права.

[16] *Суд духовный, основанный на Кормчей книге, или Номоканоне…* — Номоканон — византийские сборники церковных правил и императорских указов, касающихся церкви, составленные в VI—VII веках и впоследствии дополненные. Одна из редакций «Номоканона» была положена в основу древнерусской «Кормчей книги» (XIII в.), основного источника церковного права в средневековой Руси.

[17] *Собственно так называемые козаки ~ сделалась постоянным жилищем.* — Жуковский в интерпретации истории возникновения казачества и этимологии слова казак следует позиции Карамзина и представлениям конца XVIII — начала XIX века. Наиболее полным сводом их может служить популярное в то время сочинение: *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. Ч. 4. Оно имеется в библиотеке поэта (Описание. С. 18. № 61).

[18] *…пиитическое изображение Куликовской битвы и похвала Димитрию Донскому.* — Имеется в виду «Сказание о Мамаевом побоище» (XV в.), одна из самых популярных исторических повестей Древней Руси, и «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» (конец XIV — начало XV в.), предположительно написанное Епифанием Премудрым (ум. в 1420 г.).

В. Киселёв

О короновании Государя Императора Николая Павловича в Варшаве (Отрывок из письма)

(«Вчера совершилось в Варшаве коронование государя императора…»)
(С. 215)

Автограф неизвестен.

Впервые: Северная пчела. 1829. № 63. Суббота, 25 мая. [С. 3—4] — без заглавия и подписи.

В прижизненных собраниях сочинений не публиковалось.

Р е п у б л и к а ц и я: С 5. Т. 13. С. 145—150 — с заглавием «Отрывок письма из Варшавы, от 13-го мая 1829, о короновании Государя Императора Николая Павловича».

П е ч а т а е т с я по тексту первой публикации.

Д а т и р у е т с я: 13 мая 1829 г.

7 мая 1829 г. в составе свиты императора Николая I Жуковский приезжает в Варшаву, где 12 мая состоялась коронация Николая I. Почти полмесяца (с небольшим перерывом для поездки в Берлин на свадьбу прусского принца Вильгельма), проведенные поэтом в Варшаве, станут важным моментом в его встречах и беседах с представителями польской культуры. На страницах его дневника упоминаются литераторы Ян Максимилиан Фредро, Каэтан Козмян, Франтишек Моравский, Самуэль Линде, Казимеж Бродзиньский, но особенно близок ему оказался известный польский поэт Юлиан Немцевич.

Встреча в Варшаве Жуковского с варшавскими литераторами ознаменовалась его единогласным избранием в конце мая 1829 г. членом Варшавского общества друзей наук. И хотя Жуковский уже в это время был в России и узнал об этом событии из письма Ю. Немцевича, в ответном письме он особенно подчеркивал: «Единственное соображение дает мне право на такой почетный титул — это симпатия, которую я испытываю ко всему благородному польскому народу» (Оригинал на франц. яз. Цит. по: *Ланда С. С.* Ю. У. Немцевич и В. А. Жуковский // Пушкин и его время. Вып. 1. Л., 1962. С. 229).

Атмосфера коронации в Варшаве была достаточно тревожной. «По авторитетному свидетельству А. Чарторыйского, накануне приезда в Варшаву Николая I с женой и наследником, к Немцевичу обратились участники заговора, собиравшиеся использовать затянувшуюся войну с Турцией, истребить царскую семью во время коронации и начать восстание в благоприятных условиях всеобщего замещательства, вызванного этими событиями. Немцевич энергично осудил план заговорщиков и, опираясь на свой громадный общественный авторитет, убедил их отказаться от вооруженного выступления» (*Czartoryski A., Żywot J. U.* Niemcewicza. Berlin; Poznań, 1860. Str. 216). Неоднократные встречи и беседы Жуковского и до коронации и после нее с представителями польской общественной мысли, в том числе и Немцевичем, записи в дневнике: «Анекдот о трех заговорщиках…», «Спор и вздор о русском языке. Новосильцев. Политическое», «Неприличие благословения короны», «Рассуждение о манифесте и сочинение рескрипта. Вечер у Адлерберга с Орловым и сочинение манифеста», цитирование слов великого князя Константина Павловича («Вы, сенаторы, думаете, что вы римские сенаторы: вы возмутители, изменники и особенно постоянны. Я доволен вами как внук Екатерины и недоволен как брат короля польского. — *Пер. с франц.*» (ПССиП. Т. 13. С. 308—310)) — все это вряд ли рождало у Жуковского благостное представление о церемонии коронации.

В середине мая редактор «Северной пчелы» Ф. В. Булгарин в письме из Дерпта к управляющему III отделением М. Я. Фоку писал:

Важный вопрос: будет ли объявлено в русских газетах о коронации Государя в Варшаве? — Многие утверждают, что это отсоветовали. Не вижу, почему бы молчать о том, что положено за благо сделать. Эти *ménagements* [предосторожности. — *франц.*] не ведут к добру. В некоторых важных политических задачах твердостию характера и силою ума надобно творить общее мнение. Делать и не сметь говорить о том, что делается, вредит достоинству власти. Дерзкие станут говорить: не смеют объявлять, боятся русских и пр. К чему это ведет — легко разрушить. Все demi-mesures [полумеры. — *франц.*] и все pas craintifs [робкие шаги. — *франц.*] никуда не годятся, особенно у нас, где уступив на шаг, теряется верста в мнении общем. — Пойдут толки, пересуды, а один указ и одна газетная статья дали бы направление умам, известили всех о настоящем ходе дел и всех бы успокоили. — Вы знаете мою преданность и потому можете судить, что я горячусь с одной любви к общему благу и Особе, для нас обоих драгоценной (*Видок Фиглярин*. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А. И. Рейтблат. М., 1998. С. 370).

21 мая 1829 г. в «Северной пчеле» (почти через неделю после коронации) наконец-то появилось сообщение об этом событии. «Отрывок из письма» Жуковского выполнил роль официального сообщения. Сам текст письма (если был его рукописный вариант) и имя адресата до сих пор остаются неизвестными. По чьей просьбе Жуковский написал эту статью, также не ясно.

А. Янушкевич

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ

Примечания к журналу «Собиратель»

История создания журнала «Собиратель» неразрывно связана с педагогической деятельностью Жуковского. В начале 1828 г. Жуковский начинает систематическое обучение великого князя Александра Николаевича. В подготовленных им «Планах учения наследника» особое место уделялось воспитанию «охоты к чтению» и умению «правильнее выражаться по-русски». В черновом письме к бабушке великого князя, императрице Марии Федоровне от начала июля 1828 г. он, в частности, замечал: «Я ничего так не желаю, как вселить в великом князе охоту к чтению. <…> А *хорошие книги* — вернейшие друзья частного человека и настоящие советники государей; они не льстят, а заставляют мыслить и возбуждают уважение ко всему человеческому. <…> Во время вакаций особенно займусь тем, чтобы великий князь приучился правильнее выражаться по-русски и получил навык лучше читать» (ПСС. Т. 10. С. 145). Изучение опыта своих коллег, воспитателей европейских царственных особ, прежде всего немецкого просветителя И.-Я. Энгеля (1741—1802), учителя прусского короля Фридриха Вильгельма III, обратило его внимание на особый тип образовательного чтения — специальные журналы, издаваемые педагогами для своих учеников. В этих журналах-сборниках печатались материалы, расширяющие кругозор великих князей, приучающие их мыслить. Специальные статьи по истории и философии, эстетике, выписки из классиков, отрывки из поэзии и прозы

античных и современных авторов формировали вкус царственных особ, обращали их взор на проблемы общественного развития, развивали нравственное чувство.

Образцами таких изданий в Европе были признаны два сборника Энгеля — «Der Philosoph für Welt» («Светский философ») и «Fürstenspiegel» («Зерцало для князей»). Если в 1808—1810 гг. Жуковский в период редактирования «Вестника Европы» обратился к первому сборнику, переведя из него несколько статей, то объектом его пристального внимания в конце 1820-х гг. становится «Зерцало для князей». Среди «Материалов, относящихся к журналу "Собиратель"» находится перевод отрывка из статьи «Fürsten-Wollust», входящей в этот сборник (подробнее: БЖ. Ч. 1. С. 483—489; также см. наст. изд.).

О связи журнала с педагогической деятельностью свидетельствует и «План журнала»:

> 1. Отрывки, относящиеся к главным лекциям.
> Истории. Географии. Естеств.<енной> истории. Религии.
> 2. Выписки.
> Выписки из классиков древних и новых, в стихах и прозе,
> относящиеся к главным лекциям (РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 1).

Однако, несмотря на казалось бы прикладной, практический характер предполагаемого издания, «Собиратель» отразил и общее направление творческой деятельности Жуковского — его путь к эпической поэзии и публицистике. Интерес к «Илиаде», о чем свидетельствует создание в это же время оригинальной версии ее переложения, предназначенной для чтения с наследником, статьи историософского характера и перевод отрывков из сочинений античных авторов, а также опыт написания «русской повести» «Подмосковная деревня», включающей педагогические идеи Жуковского и предназначенной для «Собирателя», — все это формирует особый тип журнала одного автора, в котором неразделимы педагогика и творчество. Переводы отрывков из Шиллера, Гёте, Мицкевича, Оссиана в соотношении с цитатами из оригинала по своей установке напоминают сборники «Für Wenige. Для немногих», изданные Жуковским в 1818 г. для педагогических целей, но определившие направление переводческой деятельности Жуковского. Одним словом, «Собиратель» был не только специальным изданием для ученика, но и стал поиском новых форм творчества для учителя.

Как известно, в свет вышло только два выпуска журнала, хотя, как явствует из записи: «Каждые две недели будет выходить книжка» (РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 3 об.), находящейся среди черновых материалов, Жуковский думал о периодичности такого издания. Не исключено, что события после выхода двух первых книжек (письма в защиту Н. И. Тургенева и П. А. Вяземского, запрещение «Европейца»), связанные с обострением отношений Жуковского и Николая I в начале 1830 г., не позволили поэту продолжить свою просветительскую и творческую деятельность.

Никаких прямых свидетельств Жуковского о времени его работы над журналом не обнаружено. Но на основании дат внутри черновых материалов к «Собирателю»: 12 июля 1829 г. в начале рукописи (РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 3) и 27 ноября <1829>

в конце (РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 40) — можно предположить, что именно в этот промежуток времени и создавались два номера «Собирателя». 23 июня 1829 г. Жуковский возвращается из почти двухмесячной поездки за границу по случаю коронации Николая I в Варшаве (ПССиП. Т. 13. С. 311) и почти сразу же приступает к созданию журнала. «План журнала», предшествующий первым текстам «Свет и любовь» и «Смерть Адама», а также деревенской повести с условным заглавием «Переписка» (позднее зачеркнутым), датированной 12 июля 1829 г., дает основание высказать такое предположение. Скорее всего, в свет оба номера журнала вышли в самом конце 1829 г.

Сам процесс работы над «Материалами, относящимися к журналу “Собиратель”» (таково архивное название одной из рукописей Жуковского — РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 1—18) свидетельствует о творческом отношении поэта к предпринятому изданию. Многочисленные зачеркивания, переработка материалов, их исключение из окончательного текста отражают этапы формирования канонического текста. Характерно, что все материалы даны только на русском языке. Подключение иноязычных источников произошло уже на последнем этапе подготовки материалов к печати. Вот как выглядит состав рукописи:

Л. 1. **План журнала**

1. Отрывки.
a. Отрывки, относящиеся к главным лекциям.
Истории. Географии. Естеств. истории. Религии.
b. Повести. Стихотворения. Мысли (Сочинения и переводы).

2. Выписки.
Выписки из классиков древних и новых, в стихах и прозе,
относящиеся к главным лекциям.

3. Переписка.

Неккера	Кесаря
Фридриха	Эпаминонда
Генриха	М. Аврелия

4. Анекдоты.

5. Смесь.
Известия из журналов.
Известия о России из Минист. внутр. дел.
Л. 2. Свет и любовь [*Не вошло в «Собиратель»*].
Л. 2—2 об. Смерть Адама [*Собиратель. № 1*].
Л. 2 об. — 3 об. Начало повести «Переписка» [*Не вошло в «Собиратель»; заглавие зачеркнуто*].

Л. 3 об. (левый столбец). Набросок стихотворения «Однажды ясен гром <кудрявый> дуб разбил!». [Не вошло в «Собиратель»]. Мысли, заимствованные из древних и новых классиков [Не вошли].

Л. 3 об. (правый столбец). План журнала № II.

Отрывки.
Сфинкс.
Надежда и забвение.
Отрывок Липмана.
Воспитание рода человеческ.<ого>
О породах. Эдип

Выписки.
История.
Породы.
Общество.

Переписка. 1. Письмо.
Стихотворение «Чист душой ты был вчера…» [Не вошло в «Собиратель»].
Отрывок из Сенеки [Не вошло].

Л. 4. Уважение древних римлян к земледелию [Собиратель. № 2].
Стихотворение «Homer» (подлинник и перевод). [Собиратель. № 2. Без перевода].

Л. 4 об. — 5. Общество человеческое, преобразованное христианством [Собиратель. № 2].

Л. 5, 6 — 6 об. Продолжение «Переписки» (см. л. 2 об. — 3 об.).

Л. 7. Выписки [Вошло в «Собиратель»].

Л. 8—8 об. <Тимелеон> [Не вошло].

Л. 9, 9 об., 10, 10 об. <Речь философа Аполлония> [Не вошло].

Л. 11. Русский государь должен быть предпочтительно русским [Не вошло].

Л. 12—12 об. Бывают смутные времена… [Не вошло].

Л. 13, 13 об., 14. Подмосковная деревня. Русская повесть. Вступление [Не вошло. Опубликовано в «Муравейнике»].

Л. 15—18. Эпаминонд [Не вошло].

Часть рукописных текстов: «О предание народное!..», «Барды поют…» и др., вошедших в журнал (см. примеч. в наст. изд.), обнаружены в архиве поэта в других тетрадях.

Содержание большинства материалов, определивших проблематику журнала, восходит к произведениям античных мыслителей, современных европейских натурфилософов и историков. Так как нередко Жуковский не указывал источника своих публикаций на русском языке, то можно предположить, что это его оригинальный текст или же экстракт из прочитанного.

При комментировании материалов была сделана попытка с максимальной точностью определить источник или же указать возможные иноязычные тексты,

связав их с кругом чтения поэта, с книгами из его библиотеки, с другими известными произведениями издателя журнала. При наличии автографов приводятся черновые варианты текстов.

СОБИРАТЕЛЬ. № I

I
[1]*Взгляд на мир и на человека*

Автограф неизвестен.

По всей вероятности, оригинальное произведение Жуковского, так как источник установить не удалось.

II
[2]*Смерть Адама*

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 2—2 об.

Источник текста: *Herder J. G.* Sämmtliche Werke. Tübingen, 1808. Bd 20 (серия «Zur Philosophie und Geschichte». Th. 8). S. 20, 31, 33.

В экземпляре этого издания, находящемся в личной библиотеке поэта (Описание. № 1279. С. 183), на этих страницах находится черновой автограф перевода, отличающийся от хранящегося в РНБ. Об этом подробнее см.: *Реморова Н. Б.* В. А. Жуковский — читатель и переводчик Гердера // БЖ. Ч. 1. С. 170—172.

[а)] *благодушного Сифа.* — В автографе: благочестивого Сифа. Сиф — третий сын Адама и Евы, родился в 130 г. (Быт. 5:3); упоминается в родословии Иисуса Христа (Лук. 3:8).

[б)] *освежили…* — В автографе: оживили…

III
[3]*Польза истории для государей*

Автограф: РО ИРЛИ. № 27815. Л. 18 об. — 19 об. — черновой.

Как явствует из автографа, первоначально текст статьи был частью «Плана учения наследника» (см. примеч. к «Плану…» в наст. томе), но, видимо, позднее Жуковский между строк вписал заголовок «Польза истории для государей», подчеркнул его и сделал небольшую правку, касающуюся в основном замены слов «наследника престола» местоимением «его». Ср.: «Она [история] должна быть главною наукою наследника престола» (автограф) — «Она должна быть главною его наукою» (текст «Собирателя»).

По всей вероятности, это оригинальный текст Жуковского, так как почти дословные фрагменты из него содержатся в других произведениях поэта и нередко предвосхищают его.

[а] *…заблуждение царя…* — В корректурном экземпляре первого номера «были зачеркнуты набранные слова “слепое самолюбие царя” и надписано В. А. Жуковским “заблуждение царя”» (*Смирнов-Сокольский Ник.* Рассказы о книгах. М., 1977. С. 324). По свидетельству автора книги, содержащиеся в этом экземпляре другие правки были «преимущественно, грамматические» (Там же).

В автографе зачеркнутые в корректуре и не вошедшие в окончательный текст слова присутствовали и не подверглись правке.

[б] См. примеч. 10 к статье «План учения…» (С. 679).

IV

[4]*Климат физический и нравственный*

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 41—41 об.

Копия: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 3. Л. 3—3 об. — авторизованная, без заглавия; после текста статьи, на л. 3 об. справа рукою Жуковского столбец предлогов: *без*, *в*, *во*, *до*, *для*, *за*, *из*, *к*, *ко*, *на*, *над*, *о*, *об*, *от*, *по*, *при*, *с*, *у*, *меж*.

[а] *…для нравственной жизни народа…* — В копии рукою Жуковского: …для нравственного бытия народа…

[б] *На снегах Лапландии человек не живет ~ страна сия не создана для человека.* — Этот фрагмент соотносится со следующим текстом, находящимся в архиве поэта (РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 40 об.):

> На снегах Лапландии не расцветают дерева; безжизненный мох таится под их холодною корою; всё мертво и безмолвно на сих равнинах однообразных; не раздается там пения птиц; изредка нарушает молчание шорох оленя, вырывающего из-под снега скудную свою пищу или минутный визг скользящих по снегу лыж, несущих лапландца, окутанного кожею; небо туманно; берега окружены негостеприимным льдом, и человек там не живет, а прозябает: вид его печален, ум ограничен, история молчит о нем. Африканские степи еще ужаснее — там нет и человека. Раскаленное солнце грозно светит над пустым, необъятно расстилающимся [песчаным морем] океаном песков. По временам волнует его знойный [смертоносный] ветер; тогда палящая вьюга наполняет пустое пространство между небом и землею; но вихорь утихает, и всё снова становится мертвым; одни набросанные [сугробы] холмы песку означают следы минутного волнения; иногда засыпанный, удушенный караван является ужасным свидетелем, что страна сия не создана для человека.

[в] Текст копии имел следующее продолжение, которое было зачеркнуто и не вошло в «Собиратель»:

> Царь безмолвных рабов есть тюремщик, стерегущий скованных невольников: за спокойствие подвластной ему тюрьмы ручаются одни только цепи. Его владычество подобно действию [душного] знойного самуна. Путешественники, [убиенные] задушенные грозным ветром, [спокойно] мирно стоят среди окружающей их степи, но они трупы (Л. 3 об.).

ВЫПИСКИ

I
Ничтожность человека на земле

[5] *Дни человека яко трава ~ не узнает его.* — Пс. 102: 15—16 (Псалом Давида).

К о п и я: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 3. Л. 1 — авторизованная; с указанием порядка расположения текста: 1.1. и списком слов после текста копии: (Село: цвет. Не будет. Знать идти ходить). Отвечать-увядать. — рукою Жуковского.

[6] ***Г**лавк Диомеду*

К о п и я: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 3. Л. 1 — авторизованная, без заглавия, с указанием порядка расположения текста: 1.2. и списком слов после текста копии в скобках: (Рождать. Простить. Водить. Вести. Жить. Становиться. Стать) — рукою Жуковского.

Фрагмент из шестой песни «Илиады» Гомера (ст. 145—149). Показательно, что озаглавив пятистишие, Жуковский придал ему статус законченного текста. В свой перевод «Илиады» (1829) поэт не включил этот отрывок. Очевидна связь этого текста с содержанием Пс. 102.

В рукописях поэта среди текстов, вошедших в «Собиратель», находится еще один отрывок из «Илиады» — с пометой «27 ноября»:

> Кончились игры. Вожди разлучились, и каждый [насытясь]
> Вечерей, сладко заснул, но очей Ахилесса
> Сон не смыкал; по ложу туда и сюда он метался,
> Мучимый думой о силе и доблестях друга Патрокла.
> (РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 40)

В «Собиратель» он не вошел, как и в перевод «Илиады» 1829 г.

[7] *Зачем пробуждаешь меня, ветер весенний ~ и уже не найдут меня*

К о п и я: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 3. Л. 1 — авторизованная; с указанием порядка расположения текста: 1.3. и списком слов после текста копии в скобках: (Будить. Крепить. Вянуть. Мчать. Зреть. Умчать-унесть) — рукою Жуковского.

И с т о ч н и к: The poems of Ossian. Translated by *James Macpherson*. London, 1796. V. 2. P. 133.

Именно это издание сохранилось в библиотеке поэта (Описание. № 1579. С. 220).

Ср. современный перевод Ю. Д. Левина:

> Зачем ты будишь меня, ветерок, я же покрыт росою небесной? Скоро увяну я, и порыв твой развеет мои лепестки. Завтра явится странник, тот, кто видел меня во всей красе, придет сюда. Окинет он взором поле, но не отыщет меня
>
> (*Макферсон Джеймс*. Поэмы Оссиана / Изд. подгот. Ю. Д. Левин. Серия «Лит. памятники». Л., 1983. С. 156. Отрывок из поэмы «Бератон»).

II
Памятники

[8] *Von uralter ~ Monument.* — Ст. 9—10 из стихотворения Августа Вильгельма Шлегеля «Рим. Элегия. К Анне Луизе Жермене, баронессе фон Сталь-Гольштейн» («Rom. Elegie. An Anne Louise Germaine, Baronia von Stäel-Holstein») // August Wilhelm von Schlegel's sämmtliche Werke / Hrsg. von Eduard Böcking. Bd 2. Leipzig, 1846.

[9] *La tombe des grands ~ fastueux. Paroles de Périclés.* — Слова из речи над могилами воинов афинского государственного деятеля, знаменитого полководца и оратора Перикла (495—429 г. до н. э.). Ср. русский перевод М. Л. Гаспарова: «Знаменитым людям могила — вся земля, и о них гласят не только могильные надписи на родине, но и неписанная память в каждом человеке: память не столько о деле их, сколько о духе их».

[10] *Die Stätte, die ein gutter Mensch betrat… ~ Его благое дело.* — Параллельный текст.

К о п и я: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 3. Л. 1 об. — авторизованная; с указанием порядка расположения текста: 8; без текста источника.

И с т о ч н и к: *Goethe J. W.* Torquato Tasso (*Гёте И. В.* Торквато Тассо. Действие I. Явл. 1. Ст. 80—82). Ср. современный перевод С. Соловьева:

> Места, где жил великий человек,
> Священны: через сотни лет звучат
> Его слова, его деянья — внукам.
> (*Гёте Иоганн Вольфганг.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1977. Т. 5. С. 210)

[11] *Кто скрыт во глубине сих грозных пирамид?.. ~ Their memory burst it's betters.* — Параллельный текст.

К о п и я: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 3. Л. 1 — авторизованная; с указанием порядка расположения текста: 1; без текста источника; со списком слов после текста копии в скобках: (Крыть. Имать. Быть, бывать. Жрать. Мнить. Рвать) — рукою Жуковского.

И с т о ч н и к: Joung. On Time. Конец.

III
Поэзия

[12] *Die Obeliske stieg, die Pyramide <…> in dem Liede.* — Ст. 147—150 из стихотворения Ф. Шиллера «Die Künstler» («Художники»; 1789). Ср. русский перевод этого четверостишия Е. Эткинда:

> Он [разум] окрылился, пирамиду строя:
> Встает колонна, обелиск растет,
> И голосом свирели лес поет,
> И песня славит подвиги героя.
> (*Шиллер Фридрих.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1955. Т. 1. С. 168)

[13] *So bindet der Magnet durch seine Kraft <…> Eilt den Achill und den Homer zu suchen.* — Фрагмент из драмы Гёте «Торквато Тассо» (Действие I. Явл. 3). Ср. русский перевод С. Соловьева:

Как вяжет силой дивною магнит
Со сталью сталь, так связывает крепко
Один порыв героя и поэта.
Гомер себя не помнил, созерцая
Двоих мужей в теченье долгой жизни,
И Александр в Элизии спешит
Скорей найти Ахилла и Гомера.
(*Гёте Иоганн Вольфганг.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1977. Т. 5. С. 224)

[14] *Певцы сотрудники вождям ~ В слезах дивятся дедам.* — Ст. 513—516 из «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского.

[15] *There is a pleasure in the pathless woods ~ By the deep sea, and music in its roar. Byron.* — Первое четверостишие строфы 178 (Песня IV) из поэмы Д. Г. Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда» // Byron.

Ср. с русским переводом В. Левика:

Есть наслажденье в бездорожных чащах,
Отрада есть на горной крутизне,
Мелодия в прибое волн кипящих
И голоса в пустынной тишине.
(*Байрон Джордж Гордон*. Собр. соч.: В 4 т. М., 1981. Т. 2. С. 287)

Жуковскому, вероятно, был знаком перевод всей этой строфы, сделанный К. Н. Батюшковым в 1819 г. и опубликованный накануне выхода «Собирателя» в альманахе «Северные цветы на 1828 год» (С. 23). Данное четверостишие в переводе Батюшкова выглядело так:

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
(*Батюшков К. Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 414)

[16] *Homer. ~ Stollberg.* — Последние три четверостишия из стихотворения «An das Meer» («К морю») немецкого поэта Фридриха Леопольда Штольберга (1750—1819). В библиотеке Жуковского (Описание. № 2202) это стихотворение, написанное в 1777 г. и состоящее из 10 четверостиший, находится в следующем издании: Gedichte der Brüder Christian und Friedrich Leopold Grafen Stolberg. Carlsruhe, 1794. S. 210.

Перевод:

Слепой певец стоял у моря,
Вокруг него шумели волны,

И великие свершения золотого века
Облекали его мысли в праздничный наряд.

И тогда явилась к нему в лебедином полете
Музыка вдохновения,
И «Илиада» с «Одиссеей»
Родились с песнею моря.

И если бы вдруг вокруг него
Исчезли небо, земля и море —
Они бы воспели перед слепым взором
Небо, землю и море.

[17] *Барды. ~ Оссиан.*

И с т о ч н и к: The poems of Ossian. Transl. by *James Macpherson*. London, 1796. V. 1. P. 98—99.

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 40.

К о п и я: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 3. Л. 2 — авторизованная; с указанием порядка расположения текста: 2.3; без подписи: Оссиан. Заглавие «Барды» с подчеркиванием — рукою Жуковского.

В копии имеются небольшие разночтения по сравнению с автографом и печатным текстом:

…шумящий мох твой пробудит его сны… — …пробудит его сны шумящий мох твой…

…с голубыми щитами… — …с грозными щитами…

…и луна туманная осветит… — … и луна туманная отворит…

Ср. современный перевод Ю. Д. Левина:

> Под пение бардов я взял из источника камень. В тине, его покрывавшей, застыла кровь супостатов Фингаловых. Внизу положил я три навершия вражьих щитов, расстоянье меж ними отмерив согласно тому, как подымалась и затихала Уллина песня ночная. Тоскар в землю сложил кинжал и кольчугу из звонкой стали. Камень мы окружили насыпью и повелели ему вещать грядущим годам.
>
> Тинистое чадо потоков, подъятое ныне ввысь, вещай бессильным, о камень, когда племя Сельмы исчезнет! Гонимый бурною ночью путник ляжет возле тебя; твой свистящий мох зазвучит в его снах; ушедшие годы воротятся. Битвы встанут пред ним, лазревощитные короли сойдутся на брань, луна, омрачась, взглянет с небес на возмущенное поле. Поутру он очнется от снов и увидит вокруг могилы воителей. Он спросит о камне, и старец ответит: «Этот серый камень воздвиг Оссиан, вождь минувших годов»
>
> (*Макферсон Джеймс*. Поэмы Оссиана. Л., 1983. С. 272—273. Отрывок из поэмы «Кольна-дона»).

[18] *Die Poesie lebte im Ohr des Volkes ~ Musik und Seele. Herder.* — Отрывок из статьи И. Г. Гердера «Предисловие к народным песням» (*Herder J. G.* Sämmtliche Werke.

Bde 1—33. Tübingen, 1805—1810. Zur schönen Literatur. Th. VIII. S. 71). Это издание имеется в библиотеке поэта, где отчеркнут данный фрагмент. Подробнее см.: *Ремерова*. С. 159.

Перевод:

> Поэзия жила на слуху народа, на устах и в звуках арфы живых певцов; она воспевала историю, события, тайны, чудеса и знамения; она выражала неповторимое своеобразие каждого народа, его языка, страны, его деяний и предрассудков, страстей и дерзаний, его музыки и его души.

IV
[19]*Предание*

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 39 об.

К о п и я: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 3. Л. 2—2 об. — авторизованная, с заглавием: «Предание. Песнь народная» — рукою Жуковского.

Д а т и р у е т с я: между 14 и 27 ноября 1828 г. по местоположению в рукописи.

И с т о ч н и к: Поэма Адама Мицкевича «Конрад Валленрод». Отрывок «Песни Вайделота» из 4-й части «Пир».

Подробнее см.: *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский — переводчик отрывка из поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод» // Историко-литературный сборник: К 60-летию Леонида Генриховича Фризмана. Харьков, 1995. С 33—39.

V
[20]*Письмо*

Kennt ihr eine Mutter? Sie trägt viel Kinder im Schoosse… ~ Sapho. Übersetz. von Herder.

И с т о ч н и к: гердеровская антологическая эпиграмма «Blumen. Ein Rätsel der Sapho» (*Herder J. G.* Sämmtliche Werke. Th. X. S. 95). См. примеч. 18.

Заглавие «Письмо» относится не к тексту стихотворения Сафо, а к рубрике, которая в планах к журналу обозначена так: «Переписка. 1. Письмо» (РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 3 об.).

VI
История

[21] *Сосуд серебряный с плодами золотыми.* — Это изречение открывает раздел «История» и по всей вероятности, как и все последующие, является одной из ее характеристик. Источник установить не удалось.

[22] *История есть душа памяти ~ светильник истины.* — Неточная цитата из второй книги трактата Цицерона «Об ораторе (к брату Квинту)» 9.36: «Historia vero testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuntia vetustatis»

(«История — свидетельница времен, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестница старины». Перевод Ф. А. Петровского).

[23] *История в некотором смысле есть священная книга народов ~ пример будущего.* — Отрывок из «Вступления» к «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина.

[24] *S'illustrer ~ autres. Salluste*

И с т о ч н и к: *Гай Саллюстий Крисп.* О заговоре Катилины (1, 3).

Ср. русский перевод В. О. Горенштейна:

> Поэтому мне кажется более разумным искать славы с помощью ума, а не тела, и, так как сама жизнь, которой мы радуемся, коротка, оставлять по себе как можно более долгую память (*Гай Саллюстий Крисп.* Сочинения. М., 1981. С. 5).

[25] *Геродот. ~ Herder.* — Источник неизвестен.

[26] *Als Herodotus ~ ein Buch. Herder*

Дистих И. Г. Гердера из десятой части серии «Zur schönen Literatur und Kunst» (Johann Gottfried von Herder's Sämmtliche Werke. Bde 1—33. Tübingen, 1805—1810. Th. 10. S. 95). Экземпляр этого издания находится в библиотеке поэта с его многочисленными пометами (Описание. № 12780). Среди материалов, относящихся к журналу «Собиратель», сохранился автограф перевода этого двустишия:

> Некогда Муз угостил у себя Геродот дружелюбно!
> Каждая Муза ему книгу оставила в дар)[a].
>
> (РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 40)

Трудно сказать, почему Жуковский не опубликовал этот перевод в «Собирателе», как он это делал в других случаях (см. примеч. 10, 11). При жизни он так и не был опубликован (подробнее см.: ПССиП. Т. 1. С. 649).

[a)] *Каждая Муза ему книгу оставила в дар.* — «История греко-персидских войн» Геродота в том виде, каком она дошла до нас, состоит из девяти книг, каждая из которых названа по имени одной из Муз. Неслучайно нередко ее именовали «Музами».

[27] *Thucydide sur son Histoire.* — Фрагмент из «Истории» Фукидида во французском переводе Пьера Шарля Левека (P. Ch. Levesque; 1737—1812).

СОБИРАТЕЛЬ. № II

ОТРЫВКИ

I

[1]*Человек*

Перевод статьи «Человек», являющейся фрагментом из «Натуральной истории» Бюффона.

II

[2]*Природа, преобразованная человеком*

Источник — статья «La nature brute et la nature cultivée» («Природа дикая и природа обработанная») из «Натуральной истории» («Histoire naturelle». T. 1—56. Paris, 1799—1809. Série A. Matières générales. T. 23. P. 363—365) французского натурфилософа Жоржа Луи Леклерка Бюффона (1707—1788).

Впервые Жуковский перевел этот фрагмент под заглавием «Натура дикая и натура обработанная» в 1805—1806 гг. для хрестоматии «Примеры слога…» (см.: ПССиП. Т. 8. С. 384—385).

III

[3]*Общество человеческое, преобразованное христианством*

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 4 об. — 5.

Источник: «Die Gestaltung Europa's seit Mittelalters bis auf die neueste Zeit nach dem Wiener Kongress» («История Европы с Средних веков до новейшего времени после Венского конгресса») немецкого историка Фридриха Христиана Гассе (Hasse; 1773—1848). В конце 1826 г. (дневниковая запись от 17 (29) ноября), находясь в Дрездене и готовясь к занятиям с наследником, Жуковский начал слушать курс его лекций (ПССиП. Т. 13. С. 252). Одновременно с ним эти лекции посещал А. И. Тургенев, который оставил краткий их конспект (*Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский и А. И. Тургенев в литературных кружках Дрездена // ЖМНП. 1905. Т. 5. С. 164—165). Как он сообщал, целая лекция была прочитана «о следствиях христианской религии и о вступлении из древней в новую историю» (Там же).

Далее приводятся черновые варианты автографа:

а) *Нравы римлян были испорчены, хотя законы их были превосходны…* — Законы римские были превосходны, но их нравы были совершенно испорчены.

б) *Против сего всеобщего врага…* — Против сего всеобщего разврата…

в) *Душная туча деспотизма…* — Гроза деспотизма…

г) *…свирепое безумство…* — …бешеное безумство…

д) *…разум оцепенел…* — …разум скрылся…

е) *Общественное и политическое здание древнего света готово было исчезнуть, поглощаемое бездною Рима.* — Бездна Рима готова была поглотить шатавшееся здание древнего…

ж) *…на почве Рима…* — …на земле Рима…

з) *…отсутствием воспитания.* — …отсутствием публичного воспитания…

и) *…жизнь общественную…* — …жизнь гражданскую…

к) *Рабы ~ ползали…* — Паразиты ~ пресм<ыкались>…

л) *…только с неба мог низлиться спасительный свет…* — …только с неба надлежало сойти спасительному свету…

м) *…богатых, знатных и ученых…* — …богатых, могущих и сильных…

н) *…наших надежд…* — …наших желаний…

[o)] *Убедительнее…* — Яснее…

[п)] *…с Богом…* — …с Богом ее создавшим…

[р)] *…сие восхитительное…* — …сие непорочное…

[с)] *…источнику бессмертия…* — …источнику бессмертия, освящающему жизнь, дружащему с землею, но которая отторгает от земной ничтожности…

[т)] *…знакомит с ее величием…* — знакомит с великою целью, дружит с судьбою, изъясняет…

IV

[4]*Gott und Natur*

В этот раздел вошло 4 фрагмента: 1) I Buch der Könige. Cap. 19. — Источник немецкого перевода Первой книги Царств установить не удалось.

V

[5]*Смертный и боги*

Ц. Вольпе считал, что стихотворение Жуковского «написано под влиянием идей Гёте о гармонии сфер», имея в виду «Фауста» (Стихотворения. Т. 2. С. 515). По мнению Н. Б. Реморовой, это, скорее всего, травестийный текст самого поэта, вступающий в диалог с предыдущими текстами «Собирателя» (ПССиП. Т. 1. С. 648).

VI

[6]*Полтавский бой*

Отрывок из поэмы А. С. Пушкина «Полтава»

Поэма Пушкина вышла из печати 27—28 марта 1829 г. По всей вероятности, Жуковский принимал активное участие в ее издании. В журнале он напечатал отрывок из «Полтавы», включающий 148 стихов из третьей песни (ст. 65—83, 153—246, 293—327). В его центре — образ Петра I и картина Полтавского боя. Этому единству отобранного материала способствует заглавие, принадлежащее публикатору, и три фрагмента, каждый из которых воссоздает основные этапы события: накануне боя, сам бой и пир Петра после боя.

Появление этого поэтического произведения далеко не случайно. Тема Петровской эпохи и образ Петра Великого — важный момент воспитания наследника. В апреле 1827 г. император Николай I подарил сыну портрет Петра I (*Захарова Л.* Наследник // Историк и художник. 2004. № 1. С. 185). Жуковский преподнес наследнику бюст Петра к новому 1829 году (см.: Лямина, Самовер. С. 108). В записной книжке, среди материалов к «Собирателю», Жуковский, говоря о миссии Русского Государя, записывает:

> Быть Русским Государем есть любить Россию, гордиться именем русского, желать блага русским предпочтительно перед другими народами, действовать для

того, чтобы поставить русских на ту степень, на которой стоят народы, более их образованные. <…> Такую любовь к России имел Петр Великий. Он знал, чего недоставало его народу, но он за то не презирал его! и от того именно имел он во всем успех.

(ПССиП. Т. 13. С. 303—304).

Известно, что пушкинская поэма была одобрена царским двором (Николай I. Муж, отец, император. М., 2000. С. 225). Сам император, придававший особое значение деятельности Петра I, не мог не приветствовать появления отрывка из «Полтавы» в «Собирателе».

VII

[7]*Мысли, заимствованные из древних и новых классиков*

[а)] *Есть Бог. ~ Нет доброго без Бога. — Сенека.* Нравственные письма к Луциллию. XLI.

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 3 об.

[б)] *Лучше искать ~ долгую память.* — Саллюстий.

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 3 об. Черновой вариант: Лучше испить славы духом, нежели силою, чтобы после краткой жизни оставить долгую память [Без указания автора].

И с т о ч н и к: *Гай Саллюстий Крисп.* О заговоре Катилины. 1.3.

Ср. современный перевод:

Поэтому мне кажется более разумным искать славы с помощью ума, а не тела, и, так как сама жизнь, которой мы радуемся, коротка, оставлять по себе как можно более долгую память.

(*Гай Саллюстий Крисп.* Сочинения. М., 1981. С. 5. Перевод В. О. Горенштейна)

В библиотеке Жуковского: 1) Oeuvres de Salluste. Trad nouv., par Dureau-Delamalle. T. 1—2. Paris, Guiguet et Michaud, 1808. На контртитулах обоих томов надписи: «Из книг Никиты Муравьева» (Описание. № 2018); 2) Cajus Sallustius Crispius Werke. Übersetzt von August von Goeriz. Stuttgart, J. B. Metzler, 1828—1838 (Описание. № 2019).

[в)] *Самонадеянность ~ людей малодушных.*

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 3 об. Черновой вариант: Самонадеянность есть порок счастливого невежества: она принадлежность людей малодушных. Фукидид.

[г)] *Не должно думать ~ бороться с самою необходимостью.*

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 3 об. Идентичен печатному тексту.

И с т о ч н и к: *Фукидид.* История. Кн. 1. 84—4.

Ср. современный перевод:

Не думайте только, что люди так уж резко отличаются друг от друга, но сильнейший всегда тот, кто воспитан в самых суровых правилах.

(*Фукидид.* История. Кн. 1. 84.4. Л., 1981. С. 39. Перевод Г. А. Стратановского)

В библиотеке Жуковского имеется следующее издание: *Thucydides.* Geschichte des Peloponnessischen Kriegs. Übersetzt von C. N. Osiander. Stuttgart: J. B. Metzler, 1826—1829 (Описание. № 2260).

д) *Much bending ~ himzelf. — Bakon.* Troughts and Quotes.

е) *Nichts ist was die menschliche Natur ~ alle grosse Dinge ausgeführt worden. —* Отрывок из Истории И. Миллера.

В материалах к журналу (РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 3 об.) этот афоризм дан в русском переводе: Человек до всего достигнет, если только всю свою жизнь расположит по плану. Великие дела произведены твердостью и постоянством.

ж) *Liegt dir gestern klar und offen…~ Бывшим будущее ясно. —* Параллельный текст с русским переводом Жуковского. Источник: Гёте. Кроткие ксении (раздел 4).

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 3 об. — черновой. Вариант 1 ст.: Если был ты чист *вчера*…

з) *Wär nicht das Auge Sonnenhaft…~ Кто б Божественным пленялся. —* Параллельный текст с русским переводом Жуковского. Источник: Гете. Кроткие ксении (раздел 3).

и) *Il faut penser ~ s'il ne s'augmente. —* Ст. 42—45 (последняя строфа) из станса «Сестре Фридриха Великого, прусского короля» («A la soeur de Fréderic-Le-Grand, roi de Prusse») Вольтера.

к) *Les grandes pensées viennent du coeur. — Вовенарг.* Размышления и максимы. № CXXVII. Л., 1988. С. 168. Ср. русский перевод: Самые высокие мысли подсказывает сердце.

ВЫПИСКИ

I

[8]*Человек, предмет истории. Воспитание рода человеческого. Достоинство человека*

а) *Мы люди: мы ни к чему человеческому не можем быть равнодушны. — Теренций.* Братья.

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 7. Черновой вариант: Мы люди! [ничто человеческое, ничто человеческое не должно] мы ни к чему человеческому не можем быть равнодушны.

б) *Dans l'histoire ~ les ruines des empires. L. —* Возможно, имеется в виду французский перевод отрывка из сочинения Лессинга «Die Erziehung des Menschengeschlechts».

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 7. Идентичен печатному тексту.

в) *Учение о бессмертии души ~ на гробе народов. — Гердер.* Идеи к философии истории. Ч. 2. Кн. 6.

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 7. Идентичен печатному тексту.

г) *L'homme toujours jeune ~ Deus afflavit et dissipata est. —* Источник неизвестен.

д) *Vers la limière. ~ avec ses antipodes. L. —* Источник неизвестен.

II

[9]*Природа человека и его отношения*

[а)] *Ум изобретает ~ рука исполняет*. — Цицерон.

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 7. Идентичен печатному тексту.

[б)] *Рука человека творит в природе другую природу*. — *Цицерон*. О природе богов. Ср. современный перевод: «Наши руки как бы создают в природе вторую природу».

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 7. Вместо « человека» — «человеческая».

[в)] *Язык, орудие ума ~ установило законы*. — *Гердер*. Идеи к философии истории. Ч. 2. Кн. 6.

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 7. Вместо «обуздав его страсти» — «укротив его необузданные страсти».

Во время подготовки «Собирателя» 4 июня 1828 г. Жуковский берет из библиотеки наследника сочинение И. Г. Гердера «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit; mit einer Einleitung von Lüden. T. 1—2. Leipzig, 1821» (Ребеккини. С. 107).

[г)] *Die Red' ist uns gegeben ~ Das uns befallen hat*. — *Dach Simon*. Lob der Freundschaft.

Жуковский приводит немецкий текст второй строфы стихотворения «Цена дружбы» немецкого поэта эпохи барокко Симона Даха (1605—1669). Ср. русский перевод:

Нам речь для доброй цели
Дала природа-мать,
Чтоб мы всегда умели
Друг друга понимать.
В сердечном разговоре,
Что с другом друг ведет,
Любое стихнет горе,
Любая боль пройдет.

(Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 201. Пер. Л. Гинзбурга)

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 7. Идентичен печатному тексту.

[д)] *L'homme est droit ~ au dessus de lui*. — *Fenelon*. Traité de l'existence et des attributs de Dieu. Partie 1. Chapitre 2. S. 22—23.

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 7. Идентичен печатному тексту.

[е)] *L'homme tendant ~ au ciel*. — Цитата из трактата французского богослова и философа Пьера Шаррона (1541—1603) «Книги о мудрости» («De la saggese». Livre 1—3. Paris, 1820).

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 7. Идентичен печатному тексту.

[ж)] *L'homme un roseau pensant*. — Известное изречение французского мыслителя Блэза Паскаля «Человек есть мыслящий тростник».

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 7. Идентичен печатному тексту.

[з)] *Der Weisheit ~ Strahl*. — *Baco*.

Цитата из первой главы третьей книги трактата «О достоинстве и приумножении наук» (1623) английского философа Фрэнсиса Бэкона (1561—1658) в

немецком переводе. В немецкой традиции фамилия английского философа получила латинизированное написание Baco (Baco von Verulam), которое и употребляет Жуковский. Ср. русский перевод:

> У философии троякий предмет — Бог, природа, человек и сообразно этому троякий путь воздействия. Природа воздействует на интеллект непосредственно, т. е. как бы прямыми лучами; Бог же воздействует на него через неадекватную среду (т. е. через творения) преломленными лучами; человек же, становясь сам объектом собственного познания, воздействует на свой интеллект отраженными лучами».
>
> (*Бэкон Ф.* Сочинения: В 2 т. М., 1971. Т. 1. С. 209)

В библиотеке поэта имеется следующее издание его сочинений на английском языке: Essays, moral, political and economical, by Francis Bacon… London, 1819 (Описание. № 2580).

[и] *Die Wissenschaft ~ springen.* — Цитата из сочинения Фрэнсиса Бэкона «Новый Органон». Ср. русский перевод: «Подобно воде, наука имеет своим источником или небесные сферы или землю».

[к] *Les vérités divines ~ connaitre. — Pascal.*

III

[10]*Породы и степени гражданственности*

[а] *Un annaliste oriental ~ disparu.* — Источник установить не удалось.

[б] *Scheu in des Gebirges Klüften ~ Kann er frey und mächtig seyn.* — 2-я и 26-я строфы из баллады Ф. Шиллера «Das Eleusische Fest» («Элевзинский праздник»). В 1833 г. Жуковский сделал ее перевод, в котором напечатанные в «Собирателе» строфы получают следующее прочтение:

Робок, наг и дик скрывался
Троглодит в пещерах скал;
По полям Номад скитался
И поля опустошал;
Зверолов с копьем, стрелами,
Грозен, бегал по лесам…
Горе брошенным волнами
К неприютным их брегам!
……
«В лесе ищет *зверь* свободы,
Правит всем свободно *бог*,
Их закон — закон природы.
Человек, приняв в залог
Зоркий ум — звено меж ними, —
Для гражданства сотворен:
Здесь лишь нравами одними
Может быть свободен он».

(*Курсив Жуковского*)

[в)] *Les peuples chasseurs ~ parents.* — Источник неизвестен.
[г)] *La vie des pécheurs ~ souterraines.* I в. — Источник неизвестен.
[д)] *Les pútres. ~ despotisme oriental.* I в. — Источник неизвестен.
[е)] *Die Araber. ~ Goethe.*

Перевод:

Арабы

Тюрбаны их короны, шатры их стены, мечи их ограды, песня их предание. Гёте.

По всей вероятности, источником этого суждения Гёте является стихотворение «Vier Gnaden» из его книги «West-Östlicher divan» («Западно-восточный диван»). Жуковский, взяв заглавие из «Статьи и примечаний…», далее дает прозаический концепт-вариацию по мотивам стихотворения. Ср. в современном переводе В. Левика:

Четыре блага

Арабам подарил Аллах
Четыре высших блага,
Да не иссякнут в их сердцах
Веселье и отвага.

Тюрбан — для воина пустынь
Он всех корон дороже.
Шатер — в пути его раскинь,
И всюду кров и ложе.

Булат, который тверже стен,
Прочней утесов горных,
И песню, что уводит в плен
Красавиц непокорных…

(*Гёте Иоганн Вольфганг.* Западно-восточный диван. Сер. «Лит. памятники». М., 1988. С. 9)

[ж)] *Les agriculteurs. ~ sa troisième période.* — Цитата из сочинения французского философа-просветителя Мари Жана Антуана Никола Кондорсе де (1743—1794).
[з)] *Der Pelug. — Schiller.*
Источник: Parabeln und Rätsel. № 10. (*Шиллер Ф.* Притчи и загадки. № 10). Заглавие дано произвольно на основании разгадки: *Плуг.* Ср. русский перевод Е. Эткинда:

Не всюду он в почете равном,
Но императору весной
Он служит украшеньем славным,
Хоть он мечу и брат родной.

Наносит раны он, но кровь не льет народа,
Богатство множит он, людей не обобрав.

Покорена им вся природа
И мощь основана держав.

Он побеждал путем достойным,
Не убивая никого.
Он чужд насилиям и войнам;
И благо тем, кто чтит его.
(*Шиллер Фридрих*. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М., 1955. С. 336)

IV

[11]*Уважение древних римлян к земледелию*

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 4.

[а)] …(*говорит Плиний*)…— Плиний Секунд Гай. Естественная история // *Катон, Варрон, Колумелла, Плиний*. О сельском хозяйстве. М.; Л., 1937. С. 232—233.

[б)] …по словам Катена, было имя искусного земледельца. — Катон Марк Порций. О земледелии. // Там же. С. 89.

V

[12]**Homer.** *Zeiten hinab ~ einen Homerus der Welt! Herder*

И с т о ч н и к: *Johann Gottfried von Herder's* Sämmtliche Werke. Bde 1—33. Tübingen, 1805—1810. Th. 10. S. 53. Четверостишие взято из 10-й части серии «Zur schönen Literatur und Kunst».

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 4. Вслед за немецким текстом, идентичным печатному, Жуковский дает свой перевод, не вошедший в «Собиратель»:

[Время летит] Веки идут, и веки [проходят] уходят, а пенье Гомера
Всё раздается, и свеж, вечен Гомеров венец.
Долго думав. Природа создала и, создавши,
Молвила так: одного будет Гомера земле!
(Ср.: ПССиП. Т. 2. С. 265)

Перевод точно передает смысл и форму подлинника.

[13)] **Lycurg**. — *Raumer*.

Сочинение немецкого историка и политика Фридриха фон Раумера (1781—1873) во французском переводе.

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 3 об. — русский перевод без французского текста:

Редко в человеке свойства, необходимые законодателю, соединяются так, как в Ликурге. Ясность ума и умеренность, глубокость мысли и сила воли, внутренняя кротость и строгость наружняя, величайшее [умение] управлять человеческим сердцем.Он заключил весь путь жизни героическою смертью спартанца.

Во время подготовки «Собирателя» 21 марта 1829 г. Жуковский брал из библиотеки наследника сочинение Раумера «Über die geschichtliche Entwickelung der Begriffe

von Recht, Staat und Politik». Leipzig, 1826. (Ребеккини. С. 114). Интерес к этому сочинению Жуковский проявлял и позднее, о чем свидетельствует его издание 1832 г., находящееся в личной библиотеке поэта с его пометами (Описание. № 1902).

[14] **Thésée**. — *Racine Jean*. Phèdre. Act I. Scene 1.

Ср. русский перевод М. Донского:

Какой ты зажигал во мне душевный пыл,
Когда о подвигах отцовских говорил:
Как он явился в мир, чтоб заменить Геракла,
Напомнить, что средь нас геройство не иссякло;
Как истреблял он зло. С твоих ловил я уст
Рассказ, как смерть нашли Скирон, Синид, Прокруст,
Как великана он сразил близ Эпидавра
И как освободил он Крит от Минотавра.
(*Расин Жан.* Трагедии. Серия «Лит. памятники». Новосибирск, 1977. С. 249)

МУРАВЕЙНИК

В журнале «Муравейник», который выходил в течение 1831 г. (было подготовлено 5 выпусков) Жуковским были продолжены эксперименты, начатые в «Собирателе». Вновь проявленный интерес к форме «полуальманаха-полужурнала», как называл «Муравейник» Н. П. Смирнов-Сокольский (*Смирнов-Сокольский Н. П.* Книги, изданные для немногих // Рассказы о книгах. М., 1977. С. 166), еще раз подтверждает ее органичность и для творческих поисков рубежа 1820—1830-х гг. самого Жуковского, и для тех процессов, которые происходили в русской литературе этого времени. Интересно уже заглавие издания. Оно не только является образным выражением авторской модели мира, но и указывает, как и предыдущий журнал, на общий принцип организации материала, специально подчеркивая отсутствие твердой канонической жанровой формы. В этом плане весьма характерен подзаголовок к «Муравейнику»: «*Листы*, издаваемые *неизвестным* обществом *неученых* людей» (выделено мною. — *И. А.*). Кроме того, «Муравейник» несет в себе идею некоего коллективного автора. Его фигура отчасти мистифицируется, отчасти же являет собой реальный факт.

Известно, что в «Муравейник» вошли, наряду с произведениями Жуковского, специально написанными или переведенными для журнала, ученические переводы членов царской семьи, отредактированные писателем. Н. П. Смирнов-Сокольский перечисляет авторов «Муравейника». Кроме самого Жуковского, выполнявшего и роль редактора, в их число входили великий князь Александр (подписывался А. Р.), великие княжны Мария и Ольга (подписи: Р. М., RM, М. и Р. О., О.), а также граф И. Виельгорский (подписывался: В.) и А. Паткуль (подпись: П.). В связи с этим следует обратить внимание на некоторый элемент шутливости, «домашности» названия, что также подчеркивает экспериментальный характер альманаха. Жуков-

скому дорога сама мысль свободного объединения предельно пестрого материала, причем не по традиционному жанрово-тематическому или хронологическому признаку, а при помощи условной, шутливой, даже игровой модели «муравейника», «кучи», которую складывают все, каждый и вместе с тем никто по отдельности. Отсюда характерная для «Муравейника» свобода сюжетных, жанрово-родовых, стилевых переключений, взаимодействий, творческих экспериментов. Альманах свидетельствует о том, что на рубеже 1820—1830-х гг. у Жуковского значительно возрастает стремление к синтетическому искусству слова, к преобразованию с помощью искусства пестрого хаоса реальности в единство и гармонию.

В своем стремлении к синтезу Жуковский необычайно многообразен и непредсказуем. Он декларативно объединяет «мысль» и «поэзию», философию, этику и художественность, образность. Он утверждает слияние дидактики и психологизма. Используя форму «муравейника», Жуковский объединил в рассматриваемых изданиях свои и чужие тексты, переводные и оригинальные произведения, стихотворные повести и их прозаические переложения. Тексты, составляющие номера «Муравейника», на первый взгляд, совершенно самостоятельны, разнородны, но их объединение в одном издании отнюдь не случайно, порядок следования в номерах имеет свою логику, их толкование зависит от общего контекста. Перед нами особый творческий замысел с идеей синтеза как главной смысло- и поэтообразующей концепции.

Таким образом, в прозаической части «Муравейника» выстраивается целая система самых разных повествователей — от реального лица до вымышленного рассказчика и даже символического образа ангела. В прозаических сочинениях Жуковского представлена довольно пестрая картина мира — от русского села Покровское, взятого в его современном бытии, до Вселенной, изображаемой в ее вечности. При этом автор «Муравейника», соединяющий в себе всех повествователей, все их «взгляды», выстраивает своеобразный «сюжет» издателя, характеризующийся эпической полнотой изображения жизни, ориентированный на создание единства из фрагментов. Если же учесть стихотворный контекст прозы «Муравейника», то все названные особенности укрупняются еще больше. На смену стихам в журнале органично приходит проза, стихи и проза могут идти в нем как бы в параллель друг другу. Философия включается в психологию, художественный текст дополняет философский и т. д. Тем самым протягиваются нити из одной сферы духовной деятельности человека в другую, смысл названия альманаха раскрывается до конца.

Свободная композиция отдельных номеров «Муравейника» и их подборки в целом не дает возможности усмотреть какой-то один последовательно выдержанный принцип организации материала. Беспорядка же не возникает в «Муравейнике» в связи с тем, что в нем последовательно реализуется идея свободного органического соединения того, что до сих пор считалось (в эстетических учениях) несоединимым. По сути, все тексты «Муравейника» становятся контекстом друг для друга, причем эта взаимосвязанность материала задана автором как отражение его понимания миропорядка. В подборе и расположении текстов чаще всего действует

ассоциативная логика, сложность живого взгляда на мир, воссозданная Жуковским многогранность мира и человеческого сознания.

А. С. Янушкевич отмечает характерный факт появления почти одновременно «Баллад и повестей» Жуковского, «Повестей Белкина» Пушкина и «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя. Исследователь видит в этом «обозначение новой эпохи русской прозы», «три пути формирования» национального эпоса (*Янушкевич*. С. 190—191). Соглашаясь с этим, отметим еще одно, думается, тоже неслучайное совпадение в истории русской литературы: «журналы одного автора» Жуковского, «Собиратель» и «Муравейник», явно предваряют «Арабески» Гоголя, «воодушевлявшего», по выражению М. Вайскопфа, русскую культуру 1830-х гг. своими попытками синтеза искусства и природы, эстетики и натурфилософии, действительности и «небесной мысли» (см.: *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993. С. 192), пушкинский «Современник», журнальная форма которого «использовалась поэтом как конструктивная возможность для обозначения соотнесенности текстов разного рода» (*Олейникова Т. А.* «Современник» А. С. Пушкина: заглавие и жанр // Проблемы литературных жанров. Ч. 1. Томск, 2002. С. 141), «Русские ночи» В. Ф. Одоевского — издания, которые прокладывали еще один путь развития русской прозы. Бытийные проблемы здесь помещаются в самые разные контексты духовной жизни человека, намечая многогранность их освещения и решения. Мир «Муравейника» — это мир идей и истин (философских, эстетических, религиозно-этических), тяготеющих к собиранию в целое. Наметившиеся здесь тенденции получат свое закономерное развитие и в поздней прозе Жуковского, и в его лиро-эпосе 1840-х гг., и в русском романе XIX в., где автор возьмет на себя множество функций: повествователь, философ, историк, психолог и т. д. — в их органичном соединении.

№ I

Эпиграф на титульном листе — последние шесть стихов элегии Ф. Шиллера «Die Ideale», имеющей богатейшую историю русской рецепции. Перевод Жуковского, озаглавленный «Мечты. Песня», был сделан в первой половине 1812 г. (см. комментарий О. Б. Лебедевой в т. 1 настоящего ПССиП, с. 586—589), но эти стихи в нем отсутствуют. Ср. русский перевод К. Аксакова:

Ты никогда не изнуряешь,
Не разрушая ты творишь; —
Слепляешь среди сил природы
Песчинку за песчинкой ты,
За то минуты, дни и годы
У времени тобой взяты.

Эпиграф к № 1 — цитата из «Der Philosoph für die Welt» И. Я. Энгеля (новелла «Entzückung des las Casas. Oder: Quellen der Seelenruhe»).

Взгляд на землю с неба
(«Есть светлая сторона…»)
(С. 248)

Автограф неизвестен.

В прижизненных изданиях: С 5. Т. 7. С. 229—234 (в подборке «1831 год»). Текст идентичен публикации в «Муравейнике».

Датируется: не позднее января 1831 г.

Статья, открывающая № 1, подписана: W. Z. (В.<асилий> Ж.<уковский>. — *И. А.*). Она посвящена сложнейшей философской, нравственно-этической проблематике, продолжая начатый в «Собирателе», в частности в статье «Взгляд на мир и на человека», разговор о природе человека, о его месте в мире. Данные публикации «Собирателя» и «Муравейника» очень характерно перекликаются даже своими названиями. Достраивая до целого картину мироздания, представленную во «Взгляде на мир и на человека», во «Взгляде на землю с неба» Жуковский вводит новую, символическую по своей сути, фигуру повествователя: читателю предлагается взглянуть на земной мир глазами ангела, «первенца любви Божьей». Ангел передает свое восприятие вселенной тоже с помощью символических образов «светозарного океана», «капель», «волн», «светлой пыли». Поскольку этот универсум рассматривается с неба, из особой пространственной точки, постольку все, происходящее с «пылинками» и «каплями», совершается с молниеносной скоростью. Ангел чуть ли не в чистой одновременности видит рождение и смерть «пылинок». Важнейшей в статье становится идея прозрения в земном конечном бытии бесконечного, высшего смысла.

Образ ангела, от лица которого ведется повествование во «Взгляде на землю с неба», вводит в текст мотив посредничества между «горним» и «дольним», что и позволяет, с одной стороны, создать в статье целостную и одухотворенную модель бытия, а с другой — органично соединить философию, этику, эстетику, религию и художественность. Кроме того, образ ангела, который, начиная с 1820-х гг., волнует воображение Жуковского таким важнейшим для ветхозаветной традиции мотивом, как грехопадение, дает возможность акцентировать во «Взгляде на землю с неба» идею жизнестроительства, связав ее с философией страдания. Понятие веры, кроме того, принципиально соединяется с идеей свободного внутреннего выбора, которым человек наделен от рождения и которым он отличается от совершенных ангелов. Именно внутренняя свобода человека осмысливается автором «Взгляда на землю с неба» как «источник стремления к лучшему» и вместе с тем как источник «волнений, борьбы», придающих смысл «минутной жизни» человека «во прахе», названной ангелом «*смятенным бытием*».

Большая часть статьи посвящена проблеме веры, которая и станет одной из центральных в позднем творчестве Жуковского.

Цид
Извлечение из древних романсов испанских
(«Горные испанцы вместе с религиею…»)
(С. 253)

Автограф неизвестен.

Впервые: Муравейник. 1831. № 1. С. 9—10.

В прижизненных изданиях: БП и БиП; С 4; С 5.

Датируется: январь 1831 г. по указанию автора (РНБ. № 35. Л. 8 об.) и времени первой публикации.

Предисловие к стихотворным переводам испанских романсов о Сиде. Подробную историю его создания, а также описание его источников см.: ПССиП. Т. 5. С. 372—373.

[1] *визиготфов.* — Т. е. вестготов — древнегерманское племя, составлявшее западную ветвь готского племенного объединения.

[2] *…языка романского.* — Название романский происходит от латинского слова Romanus (римский).

[3] *Санхо Великий* — король наваррский и арагонский (970—1035).

[4] *Дон-Родриго Диац (сын Диега), прозванный Цаидом или Цидом (господином) побежденными им маврами.* — Родриго Диас де Бивар — известный испанский военачальник эпохи Реконкисты (1040—1099).

[5] *С женской стороны происходит он от древних графов кастильских.* — Мать Родриго Диаса де Бивара — Тереса Родригес, дочь графа Овьедо Родриго Альвареса, потомка по отцовской линии Лаино Кальво, одного из двух судей Кастилии.

[6] *…сохранены в народных песнях или романсах…* — См. об этом подробнее во вст. статье Н. Томашевского к кн.: Героические сказания Испании и Франции. М., 1975. С. 5—25.

I.
Цид в царствование короля Фердинанда
(«Пятерых Царей неверных…»)
(С. 253)

Автографы: 1) РНБ. Оп. 1. № 33. Л. 1—14 (с оборотами) — «Прозаический перевод отрывков из гердерова перевода “Сида”» (условное и ошибочное заглавие, данное И. А. Бычковым).

Впервые: Муравейник. 1831. № 1. С. 9—12. Подписан: W. Z.

В прижизненных изданиях: БП и БиП с заглавием «Отрывки из испанских романсов о Сиде»; С 4 в разделе «Баллады» с тем же заглавием; С 5 с заглавием: «Сид. Отрывок» (в подборке 1832 г.).

Д а т и р у е т с я: январь 1831 г. по указанию автора (РНБ. № 35. Л. 8 об.) и времени первой публикации.

Как установлено Н. Б. Реморовой, этот перевод Жуковского делался по испанскому тексту, без иноязычного посредника (в частности, перевода Гердера, как ошибочно указывалось в С 5). Подробную историю создания текста, описание его источников, художественного своеобразия, реальный комментарий см.: ПССиП. Т. 5. С. 363—379.

[7] *…в царствование короля Фердинанда.* — Имеется в виду Фердинанд I Кастильский (1016/1018–1065), считается первым королем Кастилии (с 1037 г.). Родриго Диас де Бивар (ок. 1041–1099), был произведен в звание рыцаря при дворе Фердинанда I в 1065 г.

[8] *Пятерых царей неверных / Дон Родриго победил…* — Родриго Диас де Бивар одержал за свою жизнь множество побед, за что вошел в историю Реконкисты под именем Кампеадор (Победитель). Можно предположить, что здесь имеются в виду победы над маврами, а также исламскими правителями Испании, в междуусобные войны которых вмешивались христианские короли и графы.

[9] *Полных семь лет без успеха / Неприступную Коимбру / Осаждал Дон Фердинанд!* — город был окончательно освобожден от мавров в 1064 г., после чего, как сообщается в хрониках, Фердинанд I в городской мечети посвятил Родриго Диаса в рыцари.

[10] *Но является Сан-Яго, / Рыцарь Господа Христа…* — Имеется в виду Иаков Зеведеев (Иаков Старший), апостол Христа (исп. Santiago).

[11] *Только не дал аколлады* — От фр. accolade — объятие; здесь как элемент церемонии посвящения в рыцари.

[12] *Ибо то уж для другого / Было сделано им прежде.* — См. прим. к ст. 55 в: ПССиП. Т. 5. С. 377.

[13] *Посрамлен навеки древний, / Знаменитый дом Ленесов…* — Отец Родриго Диаса, Диего Лайнес де Бивар, принадлежал к древнему испанскому роду Лайнесов.

[14] *Иниги* — См. прим. к ст. 7 в: ПССиП. Т. 5. С. 344.

[15] *Аварки* — См. прим. к ст. 8 (Там же).

[16] *Дон Гормас* — В поэме «Родриго» (XIV — начало XV в.) рассказывается о юности Сида, в частности, о том, как на поединке он убивает графа Гомеса де Гормаса за то, что тот совершил грабительский набег на владения его отца, а затем, по приказу короля Фердинандо I женился на дочери графа Химене. Эта история легла в основу пьесы «Юность Сида» испанского драматурга Г. де Кастро, которая, в свою очередь, стала источником для трагедии П. Корнеля «Сид». См. также прим. к ст. 11 в: ПССиП. Т. 5. С. 344 и к ст. 173 (Там же. С. 345).

[17] *Сын гидальга* — Т. е. «идальго».

[18] *Дон Диего / Есть потомок Лайна Калва* — См. прим. 13.

[19] *Одесную* — Справа (устар., книжное).

Le sort commun des hommes
(«Une fois, pendant le cours des siècles passés…»)
(С. 261)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее января 1831 г.

Судя по подписи, текст представляет собой перевод на французский язык с английского из сочинения Монтгомери (сведений об авторе обнаружить не удалось). Автор перевода скрылся за криптонимом N.

Обращение Нортумберландии в христианство
Из древней хроники
(«Перед принятием христианства король созывает танов или советников…»)
(С. 262)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее января 1831 г.

Перевод с английского языка выполнен великим князем Александром (подписан: С англ. Р.). Это фрагмент из важнейшего письменного памятника по истории Англии — «Церковной истории английского народа» (Historia eccleastica gentis anglorum, 731) английского монаха-летописца Беды Достопочтенного (в мировой научной традиции закрепилось несколько написаний: Beda, Bede, Baede и др.; около 673—735), которого называют отцом английской истории.

[20] *Нортумберландия* — самое северное из семи англосаксонских государств.

Изображение аравитян
Из Фирдузи
(«Аравитяне — люди, гордые своею свободою…»)
(С. 263)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее января 1831 г.

Перевод выполнен великим князем Александром (подписан: Р.). Фрагмент в одно предложение, скорее всего, является цитатой из поэмы «Шахнаме».

[21] *Аравитяне.* — Т. е. арабы.

[22] *Фирдузи.* — Хаким Абулькасим Мансур Хасан Фирдоуси Туси, персидский поэт (935—1020).

Разговор Магометова праотца с неприятельским военачальником

(«Праотец Магамедов требует назад свои стада…»)
(С. 263)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее января 1831 г.

Перевод выполнен великим князем Александром, подписан: P.

[23] *…Магометова праотца…* — Магомет (Мухаммед) — арабский проповедник единобожия, пророк ислама, центральная после единого Бога фигура исламской религии. Его праотцом считается Авраам (Ибрагим) через его сына Измаила, сына от Агари.

[24] *Кааба.* — В Исламе центр, точка сообщения Бога с человеком, сущность Бога, сердцевина сущего, арабы с древнейших времен верили, что Кааба — дом Бога, и совершали к ней паломничества.

Le langage des oiseau

(«Le Sultan Mahmoud, par ses guerres perpétuelles…»)
(С. 263)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее января 1831 г.

Перевод с английского языка на французский (подписан: N) выполнен по обучающему грамматическому журналу Теодора Робертсона (Theodore Robertson) «Robertson's Magazine: journal grammatical et littéraire de la langue anglaise (en française et en anglaise)», который выходил в Париже с 1827 г. Впоследствии Робертсон издал на основе своих журналов учебники: «Cours pratique, analytique, théorique et synthétique de langue anglaise», «Nouveau cours pratique, analytique, théorique et synthétique de langue anglaise» — задания по переводу к урокам 1, 2, 4, 6, 11, 14 составляют перевод, опубликованный в «Муравейнике».

Нас семеро

(«Простое дитя, веселое и здоровое…»)
(С. 264)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее января 1831 г.

Жуковским представлены с целью сравнения два прозаических переложения одного текста — баллады английского поэта У. Вордсворта «Нас семеро» («We are

seven»). Один выполнен великой княжной Марией (подписан: М. С английского, из Вортсворта), другой подписан: N. Первый стихотворный перевод этой баллады на русский язык был сделан И. И. Козловым (впервые: Собрание стихотворений Ивана Козлова. СПб., 1833).

Фридрих II

(«Однажды Фридрих великий увидел из своего окна толпу народа…»)
(С. 266)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее января 1831 г.

Перевод известного анекдота о Фридрихе II выполнен великим князем Александром, подписан: А. Этот анекдот приводит в своей книге «История Фридриха Великого» русский водевилист Ф. А. Кони (гл. 37 «Внутренние учреждения Фридриха»).

[25] *Фридрих II.* — Фридрих Великий (1712—1786), один из самых знаменитых правителей Германии.

Разговор деда со внуком

(«Один старик поздно вечером ехал со внуком своим в Базель…»)
(С. 266)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее января 1831 г.

Прозаическое переложение стихотворного перевода идиллии немецкого поэта И. П. Гебеля «Тленность», осуществленного Жуковским в 1818 г. (см. комментарий И. А. Айзиковой в ПССиП. Т. 2. С. 499—502). Выполнено великой княжной Марией Николаевной (подписано: М.).

№ II

Письмо к издателю

(«Мы не на шутку сбираемся в деревню…»)
(С. 267)

Автограф: РНБ. № 125 б. Л. 2—3 об., 5 об. — 6.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Датируется: 12 июля 1829 г.

№ 2 «Муравейника» открывается повествовательной прозой, которой сообщается форма «письма к издателю». Оно подписано NN. За этими буквами скрывается

образ рассказчика, в котором специально подчеркивается отчужденность от «издателя». Жуковскому очень важно создать иллюзию подлинности данного «письма». NN постоянно обращается к своему адресату: «мне надобно познакомить вас», «теперь вы знакомы с главными действующими лицами», «пожелайте нам успеха», «простите» и т. п. Не случайно под текстом письма находим указание на место и дату написания: «Село Покровское. 1829 июня 12». Реальную дату создания этого сочинения можно установить по указанию на л. 3 — 12 июля 1829 г., первоначально он предназначался для «Собирателя», и автограф его находится среди бумаг, относящихся к этому изданию.

NN не только излагает «историю» произошедших событий, но и живо и непосредственно знакомит читателя со своей персоной, со своей семьей, поместьем и т. д. Жуковский, как видим, включается здесь в распространенную в русской прозе 1830-х гг. игру образами вымышленных повествователей, в которой активное участие принимал и Пушкин, и Гоголь. Причем в «Письме к издателю» создавался образ повествователя NN, полностью, конечно, не совпадающий с личностью автора, но и не являющийся его абсолютной противоположностью, как это было в «Повестях Белкина» или в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

Подобные опыты в прозе давали Жуковскому возможность расширить свой опыт работы в разных стилях, нарушить монотонность какого-то одного «слога», переплести «высокое» и «низкое», «смешное», «легкое» и «серьезное», расширяя тем самым границы русской прозы. Состоящий из отдельных фрагментов, рассказ вырастает в полную, многостороннюю, детально выписанную картину. Тщательнейшим образом описано поместье и господский дом. Эти описания превращаются в целую энциклопедию, в них органично входят упоминания имен Петра Великого, Елизаветы, Растрелли, Кваренги. Здесь множество бытовых деталей, каждая из которых введена для связки времен и поколений. Окрестности описаны по тому же принципу. Связь с поэтикой В. Скотта, которого Жуковский как раз в это время очень активно читает (см. об этом подробно: *Жилякова Э. М.* В. Скотт в библиотеке В. А. Жуковского // БЖ. Ч. III. С. 300—366), здесь, как и в интерьерах, вырывается на поверхность. При всей конкретности пейзажа в нем нашлось место всем романтическим приметам и деталям: озеро без берегов, церковь на полуострове, река, аллея из старых ив, прекрасная березовая роща, высокие холмы, ключ, вода из которого, «журча и сверкая по камням, бежит через долину и вливается в озеро». Наряду с этим в письме излагается педагогическая программа повествователя, даются психологические портреты его детей. Из всего этого, в свою очередь, вырастает образ самого NN.

Заканчивается «Письмо к издателю» чуть ли не на полуслове. Повествователь сам, с легкой усмешкой над собою, обрывает рассказ, обещая, однако, издателю «со временем <…> подробную летопись села Покровского и его жителей». Это притворное неумение повествователя следить за своим пером явилось идеальным приемом завершения несюжетного, описательного по своей природе текста.

[26] *…слывут Кастором и Поллуксом.* — В древнегреческой мифологии дети Леды, близнецы.

[27] *…о временах Елизаветы…* — Здесь имеется в виду императрица Елизавета Петровна (1709—1762), дочь Петра I и Екатерины I.

[28] *…слоге Растрели.* — Имеется в виду стиль архитектора Б. Ф. Растрелли (1700—1771).

[29] *…по плану Гваренги.* — Старое написание фамилии архитектора Дж. Кваренги (1744—1817).

[30] *…ни с Томпсоном, ни с Клейстом, ни с Делилем.* — Перечислены имена английского поэта Дж. Томсона (Томпсона, 1700—1748), немецкого поэта Э. Х. Клейста (1715—1759) и французского поэта Ж. Делиля (1738—1813).

Цид
II

(«Только что успел Дон Санхо…»)
(С. 272)

Автографы: 1) РНБ. Оп. 1. № 33. Л. 1—14 (с оборотами) — «Прозаический перевод отрывков из гердерова перевода “Сида”» (условное и ошибочное заглавие, данное И. А. Бычковым).

Впервые: Муравейник. 1831. № 1. С. 11—19. Подписан: W. Z.

В прижизненных изданиях БП и БиП с заглавием «Отрывки из испанских романсов о Сиде»; С 4 в разделе «Баллады» с тем же заглавием; С 5 с заглавием «Сид. Отрывок» (в подборке 1832 г.).

Датируется: январь 1831 г. по указанию автора (РНБ. № 35. Л. 8 об.) и времени первой публикации.

Продолжение текста «Цид в царствование короля Фердинанда» (см. прим. в данном томе выше).

[31] *Дон Гарций* — Имеется в виду Гарсия I (1042—1090), король Галисии в 1065—1071 и 1072—1073 гг., третий сын короля Фердинанда I.

[32] *Заключен, по воле брата, / В башню крепкую Дон Гарций. / За него король леонский…* — Имеются в виду ссоры из-за Галисии между сыновьями Фердинанда I после его смерти: королем Кастилии Санчо II, королем Леона Альфонсо VI и Гарсией I.

[33] *Дуер* — Имеется в виду река Дуэро (Пиренейский полуостров), берет начало в Испании, впадает в Атлантический океан в Португалии.

[34] *Конь могучий Бабиека…* — Знаменитый конь Сида Бабьека (см. прим. к ст. 443 в: ПССиП. Т. 5. С. 378.

Смерть Адама
(«Адаму уже было девятьсот тридцать лет…»)
(С. 278)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее февраля 1831 г.

Перевод из Гердера (*Herder J. G.* Sämmtliche Werke. Tübingen, 1808. Bd 20 (серия «Zur Philosophie und Geschichte». Th. 8) выполнен великой княжной Марией Николаевной (подписан: М.). Перевод чуть большего отрывка под таким же названием был сделан Жуковским ранее для «Собирателя» (см. комментарий А. С. Янушкевича в наст. томе).

Le lever du soleil au sommet de l'Etna
Fragmens d'un voyage en Sicile
(«L'Orient blanchissait par degrés…»)
(С. 278)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее февраля 1831 г.

Источник перевода установить не удалось.

Суворов на Сен-Готаре
(«Русские, оставя под предводительством Суворова…»)
(С. 279)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее февраля 1831 г.

Перевод великой княжны Ольги Николаевны с французского языка (подписан: С франц. О.). Источником могут быть сочинения о походах Суворова в Италии и Швейцарии генерала Жомини. Анекдот, аналогичный переведенному, встречаем в книге известного военного историка М. И. Богдановича «Походы Суворова в Италии и Швейцарии» (СПб., 1846. Гл. «Овладение Сен-Готаром (24 сентября)»), перечисляющего во введении иностранные источники, которыми он пользовался при написании своего труда среди них: эрцгерцог Карл, Клаузевиц, Дюма и генерал Жомини.

[35] *Сен-Готар* — горный перевал швейцарских Альп (Сен-Готард). Русские войска под руководством А. В. Суворова в ходе швейцарских походов, направленных на разгром французских войск в Швейцарии, проходят его 24 сентября 1799 г., совершив знаменитый переход через Альпы.

Голодный аравитянин
(«Один аравитянин заблудился в пустыне…»)
(С. 280)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее февраля 1831 г.

Скорее всего, это переводной анекдот, перевод принадлежит великому князю Александру (подписан: А.).

Les saintes images
(«Un vaillant querrier…»)
(С. 280)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее апреля 1831 г.

Перевод с немецкого языка на французский подписан: J. O.

Пери и ангел
(«Однажды, перед дверию рая…»)
(С. 281)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее апреля 1831 г.

Прозаическое переложение стихотворной повести Жуковского 1821 г. «Пери и ангел», представляющей собой перевод второй вставной части из поэмы Т. Мура «Лалла Рук», сделано великой княжной Марией Николаевной (подписано: R. M.). См. комментарий Э. М. Жиляковой к поэме Жуковского (ПССиП. Т. 4. С. 404—414), где приводится прозаический перевод части текста, выполненный Жуковским.

№ III

Способ обратить добродетель в привычку
Отрывок из записок Франклина
(«Мне было более 25-ти лет…»)
(С. 283)

Автограф неизвестен.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Датируется: не позднее марта 1831 г.

Переведенный из «Автобиографии» (во французском переводе) американского просветителя Б. Франклина (1706—1790) отрывок (из гл. 6) представляет собой сложный синтез дидактики и самоанализа, «моральной практической философии» и психологизма. Известно, что интерес к Франклину и его системе самоанализа и самосовершенствования пришел к Жуковскому еще в начале его творческого пути. Начав с использования принципов Франклина в собственном самообразовании и самосовершенствовании, в ведении дневников, в конце 1820-х — в начале 1830-х гг., во многом в связи со своей педагогической деятельностью, Жуковский приходит к активным усилиям по их распространению. Известно, например, его напутствие воспитанницам Смольного института (август 1820 г.):

> Примите же на дорогу жизни мой подарок <…> Вам известно имя Франклина. <…> Он был счастлив, потому что искал счастия и нашел его <…> В своих записках изъясняет он нам, каким простым и можно сказать ребяческим средством он приобрел это счастье. Точки и цифры. Не подумавши, можно засмеяться, но когда вспомнишь, что употребление этих точек и цифр помогло усовершенствованию души Франклина, то сердце невольно наполняется благоговением. Добро, возможное одному, возможно и всем.

Аналогичную этой оценку системы Франклина, изложенной в его «Автобиографии», Жуковский дает в письме гр. С. А. Самойловой (конец 1819 г.):

> В своих записках изъясняет он для нас, каким средством дошел он до этого нравственного совершенства (подробнее см.: Янушкевич. С. 36—40).

Опубликованный в «Муравейнике» перевод выполнен довольно точно (за исключением перевода молитвы) и содержит подробное описание франклинова метода.

[36] *Из правил Пифагоровых, заключающихся в его золотых стихах, было мне известно, что нужно всякий день рассматривать дела свои.* — «Пифагорейские Золотые стихи» исследователи относят к мистической пифагорейской литературе. Это компиляция отрывков, содержащих пифагорейские заповеди времен древнего пифагореизма. Материалом для них предположительно послужили отрывки, считавшиеся ко времени составления стихов пифагорейскими. Варианты датировок колеблются от III века до н. э. до III века н. э. Наиболее вероятным представляется их отнесение к эллинистическим временам, поскольку это произведение — пример народной литературы, существовавшей вокруг пифагорейского учения, и к философии его можно отнести лишь постольку, поскольку проблемы этики были отправной точкой для появления произведений такого рода. В соответствии с тремя степенями посвящения, стихи делятся на три части: «Приготовление», «Очищение» и «Совершенствование». Цитируемые Франклином входят в последний раздел:

> Да не сомкнет тихий сон твои отягченные вежды,
> Раньше чем трижды не вспомнишь дневные свои ты поступки.

Как беспристрастный судья их разбери, вопрошая:
«Доброго что совершил я? Из должного что не исполнил?»
Так проверяй по порядку все, что с утра и до ночи
Сделал ты в день — и за все, что содеяно было дурного,
Строго себя обличай, веселясь на добро и удачу.
Пользуйся сим наставленьем; думай над ним непрестанно
И постарайся к нему навсегда привязаться всем сердцем,
Ибо советы мои тебя к совершенству приблизят (перевод Е. Казначеевой).

[37] *Следующие стихи из Аддисоновой трагедии «Катон» <…> «Буду тверд <…> должно быть, счастье».* — Дж. Аддисон (1672—1719) — публицист, драматург, стоял у истоков английского Просвещения. Трагедия «Катон» была написана и поставлена впервые в 1713 г.

[38] *…эпиграф из Цицерона: «О, философия <…> бессмертия».* — Цитата из «Тускуланских бесед» (V, 2).

Перчатка
(«Перед своим зверинцем…»)
(С. 289)

Автографы:

1) РНБ. Ф. 608 (И. В. Помяловский). Оп. 1. № 4876 — черновой, неполный.

2) РО ИРЛИ. 87. 6/6 — черновой, неполный, на полях страницы с текстом повести.

3) РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 43 об. — 44 об. — черновой полный.

Впервые: Муравейник. № 3. С. 13—14.

В прижизненных изданиях: БиП, БП, С 4, С 5 — практически без разночтений с текстом первой публикации (где используется большее количество восклицательных знаков).

Датируется: 15—17 марта 1831 г.

Повторяя структуру № 1 и 2 журнала, Жуковский и № 3 открывает прозаическим текстом, далее сменяющимся лиро-эпическим произведением, в данном случае стихотворной повестью, представляющей перевод стихотворения Ф. Шиллера «Der Handschuh». Подробный комментарий О. Б. Лебедевой см.: ПССиП. Т. 4. С. 423—426.

L'Etna
Fragmens d'un voyage en Sicile
(Cotinuation)
(«…En ce moment, l'Etna se presentait dans toute sa majesté…»)
(С. 291)

Автограф неизвестен.

Датируется: не позднее марта 1831 г.

Текст является продолжением публикации в предыдущем номере, не поддается атрибуции, так как не имеет подписи.

Любовь к Отечеству

(«Аристид и Фемистокл были врагами…»)
(С. 292)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее марта 1831 г.

В тексте излагается известная история, описанная Плутархом в «Моралиях», о том, как Аристид и Фемистокл забыли о своих вечных разногласиях во имя дела (ср.: «Однажды он был отправлен в посольство вместе с Фемистоклом, хоть они и враждовали. «Давай, Фемистокл, — сказал он, — оставим нашу вражду на границе, а когда будем возвращаться, тогда, если хочешь, подберем ее опять». Плутарх. Моралии. 186 b). Текст подписан: J. O.

[39] *Аристид и Фемистокл.* — Афинские государственные деятели, полководцы: Аристид (530—467 до н. э.), Фемистокл (525—460 до н. э.).

Les catacombes de Rome

(«Dans les environs de Rome…»)
(С. 292)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее марта 1831 г.

Вероятно, двойной перевод, выполнен великой княжной Марией Николаевной (подписан: R. M.).

Описание Алгамбры в древней Гренаде

(«В царствование Магомета II…»)
(С. 293)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее марта 1831 г.

Текст подписан: J. O.

[40] *Алгамбра* — архитектурно-парковый ансамбль в испанском городе Гранада. Основное развитие получил при правлении мусульманской династии Насридов, резиденцией которых стала Альгамбра. Строительство дворца начал Мухаммед I, продолжил его сын и наследник Мухаммед II (1273—1302).

Les arabes
(«Les Arabes habitant la grande presqu'île d'Arabie…»)
(С. 294)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее марта 1831 г.

Текст создан великой княжной Марией Николаевной (подписан: R. M.), вероятно, является двойным переводом.

Неожиданное свиданье
Быль
(«Лет за семьдесят, в Швеции…»)
(С. 295)

Автограф РО ИРЛИ. № 27807. Л. 39 об. — черновой набросок, неполный.
Впервые: Муравейник. 1831. № 3. С. 24—28.
В прижизненных изданиях: БиП, БП. С 4, С 5.
Датируется: 15—17 марта 1831 г.

Переложение в стихах прозаического рассказа И.-П. Гебеля «Unverhofftes Wiedersehen» из его сборника «Schatzkästlein des rheinischen Hausfreundes» («Шкатулка рейнского домашнего друга», 1811). Комментарий И. А. Айзиковой см.: ПССиП. Т. 4. С. 426—429.

[41] *…весь Лиссабон уничтожен был страшным / Землетрясеньем…* — Имеется в виду Лиссабонское землетрясение 1755 г.

[42] *…война Семилетняя кончилась…* — Война началась в 1756 г. и закончилась в 1763 г.

[43] *…умер / Франц, император…* — Франц I, император Священной Римской империи умер в 1765 г.

[44] *…Иезуитский орден разрушен…* — Орден Иезуитов был распущен в 1773 г.

[45] *…Польша исчезла…* — Имеется в виду разделение территории Речи Посполитой в соответствии с петербургскими конвенциями 1770—1790 гг.

[46] *…скончалась Мария Терезия…* — Австрийская эрцгерцогиня Мария Терезия умерла в 1780 г.

[47] *…умер / Фридрих Великий…* — Дата кончины Фридриха II 17 августа 1786 г.

[48] *…Америка стала свободна…* — Независимое государство США образовано в 1776 г. в ходе войны 1775–1783 гг.

[49] …в *могилу / Лег император Иосиф Второй…* — Иосиф II, император Священной Римской империи с 1765 г., скончался 20 февраля 1790 г.

[50] *…революции пламя / Вспыхнуло…* — Имеется в виду Великая французская революция, начавшаяся в 1789 г.

[51] *…король Людовик, возведенный на плаху, / Умер святым…* — Людовик XVI, осужденный Конвентом, был казнен 21 января 1793 г.

[52] *…на русском престоле не стало Великой / Екатерины…* — Российская императрица Екатерина II скончалась 6 ноября 1796 г.

[53] *…воздвигся, и все превысил, и рухнул ~ умер Наполеон.* — Наполеон I был провозглашен императором в 1804 г., отрекся от престола в марте 1815 г., вновь его занял и отрекся вторично 22 июня 1815 г., умер 5 мая 1821 г. на о. св. Елены.

[54] *…близко Фаллуна…* — Город Фалун возник возле медного рудника; по предположениям, добыча руды началась в XI в., в XVI в. деятельность на шахте в окрестностях Фалуна перевела Швецию в разряд ведущих европейских держав. В 1678 г. на шахте произошел большой обвал, после чего значение добычи медной руды для Швеции начало снижаться.

Надгробная песнь Регнера Лодброга

(«Регнер Лодброг, вождь скандинавский…»)
(С. 297)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее марта 1831 г.

По-видимому, это переложение боевой песни Рагнара Лодброка (известной по переводу Н. М. Языкова «Песня короля Регнера»); подписан: N.

[55] *Регнер Лодброг* — легендарный датский конунг, представитель инглингов. В основном сведения о его жизни известны из скандинавских саг. Предполагается, что исторический Рагнар (если он, действительно, был), жил в IX в. Сага о Регнере в русском переводе была приведена в книге Г. Маллета «Введение в историю датскую» (СПб., 1785). Подробнее см.: *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России. Л., 1980. С. 90—98.

[56] *…напал на Британию.* — Важнейшее событие, приписываемое Рагнару, — нападение в 865 г. на Нортумбрию, одно из семи королевств, возникших на севере Британии.

[57] *Одиновы.* — т. е. Одина.

[58] *Аславга.* — Аслауг — третья жена Регнера Лодброка.

[59] *аспид* — рогатая ядовитая змея в Библии. Яд змеи убивает немедленно.

[60] *…с Азами…* — Имеются в виду асы, основная группа богов в германо-скандинавской мифологии.

Две загадки
(«Не человечьими руками…»)
(С. 298)

Автографы:
1) ПД. Библиотека Жуковского (собрание А. Ф. Онегина-Отто); F. Schillers sämmtliche Werke. Bde 1—12. Stuttgart und Tübingen, 1812—1815. Bd 9/1. S. 150 — черновой на полях страницы и между строк немецкого текста (Описание. № 2754).
2) РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 44 — беловой.
Копия: РГИА. Ф. 1673 (А. С. Шишков). Оп. 1. № 287. Л. 2 — рукою неизвестного лица, с пометами П. А. Вяземского.
Впервые: Муравейник. 1831. № 3. С. 31—32.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Датируется: между 10 и 17 марта 1831 г.

Перевод двух стихотворений из цикла Шиллера «Parabeln und Rätseln» (Притчи и загадки). Подробный комментарий О. Б. Лебедевой см.: ПССиП. Т. 2. С. 655—656.

№ IV

Две были
(«День был ясен и тепел…»)
(С. 299)

Автограф РНБ. Оп. 1. № 30. Л. 71—74 с об. — черновой, без заглавия.
Впервые: Муравейник. 1831. № 4. С. 1—16.
В прижизненных изданиях: БиП, БП, С 4, С 5 — под заглавием «Две были и еще одна».
Датируется: 29 мая — 11 июня 1831 г.

Переложение трех разных произведений — баллад Р. Саути «Mary, the maid of the inn» и «Jaspar» и прозаического рассказа И. П. Гебеля «Kannitverstan». Подробный комментарий И. А. Айзиковой к этому переводу см.: ПССиП. Т. 4. С. 429—433.

[61] *…арендарь…* —

О Петре Великом
(Извлечено из чтения «Русской старины»)
(«Петр Великий был высокого роста…»)
(С. 308)

Автограф неизвестен.
Датируется: апреля 1831 г.

Извлечение из альманаха «Русская старина. Карманная книжка для любителей и любительниц отечественного» на 1825 г. декабриста А. О. Корниловича сделано великой княжной Ольгой Николаевной (подписано: О. Р.). А. О. Корнилович, будучи историком и историческим беллетристом, серьезно изучал эпоху Петра I. В «Русскую старину» вошло пять его статей, объединенных общим названием «Нравы русских при Петре Великом». В них очень высоко оценивалась деятельность Петра I как просвещенного монарха-реформатора. А. С. Пушкин, работая над «Арапом Петра Великого», обращался к статьям Корниловича, в частности к статье «О первых балах в России».

[62] *…королю польскому…* — Имеется в виду Август Фридрих II Сильный — король польский с сентября 1697 г.

[63] *…в Нимвегене…* — город в восточной части Нидерландов (ныне Неймеген).

[64] *Монплезир* — дворец в Петергофе, памятник архитектуры начала XVIII в.

Спор

(«Испанец и индеец, ехавшие верхом…»)
(С. 309)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее апреля 1831 г.

Текст создан великой княжной Ольгой Николаевной (подписан: Р. О.). Скорее всего, этот анекдот переводной.

Замок на берегу моря

(«Ты видел ли за́мок…»)
(С. 310)

Автограф неизвестен.
Впервые: Муравейник. 1831. № 4. С. 22.
В прижизненных изданиях: С 4—5.
Датируется: 28 марта 1831 г.

Перевод стихотворения «Das Schloß am Meere» немецкого поэта Л. Уланда. Подробный комментарий И. А. Айзиковой см.: ПССиП. Т. 2. С. 658—659.

Два явления

(«Я шла мимо за́мка…»)
(С. 311)

Автограф неизвестен.
Датируется: не позднее апреля 1831 г.

Прозаическое переложение стихотворения Жуковского «Замок на берегу моря». См. комментарий выше. Вероятно, принадлежит одной из великих княжен — Ольге или Марии Николаевне, о чем свидетельствует изменение мужского рода на женский.

№ V

Александр Невский

(«Александр и в юности был чувствителен к красотам природы…»)
(С. 311)

Автограф неизвестен.
Впервые: Муравейник. 1831. № 5. С. 1—2. Подписано: А. Р.
Датируется: не позднее мая 1831 г.

Фрагмент принадлежит великому князю Александру Николаевичу. Импульсом для написания этого «Классного сочинения Е. И. В. Государя Великого князя Наследника Цесаревича 1831 года» (см.: Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 13. СПб., 1881. С. 493—494), опубликованного в «Муравейнике», стало письмо Жуковского к великому князю от 1 января 1828 г., где дается изъяснение картины, подаренной своему воспитаннику. В нем поэт рассказывает предание об отроке Александре Невском, который «начинал понимать, *кто он, к чему* должен готовиться и *чего* от него ожидать» (Там же. С. 167—168). <*А. Я.*>

[65] *причислила его к лику святых.* — Александр Ярославич Невский (в монашестве Алексий, 1221—1263), князь Новгородский, великий князь Киевский, великий князь Владимирский, великий русский полководец, причислен к лику святых Русской православной церковью (в лике чудотворца) на Московском Соборе 1547 г.

Сражение с змеем

(«Что за тревога в Родосе?..»)
(С. 312)

Автографы:
1) ПД. Библиотека Жуковского. Fr. Schillers sämmtliche Werke. Bde 1—12. Stuttgart und Tübingen, 1812—1815. Bd 9/1. S. 105—106 — на полях, черновой, неполный (Описание. № 2754).
2) РНБ. Оп. 1. № 35. Л. 1 об. — 3 — черновой, полный.
Копия: РНБ. Оп. 1. № 36. Л. 16—17 — с авторской правкой.
Впервые: Муравейник. 1831. № 5. С. 3—12. Без подписи.
В прижизненных изданиях: С 4, 5. В С 5 — с подзаголовком «Повесть», в подборке произведений 1831 г.
Датируется: май — 18—22 августа 1831 г.

Вольное переложение стихотворения Ф. Шиллера «Der Kampf mit dem Drachen. Romanze» («Борьба с драконом. Романс»). Подробный комментарий О. Б. Лебедевой см.: ПССиП. Т. 4. С. 433—440. В тексте «Муравейника» «Родос» пишется с двумя «с», кроме того имеются расхождения в пунктуации и следующие разночтения:

Муравейник	**С 5**
Рыцарь идет к престолу	Рыцарь подходит к престолу
обязанность первая	обязанность главная
Ныне ты, сын мой, нарушил	Ныне, сын мой, ты нарушил
Заранее	заранее
Стал к предпринятому подвигу всё я готовить	Всё к предпринятому подвигу стал я готовить
к единому клику	по единому клику (Т. 4. С. 248—251)
В коей отвсюду приходит молиться народ	Где богомольствовать сходится здешний народ;
молитвой / В помощь Заступницу	В помощь призвал Богоматерь, в грехах
призвал, принес покаянье мольбою	принес покаянье
коим велел	им же велел
огромные челюсти	огромную пасть
Сшиб меня с ног ударом хвоста, и сам надо мною / Страшным столбом поднялся	Сильным ударом хвоста меня повалил и поднялся / Дыбом, как столб, надо мной;
повисли на чреве. Поспешно / На ноги став, я бросаюся к ним	повисли на нем; я поспешно / На ноги стал и бросился к ним;
В самое сердце чудовища	Весь во чрево чудовища;
Телом меня опрокинув	Телом меня заваливши
Тогда он сказал победителю: / «Змея, долго Родосс разорявшего	Тогда он сказал победителю: «Змея, / Долго Родосс ужасавшего
отравитель / Сердца	отравитель / Воли;
враг поганый	враг ненавистный
Снова сей крест облачи	Снова сей крест возложи (Т. 4. С. 251—255)

Аристодем

(«Скажи нам, — воскликнули критяне…»)
(С. 316)

А в т о г р а ф неизвестен.

В п е р в ы е: Муравейник. 1831. № 5. С. 12—14. Подписано: П.

Д а т и р у е т с я: не позднее мая 1831 г.

Фрагмент перевода из романа Ф. Фенелона «Приключения Телемака» принадлежит Александру Паткулю.

Наставление Ментора Телемаку
(«Берегись, мой сын, — сказал Телемаку Ментор…»)
(С. 316)

Автограф неизвестен.
Впервые: Муравейник. 1831. № 4. С. 14—15. Подписано: П.
Датируется: не позднее мая 1831 г.

Еще один фрагмент перевода из романа Ф. Фенелона «Приключения Телемака», принадлежащий также А. Паткулю.

Остров
(«Цветет и расцветает…»)
(С. 317)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 14. Л. 1 — беловой.
Копия: РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. № 287. Л. 3.
Впервые: Муравейник. 1831. № 5. С. 16—17. Без подписи.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Датируется: май — 26 августа 1831 г.

Стихотворение Жуковского. См. комментарий Н. Ж. Вётшевой в ПССиП. Т. 2. С. 663. Последние строфы в публикации «Муравейника» расходятся с беловым автографом, датированным 26 августа.

Муравейник

Пленительно сквозь сени
Играют при луне,
Пьют листьев ароматы
И плещутся в волне.

Там нас встречает *радость*,
Там все забава нам;
Подруга наша *Младость*,
Играет с нами там.

Беловой автограф

Пленительно сквозь сени
Луна сияет там,
Раскидывая тени
Дерев по берегам.

Там гении крылаты
Играют при луне,
Пьют листьев ароматы,
И плещутся в волне.

Там нас встречает *радость*;
Там все забава нам:
Подруга наша *младость*
Играет с нами там.

Каннитферштан
Быль
(«Часто мы недовольны состоянием своим…»)
(С. 318)

Автограф неизвестен.
Впервые: Муравейник. 1831. № 5. С. 17—19. Подписано: Р. П.
Датируется: не позднее мая 1831 г.

Перевод рассказа И.-П. Гебеля «Kannitverstan». См. выше комментарий к публикации в № IV «Две были».

Песнь Регнера Лодброга
(«Мы острие своих мечей…»)
(С. 319)

Автограф неизвестен.
Впервые: Муравейник. 1831. № 5. С. 19—22. Подписано: В.
Датируется: не позднее мая 1831 г.

Стихотворный перевод боевой песни Рагнара Лодброка, выполнен Иосифом Виельгорским. Ее прозаический перевод был опубликован в № III «Муравейника» (см. примеч.).

[66] *дверь Валкалы.* — Имеется в виду «дворец павших» Вальхалла (Валгалла). В германо-скандинавской мифологии так называлось большое, богато украшенное помещение, с 540 дверями, находящееся в небесном городе Асгарде (городе асов) и предназначавшееся для павших в бою воинов, место вечной райской жизни. Через каждую дверь в день последней битвы между богами и чудовищами по зову бога Хеймдалла выйдет по 800 воинов. В ожидании этого события они ежедневно надевают на себя доспехи и сражаются насмерть, а после воскресают и садятся за общий стол пировать.

И. Айзикова

ПРОЗА 1830-х ГОДОВ

Две Всемирные Истории
Отрывок письма из Швейцарии
(«…Здоровье мое не худо и не хорошо…»)
(С. 322)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27732. Л. 1—4 — текст письма к великому князю Александру Николаевичу от 1 января 1833 г.

Копия: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 51. Л. 17—25, 31—38 об.

Впервые: Библиотека для чтения. 1835. Т. 9. Кн. 2. Апрель. С. 168—176 — отрывок письма к великому князю Александру Николаевичу от 4 (16) января 1833 г. под заглавием «Две Всемирныя Истории. Отрывок письма из Швейцарии» и с подписью: «В. Жуковский». Ц. р. 30 марта 1835 г.

В прижизненных изданиях: С 4. С. 229—242 — под заглавием «Отрывок письма из Швейцарии».

Печатается по тексту первой публикации с привлечением автографа и копии письма к великому князю Александру Николаевичу.

Датируется: 1 (13) — 11 (23) января 1833 г.

Статья «Две Всемирные Истории» выросла из письма В. А. Жуковского к великому князю Александру Николаевичу и имеет достаточно долгую творческую историю.

21 сентября (3 октября) 1832 г. Жуковский поселяется в небольшом швейцарском местечке Веве близ города Верне, где с небольшими перерывами живет до 1 (13) апреля 1833 г. Это время он посвящает лечению. Но одновременно это и период интенсивной творческой деятельности, глубокого интереса к истории европейской общественной мысли. Чтение фундаментального труда швейцарского политического деятеля и публициста К.-Л. Галлера «Restauration der Staats-Wissenschaft oder Theorie des natürlich-gesseligen Zustandes der Chimäre des künstlichs-bürgerlichen gegengesetzt. Bde 1—6. Winterthur, 1820—1825» (дневниковые записи от 25 января — 15 марта 1833 г. с. ст.), сочинения немецкого историка К.-А. Менцеля «Geschichte unserer Zeit seit dem Tode Friedrichs des Zweiten. Th. 1—3. Berlin, 1829» (записи от 24 ноября 1832 г. — 6 января 1833 г. с. ст.), произведений немецкого теолога Д. Ф. Штрауса, прусского политического деятеля И. Радовица, немецкого публициста Р.-О. Шпацира, апокрифических «Mémoires de Louis XVIII. Paris, 1832», еженедельника «Berliner politisches Wochenlatt», «Revue Française» и парижской политической газеты «Semeur», встречи и беседы об истории, религии, педагогике и политике с воспитателем императора Александра I генералом Цезарем Лагарпом, финансистом Карлом фон Боком, французским общественным деятелем Жаном Альбертом Пердонне, с Иозефом Радовицем — все это в контексте европейской политической жизни начала 1830-х гг. обостряет интерес поэта и воспитателя наследника русского престола к вопросам общественной жизни и историософским проблемам.

Следствием этого процесса общественного самосознания становится рождение замысла написать «Послание к Великому князю» (дневниковая запись от 28 ноября 1832 г.). Формулируя содержание этого послания, Жуковский в этот же день записывает в дневнике: «Древний мир. Новый мир. Россия. Главная мысль. Озеро и горы. Их символ» (ПССиП. Т. 13. С. 340). Только 1 (13) января 1833 г. Жуковский приступает к осуществлению своего замысла, что зафиксировано в дневнике: «Начал писать к Великому князю». 2 (14) января работа над посланием продолжается: «Писал к Великому князю» (Там же. С. 343). В самом тексте письма говорится о 4-м

января: «Теперь 4-е января, день ясный и теплый…» (Там же). 5—6 января читаем в дневнике: «Писал к Великому князю» (Там же. С. 347). И только 11 (23) января автор послания сообщает: «Кончил письма. Отправлена посылка к великому князю» (Там же. С. 348). И хотя письмо датировано 1 (13) января 1833 г., очевидно, что оно было плодом долгих размышлений его создателя об истории, ее закономерностях и «горной философии».

Вероятно, осознавая программный характер этого эпистолярного документа, через два года, разумеется, с разрешения адресата Жуковский отдает в начале 1835 г. (до 30 марта) сокращенный вариант этого письма-послания О. И. Сенковскому, с которым поэт активно сотрудничал в первые годы существования его журнала «Библиотека для чтения». На обложке первого тома за 1834 г. он указан в числе авторов вновь созданного издания. В течение 1834—1835 гг. на страницах журнала Жуковский опубликовал около 10 своих произведений, в том числе баллады «Старый рыцарь», «Рыцарь Роллон», «Уллин и его дочь», стихотворную повесть «Суд в подземелье», драматическую повесть «Норманский обычай», которые были написаны во время швейцарского уединения и были поэтическим фоном для создания «послания к Великому князю». Историософская концепция автора послания поистине пронизана духом высокой поэзии, тревожных размышлений о человеческой судьбе.

Собственно автографа опубликованного «Отрывка письма из Швейцарии» не обнаружено. Поэтому сравнение текста письма к наследнику и журнального его варианта позволяет увидеть направление работы его автора.

При публикации статьи Жуковский отбрасывает всю первую часть письма, связанную с новогодними поздравлениями и наставлениями великому князю, выпускает небольшую пейзажную зарисовку, заменяя ее описанием окрестностей Женевского озера, и убирает конец с необходимыми этикетными фразами. Главное направление переработки текста — изъятие всего, что связано с личностью адресата. Никаких упоминаний о нем в статье нет.

Текст обретает концептуальную целостность и внутреннее единство. «Отрывок письма из Швейцарии» превращается в своеобразный трактат под заглавием «Две Всемирные Истории».

В центре статьи — проблема нравственного смысла истории. Всматриваясь в историю человеческого рода и соотнося его жизнь с бытием природы, Жуковский создает оригинальную «горную философию». Картина горных обвалов, превращающих цветущие долины в пустыни, рождает символический образ исторических катаклизмов, связанных с проносящимися над человеческой цивилизацией революциями. Горная философия поэта — это утверждение созидательной деятельности человека. «Иди шаг за шагом за временем, вслушивайся в его голос и исполняй то, чего он требует…» — эту историософскую максиму Жуковский наполняет размышлениями о предназначении человека, о Провидении и Божественном Промысле, о соотношении прошлого, настоящего и будущего, о революциях и их последствиях.

И эта философия была выстрадана поэтом и мыслителем, педагогом и общественным деятелем. Весь его путь в истории русской словесной культуры — это не

просто обогащение поэтической натурфилософии, расширение горного пейзажа до пространства души, хотя без этого трудно понять природу его поэтических открытий. Его балладное Холмогорье, образы романтических высот, вершин, обилие ракурсов рассматривания мира с гор: «всё вокруг тебя, перед тобою, над тобою и под тобою» в «Путешествии по Саксонской Швейцарии», антиномии «горного — горнего», символы «моей горы», «горного духа», горных туманов, «стаи привидений», «креста на горе», «подлунной стороны», «гостя прекрасного с вышины», «поднебесной стороны» в эстетических манифестах 1815—1824 гг., историософские проекции в предсмертной поэме «Странствующий жид», где история Агасфера и Наполеона — «…слои в огромном теле // Гор первобытных…», — органичная часть его жизнестроительства и той поэтической традиции, без которой невозможно представить последующее развитие русской поэзии. Об этом подробнее см.: *Янушкевич А. С.* «Горная философия» в пространстве русского романтизма (В. А. Жуковский — М. Ю. Лермонтов — Ф. И. Тютчев) // Жуковский и время. Томск, 2007. С. 133—161.

Известно следующее суждение об этой статье Д. И. Хвостова в его письме Жуковскому от 5 апреля 1835 г.:

> Статья Ваша «Письмо из Швейцарии» за апрель месяц в «Библиотеке для чтения», не в привет Вам говорю, есть первая по глубокомыслию, по чувствам истинной философии и по прекраснейшему образцу прелестного слога и живописи поэтической» (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 73. Л. 327).

[1] Далее выпущен следующий фрагмент из письма к великому князю:

> …снег лежит на высотах гор; раз только видел я его у себя под ногами; но, выпав поутру, он исчез к вечеру, и теперь на дороге пыль. До сих пор еще не было более одного градуса морозу; когда же покажется солнце, то оно греет как весеннее. Нет ни дождя, ни сырости; холоду столько, сколько нужно для избежания грязи; розы цветут на воздухе. Надеюсь, что спокойная, порядочная жизнь, строгая диета, кротость климата и, наконец, весна сделают мне столько добра, что, наконец, мне будет возможно возвратиться к Вам к желаемому сроку.

Нередко при публикации в дореволюционных изданиях письма Жуковского к государю наследнику цесаревичу от 1 января 1833 г. происходила его контаминация с текстом статьи в «Библиотеке для чтения» или автоматически этот текст исключался из письма с соответствующей сноской. См., например: ПСС. Т. 12. С. 24—30.

[2] *Теперь 4 января ~ и мне не видать Италии.* — Весь этот отрывок отсутствовал в письме и написан специально для статьи. Появление в тексте даты 4 января позволило передатировать письмо. Вместо указанной в автографе письма к великому князю даты 1 января 1833 г. появляется в «Отрывке письма из Швейцарии» дата: 4 января (старого стиля) 1833.

Замысел поездки в Италию не покидал Жуковского, но осуществить его он смог только в апреле 1833 г. Это путешествие продлилось с 12 (24) апреля по 25 мая

(6 июня) 1833 г. Жуковский придавал ему особое значение. В письме к А. И. Тургеневу от 19 (31) октября 1832 г., когда ему пришлось отказаться от вояжа, он восклицает: «Как мне жаль нашего вместе, как жаль Италии, Колизея, Пантеона, Рафаэля, Везувия — не умею выразить…» (ПЖТ. С. 267). А уже после возвращения так выразил общее впечатление от итальянского путешествия: «…видел чудесный лихорадочный сон — Италию» (УС. С. 55). В дневнике и само путешествие, и все, что ему предшествовало, он выделяет как особый текст, озаглавив его «Путешествие в Италию» (ПССиП. Т. 13. С. 356).

[3] *Со мною живет Р***…* — В тексте письма спутник Жуковского обозначен полностью: *Рейтерн*. Имеется в виду немецкий художник Герхард Вильгельм фон Рейтерн (1794—1865). Позднее в Веве приедет и его семья, в том числе старшая дочь Елизавета, которая в 1841 г. станет женою поэта. За время совместного пребывания в Веве Рейтерн написал несколько портретов поэта, о которых говорится в письме к великому князю (в статье этот фрагмент опущен):

> Чтобы, однако, не совсем быть розно с вами в эту минуту, посылаю вам свой портрет и не один, а *три* портрета, нарисованные для вас Рейтерном… (ПСС. Т. 12. С. 25).

[4] *…а я пишу стихи…* — В письме к великому князю об этом не говорится. Просто было сказано: «… я занимаюсь своим делом». Во время пребывания в Веве Жуковский написал стихотворную повесть «Суд в подземелье», баллады «Братоубийца», «Плавание Карла Великого», «Роланд оруженосец», «Рыцарь Роллон», «Старый рыцарь», «Уллин и его дочь», драматическую поэму «Нормандский обычай», начал работу над переводом повести «Ундина».

[5] Выпущен следующий фрагмент из письма к великому князю, рождающий ассоциации с жизнью при дворе, в Шепелевском дворце: поэт жил там высоко, на третьем этаже:

> Правда, как путешественник, я не соберу для себя никакой пользы; я должен отказаться от всех забот наблюдения, не могу быть в обществе, ибо оно от меня далеко и расстроило бы мой режим, если бы я вздумал искать его; не могу даже (по крайней мере теперь) наслаждаться, как бы желал, красотами окружающей меня природы, ибо мне вредно излишнее движение и еще нет сил взбираться на горы, которые здесь гораздо выше моей петербургской лестницы…

[6] *Одна из них напечатана моими берлинскими знакомцами, Гумблотом и Дункером…* — Петер Гумблот (1779—1828) и Карл Дункер (1781—1869) — основатели издательской фирмы «Гумблот и Дункер». Через эту фирму Жуковский неоднократно заказывал книги для своей библиотеки и формировал собрание Эрмитажной библиотеки великого князя.

[7] Речь идет о чтении сочинения немецкого писателя и историка Карла Адольфа Менцеля (1784—1855) «История нашего времени после смерти Фридриха II». В библиотеке поэта сохранился именно этот экземпляр трехтомного произведения Менцеля с пометами Жуковского в 1-м и 3-м томах, касающимися наиболее

драматических событий мировой истории. См.: Geschichte unserer Zeit seit dem Tode Friedrichs der Zweiten. Von Karl Adolf Menzel. 3. Ausgabe. Th. 1—3. Berlin, Duncker u. Humblot, 1829 (Описание. № 1634). Как явствует из дневника, чтение продолжалось с 25 ноября (н. ст.) 1832 г. по 6 января (н. ст.) 1833 г. Записи фиксируют лишь процесс чтения. Только в записи от 19 (31) декабря прорывается реакция читателя: «Ввечеру Менцель: ужасы Наполеона» (ПССиП. Т. 13. С. 342).

[8] Свое впечатление от Симплонской дороги как своеобразного памятника «жребия Наполеона» Жуковский выразил в дневниковой записи от 22 августа 1821 г. во время своего первого путешествия, когда он пешком прошел весь путь «от Изолы до высоты Симлона»:

> От Дома д'Оссола начинается горная Симплонская дорога, дивный памятник Наполеона; но на этой дороге видел я нечто, еще более разительное, нежели она сама: я видел лежащую на ней мраморную колонну, вытесанную из одного камня; эта колонна была приготовлена для триумфальных ворот Наполеоновых, полувоздвигнутых в Милане и к которым должна была примыкать дорога Симплонская! Но эта колонна лежит неподвижно на чудесной дороге Наполеоновой, а чудесная дорога Наполеонова примыкает к развалинам. Весь жребий Наполеона в одном мраморном обломке (ПССиП. Т. 13. С. 208).

[9] Это швейцарское местечко в сознании Жуковского было неразрывно связано с именем Ж. Ж. Руссо и его романом «Новая Элоиза», действие которого происходит именно в Кларане. Не случайно он записывает в дневнике 9 (21) октября 1832 г.: «Чтение "Новой Элоизы"» (ПССиП. Т. 13. С. 337). Свое впечатление от этого чтения он изложил в письме И. И. Козлову от 27 января (8 февраля) 1833 г. из Верне, то есть прямо по следам этого чтения:

> Не во гнев тебе будет сказано, нет ничего скучнее *Новой Элоизы*, я не мог дочитать ее и в молодости, когда воображению нужны более мечты, нежели истина. Попытался прочитать ее здесь и еще более уверился, что не ошибся в своем отвращении. Для великой здешней природы и для страстей человеческих Руссо не имел ничего, кроме блестящей декламации: он был в свое время лучезарный метеор, но этот метеор лопнул и исчез (С 7. Т. 6. С. 472).

[10] *Это место называлось тогда Goldau, «золотой луг»*. — Впервые Жуковский обратил свое внимание на Голдау во время швейцарского путешествия 1821 г. В письме великой княгине Александре Федоровне от августа 1821 г. он сообщает:

> Я спустился вниз тою же дорогой, по которой взошел, потом поворотился вправо и мимо ужасных развалин горы, задавившей двенадцать лет тому назад прелестную деревню Goldau, пошел к деревеньке Ловерц, полуразрушенной тем же падением… (ПСС. Т. 12. С. 13).

Новая встреча с Голдау запечатлена в дневниковой записи от 8 (20) сентября 1832 г.:

Поутру в половине осьмого путешествие на развалины Гольдау. Прекрасная дорога между плодоносными деревьями по Швицкой долине; с одной стороны Росберг, с другой Риги, впереди Швиц и Миты. Рассказы проводника о разрушении Гольдау. Старая и новая дорога. Ореховое дерево с крестом и надписью, под ним камень. <…>

Вид на все развалины с насыпи, завалившей Гольдау (слой конгломерата на слое глины). Старинный обвал в этом же месте. Новая церковь на месте разрушенной. Дерн и даже деревья на обвале, чего не было за десять лет перед сим. Рисованье с насыпи и из окон хижины (ПССиП. Т. 13. С. 331).

А. Янушкевич

Воспоминание о К. К. Мёрдере

(«24 марта скончался в Риме генерал-адъютант *Карл Карлович Мёрдер*…»)
(С. 327)

К о п и я: РНБ. Оп. 1. № 26. Л. 47—47 с об. — авторизованная.

В п е р в ы е: Северная пчела. 1834. № 101. С. 401—402 — без заглавия, в рубрике «Внутренние известия».

В п о с м е р т н ы х и з д а н и я х: С 5. Т. 13. С. 151—156 — с заглавием «Воспоминание о К. К. Мёрдере».

П е ч а т а е т с я по С 5 со сверкой по копии и первой публикации.

Д а т и р у е т с я: не ранее 24 марта 1834 г. (дня смерти К. К. Мёрдера) — не позднее 6 мая 1834 г. (дата выхода в свет № 101 «Северной пчелы» — 7 мая 1834 г.).

Статья о К. К. Мёрдере (1795—1834) была откликом Жуковского на смерть человека, с которым его связывало многолетнее сотрудничество в воспитании наследника русского престола. Карл Карлович Мёрдер был назначен воспитателем-наставником великого князя Александра Николаевича, которому тогда исполнилось 6 лет, 8 июля 1824 г. По свидетельству современников, он был «прирожденным педагогом, тактичным и внимательным. Правилом его работы было развить хорошие черты ребенка и сделать из него честного человека» (из воспоминаний великой княжны Ольги Николаевны). Сам великий князь Александр Николаевич называл своего наставника «бесценный, мой второй отец». Жуковский неоднократно упоминает в дневнике о своих встречах и разговорах с Мёрдером, фиксирует отправку писем к нему и получение ответных (см. записи от 25 апреля 1827 г., 30 октября 1831 г., июня 1832 г., 11, 12 января, 1, 4 февраля, 2, 10, 14, 30 марта, 22 июня, 2 августа 1833 г.). Его письма к Мёрдеру наполнены высочайшим уважением и дружескими чувствами. В письме к императору Николаю I от 8 июля 1828 г. Жуковский писал о Мёрдере:

…я совершенно счастлив моим товариществом с моим почтенным, редким Мердером. Мы идем с ним к святой нашей цели рука в руку; еще не было между нами ни в чем разногласия. Его твердый характер и прекрасное сердце дают всему ход спокойный и постоянный.

В письме от 19 августа 1826 г. Жуковский об этом же писал Мёрдеру:

> Место, которое мы друг подле друга занимаем в этой жизни, должно утверждать и усовершенствовать нашу дружбу. Мы рука в руку идем к той цели, которая одна уже может составить высокое счастье для души высокой: быть верными товарищами на нашей святой дороге есть быть друзьями. Идти по ней нельзя без жаркого энтузиазма к добру, к пользе, ко всему, что есть прямо драгоценного в здешнем мире. Я знаю, что мы с вами согласны в этом чувстве. За вас, как и за себя, поручусь, что личная выгода никогда не замешается в нашу деятельность, что вы действуете без самолюбия, без корысти и что всегда готовы пожертвовать собственным для успеха своего дела (Жизнь. Литературный и научно-политический журнал. 1898. Т. 15. № 7. Март. Кн. 1. С. 321—322).

Узнав в январе 1833 г. о болезни Мёрдера из его письма, Жуковский пишет ему в ответном:

> Письмо ваше огорчило меня весьма описанием вашей болезни. Мое сердце болит вашим. Сохрани вас Бог, мой милый друг! Говоря это, я эгоист; мне вы необходимо надобны, сколько для моей к вам нежной дружбы, столько и для успеха нашего общего дела. Впрочем, вы уже и теперь можете смело стать на суд перед людьми и перед Богом; никакое место не было, конечно, столь совестно, столь честно занято, как ваше вами; всё то, что вы могли сделать с совершенным забвением самого себя — сделано, а что сделано, то весьма много. Только с вашим прямодушием, с вашею удаленностью от всякого мелкого честолюбия могло быть возможно утвердить этот братский душевный союз, который существует между вами и мною (С 7. Т. 6. С. 534).

А в письме А. И. Тургеневу он писал:

> Мёрдера заменить будет не можно; хотя он и не имеет образования европейского, но своим характером и твердым, здравым умом принес уже весьма много пользы великому князю. Такие люди, как он, сокровище при детях царских: благодаря ему (и мне) великий князь не потеряет уважения к людям (ПЖТ. С. 270).

1 мая 1833 г. Жуковский пишет в дневнике о том, что он получил известие о Мёрдеровой смерти (ПССиП. Т. 13. С. 370). Однако оно было ложным; об этом недоразумении Жуковский писал наследнику 19 мая:

> В самую минуту отъезда из Неаполя получил я записку из министерства нашего, в которой уведомляют меня — о чем бы вы думали? — не менее, как о смерти Карла Карловича. Можете вообразить, каково мне было! И четыре дня его не было для меня на свете: я похоронил его в сердце. Но встреча в Риме с принцем Петром Георгиевичем Ольденбургским его воскресила (РА. 1883. Кн. 1. С. XXIII—XXIV).

Правдивое известие о смерти Мёрдера Жуковский получил чуть меньше чем через год — 19 апреля 1834 г.

Отчасти выполнявшая функцию некролога в «Северной пчеле», статья была опубликована в разделе «Внутренние известия» без заглавия, которое она обрела

лишь в публикации С 5. Названная издателями «*Воспоминание* о Мёрдере», она, действительно, написана в русле романтической философии воспоминания Жуковского, нашедшей яркое выражение еще в стихотворении 1821 г. «Воспоминание» («Не говори с тоской: *их нет*; / Но с благодарностию: *были*»). Центральное место в статье занимает философское осмысление темы смерти, которая станет одной из важнейших в мировоззрении и творчестве Жуковского 1840-х гг. В смерти он, как христианин, видит не столько трагедию, сколько великую тайну осуществляемого по воле Провидения перехода человека из земной жизни в другую. Не менее важной для Жуковского является мысль о том, что жизнь и смерть — это звенья одной цепи бесконечного бытия человечества. Эти идеи способствовали углублению содержания статьи, а с другой стороны, ее глубоко личному звучанию. Вместе с тем во имя достоверности и точности Жуковский включает в свой текст письмо А. В. Устинова, который не отходил от Мёрдера во время его последней болезни. Это не менее показательно для стиля позднего Жуковского-прозаика, органично синтезирующего объективное и субъективное начала.

В конце статьи Жуковский описывает как бы в параллель картине смерти Мёрдера «первую присягу на жизнь земную» наследника русского престола, ученика Мёрдера. Он совмещает два события во времени, соотносит жизнь и смерть, выстраивая целостную концепцию бытия и человека, несущего в себе изначально единство земли и неба, жизни и смерти. По глубине осмысления темы смерти и связанной с ней темы воспоминания «Воспоминание о Мёрдере» можно назвать философской статьей, подобной таким его философским элегиям, как «На кончину Ея Величества королевы Виртембергской», «У гроба Государыни Императрицы Марии Федоровны. В ночь накануне ее погребения», эпитафиям «Стихи, вырезанные на гробе А. Д. Полторацкой», «Надгробие И. П. и А. И. Тургеневым», автоэпитафии «Друзья, без горести на гроб взирайте мой!..».

О смерти К. К. Мёрдера писал в своем дневнике (очень близко по сути к статье Жуковского) Пушкин 25 апреля 1834 г.:

> Мёрдер умер, человек добрый и честный, незаменимый. Великий князь еще того не знает. От него таят известие, чтобы не отравить его радости [имеется в виду совершеннолетие наследника Александра Николаевича и его первая присяга. — *И. А.*]. <…> Также умер Аракчеев, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатления (*Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. IX. С. 35).

Авторизованная копия показывает основные направления работы Жуковского над текстом. Он исправляет неточности (напр., «генерал-майор» исправлено на «генерал-адъютант» — 14 октября 1828 г. Мёрдер был произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту Его Императорского Величества, а 10 марта 1833 г. император Николай I пожаловал его званием генерал-адъютанта), удаляет некоторые детали (напр., указание на то, что Мёрдер умер «в половине первого часа утра», что «силы его потеряны от прежней, долговременной болезни, уже не могли бороться с новою. Он страдал много, но сохранил память почти до самой кончины»), вносит стилистическую правку («возвратиться в Россию» исправлено на «ехать обратно в

Россию», «был призван» — на «пригласили»; «оно получило» — «на нем распространилось»; «находящегося близь самой Цестиевой пирамиды» на «близь Цестиевой пирамиды»; «человек, которого никогда не забудет отечество» на «незабвенный наш Мердер»; «любезный» на «любимый»; «прекрасно завершил» на «беспорочно исполнив»), вписывает некоторые уточняющие фрагменты или отдельные детали (напр., предложение: «Следующие подробности о последних днях и кончине генерала Мёрдера заимствованы из писем очевидца» и сделанная к этой фразе сноска появились в авторизованной копии; первоначальный вариант «осматривал иллюминацию Базилики» поправлен: «осматривал иллюминацию купола Базилики»).

[1] *…церемонию папского благословения…* — Папа преподает его верующим ежегодно в Соборе Святого Петра на Пасху. На Пасху 1834 года Мёрдер, находясь на церемонии папского благословения на площади св. Петра, простудился. 19 марта у него началась лихорадка. 24 марта Мердер скончался.

[2] *…купола Базилики…* — Базилика — тип строения прямоугольной формы, которое состоит из нечетного числа (1, 3 или 5) различных по высоте нефов — помещений, ограниченных с одной или двух продольных сторон колоннами.

[3] *…Цестиевой пирамиды…* — Пирамида Цестия — древнеримский мавзолей в Риме в форме неправильной пирамиды. Построена между 18 и 12 гг. до н. э. для Гая Цестия Эпулона, магистрата и члена одной из четырех великих римских жреческих коллегий.

[4] *…для первой присяги на жизнь земную.* — Речь идет о церемонии принесения присяги наследника престола, после которой Николай I сообщил Александру о смерти Мёрдера. В мае 1835 г. прах Мёрдера с разрешения папы римского был перевезен на родину. 28 мая его похоронили на Смоленском лютеранском кладбище в присутствии цесаревича и принца Ольденбургского. После отпевания в лютеранской церкви наследник сказал: «Я никогда не справлялся о его вероисповедании, но я знал добрые дела, и мне не нужно было ничего более, чтобы уважать его и любить». Эпитафия Мёрдеру на надгробии гласит: «Не судил ему Творец, увидеть подвига начатого конец. И сладко отдохнуть среди семьи любимой». 17 апреля 1834 г. Жуковский записал в дневнике:

> Ныне совершеннолетие великого князя. Мы поздравили друг друга со слезами после заутрени. Он вспомнил своего почтенного Карла Карловича, о котором нельзя вспомнить без чувства любви. Прекрасное чувство, которое меня порадовало (ПССиП. Т. 14. С. 9).

18 апреля Жуковский вновь писал в дневнике о переживаниях великого князя, связанных со смертью Мёрдера:

> Великий князь плакал сильно опять о своем Мёрдере. Где же он? На земле или уже подле ангелов выше земли? (Там же. С. 9—10).

И. Айзикова

Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 года

(«Я готовился быть свидетелем торжества великолепного…»)

(С. 329)

Автограф неизвестен.

Впервые: Русский Инвалид. 1834. 9 сентября; Северная Пчела. 1834. 8 сентября; Журнал для воспитанников военно-учебных заведений. 1834. № 31. С. 287—296.

Отд. издание: Воспоминание о торжестве 30-го августа 1834 года. СПб.: В типографии Н. Греча, 1834. 16 с.; 22 см, без указания автора. Известен экземпляр этого издания с дарственной надписью Жуковского И. И. Дмитриеву.

В прижизненных изданиях: С 4. Т. 7. С. 251—261; С 5. Т. 7. С. 248—249.

Датируется: начало сентября 1834 г.

«Воспоминание о торжестве 30-го августа 1834 года» — программная статья Жуковского, посвященная описанию торжественного открытия Александровской колонны и изложению своей концепции будущего развития России.

«Воспоминание…» было написано Жуковским в течение недели и опубликовано без подписи в «Северной пчеле» 8 сентября, а на следующий день 9 сентября — в специальном выпуске «Русского Инвалида» в рубрике «Современная история». Идейно-тематическое содержание статьи тесно связано с изучением Жуковским русской истории, созданием исторических пособий для наследника престола и осмыслением новейшей истории 1812—1830 гг.

В 1832 г. Жуковский уехал в отпуск за границу. 9 января 1833 г. поэт начал переводить стихотворение Ф. Шиллера «Das Eleusische Fest». Одна из особенностей его перевода заключается во введении образа колонны, отсутствующего в шиллеровском тексте. Ср. у Жуковского: «И сияя низлетают / Оры легкие с небес / И в колонну округляют / Суковатый ствол древес»; у Шиллера: «Und die leichtgeschürtzten Stunden / Fliegen ans Geschäft gewandt, / Und die rauchen Stämme runden / Zierlich sich in ihrer Hand». Появившийся в балладе Жуковского образ колонны отсылает к Александровской колонне, уже возводившейся в Петербурге по утвержденному в 1829 г. проекту О. Р. де Монферрана и установленной 30 августа 1832 г. на Дворцовой площади. По замечанию Т. Н. Степанищевой, эта баллада Жуковского «может быть приравнена к утопии, трактующей развитие человечества как путь просвещения и этического прогресса — т. е. путь культуры» (*Степанищева Т. Н.* Поздние баллады Жуковского (Эволюция жанра). Диссертация на соискание ученой степени magister artium по русской литературе. Тарту, 1997. С. 110). Созданный в балладе идеальный мир превращался в ту ожидаемую поэтом прекрасную эпоху, символом которой стала Александровская колонна. Баллада Жуковского «Элевзинский праздник» была напечатана в журнале «Новоселье» в 1834 г.

В день тезоименитства покойного государя Александра I и наследника престола цесаревича Александра Николаевича, 30 августа 1834 г., на Дворцовой площади была открыта Александровская колонна. В начале торжества, приуроченного к 20-летней годовщине победы России над Францией, Николай I объехал войска; затем была

произнесена всеобщая молитва. Открытие колонны завершалось грандиозным парадом и салютом. Идеализация Александра I, воспоминание об Отечественной войне и славном заграничном походе, подтверждение легитимной преемственности власти Николая от Александра, символическое продолжение и завершение имперского строительства — все эти идеологемы были воплощены в тщательно продуманных формах в ходе праздничной церемонии на Дворцовой площади (см.: *Гузаиров Т.* Открытие Александровской колонны в Петербурге: продуманный сценарий и неожиданный эффект // Humaniora: Litterae Russicae. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение VII. Новая серия. Тарту, 2009. С. 111—127).

«Воспоминание…» условно состоит из двух частей: в первой части поэт описывает торжества 30 августа, а во второй — предлагает историко-философское осмысление Александровской колонны. С точки зрения И. А. Айзиковой, особенностью идейной структуры статьи является вписывание поэтом событий общественной жизни

> …в широкий и вечный контекст природы. Необходимым элементом поэтики исторического повествования «Воспоминания…» оказываются пейзажи, отличающиеся конкретностью и в то же время особым символико-метафорическим строем. В статье Жуковский таким образом выражает идею непостижимой и невыразимой, проистекающей от Бога целостности бытия вообще и наблюдаемого события в частности (см.: *Айзикова*. С. 311—312).

Как отмечает О. А. Проскурин, в осмыслении Жуковского Александровская колонна символизирует «две ипостаси Российского государства — историческое прошлое и эсхатологическое грядущее, земное и небесное» и уподобляется «Древу Жизни, спасительному Кресту Господню» (*Проскурин О.* Поэзия Пушкина, или подвижный палимпсест. М., 1999. С. 285).

Статья Жуковского «Воспоминание…», наравне с брошюрой И. Бутовского «Об открытии памятника Императору Александру Первому» (СПб., 1834), была главным официальным текстом, посвященным описанию торжества 30 августа. В своих сочинениях оба автора, как отмечает Р. Вортман, прославляли политический строй, который вознес «Россию к вершинам власти и международного престижа» (см. подробнее: *Вортман Р.* Сценарии власти. Миф и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. I. С. 415—421). Анализируя восприятие современниками колонны как символа мира и как символа военной победы, В. А. Мильчина обратила внимание на то что, «Жуковский, не полностью исключая из своего очерка военные мотивы, всё же делает упор на гармонизирующую сторону церемонии и самого памятника» (*Мильчина В.* Открытие Александровской колонны глазами французского дипломата: символика мира или войны? // The Real Life of Pierre Delande. Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin. Part 2. Stanford, 2007. (Stanford Slavic Studies 34). P. 713—735). Если идейное содержание «Воспоминания…» в целом не противоречило установкам официальной доктрины «самодержавие — православие — народность», то оценка современной истории России у Жуковского была отличной от круга Николая I.

С точки зрения официальной идеологии, торжества 30 августа 1834 г. были призваны символически продолжить «прекрасную эпоху», прерванную восстанием декабристов, войнами, революционными событиями в Европе и Польше. Однако Жуковский воспринимал открытие Александровской колонны как символическое начало качественно иного этапа в истории России, выбора нового политического вектора, направленного на созидание исключительно внутреннего благосостояния государства. Слова, приведенные в заключение «Воспоминания…»: «дни боевого для нас миновались… наступило время создания мирного» — стали лейтмотивом в письмах и статьях Жуковского 1826—1850-х гг. Постоянно обращаясь к одному и тому же идеологическому комплексу наступления «прекрасной эпохи», Жуковский тем самым как бы свидетельствовал, что эта эпоха *еще* не наступила, что государь по-прежнему лишь подает надежды, верить в осуществление которых поэт искренне желал.

[1]*…свидетелем торжества…* — Восторг, описанный Жуковским в опубликованной для широкой аудитории статье и испытанный также другими зрителями торжества, стал эмоцией, объединяющей подданных в единую нацию. Ср., напр., со стихотворением М. Поднебесного «На сооружение памятника Александру Благословенному» (Русский инвалид. 1834. № 219), или со стихотворением А. Грена «Чувства юноши при виде памятника императору Александру Благославенному» (Русский Инвалид. 1834. № 320), с брошюрой Добелла «30 августа, или чувства и мысли при созерцании колонны, посвященной бессмертной памяти Императора Александра I» (СПб., 1834). Всеобщая картина охватившего восхищения по случаю открытия колонны имела две значимые лакуны: на торжествах демонстративно не присутствовали французский посол в Петербурге маршал Никола-Жозеф Мезон (см.: *Мильчина В.* Указ. соч.) и А. С. Пушкин. Как следует из дневника поэта, он «выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтобы не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами» (Пушкин. Т. XII С. 332).

[2]*…Альпы ~ ко храму св. Петра…* — 5 сентября 1832 г. Жуковский прибыл в Швейцарию, 1 апреля 1833 г. через Францию он отправился морем в Италию. С 3 по 14 мая поэт находился в Риме, когда и посетил Ватикан. Как полагает О. А. Проскурин, торжества по случаю открытия Александровской колонны были спроецированы на Ватиканские торжества 14 сентября 1586 г., когда в праздник Крестовоздвижения на площади перед собором св. Петра был установлен древний египетский обелиск, увенчанный христианским крестом. Александровская колонна символически превращала Дворцовую площадь в центр «Нового Рима». С этой точки зрения, в «Воспоминании…» представляется неслучайным сближение впечатлений Жуковского от созерцания торжества 30 августа и римских святынь (см.: *Проскурин О.* Указ. соч. С. 286).

[3]*…и в этом беспрестанном, быстром переходе из мрака в блеск…* — В «Воспоминании…» природные явления приобретают символическую трактовку, поэт подчеркивает особое в них участие Промысла. Оппозиция «света ⇔ тьмы», образы грозы, молнии, туч составляли универсальную историко-литературную

призму, с помощью которой Жуковский и другие авторы описывали события 1812, 1825 и 1834 гг. Не случайно, что облачная, пасмурная погода, стоявшая накануне торжества 30 августа 1834 г., воскресила память о междуцарствии декабря 1825 г. (см.: Записки А. Х. Бенкендорфа // *Шильдер Н.* Император Николай Первый, его жизнь и деятельность. М., 1996. Т. 2. С. 554). Открытие Александровской колонны восстановило, с точки зрения современников, нарушенный миропорядок и ход времени. В «Воспоминании…» описание открытия колонны построено вокруг развертывания метафоры победы — «солнца / тишины» над «грозой», что символизирует конец эпохи бунтов и начало эпохи благоденствия. Торжество по случаю открытия Александровской колонны превращалось как бы в альтернативный — славный — вариант восшествия Николая I на престол (см. подробнее: *Гузаиров Т.* Указ. соч.).

[4] *…принца Вильгельма прусского…* — Имеется в виду будущий король Пруссии Фридрих Вильгельм IV (1795—1861; вступил на трон в 1840 г.). Николай I пригласил своего тестя прусского короля Фридриха Вильгельма III принять участие в торжествах по случаю открытия Александровской колонны. Из Берлина в Петербург были присланы 17 офицеров и 38 унтер-офицеров из разных гвардейских полков, представлявших 30 августа 1834 г. прусскую армию. Вместе с ними прибыл и сын короля принц Вильгельм. Отметим, что в течение последующих лет личные отношения между Жуковским и Фридрихом Вильгельмом IV отличались взаимной симпатией, что проявилось в их переписке. Размышлениям о прусском короле как о человеке и правителе посвящены отдельные фрагменты в историко-политических статьях и письмах поэта 1848—1850 гг.

Согласно новейшим разысканиям, Фридрих Вильгельм принимал самое активное участие в проектировании памятника. Подробнее см.: *Пахомова-Геррес В. А.* О неразгаданной тайне Александринского столпа, Царицыном острове и неизвестном «русском» архитекторе Фридрихе Вильгельме IV // Россия — Германия, пространство общения. X Царскосельская конференция. Материалы… СПб., 2004. С. 320—335.

[5] *…государя, смиренно стоящего на коленях…* — Всеобщий молебен был спроецирован на молебен русских войск в Париже 29 марта (10 апреля) 1814 г., в день православной Пасхи. Идеализация образа молящегося государя восходит к посланию Жуковского «Императору Александру» (1814). Ср.: «О, сколь божественна в сей час душа Твоя! / Сей полный взор любви, сей взор воспламененной — / За нас он возведен к Правителю вселенной; / За нас Ты предстоишь как жертва перед Ним» (ПССиП. Т. 2. С. 380).

[6] *…в незнаменитый уголок ~ последний свой путь чрез Россию…* — Имеется в виду Таганрог, где во время путешествия по России 19 ноября (1 декабря) 1825 г. от горячки умер Александр I. 4 декабря министр внутренних дел В. С. Ланской внес в Сенат предложение о подписке на сооружение памятника почившему императору. Тело Александра I было доставлено в Царское Село в ночь на 5 марта 1826 г. и торжественно похоронено в Петропавловском соборе 13 марта. 19 марта был организован парад гвардии в память о вступлении русских войск в Париж.

[7] *Начался… церемониальный марш…* — В торжествах, по сообщению «Санкт-Петербургских ведомостей» от 1 сентября 1834 г., «в строю находилось 92 340 человек войска». Жуковский в статье округляет цифру до «стотысячной армии». В «Воспоминании…» парад представлен, по наблюдению Р. Вортмана, как эманация власти государя (*Вортман Р.* Указ. соч. С. 416). В 1834 г. художник-баталист А. И. Ладюрнер (1798—1855) написал картину «Парад при открытии Александровской колонны в 1834 году».

[8] *…и на этой скале написано Петр…* — Имеется в виду памятник Петру I (открыт в 1782 г.; конная статуя изготовлена скульптором Э. Фальконе). Как указала Л. Н. Киселева, «Медный всадник. Петербургская повесть» (1833) А. С. Пушкина является главным предметом диалога в «Воспоминании…» Жуковского. Ср. описание двух всадников в статье и поэме; характерно, что Жуковский начинает статью с описания разбушевавшейся природной стихии (грозы). В «Воспоминании…» поэт создает свое версию «петербургского текста» (*Киселева Л. Н.* Пушкин и Жуковский в 1830-е годы (точки идеологического сопряжения) // Пушкинская конференция в Стэнфорде 1999. Материалы и исследования. М., 2001. С. 171—185).

[9] *от Торнео ~ до Адрианополя…* — В статье Жуковский перечисляет победы русской армии в эпоху Александра I и Николая I. Авторский выбор синтаксической конструкции «от… до…» мог быть продиктован стремлением, с одной стороны, создать образ Николая I как продолжателя военной славы Александра I, а с другой, символически обозначить конец военного этапа в государственном развитии России.

Торнео (Торнио) — река, по которой проходит водная граница между Финляндией и Швецией — отсылает читателя к событиям Русско-шведской войны (1808—1809). 14 апреля 1809 г. Александр I учредил медаль «За проход в Швецию через Торнео». Согласно Фридрихсгамскому мирному договору, Финляндия была присоединена к России. Эта война завершила историю военного противостояния между Россией (Русью) и Швецией, начавшегося с середины XII в.

Арарат — Отсылка к Русско-персидской войне 1826—1828 гг., в результате которой к России была присоединена Восточная Армения. Важно отметить, что утверждению николаевской России на Закавказье способствовала предыдущая Русско-персидская война в эпоху Александра I (1804—1813).

Париж — Отсылка к событиям Отечественной войны, заграничному походу русской армии и победе над Наполеоном.

Адрианополь — отсылка к событиям Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. В контексте статьи и на момент 1834 г. эта победоносная война Николая I символически завершила историю противостояния между Россией и Османской империей (1735—1739; 1768—1774; 1787—1791; 1806—1812).

[10] *И ангел, венчающий колонну…* — Статуя была изготовлена Б. Орловским, который, по указанию Николая I, придал лицу ангела сходство с чертами Александра I. По наблюдению современного историка Р. Вортмана, это был «ангел воинствующий, чей дух представляет национальный триумф России. Это было мощное выражение божественной силы, орудия Провидения, действующего ради нации» (*Вортман Р.* Указ. соч. С. 419).

[11] *…дни боевого создания для нас миновались…* — Тема окончания периода территориальной экспансии определит характер описания и проблематику ряда текстов Жуковского начиная с «Очерков Швеции» (1838) до статьи «Русская и английская политика» (1850). Если в «Воспоминании…» поэт создает картину исторического и национального триумфа России, то уже в «Очерках Швеции», по наблюдению Л. Н. Киселевой, Жуковский ставит России пример Швеции, отказавшейся от завоевательной политики (см.: *Киселева Л. Н.* «Очерки Швеции» Жуковского и карамзинская традиция // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV. Новая серия. Тарту, 2001. С. 156—168). Существенно отметить, что концепция Жуковского о безмятежном всеобщем развитии, по мнению А. Л. Осповата и Р. Д. Тименчика, «была чужда Пушкину. Петровский замах, который казался Жуковскому губительным для современности, он искал в Николае I» (*Осповат А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальну повесть сохранить…» М., 1987. С. 47).

[12] *…а имя его: Божия Правда.* — В январе 1833 г. Жуковский активно размышлял о смысле исторического развития и средствах восстановления гармонии после революционных потрясений и Русско-польской войны 1830—1831 гг. Таким спасительным путем, по мысли Жуковского, является христианство как хранитель нравственности. 4 (16) января 1833 г. поэт сделал пространную дневниковую запись, которая строится вокруг характерной позднее для «Воспоминания…» метафоры наступления прекрасной, христианской эпохи после эпохи хаоса. Ср.: «период бурных переворотов дошел до своего предела <…> началась новая, высшая жизнь <…> Это *лучшее* само собою истекает из зла минувшего. <…> *паче всего блюди Божию правду*!» (ПСС. Т. 13. С. 345—347). 25 января, спустя неделю после написания баллады «Элевзинский праздник», Жуковский знакомится с сочинением политического деятеля К. Л. Галлера «Restauration der Staatswissenschaft oder Theorie des natürlich-geselligen Zustands der Chimäre des künstlich-bürgerlichen gegengesetzt». «Галлерова система, — писал Жуковский к А. Тургеневу, — <…> ставит границы заносчивости человеческого ума и возвращает должное Богу» (ПЖТ. С. 275). Поэт приходит к выводу, что именно Бог и Absolutismus являются необходимым условием для наступления «прекрасной» эпохи.

Т. Гузаиров

Письмо Карамзина к графу Каподистрия К редактору Журнала Министерства Народного Просвещения

(«Письмо, сообщаемое мною вам, достойно того, чтоб знали о нем все…»)
(С. 333)

Автограф неизвестен.

Впервые: ЖМНП. 1835. Ч. 5. № 1. Январь. С. 1—15 — в разделе «Словесность и науки» под заглавием «Письмо Карамзина к графу Каподистрия». Преамбула «К редактору» подписана: В. Жуковский.

В прижизненных изданиях: С 4. Т. 7. С. 262—275 — с заглавием «Письмо Карамзина к графу Каподистрия» и подзаголовком «К редактору журнала Министерства Народного Просвещения»; С 5. Т. 7. С. 336—348 — с заглавием «Письмо Карамзина к графу Каподистрия».

Печатается по С 5 со сверкой по прижизненной публикации.

Датируется: конец 1834 г.

Письмо Н. М. Карамзина к И. А. Каподистрии в подлиннике и в собственном переводе Жуковский послал в «Журнал Министерства Народного Просвещения», основанный по инициативе С. С. Уварова и выходивший ежемесячно с 1834 г., в память о выдающемся русском писателе и историке, сопроводив его своим открытым письмом к редактору журнала К. С. Сербиновичу. Последний был в дружеских отношениях с Карамзиным (известны его воспоминания о Карамзине: РС. 1874. Т. XI), вместе с Д. Н. Блудовым они готовили по карамзинским черновикам к изданию т. XII «Истории Государства Российского». Сербинович был знаком и с Жуковским, бывал у него дома (см., напр., дневниковые записи Жуковского от 11, 25 ноября, 12 декабря 1840 г.: ПССиП. Т. 14. С. 228, 229, 231 и др.), был издателем и редактором посмертных томов С 5 и всех томов С 6. Таким образом, обращение Жуковского с публикацией письма Карамзина к Сербиновичу было отнюдь не случайным.

Граф Иоанн Каподистрия (1776—1831), русский и греческий государственный деятель, с 1816-го по 1822 г. — министр иностранных дел России, первый руководитель независимой Греции (с 1827-го по 1831 г.), был, как указывает А. С. Архангельский, «в самых близких, дружественных отношениях с Карамзиным, Жуковским, Ал. Тургеневым и вообще «арзамасцами» (ПСС Т. 10. С. 146). Архангельский приводит отзыв Карамзина о Каподистрии (из письма к И. И. Дмитриеву 1816 г.) как об «умнейшем человеке нынешнего двора». Вместе они ходатайствовали перед царем об облегчении участи Пушкина после восстания декабристов — о замене ссылки в Сибирь службой на юге России. Очень высокого мнения о Каподистрии был Жуковский, о чем свидетельствуют его многочисленные записи в дневнике (начиная с октября 1817 г.) о личных встречах, разговорах (см. записи от 17 окт., а также от 23—29 июля 1826 г. (в записи от 29 июля указаны годы службы Каподистрии и перечислены ее этапы, по предположению А. С. Янушкевича и О. Б. Лебедевой, в связи с подготовкой рекомендательной записки императрице Александре Федоровне о Каподистрии в качестве воспитателя великого князя Александра Николаевича), от 16, 25 августа 1827 г., 26 августа 1832 г. и др.). 21 августа 1835 г. Жуковский отмечает в дневнике «Чтение Записок Стурдзы», имея в виду рукопись «Отрывок из истории XIX столетия» А. С. Стурдзы, где, в частности, говорится об участии Каподистрии в событиях Европы и Греции в 1821—1822 гг. и о его убийстве, произошедшем 27 сентября 1831 г. Весь объемный труд Стурдзы, названный им «Отрывком…», собственно, и вырос из написанного в 1831 г. «надгробного слова гражданину-мученику, отдавшему жизнь свою за правду и отечество», два экземпляра которого Стурдза послал Жуковскому вместе со своим письмом от

4 декабря 1831 г. (РО ИРЛИ. № 28.272). В этом же письме он сообщал: «Описав кратко прекрасную жизнь и христианскую кончину Каподистрии, я предоставляю себе некогда, если продлится мое земное странствование, верными яркими чертами написать Историю времен наших, в которой он займет место, достойное его доблестей» (Там же. Л. 1 об.). Примечательно, что уже в этом письме Стурдза просит Жуковского представить один экземпляр своего надгробного слова о Каподистрии Его Императорскому Высочеству, так как «Имя графа Каподистрии принадлежит славному царствованию Александра I, следственно и России, и целому человечеству» (Там же. Л. 2 об.). Речь об этой рукописи, о желании познакомиться с ней заходит в письме Жуковского к Стурдзе от 29 мая 1835 г. С нею Жуковский был намерен познакомить и великого князя Александра Николаевича. 4 апреля 1836 г. Жуковский, называя Каподистрию «христианским Аристидом», настаивает на том, чтобы Стурдза выделил в отдельный текст фрагмент о Каподистрии, и берется подготовить его к печати: «Мое мнение, что этот отрывок должен быть напечатан непременно <…> Имя Каподистрии было поругано недостойным образом: должно вступиться за его святую память. Вы это сделали прекрасно: для чего же скрывать от света сделанное вами? <…> отделите из своей рукописи то, что назначите для печати, велите этот отрывок переписать и пришлите мне; я готов быть его издателем» (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 9. № 19. Л. 2). В письме к Стурдзе от 13 апреля 1836 г. Жуковский вновь пишет о задуманном издании сочинения о Каподистрии:

> Чтобы сделать отрывок, в котором будет заключаться повесть о восстании Греции до убийства ее президента, приложите к началу, или где рассудите, быстрый взгляд на жизнь Каподистрии до той минуты, в которую он предпринял последний путь свой, приведший его к славному гробу мученика. Эти немногие быстрые страницы могут быть прекрасны, а ваш отрывок сделается отдельною историческою картиною. В таком виде (сделав, если рассудите, некоторые поправки по моим общим замечаниям) доставьте мне список: я его напечатаю, если окажется нужным — иное выражение переменю, хотя мне страшно прикасаться к тому, что написано вами: вы мастер, а не ученик. Вот еще предложение. Пушкин выдает журнал под названием «Современник»: не согласитесь ли, чтобы я напечатал ваш отрывок в нем? Таким образом он может разом быть прочитан многими. После издадим его и особенно. Можно будет издать почти в одно время (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 9. № 19. Л. 3).

Желание Жуковского осуществилось, но позднее: в 1840 г. в Одессе было издано сочинение Стурдзы «Каподистрия в Греции. Отрывки из исторического сочинения», в этом же году оно было подарено автором Жуковскому с надписью на обложке: «Василию Андреевичу Жуковскому. В память прошедшего. От автора. 1840» (Описание. № 388.). В библиотеке поэта хранится сочинение Стурдзы «La Grèce en 1821 et 1822. Correspondance politique publiée par un Grec. Paris, 1823» с дарственной надписью автора, датированной 1826 г. (Описание. № 2211). Уже после смерти и Жуковского, и Стурдзы, в 1864 г., в «Чтениях в Обществе Истории и Древностей Российских» (II. С. 1—205) были напечатаны «Воспоминания о жизни и деяниях графа И. А. Каподистрии, правителя Греции. Сочинение А. С. Стурдзы»

(часть «Отрывка из истории XIX столетия», находившегося в руках Жуковского). Одновременно они были выпущены и отдельным изданием (М., 1864).

Итак, публикация письма Карамзина к близкому другу графу И. Каподистрии, предпринятая Жуковским, с одной стороны, органично вписывается в его глубокий интерес к личности этого человека, в его заботы о закреплении «святой памяти» о нем в русском общественном сознании. С другой стороны, не менее органично обращение Жуковского к письму, адресованному Каподистрии его близким другом Н. М. Карамзиным, к творчеству и личности которого Жуковский, как известно, обращался на протяжении всей своей жизни. Перевод письма Карамзина к Каподистрии и сопроводительное письмо переводчика в ЖМНП появились в тот период, когда Жуковский вновь обращается к сложнейшим философским, нравственно-психологическим, общественным проблемам и пытается найти новые основания для их решения. Письмо Карамзина о закате своей жизни, об окончании своего «земного путешествия», написанное незадолго до смерти, входило в русло размышлений Жуковского о жизни, смерти и бессмертии, важнейших для него в 1830-е гг. темах. Возможно, публикация была задумана и в связи с днем рождения Карамзина 1 (12) декабря 1766 г.

В своем открытом письме в редакцию ЖМНП Жуковский как бы дополняет слово Карамзина своими воспоминаниями о последней встрече с ним, об «умирающем Карамзине». «Письмо Карамзина» и предисловие Жуковского к нему — это не только глубокие философские, нравственно-религиозные размышления о смерти, но и живой психологический портрет личности великого русского писателя. Письмо самого Жуковского в редакцию ЖМНП — это не только дополнительные штрихи к тому образу, который возникает по прочтении письма Карамзина, но и выражение его эстетической программы, его концепции личности. Жуковский описывает, например, по памяти, как было воспринято Карамзиным известие о кончине государя, и подчеркивает глубину и таинственность происходящих в душе Карамзина процессов. Не случайно далее вводится любимый мотив Жуковского — мотив невыразимого. Эти рассуждения о невыразимости заканчиваются созданием образа младенца как наиболее точного символа души, внутреннего мира Карамзина, уходящего из земной жизни. Завершает Жуковский свое письмо о Карамзине, адресованное в редакцию ЖМНП, той мыслью, которую он повторял неоднократно и которая сыграла главную роль в столь пристальном и последовательном внимании Жуковского-прозаика к сентименталистским традициям: главная заслуга Карамзина — рождение для русской литературы, русской культуры языка, «которого еще никому не удалось перенять у него». В своем переводе письма к Каподистрии Жуковский старается прежде всего сохранить карамзинский стиль.

Расхождения первой публикации с последней прижизненной минимальны. В первом предложении вместо местоимений «кто» и «кому» в журнальной публикации использованы «коим», «кои». Изредка в тексте С 5 добавлены отдельные слова («короче познакомит» — в ЖМНП «познакомит», «все подробности о вашем здоровье» — в ЖМНП «подробности о вашем здоровье»), изменен порядок слов («однажды в городе» — в ЖМНП «в городе однажды»).

В 1866 г. в «литературном и политическом» сборнике «Утро», издаваемом М. П. Погодиным, была представлена «Переписка графа Каподистрии с Н. М. Карамзиным» (Кн. 3. С. 195—210), на основании которой можно датировать текст письма, опубликованного Жуковским. В ответном письме от 8 (20) января 1826 г. Каподистрия сообщает: «Сам Бог дал вам мысль написать ко мне письмо от 23 ноября, и по его же внушению вы решились переслать письмо с припискою от 30» (Утро… С. 202).

[1] *…о болезни государя Александра Павловича в Таганроге и мимоходом упоминает о печали императрицы Елизаветы Алексеевны по случаю смерти короля Баварского…* — Болезнь императора, случившаяся с ним в Таганроге, куда он прибыл в сентябре 1825 г., покрыта тайной (холера, простуда, брюшной тиф?), неожиданная смерть последовала 19 ноября 1825 г. и породила легенду о старце Федоре Кузьмиче, согласно которой в Таганроге умер и похоронен двойник царя, а Александр долго жил отшельником в Сибири и умер в Томске в 1864 г. Максимилиан I Иосиф, король Баварии, умер чуть раньше Александра I — 13 октября 1825 г.

[2] *…государыня Елизавета Алексеевна скончалась.* — Дата смерти императрицы Елизаветы Алексеевны 3 мая 1826 г.

[3] *…великого труда своего.* — Имеется в виду «История Государства Российского».

[4] *…у Отца обителей много…* — Цитата из Евангелия: «В доме Отца Моего обителей много» (Иоанн, 14: 2).

[5] *«Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ».* — Шестая заповедь блаженств евангельских (Мф. 5: 8).

[6] *l'aimable B…* — Как явствует из письма гр. Каподистрия к Карамзину от 23 июля (4 августа) 1825 г., речь идет о Д. Н. Блудове (Утро… Кн. 3. С. 199).

[7] *…qui s'endort dans les bras d'un père, n'est pas en souici du réveil…* (*засыпающий на руках отца беззаботен в своем пробуждении — франц.). — Цитата из одноактной прозаической пьесы французского писателя Ж. Н. Буйи (J. N. Bouilly; 1763—1842) «Жан Жак Руссо в его последние минуты» (*Jean-Jacques Rousseau a ses dernièrs moments*, tableau historique en un acte en prose), которая с 1790 по 1794 г. выдержала 24 представления.

И. Айзикова

Последние минуты Пушкина

(«Россия потеряла Пушкина…»)

(С. 338)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 18. № 33 (Тетр$_1$, Тетр$_2$) — в составе двух тетрадок. Первая (Тетр$_1$) представляет собой авторизованную копию первоначальной редакции письма к С. Л. Пушкину с собственноручной датой Жуковского в конце: «Фев-

раля 15», с двумя (и более) слоями правки, из которых последний связан с подготовкой к печати «Последних минут Пушкина». Вторая тетрадка (Тетр$_2$) —чистовая копия, сделанная по Тетр$_1$ с учетом первого слоя правки; в Тетр$_2$ карандашом отмечены все фрагменты, сокращенные или переработанные в статье (возможно, отчеркивания сделаны А. Ф. Онегиным-Отто). О публикации см. ниже.

2) РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 18. № 256 (Ценз) — цензурная рукопись статьи, скрепленная подписью цензора А. Л. Крылова (дата: 28 марта 1837 г.); карандашные вычеркивания сделаны Николаем I (множественными, как бы чиркающими линиями — атрибуция предположительна) и отчасти Жуковским; добавления на полях и правка в тексте карандашом (в двух местах чернилами) рукой А. И. Тургенева; заглавие всей статьи, заголовок второй ее части («Письмо к С. Л. Пушкину») и дата под ним, а также правка чернилами и подпись под письмом рукой Жуковского. О публикации см. ниже.

В п е р в ы е: Совр. 1837. Т. 5. С. I—XVIII (на с. XVII, под окончанием «Письма к С. Л. Пушкину», подпись: В. Жуковский, ниже, на с. XVII—XVIII, послесловие А. И. Тургенева о проводах и погребении Пушкина, без подписи).

В п р и ж и з н е н н ы х и з д а н и я х: *Пушкин А. С.* Соч.: В 11 т. СПб., 1838. Т. 8. С. 311—324 (Посм), с изменением в примечании сведений об издании Пушкина (в публикацию включено послесловие Тургенева); С 5. Т. 7. С. 317—335 (без послесловия).

П е ч а т а е т с я по Совр., с поправками по тексту С 5.

Д а т и р у е т с я: последними числами февраля — началом апреля 1837 г.

Статья, появившаяся в первом послепушкинском выпуске «Современника», состоит из трех частей — небольшой преамбулы «Россия потеряла Пушкина…», «Письма к С. Л. Пушкину» и послесловия, автором которого был А. И. Тургенев. Основой статьи послужило письмо Жуковского к С. Л. Пушкину, отцу поэта, от 10 <?> — 15 февраля 1837 г. При работе над ним Жуковский использовал свои конспективные заметки о смерти А. С. Пушкина (см.: ПССиП. Т. 14. С. 41—44, 424—434), дополняя их рассказами очевидцев. Письмо носило характер итогового документа, составленного на основе свидетельств ближайшего круга (А. И. Тургенева, П. А. Вяземского, И. Т. Спасского, В. Б. фон Шольца, В. И. Даля и др.). Именно поэтому в письме к А. Я. Булгакову от 6 февраля 1837 г. П. А. Вяземский назвал его «общей реляцией из очных наших ставок» (РА. 1879. № 6. С. 247; см. также: Щеголев 1987. С. 138). Сопоставительный анализ письма и статьи Жуковского дан в изд.: *Левкович Я. Л.* В. А. Жуковский и последняя дуэль Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 146—156; *Иезуитова Р. В.* Письмо В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину: (К истории текста) // Там же. С. 157—168.

Статья имела сложную цензурную историю. Невиданный в Петербурге взрыв общественного негодования в связи с убийством поэта вызвал со стороны правительства ряд мер по его подавлению, в том числе цензурного характера. Понимая, как трудно будет провести в печать статью о Пушкине, Жуковский предупреждал Сергея Львовича около (не позднее) 22 февраля 1837 г., посылая ему свое письмо:

«Прошу тебя с этого письма ничего не печатать. Если позволят, я выписку из него напечатаю в “Современнике”» (*Иезуитова Р. В.* «Прости, мой бедный Сергей Львович…»: К письму В. А. Жуковского о смерти А. С. Пушкина // Наше наследие. 1990. № 4 (16). С. 42). Трудясь над «выпиской», Жуковский вновь прибегнул к помощи своих друзей. См. запись от 3 марта 1837 г. в дневнике А. И. Тургенева: «Слушал письмо Жуковского к отцу Пушкина…» (здесь речь могла идти уже только о сокращенном варианте письма, т. е. о статье). 19 марта Тургенев фиксирует: «…читал письмо Жуковского к отцу Пушкина с выпусками…» 5 марта Тургенев сделал в дневнике запись о написанном им послесловии к статье, рассказывающем о проводах и погребении поэта (Щеголев 1987. С. 255).

С самого начала, как показывает текст цензурной рукописи, Жуковский знал, что в статье нельзя упоминать об обстоятельствах смерти Пушкина — дуэли, его противнике и смертельной ране. Вероятнее всего, это было согласовано с императором, однако в ходе их разговора было прояснено не все, и у Жуковского оставалась надежда на освящение в статье такого важного момента, как участливое внимание Николая I к умирающему. Статья была передана в С.-Петербургский цензурный комитет, и А. Л. Крылов подписал ее к печати 28 марта. Последующая заминка с продвижением «Последних минут Пушкина» в печать не вполне ясна, но можно предположить, что в дело вмешался С. С. Уваров. Статья (как «Письмо к С. Л. Пушкину», так и послесловие) содержала сообщения о действиях и словах императора и поэтому, согласно Уставу о цензуре, не могла быть пропущена цензором местного комитета. По-видимому, после разговора о статье с Уваровым, возглавлявшим Главное управление цензуры, Жуковский был вынужден обратиться к Николаю I. Упоминание о царской цензуре содержится в двух письмах Жуковского к Уварову. «Мою же статью о Пушкине, — пишет Жуковский в письме к нему в начале <?> апреля 1837 г., — я показывал государю; он приказал многое выбросить. Как скоро поспеет моя операция, представлю вам статью в обоих видах» (*Модзалевский В. Б.* К истории «Современника»: (Письма В. А. Жуковского к С. С. Уварову) // Пушкин и его современники. СПб., 1906. Вып. 4. С. 87—88).

Цензурная рукопись содержит следы карандашных вычеркиваний, сделанных царем. Суть его замечаний Жуковский изложил в письме к Уварову (середина <?> апреля 1837 г.) при передаче вновь подготовленной цензурной рукописи статьи:

> Посылаю Вам, Старушка, официальное письмо <в Главное управление цензуры; местонахождение письма неизвестно>, при нем <…> статью о смерти Пушкина в двух, так сказать, экземплярах <…> экземпляр-де, означенный № 1 <по-видимому, номер был на несохранившейся обложке Ценз>, был представлен м<н>ою лично государю императору с просьбою о позволении напечатать в «Современнике». Государь, прочитав рукопись, сделал свои замечания и назначил, что́ выпустить. По указаниям государя я все выпустил, что относилось до него и где говорил о иностранцах <т. е. иностранных послах> поименно, что увидите сами, сравнив № 1 с безномерным экземпляром. Сей последний отдается в цензуру <цензурная рукопись, вновь подписанная к печати, с которой производился набор; не сохрани-

лась> (*Мазур Т. П., Малов Н. Н.* Новые данные о Пушкине из архива С. С. Уварова // Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л., 1969. С. 25).

На этом цензурные мытарства статьи не закончились, и Крылов предъявил автору новые претензии. Во второй половине <?> апреля 1837 г. Жуковский написал В. Ф. Одоевскому: «Статью мою о Пушкине печатайте, как велит цензор…» (РС. 1901. № 7. С. 106—107. Публикация И. А. Бычкова), после чего в ее текст были внесены дополнительные мелкие изменения. Весь объем купюр напечатан по Ценз П. И. Бартеневым (РА. 1864. № 1. С. 48—54); см. также полный текст письма Жуковского к С. Л. Пушкину (по Тетр$_1$) с цитацией и указаниями в примечаниях на Ценз и другие источники (Щеголев 1987. С. 152—172). В настоящем издании статья печатается по Совр. (с послесловием Тургенева), с приведением в примечаниях всех мест, которые были исключены из Ценз.

П. Е. Щеголев ставил в упрек Жуковскому умолчания о «дуэли, о том, как держал себя в этих обстоятельствах император Николай Павлович, <…> какое отношение проявили <…> некоторые иностранные дипломаты» (Там же. С. 142), а между тем статья выдержала натиск двух цензур — царской и министерской (уваровской), при этом определяющей, несомненно, была первая. Именно император очертил тот содержательный минимум, который было дозволено донести до читателя. Возмущение мерами правительства и, в частности, желанием заглушить голоса тех, кто оплакивал убийство своего национального поэта, Жуковский выразил в письме к А. Х. Бенкендорфу от конца февраля — начала марта 1837 г. История прохождения «Последних минут Пушкина» через цензуру давала Жуковскому новый материал для заключений такого рода. Николаю I, движимому симпатией к Пушкину и сожалениями о его семействе, был чужд пафос утверждения национального значения поэта. В первоначальной редакции статьи Жуковского действиям царя был придан утопический и крайне нежелательный смысл. Это была идеология, которой Николай I сочувствовать не мог, поскольку идея всенародной скорби и его единства в этом чувстве со своим народом косвенным образом задевала петербургские круги, поддерживавшие Дантеса и являвшиеся реальной опорой трона. Сообщение об участии императора в умирающем служило скорейшей «реабилитации» поэта, «худого христианина» и «безнравственного» человека в восприятии многих людей. Курса на его «реабилитацию» держался Жуковский, позиция которого стала твердой и по-своему наступательной после окончания «жандармского обыска», не выявившего в пушкинских бумагах чего-либо противоправительственного (это сказалось и в его письме к Бенкендорфу, которое без этих результатов «обыска» просто не было бы написано). Николай I не мог не заметить этих настроений Жуковского и по-своему сопротивлялся им. Подробнее об истории статьи «Последние минуты Пушкина» см.: *Березкина С. В.* Из истории послепушкинского «Современника» (1837) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 835—849.

Статья возвышала забросанный грязью великосветских кривотолков образ умирающего поэта. «Последние минуты Пушкина» можно признать самым ярким выступлением Жуковского-публициста. В них отразились не только его убеждения

и симпатии, но и понимание потребного Пушкину для благополучной в условиях царской России посмертной славы. Все это придало «последним минутам» поэта в изображении Жуковского налет субъективной идеализации. Статья стала хрестоматийной и много раз перепечатывалась в качестве приложения к дореволюционным изданиям Пушкина. В глазах же тех, кто был далек от изъявления восторгов в адрес Николая I, созданный Жуковским образ не был беспорочен. В 1855 г. И. В. Киреевский писал П. А. Вяземскому о «славе» Николая I, для которой Пушкин, как он считал, «пожертвовал <…> большею частию своей» (*Киреевский И. В.* Критика и эстетика / Сост., вступит. ст. и примеч. Ю. В. Манна. М., 1979. С. 379).

[1] *Вскоре за полным изданием сочинений, уже известных публике и теперь издаваемых в шести частях по подписке.* — В примечании речь идет о первоначальных планах так называемого посмертного издания сочинений Пушкина (Посм). В 1838 г. вышли т. 1—8 с «уже известными публике» произведениями, в 1841 г. — т. 9—11 с неопубликованными; «материалы для истории Петра Великого», которые Жуковский предполагал поместить в три тома, в Посм напечатаны не были. Текст примечания в Посм и С 5: «Это исполнено».

[2] *У кого из русских с его смертию не оторвалось чего-то родного от сердца?* — После этих слов в Ценз вычеркнуто:

> И между всеми русскими особенную потерю в нем сделал сам Государь. При начале своего Царствования Он его себе присвоил; Он отворил руки ему в то время, когда он был раздражен несчастием, им самим на себя навлеченным; Он следил за ним до последнего его часа; бывали минуты, в которые, как буйный, еще не остепенившийся ребенок, он навлекал на себя неудовольствие своего Хранителя; но во всех изъявлениях неудовольствия со стороны Государя было что-то нежное, отеческое. После каждого подобного случая связь между ими усиливалась <от слова «связь» подчеркнуто, по-видимому, Николаем I>: в одном — чувством испытанного им наслаждения простить, в другом — живым движением благодарности, которая более и более проникала душу Пушкина и наконец слилась в ней с поэзиею. Государь потерял в нем свое создание, своего поэта, который принадлежал бы к славе Его Царствования, как Державин — славе Екатерины, а Карамзин — славе Александра. И Государь, до последней минуты Пушкина, остался верен своему благотворению. Он отозвался умирающему на последний земной крик его; и как отозвался? Какое русское сердце не затрепетало благодарностию на этот голос Царский? В этом голосе выразилось не одно личное, трогательное чувство, но вместе и любовь к народной славе и высокий приговор нравственный, достойный Царя, представителя и славы и нравственности народной.

Далее как в тексте: Первые минуты ужасного горя…

[3] *Попросите Государя, чтоб он меня простил.* — Предполагается, что Пушкин просил прощение за обещание царю, данное 23 ноября 1836 г., не драться с Дантесом ни при каких обстоятельствах. Между тем император был главой Русской православной церкви, а Пушкин, по-видимому, знал, что убитых на дуэли хоронили как

самоубийц — вне кладбищенской ограды. Именно так был похоронен Ленский в «Евгении Онегине».

[4] *…в эти последние часы жизни он как будто сделался иной; буря, которая за несколько часов волновала его душу неодолимою страстию, исчезла ~ ни слова, ниже воспоминания о случившемся.* — Имеется в виду поединок и просьба Пушкина к друзьям не мстить за него Дантесу.

[5] *Накануне получил он пригласительный билет на погребение Гречева сына.* — Речь идет об умершем 25 января 1837 г. в возрасте семнадцати лет студенте Петербургского университета Николае Николаевиче Гречe, сыне Н. И. Греча.

[6] *То, что от него услышал умирающий, обрадовало, успокоило и укрепило его душу ~ трогательная заботливость о его судьбе и за гробом ~ причастился Святых Таин.* — Вместо этих слов в Ценз о лейб-медике Н. Ф. Арендте говорилось:

> Покинув Пушкина, он отправился во дворец, но не застал Государя, который был в театре; он сказал камердинеру, чтобы по возвращении Его Величества было донесено Ему о случившемся. Около полуночи приезжает к Арендту от Государя фельдъегерь с повелением немедленно ехать к Пушкину, прочитать ему письмо, собственноручно Государем к нему написанное, и тотчас обо всем донести. «Я не лягу, я буду ждать», — [писал] приказывал Государь Арендту. Письмо же [приказано] повелено было возвратить. И что же стояло в этом письме? «Если Бог не велит нам более увидеться, посылаю тебе мое прощенье, и вместе мой совет: исполнить долг Христианский. О жене и детях не беспокойся, я их беру на свое попечение». Как бы я желал выразить простыми словами то, что у меня движется в душе при перечитывании этих немногих строк. Какой трогательный конец земной связи между Царем и тем, кого Он когда-то отечески присвоил и кого до последней минуты не покинул! как много прекрасного, человеческого в этом порыве, в этой поспешности захватить душу Пушкина на отлете, очистить ее для будущей жизни и ободрить последним земным утешением. «Я не лягу, я буду ждать»! О чем же Он думал в эти минуты ожидания? Где Он был своею мыслию? О, конечно, перед постелею <так!> умирающего, его добрым земным гением, его духовным отцом, его примирителем с небом и собою. Умирающий немедленно исполнил угаданное желание Государя. Послали за священником в ближнюю церковь. Пушкин исповедался и причастился с глубоким чувством. Когда Арендт прочитал ему письмо Государя, то он вместо ответа поцеловал его и долго не выпускал из рук; но Арендт не мог его ему оставить <от слова «не мог» подчеркнуто, по-видимому, Николаем I>. Несколько раз Пушкин повторял: «Отдайте мне это письмо, я хочу умереть с ним. Письмо! где письмо?» Арендт успокоил его обещанием испросить на то позволение у Государя. Он скоро потом уехал.

О содержании этой записки (письма) сохранились также свидетельства П. А. Вяземского, А. И. Тургенева и Е. А. Карамзиной; в издании Пушкина ее текст приведен по письму Тургенева к неизвестному лицу от 28 января 1837 г. (см.: Пушкин. Т. 16. С. 228). По мнению С. Л. Абрамович, в записке Николая I «содержалась совершенно определенная инструкция: дождаться священника и, несмотря на позд-

нее время, тотчас донести, принял ли поэт причастие» (*Абрамович С. Л.* Пушкин. Последний год: Хроника (январь 1836 — январь 1837). М., 1991. С. 577). Именно так понял записку Тургенев, который утром 28 января писал А. И. Нефедьевой о Пушкине: «Государь прислал к нему Арендта сказать, что если он исповедуется и причастится, то ему это будет очень приятно и что он простит его» (*Фомин А. А.* Новые материалы для биографии Пушкина // Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. 6. С. 50). Впоследствии это дало Николаю I возможность сказать о поэте: «…мы насилу довели его до смерти христианской…» (см. письмо А. И. Тургенева к А. И. Нефедьевой от 1 февраля 1837 г.: Там же. С. 58), хотя в действительности согласие на приглашение священника Пушкин дал доктору И. Т. Спасскому еще до записки царя. По отзыву П. Д. Песоцкого, священника церкви Спаса Нерукотворного Образа при Главных конюшнях (Конюшенной церкви), Пушкин совершил обряд с особым чувством: «Я стар, мне уже не долго жить… Я для себя самого желаю такого конца, какой он имел» (*Модзалевский Б. Л.* Смерть Пушкина (Пять писем 1837 года) // Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. 6. С. 95).

[7] *Еще до начала сильной боли ~ заставил ее сжечь.* — В Ценз вычеркнуто, а затем восстановлено пометой: «Оставлено».

[8] *Но он опять подозвал меня: Скажи Государю ~ что мне жаль умереть; был бы весь Его. Скажи, что я Ему желаю долгого, долгого царствования ~ счастия в Его России. — Эти слова говорил ~ явственно.* — В Ценз вместо этих слов было: «Но через минуту я возвратился к его постеле и спросил у него: может быть, увижу Государя; что мне сказать Ему от тебя? Скажи, отвечал он, что мне жаль умереть; был бы весь Его!» Более пространное изъявление чувств героя к императору было перенесено Жуковским из другого места статьи (см. ниже). Примерно в тех же пышных выражениях слова эти были приведены Жуковским в письме к Николаю I от 29 января 1837 г. (известен в черновике), в котором речь шла о милостях семье Пушкина (см.: Щеголев 1987. С. 191). В Тетр$_1$ слова о «долгом, долгом царствовании» и проч. были, по-видимому, дописаны Жуковским при работе над «Последними минутами Пушкина» (см. об этом: Там же. С. 149—150, 162, 185—186). Ср. в воспоминаниях Спасского (записаны 2 февраля 1837 г.): «Скажи, жаль, что умираю, весь его бы был» (П. в восп. 1985. Т. 2. С. 386). Ср. с предсмертным письмом Карамзина, опубликованным Жуковским в 1835 г.: «О! как желаю выздороветь, чтобы <…> посвятить последние дни мои вам, бесценный государь, и любезному отечеству» (цит. по: *Киселева Л. Н.* Пушкин и Жуковский в 1830-е годы (точки идеологического сопряжения) // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 182). 14 февраля 1837 г. П. А. Вяземский писал вел. кн. Михаилу Павловичу о Пушкине: «Несколько слов, произнесенных им на своем смертном одре, доказали, насколько он был привязан, предан и благодарен государю» (цит. по: Щеголев 1987. С. 226).

[9] *…потом поцеловал у ней руку.* — Далее в Ценз вычеркнуто:

> В это время приехал доктор Арендт. «Жду Царского слова, чтобы умереть спокойно», — сказал ему Пушкин. Это было для меня указанием, и я решился в ту

же минуту ехать к Государю, чтобы известить Его Величество о том, что слышал. Сходя с крыльца, я встретился с фельдъегерем, посланным за мной от самого Государя. «Извини, что я тебя потревожил», — сказал Он мне при входе моем в кабинет. — «Государь, я сам спешил к Вашему Величеству в то время, когда встретился с посланным за мною». Рассказав о том, что говорил Пушкин, я прибавил. «Я счел долгом сообщить эти слова немедленно Вашему Величеству». — «Скажи ему от меня, — отвечал Государь, — что я поздравляю его с исполнением Христианского долга; о жене же и детях он беспокоиться не должен; они мои. Тебе же поручаю, если он умрет, запечатать его бумаги: ты после их сам рассмотришь». Я возвратился к Пушкину с утешительным ответом Государя. Выслушав меня, он поднял руки к небу с каким-то судорожным движением. «Вот как я утешен! — сказал он. — Скажи Государю, что я желаю Ему долгого, долгого Царствования, что я желаю Ему счастия в Его сыне, что я желаю Ему счастия в Его России» <об этих выражениях чувств героя статьи см. примеч. выше>. Эти слова говорил слабо, отрывисто, но явственно.

Решение Жуковского ехать к царю было связано с волнением Пушкина относительно участи своего секунданта К. К. Данзаса (см.: *Абрамович С. Л.* Пушкин. Последний год. С. 582), однако утешительного ответа он ему привезти не смог (впоследствии царь утвердил Данзасу очень мягкое наказание). Что же касается вызова к Николаю I, то Жуковский потребовался царю в виду предстоящего просмотра бумаг Пушкина (о «жандармском обыске» в его архиве см. в письмах Жуковского к Бенкендорфу от 5 февраля, 9—10 февраля и от второй половины февраля — начала марта 1837 г.

[10] *Трогательное чувство национальной, общей скорби выражалось в этом движении.* — Далее в Ценз вычернены, по-видимому, следующие слова: «произвольном, ничем не приготовленном». Власти считали, что у этого движения была некая организующая сила.

[11] *…очень многие плакали.* — Далее в Ценз вычеркнуто:

Государь Император получал известия от доктора Арендта (который раз по шести в день и по нескольку раз ночью приезжал навестить больного); Государыня Великая Княгиня <Елена Павловна>, очень любившая Пушкина, написала ко мне несколько записок, на которые я отдавал подробный отчет Ее Высочеству согласно с ходом болезни. Такое участие трогательно, но оно естественно; естественно и в Государе, которому дорога народная слава, какого рода она бы ни была (а в этом отличительная черта нынешнего Государя; Он любит всё русское; Он ставит новые памятники и бережет старые); естественно и в нации, которая в этом случае не только заодно с своим Государем, но этою общею любовию к отечественной славе укореняется между ими нравственная связь; Государю естественно гордиться своим народом, как скоро этот народ понимает Его высокое чувство и вместе с Ним любит то, что славно отличает его от других народов или ставит с ним наряду; народу естественно быть благодарным своему Государю за любовь к отечественной славе и за великое выражение сей любви, ибо в своем Государе он видит представителя своей

чести. Одним словом сии изъявления общего участия наших добрых русских меня глубоко трогали, но не удивляли. Участие иноземцев…

— далее как в тексте.

[12] *Но их что так трогало?* — Далее в Ценз вычеркнуто упоминание о французском посланнике в Петербурге: «Что думал этот почтенный Барант, стоя долго в унынии посреди прихожей, где около его шептали с печальными лицами о том, что делалось за дверями».

[13] *…многие иноземцы…* — Вместо «иноземцев» в Ценз вновь упоминался «посол французский (сам знаменитый писатель)».

[14] *…потому-то и многие иноземцы ~ пожалели как будто о с в о е м.* — Далее в Ценз вычеркнуто: «Потому же и Люцероде, саксонский посланник, сказал собравшимся у него гостям в понедельник ввечеру: “Нынче у меня танцевать не будут, нынче были похороны Пушкина”».

[15] *…тихий, величественный сон.* — Далее в Ценз вычеркнуто: «Спустя три четверти часа после кончины (во всё это время я не отходил от мертвого, мне хотелось вглядеться в прекрасное лицо его) тело вынесли в ближнюю горницу; а я, исполняя повеление Государя Императора, запечатал кабинет своею печатию».

[16] *…день моего рождения.* — Далее в Ценз вычеркнуто: «К вечеру, увлеченный необходимостью, пошел я к Государю, чтобы донести ему о том, как умер Пушкин; он выслушал меня наедине в своем кабинете: этого прекрасного часа моей жизни я никогда не забуду». Об этой аудиенции 29 января 1837 г. см. также в первой редакции письма Жуковского к Бенкендорфу от второй половины февраля — начала марта 1837 г.

[17] *…в той молитве, которая ~ слышалась посреди этого смутного говора.* — Далее в Ценз вычеркнуто:

> И особенно, глубоко трогало мне душу то, что Государь как будто соприсутствовал посреди своих русских, которые так просто, так смиренно и с ним заодно выражали скорбь свою о утрате славного соотечественника: всем было известно, как Государь утешил последние минуты Пушкина, какое он принял участие в его Христианском покаянии, что он сделал для его сирот, как почтил своего поэта и что в то же время (как судия, как верховный блюститель нравственности) произнес в осуждение бедственному делу, которое так внезапно лишило нас Пушкина. Редкий из посетителей, помолясь пред гробом, не помолился в то же время за Государя, и можно сказать, что это изъявление национальной печали о поэте было самым трогательным прославлением его великодушного покровителя.

30 января Николай I принял решение о помощи семье Пушкина, которая предполагала выплату всех долгов, пенсион вдове (5 000 руб.) и детям (по 1 500 руб.), а также издание за казенный счет его сочинений.

[18] *…ящик с гробом поставили на сани; в полночь сани тронулись…* — Об обстоятельствах прощания друзей с телом Пушкина см. в письме Жуковского к Бенкендорфу от второй половины февраля — начала марта 1837 г. М. М. Попов, почти

тридцать лет, до 1865 г., служивший в III Отделении, вспоминал во второй половине 1860-х гг. о смерти Пушкина:

> Что он был? При дворе не больше как камер-юнкер, в аристократическом кругу не больше как полубарин и бедняк. Но всё, что только было образованного и грамотного в Петербурге, поражено было смертью этого любимого поэта. Правительство боялось, чтоб при выносе и отпевании тела его не произошло от чрезмерного стечения народа каких-либо несчастий. Поэтому тело Пушкина внесли из квартиры (на Мойке, близ Певческого моста) в Конюшенную церковь ночью, тайком, а между тем распространили слух, что отпевать будут в Адмиралтействе. 1 февраля народ покрыл всю Исакиевскую площадь. Уже в половине обедни, узнав об обмане, все бросились к Конюшенной церкви и наполнили площадь перед этой церковью так, что нельзя было упасть яблоку. Тело бедного поэта, 3 февраля <точнее: в ночь на 4-е>, увезли и в Святогорский монастырь ночью, обманом: иначе на пути поезда печальной колесницы народ толпился бы в такой массе, что с ним не управилась бы никакая полиция
>
> (РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 4438. Л. 5 об. — 6; см.: *Березкина С. В.* Несостоявшаяся провокация III Отделения: (Статья М. М. Попова «Александр Сергеевич Пушкин») // РЛ. 2013. № 1. С. 110.

Эти обстоятельства проводов Пушкина на его последнем пути отразились в послесловии Тургенева.

<Послесловие А. И. Тургенева:>

[19] *За телом следовал А. И. Тургенев.* — Далее в Ценз вычеркнуто: «коего Государь Император назначил отдать последний долг умершему и предать его земле». Таким образом, Николай I не дал «возвеличиться» перед публикой и Тургеневу за счет своего поручения ему. В дороге тело Пушкина сопровождал еще и жандарм.

[20] *Мертвый мчался ~ мимо своего опустевшего сельского домика, мимо трех любимых сосен…* — В михайловском доме Тургенев побывал 6 февраля вместе с М. И. Осиповой, которая показывала ему любимые места Пушкина. В примечании указывается на стихотворение Пушкина, в котором поэт упоминает свои любимые сосны, — это «…Вновь я посетил…» (1836), напечатанное в первом послепушкинском выпуске «Современника» под заглавием «Отрывок».

[21] *Всю ночь рыли могилу подле той, где покоится его мать.* — Точное местонахождение могилы Н. О. Пушкиной неизвестно; по-видимому, она похоронена в одной могиле со своей матерью, М. А. Ганнибал.

[22] *…«земля еси».* — Тургенев приводит слова из панихиды, которые являются ветхозаветной цитатой (Быт. 3: 19).

С. Берёзкина

Пожар Зимнего дворца 17 декабря 1837 года

(«Жители Петербурга с печалью встретили 1838-й год…»)
(С. 347)

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 42. Л. 1—10 — черновой.

Копии:

1) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 42. Л. 11—18 — авторизованная.

2) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 44. Л. 1—37 — авторизованная.

Впервые: Сборник II Отд. Имп. АН. СПб., 1883. Т. 32. С. 16. Публикация К. Я. Грота.

Републикация: ПСС. Т. 10. С. 63—71.

Датируется: конец 1837-го (после 17 декабря) — начало 1838-го (до 31 января).

«Пожар Зимнего дворца» — запрещенная к публикации статья Жуковского, посвященная описанию и историософскому осмыслению трагического события из современной истории.

17 декабря 1837 г. наследник престола цесаревич Александр Николаевич и его наставник В. А. Жуковский вернулись в Петербург из путешествия по России. Вечером того же дня из-за неисправности печной трубы в Зимнем дворце вспыхнул пожар, в результате которого уцелели лишь стены и своды первого этажа. В течение января 1838 г. Жуковский создает статью «Пожар Зимнего дворца», которую он планировал опубликовать в первом номере журнала «Современник» и которую предоставил на высочайшее одобрение Николая I.

Работа Жуковского над статьей протекала в три этапа: от создания общей картины пожара — к уточнению деталей происшествия и его историософскому осмыслению — до подготовки статьи к публикации. Автограф и авторизованные копии статьи отличаются многочисленными стилистическими и содержательными исправлениями, вставками на полях, целые фрагменты зачеркнуты поэтом, некоторые из которых восстановлены в последующих редакциях.

В первом черновом варианте статьи Жуковский воссоздает наиболее полную версию произошедшего пожара и стремится найти идеологически точные, верные стилистические и риторические средства для описания национальной катастрофы. Вступление — необходимость сообщить о случившемся трагическом событии — создало большую трудность для поэта в работе над статьей. См. написанный рукою Жуковского на простой бумаге черновик статьи:

> Л. 1. — [Встреча Нового 1838 года для нас печальна] [Конец <Последние дни> 1837 года ознаменован<ы> был для нас печальными событием, которое надолго [останется в памяти] <поразило> жителей Петербурга и будет конечно горестно для целой России. Зимний дворец величественное здание северной столицы сделался жертвою пожара].
>
> Л. 2. — [Петербург говорит о Петре. Зимний дворец говорит о целой России, [времен Петровых], о блистательнейшем времени ее европейской жизни во времена Екатерины, Александра и наши].

В этой же архивной папке хранится и первая авторизованная копия статьи (на бумаге с вензелем). Поэт редактирует, а затем зачеркивает отрывок, в котором он сообщает о начале пожара и его возможной причине:

Л. 11. — [17-го Декабря <истекающего года> ознаменовано событием ужасным для жителей Петербурга и горестным для целой России. Зимний дворец, великолепное жилище Государей Русских, сделался жертвою пламени. Как и где начался пожар, еще неизвестно; полагают что прежде всего он обнаружился в лаборатории дворцовой аптеки, где лопнула печь; впрочем наряжено следствие, которое в скором времени объяснит все обстоятельства сего происшествия] 17 декабря 1837 года ознаменовался сим бедственным происшествием, [Пожар начался] [Это бедствие] [17 декабря прошлого года]

В окончательный вариант статьи Жуковский не включил фразу о причине пожара и работе следственной комиссии. Как отметила М. Майофис, для статей, посвященных описанию пожара Зимнего дворца, в целом был характерен «информационный кризис», т. е. авторы умалчивали о виновниках пожара, размерах ущерба, количестве жертв. (См. подробнее: *Майофис М.* Чему способствовал пожар? «Антикризисная» российская публицистика 1837—1838 годов как предмет истории эмоций // НЛО. 2009. № 100). Поэт внимательно отбирает факты, редактирует упоминания о пожаре и уточняет отдельные детали действий членов императорской семьи во время происшествия. Ср. правку в первой авторизованной копии:

Л. 11—11 об. — Было восемь часов вечера Государь Император <с Е. В. Императрицей, с их Величеством Наследником, В. К. М. П. и В. К. М. Н. — *на полях слева*>, находился в театре, <когда ему> донесено было, что в Зимнем дворце горит. Государь немедленно [изволил туда отправиться] <покинул театр и вместе с Великими Князьями отправился на место пожара — *на полях*>.

[Пожар едва только что начался и по-видимому не представлялось] <По-видимому не представлялось большой трудности остановить и его действие, но он уже начал распространяться> [Он уже начал распространяться, он уже был довольно силен, но — *на полях*] [Но по-видимому не представлялось великой трудностью остановить дальнейшее действие пожара].

Первою заботою Государя <Императора> была безопасность [детей] <семейства>. Великие Князья [и Великие Княгини были немедленно отвезены в собственный Его Величества Дворец] <Константин, Николай и Михаил Николаевичи и великие княжны Ольга и Александра Николаевны находились во дворце; их было немедленно приказано отправить в Собственный Е. В. дворец — *на полях* >.

Л. 12. [Государыня Императрица, которая находясь в театре последняя уведомлена была о произошедшем, [прибыв во дворец], уже во многих местах объятый пламенем, и удостоверившись, что Ея семейство вне опасности, благоволила обратить особенное заботливое внимание на тех из жителей дворца, которые по болезни могли быть подвержены большой опасности; и повелев взять все нужные меры для

их спасенья, изволила удалиться в дом Министерства иностранных дел, где и осталась до той минуты, в которую Государь Наследник известил Ея Величество, что для спасения дворца не осталось никакой надежды].

Л. 16—16 об. [Так разрушился великолепный дворец, построенный за 80 лет Императрицею Елисаветой Петровною и видевший все события времен Екатерины, Павла, Александра и первых двенадцати лет нынешняго царствования].

Л. 16 об. [И умилительное зрелище представлялось: народ, который во всю роковую ночь, бесчисленный и мирною толпою, стоял перед погибающим дворцом и молился за своего Государя] (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 42).

На основе черновика и с учетом сделанных в первой копии текста помет Жуковский создает первоначальную редакцию статьи, вносит многочисленные языковые и стилистические исправления.

Поэт, размышляя о символическом, государственно-идеологическом значении Зимнего дворца и развивая метафору «царского жилища как общего дома каждого подданного», подчеркивает соответствующие ключевые слова в тексте (в опубликованном позднее варианте статьи эта авторская правка отсутствует):

Л. 2. — Для *всех* нас *вместе* он был то же что для *каждаго* из нас *в особенности* дом отеческий <…> и хоть каждый имел *свои собственные* заботы, с другими неразделяемые, но эти <общие> *заботы* о Царском быте, в том месте, в котором мы есть, и близкие <и далекие>, из детства там свыкли, был[и]а для всех [как камень] <нас какою-то> родственною связию…

На этом этапе работы над статьей поэт уделяет пристальное внимание прописыванию идеологических фрагментов в целом, особенно правке историософской части, в которой он характеризует живших во дворце монархов, выделяя для каждого главное событие их царствования. Концептуальное описание поведения Александра I во время наводнения 1824 г. и Николая I в день восшествия на престол 14 декабря 1825 г. вызвали у Жуковского наибольшие трудности и даже сомнения (см. ниже).

На заключительном этапе Жуковский создает окончательную редакцию статьи, внося отдельные стилистические исправления и концептуальную правку, касающуюся, прежде всего, описания царствования Александра I и Николая I. На полях статьи Жуковский указал переписчику, что копию текста необходимо сделать на хорошей бумаге, т. к. ее следует препроводить государю для получения разрешения.

Здесь необходимо очертить контекст создания статьи Жуковского. Первой среди российских газет о пожаре написала «Северная пчела» (1837. № 290, 291; автором статьи, по мнению Т. Д. Кузовкиной, был ее редактор Ф. В. Булгарин; этот текст был перепечатан «Санкт-Петербургскими ведомостями», «Московскими ведомостями» и «Русским инвалидом»). Как отметила М. Майофис, журналы, напр. «Сын Отечества», тоже ориентировались на образец булгаринской статьи и почти его не варьировали. Также создаются сочинения о пожаре, предназначенные для европейского читателя. Если статья С. С. Уварова не была опубликована (см. ее русский

перевод: *Майофис М.* Указ. соч.), то 12 февраля 1838 г. в Париже по-французски вышла брошюра П. А. Вяземского «Пожар Зимнего дворца». 25 февраля отрывки из нее были опубликованы в «Quotidienne» (о восприятии этого текста европейскими читателями см.: *Мильчина В.* Россия и Франция. Дипломаты, литераторы, шпионы. СПб., 2006. С. 364—368), а ее русский перевод появился на страницах «Московских ведомостей» 20 апреля 1838 г.

«Пожар…» Жуковского предназначался для просвещенного российского читателя. По сравнению с первым черновиком статьи в окончательном варианте поэт восстановил ранее зачеркнутую фразу:

> Л. 12. — Здесь всякая подробность драгоценна: <мы даже не боимся повторить уже известное, ибо желаем составить нечто целое и полное> (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 44).

Интересно отметить, что именно эта фраза могла отчасти дать формальный предлог для запрещения статьи Жуковского. В той же архивной папке находится сопроводительное письмо министра Императорского двора князя П. М. Волконского к издателю «Современника» П. А. Плетневу с извещением:

> Министр Императорского двора честь имеет уведомить Господина Издателя «Современника», что он имел счастие предоставлять Государю Императору возвращаемую при сем статью «Пожар Зимнего дворца»; но что на напечатание оной Высочайшего соизволения не последовало, поелику довольно уже было написано в публичных листках о сем несчастном событии.
>
> № 435. *Князь Волконский*
> С. Петербург
> 31 Генваря 1838 г. (РНБ. Ф.286. Оп. 2. № 44. Л. 1).

Сомневаясь в истинности указанного Волконским обоснования запрета «Пожара…», Т. Д. Кузовкина выделила иные — содержательные — причины принятого императором решения. Во-первых, религиозно-символическая трактовка Жуковским истории как проявление Божественного промысла и, в частности, пожара Зимнего дворца как знака бренности земного величия могла обусловить монаршее неудовольствие. Во-вторых, интерпретация поэта, который хотя и описывает поведение Николая I как проявление покорности Божественной воле, могла напомнить царю о трактовке пожара как Божьей кары. В-третьих, в статье Жуковского государю могло не понравиться напоминание о страхе, который испытывали придворные 14 декабря 1825 г. (См. подробнее, в том числе, о риторике статьи: *Кузовкина Т.* «Люди горели в удивительном порядке»: К описанию официального языка Николаевской эпохи // Toronto Slavic Quarterly. 2002. № 18).

В статье Жуковский создает идеальный образ России — европейски просвещенной и одновременно патерналистской империи. Как и авторы других статей о пожаре Зимнего дворца, поэт разрабатывал ту же риторическую стратегию, направленную на создание образа нации, «объединенной всеобщей символической и эмоциональной сопричастностью подданных своему императору *и определяемой через*

эту сопричастность» (*Майофис М.* Указ. соч.). С этой точки зрения описанные Жуковским уникальные чувства и душевные порывы «героев» статьи формировали у читателя правильное эмоциональное восприятие пожара. Развивая метафору всеобщей сопричастности, поэт создает картину молчаливого и благоговейного сопереживания народа. Трагическое событие служит Жуковскому сюжетом для конструирования идеальной модели отношений между царем и подданными.

Автор, по наблюдению Т. Кузовкиной, превращает описание борьбы с огнем в «семейную историю». Поэт подчеркивает героическое поведение и проникнутые особой душевной заботой чувства членов императорской семьи (бесстрашие и хладнокровие императора, сострадательность императрицы, дисциплинированность и расторопность наследника, «утешительные» известия о полном спасении обстановки дворца и личных вещей членов императорской фамилии). Он формирует идеальный образ монарха как отца своего народа, хранителя своей семьи и дома, защитника русской культуры, а также как просвещенного монарха. Жуковский вводит разрабатывавшуюся в официальной идеологии параллель между Николаем I и Петром I и акцентирует внимание читателя на особой заботе царя о воспитании и образовании своего сына, наследника престола.

Развивая метафору Зимнего дворца как родного дома всех подданных, Жуковский создает картину семейного самодержавия (о династическом сценарии николаевской власти см. подробнее: *Вортман Р.* Сценарии власти… Т. I. С. 336—494). В «Пожаре…» размышления Жуковского о путях развития России включают общие топосы, характерные для других статей и писем 1826—1850 гг.: закон — просвещение — патерналистическое самодержавие — внутреннее мирное развитие — ценность человеческой души — смирение перед Провидением и следование Божьей правде.

[1] *Зимний дворец ~ не существует.* — Ср. с первоначальной редакцией: «Зимний дворец величественное жилище Императоров Русских, великолепнейший и почти самое древнее здание северной столицы, [разрушен пожаром] <не существует>» (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 43. Л. 1). Ср. также с фразой из неопубликованной и предназначенной для европейского читателя статьи министра народного просвещения С. С. Уварова: «Не подумайте, что теперь говорят: “Дворец императора был истреблен огнем”» (цит. по: *Майофис М.* Указ. соч.).

[2] *…Иноземец ~ останавливался в изумлении перед его громадою.* — Ср., напр., с более поздним впечатлением Фр. Гагерна: «Прежде всего мы обошли Зимний дворец, который так велик, что в нем легко запутаться» (*Гагерн Ф.* Дневник путешествия по России в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 671). Зимний дворец, однако, вызывал не всегда однозначно восторженное чувство у иностранного путешественника. См. критическое суждение Ф. Ансело, книга которого была опубликована весной 1827 г.:

> Говорят, что на строительство этого памятника, завершенном в царствование Елизаветы, было занято более восьмидесяти тысяч рабочих, и уверяют, что сорок

тысяч из них умерли от зловонных испарений болота, которое нужно было осушить, чтобы поставить эту каменную громаду. Такая цена кажется излишней даже за самый прекрасный дворец, и сколько же сожалений вызывает у того, кто знает о ней, вид здания, отмеченного тем дурным вкусом, что главенствовал во всех областях искусства в век Людовика XV (*Ансело Ф.* Шесть месяцев в России. Письма к Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году, в пору коронования его императорского величества. М., 2001. С. 92).

По сути, Ансело определил ставшую для Жуковского актуальной после восстановления Зимнего дворца проблему о соотношении истинной красоты объекта, его символической значимости и ценности отдельной жизни подданного. В этом контексте отсутствие сведений о количестве жертв в «Пожаре…» не только отвечало официальному канону изображения трагического события, но и служило минус-приемом, направленным на усиление эстетической и идеологической составляющей в конструируемом Жуковским идеальном образе-символе.

[3] *…при виде Зимнего дворца ~ хотел вытесать статую Александра.* — Имеется в виду нереализованный проект архитектора Дейнократа (IV в. до н. э.) вытесать статую Александра Македонского из горы Афон. Правка Жуковского носила стилистический характер. Ср.: «При виде Зимнего дворца всегда вспомн[ишь]<алась> поэтическ[ую]ая мысль того зодчего…» (РНБ. Ф.286. Оп. 2. № 43. Л. 1 об.).

[4] *…Кремль ~ поэзия нашей истории.* — Ср. образ Кремля в патриотическом стихотворении Жуковского «Певец в Кремле» (ПССиП. Т. 2. С. 37—50). В поэтическом тексте 1816 г. автор уже разработал некоторые топосы и риторические приемы, которые стали главными при описании Зимнего дворца и его пожара в статье 1838 г. Такими чертами были «отеческий» образ царского жилища, объединяющий государя и подданных в единую нацию; тема народной молитвы за монарха; образ поэта, размышляющего о Кремле и московском пожаре 1812 г. и увидевшего в нем не трагическую картину, а исключительно «пепел славы»; характерно и движение поэтической мысли Жуковского: от описания Кремля (судьбы символического места памяти) к созданию широкой исторической панорамы и ее идеологическому осмыслению.

[5] *…стены дворца, воздвигнутые Елизаветою…* — Зимний дворец строился с 1754 по 1762 гг. В статье Жуковского единственным достойным упоминания в истории и следственно государственно значимым делом Елизаветы стало именно возведение дворца. Хотя работу по завершению строительства Зимнего дворца принимала уже не императрица, а Петр III, переселившийся в новое царское жилище 7 апреля 1762 г. В статье «Пожар Зимнего дворца» фигура этого монарха, упразднившего Тайную канцелярию и принявшего «Манифест о вольности дворянства» (18 февраля 1762 г.), не упоминается.

[6] *Имя Екатерины и теперь глубоко отзывается в каждом русском сердце.* — В екатерининском отрывке статьи Жуковский формирует предназначенный для широкой аудитории идеальный образ просвещенный императрицы. В статье автор отсылает к известным событиям екатерининского царствования и достойным

упоминания фактам из ее личной биографии; с одной стороны, это военные кампании (имеется в виду Первая польская война 1768—1772 гг., Вторая польская война 1795 г., Русско-турецкие войны 1768, 1787—1791 гг., Русско-шведская война 1788—1790 гг.), введение государственных дел и дипломатическая деятельность императрицы, а с другой — это устраиваемые Екатериной торжества и придворные праздники, интерес к литературе (в частности, к поэтическим текстам Г. Р. Державина, прославлявшего монаршие заслуги и достоинства), переписка государыни с французскими просветителями (имеется в виду Вольтер, Дидро, Д'Аламбер). Главным историческим и государственным достижением императрицы, по мысли Жуковского, является составление «Наказа Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения» (1767), утверждающего политические, юридические принципы просвещенного абсолютизма.

В предназначенную для широкой аудитории статью поэт не включил свои критические суждения об императрице, которые он позволял себе высказывать в беседе с наследником престола цесаревичем Александром Николаевичем. Общая положительная оценка Жуковским государственной деятельности Екатерины II не отменяла его упреки в ее адрес за переворот и, как следствие, «выгодное» ей убийство Петра III, за вражду с сыном Павлом и утрату материнского чувства, за развратную личную жизнь (см. дневниковые записи 1834 г. // ПССиП. Т. 14. С. 13; 17—18; см. также примечание к статье «О происшествиях 1848 г. Письмо к графу Ш-ку»).

[7] *…император Павел послал Суворова…* — Среди государственных заслуг Павла I Жуковский назвал прославивший Россию итальянский поход А. В. Суворова в 1799 г. Ср. с идеализированным образом Павла как просвещенного монарха-человека из юношеского текста поэта 1797 г. «Ода. Благоденствие России, устрояемое великим Ея самодержцем Павлом Первым» (ПССиП. Т. 1. С. 21—24).

[8] *Зимний дворец был свидетелем ~ времен Александра I.* — В александровском отрывке статьи повествование строится вокруг двух сюжетов — победы в войне 1812—1814 гг. и наводнения 1824 г. — или двух образов государя — монарха-героя и монарха-человека. Статьи Вяземского, Уварова и Жуковского о пожаре Зимнего дворца, как отметила М. Майофис, отсылали к изображению петербургского наводнения в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник». На разных этапах работы над статьей описание петербургского бедствия представляло главную трудность для Жуковского. См. правку в первом черновике статьи: «…для Александра, [о коих не громко скажет история] быть может лучших в [жизни его не по блестящим дням [государственности] <царя>, а по тем [чувствам] человеческим чувствам…» (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 42. Л. 4). Ср. с правкой описания поведения царя во время наводнения в первой редакции статьи:

> Здесь видели мы его и в страшную минуту испытания, когда столица его, обхваченная наводнени[ями]<ем> [пустела] <трепетала> и гибла. В эту роковую минуту явился он в той красоте своей, по которой принадлежал <он> к лучшим из [тех созданий Божиих коими] <из всех украшавших> Земл[я]<ю> [бывала украшена]

созданий. <…> с каким простодуш[ием]<ным>, родственным участием [старался] являясь он повсюду <…> История <провозглашавшая> только славное мира сего скажет не громко то есть другое [судилище] <высшее судилище>, перед коим и тайные страдания души такие имеют свою вели[чественность]<колепие> и свою знаменитость (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 43. Л. 7—8).

В окончательной редакции статьи следующий отрывок об Александре I выделен в рамку и зачеркнут:

[Его не по блестящим делам царя, а по тайным человеческим чувствам, и если История, провозглашающая только главное мира сего, скажет о них не громко то есть другое, высшее судилище, пред которым и тайные страдания души также имеют свое великолепие и свою знаменитость] (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 44. Л. 6 об.).

Остается открытым вопрос о том, был ли этот пассаж включен в копию статьи, предназначенной для императора Николая I. В процессе правки «александровского» отрывка поэт искал ответ на вопрос: может ли в рамках официальной идеологии быть принята точка зрения, согласно которой монарх имеет право войти в историю не только великими поступками, но и своими душевными человеческими порывами? В 1838 г., в момент подготовки к публикации статьи «Пожар Зимнего дворца», Жуковский пришел к отрицательному ответу: официальная риторика разрабатывала исключительно героический образ монарха. В печатной редакции 1883 г. зачеркнутые концептуальные фразы поэта были восстановлены, и в таком виде статья воспроизводилась и при последующих перепечатках. Публикатор К. Я. Грот исходил из принципиальной важности данного пассажа для концепции Жуковского: душевные порывы монарха перед лицом неизбежной катастрофы, несмотря даже на отсутствие героического ореола и величественных поступков, дают ему право на место в истории. По глубокому убеждению поэта, деяния национального масштаба и частные чувства монарха в равной мере имеют ценность для Верховного историка, т. е. Бога (см. подробнее: *Гузаиров Т.* Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007).

[9] *…здесь жила государыня Мария Федоровна ~ прекратилась и чистая жизнь ее.* — Ср. стилистическую правку в первой редакции статьи:

Здесь жила Мария Федоровна <…> отблеском [земной] <великой> Северной Царицы. <…> в сопутствии внуков и внучек прелестных и красотою и [резвостью] молод[ых]<остью> [лет] и тою надеждою, которая в лице их так [живо являлась воображению, так] сладостью говорила сердцу <…> …благоденствию, коего источник есть нравственность и [образование детей] просвещенная деятельность матери семейства. <…> [приготовляла] <благословляла> браки сыновей и дочерей своих <…> ни один из ея современников в <не провел> столь <к> [многих лет как она, прекра[сная]<тилась> и чистая <жизнь ея> (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 43. Л. 9—10).

Ср. также возвышенный образ императрицы Марии Федоровны и мотив «благодарности» в стихотворении Жуковского «У гроба государыни импера-

трицы Марии Федоровны. В ночь накануне ея погребения» (1828; ПССиП. Т. 1. С. 255—258). В «Пожаре…» автор развивает поэтические образы Марии Федоровны как «Божьего ангела», «небесно-чистой души». Вероятно, для Жуковского именно Мария Федоровна выделялась своими человеческими качествами среди остальных членов императорской семьи. См. подчеркивание в окончательном варианте статьи: «…сделалась благотворительницею *настоящего* <…> прочное основание *будущему* его благоденествию, коего источник есть нравственность <жен>…» (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 44. Л. 7). Нравственные и добродетельные поступки матери императорской фамилии, хранящие во времени духовное здоровье нации, являются равновеликими историческим деяниям монарха; это частично могло бы объяснить включение единолично не царствовавшей императрицы Марии Федоровны в историософскую часть «Пожара…» среди других государей.

[10] *Из дверей Зимнего дворца император Николай Павлович вышел на площадь ~ как надежда.* — При описании пожара о событиях восшествия на престол императора вспомнил также и граф А. Ф. Орлов, писавший русскому послу при Венском дворе Д. П. Татищеву:

> При этом бедственном событии, Государь наш снова явился таким, каким я всегда видел его во всех самых тяжких обстоятельствах, исполненным твердости и истинного величия души, таким же, каким, двенадцать лет тому назад 14 декабря, он был на площади перед Сенатом. Поистине, не в дни счастия или каких-нибудь торжеств, а в минуты испытания открывается, как велика наша Россия (Рассказы очевидцев о пожаре Зимнего дворца // РА. 1865. Ч. 3. Стб. 1181).

С точки зрения Жуковского, яркое и многообещающее поведение монарха 14 декабря 1825 г. оставалось к 1838 г. по-прежнему главным событием николаевского царствования. См. правку поэта в первоначальной редакции «Пожара…»:

> Из дверей Зимнего дворца Император Николай Павлович вышел на площадь кипящую народом в [ту минуту когда возмущение против Него вооружилось; Он вышел один прямо ему навстречу и эта одна, первая минута Его Царствования] <первую и самую решительную минуту своего царствования и эта минута> как долгие годы познакомила Россию с новым ея Императором и Европу с <достойным> преемником Александра (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 43. Л. 11).

В первой редакции статьи Жуковский удалил исторические подробности 14 декабря, хотя они и возвеличивали образ монарха. Как свидетель бунта он хотел бы передать реалии того дня, но как идеолог он опасался обращения к таким историческим деталям и предпочитал остаться на риторическом уровне:

> [нам памятно, какое зрелище в день сей представило [сь] <собрание> чин[ам]<ов> Империи [собравшимся] <соединившихся> в залах Дворцовых для молитвы <за> воцаряющагося Государя, памятны и мертвая тишина тогда оцепенявшая [сего] <сие> блестящаго многолюдства, и мрачность лиц столь разительных при блеске одежд торжественных и шопот [вестей] тревожил и тяжкая безызвестность о Госу-

даре, который с утра до приближения ночи простоял в виду бунтовщиков на ружейный выстрел от их фронта и общее движение всех, когда узнали что Государь возвратился, что бунт уничтожен и на конец всего памятнее та минута, в которую Он к нам вышел, рука об руку с Императрицею, Он, с каким-то ни [кем] <когда дотоле> невиданным на лице Его напечатлением самобытн[ым]<аго> вдруг преображением <Царского> величества, Она с глубокою преданностию <в волю — *на полях* > [к] Промысл[у] <а> с [величеством] смиренно[й]<ю> возвышенност[и]<ью> <над судьбою> и с удивительною выра[зительностью]<жением> всего, что в этот день перешло через ея душу, и между ими Наследник тогда еще младенец, ясный и беззаботный как надежда] (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 43. Л. 11—11 об.).

Этот отрывок был восстановлен Жуковским на полях в окончательной редакции статьи (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 44. Л. 8). Поэт, таким образом, активно участвует в разработке героического сценария власти Николая I. Воспоминание о поведении государя в междуцарствие 1825 г. станет «антикризисным», или укреплявшим личную надежду на императора, сюжетом в рассуждениях Жуковского об исторической судьбе России (см., напр., статью «О происшествиях 1848 года. Письмо к графу Ш…»).

[11] *Здесь совершилось ~ воздвигнуть стройное, всем доступное здание русских законов…* — Имеется в виду подготовка и издание в 1832 г. Свода законов Российской империи (15 т.). См. правку в первоначальной редакции статьи:

Здесь совершилось замышленное Петром, приготовленное Екатериною: <тщетно предпринято [недостигнуто] Александром>: [сооружено] <возвигнуто> стройное всем доступное издание [существующих] Русских законов… (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 43. Л. 12).

Мысль Жуковского о приоритете закона, о подчинении ему монарха и народа является лейтмотивом историко-политических статей и отрывков 1830—1850-х гг., его общих рассуждений о причинах и следствиях политических кризисов в государстве. Характерно, что в окончательном варианте статьи «Пожар Зимнего дворца» Жуковский подчеркивает ключевое слово, размышляя о взаимосвязи между законом, монархом, государственным благоденствием: «…предпринятое Александром: [для народа] воздвигнуто стройное, всем доступное здание Русских законов и тем положено начало *законности*, без коей нет в Государстве верного благод[етеля]<енствия>» (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 44. Л. 8).

[12] *В это время государыня императрица уже возвратилась из театра. ~ …от коих пожар еще был далеко.* — В первоначальной редакции отрывок, рассказывающий о действиях императрицы во время пожара, отсутствовал, т. е. не был включен в основной текст. Приступив к редактуре статьи, Жуковский на полях слева внес соответствующее описание. Стратегия поэта состояла, с одной стороны, в создании наиболее полной и детальной картины произошедшего, а с другой, в стремлении вывести на первый план высокие душевные порывы и поступки членов царствующей семьи, в конкретном случае — императрицы. Образ императрицы

как матери семейства создавался за счет описания ее заботы о своих собственных детях и о своей подданной, тяжело больной фрейлине С. П. Голенищевой-Кутузовой, которую вывезли из дворца.

[13] *…возобновится в новом блеске.* — 25 марта 1839 г., в Великую Субботу, Зимний дворец был освящен, а 26 марта в нем была отслужена пасхальная обедня. В сценарии власти восстановление Зимнего дворца на Пасху являлось безусловным апофеозом монаршей воли и верноподданнической любви к царю, сакрализацией существующего русского мироустройства. А. Башуцкий писал:

> Непостижимо казалось подобное дело, даже и для тех, которые недавно еще имели случай посетить строение! <…> и это истинное чудо, едва постижимое, совершилось не волшебством, но действием слова, сказанного Государем, вполне постигшим свой народ, и чувством народа, беспредельно и свято преданного государю (*Башуцкий А.* Возобновление Зимнего дворца // Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1839. Т. 20. № 79. С. 300; ср. также: *С. П.* Беглый взгляд на возобновленный Зимний дворец // Русский инвалид. 1839. № 95.).

Весенние торжества 1839 г. идеологически и риторически вписывались в общий, заложенный 30 августа 1834 г. при открытии Александровской колонны, триумфальный сценарий власти, одним из архитекторов которого был и Жуковский.

27 июня поэт осмотрел отстроенный после пожара дворец. В сделанной для себя дневниковой записи Жуковский предстал не сочинителем панегирика, а разрушителем государственного мифа:

> Дворец, чудно воздвигнутый снова в один год: совершенный образец России; огромно, без точности, без общей связи, выражение одной общей воли, которая, повелевая, рабствует. Во всех мелочах отражает тот характер, который дал России Петр Великий: *Скорей во что бы то ни стало*. Мы не едем вперед, а скачем от пункта к пункту, вперед ли, назад ли, все равно (ПССиП. Т. 14. С. 179).

Интересно отметить, что критический взгляд Жуковского на возобновленный дворец случайно совпал с мнением А. де Кюстина, книга о России которого вызвала у поэта резкое неприятие. Кюстин, констатируя бессмысленные многотысячные жертвы строителей дворца, ставил под сомнение главный идеологический топос — славную параллель между императорами-героями Петром I и Николаем I:

> Меж тем единственной целью стольких жертв было удовлетворение прихоти одного человека! <…> В России же пример Петра I оказался пагубным для множества монархов! (*Кюстин А.* Россия в 1839 году. М., 2000. Т. I. С. 150; см. там же: *Мильчина В. А., Осповат А. Л.* Комментарии. С. 550—552).

Год спустя после пожара Зимнего дворца и его описания в статье (т. е. конструирования идеального образа царского дома и семьи, отношений между монархом и подданными), летом 1839 г. Жуковский оценивал перспективы современной России пессимистично. Прорвавшийся в дневниковой записи негативный взгляд — это, с

одной стороны, отражение разочарований, которые испытывал Жуковский после образовательных путешествий с наследником престола; а с другой — это человеческая реакция поэта на обвалы потолков, а также на сведения о числе умерших при восстановлении дворца работников.

Т. Гузаиров

Очерки Швеции

(«Швеция, если судить по тому…»)
(С. 357)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 10 (1). Л. 1—70.

Впервые: Современник. 1838. Т. 11. № 3. С. 20—32 с заглавием «Очерки Швеции», без подписи, с указанием в конце даты 4 июня 1838.

Републикация: С 5. Т. 13. С. 157—172.

Печатается по автографу.

Датируется: 4 июня 1838 г.

«Очерки Швеции» являются отрывком из письма Жуковского старшей дочери императора Николая I, великой княжне Марии Николаевне, от 12 (24) июня — 2 (14) июля 1838 г. из Копенгагена и Любека. В основе очерков лежат впечатления Жуковского от его пребывания в Швеции с 29 мая (10 июня) по 14 (26) июня 1838 г. во время заграничного путешествия с наследником, что нашло отражение и в дневниковых записях поэта (ПССиП. Т. 14. С. 88—92), и в журнале, предназначавшемся для Марии Николаевны, и в письме, адресованном ей. Ср. фрагмент письма:

> Вся наша шведская жизнь продолжалась не более 16 дней. От 29 мая до 3 июня мы пробыли в Штокгольме. С 3 июня по 9 число странствовали по озеру Меларну <…> 10 июня покинули Штокгольм <…> переехали в Берго <…> прибыли в Готебург — последнее место пребывания нашего в Швеции (С 8. Т. 6. С. 612).

Подробная хронология этой поездки представлена в газете «Северная пчела» (1838. № 132. 14 июня).

Текст «Очерков», опубликованный в «Современнике» и в С 5, разделен на четыре части. По сравнению с письмом Марии Николаевне, он включает в себя незначительную стилистическую правку и небольшие купюры. О них см.: С 8. Т. 6. С. 627—628. В «Очерки» не вошли и одиннадцать рисунков поэта, приложенных к письму, четыре из которых изображали виды озера Меларн и три замка Грипсгольм. Впервые упоминание о них см.: С 8. Т. 6. С. 603—613 и РА. 1885. № 3. С. 331—346. В остальном же никаких разночтений текста очерков с фрагментом из этого письма нет. «Очерки Швеции» напечатаны в «Современнике» в разделе «Современные записки». Прослеживается внутренняя связь между произведением Жуковского и «Путешествием Императрицы Екатерины II в Крым» А. О. Ишимовой, напечатанном в том же номере журнала в разделе «Русская история».

«Очерки Швеции» представляют собой синтез натурфилософских и историософских взглядов поэта 1830-х гг., изложенных в эпистолярно-художественной форме. В «Очерках» описание природы Швеции дополняется экскурсами в ее историю, идеями Руссо об естественном человеке и некоторыми бытовыми подробностями национальной жизни шведов. Центральное место в «Очерках» отводится описанию замка Гримсгольм, которое включает в себя географические, хронологические и исторические реалии, элементы экфрасиса, фрагменты «готической» новеллы, героем которой становится сам автор. Встречающиеся в «Очерках» образы старинного замка и привидений продолжают традиции балладной эстетики поэта («Людмила», «Светлана», «Двенадцать спящих дев», «Замок Смальгольм»), связаны с чтением «Писем о демонологии и колдовстве» В. Скотта, соотносятся с видением Карла XI из статьи «Нечто о привидениях». См. об этом: *Жилякова Э. М.* В. Скотт в библиотеке В. А. Жуковского // БЖ. Ч. III. С. 326—347; *Виницкий И. Ю.* Нечто о привидениях Жуковского // НЛО. 1998. № 32. С. 147—172. Образы водной глади, окна, стекла удваивают и трансформируют пространственную структуру «Очерков», что свидетельствует и об их синтетической жанровой природе, и о дальнейшей эволюции романтической прозы автора в 1830-е гг.

Одним из конструктивных приемов в «Очерках» Жуковского становится сопоставление северных и южных стран Европы, России и Швеции. Этот прием в сочетании с мотивами тишины, спокойствия воспринимается как художественное выражение исторической мифологии поэта 1830-х гг., связанной с утверждением спасительности монархического правления для дальнейших судеб России и Западной Европы. С этой идеей соотносятся и такие произведения поэта, написанные во время поездки в Швецию, как стихотворное посвящение капитану «Геркулеса» («Тише, ветер, тише, волны!») и перевод со шведского шестистишия «Ведая прошлое, видя грядущее, скальд вдохновенный» с присутствующими в них символическими мотивами морского плавания и пророческого знания поэта о прошлом и грядущем.

Как указывает Л. Н. Киселева, в «Очерках Швеции» Жуковский развивает дальше карамзинские традиции литературы путешествий, дополняя их элементами предромантической («Остров Борнгольм» Н. М. Карамзина) и романтической повести, основанной на обнажении поэтических приемов и эстетической игре с читателем. Новаторство очерков во многом раскрывается через сравнение их с «Путешествием по Саксонской Швейцарии» и «Отрывками из письма о Швейцарии» самого Жуковского и с «Летней прогулкой по Финляндии и Швеции, в 1838 году» (1839) Ф. В. Булгарина, с «Поездкой в Швецию в 1839 году» (1840) И. Головина. Подробнее об этом см.: *Киселева Л. Н.* «Очерки Швеции» Жуковского и карамзинская традиция // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Т. IV. Тарту, 2001. С. 156—168. Очерки Жуковского вызывают ассоциации с поэзией Г. Р. Державина, представившего Швецию как «железно-каменное царство» в «Изображении Фелицы» (1789), с исторической элегией К. Н. Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (1814), со стихотворением Е. А. Баратынского «Финляндия» (1820).

В. Г. Белинский отмечал в «Очерках Швеции» «достоинство содержания и изложения», прерванного на самом интересном месте (Белинский. ПСС. Т. 3. С. 50). «Очерки Швеции» получили высокую оценку П. А. Плетнева, который писал:

> Они до такой степени живописны, верны с природою края и проникнуты одушевлением художника <…> По одному этому образчику можно судить, как он был полон каждого предмета, с которым готовился встретиться, и какое сочувствие разгоралось в его душе ко всему виденному
>
> (*Плетнев П. А.* О жизни и сочинениях Василия Андреевича Жуковского. СПб., 1853. С. 102).

[1] *…лабиринт скал, подобный алупкинскому саду в Крыму…* — Парк в городе Алупка на Южном берегу Крыма. Каменные скалы расположены в верхней части парка.

[2] *…их нельзя сравнивать ни с озерами ~ Тироля…* — В настоящее время провинция на западе Австрии, где находятся знаменитые озера Ахензее, Пиллерзее, Шварцзее, Валхзее и др.

[3] *Озеро Меларн* (Меларен), *самое живописное из больших озер Швеции.* — Озеро с многочисленными островами, расположенное в центральном регионе Швеции Свеаланд. Самыми крупными его островами являются Селаён и Свартшёландет.

[4] *…старинный замок Грипсгольм* (Грипсхольм)… — Замок, расположенный на одном из островов озера Меларен. Построен Густавом Вазой в 1573 г. В настоящее время филиал Национального музея Швеции.

[5] *…две пушки, отнятые шведами у русских в 1581 году…* — В период Ливонской войны (1558—1583), во время осады Пскова, войсками Речи Посполитой в 1581 г. либо во время осады шведскими войсками Орешка в 1582 г.

[6] *…вылитые русским мастером Андреем Чоховым…* — Чохов Андрей (ок. 1545—1629), известный пушечный и колокольный мастер, литейщик, создатель знаменитой «Царь-пушки» (1586).

[7] *…одна в 7085, а другая в 7087 году.* — В 1577 г. и 1579 г. н. э.

[8] *…во время Густава Вазы* — Густав Ваза (Васа) или Густав I (1496—1560), король Швеции в период с 1523 по 1560 г.

[9] *…старик Ваза пил ~ сидя между своими двумя сыновьями…* — Речь идет о старшем сыне Густава Вазы от первого брака Эрике XIV (1533—1577), короле Швеции с 1560 по 1568 гг. и его сводном брате Юхане III (Йохан, Иоанн) (1537—1592), короле Швеции в 1569—1592 г.

[10] *…которая служила тюрьмою Иоанну…* — Юхан (Иоанн) в 1563 г. был обвинен в измене и заключен в замок Грипсхольм своим братом Эриком XIV.

[11] *…супруги Иоанна.* — Катерина Ягеллонка (1526—1583), младшая дочь польского короля Сигизмунда I, жена Юхана III, с 1569 г. королева Швеции.

[12] *Здесь родился Сигизмунд…* — Сигизмунд III (1566—1632), сын шведского короля Юхана III и Катерины Ягеллонки, король Швеции в 1592—1599 гг., польский король и великий князь Литовский в 1587—1632 гг., организатор русско-польской войны 1605—1618 гг., сторонник Лжедмитрия I.

[13] *…Эрик ~ потерявший от горя рассудок…* — Эрик XIV, страдавший душевным заболеванием, был свергнут с престола сводными братьями Юханом и Карлом в 1568 г. и заключен в крепость Грипсхольм. Жизни Эрика посвящены пьесы «Эрик XIV» (1827) шведского драматурга Б. фон Бескова (1796—1868), с которым Жуковский познакомился во время этого путешествия, и «Эрик XIV» (1899) Августа Стриндберга.

[14] *…два женских портрета ~ списанными с берлинской Белой Женщины.* — По легенде, привидение, появившееся в начале XVII в. во дворце, расположенном на одном из островов в центре Берлина.

И. Поплавская

Бородинская годовщина

(«Я был в Бородине в самый день великолепного праздника…»)
(С. 362)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 10 (3). Л. 1—51.

Впервые: Современник. 1839. Т. 16. № 4. С. 193—204 с заглавием «Бородинская годовщина. Отрывок письма к Ея Императорскому Высочеству Государыне Великой Княгине Марии Николаевне», без подписи, с указанием в конце даты: 5 сентября.

Републикация: С 5. Т. 13. С. 173—187.

Печатается по С 5 со сверкой по автографу.

Датируется: 5 сентября 1839 г.

Очерк «Бородинская годовщина» представляет собой фрагмент письма Жуковского великой княгине Марии Николаевне от 5 сентября 1839 г. из Москвы. Письмо написано под впечатлением праздника, состоявшегося на Бородинском поле 26 августа 1839 г. в связи с 27-летней годовщиной Бородинского сражения и открытием монумента в память об Отечественной войне 1812 г. О хронологии событий 25—27 августа в Бородино и 3—14 сентября в Москве, о закладке храма Христа Спасителя см. в дневнике поэта (ПССиП. Т. 14. С. 181, 186—187).

Основу очерка составляет описание-сопоставление впечатлений поэта от Бородинского боя 26 августа 1812 г., в котором он принимал участие в составе войск Московского ополчения, и Бородинского праздника 26 августа 1839 г. Ведущим эстетическим принципом отрывка становится принцип художественного документализма, который раскрывается через панорамное визуально-акустическое изображение событий, происходящих на Бородинском поле, через мотив воспоминания-видения с характерным удвоением образов («неизобразимая тишина» накануне Бородинского сражения и во время коллективного молебна на юбилейных торжествах) и их одновременным противопоставлением (гром битвы — молитвенное пение, поле битвы — поле жатвы, жизнь — смерть, прошлое и настоящее, историческая память-природная память). Символико-мифологический смысл получают в этом произведении также образы неба, пира,

поля, пожара, храма. Подробнее об этом см.: *Иезуитова*. С. 140—141; *Айзикова*. С. 314—318.

Отрывок впервые был опубликован в журнале «Современник» в разделе «Стихотворения» вместе со стихотворением «Бородинская годовщина», для которого письмо о Бородинском празднике стало «приличным предисловием» (С 8. Т. 6. С. 440). В то же время комментарий Жуковского к стихотворению «Бородинская годовщина» из письма к Александру Николаевичу от 29 августа 1839 г. из Москвы можно рассматривать как своего рода эскиз будущего прозаического описания торжеств на Бородинском поле в письме к Марии Николаевне. Ср. в письме к наследнику:

> Я хотел описать и то, что видел прежде, и то, что видел теперь, и притом помянуть о случившемся в промежутках Бородинской битвы и Бородинской годовщины. <…> Праздник наш был так чуден, что мне и в прозе об нем поговорить хочется (Там же. С. 401, 405).

Поэтическое и прозаическое описание торжеств на Бородинском поле воспринимается как отражение особенностей эстетической системы Жуковского 1830-х гг., в которой сближение поэзии и прозы раскрывает внутреннее единство «больших» художественных стилей, подвижность категорий автор — герой — читатель, тенденцию к циклизации, автометатекстуальность.

Тема исторической и индивидуальной памяти, образы благого Провиденья, небесной благодати, размышления об истории и путях дальнейшего развития России и Европы сближают отрывок «Бородинская годовщина» с опубликованными одновременно с ним в «Современнике» вторым переводом элегии Т. Грея «Сельское кладбище», с посланием «Его Императорскому Высочеству Герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому принцу Эйхштедтскому» по случаю его бракосочетания с великой княгиней Марией Николаевной П. Г. Ободовского (1803—1864), с «Хроникой русского в Париже» А. И. Тургенева, подписанной инициалами «Э. А.» (Современник. 1839. Т. 16. № 4. С. 5—30, 205—226). Тема Петра I, образ грядущей славы России, противопоставление монарха-воина монарху-человеку, звучащие в цитируемом поэтом «Воспоминании о торжестве 30-го августа 1834 года» по случаю открытия Александровской колонны, а также в написанных в том же 1839 г. под впечатлением заграничного путешествия с наследником стихотворениях «В Сардамском домике», «Поэту Ленепсу», оказываются внутренне созвучны идеям «вечного мира», «гражданского благоденствия» в очерке «Бородинская годовщина» и в одноименном стихотворении. Подробнее об этом и о влиянии стихотворений А. С. Пушкина «Перед гробницею святой…», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «Полководец» на формирование историософских взглядов Жуковского 1830-х гг. см.: *Гузаиров Т.* Жуковский и Бородинские торжества 1839 г. // Пушкинские чтения в Тарту. Пушкинская эпоха. Проблемы рефлексии и комментария: материалы междунар. конф. Тарту, 2007. С. 318—331.

Текст «Бородинской годовщины», напечатанный в «Современнике» и в С 5, незначительно отличается от текста письма Марии Николаевне. В отрывке Жуков-

ский в большей степени, чем в письме, акцентирует связь между событиями двух торжеств на Бородинском поле, вводит значительное количество слов, выделенных курсивом, сокращает фрагменты, раскрывающие его личное отношение к наследнику.

По мнению П. А. Плетнева, статья «Бородинская годовщина» Жуковского исполнена «удивительной живости и величественных картин» и вместе с одноименным стихотворением «принадлежат к числу лучших произведений его таланта». Также он отмечает, ссылаясь на письмо поэта к нему от октября 1850 г. из Баден-Бадена, что «Письмо о Бородинском празднике» было напечатано в хрестоматии по русской грамматике, изданной на немецком языке в Лейпциге, как образец русского прозаического стиля (*Плетнев П. А.* О жизни и сочинениях Василия Андреевича Жуковского. СПб., 1853. С. 104—105).

[1] *…монумент Бородинского боя…* — Монумент русским воинам, созданный по проекту архитектора А. У. Адамини (1792—1847) и установленный на батарее Н. Н. Раевского в 1839 г.

[2] *…с Багратионовым гробом…* — Останки генерала от инфантерии, командующего 2-й Западной армией Петра Ивановича Багратиона (1765—1812), перенесенные из с. Симы Владимирской губернии на Бородинское поле в 1839 г.

[3] *…так храбро дрался Воронцов…* — Михаил Семенович Воронцов (1782—1856), генерал-майор, начальник 2-й свободной гренадерской дивизии под командованием П. И. Багратиона. Во время Бородинского сражения участвовал при обороне Шевардинского редута и Семеновских флешей.

[4] *…где погиб Тучков…* — Александр Алексеевич Тучков (1777—1812), генерал-майор, командир пехотной бригады, погибший во время контратаки на Семеновские флеши.

[5] *…подножием церкви, построенной вдовою Тучкова…* — Церковь Спаса Нерукотворного, построенная вдовой А. А. Тучкова Маргаритой Михайловной Тучковой (1781—1852) на месте его предполагаемой гибели и освященная в 1820 г.

[6] *…тихие кельи монахинь…* — Спасо-Бородинский монастырь, основанный в 1838 г. М. М. Тучковой, ставшей впоследствии его первой настоятельницей под именем монахини Мелании.

[7] *…где дрались Раевский, Барклай, Паскевич, где ранен Ермолов, где погиб Кутайсов…* — Николай Николаевич Раевский (1771—1829), генерал-лейтенант, командующий 7-м пехотным корпусом; Михаил Богданович Барклай де Толли (1761—1818), генерал от инфантерии, командующий 1-й Западной армией; Иван Федорович Паскевич (1782—1856), генерал-майор, командующий 26-й пехотной дивизией, входящей в состав 2-й западной армии П. И. Багратиона; Алексей Петрович Ермолов (1777—1861), генерал-майор, начальник Главного штаба 1-й Западной армии; Александр Иванович Кутайсов (1784—1812), генерал-лейтенант, начальник артиллерии 1-й Западной армии.

[8] *…Преосвященный Митрополит Московский…* — Митрополит Филарет, в миру Василий Михайлович Дроздов (1782—1867).

[9] *«Коль славен наш Господь в Сионе»* — Русский духовный гимн, слова М. М. Хераскова (1733—1807), музыка Д. С. Бортнянского (1751—1825).

[10] *«Тебе Бога хвалим»* — Христианский гимн (лат. *Te Deum*). По преданию, написан в конце IV в. Амвросием Медиоланским. Используется в православном богослужении, поется в заключение благодарственных молебнов.

[11] *«И крест, венчающий этот памятник ~ Божия правда!»* — Жуковский цитирует отрывок из своей статьи «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 года», написанной во случаю открытия Александровской колонны на Дворцовой площади в Петербурге (см. в наст. томе).

[12] *…разговор с К. Г. …* — Вероятно, речь идет о князе Федоре Федоровиче Гагарине (1786—1863), участнике Бородинского сражения, адъютанте П. И. Багратиона.

[13] *…Бородинской песни…* — Стихотворение Жуковского «Бородинская годовщина», написанное в дни Бородинского праздника 26—28 августа, напечатанное и приложенное в письме к наследнику от 29 августа 1839 г.

[14] *…на празднике Бородинского Помещика…* — Село Бородино, принадлежавшее ранее Василию Денисовичу (1747—1808) и Денису Васильевичу (1784—1839) Давыдовым, в 1839 г. перешло во владение цесаревича Александра Николаевича. См. об этом, в частности, в «Очерках Бородинского сражения» Ф. Н. Глинки: «…село Бородино, принадлежавшее тогда гг. Давыдовым <…> Теперь имеет <…> счастие принадлежать порфирородному владельцу — государю цесаревичу» // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 306.

[15] *…Его счастливой Матери…* — Императрица Александра Федоровна, жена императора Николая I.

[16] *Младенчества обвитый пеленами ~ Он полетит в путь опыта и славы…* — Жуковский цитирует отрывок из своего послания «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича» (1818). ПССиП. Т. 2. С. 97.

[17] *Да встретит он обильный честью век! ~ Вот правила Царей великих внуку.* — Отрывок из того же послания (ПССиП. Т. 2. С. 97—98).

И. Поплавская

ПРОЗА 1840-Х ГОДОВ

<О бракосочетании наследника>

(«16 число апреля 1841 года ознаменовано
для России счастливейшим событием…»)
(С. 368)

К о п и я: РО ИРЛИ. № 27797 — копия и оттиск корректурного листа — с авторской правкой.

В п е р в ы е: Северная пчела. 1841. Прибавление к № 83. 1 л. с об. (без нумерации страниц).

В прижизненных изданиях отсутствует.

Печатается по первой публикации с правкой Жуковского, со сверкой по копии.

Датируется: 15—17 апреля 1841 г.

Статья практически не известна ни исследователям, ни читателям, поскольку, будучи опубликованной в «Прибавлении» к № 85 «Северной пчелы» (от 17 апреля 1841 г.), она впоследствии не вошла ни в одно издание сочинений писателя. Ее копия и корректура с правкой писателя и подписью: «Исправил еще раз Жуковский» — хранятся в архиве поэта. В его дневнике записи от 15—17 апреля фиксируют процесс работы над статьей. 15-го вечером, т. е. накануне бракосочетания: «Потом написал статью», 16-го, в день бракосочетания: «Утром дописывал статью»; наконец, 17-го: «Утром дописал статью и отвез к Бенкендорфу. <…> Читал корректуру». 20-го, рассказывая о завтраке у императрицы, Жуковский добавляет: «Чтение моей статьи» (ПССиП. Т. 14. С. 256). И хотя он ничего не говорит о реакции присутствующих на это чтение, по всей вероятности, статья получила одобрение царского двора, так как вслед за чтением Жуковский решается на «разговор о Лермонтове» (Там же), уповая на милость императрицы.

Статья весьма показательна и в плане мировоззрения Жуковского, и в связи с вопросами эстетики и поэтики его поздней прозы. Ключевой проблемой здесь становится брак и семья (см. об этом: *Долгушин Д. В.* В. А. Жуковский и И. В. Киреевский: к проблеме религиозных исканий русского романтизма. С. 8, 14). Это понятие всегда имело большое значение для писателя-романтика, устремленного к идеалу «милого вместе». «Для Жуковского брак — это дар Промысла Божия, крестный путь к Богу, школа воспитания души», — справедливо утверждает Д. Долгушин (Там же. С. 8). Бракосочетание наследника приобретало для Жуковского автопсихологический смысл в свете его предстоящей женитьбы на Елизавете Рейтерн.

Бракосочетание наследника русского престола, создание им семьи осмысливается в статье не только как важное личное событие в «семействе царском», но и как «счастливейшее событие» для всей России, отличающейся коллективной, «семейной» жизнью нации, народа, который объединен общей духовной атмосферой. По Жуковскому, этот брак, более чем какой-либо другой, воплощает действие глубинного закона истории — закона сопряжения личного и общественного, личного и общего, что являлось фундаментом и концепции человека Жуковского. В этом плане примечательна акцентировка в статье, с помощью системы деталей, идеи преемственности поколений, роли традиций, обеспечивающих плавный, естественный ход истории (напр., автор придает особое символическое значение совпадению имен государыни Марии Федоровны и «новой Марии»). Как обычно, событие из жизни людей Жуковский изображает на фоне жизни природы, на фоне пейзажа, который также насквозь символичен.

Бракосочетанию цесаревича придается поистине эпическое звучание. Жуковский подчеркивает огромное количество его непосредственных участников и свидетелей. Подробнейшим образом описывается весь день бракосочетания.

Каждая точка пространства вмещает в себя всю полноту происходящего. Центром этой картины автор делает Александровскую колонну, «огромный монумент славы минувшего».

Описание бракосочетания великого князя Александра Николаевича и принцессы Марии Гессен-Дармштадтской, ставшей великой княгиней Марией Александровной, наполняется глубоким мировоззренческим смыслом. Это, в представлении автора, великое таинство, движимое волею Бога. Отсюда проходящий через всю статью мотив молитвы. Показателен и экскурс автора в прошлое, к дню рождения новобрачного, которого повествователь называет «Царственным Младенцем». Здесь же совершается экскурс автора в свое личное прошлое, в свое творчество, в связи с чем в статье происходит органичный переход повествования от прозы к поэзии. Жуковский приводит стихи из своего послания великой княгине Александре Федоровне, написанного 17—20 апреля 1818 г. на рождение великого князя Александра Николаевича («Государыне Великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича»; см. комментарий Ф. З. Кануновой в наст. изд., т. 2, с. 507—509), в котором это событие названо исполнением обета Создателя. Сложное по своей жанровой природе стихотворение 1818 г. органично сливается и с настроениями, и с поэтикой прозаической статьи 1841 г. о бракосочетании наследника престола.

Не менее органично в статью входят эстетические идеи Жуковского об искусстве как Провидении. В 1818 г. «поэзия, предупреждая события, перед колыбелью новорожденного Царственного Младенца произнесла об нем свое пророчество», которое, как утверждается в статье 1841 г., «во многом уже оправдалось». Сейчас автор вновь берется предсказать светлое будущее наследника и его супруги, а вместе с ними и всей их большой семьи — России. В финале появляются символические образы двух ангелов, которые будут сопровождать царскую семью.

В № 85 «Северной пчелы» на ту же тему была опубликована статья Н. И. Греча «16 апреля 1841». Во многом перекликающаяся со статьей Жуковского, она всё же ставит акцент на фигуре императора, заканчиваясь словами: «“Господи, силою твоею возвеселится царь!” Царь — отец, царь — освободитель, царь — благодетель народа русского!» Статья Жуковского близка по духу гоголевским статьям из «Выбранных мест из переписки с друзьями». Она перекликается и с религиозно-этическими исканиями И. Киреевского, которому, по словам исследователя, «благодаря браку открылась красота церковного христианства» (см.: *Долгушин Д. В.* Указ. соч. С. 8, 15). Позднее тема семьи и брака и названные идеи Жуковского, связанные с нею, были развиты русской классической прозой, а также русской религиозной философией, прежде всего С. Л. Франком, считавшим, как известно, первичной и основной формой единства людей единство брачно-семейное, Л. П. Карсавиным, наделявшим семью и народ, в отличие от сословий и классов, обширными функциями и др.

И. Айзикова

О смерти
Из письма к Н. В. Гоголю
(«В последнем письме моем я обещался…»)
(С. 371)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 71. Л. 1—2 — авторизованная.

2) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39. Л. 27—28 об. — авторизованная.

Впервые: Москвитянин. 1853. № 2. С. 93—94 (не полностью); С 5. Т. 11. С. 123—127.

Печатается с С 5 со сверкой по копии.

Датируется: 20 февраля — 12 марта 1847 г.

«О смерти» открывает собой цикл статей Жуковского, написанных в форме писем к Н. В. Гоголю, в который входят также «О молитве» и «Слова поэта — дела поэта» («О поэте и современном его значении»). Импульсом к созданию цикла послужило знакомство Жуковского с книгой Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями».

Тираж «Выбранных мест…» вышел из печати в самом начале января 1847 г., а уже 6 (18) февраля 1847 г. Жуковский сообщал Гоголю, что прочитал его книгу (экземпляр «Выбранных мест…» поэт получил от П. А. Плетнева, переславшего его через графиню М. Д. Нессельроде (см.: *Плетнев*. Т. 3. С. 580)). В отличие от большинства современников, Жуковский достаточно высоко оценил творение своего друга и полагал, что «эта книга должна произвести и произведет сильное и благотворное действие» (Переписка Гоголя. Т. 1. С. 201). Мысли Гоголя, высказанные в «Выбранных местах…», попали в резонанс собственным мыслям Жуковского, что и неудивительно: 1840-е годы были временем интенсивного творческого и духовного общения двух писателей, религиозно-философские искания которых развивались в одном направлении. Гоголь часто гостил у Жуковского (собственно, именно в доме Жуковских во Франкфурте-на-Майне он и заканчивал «Выбранные места…» осенью 1846 г.), обсуждал с ним волновавшие обоих художественные, философские и религиозные темы. Не случайно две важнейших главы «Выбранных мест…» («О лиризме наших поэтов» и «Просвещение») написаны в форме писем Жуковскому. Книга Гоголя была фактически его репликой в творческом диалоге с первым русским романтиком. Естественно, что у Жуковского возникло желание откликнуться на нее: он решил «медленно» перечитывать «Выбранные места…» и «по мере чтения <…> присылать к автору все, что придет в голову о его мыслях или по поводу его мыслей» (Переписка Гоголя. Т. 1. С. 201). Жуковский планировал, что «эта переписка может также составить книгу», для которой даже придумал название — «Отрывки из писем к Гоголю, писанных к нему о его книге» (Там же. С. 216).

К осуществлению этого замысла Жуковский приступил 20 февраля (4 марта) 1847 г., отправив Гоголю письмо, наполненное религиозно-философскими рассуж-

дениями о смерти (Переписка Гоголя. Т. 1. С. 205—208). «Этим отрывком, который в следующем письме составит целое, начинается моя с тобой переписка по поводу избранных мест из твоих писем» (Переписка Гоголя. Т. 1. С. 208), — пояснял он адресату. Определяя свое произведение как «отрывок», Жуковский, очевидно, имел в виду не только классический жанр романтической литературы, известный по «Фрагментам» Новалиса, но и ту разновидность духовной прозы, с которой он был знаком, например, по богословским сочинениям своего друга Й. Радовица (см.: *Radowitz J. von.* Gesammelte Schriften. Bd 5. Berlin, 1853), известным ему еще в рукописи (см.: ПССиП. Т. 14. С. 207), или по «Мыслям» Б. Паскаля.

В последующем письмо было отредактировано (Жуковский убрал из него все личные детали: обращение «мой милый Гоголек», подробный рассказ о последних днях Мии фон Рейтерн, чья кончина и послужила поводом написания письма) и подготовлено к публикации в качестве статьи под названием «О смерти». Возможно, эта редактура была осуществлена в конце 1847 г., когда Жуковский после десятимесячного перерыва вернулся к работе над книгой Гоголя, или в январе 1848 г. (этим временем, судя по расположению в записной книжке, датируются статьи «О молитве» и «Слова поэта — дела поэта» («О поэте и современном его значении») (см.: Бумаги Жуковского. С. 133)). Во всяком случае, к 1850 г. статья «О смерти» была уже готова и предназначалась для публикации в 10 томе Полного собрания сочинений в составе цикла «Письма к Гоголю» (РНБ Ф. 286. Оп. 2. № 39. Л. 1—17 об.).

Тема смерти была, можно сказать, классической темой Жуковского, она сопровождала его в течение всей жизни. В своей поздней прозе Жуковский снова и снова возвращается к ней. Танатология оказывается в центре его внимания не только в статье «О смерти», но и в статьях «Нечто о привидениях», «Две сцены из “Фауста”», «О смертной казни», «О меланхолии в жизни и поэзии», во многих отрывках, а также в поэме «Странствующий жид». В этом корпусе текстов Жуковский создает своего рода танатодицею, в которой переплетаются и христианские, и платонические черты.

Публикации в 10 томе Полного собрания сочинений в 1850 г. не состоялась по цензурным причинам. Уже после кончины Жуковского основная часть текста статьи была напечатана С. П. Шевыревым в составе его речи «О значении Жуковского в русской жизни и поэзии», опубликованной во 2 номере «Москвитянина» за 1853 г. (С. 93—94) (при подготовке этой речи Шевырев активно использовал переписку Жуковского и Гоголя, в том числе и письмо Жуковского от 20 февраля (4 марта) 1847 г.). Полностью статья была опубликована в С 5 в 1857 г. (Т. 11. С. 123—127). Заметим, что в дореволюционной эдиционной практике «О смерти», «О молитве», «Слова поэта — дела поэта» («О поэте и современном его значении») публиковались вместе, как правило, под заглавием «Три письма Гоголю» или «Письма Гоголю» — что, по-видимому, соответствует творческому замыслу Жуковского: при подготовке 10 тома Полного собрания сочинений он расположил материал именно таким образом. Издание статьи «О поэте и современном его значении» отдельно, без статей «О смерти» и «О молитве», закрепилось в послереволюционной эдиционной практике и объясняется цензурно-идеологическими обстоятельствами того времени.

[1] *В последнем письме моем…* — Имеется в виду письмо Жуковского Гоголю от 6 (18) февраля 1847 г. (Переписка Гоголя. Т. 1. С. 200—201).

[2] *…твою книгу…* — Книга Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями».

[3] *…траурном объявлении.* — Траурное объявление о смерти Марии (Мии) фон Рейтерн (1822—1847), младшей сестры супруги Жуковского Елизаветы.

[4] *Смерть только для живых есть зло…* — Цитата из стихотворения Н. М. Карамзина «Стихи на скоропостижную смерть Петра Афанасьевича Пельского» (1803): «Ах! в гробе мертвые спокойны! / Их время горевать прошло… / Смерть только для живых есть зло, / Могилы зависти достойны — / Ничтожество не страшно в них!..» (*Карамзин Н. М.* Стихотворения. Л., 1966. (Библиотека поэта; Большая серия.) С. 296).

[5] *…ценою бедствия покупаем мы лицезрение Бога.* — Ср. устойчивый в творчестве Жуковского 1820—1830-х гг. мотив несчастья как «громогласного проповедника проведения и вечности» (БЖ. Т. 1. С. 202), исследованный Н. Б. Реморовой (БЖ. Т. 1. С. 201—208). Этот же мотив часто встречается в переписке Жуковского 1840-х гг.

[6] *…мы своими глазами видели…* — Возможно, аллюзия на 1Ин. 1: 1: «О том, что было вначале, что мы слышали, что видели нашими очами, что созерцали, к чему прикасались нашими руками, о Слове жизни…» (Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Пер. В. А. Жуковского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 231).

Д. Долгушин

О молитве
Письмо к Н. В. Гоголю

(«Я обещал присылать тебе замечания на твою книгу…»)
(С. 373)

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 63. Л. 37—54 — черновой, без заглавия.
К о п и и:
1) РНБ. Оп. 1. № 71. Л. 29—35 об.
2) РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 11—17 об. — авторизованная, рукою В. Кальянова.
В п е р в ы е: С 5. Т. 11. С. 127—146 — под общим заглавием «Письма к Н. В. Гоголю».
П е ч а т а е т с я: по тексту первой публикации со сверкой по автографу.
Д а т и р у е т с я: начало 1848 г.

Статья «О молитве» была написана Жуковским в ответ на книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Вместе со статьями «О смерти» и «Слова поэта — дела поэта» («О поэте и современном его значении») она составила цикл «Письма к Гоголю», предназначавшийся поэтом для публикации в 10 томе Полного собрания сочинений (1850), не осуществленной по цензурным причинам.

Судя по расположению чернового автографа в записной книжке (РНБ Ф. 286. Оп. 1. № 63), «О молитве» была написана между 5 и 20 января (ст. ст.) 1848 г. (Бумаги Жуковского. С. 132—133). Практически одновременно с ней Жуковский работал над статьями «О привидениях», «Что будет?», «Слова поэта — дела поэта» («О поэте и современном его значении»).

Жуковский затрагивает не только тему молитвы, но и столь важную для него в 1840-х гг. тему веры как высшего способа постижения истины и тему покорности воле Божией как высшей формы свободы. Статья «О молитве» перекликается с другими статьями позднего Жуковского, особенно со статьями «Слова поэта — дела поэта» («О поэте и современном его значении») и «О внутренней христианской жизни», а также с разделом «Христианская философия» из «Отрывков».

[1] *Я обещал прислать тебе замечания на твою книгу…* — Имеется в виду книга Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847).

[2] *…что говорит Бюффон вообще о слоге: «Le style c'est home» («слог — человек»).* — Ставшее афоризмом выражение французского естествоиспытателя Жоржа Луи Леклерка, графа де Бюффона (1707—1788), «le style c'est homme» взято из речи, которую он произнес 25 августа 1753 г. при вступлении во Французскую академию (позже эта речь получила название «Речь о стиле», «Рассуждение о стиле»). Жуковский интересовался творчеством Бюффона, ценил его как образцового французского стилиста и теоретика красноречия. Составляя в 1805—1806 гг. хрестоматию «Примеры слога, выбранные из лучших французских прозаических писателей», он поместил в ее начале свой перевод из «Рассуждения о стиле» Бюффона (БЖ. Ч. 3. С. 222—224). В библиотеке Жуковского сохранилось издание «Естественной истории» Бюффона в 56 т. с многочисленными пометами поэта. Переводы из нее Жуковский помещал в «Собирателе» (1829).

[3] *…читал одну прекрасную статью князя Вяземского…* — Имеется в виду статья «Языков — Гоголь», опубликованная в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1847. № 90, 91). См.: *Вяземский П. А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 162—188.

[4] *…наших аристархов…* — Аристарх из Самофракии (II в. до РХ) — александрийский грамматик и комментатор классических авторов, имя которого стало нарицательным для обозначения строгого литературного критика (ср. стихотворение А. С. Пушкина «Моему Аристарху»).

[5] *…твое завещание ~ в твоем предисловии.* — Имеются в виду Предисловие к «Выбранным местам…», а также Завещание, написанное Гоголем в 1845 г. в предчувствии близкой смерти и также включенное в состав «Выбранных мест…».

[6] *Когда ты мне читал…* — Гоголь гостил у Жуковского во Франкфурте-на-Майне в марте — апреле 1845 г., а в мае 1846 г., в июле 1846 г. они общались в Швальбахе, куда Жуковский привез жену лечиться на воды. Время с 23 сентября по 10 октября 1846 г. Гоголь опять провел в гостях у Жуковского во Франкфурте, заканчивая «Выбранные места…». Очевидно, именно в этот последний приезд он и читал Жуковскому отрывки из своей книги.

[7] *…простить тебе твои грехи вольные и невольные и с тобою христиански примириться…* — В этих словах присутствует аллюзия на молитву перед причащением «Верую, Господи, и исповедую…» («…молюся убо Тебе: помилуй мя и прости ми согрешения моя вольная и невольная…») или на разрешительную молитву исповеди «Господи, Боже спасения рабов Твоих…» («…прощая ему всякое согрешение вольное же и невольное…»). Гоголь, испрашивая у читателей прощения в Предисловии к «Выбранным местам…», сравнивает себя именно с человеком, готовящимся к исповеди и причащению: «Прошу также прощения у моих собратьев-литераторов <…> кому же из них почему-либо трудно простить меня, тому напомню, что он христианин. Как говеющий перед исповедью, которую готовится отдать Богу, просит прощенья у своего брата, так я прошу у него прощенья, и как никто в такую минуту не посмеет не простить своего брата, так и он не должен посметь не простить меня» (*Гоголь*. Т. 8. С. 217).

[8] *…которые не веруют ~ ее нужною…* — Жуковский цитирует Гоголя (*Гоголь*. Там же).

[9] *В вере, приводящей в движение горы…* — Ср.: Мф. 17: 20; Мф. 21, 21. Евангельские слова о вере, переставляющей горы, Жуковский, по-видимому, хотел положить в основу сюжета произведения, начатого им 8 (20) октября 1841 г. в Дюссельдорфе: «Всесилен Бог! Пред Ним всесильна вера. / Он нам сказал: Кто верует, вели / Горам идти — оне пойдут. Своими / Очами видел я, как совершилось / Такое чудо на земле…» (ПССиП. Т. 2. С. 384). Эти стихи, вероятно, должны были служить вступлением к большому произведению, однако полностью замысел Жуковского не осуществился. Возможно, сюжет задуманного произведения был как-то связан со сказанием из Пролога («Слово о кузнеце, иже молитвою сотвори воздвигнутися горе и вовращися в Нил реку», 7 октября). См.: *Державина О. Л.* Древняя Русь в русской литературе XIX в. Пролог. Избранные тексты / Отв. ред. В. П. Гребенюк. М., 1990. С. 213—216.

[10] *…глубине тех слов, которые Сам Он научил произносить нас, человечески дав их человеку…* — Вероятно, имеется в виду молитва Господня («Отче наш»).

[11] *…дабы он мог непосредственно соединиться с сердцем Бога.* — Ср. слова Жуковского в одной из рабочих тетрадей в составе записи размышлений о Таинстве Причащения: «Это есть жить в Благодати. О, великая неизреченная жизнь! Ты кажешься бедною! Но что тебя богаче? Ты возвращаешь мне сердце Бога и Бога в мое сердце» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 66. Л. 76).

[12] *…на Евангелие, где сказано: молитесь.* — Ср.: Мф. 7: 7; Лк. 21: 36 и др.

[13] *…все свои выводы ~ Бог существует…* — Эту мысль Жуковский считал «пунктом отбытия» (т. е. отправной точкой) «христианской философии», которую хотел создать, «опираясь на одни откровенные, неотрицаемые истины христианства» (Переписка В. А. Жуковского с А. С. Стурдзою. Одесса, 1855. С. 19).

[14] *Тогда как там в небесах, в неизмеримости пространства…* — Это рассуждение Жуковского перекликается с «физико-теологическим» посланием М. В. Ломоносова «О пользе стекла» (1752). Как известно, Жуковский считал «Письмо о пользе стекла» одной из вершин русской поэзии, называл его в своем «Конспекте по

истории русской литературы» «истинным торжеством мастера, в котором автор более всего показал, в какой степени он владеет своим языком» (ПССиП. Т. 12. С. 361). В 1811 г. Жуковский включил послание Ломоносова в подготовленное им «Собрание русских стихотворений» (ч. IV). Так что текст «Письма…» был ему, несомненно, памятен. Кроме того, на близость ломоносовского послания и статьи Жуковского, возможно, указывает и сходство используемых ими образов: Жуковский сравнивает Вселенную с океаном, «в котором *каждая капля есть солнце*», Ломоносов пишет о множестве «солнц», сияющих на небе.

[15] *…в скинию человеческой ничтожности…* — Скиния (от греч. σκηνή — дом; палатка; обиталище; шатер, служивший ветхозаветным храмом до построения храма в Иерусалиме) — *зд.* храм.

[16] *Когда Спаситель ~ муж, который предстоит.* — Жуковский приводит известную латинскую анаграмму на Ин. 18: 38. Впервые Жуковский услышал ее из уст своего друга И. Радовица в 1840 г. (см.: ПССиП. Т. 14. С. 207). Она была предметом одного из разговоров во время пребывания Жуковского в Москве в 1841 г. 1 февраля М. П. Погодин, побывав на обеде у А. А. Прокоповича-Антонского, записал в своем дневнике: «Набрались люди пяти поколений: Антонский восьмидесяти лет, Жуковский шестидесяти, Давыдов и Маслов по пятидесяти, я сорока и Шевырев тридцати пяти. Разговор об имени "Москвитянина" и других грамматических вопросах, об языке, о толковании св. Августина на вопрос Пилатов, *что есть истина*, о терминах философических» (*Барсуков*. Кн. 6. С. 19). Эта анаграмма была общеизвестной на Западе в Средние века и в Новое время, иногда ее приписывали блаженному Августину. В качестве классического образца анаграммы она приводится в многочисленных сборниках изречений, руководствах по риторике, энциклопедиях, словарях XVII — нач. XIX в.

Любопытно, что при первой публикации в С 5 это место было отредактировано (скорее всего, по цензурным причинам) следующим образом:

> когда Спаситель стоял перед судилищем Пилата, Пилат спросил у Него, употребив вероятно, как римлянин, язык Рима: *что есть истина?* и вышел, не дожидаясь ответа. Сей ответ мог быть составлен из букв самых слов вопроса, с переменою только порядка их: *истина есть муж, здесь предстоящий* (С 5. Т. 11. С. 137).

К этим словам в С 5 сделана ссылка: «Это мысль некоторых западных богословов, впрочем уже Средних веков. С перестановкою букв: *Quid est veritas?* выходит *Est vir qui adest*» (С 5. Т. 11. С. 137). В С 10 автором этой сноски указан Д. Н. Блудов (С. 947), возглавлявший комитет по изданию посмертных сочинений Жуковского. (С 5. Т. 10—13), в который входили также П. А. Вяземский, П. А. Плетнев, А. В. Никитенко. Естественно предположить, что и описанная выше редактура принадлежит ему. Таким образом Блудов (или иной редактор) старался исключить из рассуждения Жуковского мысль о том, что Спаситель не хотел отвечать на вопрос Пилата и, наоборот, добавить мысль о том, что Пилат не захотел Его слушать.

[17] *…движение бесчисленных миров…* — Возможно, на эту аллегорию (сравнение капель, летящих через край плотины висбаденского канала, с «атомическими

звездами», с «бесчисленными мирами», населенными «микроскопическими жителями») Жуковского навело чтение Паскаля, который, описывая бесконечность вселенной, говорит о том, что мельчайший ее атом таит внутри себя «бесконечное множество миров, у каждого из которых есть свой небосвод, свои планеты, своя земля, на этой земле живут свои живые существа» (*Паскаль Б.* Мысли / Пер. с франц. Ю. Гинзбург. М., 1996. С. 133). Данные рассуждения следуют прямо за мыслью Паскаля о том, что мир — «это бесконечная сфера, центр которой везде, окружность — нигде» (Там же. С. 132).

[18] *Теперь вообразим ангела ~ а мы?..* — Жуковский уже использовал этот образ в статье «Взгляд на землю с неба» (1831), опубликованной № 1 «Муравейника». См. примеч. к статье в наст. томе.

[19] *Без самоотвержения нет молитвы; без молитвы нет самоотвержения.* — О молитве как о самоотвержении Жуковский подробно пишет в письме С. М. Соллогуб 22 сентября 1850 г. (РБ. 1916. № 5. С. 17).

[20] *Тот, Кто, создав нас ~ для Самого Себя.* — Фактически это парафраз знаменитых слов блаженного Августина: «fecisti nos ad te et inquietum est cor nostrum, donec requiescat in te» (Confes. 1.1) — 'Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе' (Исповедь Блаженного Августина, епископа Иппонского / Пер. М. В. Сергиенко) // Богословские труды. Вып. 19. М., 1978. С. 71). Издание немецкого перевода «Исповеди» имелось в библиотеке Жуковского: Aurelius Augustinus Bekenntnisse. Aus dem Lateinischen übersetzt von A. Gröninger. Münster, 1798 (Описание. С. 92).

[21] *…с душою, по существу своему с Ним однородною…* — С точки зрения православного богословия, которому хотел следовать в своей «христианской философии» Жуковский («Я желаю, чтобы в моих христианских рассуждениях и тени несогласного с православием не встретилось», — писал он П. А. Плетневу 25 июня 1850 г. (*Плетнев*. Т. 3. С. 671—672)), это выражение некорректно: душа не однородна Богу. Между принадлежащей к тварному миру душой и ее Творцом существует, по выражению С. С. Хоружего, «различие сущностей или природ, онтологическая дистанция, бездна» (*Хоружий С. С.* К феноменологии аскезы. М., 1998. С. 31). Душа может быть причастна Богу по благодати, но не по природе.

[22] *Молитва Господня есть голос и выражение чистейшего самоотвержения…* — Молитва Господня («Отче наш») на протяжении всей жизни воспринималась Жуковским как квинтэссенция христианского мировоззрения. «Что же касается до молитвы, — записывает он в своем дневнике в 1821 г., — то довольно одной, к которой нечего прибавить: Отче наш!» (ПССиП. Т. 13. С. 163). В его дневниках, письмах, статьях сохранился целый ряд толкований на эту молитву. Самое раннее из них содержится в дерптских письмах-дневниках Жуковского 1814 г. Оно было написано поэтом для М. А. и А. А. Протасовых и сложилось под впечатлением от этой молитвы на венчании А. А. Протасовой и А. Ф. Воейкова. Главное, что поразило тогда Жуковского в молитве Господней — это именование Бога Отцом, мысль о том, что все люди находятся в Его «отеческом, семейственном доме» (ПССиП. Т. 13. С. 85). Неоднократно к толкованию молитвы *Отче наш* Жуковский обращался в сороковые

годы (в «Мыслях и замечаниях», в письмах). Теперь главной темой, привлекавшей его, была мысль о послушании воле Божией.

[23] *Отче наш, иже еси на небеси…* — Точнее: *на небесех*.

[24] *…все наши здешние блага ~ да будет воля Твоя.* — Ср.: «уметь во всякое время, во всех обстоятельствах жизни произносить смиренно: *да будет воля Твоя*, есть верховная наука жизни» («О внутренней христианской жизни»). Ср. также высказывание Жуковского из письма великому князю Александру Николаевичу, написанному в начале января 1848 г., за несколько дней до статьи «О молитве» (оно легло в основу статьи «Что будет?»): «…это значит только то, что все посылается *Им* и что мы во всякую минуту бытия нашего можем только одно: признавать Его волю и что каждый на своем месте (что бы на нас ни было ниспослано) должен действовать согласно с этою волею, то есть по правде» (ПСС. Т. 12. С. 39).

[25] *…она призовет Его, утопая.* — Возможно, аллюзия на Мф. 14: 30.

Д. Долгушин

О внутренней христианской жизни

(«Случайно попалась мне в руки маленькая книжка…»)
(С. 380)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 56. Л. 6—10 — черновой, с заглавием: «Сердцам, любящим Бога» и пометой: Начато 1846 года 11 июля н. с. Франкфурт н/М.

2) РНБ. Оп. 1. № 61 — черновые, карандашные наброски. Фрагменты под № 6, 8, 9 (датированы 3 сентября 1846 г.), 10, 11 (датированы 5 сентября 1846 г.), 13, 16, 18 (датированы 12 сентября 1846 г.), 19, 20 (датированы 13 сентября 1846 г.), 24, 25, 27 (датированы 16 сентября 1846 г.), 28, 29 (датированы 17 сентября 1846 г.), 32, 34 (датирована 18 октября 1846 г.), 35 (датирована 19 октября 1946 г.);

Копии:

1) РНБ. Оп. 2. № 39. Тетрадь № 9 — копия, сделанная камердинером Жуковского Василием Кальяновым, с исправлениями автора, с заглавием «О внутренней христианской жизни».

2) РНБ. Оп. 1. № 72. Л. 1—11 с об. — копия, сделанная неизвестным лицом, только заголовок — рукой Жуковского, озаглавлена: «О внутренней христианской жизни».

Впервые: С 5. Т. 11. С. 3—32 — без заглавия; в подборке «Размышления и замечания» под № 1.

В прижизненных изданиях отсутствует.

Печатается по С 5 со сверкой по автографу.

Датируется: 11 июля 1846 г. — 25 июня 1850 г.

Статья «О внутренней христианской жизни», наряду со знаменитыми письмами к Гоголю о смерти и молитве, статьями «Нечто о привидениях», «О меланхолии в жизни и в поэзии», «Две сцены из «Фауста», отразила своеобразное подведение итогов пройденного пути самообразования и самовоспитания и выработку новых

мировоззренческих идей Жуковского, к чему он, судя по письмам и дневникам, стремится в 1840-е гг. Одним из основных вопросов этих статей является соотношение материи и духа, бытия и сознания. Вокруг него формируется целый комплекс других, взаимосвязанных проблем онтологического, гносеологического, этического характера. Закономерным продолжением подобного рода размышлений являются в этих статьях эстетические суждения. К решению философских проблем Жуковский подходит, как правило, диалектически. Конечной целью для него является, по-видимому, построение некой целостной философии жизни, или, как он сам ее назовет, «христианской философии».

На основании автографов и копий выстраивается следующая история создания текста. Работа над статьей началась 11 июля 1846 г. во Франкфурте-на-Майне (была переведена часть предисловия книги Ж. Бернье-Лувиньи (Jean Berniers-Louvigny; 1602—1659) «Das verborgene Leben mit Christo in Gott» («О тайной жизни с Христом в Боге»), в сентябре-октябре этого же года в Швальбахе Жуковский создает ряд фрагментов — записей своих впечатлений от чтения названной выше книги. Они посвящены вопросам политики, психологии, философии, которые решаются в связи с проблемой веры в Бога. Эти фрагменты и составили содержание статьи «О внутренней христианской жизни». В дальнейшем работа над статьей продолжилась в конце 1849 г. уже в связи с подготовкой к печати т. 10, задуманного как том «святой прозы» (в октябре начинается активная переписка с П. А. Плетневым по поводу издания этого тома), его материалы были переданы в цензуру в конце июня 1850 г. В этот период Жуковский правит две писарские копии целого текста, предварительную, сделанную Василием Кальяновым и сшитую в отдельную тетрадь (в такие же отдельные тетради сшиты статьи, предназначавшиеся Жуковским в том «святой прозы»: «Письма к Гоголю», «Нечто о привидениях», «О меланхолии в жизни и в поэзии» и др.), и беловую, в которую Жуковский вписывает только заглавие статьи.

Статья «О внутренней христианской жизни» была написана, как и многое у Жуковского, «по поводу чужого» — книги французского мистика Бернье-Лувиньи, точнее сборника выдержек из его сочинений под заглавием «Das verborgene Leben mit Christo in Gott» («О тайной жизни с Христом в Боге»). В библиотеке поэта сохранилась эта книга, изданная во Франкфурте на Майне в 1842 г. (Das verborgene Leben mit Christo in Gott. Aus den Schriften den gottseligen Johann von Bernieres Louvigny gesammelt für innige und stille Seelen. Neueste verbesserte Original-Ausgabe… Описание. № 646), с его пометами и записями. Датировать чтение позволяют записные книжки Жуковского. В одной из них находим черновой автограф статьи под заглавием «Сердцам, любящим Бога», датированный самим писателем: «начато 1846 год 11 июля н. с. Франкфурт н/М.» (РНБ. Оп. 1. № 56. Л. 6—10). Статья являет собой, как это заметил еще И. А. Бычков, перевод названной книги Лувиньи, где рассматриваются семь ступеней, благодаря которым человек доходит к внутренней христианской жизни (Бумаги Жуковского. С. 126). В другой записной книжке, первый лист которой подписан: «Василию Андреевичу Жуковскому. Швальбах. 1846 20 июля / 1 августа» (РНБ. Оп. 1. № 61), обнаруживаем автографы 40 «размыш-

лений», большая часть которых представляет собой выдержки (в переводе-переложении Жуковского) из книги Лувиньи и собственные размышления Жуковского по теме данного сочинения. Фрагменты датированы разными числами сентября — от 2-го до 18-го. Впоследствии на основе этих материалов Жуковским и была написана одна из его программных статей — «О внутренней христианской жизни».

Большая часть помет сделана Жуковским в кн. I «Von der Gegenwart Gottes und Ueberlassung an Gott» («В присутствии Бога и доверие Богу»). Только в одной из 4-х книг, во второй — «Von der in-und auswendigen Gleichförmigkeit des wahren Christen mit Jesu Christo in allen Ständen seines Lebens», — нет никаких помет. Уже в гл. 1 — *Gott — jeden Morgen sein erster Gedanke. «In Ihm leben wir und bewegen uns, und find wir»* ('Бог — каждое утро первая мысль. «Им мы живем, Он движет нас, и находим Его»') — Жуковский подчеркивает мысль Лувиньи, характеризующую отношения человека с Богом: *Wir leben, und sind in Gottes Schoos, und doch denke ich fast nicht an Gott* (S. 17: «Мы живем и находимся в руках Господа, и тем не менее, я почти не думаю о Боге»). Этот тезис Лувиньи особенно интересует Жуковского, который чуть ли с первых лет своего творчества пытался понять суть божественного начала в жизни человека. В 1840-е гг. для писателя становится очевидным, что жизнь человека в «соединении с Богом внутри души» есть постоянное стремление к постижению и обретению сотворенной Богом целостности бытия. В этом он видит источник человеческих сомнений и даже «неверия», ибо человеку не дано «обнять все и постигнуть всеобщий порядок».

С особой настойчивостью повторяет Жуковский мысль о внутренней христианской жизни как о сложном, таинственном и непостижимом с помощью разума процессе, главным двигателем которого является Откровение. Мысль о «неисповедимости» осуществляемой во внутренней христианской жизни человека воли Божьей развивается Жуковским в нескольких направлениях. Во-первых, она выходит в область нравственно-философских проблем, таких, например, как фатализм. Идея «железного фатума», по Жуковскому, еще больше, чем атеизм, противоположна идее «внутренней христианской жизни», поскольку исключает возможность и необходимость жизнестроения. Здесь Жуковский затрагивает тему, к которой начиная с 1840-х гг. русская проза будет проявлять повышенный и принципиальный интерес (от романа Лермонтова до романов Толстого и Достоевского). Во-вторых, «неисповедимость» внутренней христианской жизни имеет выход в эстетику Жуковского, в ее важнейший тезис «невыразимости» и связанное с этим стремление к углублению психологизма и символизма художественного произведения. Переживание «души в полноте своего бытия», т. е. «души в Боге» для земного человека делают доступным, утверждает Жуковский, только вера и искусство.

На с. 18 книги Лувиньи поэт отчеркивает на полях размышления о роли страдания в человеческой жизни, о том, что счастье и благополучие заставляют нас забыть о Боге, «усыпляя нас». Поэтому, считает автор книги, человек должен рассматривать счастье как «что-то подозрительное и, напротив, любить с Иисусом противоположное — боль, страдания». Эту мысль Лувиньи продолжает развивать и в гл. 4 кн. I (*Je reiner dein Inneres, desto klärer und herrlicher spiegelt sich Gott in dir. —*

‘Чем чище твой внутренний мир, тем четче и прекраснее Бог отражается в тебе’). Здесь Жуковским также отчеркивается большой фрагмент, посвященный тому, как часто человек, когда он счастлив, «отводит глаза» от Бога. Двумя чертами отмечает поэт фрагмент из гл. 6 кн. I (*Man kann Gottes Gegenwart im Inwendigen und im Leiden geniessen.* — ‘Можно наслаждаться присутствием Бога внутри и в страданиях’; s. 32), в котором утверждается, что «внутреннего человека» «лучше всего чистит» страдание. Размышления о страдании, изнутри вводящем человека «в величие жизни», появляются в дневнике Жуковского уже в конце 1810-х гг. (так, например, он писал 28 октября 1818 г.: «Я болен. В промежутках более высоких мыслей, нежели когда-нибудь <…> болезнь есть состояние поучительное. <…> Болезнь знакомит с религией не страхом смерти, но величием жизни; страдание составляет настоящее величие жизни. Это лестница. Наше дело взойти, что испытание, то ступень вверх…» (ПССиП. Т. 13. С. 129). «Внутренняя христианская жизнь» проецируется Жуковским в его статье, да и во всей поздней прозе на евангельскую модель жизни Христа. Идея внутренней христианской жизни напрямую связывается писателем с такими понятиями, как страдание, смирение и спасение, которые приобретают у него особый нравственно-эстетический смысл.

Понятию «внутренняя христианская жизнь», столь многое определяющему в позднем творчестве Жуковского, и в проблематике, и в поэтике его поздней прозы, сам автор дает в своей статье несколько разных, дополняющих друг друга толкований. Но в любом случае внутренняя христианская жизнь отнюдь не предполагает, по Жуковскому, отшельничества, пренебрежения ко всему земному и даже житейскому. Напротив, являясь приближением к Богу с помощью Христа, она есть постоянное и очень трудное преображение земного в прекрасное, божественное. Внутренняя христианская жизнь, по убеждению Жуковскому, в принципе невозможна вне общества, в конечном итоге она должна быть посвящена окружающему миру, сохранению его целостности, гармонии, т. е. изначальных божественных основ. Здесь также видны прямые выходы к поздней эстетике Жуковского, утверждавшего, как и Гоголь, созидательную роль искусства в жизни общества и образ поэта-миротворца.

Примечателен и еще один знак вопроса, поставленный Жуковским в книге Лувиньи (гл. 7, кн. I) напротив следующего тезиса: *Ohne die Bewegung Gottes, oder Erkenntniss seines Willens, ohne seine Sendung unternimmt sie nichts* (‘Без движения Господа, без признания Его воли, без Его послания она (душа) ничего не предпринимает’ — с. 34). Жуковского явно приводит в недоумение это утверждение. «Внутренняя христианская жизнь», в его представлении, это сложнейшее, синтетическое по своей природе понятие, которое определяется слиянием волевого и надличного начал. Оно строится на попытке органического соединения свободы личности, ее неповторимости и покорения своей индивидуальности Божьей воле.

Отметим, что степень художественности статьи превышает тот уровень, который считается уместным в научно-публицистических, философских статьях. Она, как и многие другие прозаические сочинения позднего Жуковского, оказывается близка к исповеди. Не случайно столь органичными в прозаической статье оказы-

ваются любимые лейтмотивы Жуковского-поэта — прежде всего, мотивы невыразимого, покрова, скорби, воспоминания, молитвы. Именно сила эмоции, личного переживания определяет глубину ее философской семантики. Открывший «внутреннего человека» в русской поэзии, в 1840-е гг. Жуковский анализирует и переживает историю своей внутренней христианской жизни и делает это содержанием прозы. Ее важнейшей идеей становится мысль о нравственном развитии человека как сути его земной жизни.

И. Айзикова

[1] *…маленькая книжка…* —Das verborgene Leben mit Christo in Gott. Aus den Schriften den gottseligen Johann von Bernieres Louvigny… Frankfurt a/M., 1842 (Описание. № 646).

Книга представляет собой перевод на немецкий язык выдержек из сочинений Жана де Берньера-Лувиньи. Впервые немецкий перевод сочинений этого французского мистика сделал известный теолог-пиетист Герхард Терстеген (Tersteegen; 1697—1769). В 1726 г. он перевел книгу Берньера-Лувиньи «L'interieur chretien» («Внутренняя христианская жизнь»). В 1810 г. в Регенсбурге был выпущен новый, краткий, перевод извлечений из сочинений Берньера-Лувиньи, который затем многократно переиздавался[1]. Одним из этих переизданий и пользовался Жуковский.

Кроме того, в библиотеке Жуковского имелся и перевод Терстегена: *Tersteegen G.* Das verborgene Leben. Essen, 1842 (Описание. № 2242) (сообщено А. С. Янушкевичем). Следует отметить, что издания «регенсбургской» традиции также основывались отчасти на Терстегене.

[2] *…Берньера Лувиньи.* — Жан де Берньер-Лувиньи (Bernières-Louvigny; 1602—1659), французский мистик и духовный писатель. Будучи мирянином и занимая должность государственного казначея (*trésorier*) в г. Кане (Нормандия), он проводил аскетическую жизнь, занимался благотворительностью, самоотверженно ухаживал за больными и нищими, основывал больницы и монастыри, способствовал распространению католицизма в Канаде. Около него сложился кружок учеников, составивших своего рода духовную общину (*l'Ermitage de Caen*), среди которых был и Жак Берто, будущий духовник г-жи Гюйон, наставницы Ф. Фенелона, произведениями которого зачитывался Жуковский с юношеского возраста. Книги, составленные из выдержек из переписки и духовных дневников Берньера-Лувиньи («Внутренний христианин», «Внутренняя христианская жизнь», «Духовные сочинения») пользовались большой популярностью во Франции. Они были близки возникшему уже после смерти Лувиньи квиетизму и поэтому, когда квиетизм был осужден, оказались включены в Индекс запрещенных книг. Тем не менее это не помешало их распространению: сочинения Берньера-Лувиньи имели хождение не только в католической, но и в протестантской среде. О Берньере-Лувиньи см.: *Souriau M.* La compagnie de Saint Sacrement de l'autel à Caen. *Deux mystiques normands au XVIIe siècle, M.*

[1] Об истории его изданий см.: Das Verborgene Leben mit Christo in Gott. Neueste, rechtmässige Ausgabe. Regensburg, 1866. S. 5—6.

de Renty et Jean de Bernières. Paris, 1913; *Tronc D.* Une filiation mystique: Chrysostome de Saint-Lô, Jean de Bernières, Jacques Bertot, Jeanne-Marie Guyon // Dix-septième siècle 2003. № 1 (218). P. 95—116; Rencontres autour de Jean de Bernières. Mystique de l'abandon et de la quiétude. Paris, 2013. 596 p.

[3] *…и бросил на бумагу несколько мыслей…* — Эти наброски сохранились среди отрывков, записанных в блокноте Жуковского (РНБ. Оп. 1. № 61. Л. 2—56).

[4] *Сообщая читателю эти мысли в том порядке, в котором они мне при чтении приходили в голову…* — В черновом наброске Жуковский пишет иначе: «Эти мысли сообщаю здесь читателям, не соблюдая никакого особенного порядка» (РНБ. Оп. 1. № 56. Л. 6), что, очевидно, ближе к истине: последовательность отрывков в итоговом тексте статьи и в записях, делавшихся по ходу чтения книги Берньера-Лувиньи (РНБ. Оп. 1. № 61. Л. 2—56), не совпадают.

[5] *Следующее есть краткая выписка из предисловия к упомянутой книжке.* — Дальнейший текст, начиная со слов: «Жан Берньер Лувиньи, французский дворянин…», заканчивая словами: «…не должны порочить того, что им самим недоступно», является переводом части предисловия к книге Берньера-Лувиньи: Das verborgene Leben mit Christo in Gott. Frankfurt a/M., 1842. S. 1—13. В одной из своих рабочих тетрадей Жуковский сделал и полный перевод этого предисловия (см.: РНБ. Оп. 1. № 56. Л. 6—10[2]), что, возможно, указывает на его намерение перевести книгу Берньера-Лувиньи целиком, от которого он в конечном итоге отказался.

[6] *Ученый епископ Гюэ…* — Пьер-Даниель Юэ (Huet; 1630—1721), епископ Авранша, известнейший французский филолог, патролог, литературный критик и сотрудник Боссюэ, в 1718 г. издал на латинском языке книгу своих мемуаров, из которой и заимствована идущая далее в тексте статьи цитата: Huetii, episcopi Abrincensis, commentarius de rebus ad eum pertinentibus. Amsterdami, MDCCXVIII. P. 211—212. Английский перевод мемуаров Юэ вышел в 1810 г., французский — в 1853 г. О своем земляке Берньере-Лувиньи Юэ упоминает и в другой книге: Les origines de la ville de Caen. Seconde edition. Rouen, MDCCVI. P. 238—239.

[7] *…живший в Каэне…* — Кан (франц. *Caen*, нормандск. *Caën*) — город в Нормандии на берегу реки Орн, в 10 км от пролива Ла-Манш.

[8] *Многие из ученых современников Лувиньи… ~ Аббат Бодран называет его великим…* — Судя по указанию, имеющемуся в немецком тексте, но опущенному Жуковским при переводе («der Abt. Beaudran in seinen geistlischen Schriften 5ten Theile Seite 188»[3]), речь идет о французском духовном писателе аббате Бартельми Бодране (Barthélemy Baudrand; 1701—1787). В указанном месте собрания духов-

[2] Опубликовано в: *Долгушин Д., свящ.* Религиозная литература в круге чтения В. А. Жуковского 1840-х гг. // Жуковский: Исследования и материалы / Гл. ред. А. С. Янушкевич. Томск, 2013. Вып. 2. С. 216—220.

[3] *Bernières-Louvigny J.* Das verborgene Leben mit Christo in Gott. Frankfurt a/M., 1842. S. 3—4.

ных сочинений Бодрана, действительно, упоминается Берньер-Лувиньи[4]. Жуковский, по-видимому, перепутал аббата Б. Бодрана с однофамильцем — современником Берньера-Лувиньи знаменитым географом Мишелем-Антуаном Бодраном (Baudrand; 1633—1700), который был тоже аббатом. Под влиянием этой ошибки Жуковский пишет об «ученых *современниках*», в то время как в немецком оригинале упоминаются просто «mehrere andere gottselige Gelehrte»[5].

[9] *Его сочинения были собраны после его смерти…* — Изданием сочинений Берньера-Лувиньи после его смерти занимался проповедник из ордена капуцинов Луи Франсуа д'Аржентен (Louis François d'Argentan; 1615—1680). На основе выдержек из писем Берньера-Лувиньи им были изданы книги: Le Chrétien interieur, ou La conformité interieure que doivent avoir les Chrétiens avec Jesus-Christ <…>. Par un solitaire. Augmentée des Pensées de M. de Bernieres Louvigny. Paris, MDCLX; L'interieur chrétien, ou La conformité interieur, que doivent avoir les Chrétiens avec Jesus-Christ. Paris, MDCLX. В 1670 г. при участии сестры Лувиньи Журдены де Берньер вышло еще одно издание: Les oeuvres spirituelles de Monsieur de Bernières Louvigny, ou Conduite asseurée pour ceux qui tendent à la perfection. Divisée en deux parties. Paris, MDCLXX.

[10] *…одна из них имела 12 изданий в один год… …раскуплено было более 30.000 экземпляров…* — Эти данные взяты из предуведомления читателю, помещенного в начале «Les oeuvres spirituelles de Monsieur de Bernières Louvigny…».

[11] *Другое его сочинение имело до двадцати изданий.* — Очевидно, имеется в виду, «Les oeuvres spirituelles de Monsieur de Bernières Louvigny…».

[12] *…да будет воля Твоя…* — Слова из молитвы «Отче наш…» (Мф. 6: 10; Лк. 11: 2).

[13] *…единое на потребу.* — Лк. 10: 42.

[14] *Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте.* — Ин. 14: 1. Ср. слова Жуковского в «Мыслях и замечаниях»: «Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога в Меня веруйте. В этом слове все возможные утешения, данные наперед человеку на все беды житейские» (ПССиП. Т. 14. С. 303).

[15] *…рабски согбенной под рукою железного фатума…* — Об отличии христианского учения о Промысле от античного учения о фатуме Жуковский подробно рассуждает в статье «О меланхолии в жизни и поэзии».

[16] *… мы говорим с святым Августином: Бог всегда исполняет мою волю, ибо моя воля есть всегда Его воля.* — Источник не установлен.

[17] *Аз есмь путь.* — Ин. 14: 6.

Д. Долгушин

---

[4] Des Hern Abts Beaudran geistliche Schriften. Fünfter Theile, welcher die Seele auf dem Kalvarienberge enthält. Augsburg, 1798. S. 188.

[5] *Bernières-Louvigny J.* Das verborgene Leben… S. 3.

Самоотвержение власти

(«Иоанн Миллер, заключив свою всеобщую историю…»)
(С. 391)

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 63. Л. 2 об. — 9.
Копии:
1) РНБ. Оп. 1. № 71 (листы со статьей утеряны) — авторизованная.
2) РГБ. Ф. 104. VI. 25.
Впервые: С 5. Т. 11. С. 189—193.
Републикация: ПСС. Т. 10. С. 136—137.
Печатается: по первой публикации со сверкой по автографу.
Датируется: конец 1847 г.

Черновой автограф статьи находится в записной книжке, в которой соседствует с набросками статей «Что будет?», «О молитве», «Слова поэта — дела поэта», «Вера» и др. Сплошной характер заполнения книжки и порядок фрагментов, где выставлена дата, позволяет предположить, что записи делались в хронологическом порядке. За черновиком статьи «Самоотвержение власти» следуют наброски «Что будет?», датированные 1 и 5 января 1848 г., и далее «Слова поэта — дела поэта», датированные 8 (20) января 1848 г. Это позволяет предположить, что рукопись относится к концу 1847 г., вероятно, к декабрю.

По своему характеру статья близка к жанру «мыслей и замечаний», образец которых предлагают дневниковые записи 1844—1847 гг. (ПССиП. Т. 14. С. 293—328). В их составе многие, в частности № 44 и 45 (Там же. С. 322—323), также посвящены проблемам самодержавной власти, ее божественному источнику и внутренним ограничивающим принципам. Во фрагменте № 45 присутствуют и образы корабля и компаса, аналогичные по смыслу образам из финала «Самоотвержения власти». Если учесть, что фрагмент № 43 был переработан Жуковским в статью «О молитве», черновик которой находится в той же записной книжке, что и комментируемая статья, то можно счесть всю книжку продолжением и развитием общего замысла «Мыслей и замечаний».

Дальнейшая судьба текста связана с предполагавшимся в 1850 г. сборником прозы Жуковского (см. письмо к П. А. Плетневу от 13 (25) июня 1850 г.; *Плетнев*. Т. 3. С. 670—672), не прошедшим цензуру. Для этого издания была составлена авторизованная писарская копия (РНБ. Оп. 1. № 71), в которую включена и статья «Самоотвержение власти». Впоследствии, однако, листы с этой рукописью выпали и были утеряны, хотя в «Оглавлении» (Л. 149—149 об.) сохранилось упоминание о ней. Тем не менее именно по данной копии статья впервые была опубликована, вероятно, Д. Н. Блудовым в посмертном издании «Сочинений В. Жуковского» (С 5. Т. 11. С. 189—193). Позднее фрагмент печатался в других дореволюционных изданиях сочинений поэта (С 7. Т. 6; ПСС. Т. 10. С. 136—137).

Содержание статьи тесно связано с кругом историко-политических интересов Жуковского. Иоганн Миллер, известный швейцарский историк и публицист, —

один из любимых его авторов, чьи избранные письма к Виктору Бонстеттену он переводил еще для «Вестника Европы» (см.: ВЕ. 1810. Ч. LII. № 16. С. 263—285; 1811. Ч. LVI. № 6. С. 83—100) и считал «катехизисом того человека, который хочет посвятить себя наукам» (август—сентябрь 1810 г.; ПЖТ. С. 69). В исторических воззрениях Миллера Жуковский наиболее выделял две мысли: о истории как орудии нравственно-политического воспитания, уроке народам и царям и о верховной силе закона, сочетающегося с просвещенным правлением самодержавного монарха, обоснование чему Миллер находил у Монтескье в «Духе законов» (см. комментарий Ф. З. Кануновой и И. А. Айзиковой к переводу писем Миллера в т. 10. наст. изд.). Эти идеи в дальнейшем Жуковский выделяет и у других философов. «Закон есть порядок, направляющий движение», — записал он на полях «Политики» Густава Эверса. «Три истины знать должен каждый: закон, человек, время, Бог», — подчеркнул Жуковский при чтении И.-Я. Энгеля (подробнее см.: *Янушкевич А. С.* Круг чтения В. А. Жуковского 1820—1830-х годов как отражение его общественной позиции // БЖ. Ч. 1. С. 466—521). В дневнике 1835 г. писатель констатировал: «А что такое справедливость его правителя: охранение прав, законом утвержденных, следственно, строгая покорность закону без всякого изъятия. <…> Тут всего необходимее для нас и для нашего государя твердая законность: привычка к ней и в царе и в подданных достаточно заменит всякую конституцию» (ПССиП. Т. 14. С. 29)

Слова Миллера, приведенные в зачине статьи, неоднократно упоминаются в прозе и письмах Жуковского. Так, в 1826 г. в предназначенном для представления императору Николаю I «Плане учения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Наследника Цесаревича Александра Николаевича» он в финале развивает те же идеи и ссылается на швейцарского историка:

> Наконец, в заключение слова Иоанна Мюллера, которыми он оканчивает свою «Всемирную историю»: «Умеренность — порядок, а смысл их не упускай никогда из глаз своей цели; подвигайся вперед не быстро, но постоянно; строй без спеха, но для веков; исправляй не разрушая, не упреждай своего века, и не отставай от него; не будь его рабом, но свободно с ним соглашайся: будешь владеть им, когда не презришь его совета; будешь его жертвою или окружишь себя жертвами, есть ли хочешь его пересилить» (см. публикацию в наст. изд.).

Финальной точкой этой «царской педагогики» можно считать письмо к великому князю Александру Николаевичу от 3 (15) декабря 1848 г. — 19 (31) января 1849 г., где Жуковский в очередной раз ссылается на слова Миллера, спроецированные на события мартовской революции в Германии: «Надобно повторить здесь правила Иоганна Миллера: у м е р е н н о с т ь, п о р я д о к или (как должно перевести эти слова) Божия правда» (РА. 1885. № 2. С. 268).

[1] *Иоанн Миллер, заключив свою всеобщую историю…* — Под всеобщей историей Жуковский понимает лекции по всеобщей истории, прочитанные И. Миллером в частном кругу в Женеве и составившие труд «24 Bücher allgemeiner Geschichte» (Tübingen, 1811). В 1845 г. вышло новое четырехтомное издание этой работы «Vier-

undzwanzig Bücher allgemeiner Geschichten, besonders der europäischen Menschheit» (Stuttgart, Tübingen), с которым писатель активно работал в 1845—1848 гг. во время перевода «Одиссеи», оставив в первом томе многочисленные записи (см.: Описание. № 1707). О чтении Миллера Жуковский оставил также запись в дневнике от 6 (22) марта 1845 г. «Чтение отрывка из Миллера» (ПССиП. Т. 14. С. 284). См. примеч. 10 к «Плану учения <…> Александра Николаевича».

В. Киселёв

Нечто о привидениях

(«Верить или не верить привидениям?..»)
(С. 392)

А в т о г р а ф ы:

1) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 62. Л. 18—31 с об. — черновой, карандашный, в записной книжке без заглавия; после набросков статей «Промысл», «Испытание», «Истина», «Наука». Большая правка стилистического характера. Выпущены примеры, примечание. Далее: А1.

2) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 63. Л. 12—22 с об. — черновой, окончание статьи. В конце поставлена дата: «Генваря 5» и после нее запись: «3 Генваря скончался Убри». Далее А2.

3) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. №26. Л. 60—61 — черновые наброски.

4) РО ИРЛИ. 27.806. Л. 27 об. — 33 об. — черновые наброски в записной книжке.

К о п и и:

1)РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 71. Л. 50—63 с об. — авторизованная

2) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39. Л. 18—28 с об. — копия с исправлением некоторых слов.

3) РГБ. Ф. 104. VI. 29. Л. 107—129 — авторизованная.

В п е р в ы е: Русская беседа. 1856. Кн. 1. Раздел «Словесность». С. 28—43.

П е ч а т а е т с я по тексту первой публикации со сверкой по автографу.

Д а т и р у е т с я: конец 1847 — начало января 1848 г.

Статья «Нечто о привидениях» впервые была напечатана в журнале «Русская беседа». В опубликованном тексте отсутствовало обширное примечание о короле Густаве Адольфе, заимствованное, по словам автора, из записок немецкого экономиста Гакстгаузена.

Публикация статьи «Нечто о привидениях» в составе двух других произведений Жуковского — стихотворения «Розы» и статьи «О меланхолии в жизни и в поэзии» — сопровождалась примечанием от редакции:

> Приносим искреннюю благодарность Е. А. Жуковской за дозволение поместить в нашем журнале предыдущие стихи и две статьи из неизданных сочинений покойного ее мужа. Мы считаем себя тем более в праве украсить наш журнал этими

произведениями знаменитого писателя, что неоднократно он уговаривал нас издавать в Москве журнал и обещал нам свое содействие. К крайнему нашему сожалению, мы не могли этим воспользоваться при его жизни; да будет это посмертное его участие добрым для нас напутствием в ныне предпринятом деле. — Не можем при сем случае не высказать нашего искреннего желания увидеть поскорее в печати остальные произведения Жуковского; это желание наше тем сильнее, что мы знаем, как много наслаждения и назидания найдут читатели в неизданных еще творениях человека, которого жизнь была проникнута поэзиею и поэзия жизнью, которого Пушкин уже называл своим учителем и который вместе с тем по чистоте душевной и по искренней религиозности является, как утренняя звезда новой литературной эпохи в России. Изд. К. (Русская Беседа. 1856, кн. I. С. 13).

Примечание принадлежит перу издателя-редактора «Русской Беседы» А. И. Кошелева, собравшего под крышей славянофильского журнала писателей и деятелей культуры, связанных с Жуковским самыми близкими отношениями: это И. В. Киреевский, А. С. Хомяков [им было написано всеми одобренное Предисловие к первой книге «Русской Беседы», где, в частности, говорилось: «Предметом “Беседы” будут <…> служить все разнообразные проявления умственной жизни человека; но не должно забывать, что самая умственная жизнь получает свое достоинство от жизни нравственной» (Там же. С. V)], С. Т. и К. С. Аксаковы, М. А. Максимович и другие. А. И. Кошелев, друг И. В. Киреевского, был представлен (через А. П. Елагину) и обласкан Жуковским еще в юности; особенно сблизился с поэтом в зиму 1850—1851 гг., когда оказался в Баден-Бадене, проводил много времени в беседах о философии, религии, политике, о судьбах культуры и личных планах Жуковского (См.: Записки Александра Ивановича Кошелева. М., 2002. С. 56—57).

По всей вероятности, время создания статьи «Нечто о привидениях» — конец 1847 — начало января 1848 г. Черновой автограф статьи находится в двух записных книжках. А1 содержит начало статьи до фразы «оно было бы для нас веро-убийством», в А2 находится окончание статьи. В записной книжке А1 предшествуют черновые наброски статей (с датами окончания записи: «14/26 декабря 1846», «9 Генваря 1847 г.» — Л. 4 об.) и другие. Листы 11 об. — 18 занимает черновой автограф статьи «Наука», выполненный карандашом. На л. 18 сразу после «Науки» начинается черновой автограф статьи «Нечто о привидениях». А2 «окружен» двумя датами. На л. 12 под статьей «Мнения и события», за которой непосредственно следует черновой автограф окончания статьи «Нечто о привидениях», стоит дата: «1848. Генваря 1 го», а на л. 22 под статьей «Нечто о привидениях» поставлена дата: «Генваря 5», после нее следует помета: «3 Генваря скончался Убри». Действительный статский советник, управляющий Коллегией иностранных дел, дипломат, посланник во Франкфурте П. Я. Убри скончался 22 декабря 1847 г. (3 января 1848 г.). Таким образом, время написания статьи «Нечто о привидениях» следует датировать концом 1847 — началом января 1848 гг.

По расположению статьи в черновиках и по проблематике статья «Нечто о привидениях» входит в состав прозаических трудов философско-религиозного содер-

жания и связана с решением принципиально важных для Жуковского вопросов миросозерцания и творчества. Жуковский предполагал опубликовать статью в корпусе «отрывков» (*Плетнев*. Т. 3. С. 670), знаменовавших, по словам поэта, «наступление эпохи прозы» (*Плетнев*. Т. 3. С. 685). В письме к П. А. Плетневу от 25 июня 1850 г. Жуковский сообщал об отправке «отрывков в прозе» в Петербург на «суд и осуждение» цензуры. Через посредство Плетнева 18 (30) июля манускрипты были представлены в цензуру, где встретили большие затруднения. В письме к Жуковскому от 1 (13) октября 1850 г. Плетнев сообщил Жуковскому о претензиях цензуры и в списке произведений под № 9 поместил статью «Нечто о привидениях» со своей краткой оценкой: «Все это, столь интересное для мыслящего человека, страшно для омраченного суеверием ума» (Там же. С. 703).

Волокита и неспособность цензоров достойно осмыслить содержание представленного труда вынудили Жуковского принять решение, которое он выразил в письме к Плетневу от 19 (31) декабря 1850 г. «одною короткою строкою»: «Возьмите назад манускрипты мои из цензуры» (Там же. С. 687). По просьбе Жуковского статья «Нечто о привидениях» в составе других прозаических «отрывков» была отослана Плетневым А. П. Елагиной «в Белёв, в село Петрищево». 9 (21) апреля 1851 г. Жуковский сообщал Елагиной: «Я писал к Плетневу, чтобы доставил вам копию с манускрипта, который я представил в цензуру. В нем заключается всё, что написано мною в разное время прозою: я раздумал печатать, но вам многое будет по сердцу. Примите этот подарок вместо красного яйца. Если манускрипт еще не прислан, напишите о нем к Плетневу» (Переписка Жуковского и Елагиной. С. 596). В письме от 18 мая 1851 г. Елагина сообщала Жуковскому о получении «драгоценного подарка»: «Это не красненькое яичко. Но букет к Троицыну дню» (Там же. С. 596).

По просьбе Жуковского Плетнев сделал в количестве одного экземпляра копию, которая должна была у него храниться до планируемого Жуковским приезда в Россию.

Главный пафос статьи состоит в утверждении православия и веры как основы духовного существования человека. Эта идея была обозначена с самого начала работы в виде аксиомы, написанной в плане, набросанном перед собственно текстом статьи: «Привидения = вера в бессмертие» (А1. Л. 18).

Следуя в черновике непосредственно за статьей «Наука», в которой был рассмотрен вопрос о месте науки и веры в жизни человека и общества, статья «Нечто о привидениях» явилась ее продолжением и одновременно трактатом глубокого философско-этического и религиозного содержания, суммирующая в себе опыт общественных, нравственно-философских и художественно-эстетических исканий Жуковского.

По верному наблюдению И. Ю. Виницкого, появление статьи было обусловлено обстоятельствами, во многом предопределившими эсхатологический характер рассуждений Жуковского: это «современные исторические события, грозившие разрушением старого порядка, с которым Жуковский связывал политическое и религиозное существование европейской цивилизации» (*Виницкий*. С. 212), душевная болезнь жены, волнения за судьбу семьи. Сам образ «привидения» («призрака») в конце 1840-х годов — «яркий факт общественного сознания, символ,

обозначающий нечто ужасное, что неумолимо приближается и от чего невозможно скрыться» (Там же. С. 213).

Философский характер постановки вопроса «верить или не верить привидениям?» был обусловлен своеобразием мировоззрения Жуковского, сочетавшего широкую образованность, просвещенность мыслящей личности и глубокую религиозность православного христианина. Синтезом научно-рационального и религиозно-мистического начал, не вступающих в противоречие, взаимно дополняющих друг друга и концептуально нагруженных глубоким содержанием, отмечено все творчество поэта. В 1810—1820-х годах «дядька чертей и ведьм немецких и английских», приверженец и поклонник чудесного, враг суеверия, переводчик страшных и полных чудес баллад Бюргера, Саути, Скотта, «Неизъяснимого происшествия» из «Эвтаназии» Виланда, Жуковский одновременно «возделывает» поле мистических сюжетов и мотивов «зова», «милых теней», «таинственных посетителей», «привидений», «воспоминаний»: происходит, по определению И. Виницкого, «своеобразная интериоризация привидений, становящихся «фактами» душевной жизни поэта» (Виницкий. С. 208). Созданная Жуковским поэтическая философия Откровения с ведущим мотивом мистического присутствия Божьего Промысла, скрытого завесою, получает в статье философское осмысление: привидения предстают как знак бессмертия, залог нерасторжимости духовных связей и нравственной опоры человека. Жуковский дает классификацию феноменальных явлений: это «сны наяву», «видение образов» и собственно привидения, «то есть явление духов», <…> «лучи света, иногда проникающие сквозь завесу, которою мы отделены от духовного мира; они будят душу посреди ленивого покоя земной очевидности, они обещают ей нечто высшее <…>».

В статье «Нечто о привидениях» отчетливо звучит полемическая интонация, связанная с защитой веры как выражения истины, превосходящей научное знание. Однако наука и вера в философской системе Жуковского не вступают в противоречие, они предстают важными сторонами духовного развития человека, но отличными друг от друга как очевидное и ограниченное перед неочевидным и бесконечным. Показателен круг чтения и общения Жуковского в период создания статьи о привидениях. Знакомство (начавшееся в 1847 г.) и дружба с Юстинусом Кернером (1786—1862), одним из самых авторитетных исследователей ясновидения, врачом и поэтом, автором знаменитой «Ясновидящей из Префорста» («Die Seherin von Prevorst. Eröffnungen über das innere Leben des Menschen…» Mitgeteilt von Justinus Kerner. Stuttgart u. Tübingen, 1846 хранится в библиотеке поэта. Описание. № 2666), по наблюдениям И. Ю. Виницкого, много способствовали осмыслению Жуковским личного мистического опыта (см.: *Виницкий.* С. 215—221). Однако, в отличие от научных исследований Кернера «механизма» внутренней жизни духов, внимание Жуковского было сосредоточено на метафизическом смысле явления духов: «как и положено православному верующему, он (Жуковский. — *Э. Ж.*) благочестиво останавливается в преддверии таинственного мира, не сомневаясь в его существовании и смутно чувствуя его влияние на земную жизнь» (*Виницкий*. С. 221).

Одновременно в поле зрения Жуковского находилась книга В. Скотта «Письма о демонологии и колдовстве» («Letters on demonology and witchcraft». London, 1830. Описание. № 2099), прочитанная, судя по пометам Жуковского, с исключительным вниманием. «Письма о демонологии» представляют собой научное исследование, посвященное изучению природы мистических явлений (призраков, фей, гномов и т. д.), истории распространения мифов и гонений со стороны церкви и государства на заподозренных в ведовстве людей. С позиций здравого смысла английской просветительской философии В. Скотт, отметив возможность связи некоторых мистических явлений с христианской религией, сосредоточил внимание на объяснении демонических явлений (на территории Испании, Франции, Англии и Шотландии) как следствия суеверий, темноты и необразованности людей. В книге энциклопедически широко представлен «иллюстративный» материал, что не могло не заинтересовать Жуковского: описание снов, видений, различных форм проявления чудесного — нравы и обычаи ведьм, их внешний вид, обряды и т. д. Отчеркиванием карандашом на полях вдоль текста Жуковский отмечает 75 историй. Особенно тщательно им проштудировано X письмо, в котором В. Скотт показывает шарлатанство и розыгрыши как один из наиболее часто встречающихся случаев «чудесного». Жуковский практически отмечает все «мистические» эпизоды, а также рассуждения самого В. Скотта о юности как поре восторженного увлечения чудесами и о зрелости — времени спокойно-созерцательного отношения к ним. На протяжении чтения Жуковский не ставит ни одного вопроса, не делает ни одного возражения, что свидетельствует о его согласии с автором в гуманистической защите несчастных, обманутых или обвиненных в колдовстве. Однако книга В. Скотта, представлявшая современный уровень научного толкования привидений, не только не отменяла, а напротив, усиливала позицию Жуковского. Как бы продолжая диалог с В. Скоттом, Жуковский акцентирует религиозно-философский аспект вопроса о привидениях, разводя науку и веру: «Мир духовный есть таинственный мир веры, очевидность принадлежит миру материальному <…> наше верховное сокровище — знание, что Бог существует и что душа бессмертна<…>».

Следует заметить, что в «Вестнике Европы» в 1829 г. за подписью «С.» была опубликована большая статья «О явлении духов» (ВЕ. 1829. № 24 (Декабрь). Отдел «Изящные искусства, науки и литература». С. 247—284), которая по основным своим положениям и форме изложения во многом предвосхищала статью Жуковского.

«Нечто о привидениях» структурой прозаического повествования напоминает «Письма о демонологии»: теоретические положения, «чистое изложение мыслей и убеждений» (*Плетнев.* Т. 3. С. 687), строгая классификация материала аргументированы фактами, почерпнутыми Жуковским из истории, художественной литературы и личных впечатлений. Стиль характеризуется искренностью и ясностью изложения мыслей. Эстетическая установка на простоту стиля сформулирована в статье. В связи с привлекаемой для анализа новеллы Проспера Мериме «Видение Карла XI» Жуковский замечает: «…я должен следовать повествованию Проспера Мериме,

которое во всем главном верно, хотя Мериме, по образу и подобию своих соотечественников, не мог воздержаться, чтобы не украсить простой истины вымыслом некоторых живописных обстоятельств. Расскажу коротко и просто». Статье Жуковского в целом присущ тон размышления, рассуждения как ответа на центральный, акцентируемый повторами вопрос: «верить или не верить привидениям?»

Статья Жуковского получила резонанс в русской литературе в 1870-е гг., отмеченные интересом русского общества к спиритизму. Н. С. Лесков в статье 1869 г. «Русские общественные заметки», в связи с разбором повести И. С. Тургенева «Странная история», упоминает в ряду «общеизвестных и неоспариваемых случаев» историю с доктором Берковичем, рассказанную Жуковским (*Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 10. С. 87—88). На возможную связь некоторых эпизодов и образов булгаковского романа «Мастер и Маргарита» с этой статьей указал А. С. Янушкевич (*Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский в мире романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Пушкин и другие. Сб. статей к 60-летию проф. С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 273—283).

[1] *…покойный А. М. Дружинин* (*бывший кажется в Москве главным директором училищ*)… — Скорее всего, имеется в виду Петр Михайлович Дружинин (1764—1827), директор училищ Московской губернии, адъюнкт Московского университета по кафедре естественной истории. Вероятно, Жуковский познакомился с ним в конце 1817 г., когда стал учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны и переехал в Москву. См. дневниковую запись от 26 октября 1817 г.: «Обед у Дружинина» (ПССиП. Т. 13. С. 124).

[2] *…коротко знаком с доктором Берковичем…* — По всей вероятности, имеется в виду Петр Иванович Беркович, доктор медицины, врач в больнице Московского воспитательного дома. См.: Русский биографический словарь. Т. II. СПб., 1900. С. 743.

[3] *…видение короля шведского Карла XI…* — Шведский король Карл XI (1655—1697).

[4] *Я читал его в немецком литературном переводе, сделанном по требованию К. П.* — По всей вероятности, имеется в виду Король Прусский Фридрих Вильгельм IV. Автора «немецкого литературного перевода» установить не удалось. <*А. Я.*>

[5] *…следовать повествованию Проспера Мериме…* — Речь идет о новелле Проспера Мериме «Видение Карла XI» («Vision de Charles XI»). В библиотеке Жуковского находится книга «Mosaique» (Leipzig, 1833. Описание. № 1639) Проспера Мериме с рисунком, записью и подчеркиваниями карандашом на страницах новеллы «Видение Карла XI» («Vision de Charles XI». С. 31—44). Пометы в книге дополняют черновой автограф и дают материал для характеристики прозы Жуковского в сравнении ее с пересказанной в статье новеллой Мериме. Жуковский рисует вид здания («Этот дворец имел форму подковы<…>») и справа от рисунка делает запись:

не было факелов
---------- *луны*
---------- *пожара* (С. 36).

Эта запись относится к следующему тексту:

> Вдруг он остановился: он увидел, что в окнах противоположной палаты был яркий свет; это не могло быть от луны — луна не светила и на небе лежали тучи; это не мог быть пожар — сияние было спокойное и не имело багряности пожарной; нельзя было также подумать, что там какой-нибудь из слуг придворных ходил с факелом — от одного факела не произошло бы такого яркого, повсеместного освещения» —

и свидетельствует о стремлении Жуковского показать мистическую природу явления, исключив все реальные источники. Пометы в тексте «Vision de Charles XI» отражают романтические установки Жуковского: подчеркнуты эпитеты (черный, траурный и красный), связанные с картинами ужасного убийства, выделено описание момента исчезновения таинственного видения. Интерес к чудесному сочетается с вниманием к историческим реалиям (знамена, описание заседания штатов Швеции).

[6] *…знаменитый отец Карла XII…* — Карл XII (1682—1718), король Швеции в 1697—1718, полководец, одержавший победу под Нарвой (1700), разбитый Петром I под Полтавой (1709).

[7] *…горе потомству Вазы!* — Королевская династия Вазы, занимавшая престол в Швеции (1523—1654) и Польше (1587—1668), была основана шведским дворянином Ваза, возглавившим народную борьбу против датских феодалов и ставшим королем под именем Густава I (1523—1560).

[8] *…прямо указывают на Анкерштрема… на застреленного им Густава III…* — Густав III (1746—1792), шведский король с 1771 г. Восстановил в стране крайний абсолютизм, вызвал недовольство дворянства, в ночь с 15 на 16 марта 1792 г. во время костюмированного бала был смертельно ранен молодым шведским дворянином Анкарстремом.

[9] *…прямо указывают <…> на Карла XIII, бывшего регентом и королем, и на последнего Вазу, Густава Адольфа…* — Карл XIII (1748—1818), регент, потом король; Густав IV (1778—1837), король Швеции с 1796 г. Противник Наполеона, в 1804—1806 гг. участник антинаполеоновской каолиции. Низложен в 1809 г. в результате отказа присоединиться к континентальной блокаде и разрыва отношений с Россией.

[10] *…из дневных записок Гакстгаузена…* — Барон Август фон Гакстгаузен (Haxthausen, 1792—1866), немецкий писатель, экономист, исследователь земельных отношений в Пруссии и России. Его сочинение «Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. 2 Th. Hannover, 1847», написанное в результате путешествия по России (1843—1844), хранится в библиотеке Жуковского (Описание. № 1251).

[11] *…наш полковник Густавсон…* — Шведский король Густав IV проживал после низложения в 1809 г. под именем полковника Густавсона. Вот как описывает Жуковский встречу с ним в одном из писем к Е. Г. Пушкиной:

Я здесь видел однако нечто, разительно изображающее ничтожность этих земных величий. Здесь в маленьком трактире, ознаменованном вывескою Золотой Пилы, живет на чердаке бывший шведский король под именем полковника Густавсона. Третьего дня мне удалось его видеть. Я шел мимо трактира, заглянул в окно, вижу какого-то в бедном шлафроке и, догадавшись, кто это, вхожу. Он сидит у окна с газетами в руках. Я начал говорить с хозяином, попросил пива, хозяин вышел. Я подошел к его бывшему величеству и спросил, могу ли взять газеты. Он подал их молча. <…> Встал и ушел. И это бывший жених великой княжны Александры Павловны, от которого, вероятно, умерла Екатерина. У него всего на всё доходу до 500 талеров; ходит в замаранном шлафроке и однажды отморозил себе пальцы дорогой, потому что нечем было защититься от холода (С 7. Т. 6. С. 484).

[12] *…мы действительно видим или слышим то, что у нас совершается перед глазами.* — В автографе № 1 после этих слов следовал перечеркнутый крест накрест карандашом текст, не включенный в статью:

Между Франкфуртом и Ганау находится на самой шоссе деревня Дернигейм. [Проложенная через нее дорожка — зач.] Шоссе делает поворот мимо угла старинного крестьянского дома, в котором издавна находится пекарня. Этот дом, тому уже более 15 лет, принадлежал теперешней его владелице, женщине уже пожилой, с двумя дочерями и работниками. Я слышал этот рассказ от женщины, что во всем их доме и еще более, нежели за десять лет перед тем, когда он принадлежал другим, в разное время, и днем и ночью, происходят странные явления. Иногда просто слышали стук, иногда является кто-то (Л. 28—28 об.).

[13] *Тогда женою герцога юлих-клеве-бергского, полоумного Иоанна Вильгельма, была Якоба, принцесса баденская.* — Иоганн Вильгельм (1562—1609), епископ Мюнстерский, герцог Юлихский, граф Маркский, граф Равенсбургский. В 1585 году женился на Якобе Баденской (1558—1597), дочери маркграфа Филиберта Баден-Баденского и Маргариты Баварской. Во время безумия мужа Якоба превратила юлихский двор в арену распутства. Во время процесса по поводу ее поведения Якоба была найдена в постели задушенной.

[14] *По наущению герцоговой сестры, Сибиллы…* — Сибилла Клевская (1557—1627), сестра Иоганна Вильгельма, была замужем за королем Карлом II Австрийским.

[15] *…замок <…> столица знаменитой Дюссельдорфской школы…* — Дюссельдорфская живописная школа — одна из влиятельных в Европе. В 1819 г. основана Академия Художеств, первым директором которой был Петер Корнелиус, виднейший представитель назарейцев.

[16] *Вот что между прочим случилось с живописцем Бланком…* — По всей вероятности, имеется в виду немецкий художник Людвиг Бланк (1810—1885), с творчеством которого Жуковский познакомился в Дюссельдорфе в мае 1840 г. (ПССиП. Т. 14. С. 209).

[17] *В 1841 году <…> профессор Зон писал портрет жены моей…* — Зон Карл Фердинанд (Karl Ferdinand Sohn, 1805—1867), немецкий исторический живописец и

портретист, профессор Дюссельдорфской Академии художеств (с 1833 г.). Портрет Елизаветы Жуковской, жены поэта, был написан Зоном в августе 1840 г. В октябре 1840 г., уезжая в Россию, Жуковский берет с собою этот портрет на память о невесте. Как вспоминал П. А. Плетнев,

> [Жуковский] привез и портрет невесты, писанный в Дюссельдорфе знаменитым Зоном. Вообразите идеал немки. Белокурая, лицо самое правильное, потупленные глаза, с крестиком на золотом шнурке; <…> невыразимое спокойствие: мысль, ум, невинность, чувство — всё отразилось на этом портрете, который я назвал не портретом, а образом. Точно можно на нее молиться. Самая форма картины, вверху округленной, с голубым фоном — всё производит невыразимое впечатление… (Плетнев. Т. 1. С. 127).

[18] Вот что рассказал мне о себе покойный Н. Н. Муравьев… — Муравьев Николай Николаевич (1768—1840), писатель, общественный деятель.

[19] *В Москве одна грустная мать сидела ночью…<…> в дверях ее горницы стоит ее родственница М. …* — «одна грустная мать» — А. П. Елагина; «ее родственница М.» — М. А. Мойер. Целый ряд необыкновенных явлений предвещал драматические события и обнаруживал мистическую связь между Машей Протасовой и Авдотьей Петровной Елагиной. В мае 1821 г. Маша пишет Елагиной письмо, в котором завещает ей в случае своей смерти дочь Катю (УС. С. 258). В письме от 30 августа 1821 г. Маша пересказывает Елагиной свой сон, в котором Авдотья Петровна спасает маленькую Катю Мойер, бросаясь под воз с дровами (УС. С. 259). В письме от 8 октября того же года Маша рассказывает Авдотье Петровне о том, как она в часы, когда у Елагиной шли трудные роды, в Дерпте молила Бога о помощи: «Я взяла Катьку на руки и положила ее перед образом Спасителя, которым ты меня благословила на замужество» (УС. С. 261). Жуковский в письме А. П. Елагиной от 12 ноября 1823 г. называет видение Елагиной образа Маши в минуту смертельной болезни ее сына Рафаэля «лучшим светом, которого сердце наше достойно» (Письма Жуковского к Елагиной. С. 261). См. подробнее: Виницкий. С. 221—231.

Э. Жилякова

Что будет?
Писано в генваре 1848

(«Мы живем на кратере вулкана…»)
(С. 404)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 63. Л. 22—30 об. — черновые наброски, после записи: «3 генваря скончался Убри»; л. 31 об. — 36 об. — черновой, в составе записной книжки, карандашный, без заглавия и первых двух предложений.

Копии:

1) РНБ. Оп. 1. № 71. Л. 83—85 об. — с заглавием на специальном титульном листе: «Что будет? Писано в генваре 1848».

2) РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 79—80 об.

В п е р в ы е: Северная пчела. 1848 — с небольшими изменениями и без имени автора.

Р е п у б л и к а ц и я: С. 7. Т. 6. С. 144—146.

Д а т и р у е т с я: январь — начало февраля 1848 г.

Жуковский стал очевидцем событий европейской революции 1848 г. Он встретил ее начало во Франкфурте-на-Майне, где постоянно последние годы проживал со своей семьей. Его дружеская переписка с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV, постоянное общение с известным политическим деятелем Й. Радовицем позволили ему быть в курсе всех важнейших событий. В письмах к великому князю из Франкфурта он воссоздал основные этапы этого драматического момента европейской истории и тем самым явился ее своеобразным летописцем. В трех статьях: «Что будет?», «Письмо Русского из Франкфурта», «О происшествиях 1848 года», опубликованных в русской и немецкой прессе, — он свою позицию сделал фактом русского общественного сознания и сумел поставить важные общественно-философские проблемы эпохи.

Статья «Что будет?» выросла из письма к великому князю от конца января — начала февраля 1848 г. Это письмо создавалось в несколько приемов. Вторая его часть, ставшая основой «Письма русского из Франкфурта», датируется 17 (29) февраля 1848 г. Поэтому есть основания предположить, что первая часть была написана незадолго перед этим.

Переработка письма в статью и ее публикация, вероятно, как и в случае с «Письмом русского из Франкфурта» (см. ниже), были сделаны по желанию великого князя. В целом Жуковский сохранил основной текст, убрав лишь то, что касалось его обращений непосредственно к адресату, то есть начало и конец письма.

Но все-таки правка в тексте свидетельствует о творческом отношении Жуковского к публикации. Можно говорить о большей концептуализации основных положений, связанных с проблемами классовой борьбы и собственности. Для наглядности приводим варианты чернового автографа.

[1] *А уже в недрах его клокочет новая ~ скоро разольется.* — В автографе: …а уже новая клокочет в его внутренности и скоро, скоро разольется.

[2] *…и замечательно то, что последняя…* — Далее в тексте письма следовало: то есть та, которая нам грозит…

[3] *…нападали на веру…* — …потрясали веру…

[4] *…скоро под их ногами разверзнется.* — …скоро под ними и под нами разверзнется.

[5] *Позади сих проповедников образования и движения…* — Но позади сих ослепленных, фанатических проповедников идеального лучшего и движения вперед…

[6] *Аристократия уступила среднему состоянию, говорят новейшие историки…* — Аристократия уничтожена в пользу среднего состояния (bourgeoisie), говорят новейшие историки, напр. Луи Блан…

Луи Блан — Луи Жан Жозеф Блан (Louis Jean Joseph Blanc; 1811—1882), французский социалист, историк, журналист, политический деятель. Идея социального равенства сформировалась в его публицистике периода революции 1848 г. В библиотеке Жуковского имелись его труды, посвященные французской истории, в том числе французской революции (Описание. № 683, 684).

Изъятие его имени из текста статьи могло быть связано с цензурными сложностями.

[7] *…если исключить из массы его класс привилегированный и класс средний*? — …если исключить из него высший и средний класс, которые, как утверждают, должны уступить ему?

[8] *…практических преобразователей…* — …практических реформаторов…

[9] *…весьма понятное их неученым адептам…* — …весьма понятное ученикам ее в лохмотьях…

[10] *…собственность есть кража.* — Выделенные в тексте статьи курсивом слова — цитата из трактата французского экономиста, теоретика анархизма Пьера Жозефа Прудона (1809—1865) «Что такое собственность?» («Qu'est-ce que la proprété?»; 1840). В письме к наследнику цитата дана в подлиннике: *la proprieté c'est le vol.*

[11] *Заметим, что характер эпохи ~ купаются избранники счастья…* — И для утверждения в умах этого правила все сделано. Главное разрушение антирелигиозное произведено доктринами разврата в классе низшем.

[12] *Туда голос искушения…* — Туда, где царствует нужда, огорчающая и раздражающая душу, голос искушения…

[13] *… повторился 1846 год с его повсеместным голодом?* — …повторился голодный 1846 год?

[14] *… и какая бы толпа зверей ~ самодержавие народа?..* — И что бы произвело все это всеобщее бедствие, которое вдруг озлило бы всех и каждого? Что произвело бы это движение вперед?.. Мы в руке Божией. Это не значит, что он отвратит от нас бедствия. Нет, это значит только то, что все посылается им и что мы во всякую минуту бытия нашего можем только одно: *признавать* его волю и что каждый на своем месте (что бы на нас ни было ниспослано) должен действовать согласно с этою волею, то есть по правде. Это вы знаете, это живет у вас в сердце; Бог поможет и вам, и царю нашему, когда настанет трудное время.

А. Янушкевич

Письмо Русского из Франкфурта

(«Коммунизм поднял свою голову…»)

(С. 406)

Автограф неизвестен.

Впервые: Северная пчела. 1848. № 57. 12 марта. С. 225—226 — с заглавием «Письмо Русского из Франкфурта», без подписи.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: начало марта 1848 г.

Текст статьи является выпиской из письма Жуковского великому князю Александру Николаевичу от 17 (29) февраля 1848 г. Как удалось установить А. И. Рейтблату, этот текст был прислан в III отделение от великого князя с указанием поместить в газете «Северная пчела» (*Видок Фиглярин*. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А. И. Рейтблат. М.: НЛО, 1998. С. 551). В письме А. Ф. Орлову от 13 марта 1848 г. Булгарин сообщал: «"Письмо из Франкфурта" произвело сильное и благодетельное влияние на всех благонамеренных людей и истинно их порадовало» (Там же. С. 552). Редактор «Северной пчелы» приложил письмо одного из почитателей, подписанное *Псковичъ*, где, в частности, говорилось: «Давным-давно "Северная пчела" не радовала нас, русских по рождению и русских по сердцу, как вчера, письмом из Франкфурта» (Там же. С. 554). Но были и другие мнения. А. И. Рейтблат приводит следующее суждение педагога и литератора Н. И. Иваницкого (1816—1858):

> <…> подлецам полный простор. Булгарин подличает, сколько душе угодно. Третьего дня напечатано в «Пчеле» «Письмо из Франкфурта» — образцовое в этом роде и достойное бессмертия… Где наши надежды? Где наше будущее? <…> Покамест ничего не видно; только тяжелее и тяжелее налегает варварская власть… (*Иваницкий Н. И.* Автобиография // Щукинский сборник. Вып. 8. М., 1909. С. 348).

Подробнее о месте этой публикации Жуковского в истории русской общественной мысли см.: *Мещерякова А. О.* Русские консерваторы о европейских революциях 1848—1849 гг. // Современная наука: Гуманитарные науки. 2011. № 3.

А. Янушкевич

Письмо к кн. Вяземскому о его стихотворении «Святая Русь»

(«Благодарствую, мой милый Вяземский…»)

(С. 407)

Автографы:

1) РО ИРЛИ. 27.806. Л. 69 об. — 83 об. (Л. 69 об. — 78 — фрагмент о Реформации. Л. 78 об. — 83 об. — статья со слов: «Я давно получил твои стихи <…> это не поэзия, а чистая правда» — до слов: «видимо отразившийся в земной судьбе нашего народа»).

2) РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909 в. Л. 11—12 — начало, до слов: «Готовься к терпению…»; в письме П. А. Вяземскому.

3) РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 62. Л. 6—8 — продолжение, рукою В. Кальянова под диктовку Жуковского; Л. 1—2 — окончание от слов: «Это письмо, как своеручное…» — рукою Жуковского.

Копии:

1) РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 52—57 (со слов: «Твои стихи не поэзия, а чистая правда» — до слов: «…необходимых верных путей ее действия, удаляющих ее от самоубийственного произвола») — авторизованная.

2) РНБ. Оп. 1. № 71. Л. 101—102 об. — стихотворение «Святая Русь». Л. 103—108 (статья со слов: «Твои стихи не поэзия, а чистая правда» — до слов: «…необходимых верных путей ее действия (удаляющих ее от самоубийственного произвола)») — авторизованная, чистовая.

3) РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909 в. Л. 1—23 — копия полного текста письма до слов: «отсюда пантеизм (уничтожение личности Бога)…»

4) РГБ. Ф. 104. VI. 33.

В п е р в ы е: Русский инвалид. 1848. № 207. 21 сентября. С. 825—827 — с сокращениями (выпущен фрагмент о Реформации со слов: «Вера в святое исчезла…» — до слов: «…сохранила веру в святое»).

Р е п у б л и к а ц и я: С 5. Т. 11. С. 342—357 (со слов: «Твои стихи не поэзия, а чистая правда» и с восстановлением фрагмента о Реформации); ПСС. Т. 10. С. 120—124 (по публикации «Русского инвалида»).

П е ч а т а е т с я по публикации «Русского инвалида» с восстановлением выпущенного фрагмента о Реформации и со сверкой по автографу 2 и копиям 1 и 2.

Д а т и р у е т с я: около 4 (16) июня — около 23 июля (5 августа) 1848 г. (по датам писем к великому князю Александру Николаевичу и П. А. Вяземскому).

Первоначальный замысел статьи о своеобразии культурных устоев и исторического пути России возник у Жуковского в первой половине 1848 г. как отклик на события мартовской революции в Германии. Он получил реализацию в записной книжке с черновыми автографами ряда статей («Нечто о привидениях», «Две сцены из Фауста», «Письмо к графу Ш-ку о происшествиях 1848 года») и писем к великому князю Александру Николаевичу и императору Николаю I (РО ИРЛИ. 27.806). Ранее всего, вероятно, в мае 1848 г. был написан фрагмент о Реформации, т. е. финальная часть статьи со слов: «Россия с самого начала ее исторической жизни шла своим отдельным путем» (Л. 69 об. — 78). После корректировки он оказался включен в состав письма к великому князю Александру Николаевичу от 4 (17) июня 1848 г. (см. РА. 1885. Т. 56. № 2. С. 245—247).

В мае 1848 г. в «Санктпетербургских ведомостях» (№ 100) было напечатано стихотворение П. А. Вяземского «Святая Русь»[6], оказавшее на Жуковского глубокое впечатление. Впоследствии, готовя свои статьи к публикации в чистовой рукописи, предназначавшейся для цензуры, он включил это стихотворение в состав рукописи как ее особую часть — поэтическую преамбулу (РНБ. Оп. 1. № 71. Л. 101—102 об.).

Свои чувства и размышления, вызванные стихотворением Вяземского, Жуковский первоначально изложил в записной книжке (РО ИРЛИ. 27.806. Л. 78 об. —

[6] Как указал Я. К. Грот (*Вяземский*. Т. 4. С. IX) и конкретизировала Л. Н. Киселева (*Киселева Л. Н.* Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси // «На меже меж Голосом и Эхом»: Сб. статей в честь Т. В. Цивьян. М., 2007. С. 145), стихотворение также было напечатано отдельной брошюрой: Святая Русь. Стихотворение К. П. Вяземского, изданное в пользу Второй Адмиралтейской Школы, состоящей под ведением Женского Патриотического Общества. СПб.: В тип. экспедиции изготовления гос. бумаг, 1848. 8 с. Ц. р. 19 мая 1848 г. Печаталось также в «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» (1848. Т. 72. № 288).

83 об.). Два фрагмента уже вскоре слились в единую статью, оформленную как письмо к Вяземскому от 23 июля (5 августа) 1848 г. Начало письма с описанием личных обстоятельств автора было написано собственноручно (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909 в. Л. 11—12), полный текст статьи записал камердинер В. Кальянов под диктовку из записной книжки (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 62. Л. 6—8), окончание письма с распоряжениями об отправке великому князю Александру Николаевичу, уже знакомому с частью текста, о публикации и с дружескими правками текста стихотворения (не принятыми Вяземским) опять написано рукою Жуковского (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 62. Л. 1—2). Кроме оригинала письма, была сделана также копия (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909 в. Л. 1—23, сохранилась не полностью, до слов: «отсюда пантеизм (уничтожение личности Бога)…»), предназначенная для А. П. Елагиной, о чем Жуковский сообщал ей в письме от 6 (18) августа 1848 г.: «Из начала моего письма к Вяземскому, с которого копию вам посылаю, милая Авдотья Петровна, вы узнаете, что со мною делается» (Переписка Жуковского и Елагиной. С. 576)

Дальнейшая судьба текста была связана с царственной цензурой. Великий князь Александр Николаевич одобрил письмо для публикации, однако с поправками, которые вносились по инициативе императора Николая I, о чем Вяземский уведомил автора в письме от 18 октября 1848 г.:

> Между тем я надеялся, что Плетнев уведомит тебя о всей процедуре помещения письма твоего в журнале. Он отправил письмо к цесаревичу, он же и получил его обратно от цесаревича с изменениями или лучше сказать, с исключениями, признанными необходимыми государем. Жаль, очень жаль, что всё сказанное тобою о протестантизме и разных других *измах*, из него истекших, подвержено было также своему *изму*, то есть остракизму. Государь нашел, что ты совершенно прав, но что слова и мнения твои могут показаться несколько жесткими нашим братьям протестантам. Как бы то ни было, но письмо твое встретило общее сочувствие и имело большой успех (*Гиллельсон*. С. 61).

Самой существенной из цензурных поправок стал выпуск фрагмента о Реформации, не устроившего императора недипломатичной резкостью характеристик. Остальные сокращения касались личных обстоятельств Жуковского, не слишком интересных широкой аудитории. В таком виде статья была опубликована в столичной газете «Русский инвалид» 21 сентября 1848 г. (№ 207. С. 825—827). Попытки одновременно напечатать статью и в московских изданиях (см. далее примечание 35 с концовкой письма) Жуковским, очевидно, были оставлены сразу и дальше намерения не пошли.

Дальнейшая судьба текста связана с предполагавшимся в 1850 г. сборником прозы Жуковского (см. письмо к П. А. Плетневу от 13 (25) июня 1850 г.; Плетнев. Т. 3. С. 670—672), не прошедшим цензуру. Для этого издания были составлены авторизованные писарские копии — сначала черновая (РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 52—57), а затем чистовая (РНБ. Оп. 1. № 71. Л. 103—108), в которую включена и комментируемая статья от слов: «Твои стихи не поэзия, а чистая правда» — до слов: «…необходимых верных путей ее действия, удаляющих ее от самоубийственного произвола».

При доработке статьи для нового издания Жуковский полностью убрал личные биографические фрагменты из начала письма, но сохранил пассаж о Реформации. По данной копии статья впервые была опубликована, вероятно, Д. Н. Блудовым в посмертном издании «Сочинений В. Жуковского» (С 5. Т. 11. С. 342—357). Позднейшие публикаторы, однако, вернулись к версии «Русского инвалида», как поступил А. С. Архангельский в издании 1902 г. (ПСС. Т. 10. С. 120—124). В настоящем издании мы придерживаемся последней прижизненной публикации в «Русском инвалиде», учитывая и воспроизводя в примечаниях варианты изменений, внесенных Жуковским при так и не законченной доработке в копиях 1 и 2.

Историческим фоном статьи являются события мартовской революции 1848 г. в Германии, о которых см. подробнее в комментарии к статьям «Что будет?» и «Письмо к графу Ш-ку о происшествиях 1848 года». Категорическое неприятие революции, осмысление ее как падение европейской цивилизации, высказанное в этих статьях, тем не менее подвигло Жуковского на поиск исторических и мировоззренческих истоков происходящего и на формулировку антитезы в виде идеи «Святой Руси». В первом случае писатель развивал идеи, сложившиеся еще в 1810-е гг. и связанные с идеологией Священного союза («Императору Александру» и др.), о революции как результате не только хищного буйства толпы, но и беспечности, глухоты и произвола монархов, забывших истинные указания Промысла (см. подробнее: *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский и Великая французская революция // Русская литература и Великая французская революция. Л., 1990. С. 106—141.). В комментируемой статье появляется и образ извергающегося вулкана из послания «Императору Александру». Но в ней уже выстраивается цельная историософская концепция отхождения европейской цивилизации от духа христианства (веры в святое) с указанием ведущих импульсов и этапов — вплоть до современности.

Революционной Европе противопоставляется идеал «Святой Руси», вполне сохранившей истинную веру и самодержавные устои, вернее, уверенность в их божественной природе, о чем подробнее Жуковский писал в статье «Самоотвержение власти». В этом пункте писатель развивает оригинальную концепцию нациостроительства, основанную на идее «семейственной монархии», на патерналистском сближении сакрализованной государственной власти (Россия) и народа, хранителя веры и патриархальных устоев (Святая Русь). Как указала Л. Н. Киселева, интертекстуальным фоном статьи в этом плане выступает не только стихотворение Вяземского, но и общий их претекст — манифест Николая I от 14 марта 1848 г. «О событиях в Западной Европе», где использована формула «Святая Русь»: «По заветному примеру Православных наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя себя, будем, в неразрывном союзе с *Святою* нашею Русью, защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов наших» (Полное собрание законов Российской империи: Собр. второе. Отд. первое. Т. XXIII: 1848. СПб., 1849. С. 182). Ею также выделены значимые параллели со стихотворениями «России» А. С. Хомякова, «Родина» М. Ю. Лермонтова и с первым «Философическим письмом» П. Я. Чаадаева (*Киселева Л. Н.* Указ. соч. С. 137—147).

[1] *Письмо к кн. П. А. Вяземскому о его стихотворении «Святая Русь».* — Заглавие дано по последней прижизненной авторизованной рукописи (копия 2). В «Русском инвалиде» (далее РИ) заголовок: «Письмо В. А. Жуковского к князю П. А. Вяземскому».

[2] *23 июля / 5 августа. Кронталь, близ Содена.* — В автографе 2: «23 Июля / 5 Авг. Кронталь близ Содена. Kronthal près Soden, par Francfort s/M.»

[3] *Благодарствую, мой милый Вяземский, за твое коротенькое письмо…* — С. 7. Т. 6. С. 162:

[4] *…холерная туча все еще стоит над вашею головою…* — В автографе 2: «…холерная туча все еще стоит над вашею головою неподвижно». Холерная туча — эпидемия «азиатской» холеры 1846—1848 гг., пришедшая в Россию из Персии осенью 1846 г. и охватившая всю европейскую часть страны. См.: *Васильев К. Г., Сегал А. Е.* История эпидемий в России: (Материалы и очерки) / Под ред. и с доп. проф. А. И. Метелкина. М., 1960. С. 259—261.

[5] *Как бы я был счастлив, если бы уже теперь был дома…* — С марта 1848 г. в связи с европейскими событиями Жуковский строил планы скорейшего возвращения в Россию, о которых подробнее см.: Гузаиров. С. 94—95.

[6] *…везти свою семью ей навстречу и, может быть, ей на жертву…* — В автографе 2: «…везти свою семью ей навстречу и, может быть, ей на обед…».

[7] *…на такую ответственность не могу и не должен решиться.* — В автографе 2 далее выпущенный в РИ фрагмент:

> Судьба играет мною в волан; только что холера революции взбросила меня своею ракетою в направлении к отечеству, как холера tout court [ракеткой. — фр.] своею отшвырнула назад; может быть попаду на ракету холеры междоусобной войны — куда отшвырнет эта, Бог один знает. Но его воля состоит в том, чтобы мы следовали указанию настоящей минуты, в которой она ясно выражается. И здесь для меня ясно, что я не должен отдавать своей семьи на произвол заразе. И я не с горем пополам, а с горем по горло остаюсь на зиму за границею. Мои все приготовления к отъезду сделаны; я сдал свой дом во Франкфурте; все свои мебели продал или раздарил; все свое нужное уложил и отправил: оно теперь в Штетине и скоро будет в Петербурге. С одним необходимым отправился в Эмс, и там дошла до меня первая весть о холере. Мой план был: поселить жену и детей в Лифляндии (первую зиму жене нельзя провести в Петербурге: это ей Копп и здравый рассудок запрещают), сам хотел съездить в Петербург, потом в Москву, потом возвратиться в Лифляндию и провести зиму с семьею в Дерпте. Но холера, еще не отсвирепствовав у вас в Петербурге, уже послала передовых занимать для нее квартиры в Лифляндии; именно к тому времени, в которое мне надобно будет пуститься в путь, там будут все квартиры ею заняты; когда же она их очистит и отправится в дальнейший путь, то нам будет уже поздно пускаться в наш путь: наступит холод, который для жены после ее эмского лечения может быть весьма вреден. Таково теперь мое приятное положение: я кувыркаюсь в воздухе между ракетами двух холер. И при этом какое разорение для кармана.

[8] *Между тем, на беду мою, надобно еще слышать и слушать…* — В автографе 2: «И при всех этих удовольствиях надобно еще слышать и слушать…»

[9] *…в глубине кратера…* — В автографе 2: «…в глубине давнишнего кратера…»

[10] *Шумом упадшего французского трона пробуждается несколько крикунов в маленькой области Германского царства…* — 22 февраля 1848 г. «реформистский» банкет (называемый так потому, что оппозиционеры требовали реформы избирательного закона) национальной гвардии был запрещен в двенадцатом муниципальном округе Парижа, что спровоцировало мятеж. В результате революции 1848 г. во Франции король Луи-Филипп I отрекся от престола. Эти происшествия инициировали мартовскую революцию в Германии. На юге и на западе страны прошли крупные собрания и массовые демонстрации. Главным образом, население требовало свободу печати, собраний и национальный Германский парламент. В Гейдельберге (Баден) 5 марта 1848 г. группа немецких либералов начала готовится к выборам в Германский парламент. Предпарламент был собран 31 марта во франкфуртской церкви Святого Павла. Его члены призывали к свободным выборам в национальный Германский парламент, на что было согласно большинство германских княжеств. 18 мая 1848 г. Германский парламент открыл свою первую сессию в церкви Святого Павла. Из-за того что среди 586 депутатов много было профессоров (94), учителей (30) или имеющих университетское образование (233), его прозвали «профессорским парламентом» (нем. Professorenparlament). О ходе революции см. подробнее: *Кан С. Б.* Революция 1848 года в Австрии и Германии. М., 1948; *Вин Ю. Я.* Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001.

[11] *…твои стихи…* — В автографе 2: «…твои чудно прекрасные стихи…».

[12] *…и не могу иначе перечитывать…* — В автографе 2 далее опущенный в РИ фрагмент:

> Но я намерен пуститься с письмом моим в дальний путь; и буду продолжать его карандашом. Я не могу писать иначе как стоя, но долго стоять теперь накладно для моих устарелых ног. С карандашом в руках могу сидеть и даже лежать. Написанное карандашом будет продиктовано. Готовься к терпению.

[13] *…что глубоко живет в душе, не подлежит произвольному умствованию, не требует никаких доказательств разума…* — В автографе 2 и копии 1: «…что глубоко живет в душе, не подлежащее произвольному умствованию, не требующее никаких доказательств разума…»

[14] *Святая Русь! — Какое глубокое значение…* — В автографе 2 и копии 1: «Святая Русь — какое глубокое значение…»

[15] *…сияет высоко, сияет в стороне! Да сохранит ее Бог…* — В автографе 2 и копии 1: «сияет высоко, сияет в стороне — да сохранит ее Бог…»

[16] *…верою, любовию и надеждою?* — В автографе 2 далее опущенная в РИ фраза: «Не явственно ли слышится в одном этом звуке отголосок времен минувших?»

[17] *Не яснее ли означается в нем…* — В автографе 2 и копии 1: «Не явственнее ли означается в нем…»

[18] *Русской Бог…* — Идиоматическое выражение, обретшее популярность в первой трети XIX века и употребленное как с ироническим, так и с патетическим смыслом в ряде значимых литературных произведений П. А. Вяземского, А. С. Пушкина и др. См.: *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941. С. 391—392. Об интертекстуальных смыслах этой идиомы у Жуковского см.: *Киселева Л. Н.* Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси // «На меже меж Голосом и Эхом»: Сб. статей в честь Т. В. Цивьян / Сост. Л. О. Зайонц. М., 2007. С. 141.

[19] *Не Российский Бог, как оканчивает своего Димитрия Донского Озеров…* — «Языки! ведайте — велик *российский бог!*» — фраза из финала известной пьесы 1807 г. «Димитрий Донской» В. А. Озерова.

[20] *…живая, нераздельная Святая Русь. Все вместе стояли за нее против нашествия и грабительства врагов неверных. Особенную же силу этому слову дали печальные времена Мамая: тогда оно сделалось для нас соединительным, отечественным боевым криком…* — В автографе 2 и копии 1: «…живая, нераздельная *Святая Русь*. Все вместе стояли за нее против нашествия и грабительства врагов неверных. Особенную же силу этому слову дали печальные времена татар: тогда оно сделалось для нас соединительным, отечественным лозунгом…»

[21] *…великого Иоанна III, уничтожившего рабство татарское и вдруг явившегося самодержавным обладателем всея России.* — Иван III Васильевич (известен также как Иван Великий; 1440—1505) — великий князь московский с 1462 по 1505 г., сын московского великого князя Василия II Васильевича Темного. В ходе правления Ивана Васильевича произошло объединение значительной части русских земель вокруг Москвы и ее превращение в центр общерусского государства. Было достигнуто окончательное освобождение страны из-под власти ордынских ханов; принят Судебник — свод законов государства — и проведён ряд реформ, заложивших основы поместной системы землевладения.

[22] *…когда бояре московские пришли к Иоанну IV…* — В копии 1 и 2 вариант: «…когда бояре московские пришли к чудовищному Иоанну IV…». Иоанн IV Васильевич (прозвание Иван Грозный; 1530—1584) — великий князь Московский и всея Руси (с 1533 г.), первый царь всея Руси (с 1547 г.) (кроме 1575—1576 гг., когда «великим князем всея Руси» номинально был Симеон Бекбулатович).

[23] *Событие удивительное, в котором ясно означается, что правильные понятия политические, без всякого философического умствования постигнутые здравым русским умом, прямо истекают из того источника…* — В автографе 2: «Событие удивительное, в котором ясно означается, что правильные понятия политические (без всякого философического умствования постигнутые здравым русским умом) прямо истекают из того источника…»

[24] *…понятие о Нем, отдельно существующее при вере в Бога христианского, истекающей из божественного откровения, присоединено к ней, будучи выведено русским народом из откровения…* — В копии 1 и 2 вариант: «…понятие о Нем, *отдельно* существующее при вере в Бога христианского, истекающей из божественного откровения, выведено русским народом из откровения…»

[25] *Какое человеческое благо может быть построено на таком фундаменте?* — Далее в публикации РИ выпущен восстановленный по автографу 2 и копиям 1 и 2 фрагмент о реформации со слов: «Вера в святое исчезла…» — до слов: «…сохранила веру в святое».

[26] *…Реформации…* — Реформация (лат. reformatio — 'исправление, восстановление') — массовое религиозное и общественно-политическое движение в Западной и Центральной Европе XVI — начала XVII веков, направленное на реформирование католического христианства в соответствии с Библией.

[27] *…изобретение книгопечатания…* — История книгопечатания в современном смысле этого слова начинается с того момента, когда стали изготавливать металлические подвижные выпуклые буквы, вырезанные в зеркальном отображении. Из них набирали строки и с помощью пресса оттискивали на бумаге. В Европе наборный шрифт появился во второй трети XV века, и почти все исследователи приписывают его немцу Иоганну Гутенбергу (между 1397 и 1400—1468 гг.).

[28] *…взятие Константинополя турками…* — Столица Византийской империи, Константинополь, была захвачена турками-османами под предводительством султана Мехмеда II во вторник, 29 мая 1453 г. Это повлекло за собой уничтожение Восточной Римской империи и смерть последнего византийского императора Константина XI Драгаша. Победа дала туркам господство в восточном бассейне Средиземноморья.

[29] *…от Рюрика до смерти Феодора Иоанновича один и тот же дом царствует…* — Речь идет о династии Рюриковичей, княжеском, позднее также царском (в Москве) и королевском (в Галицко-Волынской земле) роде потомков легендарного князя, варяга Рюрика (ум. 879), раздробившемся с течением времени на множество ветвей. Последними правителями правящей династии Рюриковичей на Руси были цари Федор I Иоаннович (1557—1598), сын Ивана Грозного, и Василий Шуйский (1552—1612).

[30] *…пресеченная на короткое время в периоде от Годунова до Романовых…* — Речь идет о Смутном времени — периоде истории России с 1598 по 1613 г., ознаменованного стихийными бедствиями, польско-шведской интервенцией, тяжелейшим политическим, экономическим, государственным и социальным кризисом. Борис Федорович Годунов (1552—1605) — боярин, шурин царя Федора I Иоанновича, в 1587—1598 гг. фактический правитель государства, с 17 (27) февраля 1598 г. — русский царь. Романовы — русский боярский род, носивший такую фамилию с конца XVI века; с 1613 г. — династия русских царей (начиная с избранного на царство Михаила Федоровича) и с 1721 г. — императоров всероссийских.

[31] *…в России она сохранилась в своей неприкосновенности…* — В копии 1 и 2 вариант: «…в России неприкосновенность ее сохранилась…».

[32] *…от ее бездейственного неупотребления…* — В копии 1 и 2 вариант: «…от ее бездейственного неразвития…»

[33] *…ограничено было одними формами.* — Далее в автографе 2 и копиях 1 и 2 фрагмент: «… от чего произошли многие наши расколы, дети не вольномыслия, а равнодушия к мысли, с одной стороны, и естественной потребности мыслить, с другой».

[34] *…распространение его патриархального могущества…* — Далее в копии 1 зачеркнутый фрагмент — черновое письмо к Вяземскому с замечаниями по поводу текст его стихотворения:

> …более ясным извлечением его из правил Божией правды, с более точным определением прав, неотъемлемо принадлежащих всем и каждому, определением, которое, исходя из самой власти, было бы не ее ограничением, а ее утверждением посредством указания необходимых, верных путей ее действия, спасающих ее от самоубийственного произвола.

[35] *…необходимых, верных путей ее действия.* — Далее в автографе 2 и копиях 1 и 2 (здесь в скобках) фрагмент: «…удаляющих ее от самоубийственного произвола». В автографе 2 после идет еще один фрагмент — черновое письмо к Вяземскому с замечаниями по поводу текста его стихотворения:

Это письмо, как своеручное, так и диктованное, сообщи через Плетнева в.<еликому> к.<нязю> наследнику. Пускай Плетнев отправит его при письме от себя, в котором сказать, «что это письмо сообщается Ему по моему желанию. Не найдет ли он, что его будет можно напечатать (разумеется, с некоторыми выпусками)?» — Вот тебе и мои стихи, которые, однако, ничто перед твоими. Но между крупинками твоего золота замешалось несколько песчинок, которые я попробовал выбросить. Удалось ли, не знаю? Посылаю тебе то, что, по моему мнению, есть чистейшее самородное золото. Вот и причины выброшения:

> 11. громких дел
> Да кто же согласится стереть их с отечественных скрижалей! Эти<м> хвастаться не нужно.
> 19. После значенье надобно необходимо чего значенье; как я поправил, кажется точнее.
> 20. По моему точнее и короче.
> 21.
> 22. не точно, да и лишнее, от чего все остальное ослабляет.
> 23. Совершенно лишняя строфа.
> Все уцелевшее — прелесть поэтическая и прелесть для русского сердца.

Прошу письмо в.<еликому> князю сообщить немедленно. Копию с этого письма я послал к Булгакову. (Нет! раздумал!) Я бы желал, чтобы оно было напечатано в Петербурге и в Москве. Разумеется, что начало, где говорится обо мне, должно быть выпущено.

В. Киселёв

О происшествиях 1848 года
Письмо к графу Ш-ку
(«…Мне надоело слушать нелепые толки о России…»)
(С. 414)

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 66. Л. 8—9 — конец статьи; л. 12 об. — 13 — планы статьи.

Копии:

1) РНБ. Оп. 1. № 71. Л. 87—99.

3) РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 37—51 об.

4) РО ИРЛИ. 27.806. Л. 4—21 об. (подготовительные материалы), 40—49 об., 52—69.

5) РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 6. 124 с. — брошюра с правкой и пометами неизвестного лица, без заключительного фрагмента.

6) РГБ. Жук. I.3 — рукою Е. А. Жуковской на нем. яз.

Впервые: Beilage zu № 52 der Neuen Preussischen Zeitung. Mittwoch, den 30. August 1848. S. 1—2 (Приложение к Новой прусской газете. № 52. Среда, 30 августа 1848 г. С. 1—2). На немецком языке, под заголовком «С Майна, 22 августа», с предисловием, в сокращении и без подписи.

Впервые на русском языке: С 5. Т. 11. С. 297—336.

Датируется: 25 июня (7 июля) — (7) 19 августа 1848 г.

«Письмо к графу Ш-ку. О происшествиях 1848 года» — публицистическая статья Жуковского, посвященная анализу революционных событий в Европе и осмыслению взаимосвязи между самодержавной властью, народом и историей. Долгое время вопрос об адресате письма оставался открытым. Еще в примечаниях к С 8 (Т. 6. СПб., 1885. С. 633) П. А. Ефремов замечал:

> Г. Зейдлиц указывает, что это письмо написано к гр. Шувалову, а г. Бартенев полагает, что оно написано к гр. Штакельбергу. Едва ли справедливо и то и другое, потому что в тексте говорится о «протестанте», к которому письмо адресовано, а в заглавии стоит: «к гр. Ш-ку».

Но как сейчас достоверно установлено, статья представляет собой письмо Жуковского к немецкому поэту, графу Адольфу Фридриху фон Шаку (Adolf Friedrich Graf von Schack; 1815—1894).

В истории немецкой культуры граф оставил свой заметный след прежде всего как коллекционер живописи и меценат. Представление о характере и предмете диалогов Шака и Жуковского дают воспоминания немецкого графа о зиме 1847—1848 гг., которую он провел во Франкфурте-на-Майне, городе, где в это время вел активную творческую деятельность первый русский романтик. Шак выступил инициатором поэтических чтений, организовав литературный салон, о котором не мог не знать Жуковский. Кроме того, непосредственным поводом для диалога двух

литераторов вполне могли стать вопросы перевода в целом и, в частности, перевод восточного эпоса. К 1848 г. из-под пера Жуковского вышла поэма «Рустем и Зораб», которая уже была подписана в печать в России. Граф также перевел этот сюжет Фирдоуси, при этом акценты в его вольном переложении были расставлены так же, как у Жуковского. Помимо уже подготовленных ко времени знакомства с русским поэтом персидских сюжетов, Шак в период пребывания во Франкфурте в 1847—1848 гг. активно занимался изучением санскрита и наследия индийского поэта Калидасы. Жуковский же долгое время вынашивал планы по переводу его поэмы «Саконтала». Их творческие контакты были связаны и с легендарной личностью португальского поэта XVI в. Луиса де Камоэнса. Его историю русский романтик воссоздал в своей драме, опираясь на немецкий оригинал Гальма, но включив в нее мощный автобиографический подтекст. Шак в том же ключе перевел произведение о Камоэнсе своего друга, португальца Ж. А. Гарретта. Подробнее о контактах Жуковского и Шака см.: *Никонова Н. Е.* «Мне надоело слушать нелепые толки о России…»: В. А. Жуковский и граф А. Ф. фон Шак // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 139—145. О том, что связи А. Ф. фон Шака с В. А. Жуковским не были случайными, свидетельствует сохранившееся в книжном собрании семьи русского поэта издание сочинений графа 1869 г. (Описание. С. 335).

А. Ф. Шак и В. А. Жуковский оказались погруженными в атмосферу революции 1848 г. и сблизились благодаря поэтическому творчеству, однако их политическим взглядам суждено было разойтись. Условия, предложенные прусским королем Фридрихом Вильгельмом IV, возложившим миссию по их воплощению на генерала фон Радовица, вызывали у графа серьезные сомнения. В 1849 г. Шак был призван в Берлин как представитель княжества Мекленбургского в парламенте новой республики, и, по его словам, принял предложение лишь по одной причине — «поскольку искренне верил в будущее объединенной Германии» (*Schack A. F. von*. Ein halbes Jahrhundert. Erinnerungen und Aufzeichnungen von Adolf Friedrich Graf von Schack. 3 Bde. Stuttgart und Leipzig, 1888. Bd 1. S. 310). В многотомном наследии графа не найдено сведений о публичных выступлениях или публикациях на политические темы, но в его повествовании о революционных событиях в Германии слышны ноты непримиримого национального чувства, желания независимости для земель новой объединенной Германии.

Из послания Жуковского к барону А. фон Мальтицу от 9 (21) августа явствует, что к этому времени он написал статью по-русски (последняя часть от 25 августа 1848 г. в первый вариант сочинения не вошла), затем напечатал ее в виде брошюры, предназначавшейся «только для русских» и успел ее разослать. Замыслы относительно распространения немецкого варианта находим в этом же письме:

> Тороплюсь отвечать Вам и просить Вас не затрудняться переводом моего письма к графу Ш.: оно уже переведено и будет напечатано, если его примут в «Neue Preussische Zeitung», которая выходит в Берлине. Перевод был сделан на моих глазах, и я сам сделал несколько поправок: многое выпустил и сделал некоторые прибавления. В этом виде письмо будет более подходящим для немецкой газеты (*Шляп-*

кин И. А. Жуковский и его немецкие друзья: Неизданные документы 1842—1850 гг. из картонов Фарнгагена фон Энзе // РБ. 1912. Ноябрь-декабрь. С. 20).

Жуковский придавал важное значение немецкой публикации, считая ее пророческой. В послании к Фридриху Вильгельму IV от 14 июня 1850 г. он писал:

> Думается мне, Государь, что в отношении Вас я был пророком. Я не знаю, известна ли Вашему Величеству моя статья, написанная мною в 1848 г. (переведенная, под моим наблюдением, на немецкий язык) и напечатанная в «Kreuz-Zeitung», органе, тогда — независимом, а теперь увлеченном, в партийную борьбу (Там же. С. 185).

Издание «Neue Preußische Zeitung» («Новая прусская газета») имело второе название «Kreuzzeitung» («Газета железного креста») по изображению на логотипе прусского креста, учрежденного Фридрихом Вильгельмом III за заслуги в войне с Наполеоном и размещавшегося на месте подзаголовка каждого номера. Газета была основана представителями христианско-консервативной партии Пруссии, выпускалась с 1848 г. и выступала в защиту сословно-монархического строя, союзнических отношений с Россией и против революционно-демократических настроений в немецком мире. После революции в Германии запрет на публикацию русофобских сочинений в Пруссии потерял свое действие, представителей газеты стали именовать «русской партией» («russische Kreuzpartei»), обвиняя тем самым в необъективности, в результате «Neue Preußische Zeitung» стала публиковать и антирусские статьи, в ответ на одну из которых В. А. Жуковский написал другую свою публицистическую заметку «По поводу нападок немецкой прессы на Россию» 1850 г. (см. комментарий в настоящем томе).

Немецкая анонимная первопубликация статьи «О происшествиях 1848 г.» представляет собой перевод первых двух частей конечного варианта сочинения Жуковского, датированных 7 июля и 19 августа 1848 г., без примечаний и постскриптума, с некоторыми сокращениями в тексте. Газетную заметку предваряет следующее примечание:

> Вы позволили мне при основании Вашего издания сообщать по случаю об интересных политических явлениях, встречающихся мне на месте моего теперешнего пребывания. Сегодня я впервые пользуюсь этим позволением, обращая внимание Вашего читателя на письма, которые вышли из-под пера одного иностранца и, как мне представляется, достойны всеобщего внимания во многих отношениях. Начало их имеет предметом, прежде всего, широко обсуждаемые укрепления и предположительные враждебные настроения России против Германии. Так как эта тема получила достаточное освещение благодаря последним дипломатическим обращениям русских, то я могу позволить себе не передавать выражений автора об этом. Однако, следующая за ними корреспонденция достойна того, чтобы ее сообщить, поскольку в ней содержатся доныне не известные исторические факты. Кроме того привязанные к ним рассуждения о состоянии дел в нашем Отечестве благодаря проницательности нашего автора открывают такую притягательную картину, что я хотел бы представить их Вашим читателям. При переводе я старался по возможности соблюдать верность.

Кто выступил в качестве переводчика и корреспондента газеты, точно не установлено. Вероятно, что им и был адресат Жуковского граф фон Шак. Первая часть статьи вошла в немецкий перевод начиная со слов: «Часто бывает довольно одной черты, чтоб выставить всего человека наружу», вторая часть включена почти в полном объеме.

Сочинение в его конечном русском варианте состоит из трех частей, написанных в разное время и датированных автором. Первый фрагмент был создан 25 июня (7 июля), второй — 7 (19) августа, третий — 25 августа (6 сентября) 1848 г. Непосредственным импульсом к созданию каждого отрывка служили круг чтения Жуковского и события в России и Пруссии. Первый фрагмент был написан как отклик поэта на антироссийские публикации в немецких газетах, так и под влиянием чувств, испытанных Жуковским во время исполнения гимна «Боже, царя храни!» в день рождения Николая I. Второй отрывок был инспирирован чтением описания Кельнского праздника в газете «Kölnisher Zeitung» и книги своего друга, государственного деятеля Й. Радовица «Германия и Фридрих-Вильгельм IV». Третий фрагмент был создан после прочтения Жуковским книги пастора Либетрута «Пруссия и король». Двухчастная композиция немецкой первопубликации статьи, из которой исключены также антирусофобские рассуждения, фактически превращает ее в диалог историй о двух монархах — российском и прусском. Такое соотношение дружественных держав, соединенных общим основанием в лице тандема монарха и поддерживающих его религиозно настроенных консервативных кругов, было характерным сюжетом прорусской публицистики в Пруссии конца 1840-х гг. Обостряет эту образную аналогию в немецкой заметке Жуковского исключение из текста перевода малознакомых адресату имен адъютантов царя (Кавелина, Перовского, Адлерберга), сокращение пассажа о Радовице, изъятие эмфатически заряженных фрагментов и особенно ярко эмоционально окрашенных предложений.

«Письмо к графу Ш-ку. О происшествиях 1848 года» вошло в 10 том собрания сочинений Жуковского (первые 9 томов вышли из печати в 1849 г., остальные три тома появились после смерти поэта в 1857 г.). Статья вместе с другими текстами на философскую и политическую темы была отправлена Жуковским П. А. Плетневу в Петербург летом 1850 г. В сопроводительном письме от 25 июня поэт дал отдельную инструкцию относительно второй тетради:

> № 2, особая тетрадь, которая может быть процензурована особенно. Письмо к графу Ш. следует предварительно показать Великому Князю, дабы он испросил мне разрешение напечатать обе пиесы в собрании сочинений моих: в них упоминается о Государе и других членах Царского семейства (*Плетнев*. Т. 3. С. 671).

Из письма Плетнева к Жуковскому 5 (17) октября 1850 г. известно, что великий князь Александр Николаевич не читал тетрадь № 2. За исключением статьи «Русская и английская политика» остальные тексты из этой тетради были отосланы в Цензурный комитет. Сделанный Шидловским разбор статей был затем направлен

в Главное Управление Цензуры. К. С. Сербинович составил комментарий к выбранным его предшественником фрагментам из сочинений Жуковского. См.:

Эту статью можно разделить на три части. Первая на стр. 205, 206, 207, 208 и 209. Она вся отчеркнута цензором, но в ней подлежат запрещению не все места.

206. Все ея (России) завоевания были предписаны ей необходимостью (исключая из этого раздел Польши, в котором виновата однако не одна Россия; внук же Екатерины не обязан отвечать за преступную ошибку своей бабки — Великой Царицы, и теперь благославляемой Русским народом. Он напротив обязан передо самим собою сохранить свое царство в той целости, в какой получил его от предков).	**Совершенно подлежит запрещению.**
208. Самодержавие (в России) вместе с нею растет, созревает и очищается, час от часу ближе подходит к своему божественному смыслу, который не есть, как говорят отрицатели власти, произвол царя и рабство народа, а слово Евангельское: всякая власть исходит от Бога.	**Исключить подчеркнутые слова. Оста<вить>: его божественный смысл есть слово Евангельское: всякая власть исходит от Бога**
209. (Самодержавие) вернее всех бумажных конституций приведет народ Русский без всех потрясений, медлительным путем к той цели, к которой все земные народы стремятся [к свободе] — а эта свобода не иное что, как личное благополучие каждого, хранимое властию, не жертвуемое призраку благоденствия общего, а его в своем итоге производящее.	**Исключить к свободе. Вместо: эта свобода сказать: эта цель**

209. Вторая часть этой статьи содержит в себе <самое трогательное> описание того, как получено было в столице первое известие о кончине Александра, как ныне Царствующий Государь Император в тот же час принес присягу на верность подданства Великому Князю Константину Павловичу. Эта часть статьи подлежит отсылке к Министру Императорского Двора.

216. Третья часть на стр. 217—223, оправдывающая действия Прусского Короля [пред Берлинским мятежом и во время самого мятежа,] должна быть признана [несвоевременною] подлежащею исключению.

В PS на стр. 224 [и 225] подлежит замечанию, что говорится о народной песне вообще. [Тут могут быть признаны излишними некоторые выражения] <Сказано в похвалу слишком много>: не все песни народные могут это заслуживать. Но сказанное о народном гимне Боже Царя Храни не подлежит сомнению.

В другом P.S. на стр. 226, 227 [сказанное] <то, что говорится>, по случаю достроения Кельнского собора, не представляет затруднения к пропуску; но едва ли можно дозволить вторую часть этого P.S. [половину], где опять рассуждение о политических действиях Прусского Короля (РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. № 289. Л. 24 об. — 26).

Главные цензурные трудности, которые предвидел Жуковский, вызывали три фрагмента: критические слова поэта в адрес Екатерины II, описание начала междуцарствия 1825 г., апология действий Фридриха-Вильгельма IV.

В черновике поэт отчеркнул на полях следующее суждение:

<…> внук же Екатерины не обязан отвечать за преступную ошибку своей бабки — великой царицы, и теперь благославляемой Русским народом (РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 37 об. — 38).

В собраниях сочинений Жуковского, выходивших в XIX в., статья печаталась без этого отрывка. Фрагмент был опубликован лишь в 1902 г. в ПСС и стал известным широкой аудитории.

В РО ИРЛИ хранится брошюра этой статьи с правкой и пометой неизвестного, в которой приведен полный текст статьи. В квадратных скобках указаны приблизительные даты ее выхода: 1848—1851 гг. Эта брошюра состоит из нескольких переплетенных страниц, без имени автора, без времени и места печати. Схожим образом печатались в 1830-е гг. для узкого, придворного круга сочинения Жуковского («Черты истории государства Российского» и «Введение в историю государства Российского»). Анонимный читатель не обратил никакого внимания на критику Екатерины II в статье. На полях напротив этого места он не оставил никакой пометы или комментария. В начале статьи читатель выделил в рамку тревожное рассуждение поэта о ситуации в Германии: отрывок, начинающийся фразой: «Ужас берет при мысли о ее будущем…» — и заканчивающийся словами: «…война необходима?» Неизвестный читатель сосредоточил все внимание на фрагментах, связанных с событиями междуцарствия 1825 г. Он последовательно выделил в рамку воспоминания поэта о получении известия о смерти Александра I, об обмороке императрицы-матери, о присяге Николая I Константину Павловичу (Письмо к графу Ш-ку // РО ИРЛИ. Р. 1. Оп. 9. № 6. Л. 7—11). В статье читатель также выделил в рамку постскриптум — размышление Жуковского в день рожденья русского императора.

В письме к Жуковскому 1 (13) октября 1851 г. Плетнев, сообщая о цензурных претензиях к каждой статье поэта, указал: «*22. К графу Ш., о происшествиях 1848 г.* Без Высочайшего разрешения не может пройти никак» (*Плетнев*. Т. 3. С. 704). При подготовке тома прозы в 1856 г. статьи Жуковского были вторично рассмотрены в Цензурном комитете. Друг поэта П. А. Вяземский составил специальную записку:

Я подписал журнал 25 ноября заседания Комитета для рассмотрения в цензурном отделе сочинений В. А. Жуковского, при этом считаю нужным сделать маленькую оговорку касательно письма Ж<уковского> Графу Ш. и особенно того места, в котором автор приводит некоторые обстоятельства сопровождавшие совершение присяги Цесаревичу Константину Павловичу. Все эти обстоятельства не совершенно согласны с теми, которые упоминались бароном Корфом, но подобные расхождения не составляют впрочем исторического противоречия. Главное дело в том, что император Николай Первый присягнул брату своему и призвал всю Россию к этой присяге. <нрзб.> им одним прежде всего совершена присяга, как по его приказанию, вместе с некоторыми лицами. Историческая и нравственная важность сего события в том и другом случае остается неприкосновенною и несомненною. В этом отношении можно сказать, что свидетельство Жуковского как добросовестного <нрзб.> зрителя события им описанного, не может подлежать сомнению и даже убедительнее всякого другого свидетельства. Государь, как действующее лицо и особенно в минуту сильного душевного движения, глубокой скорби и под воздействием разнородных чувств, мог <нрзб.> не давать себе точного отчета в частности своего действия, а впоследствии времени мог и забыть эти частности. Итак, можно предполагать и то, что как подробности и обстоятельства, о которых идет речь, относятся не до исторического события, а собственно до личности Государя, то он может быть и не счел нужным упоминать о них. Но не менее того они принадлежат потомству и показывают характер Государя в таком чистом и светлом блеске, что жаль было бы предать их забвению.

Живость Жуковского, правдивость его, живость и верность его впечатлений, невозможность отрицать достоверности его рассказа, сего живого и задушевного отголоска того, что он видел и перечувствовал в эти минуты.

Можно, если угодно, выкинуть слово автора, — что Его Величеству положительно было известно назначение его наследником престола: что и видно было из официальных актов, что Государю не безызвестно было отречение цесаревича, и что он не считал себя в праве признать его безусловно, потому, что оно не было в свое время облечено официальною формою <нрзб.>.

Во всяком случае, полагаю, что эти спорные места должны быть представлены на благоусмотрение Его Императорского Величества, который один как сын и Государь может решить вопрос: должны ли или нет сохранить во всей полноте рассказ Жуковского о минуте столь священной и достопамятной в жизни покойного Императора.

(РНБ. Ф. 236 (Данилевский Г. П.) № 184. *Вяземский П. А.* Записка о рассмотрении сочинений В. А. Жуковского в цензурном комитете. 1856).

Фрагмент статьи о первом дне междуцарствия 1825 г. воспроизводился в изданиях сочинений Жуковского. Описание и интерпретация поэтом присяги Николая Павловича Константину Павловичу трансформировали реальную историческую картину и поддерживали официальную версию этого события, изложенную М. Корфом в третьем издании (первом для широкой публики) книги «Восшествие на престол императора Николая I» (СПб., 1857).

Сравнение черновика, авторизованной копии статьи и наиболее полной ее публикации в Полном собрании сочинений 1902 г. показывает, что А. С. Архан-

гельский не включил в окончательный вариант только один фрагмент. Это запрещенное в 1850 г. цензурой рассуждение поэта об отношении между мятежниками, прусским королем и армией. После фразы, заканчивающейся словами: «…за своего законного Государя против уличного бунта?», в черновом варианте был следующий фрагмент:

> Наконец как могли не понять всей великости того самоотвержения, с каким было уступлено беспорядочной толпе торжество победы по одному повелительному слову монарха, не понять всей великости этого равнодушия к обвинительным воплям бунтовщиков, не знающих, что такое честь солдата, не понять всей самобытной силы этого повиновения и этой верности, которые, подле таких оскорбительных событий, не изменились ни в генерале, ни в солдате и теперь представляют нам восхитительное торжество дисциплины, которою столь всегда отличалась многославная прусская армия? (РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 45).

Жуковский отчеркнул этот отрывок на полях и поставил знак «V». Во фрагменте идет речь о приказе армии, который был отдан 18 марта 1848 г. Фридрихом-Вильгельмом IV, прекратить подавление внезапно вспыхнувшего восстания и отступить к дворцу. Вместе с тем приказ о выводе войска из Берлина поэт считал ошибкой и не упомянул о нем в статье.

Статья «О происшествиях 1848 года. Письмо к графу Ш-ку» тесно связана с письмами к великому князю Александру Николаевичу 1848 г. и является первым итоговым размышлением Жуковского о событиях «Весны народов», о созидательных и разрушительных силах, о значении традиции и монарха в новой политической ситуации.

В статье «О происшествиях 1848 г.», как в других письмах и статьях 1848—1850 гг., поэт противопоставляет охранительную политику революционным идеям, развивает более широкую мысль о русском особом пути развития, о России как отдельном мире, не принадлежащем ни Западу, ни Востоку. Рассуждения Жуковского о мирном внутреннем развитии России объединяют статью с текстами 1820—1830-х гг. Эти мысли сложились у поэта во многом под влиянием Н. М. Карамзина и его записки «О древней и новой России» (См.: *Шляпкин И. А.* Исторические взгляды Жуковского и 1848 г. // РНБ. Ф. 865. № 146). Отличительной чертой историософской позиции позднего Жуковского является идея о самобытном и особом пути России к воображаемой «святой Руси». Также утверждаемая поэтом «Божья правда, — как подчеркивает А. С. Немзер, — предполагает единство и смирение, отказ от любых форм своеволия, энтузиастического желания улучшить мир, то есть насильственно привести его к всеобщему счастью» (*Немзер А.* При свете Жуковского. Очерки истории русской литературы. М., 2013. С. 379).

В статье Жуковский резко противопоставляет самодержавную власть самодержавию народа. Поэт не приемлет в революционерах своеволие и анархизм, отвержение религиозно-нравственных основ, за которыми он видит насильственное вмешательство в Божий промысел. Это торжество мнимой свободы разрушает в итоге предначертанный свыше исторический путь. Символом этого профанного

пути становится Народное собрание, заседавшее в соборе св. Петра во Франкфурте. В отличие от «энтузиастов» монарх, по мысли Жуковского, обладает высокой, верующей душой и способен довериться Творцу, постичь Божественный Промысел и следовать его предначертанию. Именно поэтому в статье ключевыми становятся сюжеты о самоотвержении власти и постижении монархом «Божьей правды». Не случайно поэт искажает, идеализирует картину присяги Николая I («не замечая» в церкви других присутствовавших и видя только царя, самоотречение которого перед Богом знаменует собой подлинную нравственную и духовную свободу). Самодержавный правитель предстает своеобразным гарантом и сакральным посредником на пути государства к «небесному». В гимне «Боже, царя храни!» и достройке Кельнского собора поэт видит соединение власти и народа, прозревает величие прошлого, настоящего, будущего. Это единство истории, или осуществление под властью самодержавного монарха Божьего Промысла, ведет, как полагает Жуковский, к гармонии между «земным» и «небесным».

[1] *…слухи о завоевательных замыслах русского государя…* — 22 февраля (5 марта) 1848 г. на балу Николай I получил депешу, сообщавшую о начале революции во Франции. Согласно возникшему историческому мифу, император прервал бал фразой, сказанной им по-французски: «Седлайте коней, господа, во Франции провозглашена республика!» Позднее К. Маркс, издатель «Новой Рейнской газеты», упомянул эту легендарную фразу в № 64 от 3 августа 1848 г. 13 (25) марта 1848 г. Николай I составил манифест, опубликованный на следующий день и направленный против революционных европейских сил. Текст заканчивался фразой: «С нами Бог, разумейте, языцы, и повинуйтесь, яко с нами Бог!» По приказу императора, к западным границам России стягивалась многотысячная армия. В конце года, 25 декабря 1848 г., Мериме иронично заметил: *J'apprends le russe. Peut-être cela me servira-t-il un jour a parler aux Cosaques dans les Tuileries* — ‘Я учу русский язык. Возможно, однажды он мне пригодится, чтобы разговаривать с казаками в Тюльери’ (Цит. по: *Cadot M.* L'image de la Russie dans la vie intellectuel française (1839—1856). P., 1967. P. 511). На протяжении 1848—1850 г. Жуковский внимательно следил за европейской прессой и болезненно реагировал на появление в ней антирусских статей.

[2] *…раздел Польши ~ ошибку своей бабки ~ от предков.* — После смерти короля Августа III на польский престол был возведен при поддержке Екатерины II ее фаворит граф Станислав Понятовский (1764). Недовольство прорусской политикой Понятовского вылилось в гражданскую войну. Русские войска под командованием Н. В. Репнина, затем и А. В. Суворова подавили выступления инсургентов. Итогом Первой Польской войны (1768—1772) стало подписание по инициативе Фридриха II Прусского договора о разделе Польши между Австрией, Пруссией и Россией. Второй раздел Польши состоялся в 1793 г., третий — после Второй Польской войны — в 1795 г. Польское государство перестало существовать после того, как 14 ноября 1795 г. Станислав Понятовский сложил с себя польскую корону.

По мнению Жуковского, личная вина за польский раздел лежит исключительно на Екатерине II, однако ее внуки, Александр I и Николай I, не имеют права восста-

новить историческую справедливость, так как они несут личную ответственность за целостность и твердость унаследованного ими государства. Историческая оценка поэта восходит к рассуждению Н. М. Карамзина «Мнение русского гражданина [Письмо Александру I по поводу проекта восстановления Польши]» (1819). Ср.: «Сии земли уже были Россиею, когда митрополит Платон вручал Вам венец Мономаха <…> Вы поступили бы еще беззаконнее, если бы вздумали загладить ее несправедливость разделом самой России. <…> Екатерина ответствует Богу, ответствует Истории за свое дело; но оно сделано, и для Вас уже свято» (*Карамзин Н. М.* Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1).

[3] *…свобода, равенство, братство…* — Девиз Великой Французской революции (1789—1794). В письме к цесаревичу из Эмса 4 (16) июня 1848 г. Жуковский противопоставил известному революционному лозунгу два российских государственных, охранительных принципа — церковь и самодержавие:

> То, что теперь на западе Европы пришло в такой беспорядок, в такую запутанность и неясность [liberté, fraternité, souveraineté du peuple] при всей всеобъемлющей образованности, то у нас просто и ясно, несмотря на наше неразвитие. От этой запутанности основных начал, на которых стоит порядок, Европа может утратить свою образованность и впасть в первобытное варварство. Напротив, Россия, от ясности и простоты основных начал, может верным, хотя медленным путем дойти к истинной образованности и утвердить на ней свое благоденствие. Для нее к тому два средства: с одной стороны, развитие церкви, с другой — развитие самодержавия (С 8. Т. 8. С. 556—557).

[4] *отрицатели власти ~ слово евангельское: всякая власть исходит от Бога…* — Ср.: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие власти же власти от Бога установлены» (Рим. 13: 1). В письме из Эмса 4 (16) июня 1848 г. Жуковский, анализируя итоги «мятежа против всякого авторитета», писал к цесаревичу: «…понятие о власти державной, исходящей от Бога, уступило нелепому понятию общественного договора» (С 8. Т. 8. С. 573).

[5] *Великий князь Константин Павлович…* — Ср. с отрывком из письма к А. И. Тургеневу от 16 (28) декабря 1825 г.:

> Начну с того, что предшествовало. Ты теперь знаешь об отречении великого князя Константина Павловича, знаешь, почему нынешний император отказывался от вступления на престол и велел присягнуть Константину. Случай единственный в нашей истории: борьба двух братьев не за трон, а о пожертвовании чести и долгу троном! Междоусобие без кровопролития за добродетель. Вот что мы видели (ПЖТ. С. 204).

В статье повествование о междуцарствии состоит из трех фрагментов: 1) обстоятельства тайного отречения великого князя Константина Павловича; 2) путешествие и болезнь Александра I, молебен за здравие царя и получение известия о его смерти; 3) описание присяги великого князя Николая Павловича великому князю Константину Павловичу. Таким образом, рассказ прерывается в тот момент, когда

акт об отречении Константина Павловича не был еще широко известен и государственный кризис не стал очевидным для всех. Жуковский не включил описание поведения Николая I во время восстания на Сенатской площади 14 декабря. В этой статье поэт не создает героический образ Николая I, а показывает его как монарха, способного на самоотречение и самоограничение.

[6] *21 или 22 ноября (не помню наверное) ~ молебен за императора…* — Молебен, в течение которого было получено известие о смерти Александра I, состоялся 27 ноября 1825 г.

[7] *Теперь я должен говорить о самом себе ~ величие этой чудной минуты…* — Ср. с описанием из письма Жуковского к А. И. Тургеневу от 28 ноября 1825 г.:

> …все, кто был с ним вместе в церкви, присягнули новому императору Константину. Великий Князь вял голосом и не мог произносить явственно слов присяги; но имя Императора произнес решительным и твердым голосом. Эта минута дала ему прекрасное место в истории и в сердце Русских. Эта минута была единственно утешительная в ужасный день нашей потери. Чувство добродетельного, высокого дела есть бальзам на рану сердца. Эта минута — поступок героический — спасла настоящее и пролила утешительный свет на будущее (ПЖТ. С. 202).

На картине присяги, нарисованной Жуковским в 1848 г., присутствуют только сам поэт, великий князь, отец Криницкий. Жуковский опускает подробности, не упоминает никого, кто стоял в момент присяги рядом с Николаем I: генерал-губернатора Санкт-Петербурга графа М. А. Милорадовича, принца Евгения Вюртембергского и генерал-адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова. В этом фрагменте статьи автор предстает перед читателем свидетелем союза между церковью и самодержавием, очевидцем самоотвержения власти.

Истинный историк, по мнению Жуковского, это поэт, в поступках монарха постигающий минутные проявления Промысла. Поэт сакрализировал царские поступки начального периода правления и использовал созданный вокруг них идеальный ореол как безусловный аргумент, доказывавший правильность николаевской политики в 1848—1850 гг. Жуковский пытался постоянно обнаружить проявление великого духа и великодушной души монарха-человека — в «минутных» поступках и деяниях Николая I. (См. подробнее: *Гузаиров Т.* Жуковский — историк «великой минуты» // Труды по русской и славянской филологии. V. Новая серия. Литературоведение. Тарту, 2006. С. 80—104.)

[8] *Кавелин, Перовский или Адлерберг, я не помню…* — Адъютанты великого князя Николая Павловича: А. А. Кавелин (1793—1850), В. А. Перовский (1794—1857), В. Ф. Адлерберг (1791—1884). До присяги в большой дворцовой церкви Адлербергу было приказано принять присягу от Инженерного ведомства. Скорее всего, этим адъютантом был Кавелин, который мог передать поэту и возможно сказанные слова Николая Павловича.

[9] *«Сказать Михаилу Андреевичу Милорадовичу ~ к присяге гвардию».* — Верифицировать приведенные Жуковским слова Николая I сложно. Как известно,

М. А. Милорадович, запугавший на вечернем совещании 25 ноября Николая нелюбовью гвардии к нему и настаивавший поэтому на присяге Константину, 27 ноября во время присяги находился рядом с Николаем (см.: *Гордин Я.* Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. М., 1997. С. 15—26). Поэтому приказ Милорадовичу Николай мог отдать непосредственно сам. Однако, возможно, когда явился по приказанию вел. князя адъютант, Милорадович уже вышел из церкви. В этом случае приведенная Жуковским фраза Николая приобретала очевидный смысл. Отметим, что поэт, замалчивая и искажая факты, «вывел» из церкви Милорадовича во время присяги Николая Павловича, который, согласно видению Жуковского, ее произнес свободно, без оглядки на генерал-губернатора столицы. Поэт, знавший к 1848 г. тайные подробности междуцарствия, сознательно конструировал образ рыцаря Николая I.

[10] *…король Фридрих Вильгельм IV …обруган.* — Фридрих Вильгельм IV взошел на престол 7 июня 1840 г. (Будучи во Франкфурте Жуковский 4 июня отправил ему письмо; см. подробнее: *Фомин А.* Поэт и король или история одной дружбы. Переписка В. А. Жуковского с королем Прусским Фридрихом-Вильгельмом IV. СПб., 1913.) В статье «О происшествиях 1848 г.» поэт апеллирует к словам присяги короля. Жуковский не рассматривает поступки Фридриха Вильгельма IV, возвышающих его как монарха-человека, но одновременно унижающих как самодержавного правителя. 19 марта 1848 г. король вышел из дворца к народу и обнажил голову перед погибшими в результате столкновения с войсками, которые были выведены из Берлина вечером. Это решение Жуковский осудил в письме от 16 (28) мая 1848 г. из Франкфурта к вел. кн. Александру Николаевичу: «Я знаю наверное, что дано было войску остановить бой и сосредоточиться у дворца, а не выйти из Берлина, что это последнее было решено обезумевшим и потерявшим голову министром, который на возражение принца Прусского закричал: вы хотите даром лить кровь народную, и что это восклицание, разнесшееся по всему городу, послужило поводом заговорщикам возбудить такую всеобщую ненависть к принцу Прусскому» (С 8. Т. 6. С. 551). В черновике статьи Жуковский возмущается отношением мятежного народа как к прусской армии, так и к принцу: «Как мог он эту армию, (а вместе с нею этого благородного Принца Прусского), покрытых…» (РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 45). Фраза о прусском принце в окончательном варианте статьи отсутствует.

[11] *Радовиц, верный поверенный …* — Друг Жуковского, генерал и государственный деятель Иосиф фон Радовиц (подробнее см. коммент. к ст. «Иосиф Радовиц»). Ср. с черновым вариантом: «…Радовиц, верный поверенный его мыслей и желаний, один, их вполне постигший [*и теперь также неузнанный, также неправедно судимый*]…» Зачеркнутые слова *подчеркнуты*, на полях сделан карандашом росчерк (РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 42).

[12] *…все, чего так давно требовала Германия …* — 18 марта 1848 г. Фридрих Вильгельм IV подписал указ об отмене цензуры и о созыве второго Соединенного ландтага. 21 марта 1848 г. был вынужден выступить с прокламацией «Моему народу и германской нации». Король, назвав себя конституционным монархом, обещал возглавить национальное движение по объединению Германии (см. подробнее: Евро-

пейские революции 1848 года: «Принцип национальности» в политике и идеологии / Под ред. В. Н. Виноградова. М., 2001. С. 55—63). В письме от 3 (15) декабря 1848 г. — 19 (31) января 1849 г. Жуковский поделился с вел. кн. Александром Николаевичем мнением об объединении Германии:

> Прежний Германский союз был этот мертвый труп. Прусский король (вы читали брошюру Радовица, Deutschland und F. W. der IV, которую я послал вам) хотел вдохнуть в него жизнь; сила обстоятельств и его собственная нерешительность помешали ему исполнить это святое намерение. От скольких бедствий избавилась бы Германия, если бы он во время одолел препятствия! Но, может быть, именно эти бедствия и были нужны для блага в смысле Божием (С 8. Т. 6. С. 581).

[13] *…уничтожить … основании*…* — В примечании (*) Жуковский отсылает к народному протесту против уплаты налогов. Эти обстоятельства могли стать известны поэту благодаря И. Радовицу. Мятежники, как писал Жуковский к цесаревичу в декабре 1848 г. — начале 1849 г., «имели время только для безумного, преступного поступка в минуту бешеного ослепления, а не трезвого действия; и они в этом протесте подписали собственный смертный приговор» (С 8. Т. 6. С. 570). В статье Жуковский, анализируя взаимоотношения между германскими государями и народом, осуждает проявление народного самовластия и отрицает право на мятеж. (Это право было зафиксировано в «Декларации независимости» США в 1776 г. и во французской «Декларации прав и свобод человека и гражданина» в 1789 г.). В письме от 4 (16) июня 1848 г. из Эмса поэт писал к вел. кн. Александру Николаевичу: «…мятеж всегда был признаваем за преступление, никогда не проповедовалось право мятежа, ибо такое право также существовать не может, как право самовластия. И если мы видим, что мятеж всегда производится злоупотреблением власти, то последнее его не оправдывает» (С 8. Т. 6. С. 556). В примечании к статье поэт также возлагает вину за возникновение мятежа на германских государей и правительство, за их «неисполнение обещанного», отсутствие заботы о народном благе. Эта мысль была отчетливо сформулирована Жуковским в статье «Бывают смутные времена», подготовленной для журнала «Собиратель» (см. в наст. изд.).

[14] *Все читали Радовица…* — Имеется в виду книга И. Радовица «Deutschland und Friedrich-Wilhelm IV» (Hamburg, 1848). 16 (28) мая 1848 г. Жуковский писал вел. кн. Александру Николаевичу: «Пользуюсь случаем, чтобы переслать к вашему императорскому высочеству брошюру, на сих днях вышедшую из печати. Она написана Радовицем. Это первый голос, раздавшийся в пользу несчастного короля Прусского, посреди Германии, осыпающей его гнусными ругательствами» (С 8. Т. 6. С. 551).

[15] *…благодушного Фридриха Вильгельма III…* — Жуковский имеет в виду вступление Пруссии в антинаполеоновскую коалицию. 17 марта 1813 г. Фридрих Вильгельм III (1770—1840) обратился с воззванием к народу, а 19 марта был заключен союзнический договор с Россией.

[16] *…день рождения нашего императора…* — День рождения Николая I приходится на 25 июня (по ст. стилю) 1796 г. Охранительная позиция Николая олице-

творяла для Жуковского воплощение им упоминаемых в текстах 1848—1850-х гг. политических принципов идеального монарха — умеренности и порядка. Поэт видит в царе защитника России и ее особого пути к идеальной Святой Руси. Еще 5 марта 1848 г. Жуковский писал наследнику престола:

> А наша святая Россия? <…> Ход Европы не наш ход. <…> В этой отдельной самобытности вся сила Россия. Она — представитель чистого патриархального монархизма. Самодержавие в его полном благотворном развитии есть ея доля, самодержавие без всякой примеси произвола. Да утвердит его Бог в руке царя! (С 8. Т. 6. С. 543).

[17] *Боже, царя храни!* — государственный гимн Российской империи (1833—1917), слова к которому написал В. А. Жуковский (см. подробнее: *Киселева Л. Н.* Карамзинисты — творцы официальной идеологии (заметки о российском гимне) // Тыняновский сборник. Шестые — Седьмые — Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 24—39). В статье «О происшествиях 1848 г.» Жуковский не упоминает о своем авторстве гимна. Как полагает А. С. Немзер, истинная поэзия, по мнению поэта, «внеличностна, ибо она есть подражание Творцу, откровение, <…> выражение общечеловеческого чувства» (*Немзер А.* При свете Жуковского. Очерки истории русской литературы. М., 2013. С. 379).

[18] *…коммунистическим процессом…* — 21 февраля 1848 г. в Лондоне был опубликован «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Фр. Энгельса. В конце марта Маркс и Энгельс формулирует «Требования коммунистической партии Германии» (первый пункт — «Вся Германия объявляется единой, неделимой республикой»). 6 апреля в Берлине состоялось большое рабочее собрание под председательством наборщика Борна, впоследствии председателя Берлинского центрального комитета рабочих и основателя газеты «Народ» (начала выходить с 1 июня). В других немецких городах образовывались политические организации рабочих. В «Новой Рейнской газете» Маркс и Энгельс призывали Национальное собрание во Франкфурте объявить революционную войну Пруссии, Австрии, России.

Отношение Жуковского к коммунизму было однозначно и устойчиво отрицательным. См., напр., отрывок из письма поэта к вел. кн. Александру Николаевичу, опубликованный 12 марта 1848 г. в виде статьи под названием «Письмо Русского из Франкфурта»:

> Коммунизм поднял свою голову, или, лучше сказать, свои тысячи голов, которые в виде коммунистических клубов зияют и ревут по всей Франции: а что они ревут? *Твое, теперь мое*. Это текст их всех проповедей. Что из этого будет? Отрезвит ли это Германию? И надеяться невозможно. Опьянение слишком сильное и всеобщее; возмутители всюду и во всех пунктах, и тайно и явно действующие, не дают образумиться; книгопечатание действует свободно везде, и в Германии начнутся клубы, а власть хранительная и обуздательная парализована. Германия падает (подробнее см. наст. изд.).

Позднее, анализируя ситуацию в Германии и критикуя избранное Народное собрание, Жуковский видит в парламентаризме как разрушителе самодержавной власти опасность коммунизма:

> Но немцы…Что сказать об этом парламенте с его единством или единицею Германии, производимою из нулей? Хотят Германии без государств германских, без истории, без народной личности, без народной славы, без любви к родине, без исторического благоприобретенного богатства. Не чистый ли это коммунизм? Не то же ли это, что уничтожение собственности, семейства, личности, чудовищное произведение больных конвульсивных умствований нашего века? (С 8. Т. 6. С. 588).

[19] *…Кельнского праздника…* — Возведение Кельнского собора началось в 1248 г. В 1842 г. Фридрих Вильгельм IV дал задание завершить достройку собора по первоначальному плану и 4 сентября на торжественной церемонии заложил камень. В Кельне 14—16 августа 1848 г. были устроены торжества по случаю 600-летней годовщины основания собора, был освящен южный боковой неф. (О политическом значении этих торжеств см.: *Depkat, Volker*. Das Kölner Dombaufest von 1848 und die politische Mehrdeutigkeit des deutschen Nationalismus // Kölner Domblatt. NF. 69. 2004. S. 101—144.)

Первые свои размышления о Кельнском празднике Жуковский зафиксировал в черновой записной книжке. Печатный источник поэта о торжествах — «Kölnisher Zeitung». См.: «В предисловии к своему описанию Кельнская газета говорит…» (РНБ. Оп. 1. № 66. Л. 8). В немецкой первопубликации имеется указание на кельнскую газету. В окончательном варианте статьи указание на газету (Кельнская) отсутствует. 16 августа 1848 г. «Kölnisher Zeitung» (№ 229) опубликовала трехдневную программу праздника. В записной книжке поэта рассуждение о Кельнском празднике обрывается на фразе, которая характеризовала, с его точки зрения, программу Народного собрания: «…мы составим одного общего, живого человека» (РНБ. Оп. 1. № 66. Л. 9). Перед своими размышлениями Жуковский поставил знак P. S., возможно, это был постскриптум к другому отрывку из записной книжки: «Наш век есть век исстребления. Им владычествует уровень, который все сдавливает в одну плоскость: Равенство, Братство [царствующие призраки] ходячие мертвецы, которые должны покорить все живое» (РНБ. Оп. 1. № 66. Л. 6).

[20] *…политического храма Германии во Франкфурте* — 18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майне в соборе св. Павла открылось общегерманское Национальное собрание, главная цель которого заключалась в решении вопроса об объединении Германии. Ср. оценку Жуковского из письма к вел. кн. Александру Николаевичу от 3 (15) декабря 1848 г. — 19 (31) января 1849 г.:

> Чем кончится франкфуртская болтовня! Die Grundrechte написаны и многими уже правительствами приняты. А он чистый хаос. Наконец, определено над этою новою единицею из нулей, над этою новою несбыточною Германиею быть главою императору. Но какому? Не наследственному, не на всю жизнь, не на определенные годы. Какому же? Кто разберет! <…> Что все это обещает? Общее отрезвление, то есть восстановление монархии (С 8. Т. 6. С. 583).

[21] *Фридрих-Вильгельм IV ~ руку эрцгерцогу Иоанну Австрийскому.* — Одной из проблем, препятствовавших объединению Германии, были австро-прусские конфликты. В жесте прусского короля Жуковский видит символ союза между правителями и доказательство личной, независимой от парламента заинтересованности Фридриха-Вильгельма IV в объединительной политике. Здесь важно учитывать, что 29 июня 1848 г. Франкфуртское национальное собрание избрало австрийского эрцгерцога Иоанна *Reichsverweser*'ом, временным «блюстителем империи». В 1849 г. парламент, разочаровавшийся в политике эрцгерцога, низложил его.

[22] *Пруссия ~ Либетрут…* — Фридрих Либетрут (Friedrich Liebetrut, 1799—1887) — немецкий пастор и писатель. В библиотеке В. А. Жуковского упомянутая в статье книга «Пруссия и ее король» («Preußen und sein König»; Berlin, 1848) отсутствует.

[23] *Когда оглянемся на первую революцию Франции…* — Ср. с оценкой Жуковского в письме к вел. кн. Александру Николаевичу 29 января 1849 г. из Баден-Бадена:

> И теперь, по прошествии 50-ти бурных лет, возвращаются к тому же? Нет, не к тому же. <…> Теперь никто не верит той свободе, тому равенству, тому общему благу, той любви к человечеству, за которые тогда искренно заблужденные отдавали жизнь <…> При этом совершенном недостатке энтузиазма и веры в революцию, Французская республика устоит не долго (С 8. Т. 6. С. 588).

Об отношении поэта к Великой французской революции, изучении ее истории и осмыслении поэтом ее политического значения см. подробнее: *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский и Великая французская революция // Великая французская революция и русская литература / Под ред. Г. М. Фридлендера. Л., 1990. С. 106—141.

Т. Гузаиров

Энтузиазм и энтузиасты

(«Когда наиболее являются энтузиасты?..»)
(С. 431)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) РНБ. Оп. 1. № 71. Л. 116—118 — заглавие «Энтузиазм и энтузиасты» рукою Жуковского на особом титульном листе.

2) РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 77—78 — авторизованная.

Впервые: С 5. Т. 11. С. 117—122.

Републикация: ПСС. Т. 10. С. 137—138.

Датируется: между 1848 и первой половиной 1850 гг.

Известные копии статьи находятся среди других прозаических произведений Жуковского 1848—1850 г., предназначенных для задуманного им тома прозы. В письме П. А. Плетнева к Жуковскому от 1 (13) октября 1851 г. по поводу прохождения рукописи этого собрания через цензуру она находится под № 27 после статьи

«О смертной казни» и перед биографическим очерком «Иосиф Радовиц». Других сведений о времени ее написания и прижизненных публикациях не обнаружено. Ее содержание, связанное с вопросами власти и революционного фанатизма, органично вписывается в общую проблематику таких статей поэта, как «Письмо к графу Ш-ку о происшествиях 1848 г.», «Самоотвержение власти», «Что будет?» и др., писем к великому князю Александру Николаевичу о событиях революции 1848 г.

Эпоха формирования творческой индивидуальности Жуковского неразрывно связана с атмосферой обновления понятия энтузиазма. На смену энтузиазму эпохи Великой французской революции и немецкого штюрмерства приходит эстетический энтузиазм, связанный прежде всего с именем Шиллера. Атмосфера Дружеского литературного общества и деятельность его идейного лидера Андрея Тургенева была пронизана духом шиллеровской оды «К радости» с ее концепцией духовного братства и высокой поэзии. Так, в своей речи 16 февраля 1801 г. А. Тургенев заявляет:

> Друзья! Благословим этот священный энтузиазм, который нас согревает, предадимся ему; пусть радость будет для нас материею всех добродетелей. Пусть благородный святой энтузиазм юности будет их душою, их пищею…
>
> (*Резанов*. Вып. 2. С. 136)

Осмысляя в 1805—1806 г., уже после смерти Андрея Тургенева, уроки Дружеского литературного общества, В. А. Жуковский в письмах к Александру Тургеневу подчеркивает значение этого «ребяческого энтузиазма», говорит о том, что «весь энтузиазм к доброму, все благородное, что имею, все, все лучшее во мне должно принадлежать ему [Андрею Тургеневу]» (ПЖТ. С. 14, 17), и акцентирует связь энтузиазма с литературными и этико-философскими исканиями того времени. И вновь образы Шиллера, речь Карла Моора, смотрящего на «ясное заходящее солнце», определяют атмосферу рефлексии первого русского романтика.

Стремясь стать «энтузиастом по рассудку», Жуковский просит Александра Тургенева прислать ему «что-нибудь хорошее в немецкой философии», ибо она «возвышает душу, делая ее деятельнее: она больше возбуждает энтузиазм». «Итак, — резюмирует Жуковский, — пришли мне какого-нибудь Немца-энтузиаста…» (Там же. С. 22). И далее, конкретизируя свои пристрастия и увлечения, добавляет: «Если есть *Schiller's kleine prosaische Schriften*, присылай!» (Там же).

Круг чтения Жуковского этого времени позволяет говорить, что новым импульсом его энтузиазма, эстетического по своему характеру, становятся статья «О возвышенном», «Письма об эстетическом воспитании человека», трактат «О наивной и сентиментальной поэзии» Шиллера. Конспекты и статьи Жуковского 1805—1810 г., особенно касающиеся проблем лирической поэзии, буквально пронизаны словообразом «энтузиазм». Вот лишь несколько примеров:

> «*Энтузиазм* и восторг есть больше страдательное ее [поэзии] состояние, в котором всё наружное на нее сильно действует»; «Всякий поэт должен быть другом, *энтузиастом* добродетели»; «*Энтузиазм* его [лирического поэта древних] не есть

мнимый энтузиазм лириков нашего времени»; «Одно из главных затруднений сего рода поэзии [лирики] состоит в том, что он требует непременно *энтузиазма*, огня воображения»; «*Энтузиазм* есть чувство сильное, живое любви, радости, негодования, удивления, горести, производимое какою бы то ни было идеею»; «Каждый истинный артист имеет свой собственный и приличный изображаемым предметам *энтузиазм*»; «*Энтузиазм* есть совершенный обман, которому душа предается. Если положение сильно, *энтузиазм* пылок, если оно сладостно, *энтузиазм* тих и покоен»; «Имя Пиндара есть синоним энтузиазма» (ПССиП. Т. 12. С. 27, 30, 73—74, 91, 92—93, 98. Курсив мой. — *А. Я.*).

Энтузиазм Шиллера в русском эстетическом сознании органично соотносился с этико-философской системой немецкого романтизма. В своих «Фрагментах» Новалис заметил: «Культура энтузиазма. Возбуждение энтузиазма необходимо для воспитания (Bildung) и сосредоточенности сердца и чувств» (Novalis. Schriften. Bd 3. Stuttgart, 1962. S. 567). Еще в самом начале века, 14 марта 1801 г., Фридрих Шлегель в одном из тезисов, предложенных Иенскому университету, четко сформулировал идею связи энтузиазма и воспитания, просвещения. «Энтузиазм, — писал он, — есть принцип искусства и науки». Свою вступительную лекцию в этом университете он назвал «Об энтузиазме или о мечтательности» (см.: *Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 62), тем самым включив понятие энтузиазма в комплекс романтических ценностей и эстетического воспитания.

Одним словом, в лексиконе и мироощущении раннего Жуковского энтузиазм — это символ высокого вдохновения, «материя всех добродетелей», источник лирической поэзии. Но дальнейшее развитие поэта, его активное вхождение в общественно-социальную жизнь внесло существенные коррективы в понимание энтузиазма. Уже в 1814 г., в самый разгар драматических событий, связанных с историей любви к Маше Протасовой, Жуковский связывает понятие энтузиазма с фанатизмом, с отсутствием подлинной доброты. «Авд <отья> Ник <олаевна> Арбенева <…> женщина очень умная, но, как теперь слишком поздно для меня открылось, более энтузиаст, нежели чувствительная и добрая…»; «Монахи, энтузиасты, самолюбие сделали против меня союз», — так в письмах к А. И. Тургеневу он наделяет энтузиазм и энтузиастов пейоративными коннотациями (ПЖТ. С. 111, 114). Однако это разочарование в бытовом энтузиазме еще не вытесняет в его сознании творческого энтузиазма. Так, в своей педагогической деятельности, в должности учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны он видит «много пищи для энтузиазма» (Там же. С. 178).

Более сложно Жуковский относился ко всем видам политического энтузиазма, видя в нем черты фанатизма, анархизма и экстремизма. События революции 1848 г., свидетелем которых оказался поэт, актуализировали эту проблему в его публицистике и вызвали к жизни статью «Энтузиазм и энтузиасты». Подробнее об этом см.: *Янушкевич А. С.* Своеобразие русского энтузиазма как ключевого слова культуры // «Точка, распространяющаяся на всё…»: К 90-летию проф. Ю. Н. Чумакова. Новосибирск, 2012. С. 547—569.

В 1896 г. журнал РА (1896. № 3. С. 456—457) в разделе «Из бумаг В. А. Жуковского» опубликовал текст под заглавием «Об энтузиастах» со следующим примечанием издателя (П. Бартенева): «С чернового листка. Писано, судя по содержанию и почерку, в самом начале царствования Николая Павловича. Заглавия в подлиннике нет. П. Б.». А. Н. Веселовский высказал предположение о связи этого текста с событиями 1825 г. (Веселовский. С. 371). Вот как он выглядит:

Об энтузиастах

Когда являются энтузиасты? Во времена смутные, во времена междоусобий гражданских, религиозных, нравственных, политических. Что производит их? Или не существование правительства, или худое правительство. В хорошем правительстве заключается нравственность народа, долг коего согласен с тем, что есть; всё для нас ясно, мы с собою не в разладе, и все наши правила входят естественно в одно: сохранение существующего порядка. При дурном правительстве всё теряет свою ясность, нет целого; наша особенная нравственность в противоречии с нравственностью империи. В такое время энтузиасту, движимому одною своею пылкостью, легко отделить себя от общего и, не видя хорошего существенного, создать себе химерическое: каждый творит только для себя свою совесть, действует для одной только собственной идеи и ей всё подчиняет.

Государям одно средство: или предупредить или потушить мятеж, угадав, чего требует век и, не потрясая старого, исправить его необходимым новым. Государи не должны отставать от своего времени, или они будут необходимо с ним в раздоре; тогда, желая насильно остановить его или возвратить к себе вспять, сами будут увлечены его силою и утратят свое могущество именно тем, что окажут свое бессилие в борьбе с таким великаном.

Государь — друг свободы; подданные — друзья повиновения; сумма — порядок, следственно, благоденствие.

Могут ли быть энтузиасты эгоизма? Так же точно, как энтузиасты добродетели. Чем живет энтузиазм? Чувством энергии. Что сильно, то кажется великим. Для одного ничем не щадить для собственной выгоды — такая же святыня, как для другого всем жертвовать общему благу. И тот и другой — враги порядка. Первый тем, что хочет явно его разрушить для себя и более не для чего, второй тем, что хочет уничтожить его для своего лучшего, которому жертвует всем существующим. Кто дерзает на настоящее верное зло для будущего неверного блага, тот — злодей.

Отчего бывают злодеи с хорошими намерениями? От недостатка ясных, положительных правил нравственности. Мы затемняем их умствованиями и теряемся в метафизическом их изъяснении. Существует общая нравственность, то есть законы, религия и просвещение: тогда и частная непоколебима; ее хранит общее мнение. Что теперь нужно? Приобретение любви народа успокоением семейств (милосердие), устранением некоторых главных отягощений прежнего царствования, уменьшением армии, обращением деятельности на внутренность, дарованием силы законам, уважением мест правительства, заботами о просвещении, возвышением личности всех, в особенности военных, облегчением судьбы солдата, выбором уважаемых людей. Для Государя: общий взгляд на всё, несколько твердых государственных

правил, деятельность внутри, мирное и не слишком заботливое влияние на внешность; деятельность для исполнителей.

Когда благодетелен энтузиазм? Когда он есть пламенная любовь к общему благу, соединенная с ясностью положительных правил нравственности, признанных веками за необходимые для порядка общественного.

Не имея возможности ознакомиться с автографом этой публикации в РА, трудно говорить о его датировке и связи с событиями 1825 г., хотя ответ на вопрос: «Что теперь нужно?» — вызывает такие ассоциации. Вряд ли возможно было опубликовать этот черновой набросок при жизни Жуковского. Возможно, он ждал своего часа. Очевидна глубинная связь и прямые переклички этого текста с копиями статьи 1848 г., получившей авторское заглавие «Энтузиазм и энтузиасты». В свете революционных событий 1848 г. статья обретала новый смысл.

А. Янушкевич

ОТРЫВКИ

А в т о г р а ф неизвестен.
К о п и и:
1) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1—5 — авторизованная писарская.
2) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39 — авторизованная писарская.
При жизни Жуковского не были опубликованы.
В п е р в ы е: ЖМНП (частично), С 5 (частично), С 7 (частично), ПСС (полностью).
Д а т и р у ю т с я: июль 1844 — 1849 г.

Творческая история цикла «Отрывки» тесно связана с важнейшим для Жуковского 1840-х гг. замыслом создания итогового сборника прозы, в котором должны были найти прямое выражение его религиозные, философские, политические, эстетические и педагогические взгляды. Реализация этого замысла прошла через несколько этапов. Первым из них, несомненно, является работа над циклом «Мысли и замечания» (июль 1844 — март 1847), в процессе которой Жуковский создал 57 прозаических фрагментов, зафиксированных в рукописях (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 50 и № 51). См. подробнее: ПССиП. Т. 13. С. 550—551). В это же время были созданы и другие отрывки, не входящие в цикл «Мысли и замечания» и находящиеся в различных рукописных собраниях: три фрагмента (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 62. Л. 2—7, датированные 14 (26) декабря 1846 г. и 9 января 1847 г.); четыре фрагмента (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 50. Л. 2—4); восемь фрагментов (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 56. Л. 3—4). Избранный Жуковским жанр, именуемый по-французски fragments, extraits, pensées, имел богатую традицию и в зарубежной, и в отечественной литературе и мог бы стать самодостаточной формой для осуществления творческого замысла, но поэт решил не ограничиваться его рамками.

С начала 1847 г. у Жуковского появляется новая идея — написать свою итоговую книгу прозы в виде писем к Н. В. Гоголю по поводу «Выбранных мест из перепи-

ски с друзьями» (Переписка Гоголя. Т. I. С. 216). Однако от прежней мысли создать цикл отрывков поэт тоже не отказывается и, по-видимому, стремится соединить оба замысла. По крайней мере, именно так можно интерпретировать планы, находящиеся в его рабочей тетради 1847 г.:

апрель

Переписывать Рустема. Перевод Иосифа.
Письма к Гоголю.
Чтение книги Гоголя.

май

Письма к Гоголю.
Чтение Lépreux.

Июнь

Вечный жид» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 77. Л. 34).
«Задачи для писем
---------- для записок
Планы.
Письмо к В.[яземскому] Радовиц. Студенты и цензура. Коммунизм. Реформы. <1 нрзб.>
Неведующий философ.
Человек — нет, Бог — да.
Книгопечатание.
Цензура. Публичность.
Меч, крест, скипетр, пер. Оп.
Эпилог (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 77. Л. 35).

Судя по этим наброскам, Жуковский в 1847 г. рассчитывал в будущем своем прозаическом произведении сделать два раздела — «письма» (сюда бы вошли письма Гоголю и, наверное, Вяземскому) и «записки»[1] (сюда бы вошли отрывки). В этом отношении показательна надпись на переплете рабочей тетради (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 51): «№ 2. Записки. Мысли и замечания. Грамматика. Воспитание». Осуществлению этого плана помешала обострившаяся болезнь жены, начавшаяся нестабильность в Европе и совпавшая с ней интенсивная работа над второй частью «Одиссеи».

Жуковский возвращается к своему замыслу только в октябре 1849 г., когда сообщает П. А. Плетневу: «С поэзией пора проститься; надобно приниматься за прозу. У меня есть довольно написано философических отрывков: они могут составить толстый том, и еще многое хочется написать. На это может быть употреблена нынешняя зима, если только Бог даст здоровья» (*Плетнев*. Т. 3. С. 617).

Зимой 1849—1850 гг. замысел обретает новую и уже окончательную форму — поэт решает издать итоговую книгу прозы в виде 10-го тома Полного собрания

своих сочинений, девять первых томов которого были уже отпечатаны и лежали на складе в Петербурге, ожидая распоряжения пустить их в продажу. «Весь этот том будет проза (Там же. С. 644), — поясняет Жуковский свою идею П. А. Плетневу. — Проза выступила теперь вперед; многое множество планов в голове, и если их исполню, то это будет мое лучшее» (Там же. С. 649). Задуманный том-сборник Жуковский хотел сделать опытом «чистого изложения мыслей и убеждений, собранных в течение жизни» (Там же. С. 687), предсмертным подведением итогов своего духовного пути, а потому решил включить в него и статьи 1840-х гг., и письма к Гоголю, и отрывки.

Готовя уже написанные отрывки к помещению в этот том, Жуковский редактирует их и тщательно продумывает их порядок. Следы этой работы сохранились в рукописи (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1—5). Она представляет собой пять рабочих тетрадей, состоящих из сдвоенных листов формата in-4, завернутых в синюю обложку. В рукописи прослеживается три слоя текста: 1) текст отрывков, переписанный рукою В. Кальянова черными чернилами; 2) первоначальная правка этого текста рукою Жуковского карандашом; 3) окончательная правка этого текста рукою Жуковского чернилами. В дальнейшем текст должен был быть переписан Кальяновым начисто: здесь же, на страницах тетрадей, Жуковский дает указания, как именно это сделать. Каждый сдвоенный листок, подлежащий переписыванию, он обозначает латинской литерой от A до L с цифровым индексом. Следуя алфавитному порядку литер, Кальянов должен был переписать их в новые тетради. «NB. Когда одна статья кончается на странице, следует переходить на другую» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1. Л. 44), «каждую букву на новую страницу», «отделить статьи звездочками» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/2. Л. II), — наставляет Жуковский своего писца.

Большая часть отрывков (см.: Бумаги Жуковского. С. 138—140) заимствованы из цикла «Мысли и замечания», возле них стоят номера, соответствующие номерам отрывков этого цикла из рукописей (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 50, 51). Но некоторые снабженные номерами отрывки в цикле «Мысли и замечания» отсутствуют. Это позволяет предположить, что Кальянов переписывал их не с тетрадей (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 50, 51), а с какой-то не сохранившейся до нас рукописи. Новым по сравнению с «Мыслями и замечаниями» становится и то, что Жуковский распределяет отрывки по пяти разделам — «Философия» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1), «Что такое воспитание?» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/2), «Об изящном искусстве» (РНБ.. Ф. 286. Оп. 1. № 70/3), «Христианская философия» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/4), «Исключенное и переписанное» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/5).

Дальнейшую работу Жуковского над 10-м томом можно проследить по рукописи РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39 (копия рукою Кальянова с небольшой, сравнительно с РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70, правкой Жуковского). Судя по ней, состав тома должен был стать таким:

1—3) Письма к Гоголю; 4) О приведениях; 5) О меланхолии в жизни и поэзии; 6) Письмо к графу Ш….ку; 7) Письмо к Кн. Вяземскому; 8) Две сцены из «Фауста»; 9—10) О внутренней христианской жизни; 11) Энтузиазм и энтузиасты; 12) Что

будет; 13) О смертной казни; 14) Отрывки: 1. Христианская философия (состав совпадает с составом этого раздела в ПСС); 15) Отрывки: 2. Философия (состав совпадает с составом этого раздела в ПСС, но в отличие от ПСС отрывки не имеют заглавий, а последний абзац «Веры и знания» представляет из себя отдельный отрывок); 16) Отрывки: 3. Воспитание (состав совпадает с составом этого раздела ПСС, но если в ПСС отрывки объединены в одну статью под названием «Что такое воспитание?», то здесь названия нет, и разделение на отрывки сохранено); 17) Отрывки: 4. Искусство (состав совпадает с составом этого раздела в ПСС, но если в ПСС отрывки объединены в одну статью под названием «Об изящном искусстве», то здесь названия нет, и разделение на отрывки сохранено).

Как видим, материалы из первых четырех тетрадей (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70), по замыслу Жуковского, должны были составить особый, завершающий раздел тома, озаглавленный «Отрывки», материалы же пятой тетради Жуковский совсем не включает в состав тома.

Был ли зафиксированный в РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39 состав тома окончательным? На данный вопрос можно было бы ответить, сравнив его с рукописью 10-го тома, отправленной Жуковским в июне 1850 г. из Германии в Петербург, для передачи в цензуру через П. А. Плетнева. Но сложность в том, что такой рукописи пока не выявлено. Поэтому для решения этой проблемы приходится пользоваться данными переписки Жуковского с П. А. Плетневым и материалами из архивов цензурных комитетов.

В письме от 1 (13) октября 1851 г. Плетнев перечисляет состав пересланных ему Жуковским рукописей 10-го тома следующим образом:

1. «Русская и английская политика»; 2. «Философический язык»; 3. «Аксиомы»; 4. «Истина»; 5. «Наука»; 6. «О меланхолии в жизни и поэзии»; 7. «Письма к Гоголю» («О смерти», «О молитве», «Слова поэта — дела поэта»); 8. «Две сцены из «Фауста»»; 9. «Нечто о привидениях»; 10. «Воспоминание»; 11. «Идея бытия»; 12. «Свобода»; <13. «Твердость и упрямство»; 14. «Благотворение»; 15. «Несчастие»; 16. «Надежда»; 17. «Случай» >; 18. «История и историческая живопись»; 19. «Что такое воспитание?»; 20. «Искусство»; 21. «Что будет? Писано в январе 1848 г.»; 22. «К графу Ш., о происшествиях 1848 г.»; 23. «Письмо к кн. П. А. Вяземскому об его стихотворении "Святая Русь"»; 24. «О смертной казни»; 25. «Теория и практика»; 26. «Энтузиазм и энтузиасты»; 27. «Иосиф Радовиц»; 28. «О внутренней христианской жизни»; 29. «Промысл, Испытание» и проч.; 30. «Закон, Грех»; 31. «Плоть, Дух»; 32. «Вера»; 33. «Причащение Св. Таин».

(*Плетнев*. Т. 3. С. 703 — 704). Названия отрывков, помещенных в угловые скобки, П. А. Плетневым не приводятся, он пишет просто: «Свобода, равно и последующие за нею пять статей». Приводим их названия по рукописи РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70-1. Л. 34—40.

Как видим, от рукописи (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39) список Плетнева отличается наличием двух статей («О русской и английской политике» и «Иосиф Радовиц»).

Отличается он от нее и последовательностью расположения статей и отрывков. На последнее обстоятельство можно не обращать внимания, так как Плетнев перечисляет их в том порядке, который сложился при рассмотрении цензурой, но бросается в глаза то, что в списке Плетнева явно отсутствует деление «Отрывков» на четыре раздела: «Христианская философия», «Философия», «Воспитание» и «Искусство», имевшееся в рукописи.

Поэтому можно считать, что рукопись с добавлением туда статей «О русской и английской политике» и «Иосиф Радовиц», достаточно полно отражает авторскую волю Жуковского В то же время нужно учитывать, что если бы цензурная судьба тома сложилась более благополучно, его состав мог подвергнуться изменениям в процессе дальнейшей подготовки к печати. Поэт корректировал его буквально на ходу: так, уже отправив Плетневу рукопись, он посылает вдогонку письмо с просьбой убрать из нее отрывок, начинающийся словами «То, что мы называем верою в обыкновенном, низшем смысле…» (*Плетнев*. Т. 3. С. 673).

Пересылая подготовленные для 10-го тома материалы, Жуковский распределил их на три тетради. В первую он поместил статью «Русская и английская политика». Эту тетрадь по просьбе поэта П. А. Плетнев должен был передать на рассмотрение цесаревичу Александру Николаевичу, т. к. для публикации содержащихся в ней рассуждений о внешней политике требовалось высочайшее разрешение. Статья «О внутренней христианской жизни», а также некоторые отрывки (перечисленные П. А. Плетневым под № 29—33) были помещены в третью тетрадь и 18 июля 1850 г. направлены в духовную цензуру (РГИА Ф. 777. Оп. 2 (1850 г.). № 128. Л. 1—2). Все остальные материалы были помещены во вторую тетрадь и переданы в Санкт-Петербургский цензурный комитет. В отсутствие попечителя Санкт-Петербургского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина обязанности председателя Санкт-Петербургского цензурного комитета выполнял П. А. Плетнев (по должности ректора Петербургского университета), что, казалось бы, должно было благоприятствовать успеху. Но и Плетнев не мог действовать иначе как официальным порядком. Он передал вторую тетрадь Жуковского на цензурирование члену комитета Ю. Е. Шидловскому.

22 августа 1850 г. Шидловский представил свое заключение (РГИА Ф. 772. Оп. 1 (1850 г.). №. 2468. Л. 2—3 об.), в котором предлагал часть рукописи Жуковского направить на рассмотрение Придворной цензуры, часть — на рассмотрение Духовной цензуры, а часть — в вышестоящий орган, в Главное управление цензуры (*Плетнев*. Т. 3. 681—682).Таким образом, он избрал типичную для того времени тактику (см.: *Котович А*. Духовная цензура в России в XIX веке. СПб., 1909), когда цензоры старались избавиться от спорных дел, переложив их на плечи друг друга и избежать риска принятия неверного решения, за которое можно было поплатиться местом. Плетневу не оставалось ничего другого, как в надежде обойти возникшее препятствие отправить в Главное управление всю рукопись целиком.

Члены Управления оказались в затруднительном положении. С одной стороны, строгая цензурная политика «мрачного семилетия» (1848—1855) подсказывала отрицательное решение, с другой стороны, авторитет и придворные связи Жуков-

ского делали простой отказ ему невозможным. В этой ситуации они пошли тем же проверенным путем перекладывания ответственности, что и Шидловский: постановили исследовать вопрос глубже, а для того составить особую записку, на основе которой Главное управление могло бы принять окончательное решение. Обязанность эта была возложена на председателя Санкт-Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусина-Пушкина, а он перепоручил ее своему подчиненному — все тому же Ю. Е. Шидловскому: неприятная необходимость цензурировать небезопасную рукопись бумерангом вернулась к нему.

Шидловский, по выражению П. А. Плетнева, «потел, потел — и написал разбор в 20-ть листов» (*Плетнев*. Т. 3. С. 682). Выводы его были прежними: он предлагал часть рукописи передать на рассмотрение Министра императорского двора, часть — на усмотрение Духовной цензуры, а по поводу остальной части заявлял, что допустит ее только в том случае, если Главное управление одобрит места в рукописи Жуковского, показавшиеся ему, Шидловскому, сомнительными. Здесь нет возможности подробно излагать все перипетии дальнейших цензурных мытарств 10-го тома. Скажем вкратце, что деятельную попытку спасти его от «кораблекрушения» предпринял К.С. Сербинович, который с 1850 г. являлся членом Главного управления цензуры от духовного ведомства. Он написал пространные и доброжелательные к тексту Жуковского замечания на замечания Шидловского (РГИА Ф. 772. Оп. 1 (1850 г.). №. 2468). Но это не принесло желаемого результата.

6 ноября 1850 г. дело о книге Жуковского было передано на рассмотрение Л. В. Дубельту, который тоже был членом Главного управления цензуры. 23 декабря он затребовал рукопись книги для ознакомления, а 26 декабря вернул ее с отзывом, исполненным пиетета перед Жуковским, но крайне неблагоприятным для эдиционных судеб его творения. Дубельт заявил, что, хотя в благонамеренности поэта сомневаться невозможно, однако вопросы, поднимаемые им таковы, что публично обсуждать их в настоящее время вредно: «размышления вызывают размышления, звуки — отголоски, иногда неверные. Благоразумнее не касаться той струны, которой сотрясение произвело столько разрушительных переворотов в Западном мире и которой вибрация еще колеблет воздух. Самое верное средство предостеречь от зла — удалять самое понятие о нем» (РГИА. Ф. 772. Оп. 1 (1850 г.) № 2468. Л. 68—74). Удивительно, но и этот удар не оказался для рукописи Жуковского смертельным. Даже после заключения Дубельта министр народного просвещения гр. П. А. Ширинский-Шихматов не решался отказать Жуковскому и предлагал Плетневу передать рукопись 10-го тома на Высочайшее рассмотрение. Но с этим не согласился уже сам Жуковский, который, едва узнав о цензурных трудностях своей книги, немедленно попросил забрать ее из цензуры.

Судьба двух остальных тетрадей Жуковского сложилась аналогично. Тетрадь, переданная на рассмотрение в Духовную цензуру, попала к одну из самых строгих цензоров архимандриту Иоанну (Соколову), который отказался пропустить ее в печать (см.: ИРЛИ Ф. 234. Оп. 8. № 72; РГИА Ф. 807. О. 1. № 1124. Л. 27—28 об.; *Плетнев*. Т. 3. С. 688). Сделанный С. П. Шевыревым русский перевод статьи «О русской и английской политике», уже опубликованной Жуковским на немецком языке в

газете «Allgemeine Zeitung» с разрешения императора, еще 31 мая 1850 г. был передан П. А. Ширинским-Шихматовым на Высочайшее рассмотрение, но на этот раз резолюция Николая I была однозначной: «не должно печатать» (РГИА Ф. 772. Оп. 1 (1850 г.). № 2425. Л. 39—39 об.).

Таким образом, 10-й том потерпел полное «цензурное кораблекрушение» и остался неопубликованным. Получив его рукописи из цензуры, П. А. Плетнев, по просьбе Жуковского, приказал сделать с них копии, а оригиналы отослал к А. П. Елагиной (см.: Из переписки П. А. Плетнева. / Публ. Е. П. Горбенко // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1987. С. 31).

Плетнев переживал цензурную неудачу тома чуть ли не больше, чем сам автор и пытался уговорить его продолжить борьбу, однако Жуковский был непреклонен. Возможность предпринять вторую попытку издания поздней прозы поэта появилась лишь после его кончины, и первым ее предпринял именно Плетнев.

Едва узнав о смерти своего старшего друга, он отправил письмо его вдове, Е. А. Жуковской:

> «Я очень желаю, чтобы между нами началась постоянная переписка по-русски, так как предметом ее будут преимущественно сочинения покойного, — писал он. — В ожидании ее я обязанностию считаю изложить Вам следующее:
>
> 1. Собрание разных отрывков в прозе, назначавшееся к печатанию, доставлено было мне давно Вашим мужем. Но когда их не дозволила цензура печатать, то Г. Жуковский просил мне их переписать, с тем, чтобы копия хранилась у меня, а оригинал был отправлен к Г-же Елагиной. Я все так и исполнил. Между тем, вижу, что переписчик не разобрал некоторые слова и оставил в рукописи пробелы. Вы же говорите, что тут только большая часть отрывков, а не все. Вот почему я и желаю, чтобы Ваш отец собрал все эти отрывки, даже в подлинниках, и при удобном случае доставил бы их ко мне. 2. Другие артикли на немецком и французском языках, остающиеся в альбомах или в газетах, тоже надобно все собрать. Если у Вас некому перевести их на русский язык для печатания, то я найду здесь, кто это исполнит. Вы только потрудитесь мне их доставить. 3. Что касается до выбора писем, конечно, это не иначе можно сделать, как с согласия тех, к которым они были писаны. Надобно только разделить корреспондентов, к кому Вы сами обратитесь за письмами, и к кому должен обратиться я. Мне очень нужно, чтобы Ваш отец указал мне, кого я должен о том просить. 4. Еще нужно собрать все стихотворения и переводы, которые не вошли в последнее издание.
>
> Будьте уверены, что из рукописей, кои мне будут доставлены, ни один лист не будет мною потерян, и после все возвратится Вам. О цензуре я буду просить В. К. Наследника. Только прошу Вас убедительно, не ставьте моего усердия в какую-нибудь заслугу. Конечно, Ваш покойный муж был для меня существом в высшей степени драгоценным: но энтузиасм к нему, любовь и уважение равны во всех сердцах русских — и то, что я теперь делаю, всякой почел бы за особое счастие сделать» (РО ИРЛИ Ф. 234. Оп. 1. № 118 (Письма П. А. Плетнева Е. А. Жуковской).

Как видим, П. А. Плетнев набрасывает краткий план издания oeuvres posthumes Жуковского, важнейшим пунктом которого является публикация его «отрывков в

прозе». Е. А. Жуковская не могла исполнить желания П. А. Плетнева вступить в переписку на русском языке, поскольку русским языком не владела (сохранились ее письма П. А. Плетневу, написанные по-немецки), но поручила сделать это своему двоюродному брату Х. Х. Рейтерну, который с 1851 г. жил в доме Жуковских и за это время дружески сблизился с поэтом и которому Жуковский поручил «все необходимые распоряжения» после своей смерти.

В своем письме Х. Х. Рейтерн перечисляет оставшиеся после Жуковского рукописи следующим образом:

«Теперь позвольте мне представить Вам краткий реестр манускриптам, оставшимся после покойного. Часть этих манускриптов у меня в Бадене, другую я на днях по указанию сестры отправил к князю Вяземскому, едущему в Киссенген и остановившемуся во Франкфурте на несколько дней, третья, наконец, находится у сестры.

1, 2, 3 — Письма к Гоголю, 1847, 1848, 1848
4. О привидениях 1848, май
5. О меланхолии в жизни и поэзии 1845
6. Письмо к Гр. Ш… 1848. Июнь
7. Письмо к Кн. Вяземскому 1848
8. Две сцены из Фауста 1848
9. О внутренней христианской жизни
10. Самоотвержение власти
11. Энтузиазм и энтуазисты
12. Что будет? В генваре 1848
14. О смертной казни
15. Английская и русская политика (Пальмерстон)
17. Радовиц
19. Отрывки: 1) Христианская философия
20. ---------- 2) Философия
21. ---------- 3) Воспитание
22. ---------- 4) Искусство
23. История и историческая живопись
№ 13, 16, 18 — письма к Наследнику, которые, конечно, не подлежат печати.
Странствующий Жид (отрывок)
1-я песнь алыы
4. Евангелия –
Апокалипсис.

И несколько мелких стихотворений. — Которые из этих статей годны в печать, тому судья Вы, Милостивый Государь, — и Вы один. Никто лучше Вас не знает нашу цензуру — никто лучше Вас не знал Василия Андреевича на литературном его поприще, и, следственно, никто не может лучше Вас решить, что из драгоценного его наследства писано для тесного круга друзей, - что назначено для обнародования. — Я полагаю, что часть этих манускриптов уже в Ваших руках — но как доставить Вам остальные? Буду ждать Вашего приказа и в точности его исполню» (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. № 153/9. Л. 4).

В конце июня 1852 г. эти и другие рукописи Жуковского были отправлены П. А. Плетневу, но они так и продолжали оставаться неопубликованными (за исключением двух с половиной отрывков, изданных в 1854 г. К. С. Сербиновичем). Плетневу не удалось стать организатором издания литературного наследства Жуковского

В начале нового царствования эту обязанность принял на себя комитет во главе с Д. Н. Блудовым, продолживший выпускать С 5. Одной из главных задач своего проекта участники комитета считали издание поздней прозы Жуковского, в которой, указывали они, «читатели найдут много весьма любопытных страниц, в коих глубокие мысли о общих предметах нравственности, жизни, искусства соединяются с поучительными заметками о современных событиях волновавших Западный мир в последние годы пребывания Жуковского за границею» (С 5. Т. 10. С. II—III). Поздняя проза Жуковского была опубликована в 11 томе С 5, вышедшем с подзаголовком «Посмертные сочинения в прозе» в 1857 г. При публикации в нем статьи и отрывки подверглись значительной редактуре, а последовательность их была нарушена. Часть отрывков вместе со статьей «О внутренней христианской жизни» была без заглавий объединена в раздел «Размышления и замечания», часть — помещена под заглавиями среди других статей тома. В результате том приобрел следующий вид (в квадратных скобках приводятся начальные слова отрывков. — *Д. Д.*):

Размышления и замечания

I — XIX (I [О внутренней христианской жизни]; II [Я читал в Journal de debats…]; III [Счастлив том, кому Господь пошлет рано, а не поздно п…]; IV [Если мы терпим только в надежде, что будущее принесет нам отраду…]; V [Будьте подобны младенцам…]; VI [Праведник христианин уже награжден в здешней жизни…]; VII [Без закона грех мертв…]; VIII [Плоть — дух…]; IX [Немецкое слово glauben… — Дела без веры, вера без дел… — Иначе нельзя верить, как произвольно… — Да не смущается сердце ваше… — Там нет веры, где только очевидность, или умственное убеждение… — Ум обрабатывает жизнь в границах здешнего мира…]; X [Господи! Отыми у меня все, что отвращает от Тебя…]; XI [Декарт сказал…]; XII [Что есть свобода? Способность…]; XIII [Твердость есть сила, основанная на союзе разума с волею и на их равновесии…]; XIV [Люби Бога всею душею…]; XV [Можно сравнить несчастие с величественным гигантом…]; XVI [Земную надежду можно сравнить…]; XVII [У одного умного человека спросили…]; XVIII [В наше время, когда все опрокинутОп…]; XIX [Когда мы говорим : положительная истина…]).

XX. Воспоминание

XXI. Теория и практика

Философический язык

Наука

О воспитании

Энтузиазм и энтузиасты

Письма к Гоголю:

I
II
III
О смертной казни
Самоотвержение власти
О меланхолии в жизни и поэзии
Две сцены из Фауста
Об изящном искусстве
Нечто о привидениях
История и историческая живопись
Письмо к графу Ш., о происшествиях 1848
Письмо к князю Варшавскому
Письмо к кн. Вяземскому об его стихотворении «Святая Русь»
Иосиф Радовиц. Биографический очерк. 1850.

11 том С 5 стал первой систематической публикацией поздней прозы Жуковского и надолго определил эдиционную традицию, которую трудно назвать безупречной. Новое издание этой прозы (С. 6. Т. 9) было осуществлено К. С. Сербиновичем в 1869 г., в русле этой традиции, но привнесло в нее еще большую долю редакторского произвола. Проза Жуковского была разделена Сербиновичем по жанрам на шесть разделов. «Отрывки» вместе со статьями «О меланхолии в жизни и поэзии», «Две сцены из Фауста», «Энутазиазм и энтузиасты», «Нечто о приведениях», «О смертной казни», «Самоотвержение власти», и даже «Взгляд на землю с неба» (1831) попали в четвертый из них, названный «Нравственно-философские статьи» (при этом сохранилось придуманное для «Отрывков» Д. Н. Блудовым заглавие «Размышления и замечания»). Другие материалы подготовленного Жуковским 10-го тома попали в третий («Исторические и биографические статьи») и пятый («Письма разного содержания») разделы.

П. А. Ефремов в С 10 постарался скорректировать сложившуюся традицию и совместить хронологический принцип расположения материала с попыткой реконструкции авторского замысла Жуковского В предисловии к С 10 он писал, что в его издании: «статьям духовно-нравственного содержания дан тот порядок, который был назначен самим Жуковским при посылке их П. А. Плетневу для первоначального напечатания; для всех же прочих прозаических статей, по возможности, установлен хронологический порядок по черновым подлинникам Публичной Библиотеки» (С 10. С. V). Под статьями духовно-нравственного содержания П. А. Ефремов подразумевал именно отрывки. Им он, действительно, дал тот порядок, который угадывается по переписке П. А. Плетнева с Жуковским (см. выше), но все же и тут не был до конца последователен: присоединил к отрывкам рассуждение «Аз есмь» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 56. Л. 3—3 об.), отсутствовавшее в тексте Плетнева, и (как это делали ранее Д. Н. Блудов и К. С. Сербинович) статью «О внутренней христианской жизни». Получившийся текст П. А. Ефремов озаглавил «Рассуждения и размышления» (С 10. С. 926). Кроме того, он добавил в свое издание и раздел «Мысли и

замечания» (С 10. С. 938), куда поместил материал из рукописи (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/5), озаглавленный там «Исключенное и переписанное».

А. С. Архангельский в ПСС взял за основу найденную им в архиве Грота рукопись (по видимому, РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39; ПСС. Т. 11. С. 141), и всю позднюю прозу публиковал по ней. Он вернул имевшееся в этой рукописи название «Отрывки» и разделение отрывков на четыре раздела — «Христианская философия», «Философия», «Воспитание», «Искусство». Сохранил А. С. Архангельский и введенный в эдиционную практику П. А. Ефремовым раздел «Мысли и замечания», пополнив его новыми рукописными материалами.

В настоящем издании текст «Отрывков» приводится по ПСС с учетом рукописного материала.

Д. Долгушин

I. Христианская философия

Замысел написания религиозно-философских отрывков христианского содержания возник у Жуковского в 1844 г., очевидно, под впечатлением знакомства с книгой французского моралиста Жозефа Жубера, вышедшей двумя годами раньше (Pensées, Essais, Maximes et Correspondance de J. Joubert. T. 1, 2. Paris, 1842). Начатый тогда поэтом цикл «Мысли замечания» (см.: ПССиП. Т. 14. С. 293—328) открывается рассуждениями Жуковского по поводу двух цитат из этого сочинения: «Aucune doctrine ne fut jamais aussi bien proportioné que la docrtine Chrétienne a tous les besoins naturels du cœur et de l'esprit hamain» (Pensées... T. 1. P. 109), «Le juste ne peut être recompensé que dans l'autre vie» (Pensées… T. 1. P. 101) — хотя Жуковский и не раскрывает авторство данных изречений. Великолепный и требовательный стилист и в то же время весьма благожелательный к начинающим писателям критик, Жозеф Жубер (1754—1824) был одной из ключевых фигур литературного мира Франции на протяжении почти полувека. Несмотря на то, что его литературная карьера началась в кругу энциклопедистов, он всю жизнь сохранял религиозную настроенность и политический консерватизм — недаром отрывки, извлеченные из оставшихся после его смерти бумаг, издал в 1838 г. никто иной, как Ф. Шатобриан (Жуковский пользовался уже вторым, значительно дополненным их изданием, выпущенным племянником Жубера П. Рейналем). Эти качества, несомненно, не могли не импонировать Жуковскому Он внимательно проштудировал книгу Жубера: хотя ее второй том разрезан лишь частично, в первом сохранились многочисленные пометки поэта (Описание. С. 367).

В «Мыслях и замечаниях» Жуковский не только подхватил религиозную интенцию Жубера, но и использовал доведенную Жубером до совершенства форму насыщенного афоризмами философского отрывка. К середине XIX в. Она была столь распространена в европейской литературе, что связать ее однозначно с какой-то определенной традицией вряд ли возможно: за Жубером стоят, конечно, французские моралисты XVII—XVIII вв. (Ларошфуко, Вовенарг и др.), но в том же жанре писали и немецкие романтики (Новалис, Ф. Шлегель и др.), известен он был и в бого-

словской литературе (Паскаль, Радовиц и др.). В России жанр философского отрывка к середине 1840-х гг. стал вполне расхожим, особенно в среде русских шеллингианцев, достаточно вспомнить «Исторические афоризмы» М. П. Погодина (1827), «Афоризмы» и «Отрывки» И. Я. Кронеберга (1825), «Fragments et pensées diverses» П. Я. Чаадаева (1828—1830), «Психологические заметки» В. Ф. Одоевского (1843).

К весне 1847 г. работа над «Мыслями и замечаниями» была закончена. Судя по перебеленному автографу (РНБ. Ф. 286 Оп. 1. № 50), рукопись предназначалась для публикации (см.: ПССиП. Т. 14. С. 550). Однако ни о каких шагах, предпринятых Жуковским в этом направлении, неизвестно. Вновь Жуковский вернулся к нему уже в 1850 г. «Я набросал на бумагу несколько разного рода рассуждений в прозе, в том числе есть некоторые содержания христианского. Все это теперь пересматриваю и привожу в порядок. Мне хочется со временем выдать эти отрывки» — рассказывал он в письме А. С. Стурдзе (Переписка В. А. Жуковского с А. С. Стурдзою. Одесса, 1855. С. 17—18). Следы этой работы сохранила рукопись (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1—4). В ней Жуковский отчасти воспроизводит, отчасти редактирует тексты, уже использованные им в «Мыслях и замечаниях», и дополняет их новыми. Но и получившийся в итоге компендиум отрывков, Жуковский не считал окончательным итогом своих религиозно-философских штудий. В будущем он надеялся написать связный труд по философии и уже придумал для него подходящее название. «У меня в виду со временем написать нечто под титулом *философия невежды*, — делился он своим замыслом с А. С. Стурдзой. — И этот титул будет *чистая правда*. Я совершенный невежда в философии; немецкая философия была мне доселе и неизвестна и недоступна; на старости лет нельзя пускаться в этот лабиринт; меня бы в нем целиком поглотил минотавр немецкой метафизики, сборное дитя Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и пр. и пр. Хочу попробовать, что могу написать на белой бумаге моего ума, опираясь на одни откровенные, неотрицаемые истины христианства» (Переписка В. А. Жуковского с А. С. Стурдзою. С. 18—19). Еще в 1820-е гг., когда эпоха «философского пробуждения» только начиналась, у Жуковского сформировалось настороженное отношение к немецкому идеализму. Как видим, охранялось оно и теперь. Только альтернативу «немецкой метафизике» Жуковский видел в 1840-е гг. не в шотландской философской школе, как раньше (РБ. С. 102—103), а в христианской философии: «Иной философии не может быть, как *философия* христианская, которой смысл: *от Бога к Богу*, — объяснял он А. С. Стурдзе. — Философия, истекающая из *одного* ума, есть ложь. Пункт отбытия всякой философии, point de départ, должно быть Откровение» (Там же. С. 18—19). На какую традицию ориентировался Жуковский, выдвигая такую концепцию?

Термин «христианская философия» ввел в обиход западноевропейской мысли Эразм Роттердамский, употребив его в двух значениях: 1) христианское учение; 2) образ жизни, согласный с этим учением; «pia doctrina et docta pietas» («благочестивое учение и ученое (т. е. просвещенное. — *Д. Д.*) благочестие»). Вслед за Эразмом этот термин использовался многими авторами XVII—XIX вв. Жуковскому могло быть памятно его употребление известным мистиком Дютуа-Мамбрини,

одно из сочинений которого называлось «La philosophie chrétienne, exposée, éclarcie, démonrtée et appuée sur l'immuable baze de la Révelation; ou La véritable religion pratique, expliquée et rendue a sa purité primitive» (ср. это название с приведенными выше словами Жуковского из письма Стурдзе) (T. 1—3, 1800). Эта книга, как и другие сочинения Дютуа, входила в круг чтения друзей и последователей Н. И. Новикова, наставников Жуковского по Московскому университетскому благородному пансиону. Памятник Дютуа, совмещенный с памятниками Фенелону и г-же Гийон, находился в «пантеоне пиетизма» на Юнговом острове в имении И. В. Лопухина Савинское, которое Жуковский неоднократно посещал. Правда, в своем описании Савинского (ВЕ. 1809. № 4), Жуковский перепутал изображение Дютуа с изображением Руссо. Могло быть известно Жуковскому использование этого термина г-жой Жанлис (La philosophie chrétienne, ou Extraits tiré des ouvrages de M-me de Genlice. Paris, 1802): в связи со своими педагогическим занятиями он интересовался сочинениями этой писательницы (Описание. С. 161).

Непосредственным же образцом для Жуковского, очевидно, послужила книга немецкого богослова Леопольда Иммануила Рюккерта «Christliche Philosophie, oder Philosophie, Geschichte und Bibel nach ihrem wahren Beziehungen dargestellt» («Христианская философия, или Философия, история и Библия, показанные в их истинном отношении») (Bde 1, 2. Leipzig, 1825). Л. Рюккерт (1797—1871) был одним из крупнейших лютеранских богословов своего времени. Первый том его книги был внимательно прочитан Жуковским, о чем свидетельствуют многочисленные подчеркивания и записи (Описание. С. 273). Некоторые места «Отрывков» Жуковского и сочинения Рюккерта совпадают почти текстуально.

Тем не менее Рюккерт не был для Жуковского единственным источником. Постоянное использование в религиозно-философских рассуждениях поэта французских слов и оборотов (напр., «point de départ», «consequence») побуждает искать франкоязычные параллели к его «христианской философии». Таковые обнаруживаются в книге Л. Ботена (Bautain) «Philosophie du christianisme. Correspondance religieuse de L. Bautain. Publié par H. De Bonnechose» («Философия христианства. Религиозная переписка Л. Ботена. Опубликована А. де Бонншозом») (T. 1, 2. Paris—Strasbourg, 1835), которая, судя по пометам, Жуковского, была прочитана им не менее внимательно, чем книга Л. Рюккерта (Описание. С. 95).

Если Л. Рюккерт был человеком академической среды, которой и ограничивалось его влияние, то влияние Ботена распространялось гораздо шире. Ученик В. Кузена, он с 1816 г. преподавал философию в Страсбурге — сначала в гимназии, а затем в академии. Увлечение немецким идеализмом в 1819 г. закончилось для Ботена разочарованием и глубоким душевным кризисом. В 1822 г. под влиянием общения с Маделиной-Луизой Юманн (Humann) он обращается (вернее, возвращается) в католичество и в 1828 г. принимает сан священника, в 1830 г. получает пост директора малой семинарии святого Людовика в Страсбурге. Широкую известность Ботен приобрел после выхода в свет его брошюры «De l'enseignement de la philosophie en France au dix-neuvième siècle, par l'abbé Bautain. Strasbourg—

Paris, 1833» («О преподавании философии во Франции в 19 столетии») и упомянутой выше книги «Философия христианства» (1835), за которую автор удостоился почетной степени доктора теологии от Тюбингенского университета. В последние годы Июльской монархии Ботен был очень популярен в высшем свете, по словам П. В. Анненкова, в это время «он сделался исключительным проповедником аристократического женского общества, с принцессой Клементиной, дочерью короля, во главе» (*Анненков*. С. 63).

Ботен отстаивал мысль о том, что рассудок недостаточен для постижения метафизических истин — к их познанию приводит только воспринимаемое верой Откровение. Он стал самым ярким представителем французского фидеизма, который вместе с традиционализмом (Лакордер, де Местр, Бональд и др.) весьма способствовал католическому возрождению эпохи Июльской монархии. К числу фидеистов тогда принадлежали не только Ботен и его непосредственные ученики (Бонншоз, Ратисбонн и др.). К этому же кругу примыкал и О. Боннетти, на протяжении многих лет издававший журнал «Ежегодник христианской философии» («Annales de philosophie chrétienne»).

Сочинения Ботена были довольно хорошо известны в России. В 1834 г. только что вступивший в должность министра народного просвещения С. С. Уваров хотел сделать его трактат «О преподавании философии во Франции в 19 столетии» обязательным руководством для «профессоров философии и всех наук, с нею соприкосновенных» (*Никитенко А. В.* Записки. Дневник. Т. 1. СПб., 1893. С. 329). По его указанию перевод этого произведения, выполненный А. А. Краевским, был опубликован в ЖМНП (1834. № 3. С. 317—377). Впрочем, и без переводов расстояние между петербургско-московскими гостиными и кафедрами парижских соборов было совсем невелико, и потому идеи модного французского проповедника циркулировали в русском свете почти с такой же интенсивностью, что во французском. Князь Э. Мещерский и А. Н. Муравьев поддерживали с Ботеном переписку (через Э. Мещерского с Ботеном постарался наладить контакт и С. С. Уваров).

Термин «христианская философия» употреблялся и в русской духовной литературе XVIII—XIX вв., куда он мог прийти как из новой западной, так и из старинной византийской традиции, в которой выражение «христианская философия» применялось для обозначения христианской учения и подвижничества задолго до Эразма. Так, в своей известной книге «Сокровище духовное, от мира собираемое» свт. Тихон Задонский пишет: «Познается Христианин не от того, что красно говорит и пишет, но от того, что красно и Богоугодно живет, — не от внешнего любомудрия, но от Евангельской и Христианской Философии обучения. Многие красно говорят и пишут, но грубо живут; многие изрядно в естественных вещах философствуют, но Христианского и алфавита не знают», «что алфавит или азбука начинающим учиться учению книжному, тое Христианам, хотящим учитися Христианского жития, есть смирение <…> Учись убо, Христианине, Христианского сего алфавита: и будеши учитися с успехом Христианской Философии» (Сочинения преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. Т. XI. СПб., 1825.

С. 214, 220—221). Хотя мысль о необходимости покорности и смирения перед Богом — одна из основных в религиозно-философской прозе Жуковского, вряд ли эти рассуждения были известны поэту. С другой стороны, в силу того, что сочинениями свт. Тихона Задонского в 1841—1844 гг. увлекался Н. В. Гоголь, сделавший выписки из них для своего рукописного сборника «Выбранные места из творений св. отцов и учителей Церкви» (см.: *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений. Т. VIII / Сост., подгот. текстов, комментарий. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М., 1994. С. 555, 850—851) исключить этого нельзя: имя свт. Тихона могло возникать в разговорах Гоголя и Жуковского (см., напр.: ПССиП. Т. 14. С. 284). Заметим также, что в 1837 г., путешествуя с наследником престола по России, Жуковский посетил Задонский монастырь, в котором хранились мощи свт. Тихона, о чем сделал запись в дневнике (ПССиП. Т. 14. С. 65).

Несомненно, Жуковскому были известны опыты построения христианской философии на основе православного духовного предания, которые предпринимали И. В. Киреевский, А. С. Хомяков и др. славянофилы (И. В. Киреевский был родственником Жуковского, А. С. Хомяков неоднократно общался с Жуковским в 1840-е гг. и смог увлечь его своим трактатом «Церковь одна»). Но поскольку эти опыты (как и попытки создания христианской философии профессорами духовных учебных заведений — протоиереями Феодором Голубинским, Феодором Сидонским и др.) так или иначе были связаны с контекстом немецкой философии, от которого Жуковский старался дистанцироваться, вряд ли они оказали на него влияние.

Термин «христианская философия» (на французском языке) мельком использовал П. Я. Чаадаев в уже упоминавшемся выше цикле «Fragments et pensées diverses» (*Чаадаев П. Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1 / Отв. ред. З. А. Каменский. М., 1991. С. 216), этот текст не был доступен Жуковскому (он попал в печать только в XX в.), зато Жуковский наверняка читал большую статью С. П. Шевырева «Христианская философия. Беседа Баадера» (Москвитянин. 1841. Ч. 3. № 6. С. 378—437), в которой автор вслед за Баадером утверждает, что начало истинной философии состоит в подчинении знания вере, а философии — откровению. Заметим, что Шевырев хорошо знал не только Ф. Баадера, но и Л. Ботена и лично общался с ним. (*Вдовин А.* В поисках «русской идеи»: С. Шевырев и Ф. Баадер на рубеже 1830—1840-х гг. // Русско-французский разговорник, или / ou Les Causeries du 7 Septembre. Сб. статей в честь В. А. Мильчиной. М., 2015. С. 23—38).

Таким образом, несмотря на то, что основные споры о христианской философии и в Европе, и в России были еще впереди (они придутся на первую половину XX в.), и в той, и в другой культуре к 1840-м гг. успела сложиться довольно внушительная традиция использования этого термина. Для Жуковского при его употреблении, вероятно, наиболее существенным (но не единственным) был контекст консервативного лютеранского богословия (Л. Рюккерт) и французского фидеизма (Л. Ботен).

Истина

(«Когда мы говорим: *положительная истина*…»)
(С. 432)

Автограф неизвестен.
Копии:
1) РНБ. Оп. 1. № 70 / 4. Л. 1—4 об. — авторизованная.
2) РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 84 — авторизованная.
Впервые: ЖМНП 1854. Ч. 81. Отд. II. С. 2—4.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по автографу.
Датируется: октябрь 1849 г. — июнь 1850 г.

Отрывок «Истина» вместе с отрывком «Наука» и последним абзацем отрывка «Вера и знание» (под заглавием «Вера и ум») в 1854 г. опубликовал в ЖМНП (ЖМНП. 1854. Ч. 81. Отд. II. С. 1—9) К. С. Сербинович. Рукопись для публикации он получил от П. А. Плетнева, который в письме от 18 декабря 1853 г. сообщал ему:

> Сию минуту получил я письмо из Москвы, по которому разрешено мне Е. А. Жуковской сообщить Вашему Превосходительству две-три небольшие пьесы в прозе для напечатания в Журнале М.<инистерства> Н.<ародного> П.<росвещения>. Имею честь препроводить Вам целую (переплетенную) тетрадь сочинений В.<асилия> А.<ндреевича>, чтобы самим Вам удобнее было выбрать то, что согласнее с Вашими взглядами. Когда решен будет Вами выбор и кончится списывание оригинала, тогда благоволите приказать, чтобы эта моя тетрадь немедленно была мне доставлена в целости: я состою в большой ответственности перед Государем Цесаревичем за каждую строчку.
>
> Не лишним считаю присовокупить для сведения Вашего превосходительства, что выбор для напечатания надобно сделать очень умеренный; потому что (как меня уведомили из Москвы) вдова В.<асилия> А.<ндреевича> не желает своевольно расточать сокровище, перешедшее от отца к ее детям; так, например, когда профессор Леонтьев просил ее позволения напечатать в Пропилеях сколько-нибудь стихов из перевода Илиады, то она не иначе согласилась, как с платой ей по 100 р. За печатный лист (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. № 1370 (Письма П. А. Плетнева К. С. Сербиновичу). Л. 16— 6 об.).

[1] *Всякая философия, ведущая нас к истине, должна начинаться с веры в Бога, и эта вера должна быть первым звеном нашей умственной цепи.* — Образ «умственной цепи», первым звеном которой является вера, рождается у Жуковского, вероятно, под влиянием разговора с И. Радовицем о схоластике 16 (28) мая 1843 г. Ср. соответствующую запись в его дневнике: «После обеда разговор о христианской системе схоластики — мистики Средних веков. <…> Сравнение с плавателями. — Плавание

на другой берег — там цель — серебряная веревка веры. — Плавание — философия. Философия — плавание без веревки, без цели на оном берегу» (ПССиП. Т. 14. С. 271).

[2] *Бог есть ~ — это должно быть передовым положением…* — Ср. одну из пометок Жуковского в книге Л. Рюккерта: «*Gott ist; das ist der Satz,* den wir bedürfen, der erste Satz der Theologie, der einzig wahre Grundstein des Gebäudes das wir aufzuführen haben". Подчеркнув слова "Gott ist; das ist der Satz» (*Rückert L. I.* Christliche Philosophie, oder Philosophie, Geschichte und Bibel nach ihrem wahren Biziehungen dargestellt. Bd. 1. Leipzig, 1825. S. 32), Жуковский напротив них на полях записывает: «2 × 2 = 4». Таким образ, тезис «Бог есть» является для него такой же «точкой опоры», основополагающей истиной, как «2 × 2 = 4» для математики.

[3] *…точкою отбытия…* Этот перевод на русский язык французского выражения «point de départ» Жуковский очень часто употреблял в своей религиозно-философской прозе 1840-х гг. По-видимому, это — один из первых зафиксированных случаев использования данного устойчивого словосочетания в русском языке XIX в. Ср. наблюдение В. В. Виноградова: «Выражение *точка отправления* представляет собою буквальный перевод французского *point de départ.* Но и эта передача установилась не сразу. Так В. А. Жуковский в письме к А. С. Стурдзе (март 1850 г.) употребляет словосочетание *пункт отбытия*: «*Пункт отбытия* всякой философии (*point de départ*) должно быть откровение» (*Виноградов В. В.* История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1994). Ср. также использование этого словосочетания, наряду с немецким словом «Vordersatz», в статье «О поэте и его современном значении».

Возможно, Жуковский заимствовал это словоупотребление у Ботена, у которого данное выражение часто встречается. Ср. его использование в трактате Ботена «О преподавании философии во Франции»: «Где люди великодушные, великие люди, коих произвела бы нынешняя философия? В этих превыспренних теориях то же, что и во всех других: я — исходный пункт (point de départ) и конечная цель» (ЖМНП 1834. № 3. С. 320) и в его письме Э. Мещерскому: «Священное слово, как источник, образец, и принцип человеческой науки, вот исходный пункт», «Лишь через веру в божественное слово, принятое как принцип, как исходный пункт сможем мы прийти к соглашению друг с другом» (*Мазон А.* Князь Элим // ЛН. Т. 31—32. М., 1937. С. 430, 435).

[4] *Скажу более, нам не только не можно ~ доступной рассудку истине.* — В своих замечаниях на рукопись Жуковского, сделанных для Главного управления цензуры, К. С. Сербинович следующим образом комментирует эти слова: «Многим покажется это несправедливо, даже непонятно. Но не от усилий ли доказывать аксиому происходят все сомнения?» (РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. № 289. Л. 3).

Вера
(«Немецкое слово *glauben*…»)
(С. 433)

Автограф неизвестен.
Копии:
1) РНБ. Оп. 1. № 70 / 4. Л. 5—7 об.
2) РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 84 —
Впервые: С 5. Т. 11. С. 47—54.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по автографу.
Датируется: июль 1844 г. — июнь 1850 г.

Отрывок представляет собой незначительно переработанный фрагмент № 36 из цикла «Мысли и замечания» (ПССиП. Т. 14. С. 310).

[1] *…если он, поверив, предал себя в полную волю того, кому поверил, если он верует и вверяется…* — Подчеркнутые слова, отсутствующие в «Мыслях и замечаниях», добавлены Жуковским при редактуре отрывка.

[2] *…вера без дел мертва есть.* — Иак. 2, 26 (перевод Жуковского, совпадающий с церковнославянским текстом).

[3] *…состоя под законом…* — Дальнейшие рассуждения Жуковского о законе и благодати восходят к Посланию ап. Павла к римлянам. Жуковский неоднократно возвращался к изучению этого Послания. Судя по дневнику, он читал его в ноябре 1841 г. (ПССиП. Т. 14. С. 264—265), в январе 1844 г. (ПССиП. Т. 14. С. 278). Поскольку для чтения использовалось комментированное издание Нового Завета Отто фон Герлаха (Das Neue Testament. Herausgegeben durch Otto von Gerlach. Bd. 2. Berlin, 1837 (НБ ТГУ. № 12765), можно сказать, что Жуковский не просто читал, но тщательно штудировал текст. Комментарии Герлаха на Послание к Римлянам буквально испещрены его пометками. Большая часть этих пометок относится к апрелю — маю 1845 г.

[4] *Дела без веры, вера без дел — мертвы суть.* — Данный отрывок представляет собой незначительно переработанный фрагмент № 46 из цикла «Мысли и замечания» (ПССиП. Т. 14. С. 324) и продолжает тему предыдущего отрывка, также основываясь на Иак. 2, 26 и Послании к Римлянам. В рукописи (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/4) этот отрывок был озаглавлен «Вера и спасение».

[5] *Созерцание Бога в вечности.* — В «Мыслях и замечаниях» было: «Близость Богу». В статье «О внутренней христиианской жизни» Жуковский, рассуждая об этом состоянии человека, пишет об «избранных душах», которые «постигают блаженство *обожания* и *созерцания*» Бога, и одругих, «менее одаренных», которые, в отличие от первых, «только *знают* Его, как решенную для них проблему, *не отрицают, а смиренно покорствуют*: в них еще нет ни надежды, ни любви, ни даже веры: в них одно только *произвольное неотрицание*, и вследствие его *безропотная*

покорность» (см. наст. изд.). Это рассуждение автопсихологично. Ко второму типу душ Жуковский относил самого себя.

[6] *Иначе нельзя поверить…* — Отрывок развивает важнейшую для Жуковского тему веры как «произвольного», свободного акта. В рукописи (РНБ.. Ф. 286. Оп. 1. № 70/4) он был озаглавлен «Вера».

[7] *Ум есть раб очевидности. Вера есть свободное покорение ума и воли откровению.* — Противопоставление ума как «низшей способности души, совершенно подчиненной закону необходимости», вере как ее высшей и «самобытнейшей» способности Жуковский развивает в статье «О поэте и его современном значении» (ПССиП. Т. 12. С. 372—383).

[8] *Да не смущается сердце ваше…* — Ин. 14: 1 (в переводе Жуковского, совпадающем с переводом Российского Библейского общества). Это один из самых важных для Жуковского стихов Библии. Он постоянно встречается в его дневнике и переписке. Его поэт избрал для эпитафий на родных ему могилах М. А. Мойер и А. А. Воейковой. Он, среди прочих, был написан и на гробнице самого Жуковского Этот стих является смысловым центром некоторых поэтических произведений Жуковского — стихотворения «У гроба Императрицы Марии Федоровны. В ночь накануне Ея погребения» (1828) и посвящения к «Налю и Дамаянти» (1843).

Отрывок представляет собой значительно переработанный фрагмент № 22 из цикла «Мысли и замечания» (ПССиП. Т. 14. С. 303). Он продолжает тему предыдущего, раскрывая высказанный в нем тезис: «Вера, высочайший дар человечксой свободы, есть в то же время и высший дар Божией благодати». В рукописи (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/4) этот отрывок был озаглавлен «Вера».

[9] *Там нет веры, где есть очевидность или умственное убеждение.* — Отрывок представляет собой переработанный фрагмент № 6 из цикла «Мысли и замечания» (ПССиП. Т. 14. С. 295). Он продолжает предыдущий, развивая тему веры как свободной встречи человека и Бога. В рукописи этот отрывок был озаглавлен «Вера».

[10] *Ум обрабатывает жизнь в границах здешнего мира.* — Отрывок представляет собой незначительно переработанный фрагмент № 7 из цикла «Мысли и замечания» (ПССиП. Т. 14. С. 295). В рукописи этот отрывок был озаглавлен «Ум и откровение».

[11] *То, что мы называем верою…* — Отрывок почти полностью совпадает с фрагментом № 38 из цикла «Мысли и замечания» (ПССиП. Т. 14. С. 295). Убраны только последние две фразы этого фрагмента. В рукописи этот отрывок озаглавлен «Вера христианская». Главная тема отрывка — экклезиология, о которой Жуковский рассуждает в категориях авторитета и послушания, стараясь определить экклезиологические градации того и другого. Духовник Жуковского священник Иоанн Базаров вспоминал, что его попытки задать иную парадигму размышлений на тему Церкви не находили понимания у поэта: «“О, авторитет великое дело для человека! — повторял он нередко. — Что такое Церковь на земле? Власть, пред которой мы должны склонять свою гордую голову. Мы должны быть пред нею все как дети!”. Напрасно иногда я старался наводить его на ту мысль, что для бытия Церкви на

земле есть и другие высшие основания, кроме одного испытания послушания людей. Он всегда останавливал меня словами: “Без послушания нельзя жить на земле!”» (Жуковский в воспоминаниях. С. 447). Ср. также фрагмент № 39 из цикла «Мысли и замечания» (ПССиП. Т. 14. С. 313—314).

[12] *…введение рассудком в практическую земную жизнь того небесного, что вера приняла от Христа Спасителя…* — Ср. слова Жуковского из его письма священнику Иоанну Базарову 20 декабря 1848 (1 января 1849): «Самое необходимое для сохранения нашего чистого Православия состоит в том, чтобы не вводить никаких самотолкований в учение нашей Церкви: авторитет ее должен быть без апелляции. В этом отношении должна действовать одна вера, покоряющая разум. С другой стороны этот покорный разум должен вводить веру в практическое употребление жизни: без этого введение веры в жизнь, не будет живой веры» (РА. 1869. № 1. Стб. 83—84).

Промысл

(«Я читал в Journal de Débats…»)

(С. 438)

Автограф неизвестен.

Копии:

РНБ. Оп. 1. № 70 / 4. Л. 22—33об. — авторизованная.

РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 84 — авторизованная.

Впервые: С 5. Т. 11. С. 32—33.

В прижизненных изданиях отсутствует.

Печатается по ПСС со сверкой по копиям.

Датируется: после 11 июля 1844 г. — июнь 1850 г.

Отрывок представляет собой незначительно переработанный фрагмент № 33 из цикла «Мысли и замечания» (ПССиП. Т. 14. С. 295).

[1] *Я читал в Journal des Débats…* — «Journal des Débats Politiques et Littéraires» («Газета политических и литературных дебатов») — влиятельная французская консервативная газета XIX и XX вв. Выходила в Париже с 1789 по 1844 г. Жуковский постоянно читал ее, находясь за границей. Известно, что в бумагах А. С. Пушкина сохранились выписки из нее за 1831 г. (см. Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М., 1935).

[2] *Счастлив тот, кому Господь пошлет ~ тяжкие испытания.* — В рукописи (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/4) этот отрывок озаглавлен «Испытание». Около него в этой рукописи стоит цифра 47. Вероятно, это означает, что он тоже входил в цикл «Мысли и замечания», где следовал за фрагментом № 46 («Дела без веры — вера без дел мертвы суть»), хотя в тетради (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 50) он отсутствует, и цикл в ней заканчивается 46-м фрагментом. Напротив этих слов на полях сначала написано, а затем зачеркнуто: Лув<иньи>.

[3] *…когда так ужасно, так бесполезно вдруг очнуться из заблуждений…* — Это рассуждение автопсихологично: Жуковский в письмах и дневнике 1840-х гг. неоднократно говорит о том, что «до сих пор я был баловень жизни, и только грезил о ней и о себе самом. Теперь настали минуты испытания, которые разбудили меня и рассеяли мои роскошные сновидения» (Переписка Жуковского и Елагиной. С. 559).

[4] *Если мы терпим только в надежде ~ бедствие, на нас извне нападающее.* — Отрывок продолжает начатую в предыдущем отрывке тему терпения, веры и вверения себя Богу. Также он затрагивает ключевую для Жуковского тему противопоставления античного фатума и христианского Промысла, более подробно развитую им в статье «О меланхолии в жизни и поэзии». В рукописи (копия № 1) этот отрывок озаглавлен «Терпение». Мысли и переживания, высказанные в нем, перекликаются с письмом Жуковского А. П. Елагиной от 20 января 1847 г. (Переписка Жуковского и Елагиной. С. 559).

[5] *… утвердил здание своей жизни на граните непотрясаемом.* — Ср. Мф. 7: 24; Лк. 6: 48.

[6] *Будет ли младенец судить и осуждать своего отца…* — Сравнение христианина с младенцем Жуковский развивает и в следующем отрывке.

[7] *…из камня души животекущую воду…* Ср. Исх. 17: 6.

[8] *Будьте подобны младенцам ~ сказал Спаситель…* — Ср. Мф. 18: 2—3; Мф. 19: 14. Но скорее всего Жуковский имеет в виду Лк. 18: 15—17. Отрывок замствован из цикла «Мысли и замечания» (№ 23) и представляет собой толкование молитвы «Отче наш». В копии № 1 он имеет заглавие «Смирение».

[9] *Праведник-христианин награжден уже в здешней жизни.* — Отрывок представляет собой отредактированный первый абзац фрагмента № 2 из цикла «Мысли и замечания» (ПССиП. Т. 14. С. 293) и содержит в себе рассуждения поэта по поводу высказывания Жозефа Жубера «Le juste ne peut être recompensé que dans l'autre vie» (Pensées, Essais, Maximes et Correspondance de J. Joubert. T. 1—2. Paris, 1842. T. 1. P. 101). Важным для понимания нравственной философии Жуковского в 1840-е г. является развернутое в отрывке противопоставление стоицизма («утешение стоиков — обман») и христианства. В рукописи (копия № 1) отрывок имеет заглавие «Награда праведника».

[10] *Дела без веры мертвы суть.* — См. примечание 4 к отрывку «Вера».

Закон и грех

(«*Без закона грех мертв…*»)

(С. 441)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) РНБ. Оп. 1. № 70 / 4. Л. 31—33 об. — авторизованная.

2) РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 84 — авторизованная.

Впервые: С 5. Т. 11. С. 40—42.

В прижизненных изданиях отсутствует.

Печатается по ПСС со сверкой по копиям.
Датируется: после 11 июля 1844 — июнь 1850 г.

Отрывок представляет собой незначительно отредактированный фрагмент № 34 из цикла «Мысли и замечания» и является комментарием на 2 и 7 главы Послания апостола Павла к Римлянам. О тщательном изучении Жуковским этого Послания см. примечание 3 к отрывку «Вера».

[1] *Без закона грех мертв ~ умер.* — Рим. 7: 8—9.
[2] *Первые принадлежали неопределенному закону ~ Божию…* Рим. 2: 10.

Плоть — дух

(«*Плоть — дух. Плотское — духовное…*»)
(С. 442)

Автограф неизвестен.
Копии:
1) РНБ. Оп. 1. № 70/4. Л. 34—41 об. — авторизованная.
2) РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 84 — авторизованная.
Впервые: С 5. Т. 11. С. 42—47.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по копиям.
Датируется: после 11 июля 1844 — июнь 1850 г.

Отрывок представляет собой значительно отредактированный фрагмент № 37 из цикла «Мысли и замечания».

Он целиком посвящен антропологической проблематике. Жуковский пишет о целостной трехсоставности человека, состоящего из духа, души и тела (заметим, что судя по рукописи, сначала Жуковский основывался на идее двухсоставности человека — из души и тела). Именно такой подход отражен во фрагменте № 37 из «Мыслей и замечаний». В рукописи (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/4. Л. 34—41 об. слово «дух» в первой половине отрывка всюду добавлено карандашом при правке). Дух — «это чисто божественное в человеческом», орган веры, соединяющий с Богом, «царствующая, самобытная часть человека; душа — посредник между духом и телом; тело — само по себе нечто безжизненное, материальное, подчиненное». Иерархия духа, души и тела динамична, она не дана раз и навсегда, но зависит от свободы человека, призванного произвольно «сохранять духовность души своей», т. е. первенство духа. Совершив грех, человек нарушил это первенство, разрушил правильную иерархию. Душа вышла из послушания духу, подчинилась телу, попала в зависимость от него, «сия зависимость есть то, что мы называем плотию». «Тело, до падения чистое, по своей испорченности от падения сделалось главным врагом души человеческой». Таким образом, душа может быть духовной, но может и утерять дух, стать «плотью».

Подобный взгляд, в целом, совпадает с традиционной христианской антропологией, выраженной, например, в византийской патристике. Большинство ее предста-

вителей также следуют павловой трихотомии (1Фес. 5: 23), описывая человека как единство духа, души и тела. Начиная с IV в., вместо слова «дух» (pneuma) византийские писатели часто употребляют термин «ум» (nous), заимствованный из греческой философии через посредство Оригена и Евагрия, обозначая им «владычественное» в человеке. Освобождая этот термин от платоничеких коннотаций оригенизма, преп. Максим Исповедник характеризовал ум (nous) не столько, «как «часть человека», сколько, как 1) способность, которой обладает человек затем, чтобы превзойти себя ради участия в Боге; 2) единство сложной природы человека перед его конечным предназначением в Боге и в мире; 3) свобода человека, которая может либо полностью раскрыться, обретя Бога, либо же стать ущербной, подчинившись телу» (*Мейендорф И., прот.* Византийское богословие. Минск, 2001. С. 204).

Трактовка духа в отрывке «Плоть-дух», если и не совпадает, то и не противоречит такому пониманию. Жуковский, тоже считает дух тем началом, с помощью которого человек соединяется с Богом; он полагает, что зло в человеке не субстанциально и связано не с телом самим по себе, а с уклонением воли, приводящей душу к утрате духа. Мысль Жуковского о нарушении иерархии духа, души и тела как следствии грехопадения также вполне органична для патристической традиции.

Но наряду с этим у Жуковского встречаются рассуждения, близкие платонизму. Так, в отрывке он употребляет выражение «душа по натуре своей божественна» (ср. аналогичные выражения из статьи «О внутренней христианской жизни»: «природа человека — свободный божественный дух, облеченный в тело», душа «непосредственно истекает из Бога»). В платонизме душа человека трактуется как «Божественная частица» не в переносном, а в прямом смысле слова — не сотворенная ex nihilo, но истекшая, эманировавшая, из Единого. Впрочем, и материю, и тело, неоплатоники тоже считали эманацией Единого, только более низкой в иерархии бытия, чем душа. «Эта «низкая природа», тело и плоть, дебелое и грубое вещество» (*Флоровский Г., прот.* Догмат и история. М., 1998. С. 420) и считалось ими источником зла. Поэтому с их точки зрения, чтобы спастись, душе достаточно освободиться от власти плоти, стряхнуть с себя скверну телесности. Окончательным освобождением является смерть, которая воспринимается как абсолютное благо для души.

Именно на такое понимание сбивается подчас Жуковский. И в таких статьях, как «О меланхолии в жизни и поэзии», «Нечто о приведениях», «Две сцены из «Фауста»», платонический пафос победы над смертью через освобождение бессмертной души от смертного тела подчас преобладает над христианским пафосом победы над смертью через воскресение душ и телес. Аксиологическая грань для Жуковского в этих статьях проходит по линии материальное / духовное, а не по линии тварное / нетварное или святое / греховное. В отрывке «Плоть — дух» мы находим более тщательную и проработанную нюансировку христианской антропологии Жуковского

[1] …(*как было сказано в другом месте*)… — В статье «О поэте и современном его значении. Письмо Н. В. Гоголю» (ПССиП. Т. 12. С. 372—373).

[2] *…мы называем: ум, воля, творчество, вера.* — Мысль о принципиальной цельности человека и его способностей среди знакомых Жуковскому мыслителей последовательнее всего развивали славянофилы (ср. учение И. В. Киреевского о «цельном разуме» и А. С. Хомякова о «всецелом разуме»).

[3] *…без соединения сих трех нет человека.* — В рукописи (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/4) вслед за этими словами идет зачеркнутый текст: «Какое имя дастся ему, когда произойдет разлучение [отрешение] души и духа от тела, когда душа останется самобытна, тело разрушено временно, чтобы после воскреснуть нетленным (по Писанию) и снова с душою соединиться [карандашом надписан и затем зачеркнут вариант: сделаться новою очищенною оболочкою духа и души], этого мы не знаем]. Но то, что мы называем человеком, есть создание, принадлежащее сему миру, и составленное из духа, души и тела, душою соединенное с высшим миром, а телом присвоенное здешнему» (Л. 34—34 об.).

[4] *…с которым тело вводит ее в сношение.* — В РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/4 вслед за этими словами идет зачеркнутый текст: «Дух бодр, а плоть немощна [Мф. 26: 41]. Это значит: душа сама по себе сильна, но по влиянии на нее тела слаба» (Л. 35).

[5] *…под влиянием внешнего мира.* В копии № 2 (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/4) вслед за этими словами идет зачеркнутый текст: «*Душа* есть живая, нравственная, умственная, деятельная часть человека, противуположная телу, но в соединении с ним; *дух* есть сия же самая душа, собственною силою освободившаяся от влияния тела, ему и миру внешнему неподвластная». Дальнейший текст представляет собой вставку, помещенную на полях:

Душа в точном смысле есть душа, зависимая от тела. С[вященное] Писание отличает дух от души. Из этого не следует, чтобы в человеке было два духовных элемента. Здесь выражено, что существует <1 нрзб.> но душою человеческою, непосредственно <1нрзб.> Божие, чистый дух <1 нрзб.> утратил эту чистоту падением, но не утратил божественного своего [происхождения]; сии два элемента первобытной чистоты и греховного падения, соединившиеся в одну сущность, не исключают один другого. Чистый элемент сохраняет свою божественность и есть в отношении к элементу низшему то же, что душа в отношении к телу, он сохранил свою духовность, тогда как низший падением приобрел свойство телесности: сей последний, так сказать, составляет духовно-телесную оболочку [человека], есть его духовное тело» (Л. 35—37).

Таинство Причащения

(«Причащение Святых Таин…»)

(С. 443)

Автограф неизвестен.

Копии:

РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70 / 4. Л. 42—52 — авторизованная.

РНБ. Ф. 286. Оп.2. № 39. Л. 84 — авторизованная.

Впервые: С 5. Т. 11. С. 54—58.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по копиям.
Датируется: после 12 (24) апреля 1845 — июнь 1850 г.

Отрывок заимствован из цикла «Мысли и замечания» (№ 42).

Жуковский не раз обращался к теме таинства причащения и в своих дневниках, и в поэзии: стихотворения «На смерть Ее Величества, королевы Виртембергской», «Праматерь внуке», поэма «Странствующий жид» (ПССиП. Т. 4. IV. С. 303, ст. 1442—1465).

Но, пожалуй, наиболее глубоким из всего, написанного Жуковским о Причащении, являются его заметки в рабочей тетради (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 66; датируются по записи в рукописи: 14 (26) августа 1848 — 3 (14) апреля 1849 г.). Как и многие заметки такого рода, они были написаны Жуковским преимущественно во время говения и носят дневниково-исповедальный характер. К сожалению, не все они легко читаются, многие написаны очень неразборчиво. Приводим их текст:

«Что такое причащение. Соединение с Богом посред[ством] Тела и Крови Христовой (с Богом через Бога), посредством таинственного принятия их в себя в виде хлеба и вина, превращенных таинством в сущность Тела и Крови Христовых и в сем превращении тесно соединяющих нас со Христом и через то [нрзб.] и очищением грехов, если мы принимаем их с верою, но производящих в нас осуждение, когда мы их принимаем без веры. В сем последнем случае мы ругаемся над Самим Христом, дерзая вводить Его в нашу внутренность, в жилище Его недостойное.

Одна жизнь во Христе, Боге Спасителе, соединяет нас с Богом Создателем (Он в Отце, а мы в Нем) благодатию Святого Духа; одна вера дает нам право приступить без осуждения к чаше, заключающей в себе Тело и Кровь Христову. И это право не есть еще наше достоинство, оно путь к его приобретению, путь, который никогда не приводит к ней (к приобретению нашего достоинства), но который к ней стремит и в этом стремлении, час от часу усиливающемся, час от часу более нас очищающем, час от часу более нас проникающем, состоит жизнь христианская. Другое имя этому стремлению есть *покаяние*, то есть, признание своего *недостоинства* как вообще, так и частно, в греховных наших действиях, делом, словом, чувством, мыслию, безмыслием, бесчувствием, бездействием, равнодушием, рассеянностию, непроизвольным и произвольным отрицанием, забвением о Боге в делах житейских и в самых добрых наших действиях, без воспоминания о Христе совершившихся и не составляющих жертвы душою нашею Ему принесенной. И одного притом нашего *недостоинства* недовольно; оно должно быть соединено с скорбию от его в нас пребывания, с *желанием* его уничтожить, с убеждением, что это возможно только Иисусом Христом, с *надеждою*, что оно через Него совершится, с *верою*, что это совершение произойдет через принятие Его Святого Тела и Крови, с *любовию* за такое великое благо, Его *благодатию* нашей недостойной душе даруемое, наконец, с *смирением*, из всего этого происходящим, то есть [с] младенческою преданностью в отеческую его благость.

Обращая все это на себя, спрашиваю, имею ли право приступить к причащению Святых Таин? И должен с трепетом отвечать: не имею.

Есть ли во мне вера во Христа Спасителя? Нет веры! Ибо нельзя назвать верой убеждение в ее необходимости и ее <нрзб.>.

Есть ли желание веры? Могу ли так же назвать *желанием* то же самое шаткое *убеждение*, что вера во Христа Спасителя есть величайшее благо души моей, что я за нее охотно отдал бы все другие блага, что без нее жизнь представляется мне чем-то без всякой цели, без всякого назначения; это убеждение во мне существует; но оно еще не имеет [характер] живость *желания*, желания беспрестанно <нрзб.>щего и тревожащего душу, *желания*, отверзающего дверь вере. Я [должен] могу почти по одному убеждению, но еще без чувства, говорить одно: Господи, желаю верить, помоги моему неверию. Могу сказать хочу веры, не могу сказать желаю веры.

При таком состоянии души не может в ней быть и *покаяния*, то есть *скорбящего признания* своего недостоинства, а [есть одно] *убеждение в своем недостоинстве*, мертвое, холодное, недеятельное, ни к чему не стремящее убеждение, соединенное, впрочем, с понятием, что нет ничего спасительнее и выше такой скорби, но ее не производящее.

Сколько, сколько препятствий душе человеческой вырваться из-под гнета, ее давящего. <…>

Обращаюсь на себя. Если я должен принять что, в теперешнем моем положении, не имея права приступить к причащению Святых Таин, то должен ли это себе позволить.

Я знаю, что я недостоин, но, зная это, не имею в себе того скорбного чувства, которое должно бы производить во мне это знание. Во мне есть только одно: *неотрицание*. Довольно ли этого, чтобы причаститься к такой святыне. Но могу ли произвольно себя лишить ее? <…>

Лютер в своем катехизисе говорит, что именно в моем <1 нрзб.> состоянии души и необходимо прибегнуть к целебному причащению; что если с одной стороны к нему приводит вера, то с другой оно своей силой дает веру сердцу, ее желающему, но собственных сил не имеющему. Что скажет на это духовный отец мой?

И[исусе] Х[ристе], души моей утешение, очищение ума моего.

Апостолов слава, похвала мучеников,

Монашествующих слава, постников утверждение,

Отверзи мне двери покоя,

Исхити мя из руки льстивого врага.

<…>

Ангелов Творец и Господь сил, отверзи мне недоуменный ум и язык на похвалу Твоего имени.

Ангелов удивление, прародителей избавление, пророков исполнение, мучеников крепости, монахов радости, пресвитеров сладости, постников воздержание, преподобных радование, девственных целомудрие, грешников спасение.

Всея твари украсителю, души моея утешителю, тела моего здравие,

Хранитель в младости моей, кормитель в юности моей, похвала в старости, надежда в смерти, животе по смерти, утешение на суде Твоем,

Мудрость недомыслимая, быстрота умная, радость совестная, надежда известная,

Отжени от меня уныние, даждь мне память смертную.

Пище крепкая, питие неисчерпаемое, нищих одеяние, <1 нрзб.> наставник, плавающих кормчий, бурных отишие.

Ко страху Твоему пригвозди мя.

Окорми мя ко пристанищу безопасному.

Ангельские ликостояния воспевают и [поют] Твое величие» (Л. 82 об. — 79).

После столь строго суда над самим собой Жуковский как будто бы достигает душевного мира и просветления, по крайней мере, именно таким настроением полны фрагменты, читающиеся через несколько страниц неразборчивых записей:

«Это есть жить в Благодати. О, великая неизреченная жизнь! Ты кажешься бедною! Но что тебя богаче? Ты возвращаешь меня к жизни божественной. Ты передаешь мне сердце Бога и Бога в мое сердце.

Господь И.[исус.] Х.[ристос] дает нам Себя Самого в причащении С.[вятых]Таин. И всякий раз, когда мы Его вновь принимаем, мы вновь возлагаем на себя обязанность жить Им и для одного Его и во всем, что <1 нрзб.>, чувствуем, и мыслим быть подобными Ему — в Нем Богу. — Лучшая молитва пред причащением есть совершенно младенческое, нетревожное предание себя в Его волю. Кто верит, тот уже имеет. Кто хочет верить, тому Он даст. Иди к Нему спокойно. Он любит спасение души человеческой и даст его тому, кто <нрзб.>. Кто же его имеет, верою и любовию, тот имеет все, тот достоин пристанища мирного» (Л. 76).

«Кто причащается и страшится страдания, тот не вполне причащается. Жить без страдания есть жить без любви» (Л. 74).

«Хлеб жизни заключает в себе неисчерпаемый источник жизни. Преданная, с постоянною готовностью принимать в себя сию пищу, душа скопит в себе залог сил духовных и благодати, которую при постоянной готовности ее <1 нрзб.> даст ей сия святая животворящая пища. —

О, чистая любовь! О, чистота и очищение любви! Блажен кто тебя ищет. Блажен кто тебя имеет! Блажен кто, сохранив тебя, в тебе умирает» (Л. 73).

[1] *Помяни мя ~ Своем.* — Лк. 23: 42. Эти слова входят в состав молитвы «Вечери Твоея тайныя…», читаемой непосредственно перед причащением.

[2] *…днесь со Мною будеши в раю.* — Лк. 23: 43.

[3] *…представляет посредник, крест, Евангелие, перед которыми должны мы не обинуясь раскрыть свою душу…* — Имеется в виду таинство исповеди, совершаемое священником перед крестом и Евангелием.

[4] *…мы осуждены ~ не сотворил.* — Лк. 23: 41.

[5] *…для вступления с Ним в отворенную дверь искупления.* — Тот же образ Жуковский использует при описании таинства причащения в стихотворении «Праматерь внуке» (1819): «Приступим… дверь для нас отворена; / Не трепещи пред сею тайной чашей — / Тебе несет небесное она» (ПССиП. Т. 2. С. 154).

[6] *…перед видимым представителем Божиим…* — Т. е. перед священником.

[7] *…дал Сам Спаситель власть связывать и разрешать.* — Мф. 18: 18.

[8] *…не в суд и не в осуждение, а в жизнь вечную.* — Ср. завершающие слова молитвы перед святым причащением.

[9] *Господи! Отыми у меня, что отвращает от Тебя…* — В копии № 1 (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1—5) этот отрывок отсутствует. В писарской копии (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39. Л. 97—98) он, единственный из всех отрывков, записан Жуковским собственноручно. Тема отрывка перекликается с темой статьи «О внутренней христианской жизни». Отрывок начинается с составленных Жуковским молитвенных обращений. Подобные рода молитвы, краткие и пространные периодически встречаются на страницах его поздних дневников (ПССиП. Т. 14. С. 286; см. также комментарии к отрывку «Таинство причащения»). Составлял он молитвы и в молодости: ср. молитву для сестер М. А. и А. А. Протасовых, составленную Жуковским в 1806 г. («Просвещать ум свой, беседуя с Тобою…»: молитва, составленная В. А. Жуковским. Публ. свящ. Д. Долгушина // Жуковский и время: Сб. статей. Томск, 2007. С. 282—291).

[10] *Естественный свет ~ и чистотою своею превосходит.* — Противопоставление естественного света разума и божественного света благодати традиционно для христианской аскетики.

II. Философия

Наука

(«Наука есть богатство ума человеческого…»)
(С. 448)

Автограф неизвестен.
Копии:
1) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1. Л. 3—14 об. — авторизованная.
2) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39. Л. 99 — авторизованная.
Впервые: ЖМНП. 1854. Ч. 81. Отд. II. С. 4—9; срв.: С 5. Т. 11. С. 95—104.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС. Т. 11. С. 15—18 со сверкой по копиям.
Датируется: октябрь 1849 г. — июнь 1850 г.

В копии № 1 отрывку «Наука» предшествует фрагмент «Слово Паскаля имеет необъятное значение ~ которого имя: *Божья вечность*» (л. 1—2 об.). Этот фрагмент вместе с отредактированным фрагментом № 41 из цикла «Мысли и замечания» (ПССиП. Т. 14. С. 315) был включен Жуковским в первую часть статьи «Две сцены из "Фауста" и, вероятно, поэтому исключен из цикла "Отрывки"».

[1] *Каждое новое приобретение науки ~ умножающее способы наших наслаждений…* — В копии № 1 вслед за этими словами идет зачеркнутый текст: «…само по себе, если можно так сказать, нечто умственно-механическое, похожее на увеличение капитала банкира, которому приобретение становится час от часу легче,

которому первый талер, им приобретенный, стоил гораздо дороже, нежели теперь сотни тысяч талеров, когда он имеет уже миллионы. Так и в науке (в особенности в науке, имеющей предметом изучение природы и руководимой верным компасом математики, которая указывает верный путь на беспредельной пустыне науки естественной)…» (Л. 3).

[2] *…Бюффоново терпение в высочайшей степени.* — См. комментарий 1 к отрывку «Философический язык». Слова «терпение в высочайшей степени» в рукописи подчеркнуты.

[3] *…окружающего нас тревожного мира ~ относительно души нашей.* — В копии № 1 вслед за этими словами идет зачеркнутый текст: «Душе человеческой мало от того пользы, что вследствие открытий науки Ротшильд с неимоверною скоростью получает со всех концов земли коммерческие и политические вести, что устрицы из Остенде могут поспевать в Петербург живые, что в немногие дни от Стокгольма до Ньюарка, от Лондона до Калькутты могут доходить нелепые умствования газетчиков и прочее, и прочее. Все это мелкое и высокое и истинное и ложное принадлежит скоропреходящему. Душе нужно то, что ее собственность неизменная и неотъемлемая» (Л. 6 об.).

[4] *…с которыми вместе и сам он колодник.* — В своих замечаниях на рукопись Жуковского, сделанных для Главного управления цензуры, К. С. Сербинович так комментирует эти слова: «Выражение, правда, резкое, но употребленное для изображения ложной мудрости, или мудреца без веры, науки без откровения. В чем же тут сомневаться?» (РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. № 289. Л. 5).

[5] *…с тем впечатлением в душе, какое потрясло того несчастного, описанного Жан-Полем, который обошел все творение, искал повсюду Бога и не нашел Его.* — По-видимому, Жуковский имеет в виду отрывок из романа Жан-Поля «Зибенкез» под названием «Rede des toten Christus vom Weltgebaude herab, dass kein Gott sei» («Речь мертвого Христа с вершины мироздания о том, что Бога нет»), в котором немецкий писатель, как и Жуковский, развивает мысль об абсурдной мучительности обезбоженного мира, отданного во власть «холодной, вечной необходимости». Развивая эту тему с присущей ему причудливой фантазией, Жан-Поль описывает сон своего героя, в котором тот видит «мертвого Христа», говорящего собравшимся в кладбищенской церкви мертвецам: «Я шел через миры, проникал в горячие звезды и летел вместе с млечным путем через пустыни вселенной, но Бога нет. Я спускался вниз до последних пределов, куда доходит тень сущего, смотрел в бездну и звал: «Отче, где ты?» — но слышал я лишь гудение вечности, никем не управляемое. Мерцающая радуга жизни повисала над бездной, с нее скатывались капли и падали вниз. Но радугу может зажечь только солнце, а солнца не было! Я искал божественного ока в бесконечной вселенной, но вселенная смотрела на меня пустой бездонной глазницей. Вечность снова и снова пережевывала самое себя, она лежала на хаосе, сея в нем все больший распад. Вопиите, разлаженные звуки, разрывайте тени: Его нет!» (перевод К. Блохина). Заметим, что, как и Жуковский, Жан-Поль совсем не согласен с такой картиной мироздания: «вся эта *проповедь мертвым* представлена у Жан-Поля как *сон*, очнувшись от которого, спящий должен испытать чувство противоположное,

чувство радости, блаженства — от того, что непоправимость смерти оказалась лишь страшным сном и что на деле все иначе, на деле Бог совсем *не умер*» (*Михайлов А. В.* Обратный перевод. М., 2000. С. 553).

[6] *…все первозданные горы, заключающие в слоях своих мертвую летопись мира материального…* — Об образовании гор и об окаменелостях, сохранившихся в них, Жуковский подробно писал в конспекте по географии, составленным им для наследника престола (1826): «Между развалинами гор, посреди слоев заключаются и растения и морские животные, окаменевшие от времени. Слоевые горы: огромные груды развалин, лежащих на прежних горах горизонтальными слоями с окаменелостями растений и морских животных и начало земных животных» (РГАЛИ Ф. 198. Оп. 1. № 41. Л. 3).

[7] *…из глубины знания…* — В своих замечаниях на рукопись Жуковского, сделанных для Главного управления цензуры, К. С. Сербинович комментирует это место: «Здесь может показаться сомнительным слово: *из глубины знания*. Но как во всей статье доказывается, что душе прежде всего нужен Бог, то и здесь разумеется, что и в науке Бог предваряет того, кто его ищет верою» (РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. № 289. Л. 7).

Аксиомы

(«В наше время, когда все опрокинуто…»)
(С. 451)

Автограф неизвестен.
Копии:
1) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1. Л. 15—18 об. — авторизованная.
2) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39. Л. 99 — авторизованная.
Впервые: С 5. С. 66—70.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по копии № 1.
Датируется: октябрь 1849 г. — июнь 1850 г.

В ПСС этот отрывок объединен с последующим под общим названием «Вера и знание». В копии № 2 отрывок записан отдельно, но без заглавия. В копии № 2 — отдельно под названием «Аксиомы». Именно этот текст в наибольшей степени отражает волю автор.

[1] *…невидимый видимого Создатель.* — В своих замечаниях на рукопись Жуковского, сделанных для Главного управления цензуры, К. С. Сербинович следующим образом поясняет эти слова: «Это сказано о Боге и совершенно справедливо. Для строгой полноты надлежало бы прибавить: *и невидимого.* Но тут нет отрицания сего последнего, а говорится об одном видимом потому только, что Создатель невидим, т. е. для контраста» (РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. № 289. Л. 1).

[2] *…главное передовое положение, первая точка отбытия…* — Выражения «передовое положение» и «точка отбытия» — кальки с нем. Vordersatz и франц. Point de départ, вероятно, заимствованные Жуковским у Л. Рюккерта и Л. Ботена соответственно. См. комментарий 3 к отрывку «Истина».

Две философии

(«Чистая умозрительная философия…»)
(С. 452)

Автограф неизвестен.
Копии:
1) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1. Л. 19—19об. — авторизованная.
2) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39. Л. 99 — авторизованная.
Впервые: ЖМНП. 1854. Ч. 81. Отд. II. С. 1—2.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по копии № 1.
Датируется: 1844 г. — июнь 1850 г.

В ПСС этот отрывок объединен с предыдущим под общим названием «Вера и знание». В копии № 2 отрывок записан отдельно, но без заглавия. В копии № 1 — отдельно под названием «Две философии», что в наибольшей степени соответствует содержанию произведения. Отрывок представляет собой довольно значительно отредактированный последний абзац фрагемента № 2 из цикла «Мысли и замечания».

В отрывке Жуковский вновь обращается к изложению тезиса, объединяющего его с фидеистами: вера в Бога не доказывается философией, но сама лежит в основе подлинной философии.

[1] *…результат неумотворного понятия о Боге…* — В своих замечаниях на рукопись Жуковского, сделанных для Главного управления цензуры, К. С. Сербинович пишет по поводу этих слов: «выражение новое, но верное, и нет ничего противного цензуре» (РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. № 289. Л. 2).

[2] *В первой умозрения принадлежат особенному метафизическому миру…* — Противопоставление умозрительной и практической философии традиционно для Жуковского с ранних лет (см. комментарий к «Мыслям и замечаниям»: ПССиП. Т. 14. С. 550).

Философический язык

(«Наш философический язык…»)
(С. 452)

Автограф неизвестен.
Копии:
1) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1. Л. 20—29 об. — авторизованная.

2) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39. Л. 84 — авторизованная.
Впервые: С 5. Т. 11. С. 85—94.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по копиям.
Датируется: октябрь 1849 г. — июнь 1850 г.

1840-е гг. были временем, когда в русском образованном обществе «философские интересы распространялись с упорством и быстротой психической заразы» (*Чижевский Д. И.* Гегель в России. СПб., 2007. С. 49). Жуковский соприкоснулся с этой атмосферой «неистового гегельянства» и «философского пробуждения» (Г. В. Флоровский) во время своего приезда в Москву в 1841 г. Ее описывала в своих письмах ему А. П. Елагина: «Все суетятся, спорят, кричат, а все из пустого и без толку! Sein и nicht Sein, Werden, да Славянизм, да происхождение языков: уже несколько лет только и слышишь» (Переписка Жуковского и Елагиной. С. 314). Актуализация философского контекста русской культуры делала особенно важным вопрос о философском языке, к которому и обращается Жуковский в данном отрывке.

[1] *…справедливо выражение Бюффона: гений есть терпение в высшей степени.* — Это устное высказывание Бюффона было известно современникам в передаче Э. де Сешеля и г-жи Неккер. Н. М. Карамзин поместил его в свой «Пантеон иностранной словесности» (Вып. 1. 1798) и использовал в статье «Отчего в России мало авторских талантов» (1802): «Бюффон странным образом изъясняет свойство великого таланта или гения, говоря, что он есть *терпение в превосходной степени*» (*Карамзин Н. М.* Сочинения в 2 т. / Сост., коммент. Г. П. Макогоненко. Т. 2. Л., 1984. С. 124). Характерно, что эта статья составляет любопытную параллель комментируемому отрывку: Карамзин в ней рассуждает о выработке русского литературного, а Жуковский в своем отрывке — философского языка. Вероятно, работая над отрывком, Жуковский вспоминал давнюю статью своего учителя, тем более, что работа над ним, судя по расположению черновых набросков в рукописи (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 62), началась в юбилейном «карамзинском» 1846 г.

Следует отметить, что Жуковскому было, несомненно, известно использование изречения Бюффона А.Ф. Воейковым в неоконченной поэме «Искусства и науки» (1819): «Бюффон давно сказал: терпение есть гений», а также А. С. Пушкиным в статье «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» (1831): «Гений есть *терпение* в высочайшей степени» — сказал известный г. Бюффон» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. Л., 1978. С. 171).

[2] *Сделаем однако опыт ~ они яснее, нежели субъективность и объективность.* — Вероятно, к этим опытам изобретения русского «философического языка» имеют отношение языковые эксперименты, записанные Жуковским на обратной стороне обложки тетради (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 62). Зачеркнутые слова приводим в угловых скобках:

	я
<Подлежащее — предмет	личность
личность — предличность	единица
яственность — онственность	неделимое
моиственность — твоиственность	персона
онство — ихность>	я — он
	лице — личность
	единица
	неделимое
лице — личность — предличность	<предмет — предлич[ность]>
я — <яственность> моиственность	<личность — предл[ичность]>
ты — твоиственно[сть]	мы — нашественность
он — онство	вы — вашествость
они — ихность	
предмет — предлич[ное]	
подлежащее — подлежательность	
[предмет] — <1 нрзб.>он — онство	
они — ихность	
предмет — предлич[ное]	
подлежащее — подлежательность	
[предмет] — <1 нрзб.> (*Л. I*)	
я — моиственность	вещь — вещественность — вещество
ты — твоинственность	предмет — предличное — предличность
он — онственность	
мы — нашественность	
вы — вашественность	
они — ихность (*Л. 1*)	

[3] *Мне кажется, что слово субъект…* — Об истории этого термина в 1840-е гг. см.: *Плотников Н.* К истории понятия *субъект* в русской мысли // Интеллектуальный язык эпохи. История идей, история слов. / Отв. ред. С. Зенкин. М., 2011. С. 106—116.

[4] *Слово есть откровение.* — После этих заключительных слов в копии № 1 идет Постскриптум:

«Postscriptum

Не знаю, будешь ли ты доволен моею философиею и философическим языком. Я не имею никаких притязаний на философическую ученость: я мало занимался предметами философии умозрительной, и еще менее писал об них; от этого и в мыслях моих и в моем их выражении должна быть необходимо неопределенность» (Л. 29 об.).

Как видно, из этого Постскриптума, первоначально отрывок писался в форме письма (м.б., Н. В. Гоголю?).

Идея бытия
(«Декарт сказал…»)
(С. 455)

Автограф неизвестен.
Копии:
1) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1. Л. 30—31 об. — авторизованная.
2) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39. Л. 84 — авторизованная.
Впервые: С 5. Т. 11. С. 48—59.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по копиям.
Датируется: 1844 г. — июнь 1850 г.

Отрывок представляет собой незначительно отредактированный фрагмент № 18 из цикла «Мысли и замечания».

[1] *…я существую, мысля.* — После этих слов в черновой редакции следовало зачеркнутое Жуковским предложение: «Идея *существования* есть идея врожденная, она должна в нас существовать уже чтобы всякая идея могла быть нам возможна» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1. Л. 30).

Свобода
(«Что есть свобода?..»)
(С. 456)

Автограф неизвестен.
Копии:
1) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1. Л. 32—33 об. — авторизованная.
2) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39. Л. 84 — авторизованная.
Впервые: С 5. Т. 11. С. 60—61.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой копиям.
Датируется: после 23 марта 1847 г. — июнь 1850 г.

Отрывок представляет собой незначительно отредактированный фрагмент № 8 из раздел 2 «Воспитание» цикла «Мысли и замечания».

[1] *Что есть свобода ~ от судьбы, от людей.* — Ср. слова Агасфера из «Странствующего жида»:

На потребу мне одно
Покорность и пред Господом всей воли
Уничтожение. О, сколько силы,
Какая сладость в этом слове сердца:

«*Твое, а не мое да будет!*» В нем
Вся человеческая жизнь; в нем наша
Свобода, наша мудрость, наши все
Надежды; с ним нет страха, нет забот
О будущем, сомнений, колебаний;
Им все нам ясно; случай исчезает
Из нашей жизни; мы своей судьбы
Властители, понеже власть Тому
Над нею предали смиренно, Кто
Один всесилен, все за нас, для нас
И нами строит, нам во благо.

(ПССиП. Т. 4. С. 304—305).

Твердость и упрямство

(«*Твердость* есть сила…»)
(С. 456)

Автограф неизвестен.
Копии:
1) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1. Л. 34—34 об. — авторизованная.
2) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39. Л. 84 — авторизованная.
Впервые: С 5. Т. 11. С. 61—62.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по копиям.
Датируется: октябрь 1849 г. — июнь 1850 г.

Отрывок свидетельствует о том, что интерес к моральной философии, характерный для молодого Жуковского, сохранялся у него до конца жизни.

Благотворение

(«Люби Бога всею душою…»)
(С. 457)

Автограф неизвестен.
Копии:
1) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1. Л. 35—36 об. — авторизованная.
2) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39. Л. 84 — авторизованная.
Впервые: С 5. Т. 11. С. 63—64.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по копиям.
Датируется: после 11 июля 1844 г. — июнь 1850 г.

Отрывок представляет собой незначительно отредактированный фрагмент № 25 из цикла «Мысли и замечания».

[1] *Люби Бога ~ закон христианина.* — Ср. Мф. 22: 37—39. Характерно при этом, что к евангельскому изречению «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею» (Мф. 22: 37, перевод Жуковского: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В. А. Жуковского. СПб., 2008. С. 41) Жуковский добавляет: «и всеми делами».

[2] *…да святится имя Твое … благотворению.* — К толкованию молитвы «Отче наш» Жуковский обращался в своей поздней прозе неоднократно. Кроме комментируемого отрывка этому посвящен фрагмент № 23 из «Мыслей и замечаний», вошедший в цикл «Отрывки» («*Будьте подобны младенцам…*»), фрагмент № 43 из «Мыслей и замечаний» (ПССиП. Т. 14. С. 321—322), вошедший в статью «О молитве».

[3] *…и не заботится о завтрашнем дне.* — Ср. Мф. 6: 34.

[4] *Отец семейства ~ в настоящем.* Это место рассуждения Жуковского, несомненно, автопсихологично. Как известно, всю жизнь он занимался самой самоотверженной благотворительностью. Продолжалось это и в 1840-е гг.: Жуковский так же, как и раньше, тратил и финансовые средства, и неформальный кредит доверия к нему со стороны высокопоставленных особ для помощи разным лицам. Между тем, материальное положение появившейся теперь у него семьи все больше беспокоило стареющего поэта, боявшегося оставить своих детей без средств к существованию. Эта коллизия и стала предметом размышления в комментируемом отрывке.

Несчастие

(«Можно сравнить несчастие с величественным гигантом…»)
(С. 457)

Автограф неизвестен.
Копии:
1) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1. Л. 37 — авторизованная.
2) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39. Л. 84 — авторизованная.
Впервые: С 5. Т. 11. С. 64—65.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по копиям.
Датируется: 6 (18) апреля 1821 г. — июнь 1850 г.

Отрывок представляет собой несколько отредактированную запись Жуковского в альбоме, подаренном ему великой княгиней Александрой Федоровной в 1821 г. (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. Л. 5), которая следует за записью на немецком языке от 4 (16) апреля 1821 г (БЖ. Ч. 1. С. 202). Возможно, обе записи предназначались для очередного выпуска задуманного Жуковским домашнего рукописного журнала «Лалла Рук» (см.: ПССиП. Т. 2. С. 599). В таком случае именно к ним относится замечание Жуковского в его дневнике 6 (18) апреля: «чтобы кончить нынешний день лучше, и я перечитал в моей Лалла Рук то, что написано было великою княгинею, и написал кое-что свое» (ПССиП. Т. 13. С. 163). Это «кое-что свое», по-видимому, и есть запись, которая в будущем превратится в отрывок «Несчастие».

Если приведенные выше предположения верны, то мы можем не только точно определить дату создания первой редакции отрывка (6 (18) апреля 1821 г.), но и восстановить контекст его написания. 6 (18) апреля 1821 г. приходилось на среду Страстной седмицы. К тому времени уже три дня Жуковский (как и другие придворные свиты) говел вместе с великой княгиней Александрой Федоровной, посещая богослужения в походной церкви. На вечерне он заметил в руках великой княгини письма ее матери — скончавшейся 11 лет назад королевы прусской Луизы. Это наблюдение привело его в восторг: «какая прелестная, трогательная мысль обратить в молитву, в очищение души, в покаяние — воспоминание о матери!» (ПССиП. Т. 13. С. 163). По-видимому, данный случай и стал поводом к написанию аллегории о величественном великане: несчастие (смерть матери) не раздавило Александру Федоровну своими свинцовыми ногами потому, что она, возвысившись душой, в самом этом несчастии нашла «светозарное», «прекрасное» лицо — воспоминание, обратившееся в молитву. Заметим, что дневниковая запись 6 (18) апреля является инверсией дневниковой записи, сделанной Жуковским двумя месяцами раньше и также адресованной Александре Федоровне (ПССиП. Т. 13. С. 157—158), в которой Жуковский описывает «зеркальную» ситуацию: не Александра Федоровна читает письма умершей матери, но ее умирающая мать читает письмо Александры Федоровны (тогда — двенадцатилетней принцессы Шарлотты). Характерно, что обе записи были включены Жуковским в цикл «Отрывки» (вторая — под заглавием «Воспоминание», см. ниже комментарии к ней).

В последующем Жуковский неоднократно использовал аллегорический образ несчастия как великана со светлым лицом и свинцовыми ногами, в том числе и в устном общении. А. Н. Муравьев упоминает о разговоре Жуковского с ослепшим и парализованным И. И. Козловым: «Помню, какое трогательное слово сказал однажды Жуковский, чтобы утешить болящего: «Ты все жалуешься на свою судьбу, друг мой Иван Иванович; но знаешь ли, что такое судьба? — это исполин, у которого золотая голова, а ноги железные. Если кто, по малодушию, пред ним падет, того он растопчет своими железными ногами; но если кто без страха взглянет ему прямо в лицо: того осияет он блеском золотой головы!» Как это глубоко и проникнуто загадочною мудростию Востока! Козлов заплакал и потом переложил слова сии на стихи» (Жуковский в воспоминаниях. С. 310). На данный сюжет Козлов написал одно из лучших своих стихотворений «Стансы» (1834):

Подумал я: несчастье… что оно?
Оно — гигант, кругом себя бросая
Повсюду страх, и ноги из свинца, —
Но ярче звезд горит глава златая
И дивный блеск от светлого лица.
Подавлен тот свинцовыми ногами,
Пред грозным кто от ужаса падет,
Но, озарен, блестит его огнями,
Кто смело взор на призрак возведет.

Стихотворение было, несомненно, известно Жуковскому и включено им в «Собрание стихотворений Ивана Козлова». (СПб., 1840. Ч. 2. С. 250—251). Этот же образ Жуковский использовал в написанном им (или при его участии) предисловии, к первому изданию поэмы «Чернец» И. И. Козлова:

От издателей

Мы не хотим предупреждать суда наших читателей о небольшой поэме, которую здесь им предлагаем: и без нас они найдут в ней красоты возвышенные, и без нас могут заметить, что воображение поэта согрето пламенем чувства, что язык его силен, прост и живописен. Мы скажем несколько слов о самом поэте. Судьба его должна возбудить нежнейшее участие в каждом благородном сердце. Несчастие, часто убийственное для души обыкновенной, было для него гением животворящим. «Несчастие — сказал некто — можно сравнить с великаном, имеющим голову светозарную и ноги свинцовые. Кто сам высок, или кто может возвыситься, чтоб посмотреть прямо в лице сему ужасному посланнику Провидения: тот озарится его блеском, и собственное лице его просветлеет; но тот, кто низок, или кто, ужаснувшись ослепительного света, наклонит голову, чтобы его не видать: тот попадет под свинцовые ноги страшилища и будет им раздавлен, или затоптан в прах». Сей жребий миновал нашего страдальца: он имел довольно мужества, чтоб посмотреть *прямо в лицо* своему страшному посетителю… (Чернец, киевская повесть. Сочинение Ивана Козлова. СПб., 1825. С. 3—4).

Ту же аллегорию Жуковский положил в основу своего стихотворения «Судьба» (1837) (ПССиП. Т. 2. С. 700—702).

Травестийное использование мотива свинцовых ног находим в шуточном экфрасисе «Malerische Darstellung einer Bleifüssler-Procession» («Живописное изображение свинцово-суматошной процессии»), написанном Жуковским в июле 1840 г. во время сватовства к Е. Рейтерн. Согласно ему, Г. Рейтерн должен был нарисовать картинки с изображением лежащего в стеклянном гробе свинопаса, стоящего рядом Обжоры (аллегория времени) и зловещих «свинцовых ножек», которые медленно проползают мимо гроба (*Веселовский*. С. 420—421). В данном случае свинцовые ноги становятся символом того, как медленно тянется время, но сохраняется и мотив их гибельной силы, характерный для отрывка «Несчастие».

Надежда

(«Земную надежду можно сравнить с светлою радугою…»)
(С. 458)

Автограф неизвестен.
Копии:
1) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1. Л. 40 — авторизованная.
2) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39. Л. 84 — авторизованная.
Впервые: С 5. Т. 11. С. 65.
В прижизненных изданиях отсутствует.

Печатается по ПСС со сверкой по копиям.
Датируется: 11 июля 1844 г. — июнь 1850 г.

Отрывок заимствован из цикла «Мысли и замечания» (№ 31). В копии № 1 рядом с ним помещены его переводы на французский и немецкий языки (Л. 40—40 об.).

[1] *Земную надежду можно сравнить со светлою радугою…* Сходный образ Жуковский использует в письме А. О. Смирновой: «Моя жизнь пролетела на крыльях легкой беззаботности, рука в руку с призраком поэзии, которая нас часто погибельным образом обманывает насчет нас самих, и часто, часто мы ее светлую радугу, приведение ничтожное и быстро исчезающее, принимаем за твердый мост, ведущий с земли на небо» (*Зейдлиц.* С. 204).

Случай

(«У одного умного человека спросили: что такое случай?..»)
(С. 458)

Автограф неизвестен.
Копии:
1) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1. Л. 40 — авторизованная.
2) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39. Л. 84 — авторизованная.
Впервые: С 5. Т. 11. С. 66.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по копиям.
Датируется: 11 июля 1844 г. — июнь 1850 г.

Отрывок представляет собой незначительно отредактированный фрагмент № 32 из цикла «Мысли и замечания».

[1] *…что такое случай? ~ инкогнито Провидения.* — Авторство этого довольно распространенного в 1840-х гг. французского афоризма приписывали то известной мемуаристке г-же де ла Тур дю Пен, то историку А. Мишо, то знаменитой хозяйке католического парижского салона С. Н. Свечиной, то ее ученику консервативному французскому политику А. Фаллу. Жуковский был знаком со Свечиной и бывал у нее в салоне в 1827 г. (ПССиП. Т. 13. С. 260, 272). Вероятно, он знал и А. Фаллу, который в 1836 г. несколько недель провел в Петербурге. Поэт мог слышать этот афоризм и от своего друга Д.Н. Блудова, который поместил его в своей записной книжке во французском оригинале: «Le hazard, c'est l'incognito de la Providence» и любил повторять его («Мысли и замечания графа Дмитрия Николаевича Блудова. (Из его записной книги). СПб., 1866. С. 14, 63»). Скорее всего, Блудову и принадлежит авторство этого афоризма, родившегося в одной из его бесед с Ж. де Сталь: «Баронесса де Сталь, в разговоре с Александром Павловичем о том приятном впечатлении, какое оставил в ней русский народ во время ее путешествия, заметила, что он может быть счастливым даже без конституции под управлением такого, как

он, Государя. «Это только счастливая случайность», — сказал Государь. Сталь передала этот разговор, о котором упоминает в своих записках, Блудову: Le hazard c'est l'incognito de la Providence, отвечал Блудов» (*Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. СПб., 1871. С. 26).

Воспоминание

(«О милых спутниках…»)

(С. 458)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 70/1. Л. 41—43 — авторизованная.

2) РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39. Л. 84 — авторизованная.

Впервые: С 5. Т. 11. С. 74—79.

В прижизненных изданиях отсутствует.

Печатается по ПСС со сверкой по копиям.

Датируется: 16 (28) февраля 1821 г. — июнь 1850 г.

Отрывок соединяет тексты, написанные Жуковским в разное время, — выдержку из дневника и два стихотворения.

[1] *О милых спутниках ~ были!* — Стихотворение «Воспоминание» (1821), в поздней редакции (см. ПССиП. Т. 2. С. 605—606).

[2] *…скончалась в Стрелице.* Стрелиц — русское название герцогства Мекленбург-Стрелецкого, которым с 1794 г. правил отец королевы Луизы Карл II. Летом 1810 г. она приехала к нему на отдых из Берлина, неожиданно заболела и скончалась в Хоэнцирице 19 июля 1810 г.

[3] *О милых спутниках ~ «Спаситель твой жив!».* — Эта часть отрывка «Воспоминание» представляет собой несколько отредактированную запись из дневника Жуковского 1821 г. о смерти прусской королевы Луизы (ПССиП. Т. 13. С. 157—158). Рано скончавшаяся королева Луиза пользовалась огромной популярностью в Пруссии. Ее фигура еще при жизни подверглась романтической мифологизации — и в литературе (см., напр., цикл Новалиса «Вера и любовь», написанный в том же жанре, что и «Отрывки» Жуковского), и в искусстве (см. знаменитую мраморную группу «Принцессы» работы И. Г. Шадова), и в народном сознании. В восприятии многих немцев королева Луиза была идеалом женской красоты, добродетели, материнства, возвышенности души, мученичества за родину, патриотизма. То, что Жуковский присоединился к тому прославлявшему королеву Луизу хору, в котором уже звучали голоса Новалиса, Жан Поля, Клейста, А. Шлегеля, является еще одним свидетельством его чуткости к культурной атмосфере Германии, его «германофильства». Кроме того, королева Луиза была дорога Жуковскому как мать близких ему людей — его ученицы императрицы Александры Федоровны и его друга короля Пруссии Фридриха Вильгельма IV.

22 октября 1820 г. Жуковский посетил мавзолей королевы Луизы в Шарлоттенбурге и оставил в дневнике описание ее памятника и гробницы, в котором уже намечены основные темы будущей статьи «Воспоминание»: «смерть здесь кажется сном, и невольно сливается с нею мысль о пробуждении. Чувство, возбуждаемое сим памятником, есть унылое воспоминание, смешанное с неясною надеждою» (ПССиП. Т. 13. С. 143).

Тема воспоминания как победы над бренностью и смертью — одна из магистральных у Жуковского Она нашла у него афористически яркое выражение не только в четверостишии, с которого начинается комментируемый отрывок, но и в таких поэтических формулах, как «прошедшее тебе не изменит», «для сердца прошедшее вечно», в «фонарной философии», в «философии алы Рук». Рассуждения Жуковского о смерти в отрывке «Воспоминание» перекликаются с его рассуждениями о ней в статьях «О смерти», «Две сцены из «Фауста»», «О смертной казни», «О меланхолии в жизни и в поэзии». Ср. также письмо Жуковского М. Ю. Виельгорскому по поводу смерти его сына Иосифа: (С 7. Т. 6. С. 667).

[4] *Иоанн, любимый ученик ~ Спаситель твой жив!* Этот абзац явно представляет собой эксфрасис картины, фрески или гравюры Вознесения Господня, выполненной в традициях европейской живописи Нового времени. На первом плане в таком типе изображений присутствует, среди прочих, фигура апостола Иоанна Богослова, взирающего на возносящегося на небо Спасителя. Какое именно произведение изобразительного искусства описывает Жуковский, сказать затруднительно.

[5] *В ту минуту ~ перед ним Искупитель*. Стихотворение написано Жуковским в 1818 г. и, как удалось установить А. С. Янушкевичу, представляет собой стихотворное переложение прозаического некролога королеве Луизе, написанного немецким писателем Жан Полем (ПССиП. Т. 2. С. 496—197). А. С. Янушкевич считает, что, «включая впоследствии свой перевод из Жан Поля в состав статьи «Воспоминание», Жуковский ориентировался на заглавие источника: «Smerzlichtröstende Erinnerungen an den neunzehnten Julius 1810» («Мучительно-утешительные воспоминания о 19 июле 1810 г.»)» (ПССиП. Т. 2. С. 497). Об отношениях Жуковского и Жан Поля (Рихтера) см.: *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский в Баварии // Вестник ТПГУ 2004. Вып. 3 (40). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 44—45.

Д. Долгушин

III. Воспитание

Что такое воспитание?

(«Что такое воспитание?..»)
(С. 460)

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 51. Л. 2—7 с об. — черновой.
Копии:
1) РНБ. Оп. 1. № 71. Л. 88 об. — 92 — авторизованная.

2) РНБ. Оп. 1. № 70/2. Л. 1—13 — авторизованная.
3) РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 112—115 с об. — авторизованная.
Впервые: С 5. Т. 11. С. 105—117.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по С 5 со сверкой по автографу и копиям.
Датируется: начало января 1843 г. — 25 июня 1850 г.

Специальное место отводится в томе «святой прозы» проблемам воспитания. Статья «Что такое воспитание?» выделялась в самостоятельный раздел тома — «Воспитание». История создания статьи восходит к записной книжке, озаглавленной Жуковским «№ 2. Записки. Мысли и замечания. Грамматика. Воспитание» (РНБ. Оп. 1. № 51), которая является продолжением тетради с названием «Мысли и замечания» (РНБ. Оп. 1. № 50). Здесь записаны более десяти первоначальных нумерованных фрагментов статьи. Их можно датировать началом января 1843 г. (по дате на л. 8 — выписка из Гуфланда сверху помечена: 1843, генваря 3). Работа над статьей была продолжена в январе 1848 г., вероятно, в связи с желанием опубликовать ее в составе С 5. Писарская копия не имеет заглавия, но в оглавлении, записанном Жуковским в конце тетради, отрывок назван: «Мысли о воспитании». В копии текст разбит на отдельные фрагменты, обозначенные астериском.

Подготавливая статью для публикации в т. 10, Жуковский правил другую копию, записанную в отдельную тетрадь (№ 70/3), которую он озаглавил сначала «Политика» (зачеркнуто), потом «Для великого князя». Ниже идет заглавие «Что такое воспитание», записанное рукой переписчика. Статья разбита на фрагменты, пронумерованные Жуковским и подписанные: «Поправлено». Поскольку нумерация непоследовательная, можно предположить, что номерами фрагментов автор обозначал их место в общей композиции текста. Кроме обозначения фрагментов цифрами, Жуковский обозначает их латинскими буквами, алфавитная последовательность которых не совпадает с цифровой нумерацией, что позволяет предположить, что Жуковский создал два варианта композиции статьи. На задней обложке тетради он записал с помощью букв и цифр, какой должна быть последовательность фрагментов в статье. В результате она должна была делиться на 8 отрывков и входить первой частью в бóльший цикл.

Наконец, в ед. хр. № 39 находим беловую копию, сшитую в отдельную тетрадь № 16, подписанную рукой Жуковского: «Отрывки. 3. Воспитание». Текст в копии вновь разбит на отдельные фрагменты.

Ответ на вынесенный в заглавие статьи вопрос предполагает, по Жуковскому, выход в универсальную сферу размышлений о том, «что такое здешняя жизнь». С этим связаны настойчивые поиски Жуковским места для этой статьи в «целом томе» прозы. В свете своей «христианской философии» и связанной с ней идеей жизнестроения Жуковский определяет цель воспитания как неотделимую от цели земной жизни — «восстановление в человеке «падшего» образа Божия»

[1] *…насильственно втеснял в свою теорию и никогда не знал существенного.* — Об отношении Жуковского к роману Руссо «Эмиль, или О воспитании» см.: БЖ. Ч. 2. Раздел 2. Гл. 1 (автор — Ф. З. Канунова).

[2] *Система Руссо, так называемая система природы, есть уродство…* — Об отношении Жуковского к теории Руссо см.: БЖ. Ч. 3. Раздел 1. Гл. 3 (Ф. З. Канунова).

IV. Искусство

Об изящном искусстве

(«Искусство — поэзия в разных формах…»)
(С. 463)

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 50. Л. 7—8 (фрагмент № 3 «Искусство и идеал», № 8 — «Гений»); л. 10 (фрагмент № 9 «Искусство и ремесло», № 11 без заглавия) — черновые.

Копии:

1) РНБ. Оп. 1. № 71. Л. 94 об. — 96 об. — авторизованная копия без заглавия.

2) РНБ. Оп. 1. № 70/3. Л. 1—6 — авторизованная копия.

3) РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 117—118 с об. — копия рукой В. Кальянова с исправлениями автора.

В прижизненных изданиях отсутствует.

Впервые: С 5. Т. 11. С. 243—250.

Печатается по С 5 со сверкой по автографу и копиям.

Датируется: 1845 г. — 25 июня 1850 г.

Подробнее см.: Т. 12. С. 515—516 наст. изд., примеч. Ф. З. Кануновой.

История и историческая живопись

(«Три рода историков…»)
(С. 465)

Автограф: РНБ. Оп. № 50. Л. 22—24 (фрагменты под № 26, 27), на л. 25 об. карандашом записано заглавие: Страшный суд. Историческая живопись — черновой набросок начала статьи.

Копии:

1) РНБ. Оп. 1. № 71. Л. 83 об. — 84 — рукой неизвестного лица; заголовок «История и историческая живопись» — рукой Жуковского (в тетради есть даты 7 июля, 7, 25 августа 1848 г.).

2) РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 119—122 — копия рукой В. Кальянова с заглавием «История. Историческая живопись». На л. 116 рукой Жуковского обозначено заглавие раздела: «Отрывки. 4. Искусство», куда должна была войти, наряду со статьей «Об изящном искусстве», и данная статья.

В п е р в ы е: С 5. Т. 11. С. 287—296 с заглавием «История и историческая живопись».
В п р и ж и з н е н н ы х и з д а н и я х отсутствует.
П е ч а т а е т с я по С 5 со сверкой по автографу и копиям.
Д а т и р у е т с я: вторая половина 1844 г. — 25 июня 1850 г.

Начало работы над статьей можно отнести ко второй половине 1844 г. на основании положения ее первых черновых фрагментов (№ 26 и 27) в тетради № 50: фрагмент № 21 датирован 11 июля. В начале 1848 г., вероятно в связи с подготовкой к печати т. 7 С 5 (вышел в 1849 г.), создается беловая копия статьи, в которую Жуковский вписывает собственноручно только заглавие. Однако, в т. 7 С 5 статья не была опубликована, и Жуковский вернулся к ней в конце 1849 г. уже в связи с подготовкой к печати задуманного им т. 10, который был отправлен цензору в конце июня 1850 г. На последнем этапе работы над статьей Жуковский определяет ее место в «целом томе прозы».

Вошедшая в 4-й раздел «Искусство» статья состоит из двух частей. Вначале была создана преамбула теоретико-эстетического характера, положения которой далее раскрываются на описании картины, изображающей Страшный Суд, созданной для Берлинской кафедральной церкви Campo Santo. Данный экфрасис призван ответить на вопрос о целостности художественного изображения бытия: «Как выразить в одно время и небо, и рай, и ад, и землю?» Продолжая свои размышления о сути искусства, Жуковский прежде всего ставит здесь проблему слова, выражения невыразимого. Первое же авторское слово ответа на религиозно-философский вопрос, предваряющий приведенное описание, первое слово самого описания картины — все. Оно лейтмотивом пройдет через выполненное Жуковским в статье словесное полотно: все образы, все представители, все действователи, все небо. Художественный дискурс движется здесь от важнейшей поэтической традиции Жуковского-романтика, связанной с философией универсализма, к переживанию целостности бытия, уже религиозному в своей основе. Картина в описании Жуковского запечатлела прежде всего сакральное построение мира: земля — небо, в центре Верховный Судия и т. д. В чистой одновременности запечатлено прошлое, настоящее, будущее как лики вечности. Вместе с тем изображенный словом Жуковского живописный мир населяют образы людей, связанных с конкретным историческим временем. Подчеркнуть приметы времени на полотне для Жуковского принципиально, ведь описание картины в его статье есть характеристика особенностей исторической живописи в ее соотношении с историей. Таким образом, Жуковский акцентирует переданную живописцем идею целостности бытия, живущего по линии вневременного потустороннего восхождения к идеалу и по линии живого исторического времени. Это и является главным нервом религиозного философствования самого Жуковского.

Подчеркивая необычность и даже гениальность замысла Фридриха Вильгельма IV, Жуковский отмечает специально тот факт, что героем картины становится сам «живописец» со своим семейством, в связи с чем картина, посвященная общечеловеческим проблемам, наполняется личностным началом, приобретает

субъективную окрашенность (это взгляд живописца, прозревающего вечное, прошлое, настоящее и будущее и для самого себя, и для своих современников, и для человечества в целом) и, следовательно, являет высшую реальность.

Описание картины органично переходит в своего рода продолжение предшествующего ему философствования, которое практически подхватывает вопрос, открывающий словесное полотно Жуковского. Так, философский дискурс сменился художественным, чтобы затем живописно-словесные образы перевоплотились в понятия.

[1] *анналист.* — Так назывались историками литературы Нового времени первые древнеримские историки (I—II вв. до н. э.), писавшие прозой и располагавшие события в хронологической последовательности — погодно.

[2] *Лессинг в своем Гуссе…* — Речь идет о немецком художнике Карле Фридрихе Лессинге (1808—1880), написавшем картину на сюжет сожжения Яна Гуса, предводителя народного движения в Чехии и религиозного реформатора. В дневниках Жуковский неоднократно говорит о его картинах (ПССиП. Т. 14. Указ. имен).

[3] *…заехал в Констанц во время собора.* — Имеется в виду Вселенский собор в Констанце, открытый 1 ноября 1414 г. с целью объединить Римскую католическую церковь и прекратить Великий западный раскол. Гус был вызван туда и получил охранную грамоту императора Сигизмунда. На Соборе в присутствии папы против Гуса выдвинули обвинение в ереси, после чего он был арестован. Удовлетворяя требования об освобождении Гуса, Сигизмунд организовал еще одно слушание дела Гуса на соборе, которое проходило с 5 по 8 июня. 6 июля 1415 г. Ян Гус, отказавшийся отречься от своих «заблуждений», по приговору собора был сожжен на костре.

[4] *…по плану, сделанному самим королем.* — Проект архитектора Ф. А. Штюлера для строительства собора в виде базилики, прилегающей к Campo Santo (залу похорон), в 1844 г. был утвержден Фридрихом Вильгельмом IV. Он поручил Корнелиусу оформление стен Campo Santo.

[5] *…картоны уже приготовлены знаменитым Корнелиусом.* — Речь идет о фресках, созданных немецким художником Петером фон Корнелиусом (1783—1867) для Campo Santo. Первые из них появились уже в 1844 г.

[6] *Овербек* — Фридрих Овербек (1789—1869), немецкий художник, основатель братства художников-назарейцев в Риме.

[7] *Фейт* — Филипп Фейт (1793—1877), немецкий художник-назареец.

[8] *Штейнле* — Эдуард Якоб Штейнль (1810—1886), немецкий художник.

[9] *Микель Анжело наполнил картину свою…* — Имеется в виду фреска Микеланджело на алтарной стене Сикстинской капеллы в Ватикане.

V. Мысли и заметки

Высочайшую степень синтеза философского, эстетического, религиозного и социального начал демонстрирует раздел с красноречивым заглавием «Мысли и заметки». Небольшие по объему фрагменты, посвященные таким разнообразным

и на первый взгляд ничем не связанным друг с другом проблемам, как «душа человеческая и род человеческий», свобода преподавания, цензура, человек в обществе, «общее благо», общественный порядок, любовь к отечеству, «терпеливость Царя», дисциплина, деспотизм, самодержавие и др., очерчивают некий круг, универсум. Статьи этого цикла наиболее ярко отражают тип сознания Жуковского, ищущего выход из внутренней сосредоточенности личности, которая была открыта романтической лирикой, к такой «полноте бытия», как впоследствии это назовет В. С. Соловьев, при которой «единое существует не на счет всех или в ущерб им, а в пользу всех» (*Соловьев В. С.* Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 552).

Душа человеческая и род человеческий

(«Род человеческий принадлежит земле…»)
(С. 467)

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 50. Л. 9 (фрагмент № 8 «Душа и человечество») — черновой.

Копия: РНБ. Оп. № 70/5. Л. 1 — авторизованная, с заглавием «Душа человеческая и род человеческий». В конце текста рукой Жуковского: «Поправлено».

Впервые: ПСС. Т. 11. С. 30—31.

В прижизненных изданиях отсутствует.

Печатается по ПСС со сверкой по автографу.

Датируется: не ранее 1842 г. — 25 июня 1850 г.

Фрагмент почти в полном объеме впервые был записан в начале тетради, озаглавленной Жуковским «Мысли и замечания. Смесь» (№ 50, начата в 1842 г.) — до слов: «…непосредственно из самого источника истекающая». Жуковский вернулся к нему при подготовке т. 10 (С 5). На л. 1 тетради № 70/5 рукой Жуковского по центру листа написано: «Исключенное и переписанное». И ниже переписан весь фрагмент. На левом поле текст обозначен автором заглавной буквой А, а внизу — цифрой «8»: как видим, он ищет варианты общей композиции тетради (цикла) и место данного отрывка в ней. Под № 8 отрывок шел в тетради № 50, в томе «святой прозы» ему отводится первое место в разделе. Отрывок построен на ряде оппозиций: душа человеческая и род человеческий, душа и тело, временное и вечное, земля — небо, человек — Бог и др., из которых складывается целое.

Свобода преподавания

(«Может ли существовать полная свобода преподавания…»)
(С. 467)

Автограф: РНБ. Оп. № 50. Л. 12—13 (фрагмент № 14) — черновой, полный.

Копия: РНБ. Оп. № 70/5. Л. 3 — авторизованная, под заглавием «Свобода преподавания». Подписана рукой автора: «Поправлено».

Впервые: ПСС. Т. 11. С. 31.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по автографу.
Датируется: не ранее 1842 г. — 25 июня 1850 г.

Фрагмент в полном объеме впервые был записан в тетради «Мысли и замечания. Смесь» (№ 50) без заголовка. При подготовке его к публикации в т. 10 (С 5) Жуковский размещает его в подборке под общим рабочим заглавием «Исключенное и переписанное». Внизу текст обозначен цифрой «8», однако в тетради № 70/5 он размещен вторым после статьи «Душа человеческая и род человеческий», отражая общую идею «целого тома», в котором вслед за статьями философско-религиозного содержания (№ 70/1) должен был следовать раздел «Для великого князя», содержащий статью «Что такое воспитание?». Решая вопрос о преподавании на стыке философии, религии и педагогики, Жуковский утверждает, что в обучении «предметам чистой науки» никто не может ограничивать свободы преподавателя, о которой не может быть и речи, когда дело касается религии, нравственности и политики. Главным критерием оценки действий преподавателя в этих областях признается его вера в Бога.

Цензура
(«Общество гражданское в Европе достигло до своего полного развития…»)
(С. 468)

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 50. Л. 14 (фрагмент № 16) — черновой.
Копия: РНБ. Оп. № 70/5. Л. 5 — авторизованная, с пометой: «Поправлено».
Впервые: ПСС. Т. 11. С. 31.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по автографу.
Датируется: не ранее 1842 г. — 25 июня 1850 г.

Фрагмент был записан полностью в записной книжке «Мысли и замечания» (№ 50) без заглавия. В тетради 70/5, отражающей подготовку к печати т. 10, он переписан под заглавием «Цензура», внесенным при правке Жуковским. Внизу отрывок обозначен цифрой 16 (его номер в тетради № 50), но здесь он размещен третьим по порядку следования отрывков. При первой же публикации в составе ПСС фрагмент о цензуре был сокращен по цензурным соображениям почти на две трети (был опубликован только первый абзац). В настоящем издании мы представляем полный текст. Положение отрывка в подборке свидетельствует о чрезвычайной важности, в представлении Жуковского, вопроса о цензуре, который он непосредственно связывает с проблемой свободы мысли в обществе (см.: *Дубровин Н. Ф.* В. А. Жуковский перед судом С.-Петербургского цензурного комитета // РС. 1900. Т. 102. С. 69—71). Вопрос оказался тем более актуальным, что Жуковскому пришлось столкнуться с непреодолимыми цензурными препятствиями при попытке опубликовать т. 10. (подробнее см. преамбулу к «Отрывкам» в наст. томе).

Комментируемый фрагмент, содержание и пафос которого Жуковскому пришлось пережить в реальности, перекликается с дневниковой записью от 2 (14) апреля 1840 г., где Жуковский излагает свой разговор с принцем Эмилем о цензуре, где, в частности, говорит:

> Законодательство о цензуре должно быть венцом цивилизации. <…> Вопрос: время ли приступить к сему законодательству? Едва ли. Мы в состоянии качки, которая хуже бури, которая мешает плыть вперед, но которую победить еще невозможно. <…> Мы живем теперь в такое время, в которое на место всемогущего медленного действия истории (то есть Провидения во времени), явилась нетерпеливая, жаждущая немедленного результата сила ума. Беспрестанно являются новые образования, извлекаемые из теории, и столь же бренные, как бумага, на которой они написаны. Как же ожидать прочного законодательства республике ума? (ПССиП. Т. 14. С. 201—202).

Кроме того, в начале марта 1848 г. Жуковский начинал писать специальную статью, посвященную этой теме: в тетради, хранящейся в РО ИРЛИ (№ 27. 806. Л. 1), записан заголовок «О цензуре». Однако лист оставлен пустым.

Сила человеческая

(«Человек ничего не может творить на будущее время…»)
(С. 468)

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 61. Фрагмент № 37 — черновой.
Копия: 2) РНБ. Оп. 1. № 70/5. Л. 6 — авторизованная.
Впервые: ПСС. Т. 11. С. 31.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по автографу.
Датируется: между 19 сентября — 21 октября 1846 г. — 25 июня 1850 г.

Черновой, сделанный карандашом, автограф фрагмента находится в записной книжке Жуковского, подписанной: «Василию Андреевичу Жуковскому. Швальбах. 1846. 20 июля / 1 августа». В ней 40 не озаглавленных, но нумерованных автором отрывков-размышлений. Среди них под № 37 — комментируемый здесь. Он записан между отрывком, вошедшим впоследствии в статью «О внутренней христианской жизни», датированным 19 сентября 1846 г., и исповедальным отрывком (№ 38), датированным 21 октября 1846 г., который продолжает запись от 2 (14 октября) в записной тетради (РНБ. Оп. 1. № 60. Опубликовано в: ПССиП. Т. 14. С. 287—292):

> Почти до 60 лет дожил я, погруженный в беспечность (нрзб.), в каком-то сонном, бестревожном на сей счет заблуждении, без размышлений веря в себя и основывая веру сию на мнении других (ложном) о моем достоинстве; полагаясь на обольстительные свидетельства моего поэтического таланта. Я был один, никто не держал передо мною зеркала правды. Тот я, которого я знал, был призрак, созданный жизнью,

в которой ничто пробуждающее мне не встречалось. Богу угодно было меня разбудить разительным образом: он даровал мне семейную жизнь. Здесь спадают с нас все обманчивые покровы. С ложною верою в самого себя я принял без страха дар Божий. Этот дар был зеркало правды: стою перед ним и вижу себя таким, каков я есть по природе моей и каким меня сделала моя жизнь. Это знание есть наказание и за беспечность, с какою раньше жил, вся прежняя моя жизнь была почти без души моей, и за ту дерзость, с какой я принял из рук Божьих его сей дар, не сомневаясь, достоин ли я принять его и способен ли совершить обязанности, на меня с дарованием его возложенные.

В контексте таких размышлений и работы над статьей «О внутренней христианской жизни» Жуковский создает фрагмент о внутренней силе человека. Он возвращается к работе над ним в связи с желанием поместить его в т. 10: в тетради № 70/5, где отрывок переписан под заглавием «Сила человеческая».

Человек в обществе

(«Мы не имеем понятия о человеке…»)
(С. 469)

Автограф: РНБ. Оп. № 50. Л. 13—14 (фрагмент № 15) — черновой.
Копия: РНБ. Оп. № 70/5. Л. 8 — авторизованная.
Впервые: ПСС. Т. 11. С. 32.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по автографу.
Датируется: не ранее 1842 г. — 25 июня 1850 г.

Записан в тетради «Мысли и замечания» в полном объеме без заглавия (№ 50). В росписи т. 10 (№ 70/5) переписан с заглавием «Человек в обществе», несмотря на записанную внизу цифру 15 (номер фрагмента в тетради № 50), здесь следует пятым отрывком за «Силой человеческой» (на левом поле листа обозначен буквой С), поднимая связанные с проблематикой этого отрывка вопросы, с начала творчества волновавшие Жуковского — о соотношении общественного и личного в человеке, свободе и независимости его действий. Сейчас они решаются в опоре на идею высшей божественной воли.

Общее благо

(«Дашков сказал: “Нельзя жертвовать общим благом частному…»)
(С. 469)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 33. Л. 1 — запись от 1 ноября 1827 г.
Копия: РНБ. Оп. № 70/5. Л. 10 — авторизованная, с заглавием «Общее благо», отмечен цифрой «1» и подписью: «Поправлено».
Впервые: ПСС. Т. 11. С. 32.

В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по авторизованной копии.
Датируется: 1 ноября 1827 г. — 25 июня 1850 г.

Поправленный стилистически для публикации в т. 10 С 5 данный отрывок является фрагментом записи (1 абзац) от 1 ноября 1827 г., которым открывается «Журнал» Жуковского, где он дает наставления наследнику русского престола (см.: ПССиП. Т. 13. С. 297, 568—569. Публикация и примечания О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича). Для подборки «Мыслей и замечаний» в т. 10 С 5 Жуковский выбирает отрывок, где он полемизировал с Д. В. Дашковым по вполне конкретному поводу — судьбы осужденного и находящегося в изгнании Н. И. Тургенева, в защиту которого Жуковский создал «Записку» для представления Николаю I. Помещенный в т. 10 С 5 текст, утратив этот конкретный подтекст, между тем органично вошел в целое «Мыслей и замечаний», утверждая приоритеты справедливости по отношению к отдельному человеку, а не абстрактному «общему благу», на которые, по мнению писателя, должно ориентироваться правительство в своей деятельности.

Порядок общественный
(«Не государство для порядка…»)
(С. 470)

Автограф: РНБ. Оп. № 61. Фрагмент № 2 — черновой.
Копия: РНБ. Оп. № 70/5. Л. 12 — авторизованная.
Впервые: ПСС. Т. 11. С. 32.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по автографу.
Датируется: между 20 июля (1 августа) — 2 сентября 1846 г. — 25 июня 1850 г.

Ранний автограф фрагмента, без заглавия, находится в записной книжке, подписанной: «Василию Андреевичу Жуковскому. Швальбах. 20 июля / 1 августа 1846 г.» Ближайший к нему датированный фрагмент № 7 подписан: 2 сентября 1846 г. Подготовка отрывка к печати в составе подборки «Мысли и замечания» свелась к его озаглавливанию («Порядок общественный») и определению его места в цикле. Внизу он отмечен цифрой «2», что позволяет предположить наличие его связи с предыдущим фрагментом «Общее благо», помеченным цифрой «1».

Постановления
(«Постановления или институции суть не ограничение…»)
(С. 470)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 33. Л. 1 — запись от 1 ноября 1827 г.

К о п и я: РНБ. Оп. № 70/5. Л. 13 — авторизованная, с подписью рукой Жуковского: «Поправлено».

В п е р в ы е: ПСС. Т. 11. С. 33.

В п р и ж и з н е н н ы х и з д а н и я х отсутствует.

П е ч а т а е т с я по авторизованной копии.

Д а т и р у е т с я: 1 ноября 1827 г. — 25 июня 1850 г.

Представляет собой фрагмент записи из «Журнала» от 1 ноября 1827 г. (см. комментарий к фрагменту «Общее благо» выше), стилистически поправленный для публикации в т. 10 С 5. Кроме того, тетрадь № 70/5 с авторизованной копией отрывка показывает, как Жуковский строит внутри цикла «Мысли и замечания» подцикл из трех фрагментов: два из них — «Общее благо» и «Постановления» — представляют почти полный текст записи из «Журнала» от 1 ноября 1827 г., а написанный с 1846 г. «Порядок общественный» скрепляет их в целое. Соответственно в тетради № 70/5 эти отрывки пронумерованы внизу 1, 2, 3 и на левом поле листов буквами: D, E, F.

Любовь к отечеству

(«Меры нашего правительства клонятся к тому…»)

(С. 471)

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. № 50. Л. 15 — черновой.

К о п и я: РНБ. Оп. № 70/5. Л. 15 — авторизованная.

В п е р в ы е: ПСС. Т. 11. С. 33.

В п р и ж и з н е н н ы х и з д а н и я х отсутствует.

П е ч а т а е т с я по ПСС со сверкой по автографу.

Д а т и р у е т с я: не ранее 1842 г. — 25 июня 1850 г.

Впервые записанный в тетради «Мысли и замечания» (ошибочно под № 16, под этим номером выше записан фрагмент «Цензура»), при подготовке к публикации в т. 10 С 5 отрывок был озаглавлен: в тетради № 70/5 рукой Жуковского вписано его название «Любовь к отечеству», кроме нумерации внизу (16*), текст имеет здесь отметку на левом поле листа: G. Еще одна авторская правка копии представляет собой зачеркивание первых двух предложений:

> Меры нашего правительства клонятся к тому, чтобы снова затворить те двери, которые Петр отворил в Европу. Вот для чего надобно платить по пятьдесят талеров с головы в год за пребывание за границею, возвращаться через каждые пять лет домой, продавать имение жены, коль скоро муж иностранец, и еще Бог знает, что будет (ПССиП. Т. 14. С. 299).

Отрывок органично продолжает проблематику «Постановлений», являясь своеобразным прологом к следующему фрагменту.

Государь и человечество
(«Государь, говорят, удален от человечества…»)
(С. 471)

Автограф: РНБ. Оп. № 50. Л. 18 — черновой.
Копия: РНБ. Оп. № 70/5. Л. 17 — авторизованная.
Впервые: ПСС. Т. 11. С. 33.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по автографу.
Датируется: не ранее 1842 г. — 25 июня 1850 г.

В записной книжке «Мысли и замечания» фрагмент не имеет заглавия, лишь пронумерован № 20. При подготовке текста к печати в составе т. 10 С 5 Жуковский его озаглавливает «Государь и человечество» и находит ему место в цикле, на левом поле листа он отмечен буквой Н, следуя непосредственно за отрывком «Любовь к отечеству», тогда как в записной книжке ему предшествовали еще два: «Терпеливость царя» и «Идея бытия». Начиная новый подцикл, посвященный фигуре государственного руководителя, Жуковский открывает его отрывком, где подчеркивает мысль о близости монарха к тем, кем он руководит, поскольку в простых человеческих чувствах, с которыми мы знакомимся в семье, все равны. Без этого никто не сможет править человеческим обществом.

Терпеливость царя
(«Главная добродетель властителя…»)
(С. 471)

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 50. Л. 17 — черновой.
Копия: РНБ. Оп. 1. № 70/5. Л. 18 — авторизованная.
Впервые: С 5. Т. 11. С. 34.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по автографу.
Датируется: не ранее 1842 г. — 25 июня 1850 г.

В записной книжке «Мысли и замечания» записан под № 17 без заглавия. В тетради № 70/5, отражающей работу Жуковского над т. 10 С 5, отрывок озаглавлен: «Терпеливость царя». На левом поле отмечен рукой Жуковского буквой К.

Дисциплина
(«Дисциплины не должно смешивать с законностью…»)
(С. 472)

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 50. Л. 21 — черновой.
Копия: РНБ. Оп. 1. № 70/5. Л. 21 — авторизованная.

Впервые: С 5. Т. 11. С. 34.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по автографу.
Датируется: не ранее 11 июля 1842 г. — 25 июня 1850 г.

В записной книжке «Мысли и замечания» фрагмент записан без заглавия под № 24, в дальнейшем, при подготовке к печати в т. 10 С 5, получил заглавие «Дисциплина» и свое место в цикле, обозначенное на левом поле листа буквой L. Слова «Беда России состоит особенно в том, что у нас, благодаря первенству военного быта», начинающие фрагмент, зачеркнуты.

Деспотизм
(«Там нет народного благоденствия…»)
(С. 472)

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 50. Л. 18 — черновой.
Копия: РНБ. Оп. 1. № 70/5. Л. 22 — авторизованная.
Впервые: С 5. Т. 11. С. 34—35.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по автографу.
Датируется: не ранее 1842 г. — 25 июня 1850 г.

Фрагмент записан в тетради «Мысли и замечания» под № 20 без заглавия. В тетради № 70/5, являющейся частью проекта издания т. 10 С 5, статья записана под заглавием «Деспотизм», на левом поле листа отмечена буквой М. В ПСС опубликована с купюрами в предложениях, раскрывающих проблему деспотизма «черни».

Учение и действие
(«Доктрины (учения) производят действия…»)
(С. 473)

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 63. Л. 9 — черновой, полный.
Копия: РНБ. № 70/5. Л. 24 — авторизованная.
Впервые: С 5. Т. 11. С. 35.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по автографу.
Датируется: не позднее 1 января 1848 г. — 25 июня 1850 г.

Фрагмент записан карандашом, без заглавия в записной книжке, относящейся к концу 1840-х гг., под заглавием «Мнения и события» (первоначально «Мнения и факты»). Датировать его позволяет положение в книжке: набросок статьи «Нечто о

привидениях» записан на л. 12 и датирован 1 января 1848 г. В тетради № 70/5, запечатлевшей подготовительную работу Жуковского по т. 10 С 5, отрывок озаглавлен «Учение и действие», на левом поле листа отмечен буквой N. Цифровая нумерация в нем отсутствует, так как фрагменты в тетради № 63 не нумерованы.

[1] *…тридцатилетнею войною изменила политическую систему Европы…* — Война 1618—1648 гг. впервые в истории Европы втянула в конфликт практически все европейские страны. Закончилась Вестфальским миром. Война изменила расстановку сил в Европе. Лидерство перешло к Франции. Упадок Испании стал очевиден. Кроме того, Швеция стала на период около полувека великой державой, значительно укрепив свои позиции на Балтике. Приверженцы всех религий (католицизма, лютеранства, кальвинизма) обрели в империи равные права. Главным итогом Тридцатилетней войны стало резкое ослабление влияния религиозных факторов на жизнь государств Европы.

[2] *…религиозный разврат двора Людовикова…* — Имеется в виду Людовик XIV, управлявший Францией с 1643 г. в течение 72 лет.

[3] *…с помощью безнравственной эпохи регентства…* — Имеется в виду период деятельности Филиппа II, герцога Орлеанского, выступившего регентом французского королевства при малолетнем короле Людовике XV с 1715 по 1723 г.

[4] *…разрушительную философию XVIII века…* — Т. е. просветительскую философию.

[5] *…выразилась наконец в революции…* — Имеется в виду Великая французская революция 1789—1794 гг.

Самодержавие

(«Самодержавие есть высшая и самая простая форма верховной власти…»)
(С. 474)

Автографы:
1) РНБ. Оп. 1. № 50. Л. 25—26 (фрагмент № 30), л. 45 (фрагмент № 44), л. 46 (фрагмент № 45) — черновые наброски.
2) РНБ. Оп. 1. № 61. Фрагмент № 1, 36 — черновой, карандашом.
Копия: РНБ. Оп. 1. № 70/5. Л. 28—38 — авторизованная.
Впервые: ПСС. Т. 11. С. 35—37.
В прижизненных изданиях отсутствует.
Печатается по ПСС со сверкой по автографу.
Датируется: после 11 июля 1842 г. — 25 июня 1850 г.

История создания статьи начинается в записной книжке «Мысли и замечания», где после 11 июля 1842 г. появились три черновых фрагмента («Любовь к самодержавию…» — № 30; «Правда, правда, Божия правда…» — № 44; «Самодержавие есть форма…» — № 45; два последних после 25 апреля 1846 г.). В записной книжке, оза-

главленной «Василию Андреевичу Жуковскому. Швальбах. 1846. 20 июля / 1 августа», состоящей из 40 неозаглавленных, но нумерованных автором отрывков, под № 1 записано будущее начало (первые 4 предложения) комментируемой статьи, а под № 36 записан (после 19 сентября 1846 г.) следующий фрагмент:

> …бедствие самодержавия <…> состоит в том, что власть становится в глазах самодержца однозначительной с правдою и что он почитается некоторыми наравне с Создателем, а беспрекословная покорность власти его становится однозначительным с добродетельностью и честностью.

Эти мысли, вошли в статью в переформулированном виде. При ее подготовке к печати в составе т. 10 С 5 Жуковский дает ей заглавие «Самодержавие» и выстраивает фрагменты в следующей последовательности: «Самодержавие есть высшая и самая простая форма…», «Любовь к самодержавию…», «Правда, правда, Божия правда…» и «Самодержавие есть форма державной власти…». Они переписаны каждый на отдельном листе, на левом поле листов последовательность отрывков обозначена буквами: I, I_2, I_3, I_4.

И. Айзикова

О смертной казни

(«Конечно, никто не читал без ужаса…»)

(С. 477)

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 67. Л. 21—25 — черновой; отрывок от слов «С той минуты, как преступник осужден…»

К о п и и:

1) РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 81—83 об. — авторизованная.

2) РНБ. Оп. 1. № 71. Л. 109—113 — заглавие рукою Жуковского.

3) РГБ. Ф. 104. VI. 24. Л. 64—70 — авторизованная.

В п е р в ы е: С 5. Т. 11. С. 177—188.

Р е п у б л и к а ц и я: ПСС. Т. 10. С. 140—143.

П е ч а т а е т с я по С 5 со сверкой по автографу и копиям.

Д а т и р у е т с я: конец 1849-го — начало 1850-го г.

Статья Жуковского «О смертной казни» — это религиозная эстетическая утопия, в которой описывается ритуал исполнения приговора как таинства. Толчком к размышлениям поэта об эстетизированном обряде казни послужила вызвавшая широкий резонанс публичная казнь в Лондоне супругов-убийц Марии и Фредерика Джорджа Маннингов 13 ноября 1849 г. Как справедливо отметил И. Виницкий, «статья Жуковского была *непосредственным* откликом *русского* поэта на *западную* практику публичных казней» (*Виницкий*. С. 271).

Начало работы над статьей датируется концом 1849 г., когда в записной книжке Жуковского появился отрывок от слов «С той минуты, как преступник осужден…».

В этом фрагменте поэт сделал много исправлений, многие фразы написаны неразборчиво и зачеркнуты. Известие о казни петрашевцев в Петербурге 22 декабря 1849 г. явилось для Жуковского толчком к преданию своих идей гласности. В письмо к великому князю Александру Николаевичу от 4 (16) января 1850 г. поэт включил рассуждение о смертной казни, которое послужило основой для статьи.

Заключительный период работы над текстом был связан с неосуществленным замыслом создания тома «Духовной прозы», который должен был объединить статьи и отрывки Жуковского на религиозно-философские и историко-политические темы. На этом этапе в черновом рукописном варианте поэт сделал ряд лексических и стилистических исправлений и зачеркнул два заключительных абзаца, которые не вошли в окончательную редакцию статьи:

> Но проповедникам ненаказанности нет никакой нужды до нравственности народной: их цель сорвать узду со всех страстей; они хотят озверить человека, и видеть свободу в разрушении всех границ смиряющих его чувственность и волю.
>
> Вот для чего в наше время, когда ничто кроме страха смерти не обуздывает бешенство разврата и безверия, так сильно восстают благотворители человечества против смертной казни и почему великое слово *амнистия* сделалось их общим филантропическим паролем и лозунгом (РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 83 об.).

Согласно плану тома «Духовной прозы», статья «О смертной казни» должна была завершить первый блок текстов, в который входили: «Три письма к Гоголю (О смерти. О поэте и современном его значении. О молитве). О привидениях. О меланхолии в жизни и в поэзии. Письмо к графу Ш-ку. Письмо к кн. Вяземскому. Две сцены из Фауста. О внутренней христианской жизни. Энтузиазм и энтузиасты. Что будет?» (*Жуковский В. А.* Сочинения в прозе 1845—1850 гг. // РНБ. Оп. 2. № 39). Важно отметить, что статья «О смертной казни» является единственным из перечисленных текстов, который отсутствует в документе «Замечания цензора Сербиновича К. С. на сборник статей, писем и воспоминаний Жуковского В. А.» (РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. № 289). Вероятно, в отличие от других текстов, статья «О смертной казни» была запрещена или на стадии предварительной цензуры, или лично императором (как в случае со статьей «Русская и английская политика»).

В письме к А. П. Елагиной из Бадена 3 (15) января 1852 г. Жуковский остановился на истории создания статьи, разъясняя свою позицию касательно смертной казни и предложенного им ритуала:

> Кстати о смерти: вы напрасно критикуете мою статью о смертной казни: во-первых, надобно вам сказать, что я этой статьи не сочинял, она сама собою написалась в письме к Великому Князю. Во-вторых, я в этой статье не рассуждаю о смертной казни и не думаю разрешать вопроса: должна ли или не должна быть смертная казнь? На этот вопрос отвечать весьма трудно. Я говорю только о том, что если уже существует смертная казнь, то из ее совершения не должно делать отвратительного зрелища, которое вместо пользы приносит жестокий нравственный вред. Я говорю, что смертная казнь, если она уже существует, должна быть величественным актом

строгого человеческого правосудия и умилительным выражением любви христианской, спасающей душу в минуту погибели тела. Если вы из этого, что я хочу, чтобы казнь совершалась *невидимо* толпе, выводите заключение, что я желаю, чтобы и суд и совершение суда производилось в тайне, то это вовсе ошибочно: я хочу, чтобы одно только зрелище казни, вредным образом волнующее чувственность, было скрыто от глаз материальных, для которых и ужас имеет свою драматическую прелесть, но чтобы оно сохранено было для очей воображения и чрез них действовало на душу спасительным страхом, а не зверским удовлетворением праздного любопытства. Должна ли существовать смертная казнь, это другой вопрос; если я в моей статье говорю утвердительно, то это только оттого, что я не имел намерения вступать в рассуждение о том, что уже существует. Что бы я отвечал на этот вопрос, если бы мне задано было разрешить его, — не знаю; знаю только то, что в наше время, когда буйство и безверие опрокинули все преграды страстей, страх смерти есть необходимая подпора общественного порядка (Переписка Жуковского и Елагиной. С. 609).

В статье «О смертной казни» отразился итог многолетних размышлений поэта над религиозными проблемами, его стремление найти «небесное» на «земле», вообразить «святое» в революционное время 1848—1849 гг. Представление Жуковского о спасительной роли наказания, казни в христианском обществе складывалось постепенно. Уже в балладах 1809—1831 гг. поэт обратился к миру грешника, разрабатывал тему наказания и спасения души преступника. Важным этапом в эволюции представлений об искуплении вины было деятельное заступничество Жуковского за сосланных декабристов.

Охарактеризованный в черновике статьи как «великое слово», юридический термин «амнистия» был впервые употреблен Жуковским в неотправленном письме к Николаю I с просьбой об облегчении участи декабристов (1828). Поэт подчеркнул связь между наказанием, смирением преступника и обретением спасительной веры:

Теперь несчастие дало им новое воспитание; оно познакомило их с своим необходимым товарищем — религиею. <…> кротость, с какою в самой строгости своей поступило с ними правосудие, конечно, вселила в них благодарность к государю, их покаравшему (*Дубровин*. С. 74; 101—102).

Слухи о раскаянии и молитве некоторых декабристов накануне казни, о молитве членов императорской семьи и священника П. Мысловского за казненных могли оказать влияние на становление представлений поэта о христианском, «молитвенном» ритуале исполнения приговора (см.: *Гузаиров*. С. 114—127). Поездка по России в свите великого князя в 1837 г., встреча с декабристами в Сибири, особенно общение с И. Д. Якушкиным, утвердили Жуковского в правильности своей идеи, ставшей главной темой статьи: освященное религией наказание преобразует душу преступника. См. письмо к цесаревичу 1850 г., в котором поэт напомнил духовный путь декабриста (С 8. Т. 6. С. 516). Глубокое и многолетнее осмысление судьбы декабристов исподволь создавало предпосылки к созданию статьи «О смертной

казни». Жуковский размышляет о благотворном влиянии наказания, о воспитании в осужденных христианских чувств смирения, покорности, кротости. Духовные искания поэта проникнуты мучительным поиском тех средств, которые способны открыть путь грешнику к Богу.

По мнению И. Виницкого, Жуковский мог почерпнуть правовое обоснование казни в христианском обществе из сочинений немецких юристов Райделя, Мессершмидта, Дистела. Именно подготовленный в 1847 г. Фридрихом-Вильгельмом IV, другом Жуковского, проект о казни служил непосредственным источником, из которого поэт воспринял идею казни как религиозного ритуала и заимствовал элементы антуража: «отмена публичной казни, звон колокола, толпа, ожидающая вести о казни у стен темницы» (*Виницкий*. С. 277).

Наряду с юридическими художественные тексты также могли определить ход размышлений Жуковского, служить источником религиозных образов казни. Из французской литературы необходимо указать на опубликованные в 1829 г. две повести «Последний день приговоренного к казни» В. Гюго и «Случай из времен террора» О. де Бальзака. Если Бальзак особое внимание уделяет фигуре раскаявшегося палача, который заказал мессу за казненного короля и молился вместе со священником и двумя монахинями, то Жуковский не упоминает о палаче, и роль священника также редуцирована в статье.

Значимый для Жуковского мотив молитвы за преступника восходит к стихотворению «Пери» (1831). В сочинении поэт наметил главный сюжет поздней статьи: чистая молитва другого (младенца) спасает душу преступника, что позволяет ему приобщиться к Богу, а слезы раскаяния открывают Пери двери Эдема. Статья «О смертной казни» явилась закономерным итогом духовных и творческих поисков Жуковского, она, по определению И. Виницкого, синтезировала «в образе казни эстетические, политические и религиозные взгляды и предчувствия поэта в последний период его жизни» (Виницкий. С. 268).

Статья Жуковского вызвала негодование среди современников и потомков. Главный упрек, предъявленный поэту со стороны аболиционистов, заключался в религиозном оправдании смертной казни (Н. Чернышевский, С. Аксаков, В. Соловьев). Как подчеркнул Л. Толстой в трактате «Царство Божие внутри нас» (1890—1893), предлагаемая Жуковским казнь «была бы самым развращающим действием, которое только можно себе представить» (*Толстой Л.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. XXVIII. С. 273). Для Г. Адамовича статья Жуковского — «мерзость в нашей классической литературе беспримерная» (*Адамович Г.* Одиночество и свобода. Литературные очерки. Нью-Йорк, 1955. С. 228).

В некоторых художественных сочинениях авторы полемизировали или высмеивали идеи поэта о казни. В стихотворении «После казни в Женеве» (1881) К. Случевский построил концепцию смертной казни, объединив трактовку этой темы Жуковским и Достоевским и отвергнув религиозно-эстетический момент (*Пильд Л.* О литературных подтекстах и рецепции стихотворения К. Случевского «После казни в Женеве» // Humaniora: Litterae Russicae. Труды по русской и славянской

филологии. Литературоведение. VII. Тарту, 2009. С. 179—191). Н. Лесков иронически изобразил «примерные казни по совету Жуковского» в повести «Заячий ремиз» (1894). Некоторые мотивы статьи Жуковского преломились в романе В. Набокова «Приглашение на казнь» (1935—1936), а в романе «Дар» (1937—1938) автор привел резко критическую оценку Н. Чернышевского о статье поэта.

[1] *Конечно, никто не читал без ужаса…* — Летучие листки с детальным описанием казни были выпущены в количестве двух с половиной миллионов экземпляров. Ч. Диккенс отправил в газету «The Times» письмо, в котором выразил свое возмущение бесчувственным, нехристианским поведением народа во время публичной казни:

> Когда двое несчастных виновников этого ужасного сборища взвились в воздух, толпа не проявила ни малейшего чувства, ни капли жалости, не задумалась ни на миг над тем, что две бессмертные души отправились держать ответ перед своим творцом; непристойности не прекращались ни на минуту. Можно было подумать, что в мире никогда не звучало имя Иисуса Христа и что люди не слыхали о религии, что смерть человеческая и гибель животного для них — одно и то же (*Диккенс Чарльз*. Собр. соч.: В 30 т. М., 1962—1963. Т. 28. С. 107).

В черновой рукописи статья начинается двумя фразами, которые были зачеркнуты поэтом и не вошли в окончательную редакцию:

> И весьма примечательно то, что в наше время все эти отвратительные действия имеют какой-то характер филантропический; Демон зла гуляет по свету под маскою человеколюбца. Например, все конечно читали в газетах описание (РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 81).

Филантропами поэт иронически называет противников смертной казни, против которых, в том числе, направлена статья. См. следующую черновую правку Жуковского:

> Эти сцены [послужили] подали повод некоторым [чувствительным] <филантропам> для новых декламаций… (РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 81).

[2] *…уставленный Самим Богом.* — Представление о смертной казни как о справедливом институте правосудия в христианском обществе восходит к Ветхому Завету. См.:

> Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию (Быт. 9: 6);
> …кто убьет человека, того должно предать смерти (Лев. 24: 21).

Идея о казни как об акте спасения для раскаявшегося преступника восходит к диалогу между Христом и разбойником:

И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю (*Лк.* 23: 41—43).

Ср. дневниковую запись поэта 1845 г.:

Но кто же с Ним войдет в эту дверь? <…> С одной стороны <…> неограниченная благость, сказавшаяся на кресте разбойнику <…>. Если войдет такое покаяние в душу <…>, то она в это мгновенье действительно преображается и всё ее временное греховное прошедшее исчезает <…> святое таинство налагает на нее <душу> очистительную печать свою (ПССиП. Т. 14. С. 318).

Тема принятия и понимания осужденным спасительной, христианской роли божественного наказания отразилась в незаконченном сочинении Жуковского «Странствующий жид»:

Я с Ним, Он мой, Он всё, в Нем всё. Им всё,
Всё от Него, всё одному Ему. —
<…> Я казнь мою
Всем сердцем возлюбил: она моей
Души хранитель…»
(ПССиП. Т. 4. С. 301)

[3] *…она никого не пугает…* — Ср. с вариантом из черновой рукописи:

Она никого *не пугает*, никого не воздерживает от злодейства [и не исцеляет злодея]. [Это совершенная ложь.] (РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 81).

Характер правки косвенно выявляет одну из главных идей Жуковского о «христианском» совершении казни как целительном искуплении вины и спасении души преступника.

[4] *Смертная казнь… как привидение…* — Жуковский исследует тему привидения и духовного постижения таинственного, высшего мира в статье «Нечто о привидениях» (1848). См.:

Эти явления духов, непостижимые рассудку нашему, строящему свои доказательства и извлекающему свои умственные выводы из материального, суть, так сказать, лучи света, иногда проникающие сквозь завесу, которою мы отделены от духовного мира; они будят душу посреди ленивого покоя земной очевидности, они обещают ей нечто высшее, но его не дают ей, дабы не произвести в ней раздора с тем, что ей дано здесь и чем она здесь должна быть ограничена и определена в своих действиях. Вот причина, почему и всякое явление духа производит в нас чувство ужаса, не похожего ни на какой земной ужас (ПСС. Т. 10. С. 95).

Размышления о сущности и роли провидения в жизни человека пересекаются с идеей поэта о лобном месте как о мистическом месте, на котором духовному воображению открывается «небесное», святое на земле.

[5] *…а для казнимого уничтожает спасительное действие…* — В черновом рукописном варианте поэт зачеркнул словосочетание [спасительный ужас] и исправил его на <спасительное действие на душу> (РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 81 об.). В лексическом выборе, вероятно, отразилось представление поэта о религиозном непубличном ритуале казни как способе уничтожения ее ужаса и, как следствие, спасительного влияния на душу преступника.

[6] *И здесь, как и во всем, причина зла…* — Ср. с вариантом из черновой рукописи:

> Но здесь, как и во всем [(особенно в том что теперь перед нашими глазами творится)], причина зла… (РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 81 об.).

Тема смертной казни тесно связана с отрицательным отношением Жуковского к европейским событиям «Весны народов» 1848—1849 гг., которые воплощали по признанию поэта своим корреспондентам «хаос», «гидру», «дух зла». Идеализация смертной казни была связана с эсхатологическими переживаниями Жуковского, с поиском и защитой *святого* в революционное время. Характерно, что в письме к великому князю Александру Николаевичу о смертной казни поэт изложил свою религиозно-политическую утопию о бескровном, нравственном освобождении от турок Иерусалима христианскими монархами, новый священный союз которых должен возглавить русский император Николай I (*Гузаиров Т.* Иерусалимский проект Жуковского // И время и место. Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата. М., 2008. С. 312—323).

[7] *….всё земное ~ физическое явление.* — Ср. с вариантом из черновой рукописи:

> …всё земное не иное что, как [материальный, минутно живущий и совершенно разрушающийся наконец феномен] [несущественное] (РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 81 об.).

[8] *Эшафот, на котором совершается смертная казнь…* — Образ эшафота как сакрального места перехода из бытия в небытие был намечен в статье Жуковского «Две сцены из “Фауста”». Ср.:

> Чистые ангелы своими руками уготовляют и святят то место, на котором слепое человеческое правосудие удовлетворит земной правде, казнив преступное дело человека, а Божие всевидящее правосудие совершит правду небесную, принявши в лоно милосердия покаяние души человеческой. Где человек будет скорбеть и трепетать, там ангел будет веселиться; где будет перед глазами человека ужас беспощадной казни, там будет торжество примирения перед глазами ангела, и с ним вместе восторжествует всё небо… (ПССиП. Т. 12. С. 397).

[9] *…французская гильотина…* — Отрицательное отношение к гильотине как механизму и символу революции было характерным для современников Жуковского. П. В. Анненков в «Записках о французской революции 1848 г.» (1848) писал:

> В коллекцию мою случайно попался журнал под заглавием «La Guillotine» на красной бумаге с портретом Л.-Филиппа, показывающего грудь свою, на которой

вырезана гильотина. Но, во-первых, он кажется простой спекуляций, а во-вторых, имеет две надписи: 1793. Tout le monde y passera, — и другую: 1848, Personne n'y passera, а в-третьих, отличается тем сантиментальным изложением истории изобретения гильотины и первых ее жертв, которое как будто нарочно придумано, чтобы приучить к мысли об инструменте и к назначению его! (*Анненков*. С. 433).

В статье поэт резко критикует существовавшие бесчеловечные формы казни, однако сам не описывает способа осуществления приговора. Образ гильотины появляется в другой статье Жуковского 1850 г. «Русская и английская политика» и символизирует государственную политику, основанную на достижении материальной выгоды и лишенную нравственного начала. Ср.:

Положим, что она <Англия> успела провести свой кровавый уровень над всеми народами и что она, отрубив им головы на своей всемирной гильотине, благодаря своей необъятной материальной силе и своему столь же необъятному презрению к святости прав народных, будет одиноко властвовать терроризмом на сцене мира — чем, опять повторяю, это должно кончиться? (ПСС. Т. 11. С. 44).

[10] *…общим пиром многочисленной толпы.* — Правка в черновой рукописи подчеркивает неприятие Жуковским публичной казни. Ср.:

…общим пиром многочисленной толпы; [Здесь кстати привести русскую пословицу: на *людях и смерть* (смертная казнь) *красна*] (РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 82).

[11] *…при этом совершении всякий глубоко понимал…* — В черновой рукописи Жуковский зачеркнул глагол чувствовал и вместо него вставил глагол понимал (РНБ. Оп. 2. № 39. Л. 82).

[12] *…всякий видел, что неумолимое правосудие ~ нравственнее всех конвульсий виселицы и криков колесования.* — В черновой рукописи этот отрывок был заключен в квадратные скобки и отчеркнут на полях, что свидетельствует о его концептуальной значимости для Жуковского. Характер и функция казни в христианском обществе, обязанности государства при организации ритуала смертного приговора — эти две темы определяют главное содержание статьи.

На первой стадии работы над текстом Жуковский, вероятно, испытывал сомнения в том, насколько предложенный им ритуал казни является в христианском смысле спасительным для души преступника, что объясняет невключение в окончательную редакцию последнего из черновика абзаца, в котором упоминается слово «амнистия».

Также характерна правка в записной книжке предложения, ставшего в итоге заключительным в статье. После фразы «актом человеческого правосудия» Жуковский написал словосочетание [и спасительного], которое затем зачеркнул и закончил фразу словами «и утешительною проповедью для народа» (РНБ. Оп. 1. № 67. Л. 24 об.).

Т. Гузаиров

Русская и английская политика
Письмо к кн. Варшавскому, графу И. Ф. Паскевичу-Эриванскому
(С. 480)

Автографы:

1) РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. № 40.

2) РО ИРЛИ. 10.129.LX б. 26.

3) РНБ. Оп. 1. № 64. Л. 18 об. — 19.

4) РНБ. Оп. 1. № 67. Л. 25—56 — черновой; л. 61 об. — окончание; л. 72 — дата: Марта 21. 1850.

Копия: РГБ. Ф. 104. VI. 32. Л. 147—164 — писарская.

Впервые (на немецком языке): Beilage zur Allgemeinen Zeitung (Приложение к Всеобщей газете). 1850. № 92. S. 1466—1468. Без подписи.

Авторизованный перевод; под заглавием «Englische und russische Politik», без подзаголовка, с примечанием издателя в постраничной сноске: *Es sind dieß «Auszüge aus den Briefen eines Russen in seine Heimat», die wir getreu der Pflicht keine nationale Stimmung auszuschließen ungeschmälert wiedergeben* — ‘Это «Выдержки из писем одного русского на Родину», которые мы, оставаясь верными обязательству не исключать никаких национальных умонастроений, передаем полностью’.

Впервые (на русском языке): С 5. Т. 11. С. 321—337 — отрывок, с заглавием «Письмо к князю Варшавскому».

Впервые полностью: РА. 1878. № 8.

Печатается по РА со сверкой по рукописи.

Датируется: 21 марта 1850 г.

«Русская и английская политика. Письмо к кн. Варшавскому, графу И. Ф. Паскевичу-Эриванскому» — заключительная историко-политическая статья Жуковского, посвященная осмыслению революционных событий «Весны народов» (1848—1850), в частности венгерской кампании (1849), и европейской роли Николая I и России в целом.

Статья была создана на основе письма поэта к возглавлявшему русские войска в венгерском походе генералу-фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу-Эриванскому. Письмо было написано после возвращения Жуковского в Баден из Варшавы, где он встретился с Николаем I в конце августа — начале сентября 1849 г. Приуроченное к победоносному окончанию венгерского похода свидание царя и поэта было омрачено неожиданной смертью великого князя Михаила Павловича 28 августа (9 сентября) 1849 г. В статье отношение Николая I к венгерскому кризису и поведение царя у одра умирающего младшего брата, с точки зрения Жуковского, высветили государственные и личные достоинства русского монарха, особенно на фоне министра иностранных дел Великобритании графа Пальмерстона. Такими чертами царя, по мнению поэта, были бескорыстная внешняя политика и глубокое религиозное чувство, т. е. понимание и исполнение Николаем I божественных заветов в политике и частной жизни.

Главная цель варшавской встречи Жуковского с Николаем I заключалась в стремлении объяснить свою семейную ситуацию (болезнь жены и необходимость оставаться в теплом климате) и тем самым добиться очередной отсрочки на проживание за границей. (См. подробнее: Гузаиров. С. 80—102.) Итоги аудиенции с царем поэт подвел в письме к Р. Р. Родионову 29 августа 1849 г. Жуковский получил бессрочный отпуск и был награжден орденом Белого орла за литературные заслуги (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 130. С. 57). В контексте неоднозначно воспринимавшегося пребывания Жуковского за границей (с 1841 г.) написание статьи, направленной на создание положительного европейского имиджа России, а затем и ее публикация на немецком языке под заглавием «Englishe und russische Politik» в «Allgemeine Zeitung» окончательно урегулировали личные отношения поэта с императорской семьей. Можно крайне осторожно предположить, что в Варшаве во время обсуждения положения поэта Николай I намекнул ему о желательности появления за границей пророссийских политических статей. Примечательно, что в том же 1850 г. Жуковский написал вторую, уже специальную, статью «По поводу нападок немецкой прессы на Россию. Письмо в редакцию газеты» (см. примеч. в наст. томе).

Статья была закончена 21 марта 1850 г. В течение марта и апреля в письмах к друзьям Жуковский крайне саркастически характеризует фигуру графа Пальмерстона. 3 марта 1850 г. Жуковский презрительно-иронично писал к А. Я. Булгакову:

> Писать о политике?.. Чтоб черт побрал эту собаку политику с архисобакою Пальмерстоном и со всеми коммунистами, красными, черными и оранжевыми и канительными (как говаривал во время оно наш домашний дурак Варлашка). Меня всякий раз тошнит, когда приносят мне газеты (С 7. Т. 6. С. 585—586).

9 апреля 1850 г. Жуковский признавался П. А. Плетневу:

> …посылаю нечто мое печатное в новом вкусе — политическое. Эта статья вышла сама собою из-под пера в письме к фельдмаршалу. Я продиктовал ее потом по-немецки одному знающему русский язык; он подправил мою немечину по-своему, и вот что из этого вышло. — Напишите, что думаете и что слышали об этой статье (*Плетнев*. Т. 3. С. 660—661).

11 апреля 1850 г. в письме к Д. П. Северину, рассказывая об истории создании статьи, поэт писал:

> …мне просто хотелось отвесть душу, которую давило нахальное ругательство над всякою правдою, ругательство, которым так дерзко обижал весь просвещенный мир один бесстыдный буян, пьянствовавший в кабаке, называемом кабинет великобританских министров (РС. 1902. № 6. С. 517).

См. также отрывок из письма Жуковского от 21 апреля 1850 г. к барону А. П. Мальтицу, переводчику сочинений поэта на немецкий язык:

> Статья, здесь прилагаемая, была сначала просто письмом к фельдмаршалу Паскевичу, которое я ему написал, немного спустя по своем возвращении из Варшавы

в Баден. В этом письме я сделал вылазку против любезного лорда Пальмерстона, руководствуясь при этом единственно желанием вздохнуть свободно, излив свое бешенство на этого политического флибустьера. После мне показалось, что этот отрывок мог быть напечатан, ну и вот он (цит. по: *Шляпкин И. А.* В. А. Жуковский и его немецкие друзья (Неизданные материалы 1842—1850 гг. из картонов Фарнгагена фон Энзе). СПб., 1912).

Таким образом, негативное отношение Жуковского к проводимой европейской политике Великобритании и лично к фигуре графа Пальмерстона послужило внешним импульсом для создания «Русской и английской политики».

Ее первые наброски были сделаны Жуковским в записной книжке. Многие черновые записи зачеркнуты, написаны неразборчиво и содержат многочисленные исправления. Вот лишь некоторые фрагменты, свидетельствующие об общем пафосе статьи и настроении ее автора:

л. 30 об. Ни одна из газет европейских не сказала о нем чистой правды, у них рука не подымается [сказать] что-нибудь в пользу России; они так привыкли на нас клеветать…

л. 32. У меня было горячее [чувство] на сердце от всего, что я видел и слышал…

л. 33. Теперь об этих днях новой русской славы не говорит уже никто, хотя немного месяцев прошло с этой минуты…

л. 33 об. Русский полководец так благотворно и мирно победил без битвы, Русский царь с неутомимой энергией помогал ему… (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 67).

Итак, при работе над статьей Жуковский стремился рассмотреть самые актуальные и острые внешнеполитические вопросы: итоги венгерской кампании и шире — европейских революций 1848—1849 гг., историческую роль русского царя и непонимание его миссии в Европе, русофобию и страх перед завоевательными планами России.

В архиве П. А. Плетнева сохранилась копия будущей публикации, предназначенной для книги прозы, с пометами Жуковского. На полях статьи поэт отчеркнул карандашом одной или двумя чертами многие фрагменты, в которых он отрицательно характеризовал политическую роль Англии в Европе, в частности, министра иностранных дел графа Пальмерстона. Ср.:

л. 5. Что сказать о Пальмерстоне? Это злой Гений нашего времени. Геккеры, Штруве и Генце все эти грязные политические разбойники, на большой дороге грабящие прохожих с опасностью своей жизни, кажутся мне благородными героями в сравнении с этим представителем великого народа…

л. 5. …капризная воля одного человека — чуждого всякого уважения к высшей правде, ввергает ее перед глазами всех современников, на вечный упрек истории и потомства…

л. 6. …и то что творится в остальной Европе представляет ей самый к тому благоприятный случай. Как царь морей, как Виргилиев Нептун она может в смысле все-

общего блага сказать бунтующим волнам Европейским народов: я вас! Quos ego! — Но что же?

л. 6. Но на беду нашего века и к бесчестию английского народа, рулем ее корабля управляет рука недостойная такой чести и власти. Если бы природа Лорда Пальмерстона соответствовала высоте его положения…

л. 6—6 об. Но этот корабль обратился во враждебное судно флибустьеров. Англия при всем своем народном величии, не иное что как <…> всемирный корсар, сообщник сперва потаенный всех мелких разбойников губящих явно и тайно в других народах порядок общественный, провозглашающий как последний результат христианской цивилизации право сильного…

л. 6 об. Какой мятежник не был признан союзником ее правителя? В какой земле Европы, где кипел мятеж, не были английскими деньгами разъярены и награждены умные, обрызганные кровью герои?

л. 9—9 об. …необходимо должно заключить, что таковы замыслы Англии на остальной мир. Теперь ни в одном приморском городе где бы он не находился никто не может спать спокойно; над всеми народами висит меч Дамоклов английского самовластия…

л. 10. …уже можем сказать что свобода Англии начинает гибнуть, уже для нее началась постыдная эпоха тиранства Кесарей. Какой Калигула так самовластвовал в древнем Риме и так бесчестил свой народ… (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. № 40. Л. 5—10).

Жуковский конструирует отрицательный образ английского министра с помощью нагнетания лексем, относящихся к миру денег, корысти, разбоя. Пальмерстон описывается как политик, который из-за духовной неправды и слепоты не осознал своего божественного предназначения и, как следствие, вместе с ним Англия утратила отведенное ей провидением право на политическую роль усмирителя революционной Европы. Акцентированный антианглийский характер помет указывает на стремление Жуковского убедить читателя статьи в том, что предназначенная Англии божественным провидением политическая миссия быть примером для Европы перешла России, Николаю I. (подробнее см.: *Гузаиров Т.* История — Полководец — Поэзия: политическая триада В. А. Жуковского (из комментариев к статье «Русская и английская политика») // Жуковский. Исследования и материалы. Вып. 2. Сб. научных трудов. Томск, 2013. С. 191—203).

Статья Жуковского вызвала одобрение у наследника престола великого князя Александра Николаевича, Д. П. Северина и П. А. Плетнева, который писал Жуковскому 6 (18) мая 1850 г.:

Статья ваша о политике Англии и России на меня прекрасно подействовала. Она дала мне мысль, что если пожелаете, то *вы сделаетесь и историком нашим*. Сколько у вас благородной искренности и красноречия в высшем значении! Цесаревич еще до моего о том объявления читал эту статью, не знав, что она ваша, и очень доволен ею. Из людей, которых отзывы я ценю, бывший наш профессор Порошин заметил только мне, что *вы о политике России менее сказали*, нежели о политике Англии, что и справедливо; но я это изъясняю, первое тем, что Русскому не совсем прилично было излишне хвалить политику своей земли, второе тем, что наша политика менее

сложна. Прожив самое чреватое переворотами время в Германии, вы в состоянии написать книгу, назидательнейшую для потомства, а именно: *о значении власти* (*Плетнев*. Т. 3. С. 664).

Высокая оценка статьи, ее исторической и в определенной степени воспитательной роли укрепила поэта в идее включить недавно написанную статью в готовившийся том прозы для собрания сочинений. В одной из архивных копий статей, предназначавшихся для публикации в томе прозы Жуковского, можно обнаружить в оглавлении название «Русская и английская политика», сам текст статьи, однако, отсутствует. По замыслу автора, она должна была следовать за статьями, посвященными анализу революционных событий: «Что будет?» и «О происшествиях 1848 года…»; после нее должны быть опубликованы статьи «О стихотворении "Святая Русь…"» и «О смертной казни» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 71).

История создания русского варианта статьи достаточно загадочна. Существует любопытное свидетельство Н. П. Барсукова: «Статью эту он [Жуковский] прислал в редакцию "Москвитянина" для перевода на русский язык. Желание Жуковского было исполнено Шевыревым. Как статью политического содержания Московская цензура отправила ее на усмотрение Главного Управления Цензуры» (*Барсуков*. Кн. С. 192).

Начиная с весны 1850 г. Жуковский и Плетнев активно в переписке обсуждают готовившийся том прозы, цензурную судьбу статей. Статья «Русская и английская политика» была доставлена в Главное управление цензуры во второй половине мая 1850 г. Князь П. А. Ширинский-Шихматов в своей «всеподданнейшей записке» отметил:

Статья (Жуковского) сама по себе есть красноречивое и в высшей степени благонамеренное сочинение, исполненное преданности к престолу и любви к Отечеству. Но как в ней весьма с невыгодной стороны представляется современная политика Англии и порицаются в сильных выражениях действия лорда Пальмерстона, то Главное Управление Цензуры и не может дозволить печатания означенной статьи без Высочайшего разрешения (*Барсуков*. Кн. 10. С. 192—193).

На этой записке Николай I в Петергофе 2 июня 1850 г. написал: «Не должно печатать» (Там же).

Несмотря на публикацию статьи на немецком языке в Германии, она была запрещена в России. Характерно, что в другой копии статьи, предназначавшейся для предполагаемого тома прозы, уже и название «Русская и английская политика» отсутствует (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 39). Разумеется, она также не была представлена Жуковским в цензуру в составе всех статей тома прозы (См. Замечания цензора Сербиновича К. С. на сборник статей, писем и воспоминаний Жуковского В. А. // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. № 289).

Том прозы Жуковского столкнулся с серьезными цензурными трудностями. В декабре 1850 г. поэт даже просил Плетнева забрать статьи из цензуры (*Плетнев*. Т. 3. С. 685). Вместе с тем возникшие препятствия позволили Жуковскому еще раз продумать композицию тома прозы, оценить свои статьи. Спустя почти год,

1 октября 1851 г., Плетнев отправил письмо Жуковскому, в котором перечислил все статьи предполагаемого тома, снабдив каждую из них кратким комментарием — «то, что в пьесах ваших затрудняло цензуру». Важно отметить, что свой обзор, состоящий из рассмотрения 33 статей Жуковского, Плетнев начинает с комментария к «Русской и английской политике»: «1. *Русская и Английская политика*. Общая цензура подобных статей ни у кого сама собою не разрешает. Полагаю, что это было представляемо на Высочайшее усмотрение. Ежели не последовало соизволения, причиною всегдашняя скромность Русской политики, не выступающей в состязание с Западною Европой» (*Плетнев*. Т. 3. С. 703).

Таким образом, статья должна была непременно войти в готовившийся поэтом том прозы, возможно, даже его открыть (если порядок перечисленных Плетневым статей не является произвольным, а соответствует окончательному замыслу Жуковского). Не только в хронологическом, но и в идейном плане «Русская и английская политика» была итоговым историософским сочинением Жуковского.

[1] Текст этого письма И. Ф. Паскевича к Жуковскому с приложением подарка (карты Венгрии) обнаружить не удалось.

[2] Речь идет о романе французского писателя Алена Рене Лесажа (1668—1747) «Похождения Жиль Бласа из Сантильяни» («Historie de Gil Blas de Santilane». По всей вероятности, в приведенном «месте» из романа имеется в виду не толедский, а гренадский архиепископ (кн. VII, гл. 3).

[3] *…через генерала Ушакова…* — Генерал от инфантерии А. К. Ушаков (1803—1877) во время венгерской кампании был начальником штаба 2-го армейского корпуса.

[4] *…могучим русским великаном…* — В статье образ «русского великана» восходит к стихотворению Жуковского 1848 г. «К Русскому великану» (см. примечания: ПССиП. Т. 1. С. 733—735). Стихотворение имело программный характер и было, вероятно, обращено к князю Варшавскому, И. Ф. Паскевичу-Эриванскому, который руководил стоявшей на западной границе с 1848 г. многотысячной русской армией. В стихотворении образ «русского великана» является гарантом внутреннего спокойствия, достигнутого отстранением от внешних, европейских дел и заботой о внутреннем, народном благе. (См. подробнее: *Гузаиров.* С. 98—101).

[5] *против кесаря ею почти побежденного…* — В архивной копии статьи на полях напротив этой фразы Жуковский сделал карандашом вертикальный росчерк. Слова «ею почти побежденного» подчеркнуты (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. № 40. Л. 3 об.). Здесь автор имеет в виду победы венгерской национальной армии против войск австрийского императора Франца-Иосифа I в 1849 г.

[6] *…ни одна из газет европейских…* — Тема русофобии, страх перед завоевательными планами России была лейтмотивом в размышлениях Жуковского в течение всего пребывания за границей (1841—1852). В письме от 28 октября 1842 г. к великому князю Константину Николаевичу поэт писал:

> В публичных листах известий о России искать нельзя: они врут без памяти <…> Эта ненависть к России, без особенной причины, есть замечательный феномен

нашего времени. <…> Это бешенство <…> означает только то, что Россия есть для них самый твердый и потому самый ненавистный представитель того порядка, который они, представители так называемого движения, опрокинуть стараются. <…> *Движение*, развитие порядка, постоянное, мирное, без потрясений, но беспрестанное, есть *жизнь*. <…> Одним словом движение тихое есть *порядок* и *благоденствие*, движение насильственное есть *революция*; а всякая революция губит настоящее в пользу будущего, которое никогда не бывает таким, каким хотят создать его разрушители настоящего (С 7. Т. 6. С. 356—357. Курсив Жуковского).

Здесь важно отметить, что весь комплекс тем и идей, характерных для историко-политических статей Жуковского 1848—1850 гг., возник уже до начала «Весны народов». Тема русофобии также дала Жуковскому внешний, психологический толчок к написанию историко-политических статей. См., например, начальные фразы статьи «О происшествиях 1848 года. Письмо к графу Ш-ку.»:

Мне надоело слушать нелепые толки о России. Жалко и досадно видеть, с каким легковерием самые здравомыслящие принимают за чистые деньги слухи о завоевательных планах русского государя и о близкой войне…

Резко характеризуя публицистов и авторов антироссийских статей в европейских газетах, Жуковский в архивной копии «Русской и английской политики», однако, зачеркнул следующий отрывок:

Полем современной Истории владеют газетчики и памфлетисты, они вспахивают эту всемирную ниву, служа поденщиками партиям; семя, которое бросают они в свои борозды, есть по большей части ложь, бесстыдная клевета — какая жатва и для них и для наших потомков может вырасти из такого посева? (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. № 40. Л. 4).

В этой же копии напротив фразы: «уже отчасти выраженный голосом некоторых из сея благороднейших, уважающих честь народную, публицистов» — поэт на полях статьи оставил свой комментарий «Увы» (Там же. Л. 11). Эта фраза в окончательную редакцию статьи не была включена.

[7] *…мирная энергия русского вождя…* — Венгерская кампания в русском обществе была воспринята без энтузиазма как ненужное и невыгодное России политическое решение (см., напр., свидетельство М. Корфа: *Корф М.* Записки. М., 2003. С. 468). Россия в результате венгерского похода не получила ни территорий, ни денежной компенсации, даже лорд Пальмерстон в письме к Ф. И. Брунову отметил великодушие императора. Вместе с тем было убито около тысячи русских солдат, и около 10 000 умерли от ран и болезней. Российская власть испытывала потребность в апологии военного вмешательства и в утверждении своего авторитета — и концепцию великодушного подвига русского царя предложил Жуковский в своей статье. Размышления Жуковского о бескорыстной войне за царскую честь родились параллельно или в определенной степени выросли из работы над переводом первой песни «Илиады», над которым он трудился со 2 (14) октября 1849 г. до 12 (24) авгу-

ста 1850 г. В своем переводе поэт усилил идею о преступной несправедливости войны, если она была основана исключительно на корыстолюбии; он также развил мысль о том, что война имеет смысл и значение (следовательно, может быть оправдана), если она бескорыстна и ее цель — «брату честь возвратить».

[8] *…император австрийский…* — В марте — апреле 1848 г. произошла революция в Венгерском королевстве, была создана национальная армия. Год спустя, 14 апреля 1849 г., парламент объявил о независимости Венгрии от Австрии, что привело к началу военных действий. Император Франц-Иосиф (1830—1916; вступил на престол 2 декабря 1848 г.) обратился за помощью к Николаю I. Венгерская кампания длилась недолго. 17 августа 1849 г. был издан победоносный манифест.

[9] *…Что сказать о Пальмерстоне?* — Генри Джон Темпль, виконт Пальмерстон (1784—1865) — английский государственный деятель, в течение 1846—1851 гг. в третий раз возглавлял министерство иностранных дел. Пальмерстон строил внешнюю политику Англии на принципе «равновесия сил», т. е. разделения Европы на группы враждующих и тем самым ослабляющих друг друга государств. Во время европейских событий 1848—1849 гг. он, в отличие от Николая I, поддерживал революционные движения в Италии и Венгрии. В течение его службы резко обострились отношения Англии с Францией и Россией. Камнем преткновения была внешняя политика Николая I, особенно продвижение России на Среднем Востоке воспринималось как угроза Индии. Характерно, что во время Крымской войны (1853—1855) Пальмерстон, один из создателей англо-франко-турецкой коалиции, настаивал на отторжении от России ряда территорий. В год создания статьи Жуковского в шутливом стихотворении «И. И. Л. в 1850 году», в первой строфе, А. Н. Майков закончил именем Пальмерстона перечисление европейских мыслителей и деятелей, чьи тексты засоряют голову лирического героя Ивана Ивановича:

Говорят в вас, анонимом,
Луи Блан, Жорж Занд, Прудон,
Фейербах с почтенным Гримом,
Иногда и Пальмерстон…
(*Майков А. Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 346)

[10] *…Геккеры, Штруве и Генце…* — Жуковский резко отзывается о публицистах и политических деятелях, которые или руководили революционными действиями в 1848—1849 гг., или своими ошибочными решениями создали предпосылки для торжества (хотя и временного) революции:

Геккер, Фридрих Франц Карл (1811—1881) — немецкий юрист, политик и революционер. Во время революции 1848—1849 гг. он был одним из самых популярных агитаторов, выступал за провозглашение Германии демократической республикой. Был одним из руководителей республиканского восстания в Бадене в апреле 1848 г.

Штруве, Густав фон (1805—1870) — немецкий юрист, политик, публицист и революционер. Вместе со своим другом Геккером он был одним из руководителей революции в Бадене (апрель 1848 г.).

Генц, Фридрих фон (1764—1832) — австрийский политический деятель и влиятельный публицист, ближайший советник и доверенное лицо князя К. Меттерниха.

[11] *…историю английской революции Маколея…* — Маколей, Томас Бабингтон (1800—1859) — английский государственный деятель, литератор и историк. Начиная с 1849 г. и до самой смерти Маколей работал над «Историей Англии» в 10 т.; (первые тома вышли в 1849 г. и имели невероятный читательский успех).

[12] *…разбойнику Кошуту…* — Лайош Кошут (1802—1894) — венгерский государственный деятель и революционер, в течение 1848—1849 гг. был премьер-министром, а затем и президентом Венгрии, создал национальную армию. 14 апреля 1849 г. Кошут провозгласил независимость Венгрии. Кошут пользовался поддержкой графа Пальмерстона.

[13] *…увидеть государя ~ бездыханное тело брата!* — Описание поведения Николая I у одра умирающего брата вел. кн. Михаила Павловича типологически отсылает к фрагменту статьи Жуковского «О происшествиях 1848 года. Письмо к графу Ш-ку», в котором изображается момент получения известия о кончине Александра I и последующая молитва Николая Павловича и царской семьи в 1825 г.

[14] *…проповедуется Прудонами…* — Прудон, Пьер Жозеф (1809—1865) — французский политик, публицист, теоретик анархизма. Жуковский привел цитату из сочинения Прудона «Что такое собственность», которая получит свое толкование в статьях «Что будет?» и «Письмо Русского из Франкфурта» (см. примеч. в наст. томе).

[15] *История в настоящем смысле ~ неправда сама себя губит…* — В архивной копии статьи этот отрывок отчеркнут вертикальной линией на полях, там же поэт оставил свой комментарий: «прекрасно» (РО ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. № 40. Л. 10).

[16] *…благоденствие ~ в умеренности и порядке, как говорит И. Миллер…* — См. примеч. к статье из журнала «Собиратель» «Польза истории для государя» (1829) в наст. томе, с. 679.

[17] *Настала пора ~ охранения общего благоденствия.* — Свои размышления Жуковский подводит к выводу о необходимости всеевропейского соединения государств, их армий в одну рать для утверждения мирного христианского порядка. Эта идея тесно связана с так называемым Иерусалимским проектом Жуковского, изложенным им в письмах к великим князьям Александру Николаевичу и Константину Николаевичу в конце 1849 — начале 1850 г. (См. подробнее: *Гузаиров Т.* Иерусалимский проект Жуковского // И время и место. Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата. М., 2008. С. 312—323).

[18] *…будет Россия, особенный мир ~ извне недоступный.* — Ср. с отрывком из статьи Жуковского «Письмо Русского из Франкфурта» в наст. томе:

> …сохранить сильную самобытность Русского Царства <…> мы можем не быть принадлежностью Европы; мы будем ни Азия, ни Европа, мы будем Россия, самобытная, могучая Россия <…> отдельно от других, под своим флагом плывущая путем своим…

Размышления поэта об особом пути России станет лейтмотивом писем и статей этих лет.

[19] *…обдержанному в боях булату…* — Неточная цитата из стихотворения Г. Р. Державина «На отправление в армию Фельдмаршала графа Каменского» (1806). Ср.: «Булат, обдержанный в боях» (*Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 2002. С. 367). Как известно, граф М. Ф. Каменский во время своего руководства запутал передвижения армии противоречивыми указами, отдал приказ об отступлении и покинул войска, не дождавшись царского рескрипта об увольнении. Актуализация памяти о неудачных действиях Каменского против Наполеона в 1806 г. с идеологической точки зрения выглядела явным просчетом Жуковского.

Т. Гузаиров

Публикация на немецком языке представляет собой авторизованный перевод текста, начиная со слов: «Мир сделался железною дорогою» — и заканчивая предложением «Теперь всякая война в угождение честолюбию и хищничеству <…> безумство и бесполезное преступление». В целом перевод выполнен в свойственной Жуковскому вольной манере с сохранением основных элементов концептуально-смысловой структуры текста. Нейтрализация яркой функционально-стилистической окраски, более дробное абзацное членение, наконец, очевидное сглаживание просвечивающего в каждом слове Жуковского авторского Я связаны с необходимостью адаптировать текст к канону газетного очерка, пусть даже помещенного не в основном номере, а в приложении, предполагающем наличие не только информационных сообщений, но и аналитического начала.

Немецкий перевод статьи обнаруживает трансформации, определяемые также сменой коммуникативного регистра и жанра импровизированного послания. Адресатом немецкой заметки выступает исключительно читатель газеты, так как имя И. Ф. Паскевича из политических соображений В. А. Жуковским не упоминается ни в заглавии, ни в самом тексте. Письмо превращается из личного, имеющего конкретного адресата в оригинале, в публичное, адресованное всем и каждому. Так, вместо распространенного в русском варианте начального обращения к адресату и рассуждения о поэзии в немецком тексте возникает не менее эффективный образ Франкфурта-на-Майне, родины нового парламента объединенной Германии. И хотя Жуковский писал статью в Баден-Бадене, уже в ее начале он вспоминает о своем пребывании в этом городе:

> Так я, наконец, прибыл во Франкфурт и думал провести здесь некоторое время, чтобы посмотреть, что же еще может произойти в тени этой Паульскирхе, которая всегда будет служить памятником тому парламенту, что все разрушил и оказался неспособным созидать. В то время как теперь стараются сделать все разом и потому, пожалуй, снова ничего не будет сделано; в то время как готовится в Эрфурте новый парламент, которому, между прочим, от всего сердца желаю самого большого успеха, я позволю себе все же обратить внимание на совсем свежие новости и на то, что происходит за пределами Германии (перевод с нем. мой. — *Н. Н.*).

Вместе с обращениями к князю Варшавскому из переводного текста исчезает прославление русского императора в начале и в конце статьи. Из перевода уходят

принципиально важные историософские идеи Жуковского, связанные с религиозно-христианским началом, с видением в историческом процессе необходимости «сохранения правды Божией». Во избежание лишних нареканий автор изымает и фамилии известных в немецком мире лидеров революционного движения («Геккеры, Штруве и Генце»), обозначенных в оригинале нарицательно, как общее обозначение «грязных политических разбойников».

Н. Никонова

Иосиф Радовиц
Биографический очерк
(«В письме, которое я писал к вам…»)
(С. 490)

Автограф:

1) РНБ. Оп. 1. № 69. Л. 1—45 — черновой автограф, перевод статьи на немецкий язык.

2) РНБ. Оп. 1. № 73. Тетрадь 1. Л. 1—48, тетрадь 2. — черновой автограф в виде письма в. к. Александру Николаевичу от 5 (17) апреля 1850 г.

Копия:

2) РНБ. Оп. 1. № 71. Л. 119—148 об. — писарская, авторизованная, русский вариант с вклейкой печатных листов на немецком языке (л. 127—130 об., 133—133 об., 148).

3) РГБ. Ф. 104. VI. 34. Л. 179—226 — писарская, авторизованная; русский и немецкий текст.

Другие источники: РНБ. Оп. 2. № 41. Л. 1—29 (Иосиф Радовиц, таков, каким знали его друзья. Письмо одного немца на родину. Манускрипт. Карлсруэ. 1850. — Перевод с немецкого печатного издания рукою неустановленного лица, с текстом очерка Жуковского не соотносится, очевидно, подготовительный материал).

Впервые (на немецком языке): Joseph von Radowitz wie ihn seine Freunde kennen. Brief eines Nichtdeutschen in die Heimat. Karlsruhe: W. Kasper'sche Buchdrukkerei, 1850. 50 S. (Иосиф фон Радовиц, каким его знают его друзья. Письмо одного не немца на Родину (Карлсруэ: Издательство В. Каспера, 1850. 50 с.)

Впервые (на русском языке): С 5. Т. 11. С. 361.

Печатается по С5 со сверкой по рукописным материалам.

Датируется: русский вариант — январь—февраль 1850 г.; немецкий — апрель 1850 г.

Йозеф Мария фон Радовиц (Joseph Maria von Radowitz, 1793—1853) — прусский генерал, государственный деятель и публицист, получивший широкую и в то же время неоднозначную известность в немецком мире в связи политическими потрясениями 1830—1840-х гг. Многосторонне одаренная, сильная воля и деятельная натура Радовица нашли равно яркое выражение в его активной политической, научной и писательской деятельности, которая имела беспрецедентный отклик в

многочисленных прижизненных и посмертных биографических заметках, оставленных современниками. Основанием для нападок недругов и измены единомышленников стала прочность монархических взглядов генерала. В 1840-х гг. на плечи Радовица по воле Фридриха Вильгельма IV легла нелегкая задача по организации единого правительства расколовшейся Германии, которое должно было реализовать проект государства, объединенного под эгидой Пруссии.

В. А. Жуковский познакомился с Й. фон Радовицем в Берлине 3 (15) сентября 1827 г., что зафиксировал специальной записью в дневнике: «Знакомство с Радовицем» (ПССиП. Т. 13. С. 294). Дневники поэта отражают и основные этапы этих взаимоотношений: берлинские встречи и общение в сентябре 1827-го и в мае 1829 г., переписка и встречи в Швейцарии в ноябре 1831 г., беседы о политике и искусстве в Берлине в августе 1833 г., во Франкфурте — в июле 1838 г.; наконец, после женитьбы Жуковского и переезда его в Германию — постоянное общение. Итогом и залогом этой дружба и стал биографический очерк «Иосиф Радовиц», написанный в 1850 г. (РБ. С. 176—183).

Русский вариант очерка представляет собой доработанный черновой текст послания к великому князю Александру Николаевичу, датируемого концом января — началом февраля 1850 г., в котором читаем:

> Я стою только за характер Радовица и потому позволяю себе представить Вам мое о нем письмо; оно даст Вам понятие *о человеке*. Я писал об нем чистую правду по моему убеждению (РА. 1885. № 7. С. 346).

Судя по всему, размышления Жуковского не получили одобрения будущего монарха; в том же послании поэт писал наследнику:

> Другая часть Вашего письма, в котором выражено мнение Ваше насчет моего Радовица, болезненно тронула мое сердце. Вашей светлой душе и высокой душе Государя (перед которым я осмелился искренно высказать мнение, ему противоречащее) прилично и легко оценить *по правде* высокий характер Радовица. Вам ли иметь предубеждения? (РА. 1885. № 7. С. 344).

Подготовленный к печати русский текст очерка также не был принят; заключение цензора К. С. Сербиновича об очерке гласило:

> Начало статьи на стр. 277—290 заключает в себе рассуждение, слышанное автором в защиту Прусской политики. Оно может быть признано подлежащим запрещению по политическим же видам. Остальная же часть статьи на стр. 295—322 заключает в себе биографические сведения о Радовице, которые можно бы отделить от начала и в сем случае подвергнуть особому рассмотрению (РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. № 289).

Автор предвидел, что русский вариант до аудитории не дойдет. Тем не менее Жуковский решился перевести и анонимно опубликовать свое письмо в Германии: немецкий очерк имеет конкретную датировку после текста — 27 апреля 1850 г. Брошюра о Радовице представляет собой целостное оригинальное произведение,

которое обрамлено предисловием, стихотворным посвящением Жуковского и эпиграфом из известного французского историка Ф. Д. Монлозье (1755—1838), с одной стороны, и письмом некой родственницы генерала от 20 мая 1850 г., в котором аргументируется его представление о факторах, повлиявших на формирование личности фон Радовица, с другой.

Жуковский получил от немцев живой отклик на свой дружественный и политический жест. Так, дипломат и искусствовед, ганноверский посланник в Риме Август Кестнер (1777—1853) писал ему:

> Я вижу, что Вами руководит присущая Вам любовь, которая сделала Вас благодетелем для многих людей. <…> Вашим Радовицем я восхищен (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 209. Л. 5).

Генерал и ученый-изобретатель Фритц фон Фогель написал 16 июля 1851 г. из Италии:

> Мы с женой рады благодарить Вас за то, что Вы так искусно изобразили Вашего друга, которого я с давних пор высоко ценю и глубоко уважаю — я использую Вашу книжку и содержащиеся в ней доводы, рассказывая о ф<он> Р<адовице> своим друзьям; а один из них искренне считает ее добрым оружием в отношении своих противников и находит в ней ободрение (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 223. Л. 3).

Экземпляр брошюры получил известный архитектор Генрих Хюбш (1795—1863), не знавший Жуковского лично, но приславший русскому автору слова одобрения в письме от 25 июля 1851 г.:

> Своей превосходной биографией Вы воздвигли прекрасный памятник благородному человеку (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 206. Л. 2).

Не менее категоричными были и отзывы оппонентов, среди которых оказался давний корреспондент поэта и ценитель его творчества Фарнгаген фон Энзе, по сути, прекративший свое общение с ним и отказавшийся от публикации аналитической статьи о Жуковском из-за брошюры о Радовице.

Самый восторженный отзыв пришел от Фридриха-Вильгельма IV. Прусский монарх, как указывает в примечаниях к этой статье П. А. Ефремов, «послал Жуковскому в день его рождения, 29 января 1851 г., свой портрет с письмом, на котором вместо адреса нарисовал себя почтальоном, передающим посылку: «*Поэту Жуковскому*» (С 8. Т. 6. С. 634). Он писал Жуковскому:

> Вы не можете себе представить, какое впечатление произвела на меня эта брошюра. И сила ее в данном случае вовсе не в обычных качествах Вашего пера — искренности, убедительности и справедливости — все это тут играет какую-то побочную роль. Вы остались верным заповеди Апостольской о необходимости быть глашатаем истины, не взирая на окружающие условия или, как говорится по-немецки, — ко времени и без времени [Durch böse Gerüchte, oder gute Gerüchte] (РБ. 1912. С. 189).

Один из немногих отзывов из России был получен от А. П. Елагиной, которая почувствовала гуманистический смысл статьи Жуковского. В письме от 10 августа 1850 г. она писала:

> Благодарю вас, милая душа моя, за вашу прекрасную сердцекрепительную брошюрку. Я понимаю потребность вашей дружбы, но по самой защите вашей вижу, что Радовиц не имеет нужды в защите. Какое счастие ему быть таким образом ненавидимому, оклеветану! <…> Не всякому достается в наше время страдать за правду и счастлив, счастлив тот, кто мог выбрать это прекрасное страданье. <…> В 1803-м году, когда мы были дети, Маша благословила меня образом Усеченной Главы Предтечи, потому что та всегда поднимала душу <…> — Кажется, готова бы я была послать Радовицу этот образ (Переписка Жуковского и Елагиной. С. 627—628).

Библиография сочинений Радовица включает в себя более десятка серьезных трудов по математике и военному делу, истории государства и церкви. Вместе с письмом о Радовице Жуковский отправил престолонаследнику его труды «Gespräche aus der Gegenwart» и «Deutschland und Friedrich-Wilhelm IV» (подробнее о них см. Примечания 6, 15). Однако особое внимание романтика привлекла поздняя и малоизвестная работа генерала о библейской поэзии афоризмов. В личной библиотеке поэта сохранилось два издания этой книги с его пометами и переводами (подробнее см.: *Никонова Н. Е.* В. А. Жуковский — читатель книг Й. М. фон Радовица // Вестник ТГПУ. № 9. 2012. С. 184—191).

[1] *…четыре королевства…* — На сторону Австрии встали королевство Ганновер, курфюршество Гессен-Кассель, герцогство Нассау и город Франкфурт-на-Майне, которые в результате вспыхнувшей австро-прусско-итальянской войны были присоединены к Пруссии.

[2] *Эрфуртский парламент…* — Так называлось собрание представителей Пруссии, Саксонии и Ганновера, заседавшее с 20 марта по 29 апреля 1850 г. с целью выработки конституции для этих государств.

[3] *…он не пойдет излучистым путем махиавелизма.* — Макиавеллизм — жестокость и отсутствие морали в государственной политике. Подробнее о чтении Жуковским произведений Николо Макиавелли (1469—1527) и об отношении к его теории см.: *Янушкевич А. С.* Итальянские впечатления и встречи В. А. Жуковского // Archivio italo-russo. II a cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Salerno, 2002. C. 297—300.

[4] *Наконец нашелся один Френсдорф…* — Frensdorff, Emile (1818—1909), журналист, политик, редактор, доктор философии и филологии, автор самого известного из жизнеописаний генерала Радовица (Joseph von Radowitz. Eine Charakterschilderung von Emil Frensdorff. Leipzig, 1850. 133 S.).

[5] *…в лице Вальдгейма…* — Герой книги Радовица «Разговоры из настоящего времени о государстве и церкви» (см. следующее примеч.).

[6] *…в его «Разговорах из настоящего времени о государстве и церкви»…* — Имеется в виду известная книга Радовица «Gespräche aus der Gegenwart über Staat und Kirche» (Беседы из настоящего времени о государстве и церкви. Штуттгарт, 1846).

[7] *Ich halte mich verpflichtet ~ schmerzlich ahnen muss…* — ‘Я считаю своим долгом изо всех сил защищать монархию, даже в искаженном ее виде, бороться против ее отделения от верховного права народа и против показного правительства, как и против республики, хотя я недооцениваю противостоящие силы, хотя полностью признаю необходимые последствия, хотя болезненно предчувствую конец разрушительного процесса’ (*нем.*).

[8] *…святые слова из Евангелия: ищите, во-первых, Царствия Божия и правды Его, и все остальное приложится* вам… — Мф. 6: 34.

[9] *Радовиц в глазах их <…> ультрамонтан…* — Представители ультрамонтанизма отстаивали идею неограниченной власти римского папы, в том числе его права вмешиваться в светские дела европейских монархов.

[10] *Тому, Кто, посылая учеников своих благовестить о Его пришествии, сказал им: «Вы не от мира и мир возненавидит вас».* — Имеются в виду слова: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15: 18—19).

[11] *Говорю о Рейтерне…* — Рейтерн Герхард Вильгельм фон (1794—1865), немецкий художник, тесть Жуковского, друг Радовица.

[12] *…вне границ Гессен-Касселя…* — Имперское княжество, существовавшее до 1866 г., провинция Пруссии, выступившая в союзе с Австрией.

[13] *…субальтерн-офицера…* — Младший офицер роты, эскадрона или батареи.

[14] *…быть главным воспитателем принца…* — Речь идет о назначении Радовица в 1823 г. учителем кронпринца Альбрехта Прусского, с которым у него завязались тесные дружеские отношения. Как главный человек в генеральном штабе и учитель принца, он получил хорошую возможность проявить себя, став членом верховного военного ведомства, преподавателем военного училища, членом артиллерийской комиссии, в 1828 г. — майором, в 1830 г. — начальником генерального штаба артиллерии. В это время им были написаны первые труды: «Handbuch für die Anwendung der reinen Mathematik» («Руководство к применению чистой математики», 1827), «Über die Theorie der Zuverlässigkeit der Beobachtungen und Versuche und der von derselben abhängigen Bestimmung der ausgegebenen Zahlen» («О теории надежности наблюдений и опытов и о зависимом от них определении средства полученных чисел», 1827), «Der Kriegsschauplatz in der Türkei» («Театр военных действий в Турции», 1829).

[15] *…брошюра самого Радовица, изданная в 1848 году…* — Имеется в виду сочинение «Deutschland und Friedrich-Wilhelm IV» (Германия и Фридрих-Вильгельм IV), изданное в Гамбурге.

[16] *…все впрочем честные люди…* — Речь идет о героях книги Радовица «Gespräche aus der Gegenwart über Staat und Kirche» (см. примеч. 6).

[17] *…о его дочери…* — Внезапная смерть единственной дочери Радовица Марии (1829—1846) вызвала глубокую скорбь в семье Жуковского.

[18] *Ich werde loben den Herrn in dem Lande der Lebendigen.* — ‘Я буду восхвалять Господа в мире живых’ (*нем.*).

[19] *…в доме своего шурина графа Фосса…* — Брат жены Радовица Марии Луизы Каролины (урожд. графини Фосс; 1807—1889).

[20] *…объяснение народной немецкой Илиады, «Песни Нибелунгов».* — Жуковский неоднократно в 1840-е гг. обращался к замыслу переложить «Песнь о Нибелунгах». Интерес к этой «немецкой Илиаде» он пронес через всю творческую жизнь. Подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 492—502.

[21] *«В слоге человека весь человек, le style c'est l'homme, — говорит Бюффон…* — Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707—1788), французский естествоиспытатель. Ставшие крылатыми слова прозвучали в его речи, произнесенной при принятии в академию 25 августа 1753 г.

[22] *…в «Новой прусской газете»…* — Имеется в виду христианско-консервативная газета «Neue Preußische Zeitung», называвшаяся также «Kreuzzeitung» по изображению эмблемы креста на титульной странице и выпускавшаяся с 1848 г.

[23] *…речь Бассермана…* — Бассерман Фридрих-Даниэль (Bassermann, 1811—1855) — баденский депутат и политический деятель, выступал против министерской системы, за несколько дней до Февральской революции внес предложение об общегерманском народном представительстве; в марте 1848 г. баденское правительство послало его на Франкфуртский сейм; в германском парламенте он выступил против крайней левой партии и твердо стоял на стороне наследственной прусско-имперской партии.

[24] *…исповедь кандидата <…> Каница…* — Барон Каниц унд Дальвиц Карл Эрнест Вильгельм (Canitz und Dallwitz, 1787—1850) — прусский генерал и государственный деятель, адъютант принца Вильгельма, брата Фридриха-Вильгельма III, и приближенный короля Фридриха-Вильгельма IV. В 1845 г. был назначен министром иностранных дел и выступал в интересах прусско-австрийского союза. 17 марта 1848 г. вышел в отставку. В библиотеке В. А. Жуковского сохранилась книга Каница «Размышления любителя о новом подходе д-ра Д. Ф. Штрауса к Евангелиям» (Betrachtungen eines Laien über die neue Betrachtungsweise der Ewangelien des Dr. D. F. Strauss. Göttingen, 1837) с пометами и записями поэта (Описание. № 15232). Жуковский познакомился с ним и его семьей в Ганновере в июле 1838 г. В это же время он читал его книгу, о чем оставил записи в дневнике: «Всё утро читал критику на Штрауса. <…> потом к Каницу. Его любезная сестра (жена его брата и сестра его бывшей жены), его хорошенькие две дочки. <…> У меня Каниц. <…> О книге Каница и замечаниях на нее Радовица» (ПССиП. Т. 14. С. 108—110). Следующая встреча с бароном состоялась в июне 1840 г. Перечисляя тематику своей беседы с ним: «Метафизическое понятие о Вселенной. Gott ist gleichzeitig ['Бог равновелик времени' (*нем.*)]. О времени и пространстве», Жуковский констатирует: «Всё сильно, сжато и ясно. Это один из совершеннейших людей при всех необходимых своих недостатках» (Там же. С. 211—212).

[25] *…именем графа Бранденбурга.* — Бранденбург Фридрих Вильгельм (1792—1850), граф, дядя прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, принимал активное участие в подготовке государственного переворота в 1848 г. 2 ноября 1848 г. ему

было поручено формирование нового кабинета. Жуковский познакомился с ним в апреле 1821 г. и затем неоднократно встречался с ним и его женой (ПССиП. Т. 14. Указ. имен).

[26] *…самоотверженностию римского Курция…* — Марк Курций (362 г. до н. э.) — юноша, герой предания, пожертвовавший своей жизнью ради спасения Рима.

[27] Das Recht, sowohl das der Einzelnen, als das der Staaten ~ 16 März 1848. — Перевод:

> Право как отдельных людей, так и государств, является не результатом человеческого желания или стремления, но воплощением Божественной воли. Она выступает или непосредственно в откровениях человечеству и совести отдельному человеку, или опосредованно в естественном процессе течения истории. Так возникают Божественная и земная стороны права, обе, однако. восходят к одному создателю. В этой основной мысли заложен единственный антитезис в политике. Он отличает в равной степени от ложного консерватизма, знающего лишь мертвую стойкость и препятствует историческому прогрессу, так и от всех систем ложных учений, происходящих в совокупности своей от автономии человеческого духа. Это я говорю перед лицом потрясений, которые вот уже четыре недели как перевернули старую правовую Европу. В ином смысле я использую высказывание: что же бы ни говорили и ни делали люди, «e pur si muove!»[*] 16 марта 1848 (*нем.*).

[*] *…e pur si muove!..* — ‘А всё-таки она вертится!’ (*итал.*) Эти слова приписываются итальянскому астроному, физику и механику Галилео Галилею (1564—1642). Легендарная фраза стала формулой неколебимой убежденности в своей позиции.

Н. Никонова

По поводу нападок немецкой прессы на Россию
Письмо в редакцию газеты

(«В 66-м номере вашей газеты напечатана статья…»)
(С. 515)

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 70 (5). Л. 55—56.
В п е р в ы е: ПСС. Т. 11. С. 66—68.
П е ч а т а е т с я по ПСС со сверкой по автографу.
Д а т и р у е т с я: не ранее 7 марта 1850 г.

Как удалось установить, «Письмо» было написано в ответ на статью, опубликованную в приложении к № 66 аугсбургской «Всеобщей газеты» (Beilage zu № 66 der Augsburger Allgemeinen Zeitung. S. 1055—1056) от 7 марта 1850 г.

Немецкая заметка, подписанная аббревиатурой «ng», вышла в аналитическом разделе, посвященном известиям из союзной Швейцарии, под заглавием «Берн: слухи о возможной интервенции» (*Bern: Interventionsgerüchte*). Рассуждения журналиста о положении дел в Швейцарии и Германии пронизаны скепсисом по отношению к партиям консерваторов и радикалов, к новоизбранному бундестагу и его

общественной политике, для проведения которой активно использовались средства массовой информации, в частности, периодическая печать. Слухи о захватнических намерениях великих держав (*Großmächte*), распространяемые в прессе, по мнению автора, служат «желанной манной скудному газетному миру» (*ein willkommendes Manna der dürren Zeitungswelt*). Однако он считает, что спекулируя на тему интервенции, немецкие журналисты и политики недооценивают реальной угрозы и заблуждаются, полагая, что консервативные партии немецкого мира встанут на сторону иностранных сил: *Drum können wir nicht glauben, dass die Sache der Intervention abgemacht sey; im Gegentheil, wir glauben an eine baldige Intervention; wer aber meinen möchte die Conservativen würden in diesem Falle mit den auswärtigen Mächten einig geben, der täuschte sich vollkommen* ('Поэтому мы не можем считать, что тема интервенции исчерпана; напротив, мы верим в скорую интервенцию; однако тот, кто полагает, что консерваторы в таком случае объединятся с внешними силами, тот глубоко ошибается'. S. 1056). Заметка корреспондента являет собой яркий пример того, как после неудавшейся революции 1848 г. образ России во многом благодаря стараниям публицистики постепенно обрел очертания вечного врага, иметь которого несогласные политические партии немецкого мира нашли выгодным в качестве основания для искомого объединения Германии.

Потому в «Письме в редакцию газеты» Жуковский развивает тему необоснованности нападок на Россию, характерных для немецкой публицистики конца 1840 — начала 1850-х гг., и опровергает слухи о возможной интервенции, доказывая идею «своебытности пути» Отечества.

Неизвестно, была ли заметка переведена на немецкий язык и отправлена адресату, поскольку ни русской, ни немецкой рукописей не сохранилось. На страницах аугсбургской газеты строки Жуковского напечатаны не были. По сути, тема России и дискуссии о возможном ее союзе с Пруссией, желавшей возглавить немецкий мир, были исчерпаны. Газеты и журналы нашли новую цель для оживленной полемики, а именно агрессивную политику Великобритании во главе с лордом Пальмерстоном. Русский поэт принял активное участие в этих спорах, написав статью «Русская и английская политика», которую и отправил в ту же аугсбургскую «Всеобщую газету». Некоторые утверждения из «Письма в редакцию газеты» (о «всеобщем благоденствии», «христианских понятиях» государственности и др.) практически дословно вошли в эту обширную немецкую публикацию Жуковского, а также в его эссе об Иосифе фон Радовице (см. комментарии в наст. томе).

Таким образом, статья «По поводу нападок…», с одной стороны, продолжает серию публицистических сочинений поэта, навеянных европейским общественно-политическим и историко-культурным контекстом; с другой стороны, она выступает черновым наброском тех идей, которые развернуты в текстах анонимных публикаций Жуковского 1850 г. («Englische und russische Politik», «Joseph von Radowitz») и их русских вариантах.

[1] *В 66-м номере вашей газеты ~ Ваша газета отличается беспристрастием и чистотою направления…* — Газета «Augsburger Allgemeine Zeitung» сохраняла

нейтралитет в отношении противоборствующих политических сил и их представителей-журналистов, печатая тексты без купюр, о чем неоднократно указывается в сносках на страницах издания. Именно поэтому Жуковский после 1848 г., когда был снят запрет на русофобские публикации в прусских газетах, отдавал предпочтение этому печатному органу, переключившись с изначально консервативной, прорусской «Новой прусской газеты». Именно в аугсбургском издании вышла рецензия на «Одиссею» в переводе Жуковского (Beilage zur Allgemeinen Zeitung. № 310. Vom 6. November 1849. S. 4819—4821).

[2] *ложные понятия…* — Здесь Жуковский, вероятно, имеет в виду самые популярные пропагандистские стереотипы антирусской немецкой публицистики середины XIX в., ставшие фактически фразеологизмами, а именно: *russische Hülfe* ('русская помощь'), *russische Horden* ('русские орды'), *russisches Barbarenthum* ('русское варварство'), *russisches Gespenst* ('призрак России').

[3] *…*(*не тронь никто Константинополя — Россия его не тронет*). — Имеется в виду международное политическое противостояние, возникнувшее после того как в 1841 г. Лондонская конвенция закрыла проливы для военных судов и русские корабли лишилась пути через Босфор и Дарданеллы. Эта ситуация стала основанием для начала Крымской кампании.

[4] *Что русский император не наклонил головы перед возмутившеюся Польшею…* — Подразумевается подавление Польского восстания 1830—1831 гг.

[5] *…Александр, который два раза спас Пруссию…* — Намек на положение Пруссии в эпоху наполеоновских войн. Фридрих Вильгельм III обещал содействие Австрии в борьбе против Наполеона, но ничего не предпринял после вторжения Наполеона в эту страну в 1805 г., надеясь взамен нейтралитета Пруссии приобрести от Франции Ганновер и другие земли на севере. 1 октября 1806 г. Пруссия предъявила Наполеону ультиматум, а уже 8 октября 1806 г. Наполеон напал на Пруссию. В итоге прусская армия была разгромлена наполеоновскими войсками в битвах при Иене и Ауэрштедте. По Тильзитскому миру 1807 г. Пруссия потеряла около половины своих территорий. В январе 1813 г. Пруссия была освобождена русской армией от наполеоновских войск. По итогам Венского конгресса 1814—1815 гг. Пруссии были возвращены Рейнская Пруссия, Вестфалия, Познань и часть Саксонии.

[6] *…в совершенной противоположности тех двух оснований…* — Единственно верным основанием государственности русский поэт считал монархию, свергнутую в немецком мире после революционных событий 1848 г.

[7] *…не с ее востока приходили замышлятели всемирной европейской монархии и приносили всеобщий деспотизм, но с запада…* — Очевидно, имеются в виду два главных начала европейской монархии: социальный строй германских племен и влияние римской императорской доктрины. О деспотизме в понимании В. А. Жуковского см. подробнее его отрывок «Деспотизм» и комментарий к нему в наст. томе.

Н. Никонова

ИЗ ЧЕРНОВЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ ТЕКСТОВ

Académie des curieux impertinents
Première séance de l'Académie des curieux impertinants
(С. 518)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 37. *Жуковский В. А.* «Persévérence». Рассуждения в прозе на французском языке. Наброски на русском языке. Б. д. 15 л.

Публикуется впервые.

Датируется: август 1813 — начало 1814 г.

Начало XIX в. является периодом расцвета литературных кружков и салонов, культивировавших «домашние» формы поэзии, понятные узкому кругу лиц и не предназначенные для печати. Многие видные писатели и поэты принимали участие в деятельности разного рода домашних кружков, которые служили своеобразной лабораторией для выработки и совершенствования индивидуального художественного стиля. Зачастую именно в недрах домашних кружков зарождалась принципиально новая литература, отличная от предыдущей литературно-бытовой традиции.

Примером такого рода домашнего кружка, активным участником которого был В. А. Жуковский, является «Академия нахально любопытных» (*Académie des curieux impertinents*), чьи заседания проходили в 1811—1814 гг. в имении А. А. Плещеева Большая Чернь Болховского уезда Орловской губернии.

Александр Алексеевич Плещеев (1778—1862), тульский помещик, композитор-дилетант, великолепный знаток французского языка и литературы, склонный к сочинительству пьес и шутливых стихотворений, друг и дальний родственник Жуковского, объединил соседскую молодежь для совместных увеселений и занятий литературой. Кроме самого хозяина имения и его супруги А. И. Плещеевой, в заседаниях «Академии» принимали участие обитатели соседних имений: В. А. Жуковский, сестры М. А. и А. А. Протасовы, их мать Е. А. Протасова и тетка Е. И. Протасова, А. П. Киреевская, Е. П. и А. П. Юшковы, г-н Гёта, генерал Бонами, управляющий имением Большая Чернь Осип Петрович Букильон, доктор Фор, сестра Плещеева М. А. Чайковская, французский офицер Морленкур.

Литературная деятельность «Академии» протекала на французском языке, а ее результатом явились протоколы заседаний, представляющие собой тексты ответов на какой-либо вопрос, составленные каждым из ее участников. Такая структура заседаний близка к популярной в то время в кругу Жуковского игре «Секретарь», в ходе которой участники должны были указать сходство и различие двух предметов, записанных на листке бумаги, который они по очереди вытягивали. Победителем признавался автор самого остроумного ответа. По аналогии с этой игрой после каждого заседания «Академии» также определялся победитель, составивший самый полный и интересный ответ.

Название «Академии» — *Académie des curieux impertinents* — имеет французские истоки. Новелла с одноименным названием «Le curieux impertinent» («Излишне любопытный») вошла в «Дон Кихот» Сервантеса (известно, что в 1803—1806 гг. «Дон Кихот» был переведен Жуковским с французского языка по переделке Флориана, поэтому он мог знать о существовании текста новеллы). Французский драматург Ф-Н. Детуш взял эту новеллу из «Дон Кихота» и в 1709 г. поставил ее в Швейцарии. Комедия Детуша в трех актах и в стихах ставилась затем 17 раз в Комеди-Франсез, принеся ее автору известность. Об этой французской комедии Детуша мог знать Плещеев, великолепный знаток французского театра и французской литературы. Можно с уверенностью предположить, что эта французская новелла, в которой высмеивается излишнее любопытство, оказала непосредственное влияние на формально-содержательную сторону деятельности «Академии».

Публикуемые тексты ответов В. А. Жуковского на заседаниях шуточной «Академии» относятся к 1813 году, исходя из датировки на их рукописях: под протоколом первого заседания стоит дата «24 августа 1813 года», протокол третьего заседания датирован «2 сентября» того же года. Другие протоколы не датированы.

Тексты первых трех ответов Жуковского на французском языке были опубликованы без перевода, четвертый и пятый ответы публикуются впервые, черновой автограф хранится в рукописном собрании РО ИРЛИ.

При всей своей шуточно-развлекательной видимости деятельность черненской «Академии» имела очевидный характер жанрово-языкового эксперимента. Вопросы, поднимавшиеся на заседаниях «Академии», как и зафиксированные в протоколах этих заседаний речи, имели преимущественно метафизический характер и касались вечных тем любви, семейного счастья, самопожертвования; ответы же изобиловали игровыми приемами речи, среди которых главное место принадлежит каламбуру и обыгрыванию полисемии, омофонии и омоформ.

В ответах Жуковского быт и бытие соседствуют, взаимопроникают, предопределяя выбор языковой формы: именно благодаря французскому языку с его развитым категориально-понятийным аппаратом и установившимся набором клишированных языковых форм такое смешение стало допустимым и органичным в рамках одного литературного текста. Участие в деятельности «Академии» стало для поэта своеобразной школой по выработке индивидуального стиля, поиску новых литературных и языковых форм, в которой значительную роль сыграл французский язык.

[1] Об отношениях Плещеева и Жуковского см.: Соловьев. Т. 1. С. 21—34; Жуковский в воспоминаниях. Указ. имен; *Вигель Ф. Ф.* Записки / Ред. и вступит. ст. С. Я. Штрайха. М., 1928; Т. 2. С. 103—104. *Иезуитова Р. В.* Шутливые жанры в поэзии Жуковского и Пушкина 1810-х годов // *Иезуитова Р. В.* Жуковский и его время. Л., 1989. С. 207—238.

[2] *Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926. 183 с.

[3] Тонкий намек на А. А. Плещеева. Слово *Savoyard* имеет два значения: 1) невежа, грубиян и 2) трубочист. Первое значение связано с названием «Академии», в кото-

ром слово *impertinent* также означает ‘грубиян, невежа, нахал’. Второе значение французского слова — ‘трубочист’. Для домашнего кружка Жуковского «чернота» была ассоциативно связана с именем Плещеева: он жил в имении Чернь, девичья фамилия его жены была Чернышева, сам он был смугл, и друзья, в шутку, называли его «негром» и «копченым плещуком», в «Арзамасе» он получит прозвище «Черный вран». Но эта чернота была внешней, сам Плещеев был добрейшим, образованнейшим человеком, и Жуковский был очень привязан к нему. Помимо этого, слово *Savoyard* созвучно с французским глаголом *savoir*, означающим ‘знать, уметь’. По сюжету повествования Трубочист знал все достоинства и недостатки показываемых им женщин и также знал, что именно последняя из них произведет особое впечатление на автора. Таким образом, одно слово на французском языке рождает целый ряд ассоциаций и вбирает три основные идеи: данный герой нахал (по аналогии с названием «академии»), за его черной внешностью скрывается светлое начало, и он обладает обширными знаниями. Все эти три ассоциативных пласта применимы к Плещееву. Он участник «академии», черный снаружи, но светлый внутри, к тому же человек образованный и знающий.

[4] Эти выражения представляют собой яркий пример галиматьи, которая зародилась и оттачивалась Жуковским именно в 1811—1813 гг., в период общения с Плещеевым. Она будет активно использоваться поэтом в «Арзамасе». Д. В. Дашков в письме к Вяземскому от 1815 г. отмечает: «Неоцененный секретарь наш [Жуковский] недаром жил так долго с Плещеевым и удивительно как навострился в галиматье» (РА. 1866. № 3. С. 500).

В текст первого протокола Жуковский вводит волшебные слова, которые Трубочист произносит перед появлением образа очередной девушки: «Et combidra vanandra manir». С помощью этих волшебных слов поэт создает словесный образ, в котором каждая морфема значима. Так, латинское слово *vano*, *vanito*, *vanitare* (‘обманывать, лгать’) в некоторой степени созвучно со словом *vanandra*, если предположить, что *van* это корень, а *ndra* — окончание будущего времени, характерное для французского языка. Также морфема *combi* в слове *combidra* может восходить к латинскому глаголу *combinare*, что значит ‘объединять, комбинировать, организовывать сообразно какой-либо цели, планировать’. Слово *manir* созвучно французскому слову *manière*, которое означает ‘манера, способ действия’. Кроме этого, выражение «андер манир» характерно для райка: при демонстрации нового вида панорамы раешник употреблял эти слова, означающие смену изображения. В тексте Жуковского после слов *et combidra vanandra manir* происходит смена декораций и появляется очередная девушка. Таким образом, бессмысленный на первый взгляд набор вымышленных слов можно соотнести с идеей обманчивого, бесполезного выбора и указанием на смену изображения, демонстрируемого трубочистом.

Также из беспорядочного и на первый взгляд бессмысленного набора морфем состоит имя персонажа четвертого протокола Жуковского: *Zempusy-que-qua-Zy-zy*. Первое слово (*Zempusy*) и два последних (*Zy zy*) могут восходить к французским словам *jalousie* (от латинского *zelosus*) — ‘ревность, беспокойство’ и *zizanie* — ‘несо-

гласие, раздор'. Два средних односложных слова *que qua* могут являться прочитанным наоборот французским словом *quoique* — 'хотя'. Таким образом, имя этого персонажа рождает идею беспокойства и внутреннего раздора, что подтверждается сюжетом повествования, в котором герой никак не мог выбрать, каким ему родиться на свет: холодным и бездушным или чувствительным и восприимчивым.

[5] Здесь очевидно прослеживается связь с переводом Жуковским шутливого стихотворения Эвариста Парни «Разговор», относящимся к 11 октября 1806 г. (см.: ПССиП. Т. 1. С. 87. Примеч. А. С. Янушкевича. С. 475—476).

Перевод «Разговора» Парни	**Перевод первого протокола**
Как звать тебя, чудак? Кто ты? Я бог Амур! Обманывай других!	Кто ты, непонятное существо? Я Амур! Вот так забава! Обманывать бедного смертного грезами!
Но кто тебе дал странный сей убор? Зачем такой наряд?	Зачем этот наряд и этот фонарь?

[6] Девиз Жуковского «Honny soit qui mal y pense» (перевод: «Позор тому, кто дурно об этом подумает») является девизом английского ордена Подвязки. В юмористических журналах «Муратовский сморчок», «Муратовская вошь» Жуковский называл себя кавалером орденов трех печенок. См.: Соловьев. Т. 2. С. 123; см. также раздел «Юмористическая периодика» в наст. томе.

[7] Такой прием переноса отдельных частей речи и целых словосочетаний в разряд существительных с выделением их в тексте часто используется Жуковским в его «серьезном» творчестве. Например, «магическое *там*» («Уединение», 1813), «и здесь навеки *там*» («К Ив. Ив. Дмитриеву», 1813), «Святое *Прежде*, зачем в мою теснишься грудь?» («Песня», 1818).

[8] Слово *persévérance*, в переводе с французского 'настойчивость, упорство, терпение', является своеобразным словом-символом, употребляемым в стихотворениях и письмах-дневниках Жуковского, и отражает жизненную позицию поэта в его отношениях с М. А. Протасовой. Недаром Жуковский выбирает слово *persévérance* девизом своего третьего ответа, в котором речь идет о предрассудках. Это же ключевое слово появляется в пятом ответе в связи с рассуждениями о семейном счастье и путях его достижения. В письмах Жуковского близким, в его дневниках и стихотворениях идея «терпения» проходит лейтмотивом. Так, 31 июля 1814 г. Жуковский пишет А. П. Киреевской:

> Подумаем же вместе, какую одну фразу выбрать покороче, но такую, чтоб можно было ее растянуть на всю жизнь <…>. Persévérance, да и только <…>. Что ни есть доброго в настоящем, в будущем, все можно прицепить к этому слову (Переписка Жуковского и Елагиной. С. 46).

В письме к Маше Протасовой от 29 марта 1815 г., написанном на русском языке, Жуковский употребляет только одно слово по-французски: «persévérance»:

> А у меня есть верная защита от всего: воспоминания и persévérance! (Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 157, 176, 180, 185, 200).

В эти же годы в русских стихотворениях поэта слово «терпение» приобретает вполне определенный смысл, связанный с внутренними переживаниями по поводу несостоявшейся женитьбы. Вот, например, отрывок из стихотворения «Добрый совет» (1814), посвященного В. А. Азбукину:

Любовь, *Надежда и Терпенье*:
На жизнь порядочный запас.
Вперед без страха; в добрый час!
За все порука Провиденье.
(ПССиП. Т. 1. С. 330)

В раннем долбинском стихотворении «Бесподобная записка к трем сестрицам в Москву» (1814) идея терпения равнозначна смирению перед судьбой:

А нам будь в пользу пробужденье!
И мы, не метя больше вдаль,
Терпеньем усладим печаль…
(ПССиП. Т. 1. С. 334)

Идеи терпения, счастья и любви появляются и в более ранних стихотворениях Жуковского. Например, отрывок из стихотворения «Путешествие жизни» (1813):

Кто б отрадными устами
Нам «терпение» сказал?
Кто б нас братскими руками
Утомленных поддержал?
(ПССиП. Т. 1. С. 270)

[9] *Осип Петрович Букильон* — управляющий имения Плещеевых. К нему обращено стихотворение Жуковского на французском языке 1814 г. (См.: ПССиП. Т. 1. С. 355, 713. Примеч. и пер. О. Б. Лебедевой).

[10] Здесь имеется в виду А. А. Плещеев. По всей видимости, именно он являлся председателем «Академии» как хозяин имения, в котором проходили ее заседания.

[11] Явная перекличка со стихотворением мадам Коттен «Мальвина. Песня», переведенным Жуковским в 1808 г. См.: ПССиП. Т. 1. С. 119. Французская поэтесса изобразила Мальвину, умирающую от неразделенной любви. Герой Жуковского, житель капли росы, живет две пробные жизни, в каждой из которых его спутница Мальвина умирает.

Sophie Cottin «Malvina»	**Перевод:**
Quand Malvina ne t'est plus chère, Malvina ne veut que mourir… <…> Hâte-toi, le trépas s'avance, Viens voir celle qui t'adoroit…	Когда Мальвина тебе более не дорога, Мальвина хочет умереть… <…> Поспеши, приближается кончина, Иди к той, которая тебя обожала…

[12] Намек на Плещеева. В этом отрывке Жуковский обрисовывает семейную жизнь Плещеева, автора нескольких театральных пьес и стихотворений на французском языке, отца шестерых детей и любящего супруга. Здесь же просматривается связь с ранее написанным поздравительным стихотворением Жуковского Плещееву в день его рождения 1 июня 1812 г.:

Он будет, братия, любезен, добр, умен!
Бог даст ему жену, каких немного жен!
И есть, и пить, и спать он станет по преданью!
Да сверх того играть на лире как Орфей,
Все превосходное считая за забаву.
Прекрасных шестерых детей
Он будет здесь, в Черни, воспитывать на славу…
(ПССиП. Т. 1. С. 205)

[13] *Одинокое существо ~ идеалом полного счастья*. — Аллюзия на отрывок из стихотворения Ф. Шиллера «К радости» (ст. 13—20). Ср. русский перевод:

Кто сберег в житейской вьюге
Дружбу друга своего,
Верен был своей подруге, —
Влейся в наше торжество!
Кто презрел в земной юдоли
Теплоту душевных уз,
Тот в слезах, по доброй воле,
Пусть покинет наш союз!
(*Шиллер Фридрих*. Собр. соч.: В 7 т. М., 1955. Т. 1. С. 149. Пер. И. Миримского).

О месте стихотворения Шиллера «К радости» и данного фрагмента в творческой биографии Жуковского см.: ПССиП. Т. 7. С. 568—569. Примеч. О. Б. Лебедевой к переводу Жуковским комедии А. Коцебу «Ложный стыд».

И. Вяткина

Прозаические басни

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 93. Л. 3 об. — 8.
В прижизненных изданиях отсутствует.

В п е р в ы е: Вестник ТГУ. Июнь 2003. Серия «Философия. Культурология. Филология». С. 121—124. Публикация И. А. Айзиковой.

П е ч а т а е т с я по автографу.

Д а т и р у е т с я: конец 1817 — 1819 г.

В архиве писателя сохранилось несколько тетрадей с произведениями, предназначавшимися его ученице великой княгине Александре Федоровне для чтения и перевода с русского языка на немецкий. Все эти материалы можно датировать концом 1817 — 1819 г., так как Жуковский был назначен учителем русского языка при великой княгине Александре Федоровне 9 октября 1817 г., первая лекция состоялась 22 октября, занятия продолжались (с перерывами) до августа-сентября 1819 г. В одной из этих тетрадей — 9 басен в прозе. Дидактические цели этих произведений не только не умаляют, но помогают прояснить их эстетическое значение.

Обращение Жуковского-учителя великой княгини к жанру прозаической басни весьма показательно и эстетически значимо. Еще в статье «О басне и баснях Крылова» (1809) писатель связал суть этого жанра с наибольшей эффективностью «предложения моральной истины» читателю:

> Цель сего рассказа (басни. — *И. А.*) — впечатление в уме какой-нибудь нравственной истины, заимствуемой из общежития и, следовательно, более или менее полезной (ПССиП. Т. 12. С. 201).

Не менее любопытны и рассуждения Жуковского об истории бытования прозаической басни. Опираясь на «Рассуждение о сущности басни» Г. Э. Лессинга, на что указывает Н. Б. Реморова (БЖ. Ч. 3. С. 369—434), писатель генетически связывает этот жанр с философией:

> Вероятно, что прежде она (басня. — *И. А.*) была собственностью не стихотворца, а оратора и философа. И оратор, и философ, рассуждая о предметах политики и нравственности, употребляли для большей ясности сравнения и примеры, заимствованные из общежития или природы. От простого примера, в котором представляемо было одно только сходство идеи предлагаемой с предметом заимствованным, легко могли перейти к басне, в которой предлагаемая истина выводима из действия вымышленного, но имеющего отношение к действию настоящему и, так сказать, заступающего его место (Там же. С. 183).

Далее, рассматривая басню прозаическую и стихотворную, Жуковский пишет, что их отличие не столько в стихотворной форме как таковой, сколько в большем весе в прозаической басне «примера», описываемого в ней «случая», доказывающего «моральный урок», а следовательно, в ограниченности иносказания, вернее, в сгущении его емкости, его философичности. Совершенство прозаической басни Жуковский связывает отсутствием «всякой излишности в рассказе».

Если в конце 1800-х гг. Жуковский отдает явное предпочтение стихотворной басне, то в конце 1810-х гг., начав занятия с великой княгиней Александрой Федоровной и считая «необходимым преподать члену царской семьи <…> некоторые

принципы, руководствоваться которыми должны люди, причастные к управлению государством» (БЖ. Ч. 3. С. 417), он обращается к переводам басен прозаических. Часть из них принадлежит перу Лессинга и переведена Жуковским гекзаметром (см.: БЖ. Ч. 3. С. 409—423). Неучтенным остался не менее любопытный корпус комментируемых здесь басен, переведенных прозою.

Прежде всего заслуживает внимания сам факт параллельной работы Жуковского над переводом прозаической басни гекзаметром и прозой. Он характеризует первые опыты писателя в сообщении повествованию размеренного эпического движения, близкого к свободной разговорной речи. Жуковский сознательно работает над стилем, соединяющим поэзию и прозу, отражая, как справедливо пишет исследователь, «общие тенденции прозаизации русской литературы» (*Матяш С. А.* Жуковский и русская стиховая культура XVIII — первой половины XIX в. // Жуковский и русская культура. С. 95).

Интересны архетипические сюжеты и скрывающиеся за ними проблематика и идейное содержание басен, переведенных Жуковским в прозе. Так, басня «Соловей в клетке», с древнейшим сюжетом, не раз обыгрываемым русскими и западноевропейскими писателями, поднимает проблему, которая всегда была одной из важнейших для Жуковского, — проблему свободы как естественного свойства человеческой природы, как единственного условия его нормального существования и жизнедеятельности, как критерия общественного устройства. В «Бесплодном дереве» (отчасти перекликающемся с евангельской притчей о бесплодной смоковнице) за незамысловатой историей прочитывается глубочайшая мысль о свободном нравственном выборе, которым наделен человек, и о той ответственности, которую он несет за выбранный им путь в жизни. Все это — просветительские идеи, на которых уже в 1800-е гг. строилась Жуковским и концепция личности, и теория взаимоотношений человека с миром. Басня «Насекомое и ворона» продолжает темы и идеи «Бесплодного дерева». Она несет вполне определенную дидактическую идею просветительского звучания и заканчивается моралью: «Теперь я понимаю истину изречения: лишь тот живет долго, кто доволен жизнью». Тема ответственного отношения к собственной жизни, выполнения предназначенной миссии проводится и в басне «Терновник и фиговое дерево». Проблема соответствия возможностей и той роли, которую человек реально играет в обществе, напрямую связанная с идеей самооценки, самоанализа, звучит в баснях «Бык и собака», «Черепаха и утки», «Орел и черепаха», «Лягушка и угорь», перекликающихся с сюжетами басен Эзопа и Федра, обработанными Лафонтеном, Крыловым, Хемницером и др.

Переведенные Жуковским прозаические басни по своей идейно-художественной структуре очень близки к притче. Неслучайно Жуковский, как правило, избегает в своих баснях «общей морали». От имени всеведущего автора-наставника она звучит в форме поучения только в одной басне — «Черепаха и утки». В остальных «моральный урок» является заключением речи героя, а «морали» как таковой вовсе нет. Басня заканчивается описанием события, которое и должно быть осмыслено читателем в морально-философском плане. Философско-символическому толкованию в баснях подвергаются все элементы повествования — звенья сюжета, герои,

образы. За деталями — не столько прямое называние, сколько «парафраза», «загадывание смысла», его многочисленных оттенков. В силу этого отпадает необходимость «украшения» нарратива, введения в него «морального урока». Событие, описанное в басне, конкретный «пример» выводятся за рамки конкретного времени и пространства, приобретая общечеловеческий, непреходящий смысл. Большая часть повествования в баснях представляет собой диалог героев (только в баснях «Бык и собака» и «Орел и черепаха» нарратив строится на описании действий). Каждый из них выражает свою точку зрения, столкновением которых и движется действие. Эти диалоги всегда эпиграмматически сжаты, отдельные реплики афористичны. Всё это придает басням Жуковского высокий уровень обобщения, принципиально важный в плане дальнейшей эволюции его прозы.

Соловей в клетке

(«Один крестьянин зашел однажды в великолепное жилище…»)
(С. 552)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 93. Л. 3 об. — 4 об.

Бесплодное дерево

(«У одного поселянина был в городе брат…»)
(С. 552)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 93. Л. 4 об. — 5 об.

Насекомое и ворона

(«Близ реки Гипаниса водятся насекомые…»)
(С. 553)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 93. Л. 6.

[1] *Близ реки Гипаниса…* — Др.-греч. Ὑπανις ‘буйная, бурная’ — историческое наименование рек Южного Буга и Кубани в ранних античных источниках.

Бык и собака

(«Один бык и одна собака были сердиты друг на друга…»)
(С. 554)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 93. Л. 6 об.

Терновник и фиговое дерево

(«Терновник насмешливо упрекал фиговое дерево…»)
(С. 554)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 93. Л. 6 об.

Черепаха и утки

(«Черепаха сидела на берегу и увидела стаю диких уток…»)

(С. 554)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 93. Л. 7—7 об.

Рысь и крот

(«Зоркая рысь жалела однажды о слепом (мнимо слепом) кроте…»)

(С. 555)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 93. Л. 7 об. — 8.

Орел и черепаха

(«Одной черепахе пришла в голову странная охота летать…»)

(С. 555)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 93. Л. 8.

Лягушка и угорь

(«Одна молодая лягушка, которая весьма недавно начала учиться квакать…»)

(С. 555)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 93. Л. 8.

И. Айзикова

Библейские повести

(С. 556)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 93—1. № 94—2. Л. 2—5.

Впервые: *Канунова Ф. З., Айзикова И. А.* Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820—1840-е гг.). Новосибирск, 2001. С. 274—281 (публикация И. А. Айзиковой).

В прижизненных изданиях отсутствует.

Печатается по автографу.

Датируется: конец 1817 — 1819 г.

«Библейские повести» представляют одно из ранних (после переложения «Левит Ефраимский» — см. т. 8 наст. изд.) обращений Жуковского к работе с библейским текстом, в частности, к жанру притчи, библейской легенды. В. И. Резанов, И. А. Бычков датируют повести концом 1810-х гг. Поскольку их создание (как прозаических басен и новелл, публикуемых в настоящем томе) связано с преподаванием Жуковским русского языка великой княгине Александре Федоровне, постольку время работы Жуковского над повестями можно уточнить — это конец 1817 — 1819 г. (см. датировку прозаических басен в данном томе). В архиве писателя среди тетрадей

с текстами, предназначавшимися его ученице великой княгине Александре Федоровне для чтения и перевода с русского языка на немецкий, сохранились автографы «Библейских повестей». Вероятно, «Библейские повести» являются переводами из какого-нибудь издания «Детской Библии» или «Иллюстрированной Библии» (в ряде случаев притча заканчивается описанием и «изъяснением картинки», которая должна была быть приложена к тексту). Это издание установить не удалось, но можно указать на наличие в библиотеке Жуковского ряда подобных книг на немецком языке, с которыми он знакомился в разные годы. См.: Описание. № 665, 667, 668, 670—672, 2584.

С одной стороны, Жуковского как прозаика могла привлечь к притче «реалистичность повествования» (т. е. тот факт, что «аллегорические образы в них не воспринимаются как вымышленные, фантастические» (Древнерусская притча / Сост. Н. И. Прокофьев, Л. И. Алехина. М., 1991. С. 420), а также тот факт, что притча повествует «о действительности в обобщенно-трансформированной форме», фиксируя то, что кажется «неизменным и случается постоянно» (*Лихачев Д. С.* Славянские литературы как система // Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. М., 1968. С. 45)). С другой стороны, «Библейские повести», создававшиеся в атмосфере работы над стихотворениями «Утренняя звезда», «К ней», «Невыразимое», запечатлели поиски Жуковским возможностей соединения описания и психологизма, философии и эстетики. «Библейские повести» насквозь пронизаны «мистическим чувством», ощущением таинственности и невыразимости бытия. Их основой оказывается лиризм, позволяющий трансформацию библейских притч в «Библейские повести», обращенные от души автора к душе ученицы.

Занимаясь с великой княгиней, Жуковский не только помогал ей учиться говорить, читать и писать по-русски, но и, по выражению Б. Зайцева, «перестраивать душу для российской жизни» (*Зайцев Б. К.* Жуковский // *Зайцев Б. К.* Далекое. М., 1991. С. 79). Принцесса Шарлотта Прусская, вступив в брак с великим князем Николаем Павловичем, оказалась в новой, чужой для нее стране: чужая культура, чужой язык, переход в новую веру, очень трудный для нее, глубоко религиозного человека. Жуковский пытается не просто сделать для нее русский язык родным, но и с его помощью «возвысить душу» своей ученицы. В письме И. И. Дмитриеву от 20 сентября 1817 г. он пишет:

> <…> должность, мне теперь порученная, есть счастливая должность, счастливая не по тем выгодам, которые могут быть соединены с нею, но по той необыкновенно приятной деятельности, которой она меня подчиняет. Для поэта это главное (С 7. Т. 6. С. 428).

Именно для выполнения своей «счастливой должности» Жуковский и начинает работу над «Библейскими повестями», книгой поэтических, художественных переложений библейских текстов, выражающих не столько Закон Божий, сколько «религию сердца». Позднее, размышляя о преподавании Закона Божия уже сыну Александры Федоровны — великому князю Александру Николаевичу, поэт пишет:

Найди мы только богослова, сведущего по части догматов, Закон Божий ничего бы не выиграл для Вашего ребенка и для его будущей судьбы. Требуется религия сердца. Ему необходимо иметь религию просвещенную, благодушную, проникнутую уважением к человечеству» (Там же. С. 282).

Осуществление замысла переложения «Библейских повестей» почти в самом начале его было прервано (возможно, в связи с болезнью и отъездом Александры Федоровны и писателя, в составе ее свиты, за границу). Под общим заглавием «Библейские повести» записаны только три произведения: «История Авраама», «Исаак» и «Исав и Иаков». Они представляют собой поэтический пересказ ряда глав из первой части Пятикнижия Моисеева — «Бытия». В повестях нет случаев искаженной, неточной передачи Слова Божия, нет декларативных вступлений или заключений, почти отсутствуют пояснения откровенно дидактического, нравоучительного характера (исключение составляет лишь финал повести «Исав и Иаков»).

Между тем особое внимание в повестях уделено именно образу автора, стремящегося не только утвердить в сознании читателя определенные истины, но и выразить состояние их поиска, проникновения за завесу, скрывающую божественную суть всего сущего. Кроме того, авторская позиция, опирающаяся на библейскую концепцию мира, организует повести в некое целое. В этом плане прежде всего интересна композиция каждого отдельного произведения и «Библейских повестей» как некоего цикла, оставшегося, правда, незаконченным. Жуковский начинает свою работу с переложения рассказов о праотцах избранного народа, давшего миру Спасителя. При этом листы 1—3 с оборотами (РНБ. Оп. 1. № 94—1) оставлены чистыми. По-видимому, здесь должны были быть записаны легенды о сотворении мира и человека, к которым Жуковский предполагал обратиться позднее. Но сначала он берется за подготовку своей ученицы к постижению центральных ветхозаветных преданий о духовной истории человечества, предшествовавшей христианству.

Рассказ об Аврааме, духовном родоначальнике человечества, начинается с изложения одного из явлений (четвертого) Господа Аврааму. Здесь вводятся основные библейские идеи — Завета Божьего и полной веры всему, что говорит Бог. Легенда о богоявлении Аврааму у дуба Мамрийского, продолжающая повествование, обнажает самый нерв религиозного мировидения — «жажду прорваться сквозь грех к святости» (*Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. М., 1987. С. 483). Повесть композиционно выстроена так, что идея всеведения Господа органично переходит в открытие истины о Божьем суде, карающем грешников даже в этой жизни. В свою очередь, последнее переплетается с идеей покаяния (фрагменты о Содоме и Гоморре, о спасении Лота и превращении его жены в соляной столп соединяются с историей Сары, рассмеявшейся на обетование Господа, а затем раскаявшейся в своем смехе). Тонкий узор, сотканный из отдельных библейских историй, звучащих рефреном, переплетающихся, перекликающихся своими идеями, проблемами и образами, оказывается гармонически целостным, завершенным и вместе с тем требует продолжения. Повесть остается открытой в финале, являя собой целостность и одно-

временно часть целого. Система сквозных идей диктует необходимость, говоря словами А. Ф. Лосева, «объединенности единичностей». Так, вторая повесть «Исаак» органично присоединяется к первой, становясь ее продолжением и одновременно прологом к следующей, третьей повести — «Исав и Иаков».

Идея высшей воли, в разных вариантах прозвучавшая в «Истории Авраама», повторяется в повести «Исаак», тоже соединяющей в себе несколько библейских легенд. Центральным становится рассказ о принесении Исаака в жертву Господу. Предваряет его сюжет о сыне Авраама от Агари — Измаиле, отнятие которого было первым испытанием Авраама, а заканчивается повесть пересказом истории женитьбы Исаака на Ревекке. Эти сюжеты связывает одна проблема — соотнесение свободы воли человека со всемогущей высшей волей. В названных легендах эти понятия не противоречат друг другу. Искренняя вера в Бога и делает героев повести по-настоящему свободными. Это любимая мысль Жуковского, и позднее она не раз будет звучать в его произведениях, письмах.

В третьей повести внимание сосредоточено на цельном, хотя тоже скомпонованном из нескольких самостоятельных легенд, сказании об Исаве и Иакове, от которого непосредственно ведут свою родословную все праотцы Израиля. Показательно, что Жуковский, не особенно акцентируя, но и не опуская центральную, по богословскому толкованию, идею «выделения и очищения богоизбранного семени», концентрирует внимание все на той же проблеме свободы нравственного выбора личности — одном из главных вопросов своего творчества. В силу непознаваемости первоосновы мира, «космос» «Библейских повестей» покрыт ощущением сокрытого во всем конечном, видимом бесконечного, божественного начала, которое невозможно передать методом простого «называния». В мире «Библейских повестей», где воссоздается, говоря словами П. А. Флоренского, «бытие, которое больше самого себя» (см.: Имяславие как философская предпосылка // *Флоренский П. А.* Сочинения. Т. 2. М., 1990. С. 287), вера напрямую связана с философией, этикой, психологией, конкретность с ассоциативностью, субъективное с объективным, что и потребовало от Жуковского обращения к символам, к образно-символическим параллелям, активно осваиваемым писателем в поэзии в силу их способности выразить «невыразимое». Именно поэтому наполненные глубоким религиозно-нравственным, философским содержанием поистине эпического масштаба, «Библейские повести» Жуковского отнюдь не напоминают проповедь.

Принципом построения текста становится символ. Отсюда — особая пространственно-временная организация повестей, когда прошлое, единичное, прикрепленное к конкретному пространству вместе с тем устремлено в вечность и пространственную бесконечность. Отсюда особый «космос», по сути, каждого образа, каждого мотива «Библейских повестей». Слово в «Библейских повестях» Жуковского не имеет никакого отношения к авторитарным догматическим принципам богословского толкования библейского Слова. Для писателя-романтика как в поэзии, так и в прозе «называние» сущности связано прежде всего с индивидуализацией идеи и вытекающим отсюда процессом жизнестроения.

Учительный пафос «невыразимого» в «Библейских повестях» Жуковского оказывается как бы растворенным в нем. Они не являются традиционной «учебной книгой». Далекие от голой дидактики и назидательности, от схем и аллегорий, философской строгости, богословского догматизма и авторитарности, «Библейские повести» Жуковского-романтика действуют на читателя красотой, «поэзией» философско-этического, нравственно-религиозного поиска, в котором нет и не может быть отвлеченности и безликости. Напротив, в «Библейских повестях» автором создана атмосфера внутренней сосредоточенности человека над миром, над его божественной сутью.

[1] *Зоар.* — Имеется в виду город Цоар (в русской Библии Сигор), который был некогда столицей небольшого государства и назывался тогда Бела. По молитве Лота Цоар был пощажен, когда над Содомом и его окрестностями разразилась катастрофа.

[2] *Мория.* — Имеется в виду Мориа, местность и гора на северо-востоке от Иерусалима.

И. Айзикова

Анекдоты

(С. 561)

А в т о г р а ф: РНБ. Оп. 1. № 98. Л. 5—7.
В п е р в ы е: ПССиП. Т. 7. С. 693—695. Публикация О. Б. Лебедевой.
Д а т и р у е т с я: сентябрь 1818 г.

Тексты пяти прозаических анекдотов находятся в рабочей тетради Жуковского, содержащей дидактический материал для занятий русским языком с великой княгиней Александрой Федоровной. Разрабатывая систему этих упражнений, Жуковский уже на первой странице записывает:

Переводы. Чтение — ученье наизусть
Сочинение на заданные слова и после чтения
Рассказ после чтения
Грамматика и фразы
Анализ, склонения, спряжения
Письмо
Выбор лучших мест стихов и прозы
Стихотворения Иоанна Гапсбург etc.
Чтение истории Кар.<амзина> (РНБ. Оп. 1. № 98. Л. 1 об.).

Как нетрудно предположить, Жуковский в педагогической практике опирался на свою переводческую деятельность. Создание поэтического альманаха «Für wenige. Для немногих», включившего переводы из немецких поэтов, опыт переводов из Гольдони и Мольера, находящихся в той же рабочей тетради (подробнее

см.: ПССиП. Т. 7. С. 692—699), — звенья занятий с великой княгиней. Разумеется, в этих упражнениях превалировал родной язык урожденной прусской принцессы Шарлоты — немецкий. Но нередко языком общения учителя и ученицы был французский язык, о чем свидетельствуют вписанные при переводах французские эквиваленты слов и выражений.

Обращение к текстам анекдотов из жизни известных исторических лиц можно объяснить прежде всего стремлением разнообразить словарь великой княгини разговорной лексикой. Не случайно текст анекдотов насыщен остроумными диалогами, игрой слов.

По всей вероятности, у всех этих анекдотов был один иностранный источник, но обнаружить его не удалось.

О. Лебедева

<Мысли о воспитании>

(С. 563)

А в т о г р а ф: *Arndt E. M.* Entwurf der Erziehung und Unterweisung eines Fürsten. Berlin, 1813 — на специально вплетенных чистых листах, между с. 6—7, в книге из библиотеки Жуковского (Описание. № 575) под заглавием «Общие понятия».

В п е р в ы е: БЖ. Ч. 1. С. 493—494. Публикация А. С. Янушкевича.

Д а т и р у е т с я: вторая половина 1820-х гг.

В библиотеке Жуковского сохранилась книга немецкого писателя и педагога Эрнста Морица Арндта (1769—1860) «План воспитания и наставления одного князя. Берлин, 1813» (см. описание автографа). Книга имеет посвящение императрице Елизавете Алексеевне, что было связано с «русским эпизодом» в биографии Арндта. В 1812 г. он приезжал в Петербург по поручению немецких патриотов для установления сотрудничества с бароном Генрихом фон Штейном, изгнанным Наполеоном из Австрии и приглашенным в российскую столицу императором Александром I. В своих мемуарах «Россия и русские» Николай Тургенев дал следующую его характеристику-биографию:

> Знаменитый профессор Арндт находился в Петербурге одновременно с г-ном фон Штейном. Этот выдающийся человек своими сочинениями весьма содействовал пробуждению немецкого патриотизма. Пока Арндт восставал против внешнего врага, ему не препятствовали; но когда после победы он вздумал говорить в пользу народа, только что оказавшего такую деятельную помощь правительствам и обманутого в своих законнейших надеждах, Арндту поспешили зажать рот. Хотя он был ординарным профессором Боннского университета, ему было запрещено читать там лекции, и этот запрет на преподавание в либеральном духе продолжался до восшествия на престол Фридриха-Вильгельма IV, который наконец отменил его (*Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 2001. С. 484—485).

5 августа 1819 г. из Царского Села А. И. Тургенев в письме к П. А. Вяземскому сообщает:

> A propos: слышал ли ты, что Арндта, который в 1812 году сочинял для немецких солдат катехизисы в Петербурге и поджигал немцев к независимости, под руководством Штейна, а теперь профессором в Бонне, также схватили? Зная его, я и об арестовании Яна [Фридрих Людвиг Ян (1778—1852) — известный немецкий педагог и общественный деятель. — *А. Я.*] и других жалеть должен, ибо Арндт может заблуждаться умом, но сохранил верность и веру к народу. Он, конечно, не классический писатель, но с прекрасною, хотя и пылкою душою. Здесь он был любим и уважаем même dans les palais des rois [даже в царских палатах — *франц.*] (*Тургенев А. И.* Политическая проза. М., 1989. С. 177).

В 1813 г. на страницах журнала «Вестник Европы», активным сотрудником которого был Жуковский, М. Т. Каченовский публикует несколько исторических сочинений Арндта и материал его полемики с А. Коцебу об «естественных границах народов». Н. И. Греч в это же время знакомит немецкого гостя по просьбе С. С. Уварова, в то время попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, со своим переводом сочинения Арндта «Глас Истины». В 1814 г. А. С. Шишков перевел на русский язык его «Краткую и справедливую повесть о пагубных Наполеона Бонапарта промыслах…».

Одним словом, фигура немецкого патриота, историка и педагога была достаточно известна в России и стала своеобразным символом национального самосознания. Его «План воспитания и наставления князя» в этом отношении не является исключением. Это 60-ти страничное сочинение — катехизис «политической педагогики».

> …княжеский ребенок есть такой же человек, как все другие, и его единственное отличие состоит в том, что его судьба серьезнее и могущественнее, чем та, которой живут обыкновенные люди: над ним уже гром гремит, когда над другими лишь только — тучи…
>
> Законы должны остаться одни и те же для всех; только размер их различен. Должно большую ответственность возложить на тех, которые будут в будущем двигать большими силами…
>
> Мы не хотим воспитать ни тщеславного филистера, ни напудренного педанта, но мы хотим воспитать сильного, живого человека…
>
> Кто должен воспитывать? Тот, кто встанет на место княжеского отца, может это сделать; эту миссию могут выполнить славные и умные люди, а не искатели выгоды и льстецы. Ведь те первые должны прежде всего воспитывать личным примером и делом, чем словом и теорией…
>
> Великой школой принца становится теперь школа истории, возвышеннейшая и божественная наука… (пер. О. Лебедевой) —

эти и многие другие фрагменты, отмеченные Жуковским в тексте книги, сопровождаемые небольшими маргиналиями, отражают серьезный интерес воспитателя великого князя Александра Николаевича к педагогической системе немецкого педагога. Любопытно замечание Жуковского на полях с. 29, где Арндт говорит о гении Петра Великого, которого воспитала сама жизнь:

> Петр Великий — воспитанник бурного времени. — В нынешнем самовоспитание не так удается.

Этот комментарий Жуковского — наставника наследника русского престола имеет глубокий смысл и определяет его педагогическую стратегию — установку на систематическое и последовательное обучение и воспитание великого князя.

Особенно внимательно читает Жуковский те страницы, где говорится об этапах воспитания князя, о возрастных фазах (от 8 до 15 лет, с 15—16 лет до 18—20-ти) и о плане его наставления-обучения, о роли таких наук в его жизни, как родной язык, латынь, иностранные языки, поэтическое искусство и риторика, ибо «важнее всего будущему государю таким способом проникнуть во внутренний мир своего народа» (с. 38), история и политические науки, военное искусство и военная политика, государственное право, об особом значении нравственного и религиозного воспитания. Читатель «Плана воспитания и наставления князя» на с. 49—52 отчеркивает большой фрагмент о значении окружения царственной особы, о роли его сверстников-товарищей, о месте друзей и фаворитов, а на полях с. 49 снабжает этот выделенный отрывок записью: «Выписать в альбом».

Книга при переплете была проложена чистыми листами бумаги, что, как показывают материалы библиотеки Жуковского, делалось в том случае, когда ее владелец собирался переводить данное произведение. Так было во время чтения вместе с Машей Протасовой сочинения немецкого проповедника Иоанна Дрезеке «Вера, любовь, надежда», работы над переводом «Божественной комедии» Данте, трагедий Софокла, трагедии Шиллера «Смерть Валленштейна» и др.

Итогом чтения и осмысления сочинения Э. М. Арндта становится набросок на первом же чистом листе и его обороте заметки под заглавием «Общие понятия». Ее можно считать своеобразным конспектом книги немецкого педагога, точнее, своеобразным концентратом ее важнейших педагогических идей. Жуковский особенно акцентирует идею воспитания человека: «Одно *человеческое* (то что человек может быть как человек и лицо как лицо) есть главный предмет воспитания» — в этой педагогической максиме он не случайно выделяет курсивом слово «человеческое», варьируя это понятие в системе однокоренных концептов: «достоинство человека», «общее человеческое», «имей в виду *всего* человека», «расковать человека, ввести его в область свободы разумной», «человек должен быть воспитанником *необходимого* в природе», «воспитывай <…> сообразно с общей идеей человека».

Никаких документальных свидетельств о знакомстве Жуковского с этим сочинением Арндта и его чтении не обнаружено. Это затрудняет датировку как самого чтения, так и заметки «Общие понятия». Но две записи Жуковского на правой и левой стороне нижней обложки книги позволяют высказать некоторые соображения.

На левой стороне дан точный маршрут первого швейцарского путешествия Жуковского (25 июля — 10 августа, 18—23 августа 1821 г.). Жуковский в столбик воспроизводит пункты остановок от Мерзбурга до Женевы (всего 27) и указывает время пребывания в каждом из них, а внизу столбца, подчеркнув свои расчеты, фиксирует общее время своего вояжа — 16 [дней], что соответствует дневниковым записям (ср.: ПССиП. Т. 13. С. 191—207).

На правой стороне — список необходимых вещей для оборудования учебного кабинета: лампа, стол учебный и т. д., который отражает начало педагогической деятельности Жуковского как воспитателя наследника.

Думается, что книга Арндта была приобретена Жуковским накануне швейцарского путешествия в Берлине или Дрездене, и, как это нередко бывало, поэт превратил ее в записную книжку. Но ее чтение и осмысление скорее всего произошло в начале 1826 г., когда он активно готовился к педагогической деятельности и работал над «Планом учения великого князя» (см. примеч. в наст. томе). Переклички и прямые совпадения двух «Планов…» позволяют предположить, что заметка под заглавием «Общие понятия» предшествовала созданию педагогического проекта Жуковского. Композиция этого сочинения Жуковского, его основные идеи, связанные с этапами развития личности князя, основными учебными предметами, общая концепция общечеловеческого начала в формировании монарха, раздел «Предварительные понятия», открывающий текст «Плана…», — все это дает основание говорить о значении «Плана воспитания и наставления князя» Э. М. Арндта для формирования «политической педагогики» русского поэта.

А. Янушкевич

<Голик и золото>

(«Кусок прекрасной золотой руды лежал в горне на сильном огне…»)
(С. 565)

А в т о г р а ф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 35. Л. 12 об. — черновой, без заглавия.

В п е р в ы е: Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 19—20 — без заглавия.

Д а т и р у е т с я: около 21 марта 1827 г.

Прозаическая басня, аполог, притча занимают заметное место в творческих поисках Жуковского 1810—1820-х годов. Они органично входят в его педагогическую деятельность, способствуют формированию его прозаического стиля и переводческих стратегий. Подробнее об этом см.: *Реморова Н. Б.* Басня к книжном собрании и архиве Жуковского // БЖ. Ч. 3. С. 369—433, примеч. И. А. Айзиковой к «Прозаическим басням» в наст. томе.

Еще в статье «О басне и баснях Крылова» (1809) он подчеркивал значение басни для нравственного воспитания общества и человека. «Басня есть мораль в действии», — замечал он и констатировал: «Тот мир, который находим в басне,

есть некоторым образом чистое зеркало, в котором отражается *мир человеческий*» (ПССиП. Т. 12. С. 202. Курсив автора).

В этом отношении особое место в творчестве Жуковского занимает басня в прозе «Голик и золото». Хотя заглавие отсутствует в известных источниках текста (рукописном и печатном), оно вполне определяет его содержание: диалог двух жизненных позиций, носителями которых являются голик и золото. По всей вероятности, эта басня — оригинальное творение поэта. Ее жанровое своеобразие определяется тяготением к философскому взгляду на мир, стремлением в аллегорических образах отразить мир человеческой мысли. Это сближает басню Жуковского с апологом и притчей. Наконец, важно подчеркнуть ее связь с общественной позицией Жуковского последекабристской эпохи.

На основании письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу от 21 марта 1827 г., куда включен аполог «Голик и золото», и общего контекста черновой рукописи этого текста данная запись датируется мартом 1827 г., периодом пребывания Жуковского с братьями Тургеневыми в Дрездене. Предваряя текст аполога в письме к брату, А. И. Тургенев замечал:

> Сию минуту принес ко мне для тебя Жуковский сочиненную им басню в прозе, тебе посвященную. Вот копия. Оригинал сохраню и пришлю тебе при первом случае.

Сразу же после текста басни Жуковский добавляет:

> Это то же, что сказал один практический мудрец: чистой совести довольно, чтобы умереть; но жить нельзя без достоинства. Посвящено Николаю Ивановичу Тургеневу.

Эти слова А. И. Тургенев комментирует так:

> Жуковский сам хотел переписать свой аполог для тебя. Хотя последние слова и не совсем так, как они в письме у тебя; но он их хотел напомнить. Ты сказал: «Чувства чистой совести достаточно для смерти. Чувство нравственного достоинства необходимо для жизни» (Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. С. 20).

Этот комментарий Жуковского неразрывно связан с его общественной позицией после декабристского восстания в период работы над «Запиской о Н. И. Тургеневе».

А. Янушкевич

<Запись в альбоме великого князя Александра Николаевича>
(«Христос воскресе!..»)
(С. 565)

А в т о г р а ф: Научная библиотека Государственного Эрмитажа. № 98873. Л. 2—3.
В п е р в ы е: РС. 1902. Апрель-июнь. С. 169—173. Публикация А. Фомина.
Д а т и р у е т с я: 22 апреля 1834 г.

Предваряя публикацию альбомной записи Жуковского, историк литературы и библиограф А. А. Фомин (1868—1929) писал:

> Летом 1901 года, интересуясь бумагами и рисунками Василия Андреевича Жуковского, хранящимися в Собственной Его Императорского Величества библиотеке в Зимнем дворце в С.-Петербурге, я имел возможность познакомиться с интересным содержанием шкатулки императора Александра II, заключающей в себе несколько историко-литературных реликвий, дорогих и для скромного наставника наследника престола, и для его ученика, будущего Царя-Освободителя, и для всех тех, кому дороги эти имена <…>
>
> Альбом представляет довольно объемистую тетрадь, плотной разноцветной бумаги, переплетенную в роскошный, кожаный, зеленый переплет, с золотым по красному тиснением. Орнаментация полувосточная и посредине переплета, как на передней, так и на задней крышке, по-видимому, турецкие надписи <…> (РС. 1902. Апрель—июнь. С. 168).

Далее публикатор дает подробное описание альбома, который Жуковский получил в подарок 4 февраля 1825 г. от наследника прусского престола Фридриха Вильгельма, а затем 22 апреля 1834 г. переподарил его своему ученику великому князю Александру Николаевичу. Приведено факсимиле дарственной надписи Жуковского следующего содержания:

> Эту книгу особенно мне драгоценную — по той надписи, которая на ней сделана — приношу вам, мой бесценный великий князь, для того, чтобы вы записывали в ней такие только мысли, кои наиболее могут быть вам полезны в жизни и из коих можете со временем составить для себя коренные, весьма не многие, но необходимые правила поступков как нравственных, так и государственных, а какие это правила, то скажет вам наука, ум, сердце и опыт.
>
> Жуковский
> 22 апреля 1834

В декабре 2012 г. — марте 2013 г. этот альбом, в настоящее время находящийся в собрании Научной библиотеки Государственного Эрмитажа, экспонировался на выставке, посвященной 250-летию этой библиотеки как образец искусства переплета. Наклейка на альбоме свидетельствует о том, что подписной мозаичный переплет был выполнен в мастерской берлинского переплетчика Карла Лемана. Надписи на переплете сделаны не на турецком, как предполагал А. Фомин, а на арабском языке. На верхней крышке надпись в переводе: «Дар любви», — на нижней крышке: «Помни меня». За сообщение этих сведений приношу искреннюю благодарность сотруднику Отдела редкой книги НБ ГЭ Галине Викторовне Дорофеевой.

Поводом для альбомной записи стало важное событие в жизни великого князя: именно 22 апреля 1834 г. по случаю своего совершеннолетия (17 апреля ему исполнилось 16 лет) он приносит присягу. В день рождения наследника русского престола и своего воспитанника Жуковский записывает в дневнике:

Апреля 17. Вторник на Страстной неделе. Ныне совершеннолетие великого князя. Мы поздравили друг друга со слезами после заутрени. Он вспомнил своего почтенного Карла Карловича, о котором нельзя вспомнить без чувства любви. Прекрасное чувство, которое меня порадовало. Павский читал наставление, весьма хорошо написанное, но читал со своею обыкновенною застенчивостью. После чтения сего пошли к императрице: я начал молитвы и притчу (ПССиП. Т. 14. С. 9).

О самом празднике совершеннолетия, связанном с присягой, оставил запись в дневнике А. С. Пушкин:

Середа на святой неделе. Праздник совершеннолетия совершился. Я не был свидетелем. Это было вместе торжество государственное и семейственное. Великий князь был чрезвычайно тронут. Присягу произнес он твердым и веселым голосом, но, начав молитву, принужден был остановиться и залился слезами. Государь и государыня плакали также. Наследник, прочитав молитву, кинулся обнимать отца, который расцеловал его в лоб и в очи и в щеки и потом подвел сына к императрице. Все трое обнялися в слезах. Присяга в Георгиевской зале под знаменами была повторением первой — и охолодила действие. Все были в восхищении от необыкновенного зрелища. Многие плакали; а кто не плакал, тот отирал сухие глаза, силясь выжать несколько слез… (*Пушкин*. Т. 12. С. 328).

В записи Жуковского обращает на себя внимание сообщение о чтении какой-то притчи. Не исключено, что речь идет о будущей альбомной записи, которая имела вариант для публичного произнесения: полного совпадения текстов не могло быть, так как альбомный вариант включал события именно 22 апреля — праздник Пасхи и день присяги.

[1] 17 апреля 1818 г. Жуковский записал в дневнике: «Один из прекраснейших дней. Рождение великого князя. Прелестное утро. Чувства веселые, ясные, живые, без примеси. Радость истинная. Конец беспокойству. Черты истинной высокости в характере матери: это великое счастие…» (ПССиП. Т. 13. С. 129). А письмо к П. А. Вяземскому из Москвы, датируемое этим же днем, он завершает постскриптумом: «17 апреля. Середа. 11 часов. Сей час родился у нас великий князь Александр, и я тебя обнимаю» (РА. 1896. № 10. С. 208).

[2] Далее Жуковский цитирует сокращенный вариант своего послания «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича», написанного 17—20 апреля 1818 г. Из 178 стихов он отбирает всего **34**, словно подчеркивая год происходящего события — 18**34**! Объединив ст. 68—71, 105—108, 138—146, 150—168, он вносит некоторые коррективы в текст послания, акцентируя прежде всего тему великого предназначения своего воспитанника.

[3] *…говорю именем того, кто уже вам никогда его не скажет на этом свете.* — Речь идет о генерал-адъютанте К. К. Мёрдере (1788—1834), который был воспитателем наследника в течение 10 лет, до своей смерти в Риме 24 марта 1834 г. Его памяти Жуковский посвятил «Воспоминания о К. К. Мёрдере» (см. в наст. томе). Существуют различные версии о том, когда наследник узнал о смерти горячо

любимого воспитателя. В дневниковой записи от 19 апреля (четверг) Жуковский рассказывая о том, что узнал печальную весть о кончине «нашего несравненного Карла Карловича, добавляет: «Великому князю не будет сказано прежде вторника» (ПССиП. Т. 14. С. 10). Но очевидно, что 24 апреля, то есть во вторник, в день присяги, наследник об этом еще не знал. Так, в своих дневниках Пушкин писал: «Мёрдер умер, человек добрый и честный, незаменимый. Великий князь еще того не знает. От него таят известие, чтоб не отравить его радости. Откроют ему после бала 28-го [апреля]» (*Пушкин*. Т. 11. С. 303). Но и 28-го апреля, по-видимому, этого не произошло. Есть свидетельство с опорой на письмо императора Николая I И. Ф. Паскевичу, что о смерти Мёрдера объявили наследнику лишь 3 мая (*Князь Щербатов*. Генерал-фельдмаршал Паскевич. СПб., 1896. Т. 5. Приложения. С. 232).

А. Янушкевич

Материалы, относящиеся к «Собирателю»

Историю журнала «Собиратель» (об этом подробнее см. примечания к журналу в наст. изд.) невозможно представить без тех материалов, которые были для него предназначены, но в силу сложившихся обстоятельств так и не вошли в него. В архивных собраниях Жуковского (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 125 и 30; РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 3 и 36) находятся четыре рукописи, каждая из которых отражает процесс формирования этого уникального образца «политической педагогики». Первая по времени (№ 36) — записная книжка, содержащая дневниковые записи и размышления, датируемые 1 ноября 1827 г. (л. 1) — 14 октября 1828 г. (л. 7). Если записи от 1 ноября 1827 г., 24 февраля и 14 октября 1828 г. являются дневниковыми записями, хотя и содержат в себе размышления педагогического и общественно-политического характера, то окружающие их обширные комментарии (черновые автографы) не датированы и представляют собой законченные по мысли рассуждения на различные темы, связанные с проблемой власти и поведения правителя. Одно из них — «Бывают смутные времена», было перебелено и вошло в папку, получившую архивное название «Материалы, относящиеся к журналу “Собиратель”» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 125. Л. 12—12 об.). Автографы сочинений «Предание. Песнь народная» и «Барды» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 30. Л. 39 об. — 40) и их авторизованные копии (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 3. Л. 2—2 об.), учитывая их контекст и местоположение в рукописи, относятся к концу ноября 1828 г.

Датировке эти материалы поддаются с трудом. Отсутствие каких-либо хронологических помет в автографах, упоминаний в дневниковых и эпистолярных источниках позволяет сделать лишь предположение о том, что все они создавались в период подготовки первых номеров журнала, то есть в середине — конце 1828 г., первой половине 1829 г. При публикации текстов «Материалов, относящихся к “Собирателю”» в квадратных скобках даны зачеркнутые в автографе варианты.

1

Свет и любовь
(С. 568)

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 2 — с первоначальным заглавием «Жизнь».
Впервые: БЖ. Ч. 1. С. 175. Публикация Н. Б. Реморовой.
Датируется: конец 1828 г.

Источник текста — сказание известного немецкого писателя-просветителя И. Г. Гердера (см. примеч. к «Смерти Адама» в наст. томе) «Licht und Liebe» («Смерть и любовь»). В библиотеке Жуковского это произведение находится в первом полном собрании сочинений Гердера в 36 частях, которое поэт приобрел в 1812—1816 гг. (подробнее см.: *Реморова.* С. 127—130): *Herder J. G.* Sämmtliche Werke. Tübingen, 1808. Bd 20 (Th. 8 «Aus morgenländischen Dichtern». S. 13).

В рукописных материалах к «Собирателю» трижды меняется заглавие перевода: в планах к журналу оно значится как «Свет и Жизнь»; в рукописи перевода окончательному названию «Свет и любовь» предшествует зачеркнутое — «Жизнь» (РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 2—2 об.). По всей вероятности, этот текст должен был открывать второй раздел первого номера «Собирателя» и предшествовать «Смерти Адама».

Но перевод не нашел своего места в журнале. Не был он опубликован и позднее. Сравнение с текстом-источником позволяет исследователю утверждать, что перевод «носит апокрифический характер и показался неподходящим для воспитания наследника» (БЖ. Ч. 1. С. 175—176). Но думается, что открывающая первый номер статья «Взгляд на мир и на человека», вобрав в себя и гердеровские идеи, сделала перевод легенды «Свет и любовь» излишним в общей структуре журнала.

2

<Тимолеон>
(С. 569)

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 15—15 об. — черновой, без заглавия.
Публикуется впервые.
Датируется: середина — конец 1828 г.

В программной статье «Собирателя» — «Польза истории для государей» — Жуковский особое внимание уделяет воспитательной роли истории. Уже первое предложение: «Сокровище просвещения царского есть История, наставляющая опытами прошедшего, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее» — установка на особое внимание царственной особы к историчесому примеру. И далее, опираясь на это положение, наставник великого князя формирует «правила деятельности царской».

В этом контексте общей системы «политической педагогики» Жуковского, включающей планы и проекты учения Его Императорского Высочества, эпистолярные послания, обращенные к нему, речи на экзаменах и сопровождающие их характеристики, обращение издателя «Собирателя» к античной истории и ее деятелям представляется закономерным. Жуковский черпал из исторических сочинений Плутарха и Тацита примеры, уже ставшие достоянием времени и получившие новую жизнь в современной истории. Это были уроки истории.

На основе известных источников он создавал свои жизнеописания. Жизнь и драматическая судьба греческого полководца родом из Коринфа Тимолеона (411—337 гг. до н. э.) была поучительной. Его нравственный облик, талант военачальника, противостояние тирании брата и отстаивание ценностей демократии, участие в убийстве брата и муки совести, уединение и занятия философией — все это рождало живые ассоциации и вызывало размышления о нравственной пользе истории.

Источником для статьи были «Параллельные жизнеописания» Плутарха. В личной библиотеке поэта сохранилось два издания этого сочинения: во французском переводе Жака Амио (Amyot) и немецком Клебера (Klaiber) и Бэра (Bähr). См. Описание. № 1855, 1856. Но известно, что во время работы над «Собирателем», 25 сентября 1828 г., Жуковский брал из Эрмитажной библиотеки наследника сочинения древнегреческого историка, скорее всего «Oeuvres de Plutarque, trad. par D. Ricard, collect. Hommes illustres. Paris, 1827» (см.: Реббекини. С. 109. № 42). Этот французский перевод «Параллельных жизнеописаний», сделанный писателем, аббатом Доменик Рикаром (Ricard; 1774—1803), считался одним из лучших.

По всей вероятности, Жуковский был знаком с трагедией В. К. Кюхельбекера «Аргивяне» (1822—1823), в основе сюжета которой была история убийства тирана Тимофана. В 1824—1825 гг. печатались отрывки из нее. Не исключено, что после восстания декабристов история борьбы Тимолеона и Тимофана, связанная с именем декабриста Кюхельбекера, могла вызвать современные ассоциации и цензурные затруднения.

[1] *Дионисий II Младший* — тиран из Сиракуз, принял правление в 367 г. до н. э. После поражения в войне с Тимолеоном был отправлен в Коринф.

[2] *Гикет, царь Леонтинский* — Тиран Сиракуз (289—290 или 287—278 гг. до н. э.) был разбит Тимолеоном при Адране, схвачен своими подданными, выдан и казнен, как государственный преступник.

[3] Тимофан, старший брат Тимолеона, в 366 г. до н. э. объявил себя единовластным правителем, что послужило причиной заговора, в результате которого он был убит.

[4] *…была и его мать…* — Демариста, активно выступающая в защиту старшего сына. Ее образ и история разногласий с женой Тимофана Аглаей нашли свое отражение в трагедии Кюхельбекера «Аргивяне».

3

<Эпаминонд и Пелопид>

(С. 570)

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 15—18.
Публикуется впервые.
Датируется: середина-конец 1828 г.

Источник статьи, как и предшествующей, — «Параллельные жизнеописания» Плутарха. История дружбы и воинских подвигов двух фиванских правителей Эпаминонда (ок. 418 до н. э. — 362 до н. э.) и Пелопида (ок. 418 до н. э. — 364 до н. э.) — символ мужества и патриотизма. В период их совместного правления Фивы достигли наивысшего расцвета за всю свою историю. Эпаминонд командовал фиванской пехотой, Пелопид — конницей; их военные действия в борьбе со Спартой внесли существенный вклад в военную науку. Философ и аскет Эпаминонд не был похож на страстного любителя наслаждений Пелопида, но их дружба выдержала все испытания. Сверстники, они погибли почти одновременно: сначала Пелопид в сражении с фессалийцами в Фарсале, через два года Эпаминонд был смертельно ранен в битве при под Мантинией.

О причинах отсутствия статьи в «Собирателе» трудно сказать что-либо определенное. Возможно, она предназначалась для последующих номеров журнала.

[1] *Никодем* — вероятно, имеется в виду Никомед, хромой калека, о котором Плутарх говорит во фрагменте 71 из цикла «Изречения царей и полководцев».

[2] *Кадмея* — важнейшая фиванская крепость.

[3] *Агезилай* (422 до н. э. — 360 до н. э.) — знаменитый спартанский царь, полководец и дипломат; вел успешные войны против персидского царя Артаксеракса.

Александр (ум. 358 до н. э.) — ферский тиран, правил с 369 до н. э. по 358 до н. э.

4

<Речь философа Аполлония>

(С. 573)

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 17 — авторизованная.
Публикуется впервые.
Датируется: середина-конец 1828 г.

Источником перевода является сочинение французского писателя Антуана Леонарда Тома (1732—1785) «Похвальное слово Марку Аврелию» («Éloge de Marc-

Aurèll»). В библиотеке Жуковского оно находится в следующем издании: Oeuvres posthumes de Thomas. Paris, 1802. V. 2. P. 19—21. См.: Описание. № 2256.

Впервые Жуковский обратился к этому произведению еще в молодости, работая над хрестоматией «Примеры слога, выбранные из лучших французских прозаических писателей и переведенные на русский язык Василием Жуковским» (1805—1806). Он обратил внимание на его вторую часть «Сон Марка Аврелия» (подробнее см.: ПССиП. Т. 8. С. 369, 499—501. Примечания И. А. Айзиковой).

Готовя материалы к «Собирателю», он начинает перевод первой части «Похвального слова…» — речи наставника и друга Марка Аврелия, философа-стоика Аполлония Халкедонского над могилою своего ученика. В текст этой надгробной речи входило одно из «Размышлений» римского императора (в раннем переводе Жуковского «Сон Марка Аврелия»).

Сама личность римского императора и философа Марка Аврелия (121—180) привлекала Жуковского прежде всего как воплощение добродетели и персонифицированного образа просвещенной монархии. В «Плане учения великого князя Александра Николаевича…» он писал: «Верь, что власть Царя происходит от Бога, но верь сему как верили Марк Аврелий и Генрих Великий…» В тексте перевода, точнее, в дошедшем до нас начальном его фрагменте такие выражения, как «праведный муж», «торжество добродетели», «любил истину», «истинное благородство», «чистые добродетели», «единая справедливость», способствуют воссозданию этой незаурядной личности философа на троне. При всей точности перевода Жуковский старается насытить свой текст лейтмотивным словом-образом «добродетель».

В истории русской словесной культуры перевод «Слова похвального Марку Аврелию» А. Тома, который вышел отдельным изданием в 1777 г., связан прежде всего с именем Д. И. Фонвизина. См.: *Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 194—230.

5

Подмосковная деревня
Русская повесть

(С. 575)

Автограф неизвестен.

Копия: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 13—13 об., 14 — рукою П. А. Плетнёва.

Впервые: Вестник Томского государственного университета. Филология. № 1 (21). 2013. С. 117. Публикация А. С. Янушкевича.

Датируется: середина-конец 1828 г.

6

<Русский Государь должен быть предпочтительно русским…>

(С. 576)

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 22.
Публикуется впервые.
Датируется: середина-конец 1828 г.

7

<Фундаментальное правило поступков>

(С. 577)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 36. Л. 4 — черновой.
Впервые: ПССиП. Т. 13. С. 301—302.
Датируется: октябрь 1828 г.

8

<Бывают смутные времена…>

(С. 578)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 36. Л. 4 об. — черновой.
Копия: РНБ. Оп. 1. № 125. Л. 12—12 об.
Впервые: БЖ. Ч. 1. С. 483. Публикация А. С. Янушкевича
Датируется: середина-конец 1828 г.

Эта статья, перебеленная для напечатания, имеет характерную разбивку: красными чернилами выделены периоды, как в стихотворном тексте. Не исключено, что текст предназначался для произнесения его вслух в качестве риторического упражнения.

Первые два абзаца — вольный перевод отрывка из статьи немецкого писателя-просветителя Иоганна Якоба Энгеля «Fürsten-Wollust», которая входит в его книгу «Fürstenspiegel» («Зерцало для князей»). Последний — видимо, творчество Жуковского, своеобразное резюме к мыслям Энгеля.

Воспитатель и наставник прусского короля Фридриха Вильгельма III, он стал для Жуковского учителем в деле воспитания просвещенного монарха. Энгель уже в конце XVIII века был открыт для русского читателя: его переводит, о нем пишет Карамзин. К 1810 г. уже насчитывается более 20 переводов из его сочинений. Более всего Энгель в России был известен как автор сборника философских бесед с этической и эстетической проблематикой — «Der Philosoph für die Welt» («Философ для света» или «Светский философ»). Именно к этому произведению в 1808—1810 гг. обращается и Жуковский. Он переводит несколько статей и публикует их в «Вест-

нике Европы» (см. т. 10 наст. изд.). В конце 1820-х гг. в поле его зрения другое произведение немецкого писателя — «Fürstenspiegel».

Все 35 статей сборника являются наставлениями князю по различным вопросам моральной философии и политики. В библиотеке поэта сохранился этот сборник, входящий в третий том сочинений Энгеля (J. J. Engel's Schriften. Bd 3. Berlin, 1801; Описание. № 984). Жуковский штудирует этот том, оставляя многочисленные пометы и записи. На с. 11—13 находится статья «Fürsten-Wollust», явившаяся основой для статьи «Бывают смутные времена», предназначенной для «Собирателя».

Кроме этой статьи, особое внимание читателя «Зерцала для князей» обращает глава «Denkfreiheit» («Свобода мысли»). Прямо в ее тексте, на с. 128—130, между строк, Жуковский набрасывает свой перевод. Вот как он выглядит:

> Воды, не имеющие течения, обращаются в болото <нечистое>, усеянное ядовитыми жабами и производящее вредное кваканье. В такое же состояние хотят обратить народ правители, умерщвляющие в нем лучшие достоинства чести, свободу мысли.
>
> Каждый думай про себя, что хочешь; свободно предлагай подушке своей всё, что спит в душе твоей: этому никто не захочет поставить препятствия. Не захочет ругать: захотел бы, но не может. Но думать и выразить свои мысли это другое дело.
>
> Один мореплаватель, выброшенный бурею на пустой остров и проживший на нем много лет, немедленно забыл язык свой. Он не умел говорить, когда нашли его. То же стало бы и с людьми, если бы они хотя в течение одного поколения не могли сразу думать вместе с другими: они бы разучились думать.

Подробнее см.: БЖ. Ч. 1. С. 482—489.

[1] В черновом автографе имеется отсутствующее в копии продолжение:

> Не уважать народ свой есть совершенное безумство в Государе, есть что-то чудовищное, похожее на сумасшествие. Кто образует народ, кто доставляет ему просвещение, кто действует на его нравственность, кто возбуждает в нем честолюбие благородное, кто приводит в движение все его слова? Государь — законодатель, просветитель, представитель, вождь народа. И так народ делается достойным уважения только тогда, когда его правитель дает ему для того способы! Если же он не достоин уважения, то в этом вина его правителя! И так не народ свой, а себя должен презирать правитель, если не может уважать своего народа.

9

<Власть Государя не надежна…>

(С. 579)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 36. Л. 5 — черновой.
Впервые: ПССиП. Т. 13. С. 303—304.
Датируется: конец 1828 г.

10

<Что такое любовь к Отечеству?>

(С. 580)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 36. Л. 5 об. — черновой.
Впервые: ПССиП. Т. 13. С. 304.
Датируется: октябрь 1828 г.

[1] Датировка записи — свидетельство ее органической связи с дневниками поэта.

11

<Что такое общее мнение…>

(С. 581)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 36. Л. 6 — черновой.
Впервые: ПССиП. Т. 13. С. 304—306.
Датируется: октябрь 1828 г.

12

Дух времени

(С. 582)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 36. Л. 1 об. — 9.
Впервые: ПССиП. Т. 13. С. 306—307.
Датируется: октябрь 1828 г.

13

Мысли, заимствованные из древних и новых классиков

(С. 584)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 125. Л. 3 об. (№ 1, 6—10).
Публикуется впервые.
Датируется: конец 1828 г.

[1] *Вся наша сила в душе и теле…* — Источник: Гай Саллюстий Крисп. О заговоре Катилины. 1 (2). Ср.:

> Вся наша сила ведь — в духе и теле: дух большею частью повелитель, тело — раб; первый у нас — общий с богами, второе с животными. (*Гай Саллюстий Крисп*. Сочинения. М., 1981. С. 5. Перевод В. О. Горенштейна).

В библиотеке поэта сохранилось несколько изданий сочинений римского историка (см.: Описание. № 2017—2019).

[2] Цитата из сочинения австрийской писательницы Каролины Пихлер (1769—1843). В 1808 г. Жуковский перевел ее рассказ «Меланхолия» и опубликовал его на страницах редактируемого им журнала ВЕ (1808. Ч. 41. № 19. С. 167—174). См.: ПССиП. Т. 10. Кн. 1. С. 311—315, 498—500.

[3] Источник цитаты установить не удалось.

14

Выписки

(С. 584)

Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 125. Л. 7 (№ 2, 12).

Публикуется впервые.

Датируется: конец 1828 г.

15

<Смертный! смерти учись на могиле вечного града…>

(С. 584)

Автограф неизвестен.

Копия: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 3. Л. 1—1 об. — авторизованная, с небольшой стилистической правкой в третьем стихе.

Впервые: ПССиП. Т. 2. С. 263.

Датируется: конец 1828 г.

16

<Евреи находят замечательные памятники…>

(С. 584)

Автограф неизвестен.

Копия: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 3. Л. 1 об. — авторизованная, с небольшой стилистической правкой.

Публикуется впервые.

Датируется: конец 1828 г.

17

<Установления, институции суть не ограничение, а свобода государей>

(С. 585)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 36. Л. 1.

В п е р в ы е: ПССиП. Т. 13. С. 297—298.
Д а т и р у е т с я: между 1 ноября 1827 г. и 24 февраля 1828 г.

Данное размышление примыкает к дневниковой записи от 1 ноября 1827 г., передающей разговор Жуковского с Д. В. Дашковым в связи с делом Н. И. Тургенева. Жуковский решительно возражает другу и известному государственному деятелю против мысли о предпочтении частного блага общественному. Отделив эту запись специальным значком #, фиксирующим ее окончание, он размышляет о месте и значении установлений и институций, то есть законов для государственной власти вообще и самодержца в частности. Эту запись он вновь завершает тем же значком и пишет небольшую заметку «О Преподавании истории». Следующая дневниковая запись, рассказывающая об эпизоде из жизни великого князя, связанном с его поведением во время учебы, датируется уже 24 февраля 1828 г. Все это дает основание для определения времени написания статьи «Установления, институции…»: промежуток между двумя датированными дневниковыми записями.

Впоследствии статья предназначалась для тома прозы. См. раздел «Отрывки» в наст. томе.

А. Янушкевич

Неизданный конспект по истории
(С. 586)

К о п и я: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 43. Л. 2—9 — писарская, авторизованная, без заглавия.

В п е р в ы е: Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2012. Т. 11. Вып. 12. С. 232—238. Публикация Д. В. Долгушина.

Д а т и р у е т с я: Конец 1820-х гг. (около 1828 г.).

В феврале 1826 г. В. А. Жуковский был назначен наставником наследника престола. В соответствии с составленным Жуковским и утвержденным Николаем I «Планом учения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Наследника Цесаревича» (Годы учения Его Императорского Высочества наследника цесаревича Александра Николаевича. СПб., 1880. С. 1—20) в обязанности наставника входила разработка общей концепции обучения, подбор учителей, учебной литературы, наглядных пособий, общий контроль за ходом уроков. Все это потребовало от Жуковского погружения в стихию кропотливого, рутинного и вполне прозаического труда — составления многочисленных выписок, конспектов, таблиц по различным учебным дисциплинам. Поэтическая натура Жуковского тем не менее сказывалась и здесь. «Поэзия меня не покинула, хотя я и перестал писать стихи, хотя мои занятия и могут со стороны показаться механическими. Есть в душе какая-то полнота, которая животворит ее», — писал он 7 (19) февраля 1827 г. о своих педагогических штудиях (Переписка Жуковского и Елагиной. С. 296). Учебно-воспи-

тательная деятельность воспринималась первым русским романтиком как своего рода «педагогическая поэма» (*Плетнев*. Т. 3. С. 648).

Вопрос о том, насколько такой подход был полезен для достижения прагматических целей обучения, остается открытым. Для нас важно, что он позволяет рассматривать учебно-методические материалы, подготовленные Жуковским, не только как педагогический инструментарий, предназначенный для передачи ученику определенной суммы знаний, умений и навыков, но и как выражение собственной «поэтической философии» Жуковского. Это в полной мере относится и к публикуемому ниже конспекту по истории.

Жуковский придавал истории особое значение, считал ее «сокровищницей просвещения царского», «главною наукою Наследника престола» (Годы учения… С. 18, 19). Такое понимание объясняется не только тем, что для будущего правителя обширного государства история была «профессиональным», «профилирующим» предметом: Жуковский еще с юности был убежден, что «история из всех наук самая важнейшая; важнее философии, ибо в ней заключена лучшая философия, то есть практическая, следовательно полезная» (*Жуковский В. А*. Полн. собр. соч. Пг., 1918. С. 516). Поэтому в своей лекции по истории поэт стремится дать не столько набор сведений, сколько определенную историософскую концепцию, конечно, адаптированную для ребенка. Он затрагивает такие ключевые для его поэтической философии сюжеты, как тему времени и воспоминания как победы над временем, тему слова и языка, тему поэзии и творческого вдохновения, тему свободы и нравственного совершенствования человека.

Написание конспекта следует датировать концом 1820-х гг., скорее всего 1828 г. Такая датировка основывается на том, что в соответствии со своим «Планом…» Жуковский отнес предварительное знакомство с историей к первому периоду обучения (1827—1832), включив ее в число тем II класса, которые собирался преподавать сам (с 1829 г. для преподавания истории появились специальные учителя: для русской — К. И. Арсеньев; для всеобщей — Ф. И. Липман). Кроме того, очевидна перекличка содержания конспекта с материалами к журналу «Собиратель», работа над которыми относится именно к 1828 г. Название конспекта в рукописи отсутствует, поэтому пользуемся названием, поставленным в архивном деле.

[1] *Памятник ~ будущего.* — Мотив времени как всепоглощающего губительного хроноса является одним из главных в поэзии Жуковского, а проблема преодоления временности — одной из основных в его поэтической философии. Среди других способов ее решения Жуковский предлагает и такой: время побеждается воспоминанием. Прошлое, к которому отсылает воспоминание, уже застраховано от изменчивости, оно уже состоялось и избавлено от становления, оно превратилось в вечность. Эта мысль положена в основу известных поэтических афоризмов Жуковского: «для сердца прошедшее вечно», «прошедшее тебе не изменит».

[2] *Столпы Геркулесовы.* — Скалы по двум сторонам Гибралтарского пролива, происхождение которых древнегреческая мифология связывала с Гераклом.

[3] *Атлант.* — От имени титана Атланта, который, согласно древнегреческой мифологии, находится на крайнем западе земли и держит на своих руках небо, происходит название Атлантического океана.

[4] *Сипил.* — Гора в Малой Азии близ города Магнесии (тур. Маниса), на вершине которой, согласно древнегреческой мифологии, находится окаменевшая от горя по своим убитым детям Ниоба.

[5] *Великое ~ поэзия.* — Это рассуждение напоминает заметки Жуковского на нижней обложке отдельного оттиска брошюры немецкого теоретика искусства Карла Шнаазе «Geschichte der bildenden Künste» (ПССиП. Т. 12. С. 409. Публикация А. С. Янушкевича).

[6] *Янус.* — В древнеримской мифологии двуликий бог дверей, входов и выходов.

[7] *В толпе ~ Фукидид.* — Античное предание о встрече Геродота и Фукидида на Олимпийских играх, зафиксированное в византийском лексиконе Суды (X в.) (Suidae lexicon ex recognitione Immanuelis Becceri. Berrolini, 1854. P. 507), приводит в своих «Эмилиевых письмах» М. Н. Муравьев:

> Когда Геродот читал историю свою на Олимпийских играх, тогда все несчетное множество греческих народов в глубоком молчании упивалось слушанием, и гром плесканий увенчал оное. Каждая из девяти книг его удостоена именования Музы; а юный Фукидид, в числе слушателей, проливал слезы соревнования и полагал в душе своей обещание разделить некогда с Геродотом пальму Истории» (*Муравьев М. Н.* Сочинения. СПб., 1847. С. 148).

Основываясь на этом пассаже Муравьева, предание о Геродоте и Фукидиде повторяет К. Н. Батюшков в стихотворении «К творцу «Истории государства Российского» (1824):

Когда на играх Олимпийских,
В надежде радостных похвал,
Отец истории читал,
Как грек разил вождей азийских
И силы гордых сокрушал, —
Народ, любитель шумной славы,
Забыв ристанье и забавы,
Стоял и весь вниманье был.
Но в сей толпе многонародной
Как старца слушал Фукидид!
Любимый отрок Аонид,
Надежда крови благородной!
С какою жаждою внимал
Отцов деянья знамениты
И на горящие ланиты
Какие слезы проливал!..

(*Батюшков К. Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 409)

В 1810—1820 гг. В. А. Жуковский и К. Н. Батюшков вместе были редакторами и публикаторами посмертного издания сочинений М. Н. Муравьева. Жуковский неоднократно публиковал статьи Муравьева в «Вестнике Европы». Все это указывает на то, что не только стихотворение К. Н. Батюшкова, но и упоминание о Геродоте и Фукидиде в «Эмилиевых письмах» М. Н. Муравьева было, несомненно, известно Жуковскому и, вероятно, повлияло на комментируемое место записок по истории. Нужно учитывать и то, что М. Н. Муравьев в свое время занимал почти ту же должность, что и Жуковский: он преподавал русскую словесность, русскую историю и нравственную философию великим князьям Александру и Константину Павловичам, и Жуковский, конечно, не мог не соотносить свои педагогические опыты с его деятельностью.

[8] *Демосфена ~ Грецию.* — Имеется в виду политическое противоборство Демосфена с Филиппом Македонским и речи, сказанные Демосфеном против Филиппа (т. н. филиппики).

[9] *По словам Цицерона ~ истины.* — Неточная цитата из второй книги трактата Цицерона «Об ораторе (к брату Квинту)» 9.36: «Historia vero testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuntia vetustatis» (‘История — свидетельница времен, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестница старины’. Пер. Ф. А. Петровского). Эти слова Цицерона в собственном переводе, точно совпадающем с цитируемым, как и предшествующую цитату об истории как «сосуде серебряном с плодами золотыми», Жуковский публикует в 1829 г. в своем журнале «Собиратель» (№ 1. С. 18; см. наст. изд.), что является еще одним аргументом в пользу датировки «Конспекта» 1830 г.

[10] *Воспитатель ~ человеческом.* — Сравнение жизни со школой, в которой человек воспитывается для вечности, является одной из любимых аллегорий Жуковского.

[11] *Бакон ~ природа.* — Сравнение с лучом Ф. Бэкон использует в первой главе третьей книги трактата «О достоинстве и приумножении наук» (1623), правда, не в том смысле, в котором использует это сравнение Жуковский: «У философии троякий предмет — Бог, природа, человек и сообразно этому троякий путь воздействия. Природа воздействует на интеллект непосредственно, т. е. как бы прямыми лучами; Бог же воздействует на него через неадекватную среду (т. е. через творения) преломленными лучами; человек же, становясь сам объектом собственного познания, воздействует на свой интеллект отраженными лучами» (*Бэкон Ф.* Сочинения: В 2 т. М., 1971. Т. 1. С. 209). В «Собирателе» (1829. № 2. С. 23) Жуковский приводит эту цитату на немецком языке (см. наст. издание).

[12] *Действие ~ для великой цели.* — Ср. рассуждения Жуковского из «Плана обучения наследника престола», представленного им Николаю I:

> Сокровищница просвещения царского есть история, наставляющая опытами прошедшего, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомит Государя с нуждами его страны и его века. Она должна быть главною наукою Наследника престола. История, освещенная религиею, воспламенит в нем

любовь к великому, стремление к благотворной славе, уважение к человечеству, и даст ему высокое понятие о его сане (Годы учения… С. 19).

[13] *Сатурналии.* — Праздник в Древнем Риме, во время которого рабы получали право носить одежды своих господ, разделять с ними трапезу и принимать их услуги.

[14] *…аббат Лепе.* — аббат Шарль-Мишель л'Эпе (1712—1789), создатель жестового языка глухих, основатель первой школы для глухих.

[15] *Говард.* — Джон Говард (1726—1790), английский врач и филантроп. Стал инициатором реформы тюремной системы в Англии и способствовал ее гуманизации. Боролся с эпидемиями заразных болезней, изучая и развивая карантинное дело. Умер в России во время борьбы с эпидемией тифа в Херсоне.

[16] *…пять главных пород.* — Жуковский использует расовую классификацию немецкого анатома Иоганна-Фридриха Блуменбаха (1752—1840). Именно книгу Блуменбаха Жуковский рекомендует в письме гувернеру наследника престола Ф. А. Жиллю (1826) в качестве пособия для занятий по естественной истории в свое отсутствие: «Pour l'enseignement de l'histoire Naturelle, vous vous servirez de l'exellent ouvrage élementaire de Bloumenbach; il se trouve aussi dans ma bibliothèque»[7] (Годы учения… С. 31). В библиотеке Жуковского, действительно, сохранилась книга Блуменбаха с многочисленными пометками Жуковского (Описание. № 693). Далее в этом письме Жуковский указывает Жиллю на то, что не знает, есть ли французский перевод этой книги и советует сделать его самостоятельно. На самом деле, к тому времени был уже не только французский, но и русский перевод этой книги, вышедший в 1781 г. Классификацией Блуменбаха Жуковский рекомендует Жиллю пользоваться и при подготовке гербариев для обучения великого князя.

Д. Долгушин

Обозрение Всемирной истории
(С. 590)

А в т о г р а ф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 109. Л. 1—4 — начало статьи, без заглавия.
П у б л и к у е т с я впервые.
Д а т и р у е т с я: начало 1830-х гг.

«Обозрение Всемирной истории» входит в цикл статей 1830-х гг. — «Черты Истории Государства Российского», «Отрывок письма из Швейцарии», «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 года», «Бородинская годовщина», «Пожар Зимнего дворца», «Очерки Швеции», объединенных авторской философией истории. Начало «Обозрения Всемирной истории» И. А. Бычков датирует 1820-ми гг. Однако в самом тексте читаем: «Нам известно исторически то, что случилось в течение 2000 лет до

[7] Для обучения Естественной истории вы воспользуетесь прекрасным учебником Блуменбаха; он тоже есть в моей библиотеке (*франц.*).

Р.<ождества> Х.<ристова> и что случилось в течение 1830 лет после рождества Христова» (л. 1). Это дает основание датировать «Обозрение Всемирной истории», по крайней мере, началом 1830-х гг. Внимание к данной теме, возникшее почти одновременно у многих современников Жуковского, было связано с целым комплексом проблем — начиная от идеи национального самоопределения России и кончая внутренними конфликтами личности. Так, во второй половине 1830-х гг. А. С. Хомяков начинает работу над своими «Записками о Всемирной истории», непосредственно связанную, как указывают исследователи, с публикацией в «Телескопе» в 1836 г. «Философического письма» П. Я. Чаадаева, в котором утверждалось, что «мы существуем как бы вне времени, и всемирное образование человеческого рода не коснулось нас. Эта дивная связь человеческих идей в течение веков, эта история человеческого разумения, подведшие его в других странах мира до настоящего положения, не имели на нас никакого влияния» (*Чаадаев П. Я.* Сочинения. М., 1989. С. 508). Хомяков трактует проблему по-своему: «…для человеческой гордости и уважения нашего к самим себе — нам нужно родословие народа». Здесь явные точки сближения с Жуковским, который озабочен поисками «всемирного родословия».

В «Обозрении Всемирной истории» намечена, хотя изложена и не до конца, вполне целостная концепция истории человечества, в которой устанавливается взаимодействие истории, географии, философии и эстетики. Вводную часть Жуковский посвящает общим положениям, касающимся понимания истории, которые во многом перекликаются со статьей Гоголя «О преподавании всеобщей истории», опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1834 г. и впоследствии вошедшей в «Арабески»: «…она (история. — *И. А.*) должна обнять вдруг и в полной картине все человечество, каким образом оно из своего первоначального, бедного младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и наконец достигло нынешней эпохи» (*Гоголь*. Т. 8. С. 26).

Очевидно, что оба писателя ориентируются на просветительскую концепцию Карамзина-историка. Не менее очевидна близость писателей и в понимании процессуальности истории и ее целостности, определяемой общим смыслом. На этом настаивает Гоголь, говоря, что «всеобщая история <…> не есть собрание частных историй <…> без общей связи, без общего плана, без общей цели, куча происшествий без порядка» (Там же). Жуковский также пишет об этом в своем «Обозрении…». В развитии человечества Жуковский предлагает выделять периоды, эпохи и века. При этом он выделяет в истории одно самое важное событие, от которого и отталкивается в периодизации. Таким событием называется рождение Христа, определившее высокий нравственный смысл человеческой истории.

Особое внимание, судя по всему, у Жуковского вызвали так называемые «времена темные». Так озаглавлен единственный созданный раздел его «Обозрения». Писатель исходит из традиционного библейского толкования происхождения мира и первых дней его существования, полемизируя с материалистическими концепциями XVIII в., опровергая уподобление человека части природы, полностью ею детерминированной, и сближается с Гоголем, Батеньковым, бр. Киреевскими.

Батеньков, например, писал, что только «воля, разум и намерение», имея в виду Бога, могут «изъяснить» происхождение мира и человека. В другом письме он называет Бога математиком и поэтом, наполнившим вселенную «своею славою, величием, гармонией и красотою» (*Батеньков Г. С.* Сочинения и письма. Иркутск, 1981. Т. 1. С. 238, 282). Для Жуковского 1830-х гг. все это тоже было очень характерно и важно, означая поворот к реальности, таинственность которой писателю становилась все очевиднее, и познание и изображение которой в искусстве он всё теснее связывал с проникновением внутрь отдельной человеческой души, внутрь общенационального, общенародного духа. Такое мироощущение определяло и поэтику творчества Жуковского, и поэта, и прозаика, его психологизм, внимание к символике, мифопоэтике. Собственно архетипическим и символическим звучанием наполнено все изложение «темных времен», выполненное Жуковским в его «Обозрении». Например, Жуковский трактует Всемирный потоп и как «последнюю всеобщую физическую революцию, изменившую землю и уничтожившую род человеческий», и как начало нового периода истории человечества, ознаменованного «соединением людей». Этот новый исторический период тесно связывается с ветхозаветным образом Ноя и его семейства.

Стремление к синтезу, становящееся главной чертой прозы Жуковского, объясняет органику постановки проблемы памятников народного творчества в статье о всемирной истории. Здесь уместно провести параллели с еще одной статьей Гоголя, также опубликованной в 1834 г. в «Журнале министерства народного просвещения» и позднее вошедшей в состав «Арабесок» — «О малороссийских песнях», где автор прямо говорит о том, что народные песни — «это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины <…>» (*Гоголь*. Т. 8. С. 98).

В статье обозначена универсальная картина мира, запечатлевшая вполне целостную авторскую философию истории с ее главной идеей бесконечного творения как сути бытия и человека. Незавершенность статьи Жуковского в этом плане весьма символична.

[1] *Вавилонской монархии.* — Вавилонская монархия считается первой в ряду всемирных империй.

И. Айзикова

Обозрение поведения и прилежности в учении в последние полгода 1828-го

(С. 593)

А в т о г р а ф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 3. № 1548. Л. 15—16.

В п е р в ы е: *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х годов. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 97—99.

Д а т и р у е т с я: начало 1829 г.

Комментируя речь Жуковского, произнесенную 2 февраля 1829 г. (см. в наст. изд.), Е. Э. Лямина и Н. В. Самовер замечают:

> Эту речь, обращенную к детям, дополняет следующий документ, предназначенный для сведения императора и императрицы. Он написан рукой Жуковского, но содержащиеся в нем характеристики троих товарищей, несомненно, обобщают наблюдения всех педагогов (Лямина, Самовер. С. 96).

Очевидно, что текст этого «документа» может быть датирован началом 1829 г., так как был связан с предстоящим экзаменом, на котором присутствовали родители великого князя.

[1] Высший балл (номер) в приводимом табеле — единица; низший — тройка.

[2] «Учебную тетрадь Иосифа [Виельгорского] “English phrases”, датированную маем 1828 г., см.: ОПИ ГИМ. Ф. 342. № 110» (Лямина, Самовер. С. 97. Примеч. 45).

[3] Прочерк у Паткуля в графе: «в законе (Божием)» объясняется тем, что, в отличие от великого князя и Виельгорского, он исповедовал лютеранство и поэтому не занимался с православным священником.

[4] *…вносить деньги в кассу благотворения…* — См. примеч. к «Педагогическим речам» (№ II) в наст. томе.

Завещание Жуковского 25 июня 1831 года

(С. 596)

А в т о г р а ф ы:

1) РО ИРЛИ (собрание А. Ф. Онегина). № 27814. Л. 1—3 — беловой.

2) Там же. Л. 4 — черновой набросок.

Кроме того там же (л. 5—6) сохранился набор несостоявшейся публикации в журнале «Русский архив», которому предшествует надпись синим карандашом рукою Онегина: «Завещание В. А. Жуковского 1831», справа на полях также синим карандашом: «Набрано для Р. Архива, но не напечатано».

В п е р в ы е: Пушкин и его современники: Сборник научных статей. Вып. 5 (44). СПб.: «Нестор-История», 2009. С. 99—120. Вступит. ст. и публ. Л. Е. Мисайлиди.

Д а т и р у е т с я: 25 июня 1831 г.

Среди материалов семейного архива Василия Андреевича Жуковского, поступивших в Пушкинский Дом в 1928 г. в составе собрания А. Ф. Онегина, находится папка с завещаниями поэта (РО ИРЛИ. № 27814). Завещание, или духовная, — это документ, содержащий часто уникальные сведения (как правило, биографического характера), которые ранее по разным причинам не могли быть известны. В значительной степени это относится и к духовным Жуковского.

Первое из известных нам завещаний было составлено поэтом в 1826 г. перед отъездом в Германию для лечения (ПЖТ. С. 212). Хотя в письмах Жуковский пытался описывать свое состояние здоровья с юмором, тем не менее в одном из них

он отмечал: «едва таскаю ноги» (УС. С. 43). Безвременная кончина в 1823 г. Марии Андреевны Мойер, сыгравшей исключительную роль в биографии и творчестве поэта, по-видимому, изменила его отношение и к духовной как к документу. Быть готовым ко всему: обо всем и обо всех позаботиться, никого не забыть, никого не обременить — в этом весь Жуковский.

Долгое время не имея семьи, поэт был особенно привязан к своей крестнице Александре Андреевне Воейковой, глубоко несчастной в браке и всецело зависевшей от своего крестного. Не случайно в завещании 1826 г. Жуковский, прежде всего, думал о «Светлане»: «Оставляю все Александре Андреевне. Дать ей на выбор, что кому от меня подарить на память» (ПЖТ. С. 212).

Следующее по времени завещание датируется 25 июня 1831 г. (РО ИРЛИ. № 27814. Л. 1—4). Составлялось оно перед поездкой Жуковского в Ревель, где он собирался принимать морские ванны и поработать вдали от суеты придворной жизни. Еще 24 мая 1831 г. в письме к своей племяннице Анне Петровне Зонтаг поэт писал: «Я, между тем, скоро отправлюсь на морские ванны» (УС. С. 107). Из письма к Александру Ивановичу Тургеневу, написанного в конце июля или начале августа 1831 г., мы узнаем, что Жуковский «собрался было ехать в Ревель и там, конечно, в тени Катериндальских каштанов, под шепот уединения, много бы написал, но холера всему помешала» (ПЖТ. С. 256). Начало 1831 г. сопровождалось для поэта большим творческим подъемом: в это время были написаны «Отрывки из испанских романсов о Сиде», сделаны переводы из Ф. Шиллера, Л. Уланда, Вальтера Скотта и др. Творчеством Жуковский предполагал заняться и в Ревеле. Впрочем, как известно, и в Царском Селе, куда двор переехал из Петергофа, Жуковского не оставляло вдохновение. Возможно, этому способствовало и близкое общение с Пушкиным и его молодой женой, которые жили на даче в Царском, встречи с Гоголем и многое другое.

Содержание завещания представляет большой интерес. Главная забота Жуковского — это материальное положение дочерей умершей в 1829 г. Александры Андреевны Воейковой и отдача долгов. Кроме того, впечатляет перечень лиц, которым Жуковский хотел оставить что-то на память о себе: это не только близкие родные — Екатерина Афанасьевна Протасова, Авдотья Петровна Елагина, Анна Петровна Зонтаг, но и великий князь Александр Николаевич, великие княжны Мария Николаевна, Ольга Николаевна и Александра Николаевна, учителя и воспитатели царских детей, друзья — Александр Иванович Тургенев, Василий Алексеевич Перовский, Петр Андреевич Вяземский, Екатерина Андреевна Карамзина, Виельгорские, Александр Сергеевич Пушкин, Петр Александрович Плетнев и др. Сухой перечень лиц и вещей, среди которых упомянуты книги, картины, рисунки, литографии, альбомы, бюсты, рукописи и др., раскрывает особый мир отношений поэта с его окружением. Он помнит о вкусах и предпочтениях каждого из этих лиц. Позаботиться об исполнении завещания Жуковский просил воспитателя наследника Карла Карловича Мёрдера, своего друга Перовского и Владимира Федоровича Адлерберга. К счастью, им делать этого не пришлось.

13 (25) июня 1833 г., находясь в Швейцарии и готовясь к операции, в письме к великому князю (РО ИРЛИ. № 27732. Л. 8—9 об.) Жуковский считает необходимым «оставить завещание». Кроме необходимых материальных распоряжений, связанных с Е. А. Протасовой и детьми Воейковых, просьбы о покровительстве камердинеру Федору Титову и спутнику по путешествию и другу, будущему тестю Герхарду Рейтерну, Жуковский просит адресата зафиксировать благодарную память и любовь Государю Императору и Государыне Императрице, великим княжнам, соученикам великого князя Иосифу Виельгорскому и Александру Паткулю, К. К. Мёрдеру и всем учителям наследника, придворным дамам.

29 апреля 1837 г., перед отъездом с наследником по России, Жуковский вновь пишет духовное завещание (РО ИРЛИ. № 27814. Л. 7—8). Текст его написан рукой писаря с подписью и припиской Жуковского и засвидетельствован Александром Александровичем Кавелиным и Дмитрием Николаевичем Блудовым. В этом документе несколько пересмотрены вопросы наследования, поскольку изменилось материальное положение Жуковского, и в то же время появляется новое лицо — дочь Марии Андреевны Мойер девица Екатерина Ивановна Мойер. Ей было завещано все движимое имущество, «за исключением вещей, которые могут быть мною особенно назначены кому-либо другому», а также «исключительное право в течение 25 лет со дня смерти моей печатать и издавать мои сочинения в стихах и прозе» (ИРЛИ. № 27814. Л. 7 об.). К сожалению, в тексте отсутствует перечень лиц и памятных вещей, которые им предназначались, нет для этого и особого списка. Основной текст завещания 1837 г. с небольшими изменениями оставался в силе и к началу заграничного путешествия с наследником в 1838 г. (оно продолжалось с 3 мая 1838 г. по 23 июня 1839 г.).

В начале 1840 г. поэт вновь готовился к путешествию, которое началось 5 марта 1840 г. В тот же день он писал Е. А. Протасовой:

> Нынче в 10 часов отправляюсь за границу вместе с великим князем. Последняя и важная наша дорога вместе. Возвращусь в конце августа. Этот срок не далек. Буду писать вам непременно с места. — Теперь о делах. В этом тексте найдете: опись подробную состояния всех ваших капиталов, которую прошу хранить. 2) Письмо Шамбо (его прев<осходитель>ство Иван Павлович Шамбо), которому под сохранение я отдал все ломбардные билеты, все векселя и мою духовную. Это вам надобно знать. 3) Билет… лотереи, который еще ничего не выиграл и возвращается. 4) При всем этом моя рожа, из которой прошу сделать лотерею. — Маша здорова, я вчера с нею простился. — Простите и вы; еще ко мне воздушный житель не постучался… (*Соловьев*. Т. 2. С. 83).

Духовная, о которой идет речь в этом письме, представляет собой текст завещания 1837 г. с небольшими дополнениями и новой датой — 26 февраля 1840 г.

Уезжая в это путешествие, Жуковский и не предполагал, что его жизнь неожиданно и кардинально переменится: 3 (15) августа поэт стал женихом Елизаветы Рейтерн, дочери художника и друга Жуковского Герхарда фон Рейтерна.

Новые обстоятельства заставили Жуковского в октябре 1840 г. составить очередное завещание (РО ИРЛИ. № 27814. Л. 11—14): теперь он должен был позаботиться о собственной семье. По новому завещанию его основной наследницей становится невеста поэта Елизавета Рейтерн. Впрочем, даже в этих обстоятельствах Жуковский закрепил за сестрами Воейковыми право издавать и печатать его сочинения. В то же время Екатерине Ивановне Мойер назначены только портфели с эстампами и литографиями. Возможно, это было вызвано желанием отца Екатерины Ивановны, Ивана Филипповича Мойера, отказаться от какого-либо наследства в пользу сестер Воейковых. Несколько неожиданным в этом завещании является назначение библиотеки поэта Андрею Александровичу Воейкову, душевнобольному сыну крестницы Жуковского. По всей видимости, в данном случае речь идет о библиотеке как о некоей ценности, которую можно продать, обеспечив материальное положение единственного сына «Светланы». Вместе с тем вполне понятным оказывается желание Жуковского оставить свою коллекцию рисунков другу и почти родственнику Рейтерну. Завещание 1840 г. представлено и в черновом варианте, где наиболее интересным для нас является реестр памятных вещей и лиц, которым они были назначены. Число их по сравнению с завещанием 1831 г. увеличилось, а состав, естественно, изменился. К сожалению, черновик читается очень плохо, поэтому информация является далеко не полной. Среди завещанных памятных вещей появляются «гроб Маши», «гроб Саши», «бюст Пушкина», «бюст Брюллова», «виды Швейцарии», «виды Рима», а среди новых лиц — Александр Михайлович Тургенев и его дочь Ольга, Иосиф Радовиц и др.

Существовало еще одно завещание Жуковского, написанное в конце 1847 г. О нем известно из письма поэта к Карлу Карловичу Зейдлицу от 31 декабря 1847 г. Получено же оно Зейдлицем было уже после смерти Жуковского. Жуковский писал своему другу:

> Мой милый Зейдлиц, пишу к тебе живой, но получишь письмо от мертвого. Если бы письмо мое было адресовано из того края, где я буду в то время, когда ты его будешь читать, то я бы что-нибудь тебе сказал об этом таинственном крае; но я пишу к тебе, еще будучи жителем земли. <…> …помышляя о своем отбытии в тот край, но не зная, когда его срок наступит, забочусь о своих, которые, вероятно, позже меня покинут край здешний, и хочу исполнить свою обязанность, устроив с человеческим предусмотрением их будущее, которое Бог устроит по-своему и лучше, нежели я (*Зейдлиц.* С. 254—255).

Собственно, это были два идентичных завещания: одно на немецком языке, другое на русском. Точного содержания этих документов мы не знаем. В письме Жуковский оставлял попечителем своих детей самых доверенных лиц — Карла Карловича Зейдлица в России и Иосифа Радовица в Германии. Зейдлицу поручалось наблюдение за ходом издания сочинений Жуковского, их продажей и вложением вырученных денег для составления капитала детям поэта. Особо Жуковский просил его сохранить движимое имущество, оставленное в России и хранящееся

в Мраморном дворце: картины, гипсы, гравюры, книги. «Все это должно быть сохранено жене моей, кроме бумаг, которые должны быть преданы сожжению» (*Зейдлиц*. С. 256).

Каждое из этих завещаний отражает определенный этап жизненной биографии поэта, но многие реалии повторяются в каждом из них. Поэтому редакционная коллегия решила опубликовать одно из них, датируемое 25 июня 1831 г., которое является своеобразным репрезентантом всех остальных.

[1] Сохранилось письмо Жуковского к Александре Андреевне от 4 февраля 1829 г., которое ей уже не суждено было прочитать, где крестный, зная о ее близком конце, успокаивал «Светлану»:

> Не беспокойся об участи своих детей. Мы их усыновляем — я, Перовский и Полина (Толстая). Государыня не забудет их, положись на ее сердце. Катя и Саша, надеюсь, могут жить со мною. Я постараюсь найти надежную особу, которая могла бы наблюдать за ними. Полина может взять на себя заботы о Маше (*Зейдлиц*. С. 146).

О материальном обеспечении сирот Жуковский писал Анне Петровне Зонтаг 24 мая 1831 г.:

> У меня на руках три дочки: Катя, Саша и Маша. Надобно всем заблаговременно составить кусок. По расчету моему, при теперешнем доходе моем в четыре года будет все устроено: <…> дети будут иметь капиталы: Катя более 45 000, Саша 40 000, Маша 25 000. Разумеется, что сии капиталы не из одних моих денег составятся, но это верно, если только я жив буду (УС. С. 107).

По завещанию Жуковского 1837 г. сестры Воейковы были единственными наследницами его недвижимого имущества, им же назначались «арендные деньги по 3 000 рублей серебром в год» (РО ИРЛИ. № 27814. Л. 8).

[2] 29 мая 1831 г. Жуковскому была пожалована аренда по чину, так как 30 августа 1830 г. он был произведен в действительные статские советники. Аренда 1831 г. носила временный характер, в отличие от пожизненной аренды, которой он был пожалован 20 апреля 1834 г.

[3] Возможно, именно о нем писала в своих воспоминаниях А. О. Смирнова-Россет:

> У него тогда (в 1830 г. — *Л. М.*) был камердинер Федор (который жил прежде у Александра Ивановича Тургенева) и вовсе не смотрел за его вещами, так что у него всегда были разорванные платки носовые, и он не только не сердился на него, но всегда шутил над своими платками (*Смирнова-Россет А. О.* Из воспоминаний о Жуковском и Пушкине // Жуковский в воспоминаниях. С. 247).

[4] *Фреймунд Петерсен* — сын трагически погибшего дерптского поэта Карла Петерсена (Petersen; 1775—1822), приятеля Жуковского и Мойера, племянник Г. Г. Петерсена (см. примеч. 5). Вскоре после смерти друга, 9 января 1823 г. Жуковский писал М. А. Мойер:

> Пока буду жив, сын Карлов будет иметь во мне и помощника и друга. Теперь для меня только это ясно — все прочее заключено в этом: Мойер опекун малютки, и в этом что-то для меня возвышенное, товарищество с Мойером святое дело. (*Соловьев*. Т. 2. С. 76).

В пользу Ф. Петерсена поэт готовил издание своих видов Павловска, которое должно было продаваться по подписке (Шесть видов Павловска, срисованных с натуры В. Жуковским оконченных и выгравированных Кларою (в Дерпте). СПб., 1824). Ф. Петерсен упомянут Жуковским и в завещании 1837 г.

[5] *Георг Густав* (Евстафий Федорович) *Петерсен* (Petersen; 1782—1839) — лифляндский губернский прокурор.

[6] По-видимому, имеется в виду Фридрих Вильгельм Ремберт фон Берг (1794—1874) — граф, лифляндский генерал, писатель.

[7] *Софья Андреевна Козлова* (урожд. Давыдова; ум. 1867) — жена поэта И. И. Козлова (1779—1840), которому Жуковский оказывал всяческую поддержку и помогал с изданием произведений. Близким другом Козлова была А. А. Воейкова.

[8] Возможно, Иоганн (Иван Иванович) Тишнер — купец, живший в Петербурге.

[9] Во время пребывания А. А. Воейковой за границей в 1827—1829 гг. Жуковский неоднократно посылал деньги своей крестнице. Возможно, эта помощь осуществлялась из суммы, предоставленной императрицей.

[10] *Василий Андреевич Проташинский* — поэт, переводчик. Незаконный сын А. И. Протасова, сводный брат М. А. и А. А. Протасовых. Учился в Московском благородном пансионе вместе с Н. И. Тургеневым. Имел трех дочерей и двух (?) сыновей.

[11] Имеется в виду Екатерининский институт в Москве, учрежденный в 1803 г. для девиц благородного происхождения (см.: Путеводитель по Москве, изданный Сергеем Глинкою, сообразно французскому подлиннику Г. Леконта де Лаво. М., 1824. С. 232—235). На 1824 г. в институте числилось 242 воспитанницы, из них 143 платили за обучение по 700 рублей.

[12] *Константин Яковлевич Булгаков* (1782—1835) — тайный советник, с 1819 г. по 1835 г. — петербургский почтовый директор, с 1831 г. — управляющий почтовым ведомством. Близкий приятель А. И. Тургенева, П. А. Вяземского, Жуковского.

[13] *Степан Петрович Жихарев* (1787—1860) — писатель, драматург, переводчик, мемуарист. Воспитывался в Московском благородном пансионе. Был обер-прокурором Сената и сенатором, в конце жизни — председатель Театрально-литературного комитета в Петербурге. Его литературные опыты успеха не имели. Известен как автор записок «Дневник студента» и «Дневник чиновника». С молодых лет был близок к театральным и литературным кругам. Член «Арзамаса», где имел прозвище Громобой. Был близким приятелем А. И. Тургенева и во время его отсутствия в России занимался имущественными делами братьев Тургеневых.

[14] Имеется в виду кабинет в квартире Жуковского в Шепелевском дворце, где поэт жил с 1827 г. Переезд состоялся в отсутствие Жуковского. Посетившая новую квартиру поэта Воейкова красочно ее описала в письме от 1 декабря 1826 г.:

Комнат у тебя четыре, в анфиладе, из коих одна огромная, с прелестным камином (будущий кабинет. — *Л. М.*) — потом две сбоку — потом одна сбоку — с русской печью (*Соловьев*. Т. 2. С. 18).

[15] Большой кабинет в квартире Жуковского в Шепелевском дворце изображен на картине «Субботнее собрание у В. А. Жуковского» работы Г. К. Михайлова, А. Н. Мокрицкого и других художников школы А. Г. Венецианова (1834—1836 гг.). Находилась в имении Вяземских Остафьеве, с 1938 г. — в собрании Пушкинского Дома, с 1953 г. — во Всероссийском музее А. С. Пушкина.

[16] Друг и биограф Жуковского К. К. Зейдлиц, описывая кабинет поэта, который он называл «мастерской просвещенного художника», указал и на «гипсовые слепки античных голов» (*Зейдлиц*. С. 144).

[17] В программе обучения наследника большое место отводилось различным учебным пособиям, среди которых были карты, знаменитые исторические таблицы, учебные рисунки и т. д.

[18] *Фридрих-Вильгельм* (1795—1861) — кронпринц прусский, любимый брат императрицы Александры Федоровны, с 1840 г. — король Пруссии Фридрих-Вильгельм IV. По свидетельству К. К. Зейдлица, Жуковский познакомился с принцем в 1818 г. в Москве, встречался с ним в 1820—1821 гг. в Берлине, где и зародилась дружба между будущим королем и поэтом. Несомненно, сближение произошло на почве искусства: кронпринц также рисовал, увлекался архитектурой. Большой интерес представляет их переписка, опубликованная в журнале РБ (1902. № 7—8. С. 134—199). В завещании, по-видимому, имеется в виду первый вариант бюста прусского кронпринца работы знаменитого немецкого скульптора Х. Д. Рауха (Rauch; 1777—1857), выполненный в 1823 г. Среди подарков Фридриха-Вильгельма Жуковскому был круглый стол, расписанный кронпринцем (см. письмо И. В. Киреевского к родным от 12 января 1830 г. — Жуковский в воспоминаниях. С. 263). В переписке поэта и его берлинского друга упомянуты также роскошное издание собрания сочинений короля Фридриха Великого, подаренное в сентябре 1850 г., альбом с литографированными видами Потсдама и портрет Фридриха-Вильгельма работы художника прусского королевского дома И. С. Отто (Otto; 1798—1878), преподнесенные Жуковскому в день его рождения 29 января 1851 г.

[19] Без сомнения, имеется в виду альбом, подаренный Жуковскому Фридрихом-Вильгельмом в 1825 г. со следующей дарительной надписью: «Meinem lieben Goukowsky zum Andenken von freundes Hand. Friedrich Wilgelm Kronprinz v<on> Preussen. Berlin. 4 Februar 1825» («Моему любимому Жуковскому на память от дружеской руки. Фридрих-Вильгельм, наследник прусский. Берлин. 4-го февраля 1825»). Желание передать альбом наследнику поэт осуществил в 1834 г., сделав надпись под текстом кронпринца:

Эту книгу, особенно мне драгоценную по той надписи, которая на ней сделана, — приношу вам, мой бесценный великий князь, для того, чтоб вы записывали в ней такие только мысли, кои наиболее могут быть вам полезны в жизни и из коих

можете со временем составить для себя коренные, весьма немногие, но необходимые правила поступков как нравственных, так и государственных, а какие это правила, то скажет вам наука, ум, сердце и опыт.

Жуковский. 22-го апреля 1834.

Подарок был сделан Жуковским в день Пасхи и присяги наследника. Подробнее об этом см.: *Фомин А. А.* Альбом, подаренный Фридрихом-Вильгельмом, наследником прусским, Василию Андреевичу Жуковскому // РС. 1902. № 4. С. 167. См. также: Альбомная запись «Христос воскресе!» в наст. томе.

[20] Жуковский имеет в виду бюст императрицы Александры Федоровны работы скульптора Х. Д. Рауха, который стоял на его письменном столе (конторке) в большом кабинете. Бюст был выполнен в Германии в 1816 г., когда Александра Федоровна была еще принцессой Шарлоттой. На картине «Субботнее собрание у В. А. Жуковского» на конторке хорошо виден бюст императрицы с венком белых роз у постамента под стеклянным колпаком.

[21] По-видимому, имеется в виду альбом, изданный на немецком языке: «Lalla Ruck. Ein Festspiel mit Gesang und Tanz. Aufgeführt auf dem Königl. Schlosse zu Berlin am 27-sten Januar 1821 bei der Anwesenheit I. 1. R. K. K. H. H. des Grossfürsten Nicolaus und der Grossfürstin Alexandra Feodorowna. Mit 23 colorierten Kupfern. Berlin, 1822» — либо его французский вариант. В альбоме был запечатлен знаменитый праздник в Берлине, устроенный в честь великого князя Николая Павловича и великой княгини Александры Федоровны, представляющий собой живые картины с музыкой и танцами на сюжет поэмы Т. Мура «Лалла Рук». Роль Лалла Рук исполнила Александра Федоровна, роль Алириса — Николай Павлович. Подробнее об этом см.: *Алексеев М. П.* Томас Мур и русские писатели XIX века // *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982. С. 658—675 (ЛН. Т. 91).

[22] По всей видимости, речь идет о гипсовом бюсте великого князя работы немецкого скульптора Х. Д. Рауха (1829), который был выполнен во время пребывания наследника вместе со своими товарищами, наставниками и августейшими родителями в Берлине.

[23] Речь идет о Юлии Федоровне Барановой (урожд. Адлерберг; 1789—1864) — статс-даме, сестре В. Ф. Адлерберга, воспитательнице великих княжон. Занималась также воспитанием великого князя Александра Николаевича до шестилетнего возраста. Приятельница Жуковского. Письма поэта к Барановой, опубликованные в журнале РС (1902. № 4. С. 121—133), проиллюстрированы шуточными рисунками, а по форме представляют собой так называемую «галиматью».

[24] *Шарлотта Карловна Дункер* — помощница воспитательницы великих княжон Ю. Ф. Барановой, дочь полковника.

[25] Имеется в виду Генриетта Егоровна Гэлидей, значившаяся в Придворном календаре на 1832 г. по списку от 9 декабря 1831 г. помощницей воспитательницы великих княжон.

[26] *Мария Васильевна Касовская* (Косовская) преподавала английский язык великим княжнам и великим князьям Константину и Николаю Николаевичам.

[27] Константин Николаевич (1827—1892) — второй сын Николая I и императрицы Александры Федоровны. Учение великого князя велось по плану, составленному Жуковским. С детства ему была предназначена служба во флоте. Начал службу в 1831 г. С 1856 г. возглавлял Морское министерство и военно-морской флот.

[28] *Фридрих Каспар Давид* (Friedrich; 1774—1840) — знаменитый немецкий художник эпохи романтизма, один из самых любимых художников Жуковского, с творчеством которого поэт познакомился в 1820 г., а в 1821 г. побывал в его мастерской в Дрездене. Жуковский приобретал картины Фридриха для себя и для царской семьи. В письмах И. В. Киреевского к родным можно найти описание картин Фридриха, которые он видел в январе 1830 г. в квартире Жуковского в Шепелевском дворце (см.: Жуковский в воспоминаниях. С. 263). Согласно реестру картин, бюстов и т. д., оставленных Жуковским при отъезде в Германию на сохранение в Мраморном дворце, там находилось 8 картин Фридриха (Архив Государственного Эрмитажа. Оп. 1. №. 83. Л. 14). В списке рисунков коллекции Жуковского, которые он предлагал купить Фридриху-Вильгельму IV, значится 50 рисунков Фридриха (см.: РБ. 1912. № 7—8. С. 174).

[29] Возможно, речь идет о копии с какого-нибудь известного оригинала. Такой «список» мог быть привезен Жуковским в 1822 г. из поездки в Германию в свите великой княгини Александры Федоровны. Тогда поэту удалось посетить не только Швейцарию, но и северную Италию, в частности Милан. В 1827 г. Жуковский вновь жил в Германии, побывал в Париже.

[30] *Мария Маргарета* (Цецилия Александровна) *Вильдермет* (1777—1839) — швейцарка, гувернантка прусской принцессы Шарлотты (в будущем великой княгини Александры Федоровны), фрейлина. По-видимому, поэт познакомился с ней в Москве в 1817 г., ближе сошелся в Германии в 1820 г., оставив следующее суждение о ней в дневнике:

> У ней много ума, и при нем есть какое-то детское простосердечие (ПССиП. Т. 13. С. 148).

M-elle Вильдермет часто бывала в России и находилась в самых дружеских отношениях с поэтом. По свидетельству А. О. Смирновой-Россет,

> [Жуковский] всегда очень любил и уважал фрейлину Вильдермет, бывшую гувернантку Александры Федоровны, через которую он часто выпрашивал деньги и разные милости своим protégés, которых у него была всегда куча. M-elle Вильдермет была точно так же не сведуща в придворных хитростях, как и он: она часто мне говорила: «Joukoffsky fait souvent des bévues; il est naïf, comme un enfant» [Жуковский часто попадает впросак: он наивен, как дитя — *франц.*], — и Жуковский точно таким же образом отзывался об ней (Жуковский в воспоминаниях. С. 247).

[31] Письма Александры Федоровны к своему учителю находились в собрании А. Ф. Онегина, в настоящее время хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (РО ИРЛИ. № 27904). Опубликованы П. И. Бартеневым (РА. 1897. Т. 1. № 4. С. 493—512).

[32] О какой «Мадонне» идет речь, не совсем ясно. Возможно — о копии с «Сикстинской Мадонны» Рафаэля. По свидетельству И. В. Киреевского, в одной из комнат квартиры Жуковского, где висели картины К. Д. Фридриха, «между дверью и окном Мадонна с Рафаэлевой — чей-то подарок» (Жуковский в воспоминаниях. С. 263).

[33] *Мария фон Клейст* (Kleist, урожд. Гвалтиери (Gualtiere); 1761—1831) — кузина немецкого писателя Г. фон Клейста, хозяйка литературного салона в Берлине, который посещал Жуковский в 1820—1822 гг. 21—22 мая 1829 г. Жуковский побывал в замке князей Радзивиллов в Антонине, где встретился со своей старой берлинской приятельницей, которая подарила ему экземпляр поэмы «Наль и Дамаянти» в переводе Ф. Рюккерта (Nal und Damajanti. Eine indische Geschichte bearbeitet von Friedrich Rückert. Frankfurt, 1828), благословив его на перевод. В настоящее время книга находится в библиотеке поэта (Описание. № 1986).

[34] *Луиза* (Лулу) *Стош* (урожд. фон Клейст; 1800—1855) — дочь Марии фон Клейст, с которой Жуковский встречался в салоне ее матери. Позднее Жуковский вспоминал:

> Мы породнились душою в то время, когда я жил в Берлине (1821 г.). Там я познакомился с ее матерью и с нею. Мать ее была несравненная женщина; я любил ее детски, она любила меня матерински; ее уже нет. Дочь создание несравненное; она теперь замужем, мать семейства; пишет ко мне письма несравненные (УС. С. 60—61). Сохранились мемуарные свидетельства об увлечении поэта Лулу (см.: ПССиП. Т. 13. С. 498).

[35] На полях рукописи рукой А. Ф. Онегина: «Он у меня. А. Онегин». О каком альбоме Воейковой идет речь, установить не удалось.

[36] *Иван Александрович Рушковский* (ок. 1764—1832) — помощник московского почт-директора, с 1820 г. московский почт-директор.

[37] В кабинете Жуковского над его письменным столом висел портрет Марии Андреевны работы дерптского художника К. А. Зенфа (Senff; 1770—1836), заказанный художнику Жуковским после ее смерти и исполненный в 1824 г. Портрет был увезен Жуковским в 1841 г. в Германию вместе с изображениями могил М. А. Мойер и А. А. Воейковой. Историю его бытования см.: *Мисайлиди Л. Е.* О судьбе портретов из Уткинского архива: (К истории формирования фонда Жуковского в Пушкинском Доме) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003—2004 гг. СПб., 2007. С. 178—180.

[38] Имеется в виду книга известного немецкого проповедника, магдебургского епископа Иоганна Генриха Бернхарда Дрезеке (1774—1849) «Вера, любовь, надежда. Руководство для молодых друзей и подруг Иисусовых» (*Dräseke J. H. B.* Glaube, Liebe, Hoffnung. Ein Handbuch für junge Freunde und Freundinnen Jesus. 2 Aufl. Luneberg, 1814), подаренная Жуковским М. А. Протасовой 12 мая 1815 г. в Дерпте. На полях рукописного текста рукой А. Ф. Онегина: «Она у меня. А. Онегин».

В настоящее время книга хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (РО ИРЛИ. № 27808). Переплетенная, как и пишет Жуковский, с чистыми листами, книга должна была служить основным духовным чтением для Марии Андреевны. Белые страницы предназначались для перевода и размышлений по поводу прочитанного (частично заполнены). Книгу читала и А. А. Воейкова (см. ее письмо Жуковскому от 13 ноября 1819 г. — УС. С. 233). Любопытно, что в период увлечения С. А. Самойловой Жуковский также подарил ей книгу Дрезеке (об этом см.: Кульман. С. 35—38).

[39] В письме к А. И. Тургеневу от 15 сентября 1809 г. из Белева Жуковский писал:

> Я надеюсь, что ты непременно доставишь мне бюст Ивана Петровича. Этот подарок будет для меня очень важен (ПЖТ. С. 51).

[40] На полях рукописи красным карандашом рукой Онегина: «Где?» Этот экземпляр «Истории» Карамзина отсутствует в библиотеке В. А. Жуковского. В черновом наброске завещания упомянута «Блудова рукопись». Рядом с записью рукой Онегина: «Она у меня. А. Онегин». Возможно, речь идет о «Тетради с заметками, мыслями и изречениями», хранящейся ныне в Рукописном отделе Пушкинского Дома (РО ИРЛИ. № 28535).

[41] Жуковский глубоко почитал Карамзина и переживал смерть старшего друга, о которой, находясь в Германии, узнал 11 июля 1826 г. из газет. Портрет Карамзина хорошо виден на картине «Субботнее собрание у Жуковского»: он висит над письменным столом Жуковского под портретом М. А. Мойер.

[42] Предназначавшийся А. С. Пушкину бюст Шиллера можно видеть на картине «Субботнее собрание у В. А. Жуковского» на переднем плане слева на шифоньере. Это один из самых известных бюстов молодого Шиллера, выполненный в 1794 г. немецким скульптором Иоганном Генрихом фон Даннекером (Dannecker; 1758—1841). Слева от него видна статуэтка И. В. Гете работы Х. Д. Рауха (1829).

[43] *Михаил Юрьевич Виельгорский* (1788—1856) — граф, гофмейстер двора. Композитор и музыкальный деятель, меценат, известный масон. Был одним из образованнейших людей своего времени. Как и все семейство Виельгорских, находился в дружеских отношениях с Жуковским. В черновом варианте завещания Жуковский упоминает и других членов этой семьи: брата Михаила Юрьевича, Матвея, жену Луизу Карловну и старшего сына Иосифа, товарища наследника. Так, Иосифу Жуковский завещал портрет наследника, а Луизе Карловне — «Раухову группу» (то есть скульптуру работы Х. Д. Рауха).

[44] *Александр Владимирович Паткуль* (1817—1877) — товарищ наследника, обучался вместе с ним и Иосифом Виельгорским. Обладал, в отличие от Виельгорского, средними способностями. В то же время был открытого нрава, добросердечен. Подробнее о нем и его товариществе с великим князем см.: *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* Бедный Жозеф: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999.

[45] *Карл Бернхард* (Карл Антонович) *Триниус* (von Trinius; 1778—1844) — академик, ботаник, в 1829—1834 гг. преподавал наследнику естественную историю.

[46] Флориан Антонович Жиль (Жилль) (Gille; 1801—1865) — гувернер наследника, преподавал ему французский язык и географию, впоследствии директор Эрмитажной библиотеки. Подробнее о нем см.: *Павлова Ж. К.* Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб., 2010.

[47] *Семен Алексеевич Юрьевич* (1798—1865) — штабс-капитан Измайловского полка, преподаватель Первого кадетского корпуса, с 1826 г. помощник воспитателя великого князя: преподавал ему польский язык, также фортификацию и артиллерию, заведовал физическим воспитанием наследника и его соучеников. В 1839 г. — флигель-адъютант. Юрьевич был талантливым педагогом: его дневник, хранящийся в ГАРФе, содержит тонкие психологические характеристики его воспитанников (подробнее об этом см.: Лямина, Самовер. С. 80—83). Преданный своему питомцу, Юрьевич бережно собирал «заповедные» вещи, относящиеся к Александру Николаевичу и составившие потом основу его коллекции: конногвардейский мундирчик пятилетнего наследника, карту России, рисованную его рукой и др.

[48] *Фридрих Леберехт* (Федор Иванович) *Липман* (Lipman; 1784—1854) — историк, статистик, доктор Берлинского университета. С февраля 1829 г. читал историю зарубежных стран наследнику и его товарищам.

[49] *Иван Павлович Шамбо* (1783—1848) — секретарь императрицы Александры Федоровны. Обучал наследника немецкому языку.

[50] Возможно, имеется в виду Василий Петрович Крейтон, лейб-медик при наследнике и великих княжнах.

[51] *Иоганн, фон Мюральт* (Мюральт) (Murait; 1780—1850) — пастор реформатской церкви, с 1811 г. содержал пансион в Петербурге. Ученик и последователь знаменитого швейцарского педагога Песталоцци. Помогал Жуковскому при подборе преподавателей для великого князя. Находился в дружеских отношениях с Жуковским и А. И. Тургеневым.

[52] *Эдуард Альберт Христофор Людвиг* (Эдуард Давыдович) *Коллинз* (Коллинс) (Collins; 1791—1840) — академик, математик; преподавал наследнику математику и физику.

[53] *Герасим Петрович Павский* (1787—1863) — доктор богословия, лингвист. С 1826 по 1835 г. — законоучитель и духовник наследника и его товарищей (был избран на должность самим императором). В прошлом активный деятель Библейского общества, Павский был человеком широких воззрений, отличался терпимостью к другим ветвям христианства. Из-за разногласий с митрополитом Московским Филаретом был отстранен от своей должности при наследнике и заменен протоиереем Баженовым. Жуковский безуспешно пытался заступиться за Павского.

[54] *Александра Андреевна Толстая* (1817—1904) — графиня, фрейлина великой княжны Марии Николаевны, двоюродная тетка Л. Н. Толстого. Известно, что А. А. Толстая в течение всей жизни была предана графу В. А. Перовскому. Предназначавшийся ей «портрет Перовского Брюло» — это, по всей вероятности, акварель А. П. Брюллова 1824 г. «В. А. Перовский в Сорренто», подаренная сыном поэта

П. В. Жуковским А. Ф. Онегину (с 1928 г. в собрании музея Пушкинского Дома). Подробнее о ней см.: «Тень Пушкина меня усыновила…»: Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина: Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997. С. 78.

[55] *Илья Иванович Глазунов* (1786—1849) — петербургский книгопродавец и издатель. К 1831 г. вышло три издания «Стихотворений Василия Жуковского», последнее — в 1824 г.

[56] *Александр Филиппович Смирдин* (1795—1857) — петербургский книгопродавец и издатель, владелец знаменитой книжной лавки. Следующее, четвертое, собрание сочинений Жуковского издавалось Смирдиным (Стихотворения Василия Жуковского. СПб., 1835—1844. Т. 1—9). В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится договор Жуковского со Смирдиным 1833 г. (РО ИРЛИ. № 27823).

[57] Первый том четвертого, смирдинского, издания «Стихотворений Василия Жуковского» вышел с портретом Жуковского на фронтисписе. Это гравированный портрет Т. Райта по собственному рисунку 1835 г. О каком портрете, хранившемся у Е. А. Протасовой, пишет Жуковский, неясно.

Л. Мисайлиди

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архивохранилища

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).
НБ ТГУ — Научная библиотека Томского государственного университета.
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.
РО ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург).
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва), ф. 198 (В. А. Жуковский).
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва), ф. 104 (В. А. Жуковский).
РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).
РНБ — Российская Национальная библиотека (С.-Петербург), ф. 286 (В. А. Жуковский).

Печатные источники

АбТ — Архив братьев Тургеневых. СПб.: Изд. Отд. рус. яз. и словесности Рос. академии наук, 1911—1921. Вып. I—VI.
Айзикова — *Айзикова И. А.* Жанрово-стилевая система прозы В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Томского университета, 2004.
Анненков — *Анненков П. В.* Парижские письма. М.: Наука, 1983.
Арзамас–1 — Арзамас и арзамасские протоколы / Ввод. ст., ред. протоколов и примеч. к ним М. С. Боровковой-Майковой; Предисл. Д. Благого. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.
Арзамас-2 — «Арзамас»: Сборник в 2 кн. М.: Худ. лит., 1994.
Афанасьев — *Афанасьев В.* Жуковский. М.: Мол. гвардия, 1986. Серия «Жизнь замечательных людей».
Барсуков — *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1901. Кн. 1—22.
Батюшков — *Батюшков К. Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1989.
БдЧ — Библиотека для чтения.
Белинский — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959.
БЖ — Библиотека В. А. Жуковского в Томске: В 3 ч. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978—1988.
БЗ — Библиографические записки.

БиП — Баллады и повести, сочинение В. А. Жуковского: В 2 ч. СПб., 1831.

Бумаги Жуковского — *Бычков И. А.* Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Имп. Публичную библиотеку в 1884 г. // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1884 г. Приложение. СПб., 1887.

ВЕ — Вестник Европы.

Веселовский — *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.

Виницкий — *Виницкий Илья.* Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

ВЛ — Вопросы литературы.

Вяземский — *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 1—12. СПб., 1878—1896.

Гиллельсон — *Гиллельсон М. И.* Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842—1852) // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1979. Л.: Наука, 1980. С. 34—75.

Гоголь — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Т. 1—14. М.; Л., 1937—1952.

Гофман — *Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926 (*Hoffmann Modeste*. Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onêguine a Paris: Notice, catalogue, extraits de quelques manuscrits. Paris, 1926).

Гузаиров — *Гузаиров Т.* Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007.

Дубровин — *Дубровин Н. Ф.* Василий Андреевич Жуковский и его отношения к декабристам // Русская старина. 1902. № 4. С. 45—119.

Ж. и русская культура — Жуковский и русская культура. Сб. научных трудов. Л.: Наука, 1987.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

Ж. в воспоминаниях — В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подг. текста, вступит. статья и примеч. О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Наука — Школа «ЯРК», 1999.

Загарин — *Загарин П. (Поливанов Л. И.).* В. А. Жуковский и его произведения. М., 1883.

Зейдлиц — *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883.

Зонтаг — *Зонтаг А. П.* Воспоминания о первых годах детства В. А. Жуковского // Русская мысль. 1883. № 2. С. 266—285.

ИВ — Исторический вестник.

Иезуитова — *Иезуитова Р. В.* Жуковский и его время. Л.: Наука, 1989.

Из дневника Андрея Тургенева — Из дневника Андрея Тургенева / Публ. и коммент. М. Н. Виролайнен // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 100—139.

Из неизданной переписки — Из неизданной переписки В. А. Жуковского с русскими литераторами 1810—1820-х годов / Публ. Р. В. Иезуитовой // Еже-

годник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. Л.: Наука, 1984. С. 78—110.

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.

ИПБ — Императорская Публичная библиотека (Санкт-Петербург; 1795—1917).

ИРДТ — История русского драматического театра: В 7 т. М.: Искусство, 1977—1987.

Канунова — *Канунова Ф. З.* Вопросы мировоззрения и эстетики В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990.

Карамзин — *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения: В 2 т. М.; Л., 1964.

Кульман — *Кульман Н. К.* Рукописи В. А. Жуковского, хранящиеся в библиотеке гр. Александра Алексеевича и Алексея Александровича Бобринских // Известия 2-го Отделения Императорской АН. Т. 5. Кн. 4. СПб., 1900. С. 1076—1145.

ЛН — Литературное наследство. М., 1931—1989. Т. 1—97.

ЛЭ — Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981.

Лямина, Самовер — *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х годов. М.: Языки русской культуры, 1999.

МВ — Московский вестник.

МТ — Московский телеграф.

НЛО — Новое литературное обозрение.

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметьева, 1899—1913. Т. I—IV / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова; 1909—1913. Т. V. Вып. 1, 2 / Под ред. и с примеч. П. Н. Шеффера.

ОЗ — Отечественные записки.

Описание — Библиотека В. А. Жуковского: Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.

Памяти Жуковского — Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. СПб., 1907—1909. Вып. 1—3.

Переводы в прозе — Переводы в прозе Василия Жуковского. М., 1816—1817. Ч. 1—5.

Переписка Гоголя — Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. М.: Худ. литература, 1988.

Переписка Жуковского и Елагиной — Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. 1813—1852 / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и коммент. Э. М. Жиляковой. М.: Знак, 2009.

ПЖТ — Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.

ПЗ — Полярная звезда.

Письма Андрея Тургенева — *Вацуро В. Э., Виролайнен М. Н.* Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Ж. и русская культура. С. 350— 393.

Плетнев — Сочинения и переписка П. А. Плетнева. Т. 1—3. СПб., 1885.

ПСС — Полн. собр. соч. В. А. Жуковского: В 12 т. / Под ред., с биографическим очерком и примеч. А. С. Архангельского. СПб., 1902.

ПССиП — Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки славянской культуры, 1999—2014. Т. 1—11, 13—14.

Пушкин — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 1—16. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937—1949.

Пушкин в восп. — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худ. лит., 1985.

РА — Русский архив.

РБ — Русский библиофил.

РВ — Русский вестник.

Ребеккини — *Ребеккини Дамиано*. В. А. Жуковский и библиотека наследника Александра Николаевича (1828—1837) // Жуковский. Исследования и материалы. Вып. 2. Сб. науч. трудов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2013. С. 77—136.

Резанов — *Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб. / Пг., 1906—1916. Вып. 1—2.

Реморова — *Реморова Н. Б.* Жуковский и немецкие просветители. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989.

РИ — Русский Инвалид.

РЛ — Русская литература.

РМ — Российский музеум.

РС — Русская старина.

Русские писатели — Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 1. А—Г (М., 1989); Т. 2. Г—К (М., 1992); Т. 3. К—М (М., 1994).

С 1 — Стихотворения Василия Жуковского: В 2 ч. [1-е изд.]. СПб., 1815—1816.

С 2 — Стихотворения Василия Жуковского: В 3 ч. 2-е изд. СПб., 1818. Ч. 4: Опыты в прозе. М., 1818.

С 3 — Стихотворения Василия Жуковского: В 3 т. 3-е изд., исправ. и умноженное. СПб., 1824.

С 4 — Стихотворения Василия Жуковского: В 9 т. 4-е изд., исправ. и умноженное. Пб.: Изд-во А. Ф. Смирдина, 1835—1844.

С 5 — Стихотворения Василия Жуковского: В 13 т. 5-е изд., исправ. и умноженное. Т. 1—9. СПб., 1849. Т. 10—13. СПб., 1857.

С 6 — Сочинения В. Жуковского / Под ред. К. С. Сербиновича. 6-е изд. СПб., 1869. Ч. 1—6.

С 7 — Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд., исправ. и доп. СПб., 1878.

С 8 — Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд., исправ. и доп. СПб., 1885.

СиН — Старина и новизна.

Смирнова-Россет — *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Подгот. С. В. Житомирская. М.: Наука, 1989. (Серия «Лит. памятники».)

СО — Сын Отечества.

Совр. — Современник.

Соловьев — *Соловьев Н. В.* История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1916. Т. 1—2.

СС 1 — *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. / Вступит. статья И. М. Семенко. М.; Л.: ГИХЛ, 1959—1960.

СС 2 — *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 3 т. / Сост., вступит. статья и коммент. И. М. Семенко. М., 1980.

СЦ — Северные цветы.

Тургенев — *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.) / Подгот. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964.

УС — Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904.

Ц. р. — Цензурное разрешение.

Шёнле — *Шёнле Андреас.* Подлинностьи вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790—1840. СПб., 2004.

Шильдер — *Шильдер Н. К.* Император Николай I, его жизнь и царствование. Т. 1—2. СПб., 1903.

Щеголев 1987 — *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. [4-е изд. / Вступит. ст. и примеч. Я. Л. Левкович]. М.: Книга, 1987

Янушкевич — *Янушкевич А. С.* В мире Жуковского. М.: Наука, 2006.

FWДН — Für wenige. Для немногих. М., 1818. № 1—6. Январь—июнь.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

Август Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н. э. — 14 н. э.), римский император 231

Август Фридрих II Сильный (1670—17330, курфюрст Саксонский, с 1697 г. король польский *749*

Август Фридрих III (1696—1763), курфюрст саксонский, польский король *846*

Августин Блаженный (354—430), церковный писатель и проповедник, один из отцов христианской церкви 384, 807, 808, 815

Авдул — Абдуллах-хан (Абдаллабек, Абдулл, 1340—1370), хан Золотой Орды в 1367—1370 гг. 172

Авраам, отец Исаака 556—561, 593, *737*, *949*, *950*

Авраамий (первая половина XV в.), епископ суздальский 201

Агарь (Агари), жена Авраама, 558, 560, *737*, *950*

Агезилай (422 — 360 до н. э.), спартанский царь, полководец и дипломат 571, 573, 962

Аглая (III в. до н. э.), жена коринфского полководца Тимофана *961*

Адам, первочеловек и отец рода человеческого 220, 221, 278, 444, 466, 592, 593, 592, 593, *712, 714, 741, 960*

Адамини Антонио (Антон Устинович; 1792—1847), русский архитектор швейцарского происхождения *798*

Адамович Георгий Викторович (1892—1972), поэт-акмеист, переводчик, литературный критик *914*

Аддисон Джозеф (1672—1719), английский писатель 287, *744*

Адлерберг Владимир Федорович (1791—1884), граф; генерал-адъютант, начальник Генерального штаба 418, 596, 598, *709, 841, 848, 976*

Адриан Публий Элий (76—138), римский император 574

Азбукин Василий Андреевич (ум. 1832), внебрачный сын А. И. Протасова, штабс-капитан *942*

Азии-Гирей — Хаджи I Герай Ангел (ок. 1397—1466), первый хан Крыма и основатель династии Гераев 210, 708

Азиз-шейх, хан Золотой Орды с 1365 по 1367 г. 173, 174

Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860), публицист, историк, поэт *732*, *819*

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859), писатель *819*, *914*

Акхозя — Ак-ходжа, посол Тохтамыша 182

Албергати Николо (1373—1443), итальянский кардинал и дипломат 202

* Указатель включает все имена из текстов Жуковского. Из примечаний взяты имена, имеющие отношение к этим текстам. Имена современных исследователей в указатель не включены. Курсивом даны страницы примечаний.

Александр I (1777—1825), российский император с 1801 г. 121, 127, 139, 331—334, 338, 339, 349, 350, 351, 352, 353, 364, 365, 369, 416, 417, 419, 516, *644, 652, 670, 674, 754, 763—768, 770, 772, 776, 782, 784, 788—791, 797, 799, 831, 842, 846—848, 895, 927, 937, 952, 971*

Александр Всеволодович (ум. 1234), князь белзский, владимиро-волынский 167, 169

Александр Македонский (356—323 до н. э.), древнегреческий полководец и государственный деятель 11, 324, 325, 347, *625*, *787*

Александр Михайлович Ордынец (ум. 1389), князь кашинский 183

Александр Невский (1220—1263), князь новгородский, великий князь владимирский 311, 312, 417, *750*

Александр Николаевич (1818—1881), старший сын Николая I, великий князь, с 1855 российский император Александр II 100, 104, 113—125, 328, 329, 352, 353, 354, 355, 366—371, 485, 486, 565—568, 582, 593—598, *650*, *660*, *668—677*, *680—681*, *710*, *722*, *736*, *738*, *730*, *742*, *750*, *753—757*, *759*, *761*, *763*, *769*, *770*, *782—784*, *788*, *791*, *793*, *797*, *799—801*, *809*, *817*, *818*, *827*, *829*, *830*, *831*, *837*, *841*, *845*, *849*, *850—853*, *861*, *863*, *864*, *872*, *898*, *912*, *913*, *917*, *921*, *927*, *929*, *930*, *932*, *948*, *949*, *954—961*, *963*, *968*, *969*, *971*, *976*, *977*, *981*, *982*, *985*, *986*

Александр Ферский (ум. 358 до н. э.), древнегреческий правитель, ферский тиран 573, *962*

Александр Фридрих Карл Вюртембергский (Alexander Friedrich Karl von Württemberg; 1771—1833), российский и австрийский генерал, брат императрицы Марии Федоровны 129

Александр Ярославич Невский (1220—1263), князь новгородский, великий князь киевский и владимирский 169, 185, 214, 311, 312, 417, *750*, *996*

Александра Николаевна (1825—1844), великая княжна, младшая дочь дочь Николая I, с 1843 г. супруга принца Фридриха Гессен-Кассельского 353, 598, *783*, *976*

Александра Павловна (1783—1801), великая княжна, дочь Павла I, с 1799 г. жена австрийского эрцгерцога, палатина Венгерского Иосифа *825*

Александра Федоровна (Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина; 1798—1860), дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III, с 1817 г. жена великого князя Николая I, российская императрица с 1825 г. 75, 113, 118, 216, 351, 353, 354, 366, 368, 371, 418, 458, 597, *644*, *646*, *647—652*, *657*, *659*, *669*, *670*, *672—674*, *680*, *758*, *769*, *783*, *784*, *791*, *[792]*, *799*, *800*, *855*, *892*, *893*, *896*, *944*, *947—949*, *951*, *952*, *958*, *977*, *979*, *980*, *982—984*, *986*

Алексей I Комнин (1056—1118), византийский император 158

Алексей Михайлович (1629—1676), российский царь с 1645 г. 138, 144, 146, *683*

Алексий (Елевферий Федорович Бяконт, ум. 1378), митрополит Киевский и всея Руси 174, 179, 185

Альбрехт Фридрих Генрих (1788—1828), принц Прусский, брат Александры Федоровны *933*

Альфри (Альфрей), учитель английского языка великого князя Александра Николаевича 103, *670*

Амвросий Медиоланский (339/340—379), церковный и политический деятель, богослов, писатель, гимнограф *799*

Амио Жак (1513—1593), французский писатель, переводчик Плутарха, педагог, церковный деятель *961*
Амурат *см.* Мурад I
Анастасевич Василий Григорьевич (1775—1845), библиограф и переводчик *636*
Андраш Венгерский (1210—1233), принц венгерский, князь галицкий 169
Андре Иоганн Антон (1775—1842), немецкий композитор и скрипач *652*
Андрей — Андраш II Крестоносец (1175—1235), король Венгрии 164, 165, 167, 169
Андрей Васильевич Большой (1446—1493), князь углицкий, звенигородский и можайский, сын Василия II 209
Андрей Васильевич Меньшой (1452—1481), князь вологодский, сын Василия II 209
Андрей Кассандрович *см.* Блудов А. Д.
Андрей Константинович (ум. 1365), великий князь суздальско-нижегородский 173
Андрей Ольгердович (1320—1399), князь псковский, полоцкий, трубчевский, лукомский 176, 179, 180, 184
Андрей Юрьевич Боголюбский (ум. 1174), князь вышгородский, дорогобужский, рязанский, великий князь владимирский 160, 161, 162, 171, 187
Анжу Петр Федорович (1797—1869), полярный исследователь, адмирал 127, *686*
Анкерштрем, шведский дворянин (XVIII в.), убийца шведского короля Густава III 395, *824*
Анна Васильевна (1393—1417), дочь московского князя Василия Дмитриевича, жена императора Византии Иоанна VIII Палеолога 196, 201, *707*
Анна Византийская (963—1011/12), византийская царевна из Македонской династии, жена киевского великого князя Владимира Святославича 153
Анна Иоанновна (1693—1740) , герцогиня курляндская, племянница Петра I, российская императрица 139, 145, *683*
Анненков Павел Васильевич (1812 или 1813—1887), критик, историк литературы, мемуарист *650—652*, *655*, *656*, *870*, *917*, *918*
Аннибал *см.* Ганнибал
Ансело Жак Франсуа (1794—1854), французский драматург и рублицист *786*, *787*
Антоний Печерский (983—1073), святой, основатель Киево-Печерского монастыря 156
Аполлоний Халкедонский, древнегреческий философ-стоик 573, 574, *962*, *963*
Апраксин Степан Федорович (1702—1758), генерал-фельдмаршал, государственный деятель 147
Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), граф, генерал, государственный деятель и военный министр *761*
Арапша, Араб-шах Муззафар, хан Золотой орды в 1377—1380 гг. 178
Арбенева Авдотья Николаевна (урожд. Вельяминова, 1784—1831), племянница Жуковского *855*
Арент (Арендт) Николай Федорович (1785—1859), хирург, лейб-медик Николая I 340, 341, 344, *777*, *778*
Аристарх Самофракийский (ок. 217 — 145 до н. э.), греческий ученый, глава библиотеки в Александрии *805*
Аристид (520—468 г. до н. э.), афинский государственный деятель и полководец 292, 488, 489, *745*, *770*
Аристодем, легендарный царь критский 316, *751*

Аристотель (384—322 до н. э.), древнегреческий философ 523
Арндт Эрнст Мориц (1769—1860), немецкий поэт и педагог *952—955*
Арнсбург, немецкий теолог 507
Арсеньев Константин Иванович (1789—1863), статистик, географ *969*
Аскольд (ум. 882), варяжский князь Киева, убитый Рюриком 151, *693*, *694*
Аславга (Аслауг), жена Регнера Лодброга *747*
Асмодей *см.* Вяземский П. А.
Аспарух (ок. 640—700), сын Кубрата, основатель первого болгарского царства на Дунае 141
Атрей, мифический микенский царь, внук Тантала, отец Агамемнона и Менелая 24, 25
Атилла (ум. 453), предводитель гуннов 141
Афанасьев Александр Николаевич (1826—1871), литературовед и фольклорист *666*
Ахилл *см.* Батюшков К. Н.
Ахорн Лукас (1789—1856), швейцарский скульптор *661*

Баадер Франц Ксавье (1765—1841), немецкий философ и теолог *871*
Баварский король *см.* Максимилиан I Иосиф
Багратион Пётр Иванович, (1765—1812), князь, генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 г. 362—364, *798*
Базаров Иоанн (Иоанн Иоаннович; 1819—1895), протоиерей, духовный писатель, духовник Жуковского *875*, *876*
Байрон (Бейрон) Джордж Гордон (1788—1824), лорд, английский поэт 83, 84, 225, *658*, *660*, *661*, *718*
Бакон (Бако) *см.* Бэкон Френсис
Бальзак Оноре де (1799—1750), французский писатель *914*
Баранова Юлия Федоровна (урожд. Адлерберг, 1789—1864), статс-дама, воспитательница великих княжон, начальница Смольного института 598, *982*
Барант Амабль Гильом Проспер Брюжьер де (1785—1866), барон, французский историк, политический деятель, посол в России *780*
Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844), поэт *794*
Барклай де Толли Михаил Богданович (1761—1818), фельдмаршал, герой Отечественной войны 1812 г. 363, *798*
Барсуков Николай Платонович (1838—1906), историк и библиограф *923*
Бартенев Петр Иванович (1829—1912), историк, филолог, издатель *856*
Басенок Федор Васильевич (ум. ок. 1480), воевода великого князя Василия II 205, 207, 208, 214
Бассерман Фридрих Даниэль (1811—1855), немецкий политический деятель, баденский депутат во франкфуртском парламенте 511, 512, *934*
Батеньков Гавриил Степанович (1793—1863), подполковник корпуса инженерных путей сообщения, декабрист *973*, *974*
Батый (Бату, 1209—1255), монгольский полководец, правитель улуса Джучи (Золотой Орды) 169, 170, 176—178, 182, 189, 210, 214, *682*, *697*
Батюшков Константин Николаевич (1787—1855), поэт [49] 54—56, *628*, *635*, *641*, *644*, *718*, *794*, *970*, *971*
Баудиссен Вольф Генрих Фридрих (1789—1878), датский писатель и издатель *654*

Баумгартен (XVII в.), доктор при шведском короле Карле XI 394
Баязет — Баязид I Молниеносный (1357—1403), османский султан 189
Баян I, основатель Аварского каганата, правил в 562—602 гг. 141
Бегич (Бигич), мурза Золотой Орды, упомянут под 1445 г. 205
Беда Достопочтенный (672 или 673 — ок. 735), аглосаксонский летописец, монах *736*
Бекович-Черкасский Александр (ум. 1717; до принятия православия Девлет-Гирей-мурза), потомок кабардинских князей, военачальник, картограф 128, *687*
Бела IV (1206—1270), король Венгрии 169
Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848), литературный критик, публицист *626*, *795*
Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844), граф, шеф жандармов, начальник III отделения *766*, *773*, *779*, *780*
Берг Фридрих Вильгельм Ремберт фон (1794—1874), граф, лифляндский генерал, писатель 596, *980*
Беринг Витус Ионассен (Иван Иванович; Vitus Jonassen Bering; 1681—1741), российский мореплаватель датского происхождения 127, *685*, *687*
Беркович Петр Иванович, доктор медицины 392, 393, *823*
Бернье (Берньер)-Лувиньи Жан де (1602—1659), французский духовный писатель, мистик 380, 381, 384, 390, *810—815*
Бернье (Берньер) Журдена де, сестра Жана Бернье-Лувиньи *815*
Берто Жак (1552—1611), французский священник, духовник г-жи Гюйон *813*
Бесков Бернгард фон (1796—1868), шведский драматург *796*
Биллингс Иосиф Иосифович (Осип Осипович) (Биллинг, при рождении Джозеф Биллингс, Joseph Billings; ок. 1758—1806), английский и российский мореплаватель 127, *686*
Блан Луи Жан Жозеф (1811—1882), французский историк, журналист и политический деятель *827*, *828*, *926*
Бланк Людвиг (1810—1885), немецкий художник 398, *825*
Блудов Андрей Дмитриевич (1817—1885), дипломат, сын Д. Н. Блудова 56, *645*
Блудов Дмитрий Николаевич (Кассандра 1785—1864), граф (с 1842 г.), государственный деятель, арзамасец 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 26, 28, 31—40, 42—46, 48, 49, 52, 54—56, 337, 598, 627, *628*, *634*, *641*, *642*, *769*, *772*, *807*, *816*, *831*, *865*, *866*, *895*, *896*
Блуменбах Иоганн Фридрих (1752—1840), немецкий анатом *972*
Боброк Волынский Дмитрий Михайлович (ум. после 1389), боярин и воевода Дмитрия Ивановича Донского 176, 177, 180, 181, 214
Богданович Модест Иванович (1805—1882), военный историк, генерал-лейтенант *741*
Бодран Бартелеми (1701—17870, аббат, французский духовный писатель 381, *814*, *815*
Бодран Мишель Антуан (1633—1700), аббат, французский географ *815*
Бок Карл фон (1792 — между 1868 и 1872), специалист по финансам, младший брат Тимофея Бока, дерптского знакомого Жуковского *754*
Болеслав I Храбрый (966/7—1025), князь и первый король Польши 153, 156
Бональт (Бональд) Луи Габриэль Амбрауз (1754—1840), французский философ и политический деятель эпохи Реставрации *870*
Бонами де Бельфонтен Шарль Огюст (1764—1830), французский бригадный генерал, взятый в плен и отправленный в Орел *938*

Бонапарт (Бонапарте) *см.* Наполеон I
Бонивар Франсуа (1493—1570), швейцарский гуманист, узник Шильонского замка, герой поэмы Байрона *661*
Боннетти Огюстен (1798—1879), французский писатель и теолог *870*
Бонстеттен Карл Виктор (1745—1832), швейцарский писатель и педагог 83, *660*, *676*, *817*
Боншоз Франсуа (1801—1876), французский историк и писатель *869*
Борис Александрович (1398—1461), великий князь тверской 197, 204—207, 209
Борис Васильевич (1449—1494), князь волоцкий, сын Василия II 209
Борис Владимирович (ок. 986—1015), князь ростовский, святой 153
Борис Вячеславич (1054—1078), князь черниговский, тмутараканский 156, *701*
Борис Константинович (ум. 1393), князь городецкий, великий князь суздальско-нижегородский 173, 178, 187, 188, 195
Бородинский Помещик *см.* Александр Николаевич, великий князь
Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825), композитор *799*
Боссюэт (Боссюэ) Жак Бенин (1627—1704), французский богослов и историк 507, *814*
Ботен Луи Эжен Мари (1796—1867), французский католический священник, философ и теолог *869—871*, *873*, *887*
Боур Родион Христианович (1667—1717), генерал рт кавалерии, сподвижник Петра I *237*
Браге (XVII в.), камергер шведского короля Карла XI 394
Бранденбург Матильда (урожд. фон Массенбах, 1798—1855), жена министра-президента Ф.-В. Бранденбурга *935*
Бранденбург Фридрих Вильгельм (1792—1850), граф, сын прусского короля Фридриха Вильгельма II от морганатического брака, министр-президент 512, 513, 934, *935*
Бродзинский Казимеж (1791—1835), польский поэт и литературный критик *709*
Брунов Филипп Иванович (1797—1875), член Главного управления цензуры, русский посол в Англии *925*
Брюллов (Брюлов) Карл Павлович (1799—1852), художник 599, *978*, *986*
Брюль Генрих фон (1700—1763), граф, саксонский государственный деятель, министр курфюрста Августа 69, *652*
Брюс Яков Вилимович (1670—1735), государственный и военный деятель, сподвижник Петра I 237
Брячислав Изяславич (997—1044), князь полоцкий 153
Буде (XIX в.), владелец дома Вольтера в Фернее 83
Буйи Жан Никола (1763—1842), французский драматург *772*
Букильон Осип Иванович, управляющий имением А. А. Плещеева Чернь 541, *938*, *942*
Буксгевден Альберт (1165—1229), рижский епископ, основатель ордена меченосцев 168
Булат-Салтан, Пулад (ум. 1410), хан Золотой Орды в 1407—1410 гг. 194, 195
Булат-Тимур (1340—1368), эмир Золотой Орды, правитель Волжской Булгарии 173, 177
Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863), чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе; в 1832—1856 гг. московский почт-директор *773*, *837*, *920*
Булгаков Константин Яковлевич (1782—1835), управляющий почтовым ведомством и петербургский почт-директор в 1819—1835 гг. 597, 598, *980*
Булгаков Михаил Афанасьевич (1891—1940), писатель *823*

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), писатель и журналист *661*, *664*, *709*, *710*, *784*, *794*, *829*
Бунина Анна Петровна (1774—1828), поэтесса и переводчица [34], *635*
Бунина Мария Григорьевна (урожд. Безобразова; ок. 1728—1811), жена А. И. Бунина, отца Жуковского *621*
Бутовский Иван Григорьевич (1785 — после 1872), литератор *764*
Бычков Иван Афанасьевич (1858—1944), археограф, директор Публичной библиотеки, издатель «Дневников» Жуковского *669*, *947*, *972*
Бэкон Френсис 240, 243, 588, *725*, *726*, *971*
Бэр Иоганн Христан Феликс (1798—1872), немецкий филолог-классик и переводчик *961*
Бюргер Готфрид Август (1747—1794), немецкий поэт *821*
Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707—1788), французский естествоиспытатель 32, 229, 230, 373, 448, 511, *634*, *721*, *722*, *805*, *885*, *888*, *934*

Вазари Джорджо (1511—1574), итальянский архитектор, художник, историк искусств *656*
Ваккенродер Вильгельм Генрих (1773—1798), немецкий писатель и теоретик искусства *654*
Ваккербарт Август Кристоф (1662—1734), граф, немецкий генерал-лейтенант 69, *651*
Валуев Петр Александрович (1815—1890), государственный деятель, мемуарист, зять П. А. Вяземского 339
Вальдгейм *см.* Фишер фон Вальдгейм Г. И.
Вальдемар I Великий (1131—1182), король Дании 168
Варвик *см.* Тургенев Н. И.
Варлаам Печерский, игумен Киево-Печерского монастыря 156
Варлашка (Варлам Акимыч; ум. ок. 1822), юродивый, живший в имении Буниных *920*
Варранд Самуил Александрович (ок. 1792 — после 1851), преподаватель английского языка у наследника и его товарищей *670*
Василий I Дмитриевич (1371—1425), великий князь московский и владимирский 183, 185—188, 190—197, 206, 213, *707*
Василий II Болгаробойца (958—1025), византийский император, соправитель Константина VIII 153
Василий II Васильевич Темный (1415—1462), великий князь московский 197—209, 214
Василий III Иоаннович (1479—1533), великий князь московский с 1505 г. 138, *683*
Василий Дмитриевич Кирдяпа (1350—1403), князь суздальский и городецкий 188, 195, 203, 206—208, 213
Василий Иванович (ум. 1370), князь фоминско-березуйский 175
Василий Иванович (1447—1483), великий князь рязанский 208
Василий Михайлович Кашинский (1304—1368), князь из рода тверских князей 173, 174, 197
Василий Юрьевич Косой (ум. 1448), князь звенигородский, великий князь московский 199, 200, 203, 206
Василий Ярославич (ум. 1483), князь серпуховско-боровский, дмитровский и звенигородский 206—208
Васильев Михаил Николаевич (1770—1847), полярный исследователь, вице-адмирал 127, *687*

Васильев Петр, священник храма Покрова в орловском имении Е. А. Протасовой Козловка 127, *626*
Василько Константинович (1208—1238), ростовский князь 170
Василько Романович (1203—1269), князь белзский, берестейский, перемышльский, пересопницкий, луцкий, владимиро-волынский 165
Василько Ростиславич (ок. 1066—1124), князь теребовльский 157
Веймарский принц (Карл Александр Август, 1818— 1901), сын великой княгини Марии Павловны и великого герцога Карла Саксен-Веймар-Эйзенахского 368
Велизарий (Велисарий, 490—565), византийский полководец императора Юстиниана I, германец по происхождению 141
Вельяминов Василий Васильевич (ум. 1374), последний московский тысяцкий 177
Вельяминов Иван Васильевич (ум. 1378), сын последнего московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова 177
Вельяминов Тимофей Васильевич (ум. после 1389), московский окольничий 180
Венецианов Алексей Гаврилович (1780—1847), художник *981*
Вергилий (Виргилий) Марон Публий (70—19 до н. э.), римский поэт 44, 483, *639*, *921*
Веселовский Александр Николаевич (1838—1906), историк и теоретик литературы *856*, *894*
Веспасиан Тит Флавий (39—81), римский император 574
Вефуил (Вафуил), отец жены Исаака Ревекки 556
Вигель Филипп Филиппович (Ивиков Журавль, Две Огромные Руки; 1786—1856), чиновник Министерства иностранных дел, мемуарист 20, 23, 26, 27, 28, 31—43, 49, 52, 54, 55, *629*, *632*, *637*, *655*, *939*
Вигунд Ольгердович (ок. 1372—1392), князь керновский 190
Виельгорская Луиза Карловна (урожд. принцесса Бирон, 1791—1853), вторая жена Мих. Ю. Виельгорского *985*
Виельгорские (Вьельгорские) *976*, *985*
Виельгорский Иосиф Михайлович (1817—1839), воспитанник Пажеского корпуса, чиновник Военного министерства, соученик наследника 122—125, 593—596, 599, *680*, *681*, *730*, *897*, *974*, *975*, *977*, *985*, *977*, *985*
Виельгорский Михаил Юрьевич (1788—1856), отец И. М. Виельгорского, музыкальный деятель, композитор-дилетант 341—345, *680*, *897*, *985*
Виллугби *см.* Уиллоуби
Вильгельм, принц прусский *см.* Фридрих Вильгельм IV
Вильгельм (Фридрих Вильгельм; 1783—1851), принц прусский, младший брат Фридриха-Вильгельма III *934*
Вильгельм I Завоеватель (1027/28—1087), герцог Нормандии и король Англии 142
Вильдермет Мария Маргарета (Цецилия Александровна, 1777—1839), швейцарка, гувернантка великой княгини Александры Федоровны 598, *983*
Виссарион Никейский (Василий Трапезундский, 1403—1472), ученый, патриарх Константинопольский 202
Витовт (ок. 1350—1430), сын Кейстута, великий князь литовский 144, 174, 176, 179, 190—198, 204, *690*
Владимир (вторая половина XIV в.), упомянут как брат Юрия Святославича Смоленского 193

Владимир II Всеволодович Мономах (1053—1125), великий князь киевский с 1113 г. 154, 156, 157—160, 165, 170, 171, 185, 187, 701, *847*
Владимир Андреевич Храбрый (1353—1410), удельный князь серпуховской, дмитровский, галицкий, боровский и углицкий 172, 174—176, 180—183, 185, 187, 189, 194, 195, 197, 198
Владимир Володаревич (Владимирко) (1104—1153), князь звенигородский, перемышльский, первый князь единого Галицкого княжества 159, 170
Владимир Дмитриевич (ум. 1372), князь пронский, великий князь рязанский 175, 176
Владимир Мстиславич (1132—1171), князь дорогобужский, владимиро-волынский, слуцкий, трипольский, великий князь киевский 160
Владимир Ольгердович (1338 — после 1398), князь киевский 183, 186, 190
Владимир Рюрикович (1187—1239), князь переяславский, смоленский, овручский, великий князь киевский 169
Владимир Святославич (862—1005), великий князь киевский 138, 152—154, 161, 171, 212, *682*, *700*
Владимир Ярославич (1151—1199), князь галицкий 164, 165
Владислав Кормиличич, боярин, правитель галицкого княжества в 1212—1214 гг. 167
Вовенарг Люк де Клапье (1715—1747), французский моралист 241, *725*, *867*
Воейков Александр Федорович (1778 или 1779—1839), поэт, журналист, муж племянницы Жуковского А. А. Протасовой 36, 37, 54, 629, *635*, *638*, *808*, *888*
Воейков Андрей Александрович (1822—1866), сын А. Ф. и А. А. Воейковых *978*
Воейкова Александра Александровна (Саша, 1817—1893), дочь А. Ф. и А. А. Воейковых, фрейлина 596, 597, 599, *979*
Воейкова Александра Андреевна (урожд. Протасова, 1795—1829), жена А. Ф. Воейкова, племянница Жуковского 11, 597, 598, *621*, *623*, *652*, *808*, *8875*, *884*, *976*, *978—980*, *984*, *985*
Воейкова Екатерина Александровна (Катя, 1815—1844), старшая дочь А. Ф. и А. А. Воейковых 596, 597, 599, *979*
Воейкова Мария Александровна (в замуж. Бреверн де ла Гарди; 1826—1906), фрейлина, младшая дочь А. Ф. и А. А. Воейковых 599, *979*
Воейковы, дети А. Ф. и А. А. Воейковых 596, *977—979*
Волконский (Волхонский) Петр Михайлович (1776—1852), светлейший князь, министр двора и уделов в 1826—1852 гг. *785*
Володарь Ростиславич (ум. 1124), князь звенигородский, перемышльский 156
Вольтер Мари Франсуа Аруэ (1694—1778), французский писатель и философ 83, 241, 561, 562, *658—660*, *788*
Вордсворт Уильям (Вортсворт 1770—1850), английский поэт 266, *737*, *738*
Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), граф, новороссийский генерал-губернатор 363, *798*
Вот или Вот я вас *см.* Пушкин В. Л.
Врангель Фердинанд Петрович (Фёдор Петрович; Ferdinand Friedrich Georg Ludwig von Wrangell; 1796/7—1870), мореплаватель и полярный исследователь, адмирал 127, *686*, *687*
Всеволод Мстиславич (ум. 1138), князь новгородский 158

Всеволод Ольгович (1094—1146), князь северский, черниговский, великий князь киевский 158, 159
Всеволод Святославич Буй-тур (1155—1196), князь курский и трубчевский 163
Всеволод Святославич Чермный (ум. 1212), князь стародубский, черниговский, великий князь киевский 163—165
Всеволод Юрьевич (1212—1238), князь новгородский 169
Всеволод Юрьевич Большое гнездо (1154—1212), великий князь владимирский 162—165, 168, 170, 171
Всеволод Ярославич (1030—1093), князь переяславский, черниговский, великий князь киевский 155—157, *701*
Всеволож Иван Дмитриевич (XV в.), потомок смоленских князей, видный московский боярин 198, 199
Всеслав Брячиславич (1039—1101), князь полоцкий 155, 156
Вышата, сын новгородского посадника Остромира, воевода Ярослава Владимировича 156
Вяземская Вера Федоровна (урожд. княжна Гагарина, 1790—1886), княгиня, жена П. А. Вяземского 341, 345
Вяземский Павел Петрович (1820—1888), князь, археограф, литератор, сын П. А. Вяземского *668*
Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), князь, поэт, журналист и литературный критик 23, 39—41, 43, 44, 46, 47, 54, 339—343, 373, 407—408, 598, 528, *630*, *635—637*, *[640]*, *641*, *643*, *649*, *650*, *653*, *655*, *711*, *748*, *773*,*776—778*, *785*, *788*, *805*, *807*, *829—833*, *835*, *837*, *843*, *844*, *858*, *860*, *864*, *866*, *912*, *940*, *953*, *958*, *976*, *980*
Вячеслав Владимирович (1083—1154), князь смоленский, туровский, князь Переяславля-южного, великий князь киевский 159, 160
Вячеслав Ярославич (1036—1057), князь смоленский 155, 156

Гавиньи, француз, живший в доме С. С. Уварова 41, *637*
Гавриил, архангел *624*
Гагарин Григорий Иванович (1782—1837), князь, однокашник Жуковского по Московскому университетскому пансиону, дипломат 70, *652*
Гагарин Федор Федорович (1786—1863), князь, участник Отечественной войны 1812 г., адъютант Багратиона, брат В. Ф. Вяземской 366, *799*
Гагерн Ганс Христофор Эрнст (1766—1852), немецкий историк и политический писатель *786*
Гакстгаузен Август (1792—1866), немецкий экономист 395, *818*, *824*
Галилей Галилео (1564—1642), итальянский ученый и мыслитель 514, *935*
Галлер Карл Людвиг (1768—1854), швейцарский политический деятель и публицист *754*, *768*
Гальм Фридрих (псевдоним Мюнх-Беллинсгаузен; 1806—1871), немецкий поэт и драматург *839*
Ганнибал (247 или 246—183 до н. э.), карфагенский полководец 80, 115, *679*
Гарофало Бенвенуто (1481—1559), итальянский художник *656*
Гаррет Жуан Баттиста да Силва Лейтан ди Алмейда (1799—1854), португальский поэт и политический деятель *839*

Гассе Фридрих Христиан Август (1773—1848), немецкий историк 232, *722*
Гваренги *см.* Кваренги
Гебель Иоганн Петер (1760—1826), немецкий поэт [48, 49, 52], *641*, *[642]*, *738*, *746*, *748*, *753*
Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), немецкий философ *888*
Гедимин (Гедемин, 1275—1341), великий князь литовский 144, 198, *690*
Геккер Фридрих Франц Карл (1811—1881), немецкий юрист, политик, революционер, парламентарий 482, *921*, *926*, *929*
Генрих IV (1050—1106), император Священной Римской империи 156
Генрих IV Великий (1553—1610), французский король с 1589 г. 120, 221, *679*, *712*, *963*
Генце (Гейнце; 1806—1856) немецкий политический деятель и писатель 482, *921*, *927*, *929*
Георгий, св. 417
Герасим (ум. 1388), епископ коломенский 180, 186
Герасим (ум. 1435), митрополит Киевский и всея Руси 201
Гердер Иоганн Готфрид (1744—1803), немецкий писатель и философ [33—34], 37, 221, 226—228, 241, 242, 247, *635*, *714*, *719*, *[720]*, *721*, *725*, *726*, *729*, *735*, *741*, *960*
Геремферден — Кепек (ум. 1414), хан Золотой Орды в 1414 г. 195
Герлах Отто фон (1801—1849), немецкий теолог *874*
Геродот (ок. 484 г. до н. э. — ок. 425 г. до н. э.), древнегреческий историк 140, 227, 587, *689*, *721*, *970*, *971*
Гершель Уильям (1738—1822), английский астроном 9, *622*
Гесслер (Конрад фон Тилндорф; ум. 1307), австрийский наместник в Швейцарии, застреленный Вильгельмом Теллем 85, *661*
Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832), немецкий поэт 224, 225, 240, 245, 598, *[652]*, *653*, *711*, *718*, *717*, *718*, *723*, *725*, *728*, *985*
Гёта, г-н, член шутливой «Академии нахально любопытных» в имении Плещеевых *938*
Гикет (289/290 — 278 до н. э.), царь Леонтинский, тиран Сиркуз 569, 570, *961*
Гирей — Гыяс-эд-Дин (рубеж XIV—XV вв.), отец Хаджи I Герая 210
Глазунов Илья Иванович (1786—1849), петербургский книгопродавец и издатель 52, 599, *642*, *987*
Глеб Владимирович (ум. 1219), князь рязанский 166
Глеб Ростиславич (ум. 1177), князь рязанский 162
Глеб Святославич (1353—1399), великий князь смоленский 184
Глеб Юрьевич (ум. 1171), князь переяславский, великий князь киевский 161
Глинка Сергей Николаевич (1775—1847), поэт, журналист, издатель, брат Ф. Н. Глинки *980*
Говард Джон (1726—1790), английский врач и филантроп, инициатор тюремных реформ 589, *972*
Гоголь Николай Васильевич (1809—1852), писатель 371, 373, *732*, *739*, *802—806*, *810*, *857—860*, *864*, *865*, *871*, *879*, *889*, *912*, *973*, *974*
Годунов Борис Федорович (ок. 1551—1605), царь 413, *836*
Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1773—1843), граф, петербургский военный генерал-губернатор *848*
Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829), граф, военный, куратор Московского университета, литератор, член общества «Беседа любителей русского слова» *637*

Голенищева-Кутузова Софья Павловна (1811—1848), графиня, его дочь, фрейлина *792*
Голид (IV в. до н. э.), воин в армии беотийского полководца Эпаминонда 573
Голицын Александр Николаевич (1773—1844), князь, обер-прокурор Синода, министр просвещения в 1816—1824 гг. 416
Головин Иван Гаврилович (1816—1890), публицист и прозаик *794*
Головкин Гавриил Иванович (1660—1734), граф, государственный деятель, один из воспитателей и сподвижников Петра I 308
Головнин Василий Михайлович (1776—1831), мореплаватель, вице-адмирал 127, *687*
Голубинский Федор Александрович (1797—1854), основатель русской теистической философии, богослов и педагог, профессор Московской духовной академии *871*
Гольдони Карло (1707—1793), итальянский комедиограф *951*
Гомер (VIII в. до н. э.), древнегреческий эпический поэт 140, 223, 225, 247, [509], *689*, *[711]*, *716*, *718*, *719*, *729*, *[872*, *925*, *934*, *936]*
Горации (VII в. до н. э.), три брата—близнеца из знатного римского рода 10, *624*
Гофман, молодой человек из Франкфурта 402, 404
Гофман Модест Людвигович (1887—1959), историк литературы *939*
Гранди Эрколо (1463—1525), итальянский художник и архитектор 77, *657*
Грей Томас (1716—1771), английский поэт *797*
Грен Александр Евгеньевич (ок. 1807 — не ранее 1880), поэт, переводчик *765*
Грессе Жан Батист (1709—1777), французский поэт и драматург *628*
Гретри Андре Эрнест Модест (1741—1813), французский композитор *664*
Греч Николай Иванович (1787—1867), писатель и журналист 341, *658*, *661*, *662*, *661*, *662*, *665*, *763*, *777*, *801*, *953*
Греч Николай Николаевич (1820—1837), его сын, студент Петербургского университета 341, *777*
Григорий VII (1020/25—1085), папа римский 156
Григорий Дементьевич (Минаков), управляющий муратовским имением Протасовых 10, 12, 14
Грим (вероятно, Якоб Гримм; 1785—1863), немецкий филолог и фольклорист *926*
Гримм, братья: Якоб (1785—1863) и Вильгельм (1786—1859), немецкие филологи, фольклористы *661*, *662*
Гринев Иван Никифорович, преподаватель Белевского уездного училища 9, *622*, *623*, *626*
Громобой *см.* Жихарев С. П.
Грот Константин Яковлевич (1853—1834), сын Я. К. Грота, филолог-славист, архивист *789*
Грот Яков Карлович (1812—1893), историк литературы *830*
Гудон Жан Антуан (1718—1776), французский скульптор *660*
Гумблот, немецкий издатель XIX в. 323, *757*, *758*
Гумбольдт Александр фон (1769—1859), немецкий естествоиспытатель и географ 463, [464]
Гус Ян (Гусс 1371—1415), чешский национальный герой, идеолог чешской Реформации 78, 79, 465, *658*, *901*
Густав I Ваза (1496—1560), шведский король 360, *795*, *824*
Густав II Адольф (1594—1632), шведский король, полководец 115, *679*, *818*
Густав III (1746—1792), шведский король с 1771 г. 395, *824*

Густав IV Адольф (1778—1837), шведский король, свергнутый с престола и живший в Швейцарии под именем полковника Густавсона 385, 386, 397, *824*, *825*
Густавсон, полковник *см.* Густав IV Адольф
Гуттенберг Иоганн (между 1394 и 1399—1468), немецкий изобретатель книгопечатания *836*
Гуфеланд (Гуфланд) Христиан Вильгельм (1762—1836), немецкий врач и писатель, лейб-медик прусского короля *898*
Гэлидей Генриетта Егоровна, помощница воспитательницы великих княжон Ю. Ф. Барановой *982*
Гюго Виктор Мари (1802—1885), французский писатель *914*
Гюйон Жанна Мари (Гийон; 1648—1717), французская проповедница, наставница Фенелона *813*, *869*
Гюэ (Юэ) Пьер Даниэль (1630—1721), французский епископ из Каэне 380, *814*

Давид, царь Израильско-Иудейского государства в конце 11 в. — ок. 950 до н. э. 15, 221, *627*, *716*
Давид Игоревич (1055—1112), князь волынский, дорогобужский, тмутараканский 156, 157, 159
Давид Святославич (1050—1123), князь переяславский, муромский, смоленский, новгородский, черниговский 158
Давыдов Василий Денисович (1747—1808), владелец с. Бородино, отец поэта Д. В. Давыдова *799*
Давыдов Денис Васильевич (1784—1839), поэт и военный писатель, герой Отечественной войны 1812 г. *628*, *799*
Давыдов Иван Иванович (1794—1863), эстетик и критик, профессор Московского университета *807*
Дагерр Луи Жак Марде (1789—1851), французский изобретатель фотографии *678*
д'Аламбер Жан Лерон (1717—1783), французский математик и философ *675*, *788*
д'Аржентен Луи Франсуа (1615—1680), проповедник из ордена капуцинов, издатель сочинений Ж. Бернье-Лувиньи *815*
Даль Владимир Иванович (1801—1872), писатель и лексикограф, врач 342—345, *637*, *666*
Данекер (Даннекер) Иоганн Генрих (1758—1841), немецкий скульптор *985*
Данзас Константин Карлович (1801—1870), подполковник 3-го резервного саперного батальона, впоследствии генерал, лицейский друг Пушкина 340, 342, *779*
Даниил Александрович (1261—1303), князь московский 212
Даниил Романович (1201—1264), князь галицко-волынский 165, 167—169
Данилевский Григорий Петрович (1829—1890), исторический романист, публицист, переводчик *844*
Данте Алигьери (1265—1321), итальянский поэт *954*
Дантес-Геккерн («молодой Геккерн»), Жорж Шарль (1812—1895), барон, приемный сын Л. Геккерна, поручик лейб-гвардии Кавалергардского полка *775—777*
Дарий I Гистасп, персидский царь из династии Ахменидов 140
Дах Симон (1605—1669), немецкий поэт эпохи Барокко 243, *726*

Дашков Дмитрий Васильевич (1788—1839), дипломат и литератор, арзамасец 16, 17, 19, 21, 22, 23, 26, 27, 28, 31—34, 36—41, 52, 54, 470, 627, *630*, *632*, *635*, *638*, *905*, *906*, *940*, *968*
Дежнев Семен Иванович (1605—1673), путешественник-землепроходец 127, *686*
Дейнократ (IV в. до н. э.), архитектор эпохи Александра Македонского *787*
Декарт Рене (1596—1650), французский философ, математик 455, *865*
де ла Тур дю Пен Филис (1645—1703), французская мемуаристка *895*
Делиль Жак (1738—1813), французский поэт и переводчик 42, 62, 271, *638*, *648*, *740*
Демариста (III в. до н. э.), мать древнегреческого полководца Тимолеона *961*
Демосфен (ок. 384—322 до н. э.), древнегреческий оратор 587, *971*
Державин Гавриил Романович (1743—1816), поэт 50, 339, 349, 490, *632*, *642*, *776*, *788*, *794*, *928*
Детлев-аумгартен Карл Вильгельм (1786—1860), немецкий педагог и филолог 507
Детуш Филипп Нерико (1680—1754), французский драматург *939*
Джироламо да Карпи (1501—1556), итальянский художник *656*
Джорджоне (Джорджо Барбарелли да Кастельфранко, 1476 или 1477—1510), итальянский художник *657*
Дидро (Дидрот) Дени (1713—1784), французский философ и писатель *675*, *788*
Диккенс Чарльз (1812—1870), английский писатель *915*
Дионисий, епископ Суздальский и Нижегородский, митрополит Киевский и всея Руси 186
Дионисий II Младший (367—344 до н. э.), тиран из Сиракуз 569, 570, *961*
Дир (ум. 882), варяжский князь Киева, убитый Рюриком 151, *694*
Дистел, немецкий юрист *914*
Дмитриев Иван Иванович (1760—1837), поэт 41, *637*, *675*, *763*, *769*, *941*, *948*
Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866), поэт и литературный критик, племянник И. И. Дмитриева *637*
Дмитрий Васильевич, князь друцкой 176
Дмитрий Иванович Донской (1350—1389), великий князь московский и владимирский, полководец, сын Ивана III 27, 172—187, 189, 212, 214, 215, 409, *631*, *704—708*, *835*
Дмитрий Константинович (1323—1383), великий князь суздальский и нижегородский, великий князь владимирский 172, 173, 176—178, 182, *705*
Дмитрий Ольгердович (ум. 1399), князь брянский, стародубский, трубчевский 179, 180
Дмитрий Палеолог (1407—1470), губернатор Лемноса и Месембрии, деспот Мореи 201
Дмитрий Юрьевич Красный (1421—1440), младший сын князя Юрия Дмитриевича 199—201
Дмитрий Юрьевич Шемяка (ум. 1453), князь углицкий, галицкий, великий князь московский 199—201, 205—208, *707*
Добелл (Добель) Петер (Петр Васильевич; 1775—1852), английский путешественник, живший в России, литератор *765*
Долгорукий (Долгоруков) Яков Федорович (1639—1720), князь, сподвижник Петра I 308
Дольчи Карло (1616—1686), итальянский художник 77, *656*
Доминикин (Доминикино Цампьери; 1581—1641), итальянский художник *656*
Домициан Тит Флавий (51—96), римский император с 81 г., младший сын Веспасиана 231
д'Онуа Мари Катрен де (1651—1705), французская писательница *665*

Дон Гарций (Гарсия I; 1042—1090), король Галисии, сын короля Фердинанда I *740*
Достоевский Федор Михайлович (1821—1881), писатель *811*
Драйден Джон (1631—1700), английский поэт *656*
Дрезеке Иоганн Генрих Бернгардт (1774—1849), немецкий проповедник, магдебургский епископ [598], *954*, *984*, *985*
Дружинин А. М. (вероятно, речь идет о П. М. Дружинине) 392
Дружинин Петр Михайлович (1764—1827), директор училищ Московской губернии, адъюнкт Московского университета по кафедре естественной истории *823*
Дубельт Леонтий Васильевич (1792—1862), генерал-майор, начальник корпуса жандармов, управляющий III отделением (с 1839 г.) *862*
Дубенский Федор, московский дьяк, упомянут под 1445 г. 205
Дубровин Николай Федорович (1837—1904), историк *903*, *913*
Дункер, немецкий издатель 323, *757*, *758*
Дункер Шарлотта Карловна, дочь полковника, помощница воспитательницы великих княжон Ю. Ф. Барановой *982*
Дымная Печурка *см.* Воейков А.Ф.
Дюма (Дюмас) Александр-отец (1802—1870), французский писатель *741*
Дюмериль Андре Мари Констан (1774—1860), французский естествоиспытатель 244
Дюрер Альбрехт (1471—1528), немецкий художник и гравер 68, *651*
Дютуа-Мамбрено Жан Филипп де (1721—1793), французский мистик *868*, *869*
Дюшателе (Дю-Шателе) Габриэль Эмили (1706—1749), французская писательница 83

Ева, жена Адама, первая женщина и праматерь 591, *714*
Евагрий Понтийский (346—399), христианский богослов, византийский философ, монах *879*
Евгений IV (1383—1447), папа римский 201, 202
Евгений Вюртембергский (1788—1857), герцог, русский генерал от инфантерии, племянник имп. Марии Федоровны *848*
Евдокия Дмитриевна (1353—1407), дочь Дмитрия Константиновича Суздальского и жена Дмитрия Ивановича Донского 173
Евпатий Коловрат (ок. 1200—1238), рязанский боярин и воевода 169
Евстафий Мстиславич (ум. 1032/33), княжич тмутараканский 154
Екатерина II Алексеевна (урожд. немецкая принцесса София Фредерика Августа; 1729—1796), с 1762 г. российская императрица 83, 127, 128, 139, 144, 145, 147, 155, 296, 332, 339, 348, 349, 350, 351, 353, 361, 415, *625*, *650*, *659*, *709*, *747*, *776*, *782*, *784*, *787*, *788*, *791*, *793*, *842—844*, *846*, *847*
Елагин Рафаэль Алексеевич (1821—1823), сын А. П. Елагиной *826*
Елагина Авдотья Петровна (урожд. Юшкова, в первом браке Киреевская; 1789—1877), писательница, хозяйка литературного салона в Москве, мать братьев Киреевских [402], 598, *649*, *670*, *675*, *819*, *820*, *826*, *831*, *863*,*877*, *888*, *912*, *913*, *932*, *938*, *941*, *968*, *976*
Елена (ум. 1437), жена Владимира Андреевича Храброго и дочь Ольгерда Гедиминовича, великого князя литовского 175, 176
Елена Павловна (урожд. принцесса Вюртембергская Фредерика Шарлотта Мария; 1806—1873), великая княгиня, жена великого князя Михаила Павловича *673*, *779*

Елизавета *см.* Рейтерн Е. Е.
Елизавета Алексеевна (урожд. принцесса Баден-Дурлахская Луиза Мария Августа; 1779—1826), императрица, жена императора Александра I 333, 338, 416, 417, *772*, *952*
Елизавета Петровна (1709—1762), дочь Петра I, российская императрица с 1741 г. 127, 139, 270, 348, *739*, *740*, *784*, *785*, *787*
Еремей (Иеремия) Константинович (ум. 1372), дорогобужский князь 174
Ермак Тимофеевич (ок. 1532—1585), атаман казацкой шайки, завоеватель Сибири 146, 148, *682*, *691*
Ермолов Алексей Петрович (1777—1861), генерал от инфантерии, военный деятель, герой Отечественной войны 1812 г. 364, *798*
Ефремов Петр Александрович (1830—1907), библиограф, историк литературы, издатель *931*
Еше (Ёше) Готтлиб Вениамин (1762—1842), профессор философии Дерптского университета *645*

Жанлис Стефани Фелисите (урожд. Дю Крес де Сент-Обен; 1746—1830), французская писательница *869*
Жан Поль (настоящее имя и фамилия Иоганн Пауль Фридрих Рихтер; 1763—1825), немецкий писатель 449, 459, *885*, *896*, *897*
Жилль Флориан Антонович (Жиль; 1801 1865), директор Эрмитажной библиотеки, учитель французского языка и исторической географии у наследника 103, 599, *670*, *972*, *986*
Жихарев Степан Петрович (Громобой, 1788—1860), переводчик, театрал и мемуарист, в 1823—1827 гг. московский губернский прокурор 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 26, 28, 31—36, 39—44, 46, 52, 55, 597, 598, 627, *628*, *630*, *631*, *980*
Жомини Антуан Анри (Генрих Вениаминович, 1779—1869), французский генерал от инфантерии, военный писатель и историк, с 1813 на русской службе *741*
Жорж Занд *см.* Санд Жорж
Жубер Жозеф (1754—1824), французский моралист *867*, *877*
Жуковский Павел Васильевич (1845—1912), художник, сын Жуковского *987*

Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852), писатель, директор Московских театров *632*
Загряжская Екатерина Ивановна (1779—1842), фрейлина, тетка Н. Н. Пушкиной 345
Зайцев Борис Константинович (1881—1972), писатель 948
Задлер Карл Карлович (1801—1877), доктор медицины 340
Заруцкий Иван Мартынович (ум. 1614), предводитель донских казаков 146, 147
Зауервейд Александр Иванович (1783—1844), профессор батальной живописи, преподававший наследнику рисование 103, *670*
Захаров Иван Семенович (1754—1816), астраханский губернатор, литератор, член литературного общества «Беседа любителей русского слова [32], *632*, *633*, *635*
Захарьин Петр Михайлович (ок. 1750—ок. 1800), писатель *644*
Зейдлиц Карл Карлович (1798—1885), выпускник Дерптского университета, врач, биограф Жуковского *646*, *895*, *978*, *979*, *981*

Зелени-Салтан — Джелал ад Дин (1380—1413), хан Золотой Орды в 1412—1413 гг. 195
Зенф Карл Август (1770—1838), немецкий художник и гравер, профессор рисования Дерптского университета *984*
Зон Карл Фердинанд (1805—1867), немецкий художник 399, *825*, *826*
Зонтаг Анна Петровна (урожд. Юшкова, 1785—1864), детская писательница, племянница Жуковского 598, *662*, *938*, *976*, *979*
Зороастр (Заратуштра, иранский; Зороастр, греч.; между 10 и первой пол. 6 вв. до н. э.), пророк и реформатор древнеиранской религии 232
Зосима Соловецкий (ум.1478), игумен Соловецкого монастыря 209, *707*

Иаков, в библейской мифологии младший из двух сыновей-близнецов Исаака и Ревекки 557, *949*, *950*
Иван I Данилович Калита (1288—1340), князь московский, князь новгородский, великий князь владимирский 172, 173, 187, 195, 212, *683*, *706*
Иван III Васильевич (1440—1505), великий князь московский 138, 154, 200, 206—210, 410, *682*, *683*, *693*, *697*, *705*, *706*, *835*
Иван IV Грозный (Иоанн Васильевич, 1530—1584), великий князь московский, первый царь всея Руси 120, 138, 145—147, 221, 410, 579, *679*, *683*, *691*, *835*, *836*
Иван Андреевич (ум. 1485), князь можайский и стародубский 205, 206, 208
Иван Борисович (после 1412), князь кашинский 192
Иван Васильевич (ум. 1507), княжич боровский, князь клецкий 208
Иван Владимирович Бельский (ум. ок. 1450), князь бельский, князь-наместник новгородский 203
Иван Михайлович (1357—1425), великий князь тверской 192, 194
Иван Ростиславич Берладник (ум. 1162), звенигородский и галицкий князь 159, 160, 164
Иван Федорович (ум. 1456), великий князь рязанский 207, 208
Иван Юрьевич (ум. после 1462), князь зубцовский 197
Иваницкий Николай Иванович (1816—1858), педагог и литератор *829*
Ивиков Журавль *см.* Вигель Ф. Ф.
Игорь Ольгович (1096—1147), князь черниговский, великий князь киевский 159
Игорь Рюрикович (ок. 878—945), великий киевский князь 151, *694*, *695*
Игорь Святославич (1151—1201), князь новгород-северский 163, 165, 215, *701*, *702*
Игорь Ярославич (ум. 1060), князь волынский и смоленский 155
Идоменей, в греч. мифологии царь Крита, внук Миноса, предводитель критян в Троянской войне 316
Измаил, в библейской мифологии сын Авраама и Агари 558, 560, *737*, *950*
Изяслав Давыдовыч (ум. 1161), князь стародубский, черниговский, великий князь киевский 160
Изяслав Владимирович (ум. 1096), князь курский и муромский 157
Изяслав Мстиславич (1097—1154), князь курский, полоцкий, туровский, волынский, переяславский, великий князь киевский 159
Изяслав Ярославич (1024—1078), князь туровский, новгородский, великий князь киевский 155—157
Иисус Христос 283, 325, 326, 381, 383, 386, 387, 390, 411, 430, 434, 436, 437, 443, 446—448, 561, 565, 566, 578, 591, *624*, *714*, *804*, *812*, *885*, *892*, *915*, *916*, *973*, *974*

Икет, пифагореец из Сиракуз 570
Ингварь Игоревич (ум. 1235), рязанский князь 166
Иоанн (1782—1859), австрийский эрцгерцог 426, *853*
Иоанн (в миру Соколов; 1818—1869), епископ Православной Российской Церкви *862*
Иоанн I Цимисхий, византийский император в 969—976 гг. 152
Иоанн (Юхан) III Ваза (1537—1592), король Швеции в 1568—1592 гг., сын Густава Вазы 360, *795*
Иоанн VIII Палеолог (1392—1448), император Византии 196, 201, 202, *707*
Иоанн Креститель 216, 459, 461, 598
Иоанн св., богослов, апостол *897*
Иоанн (Иоганн) Вильгельм (1562—1609), герцог юлих-клеве-берский 397, *825*
Иоанн Михайлович (1357—1425), великий князь тверской 175
Иона (ум. 1461), митрополит Киевский и всея Руси 201, 203, 206, 207, 215
Иосиф Прекрасный, сын библейского праотца Иакова от Рахили, персонаж Пятикнижия *624*
Иосиф II (ум. 1439), константинопольский патриарх 201
Иосиф II (1741—1790), австрийский эрцгерцог, с 1765 император Священной Римской империи 296, *746*
Ирод I Великий (ок. 74—37 до н. э.), царь Иудейский *624*
Исаак, в библнйской мифологии сын Авраама и Сарры 556—558, 560, 561, *949*, *950*
Исав, в библейской мифологии старший из двух сыновей-близнецов Исаака и Ревекки 557, *949*, *950*
Исидор (ум. 1463), митрополит Киевский и всея Руси 201—203
Иулиан *см.* Чезарини Джулиано
Ифигения, персонаж древнегреческой мифологии 140
Ишимова Александра Осиповна (1804—1881), детская писательница, переводчица *793*

К. Г. *см.* Гагарин Ф. Ф.
Кавелин Александр Александрович (1793—1850), адъютант великого князя Николая Павловича, воспитатель наследника 418, *841*, *848*
Кавелин Дмитрий Александрович (1778—1851), воспитанник Московского университетского пансиона, директор Петербургского главного педагогического института 48, 49, 51, 52, 54, 55, *627*, *643*
Казимир IV (1427—1492), великий князь литовский и король польский 198, 203, 204
Кайсаров Андрей Сергеевич (1782—1813), литератор, профессор русской словесности Дерптского университета *674*
Калигула (прозвище Гая Цезаря Германика, 12—41 н. э.), римский император 231, 488, *922*
Кальянов Василий (ум. после 1887), камердинер и секретарь В. А. Жуковского, переписчик его сочинений *804*, *808*, *809*, *829*, *859*, *899*
Каменский Михаил Федотович (1738—1809), граф, генерал-фельдмаршал *928*
Камилла, сестра братьев Горациев *624*,
Камоэнс Луиш (Луис) де (1524 или 1525—1579 или 1580), португальский поэт *839*
Каниц-и-Дальвиц Карл Вильгельм Эрнст фон (1787—1850), прусский дипломат и политический писатель 511, 512, *934*

Каподистриа (Капо д'Истрия) Иоанн (Иван Антонович; 1776—1831), государственный деятель, с 1827 г. президент Греции 333, 335, 338, *768—772*
Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), писатель и историк 46, 47, 48, 53, 56, 150, 227, 333—339, 371, 598, 606, 612, *617*, *629*, *639*, *640*, *643*, *644*, *651*, *655*, *656*, *[658]*, *659*, *684*, *685*, *689*, *690*, *692*, *693*, *695*, *699*, *700*, *705*, *706*, *708*, *721*, *768—772*, *776*, *778*, *794*, *804*, *845*, *847*, *[851]*, *888*, *951*, *964*, *[970]* , *973*, *985*, *990*, *997*
Карамзин Николай Николаевич (1817—1833), сын Н. М. Карамзина 56, *644*
Карамзина Екатерина Андреевна (урожд. Колыванова, 1780—1851), с 1807 г. жена Н. М. Карамзина, сестра П. А. Вяземского 342, 598, *639*, *777*, *976*
Карач, чиновник Золотой Орды 174, 183
Каригайло (Корыгелло) Ольгердович (1369—1390), князь мстиславский 190
Карл Борромео (1538—1584), святой, кардинал, архиепископ Миланский 82
Карл Великий (742—814), франкский король, с 800 г. император 407
Карл II Австрийский (1540—1590), правитель Верхней Австрии с 1564 г. *825*
Карл II, герцорг Мекленбург-Стрелицкий, отец королевы Прусской Луизы *896*
Карл XI (1655—1697), шведский король 394, 395, *822—824*
Карл XII (1682—1718), шведский король, полководец 237, 679, *824*
Карл XIII (1682—1718), шведский король, полководец 395
Карл (Карл Людвиг Иоганн, 1771—1847), брат австрийского императора Франца I, военный министр *741*
Карл Смелый (1433—1477), герцог Бургундский 84, *661*
Карп Стригольник (XIV в.), основатель ереси стригольников 186, *706*
Карсавин Лев Платонович (1882—1952), религиозный философ и историк-медиевист *801*
Касовская (Косовская) Мария Васильевна, преподавательница английского языка великим княжнам и великим князьям Константину Николаевичу и Николаю Николаевичу 598, *983*
Кассандра *см.* Блудов Д. Н.
Кастор и Поллукс, мифологические персонажи, братья-близнецы, сыновья Леды *740*
Катенин Павел Александрович (1792—1853), поэт, критик, драматург [32], *628*, *634*
Катерина Ягеллонка, супруга шведского короля Иоанна III 360, *795*
Катилина Луций Сергий (ок. 108—62 до н. э.), римский патриций, претор *721*, *724*, *966*
Катон Старший Марк Порций Цензорий (234—149 до н. э.), римский политический деятель 246, *729*, *744*
Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842), историк и журналист *646*, *953*
Кашкин Василий Тимофеевич, столоначальник 2-го отделения Медицинского департамента 25, *631*
Кваренги Джакомо (1744—1817), русский архитектор, по национальности итальянец 271, *739*, *740*
Керим-Бердей (ум. 1414), хан Золотой Орды в 1413—1414 гг. 195
Кернер Юстинус (1786—1862), немецкий писатель *821*
Кесарь Юлий *см.* Цезарь Юлий
Кестнер Георг Август (1777—1853), немецкий дипломат, ганноверский посланник в Риме, художник-дилетант *931*
Кейстут (Кестутий, 1297—1382), сын Гедемина, великий князь литовский 144, 174—177, 179, 198, *690*

Киприан (ок. 1330—1406), митрополит Киевский и всея Руси, писатель 179, 182, 183, 188
Кир II Великий (царствовал с 558 по 529 до н. э.), основатель персидской державы 324
Киреевская А. П. *см.* Елагина А. П.
Киреевские (Иван Васильевич и Авдотья Петровна) *621*
Киреевские братья (Иван Васильевич и Петр Васильевич) *974*
Киреевский Василий Иванович (1773—1812), отец братьев Киреевских, первый муж А. П. Елагиной *675*
Киреевский Иван Васильевич (1806—1856), критик и публицист, славянофил *776*, *800*, *801*, *819*, *871*, *880*, *981*, *983*, *984*
Кирилов Иван Кириллович (1695—1737), картограф, географ 128, 147, *687*
Кичим Ахмет — Кичи Мухаммед, хан Золотой Орды в 1428, 1432—1459 гг. 198, 200
Клавдий Тиберий Нерон Германик (10 до н. э. — 54 н. э.), римский император 231
Клара Август Филипп (1790—1850), дерптский художник и гравер *980*
Клаудиус Маттиас (1740—1815), немецкий писатель *652*
Клаузевиц Карл фон (1780—1831), прусский генерал, немецкий военный теоретик и историк *741*
Клебер Иоганн Готтфрид (1796—1889), немецкий педагог и переводчик *961*
Клейст Генрих фон (1777—1811), немецкий писатель *896*
Клейст Луиза (Лулу) фон (в замуж. Стош; 1800—1855), дочь Марии Клейст 598, *984*
Клейст Мария фон (урожд. Гвалтиери, 1761—1831), кузина Г. Клейста, жена генерала Ф. В. Х. фон Клейста, хозяйка литературного салона в Берлине 598, *984*
Клейст Эвальд Христиан (1715—1759), немецкий поэт 271, *740*
Клеомен, один из спартанских царей 573
Клеттенберг, немецкий фальшивомонетчик 67
Кожин Александр Иванович (1690-е — после 1733), картограф, геодезист, поручик флота 128
Козлов Иван Иванович (1779—1840), поэт и переводчик *738*, *758*, *893*, *894*
Козлова Софья Андреевна (урожд. Давыдова, ум. 1867), жена поэта И. И. Козлова 596, *980*
Козмян Каэтан (1771—1856), польский писатель и государственный деятель *709*
Койричак (конец XIV — начало XV в.), ставленник Тамерлана, хан восточной части Золотой Орды 189, 190
Коллинс Эдуард Альберт Христофор Людвиг (Коллинз Эдуард Давыдович; 1791—1840), академик, преподаватель математики и физики у наследника 599, *671*, *986*
Коломан (1208—1241), принц Венгрии, князь галицкий 167
Колумб Христофор (1451—1506), мореплаватель, открыватель Америки 142, 470, 585, 587, 603, 604, 609, *626*
Кондорсе Марк Жан Антуан Никола де (1743—1794), французский филолог 245, *728*
Кони Федор Алексеевич (1809—1879), журналист, драматург, переводчик *738*
Константин VII Багрянородный (905—959), византийский император и писатель 142
Константин VIII (960—1028), византийский император, соправитель Василия II Болгаробойцы 153
Константин IX Мономах (1000—1055), византийский император 158
Константин XI (1403—1453), последний византийский император *836*
Константин Васильевич (1312—1365), князь ростово-борисоглебский, ростово-усретенский 172

Константин Владимирович (ум. после 1241), князь пронский 166
Константин Всеволодович (1186—1218), князь новгородский, ростовский, великий князь владимирский 164—166
Константин Дмитриевич (1389—1434), князь углицкий 193, 196
Константин Николаевич (1827—1892), великий князь, сын Николая I 353, 598, *783*, *924*, *927*, *983*
Константин Павлович (1779—1831), великий князь, цесаревич, главнокомандующий польской армией и наместник Царства Польского 416, 418, 419, *709*, *842—844*, *847—849*, *971*
Конфуций (Кун-цзы; ок. 551—479 до н. э.), древнекитайский мыслитель 232
Кончак (ум. после 1203), половецкий хан 186
Коперник Николай (1473—1543), польский астроном *626*
Корибут Ольгердович (ум. после 1404), князь новгород-северский 190
Корнелиус Петер фон (1783—1867), немецкий художник 466, *825*, *901*
Корнель Пьер (1606—1684), французский драматург и поэт *623*, *735*
Корнилович Александр Осипович (1800—1834), штабс-капитан гвардии Генерального штаба, писатель-декабрист *749*
Корф Модест Андреевич (1800—1876), историк, государственный деятель *844*, *925*
Кот *см.* Северин Д. П., имевший арзамасское прозвище «Резвый кот»
Коттен Мари Софи (1770—1807), французская писательница *942*, *[943]*
Коцебу Август Фридрих Фердинанд фон (1761—1819), немецкий писатель 127, *943*, *953*
Коцебу Отто Евстафьевич (1788—1846), остзейский барон, российский мореплаватель 127, *686*, *687*
Кошелёв Александр Иванович (1806—1883), общественный деятель, славянофил *819*
Кошут Лайош (1802—1899), венгерский политический деятель, революционер 484, *927*
Краевский Андрей Александрович (1810—1889), журналист, издатель *870*
Кранах Лукас (1472—1553), немецкий художник 68, *650*, *652*
Кребийон (Кребильон) Проспер Жолио де (1674—1762), французский драматург *631*
Крейтон Василий Петрович (Арчибальд Вильям, 1791—1861), англичанин, лейб-медик при дворе Николая 599, *986*
Криницкий — Криницкий Павел Васильевич (1751—1835), протопресвитер, императорский духовник с 1808 по 1835 г., член Святейшего Синода 417, 418, *848*
Кристофер III Баварский *см.* Христофор
Кронеберг Иван Яковлевич (1788—1838), эстетик и критик, переводчик *868*,
Крузенштерн Иван Федорович (1770—1846), моряк и путешественник 127, *687*
Крузиус-Баумгартен Людвиг Фридрих Отто (1758—1843), немецкий теолог 507,
Крылов Александр Лукич (1798—1853), профессор истории, географии и статистики Петербургского университета, цензор *773*, *774*
Крылов Иван Андреевич (1769—1844), баснописец 38, 42, *944*, *945*, *955*
Куврат — Кубрат (Курбат), в VII в. основатель и первый правитель Великой Булгарии 141
Кузен Виктор (1792—1867), французский философ и политический деятель *869*
Кульман Николай Карлович (1871—1940), историк литературы *985*
Куриации, три брата, граждане Альба-Лонги 10, *624*
Курций Марк (погиб 362 до н. э.), римский герой 24, 512, *630*, *935*

Кутайсов Александр Иванович (1784—1812), генерал-лейтенант, начальник артиллерии, герой Отечественной войны 1812 г. 364, *798*
Кювье Жорж Леопольд Кристиан Фредерик Даговер (1769—1832), французский натурфилософ *646*
Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846), поэт-декабрист *648*, *656*, *961*

Лаван-арамеец, скотовод, персонаж ветхозаветной книги Бытия, брат Ревекки 556
Леконт (Лекуэнт) де Лаво Жорж, французский писатель и издатель, автор «Путеводителя по Москве» *980*
Лагарп Жан Франсуа де (1739—1803), французский критик и драматург 28, *632*
Лагарп Фредерик Сезар (Цезарь) де (1754—1838), швейцарский государственный деятель, генерал, воспитатель Александра I в 1784—1795 гг. *674*, *754*
Ладюрнер Адольф Игнатьевич (1800—1856), профессор батальной живописи в Петербургской академии художеств *767*
Лазарев Михаил Петрович (1788—1851), адмирал, полярный исследователь 127, *687*
Лаифант, фианский военачальник в армии Эпаминонда 573
Лакордер Жан Батист Анри (1802—1861), французский католический проповедник, журналист, член Французской академии *870*
Ланге Ф.-К., немецкий педагог 69, *651*
Ланской Василий Сергеевич (1754—1831), генерал-майор, сенатор *767*
Ларошфуко Франсуа де (1613—1680), французский писатель, моралист *867*
Лафонтен Жан де (1621—1695), французский писатель *945*
Левек Пьер Шарль (1837—1812), французский историк 47, 228, *640*, *721*
Леклерк Никола Габриэль (1726—1798), французский историк 47, *640*
Леман Карл, немецкий переплетчик XIX в. *957*
Леонардо да Винчи (1452—1519), итальянский художник, скульптор, ученый 77
Леонтьев Павел Михайлович (1822—1874), историк, профессор классических древностей в Московском университете, журналист *872*
Леон Альфонсо VI, сын Фердинанда I *740*
Лепс, французский аббат 589
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841), поэт *756*, *800*, *811*, *832*
Лесаж Ален Рене (1668—1747), французский писатель [480], *924*
Лесков Николай Семенович (1831—1895), писатель *823*, *915*
Лессинг Готтхольд Эфраим (1729—1781), немецкий писатель и теоретик искусства, один из идеологов немецкого Просвещения *725*, *944*, *945*
Лессинг Карл Фридрих (1808—1880), немецкий художник 465, *901*
Лешко Белый (1184—1227), король Польши 167
Либертут Фридрих (1799—1887), немецкий писатель и пастор 426, *853*
Ливен Шарлотта Карловна (урожд. фон Поссе, 1743—1828), баронесса, статс-дама, воспитательница дочерей Павла I 598
Ликург (IX—VIII в. до н. э.), легендарный спартанский законодатель 247, *729*
Линде Самуэль Богумил (1771—1847), польский филолог, директор Варшавской Публичной библиотеки *709*

Липман Фридрих Леберехт (Федор Иванович; (1784—1854), немецкий историк, статистик, профессор Берлинского университета, читавший наследнику курс всеобщей истории 599, *713*, *969*, *986*
Лисянский Юрий Федорович (1773—1837), участник первой российской кругосветной экспедиции 127, *687*
Литке Федор Петрович (1797—1882), мореплаватель и географ *670*, *671*
Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765), поэт, ученый-естествоиспытатель *806*, *807*
Лопухин Иван Владимирович (1756—1816), князь, государственный деятель, масон, писатель *869*
Лот, библейский персонаж, племянник Авраама 556, 559, *949*, *951*
Лотова жена, обращенная в соляной столп за пристрастие к Содому 559
Лувиньи *см.* Бернье-Лувиньи Ж. де
Лугвений (Семен) Ольгердович (1356—1431), князь новгородский и мстиславский 184, 192, 196
Луи Филипп, герцог Орлеанский (1773—1850), сын Филиппа Эгалите, французский король в 1830—1848 гг. *834*, *917*
Луиза Д., подруга Марианны Р. 403, 404
Луиза (урожд. принцесса Мекленбург-Стрелицкая, 1771—1810), королева прусская, жена императора Фридриха Вильгельма III, мать императрицы Александры Федоровны 458, 459, *893*, *896*, *897*
Львов Павел Юрьевич (1770—1825), писатель, член литературного общества «Беседа любителей русского слова» *631*
Львов Федор Петрович (1765—1836), писатель *629*
л'Эпе Шарль Мишель (1712—1789), французский аббат, создатель первой школы для глухих *972*
Людовик I Благочестивый (Людвиг, 778—840), король франков и император Запада 143
Людвиг XII (Людовик XII; 1462—1515), король Франции с 1498 г. 221
Людовик XIV (1638—1715), французский король с 1643 г. *910*
Людовик XV (1710—1774), французский король с 1715 г. *786*, *910*
Людовик XVI (1754—1793), французский король с 1774 г. 296, 473, *747*
Людовик (Людвиг) XVIII (1755—1824), французский король *754*
Лютер Мартин (1483—1546), немецкий теолог, деятель Реформации 68, *650*
Люцероде Карл Август (1794—1864), барон, немецкий дипломат, саксонский посланник в Петербурге *780*

М. *см.* Мойер М. А.
Магомет I *745*
Магомет II (Махмуд, Мухаммед 1273—1302), 293, *745*
Магомет II — Мехмед II Завоеватель (1432—1481), османский султан 202, 209
Мазепа Иван Степанович (1639—1709), гетман Войска Запорожского 144, 145, 239, *691*
Мазовша (середина XV в.), ордынский царевич, правнук Тохтамыша 208
Майков Аполлон Николаевич (1821—1897), поэт *926*
Макиавелли Никколо (1469—1527), итальянский политический мыслитель и писатель *[932]*

Маколей Томас Бабингтон (1800—1859), английский государственный деятель, историк и литератор 482, *927*
Максим Исповедник *879*
Максимилиан I Иосиф (ум. 1825), король Баварский 333, 338, *772*,
Максимилиан Евгений Иосиф Наполеон (1817—1852), герцог Лейхтенбергский, сын Евгения Богарне, муж великой княгини Марии Николаевны *797*
Максимович Михаил Александрович (1804—1873), естествоиспытатель и историк, ректор Киевского университета *819*,
Макферсон Джеймс *см.* Оссиан
Малле (Маллет) Поль Анри (1730—1807), швейцарский историк, исследователь датской литературы и истории *747*
Мальтиц Аполлоний Петрович (Фридрих Аполлоний, 1795—1870), барон, дипломат, старший секретарь русского посольства в Мюнхене, переводчик *839*, *920*
Мамай (1355—1380), беклярбек и темник Золотой Орды 172, 174—182, 409, *704*, *708*, *835*
Мамант-Салтан — Булак-хан (Мухаммед Булак, 1360—1380), хан Мамаевой Орды (1370—1380), хан Золотой Орды (1370—1372 и 1375) 174, 178
Мамушек — Махмуд, Мамутяк (ум. 1465), казанский хан 207
Маннинги Мария (р. 1821) и Фредерик Джордж (р. ок. 1820), английские супруги-убийцы, казненные 13 ноября 1849 г. 477, *911*
Мануил II Палеолог (1350—1425), император Византии 196, *707*
Марианна Р., невеста Гофмана, молодого человека из Франкфурта 403,
Мария Александровна (Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария, принцесса Гессен-Дармштадтская; в замуж. великая княгиня Мария Александровна, 1824—1880), с 1841 г. жена великого князя Александра Николаевича, с 1855 г. российская императрица 368—371, *801*
Мария Борисовна (1442—1467), дочь Бориса Александровича Тверского, жена Ивана III 206
Мария Николаевна (в замуж. герцогиня Лейхтенбергская; во втором браке графиня Строганова, 1819—1876), великая княжна, старшая дочь Николая I 353, 354, 597, 598, *651*, *730*, *738*, *741*, *742*, *745*, *746*, *750*, *783*, *793*, *796*, *797*, *976*, *986*
Мария Терезия (1717—1780), австрийская эрцгерцогиня 296, *746*
Мария Федоровна (урожд. Мария Доротея Августа Луиза принцесса Вюртембергская, 1759—1828), жена великого князя Павла Петровича с 1776 г.; российская императрица с 1796 г. 113, 350, 368, 417, 418, *673*, *710*, *789*, *790*, *800*, *[843]*, *875*
Марк Аврелий (121—180), римский император и философ 120, 140, 573, 574, *610*, *679*, *689*, *712*, *962*, *963*
Марк Аврелий, его сын 573, 574
Марк Эфесский (Мануил Евгеник, 1392—1444), митрополит Эфесский 202
Маркс Карл (1818—1883), немецкий политик, основоположник научного коммунизма *846*, *851*
Маслов Степан Алексеевич (1796—1879), писатель, автор трудов по сельскому хозяйству *807*
Массильон Жан Батист (1663—1743), французский проповедник 56, *645*
Матушка Афанасьевна *см.* Протасова Е. А.
Матфей, евангелист *624*

Матюшкин Федор Федорович (1799—1872), полярный исследователь, адмирал, сенатор, лицеист, друг А. С. Пушкина 127, *687*
Махмет — Улу Мухаммед хан (1405—1445), хан Золотой Орды, крымский и казанский хан 198, 200, 204, 205, *707*
Маша *см.* Мойер М. А.
Мезон Никола Жозеф (1771—1846), маршал Франции, губернатор Парижа, французский посол в Петербурге *765*
Мейнгард (Майнхард / Мейнард 1127—1196), католический святой, первый миссионер в Ливонии 168
Менгс Антон Рафаэль (1728—1779), немецкий художник и теоретик искусства 76, *655*,
Мендер, граф баденский 397
Ментор, в греческой мифологии друг и наставник Одиссея из Итаки 316
Менцель Карл Адольф (1784—1855), немецкий писатель и государственный деятель 323, 325, *754*, *757*, *758*
Мердер Карл Карлович (1788—1834), генерал-адъютант, воспитатель наследника Александра Николаевича 103, 327—329, 596, 598, *669*, *670*, *680*, *681*, *759—762*, *958*, *959*, *976*, *977*
Мердер Мария Карловна (1815—1870), дочь К. К. Мердера, фрейлина 328
Мердер Сара (урожд. Оксфорд), англичанка, жена К. К. Мердера 328
Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830), поэт, переводчик, критик, профессор Московского университета 44, *639*
Мериме Проспер (1803—1870), французский писатель 394, *822*, *823*, *846*
Мессершмидт, немецкий юрист *914*
Местр Жозеф-Мари де (1753—1821), граф, франкоязычный католический священник, философ, политик и дипломат *870*
Мехмед II, Фатих (1432—1481), турецкий султан *836*
Мещёвский Александр Иванович (ок. 1792 — ок. 1820), поэт и переводчик [53], *643*,
Мещерский Петр Иванович (1802—1876), князь, подполковник гвардии в отставке, муж Е. Н. Мещерской, зять Н. М. Карамзина 340
Мещерский Элим Петрович (1808—1844), князь, дипломат и литератор *870*, *873*
Микеланджело (Микель Анжело) Буонаротти (1475—1564), итальянский скульптор, художник и поэт 466, *901*
Миллер Иоганн (Мюллер 1752—1809), швейцарский историк 83, 120, 222, 240, 391, 489, *660*, *679*, *725*, *816—818*, *927*
Милонов Михаил Васильевич (1792—1821), поэт *630*
Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825), генерал от инфантерии, петербургский военный генерал-губернатор 418—419, *848, 849*
Минин Дмитрий, московский воевода 174
Митридат VI Евпатор (132—63 до н. э.), представитель рода Аршакидов, царь Понта 140, 490
Митяй — Михаил (ум. 1379), духовник великого князя Дмитрия Ивановича, архимандрит московского Спасского монастыря 179
Михаил Александрович (1333—1399), князь микулинский, великий князь тверской 173—177, 183, 192

Михаил Андреевич (ум. 1486), князь верейский, белозерский, вышгородский 204, 207, 208
Михаил Борисович (1453—1505), великий князь тверской 209
Михаил Васильевич (1331—1373), князь кашинский 174
Михаил Всеволодович (1179—1246), князь переяславский, новгородский, черниговский, галицкий, великий князь киевский 165, 169
Михаил Николаевич (1832—1909), великий князь, четвертый сын Николая I 353, *783*
Михаил Павлович (1798—1849), великий князь, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий гвардейским и гренадерским корпусами, младший брат Николая I 216, 353, 355, 368, *673*, *783*, *919*, *927*
Михаил Сигизмундович (ум. 1451/52), сын Сигизмунда Кейстутовича, претендент на великое княжество литовское 198
Михаил Федорович (1596—1645), царь, первый из рода Романовых 138, 146, 147, *683*, *778*, *836*
Михайлов Григорий Карпович (1814—1867), художник *981*
Михалко (Михаил) Юрьевич (ум. 1176), великий князь владимиро-суздальский 162
Мицкевич Адам (1798—1855), польский поэт *711*, *720*
Мишо Жозеф Франсуа (1767—1839), французский историк *895*
Моисей, пророк 231, 441
Мойер Екатерина Ивановна (в замуж. Елагина, 1820—1890), дочь М. А. Мойер-Протасовой и И. Ф. Мойера *623*, *826*, *977*, *978*
Мойер Иван Филиппович (1786—1858), профессор Дерптского университета, доктор медицины и хирургии 596, *978*, *980*
Мойер Мария Андреевна (урожд. Протасова, 1793—1823), племянница В. А. Жуковского, жена И. Ф. Мойера 11, [402], 598, *623*, *626*, *652*, *826*, *855*, *875*, *884*, *932*, *941*, *942*, *954*, *976—979*, *984*, *985*
Мокрицкий Аполлон Николаевич (1810—1870), художник, ученик Брюллова *981*
Мольер (Жан Батист Поклен, 1622—1673), французский комедиограф и актер *951*
Монлозье Франсуа Доминик Ренье де (1755—1838), граф, французский историк и публицист *931*
Монтгомери *736*
Морленкур, пленный французский офицер, живший в имении Плещеевых Чернь *938*
Монтескье Шарль Луи (1689—1755), французский просветитель, правовед и философ *817*
Монферран Август Августович (Огюст Рикар де 1786—1858), русский архитектор, по происхождению француз *763*
Моравский Франтишек (1785—1861), польский поэт *709*
Моргенштерн Карл Симон (1770—1852), дертский профессор эстетики и археологии, приятель Жуковского *645*
Моро Жан Виктор (1763—1813), французский генерал 70, *652*
Морозов Семен Федорович (первая половина XV в.), боярин князя Юрия Дмитриевича 199
Мстислав Андреевич (ум. 1172), княжич владимирский 161, 162
Мстислав Владимирович (ок. 983—1036), князь тмутараканский и черниговский 153, 154

Мстислав Владимирович Великий (1076—1132), князь новгородский, великий князь киевский 157—159, 170
Мстислав Изяславич (ум. 1069), князь новгородский, князь полоцкий 156
Мстислав Изяславич (1125/26—1170), князь переяславский, луцкий, волынский, великий князь киевский 160, 161
Мстислав Мстиславич Удатный (ум. 1228), князь трепольский, торопецкий, новгородский, галицкий, торчесский 164—170
Мстислав Ростиславич Храбрый (ум. 1180), князь новгородский 162
Мстислав Юрьевич (1213—1238), средний сын владимирского князя Юрия Всеволодовича 169
Мстислав Ярославич Немой (ум. 1226), князь пересопницкий, галицкий, луцкий 167
Мунго Парк (1771—1806), шотландский исследователь Центральной Африки, путешественник *647*
Мур Томас (1779—1852), английский поэт *742*, *982*
Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874), чиновник Синода, камергер, духовный писатель, поэт *870*, *893*
Муравьев Матвей Иванович (1784—1836), мореплаватель и исследователь, генерал-майор флота, правитель Русской Америки 127
Муравьев Михаил Никитич (1757—1807), писатель и общественный деятель *970*, *971*
Муравьев Никита Михайлович (1795—1843), капитан генерального штаба, декабрист 54, *644*, *724*
Муравьев Николай Николаевич (1768—1840), писатель, общественный деятель 399, *826*,
Муравьев Степан Воинович (1707/8—1768), капитан-лейтенант, исследователь Карского моря 127, *686*
Мурат — Мурад (ум. 1364), хан Золотой Орды в 1362—1364 гг. 172, 173
Мурад I (ум. 1389), османский султан 202
Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795—1862), попечитель Казанского и Петербургского учебных округов *851*, *852*
Мустафа султан (ум. 1444), ордынский царевич, сын Улу Мухаммед хана 204
Мысловский Петр Николаевич (1778—1846), протоиерей Казанского собора, член Российской Академии *913*
Мюральт (Мюральт) Иоганн (1780—1850), пастор реформаторской церкви в Петербурге, педагог 599, *675*, *986*

Набоков Владимир Владимирович (1899—1977), писатель *915*
Наливайко Северин (ум. 1597), казацкий предводитель, руководитель восстания против Речи Посполитой в Украине 144
Наполеон I Бонапарт (1769—1821), французский император 29, 55, 65, 67, 82, 83, 296, 331, 362, 406, 407, 406, 407, 487, 492—494, 501, 516, 516, *649*, *658*, *652*, *747*, *756*, *758*, *767*, *824*, *840*, *[850]*, *928*, *937*, *952*, *953*
Наримонт (вторая половина XIV в.) 190
Нахор, библейский персонаж, брат Авраама 556
Негели Ганс Георг (1773—1836), швейцарский композитор и музыкальный педагог *652*
Неккер Жак (1732—1804), французский политический деятель и экономист, отец мадам де Сталь *712*

Неккер Сюзанна (урожд. Кюршо; 1737—1794), его жена, мать мадам де Сталь, писательница *888*
Некомат, купец 177
Немцевич Юлиан (1758—1841), польский поэт *709*
Неплюев Иван Иванович (1693—1775), государственный деятель, основатель Оренбурга 128, 147, *687*
Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь (37—68), римский император 231
Нессельроде Мария Дмитриевна (урожд. графиня Гурьева, 1786—1849), графиня, жена министра иностранных дел К. В. Нессельроде *802*
Нестор (ок. 1056—1114), древнерусский писатель, летописец 142, *975*
Нефедьева Александра Ильинична (1782—1857), двоюродная сестра братьев Тургеневых *778*
Никитенко Александр Васильевич (1804—1877), литературный критик, профессор русской словесности Петербургского университета, цензор *807*, *870*
Никодем (Никомед; III—IV в. до н. э.), хромой калека из Фив 571, *962*
Николай I (Николай Павлович, 1796—1855), великий князь, с 1825 г. — российский император 100, 113, 117—124, 139, 215—217, 334, 340, 342, 347, 350, 351—356, 364, 365, 367—369, 371, 415, 418—420, 423, 424, 485—487, 490, 582, *668—670*, *672*, *673*, *677*, *680*, *708—712*, *723*, *724*, *759—762*, *763—768*, *773—776*, *778*, *779*, *781*, *782—785*, *789—791*, *799*, *817*, *830*, *831*, *841—843*, *846—849*, *850*, *863*, *906*, *913*, *917*, *919—921*, *925—928*, *937*, *948*, *958*, *959*, *968*, *971*, *977*, *982*, *983*
Николай Николаевич (1831—1891), великий князь, генерал-инспектор кавалерии и по инженерной части, третий сын Николая I 353, *783*, *983*
Новалис (наст. имя и фамилия Фридрих фон Харденберг; 1772—1801), немецкий поэт и философ *803*, *867*, *896*
Новиков Николай Иванович (1744—1818), просветитель, писатель-журналист и издатель *869*
Новосильцов Николай Николаевич (1761—1836), полномочный делегат при совете Царства Польского и попечитель Виленского учебного корпуса *709*
Ной, десятый и последний из допотопных патриархов 592, 593, *974*
Нума Помпилий, гос. деятель, согласно античной традиции второй царь Рима 574
Ньютон Исаак (1643—1727), английский математик, механик, астроном 541

О*** *см.* Олсуфьев В. Д.
Оберберген Финке фон, магистр Ливонского ордена в 1438—1450 гг. 203
Ободовский Платон Григорьевич (1803—1864), писатель, переводчик *797*
Овербек Фридрих (1789—1869), немецкий художник, основатель братства художников-назарейцев 466, *901*
Овцын Дмитрий Леонтьевич (1708—1757), гидрограф, исследователь Арктики 127, *686*
Огинский (Огиньский) Михал Клеофас (1765—1833), граф, польский композитор 71, *652*
Один, верховный бог в скандинавской мифологии 298, 320, 321
Одоевский Владимир Федорович, кн. (1804—1869), писатель, литературный и музыкальный критик *868*
Озеров Владислав Александрович (1769—1816), драматург 409, *835*

Октай *см.* Угэдэй
Олег (ум. 912), князь новгородский и великий киевский князь 138, 151, *682*, *694*, *695*, *700*
Олег Иванович (ум. 1402), великий князь рязанский 173, 176, 178—183, 191, 192
Олег Святославич (ум. 977), князь древлян, сын Святослава Игоревича 152
Олег Святославич (ок. 1053—1115), князь волынский, тмутараканский, черниговский, новгород-северский 156—165, *701*
Олешинский — Кочевин-Олешинский Юрий Васильевич, московский боярин 179
Олсуфьев Василий Дмитриевич (1796—1858), граф, гофмаршал двора, в 1838—1840 гг. московский губернатор 60,63, [67] 70, *648*, *652*
Ольга (ок. 920—969), княгиня, жена киевского князя Игоря 151, 152, *694*, *695*, *700*
Ольга Николаевна (1822—1892), великая княжна, дочь Николая I, с 1846 г. жена Вюртембергского наследного принца Фридриха Карла Александра 353, 597, 598, *730*, *741*, *749*, *750*, *759*, *783*, *976*, *980*
Ольгерд (Олгерд, 1296—1377), сын Гедимина, великий князь литовский 144, 174—177, 179, 183, 190, 193, 196, 198, 203, *690*
Ольденбургский Петр Фридрих Георг (Петр Григорьевич, 1812—1881), принц, член Государственного совета, впоследствии генерал от инфантерии, любитель искусств и переводчик, муж великой княгини Екатерины Павловны *760*
Онегин-Отто Александр Федорович (1845—1925), коллекционер, пушкинист *984*, *985*, *987*
Ориген (ок. 185—253/254), христианский теолог, философ, филолог, представитель ранней патристики *879*
Орлов Алексей Федорович, гр. (1786—1861), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, командир лейб-гвардии Конного полка, с 1844 г. шеф жандармов и начальник III отделения *709*, *790*, *829*
Орлов Г. А., внук протоиерея Г. П. Павского *671*
Орлов Михаил Федорович (1788—1842), генерал-майор, арзамасец, член Союза Благоденствия 54—55, *644*
Орловский (наст. фам. Смирнов) Борис Иванович (1792—1837), скульптор *767*
Осан — Хасан бин Беккунды, шибанид, хан Золотой Орды в 1368—1369 гг. 177, 178
Осипова Мария Ивановна (1820—1896), дочь П. А. Осиповой, знакомая А. С. Пушкина *781*
Оссиан (III в.), легендарный воин и бард кельтов 223, 226, *631*, *711*, *716*, *719*
Ослябя Родион, легендарный монах-воин инок Свято-Троицкого монастыря 180, 181
Остей (ум. 1382), князь династии Гедиминовичей на московской службе 182
Отто Иоганн Самуэль (1798—1878), немецкий художник при прусском дворе, автор портрета Фридриха Вильгельма IV *981*
Очарованный Челнок *см.* Полетика П. И.

Павел апостол *874*, *878*
Павел I (Павел Петрович, 1754—1801), в 1796—1801 гг. российский император 139, 349, 361, *784*, *788*
Павский Герасим Петрович (1787—1863), философ, богослов, профессор Петербургского университета, законоучитель наследника 103, 599, *670*, *672*, *958*, *986*

Пальмерстон Генри Джон (1784—1865), английский государственный деятель, министр иностранных дел, впоследствии премьер-министр 482, 484, 485, 489, *864*, *919—923*, *925*, *926*, *936*

Парк Мунго *см.* Мунго Парк

Парни Эварист (1753—1814), французский поэт 941

Паррот Георг Фридрих (1767—1852), профессор физики, ректор Дерптского университета 57—59, *645*, *646*, *674*, *675*

Парфений Федорович (ум. 1374), нижегородский боярин 177

Паскаль Блез (1623—1662), французский философ, математик 243, 584, *726*, *727*, *803*, *808*, *868*, *884*

Паскевич Иван Федорович, князь Варшавский (1782—1856), генерал-фельдмаршал, командир Отдельного кавказского полка, граф Эриванский, с 1832 г. наместник Царства Польского 363, 364, 480—485, 490, *798*, *866*, *919—921*, *924*, *928*, *959*

Паткуль Александр Владимирович (1817—1877), государственный и военный деятель, сверстник наследника, обучавшийся вместе с ним 122—125, 593, 595, 596, 599, *680*, *681*, *730*, *751*, *752*, *975*, *977*, *985*

Паткуль Владимир Григорьевич (1783—1856), генерал, его отец *680*

Патрикей Неримунтович (ум. после 1408), удельный князь стародубский 184

Пелопид (ок. 418—364 до н. э.), древнегреческий государственный деятель, фиванский правитель 570—573, *962*

Пельский Петр Афанасьевич (1763 или 1765—1803), директор Московской синодальной типографии, литератор, друг Н. М. Карамзина 804

Пемброк Филипп, граф Монгомери 563

Пердонне Жан Альберт (1801—1867), французский инженер, общественный деятель *754*

Пересвет Александр (ум. 1380), легендарный монах-воин инок Свято-Троицкого монастыря 180, 181

Перец, г-жа 392, 393

Перикл (ок. 495—429 до н. э.), афинский стратег и законодатель, вождь демократической группировки 224, *717*

Перовский Василий Алексеевич (1795—1857), граф, флигель-адъютант, впоследствии директор канцелярии Морского штаба, генерал-адъютант, в 1833—1842 гг. оренбургский военный губернатор 418, 596, 598, 599, *841*, *848*, *976*, *979*, *986*

Перро Шарль (1628—1703), французский писатель и критик *661—663*

Песоцкий Петр Дмитриевич (1774 — не ранее 1841), протоиерей, священник церкви Спаса Нерукотворного образа при Главных конюшнях (Конюшенной церкви) в Петербурге *778*

Песталоцци Иоганн Генрих (1746—1827), швейцарский педагог 83, 107, *660*, *669*, *674—678*, *986*

Петерсен Евстафий Федорович (Георг Густав, 1782—1839), лифляндский губернский прокурор 596, *979*

Петерсен Карл (1775—1822 или 1823), дерптский университетский библиотекарь, поэт, брат Е. Ф. Петерсена *979*, *980*

Петерсен Фреймунд, сын К. Петерсена 596, *979*, *980*

Петр св. 329, *785*, *791*, *797*

Петр I (1672—1725), царь с 1682 г., российский император с 1721 г. 68, 113, 115, 127, 128, 139, 144—147, 155, 237, 238, 270, 308, 309, 332, 333, 339, 348, 351, 353, 366, 471, 579, *633*, *650*, *678*, *679*, *723*, *724*, *739*, *740*, *748*, *749*, *767*, *768*, *776*, *907*, *954*

Петр III (1728—1762), немецкий принц Карл Пётр Ульрих, муж Екатерины II, российский император с 1761 г. *787*, *788*

Петр Дмитриевич (1385—1428), князь дмитровский и углицкий 197, 198

Пимен (ум. 1389), игумен Горицкого монастыря, митрополит Киевский и всея Руси 179, 183, 186, 188

Пиндар (522 или 518 — 446 или позднее до н. э.), древнегпеческий поэт-лирик *855*

Писемский Павел Петрович (1797—1857), московский хлебосол, гвардии прапорщик, племянник Д. Н. Блудова 31, *634*

Пифагор (ок. 540—500 до н. э.), греческий философ 283, *743*

Пихлер Каролина (1769—1843), немецкая писательница 584, *967*

Платон (в миру Левшин Петр Георгиевич, 1737—1812), московский митрополит, наставник великого князя Павла Петровича (Павла I) *847*

Плетнев Петр Александрович (1792—1865), поэт и критик, профессор и ректор Петербургского университета 340, 598, 599, *785*, *795*, *798*, *802*, *807*, *808*, *810*, *816*, *820*, *822*, *826*, *831*, *837*, *841*, *843*, *854*, *858—866*, *872*, *920*, *922—924*, *976*

Плещеев Александр Алексеевич (1778—1862), композитор-дилетант, член «Арзамаса», тульский помещик 55, 56, 75, *624*, *644*, *655*, *938—943*

Плещеев Михаил Борисович (ум.1468), боярин великого князя Василия II 206

Плещеева Анна Ивановна (урожд. Чернышова, ум. 1817), жена А. А. Плещеева, адресат посланий Жуковского *938*, *940*

Плещеевы *621*

Плиний Старший (23 или 24—79), римский писатель и ученый 246, *729*

Плутарх (ок. 46 — ок. 127), древнегреческий писатель и историк *745*, *961*

Повлер, адвокат 562

Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк, писатель, журналист *772*, *807*

Поднебесный, вероятно, псевдоним неизвестногого поэта 1830-х гг. *765*, *868*

Покровский Феофилакт Гаврилович (псевд. Философ горы Алаунской, 1763 — ок. 1843), педагог, историк и философ *675*

Полетика Петр Иванович (1778—1849), чиновник коллегии Министерства иностранных дел, дипломат 35—38, *635*

Полуект Вельяминович (первая половина XV в.), московский боярин 203

Понтий Пилат, римский префект (прокуратор) Иудеи с 25 по 36 гг. 376, *807*

Понятовский Станислав Август (1732—1798), последний польский король *846*

Попов Михаил Максимович (1800—1871), преподаватель естественной истории и словесности в Пензенской гимназии, учитель В. Г. Белинского, позднее чиновник III отделения тайной полиции *780*, *781*

Порошин Виктор Степанович (1811—1868), профессор статистики и политэкономии Санкт-Петербургского университета, покинувший его в 1847 г. *922*

Постельс Александр Филиппович (1807—1871), минералог, путешественник, учитель великого князя Александра Николаевича 103, *670*

Почетный Гусь Михаил *см.* Салтыков М. А.

Почетный Гусь Николай *см.* Карамзин Н. М.

Принц Прусский *см.* Фридрих Вильгельм IV
Прокопович-Антонский Антон Антонович (1762—1848), наставник в Московском университетском пансионе, впоследствии профессор Московского университета *807*
Прокопович Феофан (1681—1736), поэт и церковный деятель *633*
Прометей, персонаж древнегреческой мифологии 31,140
Прончищев Василий Васильевич (1702—1736), исследователь Арктики 127, *686*
Протасова Екатерина Афанасьевна (урожд. Бунина, 1770—1848), сводная сестра Жуковского, мать М. А. Мойер-Протасовой 11, 596, 598, 599, *621*, *622*, *625*, *626*, *938*, *976*, *977*, *987*
Протасова Елена Ивановна, тетка М. А. Мойер-Протасовой *621*, 625, *626*
Протасовы, сестры (Маша и Саша) *621*, *675*, *808*, *938*
Проташинский Василий Андреевич (1789 — не ранее сентября 1839), сводный брат М. А. Мойер-Протасовой, выпускник Московского университетского пансиона, поэт 597, *980*
Прудон Пьер Жозеф (1809—1865), французский экономист 487, *828*, *926*, *927*
Псковитч, вероятно, псевдоним неизвестного автора 1830-х гг. *829*
Птоломей Клавдий (первая пол. II в. н. э.), греч. геометр, астроном и физик 14, *626*
Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742—1775), предводитель крестьянской войны 1773—1775 гг. 147, *682*, *691*
Пустынник *см.* Кавелин Д. А.
Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) 239, 338—346, 598, 599, *623*, *667*, *723*, *732*, *739*, *749*, *761*, *764*, *765*, *767—770*, *772—779*, *785*, *797*, *805*, *835*, *876*, *888*, *958*, *959*, *976*, *981*, *985*, *987*
Пушкин Василий Львович (1766—1830), поэт, дядя А. С. Пушкина 40—45, 50, *628*, *637*, *638*, *642*
Пушкин Сергей Львович (1770—1848), отец А. С. Пушкина 339, 340, *772—774*
Пушкина Елена Григорьевна (урожд. Воейкова, в первом браке Немцова, 1778—1833), вдова московского актера-любителя, острослова А. М. Пушкина *824*
Пушкина Надежда Осиповна (урожд. Ганнибал; 1775—1836), мать А. С. Пушкина 346
Пушкина Наталья Николаевна (урожд. Гончарова, во втором браке Ланская, 1812—1863), жена А. С. Пушкина 340—346, *976*

Радзивиллы, князья *984*
Радовиц Йозеф фон (1793—1853), прусский государственный деятель и публицист 420—422, 490—514, *754*, *803*, *807*, *827*, *841*, *849*, *850*, *853*, *858*, *860*, *861*, *866*, *868*, *872*, *929—936*, *978*
Радовиц Мария Луиза Каролина фон (урожд. графиня Фосс, 1807—1889), его жена, дочь прусского дипломата 508—510, *934*
Радовиц Мария фон (1831—1846), их дочь 507—509, *933*
Разин Степан Тимофеевич (1630—1671), донской казак, предводитель народного бунта (1667—1671) 146, *682*, *691*
Разумовский Алексей Григорьевич (1709—1771), российский государственный деятель, гетман Малороссии 144
Райдель, немецкий юрист *914*

Райт Томас (1792—1849), английский гравер и живописец, автор гравированного портрета В. А. Жуковского *987*
Раевский Николай Николаевич (1801—1843), генерал-лейтенант, участник Отечественной войны, в 1837—1841 гг., начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии 363, *798*
Расин Жан (1639—1699), французский драматург 247, *730*
Растрелли Франц (Варфоломей Варфоломеевич, 1700—1771), итальянский архитектор, живший и работавший в России 271, *739*, *740*
Ратисбонн Мария Теодор (1802—1884), французский священник и миссионер *870*
Раумер Фридрих Людвиг Георг фон (1781—1873), немецкий историк 247, *729*, *730*
Раух Христиан Даниил (1777—1857), немецкий скульптор *981*, *982*, *985*
Рафаэль Санти (1483—1520), итальянский художник и архитектор 76, 464, *647*, *654*, *656*, *757*, *984*
Ревекка, библейский персонаж, жена Авраама 556, 557, *950*
Регнер Лодброг (Рагнер Лодброк; ум. 865), полумифический датский конунг 297, 319, *747*
Резанов Владимир Иванович (1867—1932), историк литературы *947*
Резвый Кот *см.* Северин Д. П.
Рейн *см.* Орлов М. Ф.
Рейналь Поль Шодрю де (1797—1845), племянник Жубера, издатель *867*
Рейнгольд Эмилий Иванович (1785—1867), педагог, действительный тайный советник, лейб-медик двора 103, *671*
Рейтерн Герхард Вильгельм фон (1794—1865), немецкий художник, тесть Жуковского 323, 399, 504, 597, *757*, *894*, *933*, *977*
Рейтерн Елизавета фон (в замуж. Жуковская Елизавета Евграфовна, 1821—1856), его дочь, жена Жуковского 399, *757*, *800*, *818*, *[825]*, *826*, *838*, *863*, *864*, *872*, *894*
Рейтерн Мария (Миа) фон (1822—1847), дочь Г. Рейтерна *803*, *804*
Рейтерн Христофор Христофорович (1824—1856), гвардии полковник, двоюродный брат Елизаветы Рейтерн *864*
Рени Гвидо (1575—1642), итальянский художник 77, *656*
Репнин Николай Васильевич (1734—1801), князь, генерал-фельдмаршал, дипломат 237, *846*
Рикар Доменик (1774—1803), французский аббат, переводчик Плутарха, 961
Рикорд Петр Иванович (1776—1855), адмирал, исследователь и путешественник 127, *687*
Робертсон Теодор, английский лексикограф *737*
Рогнеда Рогволдовна (ок. 960 — ок. 1000), княжна полоцкая 152
Родионов Ростислав Родионович (ок. 1800—1872), старший чиновник собственной канцелярии императрицы Александры Федоровны, душеприказчик Жуковского *920*
Родослав Ольгович (ум. 1407), сын Олега Ивановича Рязанского 192
Родриго Диас де Бивар (1040—1099), испанский военачальник эпохи Реконкисты *734*, *735*,
Розен Карл Густав (1655—1722), шведский генерал, участник Полтавской битвы 236
Роман Мстиславич (ок. 1150—1205), князь новгородский, волынский, галицкий, великий князь киевский 161, 163, 165, 167, 170, 177
Роман Святославич Красный (ум. 1079), князь тмутараканский 156
Романовы, императорская династия с 1721 г. 138, 413

Ростислав Владимирович (ум. 1065), князь ростовский, владимиро-волынский, тмутараканский 158
Ростислав Мстиславич (1108—1167), князь смоленский, новгородский, великий князь киевский 160, 161
Рубенс Питер Пауль (1577—1640), фламандский художник *625*
Рудольф II (1552—1612), австрийский эрцгерцог, император Священной Римской империи в 1576—1612 гг. *656*
Руссо Жан Жак (1712—1778), французский философ и писатель 84, 338, 462, [463], *658*, *660*, *674*, *758*, *869*, *899*
Рушковский Иван Александрович (ок. 1764—1832), помощник московскго почт-директора, с 1820 — московский почт-директор 598, *984*
Рюккерт Леопольд Эммануил (1797—1871), немецкий богослов *869*, *871*, *873*, *887*
Рюккерт Фридрих (1788—1866), немецкий писатель *984*
Рюрик (ок. 830—879), варяг, первый русский князь 51, 138, 141, 142, 151, 212, 413, *682*, *683*, *689*, *690*, *693*, *694*, *705*, *836*
Рюрик Ростиславич (ум. 1212), князь новгородский, овручский, черниговский, великий князь киевский 164, 165
Ряполовский Иван Иванович (первая половина XV в.), князь, московский боярин 205, 206, 208

Савватий Соловецкий (ум. 1435), основатель Соловецкого монастыря 209, *707*
Саин — Сартак (ум. 1256), сын Бату-хана, хан Золотой орды в 1255—1256 гг. 178
Саллюстий Гай Крисп (86—35 до н. э.), римский историк 227, 239, 584, *721*, *724*, *966*
Саломон Христофор Христофорович (1797—1851), петербургский врач, член Медицинского совета 340
Салтыков Михаил Александрович (1767—1851), сенатор, почетный член Московского опекунского совета с 1830 по 1849 гг. 48, 54—55, *641*
Самойлова Софья Александровна (в замуж. графиня Бобринская, 1797—1866), фрейлина императрицы Марии Федоровны, с 1821 г. жена графа А. А. Бобринского *743*, *985*
Санд Жорж (наст. имя Аврора Дюпен; 1804—1876), французская писательница *926*
Санхо Великий (970—1035), король Наваррский и Арагонский 252, 274, 277, 278, *734*
Санчо II, сын Фердинанда I *740*
Сара (Сарра), жена Авраама 556—560, *949*
Сарыхожа — Сары Ходжа, посол Золотой Орды 175
Сарычев Гавриил Андреевич (1763—1831), полярный исследователь, океанограф 127, *686*
Саси Антуан Исаак Сильвестер де (1758—1838), французский лингвист, полиглот 107, 111, *678*
Саути Роберт (1774—1843), английский поэт *748*, *821*
Сафо (Сапфо; р. ок. 650 до н. э.), древнегреческая поэтесса 227, *635*, *720*
Свенельд (X в.), воевода варяжского происхождения, соправитель Святослава Игоревича 152, *695*
Свечина Софья Петровна (урожд. Соймонова, 1782—1857), писательница, хозяйка католического салона в Париже, жена Н. С. Свечина *895*

Свидригайло Ольгердович (ок. 1373—1452), князь витебский, подольский и жидачевский, новгород-северский, черниговский и брянский, великий князь литовский, князь волынский 190, 193, 194, 198
Святополк Владимирович (979—1019), князь туровский, великий князь киевский 153, 154, 166, 180
Святополк (Михаил) Изяславич (1050—1113), великий князь киевский 157, *701*
Святослав Всеволодович (ок. 1123—1194), князь новгородский, туровский, волынский, новгород-северский, черниговский, великий князь киевский 160, 162, 163
Святослав Иванович (ум. 1386), великий князь смоленский 184, 185
Святослав Игоревич (942—972), великий киевский князь 151, 152, 212, *695*, *700*
Святослав Ольгович (1106/7—1164), князь новгородский, курский, стародубский и белгородский, новгород-северский, туровский, черниговский 160—162
Святослав Ярославич (1027—1076), князь черниговский, великий князь киевский 155—157
Северин Дмитрий Петрович (1792—1865), дипломат, посланник в Швейцарии, с 1837 г. в Мюнхене 35—44, 46, 48, 49, 52, 54—56, *635*, *636*, *920*, *922*
Седи-Ахмет — Сайид-Ахмад I (ум. после 1455), первый хан Большой Орды 210
Сезострис, египетский фараон 324
Сенека Луций Анней (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.), римский политический деятель, философ и писатель 239, *713*, *724*
Сенковский Осип Иванович (1800—1858), писатель и журналист, ученый арабист и тюрколог *755*
Сен-Пьер Жак-Анри Бернарден де (1737—1814), французский писатель *639*
Сентин Ксавье (Жозеф Ксавье; 1798—1865), французский писатель *786*
Серафим (в миру Глаголевский Стефан Васильевич, 1757—1843), с 1821 г. петербургский митрополит *670*
Сербинович Константин Степанович (1796—1874), журналист, историк *769*, *842*, *862*, *865*, *866*, *872*, *873*, *885—887*, *912*, *913*, *930*
Сервантес Сааведра Мигель де (1547—1616), испанский писатель *938*
Сергий Радонежский (1314 или 1322—1392), святой, иеромонах Русской церкви, основатель Свято-Троицкого монастыря 173, 180, 181, 184, 185
Сешель Мари-Жан Эро де (1759—1794), французский политический деятель *888*
Сибилла (1557—1627), сестра графа Баденского Мендера 397—399, *825*
Сигизмунд I Старый (1467—1548), великий князь литовский, король польский 214, *795*
Сигизмунд III Ваза (1566—1632), король Речи Посполитой, потом шведский король 360
Сигизмунд Кейстутович (ок. 1365—1440), князь мозырский, новогрудский и стародубский, великий князь литовский 198
Сидонский Федор Филиппович (в миру Баранов; 1805—1873), протоиерей, философ и писатель *871*
Симеон Бекбулатович (Саин-Булат; ум. 1616), касимовский хан, «Великий князь всея Руси», номинальный правитель русского государства с 1575 г. *835*
Симеон Дмитриевич (ум. 1401), князь суздальский 188
Симеон (Семен) Иванович (вторая половина XIV в.), князь вяземский 193
Симеон Иванович Гордый (1317—1353), князь московский и великий князь владимирский 173, 196, *707*

Симеон Константинович (ум. 1365), князь белогородокский 174
Синеус (IX в.), легендарный брат Рюрика 142, 151, *682*, *693*
Сиф, сын Адама и Евы (р. 130 г. от рождения Адама) 220, 221, 278, *714*
Скиргайло Ольгердович (1354—1397), князь трокский, полоцкий, киевский 184, 190
Скотт Вальтер (1771—1832), английский писатель *739*, *794*, *821*, *822*, *976*
Слебяшев Иакинф (XV в.), боярин 197
Случевский Константин Константинович (1837—1904), поэт *914*
Смирдин Александр Филиппович (1795—1857), издатель и книгопродавец 599, *987*
Смирнова Александра Осиповна (урожд. Россет, 1809—1882), фрейлина, с 1832 г. жена Н. М. Смирнова, мемуаристка *895*, *979*, *983*
Соймонов Леонтий Яковлевич (ум. 1742), генерал-лейтенант, астраханский губернатор, картограф 128, *687*
Сократ (ок. 469—399 до н. э.), древнегреческий философ 231, 232, 283
Солимена Франческо (аббат Чиччо, 1657—1747), итальянский художник 77, *657*
Соллогуб Софья Михайловна (урожд. Виельгорская, 1820—1878), жена писателя В. А. Сологуба *808*
Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900), поэт и философ *902*, *914*
Соловьев Михаил Федорович (1785—1856), педагог, химик и физик 103, *671*
Соловьев Николай Васильевич (ум. 1915), историк литературы, издатель *623—625*, *652*, *939*, *941*, *981*
Соломон, сын Давида, царь Израильско-Иудейского царства 11, 287, *625*
Сопиков Василий Степанович (1765—1818), книговед, основоположник отечественной библиографии 51, *642*
София Витовтовна (1371—1453), дочь Витовта Кейстутовича, жена Василия Дмитриевича 187
София Дмитриевна (ум. 1427), дочь Дмитрия Ивановича Донского, жена Федора Олеговича 184
Софокл (ок. 496—406 до н. э.), древнегреческий драматург *954*
Спаньолето (Рибера Хосе де, 1588—1656), испанский художник и гравер 77, *656*
Спасский Иван Тимофеевич (1795—1861), доктор медицины, домашний врач Пушкиных 340—342, 344, 773, 778
Сталь Анна Луиза Жермена де (урожд. Неккер, 1766—1817), французская писательница 83, *717*, *895*, *896*
Старушка *см.* Уваров С. С.
Статный Лебедь *см.* Муравьев Н. М.
Стефан Баторий (1533—1586), великий князь литовский, король польский 214
Евфимий (ум. 1458), архиепископ новгородский 215
Стефан Пермский (ум. 1396), епископ, проповедовал в землях коми, святой 186
Стош Луиза *см.* Клейст Луиза
Стрига Иван Васильевич (ум. 1478), князь оболенский, боярин и воевода Василия II и Ивана III 207—209, 214
Стриндберг Август (1849—1912), шведский писатель *796*
Строганов Григорий Александрович (1770—1857), граф, обер-камергер, дипломат, двоюродный дядя Н. Н. Пушкиной 345

Строганова Юлия Павловна (урожд. д'Альмейда, гр. д'Оейгаузен, 1782—1864), графиня, статс-дама, жена гр. Г. А. Строганова 345
Строгановы *650*
Стурдза Александр Скарлатович (1791—1854), государственный деятель, писатель и дипломат *769*, *770*, *806*, *868*, *869*, *873*
Стюарт, англичанин 399, 400
Суворов Александр Васильевич (1729 или 1730—1800), светлейший князь, генералиссимус 80, 279, 349, *658*, *659*, *741*, *846*
Судислав (ум. после 1233), галицкий боярин 168

Тагай (ум. после 1369), бек Золотой Орды 173
Тайдула (ум. 1361), жена хана Золотой Орды Узбека 181
Тамерлан (Тимур, 1336—1405), полководец, основатель империи тимуридов 182, 187—192, 195, *706*
Тассо Торквато (1544—1595), итальянский поэт *624*, *[717*, *718]*
Татищев Дмитрий Павлович, гр. (1770—1845), дипломат, посол в Австрии и Италии *790*
Тацит Публий Корнелий (ок. 58 — ок. 117), римский историк *961*
Твен Марк (наст. имя Сэмюэл Клеменс; 1835—1910), американский писатель *661*
Тегиня — Тегинэ-бей (первая половина XV в.), эмир правого крыла Золотой Орды, глава рода Ширин в Крыму 198
Текелий (Текели) Петр Абрамович (1720—1793), генерал-аншеф, участник многих войн 145
Телль (Тель) Вильгельм (Тель XIV в.), швейцарский национальный герой 80, 85, *658*, *659*, *661*
Темучин *см.* Чингисхан
Теренций Публий (ок. 195—159 до н. э.), римский комедиограф 241
Терстеген Герхард (1697—1769), немецкий писатель, теолог *813*
Тиверий (Тиберий Клавдий Нерон, 42 до н. э. — 37 н. э.), римский император с 14 г. 231
Тик Агнесса (р. 1805), дочь Л. Тика 75, *655*
Тик Амалия (урожд. Альберти, ум. 1837), жена Л. Тика с 1798 г. 75, *655*
Тик Доротея (1799—1841), дочь Л. Тика, его секретарь 75, *654*, *655*
Тик Людвиг (1773—1853), немецкий писатель 72, 74, 75, *653*
Тимолеон (411—337 до н. э.), древнегреческий полководец и правитель из Сиракуз 569, 570, *960*
Тимофан, брат Тимолеона *569*, *570*, *961*
Тимур Кутлуг, хан Золотой Орды в 1395—1399 гг. 190, 191
Титов Федор, камердинер Жуковского 596, 597, *977*, *979*
Тихон Задонский, св. (в миру — Тимофей, 1724—1783), иерарх, духовный писатель *870*, *871*
Тициан (Тициано Вечеллио, ок. 1476/1477 или 1489/1490—1576), итальянский художник *77*, *657*
Тишнер Иоганн (Иван Иванович), петербургский купец 597, *980*
Толстая Александра Андреевна (1817—1904), фрейлина великой княжны Марии Николаевны, двоюродная тетка Льва Николаевича Толстого *986*

Толстая Полина (Прасковья Васильевна; урожд. Барыкова, 1796—1879), подруга А. А. Воейковой 599, *979*
Толстой Лев Николаевич (1828—1910), граф, писатель *811*, *914*
Тома Леонард (1732—1785), французский писатель *962*, *963*
Томсон (Томпсон) Джеймс (1700—1748), английский поэт 271, *740*
Торвальдсен Бертель (1768 или 1770–1844), датский скульптор 85, *661*
Тохтамыш (ум. 1406), хан Золотой Орды 182, 183, 187—191, 194, 195
Тредиаковский Василий Кириллович (103—1768), поэт [43], *638*
Триннер Ксавье (1767—1824), швейцарский художник 80, *659*
Триниус Карл Антонович (Карл Бернгард; 1778—1844), академик, ботаник, преподаватель естественных наук для наследника 599, *671*, *985*
Трувор (IX в.), легендарный брат Рюрика 142, 151, *682*, *693*
Тургенев Александр Иванович (Эолова Арфа, 1784—1845), общественный и государственный деятель, археограф, камергер 16, 17, 18, 21, 22, 23, 26, 28, 31—47, 48, 49, 52, 54, 55, 341, 342, 344, 346, 597, 598, *627*, *643*, *650*, *651*, *654*, *656*, *659*, *660*, *722*, *757*, *760*, *768*, *773*, *774*, *777*, *778*, *781*, *797*, *847*, *848*, *854*, *855*, *953*, *955*, *956*, *976*, *979*, *980*, *985*
Тургенев Александр Михайлович (1772—1862), военный деятель, московский старожил, директор медицинского департамента Министерства внутренних дел *978*
Тургенев Андрей Иванович (1784—1803), поэт, переводчик, друг Жуковского *674*, *854*
Тургенев Иван Петрович (1752—1807), московский масон, директор Московского университета, отец братьев Тургеневых *985*
Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), писатель *663*, *823*
Тургенев Николай Иванович (1789—1871), общественный деятель, экономист, идеолог декабризма 48, 49, 52, 54, 55, *644*, *711*, *906*, *952*, *955*, *956*, *968*, *980*
Тургенев Сергей Иванович (1792—1827), дипломат, брат Александра, Андрея и Николая Тургеневых *650*, *[956]*
Тургенева Ольга Александровна (в замуж. Сомова; 1836—1872), дочь А. М. Тургенева *978*
Тургеневы, братья *980*
Турчанинова Елизавета Дементьевна (пленная турчанка Сальха; ок. 1754—1811), мать Жуковского *621*
Тучков Александр Алексеевич (1777—1812) генерал-майор, командир пехотной бригады в Отечественной войне 1812 г. 363, *798*
Тучкова Маргарита Михайловна (урожд. Нарышкина, в первом браке Ласунская, 1782—1852), жена генерал-майора А. А. Тучкова, в монашестве Мария, основательница Спасо-Бородинского монастыря 363, *798*
Тютчев Федор Иванович (1803—1873), поэт, дипломат *756*

Убри Петр Яковлевич (1774—1847), действительный статский советник, управляющий Коллегией иностранных дел, дипломат, посланник во Франкфурте *818*, *826*
Уваров Сергей Семенович (1786—1855), государственный деятель, в 1833—1849 гг. министр народного просвещения, президент Академии наук 16, 17, 18, 19, 21, 22, 26, 28, 31—43, 48, 49, 52, 54, 56, 627, *635*, *637*, *644*, *769*, *774*, *775*, *784*, *785*, *788*, *870*, *953*
Угэдэй (1186—1241), сын Чингисхана, великий хан Монгольской империи 169
Узбек-хан (ок. 1283—1341), хан Золотой Орды 182, 212

Уиллоби Хью (Sir Hugh Willoughby, ум. 1554), английский мореплаватель 127
Улак (первая половина XV в.), вельможа Золотой Орды 198
Уланд Людвиг (1787—1862), немецкий поэт *749*, *976*
Урус-хан (ум. 1377), хан Сырдарьинского улуса и Синей Орды, хан Золотой Орды 182, 189
Устери Иоганн Мартин (1763—1827), швейцарский поэт, или Устери Павел (1768—1831), швейцарский государственный деятель и писатель *652*
Устинов А. В., друг К. К. Мердера 327, *761*
Ушаков Александр Клеоникович (1803—1877), генерал от инфантерии, начальник штаба Второго армейского корпуса во время Венгерской кампании 1848 г. *924*
Ушаков Павел Петрович (1779—1853), генерал-адъютант, управляющий конюшенным отделением двора наследника 480

Фаберже Карл Густавович (1846—1920), известный российский ювелир, глава династии ювелирного искусства *650*
Фаллу Альфред Пьер (1811—1888), граф, французский политик и историк *895*
Фальконе Этьенн Мориис (1716—1791), французский скульптор, создатель памятника Петру I *767*
Фарнгаген (Варнгаген) фон Энзе Карл Август (1785—1858), немецкий писатель и критик *840*, *921*, *931*
Фатер Иоганн Северин (1771—1826), немецкий филолог и богослов 111, *678*,
Федр (ок. 15 до н. э. — ок. 70 н. э.), древнеримский баснописец *945*
Федор III Алексеевич Романов (1661—1682), царь всея Руси 139, *683*
Федор Иоаннович (1557—1598), последний русский царь из Рюриковичей, сын Ивана IV 138, 413, *683*, *836*
Федор Кузьмич, старец (Федор Томский; 1776 или 1777—1864) *772*
Федор Михайлович (ум. 1410), князь микулинский 192
Федор Ольгович (ум. 1427), великий князь рязанский 184, 192
Федор Юрьевич (вторая половина XIV в.), сын Юрия Святославича, последнего смоленского князя 193
Фейт Филипп (1793—1877), немецкий художник, пасынок Ф. Шлегеля 466, *901*
Фелленберг Филипп Эммануил (1771—1844), швейцарский педагог, филантроп и агроном 84, *660*, *661*, *674*, *675*
Фемистокл (524—459 до н. э.), афинский государственный деятель и военный 292, 488, 489, *745*,
Фенелон Франсуа Салиньяк де ла Мотт (1651—1715), французский писатель и педагог 243, *647*, *726*, *727*, *751*, *752*, *813*, *869*
Феодосий Печерский (ок. 1008—1074), святой, игумен Киево-Печерского монастыря 156
Феофил (813—842), византийский император 143
Фердинанд I Великий (1016—1065), первый кастильский король 253, 272, 274, 275, *735*
Филарет (в миру Дроздов Василий Михайлович, 1782—1867), митрополит московский и коломенский 364, *670*, *798*
Филипп II Македонский (382—336 до н. э.), царь Македонии, отец Александра Македонского) 140, 587, *971*
Финдлер, владелец сада (Финдлеров сад) в Дрездене 71

Финкенштейн Генриетта Амалия Доротея (1774—1847), графиня, подруга Л. Тика 75, *655*
Фирдузи Абулькасим (Фирдоуси ок. 940—1020 или 1030), персидский поэт 263, *737*, *839*
Фишер фон Вальдгейм Иоганн Готхельф (Григорий Иванович; 1771—1853), естествоиспытатель, ботаник, директор Санкт-Петербургского ботанического сада 103, 499, 500, 507, *671*
Флоренский Павел Александрович (1882—1943), религиозный философ, ученый, инженер *950*
Флориан де Клари Жан Пьер (1755—1794), французский писатель и проповедник *938*
Флоровский Георгий Васильевич (1893—1979), протоиерей, религиозный мыслитель *879*, *888*
Фовлер, епископ Глочестерский 562, 563
Фогель Фритц фон, немецкий генерал и ученый-изобретатель *931*
Фок Максим Яковлевич (Магнус Готфрид) фон (1777—1831), управляющий III отделением полиции *709*
Фомин Александр Александрович (р. 1868), историк литературы и педагог *956*, *957*, *982*
Фонвизин Денис Иванович (1744 или 1745—1792), писатель, просветитель *963*
Фонтан Луи де (1757—1821), французский поэт, государственный деятель 42, *638*
Фонтенель Бернар Ле Бовье де (1657—1757), французский писатель, ученый, популяризатор 58, *646*
Фор Раймонд (1786 — 1850), французский доктор, мемуарист, взятый в плен, живший в имении Плещеевых Чернь, адресат послания Жуковского *938*
Фосс, граф, шурин И. Радовица 508, *934*
Фосс Луиза (урожд. фон Берг, 1780 — после 1842), графиня, родственница Й.-М. Радовица 509
Фосс Иоганн Генрих (1751—1826), немецкий писатель [25], *631*
Фотий (ум. 1431), митрополит Киевский и всея Руси 197, 198, 201
Франк Семен Людвигович (1877—1950), русский религиозный философ *801*
Франклин Вениамин (Бенжамен, 1706—1790), американский политический деятель, писатель, моралист 283, 584, *742*, *743*
Франц I (1708—1765), император Священной Римской империи 296, *746*
Франц-Иосиф I (1830—1916), австрийский император *924*, *926*
Фредро Ян Максимилиан (1784—1845), граф, польский дипломат и писатель, адъютант Александра I *709*
Френсдорф Эмиль (1818—1909), немецкий политик, журналист и философ 499, 508, 510, *932*
Фрерон Эли Катрен (1718—1776), французский писатель и критик 83, *660*
Фридрих III Мудрый (XVI в.), курфюрст Саксонский *651*
Фридрих II Великий (1712—1786), прусский король, писатель 83, 115, 266, 296, 562, *659*, *679*, *712*, *725*, *738*, *746*, *757*
Фридрих Вильгельм II (1744—1797), король прусский в 1786—1797 гг. *846*
Фридрих Вильгельм III (1770—1840), король прусский с 1797 г., отец императрицы Александры Федоровны 422, 505, *710*, *840*, *934*, *937*, *964*
Фридрих Вильгельм IV (1795—1861), король прусский с 1840 г., с которым Жуковского связывала длительная переписка 330, 368, 420—423, 425, 426, 429, 431, 466, 496, 505,

[508], 512, 513, 597, *709*, *766*, *827*, *839*, *840*, *842*, *843*, *845*, *849—853*, *896*, *900*, *901*, *914*, *931*, *933*, *934*, *952*, *957*, *981—983*
Фридрих Каспар Давид (1774—1840), немецкий художник 72—74, 77, 598, *649*, *653*, *654*, *657*, *983*, *984*
Фукидид (460—396), древнегреческий историк 228, 240, 587, *721*, *724*, *735*, *970*, *971*
Фусс Павел Николаевич (Фус 1797—1855), педагог, математик, постоянный секретарь Российской академии наук 103, *671*

Хвостов Александр Семенович (1753—1820), писатель, член литературного общества «Беседа любителей русского слова» *633*
Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835), поэт, действительный тайный советник [27, 29, 30, 31], 56, *631—633*, *756*
Хемницер Иван Иванович (1745—1784), поэт-баснописец *945*
Хельвуд — Хильбудий, византийский полководец VI в. 141
Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807), писатель *799*
Хмельницкий Богдан Зиновий (1595—1657), гетман Украины, руководитель восстания против Речи Посполитой 144
Хозрой — Хосров I (501—579), шахиншах, правитель Ирана 143
Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), писатель, критик, славянофил *819*, *832*, *871*, *880*, *973*
Христофор (Кристофер III Баварский 1416—1448), король Дании, Швеции и Норвегии 203

Цезарь Гай Юлий (Юлий Кесарь 102—44 до н. э.), римский император и полководец 115, *679*, *712*
Цейзинг, придворный Фридриха II 562
Цестий Гай, претор, народный трибун *762*
Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.), римский политический деятель, оратор и писатель 227, 242, 287, 588, *720*, *726*, *744*, *971*

Чаадаев (Чадаев) Петр Яковлевич (1794—1856), философ и писатель *832*, *868*, *871*, *973*, *974*
Чайковская Мавра Алексеевна (урожд. Плещеева), сестра А. А. Плещеева *938*
Чанибек, Джанибек (ум. 1357), хан Золотой орды 181
Чарторыйский (Чарторижский) Адам Юрий (1770—1861), князь, польский и русский государственный деятель *709*
Чезаре да Сесто (1477—1523), итальянский художник, ученик Леонардо да Винчи *656*
Чезарини Джулиано (1398—1444), итальянский кардинал и дипломат 202
Ченслор Ричард (Richard Chancellor, ум. 1556), английский мореплаватель 127, 686
Черный Вран *см.* Плещеев А. А.
Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889), революционер-демократ, писатель и критик *914*
Честерфильд Филип Дормер Стенхоп (1604—1773), лорд, английский писатель и гос. деятель 561, 562
Чижевский Дмитрий Иванович (1894—1773), русский и немецкий славист, философ, палеограф *888*

Чингисхан (Темучин, Тэмуджин, ок. 1155 или 1162—1227), основатель и великий хан Монгольской империи 144, 161, 168, 169, 188, 210
Чириков Алексей Ильич (1703—1748), российский мореплаватель 127, *687*
Чичагов Павел Васильевич (1765—1849), адмирал, морской министр при Александре I 127, *686*
Чохов Андрей (ок. 1545—1629), литейщик, пушечный и колокольный мастер 359, *795*
Чу! *см.* Дашков Д. В.

Ш-к *см.* Шак Вильгельм Карл
Шадибек, хан Золотой Орды в 1399—1407 гг. 192—194
Шадов Иоганн Готфрид (1764—1850), немецкий скульптор *896*
Шак Адольф Фридрих фон (1815—1894), граф, немецкий писатель *838*, *839*, *841*, *844*, *845*
Шак Вильгельм Карл (1786—1831), немецкий военный деятель, адъютант прусского кронпринца, впоследствии генерал-майор 414
Шамбо Иван Павлович (1783—1848), личный секретарь императрицы Александры Федоровны в 1814—1848 гг., обучал наследника немецкому языку 103, 599, *670*, *986*
Шамприон (Леврие Шамп-Рион; 1749—1825), французский драматург *631*
Шарлотта Карловна *см.* Ливен Ш. К.
Шарлотта Прусская *см.* Александра Федоровна, императрица
Шатле Габриэль Эмили де (1706—1749), французская писательница *659*
Шатобриан Франсуа Рене де (1768—1848), французский писатель *647*, *867*,
Шахмат, посол Тохтамыша 186
Шаховской Александр Александрович (1777—1846), князь, поэт и драматург [25, 42, 51], *626*, *628*, *630—632*, *638*, *642*
Шаррон Пьер (1541—1603), французский богослов и философ 243, *726*
Шварц Бертольд (XIV в.), немецкий францисканский монах и ученый, изобретатель пороха 76, *655*
Шевырев Степан Петрович (1806—1864), историк русской литературы, поэт и журналист *803*, *807*, *862*, *871*, *923*
Шекспир Уильям (1564—1616), английский драматург и поэт 74, 75, *654*, *655*
Шемяка *см.* Дмитрий Юрьевич князь углицкий, галицкий, великий князь московский
Шереметев Борис Петрович (1652—1719), граф, генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I 237
Шидловский Юрий Ефимович (1807 — после 1849), педагог, цензор Петербургского цензурного комитета в 1840-х гг. *841*, *861*, *862*
Шикомат, посол Тохтамыша 183
Шиллер Фридрих (1759—1805), немецкий поэт, драматург и теоретик искусства XIII, 225, 244, 246, 248, 552, 598, *649*, *659*, *711*, *717*, *727*, *728*, *732*, *744*, *748*, *750*, *751*, *763*, *854*, *855*, *943*, *954*, *976*, *985*
Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790—1853), князь, директор департамента народного просвещения *632*, *633*, *862*, *863*, *923*
Шишков Александр Семенович (1754—1841), адмирал, министр народного просвещения, президент Российской академии, писатель [25, 28, 32] 42, [51], *627*, *631*, *632*, *635*, *638*, *642*, *748*, *953*
Шишков Вячеслав Яковлевич (1873—1945), писатель *642*

Шлегель Август Вильгельм (1767—1845), немецкий критик, переводчик 224, *654*, *655*, *717*, *896*
Шлегель Фридрих Вильгельм (1772—1829), немецкий философ, критик, брат А.-В. Шлегеля 74, *654*, *855*, *867*
Шлиппенбах Вольмар Антон фон (1653—1821), шведский генерал-майор 236,
Шляпкин Илья Алнесандрович (1858—1918), филолог, историк древнерусской литературы, палеограф *921*
Шнаазе Карл (1798—1845), немецкий искусствовед *970*
Шнейдер, немецкий разбойник 64
Шольц Вильгельм Богданович фон (1798—1860), доктор медицины 340, 773
Шпанберг Мартын Петрович (ум. 1761), российский мореплаватель датского происхождения 127, *687*
Шпацир Рихард Отто (1803—1854), немецкий политический писатель *754*
Шпис Христиан Генрих (1755—1799), немецкий писатель *629*
Штакельберг (Стакельберг) Густав Оттонович (1766—1850), граф, дипломат, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Неаполе в 1818—1835 гг. *838*
Штауффахер Вернер, швейцарский патриот XIV в. 79, *659*
Штейн Генрих Фридрих Карл фон (1757—1831), барон, прусский государственный деятель *952*, *953*
Штейнле Эдуард Якоб (1810—1886), немецкий художник и музыкант *901*
Штольберг Фридрих Леопольд фон (1750—1819), граф, немецкий писатель 225, *718*, *719*
Штраус Давид Фридрих (1808—1874), немецкий протестантский богослов и писатель *754*, *934*
Штруве Густав фон (1805—1870), немецкий юрист, политик, революционер, парламентарий 486, 487, *921*, *926*, *929*
Штюлер Фридрих Август (1800—1865), немецкий архитектор *901*
Шувалов (вероятно, Андрей Петрович; 1802—1873), граф, церемониймейстер *838*
Шуйский Василий (1552—1612) *836*
Шуйский Василий Юрьевич (ум. 1448), князь шуйский, князь суздальский 206
Шуйский Федор Юрьевич (ум. 1476), князь шуйский, князь суздальский 206

Эбель Иоганн Готфрид (1764—1830), швейцарский врач и географ 79, *658*
Эбергард, принц Клевский, упомянут под 1438 г. 203
Эверс Густав (1779—1830), профессор русской истории в Дерптском университете, сын Л. Эверса *645*, *817*
Эггеншвеллер (Эггеншвилер) Урс Панкраций (1766—1821), швейцарский скульптор *661*
Эдер (возможно, Вильгельм; 1780—1866), австрийский теолог и политик 507
Эдигей, Едигей (1352—1419), темник Золотой Орды, основатель Ногайской Орды 191, 194, 195, 210, *708*
Эзоп (6 в. до н. э.), древнегреческий баснописец *945*
Эзукай Багадур — Есугэй-баатур (ум. 1171), отец Чингисхана, предводитель монгольских племен 144
Эйлер Леонард (1707—1783), математик, механик, физик и астроном *671*
Элиезер 556, 557

Эмиль (Максимилиан Леопольд Август Карл, 1790—1856), принц, брат великого герцога гессенского, лейтенант австрийской службы *904*
Эмпедокл (ок. 495—435 до н. э.), древнегреческий философ 30, *634*
Энгель Иоганн Якоб (1741—1802), немецкий моралист, критик 249, *657*, *710*, *711*, *732*, *817*, *964*, *965*
Энгельс Фридрих (1820—1895), немецкий политический деятель, друг и соратник К. Маркса, один из основоположников научного коммунизма *851*
Энцелад, титан, восставший против Зевса 42, *637*
Эолова Арфа *см.* Тургенев А. И.
Эпаминонд (ок. 418—362 до н. э.), древнегреческий государственный деятель, фиванский правитель 570—573, *712*, *713*, *962*
Эразм Роттердамский Дезидерий (1469—1536), голландский писатель, философ *868*, *870*
Эрик XIV (1533—1577), шведский король 360, 361, *795*, *796*
Эрманарих или Германарих (IV в.), король остготов 140
Эспаньолет *см.* Рибера Хусепе ла Спаньолето
Эш Г. *см.* Еше

Юм Давид (1711—1746), английский философ и моралист 562
Юнг Эдвард (1683—1765), английский поэт *[869]*
Юрий (Георгий) Андреевич (ум. ок. 1194), князь новгородский, супруг-соправитель грузинской царицы Тамары 162
Юрий (Георгий) Васильевич (1441—1473), князь дмитровский и можайский, сын Василия II 209
Юрий (Георгий) Владимирович Долгорукий (ум. 1157), князь ростово-суздальский, великий князь киевский 159, 160, 162
Юрий (Георгий) Всеволодович (1188—1238), великий князь владимирский 164—167, 169, 171
Юрий (Георгий) Данилович (1281—1325), князь московский, великий князь владимирский, князь новгородский 212
Юрий Дмитриевич (1374—1434), князь звенигородский и галицкий, великий князь московский 191, 196—199
Юрий Лугвенович (Семенович, ум. 1460), князь мстиславский, новгородский 203, 204
Юрий Патрикеевич (первая половина XV в.), князь, московский боярин 205
Юрий Святославич (1353—1407), великий князь смоленский 184, 190, 192, 193
Юрьевич Семен Алексеевич (1798—1865), флигель-адъютант при наследнике 599, *986*
Юстиниан I Флавий Пётр Савватий (483—565), византийский император 141, *708*
Юсуповы *650*
Юхана, дочь польского короля Сигизмунда I *795*
Юшкова А. П. *см.* Зонтаг А. П.
Юшкова Екатерина Петровна (в замуж. Азбукина; ум. 1817), сестра А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг *938*

Ягайло (ок. 1362—1434), князь витебский, великий князь литовский, король польский 179—181, 184, 185, 187, 190, 197, 198
Ядвига (1373—1399), королева Польши, дочь короля Венгрии и Польши Людовика I 184

Языков Николай Михайлович (1803—1845), поэт *805*
Якоба (1558—1597), принцесса Баденская 397, *825*,
Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857), отставной капитан, декабрист *913*
Ян Фридрих Людвиг (1778—1852), немецкий педагог и общественный деятель *953*
Ярополк Владимирович (1082—1139), князь переяславский, великий князь киевский 158, 159
Ярополк Изяславич (ум. 1086), князь волынский и туровский 157
Ярополк Святославич (ум. 978), великий князь киевский старший сын Святослава Игоревича 152
Ярослав Владимирович Мудрый (ок. 978—1054), великий князь киевский 142, 153—156, 161, 170, 171, 185, 210, 212, *682*, *698*, *700*, *701*, *705*
Ярослав Владимирович Осмомысл (1135—1187), князь галицкий 159, 160, 164, 170, *702*
Ярослав Всеволодович (1139—1198), князь черниговский 163
Ярослав Всеволодович (1191—1246), князь переяславский, переяславль-залесский, новгородский, великий князь киевский, великий князь владимирский 165, 166, 168—170, *705*
Ярослав Изяславич, князь туровский, новгородский, луцкий, великий князь киевский 162
Ярослав Святославич (1071/72—1129), князь муромский и черниговский 158

Arndt E. M. *см.* Арндт Э. М.

Bacon (Baco) *см.* Бэкон Ф.
Byron *см.* Байрон Д.-Г.

Charron *см.* Шаррон
Condorcet *см.* Кондорсе

Dach Simon *см.* Дах Симон
Duméril *см.* Дюмериль

Engel *см.* Энгель И.-Я.

Fenelon *см.* Фенелон

Goethe *см.* Гёте И.-В.

Herder *см.* Гердер И.-Г.
Herodotus *см.* Геродот
Holidanes miss 598,
Homer *см.* Гомер

Kleist m-e *см.* Клейст Мария фон
Kleist m-elle *см.* Стош Л.

Levesque *см.* Левек
Lycurg *см.* Ликург

Miller *см.* Миллер И.

Pascal *см.* Паскаль
Périclès *см.* Перикл

Racine *см.* Расин
Raumer *см.* Раумер

Salluste *см.* Саллюстий
Sapho *см.* Сафо
Schiller *см.* Шиллер Ф.
Schlegel *см.* Шлегель Ф.
Stolberg *см.* Штольберг

Thucydide *см.* Фукидид

Vauvenargue *см.* Вовенарг Л.
Voltaire *см.* Вольтер

Wildermett m-elle *см.* Вильдермет М.-Л.

СОДЕРЖАНИЕ

Первый полутом

<ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА>

Муратовская вошь 9 621
<Программа, писанная рукою В. А. Жуковского> 11 624
Муратовский сморчок 12 625

АРЗАМАССКИЕ ПРОТОКОЛЫ И РЕЧИ

1. Протокол организационного заседания 15 627
2. Донесение <…> от Светланы 18 628
3. Протокол заседания 22 октября 1815 г. 22 629
4. Донесение <…> от Светланы 22 629
5. Протокол заседания 29 октября 1815 г. 22 630
6. Ответ Светланы на речь Громобоя 24 630
7. Протокол заседания 11 ноября 1815 г. 26 631
8. Речь Светланы 28 632
9. Протокол заседания 18 ноября 1815 г. 31 634
10. Протокол заседания 25 ноября 1815 г. 34 635
11. Протокол заседания 16 декабря 1815 г. 36 636
12. Протокол заседания 24 декабря 1815 г. 38 646
13. Протокол заседания 24 февраля 1816 г. 39 636
14. Протокол заседания в первой половине марта 1816 г. 40 637
15. Речь Светланы члену Вот, лежащему под шубами 42 638
16. Протокол заседания 15 марта 1816 г. 43 639
17. Речь, читанная при вручении диплома господину историографу в конце марта 1816 г. 46 639
18. От Арзамасского общества безвестных людей 47 640
19. Протокол заседания 24 декабря 1816 г. 48 640
20. Речь В. А. Жуковского при возвращении к обязанностям секретаря Арзамаса 49 641
21. В Общее собрание Нового Арзамаса <…> всепокорнейшее завывание . . . 52 643
22. Протокол заседания 13 августа 1817 г. 54 644
23. Прощальная речь Жуковского на заседании 18 сентября 1817 г. 55 644

О новой книге [Паррота: Entretiens sur la Physique] 57 645
Путешествие по Саксонской Швейцарии (в 1821) 60 646
Отрывки из писем о Саксонии 68 649
Отрывки из письма о Швейцарии 77 657

ДЕТСКИЕ СКАЗКИ

Волшебница 87 663
Рауль синяя борода 88 663
Колючая роза. 91 664
Братец и сестрица 93 665
Милый Роланд и девица ясный свет 96 666
Красная шапочка 97 667

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Проект плана учения <…> Наследника Цесаревича 100 668
План учения Его Императорского Высочества…
Цесаревича Александра Николаевича 104 671
<Педагогические речи> 122 680

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Введение в Историю Государства Российского 126 681
Черты Истории Государства Российского 150 692
История Государства Российского 172 704

О короновании Государя Императора Николая Павловича в Варшаве 215 708

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ

Собиратель

№ 1

Отрывки

I.
Взгляд на мир и на человека 218 714
II.
Смерть Адама 220 714
III.
Польза Истории для государей 222 714
IV.
Климат физический и нравственный 223 715

Выписки

I.
Ничтожность человека на земле 223 716
II.
Памятники 224 717
III.
Поэзия 224 717

IV.
Предание 226 720
V.
Письмо 227 720
VI.
История 227 716

Собиратель

№ II

Отрывки

I.
Человек 228 721
II.
Природа, преобразованная человеком 229 722
III.
Общество человеческое, преобразованное христианством 231 722
IV.
Gott und Natur 232 723
V.
Смертный и боги 234 723
VI.
Полтавский бой 235 723
VII.
Мысли, заимствованные из древних и новых классиков 239 724

Выписки

I.
Человек предмет истории. Воспитание рода человеческого.
Достоинство человека 241 725
II.
Природа человека и его отношения 242 726
III.
Породы и степени гражданственности 244 727
IV.
Уважение древних римлян к земледелию 246 729
V.
Homer 247 729
Lycurg 247 729
Thésée 247 730

Муравейник

№ I

Взгляд на землю с неба 248 733
Цид. Извлечение из древних романсов испанских 253 734

I. Цид в царствование короля Фердинанда 253 734
Le sort commun des hommes 261 736
Обращение Нортумберландии в христианство. Из древней хроники 262 736
Изображение аравитян. Из Фирдузи 263 736
Разговор Магометова праотца с неприятельским военачальником 263 737
Le langage des oiseau 263 737
Нас семеро I 264 737
Нас семеро II 265 737
Фридрих II 266 738
Разговор деда с внуком 266 738

№ II

Письмо к издателю 267 738
Цид II 272 740
Смерть Адама 278 741
Le lever du soleil au sommet de l'Etna. Fragmens d'un voyage en Sicile 278 741
Суворов на Сен-Готаре 279 741
Голодный аравитянин 280 742
Les seintes images 280 742
Пери и ангел 281 742

№ III

Способ обратить добродетель в привычку. Отрывок из записок Франклина 283 742
Перчатка 289 744
L'Etna. Fragmens d'un voyage en Sicile 291 744
Любовь к Отечеству 292 745
Les catacombes de Rome 292 745
Описание Алгамбры в древней Гренаде 293 745
Les arabes 294 746
Неожиданное свиданье. Быль 295 746
Надгробная песнь Регнера Лодброга 297 747
Две загадки 298 748

№ IV

Две были 299 748
О Петре Великом (Извлечено из чтения «Русской старины») 308 748
Спор 309 749
Замок на берегу моря 310 749
Два явления 311 749

№ V

Александр Невский 311 750
Сражение с змеем 312 750

Аристодем 316 751
Наставление Ментора Телемаку 316 752
Остров. 317 752
Каннитферштан. Быль 318 753
Песнь Регнера Лодброга 319 753

ПРОЗА 1830-Х ГОДОВ

Две Всемирные Истории. Отрывок письма из Швейцарии 322 753
Воспоминание о К. К. Мёрдере 327 759
Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 года. 329 763
Письмо Карамзина к графу Каподистрия 333 768
Последние минуты Пушкина 338 772
Пожар Зимнего дворца 347 782
Очерки Швеции 357 793
Бородинская годовщина 362 796

ПРОЗА 1840-Х ГОДОВ

<О бракосочетании наследника> 368 799
О смерти. Из письма к Н. В. Гоголю. 371 802
О молитве. Письмо к Н. В. Гоголю. 373 804
О внутренней христианской жизни 380 809
Самоотвержение власти 391 816
Нечто о привидениях 392 818
Что будет? 404 826
Письмо Русского из Франкфурта 406 828
Письмо к кн. П. А. Вяземскому о его стихотворении «Святая Русь» 407 829
О происшествиях 1848 года. Письмо к графу Ш-ку 414 838
Энтузиазм и энтузиасты 431 853

Отрывки

I. Христианская философия

Истина. 432 872
Вера 433 874
Промысл 438 876
Закон и грех 441 877
Плоть — дух 442 878
Таинство Причащения 443 880

II. Философия

Наука 448 884
Аксиомы 451 886
Две философии 452 887
Философический язык 452 887

Идея бытия 455 890
Свобода 456 890
Твердость и упрямство 456 891
Благотворение 457 891
Несчастие 457 892
Надежда 458 894
Случай 458 895
Воспоминание 458 896

III. Воспитание

Что такое воспитание? 460 897

IV. Искусство

Об изящном искусстве 463 899
История и историческая живопись 465 899

V. Мысли и заметки

Душа человеческая и род человеческий 467 902
Свобода преподавания 467 902
Цензура 468 903
Сила человеческая 468 904
Человек в обществе 469 905
Общее благо 469 905
Порядок общественный 470 906
Постановления 470 906
Любовь к отечеству 471 907
Государь и человечество 471 908
Терпеливость царя 471 908
Дисциплина 472 908
Деспотизм 472 909
Учение и действие 473 909
Самодержавие 474 910

О смертной казни 477 911
Русская и английская политика 480 919
Иосиф Радовиц. Биографический очерк 490 929
По поводу нападок немецкой прессы на Россию 515 935

ИЗ ЧЕРНОВЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ РУКОПИСЕЙ

Académie des curieux impertinents 518 938
Прозаические басни 552 943
Библейские повести 556 947
Анекдоты 561 951
<Мысли о воспитании> 563 952

<Голик и золото> 565 955
<Запись в альбоме великого князя Александра Николаевича> 565 956

Материалы, относящиеся к «Собирателю»

1. Свет и любовь 568 960
2. <Тимолеон> 569 960
3. <Эпаминонд и Пелопид> 570 962
4. <Речь философа Аполлония> 573 962
5. Подмосковная деревня 575 963
6. <Русский Государь должен быть предпочтительно русским…> 576 964
7. <Фундаментальное правило поступков> 577 964
8. <Бывают смутные времена…> 578 964
9. <Власть Государя не надежна…> 579 965
10. <Что такое любовь к Отечеству?> 580 966
11. <Что такое общее мнение…> 581 966
12. Дух времени 582 966
13. Мысли, заимствованные из древних и новых классиков 584 966
14. Выписки 584 967
15. <Смертный! смерти учись на могиле вечного града…> 584 967
16. <Евреи находят замечательные памятники…> 584 967
17. <Установления, институции суть не ограничение, а свобода государей> 585 967

Неизданный конспект по истории 586 968
Обозрение Всемирной истории 590 972
Обозрение поведения и прилежности в учении в последние полгода 1828-го 593 974
Завещание Жуковского 25 июня 1831 года 596 975

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. С. Янушкевич. Особенности прозы Жуковского 1810—1840-х годов 603
Преамбула к примечаниям 614
Примечания 621
Условные сокращения 989
Указатель имен 995

Научное издание

Василий Андреевич Жуковский

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В двадцати томах

Том 11

Первый полутом

Проза 1810—1840-х годов

Корректор О. Неклюдова

Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой

Подписано в печать 11.11.2016. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Minion Pro.
Усл. п. л. 84,49. Тираж 600. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4